

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЦК –
ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

JEWISH SLUTSK – TERRESTRIAL AND CELESTIAL

Memorial book of Slutsk and vicinity

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЦК – ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

Памятная книга Слуцка и его окрестностей

ББК 63.3
УДК 908
Е22

Редакторы-составители:
Шимшон Нахмани
Нохем Хинич

Е22 **Еврейский Слуцк — земной и небесный.** — М.: АО «Первая Образцовая типография», 2022 — 844 с.: ил.

Еврейское прошлое Слуцка, как и других городов и местечек, где долгие годы жили евреи, не должно быть забыто, и «Книга памяти» евреев Слуцка, переведенная на русский язык, — одно из весомых доказательств того, что этого не случится.

(Из предисловия доктора исторических наук Л. Смиловицкого к книге «Еврейский Слуцк — земной и небесный».)

The Jewish past of Slutsk, as well as other towns and settlements where Jews lived for many years, should never be forgotten, and the Memorial book of Slutsk Jews translated into Russian is solid proof that this will never happen.

(From the Foreword by L. Smilovitsky, PhD in History, to the book “Jewish Slutsk — Terrestrial and Celestial”.)

ББК 63.3
УДК 908

12+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Знак *í* в книге соответствует ивритской букве *ל* и читается как английское *h*.

ISBN 978-5-7164-1110-4

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА (предисловие редакторов книги, вышедшей на иврите, идише и английском языке)	19
Предисловие редакторов перевода на русский язык	21
Память — изкор. <i>Д-р Л. Смиловицкий</i>	22
ИСТОРИЯ ГОРОДА	33
Слуцк в энциклопедиях	33
Слуцк в годы Совета четырех земель	36
Исторические документы	37
Из Актовых книг общин	42
СЛУЦК В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ	51
СИНАГОГИ	87
ГОРОДСКИЕ РАВВИНЫ	89
РАССКАЗЫ О ГОРОДСКИХ РАВВИНАХ	99
Р. Йосеф Пеймер, сын р. Меера. <i>Ш.-Д. Маѓаршак, А. Паперна</i>	99
Р. Йосеф-Дов Соловейчик (Йоше-Бер). <i>Х. Лунский</i>	106
Р. Меер Пеймер. <i>Раввин Йосеф Пеймер-второй</i>	114
Р. Йосеф Пеймер, внук р. Йосефа Пеймера-первого. <i>Х.-А. Пеймер</i>	116
Р. Яков-Довид Виловский (Ридбаз). <i>Из разных источников</i>	126
РАВВИНЫ, ЖИВШИЕ В СЛУЦКЕ И МЕСТЕЧКАХ УЕЗДА	133
Р. Арье-Лейб Аронович. <i>Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)</i>	133
Р. Йекусиэль га-коѓен Каплан. <i>Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)</i>	133

Р. Борух, сын р. Якова (Шкловер) ¹	133
Р. Эли Зута	134
Р. Авром-Мойше га-лейви Шевелев	134
Р. Йерухем Дубров. <i>Раввин А. Левин</i>	135
Р. Менделе. <i>Из разных источников</i>	136
Р. Яков-Меер Кравчинский. <i>Раввин З. Голд, раввин Д. Кац</i>	137
Р. Арн Хаймен	140
Р. Арье-Лейб Неймарк	140
Р. Шмуэл-Дов Магаршак. <i>М. Магаршак</i>	141
Р. Шмуэл Мельцин. <i>Г.-Н. Магид (Штейнштейндер)</i>	143
Р. Нафтоли-Цви. <i>Г.-Н. Магид (Штейнштейндер)</i>	143
Р. Мойше-Биньомин Томашов	143
Р. Ошер Сандомирский	143
Р. Йехиэл-Михл Рабинович	143
Р. Яков-Элия. <i>З. Эпштейн</i>	144
Р. Борух-Бер Лейбович. <i>Раввин Н. Ваксман, Хен.</i>	146
Р. Зеэв Голд. <i>Раввин Д. Кац</i>	150
Р. Мойше-Иссохар Голдберг	153
Р. Йегуда-Цви Мельцер	153
Р. Нехемья Ерузелимский. <i>С. Асаф, Х. Асаф.</i>	154
Р. Симха Асаф (Осовский). <i>Д. П.</i>	158
Р. Хаим-Фишл Эпштейн. <i>Б. Эпштейн.</i>	161
Р. Авром-Арн Песин. <i>Н. Хинич.</i>	163
ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ	165
Эпоха «Ховевей-Цион» от 1890-х гг. до VII сионистского конгресса. <i>Ш. Менахем</i>	165
Из наследия Гилела Дуброва	169
Из прошлых времен. <i>Проф. М. Ваксман.</i>	177
Еврейская самооборона в Слуцке. <i>Ш. Менахем</i>	183
Три встречи. <i>Д-р А. Домнич</i>	184
«Цеирей-Цион». <i>Ноех.</i>	187
Сионистская молодежь в подполье. <i>Ц. Га-Гивати (Хазанович)</i>	191
Суд над сионистской молодежью. <i>А. Некрич</i>	204
То, что было. <i>Ф. Эфрон</i>	210
Возникновение и падение Бунда. <i>М. Тульман</i>	221
ОБРАЗОВАНИЕ	227
Учебные заведения. <i>Н. Хинич</i>	227
Бастион Торы. <i>Раввин Н. Ваксман</i>	233

¹ Составители книги не везде указывают имена авторов очерков. С момента ее выхода в свет прошло столько лет, что установить авторство не представляется возможным (здесь и далее прим. ред. перевода, если не указано иное).

Глава йешивы. <i>Раввин Й.-Э. Генкин</i>	243
Йешива «Эц-хаим». <i>Раввин Ц.-Й. Мельцер</i>	246
Суд над йешивой. <i>Раввин О. Сандомирский</i>	252
«Прогрессивный хедер». III. <i>Нахмани</i>	256
Письма Аврома Эпштейна	260
Еврейское училище. <i>Р. Беркович</i>	266
ВОСПОМИНАНИЯ	269
Небесный Слуцк. <i>И.-Д. Б.</i>	269
Памятник нашему городу. <i>Я.-Д. Абрамский</i>	274
Мой Слуцк. <i>М.-Л. Горин</i>	279
Что я помню о Слуцке. <i>Э. Шульман</i>	283
Крупницы воспоминаний. <i>М. Стругач</i>	293
Улочка Нишке-квасника. <i>П. Шапиро-Механик</i>	298
Занятия и профессии жителей Слуцка. <i>Н. Хинич</i>	300
Моя юность в Слуцке. <i>Я. Пат</i>	310
Слуцк, мой второй дом. <i>Л.-Э. Фогельман</i>	315
Лето 1919 года в Слуцке. <i>Н. Канторович</i>	319
Безвластие	322
Любань во власти бандитов. <i>Б. Вольфсон</i>	325
Любань в переходный период. <i>Э. Капчиц</i>	333
Слуцк в моей памяти. <i>Г. Ланг</i>	335
Старобин, Погост, Слуцк... <i>Раввин Н. Ваксман</i>	345
Достаточно закрыть глаза... <i>Проф. Ц. Разран</i>	346
О временах моего детства. <i>З. Глускин</i>	249
Детские годы. <i>Ц.-Г. Маслянский</i>	358
Из Копыля в Слуцк. <i>Й. Моргенштерн</i>	364
Город Торы и Гаскалы. <i>Д-р А. Домнич</i>	367
Слуцк и его обитатели. <i>Б. Домнич</i>	370
Из недавнего прошлого. <i>Раввин М.-И. Голдберг</i>	377
Воспоминания еврейского революционера. В слуцкой тюрьме. <i>Б. Михалевич</i>	387
Ицхок-Лейбуш Перец в Слуцке. <i>Н. Хинич</i>	390
Из Слуцка — в Эйн-Ганим. <i>Й. Символ</i>	391
При советской власти. <i>М.-Л. Горин</i>	395
Слуцк между мировыми войнами	398
ПОРТРЕТЫ	403
Гилел Дубров. III. <i>Н.</i>	403
Авром-Ицхок Шпилькин. <i>Н. Х.</i>	405
Рувен Альтман	407
Мойше Ярхо	409
Йосеф Чернихов	410

Ицхок-Цви Бродоцкий	410
Шимшон Нахмани (Нахманович)	411
Элийогу Яркони (Гринфельд)	411
Д-р Шрага-Файвл Мельцер	412
Д-р Мойше Хигер	413
Мордхе Хазанович, учитель иврита. <i>Ц. Га-Гивати (Хазанович)</i>	413
Раби Шахне-шамес. <i>Д-р М. Хигер</i>	418
Хаим Кривицкий. <i>Р. Ривин</i>	420
Пейсах Карон, он же Пейсах Эзрес. <i>И.-Д. Беркович</i>	421
Слуцкие портреты. <i>Х. Зейдес</i>	426
Лейба Йойх. <i>Раввин М.-И. Голдберг</i>	428
ИМИ ГОРДИТСЯ СЛУЦК	431
Доктор Носн Клоц. <i>Проф. М. Ваксман</i>	431
Яков-Нафтоли Симхони (Симхович)	433
Проф. Меер Ваксман	435
Роза Симхович	436
Раввин Нисн Ваксман	437
Исроэл Левин	437
Шимен Магаршак	438
ПИСАТЕЛИ, УРОЖЕНЦЫ СЛУЦКА И ОКРЕСТНОСТЕЙ	439
Шолом-Яков Абрамович (Менделе Мойхер-Сфорим)	439
Йеѓуда Грозовский ²	442
Авром Эпштейн (Аба Ариха). <i>И.-Н. Адлер</i>	442
Залмен Вендров	443
Яков Каган	445
Ицхок-Дов Беркович	447
Эфроим Лисицкий	448
Борух Кацнельсон	450
Рувен Валенрод	452
Авром Регельсон	452
Авром-Яков Паперна	453
Авром-Яков Зингер	454
Майкл (Михл) Френкель	455
Морис (Гершон) Ѓиндус	455
Арн Нисензон	456

² В Электронной еврейской энциклопедии и Википедии писатель фигурирует как Гразовский.

СЛУЦК В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	457
Песня о Слуцке неизвестного автора	457
Менделе Мойхер-Сфорим. Из книг «Ба-йомим <i>зо-зём</i> », «Шлойме реб Хаимс»	458
Авром Эпштейн. Из книги «Решумот»	473
Ицхок-Дов Беркович. «Га-ришоним ки-вней-адам!» «Угеркес». «Дер лецтер»	478
Эфроим Лисицкий. «Эле толдот адам»	488
Рувен Валенрод. «Бе-эйн дор»	496
Залмен Вендров. «Ойфн швел фун лебн»	499
Авром-Яков Паперна. «Копыль»	506
 ИХ ЗНАЛИ ВСЕ	521
Реб Рефоэл-Йосл. Н. Хинич, раввин Х. Зейдес	521
Цви-Гирш Дайнов (Слуцкий Магид). М.-Л. Горин, Й.-Л. Гордон	525
Элийоу (Эли) Чарный. М.-Л. Горин	531
Хаим-Михл Гутцайт. М.-Л. Горин	533
Файвл Хорех, городской шамес. Раввин Н. Ваксман	533
Шмуэл Вендров, шамес из «Клойза». Раввин Н. Ваксман	535
Носн Фишкин-Горн, шамес из Роговой синагоги. Раввин Н. Ваксман	536
«Клойз» Исерке и его последний шамес Исроэл Фелер. Раввин Н. Ваксман	538
Городские сумасшедшие	541
 МЕСТЕЧКИ ВОКРУГ СЛУЦКА	545
Уречье. Н. Хинич	545
Глуск. Из разных источников	547
Грозово (Грозов). Ш. Александрони и др. источники	548
Вызна. И. Кантор, Р. Валенрод и др. источники	558
Верхутино. Хен	564
Тимковичи. Раввин М.-А. Палеев, С. Каждан-Нахмани и др. источники. . . .	566
Любань. Р. Фейгенберг-Имри, М.-Г. Финкельштейн, Й. Кикоин, Р. Фейгенберг-Имри и др. источники	577
Старобин. А. Хинич, раввин Н. Ваксман, Р. Ривин, И.-Н. Адлер и др. источники	611
Старые Дороги. Хен, Ш. Бернштейн	640
Погост. Х. Кунцер и др. источники	647
Копыль. Из разных источников	652
Романово. А. Домнич, Х. Зейдес, Б. Домнич и др. источники	657
Греск. М.-Л. Г.	663
Горки. Й. Нозик, Х. Зейдес	664
Семежево. С. Каждан-Айзенсон и др. источники	670

СЛУЦКІЕ БАЙКІ	673
От Х. Зейдеса	673
От р. Н. Ваксмана	676
От Р. Ривина	676
ХАСИДИЗМ В СЛУЦКЕ	679
Бешт в Слуцке в 1739 г. Раби Й.-И. Шнейерсон	679
Бешт предсказывает. С. Дубнов	682
Пропаганда против хасидизма. Из антологии «Сефер ѓа-хасидус»	683
Слуцкие хасиды. Ноех	685
КАТАСТРОФА	687
Слуцк: слава и гибель. Раввин Н. Ваксман	687
Уничтожение слущких евреев. Д. Млодинов и др. источники	693
Партизанская война евреев в Восточной Европе. М. Каганович и др. источники	695
Слуцк после освобождения. М. Ѓиндус	703
Разрушение Старобина. Х.-С. Ровнич	707
Письма из Слуцка и Любани. Л. Флейшер; Фаня	709
СЛУЧЧАНЕ И ЧЛЕНЫ ИХ СЕМЕЙ, ПОХОРОНЕННЫЕ В СТРАНЕ ИЗРАИЛЯ	715
СЛУЧЧАНЕ В АМЕРИКЕ . И. Швейдельсон, Х. Зейдес	743
НАШИ ЗЕМЛЯКИ . Н. В.	757
РАЗМЫШЛЕНИЯ ВНУКА О СЛУЦКЕ . Раввин И. Ракман	779
НАСЛЕДИЕ СЛУЦКА . Проф. М. Ваксман	783
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ . Раввин Н. Ваксман	787
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ	791
ПОСЛЕСЛОВИЕ . А. Порфирьев	797
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	801
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	809
NAME INDEX	827

TABLE OF CONTENTS

HOW DOES THIS BOOK CAME ABOUT	
(foreword by the editors of the book in Hebrew, Yiddish, and English)	27
Foreword by the editors of the Russian translation.	29
Memory – Yizkor. <i>Dr. Leonid Smilovitski</i>	29
HISTORY OF THE CITY	33
Slutsk in encyclopedias	33
Slutsk in the Council of Four Lands period	36
From historical sources	37
From the Communities' Register of Deeds	42
SLUTSK AS REFLECTED BY PERIODICALS	51
SYNAGOGUES	87
CITY RABBIS	89
STORIES ABOUT THE CITY RABBIS	99
Rabbi Yossef Peimer, the son of Rabbi Meir. <i>S.-D. Maharshak, A. Paperna</i>	99
Rabbi Yossef-Dov Soloveitchik (Yoshe-Ber). <i>H. Lunsky</i>	106
Rabbi Meir Peimer. Rabbi Yossef Peimer II.	114
Rabbi Yossef Peimer, grandson of Rabbi Yossef Peimer I. <i>H.-A. Peimer</i>	116
Rabbi Yaakov Dovid Wilovsky (Ridbaz). <i>Various sources</i>	126
RABBIS WHO LIVED IN SLUTSK AND VICINITY	133
Rabbi Aryeh-Leib Aronowitz. <i>G.-N. Magid (Steinschneider)</i>	133
Rabbi Yekusiel ha-kohen Kaplan. <i>G.-N. Magid (Steinschneider)</i>	133
Rabbi Boruch, the son of Rabbi Yaakov (Schklover) ³	133

³ The authors of the book have not always provided the names of the authors of the essays. So many years have passed since its publication that authorship cannot be established (hereafter, translation editors note, unless otherwise specified).

Rabbi Eli Zuta	134
Rabbi Avrom-Moishe ha-layvi Shevelev	134
Rabbi Yeruham Dubrov. <i>Rabbi A. Levin</i>	135
Rabbi Mendele. <i>Various sources</i>	136
Rabbi Yakov-Meir Krawczynski. <i>Rabbi Z. Gold, Rabbi D. Katz</i>	137
Rabbi Arn Hyman.	140
Rabbi Aryeh-Leib Neymark	140
Rabbi Shmuel-Dov Maharshak. <i>M. Maharshak</i>	141
Rabbi Shmuel Meltsin. <i>G.-N. Magid (Steinschneider)</i>	143
Rabbi Naftali Zvi. <i>G.-N. Magid (Steinschneider)</i>	143
Rabbi Moishe-Binyomin Tomashov	143
Rabbi Osher Sandomirsky	143
Rabbi Yechiel Michel Rabinowitz.	143
Rabbi Yakov-Elia. <i>Z. Epstein</i>	144
Rabbi Boruch-Ber Leibowitz. <i>Rabbi N. Waxman, Hen.</i>	146
Rabbi Zeev Gold. <i>Rabbi D. Katz</i>	150
Rabbi Moishe-Issokhar Goldberg	153
Rabbi Yehuda-Zvi Meltzer	153
Rabbi Nehemiah of Yeruzelim. <i>S. Asaf, H. Asaf</i>	154
Rabbi Simha Asaf (Osowsky). <i>D. P.</i>	158
Rabbi Haim-Fischl Epstein. <i>B. Epstein</i>	161
Rabbi Avrom-Arn Pesin. <i>N. Chinitz</i>	163
MOVEMENTS AND PARTIES	165
The Hovevei Tzion era from the 1890s to the Seventh Zionist Congress. <i>Sh. Menachem</i>	165
From the legacy of Hillel Dubrov.	169
Bygone days. <i>Prof. M. Waxman</i>	177
Vigilantes in Slutsk. <i>Sh. Menachem</i>	183
Three encounters. <i>Dr. A. Domnitz</i>	184
The Zeire Zion. <i>Noeh</i>	187
The Zionist youth in the underground. <i>Z. Ha-Givati (Hazanowitz)</i>	191
The trial of Zionist youth. <i>A. Nekritz</i>	204
What was. <i>F. Ephron</i>	210
Rise and fall of the Bund Movement. <i>M. Tulman</i>	221
INSTITUTIONS	227
Educational institutions. <i>N. Chinitz</i>	227
A fortress of Torah. <i>Rabbi N. Waxman</i>	233
Head of yeshivah. <i>Rabbi Y. E. Henkin</i>	243
Yeshivah 'Etz Chaim'. <i>Rabbi Z.-Y. Meltzer</i>	246
The trial of the Yeshivah. <i>Rabbi O. Sandomirsky</i>	252
The modern heder. <i>Sh. Nachmani</i>	256

Letters of Avrom Epstein	260
Hebrew School. <i>Rabbi Berkowitz</i>	266
MEMORIES	269
Celestial Slutsk. <i>Y.-D. B.</i>	269
Memorial to our town. <i>Y.-D. Abramsky</i>	274
My Slutsk. <i>M.-L. Gorin</i>	279
My memories of Slutsk. <i>E. Schulman</i>	283
Crumbs of memory. <i>M. Strugach</i>	293
Nishke Kvassnik Alley. <i>P. Shapiro-Mechanik</i>	298
Occupations and professions of Slutsk residents. <i>N. Chinitz</i>	300
My youth in Slutsk. <i>Y. Patt</i>	310
Slutsk, my second home. <i>L.-E. Fogelman</i>	315
Summer of 1919 in Slutsk. <i>N. Kantorowitz</i>	319
Between Governments.	322
Luban at the mercy of bandits. <i>B. Wolfson</i>	325
Luban in Transition. <i>E. Kapchitz</i>	333
Slutsk in my memory. <i>H. Lang</i>	335
Starobin, Pohost, Slutsk ... <i>Rabbi N. Waxman</i>	345
It's enough to close my eyes ... <i>Prof. Tz. Razran</i>	346
Of my childhood days. <i>Z. Gluskin</i>	349
Childhood years. <i>Tz.-H. Maslyansky</i>	358
From Kapulie to Slutsk. <i>Y. Morgenstern</i>	364
The town of Torah and the Haskalah. <i>Dr. A. Domnitz</i>	367
Slutsk and its inhabitants. <i>B. Domnitz</i>	370
From the recent past. <i>Rabbi M.-I. Goldberg</i>	377
Memories of a Jewish revolutionary. In Slutsk prison. <i>B. Mikhalevitz</i>	387
Yitzchok-Leibush Peretz in Slutsk. <i>N. Chinitz</i>	390
From Slutsk to Ein Ganim. <i>Y. Symvol</i>	391
Under the Soviets. <i>M.-L. Gorin</i>	395
Slutsk in the Interbellum	398
PORTRAITS	403
Hillel Dubrov. <i>Sh. N.</i>	403
Avrom-Yitzchok Shpilkin. <i>N. H.</i>	405
Ruven Altman	407
Moishe Yarkho	409
Yossef Chernyakhov	410
Yitzchok-Tzvi Brodovsky	410
Shimshon Nachmani (Nachmanowitz)	411
Eliyohu Yarkoni (Greenfeld)	411
Dr. Shraga-Feivl Meltzer	412

Dr. Moische Higer	413
Mordhe Hazanowitz, Hebrew teacher. <i>Tz. Ha Givati (Hazanowitz)</i>	413
Rabbi Shahneh the Shames. <i>Dr. M. Hyger</i>	418
Haim Krivitsky. <i>R. Rivin</i>	420
Paysakh Karon, aka Paysakh Ezres. <i>Y.-D. Berkowitz</i>	421
Slutsk portraits. <i>H. Zeides</i>	426
Leiba Joach. <i>Rabbi M.-I. Goldberg</i>	428
PRIDE OF SLUTSK	431
Dr. Nosn Klotz. <i>Prof. M. Waxman</i>	431
Jacob-Naftoli Simhoni (Simhowitz)	433
Prof. Meer Waxman	435
Rosa Simhowitz	436
Rabbi Nisn Waxman	437
Yisroel Levin	437
Shimen Maharshak	438
WRITERS, NATIVES OF SLUTSK AND VICINITY	439
Sholom-Yakov Abramowitz (Mendele Moycher-Sforim)	439
Yehuda Grozovsky ⁴	442
Abraham Epstein (Aba Ariha). <i>I.-N. Adler</i>	443
Zalmen Vendrov	445
Yakov Kahan	447
Yitzchok-Dov Berkowitz	448
Ephroim Lisitsky.	450
Boruch Katznelson	452
Ruven Walenrod	452
Avrom Regelson	453
Avrom-Yakov Paperna	454
Avrom-Yakov Zinger	454
Michael (Michl) Frenkel	455
Maurice (Gershon) Hindus	455
Arn Nisenzon	456
SLUTSK IN JEWISH LITERATURE	457
Song about Slutsk by an unknown author	457
Mendele Moycher-Sforim. <i>From Ba-yomim ho-hem, Shloime reb Haims</i>	458
Abraham Epstein. <i>From Reshumot</i>	473
Yitzchok-Dov Berkowitz. <i>Ha-rishonim ki-vnei adam!, Ugerkes, Der lezter</i>	478
Ephroim Lisitsky. <i>Ele toldot adam</i>	488
Ruven Walenrod. <i>Be-ain dor</i>	496

⁴ In the Electronic Jewish Encyclopedia and Wikipedia, the writer is listed as Grazovsky.

Zalmen Vendrov. <i>Oifn shwel fun lebn</i>	499
Avrom-Yakov Paperna. <i>Kapulie</i>	506
EVERYONE KNEW THEM	521
Reb Refoel-Yosl. <i>N. Chinitz, Rabbi H. Zeides</i>	521
Tzvi Hirsh-Dainov (Magid of Slutsk). <i>M.-L. Gorin, Y.-L. Gordon</i>	525
Eliyohu (Eli) Charny. <i>M.-L. Gorin</i>	531
Haim-Michl Gutzeit. <i>M.-L. Gorin</i>	533
Faivel Horeh, town schamasch. <i>Rabbi N. Waxman</i>	533
Shmuel Vendrov, schamasch of Kloyz. <i>Rabbi N. Waxman</i>	535
Nosn Fiskin-Horn, schamasch of Horn Synagogue. <i>Rabbi N. Waxman</i>	536
Kloyz Yiserke and the last schamasch Yisroel Felaer. <i>Rabbi N. Waxman</i>	538
Local madmen	541
THE VICINITY OF SLUTSK	545
Urechye. <i>N. Chinitz</i>	545
Hlusk. <i>Various sources</i>	547
Hrozovo (Grozov). <i>Sh. Alexandroni and other sources</i>	548
Vyzna. <i>Y. Kantor, R. Walenrod and other sources</i>	558
Verkhutino. <i>Hen</i>	564
Timkovichy. <i>Rabbi M.-A. Paleyev, S. Kazhdan-Nachmani and other sources</i>	566
Luban. <i>R. Feigenberg-Imri, M.-G. Finkelstein, Y. Kikoin, and other sources</i>	577
Starobin. <i>A. Chinitz, Rabbi N. Waxman, R. Rivin, I.-N. Adler and other sources</i>	611
Starye Dorohi. <i>Hen, Sh. Bernstein</i>	640
Pohost. <i>H. Kunzer and other sources</i>	647
Kapulie. <i>Various sources</i>	652
Romanovo. <i>A. Domnitz, H. Zeides, B. Domnitz and other sources</i>	657
Hresk. <i>M.-L. G.</i>	663
Horki. <i>Y. Nozik, H. Zeides</i>	664
Semezhevo. <i>C. Kazhdan-Aizenson and other sources</i>	670
SLUTSK TALES	673
From H. Zeides	673
From Rabbi N. Waxman	676
From R. Rivin	676
HASSIDISM IN SLUTSK	679
Besht in Slutsk in 1739. <i>Rabbi Y.-Y. Schneerson</i>	679
Besht foretells. <i>S. Dubnov</i>	682
Anti-Hassidism propaganda. <i>From the Sefer Ha Hasidus anthology</i>	683
Hassids of Slutsk. <i>Noeh</i>	685

SHOAH	687
Slutsk: its glory and its destruction. <i>Rabbi N. Waxman</i>	687
Extermination of Slutsk Jews. <i>D. Mlodinov and other sources</i>	693
Jewish guerrilla warfare in Eastern Europe. <i>M. Kaganowitz and other sources</i>	695
Slutsk after liberation. <i>M. Hindus</i>	703
The destruction of Starobin. <i>H.-S. Rovnitz</i>	707
Letters from Slutsk and Luban. <i>L. Fleischer; Fania</i>	709
SLUTSKITES AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES BURIED IN THE COUNTRY OF ISRAEL	715
SLUTSKITES IN THE USA. <i>Y. Schweidelson, H. Zeides</i>	743
OUR COMPATRIOTS. <i>N. V.</i>	757
GRANDSON'S THOUGHTS ON SLUTSK. <i>Rabbi I. Rakman</i>	779
LEGACY OF SLUTSK. <i>Prof. M. Waxman</i>	783
IN CONCLUSION. <i>Rabbi N. Waxman</i>	787
ETERNAL MEMORY	791
EPILOGUE. <i>Dr. A. Porfiriev</i>	797
INDEX OF GEOGRAPHICAL NAMES	801
NAME INDEX	809
NAME INDEX (ENGLISH)	827

Нью-йоркские члены комитета по подготовке памятной книги. *Стоят (справа налево):* Шмуэл Рахлин с супругой, Арн Рольник, Хая Майзель, Эликс Рейхман. *Сидят:* р. Нисн Ваксман, Авром Майзель, Элийогу Альтман

Члены совета слуцкого землячества в Израиле. *Сидят (справа налево):* Арье Шапиро, Цви Га-Гивати (Хазанович), Шимшон Нахмани, Нохем Хинич, Борух Домнич. *Стоят:* Липа Кикоин, Цви Асаф, Шимен Магаршак

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ КНИГИ, ВЫШЕДШЕЙ НА ИВРИТЕ, ИДИШЕ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Идея увековечить память евреев Слуцка и окрестных местечек возникла у выходцев из Слуцка, живущих в Израиле, еще до создания государства. Сначала было предложено посвятить им памятную книгу. Затем, после того как в Израиле побывали представители слущкого землячества в Нью-Йорке — д-р Бунин, Гарри Лефрак с супругой и Исроэл Швейдельсон, — концепция изменилась. Решено было увековечить память Слуцка в виде какого-либо общественного израильского учреждения, которое будет носить имя Слуцка.

После долгих переговоров, бесед и обмена мнениями недалеко от мошава Магдиэль⁵ был построен «Бейт-Слуцк»⁶ — больница для туберкулезников, действующая под эгидой больничной кассы. Деньги были пожертвованы уроженцами Слуцка, жившими в Нью-Йорке.

Тем не менее мы, мечтавшие о книге, не удовлетворились появлением этого лечебного заведения и продолжали искать возможность издать книгу, поскольку, на наш взгляд, с исторической точки зрения это гораздо важнее любого общественного института. Наша цель заключалась в том, чтобы отразить в этой книге жизнь Слуцка и окрестных местечек, описать образ жизни и историю тамошних жителей на протяжении нескольких веков и, наконец, сохранить образы прошлого и воспоминания.

В процессе работы по поиску и сбору материалов нам стало известно, что некоторое время назад этим же занимался покойный ныне профессор Симха Асаф, получивший на этот проект определенную сумму от пионера израильской тяжелой промышленности, тоже ныне покойного, Михла Поляка. Как известно, Поляк родился в фольварке Селки, в окрестностях

---

⁵ Мошав Магдиэль впоследствии вошел в состав г. Год-ѓа-Шарон, расположенного в центре Израиля, у шоссе Петах-Тиква — Кфар-Сава.

⁶ «Бейт-Слуцк» (иврит) — «Дом Слуцка».

Слуцка, где родились и его братья Шевах и Нохем, а также их сестры. Поэтому Поляк захотел увековечить свою малую родину. Однако после кончины профессора Асафа все, что нам удалось получить, были списки слуцких раввинов и подобные материалы.

Тогда мы вновь обратились к председателю слуцкого землячества в Нью-Йорке с просьбой о помощи. Тот, однако, не поверил, что этот проект будет осуществлен, и отклонил нашу просьбу. Тем временем в Израиль в качестве туристов приехали господин Рейхман с супругой. Они поддержали нас, пообещали уделить этому проекту часть своего времени и сил — и исполнили данное слово.

Когда в Израиль прибыли Авром Майзель и его жена Хая, в девичестве Равич, наша идея начала «обрастать мясом». По возвращении в Нью-Йорк они создали кружок активистов и специальный комитет, который должен был готовить книгу к печати. В этот комитет вошли раввин Нисн Ваксман из Старобина и Элийоу Альтман. Когда Шимшон Нахмани обратился к своему дяде Довиду Юздану, последний откликнулся на его просьбы и пожертвовал бумагу, необходимую, чтобы издать книгу задуманным тиражом, в память о Грозово, своем родном местечке. Пользуясь случаем, выражаем ему нашу глубочайшую благодарность.

Сбор материалов продолжался на протяжении многих лет. В Израиле этим занимался Нохем Хинич, в Америке — раввин Нисн Ваксман.

Выражаем глубокую признательность уроженцу нашего города И.-Д. Берковичу, который просмотрел большую часть собранных материалов; его советы и замечания были очень полезны. Также хотим поблагодарить нью-йоркских членов комитета, занимавшегося изданием этой книги, вовремя подставившим плечо, что позволило нашей памятной книге увидеть свет, и прежде всего — р. Нисну Ваксману, Аврому Майзелю и Элийоу Альтману.

Начав собирать, систематизировать и редактировать материалы о Слуцке, мы обнаружили множество не известных прежде фактов и свидетельств, сохранившихся на страницах старых книг и газет и в памяти стариков. Исторические источники и документы последних четырех столетий ясно и недвусмысленно свидетельствуют как о славном прошлом Слуцка, так и о том, что относительно недавно этот город все еще был важным центром еврейской жизни. На протяжении многих поколений Слуцк оставался центром изучения Торы и сионистской деятельности, распространения Гаскалы (еврейского Просвещения) и еврейской культуры.

Наш город и окружавшие его местечки были родиной многих известных людей: великих раввинов, популярных писателей и поэтов, крупных общественных деятелей и т. д. — и гораздо большего числа простых тружеников: ремесленников, торговцев, меламедов⁷, имена большинства из которых история не сохранила.

В годы Катастрофы нацисты уничтожили практически всю еврейскую общину Слуцка — так же, как они уничтожали евреев везде и всюду.

Мы, уцелевшие осколки еврейского Слуцка и его окрестностей, живущие в Израиле и США, храним в своих сердцах память о нашем городе, где провели свои детские годы. Перед нашим мысленным взором стоят неза-

⁷ *Меламед* (иврит: с ударением на втором слове — в ашкеназском произношении, на третьем — в сефардском) — учитель в хедере — начальной религиозной школе для мальчиков.

бываемые образы наших братьев и сестер, уничтоженных кровожадными хищниками в человеческом облике.

Чтобы сохранить память о Слуцке для следующих поколений, мы воздвигли ему памятник, которым стала эта книга. В ней собраны материалы на иврите, идише и английском языке, чтобы ее смогли прочесть потомки слуцких евреев, живущих в Израиле и в диаспоре.

Выражаем глубочайшую благодарность всем, кто помог нам осуществить этот проект.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

«**П**амятная книга Слуцка и его окрестностей» вышла в свет в 1962 году на иврите, идише и английском языке. Компонировка и редакция этой книги в переводе на русский язык были сопряжены с немалыми сложностями. В составляющих ее материалах, написанных в разных странах на трех языках, было немало разночтений в названиях, именах, терминологии; содержались фактические ошибки (замеченные отмечались в сносках); авторские оценки описываемого не всегда совпадали, что вполне естественно при таком количестве мемуаристов, чьи воспоминания вошли в эту книгу; некоторые фамилии на иврите и идише были написаны по-разному, и правильность написания не всегда можно было установить: с момента издания «Памятной книги» прошло почти шестьдесят лет и многих ее авторов и персонажей уже нет в живых. Отметим, что в русскоязычном варианте книги мы старались проследить их судьбы до самого последнего времени. Но если в книге сказано, к примеру, «вот те, кто жив и сегодня» или «живущий ныне в кибуце “Яд Элиягу”», читателю следует иметь в виду, что эти слова написаны шесть–семь десятилетий назад.

Надеемся, что доброжелательный читатель, заметив возможные пропущенные нами незначительные нестыковки, не станет судить нас слишком строго, учитывая сложность стоявшей перед нами задачи.

Еврейские имена, названия, терминология и т. д. приводятся как в ашкеназском, так и в сефардском произношении, принятом в Израиле, в зависимости от того, в какое время и в каком месте происходили описываемые в книге события и жили люди, упоминаемые в ней. В ашкеназском — если речь идет о происходившем в Восточной Европе и США, в сефардском — в Эрец-Исраэль, Стране Израиля.

При переводе были сделаны незначительные сокращения.

ПАМЯТЬ — ИЗКОР

После окончания Второй мировой войны и создания Государства Израиль евреи, выходцы из Восточной Европы, жившие в Эрец-Израэль, США и других странах мира, стали по крупицам собирать сведения о судьбах своих родных и близких, друзей и знакомых, погибших в Катастрофе европейского еврейства. В те годы сложилась традиция составления и издания «*Изкер-бихер*», в переводе с идиша — «Книг памяти», призванных воссоздать и сделать всеобщим достоянием историю еврейских общин стран Восточной Европы. Их создатели справедливо считали ее первой главой в истории Государства Израиль, с которым они связывали свое будущее и будущее своих потомков. Они поставили перед собой задачу увековечить память об общинах, стертых с лица земли, считая ее важнейшим общенациональным долгом, и, лишённые в то время возможности сделать это в странах коммунистического лагеря, создав там музеи и иные мемориальные институты, возвели памятники общинам, ставшим жертвами Катастрофы, в виде таких книг.

Еврейские землячества в Израиле, созданные выходцами из больших и малых городов и местечек Восточной Европы, при поддержке родных и друзей в Америке, Канаде, Аргентине, Великобритании, Австралии, Южной Африке и других странах, приступили к этой работе.

«Книги памяти» не имели строгого плана и составлялись в произвольной форме по тем материалам, которые удалось собрать. Они состояли из воспоминаний, документов, свидетельств, газетных заметок и публикаций, фотографий, писем, рассказов и кратких сведений из справочных изданий и энциклопедий. Иногда составители этих книг заказывали статьи профессиональным историкам. Чтобы упорядочить всю эту мозаику впечатлений и документов, полученных от сотен и тысяч людей, требовалась серьезная редакторская работа, которая проводилась главным образом на общественных началах.

За пятьдесят лет после окончания Второй мировой войны силами еврейских землячеств выходцев из стран Восточной Европы и Советского Союза было издано почти 1300 «Книг памяти» без государственной поддержки, исключительно на добровольные пожертвования. Погибшим общинам Польши посвящены 548 книг, Украины — 294, Белоруссии — 189, Румынии — 66, Литвы — 50, Венгрии — 38, Молдавии — 30, Словакии — 22, Латвии — 8, Греции — 6, России, Болгарии и Чехии — по 4.

Перед читателями предстает впечатляющая картина богатой духовной, культурной и экономической жизни с подробностями работы общинных институтов и кагалных организаций, жизнеописанием заслуженных людей, раввинов, праведников, врачей, искусных мастеров, успешных предпринимателей и меценатов.

«Книги памяти» отличались как по объему (от 200–300 до 700–800 страниц), так и по форме изложения, глубине анализа, качеству редактуры и иллюстраций. При этом их объединяло мощное эмоциональное поле и стремление наиболее достоверно передать атмосферу ушедшего еврейского мира, верного традициям отцов и идеям сионизма.

«Книги памяти» издавались на разных языках: в Израиле — на иврите и идише, в Америке, Южной Африке и Австралии — на идише или по-английски. В общей сложности около трех четвертей всех таких книг были опубликованы в Израиле, а более 60% этого числа написаны на иврите. Как правило, они издавались небольшими тиражами, поскольку были рассчитаны только на членов определенных землячеств, поэтому их обычно трудно найти в продаже.

В наши дни электронные копии «Книг памяти» доступны на сайте New York Public Library, а почти все книги на идише можно найти на сайте Yiddish Book Center. С 1994 г. существует международный проект «JewishGen», призванный сделать содержание «Книг памяти» доступным для всех без исключения читателей, исследователей, историков. В настоящее время многие из этих книг полностью или частично переведены на английский язык, оцифрованы и доступны в Интернете. Следует отметить, что переводы их на английский язык были сделаны добровольцами, зачастую непрофессионалами, недостаточно владевшими языками оригиналов и слабо разбирающимися в еврейской истории и традициях.

Уроженцы Белоруссии и их потомки в Израиле издали за послевоенные годы десятки книг, посвященных истории еврейских общин, живших некогда полнокровной жизнью. В числе первых были общины Волковыска (1946), Нового Двора (1947), Ляховичей (1949), Свири (1950), Кобринина (1951), Лунинца, Столина (1952), Барановичей (1953), Бреста (1954), Койданова (1955), Глубокого, Коссова (1956), Витебска, Дятлово, Рубежувичей, Ружан (1957), Пружан, Гродно (1958), Сопоткина, Столина (1960), Свислочи (1961), Ильи, Мира, Слуцка (1962), Новогрудка, Телехан (1963), Столбцов, Свержени, Щучина (1964), Бобруйска (1967), Ивье (1968), Дисны, Ошмян, Янова (1969), Воложина, Докшиц, Лиды, Каменец-Литовского (1970), Воронова (1971), Вилейки (1972), Друи, Индуры (1973), Песков, Мостов (1975), Налибок, Несвижа (1976), Пинска (1977), Слонима (1979), Видз (1982), Пружан (1983), Минска (1985), Браслава, Василишек (1986) и др.

Естественным дополнением «Книг памяти» стало возведение после войны памятников погибшим еврейским общинам Восточной Европы на кладбищах в Тель-Авиве (Нахалат-Ицхак и Кирьят-Шауль), Холоне, Гиватаиме, Петах-Тикве, Хайфе, Беэр-Шеве и других местах. Самый масштабный проект был осуществлен в 1992 г. в Иерусалиме на территории мемориального комплекса «Яд ва-шем». «Долина уничтоженных общин» запечатлела там память о более чем пяти тысячах еврейских общин, погибших во время Катастрофы. Это каменный лабиринт, составленный из огромных блоков, на стенах которого высечены на английском языке и иврите названия этих общин.

«Книга памяти» евреев Слуцка и его окрестностей на иврите, идише и английском языке увидела свет в Нью-Йорке в 1962 г. Она предназначалась в первую очередь для тех, кому была дорога память об их «малой родине». Ее авторы меньше всего рассчитывали на то, что их труд станет неотъемлемой частью исторического полотна, запечатлевшего жизнь еврейства Белоруссии и Восточной Европы в целом. Спустя десятилетия значимость этого фундаментального труда намного возросла, он читается и воспринимается по-другому и впечатляет еще больше, чем сразу после его создания, когда еще были живы свидетели описанных в нем событий.

Перевод книги, которую читатель сейчас держит в руках, представляет собой первый и пока единственный опыт издания «Книги памяти» на русском языке за все послевоенные годы, что делает честь участникам настоящего проекта. Я читал ее с особым интересом еще и потому, что три года назад был в Слуцке, когда собирал материал для своей монографии «По следам еврейских кладбищ Беларуси».

Случчане тогда рассказали мне, что евреи жили в старой части города, ограниченной с востока речкой Бычок, с запада — улицей Копыльской, с севера — городским валом, а с юга — крепостным рвом. Посреди этого места евреи построили деревянную синагогу, а прилегавший квартал они назвали Школище. Главной улицей здесь была Еврейская, которая вела от площади в сторону Старого замка, потом ее стали называть Школьная (ныне Парижской коммуны).

Читатель познакомится с подробностями жизни местечек и городков, окружавших Слуцк, узнает много интересного и поучительного, совершит своеобразное путешествие во времени в Горки, Греск, Глуск, Грозово, Верхутино, Вызну, Тимковичи, Любань, Семежево, Старобин, Старые Дороги, Погост, Копыль, Романово, Уречье. Все они были тесно связаны друг с другом экономическими, духовными, культурными и семейными узами, и поэтому история еврейской общины Слуцка включает в себя и их истории.

«Книга памяти» содержит подробные сведения о трагедии еврейского Слуцка и окрестных городов и местечек в годы Катастрофы, о жизни евреев в гетто, о массовой гибели людей во время двух самых страшных акций уничтожения — 27 октября 1941 г. и 8 и 9 февраля 1943 г.

После выхода в свет «Книги памяти» в Нью-Йорке в 1962 г. прошло шесть десятилетий. Что представляла собой в эти годы еврейская жизнь Слуцка? По данным переписи населения, в 1959 г. в городе жили 1275 евреев, в 1970 г. — 1009, в 1979 г. — 777, в 1989 г. — 606, в 2000 г. — 168 (0,3% от числа всех его жителей), в 2008 г. — 120. В 2011 г. в Минске в издательстве «Літаратура і мастацтва» вышел фотоальбом «Слуцк. Путешествие во времени», в котором ни разу не упомянуты слова «иудеи», «Катастрофа», «геноцид», «сионизм», «антисемитизм» и другие, имеющие отношение к еврейской жизни. При этом ничего не говорится о том, какой след евреи оставили в истории Слуцка и куда они исчезли. Все послевоенные годы в Слуцке не было синагоги; до начала восьмидесятых годов на частной квартире собирался миньян. В середине девяностых годов в городе были зарегистрированы ортодоксальная иудейская религиозная община и община прогрессивного иудаизма, а также еврейское культурно-просветительное объединение «Помни!».

Сегодня может показаться, что еврейская жизнь в Слуцке подошла к концу. По крайней мере, вы не найдете ее внешних проявлений. Нет синагог, микв, еврейских учебных заведений. Память о евреях никак не отражена в названиях улиц, площадей, нет ни музея с еврейской экспозицией, ни мемориальных досок и указателей. Остались только памятники жертвам Катастрофы на местах массовых захоронений. Да и евреев в Слуцке сегодня совсем мало. Кажется, что еврейское прошлое города исчезло навсегда. Однако это не так, и те евреи, которые живут сегодня в Слуцке, по праву являются наследниками его истории. Они собираются для изучения Торы, традиций и обычаев, отмечают праздники. Эти равнодушные энергичные люди заявляют о своих правах и национальном достоинстве в полный

голос. Наиболее наглядным примером их деятельности стала борьба за открытие лапидария — постоянной экспозиции сотен еврейских надгробий, обнаруженных в фундаментах сносившихся в последние годы домов, построенных в годы оккупации.

Еврейское прошлое Слуцка, как и других городов и местечек, где долгие годы жили евреи, не должно быть забыто, и «Книга памяти» евреев Слуцка, переведенная на русский язык, — одно из весомых доказательств того, что этого не случится.

Леонид Смиловицкий,
*старший научный сотрудник,
доктор исторических наук, руководитель проекта
«История евреев в Беларуси» в Центре диаспоры
при Тель-Авивском университете*

HOW THIS BOOK CAME ABOUT

FOREWORD BY THE EDITORS OF THE BOOK PUBLISHED IN HEBREW, YIDDISH, AND ENGLISH

The idea to perpetuate the memory of the Jews of Slutsk and the surrounding settlements arose with the natives of Slutsk who had been living in Israel even before the state was established. Initially, a memorial book was to be dedicated to them. Later, the concept changed after representatives of the Slutsk community in New York, including Dr. Bunin, Harry Lefrak and his wife, and Yisroel Schweidelson, visited Israel. They decided to commemorate the city by establishing a public institution in Israel and naming it after Slutsk.

After long negotiations, discussions and exchanges, the Beit Slutsk⁸, a tuberculosis hospital operating under the auspices of a health insurance fund, was built near the moshav Magdiel⁹. The natives of Slutsk who lived in New York donated the money.

Nevertheless, we were not satisfied with this achievement — we dreamed of a book and continued to seek an opportunity to publish one, since in our opinion a book carries more historical value than any public institution. We wanted to portray in that book the life of Slutsk and the surrounding area, to describe the way of life and history of its inhabitants over several centuries and, finally, to preserve the images and memories of the past.

While searching and gathering materials, we learned that some time ago the late Professor Simha Asaf was doing the same thing, having received a certain amount of money for this project from Michl Polyak, a pioneer of the Israeli heavy industry, who has since passed as well. Polyak was born in the folwark of Selky, near Slutsk, where his brothers Shevach and Nohem and their sisters were also born, and wanted his birthplace to be immortalized. However, after Professor Asaf's passing we were only able to obtain lists of Slutsk rabbis and similar materials.

---

⁸ 'Beit Slutsk' (Hebrew) — 'The House of Slutsk'.

⁹ The moshav Magdiel later became part of the city of Hod HaSharon, located in the center of Israel, on the Petach Tikva-Kfar Saba highway.

Once again, we asked the chairman of the Slutsk community in New York for help. However, he did not believe that the project would be implemented, and rejected our request. Meanwhile, Mr. Reichman and his wife came to Israel with a tourist visit. They supported us and pledged their time and effort to the project, and they kept their word.

When Avrom Maisel and his wife Chaya (née Ravitch) arrived to Israel, we began to flesh out our idea. When they returned to New York, they formed an activist group and a dedicated committee to prepare the book for publishing. This committee included Rabbi Nisn Waxman of Starobin and Eliyohu Altman. When Shimshon Nachmani approached his uncle Dovid Yuzdan, the latter responded to his requests and donated the paper needed to publish the book in the intended number of copies as a tribute to Hrozovo, his hometown. We take this opportunity to express our deepest gratitude to him.

Nohem Chinitz in Israel and Rabbi Nisn Waxman in America continued collecting the materials for many years.

We express profound gratitude to our city's native Isaac Dov Berkowitz, who reviewed most of the materials collected and offered extremely valuable perspective and advice. We would also like to thank the members of the New York publishing committee whose timely assistance helped our memorial book to see the light of day, in particular Rabbi Nisn Waxman, Avrom Maisel, and Eliyohu Altman.

As we began to collect, organize, and edit materials about Slutsk, we discovered many previously unknown facts and evidence preserved on the pages of old books and newspapers and in the memory of the elders. Historical sources and documents of the last four centuries clearly and unambiguously testify both to Slutsk's glorious past and to the fact that relatively recently the city was still an important center of the Jewish life. For many generations, Slutsk had remained a center of the Torah and Zionist activity studies, promotion of the Haskalah (Jewish Enlightenment), and the Jewish culture.

Our city and its surroundings were the home of many famous people — great rabbis, celebrated writers and poets, important public figures, etc. — and many more common workers — craftsmen, merchants, melameds¹⁰, whose names are mainly lost to history.

During the Shoah, the Nazis nearly exterminated the Jewish community of Slutsk, just as they exterminated Jews everywhere.

We, the surviving shatters of the Jewish Slutsk and its surroundings, living in Israel and the United States, keep close to our hearts the memory of our city, where we spent our childhood years. We keep in our minds the unforgettable images of our brothers and sisters murdered by bloodthirsty predators in human form.

In publishing this book, we erected a monument to Slutsk to preserve its memory for future generations. It contains materials in Hebrew, Yiddish, and English for the descendants of the Slutsk Jews living in Israel and the Diaspora to read.

We express our most profound gratitude to everyone who helped us make this project a reality.

---

¹⁰ *Melamed* (Hebrew: stressed on the second syllable in Ashkenazic and on the third in Sephardic) a teacher in a cheder, a religious elementary school for boys.

FOREWORD BY THE EDITORS OF THE RUSSIAN TRANSLATION

The Memory Book of Slutsk and its Neighborhoods' was published in 1962 in Hebrew, Yiddish, and English. It was a major challenge to compile and edit the translation of this book into Russian. The materials from different countries and in three languages had many discrepancies in names and terminology. There were factual errors (some of them mentioned in footnotes). Authors' takes on the events of the book differed, which is quite natural given the number of authors whose memoirs were included in the book. Some Hebrew and Yiddish surnames were spelled differently, and identifying the correct spelling wasn't always possible. Almost sixty years have passed since the publication of the Memory Book, and many of its authors and characters have since passed away. It is important to note that in the Russian version of the book we tried to follow their fates up to the most recent time. However, if the book says, for example, 'there are those who are still alive today' or 'living now in the kibbutz of Yad Eliyahu,' the reader should keep in mind that these words were written six or seven decades ago.

We hope that a sympathetic reader will not judge us too harshly for any minor inconsistencies we overlooked, given the complexity of our task.

Jewish names, titles, terminology, etc. are in both Ashkenazic and Sephardic, depending on when and where the events described in the book took place and the people mentioned in it lived. Ashkenazic is used for events in Eastern Europe and the United States, and Sephardic — for events in the Eretz Yisrael (the Land of Israel).

The translation has minor cuts.

MEMORY — YIZKOR

After the end of World War II and the establishment of the State of Israel, Jews from Eastern Europe who lived in the Eretz Israel, the U.S. and other countries began to collect bits and pieces of information about the fate of their relatives, friends and acquaintances who perished in the Shoah of European Jewry. Those years gave rise to a tradition of compiling and publishing *Izker-Bicher* (Yiddish; *Books of Memory*), books designed to recreate and spread the history of Jewish communities in Eastern Europe. Their authors fairly considered it the first chapter in the history of the State of Israel, to which they bound their future and the future of their descendants. They made it their mission to perpetuate the memory of the communities wiped off the face of the earth, and considered it their essential national duty. At the time, they were unable to accomplish that mission by creating museums and memorials in the Eastern Bloc, so they used books to erect monuments to honor the communities that fell victim to the Shoah.

Israeli Jewish communities of natives from towns, cities and settlements of Eastern Europe began this work with the support of relatives and friends in America, Canada, Argentina, Great Britain, Australia, South Africa, and other countries.

'Books of Memory' did not have a defined structure and were a freeform compilation of materials available. They comprised memoirs, documents, testimonies, newspaper articles and publications, photographs, letters, stories, and summaries of references and encyclopedias. Sometimes the authors of these books commissioned articles from professional historians. Some serious editorial work was required to organize this mosaic of memories and documents from hundreds and thousands of people, and it was mainly done by volunteers.

In the fifty years since the end of World War II, Jewish communities from Eastern Europe and the Soviet Union have published nearly 1,300 'memory books' without any government support, funded exclusively by donations. There are 548 books devoted to the deceased communities from Poland, 294 from Ukraine, 189 from Belarus, 66 from Romania, 50 from Lithuania, 38 from Hungary, 30 from Moldova, 22 from Slovakia, 8 from Latvia, 6 from Greece, and 4 each from Russia, Bulgaria, and the Czech Republic.

Readers are presented with an impressive portrayal of a rich spiritual, cultural, and economic life together with details of communal institutions and galah organizations, life stories of honored people, rabbis, righteous men, doctors, skilled craftsmen, successful businessmen, and patrons of the arts.

'Books of Memory' differed both in volume (from 200–300 to 700–800 pages) and in presentation, depth of analysis, quality of editing and illustrations. What all of them had in common was strong emotional content and determination to authentically convey the atmosphere of a bygone Jewish world, faithful to the traditions of their fathers and the ideas of Zionism.

'Books of Memory' were published in different languages — in Hebrew and Yiddish in Israel, in Yiddish or English in America, South Africa, and Australia. Generally, about three-quarters of these books were published in Israel, with more than 60 percent of those written in Hebrew. Typically, publications were small in number since they were intended only for the members of certain communities, so they are usually difficult to find on sale.

Nowadays, electronic copies of 'the Books of Memory' are available at the New York Public Library website, and almost all of the Yiddish books are available at the Yiddish Book Center website. The International JewishGen Project was launched in 1994 to make 'Books of Memory' accessible to all readers, researchers, and historians — without exception. As of now, many of these books are translated into English in whole or in part, digitized, and available online. It is worth noting that the books were translated into English by volunteers, often non-professionals, who had neither a good command of the original languages nor a profound understanding of the Jewish history and traditions.

Over the postwar years, natives of Belarus and their descendants in Israel have published dozens of books on the history of Jewish communities that once thrived. Among the first ones were communities of Volkovysk (1946), Novy Dvor (1947), Liakhovichy (1949), Svir (1950), Kobrin (1951), Luninets, Stolin (1952), Baranovichy (1953), Brest (1954), Koidanovo (1955), Glubokoe, Kosovo (1956), Vitebsk, Dyatlovo, Rubezhevichy, Ruzhany (1957), Pruzhany, Grodno (1958), Sopotskin, Stolin (1960), Svisloch (1961), Ilya, Mir, Slutsk (1962), Novogrudok, Telekhany (1963), Stolbtsy, Sverzhen, Shchuchin (1964), Bobruisk (1967), Ivye (1968), Disna,

Oshmyany, Yanov (1969), Volozhin, Dokshitsy, Lida, Kamenets-Litovskiy (1970), Voronovo (1971), Vileyka (1972), Druya, Indura (1973), Pesky, Mosty (1975), Naliboky, Nesvizh (1976), Pinsk (1977), Slonim (1979), Vidzy (1982), Pruzhany (1983), Minsk (1985), Braslav, Vasilishky (1986), and others.

‘Books of Memory’ also prompted the erection of monuments to the deceased Jewish communities of Eastern Europe in cemeteries in Tel Aviv (Nahalat Yitzchak and Kiryat Shaul), Holon, Givatayim, Petach Tikva, Haifa, Be’er Sheva, and elsewhere. The most ambitious project was implemented on the grounds of the Yad Vashem Memorial Complex in Jerusalem in 1992. ‘The Valley of the Lost Communities’ commemorates more than five thousand Jewish communities that perished during the Shoah. It’s a stone labyrinth made up of huge blocks with the names of these communities etched on the walls in English and Hebrew.

In 1962, the ‘Book of Memory’ of the Jews from Slutsk and its neighborhoods was published in New York in Hebrew, Yiddish, and English. It primarily addressed those who cared about the memory of their ‘small motherland’. Its authors least expected their work to become an integral part of the historical record of the Jewish life of Belarus and Eastern Europe as a whole. Decades later, the significance of this seminal work has greatly increased. One can read and perceive it differently now, and be even more impressed than immediately after its creation, when the witnesses of the events described were still alive.

The translation of the book, which the reader is now holding in their hands, represents the first and so far the only venture into publishing a ‘Book of Memory’ in Russian since the war, and it is a credit to the participants in this project. I read it with particular interest because I was in Slutsk three years ago when I gathered material for my monograph ‘Following the Jewish Cemeteries in Belarus’.

Then, the residents of Slutsk told me that the Jews lived in the old part of the city, marked by the Bychok River on the east, Kopylskaya Street on the west, the city rampart on the north, and the fortress moat on the south. The Jews built a wooden synagogue in the middle of this place, and named the adjoining quarter Shkolishche. Yevreyskaya (Jewish) Street was the main street, and it ran from the square to the Old Castle. It was later renamed Shkolnaya Street (nowadays called Parizhskoi Kommuny/Paris Commune St.).

The reader will get acquainted with the details of life in the settlements and townships surrounding Slutsk, will learn plenty of interesting and instructive things, will travel in time to Horki, Hresk, Hlusk, Hrozovo, Verkhutino, Vyzna, Timkovichy, Luban, Semezhevo, Starobin, Starye Dorohi, Pohost, Kopyl, Romanovo, and Urechye. All of these were interconnected economically, spiritually, culturally, and familially, and as such, the history of the Jewish community of Slutsk includes their stories as well.

The ‘Book of Memory’ contains detailed information on the tragedy of Slutsk and the surrounding towns and settlements during the Shoah, the life of Jews in the Ghetto, and the mass murder during the two most horrible acts of extermination on October 27, 1941 and February 8 and 9, 1943.

Six decades have passed since the ‘Book of Memory’ was first published in New York in 1962. What was Jewish life like in Slutsk during those years? According to the census data, there were 1,275 Jews in the city in 1959, 1,009 in 1970, 777 in 1979, 606 in 1989, 168 (0.3% of the city’s population) in 2000, and 120 in 2008. In 2011, the Litaratura i Mastactva publishing house in Minsk published a photo album ‘Slutsk. Journey of Time’, which makes no mention of ‘Jews’, ‘Shoah’, ‘geno-

cide', 'Zionism', 'anti-Semitism', or other words relevant to the Jewish life. It says nothing about the impact of Jews on the history of Slutsk, or of their fate. There was no synagogue in Slutsk throughout the post-war years — a minyan used to gather in a private apartment until the early 80s. In the mid-90s, an Orthodox Jewish religious community and a Progressive Judaism community, as well as a Jewish cultural and educational association called 'Remember!', were registered in the city.

Today, the Jewish life in Slutsk may seem to have reached its end. You won't find any outward manifestations of it, at least. There are no synagogues, mikves, Jewish educational institutions. The names of streets and squares do not reflect the memory of the Jews, there isn't a museum with a Jewish exposition, no memorial plaques and signs. There are only monuments to victims of the Shoah left at the sites of mass graves. There are very few Jews in Slutsk today. The city's Jewish past seems to have disappeared forever. But that's not true, and those Jews who live in Slutsk today are worthy heirs of its history. They gather to study Torah, traditions and customs, and celebrate holidays. These passionate, eager people speak up for their rights and national dignity. The most illustrative example of their activities is the struggle to open a lapidarium, a permanent exhibition of hundreds of Jewish tombstones discovered in the foundations of houses built during the occupation years and demolished in recent years.

The Jewish past of Slutsk and other towns and settlements where Jews lived for many years should not be forgotten, and the 'Book of Memory' of Slutsk Jews translated into Russian is solid proof that it won't happen.

Dr. Leonid Smilovitsky,

Senior Researcher,

Head of the 'History of Jews in Belarus' Project,

The Goldstein-Goren Diaspora Research Center,

Tel Aviv University

ИСТОРИЯ ГОРОДА

СЛУЦК В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

Из Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона

« С л у ц к — в эпоху Речи Посполитой главный город одноименного княжества (Księstwo Słuckie), входившего в состав Новогрудского воеводства. Первые сведения о евреях относятся к 1583 году. В начале XVII века была уже еврейская община, которая, согласно постановлению Литовского совета¹¹ от 1623 года, находилась в сфере влияния брестского кагала. Но в 1691 году главари Совета включили общину Слуцка в состав главных общин, принимая во внимание многолюдность общины и наличие в ней многих знатоков Танаха¹² и Талмуда¹³. С тех пор представитель (*Rosch ha-Medinah*) от Слуцка заседал на ваадах с правом голоса при обсуждении вопросов, касавшихся интересов всего литовского еврейства. В самом Слуцке последний Совет состоялся в 1761 году, когда московские войска в 1655 году вторглись в Литву, Слуцк был охвачен паникой и евреи бежали в Вильну. После военных смут Слуцк стал опять одним из оживленнейших торговых городов Литвы. Радзивиллы, которым принадлежало тогда Слуцкое княжество, содействовали материальному росту Слуцка и давали, по-видимому, льготы евреям, чем и объясняются жалобы на них слуцкого архимандрита князю Богуславу Радзивиллу от 1660 года. Еще в 1754 году «греко-русское духовенство слуцкого капитула» жалуется комиссару княжества Слуцкого на то, что со времени передачи слуцким евреям мытной аренды все вольности, дарованные духовенству, уничтожены. — В 1766 году числилось в слуцком кагальном округе 1577 евреев. — Ср.: Областной пинкос главных литовских общин; Регесты, I и II; Baliński-Lipiński, Starożytna Polska, IV, s. v.; Вил. центр. арх., кн. 3633 (бум. Бершадского).

¹¹ Литовский совет (ваад) или Совет главных еврейских общин Литвы — центральный орган еврейского самоуправления в Литве. Был формально учрежден в 1623 г. и просуществовал до 1764 г. Однако уже в сохранившихся, начиная с 1533 г., документах упоминаются совещания еврейских представителей, которые от имени евреев Литвы принимали решения, распространявшиеся на все еврейство Великого княжества. — *Прим. пер.*

¹² Танах — акроним, составленный из первых букв названий трех частей Письменной Торы: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания).

¹³ Талмуд — свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма.

Ныне — уездный город Минской губернии. По окладным книгам 1800 года христиан-купцов — 3; евреев-купцов — 47; христиан-мещан — 641; евреев-мещан — 1537. По ревизии 1847 года в уезде имелись следующие «еврейские общества»: Слуцкое — в составе 5897 душ; Клецкое — 2138; Копыльское — 1824; Ляховицкое — 1071; Несвижское — 3449. По переписи 1897 года в уезде значилось свыше 260 тысяч жителей, среди них 40906 евреев; в том числе в Слуцке жителей 14349, среди них 10264 евреев. Из уездных поселений, в коих не менее 500 жителей, евреи представлены в наибольшем % по отношению к общему числу жителей в следующих: Вызна — жителей 1593, среди них 532 евреев; Греск — 1674 и 207; Грозов — 928 и 765; Клецк — 4684 и 3415; Копыль — 4463 и 2671; Ляховичи — 5016 и 3846; Медведичи — 913 и 274; Неволож — 518 и 56; Несвиж — 8459 и 4687; Погост — 863 и 685; Романов — 1535 и 494; Русиновичи — 541 и 102; Семежово — 2538 и 288; Синявка¹⁴ — 792 и 418; Старобин — 2315 и 1494; Тимковичи — 2393 и 1523. Имеются в Слуцке (1910) двухклассное частное мужское училище с женской сменой, талмуд-тора, йешибот, частное мужское училище».

Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

«Слуцк — уездный город Минской губернии, при реке Случе. Жителей 14180, из них 6764 мужчин и 7416 женщин, 1 мужской монастырь, 8 православных церквей (из них Успенско-Николаевская построена в 1409 году), 1 римско-католическая, кальвинистская, 2 синагоги и несколько еврейских молитвенных школ. Мужская гимназия, духовное училище, приходское училище с женской сменой, талмуд-тора и несколько хедеров, 4-кл. частное женское училище, несколько частных школ. Несколько благотворительных обществ; больницы — городская, тюремная и лечебница при духовном училище. В 1896 г. доходы города 16264 руб., расходы 15986 руб., 2 мукомольни, 1 медоваренный и пивоваренный завод (произв. 3 тыс. руб.). Садоводство и огородничество. В Слуцке и окрестностях культивируют известные своим ароматом и вкусом груши, так называемые слуцкие бере.

Слуцк впервые упоминается в летописях 1116 г., когда он, составляя собственность великого князя киевского Владимира Мономаха, был взят и сожжен минским князем Глебом. В 1148 г. он отошел к черниговскому князю Святославу, через 14 лет к киевскому князю Мстиславу, затем к князю Туровскому. Около 1270 г. Слуцк очутился в руках литовских князей. После соединения с Копылем в 1395 г. он образовал особый удел, в котором первым князем был Владимир Ольгердович; но родоначальником слуцких князей, называвшихся по его имени «Олельковичами», считается Александр (Олелько). Под их управлением город быстро застраивался и расширялся, и уже в 1444 г. считался одним из главнейших городов Литвы. С конца XV в. он много терпел от крымских татар, которые, однако, ни разу не могли взять его крепкой цитадели. Особенно сильно пострадал Слуцк в 1503 и 1504 г. от татар и в 1506 г. от Михаила Глинского. В это время защитой его руководила княгиня Анастасия, мать малолетнего князя Юрия II. В 1579 г. Слуцк был разделен на три части между тремя братьями, и следы этого деления сохранились и до сих пор («Старый Слуцк», «Новый Слуцк» и «Остров»). Последняя представительница Олельковичей, София, вышла замуж за князя Яна Радзивилла, и с ее смертью Слуцк достался Радзивиллам, которые вве-

---

Слуцк впервые упоминается в летописях 1116 г., когда он, составляя собственность великого князя киевского Владимира Мономаха, был взят и сожжен минским князем Глебом.

---

¹⁴ Ныне — деревня Клецкого р-на Минской обл.

ли в нем муниципальное немецкое право и еженедельные базары и сформировали сильный гарнизон, благодаря которому в 1655 г. только один Слуцк мог устоять против московских войск. С 1673 до 1732 г. из-за Слуцка шла тяжба между Радзивиллами и Сапегами, окончившаяся в пользу первых и оказавшаяся роковой для города; с тех пор он стал падать, и в 1775 г. жителей его пришлось освободить на 10 лет от всяких податей и повинностей. По присоединении края к России Слуцк в 1795 г. был сделан уездным городом Минского наместничества. В 1848 г. он был приобретен в казну от князя Витгенштейна¹⁵ за 342.821 руб. — Ср. Гаусман. «Исторический очерк города Слуцка» («Минские губернские ведомости», 1878, №№ 8–12).

Слуцкий уезд занимает 1852,8 кв. верст, или 713.833 десятин. По переписи 1897 г., в Слуцком уезде было 261.047 жителей, а за исключением городского населения 238.421, из них 118.309 мужчин и 120.112 женщин. На 1 кв. версту приходится 39,1 жителя. Слуцкий уезд по густоте населения занимает (после Минского и Новогрудского уездов) третье место в губернии. Православные составляют 73,3% населения, католики 8,8, протестанты 0,1, евреи 17,3% (большею частью в местечках), магометане 0,5%. Крестьяне составляют 65,7%, мещане 23,5%, дворяне 4,6%; остальные 6,1% принадлежат к другим сословиям. Торговля сосредоточена в городах Слуцк и Несвиж, в некоторых местечках и на пристанях. Из местечек по торговле выдаются Клецк, Копыль, Ляховичи (отпускают хлеба ок. ½ млн пудов) и Старобин. В уезде 1 заштатный город¹⁶ (Несвиж), 12 местечек, сел и других поселений (хуторов, деревень и пр.) 514. Православных церквей 62, католических 6, мечетей 4, синагог и еврейских молитвенных школ 15. Почтово-телеграфных отделений 11 (не считая городских). Сельских лечебниц 2 (на 10 кроватей), приемных покоев 4, врачей 2, аптек 7, 1 учительская семинария (в г. Несвиже), 31 училище министерства народного просвещения и 11 церковно-приходских школ, несколько хедеров и медресе. В некоторых школах введено обучение ремеслам, садоводству, огородничеству и пчеловодству. К древнейшим поселениям в уезде относятся Копыль, Клецк (было особое княжество), Ляховичи (много курганов и остатки вала) и г. Несвиж».

Из Большой советской энциклопедии

«Слуцк — город областного подчинения, центр Слуцкого района Минской области БССР. Расположен на р. Случь (бассейн Днепра), в 105 км к Ю. от Минска. Ж.-д. станция на линии Барановичи — Осиповичи.

40,5 тыс. жителей (1974), заводы: сантехоборудования, железобетонных изделий, авторемонтный, льнозавод, сахарорафинадный, консервный, маслосыродельный; мясокомбинат, строительный, мелькомбинат. Мебельная, текстильная, художественных изделий фабрики и другие предприятия. Медицинское училище. Краеведческий музей.

Известен с 1116 г. С конца XII в. Слуцк — столица Слуцкого княжества. С 1395 г. в Великом княжестве Литовском. В 1793 г. присоединен к России, уездный город Минской губернии».

¹⁵ Петр Христианович Витгенштейн — Людвиг Адольф Петер цу Зайн-Витгенштайн, 25 декабря 1768 (5 января 1769) — 30 мая (11 июня) 1843, Львов — русский военачальник немецкого происхождения, генерал-фельдмаршал (1826). В Отечественную войну 1812 г. — командир отдельного корпуса на петербургском направлении. — *Прим. пер.*

¹⁶ Заштатный город — в Российской империи — населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда. — *Прим. пер.*

СЛУЦК В ГОДЫ СОВЕТА ЧЕТЫРЕХ ЗЕМЕЛЬ

Из описаний еврейской жизни в диаспоре нам известна тенденция общин к достижению внутренней автономии и в духовной сфере, и в хозяйственных отношениях. Она прослеживается еще в древности — от вавилонского рассеяния до поселения евреев в Испании.

В XV веке в Польше организовался Совет земель. В XVI веке (1580) был основан знаменитый Совет четырех земель¹⁷, который охватил общины Малой Польши, Великой Польши, Белоруссии и Волыни.

В 1588 году к вышеуказанным землям присоединился Совет еврейских общин Литвы. По уложению того года в Совет входили пять «земель» (Малая Польша, Великая Польша, Белоруссия, Волынь и Литва). Главными общинами считались познаньская, краковская, лембергская¹⁸ и брискская¹⁹.

В течение многих лет литовские общины участвовали в Совете четырех земель, и главной из этих общин оставалась брискская.

В 1623 году, после того как еврейские общины Литвы существенно развились в экономическом и духовном аспектах, состоялось собрание представителей всех этих общин, на котором был основан Литовский совет. У истоков его стояли делегаты из Бриска, Гродно и Пинска.

В 1652 году на заседании Литовского совета было решено включить в него представителя виленской общины. Все это время слуцкая община зависела во всех вопросах от брискской. Наконец, в 1691 году слуцкая община получила в Литовском совете тот же статус, что и остальные общины.

Съезды Совета проводились в ярмарочные дни в разных городах, считавшихся основными. Среди них был и Слуцк, где обсуждались важные проблемы того времени:

- 1) отношения с центральными и местными органами власти;
- 2) решения о выплатах податей правительству и их взыскании;
- 3) регулирование внутренней жизни в общинах: учет доходов, назначение судей, старшин, синагогальных служек и т. д.;
- 4) проблемы религии и образования (йешивы, талмуд-торы и т. д.);
- 5) хозяйственные вопросы, аренда, распределение внутренних сборов и т. д.

На заседании Литовского совета, состоявшемся в Бресте в 1623 году, был принят Статут, который регулировал все бытовые аспекты жизни в еврейских общинах. Его нормы определяли обязанности каждой общины по отношению к правительству, отношения членов общины между собой, а также взаимоотношения общин.

В 1691 году слуцкая община получила в Литовском совете тот же статус, что и остальные общины.

---

¹⁷ Совет четырех земель (*Ваад арба арцот*) — центральный орган автономного еврейского общинного самоуправления в Речи Посполитой, действовавший с середины XVI в. до второй половины XVIII в. Состоял из семидесяти делегатов кагалов, представлявших четыре исторические области: Великую Польшу, Малую Польшу, Червонную Русь и Волынь. Обычно проводился два раза в год в Люблине и Ярославле. — *Прим. пер.*

¹⁸ Лемберг — ныне г. Львов.

¹⁹ Бриск — еврейское название г. Бреста (Брест-Литовск).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

«**П**исьмо короля Сигизмунда князю Слуцка Юрию, в котором король объясняет, что честь требует уважать равные права даже простых людей. Поэтому король не находит возможным дозволить Слуцкому князю единолично разбирать дело Варвицкого, но повелевает князю Слуцкому дать отчет комиссарам, королевским посланникам: касательно нападения Варвицкого на еврея Йоску Шейна, королевского подданного, кражи его денег (из доходов, полученных в Могилевском повете и Бобруйском повете), которые он вез в казну, и заключения его в тюрьму.

№ 165, 10 июня 1537 г.»

(Цитируется по: Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории евреев в России. — СПб.: О-во распространения просвещения между евреями в России, 1882–1903. Т. 1: Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550) / Собр. и изд. С. А. Бершадский. — Изд. О-ва распространения просвещения между евреями в России, 1882).

«Указ короля Сигизмунда²⁰ князю Слуцка по поводу возвращения еврею из Бреста товаров, украденных у него Варвицким, управляющим имения князя Слуцкого в Петрикове²¹. А также по поводу уплаты за пропавшие товары, согласно цене, указанной в списках Йоски, — в качестве уплаты за украденное имущество.

№ 166, 5 октября 1537 г.»

(Там же)

«Королевский указ Юрию²², князю Слуцка, относительно возврата товаров, арестованных в Слуцке, королевскому подданному еврею Шмуэлу Нахимовичу из Кобрина, с выплатой компенсации за товар, который испортился или пропал, — согласно списку означенного Шмуэла.

В случае неисполнения указа король повелевает выдать упомянутому еврею сто коп²³ за все.

Этот указ был выдан в связи с обстоятельствами, выясненными во время суда королевскими комиссарами, поскольку князь Слуцка не позволил королевским комиссарам присутствовать во время проверки списка товаров упомянутого Шмуэла, арестованных в Слуцке и хранившихся в доме некоего обывателя».

№ 167, 5 октября 1537 г.»

(Там же)

²⁰ Сигизмунд I Старый (1467–1548) — великий князь литовский с 20 октября 1506 г. (провозглашение избрания — 8 декабря 1506 г.) и король польский с 8 декабря 1506 г. — *Прим. пер.*

²¹ Петриков известен с 1523 г. как местечко в Слуцком княжестве Великого княжества Литовского, собственность Олельковичей. — *Прим. пер.*

²² Юрий (I) Семенович Слуцкий (1492–1542) — удельный князь Слуцкий и Копыльский (1503–1542), член рады Великого княжества Литовского, единственный сын и преемник князя Семена Михайловича Слуцкого (ок. 1460–1503). — *Прим. пер.*

²³ Копа — единица счета, равная 60 штукам чего-либо. Вместе с распространением по Восточной Европе чешской монеты — пражского гроша — закрепилась как название для 60 пражских грошей. — *Прим. пер.*

1583 г.

«23 февраля Эли Лифшиц и Меркл Новахович получили разрешение выехать из Слуцка в Люблин. Товар: козьи шкуры, местные, простой выделки, лисьи, волчьи шкуры и т. д. Товар освобожден от сборов в Орше, Чечерске, Мстиславле и Бобруйске. Часть товара предназначена для Люблина, а остаток — для гнезненской ярмарки 15 апреля».

(Цитируется по: Регесты и надписи: Свод материалов для истории евреев в России: 80 г. — 1800 г. Т. 1. — СПб.: Общ. для распр. просвещ. между евреями в России, 1899. — № 642, с. 297.)

1622 г.

«Заявление слуцкого еврея перед копным судом о христианине, подозреваемом в краже у него различных вещей».

Авром Аронович, слуцкий еврей, пожаловался на слуцкую мещанку Ярошевицкую, которая прячет у себя своего сына Карпа, укравшего вещи у него, Ароновича. Карп был взят под стражу для дальнейшего разбирательства. По совету своего старшего сына Стефана (ненавистника евреев) Ярошевицкая подала жалобу на Ароновича, обвинив его в незаконном аресте Карпа и в том, что перед этим Аронович разграбил ее дом. Между тем он действовал по закону, с позволения суда, и ни одной вещи из дома не взял».

(Из Актов Виленской археографической комиссии, т. XVIII)

1654 г.

«8 августа».

Письмо из Вильны (от неизвестного). Сообщается о беспокойном положении в Вильне из-за отсутствия гетмана и приближения московских войск. К этому добавляется: «В Слуцке также большая тревога из-за казаков. Жиды бегут оттуда в Вильну»».

«Витебская старина», т. 4

1659 г.

«17 апреля».

Письмо слуцкого протопопа (от имени всего духовенства) Иоанна Бакачича к литовскому конюшему, князю Богуславу Радзивиллу.

Иоанн Бакачич сообщает князю Радзивиллу, что между слуцкими евреями происходят возмутительные события. Так, один еврей из слободы пана Понятовского Крелевец принял христианство вместе со своей женой и детьми, сохранял ему верность много лет, причем после смерти первой жены женился на другой. Но вот он приехал в Слуцк, и раввины его уговорили вернуться в иудейство с женой и детьми (урожденными христианами). Усматривая в этом угрозу церкви, Бакачич жалуется от име-

ни духовенства князю, вспоминая при этом, что одно христианское дитя, из-за евреев замордованное 10 лет назад в Докторовичах, до сих пор не похоронено».

«Археографический сборник документов»²⁴, т. 7

1660 г.

«18 марта.

Письмо от кейдановского старосты Оборского князю Радзивиллу в Кёнигсберг.

Посылая письмо с евреем к князю Радзивиллу, сообщает Оборский, что этот еврей прибыл в Кейданы из Слуцка с большой отвагой, ибо подвергался опасности. Доставляя письмо Радзивиллу, «он сам будет живым письмом». Этот еврей, по словам Оборского, «был в кандалах у князя Хованского, был и в Новогрудке, попробовал русской плети, видел все неприятельское войско» и может подробно обо всем рассказать. Оборский советует доверить еврею письма или устно сообщить все, что требуется, потому что ему легко пробраться через неприятельский стан: «Говорит он, как природный русский, да и осанка его чисто русская; притом же не в первый раз исполнять ему подобные поручения»».

(Там же, т. 8)

1666 г.

«24 марта.

Письмо от слуцкого архимандрита Феодосия Василевича к литовскому конюшему князю Радзивиллу.

Архимандрит Василевич пишет князю Радзивиллу: до него, конечно, уже дошла весть, гуляющая по Литве и Польше, о том, что слуцкий еврей Яков Давидович позволил себе возмутительные речи насчет Господа и его бедного прислужника Василевича, а затем набросился с ножом на Василевича.

Задержав Давидовича, Василевич отвел его в замок и подал на него жалобу за богохульство, за оскорбление князя как заступника всех церквей и монастырей, а также за оскорбление митрополита и духовенства в лице его, Василевича. Но ассессорский суд оправдал Давидовича — не из-за уважения к закону, а потому, что проявляет особое почтение к евреям.

«Евреи уже не раз в Слуцке мешали христианам возле церквей, на кладбищах, нападали на духовенство. А сейчас выходит, что неверные жида пользуются уважением. Я же, христианин (как у нас пишут), вынужден чувствовать себя, словно неверный. Суд уже не раз приговаривал христиан к смерти из-за евреев. За богохульство, осквернение Его домов молитвы и святынь, унижение князя, митрополита, духовенства, как говорят, надо создать прецедент — покарать евреев смертью из-за христиан».

---

²⁴ Издававшийся в Вильно сборник документов об истории северо-запада Руси; выпуски выходили в свет в 1867–1904 гг.

Далее Василевич просит князя осудить вышеуказанного еврея на смерть. В конце Василевич добавляет, что он не кровожадный и не настаивает на срочном проведении казни, его устроит приговор сам по себе. Но всем должна быть известна вина евреев. Потому что ему стыдно за всех духовных лиц, которых преследуют евреи».

(Там же)

1669 г.

«11 апреля.

Письмо от слуцкого архимандрита Феодосия Василевича к князю Богуславу Радзивиллу.

Архимандрит Василевич жалуется, что полоцкий стольник чинит ему всяческие препятствия в отношениях с евреями. Вот уже пятый год ими удерживается залог на сто с чем-то серебряных гривен; поскольку представитель стольника не хочет урегулировать спор, архимандрит просит князя передать дело слуцким комиссарам».

(Там же)

1669 г.

«4 октября.

Письмо от слуцкого архимандрита Феодосия Василевича к князю Богуславу Радзивиллу.

Архимандрит Василевич среди прочего говорит, что он уже не может выслушивать жалобы на слуцких евреев, которые не выдают залог за 120 серебряных гривен. Хотя его, архимандрита, уверяли от имени князя, проблема до сих пор не решена. Правда, господа комиссары хотели ее решить, но евреи их вытолкали, и приходится довольствоваться обещаниями. Он, архимандрит, должен ехать в Краков, и там ему придется законным путем доказать их вину. Он просит князя отнестись к нему с тем же уважением и доброй волей, с какими князь относится к евреям, чтобы тот не терпел из-за них бед и обид, как не терпит из-за архимандрита».

(Там же, т. 7)

1734 г.

«26 февраля.

От слуцкого духовенства — подчашему черниговскому, комиссару по имениям Слуцкого княжества.

Греко-русское духовенство и слуцкий капитул жалуются комиссару по имениям Слуцкого княжества на то, что мытную аренду передали слуцким евреям, которые урезали все вольности духовенства. Кроме того, те не платят за аренду, не пропустили 16 фунтов воска для слуцких церквей.

Евреи отбирают также провизию, дрова. А между тем въезд в город должен быть свободным, об этом духовенство получило новое распоряжение от княгини Радзивилл. Но тем временем арендаторы не отдают воск, задер-

живают возы со снадью, дровами и другими грузами, требуют за них плату. Еще арендаторы 21 февраля 1734 г. вместе с солдатами слуцкого гарнизона напали на дом священника Романа Казюлича, который в это время крестил ребенка, разогнали гостей, напугали шумом и гамом большую жену священника, детей и всех его домочадцев, забрали одежду, волов и два бочонка пива, и все это было сделано с целью досадить духовенству.

Покорная просьба от духовенства: принудить арендаторов силой гарнизона отдать воск, расследовать их самоуправство и заставить отдать награбленное, наказать их по закону».

(Там же)

1741 г.

«1 августа.

Протест от землевладельца Савелия Корды на генерального казначея Кричевского староства, принадлежащего князю Иерониму Радзивиллу, еврея Шмуэля Ицковича, за необоснованный набег на земли Корды.

Землевладелец Савелий Корда от своего имени и от имени своих родственников жалуется на то, что генеральный казначей Кричевского староства Шмуэль Ицкович с помощью вооруженных людей ворвался с насилием и обысками в деревни Патуза, Лещанка, Ушаки, которые находятся в Мстиславском воеводстве и записаны в инвентарь... Савелий просит, во избежание противостояния, арестовать нарушителей и выслать их в слуцкую крепость, а их землю отдать другим. Исполнение такого приказа будет к выгоде соседей».

«Историко-юридические материалы» под ред. Созонова, вып. XVII»

1754 г.

«27 сентября.

Письмо от Михаила Козачинского, слуцкого архимандрита, к князю Иерониму Радзивиллу.

Слуцкий архимандрит Михаил Козачинский в своем письме князю Радзивиллу жалуется на некоторых слуцких евреев. По «проискам жидовским» еще в июле было объявлено, что запрещено ввозить товары в слуцкий Троицкий монастырь, хотя и прежде в городе не было торговли, разве что какой-нибудь бедняк для оплаты долга привезет осьмину хлеба или связку сена.

Это первый пример еврейских происков, а второй — было объявлено с барабанным боем у входа в монастырскую корчму, где уже много лет не продавалось водки, чтобы никто там и пива не пил под страхом сечения розгами или битья палкой у позорного столба. Дабы обеспечить это, послали в базарный день в корчму трех солдат из слуцкого гарнизона, так что людям даже негде отдохнуть на площади. А между тем слуцкий архимандрит, по установленному в 1690 г. тарифу, должен был выплачивать за корчму в казну Речи Посполитой 160 злотых в год.

Затем архимандрит спрашивает, где взять деньги, если в корчме не разрешено выпить даже стаканчик пива (и это — вторая еврейская проделка). Тройчанский арендатор платит в свой кагал все возможные подати, как все

ремесленники, которые живут в округе Троицкого монастыря, даже всегда платит за разрешение продавать то, что носит в город на продажу, и платит за то, что покупает в городе для себя. Так чего же, спрашивается, еще хотят евреи? Вероятно, лишь одного: досадить христианам».

(«Археографический сборник...», т. 7)

ИЗ АКТОВЫХ КНИГ ОБЩИН

Из книги «Областной пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы» в 2-х тт. под общ. ред. С. Дубнова. СПб., 1912

«Имена раввинов и руководителей общин, подписавших постановления советов, и также тех, кто упомянут в этих постановлениях.

1. Арье-Лейб, глава суда Слуцка.
2. Ошер-Зелик Френкель из Слуцка, сын Йосефа.
3. Йеѓуда-Юдл га-лейви Ѓурвиц из Слуцка, сын Аврома.
4. Яков га-лейви Эпштейн из Слуцка, сын Иццока-Айзика.
5. Ицшок-Айзик из Слуцка, сын Авигдора.
6. Ицшок-Меер, сын Йоны, глава суда Слуцка (а также Пинска).
7. Иссохар-Бер, глава суда Слуцка.
8. Цви-Ѓирш, областной писарь из Слуцка, сын Мойше.
9. Шаул Мазья из Слуцка, сын Цви-Ѓирша.

Во времена главы суда, выдающегося раввина Аврома Эпштейна, который был главой суда в Гродно с 5376 по 5393 г., советы общин Литовской земли отделились от советов Польши, которые управлялись в соответствии с постановлениями Совета четырех земель, и создали для себя в 5383 г. совет трех главных общин: первая — Бриск, вторая — Гродно и третья — Пинск. С 5430 г. община Вильны стала одной из главных общин, четвертой по счету, а с 5451 г. община Слуцка стала еще одной, пятой, главной общиной.

С 5430 г. община Вильны стала одной из главных общин, четвертой по счету, а с 5451 г. община Слуцка стала еще одной, пятой, главной общиной.

Отношения между общинами (договор между святой общиной Слуцка и тремя главами общин по поводу торговли)

Руководители святой общины Гродно, священной общины Пинска и святой общины Вильны благополучно договорились с руководителями святой общины Слуцка по поводу торговли трех упомянутых общин в общине Слуцка, таким образом: дается право этим общинам торговать в городе Слуцке всем, что душа пожелает, продавать или покупать, но только чтобы приходили за один раз четыре человека, и не больше; и эти четыре человека не должны задерживаться там дольше, чем на две недели со времени их прибытия. И из тех товаров, которые они привезут в Слуцк, они ничего не должны продавать неевреям в течение трех дней после прибытия этих товаров в Слуцк и не чинить никакого обмана и хитрости в этом под [страхом] наказания и отлучения. А если не смогут продать евреям за три дня (после прибытия), то у них есть право продать все эти товары или их часть неевреям, как им представляется уместным, по истечении трех дней.

И никому из жителей упомянутых общин не следует прибывать в Слуцк для торговли до истечения шести недель после отбытия тех четырех человек из Слуцка; а по истечении этих шести недель жителям этих общин дается право прибывать в Слуцк для торговли там на две недели. И могут прибывать за один раз лишь четыре человека, и все по вышесказанному распоряжению. И это становится с сегодняшнего дня навечно непреложным законом до конца всех поколений. И не должно быть у жителей упомянутых общин товаров в Слуцке в домах неевреев, но лишь на рынках и на улицах по вышесказанному распоряжению. Постановлено во второй день [недели] 18 элуля 5394 года».

(Постановления Совета 5394 г.)

Из книги «Областной пинкос Ваада...»

«Упоминается, что герцогиня Батенштайн сообщает: перешедший в католическую религию Ян Сирафинович возводит клевету на евреев и, явившись на суд по кровавому навету в Кузмире, свидетельствовал, что евреям нужна кровь христиан. Он был вызван на суд Советом четырех земель, но убежал. Выдано свидетельство, что он не доказал своих обвинений. Крестившийся родился в Бриске и был возведен в сан раввина в Слуцке и Бриске (согласно словам священника Пикульского в его антисемитском сочинении)».

Об амулетах

«С помощью Всевышнего в первый день [недели], 27 менахем[-ава], 5512 г. Мое слово уже сказано, сказано с любовью о любви к святости, чтобы стать достойным и очистить себя от нечистоты, которая творится в Израиле с некоторыми амулетами... И уже вышло письмо от предводителей [общин] в Литовской стране, да хранит их Создатель... дошли до меня некоторые амулеты, и нет у нас никакого указания, от кого это произошло... Потому отлучен и отвергнут будет Всевышним... каждый, кто намеревался поместить имя Шабса Цви²⁵, да сотрется имя его, на амулете... Таковы мои слова, Аврома и т. д.».

5444 (1684) г.

«Рав, великий светоч, выдающийся и досточтимый учитель и раввин раби Меер, сын великого светоча, учителя и раввина раби Йоны Теомим (глава суда святой общины Жолквы, а затем Слуцка и Пинска, умер до 5463 г.), праведника, блаженной памяти, с великим и удивительным благочестием и чрезвычайным старанием напечатал прекрасную книгу «Эйн-Яков»²⁶ с новыми [толкованиями] Агады... Таковы слова предводителей, начальников, вождей и руководителей Четырех земель, да хранит их Создатель, на святом совете в базарный день, то есть во время собрания для всех, сегодня, в первый день [недели], тринадцатого [числа] месяца тишрей 5444 г. в городе Ярослав».

²⁵ Шабсай Цви (1626–1676) — один из самых известных еврейских лжемессий; лидер массового движения XVII в., охватившего многие еврейские общины и получившего его имя — сабатианство. В 1666 г. принял ислам. — *Прим. пер.*

²⁶ «Эйн-Яков» (иврит) — «Источник Яакова» — популярное собрание талмудической Агады, составленное в начале XVI в. раввином Яаковом бен Шломо ибн Хабибом и сопровождаемое комментарием составителя. — *Прим. пер.*

5454 (1694) г.

«Амудейо-шиво»²⁷ — тексты выступлений р. Бецалела, сына р. Шлойме-магида²⁸ из Слуцка (Прага, 1674). Совет Литовской земли предоставил автору помощь в издании его книги; по всей видимости, ему также помог в определенной степени Совет четырех земель — по свидетельству самого автора в предисловии: «И нашел я милость в глазах начальников, предводителей, глав и руководителей Литовской земли, и сердце их пожертвовало великий и обширный дар для напечатания этой книги; и нашел я также милость в глазах начальников, предводителей и глав Польских земель, и поступили они со мной доброжелательно и праведно»».

* * *

«Касательно дел и разнообразных споров, которые возникают на ярмарке в Копыле и в Сталовиче, причем никто не занимается ходатайством и не покрывает расходы на нужды ходатайства, — обсудили и постановили: всегда, на каждой ярмарке, следует назначать особого служку, который пригоден к ходатайству. На этого служку будет возложено стоять на страже всяких нужд ходатайства на протяжении дней ярмарки, всеми его силами, будь то нужды отдельных людей или общества, и поступления на нужды служения на этой ярмарке пойдут этому служке. И принятие этого служки на ярмарке в Копыле будет по слову двух общин, святой общины Слуцка и Несвижа, в присутствии торговцев из святой общины Бриска; а принятие служки на ярмарке в Сталовиче²⁹ будет по слову торговцев святой общины Бриска, и расходы на оплату — как говорилось выше».

Из книги «Областной пинкос Ваада...»**5451 (1691) г.**

«Сегодня нам принесли свое дело предводители, вожди, главы и руководители святой общины Слуцка, да хранит ее Создатель, выставив множество претензий и обвинений против предводителей, вождей, начальников, глав и руководителей святой общины Бриска, да хранит ее Создатель, по поводу того, что с прежних лет были они подчинены святой общине Бриска, да хранит ее Создатель, и слушались ее указаний, но сейчас умножил их Всевышний, и теперь они многочисленны, как звезды в чистом небе: это великий город со множеством народа, могучий в землях, и всякая хвала подобает им; и много распространялись они о том, что подобает воздавать им честь и почет ради славы их возвышенной и изобильной общины, да хранит ее Создатель. И видели мы силу писем, в которых уже прежде мудрецы из столпов страны, раввины и вожди, главы общин нашей Литовской земли, из святых, что в стране, считали нужным и уместным воздавать почет богобоязненным вождям святой общины Слуцка, да хранит ее Создатель. Прошло уже несколько лет, в течение которых им не удалось благословить завершение дела и поставить это дело на основание свое. Сегодня же, после обсуждения и глубокого рассмотрения, мы слышали и видели в этом городе

²⁷ «Амудейо-шиво» (иврит в ашкеназском произношении) — «Семь столпов ее» — см. «Мишлей» («Книга притчей Соломоновых»), 9:1: «Мудрость построила себе дом, вытесала себе семь столпов».

²⁸ *Магид* (иврит) — проповедник.

²⁹ Ныне агрогородок Столовичи Барановичского района Брестской области Белоруссии; как местечко известен с XVI века.

знатоков учения, людей разумеющих, и стены домов учения служат свидетелями, что мудрость их звучит на улицах, и толкуют они трудные места Торы, как положено. Ведут они войну Торы, несут корзину благочестия, полную книгами скромности, и подобает и следует им воссесть на престоле почестей, а нам — сплести им венец свободы. И после того как мы увидели все это основание для прославления возвышенного города, несомненно, на Небесах встали и возгласили о них свыше, чтобы была о них память и имя ради именитости и хвалы. И поэтому по их предложению и по согласию вождей этих двух упомянутых сторон, чтобы было так, как постановит высокий суд, вот что вышло от нас.

С этого дня и вовеки до прихода Избавителя да будет достоинство их на месте их — да будет святая община Слуцка самостоятельной общиной. И нет у предводителей, вождей и начальников святой общины Бриска совершенно никакого контроля и власти над предводителями и вождями святой общины Слуцка ни в чем, от великого дела до малого, во всем, о чем уста могут произнести, а сердце помыслить, совершенно никоим образом. И все заявления, раздоры, постановления, письма и претензии в устной форме, которые существовали между вождями упомянутых двух сторон до этого дня, — все они отменяются и упраздняются, подобно разбитому глиняному сосуду, и не должны одни на других говорить что-либо или возводить обвинения и претензии никоим образом. А кроме того, у вождей святой общины Слуцка будут поселения, то есть все окрестности в пределах шести парсот³⁰ от святой общины Слуцка, как общины, так и отдельные люди — все они будут склоняться перед ними и слушаться их указаний. Лишь о святой общине Копыля мы распространяем дело до следующего совета, чтобы было это записано в актовом книге. И в течение восьми недель перед упомянутым заседанием совета лидеры святой общины Слуцка имеют право посещать трех глав общин, да хранит их Создатель, кроме святой общины Бриска, куда им заезжать не следует, и ходатайствовать среди упомянутых глав общин относительно святой общины Копыля, и да будет решено это дело большинством. Тем временем дела святой общины Копыля должны решаться перед судьями на ярмарках. То же и относительно прочих отдельных людей, которые относятся к кладбищу святой общины Слуцка, города святого и полного жителей, которые будут находиться за пределами шести парсот от святой общины Слуцка.

И увидев, что предводители, вожди и начальники святой общины Слуцка, города святого, камня главного, полного мудрости, переполненного мудрецами и книжниками, драгоценными сынами Сиона, достойными стать приближенными и наместниками, возжелали все предводители и вожди, четыре главы священных общин на собрании послать посланца нашей Литовской страны, да хранит ее Создатель, дабы воздать честь им и увенчать их венком почести, чтобы предводители, вожди и начальники святой общины Слуцка стали пятой главной общиной в Литовской стране, да хранит ее Создатель. И следует воздавать честь и хвалу им и их гаону³¹-раввину как одному из глав других общин, да хранит их Создатель, с сего дня и вовеки, образом, разъясненным ниже: а именно, что у них есть два руководителя земель от сего дня, а на нынешнем совете у них будет еще один смотри-

³⁰ Парса (мн. парсот, иврит) — талмудическая мера длины, равная 8000 *амот* (локтей); 3,6–4,6 км по различным оценкам.

³¹ Гаон (иврит) — букв. «гений»; мн. *геоним* — титул, которым называют выдающихся мудрецов в еврейской истории.

тель; а после нынешнего совета, то есть за восемь недель до грядущего нам на благо совета, у предводителей и вождей святой общины Слуцка есть право посещать вождей, начальников и глав четырех общин, да хранит их Всевышний, и выдвигать свои предложения касательно третьего главы страны, и каково будет желание большинства глав упомянутых общин — так и будет; если же не согласится большинство глав общин, то в любом случае по истечении трех советов страны, которые будут после нынешнего совета, у них будет третий глава страны. Относительно же заседания совета, чтобы было у вождей общины Слуцка место для Совета земли, чтобы заседать там, и чтобы собирались там их гаон-раввин, глава суда и глава йешивы, и чтобы были у них парнас³², и писец, и служба, то временно это будет поначалу делаться в месте совета святой общины Вильны, и потом так и будет продолжаться. Когда же выйдет срок святой общины Вильны, то вожди и начальники святой общины Слуцка будут иметь право выдвигать свои предложения относительно воздаяния упомянутой чести. Относительно же дела суда на ярмарках, у них будет один судья на всех ярмарках, кроме ярмарки в Клецке и ярмарки в Зельве, где у них не будет судьи, а на ярмарке в Копыле у вождей и начальников святой общины Слуцка есть право выбрать их гаона-раввина и назначить его судьей на этих упомянутых ярмарках, где один судья. Касательно же советов королей и князей, святая община Слуцка не должна посылать им послание, кроме как по доброй воле глав основных общин. Если же вожди святой общины Слуцка захотят послать послание совету королей и князей, приняв на себя все расходы, они имеют право и обязанность присоединить свое послание ко всем делам совета, как одни из прочих глав общин, да хранит их Создатель. Если же между руководством общин Бриска и Слуцка возникнут разногласия, то им следует урегулировать их самостоятельно. И все это — лишь на двадцать лет от сего дня. Помимо всех подробностей этих упомянутых дел, они равны прочим главам общин, да хранит их Создатель. А на нынешнем совете и на следующем совете также не должны вмешиваться одна в дела другой — святая община Бриска в дела святой общины Слуцка и святая община Слуцка в дела святой общины Бриска.

Все вышесказанное обрело силу и власть постановления высокого суда при примирении сторон во всех отношениях и при вступлении в силу и должную крепость. И ни один суд, ни один кагал какой бы то ни было области, ни один раввин-гаон, даже на общем собрании пастырей, не вправе ни возразить что-нибудь против этого [решения], ни умалить значение одного из [пунктов] или одной из частных, правдиво изложенных выше; и даже ни одна точка в букве не должна быть изменена ни в великом, ни в малом: все должно остаться во всей силе и крепости, как незыблемый устой, и твердые, решительные слова мудрецов, произнесенные на общем собрании пастырей, должны остаться непоколебимыми — отныне и вовеки. Если же пожелает какой-либо человек, кем бы он ни был, один человек, или множество, или общины, оспорить это постановление или отнять хоть йоту у вышесказанного постановления, то будет он наказан отлучением, и отсечением, и отторжением, и тяжкими и горькими наказаниями, и большими и огромными штрафами, которых и снести нельзя, коль скоро все вышесказанное изложено на клееной бумаге, и указано его записать и ука-

---

Касательно же советов королей и князей, святая община Слуцка не должна посылать им послание, кроме как по доброй воле глав основных общин.

---

³² *Парнас* — глава общины. Титул представителя еврейской общины в Средневековье, избираемого ею для удовлетворения ее материальных нужд и представительства перед властями.

зано читать в этот час и на будущие поколения, чтобы простояло это дело многие дни до прихода Избавителя, который выведет нас к свободе и освобождению.

24 главы общин нашей Литовской страны, да хранит ее Всевышний, при участии великих светочей, глав судов и глав йешиив в нашей стране, сегодня, 2 числа первого адара 5451 г., здесь, на совете страны, святом собрании в общине Хомска, да хранит ее Создатель».

5551 (1791) г.

На совете в адаре 5451 г., собравшемся в Хомске, было решено, что «святая община Слуцка станет одной из главных общин в нашей Литовской земле».

«...Так исходит от нас, руководителей главных общин в нашей стране, и нам доверено подписать это по велению их. Сегодня, в третий день недели, 4 ова 5551 г., в святой общине Несвижа, Совет великой страны, да хранит ее Создатель.

После заседаний Совета в Слуцке в месяцы сиван и тамуз 5521 г., по видимому, появились причины, которые заставили нас перенести заседание его — при участии всех его членов или их части — в Несвиж, и там завершить его работу».

Совет страны был в течение сорока лет, от 5412 до 5451 г., центром власти для четырех основных общин, то есть Бриска, Гродно, Пинска и Вильны. В 5451 г. община Слуцка также потребовала для себя места на заседаниях этого совета. На совете в адаре 5451 г., собравшемся в Хомске, было решено, что «святая община Слуцка станет одной из главных общин в нашей Литовской земле», то есть у нее на заседаниях совета будут два главы страны, а впоследствии и третий, парнас, и писец (служба, как в прочих главных общинах), и так совет стал центром объединения пяти общин и в этой форме просуществовал на протяжении семидесяти лет, от 5451 до 5521 г., когда в Слуцке собрался последний Совет Литовской земли.

Из Актовой книги кладбища в Слуцке 5495 (1735) г.

«В 4-й день недели, 7-й день Пейсаха³³ 5495 года были обнаружены два убитых человека в одной парсе от Погоста, рядом с деревней Невлад, — раби Авром, сын раби Ѓирша Каца, и его сын раби Михл, жители святой общины Глуска. Их тела были принесены сюда в последний день Пейсаха. По словам жителей деревни Погост, упомянутые люди были убиты в 5-й день недели, 16 адара 5495 года, и принесены сюда для погребения в 3-й день недели 27 (24?) нисана 5495 года. Упокоение их у места святых, рядом с ними и с упомянутым сыном его упокоен [раби Авром] с правой стороны от его отца, а рядом с ними, с правой стороны, покоится Зелик, сын раввина Липмана, который был убит на дороге и погребен в 4-й день недели, 26 тишрея 5496 года, рядом с упомянутым р. Авромом».

³³ Пейсах (иврит в ашкеназском произношении) — весенний праздник в память исхода евреев из Египта, длящийся семь дней в Эрец-Исраэль и восемь дней в странах диаспоры.

5521 (1761) г.

«Во 2-й день Рош-га-шоне³⁴ были убиты четверо святых; предали они свои души на смерть и освятили Имя публично, подставили шеи свои, выстояли в испытании и под меч подставили головы свои. Кровь их пролилась, как вода, за святость особого Имени Всевышнего, и души их излились с кровью, и все они вместе были убиты: досточтимый господин раби Нох, сын раби Довида из Романова; и досточтимый господин раби Борух из Романова, сын раби Якова, зять раби Шимена-Йеѓуды, шамеса³⁵; и досточтимый господин раби Яков из Романова, сын раби Шлойме; и досточтимый господин раби Исроэл, сын раби Хаима из Романова. И упомянутый досточтимый господин раби Исроэл упокоился с Господом в мире в первый день новомесячья элуля 5518 г.».

5566 (1806) г.

«В 4-й день недели 13 кислева упокоился и взят от нас светоч, раввин, выдающийся и прославленный гаон, учитель наш раби Хаим, сын раввина, учителя и господина нашего Арье-Лейба Раавада и наставник нашей общины».

5614 (1854) г.

«В 4-й день недели, седьмой день Пейсаха 5614 года, упокоился прославленный раввин, учитель наш раби Шолом-Шахне, сын прославленного раввина, учителя и господина нашего раби Йоны Исерлина. Упокоение его по левую сторону от отца его, который упокоился в день святой субботы, 2 ова 5609 года, в ряду на южной стороне».

5620 (1860) г.

«В 4-й день недели, 12 нисана 5620 года, упокоился умудренный господин и учитель наш раби Исроэл, сын прославленного раввина, учителя и господина нашего раби Йосефа, раввина нашей общины, и упокоение его рядом с тем, кто упокоился в 3-й день недели 14 кислева того же года, в 5-м ряду со стороны города.

Быстрый, как олень, и сильный, как лев.

Да исполнится воля Отца Небесного!

Пусть взглянет человек на это надгробие

И поймет из него, кто в прахе лежит.

Поплачем вместе о том, что отнят ковчег³⁶ мощи нашей,

Почтенный господин, князь великий, как пал он в народе нашем!

На краю света солнце его праведности взойдет!

³⁴ Рош-га-шоне (иврит в ашкеназском произношении) — еврейский Новый год, празднуемый в первый и во второй дни месяца *тишрей* (выпадает на сентябрь–октябрь).

³⁵ *Шамес* (иврит в ашкеназском произношении) — здесь: служка, обычно синагогальный.

³⁶ Ковчег Завета (*Арон га-брис* на иврите в ашкеназском произношении) — ларь в святой святых переносного и Первого храмов, в котором хранились скрижали Завета; самый святой объект этих святилищ. Далее в книге под словом «ковчег» имеется в виду *Арон га-кййдеш* (иврит в ашкеназском произношении; букв. «святой ковчег») — хранилище свитков Торы в синагоге.

Воззовем к Отцу сирот и бедных, ангел спасет их.
 Ждал он последнего дня — это начало жизни его.
 Ласково правый Всевышний насытит душу его.
 Многие блага совершил он, как проживший тысячу жизней,
 И достиг лишь возраста зрелости.
 Многие дни пройдут, и он еще воссияет³⁷».

5656 (1896) г.

«Шмуэл умерший здесь упокоится, лежать будет в земле.
 Что же вы молчите, поднимайте вой пустынный
 и вознесите горький плач о разломе в Израиле!
 Увы, ведь нет его, взыскал Вездесущий Шмуэла.
 Он бился в битве Господней, как лев в силе.
 На заседаниях совета раввинов
 показал он всем, сколь приятно изучать Тору,
 праведные речения Господа, непорочные и прямые.
 Плачьте, плачьте об ушедшем этом, ведь боль так сильна!
 Пройдут дни и годы, но Шмуэл больше не вернется.
 Радуетесь пустыня, а здесь — скорбь, боль и тьма.
 Лишь одно утешение: он бессмертен и не спустится в преисподнюю³⁸.
 Соединился с народом своим почтенный раввин, гаон, мудрец, сочетав-
 ший в себе Тору и мощь, вместе объединились они, учитель и господин наш
 раби Шмуэл, сын раввина, учителя и господина нашего Цви Симховича.
 Ушел он в свой мир во 2-й день недели, 3 адара 5656 года, в Слуцке».

5671 (1911) г.

«Раби Меер, бывший раввином в Березино и здесь, в Слуцке, а также в Ко-
 реличах и Ляховичах, сын раби Йосефа, который был раввином в нашей
 общине в течение тридцати пяти лет и скончался в 5-й день недели, 20 ияра
 5671 года, здесь, в общине Слуцка».

5689 (1927) г.

«В 3-й день недели, в последний день Пейсаха, упокоился прославленный
 в Торе Всевышнего раввин, не смыкавший уста, занимаясь в доме учения
 днем и ночью во все дни жизни своей, почтенный господин, старец, учи-
 тель и господин наш раби Хаим, сын раввина, учителя и господина нашего
 Боруха Га-Когена, резника нашей общины. Его упокоение с честью на рас-
 стоянии одной могилы от раби Йегуды-Лейба Чернихова, который упоко-
 ился 10 кислева того же года в первом ряду со стороны города, и двух могил
 от того, кто упокоился 15 швата того же года (Йосеф Гинцбург)».

³⁷ В оригинале — акростих, первые буквы строк составляют имя «Йона бен Авром». — *Прим. пер.*

³⁸ В оригинале — акростих, первые буквы строк (кроме двух последних) составляют имя «Шмуэл бен Цви». — *Прим. пер.*

СЛУЦК В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

ЭКОНОМИКА

« Продажа билетов лотереи, разрешенной властями. Билеты — у агентов в Минской и Могилевской губерниях: Йеѓошуа, сына Менахема-Мендла Ратнера из Могилева, и Йеѓуды-Лейба, сына раби Арна Пайчика из Слуцка.

Дорогой билет — 140 рублей серебром. Обычные билеты: полный — 130 рублей серебром, половина — 70 рублей серебром, четверть — 36 рублей серебром, десятая часть — 15 рублей серебром, двадцатая часть — 8 рублей серебром, сотая часть — 1 рубль 60 копеек серебром».

«Ѓа-Кармель»³⁹, 1862, № 38⁴⁰

«Торговцам спиртным приходится очень трудно. Из шестидесяти владельцев шинков в нашем городе получили патент только пятнадцать, у которых есть купчая на их дома, приобретенные до 3 мая прошлого года (день издания правил⁴¹).

В настоящий момент из двадцати человек, которым выпал жребий служить в армии, отсутствуют восемь. Виноваты в этом чиновники воинского присутствия, не собравшего “пожертвований”, чтобы заплатить призывникам, как это принято в других городах. Еврей, пошедший служить вместо младшего брата, получил от председателя воинского присутствия 5 рублей серебром и удостоился всяческих похвал.

Йешайоѓу Хургин»

«Ѓа-Мелиц»⁴², 1883, № 22

³⁹ «Ѓа-Кармель» — журнал на иврите, издававшийся в Вильне Ш.-Й. Финном в 1860–1880 гг. *Кармель* (иврит; букв. «Божий виноградник») — горный хребет на северо-западе Эрец-Исраэль, а также гора в районе Хайфы.

⁴⁰ В этом разделе книги редакторы ее перевода на русский язык обнаружили разноречивость в оформлении отсылок текстов к источникам, допущенный составителями сборника, но решили оставить все, как в оригинале.

⁴¹ Речь идет о документе комитета министров Российской империи «О порядке приведения в действие правил о евреях» (более известном как «Временные правила» или «Майские правила»), опубликованном 3 мая 1882 г. Документ резко ограничивал права еврейского населения и фактически стал поворотным пунктом имперской политики в отношении евреев после реформ Александра II. — *Прим. пер.*

⁴² «Ѓа-Мелиц» — «Защитник» — газета на иврите, основанная в Одессе в 1860 г., а в 1871–1904 гг. выходившая (с перерывами) в С.-Петербурге.

«Симха Зак сообщает из Слуцка, что туда прибыли высокопоставленные таможенные служащие, чтобы проверить товары. Контрабанды из-за границы найдено не было, но они забрали товары из Москвы и Лодзи, если на них не было свинцовых печатей, и оштрафовали торговцев на большую сумму».

«Га-Мелиц», 1883, № 22

«Какую огромную пользу приносят евреям фабрики, хорошо видно в нашем городе. В этом году в городе открылась фабрика по производству табака (махорки). И множество наших бедняков, которые прежде слонялись без дела, теперь на ней работают и получают жалование. Если бы наши богачи стали заводить фабрики, то многие наши соплеменники оставили бы свои ничтожные занятия, приносящие копейки, и стали бы зарабатывать на хлеб трудом своих рук.

М. А. Г.»

«Га-Мелиц», 1883, № 22

«В нашем городе наблюдаются признаки возрождения и оживления в связи с приездом инженеров, которые планируют строительство семидесятиверстной железной дороги от станции Городея. Торговцы, шумевшие прежде из-за отсутствия работы, ожидают изменений к лучшему. Слуцк находится в самой плодородной части Минской губернии, местные жители занимаются преимущественно торговлей зерном и овощами. Постройка железной дороги облегчит передвижение и торговлю.

По инициативе Ш. Мигдала, Л. Канторовича и Х. Бронштейна в городе создана касса помощи бедным еврейским гимназистам, которая обеспечивает их питанием, учебными принадлежностями и одеждой и вносит за них плату за обучение. Ученики старших классов гимназии собирают пожертвования каждое воскресенье».

«Восход»⁴³, 1883, № 9

«1 января 1897 года. Слуцк.

В конце 1896 года в нашем городе произошло странное происшествие. Прошел слух, что, начиная с 1897 года, в губерниях, где еще не введена государственная монополия⁴⁴, акциз на водку возрастет до семи рублей

⁴³ «Восход» — ежемесячный, а позднее еженедельный еврейский журнал на русском языке, основанный А.Е. Ландау и выходивший в С.-Петербурге в 1881–1906 гг. Газета с тем же названием выходила в 1882–1906 гг.

⁴⁴ Винная монополия была введена по инициативе министра финансов Сергея Витте в 1894 г., но в полной мере действовала с 1906 по 1913 г. Она распространялась на очистку спирта и торговлю крепкими спиртными напитками. Винокуренные заводы могли принадлежать частным предпринимателям, однако производимый ими спирт покупался казной, проходил очистку на государственных складах и продавался в государственных винных лавках. Монополия вводилась последовательно: сначала в столицах, а затем на окраинах; сперва в европейской части страны, затем в азиатской. — Прим. пер.

Паника и суматоха по поводу денег достигли в Слуцке таких размеров, что за сто рублей серебром на два дня платили два червонца в день!

серебром за гин⁴⁵, однако каждый, кто заплатил за акциз до Нового года⁴⁶, согласно старому закону окажется в выигрыше.

Чтобы стало понятно, какая паника началась в городе, скажем, что она была подобна панике, воцарившейся в “год урожая”⁴⁷ в 1892 году. Всякий, у кого были наличные деньги, поспешил заключить сделку с местными помещиками, купить у них водку, раньше других заплатить акциз и в будущем году воспользоваться преимущественным правом. А поскольку заплатить акциз мог только владелец водки, между нашими братьями, сынами Израиля, началась отчаянная конкуренция по скупке водки у земледельцев⁴⁸, так что ее цена, по сравнению с обычной, выросла вдвое.

Также началась конкуренция за кредит, поскольку резко возросло количество желающих получить деньги, чтобы успеть заплатить акциз по старому закону. И наши зажиточные братья-евреи, обычно скрывающие свое богатство, поспешили раскрыть свои сокровищницы, полные денег. Даже ремесленники и рабочие устремились на “слуцкую биржу”, надеясь разбогатеть. Сапожник отложил шило, портной — иглу, строитель — строительный метр; все были заняты тем, что ссужали другим или брали займы.

Паника и суматоха по поводу денег достигли в Слуцке таких размеров, что за сто рублей серебром на два дня платили два червонца в день! Государственное казначейство было забито так, что не протолкнуться, — накануне Нового года каждый спешил заплатить акциз раньше других.

Какое же разочарование ждало их в новом году, когда стало известно, что акциз остался таким же, как прежде! Все, кто занялся этим делом, смотрели друг на друга — одни с печальными лицами, поскольку ничего не заработали, другие же, напротив, радуясь, поскольку хорошо заработали на ссудах. В любом случае, в Слуцке есть теперь о чем посудачить, ибо эта история стала притчей во языцех.

В эти же дни в городе обосновались “мусарники”⁴⁹ из Слободки во главе со своим духовным руководителем, решив основать у нас свою йешиву. Это не понравилось лучшим людям города, которых, впрочем, никто не спросил, видимо, полагаясь на слова мудрецов: “Делают человеку благо, не спрашивая у него разрешения”⁵⁰.

Ф. Лифшиц»

«Га-Мелиц», 1897, № 5

ЭМИГРАЦИЯ

«Эмиграция в Америку в последнее время значительно возросла. На исходе святой субботы недельной главы “Ваигаш” Слуцк покинули девять семей, направлявшихся в Америку. Во вторник недели главы “Вайехи” — еще десять

⁴⁵ Гин — еврейская мера объема жидкостей. В данном случае, видимо, речь идет о бочке — до-революционной мере объема, равной 40 ведам или 491,96 л.

⁴⁶ В оригинале — «Рош-га-шоне», однако, судя по дате, речь идет о гражданском, а не о еврейском Новом годе. — Прим. пер.

⁴⁷ Видимо, эвфемизм, использованный для цензуры. 1891–1892 гг. стали для России годами неурожая, который привел к массовому голоду. — Прим. пер.

⁴⁸ Написано *амей-го-орец* (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «людей земли». Обычно так называют евреев-неучей, однако в данном случае автор использовал этот термин в буквальном смысле. — Прим. пер.

⁴⁹ *Мусар* (иврит) — букв. «мораль» — моралистическое движение, ставившее на первое место воспитание личности в духе религиозного ригоризма и аскетизма.

⁵⁰ Мишна, «Эйрувин», 7:11.

семей. Еще около пятнадцати семей готовы плыть за океан. И хотя ходят слухи, что два парохода с беженцами на борту, направлявшиеся в Америку, утонули в океане, а также что Новый Свет, который до сих пор служил убежищем для всех униженных и оскорбленных, отныне будет приветливо встречать только эмигрантов, у которых есть деньги, отъезжающие не обращают на это внимания. Ибо слово “Америка” обладает волшебной силой, притягивающей всех и каждого.

*Биньомин Абрамович»
«Га-Мелиц», 12 января 1888 г., № 9*

СИОНИЗМ

«В газете “Га-Йом”⁵¹ была опубликована статья автора из Иерусалима, в которой одновременно говорится о раввине, казначее распределительной кассы⁵² и “Ховевей-Цион”⁵³. Дело в том, что в последнее время посылка денег из нашего города для евреев Святой земли по непонятным причинам прекратилась. Виновником этого автор назвал упомянутого раввина и казначея: дескать, он оказался нечист на руку и якобы отдал палестинofilам деньги, предназначенные для землячества⁵⁴. Что касается сказанного о раввине и казначее, то пусть он сам ответит обвинителям и покажет, что его руки чисты. Однако что касается сказанного о палестинofilе, то я выражаю решительный протест, я хочу заявить, что означенный автор лжет! Поскольку мне известны все действия палестинofilов с момента создания организации и до сего дня, могу сказать, что упомянутый раввин и казначей не передал в кассу организации ни копейки не из своих средств, не из распределительной кассы. Напротив, он всячески боролся с этой организацией, призывал положить конец этому нечестию и не позволял их идеям переступить порог синагоги, в которой молился.

Руки палестинofilов не прикасались к деньгам наших братьев, живущих в Эрец-Исраэль. Они трудятся не покладая рук, чтобы отстроить разрушенное. Зачем же они станут разрушать святое здание, построенное величайшими представителями нашего народа, от которого зависят жизнь и пропитание сотен людей?

*Ошер Авин»
«Га-Йом», 1887, № 14*

Руки палестинofilов не прикасались к деньгам наших братьев, живущих в Эрец-Исраэль. Они трудятся не покладая рук, чтобы отстроить разрушенное.

⁵¹ «Га-Йом» (иврит) — «День», первая ежедневная газета на иврите, выходившая в С.-Петербурге в 1886–1888 гг.

⁵² В XIX в. подавляющее большинство евреев Эрец-Исраэль жили на пожертвования (*халуке*, букв. «распределение»; иврит в ашкеназском произношении), которые собирали для них евреи диаспоры.

⁵³ «Ховевей-Цион» (иврит) — «Любящие Сион», «Палестинofilы» — протосионистская организация, созданная в 1884 г. Главной задачей организации было переселение евреев в Страну Израила и дальнейшее их обустройство там путем развития сельского хозяйства, ремесленничества, строительства новых и поддержания старых еврейских поселений. — *Прим. пер.*

⁵⁴ Деньги между евреями Эрец-Исраэль распределялись через землячества (*колели*), которые самостоятельно собирали пожертвования в диаспоре. — *Прим. пер.*

«Слуцк. Стараниями уважаемого доктора А. Мельцера в нашем городе создано общество “Бней-Цион”, насчитывающее около двухсот мужчин, а также общество “Бнос-Цион”⁵⁵, насчитывающее сто женщин.

В настоящее время общество занято тем, что пытается открыть библиотеку с читальным залом. Для этой цели уже собрана значительная сумма денег.

На прошлой неделе общество “Бойней-Цион” объединилось с обществом “Ционим”⁵⁶, созданное девять месяцев назад и насчитывающее сорок членов. Это произошло благодаря стараниям уважаемой Г. Файнберг. Теперь у этих организаций будет общий центральный комитет, который займется пропагандой национальной идеи, чтобы она стала общенациональным достоянием, а не уделом избранных. Комитет также займется организацией праздника Макавеев⁵⁷, а кроме того, обратит внимание на образование в нашем городе.

Наша община ныне осиротела. Наш раввин, раби Яков-Довид Вилковский, покинул нас и уехал в Америку, чтобы продавать там свою книгу. Казенный раввин тоже очень занят, поскольку приближаются дни выборов⁵⁸.

А. Зислуцкий»

«Га-Мелиц», 10 кислева 1900 г., № 254

«Слуцк, 25 января 1901 г.

Тот, кто не видел празднования Ту би-шват⁵⁹, устроенного на этой неделе в понедельник обществом “Бойней-Цион”, никогда не видел чистой, естественной национальной радости в нашем городе.

Разумеется, правление общества не рассылало приглашений жителям нашего города. Однако достаточно было слуха, что сионисты устраивают национальный праздничный вечер, чтобы к назначенному часу собралось множество народа из всех партий, какие только есть в нашем городе, так что зал был набит битком. Несколько ораторов произнесли свои речи в честь праздника, посетовав собравшимся на равнодушие многих горожан и напомнив им об их национальном долге. Хор общества исполнил несколько песен Сиона. Кроме того, прозвучали национальные стихи, будящие священное чувство любви к своей нации. После этого было предложено угощение — плоды Страны Израиля.

На устройство читальни и библиотеки общества было собрано около ста рублей. Вечер произвел колоссальное впечатление на всех присутствующих.

⁵⁵ «Бней-Цион» (иврит) — «Сыновья Сиона»; «Бнос-Цион» (иврит в ашкеназском произношении) — «Дочери Сиона».

⁵⁶ «Бойней-Цион» (иврит в ашкеназском произношении) — «Строители Сиона»; «Ционим» (иврит) — «Сионисты».

⁵⁷ Имеется в виду Ханука — праздник, отмечаемый в память об очищении Храма и возобновлении храмового служения, последовавшего за разгромом евреями под руководством братьев Макавеев и изгнанием с Храмовой горы греко-сирийских войск и их еврейских пособников.

⁵⁸ Должность казенного раввина была выборной, причем предвыборная борьба порой была достаточно серьезной. — Прим. пер.

⁵⁹ Ту би-шват (15 швата) — Новый год деревьев. Согласно еврейскому религиозному закону, с этого дня начинается отсчет нового года для отделения десятины (маасер) от съедобных плодов деревьев. — Прим. пер.

Стоит с благодарностью упомянуть наших неутомимых общественных деятелей доктора Мельцера, господина Ицхока Файнберга и секретаря общества господина Ш. Бейлина, которые трудятся не жалея сил и не покладая рук с момента создания общества и по сей день. Да будет благословен их труд!

Йеѓуда-Лейб Рабинович»
«Ѓа-Мелиц», 23 швата 1901 г., № 25

«Некоторое время назад сионисты торжественно и с большой помпой открыли в нашем городе чайную⁶⁰. Председатель объяснил собравшимся цель создания чайной. На это дело сионисты собрали значительную сумму денег.

Недавно члены общества “Талмидей-Цион”⁶¹ с гордостью представили спектакль “Бар Кохба”.

Мордхе-Луна Горин»
«Ѓа-Цофе»⁶², 1902, № 11

«Слуцк. Канун субботы “Вайера”.

Вчера в четверг в наш город прибыл почетный гость — раби Ицхок-Яков Рейнес, да продлятся его годы. Он произнес замечательную речь о Сионе в Синагоге домохозяев, наполнившую трепетом сердца слушателей. В результате было принято решение создать в городе отделение “Мизрохи”⁶³.

На следующий день раввин появился в йешиве “Эц хаим” и дал урок Торы, слегка приправленный Агадой. Здесь его слова также произвели глубокое впечатление на немногочисленных слушателей, а сам раввин в свою очередь тоже был впечатлен этим визитом».

«Ѓа-Мелиц», 1903, № 22

«Слуцк. “Мизрохи” делают успехи в нашем городе. Им уже удалось записать в свою организацию более ста человек, в числе которых есть и весьма уважаемые люди. Председателем комитета избран раби Рефоэл-Йосеф Ѓохмарк. В ближайшее время “Мизрохи” намерены организовать группы по изучению Талмуда и Мишны. Прочие сионисты также принимают участие в их деятельности. Организация “Кадимо” недавно открыла чайную, где можно найти более десяти газет. У чайной множество посетителей, принадлежащих к самым разным партиям. Общество “Доврей-иврит”⁶⁴ также шествует “от силы к силе”, а число членов этого общества возрастает с каждым днем.

Организация “Кадимо” недавно открыла чайную, где можно найти более десяти газет. У чайной множество посетителей, принадлежащих к самым разным партиям.

⁶⁰ Идея чайной, которая одновременно служила бы культурно-политическим клубом и читальней, была в начале XX в. чрезвычайно популярной. — *Прим. пер.*

⁶¹ «Талмидей-Цион» (иврит) — «Ученики Сиона». Видимо, молодежная сионистская организация учащейся молодежи. — *Прим. пер.*

⁶² «Ѓа-Цофе» (иврит) — «Наблюдатель» — ежедневная газета, издававшаяся в Варшаве в 1903–1905 гг.

⁶³ «Мизрохи» (иврит в ашкеназском произношении) — аббревиатура слов *мерказ рухани* — «духовный центр» (слово имеет также значение «восточный») — религиозно-сионистское движение.

⁶⁴ «Доврей-иврит» (иврит) — «Говорящие на иврите».

Группа бойцов
Еврейского легиона,
1918.
Сидит второй слева:
Шлойме Символ,
живущий ныне
в кибуце «Яд Элиягу»

Дочери нашего города, стоявшие до недавнего времени в стороне, тоже пробудились от спячки: недавно возникло несколько отделений “Бнос-Цион”, и женщины, состоящие в них, приступили к изучению иврита.

*И. Ганьяндский»
«Га-Мелиц», 1903, № 69*

«Слуцк. От имени движения “Мизрохи” и всех жителей нашего города выражаем благодарность и признательность раввину раби Мееру Зильберману за его некролог праведнику и выдающемуся знатоку Торы раби Йоселе из Слонима⁶⁵. Кроме того, раввин почтил память убитых в Кишиневе⁶⁶. Оратор много говорил о положении наших братьев-евреев в целом и о сионистской идее, в частности. Его речь произвела сильное впечатление на всех слушателей, разразившихся слезами.

Пусть все наши раввины поднимут знамя Сиона, а Господь, пребывавший в Сионе и Иерусалиме, исполнит все упования народа Израиля!

*Председатель комитета Авром-Аба Раскин,
казначей комитета Йосеф Гаркави»
«Га-Мелиц», 1903, № 110*

⁶⁵ Видимо, имеется в виду р. Йосеф Шлофер, автор книги «Порас-Йосеф», раввин Слонима, который скончался в 1903 г. — *Прим. пер.*

⁶⁶ Имеется в виду Кишиневский погром 6 (19) – 7 (20) апреля 1903 г., когда было убито около 50 и искалечено около 600 человек. — *Прим. пер.*

«На прошлой неделе в наш город приехал раби Ицхок Рейнес⁶⁷, который в своем выступлении призвал слушателей поддержать дело Сиона. При его участии было создано общество, насчитывающее пятьдесят членов.

Недавно в городе возникла организация “Талмидей-Цион”. Члены этой организации разговаривают на иврите.

*М.-Л. Горин»
«Га-Цофе», 1903, № 27*

«В Слуцке побывал и произнес речь знаток Торы раби Ицхок-Яков Рейнес. Синагога была набита до отказа. Представители всех партий пришли обсудить идею создания Керен кайемент ле-Израэль⁶⁸».

«Га-Цофе», 1903, № 22

«Сионистское движение в нашем городе делает успехи и смогло привлечь в свои ряды товарищей, принадлежавших к самым разным партиям. Их ведущая организация, “Кадимо”⁶⁹, ведет активную деятельность. Ее стараниями была открыта чайная, где ежедневно собирается множество людей. Там можно найти около пятнадцати газет на русском языке и иврите. Кроме того, этой же организацией создана библиотека, насчитывающая около двухсот книг, содержащихся в образцовом порядке.

Вторая сионистская организация — общество “Мизрохи”. Его деятельность пока не слишком заметна, поскольку оно создано всего полгода назад. Кроме того, у нас действует организация “Поалей-Цион”⁷⁰, в которой состоят рабочие и ремесленники, также хорошо организованная.

*Й. Х. Г.»
«Га-Цифира⁷¹», 1903, № 139*

Сионистское движение в нашем городе делает успехи и смогло привлечь в свои ряды товарищей, принадлежавших к самым разным партиям.

⁶⁷ Ицхок-Яков Рейнес (Райнес, 1839–1915) — выдающийся раввин, основатель движения «Мизрохи» и один из лидеров религиозного сионизма в конце XIX — начале XX в. Способствовал развитию религиозных сельскохозяйственных поселений в Эрец-Израэль. Автор ряда работ по модернизации еврейского образования.

⁶⁸ Керен кайемент ле-Израэль, ККЛ (иврит) — Еврейский национальный фонд — некоммерческая корпорация, созданная согласно решению Пятого сионистского конгресса в Базеле в 1901 г. Основной задачей фонда было приобретение земли в Эрец-Израэль для последующей еврейской колонизации. — *Прим. пер.*

⁶⁹ «Кадимо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Вперед».

⁷⁰ «Поалей-Цион» (иврит) — «Рабочие Сиона» — еврейская социал-демократическая сионистская партия. Первая группа «Поалей-Цион» на территории России образована в 1900 г. в Екатеринославе по инициативе еврейских публицистов Б. Борохова и Ш. Добина. Среди членов партии были лица и группы как марксистской, так и народнической ориентации. — *Прим. пер.*

⁷¹ «Га-Цифира» (иврит) — «Рассвет» — газета, выходившая в Варшаве в 1861–1931 гг. (с перерывами).

Мойше Флейщик,
солдат российской
(царской) армии,
сын Шимена-Лейба,
руководитель слуцкого
оркестра

«Сионисты нашего города устроили пекарню, выпекающую мацу для бедняков. Множество девушек, в том числе из богатых семей, заняты выпечкой мацы. Изначально мы полагали, что никто не станет возражать против этого, однако вы удивитесь, но и у этого дела нашлось множество противников.

А.-М. Хайкин»
«Га-Цофе», 1903, № 65

«Уже в первые дни [Февральской] революции немногочисленные молодые сионисты поспешили созвать собрание и постановили: вести активную пропаганду в народных массах.

В городе начала организовываться сионистская группа. Благодаря замечательным ораторам Абрамовичу и Гринвальду, присланным к нам из Галилии, была создана крупная сионистская организация, насчитывающая двести пятьдесят членов из числа активных юношей и девушек.

В Лаг б-оймер⁷² был устроен благотворительный базар в пользу национального фонда. Этот день принес в кассу фонда около семисот рублей.

Возникла также организация сионистов-домохозяев, получившая название «Кадимо», насчитывающая более шестидесяти членов. Во время выборов в городскую думу сионисты проявили большую активность. На выборах

⁷² Лаг б-оймер (иврит в ашкеназском произношении) — полупраздник, отмечаемый на 33-й день отсчета *оймера* (букв. «сноп» — приношение, совершавшееся в Храме во второй день праздника Пейсах), продолжающегося, согласно предписанию Торы, 49 дней — до праздника Швуес. — *Прим. пер.*

18 июня предстояло избрать тридцать одного гласного. Бунд⁷³, создавший блок с русскими социал-демократами и эсерами, надеялся, что благодаря местному гарнизону получит в городской думе абсолютное большинство. Однако из этого ничего не вышло. Блок получил в думе только девять мест. Сионисты же, вместе со списками, делавшими акцент на еврейском единстве, провели тринадцать своих кандидатов. Оставшиеся восемь мест достались городским русским и полякам. Итого, не считая бундовцев, избрано тринадцать евреев: семь из них сионисты, остальные — беспартийные евреи. Таким образом, сионисты одержали на этих выборах безоговорочную победу. Это привело Бунд в бешенство, и с этих пор бундовцы непрерывно ставят сионистам палки в колеса и всячески очерняют их в глазах солдат, называя их «контрреволюционерами» и «черносотенцами».

20 тамуза была проведена молитва в годовщину смерти доктора Герцля. Синагога была забита до отказа. Несколько ораторов от «Кадимо» и «Ахдуса»⁷⁴ говорили о нашем святом долге продолжить его великое дело.

В тот же день состоялся благотворительный базар для сбора средств на посадку леса Герцля⁷⁵, давший четыреста рублей. 25 тамуза молодые сионисты устроили бал. Была поставлена пьеса Шолом-Алейхема «Вразброд», демонстрировали фотографии, сделанные в Стране Израиля, пели и декламировали песни Сиона⁷⁶. Бал прошел прекрасно и за вычетом всех расходов принес организаторам около восьмисот рублей.

Около двух месяцев назад в городе была создана организация «Агудас-Исроэл»⁷⁷. Среди многочисленных пунктов ее устава есть и пункт, касающийся работы в Стране Израиля, однако в самой организации не чувствуется живого духа.

Общество любителей иврита, созданное еще до Пейсаха, организовало вечерние занятия для пяти классов. Эти уроки посещают больше ста пятидесяти девочек. Преподаватели, четыре учителя и одна учительница, прекрасно справляются со своей работой.

28 июля состоялась впечатляющая манифестация в честь Займа свободы⁷⁸. Множество евреев и русских подписались на заем.

Бунд, создавший блок с русскими социал-демократами и эсерами, надеялся, что благодаря местному гарнизону получит в городской думе абсолютное большинство.

⁷³ Бунд (идиш — «союз»; полное название — Всеобщий союз еврейских рабочих в Литве, Польше и России) — еврейская политическая партия социально-демократической ориентации, одновременно поддерживавшая идеи еврейской национально-культурной автономии. Бунд был основан как подпольная революционная организация в Вильно в октябре 1897 г. Организации Бунда боролись за свержение царизма в Российской империи и ставили своей задачей защиту еврейского пролетариата. Бундисты выдвигали требования национально-культурной автономии евреев и признание идиша в качестве национального языка, утверждая, что евреи представляют собой отдельную не только религиозную, но и национальную группу. Это требование подкреплялось верой в то, что евреи обретут спасение не в Палестине, на исторической родине, а скорее, в Восточной Европе, в странах, где они за долгое время успели укорениться.

⁷⁴ «Ахдус» (иврит в ашкеназском произношении) — «Единство».

⁷⁵ В 1904 г., вскоре после кончины Герцля, было предложено посадить в Эрец-Исраэль лес его имени — оливковую рощу, насчитывающую тысячу деревьев. В феврале 1907 г. Давид Вольфсон, второй председатель Всемирной сионистской организации, посадил первые 18 оливковых деревьев в будущем лесу Герцля. — *Прим. пер.*

⁷⁶ Здесь: песни и стихи сионистского содержания. — *Прим. пер.*

⁷⁷ «Агудас-Исроэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Союз Израиля» — общественно-политическое несионистское движение ортодоксального еврейства.

⁷⁸ Заем свободы — государственный заем, проведенный Временным правительством России; крупнейшее мероприятие Временного правительства в сфере государственного кредита. Заем имел долгосрочный характер и должен был погашаться тиражами в течение 49 лет, начиная с декабря 1922 г. Облигации могли быть предъявлены к оплате в течение 30 лет со срока, назначенного для их оплаты. По данным Кредитной канцелярии министерства

В наш город прибыла представительница петроградской группы “Бриус”⁷⁹, чтобы открыть в городе отделение. Под председательством сиониста Гутцайта состоялось собрание, в котором участвовали все женщины, входящие во все организации, чтобы обсудить следующий вопрос: является ли охрана здоровья евреев, устройство больниц, богаделен и т. д. делом, которым должна заниматься еврейская община? Бундовцы провозгласили, что задача еврейской общины сводится к сохранению нашей культуры, что же до всех прочих вопросов, мы ничем не отличаемся от прочих горожан. Когда же в ходе голосования их декларация не была принята, бундовцы демонстративно покинули зал. В результате из числа сионистов был выбран комитет, который возьмет на себя заботу по организации в Слуцке отделения общества “Бриус”.

Яхин»

«Га-Ам⁸⁰», 10 ова 1917 г., № 2

«Нью-Йорк, 12. На 87-м году жизни скончался знаменитый сионистский магид р. Цви-Гирш Маслянский».

(Палестинское телеграфное агентство)

С кончиной раби Цви-Гирша Маслянского закончилась большая глава в истории палестинофильства и сионизма. Он был одним из величайших сионистских магидов, замечательным человеком, одним из тех, кто учил народ любви к Сиону.

«С кончиной раби Цви-Гирша Маслянского закончилась большая глава в истории палестинофильства и сионизма. Он был одним из величайших сионистских магидов, замечательным человеком, одним из тех, кто учил народ любви к Сиону, сочетая волшебные приемы старинной проповеди и методы современной пропаганды. В своих выступлениях, захватывавших и воодушевлявших, он говорил о любви к Сиону и сионизме, обращаясь к еврейским массам по обе стороны океана, сумев зажечь и пробудить сердца десятков тысяч слушателей. Магиды достойны отдельной главы в истории сионизма, и он был лучшим из них.

Он родился в Слуцке. Еще в детстве отличался феноменальной памятью и глубокими познаниями, однако в первую очередь удивлял ораторскими способностями. Будучи десятилетним мальчиком, Цви-Гирш завораживался в простыню и рассказывал своим малолетним товарищам о разрушении Храма. Его красочные описания производили на детей такое сильное впечатление, что они начинали плакать. Это маленькое детское выступление стало прелюдией к многочисленным выступлениям, когда Цви-Гирш стал взрослым, перед многочисленными аудиториями, в синагогах и залах.

Воспитанник йешивы местечка Мир⁸¹, Маслянский поселился в Карлине. Сначала он был учителем, однако после “Бури на юге”⁸² (1881–1882) был подхвачен волной палестинофильских настроений. Это круто изменило

финансов, к середине сентября 1917 г. число подписчиков на заем достигло 900 000 человек. — Прим. пер.

⁷⁹ «Бриус» (иврит в ашкеназском произношении) — «Здоровье».

⁸⁰ «Га-Ам» (иврит) — «Народ» — газета, издававшаяся в Бродах в 1916–1917 гг.

⁸¹ Мир — поселок в Кореличском районе Гродненской области Белоруссии. В XIX — нач. XX в. — местечко Новогрудского уезда Минской губ., где находилась одна из самых престижных в Восточной Европе йешив. — Прим. пер.

⁸² В еврейской историографии «Бурей на юге» называли волну погромов, прокатившуюся по югу России после убийства Александра II. — Прим. пер.

его жизнь и заставило поменять профессию. Сначала он обосновался в Екатеринославе⁸³, где завоевал сердца общины выступлениями по субботам и праздникам. В 1891 году Маслянский переехал в Одессу. О том, какой эффект производили его выступления, красноречиво свидетельствует то, что Леон Пинскер, Лилиенблюм и Ахад-ѓа-Ам⁸⁴ в один голос убедили его в том, какой огромной силой он обладает. Ибо Маслянский умел вдохновлять и доказывать, мастерски пользовался всеми ресурсами Агады и притч и всеми ораторскими и риторическими приемами и оказывал колоссальное воздействие на слушателей. Его турне по черте оседлости и не входящим в нее губерниям вызвало повсеместный всплеск национального воодушевления. Маслянский знал, как завоевать сердце совершенно ассимилированного просвещенца и раздуть в нем почти погасший уголек, да так, что из него разгоралось пламя. Он также знал, как завоевать сердце богобоязненного еврея, крепко держащегося традиции, затронув его самые сокровенные струны.

Преследования со стороны полиции заставили Маслянского уехать из России. Он начал объезжать европейские общины, производя в “гетто” на Западе такое же сильное впечатление, как и в “гетто” на Востоке. Растущее еврейское население Америки также высоко оценило его — он был самым популярным магидом, общественным деятелем (Маслянский стал заместителем председателя Сионистской организации Америки) и издателем (вместе со своим зятем Турбергом он выпускал газету “Ди идише велт”⁸⁵).

В качестве писателя, писавшего на иврите (он был одним из авторов журнала “Ѓа-Бокер ор”, издававшегося Готлобером⁸⁶) и идише, Маслянский сумел реализовать часть своих талантов, присущих ему как рассказчику и оратору. Он написал несколько книг, из которых самой ценной является сборник воспоминаний⁸⁷.

«Давар»⁸⁸, 13.01.1943 г., № 5330

ОБРАЗОВАНИЕ

«Дорогие читатели! Я не мог сдержать своей скорби и удержаться от того, чтобы обратиться к широкой общественности, сынам Йешуруна⁸⁹, для которых благо их братьев тоже является благом. Быть может, они ощутят горечь, скопившуюся в их сердцах, и найдут им лекарство и утешат их.

⁸³ Ныне г. Днепр на Украине.

⁸⁴ Леон (Йеѓуда-Лейб) Пинскер (1821–1891) — врач, философ, идеолог и деятель сионизма, лидер сионистского движения «Ховевей-Цион». Мойше-Лейб Лилиенблюм (1843–1910) — писатель и общественный деятель. Ахад-ѓа-Ам (Ошер Исаевич Гинцберг, 1856–1927) — писатель-публицист и философ, идеолог так называемого культурного сионизма. — *Прим. пер.*

⁸⁵ «Ди идише велт» (идиш) — «Еврейский мир».

⁸⁶ Авром-Бер Готлобер (1810–1899) — поэт, публицист и издатель, писавший на иврите и идише. В 1876 г. руководил основанным им научно-литературным ежемесячником на иврите «Ѓа-Бокер ор» («Светлое утро»), выходившем сначала в Лемберге (Львове), а затем в Варшаве. — *Прим. пер.*

⁸⁷ Среди материалов, вошедших в эту книгу, есть отрывок из мемуаров Маслянского. См. ниже. — *Прим. пер.*

⁸⁸ «Давар» (иврит) — «Слово» — первая ежедневная газета израильского рабочего движения, выходившая в 1925–1995 гг.

⁸⁹ То есть евреям. *Йешурун* (иврит) — «прямодушный» — библейское поэтическое название народа Израиля.

Здесь жили великие люди: мудрецы, книжники и просто состоятельные евреи, славившиеся благотворительностью, добрыми делами и справедливостью.

Мой родной город Слуцк, что в Литве⁹⁰, — «один из городов-матерей в Израиле»⁹¹. Здесь жили великие люди: мудрецы, книжники и просто состоятельные евреи, славившиеся благотворительностью, добрыми делами и справедливостью. Однако, к несчастью, родилось новое поколение, мудрое в собственных глазах. Они разрушают и губят все, что пестовали и преумножали их отцы. Больница, которой славился город, приходит в упадок, ибо нет никого, кто бы помог и поддержал ее; нет тех, кто препроводил бы в больницу заболевшего бедняка. Талмуд-тора, о которой сказано, что оттуда выйдет Тора, превратилась в самое «больное» еврейское учреждение. Ибо тамошние учителя, которые должны были учить мудрости и пониманию, не следили за тем, чтобы ученики не ходили голыми и босыми и не слонялись весь день без надзора по улицам города. Братства «Маасим тойвим», «Малбиш арумим» и «Гахносес-орхим»⁹², приюты для бедных и нуждающихся обеднели и остались без денег. Люди спят голыми, просят хлеба — и никто не дает. Здание йешивы, созданной в прежние времена, находится в жалком состоянии. Мальчики и юноши, записавшиеся в йешиву, вынуждены ходить по дворам и побираться.

Горе, горе нам! Неужели в таком великом и славном городе, как Слуцк, иссякнет благотворительность? Куда мы катимся, уважаемые читатели? Да возвратимся мы на путь истинный, станем вновь отцами сирот, защитниками вдов и опекунами больных и страждущих! Обратим свой взор на больных и спасем их от гибели!»

«Иври анохи»⁹³, Броды, 13 эуля 1872 г., № 49

«В Слуцком уезде 70 хедеров и 894 ученика. В Пинском уезде 85 хедеров и 1925 учеников. В Новогрудском уезде 44 хедера и 619 учеников. Не все числа являются точными».

(По сообщению губернского школьного совета)

«На страницах «Га-Мелиц» мы уже сообщали, что под влиянием духа времени наши братья начали изучать [русский] язык и [светские общеобразовательные] книги, чтобы стать полезными гражданами. Совсем иная участь уготована девочкам нашего города. Никто не заботится об их образовании, поскольку в городе нет ни одной школы для девочек из простонародья, чьи родители не в состоянии платить три-четыре рубля в месяц за частную женскую школу — в отличие от городских богачей, которые по этой причине не обращают внимания на еврейских девочек, растущих без всякого полезного образования.

⁹⁰ «Литвой» в традиционной еврейской литературе называют не только территорию современного литовского государства, но и ряд соседних районов Белоруссии и Латвии, например, Минск, Гродно, Брест и Слуцк. — *Прим. пер.*

⁹¹ См. «Шмуэль II», 20:19.

⁹² «Маасим тойвим», «Малбиш арумим» и «Гахносес-орхим» (иврит в ашкеназском произношении) — «Добрые дела», «Одевающий нагих» и «Гостеприимство» — благотворительные организации, существовавшие за счет членских взносов и пожертвований и занимавшиеся соответственно помощью нуждающимся, обеспечением бедняков одеждой и размещением приезжих.

⁹³ «Иври анохи» (иврит) — «Я — еврей». Сведения об издании не сохранились.

Многочисленные учителя нашего города ничего не делают.

Кто же в этом виноват? Разумеется, не кто иной, как главы города и его просвещенные граждане, которые не заботятся о будущем поколении и тратят свои силы на ссоры и склоки. Ибо недавно произошел очередной раскол из-за хазанов⁹⁴ З. М. и Ц. Л. Первый из них вел молитву на протяжении трех лет, услаждая слушателей своими сладостными песнопениями, соответствующими законам музыки. Представителям старого поколения это казалось чуждым и непонятным. И вот недавно на празднике, устроенном погребальным братством, они выбрали хазаном Ц. Л. из богатой семьи, чья глотка умеет стенать и рыдать, но он не знает правил пения. З. М. же выгнали.

Разумеется, подобные распри, раздирающие общины Израиля, не оставляют достаточно сил для самых срочных и жизненно важных преобразований.

*Шолом Эпштейн»
«Га-Мелиц», 1881, № 21*

«Сколь печально наблюдать, в каком положении находится в нашем городе талмуд-тора! Ибо оно ужасно: дети, которые там учатся, предоставлены сами себе, нет ни учителя, ни директора. Они ходят от дома к дому, оставив прохаживать и собирают пожертвования. Кому же поручено это бедное стадо? Двум меламедам.

Братья! Возмутительно молчание, которому вы предаетесь в эти недобрые дни.

Нам нужна талмуд-тора, которая одновременно будет ремесленным училищем, а надежные учителя и машгиахи⁹⁵ станут следить за порядком и обучением и удостоятся за это благословения праотцев.

Н. Н.»

«В нашем городе имеется приют, именуемый “Махзикей-йесоймим”, который правильнее было бы назвать “Мазикей-йесоймим”⁹⁶. Воспитанники приюта болтаются по улицам города, не учат ни Тору, ни светские науки и даже не умеют читать на иврите».

«Га-Мелиц», 1881

«Приятная обязанность — похвалить учеников седьмого и восьмого классов из числа наших здешних братьев, и в первую очередь гимназистов Элиасберга и Гутцайта, которые убедили своих товарищей создать школу для детей из бедных семей и нанять для них учителя, который готовил бы их в гимназию. Ученики-добровольцы обязались ежедневно преподавать по три часа и взять по три ученика. По воскресеньям, когда в гимназии нет

⁹⁴ *Хазан* (иврит) — он же *шац*, *шалиах цибур* — кантор, человек, ведущий общественную молитву.

⁹⁵ *Машгиах* (иврит) — воспитатель, следящий за порядком и дисциплиной.

⁹⁶ *Махзикей-йесоймим* (иврит в ашкеназском произношении) — «поддерживающие сирот»; *мазикей-йесоймим* — вредящие сиротам. — *Прим. пер.*

уроков, решено преподавать пять часов. Помимо этого, они собрали деньги, чтобы снять помещение для этих занятий. Около десяти подростков придут к ним учиться.

Йешайогу Хургин»

«Йешайогу Хургин сообщает из Слуцка, что несколько юношей и девушек обратили внимание на положение детей бедняков, которые ходят без дела и работы и не получают достойного образования, и создали общество, цель которого — передать детей бедняков различным ремесленникам для обучения ремеслу, которое даст им заработок, а гимназисты в определенное время будут давать им уроки: учить их русскому языку, арифметике и письму. В настоящее время обществу удалось отдать в обучение десятерых мальчиков и двух девочек. Можно надеяться, что со временем общество расширит и преумножит свою работу».

«Га-Мелуц», 1884, № 44

Существует общество “Махзикей-йесоймим”, задачей которого является оказание материальной помощи бедным детям.

«Выражение “виденное не похоже на услышанное”⁹⁷, судя по всему, совершенно верно. В газетах много раз упоминалось об ужасном состоянии талмуд-торы в нашем городе. Некоторые представители нашей интеллигенции не оставляли талмуд-тору в покое, сообщая, как много нужно изменить и исправить в неправильных порядках этого учебного заведения.

В одну-единственную комнату набивается сорок мальчиков, голых и босых. Учителя не готовятся к урокам, ученики почти ничего не знают. Место педагога занимает человек, не имеющий никакой педагогической подготовки.

Существует общество “Махзикей-йесоймим”, задачей которого является оказание материальной помощи бедным детям. В пользу талмуд-торы была устроена лотерея, которая принесла 75 рублей. На эти деньги отдали в обучение трех мальчиков; на оставшуюся сумму купили одежду и обувь остальным детям. Городские святоши не заинтересованы в изменении и улучшении талмуд-торы и не участвуют в работе нового общества.

М. Эфрос»

«Восход», 1884, № 31

«Комитет Общества распространения просвещения⁹⁸ получил из Слуцка запрос, как им следует поступить, поскольку они хотят открыть вечернюю школу, в которой по вечерам могли бы учиться взрослые рабочие и подмастерья».

«Дер Юд», Вена — Краков, 1889, № 16

⁹⁷ «Мехильга», гл. «Итро», 19:9.

⁹⁸ Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) — крупнейшая культурно-просветительная организация российских евреев, устав которой был утвержден в 1863 г. Возникло по инициативе образованных представителей финансово-промышленных кругов петербургского еврейства с целью пропаганды и развития просвещения в еврейских массах, распространения русского языка и приобщения евреев к русской культуре. — *Прим. пер.*

«Уважаемый и почтенный гость, знаток Торы раби Меер Пеймер из Слуцка, находится нынче в нашем городе [Минске].

На прошлой неделе он советовался с лучшими людьми Минска, солидными предпринимателями и знатоками Торы: Г.-Д. Пинесом, Б. Зельдовичем, А. Рапопортом, Бернштейном и другими — относительно поведения “мусарников”. Упомянутый раввин изложил им свое мнение, впрочем, хорошо им известное. После того как все присутствующие согласились с мнением раввина, было решено обратиться к раби Элийогу-Довиду Рабиновичу⁹⁹, одному из создателей общества “мусарников”, чтобы тот высказал свое мнение.

М.»

«Га-Мелиц», 1 кислева 1893 г., № 251

«Слуцк. Недавно с разрешения виленского генерал-губернатора здесь открылось училище для еврейских девочек. Плата за учебу составляет четыре рубля в год. Арендную плату за помещение взяла на себя городская управа. Все шестьдесят мест в училище были заполнены очень быстро, и множеству девочек, страстно желавших учиться, пришлось отказать из-за отсутствия мест. Ибо что такое одна-единственная женская школа для города, где живут около двадцати тысяч евреев! Поэтому несмотря на то, что данное училище предназначено для дочерей бедняков, которые не могут платить учителю, среди учениц оказалось немало девочек из семей среднего достатка — ведь это единственная женская школа в городе, в то время как для мальчиков имеется двухклассное начальное училище, не считая приготовительного класса. Поэтому наши просвещенные граждане поступят очень хорошо, если в городе появится большое женское начальное училище, подобное существующему начальному училищу для мальчиков. В этом случае они удостоятся благодарности всех девочек, стремящихся к знаниям.

Финансовое положение общества “Огавей-мелохо”¹⁰⁰, созданное около десяти лет назад почтенными женщинами, прекрасно. В течение года около тридцати мальчиков были отданы обществом в обучение различным ремесленникам. Общество не только вносит плату за их обучение, но и обеспечивает нуждающихся хлебом и одеждой. Кроме того, общество наняло для них учителя иврита и русского, который обучает их по вечерам, по два часа в день. Благословенны будут имена создательниц и работниц общества!¹⁰¹

Один из жителей города»

«Га-Мелиц», 27 кислева 1893 г., № 273

Поэтому несмотря на то, что данное училище предназначено для дочерей бедняков, которые не могут платить учителю, среди учениц оказалось немало девочек из семей среднего достатка.

«Слуцк, 12 января 1897 г.

В номере № 5 “Га-Мелиц” мы уже сообщали, что у нас обосновались “мусарники” из Слободки. Понятно, что читатели удивились, как “мусарники”

⁹⁹ Р. Элийогу-Довид Рабинович-Теомим (1843–1905) в 1893–1899 гг. возглавлял еврейскую общину Мира, впоследствии — глава ашкеназской общины Иерусалима. — Прим. пер.

¹⁰⁰ «Огавей-мелохо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Любители труда».

¹⁰¹ Подобные женские благотворительные общества существовали во многих российских городах. — Прим. пер.

решили поселиться в Слуцке, несмотря на то, что большинство уважаемых жителей города были против. Однако не беспокойтесь, дорогие читатели, сейчас вы узнаете, как и почему это произошло.

В последнее время “мусарники” Слободки поссорились между собой, поскольку в том месте им стало слишком тесно, чтобы жить там вместе. Поэтому пастыри святого стада принялись искать еще какой-нибудь город, чтобы “удостоить” его учениками, преумножающими Мусар в этом мире. Пастыри написали письма во многие города, прося принять у себя их паству. Однако, судя по всему, их слова не нашли внимательных ушей. Поэтому им пришлось обратиться к некоторым из лучших людей нашего города, однако те тоже не удостоили их ответом.

Когда это стало известно некоторым жителям Слуцка, они решили, что йешива “мусарников” — дело хорошее. Они надеялись оказаться в числе ее посланников, чтобы наполнить свою пустую тарелку¹⁰². Все они собрались и устроили собрание — обсудить, что предпринять, чтобы поселить “мусарников” в нашем городе. (Сколько есть еще в Слуцке блуждающих во мраке, читатель может понять из следующего: в ночь Йом-Кипера¹⁰³ 1893 года все собрались в одном доме, чтобы посоветоваться, как не допустить в город холеру¹⁰⁴, и не нашли более надежного и проверенного средства остановить эпидемию, чем запретить юношеству читать книги на иврите.) Словом, на этом собрании решено было написать главам “мусарников”, чтобы те поспешили приехать в Слуцк. Они написали, что эта идея пришла по душе многим. Что же до тех, кому эта идея пришла не по нраву, — подняли над ними гору, как бочку¹⁰⁵, пока те не завопили: “Хотим, хотим!”

“Разумному обрести знание легко”¹⁰⁶ — было совершенно понятно, сколько споров, ссор и вражды принесет это в наш город. Разве мало было нам расколов, ссор и свар, происходивших у нас до сих пор, что понадобилось заводить новые? Если йешива в Слуцке пришла не по нраву лучшим людям города и не принесет ни материальной, ни духовной пользы, то зачем им понадобилось приезжать сюда против воли большинства жителей города по приглашению всего лишь нескольких евреев, людей без имени, думающих только о деньгах? Известно, что нет у Израиля лучшего способа снискать благословение, чем мир. И если “мусарники” его нарушат, то зачем и для чего им ехать сюда?

В эти же дни в нашем городе произошел печальный случай. В одном доме разом заболели мать и дочь. Доктор выписал дочери лекарство, которое нужно пить, а матери — карболовую кислоту промывать рану. Однако служанка поменяла местами пузырьки, девочка выпила карболовую кислоту и в тот же день умерла в страшных мучениях.

¹⁰² Посланники, собиравшие деньги на йешиву, оставляли себе определенный процент. — *Прим. пер.*

¹⁰³ Йом-Кипер (иврит в ашкеназском произношении) — День искупления.

¹⁰⁴ В 1893 г. холера свирепствовала во многих российских губерниях, включая белорусские. — *Прим. пер.*

¹⁰⁵ Ср. трактат Талмуда «Шабат», 88а: «“Вывел Моше народ к Господу из стана, и встали они у подножия горы” (“Шмот”, 19:17). Сказал раби Авдими, сын Хамы бар Хасы: [“Слова ‘встали под горой’] учат нас тому, что вознес Святой, благословен Он, над сынами Израиля гору, словно бочку, и сказал: ‘Если примете Тору — хорошо, а если нет — здесь будет ваша могила!’»]. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶ «Мишлей» («Книга притчей Соломоновых»), 14:6.

На прошлой неделе один еврей сошел с ума прямо посреди улицы. Всю ночь он слонялся по городским улицам, и никто не отвел его домой.

Га-Мабит»

«Га-Мелиц», 30 швата 5657 г.

«Слуцк, 17 адара-бет, 5657 г.

“Тора и Мусар” — статью с таким названием, направленную против “мусарников”, опубликовал раби Меер Пеймер из Слуцка, присоединившись к противникам этого движения во время большой полемики, охватившей раввинов Литвы. В конце статьи автор позволил себе очень резкие высказывания против лидеров этого движения в Слободке и Слуцке».

«Га-Мелиц», 1897, № 56

«Раби Меер Пеймер вновь выразил свое несогласие [с идеологией движения Мусар] и особенно с поступком выходцев из Слободки, приехавших сюда “без согласия раввинов и лучших людей города”».

«Га-Мелиц», 1897, № 57

ЛЮДИ ТОРЫ

«В пятницу, накануне святой субботы, наши братья, сыны Израиля, понесли тяжелую невосполнимую утрату.

С прискорбием сообщаю, что я получил письмо от своего зятя раби Пеймера, раввина Слуцка, в котором он пишет, что в России его сын, хорошо известный многим раби Исроэл Бёмер, тяжело заболел в четверг, 6 нисана, и скончался в следующую среду, 12 нисана. Да пребудет его душа с Богом, и да утешит нас Всевышний вместе со всеми скорбящими Сиона и Иерусалима!

*Знавший и уважавший покойного
Йешайоу Вольгемут из Мемеля¹⁰⁷”.*

Мы были глубоко опечалены этой грустной новостью и искренне скорбим в связи с потерей нашего друга, скончавшегося в расцвете лет. С печалью в сердце мы сообщаем об этом всем любившим покойного и знавшим его имя благодаря опубликованным им сочинениям. Наша газета “Га-Магид¹⁰⁸”, с которой покойный ученый сотрудничал на протяжении девяти месяцев, также считает своим долгом почтить его память. Да покоится он с миром, да будет благословенна его память!»

«Га-Магид», 25 апреля 1860 г., № 16

¹⁰⁷ Мемель — ныне г. Клайпеда.

¹⁰⁸ «Га-Магид» (иврит) — еженедельная газета на иврите, выходившая сначала в г. Лыке (Пруссия), затем — в Берлине, потом — в Кракове в 1856–1903 гг.

Раввин собрал около сорока мальчиков из беднейших семейств, нанял для них учителей и следил, чтобы они были обеспечены хлебом и всем необходимым.

«Воскресенье, 23 адара-алеф, 5630.

Недавно скончался выдающийся раввин и знаток Торы раби Пейсах-Арн. Покойный был одним из выдающихся мудрецов, знатоком Талмуда, кодексов, мидрашей¹⁰⁹ и респонсов¹¹⁰. Он учил Тору днем и ночью, был поборником справедливости и стремился помогать ближним. Он создал Общество просвещения бедняков, помогавшее нуждающимся, вдовам и сиротам. Раввин собрал около сорока мальчиков из беднейших семейств, нанял для них учителей и следил, чтобы они были обеспечены хлебом и всем необходимым. Он прожил всего сорок три года. Множество людей проводило его в последний путь; прощальная церемония состоялась на синагогальном дворе, а на кладбище с речью выступил доктор Йекусиэль Шварц.

Ицхок-Яков, сын Пейсаха»

«Га-Магид», 1870, № 11

«В наши дни не осталось представителей старшего поколения, которые были бы довольны представителями нового поколения, идущими новыми путями, а тем более готовых понять и согласиться, что эти новые пути — пути прямые и истинные, намного лучше, чем прежние. Поэтому эти люди нам очень дороги, хоть они и очень малочисленны.

Одного из таких замечательных людей мы потеряли прошлой зимой. Это известный раввин и праведник раби Нафтоли-Цви, автор книги «Ган Цви»¹¹¹, посвященной Пятикнижию. Он скончался в возрасте семидесяти пяти лет. Днем и ночью покойный изучал Талмуд и кодексы. Кроме того, он был образованным и просвещенным человеком, хорошо знакомым с законами мироздания и межличностных отношений. Мягкими словами и с приветливым выражением лица он неоднократно мирил супругов. Он был учителем знаменитого магида раби Дайнова, который беззаветно любил своего наставника.

М.-И. Гирштейн».

«Га-Магид», 1872, № 34

«Поскольку он не принадлежит к числу тех, кто сидит за печкой, то, чтобы не показаться читателям одним из таких, он считает своим долгом объявить, что является учеником Землемерной школы¹¹², созданной правительством Его Императорского Величества.

В своей статье он вывел меня, чтобы поразить своими стрелами, обогатить и оклеветать меня. В той же статье он написал много лжи о местном

¹⁰⁹ *Мидраш* (иврит) — «изучение», «толкование» — раздел Устной Торы, включающий толкования и разработку коренных положений еврейского учения, содержащегося в Письменной Торе, а также каждый отдельный текст, относящийся к этому разделу.

¹¹⁰ Респонсы — жанр религиозной литературы: письменные разъяснения и решения по галахическим и судебным вопросам, которые даются признанными учеными в ответ на запросы общин и отдельных лиц.

¹¹¹ «Ган Цви» (иврит) — «Сад Цви».

¹¹² Имеется в виду Императорский Константиновский межевой институт — высшее учебное заведение в Москве, основанное в 1779 г., ныне — Университет геодезии и картографии. Институт готовил землемеров — крайне востребованная профессия в эпоху отмены крепостного права и постоянного межевания помещичьих и крестьянских земель. — *Прим. пер.*

раввине, которого, упоминая в своей статье, всякий раз называл “раввином и знатоком Торы”. Также он оскорбил честь и достоинство покойного городского раввина (хотя мудрецы говорили, что величие праведников после смерти больше, чем при жизни), которого при каждом упоминании в своей статье называл “покойным раввином, благословенной памяти”.

Он также оскорбил память истинного знатока Торы, единственного в нашем поколении, учителя и наставника, раби Йосефа Бёмера, известного во всем мире как раби Йосеф Слуцкер.

Автор статьи утверждает, что моя жена ненавидит его, что ее темные и отсталые родственники ненавидят его, что даже раввин ненавидит его, ибо он стал просвещенным и учеником Землемерной школы, и что он хотел успокоить жену, родственников и возглавляющего их местного раввина и потому опубликовал эту статью. Интересно, кого может умиротворить эта статья, чтобы он воскликнул: “Радуйся, о сердце”¹¹³?

Я всегда был готов положить душу ради истины и мира. Если бы я попросил автора написать о раввине, я бы признался в этом и сказал бы: да, так и было. Однако это гнусная ложь! Я никогда не просил об этом, поскольку никогда не считал дело местного раввина достаточно важным, чтобы о нем говорить. В 11-м номере написано, что раввин любит людей. Это откровенная ложь, и умному достаточно намек. В 13-м номере автор написал, что раввин создал Общество просвещения бедняков. Это тоже ложь, поскольку это общество создал покойный раби Пейсах Карон, нынешний же раввин по своему духу человек бездеятельный. Написано, что половину своего жалованья он раздает бедным, — снова ложь! Как у него вообще хватает наглости на такое! Если ты раввин, как можно допустить, чтобы от твоего имени публиковали такую ложь?! Что же до сказанного в 13-м номере, что евреи возненавидят его из-за того, что я бесчещу раввина, то это правда.

Касательно сказанного, что покойный раби Бёмер не пускал меня на порог своего дома, могу лишь сказать, что покойный раввин, напротив, меня любил, я же был одним из самых больших его почитателей в этом городе.

После всего сказанного считаю нужным заявить, что буду очень рад, если автор помирится со своей женой¹¹⁴.

*Цви-Гирш Дайнов,
магид, уроженец Слуцка»
«Га-Иври»¹¹⁵, 1873, № 18*

«Примером могут служить два замечательных состоятельных человека, богобоязненные и непорочные еврейские реб Йона Исерлин и его сын раби Шахне из Слуцка. Так же, как они заботились о своих домочадцах, они заботились обо всех членах общины. Каждый, кто строил дом, женил сына или выдавал замуж дочь, знал, что может получить определенную материальную помощь у вышеупомянутых людей. Те же давали с радостью, чтобы никто не чувствовал, что получает незаслуженный подарок, но, напротив, ощущал, что

¹¹³ См. Талмуд, «Бава мециа» (арам. «Средние врата») — трактат из раздела Талмуда «Незикин» («Виды ущерба»), 83б.

¹¹⁴ Из текста непонятно, кто или что вызвало столь бурную реакцию известного магида. — *Прим. пер.*

¹¹⁵ «Га-Иври» (иврит) — «Еврей». Сведения об издании не сохранились.

ему дают то, что ему причитается. Подарки они посылали всем евреям города, от богачей до последнего бедняка, каждому по его достоинству. В праздники все жители города от мала до велика приходили к ним с поздравлениями, а те в свою очередь одаривали пришедших подарками, каждому по его достоинству. Единственным удовольствием и честью для этих людей было творить добро и помогать бедным и нуждающимся; им они помогали, об их чести заботились. Для больных бедняков у них был специальный винный погреб, где хранились отборные вина, которые можно найти далеко не во всех магазинах. На субботу и праздники все бедняки получали от них в подарок муку и мясо. Они помогали каждому, кто протягивал руку, а многим беднякам помогали тайно, чтобы те не знали, кто их благодетель, и не стыдились».

«Га-Керем»¹¹⁶, 1882

Что же касается Слуцка, то это большой город (также славящийся мудростью), поскольку испокон веков здесь пребывали знатоки Торы и еврейского закона, учившие народ Торе и нашей святой религии.

«Величайший наставник, светило в небесах Талмуда, истинный знаток Торы и праведник, богобоязненный и непорочный, достопочтенный и святой раби Йосеф, светоч Израиля, раввин святой общины Слуцка переезжает в Россиены Ковенской губернии, однако еще будет сиять в семь раз ярче (по слову мудрецов, говоривших, что, когда знаток Торы стареет, его мудрость возрастает). Что же касается Слуцка, то это большой город (также славящийся мудростью), поскольку испокон веков здесь пребывали знатоки Торы и еврейского закона, учившие народ Торе и нашей святой религии. В свою очередь, святая община и ее главы высоко ценили славу, которой наделил их Всевышний, поселив среди них такого знатока Торы и образцового человека, как вышеназванный раввин».

«Га-Магид», 1856, № 34

«Сердце мое возрадовалось, когда я увидел, что в наше время, когда величие Торы повержено в прах, а изучение Торы считается пустым ничемным делом, в одном месте собралось около двухсот юношей, посвятивших свою жизнь изучению Торы. В вас я вижу надежду на то, что вы сможете просветить следующее поколение. Поэтому “крепитесь и будьте мужественными”¹¹⁷.

(Благословение, которым раби Ицхок-Яков Рейнес закончил свой урок в йешиве “Эц хаим”¹¹⁸ в Слуцке в четверг 11 швата 5663 года)».

«Га-Мелиц», 1903, № 34

БОЛЕЗНИ И ЭПИДЕМИИ

«Страшная болезнь¹¹⁹, сразившая прошлым летом множество людей во многих городах, не миновала и наш город.

¹¹⁶ «Га-Керем» (иврит) — «Виноградник». Сведения об издании не сохранились.

¹¹⁷ «Шмуэль I», 4:9.

¹¹⁸ «Эц хаим» (иврит) — «Дерево жизни».

¹¹⁹ Имеется в виду холера, свирепствовавшая в Белоруссии в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. — Прим. пер.

В прошлый месяц ав стало известно, что несколько человек умерли внезапной смертью. Болезнь распространилась стремительно и сразу же унесла множество детей, не пощадив, впрочем, и взрослых. Тогда люди поняли, что надо принимать меры, чтобы остановить эпидемию. Собирали собрания и создали комитет, вооруженный всеми медицинскими и лечебными средствами. Двум еврейским врачам положили жалование, чтобы они все время находились в готовности оказать помощь любому. Также решено было платить доктору Машевскому, чтобы он помогал навещать больных (из числа бедняков) и чтобы по его рецептам им выдавали в аптеке лекарства. Помимо денежных вопросов, людей предупредили, чтобы они не ели тяжелую пищу и не готовили на субботу чолнт.

9 ова¹²⁰ были расклеены объявления, гласившие, что женщинам, а также юношам и девушкам до восемнадцати лет запрещено поститься, а мужчинам, которые чувствуют, что пост может повредить их здоровью, разрешается есть и пить¹²¹. В “пост Гдалы” объявили, чтобы никто не смел поститься. Утром накануне Йом-Кипера было сделано три объявления: 1) Вечером, после молитвы “Кол нидрей...”¹²², женщины должны вернуться домой после молитвы “Шмонэ эсре”¹²³. 2) Всем, кто выходит из синагоги, можно надеть кожаную обувь¹²⁴. 3) Разрешили оставить в печах бутылки с водой, как это делают накануне обычной субботы¹²⁵. Кроме того, на случай внезапного приступа в помещении комитета поставили самовары. Каждую ночь в помещении комитета находились дежурные.

Поблагодарим же тех, кто взял на себя это важное дело: уважаемого филантропа и общественного деятеля реб Цви-Гирша-Довида Травина, уважаемого филантропа реб Цви-Гирша Гецова, реб Биньомина Вольфсона, реб Мойше-Йехиэла Авриля, реб Йеѓуду Ланду и его достопочтенного брата реб Бецалела Ланду, достопочтенного реб Хаима Минца, реб Нахмена Акко и реб Меера Рейсера.

<...>

В Большой синагоге собрали многочисленных сирот, чьи родители умерли во время эпидемии. Там же собралось все руководство общины во главе с раби Менахемом-Мендлом. Однако в тот раз не было принято никакого решения, но лишь призвали всех горожан внести пожертвование, чтобы собрать денег, которых хватит, чтобы содержать этих сирот, пока не закончится месяц тишрей, а после этого соберется ежегодное собрание, которое и решит, что делать с ними дальше.

В воскресенье после Йом-Кипера наш город посетил губернатор Минской губернии и задержался здесь на три дня. Он поинтересовался, сколько народу умерло от эпидемии.

*Ицхок-Яков Ѓиршбейн»
«Ѓа-Мелиц», 1872, № 15*

¹²⁰ 9 ова (Тиша бе-ов; иврит в ашкеназском произношении) — пост в память о разрушении Первого и Второго иерусалимских храмов.

¹²¹ Согласно еврейскому закону, мальчики должны поститься с 13, а девочки — с 12 лет. — Прим. пер.

¹²² «Кол нидрей...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Все обеты...» — молитва, которой начинается богослужение Йом-Кипура. — Прим. пер.

¹²³ Хотя богослужение в синагоге еще продолжается, иногда в течение часа и больше. — Прим. пер.

¹²⁴ Запрет носить кожаную обувь — один из пяти запретов Йом-Кипура. — Прим. пер.

¹²⁵ Чтобы на субботу была горячая вода. Бутылки с горячей водой использовали для оказания первой помощи заболевшему холерой. — Прим. пер.

Тогда люди поняли, что надо принимать меры, чтобы остановить эпидемию. Собирали собрания и создали комитет, вооруженный всеми медицинскими и лечебными средствами.

«Примерно месяц назад группа состоятельных людей во главе с Ш. Менделем и Б. Вольфсоном, посоветовавшись, обратилась к губернатору с просьбой, а тот в свою очередь разрешил им — взять три тысячи рублей из кассы “коробочного сбора”¹²⁶, чтобы отремонтировать старую больницу, темную и убогую, а к тому же очень маленькую, что доставляет множество неудобств всем больным, приходящим сюда лечиться. Кроме того, получено разрешение на строительство новой больницы с просторными чистыми палатами и прилегающим большим садом. Здание старой больницы станет приютом для бедных стариков, которые смогут провести там остаток дней, не страдая на старости лет от голода и холода.

Однако автор 15-го номера “Га-Мелиц”, не скупившегося на похвалу нашим жертвователям, решившим взять из кассы “коробочного сбора” три тысячи рублей на ремонт больницы, несколько поспешил. Если бы они действительно думали о больнице, то постарались бы в первую очередь решить более насущные проблемы, касающиеся еды, питья, коек и т. д., вместо того, чтобы возводить новые стены вместо старых, еще достаточно прочных.

Я слышал жалобы, что фунт мяса делят на десятерых больных. Так что, если бы не помощь милосердных женщин, стряпающих для больных, они бы умерли с голоду. Кроме того, им приходится довольствоваться мешком, набитым соломой. Дипломированного врача в больнице нет. Поэтому лишь очень немногие приходят сюда лечиться.

Шолом Га-лейви Эпштейн»
«Га-Мелиц», 1881, № 15

«Около двух лет назад на средства общины была построена больница и разбит большой сад с многочисленными деревьями, дарующими прохладу. Первоначально руководство больницы не вызывало нареканий и осуществлялось честным и надежным человеком Биньоминим Вольфсоном, который занимался всеми делами больницы и с помощью богатых членов общины обеспечивал больных всем необходимым и восполнял все недостающее. Однако с тех пор, как в городе заплясал Сатана и начались раздоры, больница стала приходить в упадок. Больными никто не занимался, одеяла превратились в лохмотья. Если бы не местный жертвователь реб Дов-Бер Лифшиц, пришедший на помощь, здание больницы давно бы разрушилось и развалилось. К счастью, этот человек заплатил из своего кармана триста рублей серебром и немного привел здание в надлежащее состояние. Однако один человек, даже весьма состоятельный, не может в одиночку содержать всю больницу и заботиться обо всех ее нуждах. Если прочие городские жертвователи не позаботятся о своих бедных братьях, нуждающихся в лечении, нет никакой надежды, что она простоит долго. Поэтому я призываю всех руководителей общины и горожан, чтобы они обратили внимание на плачевное состояние этого лечебного учреждения, являющегося для многих наших братьев единственным спасением и прибежищем в час беды, и прекратили ссоры и свары.

Арье-Лейб Рубинштейн, помощник казенного раввина»
«Га-Мелиц», 1886, № 45

Я слышал жалобы, что фунт мяса делят на десятерых больных. Так что, если бы не помощь милосердных женщин, стряпающих для больных, они бы умерли с голоду.

¹²⁶ «Коробочный сбор» — налог на кашерное мясо. — Прим. пер.

«В нынешнее время, когда затворились источники заработка, а торговые пути заброшены и люди питаются разве что не собственной плотью, жители Слуцка не удовлетворились одним хазаном, который исполнял свою должность в течение продолжительного времени и которым многие были вполне довольны, и нашли себе еще одного хазана, который ездил по городам и деревням и в ходе своих поездок пожаловал и в наш город¹²⁷. Хазан приехал — и смутил весь город, поселив страшную ненависть между отцами и детьми, мужьями и женами. Дошло до ссор, проклятий и драк, начавшихся на улицах Слуцка; дома молитвы превратились в кабаки. Не проходило ни одного богослужения, чтобы туда не являлись полицейские, чтобы прекратить беспорядки и скандал.

Тем временем большая местная больница пришла в упадок, по улицам города слоняются ободранные мальчишки, поскольку им негде учиться. Поэтому не могу удержаться, чтобы не обратиться к землякам своими словами: отложите свары, забудьте о хазанах и позаботьтесь лучше о больных и нуждающихся! Займитесь действительно достойными и полезными вещами!

*Человек из Пинска»
«Га-Йом», 1886, № 116*

«Слуцк, 24 января 1897 года.

Члены почтенного общества “Огавей-мелохо” не знают ни сна, ни отдыха и все время делают что-нибудь доброе и полезное. В эти дни члены братства собрались на квартире одного из членов общества, чтобы посоветоваться, как изменить к лучшему нравственное состояние юношества и приучить его к труду под своим надзором. Было решено учить юношей святому языку и языку другого народа¹²⁸. Но поскольку в кассе общества нет денег, чтобы платить жалование учителям и меламедам, члены общества обратились к молодым людям с призывом учить детей бедняков, не беря за это плату. Этот призыв пришелся им по нраву и не остался гласом вопиющего в пустыне; многие молодые люди выразили готовность поддержать это дело.

Еще одно почтенное братство нашего города, одно из самых многочисленных и влиятельных, — “Линас-га-цедек”¹²⁹. Оно было создано 10 тевета 5649 (1889) года стараниями реб Зундла Макаби, да продлятся его годы. Пришло время, чтобы наш город высказал ему свою благодарность. Это братство, насчитывающее около тысячи членов, заботится о больных, прикованных к постели; люди даже остаются у больного на ночь, чтобы позаботиться о его нуждах. В распоряжении братства имеются утки, подушки, клизмы и другое медицинское оборудование, необходимое при различных болезнях, которое выдается нуждающимся напрокат. Это служит большим подспорьем не только для бедняков, у которых нет денег купить необходимое, но и для людей среднего достатка.

Еще одно почтенное братство нашего города, одно из самых многочисленных и влиятельных, — “Линас-га-цедек”.

¹²⁷ Подобные странствующие хазаны, нередко с хором, были в те годы неотъемлемой частью еврейской жизни. — *Прим. пер.*

¹²⁸ То есть русскому. «Язык чужого народа» (*лашон ам зар, луазит*) — традиционный еврейский термин для обозначения нееврейских языков. — *Прим. пер.*

¹²⁹ «Линас-га-цедек» (иврит в ашкеназском произношении) — *лина* — букв. «ночлег», *цедек* — «справедливый»; в вольном переводе — «Достойное ложе».

О том, сколько пользы приносит братство нашему городу, можно увидеть из недавно опубликованного отчета, который был вывешен на дверях всех домов молитвы. Этот отчет содержит полный список всех поступлений и расходов общества за 1889–1897 годы. Доходы общества, складывавшиеся из личных пожертвований, поступлений из синагог, специальных сборов накануне Йом-Кипера и членских взносов, составили 1952 рубля 65 копеек серебром. Расходы на лечение, лекарства, покупку вина для больных и приобретение медицинского оборудования, а также письменных принадлежностей и актовых книг составили за все эти годы 1849 рублей 8 с половиной копеек серебром. В кассе общества осталось 103 рубля 50 копеек серебром. В ближайшие дни члены общества соберутся снова, чтобы обсудить его дальнейшую работу на благо людей.

Горожанин»

«Га-Мелиц», 7 адара-бет 1897 г.

ПОЖАРЫ

«Девятого ова судьба обрушила на нас свою тяжкую руку, издревле хорошо обученную бить и бившую нас неоднократно. Ибо когда день уже клонился к вечеру, когда уже почти иссяк источник слез, которые мы проливали в память о сожженном Храме, раздался голос, зовущий бороться с огнем, и наши уши услышали грохот барабанов и звон колоколов, а также раздававшиеся на улицах крики: бегите, спасайтесь, ибо огонь охватил наши жилища! Евреи были утомлены суточным постом и скорбью. Однако, услышав это, без принуждения поднялись и поспешили к месту пожара. Но увы! Огонь охватил лавки с четырех концов, и густые столбы дыма поднимались к небу. Огонь пожрал два ряда лавок; всего их сгорело около восьмидесяти. Кроме того, сгорело около пятидесяти домов, жители которых оказались на улице. Огонь бушевал с первого до третьего часа.

Причинен огромный, колоссальный ущерб — порядка ста пятидесяти тысяч рублей серебром. Кроме того, в этом пожаре сгорела одна еврейская душа — мальчик семи лет от роду.

С благодарностью отметим действия командира казачьей части Артемия Андреевича Астахова, пославшего своих солдат на борьбу со страшным пожаром».

«Га-Кармель», 1862, № 5

Огонь появился в три часа дня, и в течение следующих трех часов город был уничтожен.

«2 тамуза. В прошлый вторник начался пожар (причина неизвестна), уничтоживший в нашем городе около тысячи домов. Огонь появился в три часа дня, и в течение следующих трех часов город был уничтожен. Сгорели также Большая синагога, очень красивая и просторная, молельня, дом учения покойного праведника реб Йоны, дом учения Симховича, дом раввина, больница и восемь других домов молитвы. В огне также погибли несколько человек. Сгорело несколько свитков Торы, книг пророков и множество томов Талмуда на очень большую сумму. Большинство погорельцев лишились всего, и у них нет ни хлеба, чтобы утолить голод, ни одежды, чтобы прикрыть наготу. Богачи вместе со своими женами и детьми бежали в поля,

где провели ночь как бродяги, обливаясь слезами; голоса маленьких детей “святого стада” возносились к небесам.

Среди них был и автор этих строк. Нескольких больных вынесли в поля прямо на их кроватях. Так же поступили с роженицами и их детьми.

У нескольких человек дома́ были застрахованы на значительную сумму.

На вторую ночь в полях не осталось ни души, поскольку “милосердные, сыны милосердных”¹³⁰ разобрали несчастных по домам, и никто не сказал ближнему: “У меня тесно”¹³¹.

Множество людей проявили гостеприимство и приняли погорельцев в своих домах. Состоятельные горожане также раздают им хлеб, бобы и картошку. Из окрестных местечек ежедневно доставляют продукты, которые посылают как наши братья-евреи, так и крестьяне-христиане. Минский губернатор Касинов¹³² пообещал помочь несчастным, милосердный государь послал на пропитание погорельцев пожертвование в размере пяти тысяч рублей серебром, а виленский губернатор Потапов¹³³ — тысячу рублей серебром.

Так же и вы, прославленные филантропы Симхович и Исерлин, не оставляйте своих несчастных братьев на произвол судьбы. И вы, братья Симховичи, живущие ныне в Могилеве, и вы, богачи Фридланды из Динабурга, — не забывайте, что вы в первую очередь уроженцы Слуцка. Поэтому вам тоже следует проявить сострадание к своему родному городу, преисполненному Торы, богобоязненности, милости, милосердия и благотворительности.

*Цви-Гири Дайнов»
«Га-Магид», 1868, № 27*

Множество людей проявили гостеприимство и приняли погорельцев в своих домах. Состоятельные горожане также раздают им хлеб, бобы и картошку.

«Из всех окрестных деревень везли хлеб; христиане приносили свои пожертвования.

Мемельское общество “Ойсей-цдоко”¹³⁴, созданное реб Исерлином, перевело семьдесят пять рублей, из Бобрыйска прислали восемьдесят пять рублей, из Ляховичей — сто рублей, из Узды — двадцать пять рублей, из Несвижа — семьдесят пудов хлеба, из Луцка — сорок пять пудов хлеба, из Старобина — сорок пудов хлеба и двести булок из пшеничной муки. Мацкович, человек со средствами, прислал пожертвование в размере полутора мер тонкой муки и полутора мер грубой муки, сорока пудов хлеба и шестисот хал из пшеничной муки. Реб Йосеф Фульман прислал полторы меры ржаной муки. Из Уречья прислали двадцать пудов хлеба, из Вызны — двадцать пудов хлеба, из Грозова — пятнадцать пудов хлеба».

«Га-Магид», 1868, № 37

¹³⁰ Так Талмуд называет евреев. — *Прим. пер.*

¹³¹ Аллюзия на Мишну, «Авот», 5:5: «Десять чудес происходили с нашими праотцами в Храме... никто ни разу не сказал, ночуя в Иерусалиме: “Тесно мне здесь”». — *Прим. пер.*

¹³² Касинов Егор Александрович (ум. 1869) — действительный статский советник, минский гражданский губернатор в 1868–1869 гг. — *Прим. пер.*

¹³³ Потапов Александр Львович (1818–1886) — русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии. В период правления Александра II занимал ряд высоких должностей. Стоял во главе Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, был шефом жандармов и главноуправляющим Третьим отделением в 1874–1876 гг. — *Прим. пер.*

¹³⁴ «Ойсей-цдоко» (иврит в ашкеназском произношении) — «Творящие справедливость».

«Среда, 10 ова.

Избран комитет, состоящий из христиан и евреев, который будет раздавать пособия несчастным, чтобы они не страдали от голода.

Приехал флигель-адъютант Кавелин и привез пять тысяч рублей. Раздача этих денег закончилась в среду 11 тамуза. Раздачей занимались исправник Лабузнов и судья Лесвич, уважаемые граждане из числа наших братьев Цви-Довид Травин, Мойше Мошалов, Шмуэл Магдиэл, Цви-Гилел Безбородкин, Довид Косовский и Масисъйоу Граевский.

До пятницы было роздано 3260 рублей. В синагоге на Виленской улице состоялось собрание, созванное в честь столь знатных гостей, которые собрались уезжать из города. Казенный раввин М. Липман открыл собрание прочувствованной благодарственной речью. Затем вышел известный хазан Бецалел Ланда с хором певчих, исполнивших “Дарующий спасение” в честь государя императора. Выступил также Его превосходительство господин Кавелин, пообещавший при первой возможности доложить Его Величеству. Лучшие люди города вручили ему благодарственное письмо за своими подписями».

«Га-Магид», 1868, № 37

«Как известно, четыре года назад в нашем городе случился страшный пожар, уничтоживший половину города; в огне погибла четверть домов молитвы и “жилищ Яакова”. Однако за прошедшие четыре года уничтоженное было отстроено заново, и все дома молитвы стоят на прежних местах. Большая синагога отстроена и славится по всей округе. Поскольку после пожара от синагоги не осталось ничего, кроме каменных стен, на ее ремонт было потрачено больше трех тысяч рублей серебром. Тем не менее ее стены по-прежнему черны, поскольку от огня с них осыпалась штукатурка, а сами они покрылись копотью.

И вот нынешним летом некий человек (скрывший свое имя), один из наиболее уважаемых членов нашей общины, пожертвовал сто пятьдесят рублей серебром на внутреннюю отделку синагоги. Другие евреи тоже пробудились и собрали пожертвования в размере трехсот рублей, что позволило закончить работу. Чтобы добавить красоты и величия, вокруг ковчега сделали искусные перила: два квадратных столба и перекладины, а над ними нечто вроде купола. Когда работа была закончена, те, кто занимался этим делом, устроили своего рода освящение синагоги, сопровождавшееся музыкой и пением.

Да воздастся сторицей всем жертвователям, позаботившимся о ремонте синагоги!

Ицхок-Яков Горобин»

«Га-Мелиц», 1872

«На призыв о помощи в связи с пожаром, случившимся в нашем городе, опубликованный в 32-м номере «Га-Мелиц», откликнулись доктор Рюльф¹³⁵ из Мемеля, а также известный своей щедростью Йеѓошуа Цейтлин из Москвы. Первый послал нам двести рублей серебром, второй — шестьдесят рублей серебром, не считая восемнадцати рублей, который он послал одному из погорельцев. Упомянутый Цейтлин вот уже восемнадцать лет как покинул наш город. Тем не менее он не забывает нас и помогает нам без того, чтобы его об этом просили. Помимо сказанного выше, он взял себе за правило ежегодно накануне всех еврейских праздников присылать нам определенную сумму для раздачи городским беднякам. Так, накануне прошлого Пейсаха он прислал сорок рублей для благотворительной кассы, обеспечивающей нуждающихся мацой, и еще пятьдесят рублей для городских бедняков. Мы надеемся, что он будет проявлять интерес к нашим делам и впредь.

От имени всей нашей общины выражаем искреннюю благодарность упомянутым благодетелям.

Лейзер Рабинович, сын раби Михла; Хаим Ябров; Цви-Ѓири Эфрос

«Га-Мелиц», 1881, № 48

Помимо сказанного выше, он взял себе за правило ежегодно накануне всех еврейских праздников присылать нам определенную сумму для раздачи городским беднякам.

«Рука Всевышнего вновь поразила наш несчастный город. В ночь с воскресенья на понедельник, 4 ова, в одном из домов вспыхнул пожар, и в результате в считанные минуты сгорело около сорока зданий, в том числе один дом учения и двадцать пять лавок. Из-за ночного страха наши братья не успели спасти свои пожитки. Товары, хранившиеся в лавках, тоже пожрал огонь — им удалось спасти только свою жизнь. Кроме того, в понедельник выяснилось, что один ребенок сгорел. Положение несчастных отчаянное, поскольку пожары происходят ныне практически во всех местах, где живут сыны Израиля, а пожертвований жителей города совершенно недостаточно, чтобы покрыть огромные убытки. Поэтому наши взоры обращены к нашим состоятельным людям, занимающимся благотворительностью и сочувствующим общему горю. Мы надеемся, что они сжалятся над нами и спасут нас своими пожертвованиями. Также выражаем нашу благодарность доктору раби Иццоку Рюльфу.

Желающие помочь могут присылать пожертвования на адрес местного раввина раби Меера Пеймера.

М. Поляк»

«Га-Мелиц», 1881, № 32

«Автор 32-го номера ‘Га-Мелиц’ выставил нас на посмешище, опубликовав призыв о помощи погорельцам нашего города, ибо им самим это не пришло в голову, поскольку просить о помощи большинство из них считают

¹³⁵ Ицхок Рюльф (1831–1902) — религиозный и общественный деятель, философ, один из духовных вождей движения «Ховевей-Цион» и религиозного сионизма. Рюльф первым из раввинов Германии принял живое участие в судьбах российского еврейства. В 1867 г. он организовал доставку продовольствия евреям Литвы и Северо-Запада, страдавшим от голода. В дальнейшем под руководством Рюльфа было осуществлено еще несколько подобных благотворительных проектов, в частности, оказана материальная поддержка тысячам российских евреев, бежавших в 1881–1882 гг. в Мемель в страхе перед погромами. — *Прим. пер.*

постыдным. Кроме того, они успели спасти все свое имущество, а для (немногочисленных) бедняков, вынужденных просить о помощи, хватило пожертвований, собранных в нашем городе.

Йеѓошуа Гринберг”.

Впредь мы не станем публиковать подобных сообщений, пока не получим разъяснений от городского раввина или руководства общины.

Редакция
«Га-Мелиц», 1881, №35

«2 ияра в разгар дня в городе вспыхнул пожар. В течение двух часов дотла сгорели шестьдесят лавок и двадцать два больших просторных дома. Ущерб превосходит двести тысяч рублей серебром».

«Га-Мелиц», 1887, № 35

Мойше-Мордхе Портман сообщает из Слуцка, что все жители города пребывают в ужасе из-за поджогов, которые вот уже два месяца устраивают там негодяи и нечестивцы из корыстных побуждений.

«Мойше-Мордхе Портман сообщает из Слуцка, что все жители города пребывают в ужасе из-за поджогов, которые вот уже два месяца устраивают там негодяи и нечестивцы из корыстных побуждений. Каждый день и каждую ночь в городе выставляют сторожей, да и сами домохозяева всю ночь не смыкают глаз. Раввин и лучшие люди города собрались на совет, что делать, чтобы остановить это бедствие, и провозгласили строжайший запрет на любое общение с поджигателями, подобных которому не слышали в городе вот уже много лет. Шамес громогласно провозгласил его текст, и все слышавшие трепетали».

«Га-Мелиц», 1887, № 148

ЭПОХА РЕФОРМ

«В честь дня рождения Его Величества государя императора народ собрался в синагоге на молитву. Там же собрались чиновники и армейские командиры во главе с казачьим офицером Астаховым и полицмейстером, чтобы услышать молитву сынов Израиля за здоровье царя. Синагога была охвачена святым трепетом благодаря красоте голоса известного хазана реб Нисна из Шклова, который произнес молитву “Дарующий спасение царям”¹³⁶ и спел гимн “Боже, царя храни”.

После молитвы главы общины вручили Астахову письмо на имя императора. Кроме того, в тот же день был дан обед для всех солдат, в котором участвовали тысяча сто человек, размещенных в городе для его защиты. Офицеры приветствовали народ и благодарили его за верность и щедрость.

От нашего корреспондента доктора Штейнберга
«Га-Кармель», 1864, № 5

¹³⁶ Традиционная молитва за верховного правителя страны.

«19 февраля лучшие люди города посетили генерала Николая Александровича Вороновского, командира бригады, чтобы поздравить его с этой датой¹³⁷, и попросили его прийти вечером со всеми подчиненными ему офицерами в Большую синагогу, чтобы услышать молитву, которую сыны Израиля вознесут за здоровье государя императора и его семейства. Генерал принял их благосклонно и ласково и приветливо сказал им, что сердце императора расположено к евреям.

Когда наступил вечер, все жители города зажгли светильники, осветили свои дома. Огни Большой синагоги было видно издалека. Множество народа заполнило дом молитвы. У входа стояли двое глав общины: реб Шмуэл Симхович и его родственник реб Йеѓошуа-Исер Исерлин, которые приветствовали генерала и его подчиненных. Вместе с ним пришло все городское начальство, судьи, директор и учителя гимназии. Все они расселись на почетных местах за столом, который поставили специально для них между бимой¹³⁸ и ковчегом. Рядом с ними усадили выдающегося знатока Торы, одного из величайших людей поколения раби Йосефа Пеймера. Когда они вошли, их приветствовал оркестр. После этого хазан произнес молитву “Дарующий спасение царям”. После окончания молитвы и праздника был провозглашен тост за государя императора.

*Менахем-Цви Кулкес»
«Га-Кармель», 1864, № 27*

Когда наступил вечер, все жители города зажгли светильники, осветили свои дома. Огни Большой синагоги было видно издалека. Множество народа заполнило дом молитвы.

«17 апреля в три часа дня еврейская община Слуцка устроила праздник. Весь народ собрался в Большой синагоге; все пришли в праздничных одеждах. Там же собрались все офицеры, служащие в городе. В сопровождении музыкальных инструментов хазан с хором исполнили молитву за царя, а двенадцать учеников исполнили на русском языке гимн “Боже, царя храни”. Был поднят тост за здоровье государя императора¹³⁹.

*Менахем-Цви Кулкес»
«Га-Кармель», 1864, № 5*

«Менахем-Цви Кулкес сообщает, что, как только пришла весть о спасении императора Александра II¹⁴⁰, вечером в субботу накануне праздника Швус¹⁴¹ мудрец р. Шмуэл Симхович и раввин Липман распорядились возвестить о спасении царя всем жителям города. Множество народа собралось в синагоге Исера Исерлина; на богослужении также присутствовали офицеры и чиновники. Бецалел Ланда с певчими исполнили на русском языке гимн “Боже, царя храни”. На следующий день, в воскресенье, в праздник

¹³⁷ Годовщиной отмены крепостного права. — *Прим. пер.*

¹³⁸ *Бима* (иврит) — возвышение в зале синагоги, на котором читают вслух свиток Торы.

¹³⁹ Торжественный молебен был отслужен в честь спасения от гибели Александра II, на которого было совершено покушение.

¹⁴⁰ 25 мая 1867 г. во время визита Александра II в Париж на него было совершено покушение.

¹⁴¹ Швус (иврит в ашкеназском произношении) — праздник в честь дарования Торы на горе Синай.

Швуес, главы общины раздавали всем русским солдатам, собравшимся во дворе синагоги, халы, хлеб и вино».

«Га-Кармель», 1867, № 44

РАЗНОЕ

«Хая, дочь Цви из Слуцка, разыскивает своего мужа, бросившего ее девять лет назад. Зовут его Мордхе, сын Пинхоса, уроженец Клецка, долгое время жил в Слуцке. Приметы: рост средний, волосы черные, борода длинная и неухоженная. На большом пальце левой руки не хватает двух фаланг, осталась только нижняя, которая рядом с ладонью. Косноязычен, взгляд мягкий.

Братья-евреи, оглянитесь вокруг: быть может, вам удастся схватить его и вернуть жене, оставшейся агуне¹⁴²».

«Га-Кармель», 1861, № 31

«Страшное несчастье произошло в Слуцком уезде 27 января 1861 года по не-еврейскому календарю. Бешеный волк, привыкший убивать, объявился в окрестностях Копыля и там, в двух верстах от города, загрыз еврейского путника реб Йосефа-Элийоу, жителя Копыля. Оттуда волк пробрался во двор сторожа города, принадлежащего князю Витгенштейну, где напал на человека и нанес ему раны. Сторожа стали стрелять, но промахнулись.

Затем волк ворвался в деревню Ванелевичи, принадлежащую помещику Рейтану, и там задрал крестьян — тридцать пять мужчин и двадцать трех женщин. После этого волк набросился на храброго человека. Когда хищник раскрыл пасть, этот мужик засунул ему в глотку свою левую руку, а правой рукой прижал его к стене и стал душить. При этом мужик кричал и звал на помощь. Наконец подоспел солдат, вооруженный топором, и изрубил волка на куски. Всего этот волк убил и ранил шестьдесят человек, в том числе одного еврея.

(Из рапорта пристава Здравицкого от 29 января 1861 г.)

Менахем-Цви Кулкес, сын Шмуэла, житель Вильны»

«Га-Кармель», 1861, № 34

«В “Га-Кармель”, в первом номере за этот год, написано, что раввин раби Йосеф-Шай, глава раввинского суда нашего города, выбран минской общиной главой тамошнего раввинского суда. В связи с этим довожу до сведения общества, что этот раввин и знаток Торы живет в нашем городе вот уже тридцать четыре года, и мы знаем, как воздать ему соответствующие

¹⁴² *Агуне* (иврит в ашкеназском произношении, мн. *агунес*) — «соломенная вдова», женщина, чей муж пропал без вести, поэтому она не может ни развестись, ни вторично выйти замуж. «Соломенные вдовы» были всегда, и эта тема постоянно обсуждалась в раввинистической литературе. Однако во второй половине XIX в., в связи с резким повышением мобильности еврейского населения, их число начало стремительно расти, и проблема приобрела масштабы национального бедствия. Поэтому объявления, подобные этому, публиковались в еврейских газетах десятками. — *Прим. пер.*

почести. Поэтому раввинский контракт, который прислала ему минская община, он сразу же отослал назад. Считаю своим долгом сообщить об этом широкой публике, чтобы нас не обвиняли в том, что мы не ценили нашего дорогого раввина.

Рувен Маґаршак, сын Аврома»
«ГӀа-Кармель», 1862, № 8

«С радостью сообщаю, что наш мудрый раввин и благодетель, помогавший ближним всю свою жизнь, учитель и наставник Йеґошуа-Исер Исерлин получил звание потомственного почетного гражданина. Нашим братьям-евреям приятно узнавать, что время от времени наше благодетельное правительствo удостаивает чести и славы кого-либо из наших почтенных братьев, где бы они ни жили.

Менахем-Цви Кулкес»
«ГӀа-Кармель», 1864, № 27

«В ночь святой субботы разбойники ворвались в гостиницу в центре города и убили хозяина гостиницы Якова-Мойше, его жену и дочь, а также приезжего молодого человека, остановившегося у них на субботу. Убив четырех человек, разбойники подожгли дом, который за час сгорел дотла. От убитых не нашли ничего, кроме головы владельца гостиницы».

«ГӀа-Мелиц», 1878, № 19

«Казенный раввин нашего города, занимающий эту должность с 1860 года, Шлойме-Залмен Шапиро, был награжден золотой медалью для ношения на шее на ленте ордена св. Станислава — за верную и беспорочную службу и преподавание Закона Божьего, которому он учит еврейских детей, обучающихся в городской гимназии.

Элийоу Рубинштейн, помощник казенного раввина Слуцка»
«ГӀа-Мелиц», 1883, № 35

«Известный благодетель Йеґошуа Цейтлин из Москвы и в этом году послал накануне Пейсаха 100 рублей серебром для пасхальной кассы. Все, кто занимается пасхальной кассой, предназначенной для бедняков города Слуцка, от души благодарны ему за это».

«ГӀа-Мелиц», 1884, № 13

«Рабочие, копавшие землю около дома Б. З., нашли ларец с серебряными (некоторые утверждают, что золотыми) монетами, зарытый четыреста лет назад».

«ГӀа-Мелиц», 1887

Призванных в армию оказалось порядка пятидесяти человек, среди которых были лица младше двадцати лет.

«Вот и в этом году призыв в армию прошел в нашем городе достаточно успешно. Из двухсот призывников, которые должны были участвовать в жеребьевке, отсутствовали лишь несколько человек, по разным причинам не явившиеся в назначенный день. Поэтому не удивительно, что из числа не имевших льгот лишь около десяти человек остались дома. Призванных в армию оказалось порядка пятидесяти человек, среди которых были лица младше двадцати лет¹⁴³. Каждый из них получил по 20 рублей серебром. Все чиновники преисполнились радости и любви, видя столь многочисленную толпу. Своих чувств они не скрывали, горячо нас благодарили и желали всяческих благ. Мы надеемся, что это заткнет рот нашим недоброжелателям, утверждающим, что мы якобы не исполняем законов, обязательных для всех граждан нашего отечества. К сожалению, ходят слухи, что некоторые призывники из нашего города и других городов нашего уезда бежали после того, как присягнули царю и отечеству.

Из нашего города многие уезжают в Америку. Вот и на следующей неделе несколько семей собираются покинуть наш город. Большинство уезжающих — ремесленники. Насколько нам известно, на новом месте они преуспевают.

*Биньомин Эпштейн»
«Га-Йом», 1887, № 268*

«Слуцк. В будние дни праздника Пейсах прошли выборы старост и руководства общества «О́гавей-мелохо». Однако выборы прошли без всякого порядка, поэтому жалоб хватало. К примеру, на всех выборах обычно голосуют шарами¹⁴⁴, которые опускают тайно, чтобы каждый мог свободно выразить свое мнение. Однако в данном случае выборщиков просто попросили высказать свое мнение. Естественно, никто не высказал свое истинное мнение. Так что теперь весь город смеется и потешается. Подобные выборы не пойдут на пользу обществу «О́гавей-мелохо»».

«Га-Мелиц», 3 ияра 1897 г., № 91

«Слуцк, 10 июня.

В эти дни у мирового судьи идет забавный процесс. Престарелый отец подал местному мировому судье жалобу на оскорбление, нанесенное ему сыном, а также потребовал, чтобы сын выделил ему ежемесячное содержание, поскольку он стар и не может уже добывать свой хлеб.

¹⁴³ После военной реформы 1874 г. все годные к службе подлежали призыву в 21 год. От действительной службы освобождались: единственный сын; единственный кормилец в семье при малолетних братьях и сестрах; призывники, у которых старший брат отбывает или отбыл срок действительной службы. Остальные годные к службе, не имевшие льгот, тянули жребий. — *Прим. пер.*

¹⁴⁴ Баллотирование посредством шаров (баллов) происходило так: в закрытую урну или ящик каждый имевший право голоса опускал по шару; шары были либо белые, означающие положительный ответ, либо черные — отрицательный. В России подача голосов посредством шаров применялась по закону при выборе на общественные должности среди дворян, купцов, городских и сельских обывателей; кроме того, такой прием закрытого голосования был принят при решении некоторых вопросов в правлениях или на общих собраниях членов различных организаций и корпораций. — *Прим. пер.*

Судья признал сына виновным и приговорил его к трехмесячному тюремному заключению за оскорбление отца. Кроме того, с этого дня сын обязан содержать отца, выделяя ему 6 рублей серебром в месяц. Этот процесс стал в городе притчей во языцех. Пример этого буйного и непокорного сына должен послужить уроком всем обеспеченным сыновьям, не помогающим своим родителям, которые по старости лет уже не могут сами зарабатывать на жизнь. Хочется надеяться, что между отцами и детьми нашего города воцарятся мир и согласие.

Очевидец»

«Га-Мелиц», 30 сивана 1897 г., № 135

«Слуцк, 25 ова 1897 г.

На прошлой неделе здесь произошел случай, давший пищу для разговоров всем жителям нашего города. Случилось же вот что:

В среду недельной главы “Экев”¹⁴⁵ в городе появился мужчина в красивой длинной одежде и шелковой шапочке, с длинными пейсами, среднего роста, с маленькой желтоватой бородой. Весь его облик свидетельствовал о том, что приезжий — человек богобоязненный. Горожанам он представился директором крупной торговой фирмы в Лодзи. Когда его спросили, что привело его к нам, он ответил, что его хозяин, купец, торгующий мануфактурой, отправил в Бобруйск товар на восемь тысяч рублей серебром, предназначенный разным лавочникам, а когда товар был уже в дороге, получил телеграмму, что его получатели собираются заявить о банкротстве. Хозяин пришел в ужас и поспешно отправил его на станцию Ляховичи, чтобы задержать там товар. Он же, воспользовавшись случаем, приехал сюда, чтобы побывать на могиле своих родителей, где не был вот уже много лет.

Чтобы доказать, что он действительно директор большого торгового дома, приезжий предъявил рекомендательные письма, вексели на имя различных людей и расписки, включая расписку, полученную от богатого бобруйского еврея, купившего у него товар на пять тысяч рублей серебром.

Местных торговцев он окутал ложью, поведав каждому из них, где он всегда покупает и на сколько тысяч, сколько он должен купцу из Лодзи и т. д. Остановился он не в гостинице, но в частном доме, объяснив, что потратил много денег и гостиница ему не по карману.

Многие местные торговцы предложили ему стать их компаньоном и открыли ему свои кошельки. В результате его компаньонами стало множество торговцев тканями. За короткое время он собрал приличную сумму денег, а на исходе субботы уехал и исчез без следа.

Файвл Лифшиц»

«Га-Мелиц», 2 зуля 1897 г., № 186

¹⁴⁵ То есть в среду, выпавшую на неделю, когда в синагогах читают соответствующую недельную главу. — *Прим. пер.*

«В первый день Пейсаха в нашем городе скончался старый еврей, которому было сто десять лет. Во второй день праздника умерла его жена, которой было девяносто три года. Они были здоровыми и крепкими. Весь день накануне праздника старик помогал сыну в лавке, однако в первую ночь по пути в синагогу споткнулся о камень, получил серьезное ранение и утром скончался. На второй день праздника его жена, измученная плачем, слегла в постель и тоже умерла».

«Га-Йеѓуди»¹⁴⁶, Лондон, 1909, № 15

---

¹⁴⁶ «Га-Йеѓуди» (иврит) — «Еврей». Сведения об издании не сохранились.

СИНАГОГИ

1. Островская синагога.
2. Синагога Исерке.
3. Синагога при богадельне.
4. Синагога домохозяев.
5. Большая синагога (она же Большой дом учения).
6. Выгодская синагога.
7. Заречная синагога.
8. «Зовхей-цедек» («Праведные жертвоприношения»).
9. Синагога портных.
10. Старая на Хапашкинской¹⁴⁷ улице (сгорела).
11. Новая на Хапашкинской улице.
12. Синагога при йешиве.
13. Синагога «Мишнайс»¹⁴⁸, в пристройке к которой была единственная хасидская молельня.
14. Синагога кузнецов.
15. Холодная синагога.
16. Молельня.
17. Синагога шапочников.
18. Синагога на Копыльской улице.
19. Синагога кожевников.
20. «Мурованки» (каменные пристройки к Холодной синагоге).
21. Синагога мясников.
22. «Клойз»¹⁴⁹.
23. «Карноим»¹⁵⁰ (Роговая синагога).

---

¹⁴⁷ Слуцкие краеведы сообщили нам, что это название им неизвестно, и они полагают, что так евреи называли улицу, которую остальные жители города именовали «Еврейской». Но, судя по тексту Б. Домнича «Слуцк и его обитатели», приведенному ниже, имелась в виду часть Виленской улицы.

¹⁴⁸ В этой синагоге регулярно собиралось братство, изучающих Мишну.

¹⁴⁹ *Клойз* (идиш) — помещение, в котором изучают Тору и другие еврейские источники. В Слуцке так называлась одна из синагог.

¹⁵⁰ «Карноим» (иврит в ашкеназском произношении) — «Рога».

ГОРОДСКИЕ РАВВИНЫ

Р. Йехиэл Лурия, сын р. Аврома

Р. Йехиэл, глава раввинского суда Слуцка, отец величайшего мудреца р. Шлойме Лурии, известного под именем Маѓаршал. Скончался в месяце кислев 5335 (1574) г.

Р. Мойше, сын р. Пейсаха, сына р. Танхума из Кракова

Был раввином и главой религиозного суда в Бриске и Клуже, а затем в общине Слуцка. Скончался 12 нисана 5446 (1686) г.

Р. Нохем Каценеленбоген

Сын раввина Меера Каценеленбогена, правнук р. Меера Каценеленбогена из Падуи. С 1655 г. — глава религиозного суда общины Слуцка. Скончался в 1686 г.

Р. Биньомин-Вольф

Р. Биньомин-Вольф, автор книги «Нахалат-Биньямин»¹⁵¹, был главой раввинского суда Слуцка. Современники называли его «раби Вольф бар Липман». В Слуцке р. Биньомин-Вольф прожил недолго, он скоропостижно скончался 25 хешвана 5447 (1686) г.

Р. Нафтоли-Герц Гинцбург

Стал раввином общины Слуцка в 1670 г. Был мужем сестры раби Нохема Каценеленбогена. Дожил до глубокой старости и скончался 22 тамуза 5447 (1687) г. Был похоронен рядом с р. Нохемом Каценеленбогеном. В тридцатых годах пятого века¹⁵², согласно летописям еврейских общин Польши и Литвы, р. Нафтоли-Герц Гинцбург был раввином и главой раввинского суда Пинска и Слуцка.

¹⁵¹ «Нахалат-Биньямин» — «Удел Биньямина».

¹⁵² То есть в 5430-х гг. по еврейскому календарю. — *Прим. пер.*

Судя по всему, в рассказе, приведенном в книге «Хидушей-Тора»¹⁵³ р. Зекла из Вормса, говорится именно о слуцком раввине р. Нафтоли-Герце Гинцбурге, хотя он назван там раби Нафтоли-Гирш. Вот как звучит этот рассказ.

«Выдающийся знаток Торы раби Нафтоли-Гирш Гинцбург, который был раввином и главой раввинского суда Слуцка и похоронен там же, дожил до глубокой старости — восьмидесяти с лишним лет. Раввинские обязанности он отправлял властно и с достоинством до глубокой старости. Когда он состарился, главы общины обратились к нему с просьбой, чтобы он разрешил пригласить в город еще одного раввина, поскольку сам он, в силу преклонного возраста, больше не может исполнять свои раввинские обязанности как должно. Раввина заверили, что все его доходы и почести останутся неприкосновенными, а второй раввин будет вести себя так, как подобает ученику в присутствии своего учителя.

Раби Гинцбург ответил: “Нет на это моего согласия! Если тем не менее вы найдете себе раввина, это будет сделано против моей воли”.

Поскольку город Слуцк находился под властью курфюрста Бранденбургского¹⁵⁴, а автор книги “Нахалат-Биньямин” Биньомин-Вольф был раввином города Ландсберга в Бранденбурге, его назначили раввином Слуцка. Когда он приехал в город, он нанес визит раби Нафтоли-Гиршу и стал умолять его, чтобы тот разрешил ему остаться в Слуцке. При этом он сказал ему: “Если я захочу поселиться здесь, то смогу стать раввином и пользоваться всей властью и всеми почестями даже против твоей воли, поскольку я в силе и пользуюсь расположением курфюрста Бранденбурга. Однако я не стану поступать так против твоей воли и оставлю тебе все подобающие почести. Все раввинские доходы останутся тебе (Биньомин-Вольф был очень богат), я же буду только главой йешивы. Только чтобы это не было против твоей воли”.

Раби Гинцбург ответил: “Я не дам тебе разрешения. Если хочешь, можешь поступить так, как сказал, но это будет против моей воли”.

Увидев, что, сколько бы он ни просил, согласия ему не добиться, Биньомин-Вольф согласился стать раввином против воли раби Гинцбурга. Однако не прошло и месяца, как новый раввин заболел и скончался, и раби Гинцбург его пережил».

Р. Бецалел, сын р. Шлойме

Автор книги «Амудейо-шиво» — сборника текстов выступлений, посвященных Танаху. Первое ее издание вышло в 1674 г. в Праге с одобрения местных раввинов¹⁵⁵, в числе которых был автор «Турей-за’ав»¹⁵⁶.

Раввинские обязанности он отправлял властно и с достоинством до глубокой старости.

---

¹⁵³ «Хидушей-Тора» (иврит) — «Новые толкования Торы».

¹⁵⁴ Тогдашняя владелица Слуцка Людовика Каролина Радзивилл в первом браке была женой маркграфа Бранденбургского Людвиг, сына курфюрста Фридриха Вильгельма I (1620–1688). — Прим. пер.

¹⁵⁵ Согласно традиции, перед публикацией любой еврейской религиозной книги автор или издатель получает одобрение-рекомендацию (*ѓаскама*) каких-либо раввинов. Эти одобрения печатаются вместе с текстом книги. Количество *ѓаскамот*, данных раввином, служит в какой-то степени свидетельством его авторитета среди современников. — Прим. пер.

¹⁵⁶ Р. Довид бен Шмуэл Га-Лейви (1586–1667), один из ведущих раввинов своего времени. «Турей-за’ав» («Золотые столбцы») — комментарий к кодексу «Шульхан арух». — Прим. пер.

Из предисловия автора книги: «Прежде я уже думал о том, чтобы издать эту книгу. Случай представился, когда я вернулся на родину, в Литву, и нашел милость в глазах великих людей этой страны¹⁵⁷, и они сделали мне щедрый подарок на издание книги. Также я нашел милость в глазах вельмож и князей Польши, замечательных мужей и святой общины Слуцка».

Р. Ицхок-Меер Теомим, сын р. Йоны Теомим-Френкеля

Р. Ицхок-Меер Теомим, один из венских изгнанников¹⁵⁸, глава раввинского суда Слуцка. Опубликовал «Эйн-Яков» со всеми комментариями, назвав эту книгу «Котнойс ойр»¹⁵⁹.

Р. Мойше из Радома

Сведения не сохранились.

Р. Шлойме из Жолквы, сын р. Эльхонона

Известен как раби Шлойме Хориф («Остроум»). Стал главой раввинского суда Слуцка в 1692 г. Скончался в 1706 г.

Р. Арье-Лейб Эпштейн, сын р. Йегуды-Юдла из Ковеля

Р. Арье-Лейб Эпштейн, сын р. Юдла из Ковеля («Гвурас-га-ари»¹⁶⁰); был раввином в Смолевичах, затем — раввином и главой раввинского суда в Слуцке, где его называли «раби Лейб дем Ребес». Скончался 12 нисана 1722 г.

Р. Йегуда-Лейб Энзил, сын р. Ошера

Был главой раввинского суда и главой йешивы в Остроге; позже стал главой раввинских судов в Слуцке и Пинске.

Р. Арье-Лейб, сын р. Носна-Нотэ

Р. Арье-Лейб скончался в Гродно 29 нисана 1729 г.

Подписал одобрение на комментарий к талмудическому трактату «Брахот»¹⁶¹, подписав ее: «Раби Арье-Лейб из святой общины Слуцка».

Р. Ицхок-Йосеф Теомим, сын р. Йоны

Был раввином Слуцка до 1745 г. Скончался в Бреслау 16 хешвана 1794 г.

¹⁵⁷ То есть глав еврейской общины. — *Прим. пер.*

¹⁵⁸ Евреи были изгнаны из Вены в 1669–1670 гг. Это настолько отрицательно повлияло на местную экономику, что в 1693 г. зажиточным евреям было вновь разрешено проживание в городе. — *Прим. пер.*

¹⁵⁹ «Котнойс ойр» (иврит в ашкеназском произношении) — «Одеяния света».

¹⁶⁰ «Гвурас-га-ари» (иврит в ашкеназском произношении) — «Львиная мощь».

¹⁶¹ «Брахот» (иврит) — «Благословения».

Р. Авром Каценеленбоген, сын р. Довида

Глава раввинского суда Слуцка вместе с другими известными раввинами своего поколения одобрил книгу «Лухойс га-брис»¹⁶², вышедшую в 1752 г.; его подпись стоит первой.

Р. Иссохар-Бер

Сведения не сохранились.

Р. Хаим га-коген Рапопорт

Был главой раввинского суда Слуцка. Автор книги «Зехер га-хаим»¹⁶³, в которую вошли его выступления и надгробные речи. Скончался 17 тамуза 1771 г.

«Ведущие раввины поколения высоко его ценили... Как известно, он безжалостно преследовал секту, отрицавшую Устную Тору¹⁶⁴» (из предисловия к сборнику респонсов р. Рапопорта, написанного внуком раввина).

Ведущие раввины поколения высоко его ценили... Как известно, он безжалостно преследовал секту, отрицавшую Устную Тору.

Р. Хаим Зельдес

Сведения не сохранились.

Р. Йеѓуда-Юдл га-лейви Ѓурвиц, сын р. Аврома

Написал две книги: «Коль Йеѓуда»¹⁶⁵ (комментарий к кодексу «Шульхан арух»¹⁶⁶) и комментарий к «Орах хаим». Обе книги увидели свет только после его кончины. Скончался 7 тевета 1774 г.

Р. Йосеф, сын р. Менахема-Мендла из Глуска

Сведения не сохранились.

Р. Шлойме-Залмен Лифшиц, сын Менахема-Мониша

Известный знаток Торы, был раввином и главой раввинского суда Слуцка. Скончался в 1772 г.

Р. Симха-Буним, сын р. Калонимуса из Друи

Скончался в 1824 г.

¹⁶² Автор книги «Лухойс га-брис» (иврит в ашкеназском произношении) — «Скрижали Союза» — Йешайоѓу бен га-лейви Ѓоровиц (1558 или 1565, Прага — 1630, Тверия).

¹⁶³ «Зехер га-хаим» (иврит) — «Память жизни».

¹⁶⁴ Речь идет о франкистах — последователях лжемессии Якова Франка. В 1759 г. раввин Рапопорт принимал участие в известном религиозном диспуте с франкистами, состоявшемся во Львове под председательством католического епископа Микульского. — *Прим. пер.*

¹⁶⁵ «Коль Йеѓуда» (иврит) — «Голос Йеѓуды».

¹⁶⁶ «Шульхан арух» (иврит) — «Накрытый стол» — наиболее авторитетный свод еврейского религиозного права. — *Прим. пер.*

р. Йосеф (Йоселе)
Пеймер-первый

Р. Йосеф Пеймер, сын р. Меера

Стал раввином Слуцка в 1829 г. и занимал эту должность в течение тридцати пяти лет. Скончался в 1864 г. На надгробной плите р. Пеймера были высечены такие слова:

«Здесь похоронен раби Йосеф, сын раби Меера, который тридцать пять лет был раввином нашей общины, скончавшийся в пятницу, накануне святой субботы, в первый день новомесячья ияра, в 5624 (по христианскому летоисчислению 1864) году. Святая община Слуцка».

Когда в 1889 г. на могиле р. Пеймера был воздвигнут новый памятник, его сын, тогдашний городской раввин р. Меер, сказал: «Эту формулировку выбрал сам покойный, поэтому мы не вправе добавлять к ней какие-либо хвалы, ибо молчание — лучшая похвала».

Р. Йосеф-Дов-Бер га-лейви Соловейчик

Р. Йосеф-Дов га-лейви Соловейчик, выдающийся знаток Торы и величайший праведник, родился в Несвиже Минской губернии в 1820 г. В юности отец, р. Ицхок-Зеев (внук раби Мойше Соловейчика, главы раввинского суда Ковно), отправил его учиться в Воложин. Раввины называли юношу «второй “Шаагас-Арье”¹⁶⁷». В 1865 г. он стал раввином Слуцка, в 1875 г. отказался от места раввина и переехал в Варшаву. В том же году стал раввином Бриска¹⁶⁸. Скончался в 1892 г.

¹⁶⁷ *Шаагас-Арье* (иврит в ашкеназском произношении) — (Львиный рык) — р. Арье-Лейб бен Ошер Гинзбург (1695–1785), известный литовский раввин и талмудист, учитель создателя Воложинской йешивы р. Хаима. Автор книги «Шаагас-арье», в которую вошли сто восемь респонсов, посвященных повседневной жизни и праздникам. Эта книга принесла ему признание и славу одного из самых авторитетных законоучителей своей эпохи. Как нередко бывает в еврейской традиции, название главной книги стало прозвищем автора. — *Прим. пер.*

¹⁶⁸ Р. Соловейчик согласился принять эту должность с условием, что во всех общинных делах его решения будут беспрекословно выполняться и ему будет отдано руководство помощью бедным. — *Прим. пер.*

р. Йосеф-Дов-Бер
Соловейчик

Его высказывания передавались из уст в уста, поскольку отличались изяществом и глубиной.

В 1888–1889 гг. р. Соловейчик участвовал в работе Раввинской комиссии¹⁶⁹ в Петербурге.

Произведения:

- «Бейс-ѓа-Лейви», первый том. Сборник респонсов.
- «Бейс-ѓа-Лейви», второй том. Респонсы, а также изыскания по еврейскому религиозному праву и толкования Пятикнижия.
- «Бейс-ѓа-Лейви», третий том. Толкования Пятикнижия и талмудических легенд.
- «Бейс-ѓа-Лейви», четвертый том. Исследования еврейских законов из раздела Талмуда «Незикин».

Р. Соловейчик скончался 4 ияра 1892 г. в Бриске.

Из предисловия к книге «Бейс-ѓа-Лейви»:

«Поскольку я не удостоился дара красноречия и способности пробуждать сердца слушателей, я прошу всех, несущих народу слово Божье, которых Господь благословил красноречием, чтобы они могли упрекать народ и внушать ему трепет перед Богом, прочесть эту небольшую книгу. Быть может, они найдут в ней что-нибудь полезное для своей святой работы. Я же не буду в претензии, если при этом они не упомянут моего имени. Ибо когда за свои труды они удостоятся благословения Всевышнего, часть этого благословения достанется и мне, недостойному».

¹⁶⁹ Раввинская комиссия — в Российской империи высший официально признанный орган для решения вопросов по религиозно-духовным делам евреев; была учреждена в 1848 г., со- зывалась шесть раз. Вопреки названию, в работе всех комиссий, кроме шестой и последней (1910), тон задавали не раввины, а еврей-просвещенцы. — *Прим. пер.*

Р. Меер Пеймер

Реб Меер был раввином в Слуцке несколько лет. Когда его внучка начала ходить в гимназию, реб Меер отказался от раввинской должности. Он говорил: «Если я не сумел наставить на верный путь мою собственную внучку, то как я могу быть проводником для целой еврейской общины?..» Скончался 20 ияра 5671 (1911) г.

(Х. Лунский)

Р. Яков-Довид Виловский (Ридбаз)

Раввин, публицист и комментатор, также известный как Слуцкий рав. Сын р. Зеэва Виловского. Родился 30 швата 5605 (1845) года. Скончался в Цфате в 1913 г.

Р. Исер-Залмен Мельцер, сын р. Переца

Выдающийся знаток Торы и праведник, один из величайших представителей своего поколения, родился в знатной еврейской семье в 1870 г. в местечке Мир. Учился у гаона, главы раввинского суда своего родного местечка раби Липмана. Затем он отправился в Воложин, где учился у выдающихся мудрецов р. Нафтоли-Цви-Йеѓуды Берлина¹⁷⁰ и р. Хаима Соловейчика¹⁷¹.

р. Яков-Довид
Виловский (Ридбаз)

р. Исер-Залмен
Мельцер

¹⁷⁰ Нафтоли-Цви-Йеѓуда (Гирш-Лейб) Берлин, известный также как Нацив из Воложина (1816–1893), — один из крупнейших раввинов своего поколения, глава Воложинской йешивы. — *Прим. пер.*

¹⁷¹ Хаим га-лейви Соловейчик (1853–1918) — главный раввин Брест-Литовска, автор книги «Хидушей-рабену Хаим га-лейви», один из крупнейших восточноевропейских раввинов и создатель новаторского метода изучения Талмуда, названного «брисским». Сын Йосефа-Дова Соловейчика. — *Прим. пер.*

В Воложине его называли Зуня Мирер¹⁷². Затем р. Мельцер стал главой йешивы в Слободке.

В 1897 г. р. Виловский создал йешиву в Слуцке, и р. Мельцер получил предложение ее возглавить. Через шесть лет, когда р. Виловский покинул Слуцк, р. Мельцер стал главой раввинского суда и оставался городским раввином и главой йешивы вплоть до большевистской революции и установления советской власти, когда он был вынужден уехать из России. Вскоре после этого он переехал в Эрец-Исраэль, где возглавил йешиву «Эц хаим».

Вместе с раввином Томашовым р. Мельцер в течение трех лет издавал в Слуцке религиозный журнал «Ягдиль Тора»¹⁷³. Его перу принадлежит много книг, самая известная из них — «Эвен га-эзель»¹⁷⁴. За этот труд раби Мельцер удостоился премии им. р. Кука за 1944–1945 гг.

Р. Мельцер был одним из главных редакторов первого израильского издания Талмуда, а также редактором «Оцар га-поским»¹⁷⁵ — многотомного сборника, подготовленного Объединением раввинов, выходцев из России. Он также исполнял обязанности председателя исполнительного комитета Совета йешив.

Р. Мельцер скончался в Иерусалиме 10 кислева 1954 г.

Р. Йосеф (Йоселе) Пеймер-второй

«Раввин слуцкой улицы Заречье. Сын р. Меера (Меерке) Пеймера (оппонента р. Довида Виловского). Это был человек среднего роста, с черной, мягкой, как шелк, бородой и длинными пейсами, черными глазами, излучавшими

р. Йосеф (Йоселе)
Пеймер-второй,
сын р. Меера Пеймера

¹⁷² Зуня — уменьш. от «Залман»; Мирер — из местечка Мир.

¹⁷³ «Ягдиль Тора» (иврит) — «Возвеличит Тору» (см. «Йешаягу» — в русской традиции «Книга Исаяи», 42:21).

¹⁷⁴ «Эвен га-эзель» (иврит) — «Указательный камень» — многотомный комментарий р. Мельцера к «Мишнэ Тора» Рамбама.

¹⁷⁵ «Оцар га-поским» (иврит) — «Хранилище [постановлений] законодателей» — антология респонсов, изданная в Израиле в середине XX в.

В годы Первой мировой войны р. Пеймер жил в Барановичах и Варшаве. В 1925 г. приехал в Америку, где стал раввином общины «Бейс-Эль» в Боро-Парке.

тепло и ласку. Раввин был скромным и тихим человеком, славившимся глубокими познаниями в Торе; он был внуком знаменитых раввинов р. Арье-Лейба из Ковно¹⁷⁶ и р. Йосефа¹⁷⁷ из Слуцка. р. Пеймер-второй глубоко изучал библейские мидраши, был большим любителем иврита. Свои выступления на злобу дня щедро приправлял высказываниями и притчами мудрецов Талмуда.

В годы Первой мировой войны р. Пеймер жил в Барановичах и Варшаве. В 1925 г. приехал в Америку, где стал раввином общины «Бейс-Эль» в Боро-Парке (Бруклин, Нью-Йорк). Раввину помогали и поддерживали его земляки, богатые спонсоры Колек и Авром Мейерс.

Р. Пеймер скончался в новомесячье кислева в 1939 г.¹⁷⁸ в возрасте шестидесяти лет».

(Из статьи, опубликованной р. Фриделингом в журнале «Га-Безр»¹⁷⁹)

В первый день новомесячья ова, когда в Слуцке произошел очередной пожар, дом раввина сгорел дотла. В огне погибли все книги его деда р. Йосефа Пеймера и отца р. Меера Пеймера, а также все рукописи этих выдающихся знатоков Торы.

Р. Йехезкель Абрамский

Раввин Смолевичей. В 1924–1927 гг. был раввином и главой раввинского суда в Слуцке. При советской власти подготовил и выпустил два номера журнала «Ягдиль Тора», которые были напечатаны в Слуцке. Позже стал раввином лондонской общины «Махзикей-га-дас»¹⁸⁰.

Р. Ицхок Гохмарк

Р. Ицхок Гохмарк был разносторонним человеком. Будучи посланником, занятым сбором средств для йешив и общественных учреждений, он поддерживал постоянную связь с внешним миром и многократно посещал США и Южную Америку. После того как р. Абрамский уехал из Слуцка, р. Гохмарк стал его преемником — последним раввином в этом городе (1928–1930).

¹⁷⁶ Р. Арье-Лейб Шапиро (Лейбеле Ковнер, 1787–1853) — известный раввин, один из первых учеников р. Хаима из Воложина. В последние годы жизни был раввином Ковно. — *Прим. пер.*

¹⁷⁷ Р. Пеймера-первого. — *Прим. пер.*

¹⁷⁸ По другим источникам, в 1938 г. — *Прим. пер.*

¹⁷⁹ «Га-Безр» (иврит) — «Колодец». Сведения об издании не сохранились.

¹⁸⁰ «Махзикей-га-дас» (иврит в ашкеназском произношении) — «Хранители веры».

РАССКАЗЫ О ГОРОДСКИХ РАВВИНАХ

Р. ЙОСЕФ ПЕЙМЕР, сын р. МЕЕРА

Ш.-Д. Маѓаршак

« **В**от некоторые факты, которые позволят составить правильное представление о праведном раби Йосефе, учившемся у выдающегося знатока Торы раби Хаима из Воложина¹⁸¹.

Когда он стал раввином нашего Слуцка, ему было тридцать два года. Глубокие обширные познания в Талмуде сделали ему имя. К тому времени, как его выбрали раввином (это произошло в 1829 г.), он уже успел проявить свою ученость.

Раввин прекрасно разбирался в мирских делах. Он постоянно шутил, его шутки и прибаутки передавали в городе из уст в уста. О том, насколько он заботился об общем благе, красноречиво свидетельствует его завещание, которое он написал за день до своей кончины. Среди прочего оно гласило: “Я прошу у уважаемых глав общины Вильны и уважаемых глав общины Минска, чтобы они закончили мирные переговоры, которые начали, и Всевышний дарует им жизнь, благословение и мир”.

Раввин оставил после себя много рукописей респонсов, которые посылал в ответ на запросы нескольких выдающихся раввинов своего времени, касающихся спора во имя Небес¹⁸², в котором участвовал покойный раби Довид¹⁸³,

¹⁸¹ Хаим из Воложина (Хаим бен Ицхок Воложинер, 1749–1821) — ближайший ученик Виленского Гаона, основатель знаменитой Воложинской йешивы, один из крупнейших раввинских авторитетов своего времени. — *Прим. пер.*

¹⁸² То есть ради истины и принципов, а не ради каких-либо личных или посторонних соображений. См. «Авот», 5:17: «[Оба мнения в] каждом споре, который ведется во имя Небес, в конечном счете восторжествуют, [не перечеркивая друг друга], но любой спор, который ведется не во имя Небес, — бесплоден. Пример спора во имя Небес — спор Гилеля и Шама, а спор не во имя Небес — Кораха и его сообщников [с Моше-рабейну]». — *Прим. пер.*

¹⁸³ Р. Довид из Новогрудка (1769–1836), один из учеников р. Хаима из Воложина. Был вовлечен в конфликт между братьями Шапиро, владельцами типографии в Славуте, с одной стороны, и владельцами виленской типографии «Ромм» — с другой, связанный с решением последних выпустить новое издание Вавилонского Талмуда. Поскольку братья Шапиро в Славуте к 1835 г. уже трижды перепечатали весь Вавилонский Талмуд, намерение виленчан подготовить новое издание заставило их обратиться в раввинский суд. Дело шло о нарушении важнейшего принципа еврейского делового права — *хазака*, то есть права давности. Конфликт, в который были вовлечены в качестве экспертов свыше ста раввинов

автор “Галиа масехет”¹⁸⁴. Среди его бумаг были комментарии ко всем четырем разделам кодекса “Шульхан арух”, а также комментариев к Пятикнижию. Все эти труды упомянуты в книге “Шейрис Йосеф”¹⁸⁵ Йосефа Гибянского.

Доходы раби Пеймера были весьма скромными. Тем не менее он никогда не жаловался на судьбу. Когда скончался раби Довид-Тейвл из Минска, раби Пеймеру прислали оттуда раввинский контракт, и он принял это предложение. Однако, когда слуцкие евреи стали умолять раввина не покидать их, он согласился, но при двух условиях: что они вернут письмо, которое он отправил в Минск, и что ему не увеличат жалование!

В годовщину смерти раби Довида-Тейвла, в праздник Шмини-ацерес¹⁸⁶, старейшины спросили раввина: “Неужели ты не почтишь память раби Довида-Тейвла?” Тот ответил старейшинам: “Когда раби Довид-Тейвл узнал о кончине раби Иццока из Воложина, то сказал, что покойный жил как раввин хасидов и умер как раввин хасидов. Говорить этого не следовало, но он должен был поступить, как я: надорвать одежду и посыпать голову пеплом, ибо Израиль лишился могучего князя. Пусть же это¹⁸⁷ послужит ему искуплением”. Эту историю я слышал от моего старого друга Довида Косовского».

(Из статьи слуцкого резника Шмуэла-Довида Маѓаршака, опубликованной в газете «Га-Модиа»¹⁸⁸ в 1864 г.¹⁸⁹)

Завещание р. Йосефа Пеймера

«Мы, нижеподписавшиеся свидетели, пришли проведать почтенного знатока Торы, раввина-гаона, да будет жить он, и нашли его лежащим на смертном одре, да избавит нас Всемилостивый от такого, но разум его был ясен и тверд, как у здорового человека, и речью он владел. И упомянутый равгаон, господин наш Йосеф, навел перед нами порядок во всем имуществе, которое останется после него, да случится это лишь через сто лет, по указанию умирающего и в силу памятного дара.

И вот слова его:

“Пятьсот пятьдесят рублей серебром, которые я собрал на издание своей книги, и они находятся в распоряжении раби Дова-Бера Лифшица в синагоге, следует передать моей супруге, да живет она, в счет ее ктубы, без всяких изъятий и изменений. А остальное я прошу ее простить, и она, наверно, простит; других же денег у нее нет¹⁹⁰.

Сыну моему, раввину, учителю и господину нашему раби Мееру следует получить от меня триста рублей серебром, и взамен их пусть получит все мои книги и примет на себя венец раввинства, поскольку он этого достоин, и я уверен, что он примет на себя бремя Торы¹⁹¹.

из России, Польши и Германии, в конечном счете закончился победой братьев Ромм, которые получили на пятнадцать лет монопольное право издавать Талмуд. — *Прим. пер.*

¹⁸⁴ «Галиа масехет» (иврит) — «Объяснения трактата» — сборник респонсов.

¹⁸⁵ «Шейрис Йосеф» (иврит в ашкеназском произношении) — «Остаток рода Йосефа».

¹⁸⁶ Шмини-ацерес (иврит в сефардском произношении) — «Восьмого — праздничное собрание» — последний (восьмой) день праздника Сукес.

¹⁸⁷ Отказ р. Й. Пеймера произнести надгробную речь. — *Прим. пер.*

¹⁸⁸ «Га-Модиа» (иврит) — «Вестник» — газета, издававшаяся в Полтаве р. Акивой Рабиновичем.

¹⁸⁹ Судя по тому, что в статье упомянуты более поздние события, — явная опечатка. — *Прим. пер.*

¹⁹⁰ В еврейском брачном контракте (*ктуба*) прописывается сумма, которую женщина получает в случае развода. — *Прим. пер.*

¹⁹¹ А не займется, к примеру, торговлей. — *Прим. пер.*

Однако, когда слуцкие евреи стали умолять раввина не покидать их, он согласился, но при двух условиях: что они вернут письмо, которое он отправил в Минск, и что ему не увеличат жалование!

Сыну моему, учителю и господину нашему раби Зелику следует передать сто рублей серебром, с изъятиями, как будет разъяснено ниже.

Внуку моему, учителю и господину нашему, ныне проживающему в Копыле, остается сто рублей серебром как памятный дар, и они находятся в распоряжении упомянутого внука моего, господина и учителя нашего; в моем распоряжении находится сто рублей серебром, принадлежащих известному почтенному господину раби Цви Хефецу, чтобы поступить с ними по моему желанию. Теперь же отдано это на разумение моего сына, раввина, учителя и господина нашего раби Меера, да живет он, и раби Цви Хефеца, чтобы они поступили с ними по их желанию. Из этой суммы есть двадцать пять рублей серебром в распоряжении раби Мойше Герсона, и следует выделить их, как разъясняется ниже.

И в моем распоряжении есть около ста рублей серебром от общины для постройки дома, то есть пятьдесят рублей серебром, в распоряжении моей дочери, госпожи Ривки, да живет она, и это должно быть выделено; и пятьдесят — в распоряжении моей дочери госпожи Фейгл, да живет она, и это также должно быть выделено.

Всю домашнюю утварь — моей жене, да живет она.

В моем распоряжении есть пятьдесят рублей серебром, известных раби Цви Хефецу, и их следует выделить, как разъясняется выше; то есть в моем распоряжении есть некоторая сумма наличными ради выделения ста рублей этому почтенному господину, и ста рублей моему упомянутому выше сыну, учителю и господину нашему Зелику, и пятидесяти известных упомянутому раби Цви, а остальное, то, что поступит от моих упомянутых дочерей, будет им прощено.

До моего шкафа не должен дотрагиваться никто, кроме моего сына, раввина, учителя и господина нашего раби Меера, да живет он, и раби Цви Хефеца, да живет он.

Расходы на мою болезнь — не знаю, откуда [они берутся] и куда [выплачиваются].

Издание моей книги — как будет воля Всевышнего и желание моего внука, да живет он.

Моя внучка-девушка, дочь моего сына, учителя и господина нашего Абы, да убоится сына моего и да будет совет меж ними.

Прошу я у почтенных знатоков Торы, предводителей Вильны, и у почтенных знатоков Торы, предводителей Минска, чтобы завершили они мир, который они начали заключать, и Всевышний даст им жизнь, благословение и мир”.

Все перечисленное заповедал рав-гаон, учитель наш Йосеф, раввин святой общины Слуцка в силу завещанного на смертном одре и памятного дара и в силу документов-завещаний, которые пишутся по обычаю и по установлениям наших мудрецов, блаженной памяти, и велел записать это в книгу, и так мы и сделали, и записали на глазах у названного гаона, и при нем подписали в пятый день недели, канун новомесячья ияра 5624 года».

А. Паперна

Одним из наиболее ярких представителей литовских раввинов XIX в. был случчанин раби Йосеф Пеймер — точнее, Böhmer (Бёмер) — «богемец», поскольку он был уроженцем Богемии, — известный в Литве под ласковым прозвищем Йоселе Слуцкер. Он был одним из лучших учеников раввина Хаима (ученика Виленского Гаона¹⁹²), основателя Воложинской йешивы, и близким другом раввина Иццока Воложинера. Раби Пеймер был непримиримым противником хасидизма, стремительно распространявшегося в те годы в нескольких российских губерниях. Только в виленской и минской губерниях хасиды встретили ожесточенное сопротивление раввинов из числа учеников и последователей Виленского Гаона, которых возглавили раби Ицхок Воложинер и раби Йосеф Пеймер из Слуцка, и на протяжении долгого времени не могли утвердиться в этих краях. Однако ничто не вечно. К вящему неудовольствию р. Пеймера, один из хасидских цадиков поселился в Кайданове¹⁹³ и обрел там многочисленных последователей.

В доме самого р. Йоселе тоже случилось горе: его единственный сын Исроэл обладал блестящими способностями и прилежно изучал Тору. р. Йоселе был уверен, что тот станет одним из величайших знатоков Торы и со временем — его преемником на посту слущкого раввина. Однако именно в это время скептицизм — или, говоря хасидским языком, силы «клипес»¹⁹⁴ — набрал в сердце Израиля великую силу. Еще в юности у сына р. Пеймера возникло множество вопросов и сомнений, касающихся веры и религии. Несмотря на все приложенные усилия, он так и не нашел ответы на эти вопросы в религиозной литературе. Между тем сомнения мучили его все сильнее. Юноша решил поискать ответы в хасидизме. Он бежал из дома и отправился в Кайданов. В приезде сына р. Пеймера, вождя миснагедов¹⁹⁵ и величайшего знатока и учителя Торы, хасиды узрели величайшую победу хасидизма в целом и кайдановского хасидизма в особенности. Его появление стало для них настоящим праздником, и они приняли юношу с любовью. Исроэл Бёмер пробыл в Кайданове около двух месяцев, живя в доме цадика в окружении его хасидов. Он наблюдал за их поступками, выслушивал их рассказы, во время личных аудиенций внимательно наблюдал за самим цадиком, его образом жизни и знакомясь с его Торой (так хасиды называют поучения своих наставников). Однако и в хасидизме он не нашел ответов на мучившие его вопросы. И тогда он решил обратиться к третьей партии, возникшей в те годы в еврейской среде, — к просвещенцам.

Исроэл решил расстаться с хасидами, поскольку проникся отвращением к их образу жизни. По субботам после третьей трапезы цадик обычно

В приезде сына р. Пеймера, вождя миснагедов и величайшего знатока и учителя Торы, хасиды узрели величайшую победу хасидизма в целом и кайдановского хасидизма в особенности.

¹⁹² Виленский Гаон — р. Элийоу бен Шлойме-Залмен (1720–1797) — духовный лидер европейского еврейства, бескомпромиссный противник хасидизма. — Прим. пер.

¹⁹³ Цадик или Ребе — титулы хасидских духовных лидеров. Здесь имеется в виду р. Шлойме-Хаим Перлов (1797–1862), сын р. Арна Маловицкого из Ляховичей (ок. 1772–1800) и внук р. Мордехая Маловицкого из Ляховичей (ок. 1742–1810). По материнской линии Шлойме-Хаим был внуком р. Ошера Перлова из Карлина и правнуком р. Нохема из Макарова. — Прим. пер.

¹⁹⁴ Клипес (иврит в ашкеназском произношении; ед. *клипе*) — букв. «скорлупа», «оболочка» — термин Кабалы, означающий силы зла, обволакивающие собой искры Божественного света и мешающие им осветить мир.

¹⁹⁵ Миснагед (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «протестующий» — противник хасидизма.

произносил поучение перед большой группой хасидов. В одну из суббот он говорил о сфире «Тиферет ше-бе-Тиферет»¹⁹⁶. Это поучение, которое наставник произнес с огромным пылом, было столь глубоким, что никто из присутствующих ничего не понял. Среди простых хасидов никто, разумеется, даже не надеялся и не пытался понять загадки и намеки своего наставника. Однако среди приближенных к цадику были и те, кто хотел понять основы хасидизма и проникнуть в самую его суть. Однако на этот раз даже они не смогли понять слова своего Ребе. Зная Исроэла как человека умного и сведущего в Торе, они попросили его разъяснить слова наставника, чтобы понять наконец, что такое «Тиферет ше-бе-Тиферет».

Исроэл сказал им:

– Сейчас я объясню вам это ясно и наглядно.

Подведя их к окну, он показал им дырку в оконной раме и спросил:

– Что вы здесь видите?

– Дырку, — ответили хасиды.

– Правильно, дырку, — ответил Исроэл. — А если взять сверло и посверлить в этой дырке, что там окажется? Дырка в дырке, не так ли? Точно так же и «Тиферет ше-бе-Тиферет»!

Хасиды постарались постичь смысл сказанного, однако быстро сообразили, что он просто насмехается над ними и над хасидизмом, и собрались задать ему взбучку, однако Исроэлу удалось улизнуть. Покинув дом праведника, он уехал из города. (Эту историю я слышал от покойного писателя Исроэла Берштейна, который в то время ходил в синагогу одного кайдановского хасида, отца известного раввина Хаима-Хайкеля из Минска.)

Исроэл вернулся в Слуцк. Увидев душевное состояние своего сына, оставившее желать лучшего, отец решил прибегнуть к проверенному средству, которым родители неизменно пользовались, если их сыновья пошли скользкой дорожкой: он решил женить его. Пусть наденет хомут, пусть займется поиском дела и заработка, тогда у него не останется времени на всякие глупости. Так рассуждал раби Пеймер и нашел сыну невесту в Бобруйске. В этом городе Исроэл прожил несколько лет на хлебах у тестя. Днем на глазах у всех он учил Тору, ночами же, когда никто не видел, читал философские книги (Рамбама¹⁹⁷, «Кузари»¹⁹⁸, «Сефер га-икарим»¹⁹⁹ Йосефа Альбо и т. д.) и современную литературу.

Эта литература была в то время очень молода и крайне бедна, особенно в своей научной части. Она не могла ввести своих читателей в огромный и разнообразный мир науки, однако старалась вывести их из бледной и убогой реальности. Что же касается периодических изданий «Керем

¹⁹⁶ Согласно Кабале, божественное проявляется в мире посредством десяти эманаций (*сфирот*), образующих древовидную структуру. *Тиферет* (Красота) — одна из десяти сфирот. В соответствии с Кабалой сфирот могут создавать парные комбинации: *Тиферет ше-бе-Нецах* (Красота в Воле к победе), *Тиферет ше-бе-Тиферет* (Красота в Красоте) и т. д. — *Прим. пер.*

¹⁹⁷ Рамбам (акроним слов «рабейну Моше бен Маймон», в европейской и русской традициях — Маймонид (1135, по собственному свидетельству в конце комментариев к Мишне — 1138 — 1204) — мудрец и кодификатор Галахи, философ. — *Прим. пер.*

¹⁹⁸ «Кузари» — философское произведение XII в. врача, поэта и философа р. Йеѓуды Га-Леви (прибл. 1075–1141; в русскоязычной литературе можно встретить и иные формы написания этой фамилии: Галеви, Галеви), оказавшее огромное влияние на иудейскую религиозную мысль.

¹⁹⁹ «Сефер га-икарим» (иврит) — «Книга основ».

хемед»²⁰⁰ и «Ге-Халуц»²⁰¹, а также книг «Ари ногем»²⁰², «Коль сахаль»²⁰³, «Бхинат-га-дат»²⁰⁴, «Кинас-эмес»²⁰⁵, «Га-Тора ве-га-философия» или «Морэ невухей-га-зман»²⁰⁶, то они пытались внушить сомнения во многих положениях еврейской традиции и особенно Кабалы. Именно это произошло с Исроэлом. От бобруйских стариков я слышал, что как-то в ночь с пятницы на субботу, сидя за книгами, Исроэл встал и принес лампу из соседней комнаты²⁰⁷. Он был уверен, что жена крепко спит, однако она все видела, и ее охватил ужас. Она решила, что ее муж сошел с ума, — в самом деле, не мог же разумный человек в здравом уме и твердой памяти сделать такую невозможную вещь! Исроэл попытался успокоить супругу, объяснив ей, что сделал это сознательно и в здравом уме. Однако от этого стало только хуже, поскольку если это так, то значит, он законченный безбожник! На следующий день женщина поведала о своей беде родителям и родственникам, вызвав множество разговоров сначала в семье, а затем и во всем городе. Возник спор: сумасшедший он или безбожник? Одни склонялись к первому мнению, другие — ко второму. Наконец, после долгих размышлений слуцкие евреи пришли к выводу: Исроэл не сумасшедший, а безбожник! Во-первых, он сам в этом признался. Во-вторых, даже самый последний сумасшедший такого не сделает, но только безбожник. И наконец, в-третьих и в главных, в этом случае от него можно будет избавиться с помощью разводного письма, тогда как развод, данный сумасшедшим, считается недействительным. Придя к этому выводу, от Исроэла потребовали развестись с женой, и он исполнил это требование.

С этого момента для Исроэла настало время скитаний. Остаться в родном городе и даже в стране после того, как он совершил столь страшный грех, было решительно невозможно. Нужно было бежать, но куда? На этот вопрос в те годы был только один ответ: в Берлин. В этот город «Торы и мудрости» вот уже сто с лишним лет бежали все наши «богоискатели», взыскивающие истины и ищущие избавления и мудрости. Именно в Берлине в разные годы оказался философ Соломон Маймон²⁰⁸ из Несвижа, туда уехали знатоки Торы раби Мнаше Илиер²⁰⁹ и раби Исроэл Салантер (двое последних уехали и вернулись — точнее сказать, их вернули). Из Вильны

С этого момента для Исроэла настало время скитаний. Остаться в родном городе и даже в стране после того, как он совершил столь страшный грех, было решительно невозможно. Нужно было бежать, но куда?

---

²⁰⁰ «Керем хемед» (иврит) — «Прелестный виноградник» — просветительский журнал (Вена — Берлин), выходивший в 1833–1856 гг.

²⁰¹ «Ге-Халуц» (иврит) — «Первопроходец». *Халуцизм* — так называли активистов заселения и освоения Эрец-Исраэль.

²⁰² «Ари ногем» (иврит) — «Лев рычащий» — антикабалистический трактат известного венецианского раввина р. Леона Модены (1571–1648).

²⁰³ «Коль сахаль» (иврит) — «Голос глупца» — трактат р. Леона Модены, критикующий Устную Тору.

²⁰⁴ «Бхинат-га-дат» (иврит) — «Исследование религии» — антикабалистический философский трактат итальянского раввина Элиягу Дельмедиго (1460–1497).

²⁰⁵ «Кинас-эмес» (иврит в ашкеназском произношении) — «Оплакивание правды» — антихасидский памфлет австрийского просветителя Шлойме-Йеѓуды-Лейба Рапопорта (1790–1867).

²⁰⁶ «Морэ невухей-га-зман» (иврит) — «Путеводитель колеблющихся нашего времени» — философский трактат австрийского просветителя Нахмена Крохмаля (1785–1840).

²⁰⁷ В субботу запрещено переносить огонь. — *Прим. пер.*

²⁰⁸ Соломон Маймон (между 1751 и 1754–1800) — немецкий философ еврейского происхождения, критик Канта. Известен более всего как автор книги воспоминаний, где ярко описал состояние евреев Речи Посполитой в XVIII в., а также историю собственной жизни. — *Прим. пер.*

²⁰⁹ Мнаше бен Йосеф Илиер (Бен-Порат, 1767–1831) — выдающийся талмудист и поборник Ѓаскалы. — *Прим. пер.*

в Берлин пришел пешком (!) йешиботник Даниэль Хвольсон²¹⁰; оказались там и многие другие.

К Берлину давно обратил свой взор и Исроэл Бёмер. Поэтому он не слишком горевал, когда его объявили «нечистым», и отправился в прусскую столицу.

В Берлине Бёмер нашел того же поля ягоду — некоего Шнеура Закса. Я говорю «того же поля ягоду», поскольку эти двое были очень похожи по своему происхождению, воспитанию, языку и даже жизненным обстоятельствам. Шнеур Закс тоже был сыном известного раввина Цемаха из Новых Жагор. Он тоже уехал в поисках мудрости в Берлин после разных приключений и неприятностей. К моменту приезда Бёмера Закс уже обжился в Берлине и успел сделать себе имя в качестве исследователя, занимающегося иудаикой. В это время возобновилось издание журнала «Керем хемед», прекратившееся незадолго до этого. Через Закса Бёмер познакомился с ведущими еврейскими учеными Германии: Цунцем, Гейгером и М. Заксом, которые по достоинству оценили новичка, приблизили его к себе, дали несколько полезных советов и указали ему путь, ведущий к поставленной им цели. Однако оказать ему материальное содействие новые друзья были не в состоянии, он же прибыл в Германию с пустыми руками. Поэтому годы жизни в Берлине стали для Бёмера годами бедности и лишений; воистину он следовал там «путем Торы»²¹¹. Тем не менее он неустанно грыз гранит науки: выучил немецкий и древние языки, слушал лекции университетских профессоров по истории и философии, вместе с другими берлинскими учеными занимался исследованиями по древней еврейской истории. В качестве основной темы Бёмер выбрал изучение еврейских сект эпохи Второго храма. Результаты своих исследований он опубликовал в газетах на иврите и немецком языке, а также в специальных научных журналах. В юности мне довелось прочесть два его исследования: «Кисвей-Исроэл Бёмер»²¹² и «Кейцад маарихин»²¹³. Последнее, если память мне не изменяет, содержало критические замечания о книге раввина Рапопорта «Эрех милин»²¹⁴.

Тем временем раби Йоселе много лет оплакивал любимого сына. Через несколько десятков лет, постарев, он написал ему письмо, в котором умолял не дать ему сойти в могилу, оплакивая его²¹⁵, и приехать к нему в Слуцк. Своим приближенным раби Йоселе объяснил примирение с сыном-безбожником тем, что хочет изучить и понять законы освящения месяца, сфор-

Через Закса Бёмер познакомился с ведущими еврейскими учеными Германии: Цунцем, Гейгером и М. Заксом, которые по достоинству оценили новичка, приблизили его к себе, дали несколько полезных советов и указали ему путь, ведущий к поставленной им цели.

²¹⁰ Даниил Авраамович Хвольсон (1819–1911) — востоковед (семитолог, гебраист), историк, лингвист, член-корреспондент Императорской РАН по разряду восточных языков. Принял православие. Ему приписывают фразу: «Лучше быть профессором в Петербурге, чем меламедом в Вильне». — *Прим. пер.*

²¹¹ См. «Авот», 6:4: «Таков путь для изучающих Тору: питаться хлебом с солью, даже воду пить в меру, спать на голой земле, жить тяжело и трудиться над изучением Торы...»

²¹² «Кисвей-Исроэл Бёмер» (иврит в ашкеназском произношении) — «Труды Исраэля Бёмера».

²¹³ «Кейцад маарихин» (иврит) — «Как понимают значение».

²¹⁴ «Эрех милин» (иврит) — «Значение слов». Рапопорт Шломо-Йегуда-Лейб (1790–1867) — раввин, законоучитель и историк еврейской мысли, один из основоположников современной науки о еврействе, деятель Гаскалы в Галиции. Уроженец Львова, в 1837 г. возглавил еврейскую общину Тернополя, в 1840–1867 гг. — главный раввин Праги. В 1852 г. издал первый том своей незавершенной талмудической энциклопедии «Эрех милин» (т. 1, Прага, 1852; тт. 1, 2, Варшава, 1914). В этом энциклопедическом словаре, содержащем ценные сведения о развитии языка Мишны и Талмуда, автор демонстрирует новый подход к изучению еврейской истории, при котором талмудическая литература рассматривается в свете данных общей историографии и даже археологии (объяснены названия местностей и населенных пунктов, имен и прозвищ людей, встречающихся в ней).

²¹⁵ См. «Бершит», 37:35.

мулированные Рамбамом, поскольку это единственный раздел еврейского права, в котором невозможно разобраться, не зная математики и астрономии. Сын исполнил просьбу отца.

По пути в Слуцк Бёмер проехал через Копыль, мой родной город, и задержался там на несколько дней. Я повидал его, и его облик произвел на меня тяжелое впечатление. Ему было около пятидесяти, однако он выглядел стариком. Красивое лицо было печально, он сгорбился, высокий лоб покрывали густые морщины — следы всех бедствий и лишений, выпавших на его долю за годы скитаний. С разбитым сердцем, усталый и измученный, вернулся Бёмер в родной Слуцк, где прожил около пяти лет и скончался прежде своего отца, оказавшегося долгожителем.

Р. ЙОСЕФ-ДОВ (ЙОШЕ-БЕР) СОЛОВЕЙЧИК

Х. Лунский

Автор этих записей Хаим Лунский был библиотекарем в знаменитой библиотеке Страшуна в Вильне. Будучи внуком великого мудреца раби Мордхеле Ошмянера (Слонимера), Лунский и сам стал большим знатоком Закона. Он выпустил следующие произведения: «История гаона раби Мордехая Вейцеля» (на иврите), Вильна, 5677 (1917); «Образы и тени Виленского гетто», Вильно, 5681 (1921); «Мудрецы и знатоки Торы из недавнего прошлого», Вильно, 5691 (1931). Кроме того, Лунский опубликовал в газетах целые серии материалов о мудрецах и знатоках Торы; так, в 1936–1937 гг. он напечатал большую серию статей о «мудрецах и великих» в виленской религиозной газете-еженедельнике «Дос Ворт»²¹⁶, из которой здесь приведен раздел, посвященный пребыванию раввина Йосефа-Дова Соловейчика в Слуцке.

Введение

Когда любимый слуцкий раввин мудрец Йоселе Пеймер скончался 30 сивана 5624 г. (начало июля 1864 г.), община начала искать раввина для Слуцка. Задача была не из простых: чтобы стать раввином в этом городе, нужно было являться всемирно известным мудрецом, ибо таковыми были почти все прежние слуцкие раввины. К тому же кандидат должен был обладать другими существенными достоинствами, прежде всего остротой ума.

Руководители общины, понимавшие все это, обратили взор на Йосефа-Дова, сына раввина Ицхока-Зеева Соловейчика. Собственно говоря, реб Йосеф-Дов в то время вовсе не был раввином, а руководил Воложинской йешивой. Но именно благодаря этому его имя славилось во всем еврейском мире.

Несколькими годами ранее он не сумел найти взаимопонимание с тогдашним руководителем Воложинской йешивы реб Гиршем-Лейбом. Из их конфликта выросла распря, которая вышла за пределы йешивы и местечка, дойдя до высших слоев литвацкого мира Торы. Распря приобрела та-

Задача была не из простых: чтобы стать раввином в этом городе, нужно было являться всемирно известным мудрецом, ибо таковыми были почти все прежние слуцкие раввины.

²¹⁶ «Дос Ворт» (идиш) — «Слово».

кую остроту, что проблему пришлось разбирать на «суде Торы», в котором участвовал раби Йоселе Слуцкер вместе с другими мудрецами: раби Довидом-Тейвлом Минскером, раби Велвлом, виленским городским магидом, и младшим из этой группы, раби Ицхоком-Эльхононом, который тогда был раввином в Новогрудке.

Внук раби Хаима Воложинера Йосеф-Дов (Йоше-Бер) и сам был большим мудрецом, человеком острого ума и обладателем иных прекрасных качеств. Руководители слуцкой общины решили, что он — подходящая кандидатура на должность раввина, и отправили ему приглашение приехать в Слуцк.

Н. В.

* * *

После конфликта реб Йоше-Бер больше не хотел оставаться руководителем йешивы в Воложине, поэтому, когда ему пришло послание с предложением занять должность раввина в Слуцке, он принял его и стал там раввином в 1865 г.

В Слуцке раби Йоше-Бера очень любили, несмотря на то, что свою работу он выполнял «рукою крепкой», ни с кем не советуясь. Он был очень близок к бедным людям, особенно же к тем из них, кто изучал Талмуд.

В то время в армию попадали в основном дети бедняков, поскольку богатые выкупали «квитанции» (они стоили несколько сот рублей). Раби Йоше-Бер тогда делал все для блага бедняков и талмудистов. Он не успокаивался, днем и ночью бегал по городу, собирая деньги, чтобы спасти бедных от военной службы.

Рассказывают, что однажды некий ученик йешивы скрывался у раби Йоше-Бера. Тот, однако, боялся, что на него донесут властям, и приказал юноше выйти из укрытия, пообещав, что за него позже внесут «квитанцию». Но тот так испугался, что не хотел выходить. Йоше-Бер держал его у себя дома. Когда об этом узнали, несколько представителей властей явились к раби. Их старший развязно потребовал у раввина, чтобы тот им выдал йешиботника. Раби Йоше-Бер, выслушав это, позвал своего сына:

– Хаимке, дай мне палку, и я покажу этому сопляку! — и замахнулся на незваного гостя. На того напал такой страх, что он открыл дверь и крикнул своим товарищам:

– Ребята, по домам! Теперь мы знаем, что талмудистам полагается льгота...

* * *

Однажды случилось так, что к реб Йоше-Беру пришел юноша-невежда, он умолял, чтобы его спасли от военной службы. Реб Йоше-Бер, большой человеколюб, который никому не отказывал, сразу же побежал к богачам и выкупил юношу. Позже богачи пришли к нему с упреками: парень-то грубый, неотесанный! Раби ответил им так:

– Если бы я хотел сделать из него раввина, то принял бы упреки в том, что он неспособен учиться. Но я всего лишь хотел освободить его от солдатчины, а невежды тоже имеют право не быть солдатами.

Раби Йоше-Бер не только собирал выкупы за людей, но и вообще помогал всем беднякам и угнетенным. Нуждавшимся он буквально отдавал последний кусок.

В Слуцке раби Йоше-Бера очень любили, несмотря на то, что свою работу он выполнял «рукою крепкой», ни с кем не советуясь. Он был очень близок к бедным людям, особенно же к тем из них, кто изучал Талмуд.

* * *

Рассказывают, что однажды к раби Йоше-Беру на Пейсах пришел еврей-балагола²¹⁷, слуцкий житель, и горько пожаловался:

– Постигло меня несчастье, ребе! Целую зиму я не имел клиентов и ничего не заработал. А сейчас, на Пейсах, когда люди ездят и можно заработать на праздник, сдохла моя лошадь!

– Иди ко мне в хлев, — сказал ему реб Йоше-Бер, — возьми мою корову, поезжай на рынок и обменяй ее на лошадь.

У балаголы посветлело лицо. Он не заставил себя упрашивать, пошел в хлев, взял корову раввина и ушел с ней. Через короткое время в хлев зашла жена раввина, чтобы подоить корову, а ее нет. Побежала женщина в дом с плачем:

– Йоше-Бер, украли нашу корову!

– Ее не украли, — ответил реб Йоше-Бер, — один еврей должен был ее обменять.

– Какой еврей?! Как обменять?!

Рассказал ей реб Йоше-Бер о том, что отдал корову бедному еврею, чтобы тот заработал себе на хлеб. Жена осыпала его упреками:

– Подумать только, отдать свою корову! Где же взять теперь хоть каплю молока?

– Смотри, — ответил реб Йоше-Бер, — у тебя есть хлеб, и ты хочешь еще иметь молоко. А при этом у бедняги-еврея не будет и хлеба. Скажи сама, это справедливо?..

Позже слуцкий сборщик налогов прислал раввину молочную корову. Спустя несколько недель этот мытарь пришел к Йоше-Беру с предложением ввести новый налог на мясо, чтобы раввин его утвердил. Реб Йоше-Бер не согласился, сразу же позвал жену и сказал ей:

– Отправь немедленно сборщику налогов его корову и заплати за время, что ты ее доила...

* * *

Однажды к реб Йоше-Беру пришел слуцкий балагола с жалобой:

– Ребе! У меня пала лошадь. Что мне делать?

Спросил у него раввин:

– Сколько она должна стоить?

– Пятьдесят рублей.

– Я только что получил жалованье. Возьми сколько тебе надо и купи лошадь.

Когда горожане узнали, что раввин отдал все свое жалованье и ему самому не на что жить, они начали выплачивать положенную плату не ему, а его жене.

Когда горожане узнали, что раввин отдал все свое жалованье и ему самому не на что жить, они начали выплачивать положенную плату не ему, а его жене.

---

* * *

Как-то раз на Пейсах к реб Йоше-Беру пришел еврей с таким вопросом:

– Ребе, могу ли я выполнить заповедь четырех бокалов с молоком вместо вина?

²¹⁷ Балагола — от *бааль агала* (иврит) — извозчик.

– Ты не болен ли, упаси Бог? — спросил реб Йоше-Бер.

– Слава Богу, я здоров, — ответил еврей, — но вино... (тут он забормотал от смущения) в этом году для меня слишком дорого.

Позвал реб Йоше-Бер жену и приказал ей выдать еврею двадцать пять рублей. Как принято, еврей сначала не хотел брать деньги: он ведь пришел задать вопрос, а не просить, упаси Бог. Но реб Йоше-Бер настаивал и сказал, что дает ему деньги в долг: с Божьей помощью тот их отдаст. Тогда еврей взял деньги.

Когда посетитель ушел, спросила жена:

– Почему ты дал ему столько денег? Вина на четыре бокала можно купить за два-три рубля.

– Ты не понимаешь, — ответил реб Йоше-Бер, — ты же слышала, что еврей спросил, может ли он выполнить заповедь четырех бокалов с молоком. Если бы он имел на Пейсах все, как у людей, — рыбу и мясо, то ему было бы запрещено пить молоко во время сейдера²¹⁸. Его вопрос — знак того, что у него ничего нет на Пейсах, и я ему дал двадцать пять рублей, чтобы он все купил.

* * *

По дороге раввин и шамес зашли в корчму. Видит шамес, что реб Йоше-Бер в большой радости обнимает старого еврея, воздавая ему почет и называя «мой учитель». Спросил у него шамес:

– Кто этот человек?

– Это мой учитель, который обучал меня грамоте, и вот он приехал ко мне, я должен ему помочь, — ответил раби. — У его дочери намечается свадьба, поэтому дай мне деньги из расходных, чтобы исполнилась заповедь выдать невесту замуж.

– Ребе, где же мы тогда возьмем деньги на расходы?

– Одолжим.

– Но кто нам одолжит деньги в дороге?

– Не спорь со мной, а давай-ка деньги!

* * *

Однажды реб Йоше-Бер задержался в пути на субботу в гостинице. Там не оказалось нужного ему для трех трапез количества хлеба, и хозяин побежал добывать халы. Сидит реб Йоше-Бер и ждет.

– Ребе, — обратился к нему один из гостей, — мы же знаем, что можно одну из трапез заменить уроком Торы. Так из-за чего суета? Разберите нам отрывок из Торы, это зачтется как трапеза, и к тому же мы послушаем хороший урок.

– Вы правы, — сказал реб Йоше-Бер, — но я боюсь, что мой урок там, наверху, будет отвергнут. Тогда я останусь и без Торы, и без трех трапез...

²¹⁸ *Сейдер* (иврит в ашкеназском произношении) — особая трапеза в первый вечер праздника Пейсах.

Разница между хасидами и миснагедами

Реб Йоше-Бер так объяснял, почему литваки постятся в йорцайт²¹⁹, а хасиды устраивают трапезу с выпивкой:

– Еще перед тем, как была дарована Тора, когда евреи не умели учиться и увидели, что Моше-рабейну задерживается, они предположили, что он погиб, и устроили трапезу: «Сел народ есть и пить»²²⁰. Годы спустя, когда Моше, наш учитель, действительно умер, — а это было уже после дарования Торы и евреи умели учиться, — они не устроили трапезу, а скорбели, как сказано в Писании: «И оплакивали сыны Израиля Моше»²²¹.

Кто сумасшедший?

Реб Йоше-Бер не всегда был одного мнения со слуцкими богачами. Однажды к нему пришла женщина в слезах:

– Ребе, помогите, мне приснилось, что мой единственный сын сошел с ума...

– Не плачь, дочь моя, это знак, что он будет богачом. Ведь все богачи сумасшедшие.

Рассказал об этом раввин в беседе со слуцкими богачами и посоветовал им:

– Растолкуйте этот сон женщине и скажите ей, что ее сын станет раввином. Ведь вы же считаете, что ваш раввин — сумасшедший...

* * *

Рассказывают, что однажды к реб Йоше-Беру пришел накануне субботы некий человек и хозяин попросил его остаться на этот день в его доме. В пятницу перед зажиганием свечей реб Йоше-Бер сказал ему:

– Одолжи мне, пожалуйста, пять копеек.

Гость их отдал. В субботу вечером после гавдоле²²² хозяин вернул гостю пять копеек. Посмотрел тот и обнаружил, что это та же монета, которую раввин брал.

– Простите меня, учитель, — сказал он, — но я хочу спросить: для чего вы брали у меня в долг пять копеек? Я же вижу, что вы даже не разменяли эту монету.

– Поймите меня, — ответил реб Йоше-Бер, — вы человек странствующий, всегда разъезжаете, когда вам еще выпадет возможность выполнить заповедь давать в долг без процентов? Кто у проезжего еврея возьмет в долг? Мне захотелось помочь вам сделать это...

* * *

Однажды реб Йоше-Бер поехал в Минск. Тамошние евреи устроили ему торжественный прием, приветствовали его и заводили с ним беседы о Торе. Среди толпы был один молодой человек, минский лавочник, который

²¹⁹ *Йорцайт* (идиш) — годовщина смерти.

²²⁰ «Шмот», 32:6.

²²¹ «Дварим», 34:8.

²²² *Гавдоле* (иврит в ашкеназском произношении) — церемония отделения святого от будничного после исхода субботы и праздников.

когда-то учился у него. Услышав, что его учитель в городе, он сразу же пришел увидаться с ним. Реб Йоше-Бер усадил его рядом с собой.

– Что ты делаешь? — спросил раби.

– Слава Богу, учитель, я здоров, и заработок у меня есть.

Подошли тут другие люди, и раввин поговорил с ними. Через некоторое время снова спросил он молодого человека:

– Что ты делаешь?

– Слава Богу, — повторил тот, — я здоров, имею заработок.

Через несколько минут в третий раз спросил реб Йоше-Бер парня:

– Что ты делаешь?

– Не обижайтесь, учитель, — сказал тот, — но уже в третий раз вы задаете тот же вопрос. Я здоров, имею достаточный заработок.

– Нет, — сказал ему реб Йоше-Бер, — ты мне отвечаешь невпопад.

Я спрашиваю тебя: «Что **ты** делаешь?» Здоровье, заработок — это все то, что делается Владыкой мира, а не тобой. А я хочу знать, что **ты** делаешь! Уделяешь ли ты время Торе? Даешь ли деньги на благотворительность? Как у тебя вообще с еврейским духом?..

* * *

В Слуцке был богатый подрядчик, весьма богобоязненный, но и очень скупой. Он ходил к ребе в дом учения, молился, читал псалмы, но деньги на добрые дела из него было трудно вытянуть. Реб Йоше-Бер хорошо его знал, но ни разу не имел с этим подрядчиком дел из-за его скупости.

В Йом-Кипер после «Кол нидрей...» большая толпа идет домой, и только избранные, самые богобоязненные евреи остаются в синагоге на всю ночь. Тот богач тоже остался.

На следующий день, когда люди отдыхали перед утренней молитвой, раввин подошел к богачу и попросил его встать.

– Что вы говорите, ребе? Я и так всю ночь простоял на ногах, хочу дать им отдохнуть.

– Послушайте, вы же наверняка разбираетесь в государственных вопросах. Я у вас кое о чем спрошу. Как известно, в государстве есть разные роды войск: пехота, кавалерия, артиллерия... Каждый род войск имеет свои задачи, а каждому солдату определено его место. Что будет, если солдат, поступивший на службу в один род войск, перейдет в другой? Например, кавалерист по своему желанию сделается пехотинцем — что с ним будет?

– Такой солдат, — ответил подрядчик, — получит строгое наказание за то, что нарушил дисциплину, он будет считаться мятежником. Но кого вы имеете в виду, учитель?

– Да вас, именно вас, — сказал ребе. — Мы же знаем, что «какое царство на земле, такое и на небе»²²³. Владыка мира тоже имеет разные виды войск. Есть знатоки Торы, знатоки молитвы и те, кто занимается благотворительностью. Вам Всевышний дал богатство и определил таким образом в этот, третий род войск. Ваша задача — раздавать много денег на добрые дела, помогать бедным, поддерживать тех, кто изучает Тору. Читать псалмы и учиться — это для бедных евреев, которые принадлежат к роду войск

²²³ Талмуд, «Брахот», 58а.

В Слуцке был богатый подрядчик, весьма богобоязненный, но и очень скупой. Он ходил к ребе в дом учения, молился, читал псалмы, но деньги на добрые дела из него было трудно вытянуть.

знатоков Торы и знатоков молитвы. А что вы сделали? Самовольно перешли из одного вида войск в другой.

* * *

Однажды к р. Йоше-Беру ввалился слуцкий сборщик податей с криком:

– Ребе! В город ввозят чужое мясо!

– И что за шум? — спросил раввин. — Что это значит?

Сборщик податей удивился:

– Но ведь это не мы делали шхите²²⁴!

– Не кипятись, — улыбнулся реб Йоше-Бер. — Если слуцкие резники, которых мы знаем, могут питаться за мой счет благодаря своему ремеслу, то почему чужие резники, которых мы не знаем, не могут?

* * *

Реб Йоше-Бер не выносил ханжества, невежественной набожности. Однажды он увидел, как еврей омывал руки перед едой, истратив на это литра два воды.

– Бедняга, — улыбнулся ребе, — вся его богобоязненность ушла в помои...

* * *

В ту пору в Слуцке стала завоевывать позиции Гаскала: молодые люди начали интересоваться самообразованием, читать посторонние книги, нежелательные для религиозных евреев.

Однажды пара лавочников, ревностных иудеев, ввалилась к раввину с криком:

– Гевалт, ребе! Атеизм набирает силу!

– Что тут удивительного? — сказал реб Йоше-Бер. — Правда всегда сильна.

– Что вы такое говорите, ребе? — оторопели лавочники. — Атеизм вы называете правдой?

– И тем не менее, — ответил реб Йоше-Бер. — Безбожники на самом деле верят в то, о чем говорят. Поэтому они побеждают и торжествуют. А вот у наших верующих богобоязненность фальшивая. Потому-то они и проигрывают.

* * *

В то время когда реб Йоше-Бер был раввином в Слуцке, в Минске жил хазан, большой знаток Учения, который, помимо всего, давал уроки Торы. Реб Йоше-Бер им очень дорожил, всегда его хвалил, говоря, что тот — выдающийся ученый.

Однажды этот хазан сказал раввину с улыбкой:

– Вы знаете, ребе, что, когда хвалите мою ученость, то, не желая того, причиняете мне вред?

– Что вы имеете в виду?

– Народ слушает ваши похвалы моей учености и делает вывод, что мое пение не стоит похвал.

В ту пору в Слуцке стала завоевывать позиции Гаскала: молодые люди начали интересоваться самообразованием, читать посторонние книги, нежелательные для религиозных евреев.

---

²²⁴ Шхите (иврит в ашкеназском произношении) — ритуальный убой животных.

– В таком случае, — сказал реб Йоше-Бер, — мне надо будет расспросить сведущих людей о вашем пении. Ведь если меня поймут на лжи о нем, то больше не поверят и тому, что я говорю о вашей учености.

* * *

Когда раби Йосеф-Дов стал раввином Слуцка, в городе было два резника: реб Цви и реб Неха, отец и сын. Реб Цви, казалось, не старел и был точной копией своего сына реб Нехи. Когда раввин третий раз женился, реб Неха поехал на свадьбу вместе с ним, поскольку р. Соловейчик ел мясо и птицу только от этого резника.

Когда раби Йосеф-Дов вернулся с женой в Слуцк, реб Цви пришел поздравить новобрачных и пожелать им счастья. Когда он ушел, жена раввина сказала:

– Мне кажется, здесь был реб Неха.

– Нет, — ответил раввин, — это отец реб Нехи.

– Отец! — воскликнула раввинша. — Но он выглядит ровесником своего сына!

– Я тебе больше скажу, — улыбнулся раби Йосеф-Дов, — реб Цви женат вторым браком, и его вторая жена вдвое моложе своего мужа.

* * *

Когда раби Йосеф-Дов был раввином Слуцка, один из столпов городской общины, Шмуэл Симхович, был знатоком Торы, но в то же время и поборником Гаскалы. Раби Соловейчик говорил о нем:

– Если бы не его богобоязненность, Шмуэл давно бы крестился.

* * *

Раввин Йосеф Розин из Рогачева, выдающийся знаток Торы и талмудист, учился в молодости в Слуцке у раби Менделе. (Впоследствии он стал раввином Двинска и прославился как один из ведущих религиозных лидеров своего поколения.) Раввин Соловейчик запретил юному илую²²⁵ заниматься Рамбамом прежде, чем тот «набьет желудок» Вавилонским и Иерусалимским Талмудом. Однако тот не послушался и занялся изучением «Мишнэ Тора»²²⁶.

Как-то раз раби Соловейчик вошел в дом учения и застал Йосефа «на месте преступления».

Улыбнувшись, раввин сказал юноше:

– Шейгец²²⁷, ты почему меня ослушался?

– Раби, — ответил юный гений, — я рассуждал согласно принципу «кал во-хоймер»²²⁸. Если я, который только начал заниматься Рамбамом, шейгец,

²²⁵ *Илуй* (иврит) — еврей, обладающий выдающимися способностями в изучении Торы.

²²⁶ «Мишнэ Тора» (иврит) — «Повторение Торы» — свод еврейских законов, составленный Рамбамом.

²²⁷ *Шейгец* (идиш) — ругательство; в зависимости от контекста может означать «наглец», «хулиган» и «нееврей». — *Прим. пер.*

²²⁸ *Кал во-хоймер* (иврит в ашкеназском произношении) — один из принципов толкования Торы, заключающийся в следующем логическом построении: если некое правило работает при выполнении менее значительного условия (*кал* — букв. «легкий»), то оно наверняка будет верным при выполнении более значительного условия (*хоймер* — букв. «отягощение»).

то тогда уважаемый раввин, изучающий Рамбама всю жизнь, не может быть религиозным авторитетом и, следовательно, мне не указ.

* * *

В 1870 году реб Йоше-Бер женился в третий раз и переехал из Слуцка в Варшаву, где жила его новая жена. Там его приняли с большим почетом и тоже хотели видеть раввином, но из-за тогдашних законов, по которым еврей, не рожденный в Польше, не мог занимать такой пост, этого не произошло. Его назначили главой йешивы, где он три года давал уроки. Все ученые и уважаемые люди Варшавы приходили слушать их и очень его почитали.

* * *

Рассказывают, что когда реб Йоше-Бер жил в Варшаве, он однажды встретился с евреем из Бриска, принадлежавшим к городской элите, и тот предложил ему переехать к ним и занять освободившуюся должность раввина.

– Возьмите лучше реб Йеѓошуа-Лейба Дискина²²⁹, — сказал реб Йоше-Бер. — Он этого заслуживает больше, чем я...

* * *

Через несколько лет, когда реб Йеѓошуа-Лейб уехал из Бриска, к р. Йоше-Беру прибыла делегация тамошних евреев и вновь предложила ему стать раввином в их городе. Когда об этом стало известно в Варшаве, поднялся большой шум: мол, ни в коем случае нельзя отпустить из Варшавы великого мудреца. Гурский раввин послал к реб Йоше-Беру делегацию варшавских богачей и уважаемых людей, чтобы они удержали его в Варшаве. Между представителями двух городов начались споры из-за слуцкого раввина. Когда гости из Бриска увидели, что реб Йоше-Бер заколебался, ехать ли к ним, они воззвали к нему:

– Ребе, тридцать тысяч евреев ждут вас!

Услышав эти слова, реб Йоше-Бер надел пальто и сказал:

– Раз тридцать тысяч евреев ждут меня, то я еду.

И в 5638 (1878) г. он-таки стал раввином Бриска.

(Материал подготовлен к печати р. Нисном Ваксманом)

Когда об этом стало известно в Варшаве, поднялся большой шум: мол, ни в коем случае нельзя отпустить из Варшавы великого мудреца.

Р. МЕЕР ПЕЙМЕР

Раввин Йосеф Пеймер-второй

Утром в четверг, 20 ияра 5671 (1911) г., скончался и присоединился к Небесной йешиве знаток Торы и праведник раби Меер Пеймер, сын знатока Торы и праведника раби Йосефа Пеймера, на протяжении тридцати пяти лет бывшего раввином Слуцка.

Мой отец воспитывался в доме своего отца в духе Торы и богобоязненности. Уже в юности ему предсказывали блистательное будущее. На про-

²²⁹ Йеѓошуа-Лейб Дискин (1819–1898) — один из духовных лидеров поколения. Руководил общинами Ломжи, Межерича, Ковно, Шклова и Бриска. В 1877 г. переселился в Иерусалим.

Летом 1890 г. раби Пеймер снова занял место раввина, на этот раз в Ляховичах. В местечке он принял несколько важных и полезных мер: создал общества, раздававшие нуждающимся дрова и продукты.

тяжении многих лет он учился днем и ночью и не хотел становиться официальным раввином. Однако, когда отец, умирая, завещал ему стать раввином, он подписал в 1869 г. договор с общиной Березино и стал верным пастырем своих прихожан.

В 1877 г. раби Пеймер отказался от места раввина и поселился в Слуцке в качестве частного лица. В 1878 г. он стал раввином города, однако в 1888 г. вторично отказался от места и уехал в Минск, чтобы жить там как частное лицо.

Летом 1890 г. раби Пеймер снова занял место раввина, на этот раз в Ляховичах. В местечке он принял несколько важных и полезных мер: создал общества, раздававшие нуждающимся дрова и продукты.

До 1894 г. он занимал должность раввина местечка Кореличи. В том же году получил место раввина в Ляховичах, однако, прожив там несколько месяцев, вернулся в Слуцк в качестве частного лица.

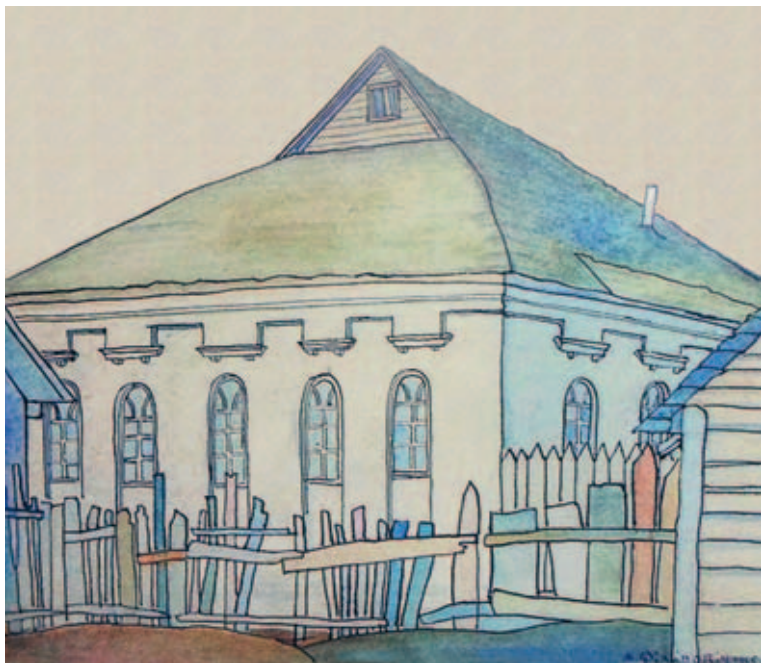
Особое внимание раби Пеймер уделял талмуд-торе, заботясь о материальных и духовных нуждах ее учеников. В 1911 г. в праздник Пейсах он тяжело заболел, поехал в Минск посоветоваться с врачами и понял из их слов, что болезнь неизлечима. Он желал быть похороненным в Слуцке, рядом со своими предками. До последнего мгновения раби Пеймер оставался в здравом уме и твердой памяти. Он скончался в возрасте семидесяти одного года.

Раби Пеймера похоронили рядом с прославленным знатоком Торы раби Йосефом-Зундлом, который был раввином Слуцка на протяжении шестидесяти лет²³⁰».

Из завещания р. Меера Пеймера

«Перечисляю имеющееся у меня имущество. У меня есть свиток Торы, который находится в Слуцке, в синагоге на Заречной улице. Также мне принадлежат тридцать четыре книги религиозного содержания. Некоторые из них находятся при мне, большая же часть этих книг находится в Слуцке, в распоряжении моего сына раби Йосефа. Среди этих книг есть мои рукописи, которые еще не опубликованы, а также рукописи моего достопочтенного покойного отца и наставника. У меня хранятся четыре тома: два тома в половину листа — респонсы, посвященные всем четырем разделам кодекса “Шульхан арух” (один том, ин-фолио, переплетенный, посвящен разделам “Орах хаим” и “Йорэ деа”; к этому же тому относятся два переплетенных сочинения; второй том, ин-фолио, содержит тексты выступлений). В моем распоряжении есть и другие рукописи моего покойного отца и наставника, которые хранятся у моего сына. Все принадлежащие мне книги я оцениваю в пятьсот рублей серебром. В эту сумму также включены права, которыми я обладаю на рукописи моего покойного отца и учителя, а также бумаги, хранящиеся у моего младшего сына, упомянутого выше светоча Израиля Йосефа. Из этой суммы он должен выделить половину, то есть двести пятьдесят рублей серебром, моему любимому сыну Мойше. Эта сумма должна быть выплачена наличными. Эту сумму он должен будет отдать по получении расписки в том, что получатель не имеет никаких претензий ни на

²³⁰ На самом деле — тридцати пяти лет (речь идет, скорее всего, о дедушке р. Йосефа Пеймера-второго). — *Прим. пер.*

Михаил Филиппович.
Этюд хоральной
синагоги в Слуцке.
1925 г.

землю, ни на движимое имущество, и лишь после того, как получатель подпишет все положенные бумаги. Я уверен, что он исполнит мою последнюю волю без всяких возражений и за это Всевышний пошлет ему благословение во всех его добрых начинаниях. Что же касается упомянутого свитка Торы, то он должен остаться в той же синагоге. Вместе с тем я не передаю его в собственность синагоги, но оставляю в собственности вышеупомянутых сыновей раби Мойше и раби Йосефа, которые со временем решат, как с ним поступить. Кроме того, нам с супругой принадлежит дом в Слуцке, стоящий на Заречной улице. Все свои права на этот дом я передаю своей супруге и нашей дочери».

Р. ЙОСЕФ ПЕЙМЕР, внук р. ЙОСЕФА ПЕЙМЕРА-ПЕРВОГО

Х.-А. Пеймер

1

Мой отец, светлой памяти реб Йоселе, служивший раввином Слуцка, происходил из рода раввинов и мудрецов. Он сочетал в себе редкие качества и добродетели, состоял в постоянной переписке с великими знатоками Торы своего поколения. Как большой любитель и почитатель книг он собрал богатейшую библиотеку, содержащую редкие печатные издания и рукописи. Кроме этого у него была солидная коллекция газет, журналов, альманахов и сборников на идише и иврите, переплетенных по годовым выпускам. Библиотека была самым дорогим из того, чем он владел. В самой красивой и большой комнате нашего просторного богатого дома на полированных полках и в шкафах стояли чистые, опрятные книги в образцовом порядке. Необычайно бережно ходил он вокруг них, про-

Как большой любитель и почитатель книг он собрал богатейшую библиотеку, содержащую редкие печатные издания и рукописи.

ветривал помещение и стирал пыль с полок. Интересно, что он никогда не торговался, а всегда платил за книги их настоящую цену. Книготорговцы уже знали, что у раби Йоселе нужно запрашивать цену по максимуму, иначе он, чего доброго, почувствует себя обманутым. Память его была феноменальной, он почти ничего не забывал (за исключением случаев, когда его оскорбляли, — вот это он как раз предпочитал забыть). Но на свою память он никогда не полагался, а все подсчитывал и записывал.

Было время, когда у отца были большие запасы денег, драгоценностей и ценных бумаг, оставившиеся ему в залог. Каждый вклад регистрировался, он записывал их так: «С Божьей помощью, день, неделя, месяц, год... Получено от господина, госпожи... Всего сотенных, десятков и т. д.». И каждый получал свой залог купюрами точно того же достоинства, как те, которые передавал в руки отца. Ту же систему он практиковал, когда к нему обращались с вопросами по Торе: он записывал имя спрашивавшего вместе с вопросом и ответом.

В том, что касалось Торы, он как раввин был поистине универсалом: разрешал галахические споры, отвечал на вопросы, был судьей в бытовых делах, помогал авторам книг, комментаторам, магидам, бадхенам²³¹ и простым людям из народа. Его постоянная готовность к заступничеству и неумолимость были беспредельны. Хотя в Слуцке жил еще один раввин, мой отец всегда нес на себе груз общих забот. При каждой власти и каждом новом режиме он всегда был ходатаем за евреев и в любое время был готов пожертвовать собой за всю общину и каждого из ее членов. Пикантным обстоятельством при этом было то, что мой отец не владел ни одним европейским языком.

Интересно отметить, что сам он в шуточной манере изображал, как разговаривает со всеми правителями и угнетателями: с русскими — на ломаном немецком, с немцами — на «убитом» польском, с поляками же — на языке, который не был ни польским, ни немецким, ни русским, а какой-то нелепой смесью трех языков. И здесь нужно вспомнить с благодарностью четырех уважаемых в Слуцке деятелей: Гутцайта, Чернихова, Файнберга и д-ра Шильдкраута. Двое последних отошли от соблюдения многих заповедей иудаизма, но все четверо навсегда остались для отца дорогими и преданными помощниками во всех его небезопасных ходатайствах ради общины и отдельных людей.

Однажды военное командование отправило посыльного к моему отцу с приказом немедленно явиться к командиру. Отец позвал Файнберга, и они вдвоем отправились в комендатуру. Командир кричал на них и топал ногами, угрожая засечь или выслать в Сибирь слуцких евреев, торговавших водкой. Дело в том, что пьяные солдаты устраивали драки, грабили еврейское добро. Командир спросил у Файнберга, как раввин намерен поступить. Тот ответил, что отец решил испробовать старое еврейское средство: херем²³². Бедняге Файнбергу пришлось объяснять офицеру смысл и содержание понятия «херем». Недалекий вояка посмеялся над смехотворным «жидовским средством» прекращения нелегальной торговли водкой, но согласился отпустить отца, чтобы тот переговорил со вторым раввином и они добились прекращения продажи водки.

²³¹ *Бадхен* (иврит в ашкеназском произношении) — комик, шут, забавлявший гостей на семейных торжествах, главным образом на свадьбах.

²³² *Херем* (иврит) — здесь: отлучение от еврейской общины.

В том, что касалось Торы, он как раввин был поистине универсалом: разрешал галахические споры, отвечал на вопросы, был судьей в бытовых делах.

Я. Кругер.
Холодная синагога
в Слуцке (1921)

На следующий день в Холодной синагоге у бимы стояли раввины, даяны²³³, городские шамесы и хазаны в праздничных одеждах и талесах²³⁴. На столе был расстелен пергамент с текстом херема. На биме зажгли большую черную свечу. Огромная толпа евреев затаила дыхание... Хазан протрубил в шофар²³⁵, главный даян объявил пронзительным голосом от имени даянов и раввинов, что если такой-то и такой-то осмелятся нарушить запрет на изготовление и продажу водки, на них падут все проклятия и кары Торы и никогда никто не будет иметь с ними отношений и дел, ибо на них наложен херем. В мертвой тишине, наступившей после наложения херема, раздались приглушенные всхлипы женщин и сдавленные рыдания мужчин. Нагоняющий ужас древний ритуал закончился послеполуденной молитвой; она прошла в страхе и тревожном настроении, вечер был необычно серьезным. Мой отец, который был еще молодым человеком, выглядел настоящим старцем: так болезненно он переживал этот эпизод своего раввинства.

Влияние и впечатление, произведенное ритуалом на город, можно себе представить. Прекращение торговли водкой совершилось так, словно было записано в законе. Отец был вызван к командиру, который похвалил его и заранее сообщил ему, когда военные должны проходить через город, с тем, чтобы лавочники приняли меры предосторожности. Это было очень важно, потому что многие общины из-за прохода войск разорялись, особенно в субботы и праздники. Солдаты на марше ломали двери закрытых лавок прикладами винтовок и грабили все, что попадалось под руку. Отец каждый раз знал заранее, когда русские войска должны были проходить в субботу

Нагоняющий ужас древний ритуал закончился послеполуденной молитвой; она прошла в страхе и тревожном настроении, вечер был необычно серьезным.

---

²³³ Даян (иврит) — судья религиозного суда.

²³⁴ Талес (иврит в ашкеназском произношении) — здесь имеется в виду *талес годл* (большой талес): четырехугольная накидка, в которой молятся по утрам. *Талес котн* (малый талес) — накидка с вырезом для надевания через голову. Ортодоксальные евреи носят его обычно под рубашкой.

²³⁵ Шофар (иврит) — бараний рог, в который трубят в Рош-га-шана, Йом-Кипур и в ряде других случаев.

Холодная синагога
в Слуцке. Начало
XX в. Фотоальбом
«Слуцк. Путешествие
во времени».
Минск, 2011 г.

или праздник, и раввины говорили лавочникам, чтобы те держали лавки открытыми, а евреям-пекарям надлежало подготовить достаточно выпечки.

Однажды перед Рош-ѓа-шоне, праздником, выпавшим на субботу, отец узнал, что через город должны проходить войска, и они вдвоем с известным раввином реб Исером-Залменом Мельцером вывесили во всех синагогах и молитвенных домах объявление с призывом к торговцам и ремесленникам в Рош-ѓа-шоне держать свои заведения открытыми, а к пекарям — печь в этот день хлеб. Нетрудно себе представить, в каком угнетенном настроении слуцкие евреи встретили в тот раз Новый год. Евреи и еврейки, разодетые в субботние и праздничные одежды, с молитвенниками в руках, печально разошлись из домов молитвы по лавкам.

В Слуцке жил известный помещик-поляк по фамилии Булгак, игравший немалую роль в общественной жизни местного польского населения. Большевики арестовали помещика и собирались явиться в его усадьбу посреди ночи, чтобы забрать и его жену. Кто-то дал об этом знать р. Йоселе; он поздно вечером отправился к жене Булгака и сказал, чтобы она не ночевала несколько ночей дома. По соседству с усадьбой Булгака жил один еврей — между его домом и усадьбой стоял забор из столбиков, переплетенных тонкими прутьями. Отец сказал ей: «Вытащи из забора два-три прута, пролезь через него, а потом переберешься назад. Я договорился с соседом, переночуешь у него». Она так и сделала — и спаслась от ареста. Через короткое время город опять перешел от русских к полякам, и Булгака освободили. Жена рассказала о том, как раввин ее спас, и муж это хорошо запомнил.

Сложные, многосторонние и ответственные обязанности раввина отец нес во время и после большевистской революции, в период немецкой оккупации и прихода неистовых польских «познанцев»²³⁶, а также «галерчиков» (кавалеристов генерала Галлера). Последние разрушили большую часть Слуцка, включая наш дом. Они положили конец нашему основательному хо-

²³⁶ «Познанцы» — легионеры-уроженцы Западной Польши, до 1918 года подвластной Германии. Считались лучшими польскими солдатами. — *Прим. пер.*

зайству, существовавшему на протяжении поколений, подожгли и пустили на ветер все наше имущество, включая прекрасную библиотеку, в которой были редкие и дорогие издания.

День, когда поляки начали отступать из города, а Красная армия быстро приближалась, был пятницей. Начальник польского гарнизона вызвал к себе отца и приказал: поскольку его «бравые рыцари» отходят, будет справедливо, если евреи премируют их соответствующими «отъездными», которые должны быть обязательно собраны к завтрашнему полудню, в субботу. В противном случае он даст возможность своим молодцам собрать «отъездные» самостоятельно... Услышав о новой напасти, отец, одетый уже по-субботному, вышел из дома и в сопровождении доктора Шильдкраута пошел по домам слуцких богачей, чтобы собрать контрибуцию. Запрошенная поляками сумма была собрана и принесена начальнику гарнизона в срок. Тот взял деньги, но при этом дал солдатам «добро» на погром.

Когда отец пришел в субботу в синагогу на послеполуденную молитву, на пороге вдруг возникли три вооруженных поляка с мешками, набитыми награбленным добром. Увидев отца в субботней шляпе с высокой тульей, с красивой патриархальной бородой, один из них вынул из кармана коробок спичек, чтобы поджечь ее, а второй, держа в одной руке дубинку, другой протянулся к отцу, намереваясь ухватить его за бороду. Отец со всей силы ударил его по руке. Погромщик поднял дубинку и замахнулся на отца, но тот перехватил ее и оттолкнул поляка. Солдат потерял равновесие и упал, но быстро вскочил, вынул из ножен саблю и плашмя ударил ею отца по голове. Шляпа смягчила удар, а между тем прихожане синагоги и окрестные евреи, прибежавшие на шум, бросились, безоружные, на поляков, чтобы спасти своего раввина. Их ярость была так велика, что те, испуганные, ретировались...

В то время в Варшаве жили две сестры отца, обе — известные дантистки. Они держали свои кабинеты на Маршалковской, 91, и среди их пациентов были генералы, профессора, важные правительственные чиновники. Обе мои тетки жили в комфорте, а по тем временам даже, пожалуй, в роскоши. Они хотели, чтобы отец остался у них, отдохнул, пришел в себя после того, что ему пришлось пережить. Но он не мог оставаться в стороне от того, что происходило в наших краях с евреями, и искал способы облегчить их жизнь. Видя, что все усилия вождей польского еврейства в этом направлении ни к чему не приводят, он решил попросить аудиенции у высшего католического священника того времени кардинала Краковско-го. Кардинал принял отца учтиво и с большой теплотой, выслушал от него описания бесчинств и нападений на беззащитных евреев и написал письмо начальнику гарнизона Барановичей Рыдзу-Смиглому, который, кстати, позже стал последним польским министром обороны в период между мировыми войнами. Кроме того, кардинал дал отцу «охранную грамоту»: обращение к военным и гражданским властям с просьбой оказывать раввину Пеймеру максимальное содействие во всем.

Вернувшись в Барановичи, отец узнал, что в этом городе находится и тот самый помещик Булгак, пользовавшийся немалым влиянием. Он обратился к нему, и Булгак дал ему письма к своим друзьям, известным польским деятелям, попросив их помогать отцу. С этими бумагами отец сразу же стал действовать на благо общины. Первое, чего он добился у Рыдза-Смигло, — обеспечения едой, одеждой и медикаментами многих со-

---

Кардинал принял отца учтиво и с большой теплотой, выслушал от него описания бесчинств и нападений на беззащитных евреев и написал письмо начальнику гарнизона Барановичей Рыдзу-Смиглому.

тен измученных евреев-«возвращенцев», жителей Польши, находившихся в ужасных условиях в барановичской «долине плача»: печально известном «Юре» — карантинном лагере для интернированных. Создав в Барановичах комитет, задачей которого было прежде всего обеспечение «возвращенцев» всем необходимым, отец, ставший его председателем, связался по телеграфу с известным адвокатом, депутатом сейма Ноехом Прилуцким, и тот прислал из Варшавы подготовленного адвоката-еврея, чтобы тот помог решить правовые вопросы «возвращенцев».

Редкостная демонстрация верности Торе и прославления Божьего имени состоялась в те дни в связи с приездом из России всемирно известного мудреца, духовного лидера европейского еврейства Хофец-Хаима.

Редкостная демонстрация верности Торе и прославления Божьего имени состоялась в те дни в связи с приездом из России всемирно известного мудреца, духовного лидера европейского еврейства Хофец-Хаима²³⁷. Отец не только добился от польских военных властей того, что этот мудрец и десятки его учеников избежали семи кругов ада в том самом «Юре». Документы Хофец-Хаима для выезда были готовы, когда он еще не вышел из поезда. Отец устроил необыкновенную встречу для почетного гостя, в которой участвовала вся барановичская община. Важной частью этой необычной демонстрации было то, что отец добился разрешения у военных властей на участие во встрече Хофец-Хаима группы еврейских солдат, вставших в почетный караул. Мудрец их всех благословил и пожелал, чтобы они вернулись домой с миром. Воздействие от его речей было такое, что солдаты несли великого гаона на руках с вокзала в гостиницу.

В те бурные дни, когда Барановичи были наводнены тысячами евреев — беженцами-«возвращенцами» и теми, кто хотел бежать как от России, так и от поляков, направляясь куда глаза глядят, в город прибыл Манэ-Кац, известный еврейский художник. Он хотел уехать во Францию, но попробуй доберись до Парижа, когда поляки хотят отправить евреев обратно в Россию! Художник обратился к отцу, и тот помог ему выправить бумаги для выезда из Польши. В благодарность за это Манэ-Кац решил увековечить образ отца на большой картине маслом. Но как было рассчитывать на портрет еврея, который по уши был занят еврейскими несчастьями и бедами? У отца не было ни минуты, чтобы вздохнуть, а к тому же в маленькой отцовской комнатке невозможно было сидеть и позировать. Но Манэ-Кац не отступился. Он принес полотно, краски и кисти и взялся за работу с невероятным терпением, усердием и любовью. Замечательный художник сумел ухватить на полотне характерные черты отца, использовав богатый набор цветов и оттенков. Но, увы, работе не суждено было завершиться. Внезапно Манэ-Кац получил разрешение покинуть Польшу, однако он надеялся, что со временем закончит картину. В спешке он оставил весь свой инвентарь и полотно с незаконченным портретом и уехал.

Светлой и легкой была жизнь отца в Америке, ведь ему не приходилось уже собирать денежные подношения, идти на компромиссы — в Америке он не имел должности раввина. Он прожил в этой стране двенадцать лет, и она ему очень нравилась. Но он никак не мог смириться с той разнузданной, вульгарной свободой, к которой охотно потянулась значительная часть евреев. Оторванность от религиозных, национальных, традиционных обязательств он считал катастрофой.

²³⁷ Исроэл-Меер Га-Коѓен (Хофец-Хаим; настоящая фамилия Пупко; 1839–1933) — выдающийся раввин, законоучитель и моралист. Духовный лидер еврейства Польши и России. — *Прим. пер.*

Так мой отец прожил остаток своих земных лет — тихо, с оглядкой назад, в бедности и одиночестве. После долгих мучений 1 кислева 5699 года (25 ноября 1938 г.) его светлая душа отошла к Творцу. Видимо, Его воля была такова, что похороны отца также были полны символического значения. Густой снег помешал большому числу людей проститься с ним. Впрочем, для него действительно было важно, чтобы о нем говорили: «Тихо жил и тихо умер».

2

Моя мама Алта-Элка родилась и была воспитана в Ковно, в семье Рувена Шахаровича. Он был крупным торговцем, большим знатоком Танаха и в то же время поборником Просвещения. Воспитание его прекрасных дочерей вполне соответствовало еврейским традициям, но в то же время имело европейский характер. Мама хорошо знала иврит, идиш, русский, польский и немецкий языки. Благодаря своему очарованию она была известна в Ковно уже с ранней юности, и, прежде чем она созрела, сваты стали обивать пороги ее отцовского дома. Но, как оказалось, ей было суждено сделаться именно женой раввина. Судьба жениться на ней выпала моему будущему отцу. Он был одним из лучших учеников в йешиве Слободки и, не зная европейских языков, стал раввином, когда ему еще не исполнилось двадцати одного года. Хотя мои родители принадлежали двум разным мирам, их объединяла любовь к народу Израиля, желание спасти души — еврейства в целом и отдельных евреев, в частности.

После замужества для нашей мамы началась новая, необыкновенная глава в ее короткой, трудной и плодотворной жизни. Редкая красота вскоре сделала ее одной из известнейших еврейских женщин на белорусских землях. Благодаря ее уму, интеллигентности и такту наш раввинский дом стал настоящим духовным центром города. Не было ни одной сферы деятельности, в которой мама не участвовала бы. Просто удивительно, что хрупкая и слабая женщина обладала таким запасом энергии, чтобы устраивать различные дела, принимая в них активное участие. Она стала сестрой милосердия в домах, где были больные, и в госпитале. Для нее не существовало грязной и тяжелой работы, все было хорошо и важно, все она делала с огромным воодушевлением.

Хотя наш дом был настоящим раввинским жилищем, где каждый всегда мог чувствовать себя вольно и приходить, когда хотел, он тем не менее был чист и ухожен, содержался в полном порядке. Просторный богатый особняк на одной из красивейших улиц, большой сад и огород — хозяйство велось более солидно, чем у обычного раввина. Дом был открыт для прохожих и проезжих людей: раввинов, посланцев общин, магидов, родственников и просто гостей.

Когда вспыхнула Первая мировая война, сотни еврейских юношей были мобилизованы и им пришлось оставить своих молодых жен. Они давали условные разводы любимым, чтобы, если случится несчастье, уберечь их от участи агунес. Реб Мордхе-Яков, писец, и реб Шимен, помощник даяна, сидели и составляли документы об этих разводах. Наш дом был полон людей. Рыдания, казалось, достигали неба. Моя мама и любимая сестра Муся приводили в чувство женщин, которым насильно выписывали эти разводы. Одной надо было протянуть нашатырь, второй помассировать виски, третьей дать какую-нибудь таблетку... Вот так они целыми неделями занимались делами, связанными с ужасной процедурой разводов.

Благодаря ее уму, интеллигентности и такту наш раввинский дом стал настоящим духовным центром города. Не было ни одной сферы деятельности, в которой мама не участвовала бы.

Алта-Элка Пеймер

Мама и Муся стали заправскими кухарками. Еврейские призывники в русской армии терпеть не могли солдатские каши и капусту, им приходилось выживать на хлебе и воде. Отец узнал об этом и взялся кормить солдат у нас дома. Сначала это были единицы, потом — десятки, затем стало столько, что уже невозможно было принимать всех желающих в частном доме. Тогда мама обратилась к слуцкой молодежи, состоявшей из студентов, йешиботников, рабочих, учеников и торговых служащих. Организовался комитет из нескольких прихожан Холодной синагоги. Одну из «мурованок» превратили в большую современную кухню с отличной столовой, где заботились о сотнях солдат и бездомных, которые уже начали прибывать в Слуцк, кормя их качественными и сытными обедами. Фактически речь шла о том, чтобы сотворить «нечто из ничего», — устроить кухню без фондов, без посуды и без продуктов. Но железная воля мамы и самоотверженная работа чудесной слуцкой молодежи помогли добиться успеха. Весть обо всем этом разошлась так далеко, что одна из дочерей царя Николая, которая занималась благотворительной работой в России, выразила особую признательность слуцкому комитету.

Среди различных работ, которые мама выполняла вместе с местными городскими парнями и девушками, была отправка посылок солдатам на фронт. По вечерам у нас в доме большая мерцающая лампа бросала теплый свет на хрупких еврейских девушек, в руках которых кипела работа. Они набивали табаком папиросные гильзы, вязали носки и свитеры. В посылках были также шоколад, сухари, бумага и конверты, иголки с нитками и пуговицами. Ко всему этому прилагалось короткое письмо с несколькими сердечными словами, пожеланием солдату скорее вернуться домой. Молодежь запаковывала посылки, надписывала на них адреса и доставляла на почту.

В те времена, когда в Слуцке бушевали эпидемии, мои мама и сестра не уклонялись от того, чтобы помогать заболевшим. Глядя на них, и другие занялись тем же. Даже я, ее единственный сын, капризный, всегда противостоявший обществу и склонный к разным хулиганским выходкам, тоже

втянулся в работу. Когда разгорелась Первая мировая война, я выбросил из головы глупости и взял на себя значительную долю общего труда.

В нашем доме постоянно толпились самые разные люди. Иногда проходили целые дни, а я даже не видел родителей. С мамой я обычно общался лишь тогда, когда она уже не могла держаться на ногах, и тогда уже я должен был становиться для нее «братом милосердия».

В слуцкой тюрьме мама была частой посетительницей. Она обеспечивала едой и чистым бельем таких «преступников», как раввины, йешиботники, рабочие. Кое-кого ей удалось спасти от отправки в Сибирь. Я никогда не забуду Берла — десятилетнего мальчика, которого власти обвинили в шпионаже. Его арестовали и переводили из тюрьмы в тюрьму, пока он не попал в нашу. И кто знает, что могло бы с ним произойти, если бы не моя мама. После долгих хлопот и ходатайств ей удалось спасти мальчика. В один из Пуримов она отправила щедрый подарок надзирателю тюрьмы, взяв с него за это обещание сообщить ей заранее об отправке партии арестантов в Сибирь, чтобы она успела обеспечить их теплым бельем, полущубками и валенками. Мама заботилась не только о евреях. Неевреев она вписывала в списки нуждавшихся в помощи под еврейскими именами, поскольку комитет помогал только своим.

Вообще в те страшные дни мама очень часто совершала разнообразные «грехи». Впервые это произошло, когда она «реквизировала» ряд синагог в Слуцке, превратив их в детские дома и приюты для престарелых. Тем евреям, которые требовали объяснений, почему мама оскверняет дома молитвы, она отвечала:

– Там, где написано, что нужно молиться, написано также, что надо проявлять милосердие к бездомным, старым и больным, и поэтому я беру этот грех на себя.

Нескольких слуцких детей, круглых сирот, мама выдала за беженцев с тем, чтобы они получили лучшее воспитание и присмотр. А в других случаях она выдавала евреев-беженцев из Литвы или Польши за слуцких, чтобы иметь больше возможностей им помочь.

В нашем доме поселились несколько семей погорельцев. Кроме них, у нас жил комбриг по фамилии Балашов со своим ординарцем Ваней. К тому времени от раввинского дома осталось одно воспоминание — разве что старый дедушкин портрет и немного книг. Если бы не они, то наш дом выглядел бы как штаб красного командира, где сновали туда-сюда люди в форме. В таком окружении я чувствовал себя как рыба в воде, поскольку оказалось, что и Балашов, и Ваня — сердечные люди. Даже наша кухарка Песя, всегда ругавшая большевиков последними словами, полюбила этих постояльцев, готовила для них еду, приносила им по субботам чолнт.

Когда Балашов прибыл реквизирувать комнату, Песя сидела на кухне и делала три дела одновременно: говорила сама с собой, молилась и сыпала проклятиями. Увидев командира, она отдала ему команду:

– Эй, слышишь, возьми ведро и принеси воды!

И комбриг Балашов взял пустое ведро и принес его полным. Улыбаясь, он сказал:

– Вот вам вода, мамаша.

Он и Ваня стали моими лучшими друзьями. Я ездил на их конях, примерял их форму и получал от них контрамарки на концерты и театральные

Мама заботилась не только о евреях. Неевреев она вписывала в списки нуждавшихся в помощи под еврейскими именами, поскольку комитет помогал только своим.

выступления. Все было бы замечательно, и я бы получал полное удовольствие от компании двух хороших людей, но реб Бер Эфрон, который учил меня, не позволял мне расслабиться в полной мере. Когда Ваня рассказывал мне о разных видах оружия, рядом раздавался хриплый голос реб Бера:

– Добрый вечер, реб Хаим-Авром, а ну, возьмите Тору, и давайте сядем поучимся. И не показывайте мне на Ваню — он тоже может послушать, это ему не повредит.

Самое важное начиналось после учебы.

– Будьте так добры, реб Хаим-Авром, отложите книги и оденьтесь. Мы не можем терять времени — надо собирать пожертвования для бедняков.

Седой реб Бер и юный полудикий сын раввина пускались по городу с целью выполнить заповедь. Ходили мы от одного конца города до другого, от Острова до Тройчан, от Копыльских ворот до кладбища. Реб Бер делал широкие шаги, и мне приходилось сопровождать его вприпрыжку, чтобы не отстать. Мы подходили к домам с закрытыми ставнями, и реб Бер стучал в дверь.

– Кто там? — спрашивали нас.

– Открывайте, это еврейские разбойники.

Зажигался свет, открывалась дверь, и заспанный злой еврей встречал нас вопросом:

– Что, не нашли другого времени ходить по домам?

– Не злитесь, — спокойно отвечал реб Бер. — Вы должны радоваться, что Всевышний вас не оставляет и дает вам возможность исполнить заповедь не только днем, но и ночью. Вы знаете, кто этот молодой человек? Это единственный сын раби Йоселе Пеймера. Если бы не он, я бы никогда не пошел на такое дело...

...Поездка через русско-польскую границу в Барановичи, к отцу, стала для мамы опасным предприятием. Она была вынуждена переходить границу с контрабандистами, сомнительными личностями, делавшими свой гешефт с благословения большевистского режима: от него они брали коммунистическую литературу на польскую сторону, а за это им было позволено таскать контрабанду из Польши в Россию. Когда польские пограничники обнаружили их группу, мамы спутники разбежались, бросив ее, больную и слабую, на произвол судьбы. Она осталась одна в санях на жгучем морозе, на пустынной дороге, да еще с целым мешком пропагандистской литературы у ног.

Два солдата с винтовками наперевес подошли к саням. Увидев маму, один из них прицелился в нее, но другой позвал его:

– И не жалко тебе тратить пулю на старую жидовку?

В сорок один год мама была изможденной и седой и выглядела старухой. Ее выкинули из саней, оставив посреди пустынного поля, в метель. Она сделала несколько шагов, но быстро выдохлась и села на снег. На ее счастье, мимо проезжали муж и жена, евреи. Они подобрали маму, полумертвую, замерзшую, и отвезли к себе домой. Эти евреи были рады помочь человеку, который для них столько сделал: женщина в свое время была беженкой в Слуцке, знала маму и приложила все силы, чтобы вернуть ее к жизни. Как только мама немного пришла в себя, она снова пустилась в путь — назад в Слуцк. Она вернулась к нам ослабленная, исхудавшая, измученная.

Мы уже не могли оставаться в Слуцке из-за постоянных болезней мамы и отсутствия средств к жизни. Нашей единственной кормилицей в то вре-

---

Когда польские пограничники обнаружили их группу, мамы спутники разбежались, бросив ее, больную и слабую, на произвол судьбы.

мя была моя любимая сестра, чьего жалования с трудом хватало... Собрал в два небольших узла все самое необходимое, мы покинули наш дом и уехали в Барановичи. Во время встречи с отцом в маленькой, тесной комнатке, где он жил в ожидании визы в Америку, выяснилось, что крыши над головой нам в этом городе не найти, и мы отправились дальше — в Отвоцк, где оказались в двухкомнатной квартире, обставленной полуразвалившейся мебелью.

Через некоторое время отец получил-таки американскую визу. Мы, четыре человека, очутились в трех разных странах: отец в Америке, сестра — в Стране Израиля, а мы с мамой — в Польше. В конце концов прибыли в Нью-Йорк и мы. Мама радовалась: страхи кончились, она была вместе с мужем. Но тут болезни ее обострились и потребовалось хирургическое вмешательство. Ей суждено было мучиться еще несколько недель, но 18 тевета 5689 года (31 декабря 1928 г.) она скончалась.

То, что отец думал о маме, он высказал в короткой надписи на ее могильной плите: «Много есть добродетельных жен, но ты превзошла их всех»²³⁸.

Р. ЯКОВ-ДОВИД ВИЛОВСКИЙ (РИДБАЗ)

Из разных источников

В 1868 г. стал раввином и главой раввинского суда местечка Изабелин. Позже был раввином Бобруйска (1876), Вильны (1881)²³⁹, Плоцка, Вилькомира (1887) и Слуцка (1894), где оставался раввином на протяжении десяти лет, а в 1900 г. создал там йешиву.

Р. Вилковский обладал феноменальной памятью и знал наизусть несколько трактатов Талмуда. Он прекрасно разбирался в Вавилонском и Иерусалимском Талмудах, а также трудах большинства законодателей, р. Вилковский славился колоссальной усидчивостью. Долгими зимними ночами он натирал лицо снегом, чтобы отогнать дремоту. Из-за этого кожа вокруг его глаз покраснела.

Большую часть своей жизни раби посвятил Иерусалимскому Талмуду, которым большинство раввинов обычно не занимается. Судя по всему, постоянный интерес к наследию был связан с колоссальной любовью к Стране Израиля. Издание Иерусалимского Талмуда обошлось ему в две тысячи рублей, он же получил в качестве своей доли сорок процентов тиража. Это заставило его отправиться за границу, чтобы распродать свои экземпляры. В 1900 г. он прибыл в Америку, где ему удалось собрать достаточную сумму денег, чтобы расплатиться с издателем. Поэтому раздел «Незикин» он посвятил своим американским почитателям.

В 1903 г. р. Вилковский снова приехал в Америку, где получил место главы колеля²⁴⁰ в Чикаго. Несколько местных общин объединились и предлагали ему десять тысяч долларов в течение четырех лет. Однако из-за сопро-

²³⁸ «Мишлей», 31:29.

²³⁹ По другим сведениям, в Вильне р. Вилковский был магидом и законоучителем. — *Прим. пер.*

²⁴⁰ Религиозное учебное заведение для женатых мужчин (в отличие от йешивы, где учатся холостяки).

тивления некоторых местных раввинов и поскольку р. Вилковский считал невозможным допустить изменения в области кашруса²⁴¹, а также обучения и воспитания детей, которых от него ждали, он отказался и от своего места, и от предлагаемого жалования.

Объехав с выступлениями крупные американские города, раби Вилковский покинул США в 1905 г. и решил поселиться в Стране Израиля. Прибыв на Святую землю, он выбрал местом жительства Цфат, где основал йешиву «Торат-Эрец-Израэль»²⁴². Его помощником стал его зять р. Йосеф Канович.

Самым большим и известным трудом р. Вилковского стали два его комментария-примечания к новому изданию Иерусалимского Талмуда. В этих примечаниях («Хидушей-Ридбаз» и «Тосафот Ридбаз»²⁴³) он разъясняет сложные запутанные места — благодаря оригинальности и глубине они в полной мере заслуживали быть помещенными рядом с классическими комментариями. Четыре тома этого издания Иерусалимского Талмуда вышли в Петрокове в 1897–1900 гг. Кроме того, р. Вилковский написал книги «Мигдаль Давид»²⁴⁴, «Хидушим бе-Бавли ве-Йерушалми»²⁴⁵ (там же, 1876), «Тшувот Ридбаз»²⁴⁶ (сборник респонсов, там же, 1882), «Нимукей»²⁴⁷-Ридбаз» (комментарий к книгам Пятикнижия «Берешит» и «Шмот»²⁴⁸, Чикаго, 1904) и респонсы «Бейт-Ридбаз» (Иерусалим, 1908). Кроме того, р. Вилковский издал свой комментарий к книге р. Исроэла из Шклова²⁴⁹ «Пеат-ѓа-шульхан»²⁵⁰, в котором изложил свое понимание заповедей, исполняемых только в Стране Израиля, прежде всего законов седьмого года²⁵¹.

Р. Вилковский был также замечательным оратором, чьи выступления производили колоссальное впечатление на людей. Авторские предисловия к его книгам содержат важные сведения, касающиеся истории своего времени, и прежде всего истории американских общин.

Имя Ридбаз, которым р. Вилковский подписывал свои книги, является аббревиатурой слов «Ринат-Яков-Довид бен Зеэв». (Слова «ринат-Яков» — «радость Якова» — взяты из библейского стиха «Радостно пойте Якову...»²⁵²) Приехав второй раз в Америку, он поменял свою фамилию Вилковский на Ридбаз.

Р. Вилковский был одним из ведущих раввинов своего поколения.

(По материалам энциклопедии Й.-Д. Эйзенштейна «Оцар Исраэль»²⁵³)

²⁴¹ *Кашрус* (иврит в ашкеназском произношении) — здесь: дозволенность или пригодность пищи с точки зрения Галахи.

²⁴² «Торат-Эрец-Израэль» (иврит) — «Учение Страны Израиля».

²⁴³ «Тосафот Ридбаз» (иврит) — «Дополнения Ридбаза».

²⁴⁴ «Мигдаль Давид» (иврит) — «Башня Давида».

²⁴⁵ «Хидушим бе-Бавли ве-Йерушалми» (иврит) — «Толкования Вавилонского и Иерусалимского Талмудов».

²⁴⁶ «Тшувот Ридбаз» (иврит) — «Ответы Ридбаза».

²⁴⁷ *Нимуким* (иврит) — букв. «доводы», «аргументы».

²⁴⁸ «Берешит» в русской тадиции — «Бытие», «Шмот» — «Исход» — 1-я и 2-я книги Пятикнижия.

²⁴⁹ Исроэл Ашкенази из Шклова (ок. 1771–1839) — ученик Виленского Гаона, один из руководителей ашкеназской общины Страны Израиля. — *Прим. пер.*

²⁵⁰ «Пеат-ѓа-шульхан» (иврит) — «Край стола».

²⁵¹ Согласно Торе, каждый седьмой («субботний») год сельскохозяйственные земли в Стране Израиля следует оставлять под паром: «Шесть лет засевай свою землю и собирай ее плоды, а в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались неимущие из твоего народа, а остатками после них — полевые звери; так же поступай с твоим виноградником и с твоей оливой» («Шмот», 23:10, 11).

²⁵² «Ирмеяѓу» (в русской традиции — «Книга Иеремии»), 31:6.

²⁵³ «Оцар Исраэль» (иврит) — «Сокровища Израиля». Н.-Й., издание автора, 1913, т. 9, с. 308.

Самым большим и известным трудом р. Вилковского стали два его комментария-примечания к новому изданию Иерусалимского Талмуда.

* * *

«Р. Яков-Довид Виловский (Ридбаз). Во время болезни получил дополнительное имя Рефоэл²⁵⁴. С 1905 года жил в Стране Израиля, где возглавлял йешиву «Торат-Эрец-Израэль». Своим сыновьям он оставил завещание, написанное также от имени их матери Мирьям-Блумы. Завещание состоит из девяти пунктов, большинство которых содержат указания, как им следует жить. Оно опубликовано в конце его книги респонсов «Бейт-Ридбаз»».

(Дов-Бер Вахштейн, статья «Мафтеах га-цаваот»²⁵⁵ в библиографическом журнале «Кирьят-сефер», Иерусалим, 1934, с. 376)

* * *

Когда реб Яков-Довид был раввином Слуцка, он всегда жаловался на горожан, что они не воздают ему достаточно почестей, а городские заправилы чинят ему разные неприятности.

– Ребе, — спросили его однажды случчане, — почему же вы сидите именно в Слуцке? Почему бы вам не подыскать раввинскую должность в другом городе?

– В аду есть семь ступеней, — ответил реб Яков-Довид. — Почему целых семь? Разве недостаточно для страданий грешников одной ступени? Объяснение такое: когда грешник приживается в своей части ада, мучения уже на него не так действуют. Поэтому его всякий раз переводят в новый круг с новыми страданиями. Так дело обстоит и со мной. Слуцк для меня подобен аду, но я уже прижился в нем. Новый город станет для меня новым кругом ада с новыми страданиями...

Х. Лунский

* * *

Когда раби Яков-Довид был раввином Слуцка, в городе жил один еврей, исполнявший заповеди напоказ. Однако раби Виловский знал, что внутри он совсем не таков, как снаружи: лишь прикидывается богобоязненным, а когда никто не видит, грешит. Раби Яков-Довид говорил о нем:

– Какой неприятный человек этот еврей. Он лицемер, он в душе «бритый»²⁵⁶. Жаль, что он не сбрил бороду, тогда бы все увидели, что он бритый.

* * *

Один хасид как-то сказал р. Якову-Довиду:

– Недавно я побывал на брикском кладбище. Я специально приехал туда, чтобы помолиться на могиле цадика из Турийска²⁵⁷. Придя на кладбище, я очень удивился: вокруг могилы праведника — пустое пространство,

²⁵⁴ Рефуа (иврит) — выздоровление. Согласно распространенному обычаю, тяжело заболевшему ребенку часто давали дополнительное имя, чтобы таким образом обмануть ангела смерти. — Прим. пер.

²⁵⁵ «Мафтеах га-цаваот» (иврит) — «Индекс завещаний».

²⁵⁶ В Восточной Европе среди евреев в те времена бритое лицо было признаком вольнодумства и безбожия. — Прим. пер.

²⁵⁷ Раби Аврома из Турийска (1806–1889), известного как Магид из Турийска, пятого сына прославленного хасидского наставника раби Менахема-Нохема Тверского из Чернобыля (1730–1797). Раби Авром пользовался большим влиянием среди хасидов и в период правления Николая I был ненадолго арестован по подозрению в подстрекательстве к неповиновению правительству. — Прим. пер.

тогда как могила раввина Йосефа-Дова окружена со всех сторон другими могилами.

– Отсюда мы учим, — ответил ему раби Виловский, — в чем разница между хасидами и миснагедами. Пока их наставник жив, хасиды лепятся к нему, а когда он умирает, его могилу почитают как святыню и никого не хоронят рядом, считая это проявлением неуважения. У миснагедов все наоборот: пока их наставник жив, все его избегают, но стоит ему умереть, все считают за честь быть похороненным рядом с ним.

* * *

Когда раби Виловский уехал из Слуцка, чтобы стать раввином Бобруйска, там были еще два раввина: хасидский раввин раби Шмарья-Ноех и еще один, не понравившийся р. Якову-Довиду. Оба ходили в штраймлах²⁵⁸. Реб Яков-Довид не носил штраймл. Он говорил:

– В Бобруйске есть три разновидности раввинов: есть раввин в штраймле, есть раввин без штраймла, а есть штраймл без раввина.

* * *

Однажды раби Йосеф-Дов из Бриска и раби Яков-Довид из Слуцка встретились в пути и ехали в одной карете. Как принято у знатоков Торы, в дороге они беседовали на религиозные темы и обсуждали вопросы Галахи. В какой-то момент раби Яков-Довид вышел из кареты и сел на козлы рядом с кучером. Так они и въехали в город.

Местные жители недоумевали: два раввина едут вместе, но один сидит в карете, а другой почему-то на козлах... Поздоровавшись с тем, кто сидел на козлах, они спросили:

– Откуда вы и куда, и что за уважаемый раввин сидит в карете?

– Я, — ответил раби Виловский, — раби Йосеф-Дов из Бриска, а тот, кто сидит в карете, — раби Яков-Довид из Слуцка. И поскольку сидеть с ним на одном сидении было бы неуважением по отношению к раби Якову-Довиду, я пересел на козлы.

– Не верьте ему! — закричал раби Йосеф-Дов, высунувшись из кареты. — Это я раби Йосеф-Дов из Бриска, а он — раби Яков-Довид из Слуцка!

– Раби, — сказал ему раби Виловский, — вы зря стараетесь. Ведь все знают и вас, и вашу скромность.

* * *

Раввин Яков-Довид Виловский говорил:

– Посмотрите, сколько мер наглости досталось нынешнему поколению! Спросишь, бывало, у человека: «Что ты учишь?» Он отвечает: «Вавилонский Талмуд». Если он не такой наглый, то ответит: раздел «Незикин». Самый же скромный отвечает: трактат «Бава кама»²⁵⁹. Я же слушаю и удивляюсь: ну как, как можно одновременно учить целый Талмуд, или целый раздел «Не-

²⁵⁸ *Штраймл* (идиш) — меховая шапка, сшитая из лисьих или соболиных хвостов, которую носят по субботам, праздникам и в особо торжественных случаях. Во многих общинах — традиционный головной убор раввинов; в других общинах штраймл может носить любой женатый мужчина.

²⁵⁹ «Бава кама» (арам.) — «Первые врата» — трактат Талмуда из раздела «Незикин» («Виды ущерба»), содержащий общие принципы, касающиеся материального ущерба.

зикин», или даже целый трактат? Я точно знаю, что сначала учат один лист, потом другой, потом следующий... Однако нынешним наглецам это не по чину, они не могут не сказать, что, дескать, учат весь Талмуд, раздел или трактат.

* * *

В 1892 году раби Виловский приехал из Слуцка в Бобруйск на похороны р. Йосефа-Дова Соловейчика. После того как он произнес надгробную речь, местный богач Боаз Рабинович пригласил раввина к себе на ужин. За столом хозяин спросил р. Якова-Довида:

– Раби, если из Бобруйска в Слуцк ведет прямая дорога и можно приехать из города в город за одну ночь, почему уважаемый раввин ехал из Бобруйска в Слуцк через Вильну, Плоцк и Вилькомир, такой круговой дорогой²⁶⁰?

И сам же он ответил на свой вопрос:

– Когда евреи вышли из Египта, Бог не повел их через землю филистимлян, ибо близка она, но повел круглым путем, сказав: может быть, народ передумает при виде войны и возвратится в Египет²⁶¹. Так и вас, раби, Бог вел из Бобруйска в Слуцк круглым путем, чтобы вы не испугались «войны» в Слуцке и не вернулись в Бобруйск.

* * *

Когда в Слуцке между р. Меером Пеймером (сыном р. Йоселе) и р. Виловским началась «война» за место городского раввина, городская община раскололась на много лет на два лагеря. О взаимных обвинениях и оскорблениях, звучавших в те годы, свидетельствует следующее предание.

Раввина Виловского как-то спросили:

– Кто из вас лучше знает Тору, вы или раби Пеймер?

Тот ответил:

– Если я скажу, что знаю лучше, вы скажете, что я зазнался. Но если я скажу, что он знает лучше, то разве не сказано: «Сторонись неправды»²⁶²?

* * *

Раввину Виловскому сказали:

– Как можно не уважать раввина, который полностью соответствует своему имени: зовут его Меерке, и он несет свет (*меир*) Торы жителям Слуцка?

Тот ответил:

– Недалеко от нас есть деревня Реб Зеэвич²⁶³.

* * *

Дочь р. Виловского хотела получить от мужа разводное письмо, но он не давал ей развод. Раби Яков-Довид сказал своим приближенным, что

²⁶⁰ В 1876 г. р. Виловский стал раввином Бобруйска, затем был раввином в Вильне, Плоцке и Вилькомире, а в 1890 г. стал раввином Слуцка. — *Прим. пер.*

²⁶¹ Парафраз стиха из «Шмот», 13:17.

²⁶² «Шмот», 23:7.

²⁶³ Отца р. Виловского звали Зеэв. Шутка заключается в том, что деревню якобы называли в честь р. Виловского. — *Прим. пер.*

– Когда евреи вышли из Египта, Бог не повел их через землю филистимлян, ибо близка она, но повел круглым путем, сказав: может быть, народ передумает при виде войны и возвратится в Египет.

надо бы распусть слух, что его дочь ведет распутный образ жизни, тогда по закону муж должен будет с ней развестись. Собеседники возразили, что в этом случае после развода никто не захочет на ней жениться. На это раввин ответил, что в этом случае откроет ковчег и поклянется, что это ложный и беспочвенный слух.

Когда об этом узнал раби Шмуэл Симхович, он язвительно заметил:

– Теперь я понимаю, почему раби Якова-Довида всегда вызывают к Торе третьим. В Торе сказано: «Козби, дочь Цура, — он глава племен отчего дома в Мидьяне»²⁶⁴. Раши²⁶⁵ поясняет, что Цур был одним из пяти царей Мидьяна, как сказано: «Убили они царей мидьянских, в их числе Эви, и Рекема, и Цура, и Хура, и Реву...»²⁶⁶ Цур считался главным, самым почтенным из них, как сказано: «глава племен». Но потому, что он опозорил себя, отдав свою дочь на блуд, он был назван третьим.

²⁶⁴ «Бемидбар» (4-я книга Пятикнижия, в русской традиции — «Числа»), 25:15.

²⁶⁵ Раши — акроним словосочетания «раби Шломо Ицхаки»; Шломо бен Ицхак; 1040–1105, — живший во Франции крупнейший комментатор Танаха и Талмуда.

²⁶⁶ «Бемидбар», 31:15.

РАВВИНЫ, ЖИВШИЕ В СЛУЦКЕ И МЕСТЕЧКАХ УЕЗДА²⁶⁷

Р. АРЬЕ-ЛЕЙБ АРОНОВИЧ

Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)

Упоминается в древних документах, относящихся к евреям Слуцка.

Р. ЙЕКУСИЭЛЬ ГА-КОГЕН КАПЛАН

Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)

Сын р. Якова-Зусмана, глава раввинского суда Старобина. Родился в Слуцке в 1739 г.

Р. БОРУХ, сын р. ЯКОВА (ШКЛОВЕР)

Ученый, врач, переводчик. Родился 7 адара 1742 г. в Шклове, скончался в 1810 г. в Слуцке, в новомесячье адара. В некоторых источниках фигурирует как Яков Шик — фамилия, скорее всего, является аббревиатурой имени его предка, Шмуэла-Йегуды Каценеленбогена. В других источниках фигурирует как Рибаш (раби Борух Шкловер). Также его называли «доктором», поскольку он лечил больных, а в конце жизни работал в больнице Радзивиллов. Потомки р. Боруха носили фамилию Брухин.

Борух учился в Шклове, а затем в университете в Падуе, где весьма преуспел в учебе. В 1764 г. получил смиху²⁶⁸ от раввина Бриска р. Аврома Каценеленбогена и место даяна в Минске.

---

²⁶⁷ Материалы, публикуемые без указания авторов, взяты составителями из разных источников.

²⁶⁸ *Смиха* (иврит) — диплом, дающий право на раввинскую практику, подписанный религиозными авторитетами.

В 1777 г., находясь в Берлине, издал книгу р. Ицхака Исраэли «Йесод олам»²⁶⁹, снабдив ее собственным кратким комментарием. В том же году увидел свет астрономический трактат самого р. Боруха «Амудей-шамаим»²⁷⁰, посвященный законам освящения нового месяца, сформулированным Рамбамом. Под псевдонимом «раби Шик» выпустил два медицинских трактата: «Тиферет адам»²⁷¹ — о вскрытии (Берлин, 1777) и «Дерех яшара»²⁷² — о сохранении здоровья (Гаага, 1779).

Затем р. Борух вернулся в Россию и поехал в Вильну, где был принят симпатизировавшим ему Виленским Гаоном, поддержавшим его намерение переводить на святой язык научные книги. Раби Шик перевел на иврит шесть книг Евклида. Кроме того, он написал математический трактат «Кнэ мида»²⁷³, посвященный тригонометрии.

Раби Борух жил в имении купца И. Цейтлина недалеко от города Черикова Могилевской губернии, где учился и работал в компании других ученых и знатоков Торы, в частности, ставил химические опыты. За несколько лет до своей кончины р. Борух переехал в Слуцк, где получил место даяна, а также стал врачом в больнице, основанной князьями Радзивиллами. В Слуцке он прожил до самой смерти.

Р. ЭЛИ ЗУТА

Выдающийся знаток Торы. На его надгробии выбиты следующие слова:

«Здесь погребен автор книги “Тана де-вей Элийогу”²⁷⁴, автор десяти сочинений, посвященных Талмуду и “Арбаа турим”²⁷⁵, выдающийся раввин р. Элийогу сын р. Арна, который скончался в первый день Пейсаха 1796 г. в святой общине Слуцка.

Да будет благословенна память праведника».

Р. АВРОМ-МОЙШЕ ЃА-ЛЕЙВИ ШЕВЕЛЕВ

Родился 7 адара 5606 (1846) г. в Слуцке в семье знатока Торы р. Менахема. В возрасте тринадцати лет учился у р. Йосефа-Дова-Бера Ѓа-Лейви, в двадцать два года стал раввином. В 1876 г. стал раввином Свислочи и, пробыв в этой должности шесть лет, скоропостижно скончался.

Под псевдонимом «Эмеш» печатал статьи в газете «Ѓа-Леванон»²⁷⁶.

²⁶⁹ «Йесод олам» (иврит) — «Основа вселенной» — книга XIV в. по птолемеевской астрономии, геометрии и календарю.

²⁷⁰ «Амудей-шамаим» (иврит) — «Столпы небес».

²⁷¹ «Тиферет адам» (иврит) — «Красота человека».

²⁷² «Дерех яшара» (иврит) — «Прямой путь».

²⁷³ «Кнэ мида» (иврит) — «Измерительные инструменты».

²⁷⁴ «Тана де-вей Элиягу» — древний трактат, чье авторство приписывается пророку Элиягу (см.: Вавилонский Талмуд, «Ктубот», 106а). Возможно, р. Эли Зута написал книгу с таким же названием.

²⁷⁵ «Арбаа турим» (иврит) — «Четыре ряда» — свод еврейских законов, составленный р. Яковом бен Ошером (1270–1340), один из самых авторитетных источников еврейского права.

²⁷⁶ «Ѓа-Леванон» (иврит) — «Ливан» — первая газета на иврите в Эрец-Исраэль, выходившая с 1863 г.

Р. ЙЕРУХЕМ ДУБРОВ

Раввин А. Левин²⁷⁷

Раввин Йерухем Дубров был уроженцем Слуцка. Оставив место раввина местечка Кайданов²⁷⁸, он возглавил йешиву в Слуцке. На старости лет он ушел и с этой должности и проводил время в Синагоге шапочников, занимаясь там Торой и днем, и ночью. Когда я учился в йешиве «Эц Эфроим», меня завораживало имя р. Йерухема, и я решил навестить его. Раввина я нашел сидящим в одиночестве около печки. Я подошел к нему. Он был настолько погружен в учебу, что не обратил на меня никакого внимания. Подняв наконец голову, он взглянул на меня и заговорил со мной, однако я, по молодости, не понял ничего из того, что он сказал. На глазах у меня выступили слезы. Я склонился, и он благословил меня. После этого я навещал его несколько раз в неделю и постепенно научился немного понимать, что он говорит.

Со всеми вопросами, казавшимися трудными лучшим ученикам йешивы, я приходил к нему. Он отвечал коротко и по делу и развеивал все сомнения.

Когда в йешиве стало известно, что я бываю у р. Йерухема, другие ученики также стали навещать раввина, донимая его вопросами. Однако им трудно было разобрать, что он говорит, а кроме того, они чувствовали, что ему жаль своего драгоценного времени. Поэтому они старались бывать у него не слишком часто.

* * *

Престарелый раввин Йеѓуда-Лейб Зельцер, в прошлом почетный председатель и директор Ассоциации раввинов Америки («Агудат-ѓа-рабаним»)²⁷⁹, в юности пребывал «в тени» упомянутого раввина Йерухема. р. Зельцер много и охотно рассказывал о величии и скромности р. Дуброва. Вот один из его рассказов.

По соседству с р. Дубровым жил меламед, воспитывавший взрослых дочерей. Одной из них предложили жениха из хорошей семьи. В качестве приданого тот требовал триста рублей. Помолвка состоялась в доме р. Йерухема. Отец жениха поинтересовался, когда будет выплачено приданое. «Через месяц», — ответил ему меламед. Однако отец невесты не согласился, потребовав все деньги немедленно. Он даже надел пальто, собираясь уйти. Однако р. Йерухем не мог спокойно смотреть на несчастье меламеда. Поэтому он встал и сказал:

– Я готов за него поручиться!

Документ об обручении благополучно подписали²⁸⁰, назначили день свадьбы. Меламед пообещал раввину поехать в дальние края и, с Божьей помощью, найти необходимые деньги на приданое. Тем не менее к назна-

²⁷⁷ Р. Арье Левин (рав Арье, 1885–1969) — легендарный иерусалимский праведник, известный как «Отец заключенных» (с 1931 г. и до своей кончины раби Левин был тюремным раввином), а также помощью больным и нуждающимся. — *Прим. пер.*

²⁷⁸ Иначе — Койданово, ныне г. Дзержинск Минской области. — *Прим. пер.*

²⁷⁹ Объединение ортодоксальных раввинов, созданное в США в 1901 г. — *Прим. пер.*

²⁸⁰ Во время помолвки (*тнaim* на иврите, *ворт* на идише) подписывают документ, в котором среди прочего фиксируются материальные обязательства сторон. — *Прим. пер.*

ченному сроку ему так и не удалось наскрести нужную сумму. Тогда р. Йерухем обратился к Гиршу Гецову, известному слуцкому богачу, одолжил у него триста рублей и вручил их отцу жениха. Несмотря на все обещания, мела-мед этот долг так и не уплатил.

Р. МЕНДЕЛЕ

Из разных источников

Раби Менделе был одним из глав поколения. Однако он ненавидел власть и никогда не был официальным раввином Слуцка. Он организовал йешиву в Синагоге Исерке и проводил там время за изучением Торы. Раби Менделе учил, преподавал и давал уроки «двенадцати» — группе знатоков Торы, кормившихся за столом Исерлина. Существовал обычай, что раби Менделе с учениками ежедневно приходили к Исерлину пить чай, при этом раби Менделе лично прислуживал за столом и наливал чай каждому по его вкусу. Только после того как все утоляли жажду, он позволял себе выпить чашку чая.

Как-то раз в Слуцк приехал посланник йешивы местечка Мир. Зайдя к Исерлину, он увидел, как несколько знатоков Торы сидят за столом за чаем, а какой-то низенький старичок им прислуживает. Посланник решил, что это работник хозяина дома. Усевшись за стол, он велел старику налить ему чая. А надо сказать, что этот посланник был человеком тучным и большим любителем чая. Он пил чашку за чашкой и гонял раби Менделя, как полового в трактире. Присутствующие смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

У Исерлина был обычай: каждую субботу накануне утренней трапезы евреи собирались у него в доме на утренний кидуш²⁸¹. Все гости садились за стол, а когда входили Исерлин и раби Менделе, вставали и приветствовали вошедших традиционным субботним приветствием.

Посланник Мирской йешивы тоже пошел на утренний кидуш. Усевшись за стол, он увидел, как вошел Исерлин, а вместе с ним тот самый старик, и тут все гости встают и желают им:

- Хорошей субботы! Хорошей субботы!
- Кто этот старик? — спросил посланник.
- Раби Менделе, кто же еще? — отвечали ему.

У посланника потемнело в глазах: подумать только, он обращался с раби Менделе как с прислугой! Вскочив из-за стола, он бросился к нему и стал умолять его:

- Простите меня, раби, ведь я не знал...

Раби Менделе посмотрел на него с искренним удивлением:

- Простить? Но за что?

– За то, что я не узнал вас, раби, и заставил прислуживать себе, — сокрушенно произнес посланник.

– Не понимаю, — сказал раби Менделе, пожимая плечами, — чем вы меня обидели? Вы попросили чашку чая, я вам налил. Наоборот, я должен

Однако он ненавидел власть и никогда не был официальным раввином Слуцка. Он организовал йешиву в Синагоге Исерке и проводил там время за изучением Торы.

²⁸¹ *Кидуш* (иврит) — «освящение» — благодарственная молитва за освященные и дарованные Богом Израилю дни субботы и праздников, а также ритуал ее произнесения (обычно над бокалом вина).

быть вам благодарен, что вы помогли мне исполнить заповедь гостеприимства.

* * *

Раби Менделе, уйдя в отставку с поста главы раввинского суда в Слуцке, остался в городе и давал уроки в синагоге. В числе слушателей этих уроков был и раби Йосеф-Дов Соловейчик. Через некоторое время, получив официальное приглашение стать раввином Слуцка, он ответил главам общины:

– Зачем вы обратились ко мне, если среди вас живет лев?

Естественно, он имел в виду раби Менделе.

Р. ЯКОВ-МЕЕР КРАВЧИНСКИЙ

Раввин З. Голд

Однажды старейшины местечка Изабелин, что недалеко от Волковыска, обратились к главе Воложинской йешивы р. Нафтоли-Цви-Йеѓуде Берлину с просьбой найти им достойного раввина. При этом они заявили: пусть наша община очень маленькая, но у нее есть особые заслуги — именно здесь начал свою раввинскую карьеру р. Ицхок-Эльхонон Спектор²⁸². Эти слова убедили р. Берлина, и он предложил им своего любимого ученика, известного как «вундеркинд из Граева». Это был мой отец, р. Яков-Меер Кравчинский.

Отец с юности любил учиться. Он часто повторял:

– Изучать Тору надо по меньшей мере восемь часов в день, поскольку это является ремеслом, и следовательно, ученик приравнивается к работнику.

В то же время он никогда не считал пустой тратой времени изучение нееврейских языков, а также всегда находил свободный час для чтения светской литературы. Такое стремление к знаниям, а также скромный образ жизни сделали его любимцем всех жителей Копыля, в том числе и христиан. Местный ксендз Савич очень ценил отца и рассказывал о нем посещавшим город крестьянам.

О том, сколь уважаемым человеком был отец, свидетельствует хотя бы такой случай. В Копыле жил знатный еврей из семьи автора известного талмудического труда «Афикей-Йеѓуда»²⁸³. Фамилия его была Идель²⁸⁴. Как-то раз этого еврея по какому-то обвинению арестовали в Гамбурге. Отец отправился в этот город и выступил перед местными властями в защиту Иделя. В результате его вмешательства тот был оправдан.

Когда отец был раввином Копыля, разразился печально известный в еврейской среде конфликт между раввинами Яковом-Довидом Виловским и Меером Пеймером. Каждый из них убеждал отца принять его сторону. Отец тяжело переживал их разлад, ибо уважал обоих. Однако, когда р. Виловский пригласил из Слободки в Слуцк р. Исера-Залмена Мельцера с его прославленной йешивой, отец послал меня учиться к нему. Тогда мне было около одиннадцати лет, и я, впервые покинув Копыль, отправился в Слуцк

²⁸² Ицхок-Эльхонон Спектор (1817–1896) — раввин, один из духовных лидеров европейского еврейства. — *Прим. пер.*

²⁸³ «Афикей-Йеѓуда» (иврит) — «Горизонты Йеѓуды».

²⁸⁴ Р. Йеѓуда-Лейб га-лейви Идель (1757–1828), знаток Торы, специалист по талмудической Агаде.

в сопровождении отца. Меня приняли в группу для самых младших, в которой преподавал р. Шахне; занимались мы в доме учения на Хапашкинской улице. Раби Мельцер пообещал отцу, что будет следить за мной и время от времени проверять мои знания.

К сожалению, мне не довелось заниматься в этой замечательной йешиве так долго, как хотелось бы. Мой старший брат Зеэв, который к тому времени стал раввином в Чикаго, убедил родителей послать меня к нему. Им трудно было расстаться со мной и остаться одним, однако поскольку положение евреев в России становилось все хуже, они в конце концов согласились, чтобы я уехал.

Когда поезд тронулся, я услышал голос оставшегося на платформе отца, полный грусти и любви:

– Сыночек, даже в далекой стране оставайся евреем, верным Торе!

Раввин из Копыля

Раввин Д. Кац

Р. Яков-Меер Кравчинский, известный как раввин из Копыля, родился в 1867 году в местечке Граево. Его отец, р. Авром-Мордхе, был другом р. Шмуэла Могилевера²⁸⁵.

Р. Яков-Меер учился в Воложинской йешиве, которую возглавлял р. Нафтоли-Цви-Йеѓуда Берлин вместе с другими выдающимися знатоками Торы: р. Авромом-Ицхоком Куком, раввином Ковно р. Авромом-Довом Шапиро и раввином Слуцка р. Исером-Залменом Мельцером, который впоследствии возглавил йешиву «Эц хаим» в Иерусалиме. Его тестем стал Йеѓошуа-Менахем Голдвасер из Щучина, богатый торговец, знаток Торы и литератор, один из создателей движения «Ховевей-Цион».

Р. Яков-Меер продолжил обучение в Воложинской йешиве, в группе выдающихся учеников, которых поддерживал богатейший сахарозаводчик И.-М. Бродский. Группу так и называли — «йешиботники Бродского». Кроме того, он занимался в домах учения местечек Эйшишки и Шиловичи. Через десять лет после свадьбы, в 1896 или 1897 году, р. Яков-Меер получил место раввина Изабелина недалеко от Волковыска — местечка, первым раввином которого был прославленный р. Ицхок-Эльхонон Спектор. Через три года он стал раввином Копыля, где его предшественником был знаменитый раввин Йом-Тов-Липман Ѓальперин, автор комментариев к Талмуду «Кдушас-йом-тов» и примечаний к нему «Млехес-йом-тов»²⁸⁶.

Р. Яков-Меер стал одним из самых известных и уважаемых раввинов тех мест. Он славился знанием Торы, красноречием, незаурядным жизненным опытом и добрым отношением к людям. Как рассказывал мне его сын р. Зеэв Голд, о его отце говорили, что во всей стране не было раввина с таким красивым благородным лицом и даром подлинного златоуста.

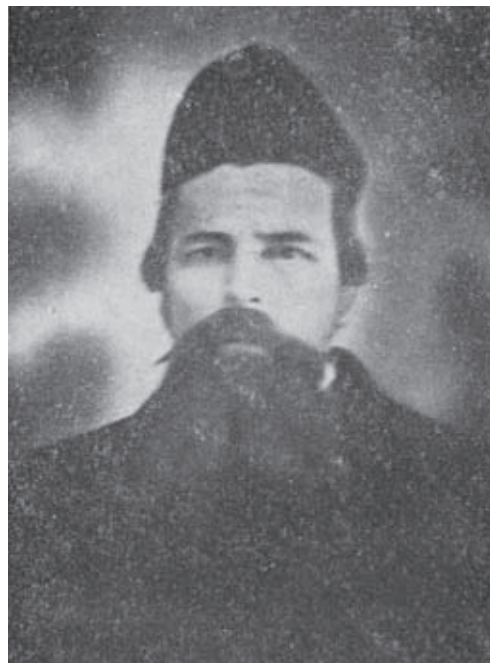
Р. Голд как-то поведал мне о типичном случае, позволяющем сделать вывод о характере его покойного отца. В Копыле жил домовладелец — боль-

Р. Яков-Меер стал одним из самых известных и уважаемых раввинов тех мест. Он славился знанием Торы, красноречием, незаурядным жизненным опытом и добрым отношением к людям.

²⁸⁵ Шмуэл (Самуил Лейбович) Могилевер (1824–1898) — раввин, общественный деятель, один из идеологов и основателей религиозного сионизма. — *Прим. пер.*

²⁸⁶ «Кдушас-йом-тов» и «Млехес-йом-тов» (иврит в ашкеназском произношении) — «Святость праздника» и «Труд Йом-Това» (в этих названиях обыгрывается имя автора).

Раби Яков-Меер
Кравчинский

шой знаток Торы, обладатель родословной, восходящей к самому р. Мойше Иссерлесу²⁸⁷, и очень богатый. Гордясь своим происхождением, он посматривал на городских раввинов свысока и вел себя с ними высокомерно. Р. Якову-Мееру также довелось от него настрадаться, богач не раз унижал его. Однажды этот человек сидел в доме учения в компании изучающих Тору и, по своему обыкновению, презрительно отзывался о раввине. Внезапно его хватил удар, и он скоропостижно скончался. Горожане, прекрасно осведомленные о его отношениях с р. Яковом-Меером, были потрясены, когда, узнав об этом, последний залился слезами, а на похоронах произнес прочувствованную надгробную речь, причем говорил абсолютно искренне, от всего сердца.

Незадолго до Первой мировой войны р. Яков-Меер получил место раввина Мариамполя. После начала войны город был занят немцами. После того как русские ненадолго вернулись, местные неевреи обвинили раввина в симпатиях к немцам. Однако произошло чудо: в этот момент сменилось командование, новый начальник пожалел р. Якова-Меера и велел ему немедленно покинуть город²⁸⁸. Это происшествие плохо отразилось на здоровье раввина, и по дороге в Минск он скончался в железнодорожном вагоне от сердечного приступа. В местечке Городея тело р. Якова-Меера сняли с поезда и похоронили. Это случилось 20 кислева 1914 года.

Супруга р. Кравчинского Фрида-Двойра, образованная и мудрая женщина, уехала вглубь России, а оттуда вместе с сыновьями перебралась в Америку. После войны она переселилась в Страну Израиля и обосновалась в Тель-Авиве. Работая в различных общественных учреждениях, она благодаря своему уму и другим достоинствам пользовалась всеобщим уважением. Фрида-Двойра Кравчинская скончалась в 1941 году.

²⁸⁷ Р. Мойше Иссерлес, известный также как Рама (ок. 1520–1572, Краков) — выдающийся раввин и талмудист, один из величайших религиозных авторитетов восточноевропейского еврейства. — *Прим. пер.*

²⁸⁸ Подобные обвинения звучали в адрес евреев достаточно часто, практически с первых дней войны. — *Прим. пер.*

У р. Якова-Меера были два сына, ставших известными. Один из них — покойный р. Зеэв Голд, который был раввином различных американских общин, одним из лидеров всемирного движения «Мизрахи» и членом руководства Еврейского агентства²⁸⁹. Второй сын р. Якова-Меера, р. Рефоэл-Цви Голд, в разные годы также бывший раввином нескольких общин в США, был профессором психиатрии Нью-Йоркского университета и возглавлял различные учреждения движения «Мизрахи». В числе внуков и правнуков р. Якова-Меера — супруга автора этих строк, живущая в Израиле.

Перу р. Кравчинского принадлежат несколько сочинений, посвященных всем четырем разделам галахического кодекса «Шульхан арух», однако во время скитаний в годы войны эти рукописи пропали.

Р. АРН ХАЙМЕН²⁹⁰

Раввин (с 1885 года), писатель и исследователь. Родился 15 июня 1863 года в Слуцке. Отец — р. Мордхе, торговец, из раввинской семьи. Тесть известного филантропа Гарри Фишеля из США, основавшего в Иерусалиме «Институт Гарри Фишеля по исследованию Талмуда» («Harry Fischel Institute for Talmudic Research»).

В 1932–1935 годах р. Хаймен был даяном в Лондоне. Создал там йешиву «Эц хаим» и Общество изучения Талмуда, где был старостой и директором на протяжении десяти лет. Организовал Общество резников Англии. Входил в состав Сионистского центра и был вице-председателем отделения «Мизрахи» в Англии. Скончался в 1937 году.

Р. Хаймен публиковал статьи в научных и религиозных журналах. Написал несколько книг (на иврите): «Бейт-ваад ле-хахамим» (1901); «Толдот танаим ве-амораим» в трех томах (1911); «Игерет р. Шрира-гаон» и комментарий «Патшеген га-ктав» (1911); «Оцар лашон хахамим у-фитгамейгем» (1934); «Га-Тора га-ктува ве-га-Масора» (1936)²⁹¹.

В 1932–1935 годах р. Хаймен был даяном в Лондоне. Создал там йешиву «Эц хаим» и Общество изучения Талмуда, где был старостой и директором на протяжении десяти лет.

Р. АРЪЕ-ЛЕЙБ НЕЙМАРК

Это был высокий еврей с длинной бородой и пронизательными глазами, живое воплощение стиха «Мощь и великолепие — его облачение»²⁹². Даян Слуцка, внимательный и очень деликатный человек, он умел, как говорится, «выпрямить круг». Поэтому если в городе случался спор или конфликт, все непременно шли к нему.

²⁸⁹ Раввин и общественный деятель Зеэв Голд (также Вольф Голд, урожд. Вольф Кравчинский; 1889–1956) был в числе подписавших Декларацию независимости Израиля 14 мая 1948 г.

²⁹⁰ Так в оригинале книги на иврите и идише: חַיִּימֵן. В справочной литературе на разных европейских языках эта фамилия — Нуман — звучит как «Химен».

²⁹¹ «Дом собраний мудрецов», «История танаев и амораев», «Послание р. Шриры-гаона», «Копия документа», «Словарь языка и высказываний мудрецов Талмуда», «Письменная Тора и традиция».

²⁹² См. «Мишлей», 31:25.

Р. Лейб Неймарк слыл златоустом. Когда он произносил надгробную речь, его слова брали за душу и заставляли плакать. О нем говорили: «Реб Лейб — лев²⁹³ рычащий, кто не содрогнется?»²⁹⁴

Магид, знаток Торы и миротворец, р. Лейб был наставником и учителем слуцких евреев. Его перу принадлежит книга «Эвен Яаков»²⁹⁵ — этические толкования к трактату Мишны «Авот».

Р. ШМУЭЛ-ДОВ МАЃАРШАК

Родился в Погосте 9 адара 5637 (1877) года в знатной раввинской семье, ведущей свое происхождение от р. Шмуэла Кайдановера (1624–1676). Сын р. Шимена-Иццока.

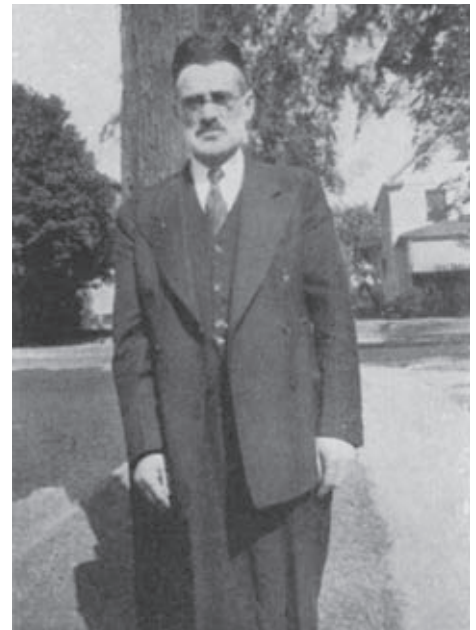
Учился у своего деда со стороны матери, раввина Погоста р. Аврома Рабиновича. Когда скончался его отец, работавший городским резником, овладел этим ремеслом и получил отцовское место. р. Шмуэл-Дов был пламенным палестинофилом. В 1923 году уехал в Америку, где устроился резником в Рочестере.

Писал статьи на религиозные темы, публиковался в изданиях на иврите. В 1934 году выпустил книгу «Иньоней-Шмуэл»²⁹⁶.

М. Маѓаршак

Мой муж Шмуэл-Дов Маѓаршак родился в Погосте и учился на резника. Когда ему было шестнадцать лет, его отец умер и оставил вдову с пятью детьми

р. Шмуэл-Дов
Маѓаршак

²⁹³ Еврейское имя Лейб означает «лев». — Прим. пер.

²⁹⁴ См. «Амос», 3:8.

²⁹⁵ «Эвен Яаков» (иврит) — «Камень Яакова». *Эвен* — акроним имени Арье бен Нисн. — Прим. пер.

²⁹⁶ «Иньоней-Шмуэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Рассуждения Шмуэля».

без средств к существованию. Поскольку забой скота был в семейной традиции Шмуэла-Дова, его приняли в Погосте как резника, и он кормил семью. Шмуэл-Дов был сионистом и вскоре начал активно поддерживать поселенцев в Стране Израиля. Особенно ему был дорог фонд «Керен кайемет ле-Израэль», и он агитировал в синагоге за то, чтобы каждый, кто отправляет письмо, прикреплял к нему копеечную марку фонда. Не все согласились с тем, что письмо будет стоить дороже на копейку. Тогда Шмуэл-Дов пошел к почтальону, возившему письма из Погоста в Слуцк, и попросил его, чтобы письма без марки фонда «Керен кайемет ле-Израэль» возвращались с надписью, что требуется такая марка. Теперь всем пришлось отправлять письма с маркой фонда. После этого он поговорил с хазаном в синагоге (тот тоже был сионистом), и они условились, что вызывать к Торе будут только тех, кто пообещает сделать пожертвование в фонд. Если человек не хотел давать такое обещание, его больше к Торе не вызывали. Постепенно Шмуэл-Дов добился того, что почти все евреи Погоста стали сионистами.

В 1912 года слуцкая община искала резника. Мой муж поехал занимать эту должность. Экзамен он выдержал очень хорошо, но раввин, благословенной памяти реб Исер-Залмен Мельцер, был против:

– Вы всем действительно понравились, ваши познания в обязанностях резника велики. Но нанять вас в качестве резника мы не можем.

Спрашивает мой муж:

– Почему?

– Утверждают, что вы — сионист.

– Да, ребе, не отрицаю, я сионист.

– Ну так отрекитесь от сионизма, и сразу займете должность.

– Скорее вы станете сионистом, чем я отрекусь, — сказал муж.

Но должность он все же занял, и мы переехали в Слуцк.

Как только Шмуэл-Дов приехал в Слуцк, он начал работать на дело сионизма. Здесь у него уже было где развернуться: он посещал хедеры и требовал, чтобы детей обучали ивриту. Вместе с Лейбушем Гутцайтом он привез из Вильны воспитательницу и открыл детский сад с общением на иврите. Они основали в городе сионистскую организацию. Естественно, он соответственно воспитывал и собственных детей. Так шло до Первой мировой войны.

В 1914 году части еврейского населения перестало хватать еды и одежды. Общественной деятельностью занимались Шмуэл Маѓаршак, Лейбуш Гутцайт и доктор Шильдкраут. Из Америки присылали мясо, пшеничную муку, рис, растительное масло, другие продукты, а также старую одежду. Комитет заседал четыре часа в день и распределял помощь для нуждавшихся. Кроме того, была основана касса беспроцентных займов.

После прихода в Слуцк большевиков наши дети были арестованы — сначала сын, потом дочь. Когда работа резника была запрещена, мы сообщили об этом нашей сестре, и она забрала нас в Америку. Мой муж получил должность резника в Рочестере, и там он сразу начал искать сионистскую организацию. Он и для меня нашел женскую организацию движения «Мизрахи». С общими сионистами и с «Поалей-Цион» он не смог сойтись, а потому вступил в «Мизрахи».

Помимо работы в пользу «Керен кайемет ле-Израэль», он много времени посвящал талмуд-торе с целью укрепить еврейское образование по методу «иврит на иврите».

После прихода в Слуцк большевиков наши дети были арестованы — сначала сын, потом дочь. Когда работа резника была запрещена, мы сообщили об этом нашей сестре, и она забрала нас в Америку.

Р. ШМУЭЛ МЕЛЬЦИН

Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)

Известен как Слуцкий Магид. Величайшие раввины говорили, что он отличался глубочайшими познаниями в Торе и богобоязненностью. Автор книги «Эвен Шломо»²⁹⁷, составленной из высказываний Виленского Гаона.

Р. НАФТОЛИ-ЦВИ

Г.-Н. Магид (Штейншнейдер)

Глава раввинского суда Старобина. Сын р. Мойше, сына р. Нафтоли-Цви, сына р. Мойше Иссерлеса, автора комментария «Мапа» к кодексу «Шульхан арух».

Р. МОЙШЕ-БИНЬОМИН ТОМАШОВ

Сын блестящего знатока Торы р. Йеѓошуа-Сендера. Родился в Слуцке 7 адара 5638 (1878) года. Уже в юности приобрел репутацию илуя, отличался великолепной памятью и обширными глубокими познаниями в Талмуде и кодексах.

В возрасте девятнадцати лет женился на дочери р. Цви-Якова Оппенгейма из Кельме. Открыл в Слуцке типографию, благодаря которой имел постоянный хороший доход. В 1912 или 1913 году уехал в Нью-Йорк.

Вместе с р. Исером-Залменом Мельцером р. Мойше-Биньомин издавал в Слуцке религиозный журнал «Ягдиль Тора», в котором печатались выдающиеся раввины и знатоки Торы. Сам р. Томашов также написал несколько книг.

Р. ОШЕР САНДОМИРСКИЙ

Зять р. Шахне-шамеса. В 1913–1920 гг. был преподавателем Талмуда и маш-гиахом в йешиве «Эц хаим» в Слуцке.

Р. ЙЕХИЭЛ-МИХЛ РАБИНОВИЧ

Сын р. Мордехая-Йоны, родился в Слуцке. В 1928 г. стал раввином Щучина. Написал книгу «Афикей-ям»²⁹⁸ в двух томах.

²⁹⁷ «Эвен Шломо» (иврит) — «Камень Шломо».

²⁹⁸ «Афикей-ям» (иврит) — «Морские горизонты».

Р. ЯКОВ-ЭЛИЯ

3. Эпштейн

В моей жизни произошло огромное и очень важное изменение. Я с нетерпением ждал этой перемены, имевшей для меня огромное значение, поскольку она должна была вознести и усадить меня на престол славы. Ибо я оставлял учебу в хедере для маленьких детей и начинал заниматься в хедере реб Якова-Элии.

Раби Яков-Элия! Вы, конечно, не знаете, что это был один из выдающихся людей нашего местечка. Я же знал его очень хорошо. Это был лучший учитель нашего городка, и его имя было известно и в нем, и во всей округе. К нему в ученики шли самые лучшие. Я понимал, что это огромная честь — быть зачисленным в его хедер и оказаться в числе его питомцев. Все мои одноклассники были старше меня и уже начали изучать Талмуд и Тосафот. Некоторые из них уже налагали тфилн²⁹⁹. Я же был маленьким восьмилетним мальчиком. Мои прежние одноклассники все еще занимались с учителем малышей, и только я удостоился чести стать учеником реб Якова-Элии...

За какие заслуги? Потому что я, Шлойме, был милым и славным мальчиком, обладавшим несомненными талантами, прилежно учившимся и нравившимся всем, кто меня видел. Так что теперь я мог смотреть свысока на мелюзгу, оставшуюся в хедере для маленьких, где я занимался до сего дня. Конечно, раньше они были моими друзьями, однако теперь у меня не было с ними ничего общего. Они и дальше будут петь «маѓпах-пашто»³⁰⁰; утром, днем и вечером будут молиться в хедере, в то время как учитель стоит у них над душой и следит за тем, что они произносят. Я же начну служить Всевышнему в доме учения вместе с большими! Я чувствовал себя свободно, поскольку такой уважаемый педагог, как реб Яков-Элия, не станет обращать внимание на всякие мелочи, но лишь на то, как учатся его ученики, ибо это главное.

Когда я вспоминаю свое детство, реб Яков-Элия предстает передо мной как живой: тонкие черты лица, покрытые морщинами щеки, длинные пейсы, талес-котн с длинными кистями по углам...

Приди же ко мне, дорогой образ! Сколько света и тепла вселил он в сердца своих юных питомцев — своего стада, окружавшего его, словно пастыря! Он прекрасно знал, как завоевать их с помощью легенд и древних комментариев. По четвергам наставник сидел с группой своих учеников, повторяя с ними выученное за неделю. А надо сказать, что тексты, которые они учили в течение недели, были очень, очень трудными. Море Талмуда кипело, словно котел, поставленный на огонь. Мудрецы строили и разрушали, задавали вопросы и давали ответы. Реб Яков-Элия тяжело работал в течение всей недели. С него сходило семь потов, прежде чем ему удавалось что-то объяснить нам и благополучно провести нас сквозь бушующее море.

По четвергам наставник сидел с группой своих учеников, повторяя с ними выученное за неделю. А надо сказать, что тексты, которые они учили в течение недели, были очень, очень трудными.

²⁹⁹ *Тфилн* (иврит в ашкеназском произношении) — две коробочки из выкрашенной черной краской кожи, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Пятикнижия и налагаемые мужчинами с помощью кожаных ремешков на руку и надлобье во время утренней молитвы (за исключением суббот, нескольких праздников и *холь ѓа-моэд* — полупраздничных дней).

³⁰⁰ *Маѓпах пашто* (иврит в ашкеназском произношении) — традиционные знаки кантилляции, которые изучают дети, учащиеся читать Тору.

Его труд был не напрасным. Мальчики, сидевшие вокруг стола, с белоснежными лицами херувимов, длинными вьющимися пейсами, в маленьких шапочках, сдвинутых на макушку, раскачивались над огромными томами Талмуда, лежавшими перед ними, и тонкими нежными голосами цитировали нараспев споры и рассуждения мудрецов.

Приходило время экзамена, чтобы проверить, насколько наставник преуспел в своей работе. Было видно, что и ребе, и ученик довольны и все идет как по маслу. Радостным сильным голосом мальчик уверенно вел свою линию. Он чувствовал, что не оступится, его язык не заплетался. Слова Талмуда, переплетенные с комментариями Раши, слетали с уст ребенка, словно живые, неся свет и радость. Все это время наставник сидел напротив, неотрывно глядя ему в лицо, и сосредоточенно вслушивался в каждую фразу. Он улыбался, в его глазах сверкала радость. Время от времени, когда мальчик запинаясь и сбиваясь, поскольку не мог подобрать слов, чтобы полноценно изложить ту или иную концепцию, реб Яков-Элия как бы непроизвольно произносил два-три слова, и ребенок вновь обретал уверенность и возвращался на правильную дорогу. Так продолжалось до тех пор, пока, закончив отвечать урок, мальчик не уходил с высоко поднятой головой. Его лицо сияло от радости.

– Ребе, я знал сегодня материал? — говорил он на прощание, не то спрашивая, не то утверждая.

– Знал, сынок, знал! Ты хороший, очень хороший мальчик, — отвечал ребе, ласково глядя его по щеке.

Оба были счастливы. Ребенок радовался, что его будут уважать друзья и что отец обрадуется, узнав, что реб Яков-Элия похвалил его. Но почему так радовался реб Яков-Элия? Что было источником его радости? Он был счастлив, видя, что его святые труды не пропали даром, что посаженные им деревья принесли достойные плоды. Этот бедняк из бедняков ненадолго забывал о своей бедности и радовался, с любовью глядя на своего ученика, в котором видел огромный потенциал, и предвидел, что тот станет раввином, духовным лидером народа Израиля.

Он, реб Яков-Элия, не получит никакой награды, если его ученик в один прекрасный день станет большим человеком. Это не избавит его от жизненных трудностей и невзгод, родители мальчика не заплатят за это ни копейки, поскольку сами они — тоже бедняки. Он просто любил ребенка истинной любовью, не зависящей от материального вознаграждения. Любил, потому что тот был его учеником, милым и славным мальчиком; любил, как отец любит своего сына.

Не следует забывать, что это был четверг и что у ребе Якова-Элии не было достаточно денег, чтобы купить все необходимое на субботу. Вечером, когда он возвращался домой, жена встречала его с традиционной в этот день просьбой:

– Дай мне денег, чтобы я могла подготовиться к субботе!

Реб Яков-Элия отвечал ей уклончиво, боясь сказать правду. В конце концов, вынужденный сказать все как есть, он говорил ей тихим голосом, опустив очи долу, что сейчас денег у него нет, но завтра... Жена начинала браниться и кричать, что завтра не будет достаточно времени, чтобы купить муки, замесить тесто и испечь халы. Реб Яков-Элия стоял и слушал, не произнося в ответ ни слова. Жена продолжала бушевать, выкрикивая:

– Что ты стоишь, как дерево, не говоря ни слова? Пойди к кому-нибудь из родителей и попроси денег за преподавание!

Что было источником его радости? Он был счастлив, видя, что его святые труды не пропали даром, что посаженные им деревья принесли достойные плоды.

Женщина не знала, что все всё они уже заплатили, и даже больше, чем следовало.

Между тем жена продолжала голосить:

– Я не знаю, что делать! Я оставлю тебе детей, и делай с ними что хочешь! Мне все равно: если уж погибать мне, то погибну!³⁰¹

Не в силах выдержать ее криков, реб Яков-Элия уходил. Однако куда он мог пойти, кто мог помочь ему в его горе?..

Внезапно дверь отворялась, и вот он в нашем доме. Мама и дети, включая меня, и двое-трое знакомых сидели вокруг длинного стола. Не поздоровавшись, спотыкаясь, реб Яков-Элия подходил к столу. Мама предлагала ему сесть, но он упрямо продолжал стоять. Несколько минут протекали в молчании. Сидевшие за столом, особенно дети, смотрели на него с изумлением. Наконец мама спрашивала:

– Реб Яков-Элия, что случилось? Зачем вы пришли?

– Неважно, неважно, — бормотал бедняга, пока наконец не признавался маме, что у него нет еды на субботу и что он понятия не имеет, как выпутаться.

Р. БОРУХ-БЕР ЛЕЙБОВИЧ

Раввин Н. Ваксман

Раввин Борух-Бер Лейбович родился в Подлипцах, недалеко от Слуцка. Примерно в 1869 году он женился на дочери р. Аврома-Иццока га-лейви Циммермана, раввина Глуска.

Когда его тесть получил место раввина Кременчуга, р. Борух-Бер занял его «кафедру» в Глуске. Хотя уже в юности, когда он учился в Воложинской йешиве у р. Хаима Соловейчика, раби Лейбович прославился как блестящий знаток Торы, обладавший глубокими и обширными знаниями, до конца своих дней, а особенно в начале своей карьеры раввина, он опасался выносить окончательное решение о том, каков закон в том или ином спорном случае. Раби Борух-Бер в буквальном смысле боялся отвечать на вопросы, касающиеся разрешенного и запрещенного. Если к нему обращалась женщина³⁰², он уклонялся от ответа, предлагал ей прийти через день или два и в итоге посылал ее к своему противнику р. Шмуэлу Паричеру, раввину хасидской общины Глуска.

О простодушии р. Лейбовича и о том, как далек он был от мирских дел и забот, ходило множество рассказов. Вот два наиболее известных из них.

В самом начале раввинской карьеры к нему пришла женщина с петухом в мешке и спросила об иголке, обнаруженной в его пупке. Раби Лейбович, прекрасно знавший еврейский закон теоретически, но не практически, посмотрел на нее в некоем замешательстве, не в силах понять, какой именно орган поврежден. Он еще раз спросил женщину, и та снова ответила, что игла обнаружена в пупке, однако раввин не знал, что это такое, пока не спросил одного из учивших рядом Тору, и тот объяснил, как это будет

³⁰¹ См. «Эстер», 4:16.

³⁰² Скорее всего, эти вопросы касались законов семейной чистоты. — *Прим. пер.*

на святом языке. Услышав это, раввин подскочил и воскликнул: «Ах, это пупок, и в нем игла! Я позабыл этот закон, ничтожный раввин!»

Один из его учеников отправился взглянуть на дочь некоего еврея, чтобы, возможно, с ней обручиться. Когда он вернулся, раби Борух-Бер спросил его, что и как. Ученик ответил, что девушка пришлась ему не по вкусу, поскольку не слишком красива. Удивленный раби Лейбович сказал на это:

– Насколько мне известно, только об эсроге³⁰³ в Торе сказано, что он красив. Поэтому нужно выбирать эсрог покрасивее. Однако что касается женщины, то нигде в Торе не сказано, что она должна быть красивой. Зачем тебе ее красота?

Любовь р. Лейбовича к Торе не знала границ. Он пользовался известностью, поэтому вокруг него образовался кружок молодых людей, жадно впитывавших каждое его слово. Большинство из них в буквальном смысле жили на хлебе и воде. А сам раби Лейбович, глава йешивы и раввин Глуска, питался тем, что привозили его родители из Слуцка, раз в неделю приезжавшие к нему на телеге из своей деревни. Тяжелое материальное положение не мешало ему разыскивать талантливых юношей, чтобы приблизить их к Торе. Стоило ему узнать, что в окрестностях появился молодой, подающий надежды знаток Торы, раби Лейбович не жалел сил, чтобы зазвать его к себе в йешиву.

Хотя р. Боруху-Беру больше подходило место главы йешивы и преподавателя Торы, чем раввина местечка, ему тем не менее удалось стать духовным лидером и наставником своей общины. Он пользовался всеобщей любовью и уважением, ненавидел стяжательство, отличался мягкостью в обращении и никому не оказывал предпочтения.

Глуск превратился в центр изучения Торы. Люди приезжали из дальних и ближних мест, чтобы поучиться у р. Боруха-Бера, его йешива стала одной из ведущих. В 1904 году он получил приглашение возглавить знаменитую йешиву в Слободке. Под его руководством она процветала.

Когда началась Первая мировая война, йешива эвакуировалась в Кременчуг. В 1921 году раби Борух-Бер вместе с учениками переехал в Вильно. Он очень переживал, что тяжелая жизнь не позволяет его ученикам полностью сосредоточиться на изучении Торы, и мечтал перевести ее в Страну Израиля.

Через некоторое время раби Лейбович нашел для йешивы тихое место в городе Каменце, недалеко от Бриска. Йешива оставалась там на протяжении восемнадцати лет. С началом Второй мировой войны Каменец оказался на советской территории. Раби Борух-Бер вместе с йешивой вернулся в Вильно. Там он и скончался.

Хен

«Гаон реб Борух-Бер» — эти слова я произношу с трепетом. Это имя очень много говорило в еврейском мире — гаон, великий знаток Торы, добродетельный человек. Ученики называли своего ребе «реб Борух-Берл», а не «Бер», что означает «медведь» и может напугать, оттолкнуть. Его приветливый взгляд согревал людей, приближал к себе сотни учеников. Они находили у ребе ободрение, получали помощь, обретали надежду.

³⁰³ Эсрог (иврит в ашкеназском произношении) — цитрон, плод цитрусового дерева, один из четырех предметов — *арбаа миним*, — используемых в ритуале праздника Сукес.

Любовь р. Лейбовича к Торе не знала границ. Он пользовался известностью, поэтому вокруг него образовался кружок молодых людей, жадно впитывавших каждое его слово. Большинство из них в буквальном смысле жили на хлебе и воде.

р. Борух-Бер Лейбович,
глава йешивы «Кнесес
Бейс-Ицхок»

р. Шлойме Полячек,
Мейчецкий илуй

Однажды он давал урок, и ученик задал ему вопрос. Ребе задумался на пару минут, подчеркивая тем самым серьезность вопроса, а затем радостно сказал:

– Сын мой! Хороший вопрос, ты заслуживаешь поздравлений за то, что его задал!

Другие ученики переглянулись и удивились. После урока они спросили:

– Ребе! Вы же знаете, что вопрос был пустой. Почему же вы напрасно мучились?

– Нужно было подбодрить его, — ответил реб Борух-Берл. — Если к мальчику отнестись пренебрежительно, то он потеряет веру в себя и больше ничего не спросит.

В другой раз пришел к нему некий раввин и изложил ему свою новую трактовку отрывка из Торы. Реб Борух-Бер выслушал его, склонил голову и сказал:

– Очень глубоко, поздравляю!

Когда раввин ушел, сказали ученики:

– Ребе! Кто, как не вы, знает, что эти толкования Торы не его, что он взял их у раввина Акивы Эйгера!

– Если бы он знал, что так говорил раввин Акива Эйгер, он бы сослался на него, ибо сказано: «...Всякий, кто передает высказывания мудрецов, ссылаясь на тех, кому они принадлежат, несет избавление в мир»³⁰⁴. Очевидно, что наш гость не знал о толкованиях раввина Эйгера и сам додумался до этого. А раз так, то он заслуживает благословения.

Мейчецкий илуй, гаон Шлойме Полячек³⁰⁵, провел свои последние годы в Америке, руководя известной йешивой имени раби Иццока-Эльхонона

³⁰⁴ «Авот», 6:6.

³⁰⁵ Шлойме Полячек (1877–1928) — раввин, выдающийся талмудист. Еще в детстве за свою гениальность был прозван «Мейчецкий илуй» (от местечка Мейчет — также Мейчит — еврейского названия деревни Молчадь, сейчас в Барановичском р-не Брестской обл., Белоруссия). Возглавлял йешивы р. Рейнеса в Лиде (1905–1915) и «Тахкемони» в Белостоке (1921), теологическую семинарию-йешиву имени раби Иццока-Эльхонона Спектора в Нью-Йорке (1922–1928).

Спектора³⁰⁶. Находясь в Вильно, он посещал йешиву «Кнесес³⁰⁷Бейс-Иццок». В его присутствии раввин Борух-Бер не хотел давать урок, объяснив, что они оба — ученики р. Хаима Брискера, но Мейцецкий илуи учился у него позже. Так как же он может себе позволить говорить о Торе, если не знает более поздних идей своего учителя? В тот день он так и не дал урок, а провел время с Мейцецким илуем, который поделился с ним новыми идеями их великого учителя.

У обоих великих мудрецов — р. Боруха-Бера и Мейцецкого илуя — собралось много рукописей. Их спрашивали, почему они не отдадут в печать свои новые толкования Торы, которые наверняка заинтересовали бы талмудистов.

– Чудесные рукописи остались от нашего ребе, великого раввина Хаима Брискера, — отвечали те, — и они до сих пор не изданы. Как же мы можем думать о публикации наших писаний, когда еще не увидели свет книги нашего ребе?

Мейцецкий илуи вместе со своим другом, главой Мирской йешивы р. Лейзером Финкелем сделал все, чтобы рукописи р. Брискера были все же напечатаны. В конце концов и их собственные книги увидели свет — они выходили в течение многих лет. Комментарии р. Боруха-Бера к Талмуду под названием «Биркас-Шмуэл»³⁰⁸ стали очень популярными среди всех учащих-ся йешив. Их автор стал считаться одним из величайших мудрецов своего поколения. Почти все знаменитые главы йешив в мире — его ученики.

Еврей, изучающий
Талмуд.
Старая открытка,
конец XIX в.

³⁰⁶ Впоследствии на основе этой йешивы возникла «Йешива-Юниверсити» — крупнейший американский еврейский вуз. — *Прим. пер.*

³⁰⁷ *Кнесес* (иврит в ашкеназском произношении) — здесь: община.

³⁰⁸ «Биркас-Шмуэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Благословение Шмуэля».

Р. ЗЕЭВ ГОЛД

Раввин Д. Кац

Р. Зеэв Голд родился в 1889 году в Щучине. Когда ему исполнилось десять лет, семья его отца р. Кравчинского переселилась в Копыль. Там Зеэв учил Торю у мелаamedов Шлойме Вижницера и Шмуэла Зарецкого, а затем у своего отца.

Непродолжительное время Зеэв учился в Мирской йешиве, находившейся неподалеку. Когда ему исполнилось восемнадцать, отец решил вывезти его из России, поскольку опасался, что там его призовут в армию.

Прозкзаменовавшись у своего отца и у раввина Минска р. Лейзера Рабиновича и получив от них документ о присвоении звания раввина, молодой р. Зеэв отправился в Америку. Оказавшись в США, он поначалу буквально голодал. Однако благодаря выдающимся ораторским способностям и таланту располагать к себе людей юноша быстро нашел друзей, которые его поддержали. Изучив английский язык, р. Зеэв начал странствовать из города в город в качестве магида. Оказавшись в г. Ютике (штат Нью-Йорк), он женился на Йохевед Райхлер, дочери местного раввина, незадолго до этого скончавшегося.

После этого р. Зеэв побывал раввином нескольких общин в разных городах, пока наконец не оказался в Сан-Франциско. В каждом месте он пользовался любовью прихожан как один из наиболее талантливых лидеров общины. Он в совершенстве овладел английским языком, стал своим для коренных американцев и старожилов, приобрел обширные знания во многих областях жизни. Благодаря красноречию, красивому голосу и располагающей внешности его выступления никогда не оставляли слушателей равнодушными.

Параллельно р. Зеэв Голд непрестанно учил Торю и углублял свои познания в еврейском религиозном законодательстве. Он специализировался на Агаде и мидрашах, одновременно изучая различные научные дисциплины, прежде всего древнюю и современную философию; много и постоянно читал, став настоящим энциклопедистом. Его выступления, основанные на обширных познаниях в талмудической литературе, отличались содержательностью, стройностью и последовательностью. Свои мысли р. Голд излагал современным языком, придавая им изящную форму, — словом, наполнял новые сосуды старым вином³⁰⁹. Он неукоснительно соблюдал заповеди, обладал добрым сердцем и щедрой рукой жертвовал на благотворительность.

Еще в юности, восплавав пламенной любовью к Сиону, р. Голд присоединился к движению «Мизрахи» и посвятил ему всю свою жизнь без остатка. Переезжая из города в город, он всюду основывал ячейки движения, превращая его в массовое.

Когда в Америку прибыл р. Берлин³¹⁰, р. Голд стал его правой рукой. По инициативе двух раввинов движение «Мизрахи» превратилось в обще-

Однако благодаря выдающимся ораторским способностям и таланту располагать к себе людей юноша быстро нашел друзей, которые его поддержали.

³⁰⁹ Ср. «Авот», 4:20: «Раби Меер говорил: “Смотри не на сам кувшин, а на его содержимое: бывает, что новый сосуд полон старого вина, а бывает, что в старом кувшине даже и молодого вина нет”».

³¹⁰ Р. Меер Берлин (Бар-Илан, 1880–1949), сын р. Нафтоли Цви-Йегуды Берлина, один из лидеров религиозного сионизма. — *Прим. пер.*

р. Зеэв Голд

национальное. С этого времени р. Голд участвовал во всех американских и всемирных конгрессах «Мизрахи», войдя в руководство этой организации. Кроме того, р. Голд участвовал в качестве депутата в нескольких всемирных Сионистских конгрессах, начиная с тринадцатого и заканчивая двадцать третьим, став одним из ведущих сионистских лидеров. Он также принимал участие в Лондонской сионистской конференции, созванной вскоре после публикации Декларации Бальфура и заложившей основы национального еврейского дома в Стране Израиля.

После окончания Первой мировой войны, когда главы европейских йешив зачастили с визитами в США в надежде собрать деньги для своих учебных заведений, р. Голд неизменно становился их помощником: принимал их в своем доме и оказывал им всяческую поддержку.

Р. Голд стал одним из основоположников еврейского религиозного образования в США, приложив руку к созданию нескольких учебных заведений, в том числе знаменитой нью-йоркской йешивы «Тора во-даас»³¹¹.

В 1935 году р. Голд переехал вместе с частью своей семьи в Страну Израиля и поселился в Тель-Авиве. После нескольких продолжительных поездок по разным странам, предпринятых с целью сбора пожертвований для «Мизрахи» и Национального фонда, он получил предложение главного ашкеназского раввина Эрец-Исраэль р. Аврома-Иццока Кука объехать еврейские поселения страны, чтобы помочь их обитателям наладить общественную религиозную жизнь. Эту работу он считал самой важной миссией в своей жизни.

В силу различных причин р. Голд вынужден был вернуться в Америку, где стал раввином в Бруклине и продолжил общественную деятельность, направленную на возрождение Страны Израиля. Некоторое время он был президентом американской организации «Мизрахи», а также возглавлял различные сионистские учреждения. Часть его родных осталась в Эрец-Ис-

³¹¹ «Тора во-даас» (иврит в ашкеназском произношении) — «Тора и знание». Кроме того, Зеэв Голд основал «Бейс-Мойше», первую кашерную больницу в Нью-Йорке, еврейский детский дом в Бруклине и педагогический колледж для преподавателей иврита в Сан-Франциско. — *Прим. пер.*

раэль. Практически ежегодно р. Голд приезжал туда к двум своим сыновьям, которые обзавелись там семьями.

После нескольких лет пребывания в Америке р. Голд был избран президентом всемирной организации «Мизрахи». В этом качестве ему снова пришлось ездить по всему миру.

С началом Второй мировой войны р. Голд вновь вернулся в США, чтобы работать там на благо еврейского населения Страны Израиля, помогая ему как в экономическом, так и в политическом плане. В качестве представителя Еврейского агентства он вошел в состав еврейской делегации, отправленной в Лейк-Сассекс³¹², и принял участие в работе, призванной добиться признания Израиля как еврейского государства³¹³. В 1948 году, после провозглашения независимости Израиля, р. Голд стал заместителем председателя его временного Государственного совета³¹⁴.

В 1947 году р. Голд был избран членом руководства Еврейского агентства и возглавил департамент развития Иерусалима. С тех пор он окончательно поселился в Израиле и сосредоточился на работе в стране. Многие важные проекты по развитию Иерусалима, покинутого частью жителей в ходе Войны за независимость, безусловно, следует считать его заслугой. В частности, именно р. Голд стал инициатором строительства Международного центра конгрессов («Биньяней-га-ума») и приложил немало сил к осуществлению этого проекта. В 1952 году Сионистский конгресс поручил р. Голду создать и возглавить отдел просвещения в диаспоре, р. Голд с головой окунулся в эту работу, чтобы спасти еврейскую молодежь от ассимиляции и чужеродных влияний. Снова взяв в руки посох странника, р. Голд объездил множество стран, создавая в них еврейские религиозные образовательные институты и призывая местных евреев переехать в Израиль.

Евреи Северной Африки (Марокко, Туниса и др.) глубоко уважали и любили раввина. В английском городе Рамсгите р. Голд открыл йешиву, готовившую раввинов и учителей для выходцев из стран Магриба. Он предложил привозить в Израиль из стран диаспоры способных юношей, а также преподавателей, и трудоустраивать их в израильской системе религиозного образования, чтобы, вернувшись на родину, они могли работать учителями или воспитателями.

Р. Голд много работал в качестве президента организации «Мизрахи» и принимал активное участие в различных еврейских религиозных проектах.

Несмотря на то что в последние годы р. Голд страдал от тяжелой болезни, он продолжал инициировать различные проекты, принимал близко к сердцу все проблемы страны, выступал с пылкими речами, а также много читал и писал.

С началом Второй мировой войны р. Голд вновь вернулся в США, чтобы работать там на благо еврейского населения Страны Израиля, помогая ему как в экономическом, так и в политическом плане.

---

³¹² С 16 августа 1946 г. штаб-квартира ООН временно размещалась в деревне Лейк-Сассекс, США. Именно там была принята резолюция о разделе Палестины и создании еврейского государства. — *Прим. пер.*

³¹³ Речь идет о принятии ООН декларации о разделе Палестины на два государства, еврейское и арабское, против которой резко протестовали арабские и мусульманские страны, требовавшие отдать всю Палестину арабам. — *Прим. пер.*

³¹⁴ Временный Государственный совет был учрежден 14 мая 1948 г. (накануне провозглашения государства) и функционировал до 3 февраля 1949 г., совмещая в себе функции исполнительной и законодательной власти Государства Израиль. Временный Государственный совет состоял из 38 делегатов во главе с президентом совета Хаимом Вейцманом. — *Прим. пер.*

В 1949 году р. Голд опубликовал первый том своей книги «Нивей-заѓав»³¹⁵. В последний год своей жизни он начал читать лекции по еврейской философии в Бар-Иланском университете³¹⁶.

Р. Голд скончался 8 апреля 1956 года в возрасте шестидесяти семи лет, не выдержав колоссальной нагрузки, связанной с его разнообразной и важной деятельностью. В последний путь его проводили многие видные сионистские лидеры, общественные деятели и выдающиеся религиозные авторитеты.

Р. МОЙШЕ-ИССОХАР ГОЛДБЕРГ

Внук меламеда р. Кадиша. Родился в Слуцке 15 мая 1905 г. Учился в йешиве «Эц хаим» в Слуцке и йешиве имени р. Иццока-Эльхонона Спектора в Нью-Йорке. После получения смихи двадцать лет был раввином в Новом Орлеане, штат Луизиана. Скончался 9 кислева 1959 г.

Р. ЙЕЃУДА-ЦВИ МЕЛЬЦЕР

Сын р. Исера-Залмена Мельцера. Был раввином Пардес-Ханы и Реховота и главой йешивы «Йешиват-ѓа-дарѓм».

р. Мойше-Иссохар
Голдберг

³¹⁵ «Нивей-заѓав» (иврит) — «Золотые высказывания» — книга, в которой автор пишет о Торе, о проблемах Израиля и всего мира.

³¹⁶ Р. Зеэв Голд был также членом учредительного комитета университета. — *Прим. пер.*

Р. НЕХЕМЬЯ ЕРУЗЕЛИМСКИЙ

С. Асаф

Одним из тех, кого все уроженцы Любани вспоминают с любовью и уважением, был раби Нехемья Ерузелимский.

Он родился в Новогрудке в 1853 году и был единственным ребенком у своих родителей. Его отец, знаток Торы, был близок к знаменитому мудрецу раби Иццоку-Эльхонону Спектору, который в те годы был раввином Новогрудка.

Способности Нехемьи проявились уже в юности. Он учил Тору в известных йешивах и получил смиху у раби Иццока-Эльхонона и других знатоков Торы того поколения. Его оригинальные толкования были опубликованы в комментариях к разделу Мишны «Нашим»³¹⁷, изданных «Типографией вдовы и братьев Ромм»³¹⁸.

Раби Нехемью любили и уважали, несмотря на то что он отличался железной волей и правил городком твердой рукой. Мудрость и общественная деятельность сделали его имя широко известным, и люди приезжали к нему на суд даже издали, причем не только евреи.

Царские, а позже польские чиновники относились к нему с огромным уважением. Он же являлся к ним без страха и трепета в качестве представителя своей общины.

По характеру раби Нехемья был человеком миролюбивым и отличался редким гостеприимством. Он пользовался уважением всех кругов, входивших в общину. Любанская молодежь находила в нем своего пламенного защитника. В свою очередь, раввин настолько любил молодежь, что по субботам устраивал в своем доме отдельный миньян³¹⁹ для юношей. Он верил в традиционное воспитание и говорил:

– Если положить рядом с любанским бундовцем тфилн, он непременно его поцелует.

Молодые любанцы становились сионистами, несмотря на то что большинство учились в йешивах: Любань превосходила все окрестные местечки по числу юношей, которые шли в йешивы.

* * *

Всю свою жизнь раввин мечтал поселиться в Стране Израиля. Ему повезло: на старости лет, в 1912 году, он удостоился приехать в Страну обетованную. Реб Нехемья Ерузелимский обосновался в Иерусалиме, где жил его зять, раби Симха Асаф.

Раввин с уважением относился к «новому ишуву» (поселенцам-сионистам) и принял участие в создании движения «Кнесет Исраэль». Несмотря на оказываемое на него давление, раби Нехемья не поддерживал раввинов-изоляционистов. Свою позицию он объяснял так:

По характеру раби Нехемья был человеком миролюбивым и отличался редким гостеприимством. Он пользовался уважением всех кругов, входивших в общину.

³¹⁷ «Нашим» (иврит) — «Женщины».

³¹⁸ Виленская «Типография вдовы и братьев Ромм», выпустившая самое авторитетное издание Талмуда, считающееся в некоторых кругах классическим. — *Прим. пер.*

³¹⁹ Миньян (иврит) — кворум из как минимум десяти взрослых мужчин, необходимый для общественной молитвы.

р. Нехемья
Ерузелимский

– Возможно, ультраортодоксы правы в своем изоляционизме, поскольку они беспокоятся о воспитании своих детей, боясь, что те сбросят иго заповедей. Однако мои дети уже там, и я не могу их оставить.

Своими детьми раби называл молодых людей, которые росли по соседству.

Раввин искал контактов с молодыми халуцим, жившими в Иерусалиме. По субботам он бывал на всех рабочих собраниях, куда приходил в полном раввинском облачении, в шляпе с высокой тульей. Его появления было достаточно, чтобы участники переставали курить.

Как-то, когда я ехал на велосипеде в одну тель-авивскую типографию, чтобы отдать корректуру некой книги, я встретил раби Нехемью и подъехал к нему. Обрадовавшись нашей встрече, раввин протянул мне руку.

– Раби, у меня руки грязные, — сказал я.

– Грязные? Отчего? — спросил он.

– От работы.

– Работа грязной не бывает! Дай мне руку, — сказал раввин.

В ходе разговора он сказал мне:

– Я люблю Тель-Авив. Здесь живут гордые евреи, строящие свою страну, а по субботам все лавки закрыты. Мне кажется, что иерусалимцы с их поистине великими праведниками — причем мы даже не можем осознать всю степень их величия — все же ошибаются. Они просыпаются с Богом и ложатся спать с Богом, считая при этом, что вокруг сплошные безбожники. Но это неправильно: вы хорошие, очень хорошие евреи, хоть вы и попираете Тору и ее законы.

Огромный интерес представляет его завещание, полностью отражающее свойственный ему образ мыслей:

«...Пункт 3. Сразу же после моей кончины братство “Ѓахносес-орхим”, Братство хранящих субботу, Фонд восстановления Иерусалима и Храма, а также моих товарищей по талмуд-торе следует поставить в известность,

что они должны скрупулезно исполнить мою просьбу. Ибо я являюсь членом этих братств, и они должны исполнить последнюю волю усопшего. Они должны подвергнуть меня скиле³²⁰, поскольку лучше претерпеть боль и унижение в этом мире и не страдать в Мире Грядущем. Ибо «грех мой всегда предо мной»³²¹, и по закону я достоин всех четырех казней, упомянутых в Торе. Поэтому я принимаю на себя самую суровую из них.

Пункт 4. Надгробные речи не должны содержать никаких восхвалений, ибо восхваления неизбежно приводят к преувеличению. За это [в Мире Грядущем] наказывают, а я не хочу претерпеть наказание из-за надгробных речей. Следует ограничиться тем, что такой-то сорок лет был раввином. Если произнесенные речи не принесут слушателям никакой пользы с точки зрения соблюдения субботы или любви к миру, лучше обойтись совсем без речей. Если покажется, что это может пойти на пользу, я разрешаю публичное произнесение надгробных речей. Если нет, требую обойтись без них. Ораторы должны тщательно взвешивать каждое слово, чтобы оно пошло на пользу слушателям.

Те, кто займется похоронами и погребением, должны сообщить работникам рабочих кухонь и членам трудовых бригад, что если они захотят, то будут иметь преимущество перед всеми остальными³²², ибо я немало потрудился ради их духовного исправления. Поэтому, если они захотят оказать мне милость и признают, что в долгу передо мной, я даю им преимущество перед всеми прочими. Если нет, то тогда преимущество получают лавочки и парикмахеры, с которыми я работал, чтобы они отдыхали по субботам. Если же и они не согласятся, следует поступить по обычаю занимающихся погребением».

Раби Нехемья умер внезапно. 24 швата 5690 (1930) года он сидел и учил Тору до девяти вечера, а затем лег спать. В половине одиннадцатого он проснулся от болей в сердце и вскоре после этого отошел в иной мир в чистоте и святости.

Х. Асаф

Мой отец раби Нехемья был раввином в Любани. Любанцы его очень любили и уважали, особенно он был дорог молодежи. Он был специалистом по разрешению споров по законам Торы, к нему обращались издалека: из Слуцка, Бобруйска, Глуска и других мест. Даже христиане — священник, доктор, почтовый служащий — жили с ним в дружбе и считались с его мнением.

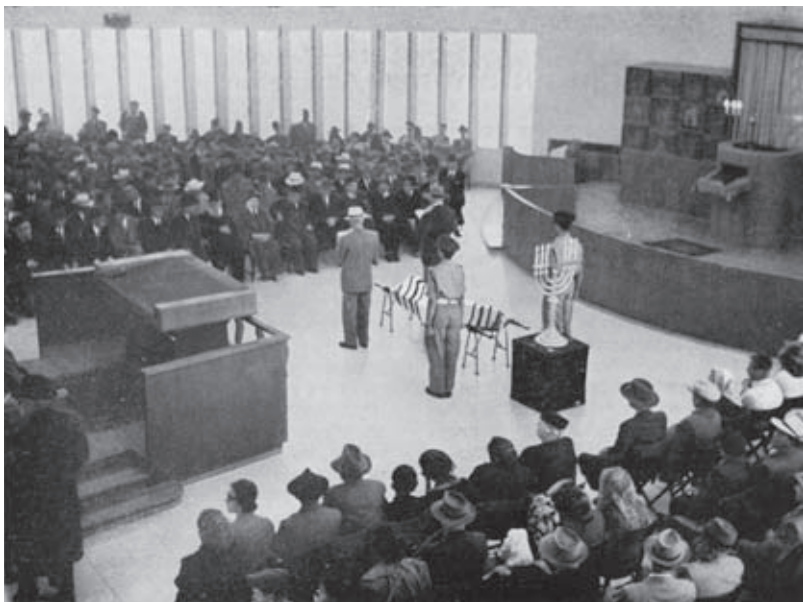
До Любани он был раввином в Семежеве. Был он человеком демократически настроенным, скромным, но веселым и жизнерадостным. В Пурим у нас были радость и веселье. Местечко посылало раввину дары на Пурим

---

³²⁰ *Скила* (иврит) — забивание камнями — один из четырех видов смертной казни, к которому приговаривает суд; в древности эта казнь предполагала сбрасывание осужденного со скалы, и, если он не умирал от этого, на него бросали сверху один большой камень. В завещании р. Нехемьи эта фраза выглядит странно, ибо у нас нет сведений о том, что подобное, пусть даже в символической форме, проделывалось с мертвым телом в целях искупления грехов покойного.

³²¹ См. «Тегилим», 51:5.

³²² То есть первыми удостоятся чести нести погребальные носилки. — *Прим. пер.*

Прощание с р. Симхой Асафом в Иерусалиме 10 хешвана 5714 г. (октябрь 1953 г.)

Хана Асаф

щедрой рукой, у нас танцевали и пели, пили вино и веселились. Выпив немного, папа пьянел и шутил без остановки.

Позже в Любань приехал еще один раввин, начались раздоры. Два раввина сидели в разных углах, на разных концах скамьи у восточной стены в синагоге. Сторонники моего отца усаживались на том конце, где сидел второй раввин, занимая его место, и за это отец их отчитывал. В конце концов он остался единственным раввином местечка. Община построила для него дом из семи комнат — с роскошными жилыми помещениями, залом для раввинского суда и кабинетом.

Мой проникательный отец отметил моего будущего мужа, раввина и профессора Симху Асафа (да покоится он с миром), и приблизил его, когда тот приехал из йешивы Телза³²³ к своим родителям в Любань. Симха Асаф приходил к нам каждый день, чтобы учиться вместе с моим папой. Папа увидел, что из молодого человека вырастет мудрец Израиля, как он сам выразился. И вот однажды он сказал в нашем присутствии:

– Симха, ты согласен взять в жены мою дочь Хану?

Так и было устроено сватовство, на доверии — даже не писали брачный договор.

Долгим был наш путь до Земли Израиля. Мы жили в Одессе по соседству с великим поэтом Бяликом³²⁴, светлая ему память. Мои братья эмигрировали в Америку. Когда отец приехал в Омаху (штат Небраска), чтобы увидеться со своими детьми, ему там предложили остаться в качестве раввина, и он подписал письменное согласие занять эту должность. Он написал нашей матери, чтобы она переехала туда, и предложил моему мужу Симхе свою раввинскую должность в Любани. Но из всех этих планов ничего не вышло, и в конце концов после различных перипетий он прибыл в Страну Израиля. Дети, жившие в Америке, купили для него дом в Иерусалиме. Он скончался в почтенном возрасте (76 лет), будучи глубоко уважаемым человеком, в святом городе.

³²³ Телз — еврейское название г. Тельшай на северо-западе Литвы.

³²⁴ Хаим-Нахман Бялик (1873–1934) — поэт и прозаик, классик современной поэзии на иврите. — *Прим. пер.*

Р. СИМХА АСАФ (ОСОВСКИЙ)

Д. П.

Раввин Симха был сыном купца Йеѓуды-Зеева и Фейги, дочери Цви-Якова Эпштейна из Бобруйска. Он родился в Любани 9 тамуза 5649 (1889) года.

Симха получил традиционное образование сначала в хедере, а затем в йешиве в Слуцке, которой руководил раби Исер-Залмен Мельцер, и йешиве в Телзе (1905–1908), которую возглавлял раби Лейзер Гордон. Получив смиху, раби Асаф стал раввином Любани и занимал этот пост в 1910–1911 годах.

В 1914–1919 годах раби Асаф был главой одесской йешивы, созданной р. Хаимом Черновицем. В Одессе он занялся научно-литературной деятельностью, публиковал свои первые статьи в журнале «Ѓа-Шилоах»³²⁵ и альманахе «Решумот»³²⁶. Еще в йешиве в Телзе он стал сионистом и занимался сионистской пропагандой. В Одессе раввин присоединился к сионистской организации и был избран в городской сионистский комитет.

Раби Асаф женился на Хане, дочери р. Нехемьи Ерузелимского, раввина Семежева и Любани, который на старости лет уехал в Эрец-Исраэль. Сам р. Нехемья приехал в Страну Израиля в 1921 году и получил место преподавателя Талмуда в педагогическом училище движения «Мизрахи». Он опубликовал несколько исследований и книг о еврейском образовании, методах преподавания, юридических процедурах и взаимоотношениях центров Торы в Эрец-Исраэль и диаспоре.

После создания Еврейского университета (1925) раби Асаф получил место лектора, а позднее — профессора литературы периода геоним и раввинистической литературы.

Раби Асаф был одним из старейших деятелей «Мизрахи» и представлял «Мизрахи» в Национальном совете и Собрании депутатов³²⁷. Раввин был членом суда чести Всемирной сионистской организации, а также суда чести движения «Мизрахи». Он также был избран председателем суда чести израильского профсоюза учителей, заместителем председателя историко-этнографического общества Страны Израиля, членом ученого совета Еврейского общества изучения Эрец-Исраэль и ее древностей, заместителем председателя совета по образованию, членом исполнительного комитета, а позже ректором Еврейского университета. Кроме того, раби Асаф был заместителем председателя общества «Мекицей-нирдамим»³²⁸, членом районного совета иерусалимского квартала Рехавия и вице-президентом лож «Бней-Брит»³²⁹ в Израиле.

В Одессе он занялся научно-литературной деятельностью, публиковал свои первые статьи в журнале «Ѓа-Шилоах» и альманахе «Решумот».

³²⁵ «Ѓа-Шилоах» — литературный, научный и общественно-политический ежемесячник на иврите, выходивший с 1896 по 1926 г. (Одесса — Берлин). Шилоах — древний водоем, построенный в долине Кидрон для сбора воды родника Гихон, основного источника водоснабжения Иерусалима в период Первого храма.

³²⁶ «Решумот» (иврит) — «Записки» — альманах по еврейскому фольклору (Одесса — Берлин — Тель-Авив, 1918–1926).

³²⁷ Органы еврейского самоуправления подмандатной Палестины. — *Прим. пер.*

³²⁸ «Мекицей-нирдамим» (иврит) — «Пробуждающие спящих» — еврейское научное общество, основанное в 1864 г., первым поставившее своей задачей подготовку научных изданий средневековых еврейских рукописей и редких старопечатных книг.

³²⁹ «Бней-брит» (иврит) — «Сыны Союза» — одна из наиболее известных и старейших еврейских общественных организаций масонского типа. В преамбуле к уставу организации ее цели сформулированы следующим образом: ««Бней-брит» видит свою цель в объединении лиц еврейской веры в работе, направленной на удовлетворение их важнейших интересов и интересов всего человечества». — *Прим. пер.*

Раввин и профессор
Симха Асаф (Осовский)

* * *

Говоря о раввине Симхе Асафе, невозможно оказаться излишне многословным. Он скончался в Иерусалиме в самом расцвете сил, в возрасте 64 лет. Он действительно был многогранной личностью, непревзойденным эрудитом, замечательным писателем и исследователем. После создания Государства Израиль р. Асаф был назначен одним из пяти первых судей Верховного суда, заседавшего в Иерусалиме. В течение жизни он опубликовал несколько важных книг: «Мекорót ле-толдót га-хинúх бе-Израэль» в 4 тт., «Га-оншín ахарей хатимát-га-Талмуд», «Батей-га-дин ве-сидрейгём», «Тшувót га-геонím ве-ликутэй-сэфер га-дин», «Кóбец игрót р. Шмуэль бен Али у-вней дорó», «Сефер га-штарót ле-рав Хай Гаóн», «Ми-сафрут га-геонím», «Сафрán шель ришоним», «Тшувот га-геоним ми-гинзэй-Кембридж», «Бе-огалей-Яаков», «Мекорót у-мехкарім бе-толдот Исраэль»³³⁰ и др.

Еврейским писателям и читателям очень понравился фундаментальный труд раби Асафа «Ам га-сефер ве-га-сефер»³³¹, изначально напечатанный в антологии «Решумот»³³² и вошедший с дополнениями в книгу «Бе-огалей-Яаков»³³³. По сей день она служит ценным и полезным источником для всех, кому нужны материалы о еврейской книге в древних источниках и мировоззрении средневековых и современных религиозных авторитетов. После смерти профессора остались рукописи и материалы нескольких книг, включая монографию «Ткуфат-геоним ве-сифрута»³³⁴. Раби Асаф надеялся вскорости завершить эту книгу, а также написать автобиографию,

³³⁰ «Источники по истории еврейского образования», «Наказания после завершения Талмуда», «Суды и судебные процедуры», «Респонсы геоним и отрывки из Книги Суда», «Сборник писем раби Шмуэля бен Али и его современников», «Сборник документов раби Хая-гаона», «Из литературы геоним», «Библиотека ришоним», «Респонсы геоним в кембриджской библиотеке», «В шатрах Яакова», «Источники и исследования по еврейской истории».

³³¹ «Ам га-сефер ве-га-сефер» (иврит) — «Народ книги и Книга».

³³² «Решумот» (иврит) — «Записки».

³³³ «Бе-огалей-Яаков» (иврит) — «В шатрах Яакова».

³³⁴ «Ткуфат-га-геоним ве-сифрута» (иврит) — «Эпоха геоним и ее литература».

когда ему исполнится семьдесят. К сожалению, до этого возраста он не дожил, его жизнь оборвалась раньше. Скончался он 9 хешвана 5714 года (8 октября 1953 г.).

Я помню, как в 1951 году раби Асаф, приехав в Нью-Йорк, заболел и был госпитализирован в «Mount Sinai Hospital». Навестив его, я обнаружил в его палате профессора Боаза Коѓена и исследователя М. Луцкого. С удивлением я увидел, что раби пребывает в отличном настроении и очень весел. Он поговорил со мной о своей двухгодичной учебе в Минске (1911–1913), городе, где я родился. Раби Асаф учился там в колеле «Прушим» и получил место преподавателя в доме главного городского раввина Лейзера Рабиновича. Раби Асаф поделился со мной воспоминаниями о людях и известных событиях времен моей молодости. Память у него была превосходная, и его рассказы были полны мельчайших деталей. Затем он начал рассказывать анекдоты, и мы хохотали до слез. Раби радовался, поскольку врачи решили, что ему не нужна операция. Позже они сказали нам по секрету, что опухоль, возникшая у него в печени, неоперабельна.

По своему характеру раби Асаф был человеком действия и борцом за сионистские идеалы. В юности, во время учебы в йешивах Слуцка и Тель-за, он принимал активное участие в сионистской работе: читал лекции, выступал, полемизировал с бундовцами и сионистами-социалистами и другими идеологическими противниками. Позже он стал одним из лидеров «Мизрахи» и оставался им до конца своих дней. Всю свою жизнь он активно занимался общественной, педагогической и литературной деятельностью. Любую работу он делал четко, аккуратно, надежно и с радостью, в соответствии со своим именем Симха³³⁵.

Раби Асаф учился там в колеле «Прушим» и получил место преподавателя в доме главного городского раввина Лейзера Рабиновича.

Надгробный памятник
р. Симхе Асафу.
Текст эпитафии:
Ш.-Й. Агнон,
графика: И. Шехтер

³³⁵ Симха (иврит) — радость.

Р. ХАИМ-ФИШЛ ЭПШТЕЙН

Б. Эпштейн

Мой отец, реб Хаим-Фишл Эпштейн, родился в литовском городке Таураге и был одним из самых юных учеников в Воложинской йешиве. К 22 годам он уже стал раввином в Грозове — это было примерно в 1897 г.

Я был маленьким мальчиком, когда наша семья переехала в Грозово, и память моя сохранила лишь отдельные фрагменты нашей тамошней жизни.

Отец, молодой раввин-идеалист, вскоре натолкнулся на сопротивление старейшин местечка, не понимавших, зачем он так усердствует на благо общины. Первым испытанием для моего отца стала перестройка бани и миквэ³³⁶. Здание, в котором они находились, было полуразрушено, и заходить в него было небезопасно. Зимой тепло не держалось в нем, и было ясно, что оно нуждается в перестройке.

Отец на свои средства приобрел необходимые строительные материалы и котел, который нагревал воду при помощи пара, взяв для этого в долг немалую сумму. В итоге он вынужден был годами выплачивать этот долг из своего жалованья. Правда, позже община возместила ему эти выплаты.

Второй проблемой было пастбище. Почти у каждого еврея в местечке была молочная корова, и существовал договор между общиной и помещиком из усадьбы, что мы имеем право пасти коров на лугу за баней. После смерти старого помещика его дочь захотела отменить договор. Поскольку со временем лидеры общины увидели, что раввин — настоящий руководитель, они пришли к нему, чтобы он взялся и за «земельный вопрос».

р. Хаим-Фишл Эпштейн

³³⁶ Миквэ (иврит) — бассейн для ритуального омовения.

Отец поехал в Минск и поделился проблемой с известным адвокатом Шимшоном Розенбаумом³³⁷ (ставшим впоследствии министром в литовском правительстве), знавшим отца по сионистскому съезду в Минске. Переговоры с «усадьбой» велись при посредничестве отца в Грозове и завершились мировым соглашением, устроившим обе стороны.

В местечке был урядник-взяточник, который досаждал еврейским лавочникам, а в два ярмарочных дня, воскресенье и четверг, приказывал евреям держать свои лавки закрытыми. Отец встретился со слуцким исправником, и урядник потерял свою должность.

Я припоминаю также (был тогда маленьким мальчиком), как в нашем доме сидел жандармский офицер и рылся в отцовских книгах, письмах. Кто-то донес в минскую «охранку», что грозовский раввин ведет запрещенную сионистскую деятельность. Отца забрали на допрос, устроили обыск в его бумагах и книгах. Вся его переписка была передана цензору. Месяцы спустя все вернули с извинениями.

Молодежь в местечке смотрела на раввина с большим уважением и терпеливо выслушивала его сентенции о тех, кто «бродит по чужим полям».

Грозово было также единственным местом, где «сицилисты» не отважились прийти в дом учения со своими речами, как они это делали в других местечках, размахивая пистолетами. Я помню, что отец выступал на похоронах раввина из Лебедева, которого революционеры застрелили во время нападения.

Влияние отца на местечко росло с каждым годом, благодаря ему несколько грозовских мальчиков поехали учиться в йешивы. С юными учениками из местечка отец говорил как с равными, пробуждая в них интерес к занятиям. Они засыпали его вопросами и получали обстоятельные ответы. К нему приходили на «суд Торы» и из окрестных местечек.

Дом раввина для жителей Грозова был центром связи с внешним миром. Отец и два его товарища подписались на петербургскую газету «Биржевые ведомости» (на русском) и на «Га-Цфира» (на иврите).

Когда в 1905 г. пришли новости об антиеврейских погромах в Белостоке, Седльце, отец ходил взволнованный и надломленный. В местечке боялись ярмарки — как бы крестьяне не учинили погром. Из Слуцка приехали несколько парней и прогуливались среди крестьян. Распространился слух, что еврейская самооборона имеет в своем распоряжении электрические лучи, способные сжечь деревни. Неевреи быстро исчезали с ярмарки и спешили домой.

Крестьяне приходили к раввину, чтобы рассудить свои споры с евреями.

В местечке говорили: «Долго наш раввин у нас не удержится, его у нас перехватят». Однако отцу суждено было просидеть в раввинском кресле в Грозове десять лет. Он много раз был кандидатом на посты в больших общинах, но его любовь к Сиону вставала у него на пути: старые раввины смотрели на него из-за этого косо. Только когда он стал раввином в Сейнах и выпустил книгу респонсов, его «простили».

Получение письма из Сейн об избрании моего отца на раввинскую должность было воспринято в Грозове как драма. Однажды осенним ве-

---

Влияние отца на местечко росло с каждым годом, благодаря ему несколько грозовских мальчиков поехали учиться в йешивы.

---

³³⁷ Шимшон (Семен Яковлевич) Розенбаум (1859, Пинск — 1934, Тель-Авив) — присяжный поверенный, лидер сионистского движения в России, депутат Государственной думы Российской империи I созыва от Минской губернии. Впоследствии депутат Литовского сейма, министр по еврейским делам правительства Литвы (1923–1924), почетный консул Литовской республики в Палестине. — *Прим. пер.*

чером в местечке появились два еврея и стали расспрашивать о раввине. Этим евреям самих расспросили, и они признались, что приехали из Сейн, из Сувалкской губернии, что там есть старая уважаемая община и они хотят видеть своим духовным наставником грозовского раввина. Посланцев из Сейн пытались отговорить по-доброму и даже угрожали избить, чтобы они поскорее убралась из местечка. Но пару недель спустя отец получил письмо о признании его тамошним раввином.

В холодный зимний день все местечко провожало нашу семью, прощаясь с нами на Копыльском тракте. Мы, дети, сидели, прижавшись друг другу, на почтовых санях Рувки Пульмана, который отвез нас в Городею на вокзал. В чистом поле отец произнес свою прощальную речь. Народ рыдался. Отец вытирал глаза, и мы, дети, испугались этого плача.

В Сейнах отец был раввином до Первой мировой войны. Он пережил немецкое заточение в качестве заложника, побывал беженцем в Слуцке, а затем был выбран раввином в Либаве.

В 1923 г. он приехал в Америку и стал раввином в общине Сент-Луиса. В этом городе он и умер в 1942 г. в возрасте 68 лет.

Р. АВРОМ-АРН ПЕСИН

Н. Хинич

Раввин Уречья реб Авром-Арн Песин родился в этом же местечке у бедных родителей в 1837 году. Он был не только знатоком Торы, но и крупным математиком. Однажды в молодости он заехал в Минске на постоянный двор и заметил, что все там сконфужены, а дело было в одном квартирante-экстерне. Хозяйка постоялого двора сказала мужу, что боится, как бы этот парень не свел счеты с жизнью. Раввин выяснил, о чем шла речь. Два молодых еврея должны были держать экзамен в минской гимназии и при этом решить очень сложную математическую задачу. Если бы они не решили ее, то не получили бы аттестаты и их многолетние усилия пошли бы прахом. Раввин попросил показать ему эту задачу — и полчаса спустя решил ее. Несколькими месяцами позже он получил от ребят, которых выручил, десять рублей и копию письма, которое было прислано им из петербургского министерства просвещения. В письме говорилось о награждении их пятьюдесятью рублями. Оказалось, что учитель, задавший им ту задачу, был антисемитом и хотел, чтобы оба молодых еврея провалились на последнем экзамене: он и сам не знал, как решить ее, и считал ее вообще нерешаемой.

Вокруг Уречья росли густые леса. Два торговца, еврей и христианин, совместно купили участок с лесом. Не сумев договориться между собой, они обратились в суд. Дело было очень запутанным. Судья не мог прийти к заключению и сказал им, что знает старосту местечка как мудрого человека, а отец старосты — раввин Уречья. Раввины занимаются и судебными вопросами, так что пусть торговцы попробуют сходить к нему, а он, судья, даст им письменное разрешение на передачу дела. Раввин сумел найти компромисс, которым оба совладельца остались довольны. Позже он получил благодарственное письмо от вышестоящего суда.

Единственной дочери раввина, которую он сам обучал Танаху, р. Песин сказал:

– Ты должна изучать Тору ради двух целей. Во-первых, еврейка должна знать заповеди и еврейскую историю. Во-вторых, я надеюсь, что тебе однажды придется перейти на святой язык. Когда я учился в йешиве, то большой знаток Торы сказал мне: «Ты должен дожить до времен Мошиаха». Если он все предвидел правильно, то я застану «муки Мошиаха», а ты доживешь до Избавления. Будь уверена, что святой язык тебе пригодится.

Его пророчество сбылось: дочь уехала на Святую землю. Несколько его внуков от нее и других детей также живут в Израиле, кто-то — в Америке и России, и даже в Уречье остались его родственники. Он умер в 1912 году.

Землячество выходцев из Уречья основало в Нью-Йорке синагогу, названную в честь р. Аврома-Арна Песина «Синагога детей Аврома».

* * *

РАВВИНЫ МЕНАХЕМ-МЕНДЛ АРОНСОН, АЛЕКСАНДР, СЫН АЛЕКСАНДРА, ЙОЭЛ ХЕФЕЦ и ДОВИД КРЕЙНИС упомянуты в книге Г.-Н. Магида (Штейншнейдера) «Ир Вильна»³³⁸ (1900) как раввины, жившие в Слуцке.

В книге р. Бен-Циона Эйзенштадта³³⁹ рассказывается о р. АВРОМЕ-ИЦ-ХОКЕ МАСЛЯНСКОМ из Слуцка, который прожил двенадцать лет в Лондоне, а затем уехал в Нью-Йорк.

³³⁸ «Ир Вильна» (иврит) — «Город Вильна».

³³⁹ Автор нескольких книг, посвященных восточноевропейским раввинам. Годы жизни: 1873–1951. — *Прим. пер.*

ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ

ЭПОХА «ХОВЕВЕЙ-ЦИОН»

от 1890-х гг. до VII СИОНИСТСКОГО КОНГРЕССА

III. Менахем

Слуцк находился вдалеке от центров Гаскалы. Газеты на иврите были редкостью. В городе, где жили пятнадцать тысяч евреев, составлявших большинство населения, лишь немногие выписывали «Га-Мелиц» или «Га-Цфира». Едва ли не единственным слущким деятелем «Ховевей-Цион» был учитель Пейсах Карон (он же Пейсах Эзрес). Накануне Йом-Кипера он ставил в синагогах специальные блюда для сбора пожертвований на еврейские поселения в Стране Израиля, присылавшиеся одесским комитетом организации. Этому замечательному еврею, уроженцу нашего города, посвящена отдельная статья И.-Д. Берковича в разделе «Портреты».

В числе местных палестинофилов также стоит отметить семью Файнберг. Одного из своих детей они послали учиться в «Миквэ Исраэль», сельскохозяйственную школу в Эрец-Исраэль. Когда он вернулся из Страны Израиля в Слуцк, местные острословы окрестили его Мойше Турок.

Когда до Слуцка докатились отзвуки Второго сионистского конгресса, в городе возникла сионистская организация «Бойней-Цион», которую возглавил доктор Мельцер, живший в то время в Слуцке. К нему примкнули несколько товарищей. Единственной сионистской работой этих активистов стало распространение «шекелей»³⁴⁰, а также продажа марок «Керен кайемент ле-Исраэль» и акций Колониального банка³⁴¹. Свои собрания они устраивали в синагоге на Хапашкинской улице.

³⁴⁰ Сионистский шекель — расписка-свидетельство о внесении определенной суммы (менявшейся год от года), являвшаяся одновременно и членским билетом Всемирной сионистской организации, и документом, удостоверявшим право его владельца участвовать в выборах делегатов Сионистских конгрессов. В зависимости от количества шекелей, проданных в каждой стране, устанавливалось число представителей, которых эта страна имела право послать на конгресс. — *Прим. пер.*

³⁴¹ Еврейский Колониальный банк — первый сионистский банк. Основан 20 марта 1899 г. в Лондоне в соответствии с решением Первого и Второго сионистских конгрессов. Зарегистрирован в качестве английского акционерного общества под названием «Джуиш Колониэл Траст Лтд». Главный инициатор создания банка — Теодор Герцль, который стремился превратить его в прочную финансовую основу сионистского движения. — *Прим. пер.*

В консервативном городе, возражавшем против любой сионистской деятельности, сионисты оставались маргиналами. Впрочем, местная интеллигенция тоже была против сионизма. Среди них были читатели русских газет — например, преподаватели еврейского училища. Среди последних стоит отметить учителя Елина, который втайне поддерживал тесные связи с сионистским кружком.

В числе тех, кто заразился ассимиляцией, были казенный раввин Шапиро-Вашман и доктор Шильдкраут. В это же время в городе появились первые представители социал-демократов и Бунда. Им посвящена статья Мойше Тульмана в разделе «Движения и партии».

В 1900 г. сионистские настроения охватили молодых интеллигентов, интересовавшихся литературой того времени на иврите. Этот кружок возглавлял Гилел Дубров, который в это время учился в йешиве, а позже получил светское образование и стал знатоком иврита. Комитет «Бойней-Цион» не интересовался ни культурой на иврите, ни его распространением, ни вопросами национального образования. Поэтому молодые люди создали отдельную группу «Кадимо» («Вперед»), которую и возглавил Дубров.

Одним из активных деятелей этого кружка стал юный Арн Сингаловский, блестящий оратор и обладатель многих других талантов, который позже стал деятелем национального масштаба. В Слуцке он выступал на открытых сионистских собраниях и активно работал в кругах людей, общавшихся на иврите.

Молодежная группа Гилела Дуброва восстала против комитета «Бойней-Цион». Среди «мятежников» стоит отметить Аврома Эпштейна (Аба Ариха), Меера Ваксмана, И.-Д. Берковича, Аврома Эпштейна-второго, Йеґуду-Лейба Садовского, Аврома Мирского, столяра Йосефа Механика и других. По инициативе Гилела Дуброва при участии юного Берковича и его друзей в Слуцке появилась сионистская чайная с читальней, где были газеты на иврите, идише и русском языке. Неподалеку от чайной находилась первая публичная библиотека Слуцка. До появления сионистской библиотеки в городе не было места, где выдавали бы на дом книги на русском языке, иврите и идише. Библиотека возникла и развивалась стараниями членов «Кадимо». Присоединившийся к ним присяжный поверенный М. Карпман стал активным участником всех сионистских предприятий и культурной работы.

Ни один представитель «Бойней-Цион» не был делегирован на Всероссийский сионистский съезд, прошедший в Минске в 1902 г. М. Карпман был выбран в качестве представителя всего сионистского движения Слуцка. В числе важнейших проектов «Кадимо» следует отдельно упомянуть кружок «Доврей-иврит», участники которого собирались еженедельно, чтобы побеседовать или послушать лекцию на иврите о текущих событиях, вопросах литературы и образования и т. д. В работе этого кружка участвовали не только члены «Кадимо», но и представители других городских кругов — любители иврита и литературы на этом языке, среди которых было немало молодежи. Из числа девушек следует назвать Стасю-Элу Голдберг, Хану Ратнер, Басю Шор, Алту Блумштейн.

Были организованы курсы — вечерние занятия ивритом и общеобразовательными предметами для студентов йешив. Гилел Дубров поговорил с главами йешив, сохранивших о нем добрую память как о юноше с задатками гениального талмудиста, и те разрешили своим ученикам посещать эти уроки. Первое время учителя иврита работали без всякого вознаграждения.

Молодежная группа Гилела Дуброва восстала против комитета «Бойней-Цион».

Исполнительный комитет организации «Бойней-Цион», Слуцк, 1902.

Сидят (справа налево):

- 1) Зевин;
- 2) Неизвестный;
- 3) Айзик Ратнер;
- 4) Д-р Мельцер;
- 5) Шмарьягу Берлин;
- 6) Присяжный поверенный Ратнер;
- 7) Шайкович;
- 8) Неизвестный.

Стоят:

- 1) Авром, сын Кадиша-Дова (Бера) Эпштейна, учитель и переписчик священных текстов;
- 2) Лейб Садовский;
- 3) Д-р Зонин;
- 4) Мойше Ратнер;
- 5) Неизвестный;
- 6) Гилел Дубров;
- 7) Авром, сын Мойше-Йехизла Эпштейна;
- 8) Файнберг

Когда дело пошло в гору и потребовалось снимать помещение и нанимать преподавателей, был создан специальный комитет, который должен был обеспечить поддержку курсов сбором пожертвований, организацией благотворительных балов и т. д. Из числа учителей русского языка хотелось бы с благодарностью вспомнить Йосефа Голдберга, умершего в Тель-Авиве, и Мойше Кацнельсона, погибшего во время Катастрофы.

После кишиневского погрома по инициативе молодых сионистов была создана самооборона. В нее вступали представители самых разных еврейских кругов, включая бундовцев. Когда первые сионистские активисты — Дубров, Авром Эпштейн, И.-Д. Беркович, Йегуда-Лейб Садовский и другие — уехали из Слуцка, их место заняли их товарищи по сионистскому движению. В эти годы в городе возникла ячейка «Поалей-Цион». Ее организовал Ицхок Бергер из Минска. В Слуцке возникла также радикальная группа общих сионистов, называвшая себя «Тхийо»³⁴². По субботам и праздникам по обеим сторонам Шоссейной улицы толпились члены пролетарских партий: с одной стороны улицы — поалейционовцы, с другой — бундовцы. Впрочем, и те и другие нередко участвовали в общих собраниях, на которых обсуждались вопросы национализма и социализма. Иногда, правда, такие собрания заканчивались дракой.

Когда социалисты-сионисты и «Поалей-Цион», левое крыло сионистского движения, окрепли, в городе начались забастовки работников мелких мастерских и приказчиков; на этой почве левые сионисты конкурировали с Бундом.

В 1905 г., накануне VII Всемирного сионистского конгресса, в сионистской организации началась жестокая полемика между общинами сионистами, с одной стороны, и «Тхийей» и «Поалей-Цион» — с другой. До Слуцка

³⁴² «Тхийо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Возрождение».

дошли тайные сведения о том, что 5 мая региональный комитет тайно соберется в Минске под председательством местного делегата, хорошо известного всем Шимшона (Семена Яковлевича) Розенбаума.

Предвыборная борьба в Слуцке была ожесточенной. Кандидатами были М. Карпман от общих сионистов и Ш. Нахманович от левого крыла. В итоге победа досталась левым. На повестке дня стояли такие вопросы, как государственное строительство и социализм, территориализм и сионизм. В конгрессе участвовал Бер Борохов³⁴³. Когда Нахманович вернулся с конгресса, собралось множество народа из всех сионистских фракций, чтобы заслушать его отчет.

После того как на конгрессе были подняты организационные вопросы и сионисты разделились на «сказавших да» и «сказавших нет», в Слуцке возникла организация территориалистов, которая привлекла и многих общих сионистов. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованное здесь письмо писателя И.-Д. Берковича, которому было тогда семнадцать лет, друзьям из организации «Доврей-иврит».

Когда русская революция 1905 г. была подавлена, правительство запретило сионистское движение. Молодые активисты разбрелись кто куда. Социалисты-сионисты ушли в подполье. Сионистская чайная закрылась. Только созданная сионистами публичная библиотека продолжала работать, оставаясь лучом света в мрачной атмосфере общественной апатии, воцарившейся в городе. Большая часть молодежи, устремившись в погоню за жизненными наслаждениями, проводила время в кондитерских, и су-

---

На повестке дня стояли такие вопросы, как государственное строительство и социализм, территориализм и сионизм.

Ярмарка в Слуцке, ок. 1910 г.

³⁴³ Бер Борохов (1881, Золотоноша — 1917, Киев) — политический деятель, идеолог рабочего сионизма, один из лидеров движения «Поалей-Цион». — *Прим. пер.*

ществование этих ребят было лишено цели и смысла. Да и можно ли было ожидать чего-то иного, если тогдашняя русская литература предлагала юному читателю ориентироваться на таких ее героев, как Владимир Санин из на шумевшего романа М. Арцыбашева! В Слуцке гремел кружок легкомысленной молодежи «Тромпетель»³⁴⁴.

Под руководством педагога М. Хазановича и его товарищей работал «прогрессивный хедер»³⁴⁵. Поступали газеты на иврите, которые можно было приобрести в книжных лавках Рейсера, Ровнича и др. Угли сионизма тлели в подполье, пока бывшие активисты не нашли свое место в рядах «Цеирей-Цион»³⁴⁶. В то время как светское националистическое движение вынуждено было умолкнуть из-за правительственных мер и общего идеологического упадка, религиозные институты и йешивы воспряли и продолжали свою деятельность с новыми силами и энергией.

ИЗ НАСЛЕДИЯ ГИЛЕЛА ДУБРОВА

Письмо 1

18 швата, 1834 год нашего изгнания³⁴⁷, Екатеринослав.

Членам кружка «Доврей-иврит» в Слуцке — шалом!

Дорогие товарищи!

Отвечая на ваше письмо, хотим поделиться своей радостью: призыв, опубликованный нами в газетах, не стал гласом вопиющего в пустыне, но нашел уши слышащие. Письма, полученные от различных организаций из разных городов, наполнили сердца наши радостью, ибо идея возрождения нашего национального языка в качестве разговорного нашла последователей во всех общинах рассеяния, в дальних городах и «темных углах». Насколько важны национальные и педагогические идеи этого движения, насколько велико его влияние в деле распространения нашего языка и литературы, свидетельствуют многочисленные письма, которые мы получаем от различных организаций. Практически каждая группа, помимо колоссальных усилий, направляемых на достижение главной цели — распространения языка, занимается множеством других дел, имеющих прямое или опосредованное отношение к нашему языку. Организация праздников иврита и литературных балов, регулярные чтения, беседы и диспуты — все это очень важные вещи, в отношении которых невозможно заранее оценить, сколь велико будет их влияние на развитие нашего языка и литературы. Если благодаря нашему призыву мы сможем слегка подтолкнуть это дело и сумеем добавить немного света и надежды в жизнь этих организаций, это станет нашим большим успехом. Мы будем вправе считать себя счастливыми, если сможем это сделать!

³⁴⁴ «Тромпетель» — от французского trompette — трубач, а в переносном значении — сплетник, болтун.

³⁴⁵ «Прогрессивные хедеры» — созданные по инициативе сионистов начальные школы, где, помимо традиционных религиозных предметов, изучали иврит, еврейскую историю и литературу, географию Страны Израиля и т. д. — *Прим. пер.*

³⁴⁶ «Цеирей-Цион» (иврит) — «Молодежь Сиона» — сионистское рабочее движение умеренно социалистического толка, действовавшее преимущественно в России. — *Прим. пер.*

³⁴⁷ 1834 г. от разрушения Второго храма, т. е. 1904 г. — *Прим. пер.*

Что касается вашей организации «Доврей-иврит» в Слуцке, мы видим, что вы много работаете ради нашей идеи, проводя интересные и разнообразные мероприятия. Такие вещи бесценны, и всякий умножающий усилия достоин похвалы³⁴⁸. Тем не менее все зависит от обстоятельств времени и места: с учетом ваших возможностей и условий вашего маленького городка вы сделали очень много, и мы говорим вам: хорошо поработали!

С удовольствием ответим на все ваши вопросы. Положение нашей организации достаточно неплохо. Несколько товарищей ушли, однако, с другой стороны, практически на каждое собрание приходят новые люди. Постоянных участников около тридцати, иногда чуть больше, иногда чуть меньше. На собраниях происходит следующее.

1. Обзор текущих событий, в той или иной степени касающихся еврейского народа (по газетам).
2. Что-нибудь интересное из публицистики или беллетристики.
3. Лекция кого-либо из товарищей о каком-либо современном вопросе.

В первой части, после зачтения протоколов прошлого собрания, мы обсуждаем новости или кто-то делает обзор недельной хроники. Затем объявляем перерыв, который весьма полезен тем, кто не может или не осмеливается говорить публично, поскольку в перерыве происходят частные беседы, не требующие особых талантов. После него кто-нибудь из товарищей читает какой-нибудь рассказ, статью или что-то в этом роде. Третья часть начинается диспутом. По правде говоря, в этом деле наша группа весьма преуспела. Все темы обсуждаются искренне и серьезно. Что касается чтений, мы затрагиваем самые разные вопросы: личные и национальные, нравственные и эстетические. Любой вопрос разбирается до полного выяснения. Диспуты проходят самым культурным образом — вопреки «старинному еврейскому обычаю», никто не перебивает оратора. В целом наши собрания оставляют очень приятное впечатление.

От внешних характеристик нашей группы перейдем к внутренним, основополагающим. Чтобы дать вам некоторое представление о природе нашей группы и ее основных стремлениях, приведем несколько статей из устава нашей организации.

1. Цель организации «Софо хайо»³⁴⁹ — углубление знания нашего языка как разговорного, живого, а также углубление знания нашей литературы (ст. 1, п. 2).
2. Это означает, что организация... будет стараться найти учителей для всех проявляющих интерес к изучению нашего языка... Организация поддерживает отношения со всеми ивритоговорящими организациями (ст. 2, 4, 5).
3. Членом организации может стать любой мужчина и любая женщина восемнадцати лет и старше, если они согласны с ее уставом... Новые члены принимаются по рекомендации двух членов, после того как они участвовали, по меньшей мере, в двух собраниях (ст. 3, п. 2).
4. Любой мужчина и любая женщина имеют право бывать на собраниях и участвовать в диспутах (ст. 6, п. 1).
5. Организация выбирает директора, секретаря и казначея сроком на полгода (ст. 7, п. 1).

³⁴⁸ Парафраз слов пасхальной Агады. — Прим. пер.

³⁴⁹ «Софо хайо» (иврит) — «Живой язык».

Письмо 2

Слуцк, Минская губерния (Россия)
23 ова, 1835 год нашего изгнания

Съезду «Доврей-иврит» в Базеле — шалом.

Члены организации «Доврей-иврит» понимают огромную важность создания общего центра, который объединит все организации, ставящие своей целью возрождение иврита в качестве разговорного и письменного языка. К величайшему нашему сожалению, мы не смогли послать на конгресс своего делегата. Поэтому мы хотим:

1. Чтобы съезд зарегистрировал нашу организацию в числе других организаций, присоединившихся к центру.
2. Дать некоторое представление о нашей организации и ее деятельности.
3. Высказать свое мнение по нескольким вопросам, касающимся возрождения языка.

Наша организация существует около двух лет. Ее цель — распространение иврита в качестве живого разговорного языка среди жителей нашего города. Она насчитывает тридцать членов: двадцать шесть мужчин и четырех женщин.

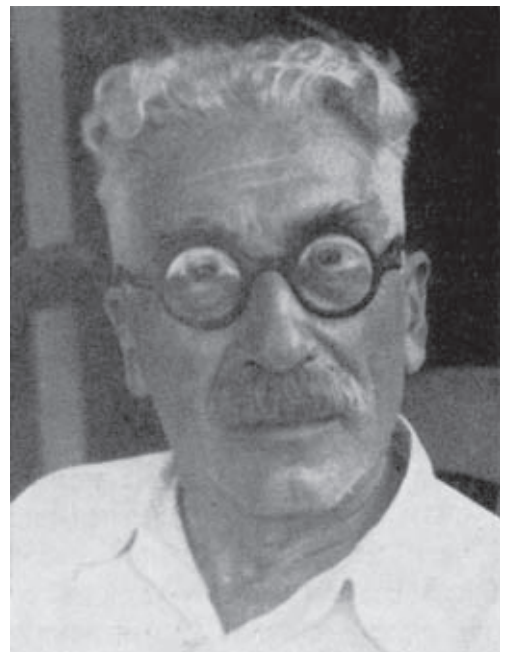
Деятельность организации

1. Собрания проходят раз в неделю. Собрания посвящены: 1) современным событиям, прямо или косвенно касающимся еврейской жизни; 2) лекциям членов организации по вопросам сионизма, литературы или публицистики; 3) лекциям по истории нашего народа.
2. Создание групп для изучения языка. Более сорока мальчиков и девочек из бедных семей в учебных группах, созданных нашей организацией.
3. Организация еврейских (ивритских) литературных балов.

Влияние нашей организации

1. Члены нашей организации убедили студентов йешивы говорить между собой на иврите.

Авром Мирский

2. В сионистских заведениях — например, в библиотеке и в кафе — постоянно звучат разговоры на иврите.
3. Члены организации произносят речи на иврите на всех сионистских балах и праздниках.
4. Литературные балы, устраиваемые нашей организацией, способствуют распространению иврита и зажгли любовь к нашему языку в сердцах множества людей.

Варианты возрождения языка

Двухлетний опыт, накопленный нами в нашем «темном углу», позволяет надеяться, что возрождение языка вполне возможно. Что же касается наиболее экстренных и эффективных мер, то конгресс должен обратить внимание на следующее.

1. Обязать всех членов говорить на иврите обо всех своих повседневных делах.
2. Привлечь в учебные группы женщин и девушек или создать для них отдельные классы, чтобы матери растили следующее поколение на иврите.

В заключение мы приветствуем первый съезд «Доврей-иврит» и желаем ему успехов во всех начинаниях, чтобы он сумел создать объединяющий центр для дальнейшей плодотворной работы.

С еврейским приветом.

Письмо 3

Отрывок из письма А. Эпштейна Дуброву.

Екатеринослав, 12 марта 1904 г.

Брат мой Дубров!

Господин Циркель, который доставит тебе это письмо, — уроженец Слуцка, последние два года живущий в Екатеринославе. Все это время он участвовал в местной сионистской работе и вступил в «Поалей-Цион». Не знаю, есть ли такая организация в нашем городе — благодаря твоей привычке держать рот на замке. Тем не менее А. Мирский в своем последнем письме из Слуцка намекнул мне, что подобная организация есть и в Слуцке. Если ты состоишь в ней, то можешь присоединить господина Циркеля к этой ячейке, и он будет тебе очень полезен, поскольку в таких делах у него есть немалый опыт. В любом случае, постарайся приблизить его к себе и к местным сионистам.

В заключение — наши наилучшие пожелания первому конгрессу «Доврей-иврит», чтобы он преуспел во всех своих всех начинаниях и сумел создать объединяющий центр для дальнейшей плодотворной работы.

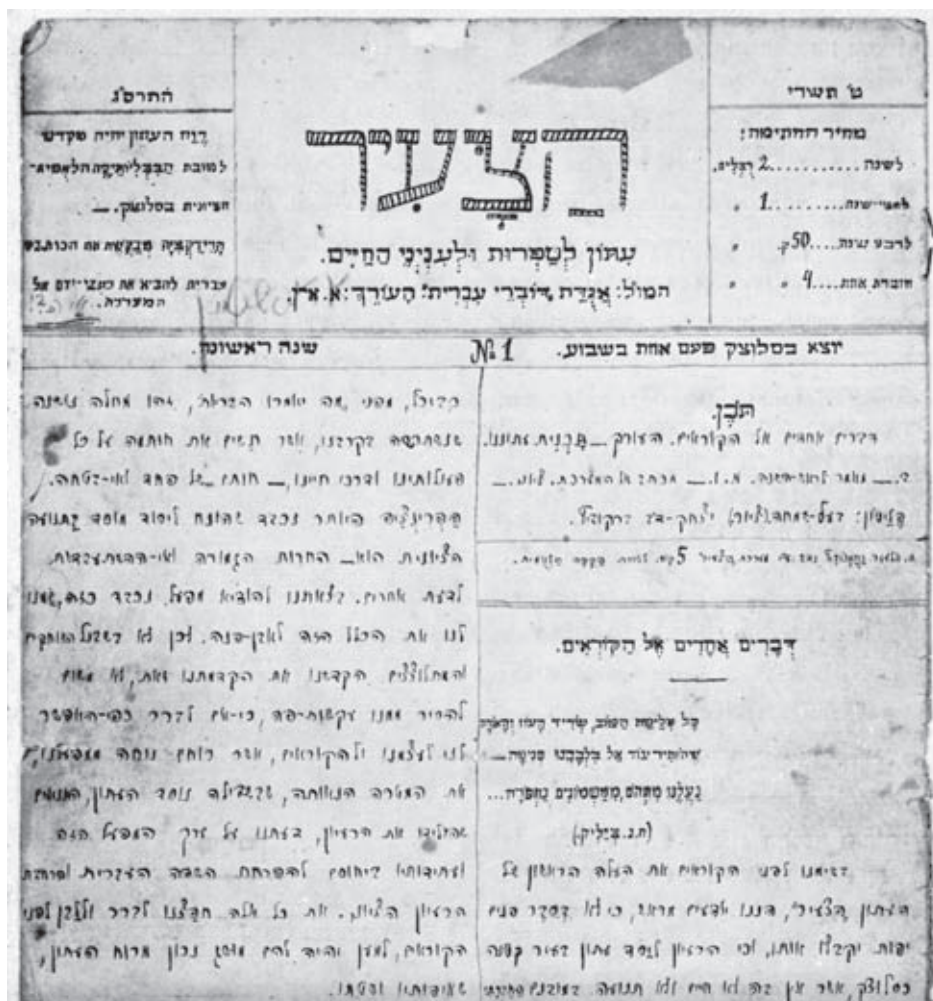
С еврейским приветом.

Письмо 4

Брат мой и друг!

Твое письмо я получил сегодня, когда уже заклеил свое письмо тебе и собирался нести его на почту. Поэтому можешь себе представить, как я

Газета «Га-Цаир»

был счастлив, получив его. Я перечитывал его снова и снова, каждый раз наслаждаясь им все больше и больше.

Беркович, своими мягкими теплыми речами ты совершенно покори́л мое сердце и превратил мой гнев в любовь. Волшебство на устах твоих, Беркович, и я неизменно с наслаждением читаю твои письма.

Все новости, которые ты мне сообщил, очень меня порадовали. Я вижу, что в нашем лагере есть жизнь и движение, работа и действие. Особенно меня радует, что ваша небольшая организация создана под контролем Елина. Как видно из твоего письма, «Доврей-иврит» ширится и процветает. Я тоже вступил в организацию «Софо хайо», и ныне я один из самых преданных и влиятельных ее членов. Кроме того, здесь меня ожидает славное будущее, поскольку председатель внес мое имя в список кандидатов на пост секретаря. (Кстати, почему ты не идешь на контакт с местной организацией «Софо хайо», о которой я писал тебе уже неоднократно?) На следующей неделе на собрании я сообщу всем членам организации обо всех новостях и происшествиях в нашем городе Слуцке, о происходящем в чайной и о празднике «Все для всех».

Главным редактором (автором передовиц) было Авром Эпштейн, которому было примерно двадцать пять лет. Редактором, директором и копиервальщиком был И.-Д. Беркович, которому исполнилось шестнадцать. Мееру Ваксману, автору новогодней статьи, было около девятнадцати. Статью

Главным редактором (автором передовиц) был Авром Эпштейн, которому было примерно двадцать пять лет.

«отредактировал» (сократил, поскольку она оказалась слишком длинной) «директор-редактор».

Этот первый номер был выпущен в одном экземпляре, который давали почитать посетителям слуцкой сионистской библиотеки, также организованной издателями газеты. Впоследствии были выпущены еще два номера, напечатанные на гектографе тиражом в несколько десятков экземпляров. Однако все они были сожжены из страха перед слуцким жандармом, грозившим обыском хозяевам дома, где по ночам печаталась газета. (В том же доме жил учитель Гилел Дубров, так что его квартира служила «редакцией» и «типографией» газеты.)

Учитель Белкинд из Страны Израиля, один из первых халуцим, живет сейчас в Екатеринославе. В среду он прочел в «Софо хайо» лекцию о сельскохозяйственной школе, которая готовит не агрономов, но простых еврейских крестьян, и которую он хочет создать в Эрец-Исраэль. Разумеется, он говорил на иврите. В его устах наш язык живет в полном смысле этого слова, но он говорит с сефардским произношением. По его словам, так говорят во всех поселениях Страны Израиля. Тем не менее понять его совсем нетрудно.

Что касается читальни, я считаю правильным посоветовать вам подписаться на дополнительные газеты и журналы. Почитать газеты придут многие, и я уверен, что доход, который это принесет, намного превысит расходы. В целом мне кажется, что в нашей библиотеке нет жизни и она находится на грани краха. У Дуброва есть склонность приобретать старые рваные книги. Разве у нас есть полноценная «ивритская библиотека»? Я в этом сильно сомневаюсь. Необходимо использовать все имеющиеся возможности для приобретения недостающих книг и собрать их вместе, чтобы у нас были полные серии. Также необходимо завести в библиотеке специальный журнал, куда читатели станут вписывать названия книг, которые они просят купить. Необходимо подписаться на некоторые русские издания вроде «Знания», тогда вам дадут скидку.

Как только я получу «Га-Цаир»³⁵⁰, сразу же пошлю вам письмо и статью.

Мирский не заходит ко мне вот уже неделю. Не могу ждать, пока он зайдет и тоже напишет, — я жду письма.

Привет. Еще увидимся.

Твой брат Авром.

В его устах наш язык живет в полном смысле этого слова, но он говорит с сефардским произношением. По его словам, так говорят во всех поселениях Страны Израиля.

Письмо 5

Письмо И.-Д. Берковича организации «Доврей-иврит», Слуцк.

Лодзь, 10 июля, 1835 год нашего изгнания (1904).

Моим братьям Гилелу, Лейбу и Аврому!³⁵¹

Я пишу это письмо не ради вас и не ради ваших поступков, поскольку вы этого недостойны. Когда занавес поднялся, я был потрясен, увидев то, что находится «за занавесом» и «за кулисами». Однако я продолжал стоять,

³⁵⁰ Цаир (иврит) — букв. «молодой»; сведения об издании не сохранились.

³⁵¹ Гилел Дубров, Лейб Садовский и Авром Эпштейн, сын Йехиэла, брата Аврома Эпштейна-старшего. — Прим. пер.

пока от долгого стояния не затекли ноги. И тогда я решил не полагаться на лживые обещания, и решил, что должен оставить всякие мысли о «братстве» с моими лицемерными братьями. Я пишу это письмо не для того, чтобы воскресить забытое братство и вернуть прежнюю дружбу, но потому, что мы остаемся идейными братьями, и новые идеи, которые мы вместе привнесли в нашу общую идеологию, побуждают меня написать то, что я сейчас пишу. Эти новые идеи повлияли на меня так сильно, что я не могу удержаться, чтобы не говорить о них буквально с каждым. Здесь, в Лодзи, я пока не нашел таких же идейных братьев, чьи взгляды и мнения о национальном движении столь же ясны и понятны мне, как ваши. С местными знакомыми сионистами я могу лишь касаться этих вопросов, но не обсуждать их по сути. И это причиняет мне жестокие страдания, заражает меня сомнениями и иссушает мой мозг. Да, братья! Шестой сионистский конгресс заставил меня написать вам это письмо.

Эрец-Исраэль или Восточная Африка? Когда я получил эту новость³⁵², она не произвела на меня такого впечатления, какое должна была произвести на каждого еврея-сиониста. Она оказалась такой неожиданной и невинной, что я не понимал, как на нее реагировать. Тогда мне показалось, что это не было сказано исключительно ради декларации. Однако ныне, когда эта идея приобрела более явственные очертания, я размышляю о ней целыми днями и чувствую оскорбление, какой-то урон, нанесенный нашим национальным чувствам. Что это Бог сделал с нами? Неужели воплощением наших идеалов, наших национальных стремлений станет какая-то страна в Восточной Африке, о которой прежде мы даже не слышали, куда наша нога никогда не ступала, с которой у нас нет решительно никакой связи? Вы слышите: НИКАКОЙ СВЯЗИ! Ни в том смысле, что мы жили там сотни лет, ни в смысле надежд и ожиданий, теплившихся в наших сердцах на протяжении двух тысяч лет. Никакой тоски или древних воспоминаний, ни души, ни духа. Неужели мы должны променять свою землю, Страну Израиля, на страну, которой до недавнего времени не знали ни мы, ни отцы наши? Там нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее; ни постоянного жилища, ни надежного долговечного убежища для гонимого и рассеянного народа, но лишь временная гостиница, ночной лагерь. Братья! Сколько горечи и насмешек ожидает нас на этом пути! Неужели ради этой гостиницы мы отдавали свою душу? Неужели это то, чего мы ждали с того дня, когда были изгнанными? Неужели это та самая надежда, которая «еще не пропала»³⁵³?

Я хорошо понимаю, братья, психологию русских делегатов, для которых их политическое еврейство важнее еврейского государства³⁵⁴. Когда я прочел в газетах, что после принятия резолюции многие из них плакали, мое сердце тоже истекало слезами. Вместо того, чтобы петь «Еще не пропала...», мне хотелось плакать и причитать: «Как сухая трава...»³⁵⁵ «Сухая трава» — это народ, у которого не осталось сил терпеть и ждать дольше семи лет. «Сухая трава» — это народ, у которого кончилось терпение, чьи силы иссякли,

Там нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее; ни постоянного жилища, ни надежного долговечного убежища для гонимого и рассеянного народа, но лишь временная гостиница, ночной лагерь.

³⁵² Шестой сионистский конгресс принял предложенную Герцлем резолюцию о создании еврейских поселений в Уганде. Это решение вызвало резкий протест части сионистов, прежде всего российских. — Прим. пер.

³⁵³ Слова из песни «Га-Тиква» («Надежда»), ставшей неофициальным гимном сионистского движения. — Прим. пер.

³⁵⁴ В оригинале игра слов: *йегадут га-мдинит — мдина йеэудит*. — Прим. пер.

³⁵⁵ Начало стихотворения Хаима-Нахмана Бялика в переводе В. Жаботинского: «Как сухая трава, как поверженный дуб, / Так погиб мой народ — истлевающий труп». — Прим. пер.

а отчаяние возросло. Когда наступает «ночь», он чувствует себя обессиленным, у него нет сил идти дальше. Он падает посреди дороги, где придется, лишь бы отдохнуть, не задумываясь, настоящий ли это отдых или «вечный покой» для его бедной измученной души.

Воистину, этот народ — сухая трава.

Однако из тумана горечи и отчаяния, среди позора и унижения до нас доносится глас народа: мы не поедem в Африку!

Согбенный народ пробудился, встрепенулся и научился протестовать. Мы больше не ждем милостей Святого, благословен Он, как ждали и верили отцы наши. Многие из наших святых отцов, которые до недавнего времени были столпами и опорой иудаизма, предались вместе с нами делам мирским³⁵⁶. Однако обруч, сковывающий нас вместе³⁵⁷, по-прежнему у нас в руках, служа источником нашей еврейской души. И вы приходите и хотите забрать у нас и это? Не отдадим!

Я не знаю, весь ли народ принял африканское предложение с радостью. Но я точно знаю, что оппозиционный дух, царивший среди русских депутатов, стал радостным и ободряющим знаком для всех достойных сионистов в восточных странах³⁵⁸. После Шестого конгресса наша работа должна стать разнообразнее, глубже, шире и многогранней. Необходимо чувствовать большую уверенность в себе; национальную работу следует вести в оппозиционном духе. Таково нынче мое мнение в разгар бури и идейных споров. Я хочу сказать — сейчас, пока все это существует только в теории. Что будет дальше, я не знаю. Я чувствую, что среди множества мыслей, бушующих в моей голове, пока я в страхе и трепете ожидаю реализации решения Шестого конгресса, — я чувствую себя покинутым и обманутым.

После Шестого конгресса наша работа должна стать разнообразнее, глубже, шире и многогранней.

---

³⁵⁶ То есть занялись конкретной практической сионистской работой. — Прим. пер.

³⁵⁷ Дословно — «окружающее нас кольцо». Автор имеет в виду национальные чувства, корнящиеся прежде всего в религиозной еврейской традиции с ее тоской и мечтой о Сионе. — Прим. пер.

³⁵⁸ То есть в Восточной Европе. На раннем этапе сионистского движения имели место определенная напряженность и недопонимание между западно- и восточноевропейскими сионистами. — Прим. пер.

Группа халудим
в Варшаве по дороге
в Эрец-Исраэль, 1921.

1. Берл Синегубко.
2. Хана Соловейчик-Коген.
3. Шолом Шпилькин.
- 4...
5. Элийогу Альтман.
6. Дов Тирушкин.
7. Шахнович.
- 8-9....
10. Бейла Кацнельсон-Кикоин.
11. Муся Гаркави-Кацнельсон.
12. Биньомин Кацнельсон.
13. Клибанский.
14. Хаим Берлес.
15. Ицхок Левинштейн.
16. Рут Мирская-Голдин.
17. Пейсах Литвак.
18. М. Гиршенберг.
- 19...
20. Ципора Леховер-Берлес.
21. Йосеф Динстман.
22. Мирьям Дук-Гивас.
23. Цви Гринфельд.
24. Садэ.
25. Рубенчик.
26. Розенцвайг.
27. Шифман.
28. Арье бен Мойше Шапиро.
29. Хана Файерштейн-Гендель.
30. Дина Каплан-Копелев.
31. Сора Цадик.
38. Сора Смиятицкая-Винсон.
39. Загава (Голда) Бергер-Штерн.
40. Эстер Гальперин-Шнеерсон.
41. Гоз.
42. Фаня Стамбульчик.
43. Йозл Бирг.
- 44...
45. Губерман.
46. Мойше Фогель

А вы, братья, что вы об этом думаете? Я очень, очень хочу, чтобы каждый из вас написал мне об этом. Я требую, чтобы вы сообщили мне, как в Слуцке приняли эту новость и каково положение в целом и у нас, в частности. Был ли [на конгрессе] делегат от нашей организации, ответили ли «Доврей-иврит» на призыв федерации «Иврия»³⁵⁹? Возникли ли трудности у кафе и читальни после получения циркуляра министра внутренних дел? В общем, докажите мне, впервые после моего отъезда, что вы живы и работаете!

Здесь, в Лодзи, я больше не принадлежу к сионистской организации, но держусь рядом. Дело в том, что летом я жил за городом и не мог участвовать ни в какой сионистской работе. Что будет зимой, пока не знаю. В настоящий момент вместе с несколькими другими сионистами я пытаюсь создать новую организацию для любителей разговорного иврита и литературы на этом языке. Не все сионисты поддержали эту идею, поскольку в противном случае мы смогли бы открыть клуб говорящих на иврите, как советовал Эпштейн. Не знаю, стал ли я «жителем Лодзи». Возможно, в один прекрасный день я расправлю крылья и улечу.

Пожалуйста, сообщите мне, что написал вам Эпштейн из Екатеринослава, поскольку я давно не получал от него писем.

Спешу закончить это письмо просьбой, чтобы вы «препоясали чресла» и ответили мне незамедлительно. Если вы и сейчас проявите упрямство и не ответите — горе, горе вам!

С еврейским приветом,
ваш брат Ицхок-Дов.

Привет Мееру Ваксману. Это письмо предназначено и для него. Попросите его, чтобы он мне написал.

ИЗ ПРОШЛЫХ ВРЕМЕН

Проф. М. Ваксман

Человеку, покинувшему свой родной город пятьдесят пять лет назад — причем на эти годы выпали колоссальные изменения в жизни всего человечества, еврейского народа и самого автора этих строк, — очень трудно покинуть настоящее, вернуться в прошлое и вспомнить свою юность в тихом Слуцке, маленьком городе в белорусской глуши. Однако бывают такие минуты, когда бессознательно, без всякой мысли, из глубины души всплывают воспоминания и картины той прежней жизни, заставляющие грустить о временах, которые прошли безвозвратно, и о мире, которого не стало. Несколькими из этих картин из жизни города я хотел бы поделиться с читателями. Речь пойдет о восьми последних годах моего пребывания в Слуцке, которые пришлось на конец XIX — начало XX в.

Хотя в Слуцке жило не так уж много евреев, местная община играла заметную роль в еврейской жизни Польши и России. Еще в XVIII в. она стала пятым членом Совета Литвы — органа, контролировавшего общественную

³⁵⁹ «Иврия» (иврит) — Федерация языка иврит, основанная в 1907 г. на Гаагской конференции как объединение организаций по распространению иврита и культуры на нем.

и культурную жизнь литовского еврейства. Этой чести община удостоилась благодаря своей преданности изучению Торы и уважению к знатокам ее, что создало ей определенную репутацию в еврейском мире. Руководство общины старалось, чтобы городскими раввинами непременно становились подлинными знатоки Торы. Среди тех, кто занимал этот пост в первые семьдесят лет XIX столетия, были раби Йосеф Пеймер, ученик раби Хаима из Воложина, и раби Йосеф-Дов Соловейчик, некоторое время бывший одним из руководителей знаменитой Воложинской йешивы.

Слуцк был известен своим противостоянием хасидизму. Я до сих пор помню присказку, которую в те времена повторяли многие: Мошиах придет, когда в Слуцке появится хотя бы одна маленькая хасидская молельня, пусть даже в ней будет только один миньян. Не знаю, кто придумал эту присказку, — сторонники хасидизма, считавшие, что появление такого миньяна приблизит приход Мошиаха, или его противники, считавшие, что такое чудо может произойти только в эпоху Мошиаха. Однако, как бы то ни было, она наглядно свидетельствовала, что хасидизм не играл никакой роли в жизни слущкой общины. Вместо этого в город уже на раннем этапе своего развития проникла Гаскала. В числе ее приверженцев оказался даже сын раби Пеймера, который уехал в Германию, сменил имя и стал одним из самых известных исследователей в области иудаики. Он написал несколько книг на иврите, имевших большую научную ценность, в том числе новый словарь. Впоследствии он вернулся в Слуцк, где и скончался в 1860 году.

Оба этих фактора, религия и Гаскала, ярко проявлялись в годы моей юности в жизни слущкой общины. В девятые годы XIX в. в городе было множество так называемых малых йешив, где учились большинство сыновей местных жителей. Многие из них приобретали обширные и глубокие познания в Талмуде и поступали в самые известные йешивы: Воложина, Мира или Слободки. Некоторые становились раввинами и занимали «кафедры» в престижных еврейских общинах. Отдельные слущкие евреи вошли в число «гдолей-Тора»³⁶⁰, например, раби Борух-Бер Лейбович, который в двадцатых годах нашего столетия³⁶¹ возглавлял йешиву в Слободке, а позже создал престижную йешиву в городе Каменце-Литовском. Многие слущкие знатоки Торы стали раввинами в крупных американских городах.

Помню, когда я был маленьким, на синагогальном дворе (площади, окруженной со всех сторон синагогами и молельнями) объявили, что после 15 ова, когда ночи станут длиннее, в синагогах зазвучит голос Торы. Мы с друзьями заходили по ночам в эти синагоги — Большой дом учения, молельню, Синагогу портных и т. д., чтобы насладиться напевом³⁶⁵ йешиботников и юношей, с головой ушедших в учение.

Тогдашний слущкий раввин раби Яков-Довид, автор комментариев к Иерусалимскому Талмуду, не довольствовался местными йешивами и старался (и преуспел) переманить в Слуцк часть йешивы «Слободка» вместе с главой йешивы раби Исером-Залменом Мельцером. В результате в городе появилась одна из самых больших и престижных йешив России.

Группа йешиботников в Мире, 1924. Среди них есть несколько земляков.

Первый ряд, сидят (справа налево): Хаим Высокер из Кобрин, Зуша Тирушкин из Старобина, Исроэл Сендеровский из Дятлово, Йосеф Вейс из Хомска, Гершон из Дятлово, Йосеф из Кобрин, Лейб Гуревич из Малеча³⁶².

Второй ряд: Рувен Росин (Любань), Довид из Черкасс, Яков Янкелевич (Дятлово). Шлойме Генахович (Барановичи), Шлойме Пинчук (Хомск).

Третий ряд: Герцл Домнич и Ицхок-Хаим Краснич (Старобин), Шлойме из Воложина, Берл из Румшишкеса³⁶³, Мойше Шашкес из Тиктина³⁶⁴, Цви-Гирш Цирин (Старобин) и Мордхе Карпеншпрунг (Кобрин)

³⁶⁰ *Гдолей-Тора* (иврит) — величайшие знатоки Торы.

³⁶¹ То есть XX в.

³⁶² Малеч — местечко, ныне — агрогородок в Березовском районе Брестской обл.

³⁶³ Румшишкес — город в Литве, в 20 км к востоку от Каунаса.

³⁶⁴ Тиктин — еврейское название г. Тыкоцин в Подляском воеводстве в Польше.

³⁶⁵ У евреев принято учить Тору и Талмуд вслух, вполголоса напевая изучаемый текст с традиционными интонациями. — *Прим. пер.*

В то же время ветры Гаскалы веяли в эти годы все сильнее и сильнее. Все больше евреев стремились получить светское образование, от которого была бы практическая польза, то есть приобрести «ученую» специальность и стать, например, врачами. Некоторые, впрочем, просто хотели поступить в университет.

Они пользовались предоставленным им правом заниматься самостоятельно и сдавать экзамены в гимназии. В результате в Слуцке появилось множество выпускников йешив, учившихся в гимназии экстерном.

Когда в городе открылась гимназия, куда принимали и евреев, она была доступна немногим — лишь городским богачам было по карману платить за гимназическое обучение. Что же было делать обладателям более скромных доходов, не говоря уже о бедняках? Они пользовались предоставленным им правом заниматься самостоятельно и сдавать экзамены в гимназии. В результате в Слуцке появилось множество выпускников йешив, учившихся в гимназии экстерном. К ним присоединились девушки, которые тоже надеялись поступить в университет и изучать там фармацевтику, зубо-врачебное дело или стать дипломированными акушерками. Прошло немного времени, и в Слуцке появились кружки экстернов обоего пола, образовавших прослойку молодой еврейской интеллигенции. Она росла за счет юношей и девушек из окрестных местечек. Даже крестьяне устремились в уездный город, чтобы учиться.

Стремление к светскому образованию не подавило дух собственно еврейского Просвещения, которому в те годы тоже нашлось место в Слуцке. Многие местные юноши еще в детстве полюбили иврит и литературу на нем. Этот интерес многократно усилился с появлением сионистского движения, участники которого были и в Слуцке. Публичных библиотек, в том числе с книгами на иврите, в Слуцке тогда еще не было. Однако нашлись два еврея, книготорговец и учитель (у которого был не то хедер, не то школа), которые покупали для себя ивритские книги и за плату в не-

сколько копеек давали всем желающим почитать их на несколько дней. Спрос, однако, намного превосходил предложение.

Были в городе юноши, мечтавшие стать писателями или о том, чтобы изучать иудаику в каком-нибудь заграничном университете. Среди них были два выходца из богатых семей. Один из них, сын Симховича, близкий к кругам еврейских просветителей Галиции, породнился с влиятельным слуцким семейством, упомянутым в воспоминаниях Менделе Мойхер-Сфорима. В качестве общественного деятеля он был известен и за пределами Слуцка. Правительство приглашало его для участия в различных комиссиях, занимавшихся еврейскими делами. Другой был сыном ростовщика, получившим, однако, всестороннее еврейское образование. Обоим удалось осуществить свою мечту. Первый — это д-р Яков-Нафтоли-Герц Симхони (Симхович), историк и исследователь еврейской литературы. Второй — д-р Файвл Лифшиц, уехавший в Германию, занявшийся изучением экономики и прославившийся экономическими статьями, опубликованными в журнале «Га-Шилоах».

Значительная часть моих воспоминаний связана с влиянием сионистского движения на духовную жизнь моего родного Слуцка. Насколько мне известно, в городе было несколько человек, состоявших в «Ховевей-Цион» с момента возникновения этого движения. Один из них, Зеэв Глускин, был членом одесского комитета, и его имя многократно упоминается в отчетах о деятельности комитета. И хотя речь шла об отдельных лицах, не объединившихся в какую-либо организацию, возникновение сионистского движения и впечатление, которое она произвела в еврейском мире, повлияли и на жителей Слуцка.

Не могу вспомнить точно, но мне кажется, что в 1899 году в Слуцке уже была сионистская организация, насчитывавшая более ста членов, а возможно, и значительно больше. Среди них оказалось немало интеллигентов и обладателей свободных профессий. Председателем выбрали присяжного поверенного. Официальным языком заседаний был русский, однако, разумеется, участники могли спорить и на идише. Иврит тоже не был забыт: организация назначила двух секретарей, русскоязычного и ивритоязычного (последней должности удостоился автор этих строк). Организация оказала влияние на духовную жизнь города, и интерес к сионизму и культуре на иврите значительно возрос.

Прошло совсем немного времени, и сионистская организация с помощью лиц, заинтересованных в еврейской общественной жизни, создала центр сионистской культурной работы. Официально он именовался чайной. Чайная стала местом проведения сионистских собраний, а также заседаний других организаций, заинтересованных в развитии еврейской культурной жизни. При чайной действовала библиотека с книгами на всех трех языках, которыми владели горожане³⁶⁶.

Прошло всего несколько недель после открытия, и в чайной стало не протолкнуться. Одни приходили почитать газеты на разных языках или ивритские книги, другие — просто поговорить или выпить чашечку чаю. Юноши и девушки устраивали здесь собрания, диспуты и лекции. Через некоторое время в чайной зазвучал иврит. В городе возникла организация «Доврей-иврит», которая не только занималась беседами, пропагандой

Прошло совсем немного времени, и сионистская организация с помощью лиц, заинтересованных в еврейской общественной жизни, создала центр сионистской культурной работы.

---

³⁶⁶ То есть на иврите, идише и русском языке. — Прим. пер.

Группа товарищей,
1900.

Справа налево:
Юдис Ратнер, Гилел
Дубров, Йосеф
Лисбрун, Мойше
Чипчин, Стася-Эла
Голдберг

и изучением иврита, но и открыла курсы по изучению языка, где также можно было приобрести обширные и глубокие знания о литературе на нем. Время от времени устраивались ивритские балы, на которых те, кто мечтал стать писателем, получали возможность прочесть публике свои произведения.

Прошло не так много времени, и мечты начали сбываться. Некоторые мечтатели уехали из Слуцка, чтобы попытать счастья в таких литературных центрах, как Варшава или Лодзь. И вскоре все узнали, что рассказ И.-Д. Берковича занял первое место на конкурсе газеты «Га-Цофе». В газетах также появились статьи еще одного лидера городских гебраистов, Аврома Эпштейна. Одни товарищи скучали по уехавшим, другие им завидовали, однако их успех способствовал, прямо или косвенно, пробуждению в Слуцке еврейского национального духа, и многие члены сионистских и ивритских организаций стали проявлять куда больший интерес к ивриту и литературе на нем.

Несмотря на то что официальным языком сионистской организации считался русский, организация неизменно подчеркивала важность иврита. Когда в 1902 году в Минске проходила Вторая всероссийская сионистская конференция, автор этих строк предложил послать ей приветственное письмо на иврите, обравив его рамкой в форме шестиконечной звезды, сделанной из марок «Керен кайемет ле-Израэль», выпущенных лишь за несколько месяцев до этого.

Стоит напомнить о тяжелейших условиях, в которых в начале XX в. велась сионистская работа. Как известно, в России действовало немало нелегальных организаций, и город Слуцк в этом смысле не был исключением. Невозможно было официально провести открытое собрание в каком-либо помещении, поскольку начальство относилось к этому крайне неодобрительно, подозревая что-нибудь крамольное. Собрания, однако, были необходимы. Поэтому приходилось собираться в домах учения, где на столах

Общество поддерживающих и изучающих иврит. Слуцк, 1904.

1. И.-Д. Беркович.
2. Авром бен Мойше-Йехиэл Эпштейн.
3. Алта Блумштейн.
4. Авром бен Кадиш-Дов Эпштейн.
5. Ѓилел Дубров.
6. Д-р Биньомин Островский.
7. Бася Шор.
8. Дов Коѓен.
9. Мойше Кацнельсон (позже — врач и сионистский деятель в Белостоке; погиб в Освенциме).
10. Стася-Эла Голдберг.
11. Шимшон Нахманович.
12. Хана Ратнер.
13. Йеѓуда-Лейб Финкель

лежали раскрытые тома Талмуда, Мишны или Пятикнижия. Если, не дай Бог, входил полицейский или чиновник, он мог видеть, что это никакое не собрание, а просто молодые люди собрались для совместного изучения святых книг. Поэтому много раз случалось, что лекторам и слушателям, сидевшим без шапок, приходилось быстро покрывать голову³⁶⁷.

В заключение расскажу об одном случае, наиболее красноречиво свидетельствующем о всей сложности нашего положения. Летом 1904 года, когда до нас дошла страшная весть о кончине Теодора Ѓерцля, потрясшая всех членов нашей организации, возник вопрос, как устроить траурное мероприятие в память о нашем вожде. Найти место оказалось очень непросто, дата мероприятия переносилась снова и снова. Наконец многочисленные юноши и девушки выбрали середину буднего дня и собрались на кладбище, где произносили с забора надгробные речи, надеясь, что ни один полицейский не заподозрит, что это именно собрание. В числе ораторов был и автор этих строк, а также молодой парень, приехавший из деревни, чтобы учиться и подготовиться к экзаменам в гимназии. Впоследствии Аѓарон Сингаловский прославился как один из основателей и руководителей Всемирного ОРТа³⁶⁸, исполнительным директором которого он был несколько десятилетий.

Таким образом, в последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. Слуцк внес свой вклад в еврейскую литературу, сионизм и общественное движение. Нескольким молодым еврейским мечтателям это помогло осуществить свои чаяния и послужить своему народу.

³⁶⁷ Евреи не учат святыи тексты с непокрытой головой. — *Прим. пер.*

³⁶⁸ ОРТ (Общество ремесленного труда, позже — Общество распространения труда; полное первоначальное название — Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России) — филантропически-просветительская организация по распространению и поощрению среди евреев России квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда. С 1921 г. — Всемирная еврейская просветительская и благотворительная организация. — *Прим. пер.*

ЕВРЕЙСКАЯ САМООБОРОНА В СЛУЦКЕ

III. Менахем

Погромы 1905–1906 годов обошли Слуцк стороной. Тем не менее слуцкие евреи, представители всех партий, были готовы в случае необходимости постоять за себя.

Дружины самообороны были созданы во всех кварталах. В них входили и общие сионисты, и левые сионисты, и бундовцы. Был избран комитет, состоявший из представителей всех групп, начиная с Исроэла Барона, водившего дружбу с начальством, и заканчивая пожарными и бундовцами.

Автор этих строк был одним из членов комитета. Комитетчики по двое обходили дома местных богачей, чтобы убедить их сделать пожертвование на нужды самообороны, по оценке комитета. Многие охотно откликнулись на нашу просьбу и жертвовали щедрой рукой без малейших возражений. Некоторые возражали и даже грозили донести³⁶⁹, но делать этого не стали, поскольку сборщики предупреждали, что трепать языком не стоит.

Моим напарником оказался бундовец. Когда мы зашли к некому М. Г., одному из городских богачей, тот стал грозить нам, говоря, что хорошо запомнил мою шляпу и очки (из чего следовало, что имени моего он не знал). Не исключено, что именно этот визит имел неприятные последствия для меня.

На собранные деньги мы приобрели огнестрельное оружие: несколько десятков пистолетов и большой запас патронов, — которое спрятали под печкой в моей квартире на Заречной улице. Когда мне показалось, что поблизости рыщет сыщик, было решено перепрятать оружие в более надежное место.

Справа на фото:
Рохл Эфрос

Ривка Эфрос

³⁶⁹ Возможно, опасаясь, что под предлогом самообороны у них вымогают деньги на нужды революционных партий или просто ради личной выгоды. — *Прим. пер.*

Это дело взяли на себя наши девушки, которые перенесли оружие в дом Бера Эфроса, богатого вдовца, который ссужал деньги купцам, лавочникам и просто еврейским агентам разных спекулянтов, которые все время входили и выходили из его дома. Это был умный общительный человек, любивший поговорить о мирских делах, настоящий циник на словах и на деле. По дому он расхаживал в одном исподнем и нередко выходил в таком виде на улицу осмотреть свое недвижимое имущество, включавшее многочисленные лавки посреди рынка. Прохожие не удивлялись: в бурные революционные годы остаться без штанов мог каждый — и кредиторы, и должники.

Мы с моим другом Элийоу Чарным бывали у него дома. Я преподавал иврит его дочкам, а Элийоу, человек смысленный и остроумный, считался другом семьи. Педантичный старый вдовец любил беседовать с нами. Его дочери Ривка и Рохл, с которыми мы дружили, давно выросли, и их гардероб увеличивался из года в год. В их огромных платяных шкафах между постельным бельем и грудями тряпок они и спрятали оружие. Никому это не могло прийти в голову, и ни один жандарм никогда бы не догадался, где был устроен наш тайник.

В 1921 году, когда в России свирепствовал голод, Рохл Эфрос умерла от голода в Петрограде. Ривка, уехавшая в Израиль, рассказала мне, что после их отъезда из Слуцка Элийоу Чарный с несколькими девушками перепрятал оружие в другой тайник.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Д-р А. Домнич

Дело было в начале зимы, когда я учился в йешиве раби Нехемьи. Синагога Исерке, где размещалась наша йешива, находилась рядом с большим двором, вокруг которого теснились многочисленные синагоги, молельни и дома учения. Это был центр социальной жизни еврейского Слуцка. Голос Торы доносился из каждой синагоги; в каждой молельне можно было найти юношей, самостоятельно изучавших святыи книги. Это были талмудисты-экстерны, готовившиеся к экзаменам на звание раввина. В йешивы поступали мальчики одиннадцати лет и старше. Большинство из них были уроженцами маленьких местечек в окрестностях Слуцка, но были и те, кто приезжал из Бобруйска, Мозыря и т. д. Все «ели дни», то есть в определенный день недели столовались в определенной семье. Некоторые хозяева могли поселить йешиботника в своей квартире, однако большинство студентов спали на жестких скамьях дома учения.

Как-то прошел слух, что среди студентов йешивы завелся вор. Выяснилось, что у одного из учеников украли подушку и одеяло, у другого пропала продуктовая посылка, у третьего — субботняя рубаха... Мальчики ломали голову, кто бы это мог быть, беспокойство овладело всеми. Как-то после вечерней молитвы в Синагогу Исерке ворвался парень и закричал, что вора схватили около Синагоги мясников. Многие бросились на улицу, я тоже. Мне вспомнились рассказы о крестьянах, которые, поймав вора, били его смертным боем. Мальчики бежали, я за ними. И вот перед моими глазами предстала ужасная картина: на земле лежит парень, которого лупят его

сверстники, а он кричит: «Пощадите! Поощадите!» Я тоже закричал: «Хватит! Оставьте его!» Как ни странно, меня послушались и бить перестали. Вор поднялся, выпрямился, огляделся по сторонам, бросил на своего спасителя взгляд, полный ненависти, и бросился наутек.

Это был уроженец моего местечка Романова, сын кузнеца. Мы вместе учили в хедере алфавит и первые главы Пятикнижия. Тогда ему было семь лет, и к концу недели он никогда не знал свой урок, мне же было всего пять, и я все выучивал наизусть. По приказу учителя я должен был бить товарища по щекам, как это было принято в те времена, а он после этого мне мстил. Возвращаясь из хедера, я с плачем жаловался маме, что сын кузнеца меня побил.

И вот через два года мы снова встретились в Слуцке, и сколько всего изменилось за это время! Я учусь в старшем классе йешивы раби Нехемьи, а он ворует у йешиботников их продукты и убогие пожитки!

Прошло еще семь лет — огромный срок даже для одного человека. Между двенадцатью и девятнадцатью годами с ним происходит множество изменений. Особенно заметны были такие изменения в юношах в годы первой русской революции, чьи отзвуки докатились и до глухих белорусских городов и местечек. В Слуцке и окрестных местечках молодежь пробудилась к действию.

Свое отрочество я провел в Минске, где прожил пять лет. Я был связан с кружками, возникшими на еврейской улице. Меня интересовали сионизм, социализм и их сплав — социалистический сионизм. В итоге я присоединился к «Поалей-Цион» и водил знакомство с бундовцами. Среди них были мои бывшие однокашники по йешиве. Дни и ночи проходили в жарких спорах: что лучше — сионизм или социализм? Иногда одному из спорщиков удавалось переубедить оппонента. Было немало случаев, когда люди переходили из партии в партию, не испытывая никаких угрызений совести. Разумеется, нередко возникали замешательство, путаница, конфликты между идеей и чувством, душевные колебания, порождаемые борьбой двух этих начал. Однако взаимной ненависти, разгоревшейся после революции и превращавшей бывших друзей в заклятых врагов, в то время еще не было.

Приехав в Слуцк в 1905 году, я обнаружил там практически все, что имело место в больших городах, однако в меньшем масштабе: молодежные организации всех партий и фракций с их лозунгами и знаменами. Однако чего-то им не хватало. Вместо святого чистого юношеского идеализма я обнаружил наглость, грубость и отвратительную межпартийную грызню. Вместо идей царили сила и кулак. «Поалей-Цион» сошли со сцены, их партия распалась и исчезла. Их наследниками стали социалисты-сионисты (СС), требовавшие какой-нибудь национальной территории (но не в Стране Израиля) и социализма во всем мире. Территория считалась необходимой для построения социализма и превращения евреев в пролетариев, после чего наступит социалистическое Избавление.

А что бундовцы? Они царили на улице, размахивали флагами, развешивали лозунги и действовали твердой рукой. Бунд превратился в массовую партию. Уже тогда я заметил в них искру презрения к «интеллигентам», этим мечтателям и теоретикам. Я не узнавал своего тихого и скромного Слуцка. На улицах города воцарилось насилие.

В это время по Слуцку прошел слух, что крестьяне из окрестных деревень собираются приехать в город и устроить погром. Рассказывали, что

Меня интересовали сионизм, социализм и их сплав — социалистический сионизм. В итоге я присоединился к «Поалей-Цион» и водил знакомство с бундовцами.

по деревьям шныряют неизвестные личности и подстрекают толпу собраться в базарный день, напасть и пограбить. Решили организовать самооборону. Создали две дружины: Бунд отдельно, социалисты-сионисты отдельно. Будучи противником социалистов-сионистов, я записался к бундовцам. Всем записавшимся было приказано явиться в полночь на тайное собрание в Большую синагогу. Это показалось мне святотатством. Разумеется, она давно перестала быть моим домом учения. Однако пробраться ночью в Большую синагогу для участия в подпольной социалистической сходке — это было мне совсем не по душе.

Тем не менее я пришел. Народа было битком. Оратор за оратором восходили на биму; они произносили речи против самодержавия, полиции и богачей и проклинали сионизм, «мертвую страну» и «мертвый язык». Это была типичная бундовская сходка. О самообороне даже не упоминали. Вдруг в дверь постучали. Парни, поставленные в качестве привратников, приоткрыли дверь, пригляделись, перекинулись с пришедшим парой слов и впустили его. Эти был старший шамес, каким-то образом узнавший о сходке. Потрясенный, он постоял около двери, а затем спросил:

– Что здесь происходит?

– Молчи, не мешай! — закричали ему.

– Я не стану вас слушать! Я здесь главный, а не вы, — отвечал шамес, и губы его дрожали. — Я позову полицию!

Однако, когда он попытался выйти, «стражи» его не выпустили, а, пригрозив пистолетом, усадили на стул и сказали, что, если он будет сидеть тихо, ему не сделают ничего плохого. Шамес все понял и подчинился, проворботав:

– Что делается? Ведь многих из них я знаю. Мальчишки из хороших семей, и вот, они тоже здесь. Пришло новое наглое поколение!

Во время сходки произошла неожиданная вещь. Один из ораторов поднялся на биму с непокрытой головой. Увидев это, шамес вскочил со своего места, словно ужаленный змеей, и закричал:

– Это совершенно недопустимо! Можете меня застрелить, но я не позволю превратить синагогу в церковь!

Началась неразбериха. Возникла реальная угроза, что шум услышат на улице. Два телохранителя предводителя вскочили на биму с палками в руках, чтобы заставить кричавшего замолчать. Один из них замахнулся, чтобы ударить шамеса. В мгновение ока я схватил парня за руку, чтобы помешать ему сделать это. В этот момент главарь бундовцев громовым голосом приказал:

– Опустите палки! Тихо!

Громила опустил палку, взглянул сначала на главаря, а потом на меня. И тут мы узнали друг друга: ну конечно, это был сын кузнеца из Романова, мой товарищ по хедеру. Теперь он стал бундовцем и вооружился крепкой дубинкой, чтобы защищать революцию. Он злобно процедил:

– И ты здесь, гнилой интеллигентишка? погоди, мы еще встретимся.

С тех пор я его не видел.

Таковыми были три наши встречи. Той же зимой я покинул и Слуцк, и Россию и уехал в Америку. Порой я думаю: а если бы мы встретились в четвертый раз, во время Октябрьской революции? Он — вооруженный до зубов всевластный сотрудник ЧК, и я — преследуемый «узник Сиона»,

сидящий в здании ЧК в ожидании новых мучений от рук правителей, осуществивших святую пролетарскую революцию?

Я покрываюсь мурашками всякий раз, когда представляю себе эту четвертую, несостоявшуюся встречу.

«ЦЕИРЕЙ-ЦИОН»

Ноех

Вплоть до 1913 года в Слуцке существовала и действовала организация общих сионистов, во главе которой стоял известный сионистский деятель Лейбуш Гутцайт. Их деятельность сводилась к распространению марок «Керен кайемет ле-Израэль» и акций Колониального банка, размещению в синагогах накануне Йом-Кипера специальных подносов для сбора пожертвований на Страну Израиля (от имени «Ховевей-Цион») и организации балов и лекций национального и сионистского содержания. Поскольку Гутцайт был известен полиции как человек благонадежный и благонамеренный, она не слишком пристально следила за сионистской деятельностью, порой откровенно закрывая на нее глаза.

В числе наиболее известных тогдашних городских сионистов были резник реб Алтер Магаршак, просвещенный еврей, любивший иврит всей душой; учителя Хазанович и Швейдель; Гутцайт и Кан; владельцы больших фармацевтических складов Кармин и Шайкович; Чипчин и Файнберг-старший, владелец мельницы.

Однако в начале 1913 года начинает формироваться новая организация, «Цеирей-Цион». Члены ее наметили для себя следующие направления самостоятельной работы: сблизиться с учащимися средних школ, привлечь их «под крыло» сионизма, создать кружки с ограниченным членством для пропаганды его идеологии, изучения иврита и проведения лекций. Чтобы не привлекать внимания полиции, в каждом таком кружке было не больше пяти-восьми юношей и девушек, которые читали получаемые материалы, обсуждали их и дискутировали. Такая работа шла в городе в разных местах. Штаб-квартирой служил дом Шпилькина на Подвальной улице. Этот дом был буквально пропитан духом иврита и сионизма, в нем словно пребывала

«Цеирей-Цион».
Слуцк, 1914.

1. Мойше Барон.
2. Двойра Эпштейн.
3. Муся Гаркави-Кацнельсон.
4. Неизвестный.
5. Саша Эпштейн.
6. Шмарьягу Барон.
7. Школьник.
8. Неизвестный.
9. Нохем Хинич.
10. Мома Лашувский.
11. Тарасов.
12. З. Радунский

вторая душа³⁷⁰. Реб Бен-Цион Шпилькин, зять известного цадика раби Рефоэла-Йосла, был переписчиком святых текстов. Это был тихий скромный человек, выполнявший обязанности шамеса в Синагоге портных. Его жена была достойной во всех отношениях женщиной.

Их сын Авром-Ицхок был, как и отец, переписчиком святых текстов. Он любил читать, любил уединение и ничем не выделялся. Авром-Ицхок страстно включился в сионистскую деятельность, и его квартира стала центром плодотворной работы. Все бумаги и циркуляры уничтожались немедленно после прочтения. Как-то вечером дом был окружен, и жандармы устроили тщательный обыск. После интенсивного допроса всех задержанных отпустили за полным отсутствием улик.

Полиция пристально следила за нашей деятельностью. Как-то раз в Слуцк приехал Крейнин, посланник «Цеирей-Цион» из Вильны. Чтобы он смог встретиться с большинством молодых членов организации, договорились собраться за городом в фольварке Селки. Около шестидесяти парней и девушек уселись на травке, а в середине круга расположился посланник — молодой человек, говоривший хорошо подвешенным языком, пламенный сионист. Произнеся краткую речь, он предложил программу конкретной практической работы. Тем временем один из товарищей заметил приближавшегося полицейского. Все бумаги были немедленно уничтожены, поэтому, когда появился отряд полиции, никто из участников сходки не испугался. Полицейские начали спрашивать, зачем мы сюда пришли. Им ответили, что сегодня праздник, в честь которого устроили прогулку.

Ответ полицейских не удовлетворил, однако поскольку ничего предосудительного обнаружено не было, все участники сходки были отпущены, и только двоим было предписано в течение некоторого времени отмечаться в полиции.

20 тамуза³⁷¹ в доме Х. Берковича собрались около пятнадцати человек. Одна из девушек продекламировала стихотворение, другие товарищи произнесли краткие речи и зачитали отрывки из произведений Герцля.

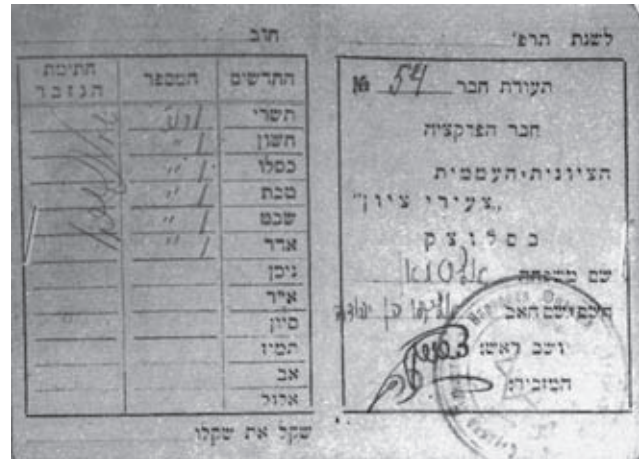

Группа «Цеирей-Цион», Слуцк

³⁷⁰ Аллюзия на вторую «дополнительную» душу, которую, согласно традиции, еврей получает на субботу. — *Прим. пер.*

³⁷¹ Годовщина смерти Теодора Герцля. — *Прим. пер.*

Как-то вечером дом был окружен, и жандармы устроили тщательный обыск. После интенсивного допроса всех задержанных отпустили за полным отсутствием улик.

**Членский билет
«Цеирей-Цион»**

В числе активистов сионистской организации были в то время и дети известного дантиста доктора Эпштейна, дочь Дуня (врач) и сын Саша, петербургский студент, а также Шмерл-Нох Голдберг, Цви Разран³⁷², Хая-Рохл, Х.-М. Апельсон (умер в России), Хинич, Ланда, Муся Гаркави с двумя братьями, Млынский, сын Лейбуша Гутцайта Яша, Габай и Авром Чернихов.

Подпольная работа продолжалась до 1916 года. Приезжали лекторы, читавшие публичные лекции на русском языке на актуальные темы. Среди них были д-р Пасманик, студент Носн Гринблат из Минска, д-р Александр Голдштейн и Быстрицкий (Агмон)³⁷³.

Жизнь в Слуцке, находившемся недалеко от линии фронта и переполненном беженцами, была тяжелой. Многих евреев обвинили в шпионаже. Все это делало людей гораздо более восприимчивыми к сионистским и национальным идеям.

Многочисленные еврейские солдаты, оказавшиеся на фронте, страстно желали услышать ивритскую речь или лекцию. Хотя темы выбирались исключительно литературные, они давали выход тоске по тайному, скрытому от чужих. Подобные настроения в полной мере проявились с началом революции, свергнувшей самодержавие.

Во время первой манифестации, в которой приняли участие члены «Цеирей-Цион», в центре группы шел какой-то солдат, который нес огромный бело-голубой флаг и размахивал им. На флаге на русском языке и на иврите было написано: «Земля и воля».

После того как Слуцк был занят немцами, состоялось общее собрание «Цеирей-Цион». Среди германских солдат были еврей-сионисты, мечтавшие об освобождении Сиона. Порой, впрочем, нужно было проявлять осторожность и проверять, не является ли солдат шпионом.

³⁷² Разран Цви (Грегори; 1901, Чаплицы Слуцкого уезда — 1973, Нью-Йорк) — американский психолог и исследователь в области психологии влияния, переводчик. В 1913–1915 гг. учился в слуцкой йешиве. — *Прим. пер.*

³⁷³ Даниил Самойлович Пасманик (1869, Гадяч — 1930, Париж) — публицист и общественный деятель, врач, приват-доцент медицинского факультета Женевского университета (1899–1905), деятель сионистского движения. Носн Гринблат (Горен, 1887, Видзы — 1956, Тель-Авив) — израильский писатель, журналист, литературный критик, педагог. Д-р Александр Голдштейн (1884, Минск — 1949, Тель-Авив) — общественный деятель, публицист, популярный лектор-сионист. Носн Агмон (ур. Быстрицкий; 1896, Звенигородка — 1980, Израиль) — израильский писатель, драматург, переводчик, редактор и литературный критик. — *Прим. пер.*

В числе тогдашних активистов следует назвать Ланду, Шпилькина, Чипчина, братьев Гаркави, сына Гутцайта Йосю, Габая (который был пламенным сионистом), Мусю Гаркави, Абрама Чернихова, А.-И. Нозика и Альтмана.

В 1919 году, с приходом поляков, новая власть резко ограничила деятельность всех, кто работал на ниве сионизма. Тем не менее в Слуцке открылась школа «Гарбут»³⁷⁴. В помещении школы проходили различные собрания. Проводились мероприятия, на которые каждый раз получали специальное разрешение. В 1920 году группе молодежи удалось покинуть Слуцк и уехать в Эрец-Исраэль.

После подписания Рижского мирного договора³⁷⁵ поляки ушли из Слуцка. До их ухода многие члены «Цеирей-Цион» успели уехать в Польшу. Часть из них продолжили оттуда путь в Страну Израиля, другие — в Америку.

«Цеирей-Цион»
в Слуцке, 1917.

Первый ряд (на полу, справа налево):

Шолом Шпилькин, Элийогу Альтман, Дов Шефтель, Ашка Лев

Второй ряд (сидят):

Эрнбойм, Авром Черников, Авром-Ицхок Шпилькин, Мордхе Малинский, Мойше Гаркави, Мотя Пеймер-Меламед

Третий ряд (стоят):

Липа-Йом-Тов Габай, Эстер-Рохл Тарасов, Муся Гаркави-Кацнельсон, неизвестный, Хаим-Мойше Апельсон, Исроэл-Ноех Голдберг, Довид Неймарк, Шмарьягу Барон, Фаня Крепах

³⁷⁴ «Гарбут» (иврит) — «Культура» — еврейская просветительско-культурная организация, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами в Польше, Литве, Румынии и Болгарии была создана сеть образовательных учреждений с преподаванием на иврите. — *Прим. пер.*

³⁷⁵ Договор между РСФСР, УССР, БССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. Подписан 18 марта 1921 г. в Риге, что положило конец советско-польской войне 1919–1920 гг. — *Прим. пер.*

СИОНИСТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПОДПОЛЬЕ

Ц. Га-Гивати (Хазанович)

Слуцк славился высококачественными фруктами. Летом город утопал в зелени, осенью и весной — в грязи, зимой — в снегу. Большинство его населения составляли евреи. Слуцк был известен своим «прогрессивным хедером», раввинами, а также йешивой, где училось множество студентов из окрестных местечек и даже из дальних мест. Это был город, в котором еврейская общественная жизнь была ключом.

После Февральской и в начале Октябрьской революции в городе активно действовали сионистские партии: «Цеирей-Цион», общие сионисты, «Полей-Цион»... С сионизмом боролась партия Бунд, однако сионистский дух в Слуцке был очень силен и покорял сердца, причем не только взрослых, но и молодежи, и подростков.

Это были славные дни сионистского движения, которое ширилось и процветало. Все запреты и ограничения, касавшиеся евреев: процентная норма в школах, черта оседлости и др. — были отменены, евреи были уравниены в правах с остальными российскими гражданами. Падение оков и обретение свободы окрылило всех. Самые сокровенные мечты, казалось, вот-вот сбудутся. Сионистские конференции, съезды белорусских еврейских общин в Минске... Из-за границы также доходили воодушевлявшие новости: декларация Бальфура, верховным комиссаром Палестины назначен еврей³⁷⁶... Еврейская душа ликовала.

Однако золотое время длилось недолго. Над всей Россией и над русскими евреями сгустились тучи. Началась Гражданская война, в ходе которой евреи, оказавшиеся между молотом и наковальней, претерпели жесточайшие страдания.

После победы большевиков для сионистов настали тяжелые времена. Стало понятно, что все успехи ивритского дела будут безжалостно уничтожены. Поэтому в 1920 году, пока Белоруссия оставалась под властью поляков, сионистское движение было очень активно и предпринимало лихорадочные действия. Многие члены «Цеирей-Цион», в их числе группа студентов, покинули Слуцк и перебрались в Варшаву, чтобы оттуда уехать в Страну Израиля. Они прекрасно понимали, что после ухода поляков город займут большевики, граница закроется и уехать из России станет невозможно.

С приходом большевиков деятельность крупных сионистских партий прекратилась, и эстафета перешла к представителям молодого поколения, воспитанного на идеалах сионизма и иврита. Эта молодежь работала не жалея сил и многим рисковала в борьбе с советской властью.

* * *

Слуцк был известен сионистской и ивритской деятельностью. В городе было два «прогрессивных хедера», в которых преподавание велось по методи-

Это были славные дни сионистского движения, которое ширилось и процветало. Все запреты и ограничения, касавшиеся евреев: процентная норма в школах, черта оседлости и др. — были отменены.

³⁷⁶ Декларация Бальфура 1917 г. — официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 г., министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура, в котором Англия обязалась создать в Эрец-Исраэль «национальный очаг для еврейского народа». Британский политический деятель еврейского происхождения Герберт-Луис Сэмюэль был назначен Верховным комиссаром Палестины в 1920 г. — *Прим. пер.*

ке «иврит на иврите». В них работали лучшие преподаватели иврита. Помимо «прогрессивного хедера», в Слуцке были учителя, дававшие частные уроки иврита. Они пользовались любовью и уважением учеников. Летом при любой возможности, а также на Лаг б-оймер и Швуес ученики вместе со своими наставниками отправлялись за город, на природу, в леса и луга и там расслаблялись. Опьяненные солнцем и свежим воздухом, молодые учителя бегали наперегонки с подростками, свободно общались с ними, играли в различные игры. Внезапно наступала тишина, все замолкали, и учитель начинал рассказывать об Эрец-Исраэль, еврейских героях, различных эпохах еврейской истории... Наставники внушали своим подопечным любовь к своему народу, его духовному наследию и древнему национальному языку. Глаза детей, только что бесившихся и озорничавших, загорались другим светом. С открытыми ртами и бьющимися сердцами они жадно вслушивались в слова взрослых.

Семена, посеянные учителями, пускали в детских душах глубокие корни. Со временем, когда эти дети подросли и повзрослели, семена проросли. Именно эта группа создала детскую организацию «Пирхей-Цион»³⁷⁷. Она привлекла множество участников и устраивала многочисленные и разнообразные мероприятия: дети организовали библиотеку, писали сочинения, читали книги и обсуждали прочитанное, налаживали связи со взрослыми членами «Цеирей-Цион», участвовали в предвыборных кампаниях, приглашали лекторов, говоривших на самые разные темы, организовали работу в пользу «Керен кайемент ле-Исраэль», собирали пожертвования во время киносеансов, устраивали любительские спектакли и т. д.

Особенно запомнилась пьеса «Мораль плохой молодежи», написанная учителем иврита и директором «прогрессивного хедера» М. Хазановичем и поставленная в городском театре. Представление оказалось чрезвычайно успешным. Оно привлекло множество самых разных зрителей. Юных артистов наградили бурными овациями, а вспоминали это событие потом еще очень долго.

Организация «Пирхей-Цион» разрасталась. В нее вступило множество детей. Правда, повзрослев, многие из них оставили «детские глупости», отвернулись от сионизма, пошли чужими путями и стали «сеять на чужих полях». Однако ядро организации, состоявшее из ребят, которые дружили с раннего детства, вместе учились в «прогрессивном хедере», создали «Пирхей-Цион», а затем все вместе перешли в русскую школу, приняло сионизм едва ли не инстинктивно, впитав его, можно сказать, с молоком матери. Никакой ураган не мог сбить их с выбранного курса. Несмотря на самые сильные соблазны, они хранили верность сионизму, даже когда перед ними засиял свет коммунистической идеологии, манившей обещанием счастливой, сытой и безмятежной жизни — возможностью стать студентом, высокооплачиваемым служащим и т. д.

* * *

В 1920 году, после изгнания поляков из Белоруссии и окончательной победы большевиков над белыми армиями, ситуация в России стала более спокойной и устойчивой. Гражданская война закончилась, успокоились бури, немного остыли страсти. Люди начали отстраивать разрушенное, восстанавливать уничтоженное за годы Первой мировой и Гражданской войн.

В 1920 году, после изгнания поляков из Белоруссии и окончательной победы большевиков над белыми армиями, ситуация в России стала более спокойной и устойчивой.

---

³⁷⁷ «Пирхей-Цион» (иврит) — «Цветы Сиона».

На заре советской власти сионистское движение оставалось на полулегальном положении, и его не трогали.

Однако если в годы Гражданской войны русским евреям грозила физическая опасность, то теперь над ними нависла опасность духовная, причем не извне, а изнутри. Евсекция³⁷⁸, созданная коммунистической партией, объявила войну на уничтожение религиозной еврейской жизни, любым проявлениям «национализма», любым стремлениям построить новую еврейскую жизнь на исторической родине. Впрочем, еврейская молодежь не оставалась равнодушной к жизни и судьбе своего народа. Между советской властью и этой молодежью началось противостояние.

На заре советской власти сионистское движение оставалось на полулегальном положении, и его не трогали. В частности, можно было получить разрешение на открытие спортивных клубов, в которых осуществлялась интенсивная сионистская деятельность. Репрессий и гонений еще не было, пока Евсекция не начала полномасштабную войну, не брезгуя запретами, арестами и высылкой.

1920–1924 годы, когда закончился военный коммунизм и начался НЭП, стали эпохой расцвета молодежного сионистского движения по всей России. О высылках из страны до 1924 года никто не слышал. Лишь начиная с этого года сионистов начали высылать, сначала в Эрец-Исраэль, а затем — на Соловки, в Сибирь, на Урал и в Казахстан.

Сионистское движение было причислено к враждебным режиму организациям, которые подлежат полному и окончательному искоренению. Евсекция объявила сионизму священную войну, окрестив его «реакционным шовинистическим мелкобуржуазным движением наймитов и приспешников британского империализма», то есть врагом, с которым нужно вести борьбу на уничтожение.

Соответственно все сионистские организации были запрещены, и для сионистской молодежи настало время подполья.

Немногочисленная группа, упомянутая выше, состоявшая из ребят, учившихся в это время в старших классах русской школы, совершила подлинную революцию среди молодежи. Общие сионисты, «Цеирей-Цион» и другие большие партии с началом репрессий приостановили свою работу. Их членам нужно было кормить семьи, и они не могли рисковать своей работой. Однако молодежь не хотела сидеть сложа руки, поэтому ребята начали действовать в условиях подполья. При этом они восстали и против родительской власти, поскольку многие взрослые предпочли бы, чтобы их дети не высовывались, примирились с новой жизнью и поступили в вузы. Эти ребята раздули погасшие было угли сионизма, возглавив борьбу против Евсекции и комсомола, за еврейскую жизнь.

* * *

В декабре 1922 года возникла молодежная неполитическая сионистская организация, получившая название «Кадимо», в которую входили представители рабочей и учащейся молодежи. Действовавшая нелегально, организация оказалась во главе сионистского движения. Немногочисленная инициативная группа буквально творила чудеса, в корне изменив жизнь городской еврейской молодежи, указав ей совершенно иное направление и предложив другие ценности.

³⁷⁸ Евсекция (Еврейская секция) — название еврейских коммунистических секций ВКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями при ВКП(б), а также при компартиях Украины — КП(б)У — и Белоруссии — КП(б)Б, в 1918 г. — *Прим. пер.*

Создатели «Кадимо»: сидят (справа налево): Ф. Эфрон, И. Ратнер, Цви Хазанович (Га-Гивати).
Стоят: Зуша Пекер, Шабсай Баскин (Бейт-Цви), Шлойме Найкруг (Ной)

«Кадимо» сумела привлечь многочисленных представителей учащейся и рабочей молодежи. В организацию вступило множество юношей и девушек. Нам удалось завладеть архивом «Цеирей-Цион», откуда мы взяли различные брошюры об Эрец-Исраэль и сионизме, фотографии и открытки с изображениями Страны Израила и лидеров сионистского движения. Книжки читались и изучались, после чего мы учили других, пришедших в сионистское движение позже. На квартирах наших товарищей устраивались балы и вечеринки, лекции, публичные чтения, лотереи; кроме того, мы просто играли во всевозможные игры, как это свойственно любой молодежи.

Работа велась в первую очередь на квартире Алтера Маѓаршака, который жил далеко от центра города. Это был старый сионист, все его сыновья и дочери получили сионистское воспитание и знали иврит. Он охотно принимал нас у себя и, невзирая на опасность, разрешал проводить в своем доме наши собрания и вечера. Излучавший любовь и тепло, Алтер Маѓаршак стал нам опорой и защитой; тонкие невидимые нити словно соединяли его сердце с сердцами наших товарищей.

Мы создали детскую организацию для подростков 13–14 лет, которую назвали «ЮК» — «Югнт Кадимо»³⁷⁹. В нее также вступило много детей, среди которых оказалось несколько талантливых многообещающих ребят. Мероприятий у них была масса. Дети, полностью преданные своей организации, стали верными помощниками «Кадимо», ее продолжателями и сменой.

Нам помогали несколько взрослых товарищей. Одним из основателей «Кадимо» стал Азриэл Некрич, ставший в первое время одним из вдохно-

³⁷⁹ «Югнт Кадимо» (идиш, иврит) — «Молодая Кадимо».

вителей организации. В числе наших наставников был еще один товарищ, учившийся в университете и приехавший в Слуцк на каникулы. Позже наставником стал еще один студент, член партии сионистов-социалистов, рассказывавший нам о социалистическом сионизме.

В доме Маѓаршака мы устроили литературный суд над «Ѓаманом» (Евсекцией). Мы долго готовились к этому мероприятию. Все было как в настоящем суде: прокурор, адвокат, судья-председатель... Суд прошел на ура. В каком-то смысле это мероприятие окончательно сформировало наше сионистское сознание.

Я помню один вечер, когда по пути из Бобруйска в Слуцке оказалось несколько членов «Ѓе-Халуца»³⁸⁰, готовившихся нелегально перейти советско-польскую границу, чтобы затем уехать в Эрец-Исраэль. Много наших товарищей собрались в доме Маѓаршака, где мы устроили для приезжих вечеринку: пели песни, говорили об Эрец-Исраэль, беседовали по душам и просто хорошо провели вместе несколько часов. Мы смотрели на них с завистью: еще немного, и они окажутся в Стране Израиля, а что ожидает нас?..

Мы жадно ловили любую информацию об Эрец-Исраэль и о заграничной еврейской жизни. Любые сведения, поступавшие оттуда, воодушевляли и поддерживали. Мы распевали песни Страны Израиля, научились танцевать хору на мотив «Гилу ѓа-галилим»³⁸¹. Мы навещали родителей наших товарищей, уехавших в Святую землю еще при поляках, и черпали силы из их писем.

Наша деятельность, как уже было сказано, была обширной и разнообразной: молодежная организация, собрания и беседы о сионизме, социализме, коммунизме и «мосте» между национализмом и социализмом, многочисленные диспуты с комсомольцами и членами Евсекции (в школе и не только), издание на гектографе подпольной газеты, создание сионистских ячеек в различных структурах... Началась настоящая борьба за души еврейской молодежи против коммунистической ассимиляции.

Наша работа стала раздражать Евсекцию и комсомол. Они поняли, что вскоре мы овладеем умами и сердцами всей еврейской молодежи, и приняли решение раз и навсегда уничтожить «зло».

* * *

В августе 1922 года в доме Шабса Баскина был устроен обыск. Искали что-либо запрещенное, но ничего не нашли. На этот раз дело ограничилось обыском.

Через некоторое время сотрудники ГПУ окружили квартиры нескольких сионистских активистов. Были арестованы несколько бывших членов «Цейрей-Цион», а также четыре члена молодежной организации «Кадимо». Еще трех товарищей, к счастью, не оказалось дома. Так началась эпоха арестов.

Свои мероприятия мы проводили в самых разных местах: на квартирах родителей, в домах родственников и знакомых, летом — на природе, в лугах и парках. У Алтера Маѓаршака был в то время большой фруктовый сад. Время от времени мы собирались в этом саду, беседовали и мечтали об Эрец-

³⁸⁰ «Ѓе-Халуц» (иврит) — «Первопроходец» — сионистская международная организация, целью которой была подготовка еврейской молодежи к поселению в Стране Израиля. Первая конференция движения «Ѓе-Халуц» проходила в Петрограде 6–9 января 1919 г. — *Прим. пер.*

³⁸¹ «Гилу ѓа-галилим» (иврит) — «Радуйтесь, галилеяне!» — песня на слова Иццока Каценельсона. — *Прим. пер.*

Мы жадно ловили любую информацию об Эрец-Исраэль и о заграничной еврейской жизни. Любые сведения, поступавшие оттуда, воодушевляли и поддерживали.

Израэль, куда мы так стремились. Порой мы оставались там на ночь, разводили костер, садились вокруг огня и пекли картошку и яблоки. В ту ночь, когда ГПУ проводило обыски и аресты в домах сионистов, группа наших товарищей осталась ночевать в саду. Как только рассвело, к нам прибежали от Маѓаршаков и рассказали о том, что происходит в городе. Обыски прошли у Маѓаршака, Некрича, Баскина и в доме моих родителей. Поскольку нас не было дома, агенты ГПУ остались нас ждать. Если бы мы не вернулись, они собирались арестовать наших родителей.

Мы устроили краткое совещание, чтобы договориться, что говорить и как отвечать на допросе. Вернувшись домой, я обнаружил чудовищный разгром: гэпэушники перевернули весь дом, чтобы найти что-либо, что можно будет мне предъявить. Один из них смерил меня взглядом с головы до ног и процедил: «Ты, что ли, преступник?» Он явно ожидал увидеть кого-то постарше, а тут явился мальчишка пятнадцати лет от роду. Меня повели в ГПУ. Агент шагал за мной, наставив на меня винтовку. По дороге попадались знакомые и соседи. Они смотрели на меня с изумлением и жалостью, удивленно качая головами.

Арестовали пятнадцать человек. Из «Кадимо» — меня, Маѓаршака, Баскина и Некрича. Все остальные состояли в прошлом в «Цеирей-Цион». Что касается нас, членов «Кадимо», то тут действительно был повод для ареста: мы действовали, причем действовали против власти. Однако чего они хотели от буржуазных сионистов? Те уже давно отказались от любой деятельности, никаких связей с какими-либо сионистскими организациями у них не осталось. Видимо, им припомнили грехи молодости.

Первое тюремное заключение оказалось легким. Никаких улик и доказательств у них не было. Мы просидели три недели, после чего всех выпустили.

Тем не менее война против нас не прекращалась и была весьма ожесточенной. Мы стали вести себя осторожнее: перестали ходить по улицам с какими-либо запрещенными бумагами, начали учиться, как избежать глаз филеров, стали придерживаться строжайшей конспирации. К тому времени наша организация разрослась и стала массовой, и в ее рядах обнаружились провокаторы.

* * *

Между тем наша деятельность вышла за пределы Слуцка и начала распространяться и на окрестные местечки. В нашей школе учились мальчики и девочки из этих местечек. Многие из них вступили в «Кадимо» и, возвращаясь домой на каникулы, создавали там ячейки организации. В результате она разрослась: ее отделения появились в Грозове, Копыле, Вызне, Тимковицах, Любани, Погосте и Старобине.

Ячейки в местечках работали под нашим непосредственным руководством. Время от времени мы посылали к ним своих товарищей, которые читали лекции, сообщали новости и передавали новые инструкции. В Слуцке был создан уездный комитет «Кадимо», руководивший всей работой в уезде, устраивавший время от времени совещания и конференции с участием представителей с мест. В ходе этих совещаний каждая ячейка предоставляла отчет о своей работе и перспективах.

Наиболее прочными были связи с отделением в Грозове. Это местечко находилось недалеко от Слуцка, поэтому время от времени мы отправлялись туда пешком, чтобы принять участие в собраниях или беседах членов

Вернувшись домой, я обнаружил чудовищный разгром: гэпэушники перевернули весь дом, чтобы найти что-либо, что можно будет мне предъявить.

Группа представителей учащейся молодежи, членов «Цеирей-Цион». Слуцк, 1918.

Справа налево:
 Арье Шапиро, Шолом Шпилькин, Хаим-Мойше Апельсон, Авром Нозик (умер в Тель-Йосефе), Арье Виноград (умер в Тель-Авиве)

ячейки. Иногда все они в полном составе отправлялись на природу, и мы встречали их на полпути в Слуцк. Расставив часовых, чтобы нас не застали врасплох, мы читали лекции и передавали наиболее важную информацию о сионистской работе и происходящем в России, а также то немногое, что знали о жизни в Эрец-Исраэль.

В качестве типичного примера нашей открытой деятельности можно назвать следующий случай. Евсекция устроила показательный общественный суд над сионизмом с участием судей, обвинителя и защитника. Зрители могли выступать в качестве свидетелей защиты или обвинения. Решено было воспользоваться этим случаем, чтобы открыто выступить в защиту сионизма.

Для участия в судилище мы послали Баскина и Шимена Маѓаршака. Узнав, что его отложили на один день, ребята воспользовались задержкой и отправились пешком в Копыль, невзирая на лютый мороз, чтобы встретиться с местной ячейкой и передать информацию о текущем моменте.

На следующий день, когда начался общественный суд, Баскин записался свидетелем защиты, а Маѓаршак — свидетелем обвинения. Первым свидетельствовал Маѓаршак. Судьи готовились услышать обвинения против «сиониста». Однако, к всеобщему замешательству, Маѓаршак заявил, что обвиняет себя в том, что он ненастоящий сионист, недостаточно сионист, карикатура на сиониста. До выступления Баскина дело так и не дошло: немедленно появились агенты ГПУ, и обоих задержали. В заключении они провели несколько недель, затем их выпустили.

Помню еще одну поездку, когда мы с Борухом Лифшицем отправились ночью в Вызну. Дело было зимой, стоял лютый мороз. Обоз состоял из трех саней. В одних санях с нами сидели две русские девушки из деревни под Вызной. Мы представились комсомольцами.

Приехав в Вызну, мы собрали членов ячейки в комнате одного из товарищей и начали читать лекцию и обсуждать актуальные вопросы. Через некоторое время ребята, стоявшие на стреме, сказали, что местные комсомольцы как-то проведаль о происходящем и следят за нами. Это было опасно: недалеко от Вызны проходила граница, и нужен был специальный пропуск, чтобы находиться там.

Мы незаметно выбрались из дома. Нас повели окольными тропами, за заборами, и, каким-то чудом раздобыв сани, мы вернулись в Слуцк.

* * *

Наша сионистская деятельность ширилась день ото дня. Пришли новые люди. Денежные расходы, естественно, тоже возросли. Пришлось ввести членские взносы. Кроме того, мы устраивали всевозможные лотереи. От членов организации мы получали не только деньги, но и зерно, служившее своеобразной валютой. Поскольку членских взносов не хватало, нам приходилось обращаться за помощью к взрослым сионистам, давно отказавшимся от всякой деятельности и с изумлением и восхищением следившим за нашей работой. У них мы требовали пожертвования.

Мы поддерживали связь с центральным бюро в Минске и ездили на заседания центра «Кадимо». В результате новые ячейки возникали не только в окрестностях Слуцка, но и вдоль всей железнодорожной линии Слуцк — Минск: в Уречье, Старых Дорогах, Осиповичах и Свислочи. Работа кипела.

Мы вели работу в двух старших классах средней школы, именовавшихся Общеобразовательными курсами. Там мы развернули многообразную деятельность, которая привлекла в наши ряды многих учеников. Это было лучшее время «Кадимо» — члены организации были деятельны, полны энергии и готовы трудиться.

На собраниях учащих комсомольцы обычно чувствовали себя хозяевами. Достаточно было, чтобы кто-то из комсомольских деятелей заявил: «От имени комсомола я говорю то-то и то-то», — чтобы никто не смел открыть рот, как это принято на российских собраниях. И вдруг, к всеобщему удивлению, появились ученики, не боявшиеся выступать от имени группы «беспартийных товарищей» и предлагать встречные резолюции, которые в некоторых случаях даже получали большинство голосов! Некоторые ребята не решались открыто голосовать за резолюцию, предложенную не комсомолом, однако втайне нас поддерживали. Во время выборов в учком комсомольцы серьезно опасались, что мы одержим победу.

Осознав, что наша деятельность стала для них камнем преткновения, а их влияние на учащих падает день ото дня, комсомольцы приняли решение предпринять против нас самые решительные действия. В результате была устроена грандиозная чистка, и нескольких наиболее активных наших товарищей исключили из школы как «нежелательный элемент», поскольку они из буржуазных семей. Некоторых исключенных, доказавших свое пролетарское происхождение, приняли обратно. Однако многих выгнали, и им пришлось продолжать образование в других городах.

* * *

После первого ареста в 1922 году последовал ряд других. В ноябре того же года арестовали и отправили в Минск Баскина. Его сопровождал вооруженный гэпэушник. Наши товарищи Ратнер и Скакальский поехали с ними одним поездом. Там они подружились с конвоиром, и тот исполнял все, о чем они его просили. В Осиповичах во время длительной стоянки вся компания вместе с ним отправилась на квартиру одного из наших товарищей. Одному из наших агент даже дал подержать свою винтовку.

Пребывание Баскина под арестом оказалось недолгим. После очной ставки, устроенной в Минске с одним из членов организации, его отпустили.

Осознав, что наша деятельность стала для них камнем преткновения, а их влияние на учащих падает день ото дня, комсомольцы приняли решение предпринять против нас самые решительные действия.

Мы были полны энергии и желания действовать. Наши организационные возможности были существенными, мы создали множество ячеек в разных местечках и приобрели большой опыт.

К этому времени наша деятельность достигла пика. Центр «Кадимо» находился в Минске и именовался «Центральное бюро» (ЦБ). Время от времени мы встречались с минскими товарищами на собраниях и съездах «Кадимо». Однако деятельность ЦБ нас, членов слущкой организации, не удовлетворяла. Мы были полны энергии и желания действовать. Наши организационные возможности были существенными, мы создали множество ячеек в разных местечках и приобрели большой опыт. По сравнению с нашей работой деятельность ЦБ была весьма незначительной. Поэтому мы потребовали перевести в Слуцк не только центр, но и издание нашей газеты «Кадимо».

В связи с этим члены ЦБ несколько раз приезжали в Слуцк, чтобы устранить все разногласия. В итоге было решено издавать печатный орган «Кадимо» в Слуцке, и мы сами набрали и издали газету. В ЦБ были выбрано семь человек: трое от Минска, трое от Слуцка и один от окрестных ячеек, кажется, из Осиповичей.

* * *

12 марта 1923 года ГПУ задержало пятерых сионистов: Некрича, Лифшица, Скакальского, Крейну Магаршак и меня, — застигнутых за печатанием газеты. Разумеется, для органов это оказалось большой удачей. Евсекция и гэпэушники радовались, как будто нашли клад. Нас арестовали, допросили и отправили в Минск. Уже был назначен день суда, который должен был состояться в Минске, однако Некрич, служивший в Красной армии, не смог получить увольнительную и приехать. В итоге решено было устроить суд в Слуцке, причем не просто суд, а показательный процесс. С нас взяли подписку не покидать город и отпустили до суда.

Разумеется, во время нашего ареста работа не прекращалась. Временно отпущенные на свободу, мы также возобновили свою деятельность. Решено было созвать накануне суда большое собрание и попрощаться на нем с товарищами, поскольку мы опасались, что наказание будет суровым. Собрание прошло на окраине города, на квартире у родственницы одного из членов организации. Комната оказалась слишком маленькой, чтобы вместить всех собравшихся, которые в результате сидели в страшной тесноте, слушая наши прощальные речи.

Неожиданно на улице послышались свистки. Не успели мы оглянуться, как в квартиру вломилась пара агентов ГПУ. Мы оцепенели и не знали, что предпринять. Среди нас было несколько товарищей, которых ГПУ знало как активных сионистов, однако большинство присутствовавших не были известны в этом качестве. Прежде их никто ни в чем не подозревал, поэтому эта история могла закончиться для них неприятностями. Гэпэушники начали переписывать присутствующих. Вдруг один из ребят крикнул агенту:

— Прошу не тыкать! — а затем сказал на идише: — Товарищи, без паники! Называем вымышленные имена и адреса. Всех не арестуют — нас много, а их только двое.

Люди вышли из оцепенения, и в ответ на вопросы агентов зазвучали совершенно фантастические фамилии: Файнфинкельройт, Волкнекрейцер, Лампернштейн и т. д. При произнесении этих выдуманных имен то тут, то там то и дело раздавался смех.

Гэпэушники записали названные им имена и адреса, и увидев, что всех присутствующих им не задержать, арестовывать никого не стали. Тех

из нас, кто должен был предстать перед судом, они, естественно, знали в лицо. Задерживать нас не имело смысла — все равно через несколько дней должен был состояться суд.

Для участия в нашем процессе Евсекция мобилизовала все свои силы. Одним из судей стал Абрам Яковлевич Хогбен, ненавидевший все, что связано с сионизмом. Обвинителем был Шелхович, секретарь профсоюзной организации. На скамье подсудимых сидели юноши и девушки шестнадцати–девятнадцати лет. Все эти «почести» предназначались именно им.

Сидя на скамье подсудимых, я разглядывал огромную толпу, заполнившую большой зал. Обводя публику взглядом, я надеялся увидеть сочувствие и симпатию. Небольшими группами по залу рассеялись наши товарищи. Было заметно, что они очень волнуются за нас; на лицах некоторых из них я мог прочесть восхищение, любовь и солидарность. Однако от большей части публики веяло холодом и равнодушием. Предъявляемые нам обвинения встречались аплодисментами, и непонятно, что это было — искреннее согласие или же равнодушие, страх? Или просто привычка подчиняться всему, что скажет начальство?

В своей речи обвинитель излил на нас весь свой гнев, причем не только на нас лично, но и на весь сионизм в целом. Он обвинил его в двенадцати контрреволюционных преступлениях. Двенадцатый пункт звучал наиболее угрожающе: попытка воскресить мертвый язык, приговоренный историей к смерти, подобно латыни; язык клерикальный, мистический и контрреволюционный.

Внимательно вслушиваясь в слова обвинителя, я размышлял про себя: «Как человек может столько болтать? Сколько же в нем ненависти, тупости и бессердечности! Неужели эти люди смогут одолеть и победить нас? Нет, нет и еще раз нет! Даже если нас осудят, наше место займут другие. Борьба будет продолжена, цепь не разомкнется!»

Наконец огласили приговор: троих — Скакальского, Лифшица и меня — освободили как несовершеннолетних. Крейну Магаршак приговорили к году условно, Некрич получил год тюрьмы.

Через некоторое время после суда в «Кадимо» вспыхнули идеологические споры. В СССР действовали в те годы три неполитические молодежные сионистские организации: «Ге-Хавер» в России, «Ге-Халуц» на Украине и «Кадимо» в Белоруссии. Было предложено объединить все три движения в единую неполитическую организацию ЕВОСМ (Единую всероссийскую организацию сионистской молодежи). Также обсуждались вопросы, касающиеся политизации молодежных движений и их партийной принадлежности.

Мы долго размышляли и колебались по вопросу о единой организации. Прежде мы думали о вступлении в ЕВОСМ. Файвл Эфрон даже поехал в Москву, чтобы участвовать в объединении. Там он встретил Мишу Эфроса, одного из активистов, стоявшего у истоков слуцкой «Кадимо». Миша всячески продвигал идею слияния «Кадимо» с молодежной организацией партии «Ге-Хавер», именовавшейся ИСИФ («Идише социалистише югнт фарэйн») ³⁸², и бомбардировал своими письмами членов «Кадимо» в Слуцке.

Эфрон встретился с членами Центра ИСИФа, и идея вступления в ЕВОСМ была временно отложена. Стоит отметить, что в политическом

Сидя на скамье подсудимых, я разглядывал огромную толпу, заполнившую большой зал. Обводя публику взглядом, я надеялся увидеть сочувствие и симпатию.

---

³⁸² «Идише социалистише югнт фарэйн» (идиш) — «Еврейское социалистическое молодежное движение».

плане члены слуцкой «Кадимо» были очень близки к ИСИФу, и идея объединения с ними нравилась многим нашим товарищам.

Во всех белорусских ячейках «Кадимо» началось бурление. Был поднят вопрос: сохранить ли неполитический характер, вступив в ЕВОСМ и создав, таким образом, большую разветвленную влиятельную сионистскую молодежную организацию, или же занять четкую политическую позицию, встав на платформу ИСИФ?

В связи с этим делались проверки, кипели ожесточенные споры... Кончилось тем, что в Минске состоялся съезд, завершившийся расколом. Часть товарищей вступила в ЕВОСМ, большинство — в ИСИФ. В Минске появилась ячейка ИСИФ, развернувшая интенсивную и разнообразную деятельность. Все отделения «Кадимо» в Слуцке и окрестных местечках также присоединились к ИСИФ.

В марте 1924 года по всей стране, в том числе в Слуцке, начались массовые аресты сионистов. Агенты ГПУ обходили дом за домом, задерживая не только активистов, но и рядовых членов организации. За день до начала массовых задержаний арестовали и меня, причем мой арест произошел при необычных обстоятельствах. Я отправился на железнодорожную станцию на окраине города, чтобы отправить в центр ИСИФ письмо, которое решил передать с отцом одного из товарищей, ехавшим в Москву. Билетная касса находилась в маленьком узком бараке. Я зашел внутрь, отдал письмо и вдруг заметил двух сотрудников ГПУ, стоявших около дверей. Я сразу понял, что это означает. Мозг лихорадочно работал, ища выход из этой передряги. Вдруг я заметил, что один из агентов отошел от дверей. Почувствовав прилив сил, я бросился к выходу, выскочил из барака и пулей понесся в город.

Агенты бросились в погоню с криками: «Стой, стрелять буду!» Однако я надеялся, что они не станут стрелять в толпе, заполнившей станцию. Железная дорога осталась позади, агенты слегка отстали. Я летел вперед, уверенный, что спасся, но вдруг на моем пути возник Хаим Синицкий, школьный товарищ, с которым мы много лет учились в одном классе, ставший комсомольским активистом. Хаим подставил мне ногу, я споткнулся и упал, а он навалился на меня сверху. Я попытался вырваться, но тут подошли гэпэушники, и меня арестовали.

Меня привели в какой-то барак на железнодорожной станции. Прежде всего надо было избавиться от нелегальных материалов. К счастью, меня ненадолго оставили одного, и я воспользовался случаем, чтобы засунуть все бумаги в щели в стенах барака.

Меня отвели в тюрьму и поместили в камеру. К тому времени я уже привык к арестам и не слишком расстроился. На следующее утро в тюремном дворе раздались знакомые голоса. Выглянув в окно, я увидел, что арестованы около половины членов нашей организации. Выяснилось, что прошлой ночью агенты ГПУ устроили облаву: прошлись по известным им адресам и задержали многих товарищей.

Всех задержанных посадили в одной камере, и только меня одного держали отдельно. Разумеется, я нашел способ, как связаться с остальными и передавать им записки: ведь я был опытным арестантом и хорошо знал все тюремные хитрости. В слуцкой тюрьме мы провели неделю, после чего нас отправили в Минск, в тюрьму ГПУ. Только когда нас вывели из тюрьмы, на железнодорожной станции я присоединился к своим товарищам,

и после этого мы уже не разлучались. В дороге на разных станциях к нам присоединялись другие арестованные, так что нас становилось все больше и больше. Наконец мы приехали в Минск, и нас доставили в ГПУ.

Минское ГПУ занимало огромное здание, в подвалах которого нас и разместили. В нашей камере было пятнадцать человек. Находившееся под потолком окно было прикрыто железным листом. Я сидел в своем углу на жестких нарах, среди друзей и знакомых, а в голове крутились одни и те же вопросы: что происходит сейчас на воле? Как дела у товарищей? Как идет работа организации? Я с нетерпением ждал, когда наконец вызовут на допрос: а вдруг удастся узнать, что меня ожидает?

Между тем следствие проходило по особому сценарию. Не довольствуясь дневными допросами, нас вызывали к следователям и ночью. Во время глубокого сна ты вдруг чувствуешь, что тебя кто-то трясет, и слышишь грубый голос: «На допрос!» Ты вскакиваешь, ничего не понимая: какой допрос, куда, зачем, что это за комната, что за солдат? Наконец горькая действительность предстает во всей красе, и ты молча одеваешься, надеваешь пальто и покидаешь камеру вместе с конвоиром.

Ночь, темнота. Мучает жажда. Вокруг тишина. Ты выходишь из подвала во внутренний двор здания ГПУ, нависающего вокруг со всех сторон. Вместе с конвоиром поднимаешься на первый, второй, третий этаж... Конвоир командует: направо, налево, вперед, к стене. Двери открываются и закрываются. Электрические лампочки освещают лестницы тусклым светом. Темно, не видно ни души. А ты все идешь и идешь, из коридора в коридор, с этажа на этаж, и кажется, что эта ходьба никогда не закончится. По коже бегают мурашки: тебе холодно. Ты гадаешь, как тебя встретит следователь, на сердце тоскливо. Терзает страстное желание любой ценой выйти из тюрьмы, вернуться на волю... С огромным трудом сдерживаешься, берешь себя в руки, плотно запахиваешь пальто и идешь дальше. (Разумеется, все эти долгие ночные прогулки — просто тактика ГПУ, призванная запугать заключенного.) Наконец доходишь до нужной двери на пятом этаже. Конвоир ставит винтовку в угол, закуривает и приказывает тебе постучать.

Из-за двери раздается: «Войдите». Ты открываешь дверь,ходишь и оказываешься в большом просторном кабинете, в углу которого стоит маленький стол, а рядом с ним два стула. На столе — электрическая лампа с зеленой лампочкой. В комнате царит полумрак. Я подхожу к столу.

Сидящий за столом следователь делает вид, что меня не замечает. Я сажусь напротив и молчу. Внезапно он поднимает голову, как будто только что меня заметил, и насмешливо здоровается. Начинается допрос. Вопросы привычные, ответы тоже. Следователь пытается запутать меня, засыпая бесчисленными вопросами, имеющими и не имеющими отношение к делу; хочет, чтобы я назвал имена товарищей, старается загнать меня в ловушку, из которой мне будет не выбраться, плетет вокруг меня тонкую невидимую паутину. Я отвечаю, проявляя крайнюю осторожность, разрывая расставленные сети и разматывая клубки. Все мои чувства обострены, я чувствую сильнейшее напряжение. Мы играем в кошки-мышки: если звучит вопрос, на который я затрудняюсь ответить, я говорю: «Не знаю». Когда следователя мой ответ не удовлетворяет, я добавляю: «Возможно, мои слова кажутся неправдой, но это так, это факт».

Сначала следователь держится вежливо, уговаривает, соблазняет, обещает, что меня освободят, говорит со мной мягко, отпускает комплимен-

---

Следователь пытается запутать меня, засыпая бесчисленными вопросами, имеющими и не имеющими отношение к делу.

Члены «Кадимо»
из Слуцка, преданные
суду в ноябре 1923 г.

1. Азриэл Некрич.
2. Борух Лифшиц.
3. Йегуда Скакальский.
4. Крейна Магаршак-Баскин (Бейт-Цви).
5. Цви Хазанович (Га-Гивати)

ты. Он делает вид, что сочувствует мне, такому молодому и оказавшемуся в тюрьме; недоумевает, каким образом я, с моим пролетарским происхождением, стал контрреволюционером; предлагает вступить в комсомол и работать на ГПУ. Видя, что ни один из этих соблазнов на меня не действует, следовательно начинает злиться, посреди допроса вынимает из ящика какие-то бумаги, словно на них описана вся моя жизнь; внезапно бросается в другой угол, звонит по телефону и возвращается с победным выражением на лице. Под конец он достает пистолет и кладет его на стол. Следовательно сердится все сильнее, его лицо багровеет, голос звучит все резче. Он начинает грозить, что сгноит меня в тюрьме, что сошлет в Сибирь, на Соловки, что пристрелит как собаку. Под конец, не в силах сдержаться, весь красный и пышущий злобой, он осыпает меня градом отборных русских ругательств. В то время как я стараюсь быть максимально вежливым и тщательно слежу за своим языком, он надвигается на меня со сжатыми кулаками, начинает трясти меня вместе со стулом, хватает пистолет, приставляет мне к виску и орет: «Сейчас пристрелю тебя, сукин сын!» В ответ я кричу: «Уберите руки!» Следовательно смотрит на меня с ненавистью, тяжело дышит и приказывает мне покинуть кабинет.

Я выхожу, весь мокрый от пота. Конвоир, ждавший меня в приемной, смотрит на меня с любопытством и отводит в камеру, однако не в ту, где я сидел. В качестве наказания следователь велел посадить меня в одиночку № 6, которой пугали всех заключенных.

Так проходили дни и ночи, складывавшиеся в недели и месяцы, казавшиеся все отвратительней и отвратительней. Каждый день некоторых заключенных уводили, а на их место приводили других, и только нас никто не трогал. Время от времени меня вызывали на допрос и задавали одни и те же вопросы. Снова и снова соблазняли и запугивали — и ты опять возвращаешься в камеру с грустью в сердце. Нервы натянуты и напряжены до предела — достаточно малейшего прикосновения, и они лопнут. Тыходишь к окну и смотришь на полоску небесной сини. Небо, солнце, свобода... Как же хочется увидеть все это снова! Подумать только: есть люди, которые наслаждаются свободой и делают что хотят, и никакой чертов конвоир не ходит за ними по пятам; люди, которые могут дышать свежим, чистым воздухом!

День сменялся ночью, наступал новый день, но все дни казались неотличимыми друг от друга. Мы сидели уже полгода, и конца этому не было видно. Раздражало, что ты сидишь просто так, без суда. Возникало желание совершить какой-нибудь отчаянный поступок, прибегнуть к крайним мерам, лишь бы заставить следователя положить конец состоянию неизвестности. Пусть нас сошлют куда угодно, лишь бы не сидеть здесь, не зная, что с нами будет!

Поняв, что конца «предварительному» заключению не предвидится, мы объявили голодовку. Мы голодали четыре дня, требуя ускорить следствие. Голодовка возымела действие: следствие закончилось, нам сообщили приговор: три года ссылки на Урал или высылка в Палестину. Мы были потрясены: высылка в Палестину или на Урал? В Эрец-Исраэль! Даже в самых смелых мечтах никто из нас не надеялся, что мы сможем попасть в Страну Израиля: уехать из Советской России было нельзя, а в Страну Израиля никого прежде не высылали. Это был первый случай высылки в Эрец-Исраэль.

Следователь предложил нам выбор: Урал или Палестина? Покончить с подпольной деятельностью, тюрьмой, ГПУ? Разумеется, Палестина!

В итоге нас действительно выслали из России. Стоя на палубе судна и вглядываясь в тающий вдали берег, я почувствовал, что у меня сжалось сердце: Россия, великая и могучая, ты выставила меня, как мерзкий росток³⁸³. Зачем же мне суждено было родиться здесь, прожить тут столько лет и впитать твою культуру, столь чуждую мне в самой своей основе? Для чего в моей жизни понадобились эти трагические моменты? Почему я, молодой еврей, должен был питаться чужими плодами? Почему я должен был пить из нееврейских источников, из родников, принадлежавших другим? Кому и для чего это было надо?

Поняв, что конца «предварительному» заключению не предвидится, мы объявили голодовку. Мы голодали четыре дня, требуя ускорить следствие.

СУД НАД СИОНИСТСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

А. Некрич

В начале 1922 года в Слуцке возникла молодежная сионистская организация «Кадимо». Я был в числе ее создателей и вожатых. Наша организация разрослась и расширилась. Среди прочего она выпускала свой печатный орган, газету «Кадимо».

12 марта 1923 года в моей квартире печатался очередной номер «Кадимо». Неожиданно в разгар работы в дом ворвались агенты ГПУ (позже выяснилось, что на нас донес один из наших соседей). Они задержали наборщиков — четырех парней и одну девушку — и уничтожили все материалы.

ГПУ арестовало нас и через четыре дня отправило в Минск. В дороге мы договорились, что, когда речь пойдет о газете, младшие товарищи будут валить все на меня, я же стану отвечать лишь на вопросы, касающиеся меня непосредственно. Именно так мы и повели себя на допросах; все как один выдержали это испытание с честью.

По окончании следствия нам сообщили, что нас будут судить. Да суда нас отпустили, взяв подписку, что мы обязуемся никуда не отлучаться

³⁸³ См. «Йешаягу», 14:19: «А ты выброшен из могилы своей, как мерзкий росток, в одежде казнимых, сраженных мечом, опускаемых на камни ямы, — как попираемый труп».

Члены «Кадимо» и ИСИФ, первыми высланные из Слуцка в Эрец-Исраэль.

Справа налево: Исроэл Ратнер, Цви Хазанович (Га-Гивати), Азриэл Некрич, Борух Лифшиц, Шимен Маѓаршак

из Слуцка без разрешения ГПУ. Я же обязался отбыть в свою воинскую часть, поскольку незадолго до ареста был призван в армию.

Предъявленное нам обвинение содержало два пункта. Нас обвиняли по 72-й статье Уголовного кодекса, предусматривающей наказание за хранение, издание и распространение нелегальной литературы, а также по статье 83 — разжигание межнациональной розни. Через некоторое время мне, самому старшему из обвиняемых, добавили еще одну статью: проявление неуважения к Евсекции, неотъемлемой части РКП(б). Суд над нами должен был состояться 24 сентября 1923 года в Минске.

В назначенный день перед судом предстали четыре товарища — все, кроме меня, поскольку я не получил увольнительную, чтобы приехать на суд.

Председатель открыл заседание и объявил, что, поскольку обвиняемые в большинстве своем несовершеннолетние, суд принял решение отложить рассмотрение дела до следующего уведомления.

Слуцкая Евсекция не была заинтересована в том, чтобы суд состоялся в Минске, поскольку намеревалась устроить показательный процесс с целью доказать еврейским массам контрреволюционную сущность сионистского движения. Воспользовавшись тем, что суд был отложен, они начали хлопотать о переносе заседания из Минска в Слуцк, город, где обвиняемых хорошо знают. Старания Евсекции увенчались успехом: судебное заседание было назначено на 27 ноября, на сей раз в Слуцке.

Благодаря переписке с товарищами, не прекращавшейся все это время, я знал, что в руках следователя наше дело пухнет день ото дня. Было понятно, что нам необходимо встретиться до суда, чтобы прояснить ситуацию и согласовать наши показания в ходе судебного разбирательства.

Я попытался получить от армейского начальства разрешение поехать в Слуцк немного раньше. Я объяснил командиру, что мне предстоит уголовный суд, что меня обвиняют в контрреволюционной деятельности и что я хочу доказать свою невиновность, а потому прошу, чтобы мне разрешили

поехать в Слуцк пораньше, чтобы успеть найти себе защитника. В ходе разговора между нами вспыхнул политический спор о сионизме — хотя командир не был евреем, будучи членом коммунистической партии, он неплохо разбирался в этом вопросе. Позиция, которую я занял в этом споре, понравилась ему, и он дал мне необходимое разрешение.

Я приехал в Слуцк за несколько дней до начала процесса и принял участие в общей встрече всех пятерых обвиняемых. Затем я отправился в суд, чтобы ознакомиться с нашим делом. Меня направили непосредственно к судье, жителю Слуцка. Ему предстояло судить нас единолично, и без его разрешения я не мог получить наше дело. Он принял меня весьма приветливо, сказал, что рад побеседовать со мной, поскольку именно я — главная фигура этого процесса. Разговор продолжался долго. Судья убеждал меня выразить раскаяние в своих прежних заблуждениях, пообещать, что с этого дня и дальше я буду хранить верность социалистической революции, и т. д. Со своей стороны, он заверял, что сделает все для отмены суда или, если суд все же состоится, нам будет определено символическое наказание. В свою очередь, в ходе этого обстоятельного и серьезного разговора я объяснял, что наш путь вовсе не является заблуждением и что нам совершенно не в чем каяться. Поэтому мы заинтересованы в гласном, публичном и серьезном разбирательстве, чтобы доказать справедливость нашей борьбы и наших действий. Я сказал, что мы собираемся твердо отстаивать свои принципы и намерены превратить судебное разбирательство в политический диспут.

На следующий день нам сообщили, что судья написал в Минск, требуя устроить выездное заседание Верховного суда, поскольку он не готов взять на себя ответственность за проведение этого процесса. Требование было принято, и в Слуцк выехали три судьи во главе с председателем. Тем временем я обратился к известному русскому адвокату Петкевичу, бывшему члену партии эсеров. После того как я изложил ему наше дело и ответил на все его вопросы (доказавшие мне, что он хорошо разбирается в этой теме, — так, будто он сам был евреем), он с воодушевлением заявил, что берется нас защищать и отказывается от гонорара, поскольку с политических денег не берет.

Я хотел получить разрешение председателя суда, чтобы процесс шел на русском языке, и на следующий день явился в суд. Там мне сказали, что из Минска уже командировали судей для участия в специальном выездном заседании и что председатель уже приехал, так что мне нужно обратиться к нему. Новый судья принял меня подчеркнуто холодно, а на мою просьбу ответил решительным и категорическим отказом. Все мои слова о том, что у нас русский защитник, который не знает идиша³⁸⁴, ни к чему не привели. Когда через несколько часов мы встретились с адвокатом Петкевичем и я рассказал ему о беседе с судьей и о том, чем закончилась моя просьба, чтобы суд проходил по-русски, он сказал, что вынужден отказать нас защищать. Из его слов я понял, что ему намекнули на его собственное политическое прошлое и объяснили, что ему не стоит связываться с «контрреволюционерами».

После долгих размышлений мы пришли к выводу, что тоже заинтересованы в том, чтобы процесс шел на идише, поскольку русского языка еврейские жители Слуцка в большинстве своем не знали. Мы же заинтересованы

В ходе разговора между нами вспыхнул политический спор о сионизме — хотя командир не был евреем, будучи членом коммунистической партии, он неплохо разбирался в этом вопросе.

---

³⁸⁴ В советской Белоруссии идиш был одним из четырех государственных языков. — *Прим. пер.*

в еврейской публике, ибо кого, как не евреев, мы надеемся убедить в истинности наших идей?

Посоветовавшись с товарищами, мы решили, что в сложившейся ситуации следует отказаться от официальных защитников, которых нам предоставит суд (их назначали из числа членов коллегии адвокатов в порядке очереди), и защищаться самостоятельно. Мы также договорились не сообщать об этом заранее и поставить суд перед фактом. Тем временем коллегия сообщила, что нашим защитником назначен адвокат Рапп.

Суд был назначен на среду, 27 ноября 1923 года, в слуцком городском театре — самом большом помещении, в котором сидя и стоя могли разместиться больше тысячи человек. То, что выбор Евсекции остановился на этом зале, а заседание было назначено на семь часов вечера, когда все уже закончили работать, свидетельствовало о намерении превратить суд над нами в общегородское зрелище.

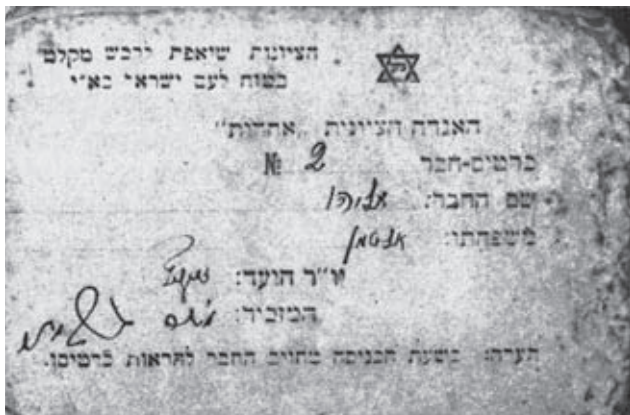
В результате, однако, произошла грандиозная сионистская демонстрация, какой я не припомню в России с тех самых пор, когда власти объявили сионистское движение контрреволюционным. Несмотря на то что в зал пускали по специальным билетам, которые раздавали только членам партии, комсомольцам и членам профсоюзов, разными способами в зал смогли проникнуть и простые евреи, включая молодежь. Среди последней оказались и наши товарищи, хотя организаторы делали все возможное, чтобы не пустить их в зал.

Зал был набит битком, не осталось ни одного свободного места. Организаторы не могли совладать с такой толпой; зрители толпились в проходах, рассаживались на подоконниках... Сотни людей остались снаружи и стояли около здания. Заседание началось ровно в семь часов. На сцену поднялись трое судей, обвинитель и назначенный судом защитник Рапп. Сбоку на скамье подсудимых сидели мы пятеро. После обычных формальных вопросов (имя, возраст, род занятий и т. д.) от имени всех обвиняемых я заявил, что мы отказываемся от защитника, предоставленного судом, и будем защищаться самостоятельно. Это произвело потрясающий эффект! Рапп, пребывавший в полнейшем недоумении, вынужден был извиниться, покинуть свое место рядом с судейским столом и сесть среди публики.

Речь обвинителя была выдержана в привычном стиле. Сначала он заявил, что не будет предъявлять третье обвинение — в неуважении к Евсекции и коммунистической партии в ее лице. (Слуцким евсекам это, скорее всего, не понравилось.) Далее прокурор упомянул о социальном происхождении обвиняемых, детей торговцев, спекулянтов и клерикалов (отец одной из девушек был резником). Впрочем, даже здесь ему пришлось выкручиваться, поскольку я в это время был красноармейцем и сидел на скамье подсудимых в военной форме. Кроме того, до призыва я считался трудящимся, ибо работал провизором в аптеке и был членом профсоюза медицинских работников. Затем обвинитель объявил сионизм контрреволюционной идеологией: по его словам, договор между Петлюрой и Жаботинским³⁸⁵ должен был свидетельствовать о связи между сионизмом и империализмом. В завершение своей речи прокурор потребовал максимально строгого наказания для

В результате, однако, произошла грандиозная сионистская демонстрация, какой я не припомню в России с тех самых пор, когда власти объявили сионистское движение контрреволюционным.

³⁸⁵ Владимир (Зев) Жаботинский (1880–1940) — один из лидеров и идеологов сионистского движения. В 1921 г. подписал с Максимом Славинским, пражским представителем зарубежного правительства Петлюры, договор об учреждении при украинской армии особой еврейской жандармерии для предотвращения погромов. — *Прим. пер.*

Членский билет
сионистской
организации «Ахдут»

всех подсудимых, и прежде всего для главного обвиняемого Азриэла Некрича, который был в группе лидером и оказывал на остальных тлетворное влияние.

После речи обвинителя председатель суда обратился к подсудимым с вопросами. Среди прочего прозвучал вопрос о моем отношении к Красной армии: служу я в ней добровольно или по принуждению? Я ответил, что, будучи гражданином советской страны, вижу в этом свой долг и исполняю его добровольно и честно. Тем самым я заткнул ему рот и сбил его с толку, так что председатель утратил всяческое желание спрашивать меня еще о чем-то. Он лишь напомнил мне, что Красная армия не потерпит в своих рядах контрреволюционный элемент вроде меня, и, если таковой в ней все-таки обнаружится, она отлично знает, как от него избавиться.

После допроса слово было предоставлено подсудимым. Как и было обговорено заранее, товарищи говорили кратко. Каждый из нас касался какого-либо одного пункта. Главную защитительную речь поручили мне. Я говорил последним.

Суд продолжался два дня (вернее, две ночи) подряд, с семи вечера и до рассвета, 27 и 28 ноября. Все время, пока шло судебное разбирательство, многочисленная публика не двигалась с места и напряженно и внимательно слушала. Свою речь я произнес во второй день, начав около полуночи. Я говорил порядка трех часов. К своему выступлению я подготовился, еще будучи в армии. Все, что писали о национальном вопросе вожди коммунистической партии Ленин, Сталин, Бухарин и другие, я прочел самым внимательным образом, выписав в специальную тетрадь многочисленные цитаты из их сочинений. Кроме того, незадолго до этого прошел Четвертый конгресс Коммунистического интернационала, посвященный национальному вопросу. Из его материалов я также почерпнул много полезного для своей речи.

В присутствии судей и многочисленной публики я рассказал о сионизме, о стремлении еврейского народа вернуться на родину. С помощью многочисленных цитат из произведений вождей коммунистического движения, которые я зачитал по своей тетрадке, я доказывал, что национальные устремления, желание народа обрести свою родину не являются контрреволюцией; что национализм не противоречит социализму. Я по пунктам опровергал все обвинения, выдвинутые прокурором, доказывал, что молодежное сионистское движение не является контрреволюционным, что оно социалистическое, поскольку стремится к построению социалисти-

ческого уклада в своей родной стране. Кроме того, я решительно отвергал какую-либо связь между сионистским движением и пактом Жаботинского — армии Петлюры.

Словом, это была ярко выраженная сионистская речь, произнесенная публично; она произвела огромное впечатление на публику, напряженно вслушивавшуюся в каждое слово, и заставила судей и представителей Евсекции скрежетать зубами от злости. Время от времени председатель прерывал меня, требуя говорить только по существу, но я неизменно отвечал, что я по пунктам отвечаю на обвинение, предъявленное мне прокурором, а потому говорю исключительно по существу, и что суд не вправе прерывать или ограничивать последнее слово обвиняемого. В результате, несмотря на частые паузы из-за вмешательства председателя, я продолжал и продолжал свою речь, пока не дошел до очередного своего доказательства, опиравшегося на высказывания самих коммунистических вождей: если национальные чаяния являются контрреволюционными, то тогда Коминтерн тоже следует признать контрреволюционной организацией! На этом чаша терпения переполнилась, и председатель заявил, что поскольку, невзирая на многочисленные предупреждения, я все равно не хочу говорить по существу, он лишает меня слова. Я выразил решительный протест и потребовал занести его в протокол. На этом председатель объявил судебное слушание оконченным и вместе с двумя другими судьями удалился в совещательную комнату.

Совещание продолжалось долго. Около трех часов утра огласили приговор: меня приговорили к годовому заключению, изгнанию из рядов Красной армии и лишению активного и пассивного избирательного права. Единственную девушку среди нас, Крейну Маѓаршак, приговорили к месячному заключению, а поскольку до суда она провела в тюрьме четыре недели, ей осталось сидеть всего два дня. Трех оставшихся товарищей, Цви Хазановича, Боруха Лифшица и Йеѓуду Скакальского, освободили как несовершеннолетних.

Стоит отметить, что максимальными наказаниями по 72-й и 83-й статьям Уголовного кодекса были, соответственно, год и два года тюремного заключения — итого по совокупности три года. И действительно, в ходе совещания судей с обвинителем (как сообщил нам один из наших товарищей, подслушавший их спор) прокурор настойчиво требовал максимального наказания по крайней мере для меня. Однако судьи заявили, что после моей защитной речи обвинение по 83-й статье (разжигание национальной розни) невозможно воспринимать серьезно и от него следует отказаться. Таким образом, все закончилось годовым заключением, что стало несомненным поражением Евсекции. Впрочем, это было не главное. Главным поражением Евсекции, решившей превратить уголовный суд в показательный процесс, стало следующее: вместо того чтобы показать еврейским массам, что сионистское движение контрреволюционно, а молодежная сионистская организация реакционна, еврейская публика услышала нечто прямо противоположное и продемонстрировала открытое сочувствие сионизму и нашей организации. Вскоре после суда, когда я вернулся в тюрьму, мне сообщили о присоединении к организации «Кадимо» многочисленных представителей учащейся и рабочей молодежи как в Слуцке, так и в других белорусских городах. Это стало достойной наградой за наше мужественное поведение на суде.

Вскоре после суда, когда я вернулся в тюрьму, мне сообщили о присоединении к организации «Кадимо» многочисленных представителей учащейся и рабочей молодежи как в Слуцке, так и в других белорусских городах.

Между тем Евсекция в Слуцке понимала, что суд над нами стал для нее поражением. Поэтому сразу же после этого состоялось закрытое заседание, где было принято решение обратиться в Центральный комитет коммунистической партии и потребовать не устраивать впредь показательных процессов над сионистами, поскольку они ей только вредят. (Одному из наших товарищей удалось скопировать отрывки из протокола этого заседания Евсекции.) Таким образом, суд над нами стал вторым (после киевского) и последним публичным процессом российских сионистов.

ТО, ЧТО БЫЛО

Ф. Эфрон

В память о моей маме Итке, чистой и благородной женщине.

В память о моем отце Йосефе-Дове-Бере, решительном и смелом человеке.

В память об уничтоженном доме.

Слуцк, мой родной город... Почему он мне так дорог? Потому, что он — мой. Дом. Детство. Отрочество. Начало начал. Мечты, упования, надежды. Вера в человека и человечество.

В конечном счете я провел там лишь несколько лет. Откуда же у меня такая тоска и такая нежность? Откуда такая любовь и чувство благодарности? Вместе с тем я прекрасно помню ту силу, которая нас преследовала; помню страстное желание уехать, убежать, улететь из Слуцка. Из Слуцка уезжали многие, в основном молодежь. Жаль, что не уехали и те, кто остался.

Еврейский Слуцк: серьезность, строгость, аккуратность, фанатизм и честность наряду с чистой искренней верой, тоской и скукой. Все вокруг утопало в безмолвной тоске и скуке. Даже пейзаж казался серьезным и скучным.

Прошло лишь несколько лет, и произошел чудовищный разлом. Вместо наивной веры, традиционной религиозности и ревностного соблюдения предписаний — воинствующее агрессивное безбожие, отказ от всего святого и общепринятого, вплоть до свадеб без раввина, смешанных браков и необрезанных мальчиков. Кто сможет оценить горе отцов и разбитые сердца матерей? Кто опишет потрясение и ужас, выпавшие на долю этого поколения?

И вот на фоне общих потрясений, происшедших за очень короткое время, — несколько воспоминаний и впечатлений сначала мальчика, а затем подростка из Слуцка о том, как он видел, слышал и пережил эти события.

Дело Бейлиса. Первая мировая война. Беженцы. Первая революция. Вторая революция. Смены режимов и правительств. Крах и распад еврейской жизни. Сионистское подполье. Арест, прощание с родным домом.

Тревога, ворвавшаяся в мою спокойную жизнь и безмятежное детство, — тревога, вызванная делом Бейлиса. Страх перед будущим. Даже ребенок чувствует, что вот-вот произойдет нечто судьбоносное. По вечерам собирались соседи обоих полов и с волнением читали газеты.

Обычно в праздник Симхес-Тойре³⁸⁶ отпускали вожжи, и молодежь веселилась и дурачилась в синагогальном дворе. Однако в день накануне судебного решения по делу Бейлиса³⁸⁷ никто не радовался и не веселился. (С тех пор настоящего веселого празднования Симхес-Тойре в Слуцке не будет уже никогда.) Вместо этого — страх и уныние. Молитва прошла мрачно и тихо. Пришло время гакофойс³⁸⁸. Неожиданно появился чужак, какой-то хасид, к которым в миснагедском Слуцке не привыкли. Приезжий подошел к ковчегу — и пустился в пляс. Это тоже было невиданное зрелище: взрослый мужчина — и вдруг пляшет!

Запомнилось: характерные несуетливые движения остальных, медленная сдержанная речь без повышения голоса. Страх и печаль в словах: «Эх, реб еврей, сейчас не пей», — произнесенных шамесом реб Янкевом, приятным, всеми уважаемым вежливым человеком.

И, разумеется, невозможно забыть радость избавления от тревоги. Радость сдержанную, осторожную, негромкую — чтобы не злить христиан. Разве все уже не закончилось? Оказывается, нет: хотя Бейлиса оправдали, обвинение с еврейского народа не было снято. Поэтому радость была сильно сдобрена горечью: кто знает, что день грядущий нам готовит?

И действительно, после оправдательного приговора российские силы тьмы не успокоились и не исчезли, но с удвоенной энергией продолжили свою пропаганду и подстрекательство против евреев.

У нас в Слуцке также отыскивали и решили использовать некоего Гаврилу, убитого единоверцами, а через несколько лет были обнаружены его нетленные мощи, не тронутые временем³⁸⁹. Весной 1914 года о нем вспомнили и объявили его святым. В честь этого события решено было отметить его годовщину в городском парке. Одновременно усилилось подстрекательство против евреев Слуцка и окрестностей. Пустили слух, что именно они на самом деле убили Гаврилу. Все пребывали в страхе. Возникла реальная угроза погрома. Состоятельные евреи поспешили уехать из города.

В итоге в Слуцк стеклось множество разного народа, пышная религиозная процессия прошествовала по городу. Однако восторга и энтузиазма было гораздо меньше, чем планировали организаторы. Погрома не случилось. Говорили — потому, что евреи дали на лапу губернатору. Как бы то ни было, местная полиция получила значительное подкрепление. Говорили также, что слуцкая молодежь тоже подготовилась и организовала самооборону.

Вскоре после этого случилось редкое природное явление: полное солнечное затмение. Это произвело неизгладимое впечатление не только на детей, но и на взрослых. Говорили: плохой знак, жди новой беды. «Это знак, что будет война», — пророчествовали в один голос и мужчины, и женщины.

И действительно, вскоре после этого, в августе 1914 года, началась война³⁹⁰. Это произошло 9 августа. Началась Первая мировая война со всеми ее

И действительно, после оправдательного приговора российские силы тьмы не успокоились и не исчезли, но с удвоенной энергией продолжили свою пропаганду и подстрекательство против евреев.

³⁸⁶ Симхес-Тойре (идиш) — Радость Торы. В этот день завершается годичный цикл чтения Торы и сразу же начинается новый.

³⁸⁷ Мендл Бейлис был оправдан судом присяжных 28 октября 1913 г. — *Прим. пер.*

³⁸⁸ Гакофойс (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «кружения» — традиционный обход бимы в синагоге со свитками Торы в руках в праздники Шмини-ацерес и Симхес-Тойре, сопровождаемый песнями и танцами. — *Прим. пер.*

³⁸⁹ Речь идет о провозглашенном святым Гаврииле Белостокском (1684–1690), мальчике, якобы убитом арендатором-иудеем. Почитание Гавриила началось еще в XVIII в. Его останки были перенесены в слуцкий Свято-Троицкий монастырь в 1755 г. — *Прим. пер.*

³⁹⁰ На самом деле затмение произошло 21 августа 1914 г., уже после начала войны. — *Прим. пер.*

ужасами. В одночасье рухнул привычный порядок вещей. Никогда не отличавшийся внешними проявлениями радости, Слуцк погрузился в безмолвие. Умолкли голоса женихов и невест и звуки всех прочих радостей. Городом овладело уныние. Евреи чувствовали себя чужими по отношению к российскому государству в целом и к войне, в частности. Прибегали к самым разным средствам, чтобы уклониться от призыва. Доходили до нанесения себе легких, а то и серьезных увечий. Появились даже настоящие специалисты этого дела. Процветало взяточничество. Наконец нашлись те, кто решил скрыться и уйти в подполье.

К тому времени российский режим прогнал окончательно. После легких побед в начале войны началось великое позорное отступление. Разумеется, в этой неудаче также оказались виновны евреи — их обвинили в пропаганде, вредительстве и шпионаже. Тогдашний Верховный главнокомандующий, дядя царя, великий князь Николай Николаевич отдал приказ о тотальном выселении всех евреев из прифронтовой полосы. Началась эпопея беженцев.

Осенью 1915 года многочисленные беженцы прибыли в Слуцк. Их принимали заботливо и радушно, кормили и помогали им с истинно братской любовью. Многие беженцы спали прямо в синагогах, других разместили в частных домах. Молодые женщины собирали для них продукты и одежду, готовили им и кормили их.

В то же время эти евреи казались нам очень странными. Это были польские хасиды с длинными вьющимися пейсами. (Слуцкие евреи прятали свои пейсы, не выставляя их на всеобщее обозрение.)

Особая непривычная одежда. Маленькие шапочки. Носки поверх штанов, длинные непривычные капоты, витые пояски — таких евреев Слуцк прежде никогда не видел. Даже их язык звучал странно и непривычно, был непонятен и резал слух слущким литвакам.

Началось противостояние общин. Старожилы и беженцы сторонились друг друга. (Перегородки, разумеется, существовали и между коренными жителями Слуцка: классовые, профессиональные, имущественные... У каждой группы была своя синагога. Главным же считалось происхождение — «заслуги предков».)

Беженцы организовали отдельные миньяны — хасидские. Однако со временем различия и противоречия понемногу начали стираться. Чужаки немного пришли в себя и начали осваиваться, местные евреи им помогали. Чем дальше, тем быстрее стирались границы между двумя группами. Возникли совместные предприятия, а вскоре дошло и до «смешанных браков». Началось слияние двух общин.

В то же время в атмосфере войны и близости к фронту в Слуцке появился новый доктор — молодой еврей, энергичный, проникательный и веселый. Говорил он только по-русски, выглядел настоящим франтом. Откуда он приехал, никто не знал. Общался он исключительно с начальством, начиная с исправника и кончая воинским начальником. Он был назначен армейским врачом и заседал в воинском присутствии, где проверяли призываемых в русскую армию. Эта должность открыла для него безграничные возможности для взяточничества, и он пользовался этим беззастенчиво и грубо. Слуцкие евреи, особенно женщины, возненавидели нового доктора и провожали его отборными проклятиями, когда он ехал по улице в своем экипаже. Он вел роскошный образ жизни, поселился в просторном доме од-

---

Осенью 1915 года многочисленные беженцы прибыли в Слуцк. Их принимали заботливо и радушно, кормили и помогали им с истинно братской любовью.

Элишева Эшколь
(Элка Каплан)
из местечка Синявка.
В 1917–1918 гг.
находилась в Слуцке
в качестве беженки.
Активистка «Цеирей-
Цион»

ного из слущких богачей, уехавших из города, когда он стал прифронтовым, и женился на местной красавице. Им прислуживали две супружеские пары христиан. Едва ли не каждый вечер доктор и его супруга устраивали балы, продолжавшиеся до глубокой ночи, куда являлось все местное начальство.

Время от времени в их доме останавливался еврей с красивыми чертами лица и ухоженной бородой, живший у них по несколько дней. Летом этот еврей сидел на балконе и учил Талмуд. «Это его дядя» — объясняла прислуга. Для соседей это оставалось загадкой.

Как-то вечером (дело было в Сукес³⁹¹ в 1916 г.) к доктору пришли его обычные гости, однако на этот раз без приглашения и не предупредив заранее о своем визите, и арестовали хозяина. Выяснилось, что он жил под чужим именем и вообще оказался не врачом, а всего лишь студентом-медиком третьего курса. Чиновники серьезно опасались за свою шкуру: ведь они тоже танцевали у него на балах и участвовали в попойках.

Слуцкие евреи были в шоке. Даже те, кто прежде проклинал «доктора» за сотрудничество с коррумпированной, враждебной, жестокой и ненавидящей евреев властью, приумолкли и лишь качали головами. Когда через несколько месяцев произошла революция, некоторые слущкие евреи говорили: «Каких-то несколько месяцев, и он стал бы большим человеком». Было в нем что-то, очаровавшее местных жителей. Словно метеор, он пронесся по слущкому небосклону, привлекая всеобщее внимание, — и рухнул в бездну.

Тем временем в России произошла первая, Февральская революция. Сначала люди говорили об этом шепотом, оглядываясь по сторонам: «В столице что-то происходит... Царь отрекся в пользу цесаревича Алексея, большого наследника... Нет, в пользу своего брата Михаила... Михаил теперь царь... Республика... Временное правительство...»

³⁹¹ Сукес (иврит в ашкеназском произношении) — в русской традиции праздник Куцей — осенний праздник и следующая за ним полупраздничная неделя в память о шалашах, в которых жили евреи в пустыне после исхода из Египта.

Равноправие — впервые в истории России³⁹². Споры в субботу в синагоге: «дающий власть»³⁹³ — кому? Закипела ожесточенная дискуссия, страсти накалились. Нашлись идейные монархисты-консерваторы, желавшие молиться за царя Николая. Появились республиканцы, поддерживавшие Временное правительство. Словом, в ту субботу молитву за правительство так и не прочли. Чувствовалось, что чего-то не хватает, словно после ампутации конечности, без которой не обойтись.

Царя тем не менее свергли. Россия — республика. Временное правительство. Мечты. Весна. Всеобщая радость. Сияющие лица. Сердце поет и рвется из груди. Всплеск чувства всеобщего братства, желание действовать. Стремление совершить какой-нибудь подвиг, пожертвовать собой. Незабываемое ощущение. Дезертиры выползли из своих укрытий, заявив: теперь мы знаем, за что воюем!

Всенародная демонстрация на рыночной площади. Все были вместе: христиане и евреи, интеллигенция и простонародье. Даже духовенство шествовало вместе со всем народом. Всенародная революция, революция, не пролившая крови!

Впрочем, уже тогда были скептики, вспоминая 1905 год. Тяжело вздыхая, они делились своими страхами и опасениями: кто знает, что день грядущий нам готовит; дай Бог, чтобы не закончилось, как в 1905-м.

Вышли из тени и организовались политические партии. Возникали и формировались союзы, движения, объединения — каждый день новые. Не стало исключением и сионистское движение во всех его видах и оттенках. Появилась молодежная сионистская организация и даже детская — «Пирхей-Цион».

Казалось, никакой войны больше нет. Свобода, свобода без границ! Ею упивались допьяна. Молодежь хотела приобщить к этой всеобщей радости даже покойников и ночи напролет гуляла на городском кладбище. Мертвых и смерти больше не боялись. Дух свободы и легкой вседозволенности охватил всех и каждого. Даже дети раввинов и йешиботники начали учить русский язык и укромно, чтобы никто не видел, играть с барышнями в крокет в садах богачей.

Начались предвыборная агитация и предвыборная борьба. Собrania и речи. Среди выступавших были бывшие политзаключенные. В глазах всех жителей Слуцка они казались героями. Как-то в субботу в Большой синагоге произнес речь директор местного коммерческого училища Дмитрий Иванович Иванов, православный либерал — в отличие от директора гимназии Соколова, который считался реакционером. Предвыборная борьба была ожесточенной, поскольку каждый верил в свою программу истинной и полной верой.

Все создавалось заново. Городская дума была избрана всеобщим голосованием. Вместо полиции — милиция, причем начальником милиции стал еврей — Даниэлька-милиционер. Когда вечером он заступал на пост, его будку окружали девушки, парни и дети — всеобщее веселье. Городового, которого евреи боялись как огня, выгнали. Понурый, с непокрытой голо-

---

Царя тем не менее свергли. Россия — республика. Временное правительство. Мечты. Весна. Всеобщая радость.

---

³⁹² 20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, которым отменялись все «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». — *Прим. пер.*

³⁹³ Традиционная еврейская молитва за власть начиналась словами: «Дающий власть царям...» — *Прим. пер.*

вой, он теперь первым громко здоровался с каждым евреем, увидев его хоть за версту. Вся прежняя спесь с него слетела. Кончилось тем, что его призвали в армию и отправили на фронт.

Как прекрасны были наши мечты, как велики надежды! Однако весна оказалась недолгой. Реальность день ото дня становилась все тяжелее и мрачнее. Не помогли и новые солдаты из числа бывших уклонистов — поражения на фронте следовали одно за другим. Вся страна погружалась в анархию, правительства менялись как перчатки. Все уповали лишь на Учредительное собрание.

Произошла вторая, Октябрьская революция. Власть захватили большевики. Их лозунги: земля — крестьянам, долой войну, солдаты — по домам — завораживали и привлекали многих, и прежде всего усталых солдат. Мнение слущких евреев: «безумцы», «бессовестные», «анархисты», «просто психи» и даже, как говорили по всей России, «германские шпионы» — большевикам решительно не повредило и не помешало, и они захватили власть. Однако анархия все нарастала и нарастала.

Тем временем Слуцк взял тайм-аут: в соответствии с Брест-Литовским соглашением город заняли немцы. На первых порах они, войдя в город, произвели тяжелое впечатление, поскольку взяли заложников из числа наиболее уважаемых жителей города. Однако впоследствии они показали себя добрыми и справедливыми правителями. Евреи не могли припомнить, когда в последний раз были такие хорошие времена процветания, тишины и спокойствия. Возможно, именно эти воспоминания погубили слущких евреев в начале Второй мировой войны, когда они отказывались верить, что немцы способны на преступления и жестокость. Быть может, это стало одной из причин, по которым евреи не пытались бежать из Слуцка.

После того как в Германии тоже произошла революция, немцы ушли из города.

Это было время бесчисленных страданий и бесконечных перемен. В России началась жестокая гражданская война. Очередная власть приходила и уходила, чтобы вернуться следующей ночью. Жить становилось все труднее. Не хватало решительно всего — настоящий голод, без преувеличений. Виноватыми, как обычно, оказывались евреи. Усиливался антисемитизм, начался открытый бандитизм. Волна еврейских погромов прокатилась по всей России. «Бей жидов, спасай Россию!» — таков был лозунг всех сражавшихся против большевиков. В результате русские евреи не по своей воле стали соратниками большевиков, в которых они видели спасителей.

К сожалению, на спасителей-большевиков тоже не всегда можно было положиться. Помню похороны жертв погрома. Похоронная процессия, превратившаяся в демонстрацию, прошла мимо здания слущкого ЧК и потребовала защиты и безжалостной борьбы с бандитизмом. (Тогда это еще было возможно.) Начальник ЧК принял представителей, говоривших от имени участников процессии, и дал какие-то обещания. Впоследствии мы узнали, что его самого расстреляли за связь с бандами.

Город Слуцк бандиты не тронули, однако убивали и грабили жителей близлежащих местечек, деревень и хуторов. Их темная тень накрыла Слуцк, наводя страх и отравляя жизнь.

Смена власти проходила в Слуцке достаточно спокойно. После ухода немцев город заняли большевики, потом поляки, потом снова большевики,

---

Это было время бесчисленных страданий и бесконечных перемен. В России началась жестокая гражданская война. Очередная власть приходила и уходила, чтобы вернуться следующей ночью.

потом опять поляки... Последнее слово осталось за большевиками. Настала эпоха нужды и тревоги.

Отдельно стоит рассказать о первом отступлении поляков, продолжавшемся несколько недель. Издевательства достигли таких масштабов, которых Слуцк никогда не знал прежде. Воровали, грабили, избивали — словом, настоящий погром в полном смысле этого слова. Поляки поджигали дома, насиловали женщин... Были и убитые. Евреи заперлись в своих домах, жизнь остановилась.

О деятельности тогдашнего главы еврейской общины покойного доктора Шильдкраута, который не сидел сложа руки, осталось немало свидетельств. Менее известно о деятельности моего отца. Между тем все знали, что он ездил по всей округе, оказывая людям врачебную помощь, доставляя нуждающимся лекарства и помогая людям продуктами и просто добрым словом. По дороге его неоднократно избивали. Как-то раз он встретил группу высокопоставленных польских офицеров. Подойдя к ним, он сообщил им о происходящих погромах. Во имя благородства и культуры польского народа, во имя Адама Мицкевича, во имя борьбы польского народа за независимость, в которой участвовали и евреи, он потребовал от них немедленно остановить беспорядки. Офицеры внимательно выслушали отца и пообещали прекратить погромы. И действительно, после этой беседы несколько дней прошли относительно тихо.

Что же до польского благородства — во время второго отступления большевиков из Слуцка были задержаны польский врач Селицкий и его сын, шедшие по рельсам железной дороги в сторону фронта. Не было никаких сомнений, что они занимались шпионажем. Тем не менее их не расстреляли. За них вступился и спас их Юрий Сергеевич Ферапонтов — сын крещеной еврейки Ханы-Белки, который стал убежденным коммунистом и был близок к властям.

Хана-Белка и ее дети заслуживают отдельного рассказа. Говорили, что в юности она была красавицей. Полюбив сына священника Ферапонтова, она крестилась и вышла за него замуж. Однако любовь прошла, и жилось ей очень нелегко, поскольку муж бил ее смертным боем. У нее родились очень красивые сыновья, больше похожие на евреев, — мастера на все руки, которым лучше всего удавалось петь, рисовать и играть на музыкальных инструментах. Однако парни были очень одиноки: им не удавалось подружиться ни с христианами, ни с евреями, поскольку и те и другие их чурались. Все называли их «полужидками». Тем не менее к евреям они были ближе. С двумя из них я учился в одном классе. Несколько раз я бывал в их доме, который казался печальным и неустроенным. Хана-Белка была уже немолода, однако сохранила следы былой красоты. У нее были печальные глаза — настоящая «аидише маме»³⁹⁴.

И вот, когда поляки вернулись в Слуцк, одного из молодых Ферапонтовых схватили. Хана-Белка побежала к доктору Селицкому, которого спас ее сын. Однако отец и сын Селицкие заперлись у себя и даже не открыли ей дверь. Они были дома, но не отвечали. Хана-Белка стучала, рыдала, кричала, но все было напрасно. Ее сына расстреляли. Вот оно, польское благородство.

В итоге Слуцк достался большевикам, постепенно укрепившим здесь свою власть. Параллельно положение местных евреев менялось к худшему.

Отдельно стоит рассказать о первом отступлении поляков, продолжавшемся несколько недель. Издевательства достигли таких масштабов, которых Слуцк никогда не знал прежде.

---

³⁹⁴ *А идише маме* (идиш) — еврейская мать.

Причем на этот раз причиной стали не злонамеренность начальства и не антисемитизм, а сама природа и цели нового режима. В числе новых руководителей хватало как евреев, так и неевреев, уроженцев Слуцка. Однако населению от этого было не легче. Наоборот, евреи были намного хуже, поскольку являлись самыми ревностными последователями нового учения. Закрыли синагоги и все хедеры. Преподавание иврита была запрещено. Меламедов и раввинов судили. Духовная жизнь была разрушена, настало время воинствующих безбожников. С духом свободы было покончено, все партии и организации запретили. В результате возникла подпольная молодежная сионистская организация.

Экономическое положение тоже было катастрофическим. В Слуцке началась «борьба с буржуазией», на практике превратившаяся в борьбу с ремесленниками, которые были бедняками и лавочниками, чьи доходы в большинстве своем резко упали. Между тем именно они составляли большинство еврейского населения города. У многих горожан не было практически никаких заработков. Появились новые «люди воздуха» с самыми неожиданными занятиями, не приходившими в голову даже Шолом-Алейхему. Первым из этих занятий стала спекуляция валютой. Зарабатывали на разнице между старыми и новыми деньгами, между мятыми и гладкими купюрами... Доллары, польские деньги, советские деньги, даже царские деньги... Ходили купюры с дырками (проколотыми булавкой) и без дырок, разменные монеты разного достоинства. Спекулянты меняли валюту на валюту, делали дырочки и затыкали дырочки с помощью разных сортов мыла (это было целое «производство»), разглаживали купюры утюгом, покупали, продавали и таким образом зарабатывали себе на хлеб.

Контрабанда тоже стала профессией, поскольку граница была рядом. Однако наибольшее распространение получили торговые операции так называемых мешочников: торговцев, у которых весь товар помещался в мешке. Подобная торговля возникла из-за острого недостатка всех товаров и огромной разницы цен как между городом и деревней, так и между разными городами. Мешочная торговля процветала, несмотря на категорический запрет со стороны властей и связанными с ней опасностями. Много раз мешочники не только оставались без товара, но и попадали в тюрьму. Говорили, что население состоит из трех категорий: тех, кто сидит; тех, кто сидел; и тех, кто сядет. Евреи, однако, не унывали: шутки и прибаутки всегда звучали в Слуцке.

Не хватало решительно всего, включая предметы первой необходимости, продукты и одежду. Люди придумывали всевозможные схемы и комбинации, чтобы справиться с этой нехваткой. Кое-как набивали себе желудок, чем-то прикрывали тело. Находили всевозможные добавки и заменители: хлеб из муки, смешанной с отрубями, грубое масло, чай из сушеной измельченной моркови, сахарин, черную соль... Девушки шили платья из мешков, тряпья и всевозможных лоскутов, пока не получали нужную комбинацию самых фантастических расцветок.

Возникло целое домашнее производство по ремонту обуви с помощью старой ткани и веревок. Также делали обувь из дерева — своего рода сабо. Находились мастерицы, которым удавалось изготавливать модные туфли и элегантные сабо.

Однако еврейская молодежь думала и мечтала вовсе не об этом. Большинство из них не принимали в советские школы из-за непролетарского происхождения. Другие возможности тоже были перекрыты; положение

Не хватало решительно всего, включая предметы первой необходимости, продукты и одежду.

казалось безвыходным. В этой ситуации все больше ребят оказывались в сионистской подпольной организации: им казалось, что есть только одно решение, только один путь: тот, который ведет в Сион.

Удивительное дело, но параллельно крепло и укоренялось новое коммунистическое учение, завоевывавшее умы и сердца людей с каждым днем все успешнее и успешнее: сначала — молодежи, а со временем и взрослого населения. Одни принимали его искренне, другие — из карьеризма.

Типичной можно считать трагическую историю одного еврея, к которому пришла женщина, чтобы выразить соболезнования в связи с кончиной сына, умершего в расцвете сил. Скорбящий сказал ей: все-таки лучше, что он умер, а не стал коммунистом. Однако прошло каких-то два года, и тот же самый еврей в разговоре с другим сыном той самой женщины, не коммунистом, упомянув своего среднего сына, который в свое время сидел за сионизм, а затем был сослан, с удовлетворением отметил, что тот не ходит кривыми опасными путями: «Слава Богу, он у меня комсомолец!»

Коммунистическая идеология и терминология просочились и распространились и среди участников подпольного сионистского движения. Его платформа и риторика были марксистскими. Долгими вечерами и ночами сионисты-подпольщики, юноши и девушки, спорили о том, какой путь им выбрать: широкую накатанную дорогу построения мирового социализма или же национальный путь — узкую проселочную тропинку борьбы за социализм в рамках одного немногочисленного народа, явно не пролетарского, у которого рабочий класс только-только стал появляться, путем собирания этого народа в провинциальной захолустной стране, где к тому же свирепствует лихорадка. Да и вообще, пребывать в подполье в стране победившего социализма было как-то некомфортно. Нужно было найти себе оправдания. Оправдываясь, обвиняли большевизм в ошибках. Кипели споры, в чем заключаются эти ошибки. Одни утверждали, что большевики ошибаются только в еврейском вопросе. Другие настаивали, что ошибки в еврейском вопросе — следствие ошибочности самой большевистской идеи.

Неожиданно сионистская идеология и подпольное сионистское движение получили помощь и поддержку оттуда, откуда ее никто не ждал, — со стороны большевистского начальства. В 1924 году в России была опубликована брошюра некоего Брагина³⁹⁵, проанализировавшего положение тогдашнего российского еврейства. Это был сионистский анализ в полном смысле этого слова. Решение, которое он предложил, — превращение евреев в земледельцев. Где? По месту жительства.

Возникла общественная организация ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся) и государственная организация КомЗЕТ (Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР), действовавшие при поддержке нескольких влиятельных фигур в центральном аппарате. Председателем КомЗЕТа стал Петр Смидович, его заместителем — российский «президент» Калинин³⁹⁶.

Неожиданно сионистская идеология и подпольное сионистское движение получили помощь и поддержку оттуда, откуда ее никто не ждал, — со стороны большевистского начальства.

---

³⁹⁵ Абрам Григорьевич Брагин (1893–1938) — советский публицист и общественный деятель. Инициатор проекта по созданию еврейских сельскохозяйственных поселений на юге Украины и в Крыму. Речь идет о книге «Судьба еврейских масс в СССР», написанной им совместно с Михаилом Кольцовым. — *Прим. пер.*

³⁹⁶ Петр Гермогенович Смидович (1874–1935, Москва) — советский партийный и государственный деятель. Член ВЦИК, президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Михаил Иванович Калинин (1875–1946) с 1919 г. и до самой смерти был председателем ВЦИК, т. е. формальным главой советского государства. — *Прим. пер.*

Итка Эфрон, жена
р. Йосефа-Дова-Бера
Эфрона

р. Йосеф-Дов-Бер
Эфрон

Проходили собрания и съезды, в том числе в Минске, Слуцке и по всей Белоруссии. В результате незначительное число евреев занялось земледелием. При этом и в Белоруссии в целом, и в самом Слуцке евреи были готовы стать крестьянами и обрабатывать землю, однако свободных земель не было даже в Крыму.

Одновременно с созданием общества и государственного комитета по землеустройству евреев в России власти усилили репрессии против сионистов.

Одновременно с созданием общества и государственного комитета по землеустройству евреев в России власти усилили репрессии против сионистов. Они осознали, что эта кампания способствовала укреплению еврейской национальной идеи. В результате решено было уничтожить сионистское подполье раз и навсегда. С еврейским землеустройством у них не получилось, даже когда основную работу перенесли в Биробиджан. Однако уничтожить сионистское подполье им удалось. Подполье — но не сионизм! Еврейские искры не погасли и тлеют в России и сегодня!

Между тем кампания по разгрому и уничтожению подполья докатилась и до меня. В январе 1925 года я был арестован вместе с несколькими товарищами и приговорен к ссылке. До этого мне удавалось избежать ареста. Это было мое первое и последнее тюремное заключение. Будучи опасным политическим преступником (восемнадцать лет от роду), я оказался в камере ГПУ в Минске, в компании множества других преступников: контрабандистов, бандитов, шпионов, дезертиров и других, сидевших по неизвестным мне обвинениям. Несмотря на первоначальные опасения, между нами сложились самые сердечные отношения.

По окончании допросов и следствия весь материал отослали в Москву. Через два месяца коллегия ГПУ, судившая заочно, не затрудняя себя необходимостью выслушать или хотя бы увидеть обвиняемых, приняла стереотипное решение: три года ссылки в места отдаленные (коих в бескрайней России хватает) — в азиатские или северные районы страны.

На практике же это означало, что вместо ссылки мы поедem в Эрец-Исраэль, как это было принято в отношении осужденных за сионистскую

деятельность. После оглашения приговора нам дали две недели для подготовки к отъезду. Воистину, либеральные времена!

Было ясно, что за две недели все формальности будут улажены, и мы уедем. Однако через неделю нас снова арестовали. Что произошло, мы не знаем по сей день. Предполагаем, что имело место предательство — провокация со стороны одной из наших девушек. Мы хотели взять ее с собой в Страну Израиля, выдав замуж за одного из высылаемых. Она согласилась — возможно, подчиняясь партийной дисциплине, но не исключено, что ее желание попасть на Святую землю было искренним. Однако, судя по всему, кто-то сообщил ГПУ о наших планах, и там решили, что вместо Эрец-Исраэль мы поедem в ссылку. Что касается невесты, то органы надеялись на то, что она им еще пригодится, поскольку еще не выполнила свое задание, — хотя и так сделала для них немало.

Некоторое время я болтался по разным тюрьмам, пока наконец не оказался на Крайнем Севере, где мне предстояло отбывать ссылку. Тем временем отец хлопотал о моем освобождении и замене ссылки высылкой из страны. Мне это было неприятно и казалось оскорбительным для настоящего политического бойца. Отец даже приехал ко мне в ссылку, чтобы навестить меня, которого он произвел на свет на старости лет, приехал, невзирая на то, что был уже весьма слаб. Отец был блестящим знатоком Торы, выросшим в семье потомственных раввинов. Его мать была сестрой знаменитого раввина раби Дова-Бера Соловейчика. Навещая меня в деревне, где я отбывал ссылку, он по памяти цитировал отрывки из Танаха и песен Сиона, начиная с Йеғуды Га-Леви и заканчивая Долицким³⁹⁷ и Бяликом. Что касается последнего, то отец помнил даже неопубликованные его стихи на иврите

Группа халуцим по пути в Эрец-Исраэль.

Первый ряд (стоят, справа налево):

Альтман, неизвестный, Шомрони, Подлипский, Шолом, Шифман, Подлипский, Йозл Берг, Паскин, Менделевич.

Второй ряд (справа налево):

Майзель, Б. Кацнельсон, его жена Муся Гаркави с дочерью, Песя Шапиро, Арье Шапиро, Каминер, Эпштейн.

Третий ряд (справа налево):

Островский, Ш. Шпилькин, Йозл Кирг, Хана Майзель, Арн Рольник, Башевкин

³⁹⁷ Менахем-Мендл Долицкий (1856 или 1858–1931) — поэт и прозаик. Писал на иврите и идише. Пережив в 1881 г. погром в Киеве, Долицкий стал убежденным палестинофилом. Его песни о Сионе увлекали читателя наивной романтикой. — *Прим. пер.*

Кроме того, он был несравненным знатоком генеалогии больших разветвленных семейств, родственных отношений между ними и их происхождения.

и идише. Он вообще обладал замечательной памятью. В ней среди прочего хранилась подробная карта всех еврейских городов и селений. Кроме того, он был несравненным знатоком генеалогии больших разветвленных семейств, родственных отношений между ними и их происхождения. По-русски отец говорил правильно, но не слишком красиво. Тем не менее он прекрасно знал русскую литературу.

Благодаря своей неукротимой энергии и настойчивости он приехал в Москву и добился приема у высшего начальства — тогдашнего прокурора Катаняна³⁹⁸, советского «президента» Калинина и его заместителя Смидовича. Отца принимали очень вежливо, вели с ним продолжительные интересные беседы. Калинина больше всего впечатлила его ухоженная длинная борода. «Как вам удалось отрастить такую бороду?» — спрашивал он снова и снова (у самого Михаила Ивановича была жидкая козлиная бородка). Однако в том, что касается дела, по которому хлопотал отец, все шло не слишком гладко и заняло достаточно много времени из-за постоянных проволочек. Все было в руках ГПУ. Тем не менее решение об освобождении и высылке в конце концов было принято.

Из всех сосланных в автономную область Коми, где я отбывал ссылку, я оказался первым уехавшим в Эрец-Исраэль, как бы приоткрыв дверь и для других. Побывать в Слуцке по пути в Страну Израиля мне так и не разрешили. Поэтому свой родной город я больше никогда не увижу: еврейского Слуцка больше нет.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ БУНДА

М. Тульман

Большая часть еврейской молодежи Слуцка стремилась получить общее образование. Казенная школа для еврейских детей и городская гимназия притягивали очень многих.

Самые способные и энергичные ехали в крупные российские города, но никто из них не забывал о Слуцке. Они часто приезжали в город, вступая в контакт с местной беспокойной молодежью. Так, нас навещали несколько раз Мерка Ратнер, Берл Рабинович — сын Рувки-меламеда, Зяма Вендров — сын городского резника, Бронштейн (мне кажется, позже он стал казенным раввином Слуцка), нееврей Очаповский — выходец из очень либерального слуцкого дома, сын городского судьи. Все они прежде учились в Слуцке, а затем рассеялись по высшим учебным заведениям Москвы и Петербурга. Посещая родной город, они подтягивали нас, более или менее образованных, сообщали о жизни в крупных городах, рассказывали о революционных настроениях, знакомили с политической ситуацией в стране.

Все они были членами социал-демократической партии, с большим энтузиазмом делились с нами ее программой, в которой говорилось об экономических проблемах, просвещали нас в вопросах социализма, марксизма, снабжали нелегальной литературой.

³⁹⁸ Рубен Павлович Катанян (1881–1966) — советский государственный деятель. С 1923 г. — помощник прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами ОГПУ в НКЮ РСФСР. — *Прим. пер.*

Их речи производили большое впечатление на нас, еврейских детей, которые на каждом шагу страдали от ограничительных законов, принятых против евреев. Пропаганда приезжих оказывала на молодежь Слуцка колоссальное влияние. «Зачем рассуждать о переезде в Эрец-Исраэль, как сионистские магида-фантазеры, когда наш путь — практическое разрешение еврейского вопроса? — повторяли мы вслед за ними. — Социализм ответит на все экономические вопросы, а новый порядок покончит со всеми еврейскими бедами».

Именно в то время, примерно в 1901 или 1902 году, в Слуцк приехал знаменитый еврейский революционер А. Литвак (псевдоним Хаима-Янкла Гельфанда) — виленский еврей. Он рассказал нам, что в российской социал-демократической партии создан специальный комитет, который ведет большую работу среди еврейских рабочих на идише, поскольку большинство из них не знают русского. Литвак созвал небольшое собрание, где присутствовали ряд интеллигентов и несколько еврейских рабочих, которых мы знали и на которых могли положиться. Среди них был и портной из Бобруйска (имя его я не помню) — он поселился в Слуцке и активно вел революционную деятельность. Литвак подтолкнул нас к тому, чтобы мы втягивали слущких пролетариев-евреев в революционное движение. Он пообещал нам присылать нелегальную литературу на идише, прокламации, а также сказал, что время от времени у нас будут появляться профессиональные революционеры и литераторы. Мы взялись за работу и организовали небольшой кружок из еврейских рабочих.

На собраниях мы беседовали с ними, обсуждали перспективы революционного движения, общие политико-экономические вопросы. Немного позже мы с ними усвоили социал-демократическую программу, ее задачи и цели. Наши чтения, дискуссии и литература, поступавшая из Минска, оказали соответствующее влияние. Количество участников собраний росло и росло. Когда организованные нами забастовки привели в ряде случаев к улучшению экономических условий еврейских рабочих в городе, большинство их присоединились к нашему движению. Пару лет спустя в рядах социал-демократической партии был поднят вопрос о «еврейской культурной

Мойше Тульман

Революционный комитет в Слуцке, 1905. Сидят (справа налево): Гриша, студент Жизмер и Борис; стоят: А. Равич и Гецов

автономии» в будущей освобожденной России. Еврейская группа сторонников идиша («жаргонисты», как ее тогда называли) неизменно настаивала на такой автономии. Благодаря этому образовалась самостоятельная партия под названием Бунд. Наша слуцкая организация стала частью новой партии. Руководители Бунда посещали нас и выступали с обращениями к нашим собраниям. Со временем движение заняло в городе сильные позиции.

Наша организация приложила руку и к борьбе против антисемитизма, что сделало нас популярными, подняло наш престиж.

Постоянная опасность погромов вынудила нас создать для самообороны специальную группу из сильных и храбрых мужчин, как рабочих, так и представителей других слоев населения. Русские хулиганы всегда пытались натравить крестьян из окрестных деревень на евреев, особенно в ярмарочные дни. Они призывали к погромам. Наша группа их предупредила о том, что мы не дадим себя в обиду. В ярмарочные дни члены группы были настороже. Припоминаю эпизод, который нас особенно возвысил в глазах городских евреев. Как-то через Слуцк проезжал казачий отряд и остановился в городе на ночь. Когда стемнело, некоторые казаки устроили себе развлечение. Они шли группами по два-три человека, нападали на каждого встречного еврея, избивали его и забирали все, что при нем было. Они врываются и в еврейские дома, чувствуя свою полную безнаказанность. Со всех концов города слышны были вопли и плач евреев.

Наш отряд самообороны вооружился ломами, палками и камнями; мы нападали на мелкие группы казаков и хорошенько их проучили, пока в городе не восстановился покой. Вскоре появились конные казаки — они искали нас, чтобы отомстить, но никого не нашли и убрались из города, оставив в городской больнице двух своих товарищей. Полиция же, не обращавшая внимания на то, что казаки избивали и грабили евреев, вдруг «проснулась» и начала искать участников стычек. То, что евреи выступили против казаков, да еще избивали их до полусмерти, было для Слуцка в новинку, и мы гордились этим.

События 1905 года вызвали волнения среди населения края. Революционеры воспользовались народным настроением и решили свергнуть правительство. Они призывали к забастовкам, перекрывали пути сообщения, организовывали демонстрации и восстания. Но все это окончилось поражением, потому что армия осталась лояльной властям. Правительство, однако, пожелало как-то утешить население и позволило выбрать народных представителей в думу — орган, который был призван советовать кабинету министров, что ему делать. Поскольку советы пришлось руководителям государства не по вкусу, они распустили Первую думу и приказали выбрать Вторую.

Слуцкий Бунд принимал активное участие в выборах. В городе, а также в соседних местечках и деревнях избрали тех кандидатов, которых поддержал Бунд. Все они позже делали в Минске то, что им приказывала партия. Правительство, однако, распустило и Вторую думу, а многие ее депутаты были арестованы. После этого власти взялись за революционные партии, их вождей и активистов. Многие активные бундовцы вынуждены были бежать из Слуцка в Америку, и большинство их там и остались, отдалившись от организации.

Последняя глава в истории слуцкого Бунда была дописана, когда полиция обнаружила бундовскую библиотеку и небольшой запас нашего ору-

Постоянная опасность погромов вынудила нас создать для самообороны специальную группу из сильных и храбрых мужчин, как рабочих, так и представителей других слоев населения.

жия. Три руководителя организации из четырех находились в Слуцке и попали за решетку, четвертый был объявлен в розыск.

Среди арестованных были Рольник (через несколько лет он уехал в Америку и там вскоре умер от туберкулеза, заработанного за годы заточения в разных тюрьмах) и Лята Бунин (вернулся в Россию после революции 1917 г.). Имя третьего я забыл и не знаю, что с ним случилось дальше.

Не сумев ничего узнать от этих трех о четвертом, полиция решила набраться терпения и ждать, пока он не найдется, а тот тем временем обрелся в Старых Дорогах, где занимался преподаванием. Однажды сестра арестованного Бунина навестила брата в тюрьме, и он попытался передать ей адресованное этому четвертому письмо, в котором рассказывал о том, что с ними случилось, а также — поскольку четвертый был казначеем организации — представил подробный отчет за двести рублей, взятых из партийной кассы до ареста. Тюремный надзиратель заметил передачу письма, и полиция послала вслед за сестрой Бунина соглядатая с приказанием задержать адресата. Этим четвертым был я... Явившись для получения письма, я попал в мышеловку, и меня отправили по этапу в Бобруйск.

В конце концов после долгих месяцев переброски из одной тюрьмы в другую нас четверых отправили на суд в Минске, который приговорил нас к ссылке в Сибирь. Много месяцев меня переводили из тюрьмы в тюрьму, пока я не прибыл в Енисейск, откуда через семь месяцев смог сбежать в Китай. После многих перипетий в 1910 году я попал в Америку, где и остался на все оставшиеся мне годы, и вот сейчас рассказываю эту историю.

Что стало с многочисленными рабочими и другими активистами, которые попали под влияние Бунда в Слуцке? Многие из них эмигрирова-

Революционная манифестация в Слуцке, 1905. Руководитель Йехиэл Равич (брат Хаи Майзель) шагает впереди

ли в Америку и приняли активное участие в еврейском рабочем движении этой страны. Те, кто остался в России, вели подпольную деятельность и после падения царского режима в 1917 году возродили Бунд в Слуцке. Перехватившие власть большевики запретили существование Бунда. Некоторые из бывших бундовцев вступили в коммунистическую партию, но большинство не сумели приспособиться к коммунистической диктатуре.

Посетив Россию в 1929 году, я встретился со многими бывшими членами Бунда. Они, как и многие советские евреи, были побиты жизнью и разочарованы: «Разве это тот идеал, к которому мы стремились, которого так желали? Разве это исполнение наших прекрасных мечтаний?» Понаблюдав за тем, что происходило в СССР, я вернулся в Америку совсем разбитым. Тяжело было оставлять родных, друзей и бывших товарищей по партии, видя крах наших идеалов.

ОБРАЗОВАНИЕ

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Н. Хинич

Слуцк славился знатоками Торы и считался настоящим ее святилищем. Хедеры были полны детей, учивших Пятикнижие с комментариями Раши, другие книги Танаха и Талмуд. Будучи последними бедняками, меламеды тем не менее честно тянули ляжку, чтобы Тора не забылась в Слуцке. Среди преподавателей попадались подлинники ее знатоки. Однако таких было немного, буквально наперечет. Особо стоит отметить Велвла Приживицера, красивого человека, ласково обращавшегося со своими учениками, которых он учил Танаху и началам Талмуда.

В хедере реб Шмуэла-Йосефа Регельсона по тем временам было много новшеств. Реб Пейсах Карон был низкорослым евреем с горячей и чувствительной душой, который всем сердцем стремился в Страну Израиля. Он был владельцем большой частной библиотеки, где можно было за плату взять книги на дом. Этот еврей-сионист и его рассказы пользовались популярностью. Он был сторбленным, с сиявшими сквозь очки мечтательными смеющимися глазами... Библиотека и хедер, два любимых детища, были смыслом его жизни

Раввин Голдберг рассказывает:

– Я вспоминаю себя в хедере реб Пейсаха Карона (Эзреса), одного из меламедов, работавших с самыми младшими учениками. Ребе — низкорослый улыбчивый еврей с головой, словно вдавленной между плечами, благородным лицом, обрамленным седой бородой; у него были высокий гладкий, словно старинный пергамент, лоб и глаза, излучавшие тепло. Ребе усаживает меня на лавку за длинным столом, за которым тесно сидят несколько других мальчиков; перед ними — открытые книги. Затем он открывает молитвенник и указкой показывает мне крупные буквы: «Это — алеф. Ну-ка, мальчик, повтори: алеф, алеф, алеф...» Я повторяю буквы, которые он называет, и откуда-то сверху на стол падают монеты. «Посмотри, мальчик, это ангелы послали тебе с неба».

В хедере реб Пейсаха я изучил молитвенник и приобрел первые познания в иврите. У меламеда была большая библиотека детских книжек. Нака-

р. Берл Гребенщик,
глава йешивы,
находившейся
в синагоге «Карноим»

р. Залмен Зитин, глава
йешивы, находившейся
в Синагоге кузнецов,
член раввинского суда
Слуцка

нуне каждой субботы он раздавал своим ученикам эти книжки, покорявшие детские сердца чудесными сказками и захватывающими рассказами.

Во дворе дома реб Пейсаха росло несколько фруктовых деревьев. До чего же было приятно играть в их тени! Бывало, его жена подбирала упавшие с деревьев яблоки и груши и раздавала их детям, которым вкус этих плодов казался райским.

Из числа малых йешив наибольшей известностью пользовалась йешива раби Нехемьи, находившаяся в Синагоге Исерке. В ней было два класса, младший и старший. Кто не знал раби Нехемью, обладавшего острым умом?

Широкий синагогальный двор со всех стороны окружали синагоги и молельни: Большая синагога, Холодная синагога, Синагога портных, молельня и синагога «Карноим». Эта площадь служила местом встречи для всей молодежи, своего рода местом проведения ученических советов учащих малых йешив. В молельне преподавал Тору реб Йоше Тричанер, блестящий знаток Торы, тихий и спокойный еврей; ученики очень его любили. В женском отделении синагоги «Карноим» обосновался реб Берл Гребенщик. Это был высокий светловолосый человек с длинными вьющимися пейсами и жидкой бородкой, обрамлявшей его лицо; чистый и прямодушный еврей. Берл был своего рода отшельником — очень худой, буквально кожа да кости. Сын простого ремесленника, делавшего расчески, он учился в Воложине, где дружил с будущим писателем Михой-Йосефом Бердичевским³⁹⁹. «О-хо-хо, — вздыхал реб Берл, — такой прекрасный человек⁴⁰⁰, и вот, подался к безбожникам».

В Синагоге портных разместилась большая йешива «Эц хаим», которая переехала туда из синагоги на Островской улице. Здесь давал уроки

³⁹⁹ Миха-Йосеф Бердичевский (1865–1921, Берлин) — мыслитель и писатель на иврите и идише. Написал около 150 рассказов на иврите, много новелл на идише и несколько на немецком. Отличался воинствующим антиклерикализмом. — *Прим. пер.*

⁴⁰⁰ Написано «сосуд», т. е. вместилище Торы и положительных свойств. — *Прим. пер.*

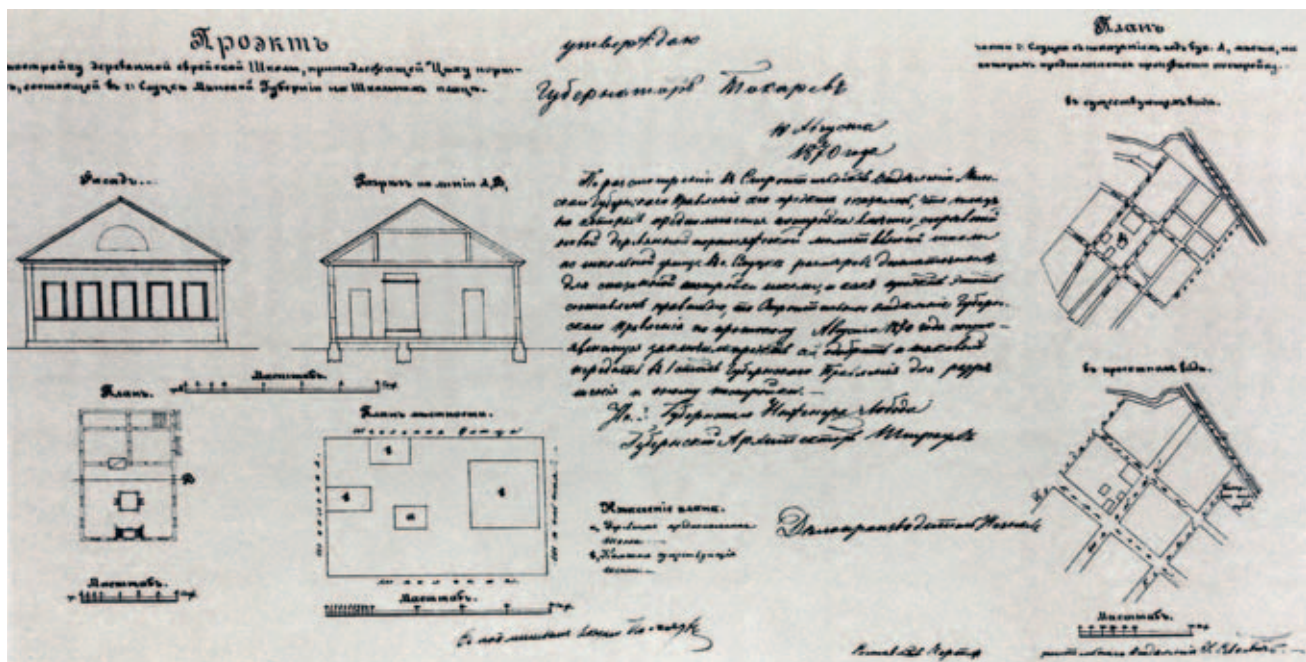
Талмуд-тора Слуцка —
ученики и учителя.
Во втором ряду второй
справа — меламед
Кадиш

раби Исер-Залмен Мельцер. В этой йешиве работали два машгиаха: одного звали реб Пейсах, другого — реб Шептл Кремер. Позже йешива переехала в отдельное здание в конце Школьной улицы. Машгиахом стал реб Ошер Сандомирский, исполнявший свои обязанности, пока йешиву не закрыли большевики.

В слуцкой йешиве учились многие известные раввины, религиозные авторитеты и писатели: И.-Д. Беркович, проф. раби С. Асаф, д-р Ключ, поэт Лисицкий⁴⁰¹, проф. Меер Ваксман, раби Рубинштейн из Вильны, раби Кац (зять раби Исера-Залмена Мельцера, впоследствии — главный раввин Петах-Тиквы) и, наконец, илуй раби Шнеур Котлер. Еще одна малая йешива располагалась в Синагоге кузнецов. В ней преподавал реб Пейсах Мамош, о котором писал в своих стихах Лисицкий. Позже в Синагоге кузнецов давал уроки реб Залмен, торговец углем: низенький еврей, весь погруженный в Тору. Торговлей по большей части занималась его супруга, настоящая «достойная жена»⁴⁰², а реб Залмен помогал ей, когда освобождался от учебы. Еще одна йешива находилась в синагоге на Виленской улице, главой ее был реб Ицхок-Лейб Рабинович.

⁴⁰¹ Э. Лисицкий — поэт и переводчик (1885–1962). Жил в Нью-Йорке, учился в теологической семинарии, затем изучал химию и фармакологию в университете. С 1918 г. жил в Нью-Орлеане, где до конца жизни был директором основанной им школы с преподаванием на иврите. Перевел на иврит «Бурю» и «Юлия Цезаря» Шекспира. — *Прим. пер.*

⁴⁰² См. «Мишлей», 31:10. В этой главе идеальная жена описана среди прочего как деловая энергичная женщина.

Особое место занимал «прогрессивный хедер», где его создатели и первые учителя: М. Хазанович, будущий известный писатель Авром Эпштейн (Аба Ариха), Яркони, Бергер, Гутцайт и Швейдель — преподавали по методике «иврит на иврите». Один из основателей и первых преподавателей «прогрессивного хедера» Ш. Нахмани (Нахманович) живет сегодня в Израиле.

В 1914 году в Слуцке открылся второй «прогрессивный хедер» под руководством учителя Ицхока Кацнельсона, деверя Хазановича, и Рувки Альтмана, хорошо знавшего Тору, блестящего знатока литературы на иврите. В этом хедере также преподавали Нохем Хинич и Исроэл-Арн Свирновский. Позже Хинич перешел в «прогрессивный хедер» Хазановича.

В Слуцке все знали старую талмуд-тору, где тени было гораздо больше, чем света. Именно здесь учились дети бедняков и ремесленников, из которых многие впоследствии возглавили различные движения и организации. В числе тамошних учителей, которых я помню спустя много лет, могу назвать меламеда Кадиша, еврея с жидкой бороденкой, который честно делал свое дело и преподавал Тору вплоть до своей кончины. Он спокойно и размеренно преподавал Талмуд, старательно объясняя и разжевывая детям бедняков дискуссии и законы, которые плохо укладывались в их головах. За преподавание общеобразовательных предметов отвечал Мышковский, идейный бундовец, непримиримый противник иврита и всего, что с ним связано. Это был честный и добросердечный человек, женатый на сионистке Кларе Мироновне, произносившей пламенные речи.

Еще одним русско-еврейским учебным заведением было Еврейское училище — еврейское, впрочем, только по названию, поскольку все преподавание, не считая Танаха и чуть-чуть иврита (самые известные молитвы), велось на русском языке. Во время каникул (в честь дня рождения царя, официальных праздников и т. д.) директор школы Левинсон являлся в синагогу во главе школьного хора. Казенный раввин произносил речь, хор под руководством Левинсона что-нибудь пел, и на этом официальное мероприятие заканчивалось.

Проект деревянной школы на Школьной улице 1870 г. в Слуцке. Национальный исторический архив Республики Беларусь в Минске, фонд 1477, опись 1, д. 2823

Во время Первой мировой войны, когда в 1914–1915 годах в Слуцк хлынул поток беженцев, талмуд-тора переполнилась детьми беженцев, и ЕКО-ПО⁴⁰³ открыл рядом с ней филиал. Раби Йосеф Пеймер ввел в талмуд-торе преподавание иврита (в качестве отдельного предмета) и Танаха. Тогда же в Слуцке открылось женское четырехклассное училище, директором которого стал Хаим Каган. Преподавали в училище по-русски, однако изучали идиш и иврит. Девочек учили песням на идише и иврите. В стены этого училища проник дух Бунда, поскольку тамошние учителя в большинстве своем были членами этой партии.

После революции в Слуцке открылась школа «Тарбут». Однако просуществовала она недолго и была закрыта советскими властями.

После революции в Слуцке открылась школа «Тарбут». Однако просуществовала она недолго и была закрыта советскими властями. Позже, во время польской оккупации, школа открылась снова. В числе ее учителей были Азриэл Некрич, Шмарьягу Барон, Н. Хинич, Лифшиц и др. Все время проводились вечерние уроки общеобразовательных предметов, иврита и основ различных профессий.

Слуцк славился библиотекой, где были книги на иврите, идише, русском и других языках. При библиотеке действовали клуб и читальня. Эта библиотека играла важную роль в деле развития и просвещения рабочей молодежи. Студенты йешив также нашли в ней надежный источник знаний и жадно впитывали все, что читали.

Среди русских образовательных учреждений главной, безусловно, считалась восьмиклассная классическая гимназия. Если юноша окончил ее, все знали, что он приобрел обширные и разнообразные познания. Слуцкая гимназия была известна по всей России. Большинство ребят составляли экстерны, являвшиеся лишь на экзамены, чтобы получить аттестат. Выдержавшие

Аттестат выпускницы частного пансиона М.-Ю. Адамович

⁴⁰³ ЕКОПО (Еврейский комитет помощи жертвам войны) был создан в 1914 г. Его образование было вызвано появлением с первых же дней войны огромного числа евреев, бежавших или выселенных из зоны военных действий. — Прим. пер.

их чувствовали себя счастливыми, поскольку большинство срезались. Порой экзаменатор оказывался антисемитом и специально задавал каверзные дополнительные вопросы, чтобы завалить экзаменуемого. Один из таких вопросов надолго запомнился жителям Слуцка: «Какой город летает?» (Правильный ответ: Орел.) Другой раз экзаменатор спросил: «Сколько будет дважды два?» «Сорок, — ответил экстерн. — Дважды два — четыре, и еще ноль за вопрос».

Интересные воспоминания о гимназии оставил историк и писатель Саул Гинзбург⁴⁰⁴ в своей книге «Исторические сочинения». Вот отрывок из этой книги.

«В Слуцком уезде проживало много польских помещиков-кальвинистов — людей высокой культуры, чуждых католического фанатизма и терпимо относившихся к евреям. Социальные отношения с ними, безусловно, оказали определенное культурное влияние на евреев, расширив их духовные горизонты. Более того, среди просвещенных помещиков нередко встречались люди, помогавшие молодым евреям, стремившимся к образованию, в то время, когда родное окружение не только не поддерживало этих “безбожников”, но напротив, всячески их преследовало. В самом Слуцке проживала большая община поляков-кальвинистов, к которой принадлежало много просвещенных шляхтичей. Местная гимназия с пансионом для учащихся существовала преимущественно на деньги и при поддержке кальвинистов. Двое из них, шляхтичи из рода Доманских, имели дело с Яковом Капланом из Минска и обещали ему похлопотать, чтобы его сына приняли в гимназию. Отец согласился, и в 1840 году Меер Каплан поступил в слуцкую гимназию, в четвертый класс. Большинство тамошних учителей были кальвинистами. Стоит отметить, что один из них, Ванновский (другой Ванновский, русский военный министр⁴⁰⁵, происходил из той же кальвинистской семьи), учился у Меера ивриту. Гимназия впечатляла своим внешним обликом. Ее большое, длинное и просторное двухэтажное здание с широкими воротами располагалось на Широкой улице».

Широкая улица всегда была заполнена гимназистами, одетыми в мундиры с блестящими пуговицами. Щегольски одетые учителя ходили медленно и величаво, всем своим внешним видом указывая: мы здесь начальство, ваша судьба в наших руках.

В городе была также женская семиклассная гимназия, учебное заведение с очень энергичным начальством. Были еще частная гимназия под руководством казенного раввина Эшмана, шестиклассное городское училище, а также восьмиклассное коммерческое училище, занимавшее роскошное огромное здание на левой стороне Шоссейной улицы, которая вела к железной дороге. Директором училища был Иванов, человек либеральный и прогрессивный. В коммерческом училище тоже была процентная норма: на десять учеников-христиан принимали одного еврея. В реальном училище норма была два ученика-еврея на одного христианина. Родители этих еврейских учеников вносили плату и за ученика-нееврея — иначе училище не смогло бы свести концы с концами.

В самом Слуцке проживала большая община поляков-кальвинистов, к которой принадлежало много просвещенных шляхтичей. Местная гимназия с пансионом для учащихся существовала преимущественно на деньги и при поддержке кальвинистов.

---

⁴⁰⁴ Саул (Шаул) Моисеевич Гинзбург (1866–1940) — публицист, прозаик, журналист, редактор, историк и общественный деятель; один из авторов Еврейской энциклопедии. — *Прим. пер.*

⁴⁰⁵ Генерал от инфантерии Петр Семенович Ванновский (1822–1904). Был военным министром с 1881 по 1898 г. Впоследствии — министр народного просвещения. — *Прим. пер.*

Для девочек из бедных семей и престо­на­ро­дья в городе было двух­к­лас­ное училище «Смена». В нем учили основам русского языка, арифметике и другим предметам.

БАСТИОН ТОРЫ

Раввин Н. Ваксман

На протяжении столетий еврейская община Слуцка считалась одной из главных общин Литвы и Руси⁴⁰⁶. Уже в XV веке в Слуцке существовала крепкая, хорошо организованная еврейская община с большими синагогами и домами учения. Слуцкие евреи славились добротой и милосердием по отношению к любому, оказавшемуся в их городе, и «были первыми во всем, что касается святости» («Даат кдошим»⁴⁰⁷). В городе также действовала йешива под руководством величайшего знатока Торы р. Якова, сына р. Ури-Файвиша из Томашова. Доброе имя Слуцка было известно повсюду и привлекало в город множество евреев из самых разных общин.

Это была эпоха войн и кровавых потрясений. Повсюду сражались армии, причем, как водится, главной жертвой оказывался народ Израиля. Мятежи и беспорядки, вспыхнувшие на Украине и в Польше, докатились до границ Литвы и Белоруссии. Отряды головореза Богдана Хмельницкого оказались у ворот Слуцка.

Тридцатилетняя война (1618–1648) в Германии и Богемии вынудила еврейских жителей этих мест искать убежище. Некоторые из них нашли его в Слуцке.

Раввин Меер Кац-Ашкенази, отец выдающегося знатока Торы р. Шабся Га-Коғена, автора книги «Сифтей-коғен»⁴⁰⁸, был одним из столпов еврейской общины Франкфурта, а позже — раввином Бриска. Своего младшего сына Йону-Нохема он послал учиться в слуцкую йешиву раби Якова.

Через несколько лет, когда к Слуцку подошли отряды Хмельницкого, евреи бежали из города и общинная жизнь замерла. Однако, когда опасность миновала и наступило затишье, еврейская община Слуцка быстро обрела былые славу и величие. В 1697 году знаменитый посланник из Хеврона сефардский раввин раби Аврагам бар р. Лейви Конки совершал поездку по Европе для сбора средств на нужды евреев Святой земли. Побывав в Литве, он нашел там четыре общины, «“четыре миндалевидные чашечки”, подобные четырем речениям Избавления»⁴⁰⁹: Бриск, Пинск, Городня и Вильна, — после чего добавляет и уточняет: “А еще есть святая община Слуцка — место, где пребывает множество великих знатоков Торы”» (из предисловия к его книге «Авак софрим»⁴¹⁰, изданной в Амстердаме в 1704 г.).

⁴⁰⁶ В данном случае имеются в виду русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского. — *Прим. пер.*

⁴⁰⁷ «Даат кдошим» (иврит) — «Знание святых» — книга И.-Т. Айзенштадта, СПб., изд-во Бермана, 1897–1898, с. 228.

⁴⁰⁸ «Сифтей-коғен» (иврит) — «Уста коғена».

⁴⁰⁹ «Четыре миндалевидные чашечки» — аллюзия на описание меноры — храмового светильника («Шмот», 25:34); «четыре речения Избавления» (*арба лешонот шель Геула*) — фразы, которыми описываются этапы Избавления еврейского народа из египетского рабства («и вывел...», «и спас...», «и избавил...», «и взял...», см. там же, б:6, 7).

⁴¹⁰ «Авак софрим» (иврит) — «Пыль писцов».

Приведенное в книге Натана (Носна-Ноты) Ѓанновера «Йевен мецула»⁴¹¹ прекрасное описание устройства еврейских общин Польши в полной мере относится и к прославленной общине Слуцка. В меньших масштабах эти традиции сохранялись здесь на протяжении долгого времени, и слуцкие раввины, которые неизменно были знатоками Торы, по большей части занимали одновременно две должности: городского раввина и главы религиозного суда. Еще в последние десятилетия XVIII века — до создания знаменитой Воложинской йешивы, открывшей свои двери в 1803 году, после чего в Литве в принципе стало гораздо меньше йешив, — в городских синагогах Слуцка действовало несколько серьезных групп изучающих Тору, не считая простых евреев, наполнявших дома учения и изучавших Тору в одиночку и группами. Поэтому обычно слуцкий еврей мог с гордостью, не кривя душой, сказать: «Со дней наших праотцев не прерывалось среди них учение»⁴¹².

В Слуцке рассказывали: когда в 1829 году место городского раввина стало вакантным, главы местной общины обратились к р. Хаиму из Воложина, чтобы тот прислал им знатока Торы, достойного стать городским раввином. Тот предложил им одного из лучших своих учеников, р. Якова-Меера Волобкера. Когда тому передали предложение наставника, он ответил, что не заинтересован быть раввином. Однако в этот момент рядом с ним оказалась его мать, велевшая ему согласиться.

Тогда раби Яков-Меер сказал:

– Из уважения к маме я готов уступить и согласиться стать вашим раввином. Однако дайте мне отсрочку на год, чтобы, прежде чем ехать к вам, я успел повторить все четыре раздела кодекса «Шульхан арух».

Слуцкие евреи согласились, однако не успел этот год закончиться, как раби Яков-Меер отдал Богу душу.

После этого слуцкие евреи вновь обратились к р. Хаиму, и тот послал к ним своего любимого ученика р. Йосефа, сына р. Меера Пеймера, который оставался раввином Слуцка на протяжении тридцати шести лет.

Когда р. Йосеф прибыл в Слуцк, он пригласил к себе раби Аврома, глубокого старика, который на протяжении пятидесяти лет был служкой местного погребального братства, и попросил его показать могилы выдающихся знатоков Торы р. Нафтоли-Герца Гинзбурга и р. Иццока-Биньомина Вольфа, автора книги «Нахалат-Биньямин», похороненных на городском кладбище. Раби Авром показал ему надгробия, которые разделяла только могила р. Нохема Каценеленбогена-Валя, внука р. Шаула Валя. Раби Йоселе глубоко вздохнул и сказал:

– Видно, эти праведники так и не помирились.

После этого он рассказал служке такую историю.

– Много лет назад, когда раввин Слуцка раби Нафтоли-Герц состарился, многие случчане начали жаловаться, что им стало трудно иметь с ним дело, когда возникала необходимость в судебном разбирательстве. В Слуцке проходили большие ярмарки, и в базарный день в город стекалось множество народу. И если возникал какой-то спор или тяжба, то даже если и истец, и ответчик были христианами, все равно было принято идти на суд к раввину и безоговорочно принимать любое его решение. Поэтому

⁴¹¹ «Йевен мецула» (иврит) — «Пучина бездонная».

⁴¹² Талмуд, «Йома», 28б.

р. Нисн Ваксман

неевреи тоже роптали на то, что в силу его преклонного возраста им стало решительно невозможно иметь дело с этим раввином. Поэтому главы общины решили пригласить в город раввина помоложе, чтобы он возглавил городскую йешиву, а также судил всех тех, кто придет к нему на суд. Когда в 1682 году вышла в свет книга «Нахалат-Биньямин», которая произвела сильнейшее впечатление в мире Торы, главы слуцкой общины обратились к автору и предложили ему стать раввином города. Раби Ицхок-Биньомин Вольф ответил, что не станет их слушать, не получив согласия нынешнего престарелого раввина. Главы общины похлопотали и получили от старого раввина письмо о том, что он не возражает против этого плана, и таким образом сумели заполучить автора «Нахалат-Биньямин». Приехав в Слуцк, он посетил престарелого раввина и сказал, что действовал на основании письма, в котором тот выразил свое согласие. На это раби Нафтоли-Герц заметил: «Если ваша честь внимательно рассмотрит письмо, то увидит, что на нем поставлена точка»⁴¹³. Раби Ицхок-Биньомин ответил, что не привык обращать внимание на точки. Как бы то ни было, раби Вольф официально стал главой религиозного суда и главой йешивы.

Согласно легенде, после смерти раби Нафтоли-Герц вызвал р. Ицхока-Биньомина в Небесный суд. Судебный процесс на Небесах продолжался, пока слуцким раввином не стал раби Йоселе. Тогда Небесный суд решил, что тяжущимся следует передать дело на рассмотрение раввина Слуцка, по месту тяжбы, чтобы он вынес окончательный вердикт. По легенде, оба великих раввина явились р. Йосефу во сне, и тот согласился их рассудить. Поэтому, когда служка показал ему их могилы, раввин велел ему удалиться и подождать у ворот кладбища. После этого раби Йоселе распростерся около могил. Когда через несколько часов, уже поздно вечером раввин подошел к служке, его лицо пылало. Он был немногословен, сказав лишь: «Слава Богу, дело закончено, и они помирились».

⁴¹³ Делаящая документ недействительным. — Прим. пер.

Со временем между могилами двух раввинов вырос огромный дуб, в тени которого оказались оба надгробия. Этот дуб рос там вплоть до гибели слуцкого еврейства.

Хотя эта легенда не совсем соответствует скептическому слуцкому духу, из нее можно узнать несколько важных вещей. Эта история якобы произошла в 1682 году, когда в Слуцке открылась престижная йешива. Очевидно, что одним из условий назначения слуцким раввином было то, что городской раввин будет преподавать в ней. В середине XIX века главой йешивы был раби Арн га-лейви Файнштейн, отец р. Элийогу Файнштейна, главы раввинского суда Позена⁴¹⁴. Он возглавлял ее до 1843 года, после чего стал раввином Старобина. Следующим главой йешивы стал выдающийся знаток Торы раби Менахем-Мендл Эпштейн, которого все называли раби Менделе, он оставался на этом посту на протяжении многих лет.

Когда в 1865 году из Воложина, чтобы занять место городского раввина, приехал раби Йосеф-Дов Соловейчик, он так восхитился учебным методом раби Менделе, что поручил ему своего любимого сына Хаима, которому тогда было двенадцать лет, попросив раввина учиться с ним в паре⁴¹⁵. Раби Менделе хорошо делал свое дело, и на следующий год раби Йосеф-Дов попросил его и дальше учиться с Хаимом, а также с еще одним талантливым мальчиком, Йосефом Розиным. Хотя тот был гораздо младше Хаима, он успел приобрести репутацию илуя, приводя в восхищение всех, кто его знал. Несмотря на то что отец Йосефа реб Фишл был любавичским хасидом, мальчика привезли из родного Рогачева и оставили на попечение «холодного миснагеда», раввина «холодного Слуцка».

Хаим, сын р. Йосефа-Дова, провел в йешиве раби Менделе несколько лет. Можно с уверенностью предположить, что именно от раби Менделе из Слуцка он усвоил основы своего метода изучения Талмуда. Этот метод произвел в мире Торы подлинную революцию; благодаря ему раби Хаим Соловейчик приобрел множество последователей, собравшихся под его знаменем, знаменем Воложина и Бриска. Также не вызывает сомнений, что раби Менделе, пусть и в меньшей степени, наложил свой отпечаток и на второго своего ученика, ставшего со временем одним из величайших знатоков Торы, известным как Рогачевский Гаон (1858–1936), и раввином хасидской общины Двинска.

Когда в 1897 году в Слуцк приехал раби Исер-Залмен Мельцер, он привез с собой йешиву, возродив славу города как крупного центра изучения Торы. В 1923 году раввин вынужден был проститься со Слуцком. Поэтому я не мог сдержать своих чувств, когда произносил речь в честь открытия слуцкой йешивы в г. Клецке⁴¹⁶ в 1928 году. В торжествах по случаю открытия йешивы участвовали несколько знатоков Торы во главе с р. Мельцером, специально приехавшим из Эрец-Исраэль. Будучи выпускником слуцкой йешивы, я чувствовал себя, словно скорбящий на свадьбе, и процитировал слова, сказанные на освящении Второго храма: «А многие священнослужители, и левиты, и главы семейств, старики, которые видели Первый храм, плакали во весь голос, когда закладывали на их глазах этот Храм...» («Эзра», 3:12).

Можно с уверенностью предположить, что именно от раби Менделе из Слуцка он усвоил основы своего метода изучения Талмуда. Этот метод произвел в мире Торы подлинную революцию.

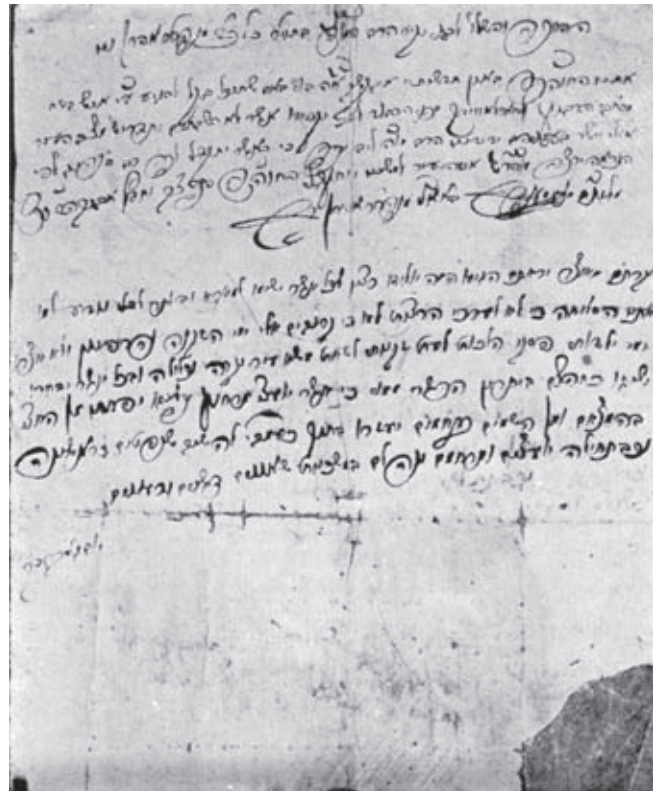
---

⁴¹⁴ Позен — немецкое название польского города Познань.

⁴¹⁵ В большинстве йешив изучение Талмуда обычно происходит в парах. Такой метод называется *хеврута*, на иврите — «товарищество». — Прим. пер.

⁴¹⁶ По условиям Рижского договора Клецк стал польским, а Слуцк — советским. — Прим. пер.

Письмо раби Менделе
общине Хиславичей,
выбравшей своим
раввином р. Арье-
Лейба из Слуцка

В Слуцке раби Мельцер успел сделать многое, превратив город в бастион Торы. Он стал одним из инициаторов издания религиозного альманаха «Ягдиль Тора», в котором публиковались многие знатоки Торы. Этот сборник стал вторым по уровню после журнала «Га-Твуна»⁴¹⁷, который за полвека до этого издавал в Кёнигсберге раби Исроэл Салантер⁴¹⁸. Раби Мельцер, мудрый и проницательный человек, поручил редактирование журнала Мойше-Биньомину Томашову, который идеально подходил для этой работы благодаря глубоким познаниям в Торе, мудрости и преданности делу.

Альманах «Ягдиль Тора» и его редактор

Раввин Мойше-Биньомин Томашов родился 7 адара 5638 (1877) года в семье Александра-Йеѓошуа и Баши. Отец был владельцем книжной лавки, торговавшей в Слуцке русскими книгами, и хорошо зарабатывал. Достигнув возраста, когда начинают исполнять заповеди⁴¹⁹, Мойше-Биньомин поступил в йешиву р. Нехемьи, помещавшуюся в это время в Синагоге Исерке. Там он проучился три года, прославившись среди изучающих Тору глубокими познаниями и прилежанием.

В то время большой известностью пользовался раби Борух-Бер Лейбович, также уроженец Слуцка (точнее, Подлипцев, местечка около Слуцка). Раби Борух-Бер женился на дочери р. Аврома-Ицхока Циммермана, раввина Глуска. После того как тесть стал раввином Кременчуга, раби Лейбович стал его преемником в Глуске.

⁴¹⁷ «Га-Твуна» (иврит) — «Мудрость».

⁴¹⁸ Р. Исроэл Салантер (1810–1883) — основатель движения Мусар, один из наиболее известных и уважаемых литовских раввинов XIX в.

⁴¹⁹ 13 лет. — Прим. пер.

В 1893 году, в праздник Сукес, раби Борух-Бер приехал в Слуцк и нанес визит Томашовым, чтобы уговорить отца Мойше-Биньомина послать сына учиться в йешиву в Глуск, пообещав проследить за мальчиком. Раби Лейбович выполнил обещание и по ночам учился с Мойше-Биньоминим в паре, занимаясь с ним до двух-трех часов ночи. За долгие зимние ночи они успели пройти раздел кодекса «Шульхан арух», регулирующий вопросы гражданского права. Только тот, кто знал, насколько глубоко и тщательно изучал раби Лейбович каждый вопрос, способен в это поверить.

После этого Томашов несколько лет учился то в йешиве Слободки, то в слуцкой йешиве, пока в 1903 году не женился на дочери р. Цви-Якова Оппенгейма, раввина литовского города Кельме.

После нескольких лет напряженной самостоятельной учебы в доме своего тестя Томашов вернулся в родной Слуцк, где сблизился с р. Исером-Залменом Мельцером, с которым познакомился еще в Слободке. Постепенно слуцкая йешива росла, а вместе с ней росли и ее расходы. Достать же денег было негде, поскольку, согласно тогдашним российским законам, посылать специальных агентов, уполномоченных собирать деньги на йешиву, было запрещено. Однако раби Мельцер, по природе склонный ставить перед собой большие задачи, не мог сидеть сложа руки и искал способ облегчить тяжелое положение йешивы. И вот в Пурим 1907 года, пребывая в веселом расположении духа, когда несколько ближайших учеников собрались у него дома, раби Мельцер поделился с ними своей новой идеей: издавать еженедельник, посвященный Торе и еврейской мудрости. Этот проект должен был убить сразу двух зайцев: во-первых, издание такого журнала было важно само по себе, а во-вторых, позволило бы агентам йешивы официально собирать деньги «на издание журнала». Раби Мельцер предложил Томашову обратиться к минскому губернатору за разрешением издавать в Слуцке еврейский религиозный журнал в типографии отца.

Томашову, который к тому времени уже начал задумываться о заработке, идея понравилась, поскольку он увидел в ней возможность найти дело по душе. Тем не менее сначала он воспринял слова р. Мельцера как пуримскую шутку, которую тот придумал, будучи слегка навеселе. Ибо с какой радости минский губернатор даст такое разрешение, в то время как власти отклоняли прошения куда более известных людей, чем он, и куда более солидных учреждений, чем слуцкая йешива! Тем не менее через некоторое время Томашов подал такое прошение и неожиданно получил разрешение. Через два месяца первый номер альманаха был готов к печати. Быстро подготовив уведомление о новом издании, Томашов разослал его всем известным раввинам и знатокам Торы, призывая их поддержать единственное периодическое издание, посвященное Торе и традиционному иудаизму.

Большинство знатоков Торы приветствовали появление альманаха и обещали принять в нем участие. Лишь некоторые не поддержали идею периодического издания, так как от нее, по их мнению, веяло «духом Гаскалы, от которого следует держаться подальше». Известный магид раби Эльйокум-Гецл Левитан, раввин Бриска, простодушно спрашивал:

– Что значит «единственное» — разве может быть что-либо единственное, кроме Единого?

Когда дело близилось к концу, Томашов осознал, что все надо начинать с самого начала: приобрести печатные машины, шрифты и все проч. Посчитав, он понял, что на все необходимое требуется порядка тысячи двух-

---

Раби Мельцер предложил Томашову обратиться к минскому губернатору за разрешением издавать в Слуцке еврейский религиозный журнал в типографии отца.

сот рублей. Раби Мельцер дал ему сто рублей, остальную сумму Томашов взял из приданого своей жены. Кроме того, родители помогли приобрести печатную машину. Томашов лично сидел за наборной кассой и вообще занимался печатью, писал собственные тексты, отбирал и редактировал статьи, работая с каждой едва ли не больше самих авторов. Помощников удалось найти только для отдельных операций. К примеру, раби Мойше-Ари Перлов из Тимковичей, также учившийся в Слуцке (впоследствии — преподаватель йешивы раввина Иццока Эльхонона в Нью-Йорке), переписывал начисто все авторские рукописи, получая за это три рубля в месяц. Адреса на конвертах без всякой платы писала молодая девушка Хана-Перл, дочь р. Мельцера, которая позже вышла замуж за р. Арна Пинеса-Котлера.

На радость многим, первый номер альманаха «Ягдиль Тора» увидел свет во вторник 28 кислева (недельная глава «Микец») 5669 (1908) года. Редакторами-издателями значились «р. Исер-Залмен Мельцер, председатель раввинского суда и преподаватель Талмуда в йешиве, и Мойше-Биньомин Томашов».

В журнале была приведена таблица, содержащая подробные сведения о стоимости подписки. В России: на год — 2 рубля 50 копеек, на полгода — 1 рубль 50 копеек, на месяц — 30 копеек. Еженедельная посылка — 4 рубля номер и 5 копеек — почтовые расходы. Стоимость объявлений: строка петитом — 25 копеек. Стоит отметить, что альманах никогда не публиковал никаких светских объявлений.

На его обложке было сказано, что он издается в Слуцке и содержит «новые толкования Торы, обсуждение еврейских законов, вопросы и ответы, постановления еврейских судов и статьи о еврейской религии, этике и богобоязненности». Ниже на русском языке были напечатаны название альманаха и место издания. На второй странице поместили статью р. Мельцера «Несколько слов вместо предисловия», в которой он объяснил читателям цели издания и причины, побудившие его принять участие в нем. Среди прочего раби Исер-Залмен писал: «Стоит отметить, что в это нелегкое и горькое время на улице стужа, стены дома в щелях и дырах, дети замерзают в своих рваных убогих одеждах, а их лица белы как мел. И если мы не приложим все силы, чтобы достать хоть немного дров и спичек, чтобы развести огонь и немного протопить дом, они замерзнут до смерти».

Раввин Мельцер продолжал: «Я хорошо понимаю всю сложность работы и все трудности, связанные с изданием альманаха. Поэтому я взялся за это дело только по той причине, что мой друг Мойше-Биньомин Томашов сказал мне, что возьмет на себя всю работу. И поскольку у него много сил и он способен справиться с этим делом, а также проанализировав материальные и духовные возможности моего уважаемого друга Мойше-Биньомина, я понял, что альманах сможет продержаться достаточно долго, и принял решение принять участие в его издании».

Сборник был разослан пятистам подписчикам, из которых двести были раввинами, в большинстве своем известными знатоками Торы, заплатившими за подписку. Впрочем, Томашов не разочаровал их и полностью выполнил все обещанное, создав очень серьезный и высококачественный альманах. К сожалению, в материальном плане исполнить намеченное не удалось.

Как уже было сказано, Томашов обычно реагировал на статьи своих авторов. В мире Торы он был известен как вдумчивый редактор и безжалостный критик, который, ничтоже сумняшеся, выбрасывал из присылаемых

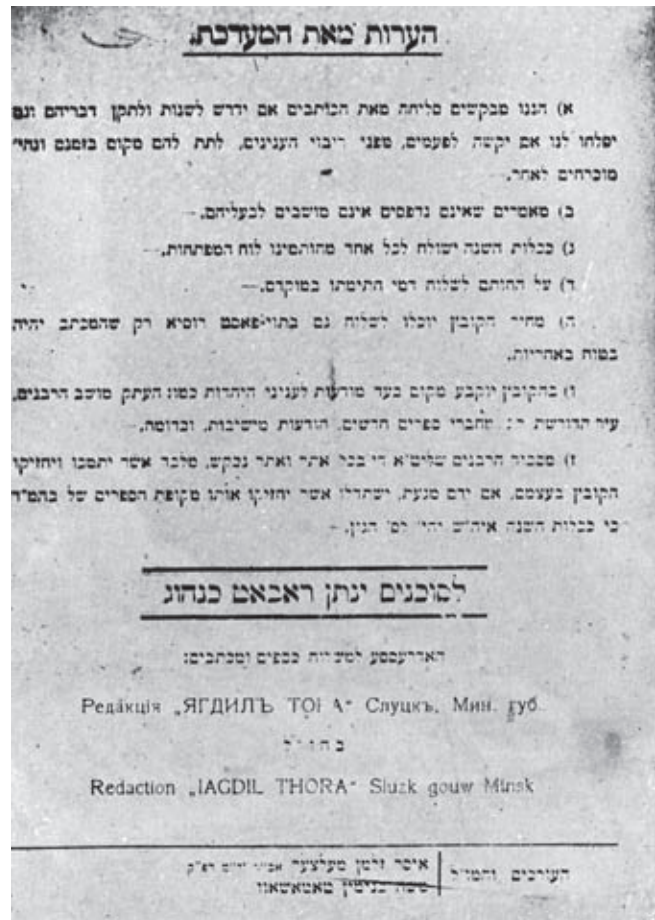
На радость многим, первый номер альманаха «Ягдиль Тора» увидел свет во вторник 28 кислева (недельная глава «Микец») 5669 (1908) года.

текстов куски, его не устраивавшие, даже если авторами были очень известные люди. С другой стороны, он находил, поощрял и публиковал многих малоизвестных авторов.

Р. Шлойме-Йосеф Зевин, в то время раввин Казимиrowa (Минская губерния), написал отзыв об альманахе «Ягдиль Тора», опубликованный в двух номерах газеты «Га-Модиа». Посетовав на то, что современные духовные вожди не следуют примеру своих предшественников и не излагают плоды размышлений в книгах, Зевин похвалил издание, делающее достоянием широкой публики современную еврейскую мысль и прежде всего — учение литовских знатоков Торы, которые в последнее время достигли выдающихся успехов во всем, что касается «логичности объяснений, ясности и остроты рассуждений, позволяющих глубоко проникнуть в суть любого обсуждаемого вопроса». По мнению р. Зевина, альманах также выполнял еще одну важную задачу: давал возможность «прояснить и обсудить вопросы, возникшие в последнее время в связи с новыми проблемами и новыми реалиями». Свою статью раби Зевин закончил теплой похвалой редактору: «Господин Томашов — выдающийся раввин (хотя и не пользуется этим титулом) и знаток Торы, прекрасно умеющий отделить зерна от плевел своими верными комментариями и ясными ответами; его твердая рука заметна во всех статьях и материалах, опубликованных в журнале» («Га-Модиа», 12 хешвана 5672–1912 г., № 3, 4).

Выдающийся раввин Хаим-Озер Гродзенский из Вильны написал личное письмо Томашову. По его мнению, по уровню альманах приближался к журналу «Твуна», который издавал в свое время р. Салантер.

Обложка альманаха «Ягдиль Тора»

р. Мойше-Биньомин
Томашов

Когда в 1928 году раби Борух-Бер был в Америке и навестил р. Томашова, его взгляд упал на альманах «Ягдиль Тора», стоявший на книжной полке. Гость начал листать его с явным удовольствием и любовью, а затем сказал хозяину:

– Вы знаете, почему я его открыл? Дело в том, что мой учитель, раби Йосеф-Дов Соловейчик, тоже опубликовал здесь свою статью.

Однако, несмотря на огромный успех альманаха в мире Торы, финансовое положение издателя от этого не только не улучшилось, а, напротив, значительно ухудшилось. Это вынудило его уменьшить периодичность, при этом он умолял подписчиков не отменять подписку. Затем, вопреки собственному желанию, ему пришлось обратиться к состоятельным людям с просьбой о помощи в виде разовой суммы или ежегодной субсидии. Когда эти просьбы ничего не дали, редактор вышел из себя и, вопреки своим правилам, разразился горькими словами, объяснявшими причину прекращения издания сборника, который перестал выходить исключительно в силу его личных обстоятельств. «Человек не знает часа своей кончины, — писал среди прочего раби Томашов. — До недавнего времени у меня не было надежного источника дохода, меня содержали мои родители. Однако ныне я лишился даже этого скудного дохода — своей типографии, которую я создал ценой огромных трудов и душевных усилий. Ныне я уповаю лишь на милость Всевышнего — на то, что Он пошлет мне источник честного заработка. По этой причине я не смог вовремя выпустить очередной номер «Ягдиль Тора»».

Тем не менее р. Томашову удалось справиться с трудностями и продолжить издание альманаха вплоть до пятого номера, который вышел в 1912 году. После этого он тяжело заболел и вынужден был уехать на лечение в Берлин. Оттуда он решил перебраться в Америку, где к тому времени поселились его родители.

В Нью-Йорке раби Томашов был восторженно встречен ведущими раввинами, знавшими его еще с молодости по йешивам Слуцка и Слободки, однако в первую очередь — благодаря издаваемому сборнику, сделавшему

Однако, несмотря на огромный успех альманаха в мире Торы, финансовое положение издателя от этого не только не улучшилось, а, напротив, значительно ухудшилось.

его имя известным во всем еврейском мире. Однако обстоятельства жизни на новом месте не позволили ему продолжить его издание.

В 1916 году раби Томашов попытался возобновить издание альманаха в Нью-Йорке и сумел выпустить несколько номеров, в которых опубликовал статьи ведущих американских раввинов. Однако в них не было того живого духа и энергии, которые чувствовались во всех номерах, вышедших в Слуцке.

Примерно в это время раби Томашов встретился с равом Берлином⁴²⁰, приехавшим из Германии, где тот издавал журнал «Га-Иври». Тот сказал ему:

– Как ваш коллега хочу дать вам совет: делать здесь журнал нужно совсем не так, как в Слуцке. Там раввины занимались Торой и предлагали новые оригинальные толкования, которые посылали вам для публикации. Вы в свою очередь поступали с ними согласно обычаю мудрецов Израиля всех поколений: «Даже отец и сын, учитель и ученик становятся врагами, когда занимаются Торой...»⁴²¹ — правили их железной рукой, редактируя их статьи. Однако я не сомневаюсь, что после этого исполнялась и вторая, заключительная часть этого высказывания: «...но не расходятся, пока не помирятся». Однако в этой стране, где очень мало тех, кто занимается Торой ради нее самой и толкует еврейские законы, даже если изредка кому-то удастся что-нибудь написать, если ты попробуешь ему возразить, то поссорись с ним навсегда и он возненавидит тебя от всей души.

В 1925 году раби Томашов попытался еще раз воскресить свой альманах. После Первой мировой войны в Америке обосновались несколько известных раввинов, в том числе и бывшие авторы сборника той поры, когда он выходил в Слуцке. Раби Томашов решил, что время пришло. Правда, если прежде он издавал «Ягдиль Тора» единолично, то на этот раз альманах был выпущен коллективно, несколькими соучредителями. Изменилось и его название, теперь он назывался «Мигдаль Тора»⁴²². В предисловии редактор объяснил, что именно побудило его прибегнуть к смене имени⁴²³: «У нас больше нет стены, окружавшей и защищавшей нас со всех сторон. В ней появилось множество проломов, и дух внешнего мира проник внутрь. Границы рухнули, и наш воздух смешался с чужим воздухом. Секулярный дух, подобно урагану, вырывает из наших рядов все новых людей. Святость Торы исчезает по мере того, как помыслы наполняются светскими идеологиями и культурами. Поэтому в отсутствие стены приходится строить башню, чтобы обозначить позицию знатоков Торы, посвятивших свою жизнь прояснению тонкостей и нюансов еврейского законодательства и максимально глубокому постижению Торы. Ибо само обсуждение этих вопросов дарует нам жизненную силу, которой нам так не хватает, и позволяет узреть сокровенный свет, присущий любому из нас».

Новый альманах произвел впечатление в мире Торы. Многие надеялись, что он возродится.

Однако Мабит («Наблюдатель», на самом деле — акроним слов «Мойше-Биньомин Томашов»; этим псевдонимом раби Томашов неизменно подписывал свои вступительные статьи и прочие материалы, которые публиковал в журнале) был достаточно проницателен, дабы понять, что это всего лишь

В 1916 году раби Томашов попытался возобновить издание альманаха в Нью-Йорке и сумел выпустить несколько номеров, в которых опубликовал статьи ведущих американских раввинов.

---

⁴²⁰ Имеется в виду р. Меер Бар-Илан (1880–1949) — раввин, один из лидеров религиозного сионизма, сын р. Нафтоли-Цви-Йегуды Берлина. — *Прим. пер.*

⁴²¹ Талмуд, «Кидушин», 30б.

⁴²² «Мигдаль Тора» (иврит) — «Башня Торы».

⁴²³ Согласно известному высказыванию: «Сменил имя — изменил судьбу». — *Прим. пер.*

незначительный «контрудар» перед неизбежным отступлением, которое следует очень скоро. После всего, что ему довелось пережить в связи с изданием альманаха сначала в Слуцке, а потом в Нью-Йорке, он прекрасно понимал, что не сможет продолжать работу на прежнем уровне, к которому привык.

Решив, что он не будет больше редактором и издателем, раби Томашов посвятил свою жизнь написанию комментариев к кодексу «Шульхан арух», которые впоследствии ему удалось издать: «Тикун гитин»⁴²⁴ — о еврейском бракоразводном праве, — и своего главного труда, трехтомника «Авней-шоѓам»⁴²⁵ — комментария к Талмуду. Его книги были хорошо приняты в мире Торы, и многие раввины пользуются ими по сей день.

С отъездом р. Томашова в Нью-Йорк издание альманаха в Слуцке прекратилось — до тех пор, пока в начале двадцатых годов в Слуцк не приехал раби Йехезкель Абрамский, ставший новым городским раввином. В это бурное и беспокойное время раби Абрамский вместе с р. Шлойме-Йосефом Зевинем, который был в те годы раввином Новозыбкова, решил возобновить издание «Ягдиль Тора» в Слуцке, чтобы тем самым морально поддержать раввинов, оставшихся в советской России. Эта история самопожертвования заслуживает отдельного рассказа. Насколько мне известно (на основании скудной информации, просачивающейся из-за железного занавеса), можно сказать, что слуцкий альманах «Ягдиль Тора» стал последним печатным органом, со страниц которого в России звучало слово Торы. Интересно отметить, что он же стал первым подобным изданием в Америке.

Помимо р. Томашова, в альманахе «Ягдиль Тора», когда он издавался в Слуцке, печатались следующие известные раввины и знатоки Торы: Йосеф-Элийоѓу Генкин, Хаим-Бен-Цион Наталевич, Йоэл-Довид Мозессон, Йехезкель Абрамский, Йехиэл-Яков Розенберг, Нисн Телушкин, Цви-Пейсах Франк, Рувен Кац, Шлойме Бельзер, Шлойме-Йосеф Зевин.

ГЛАВА ЙЕШИВЫ

Раввин Й.-Э. Генкин

Вся жизнь выдающегося знатока Торы р. Исера-Залмена Мельцера была посвящена изучению, преподаванию Торы и исполнению ее законов. Время, когда раби Мельцер учился в Воложине, стало эпохой распространения Ѓаскалы, и многие ученики йешивы также не избежали влияния этого идейного течения. Однако раби Мельцер не последовал за ними, но расширял и углублял свои познания в Торе. Покойный раби Соловейчик, бывший в те годы преподавателем Талмуда в йешиве, неизменно находился рядом с ним, подобно брату или самому близкому другу. После закрытия Воложинской йешивы⁴²⁶ раби Мельцер поехал в Радунь⁴²⁷, где ученики, согласно древнему обычаю изучающих Тору, довольствовались самым малым⁴²⁸.

⁴²⁴ «Тикун гитин» (иврит) — «Правила составления разводных писем».

⁴²⁵ «Авней-шоѓам» (иврит) — букв. «Ониксы».

⁴²⁶ В 1896 г. йешива было официально закрыта, т.к. российское правительство потребовало введения в программу преподавания изучение русского языка, светских предметов и ограничения учебы до 10 часов в день. — *Прим. пер.*

⁴²⁷ Ныне Радунь Вороновского р-на Гродненской обл., Белоруссия.

⁴²⁸ «Таков путь для изучающих Тору: питаться хлебом с солью, даже воду пить в меру, спать на голой земле, жить тяжело и трудиться над изучением Торы...» («Авот», 6:4).

С отъездом р. Томашова в Нью-Йорк издание альманаха в Слуцке прекратилось — до тех пор, пока в начале двадцатых годов в Слуцк не приехал раби Йехезкель Абрамский, ставший новым городским раввином.

После того как он женился на дочери р. Файвла Франка из Ковно, его ученая супруга взяла на себя заботу о семейном заработке, а раби Мельцер вместе с его родственником р. Мойше-Мордехаем Эпштейном возглавил йешиву в Слободке.

У этой йешивы не было в то время своих агентов, занимавшихся сбором пожертвований. Она существовала благодаря щедрой поддержке праведника р. Овадьи Лахмана. Когда начались ожесточенные споры, стоит ли вводить в йешивах официальное преподавание Мусара в соответствии с методом р. Исроэла Салантера, раввины Ковно и Слободки оказались в числе противников такого предложения. Установив контроль над йешивой в Слободке, они переименовали ее в «Кнесес Бейс-Ицхок». Тогда было принято решение перенести йешиву «Кнесес Исраэль» в какое-нибудь другое место — сторонники преподавания Мусара опасались, что в противном случае субсидию Лахмана получит «Кнесес Бейс-Ицхок». Договорившись с р. Шименом Гаринсоном из Клецка, они решили перенести йешиву в этот город. Однако раби Яков-Довид Виловский опередил их, взяв на себя все хлопоты по обеспечению йешивы и ее переезду в Слуцк. Несколько лучших учеников последовали в Слуцк вслед за раввином Мельцером и основали там йешиву. В Слуцке раби Мельцер также не получал жалование. Его супруга, оставшаяся в Ковно, обеспечивала семью за счет своих торговых предприятий.

В итоге йешива с преподаванием Мусара появилась и в Слободке. Между тем продолжавшийся конфликт мешал р. Якову-Довиду Виловскому и главе раввинского суда Слуцка обеспечивать местную йешиву всем необходимым. Кроме того, раби Виловский был занят изданием своего труда, посвященного Иерусалимскому Талмуду. Все это вынудило р. Мельцера принять решение, что делать дальше: вернуться в Слободку или обосноваться с семьей в Слуцке.

После долгих размышлений и колебаний он выбрал второй вариант. Однако его путь не был усыпан розами, поскольку конфликт между слуцкими раввинами мешал нормальному существованию йешивы. В результате раби Мельцер взял на себя и заботу о материальных нуждах йешивы, став ее директором. На имеющиеся в его распоряжении средства невозможно было нанять, как это было принято, отдельного машгиаха, поскольку один человек не в состоянии совмещать две должности. Однако р. Исеру-Залмену это удалось.

Талмудические лекции р. Мельцера были очень популярны. Ученики любили и ценили их гораздо больше уроков других преподавателей. Его лекции о еврейской этике также производили неизгладимое впечатление. Я помню несколько таких лекций, которые он читал в месяце элуль перед вечерней молитвой на исходе субботы. Эти выступления наполняли сердца слушателей страхом и трепетом, и многие из них даже плакали.

В 1896–1904 годах раби Мельцер был только преподавателем Талмуда. Раби Яков-Довид Виловский занимал в это время должность главы раввинского суда в Слуцке, однако часто бывал в разъездах, поскольку был занят хлопотами, связанными с изданием своих трудов.

После того как раби Виловский окончательно уехал из Слуцка, раби Мельцер стал его преемником на посту председателя суда. Однако не весь город признавал его власть: раввином Заречной улицы и прилегающих к ней кварталов считался раби Йосеф Пеймер, ставший тамошним раввином в результате конфликта с р. Виловским.

Талмудические лекции р. Мельцера были очень популярны. Ученики любили и ценили их гораздо больше уроков других преподавателей.

С тех пор йешива процветала. Через некоторое время для нее построили отдельное просторное здание. (Прежде она кочевала по синагогам, молельням и домам учения — подобно Сангедрину⁴²⁹, который в свое время так же кочевал из города в город. Она переезжала из дома учения на Заречной в Синагогу домохозяев, оттуда на Островскую улицу, оттуда в Синагогу портных, оттуда в молельню...) Впоследствии от слущкой йешивы отпочковалась шкловская, которую возглавил раби Пейсах Прускин, бывший прежде директором йешивы в Слуцке. Раби Мельцер лично послал его в Шклов вместе с несколькими учениками; в шкловской йешиве раби Прускин стал преподавателем Талмуда. Еще одну йешиву выпускники слущкой йешивы основали в Столбцах — также по инициативе р. Мельцера и при содействии тамошнего главы раввинского суда.

В то время когда йешива располагалась в доме учения на Островской улице, в ней начался конфликт из-за запрета на изучение светских предметов. В йешиве было запрещено чтение газет. Часть учеников, недовольных этим, обратились к местным домохозяевам, оказавшимся их единомышленниками, и создали свою йешиву в их доме учения. Существование йешивы р. Мельцера оказалось под угрозой. Однако этот обычно очень мягкий человек доказал, что может быть твердым как камень в борьбе с отклонением от общепринятого пути, согласно которому в йешиве следует изучать только Тору и комментарии.

Исключением из этого правила была йешива⁴³⁰ в Одессе, которую возглавляли тогдашние просветители. Она считалась убежищем для тех, кто хотел бежать из мира Торы, и называлась йешивой только для отвода глаз. Правда, в те же годы раби Ицхок-Яков Рейнес открыл в Лиде йешиву, где тоже изучали светские предметы⁴³¹. Она славилась высоким уровнем преподавания Талмуда и еврейских кодексов. Раби Рейнес нашел очень хороших преподавателей Талмуда. Однако дело не сладилось: в йешиве оказалось много молодых бунтарей, подпавших под влияние современной еврейской и нееврейской литературы.

Просветительская йешива в Слуцке, отколовшаяся от йешивы р. Мельцера, также оказалась недолговечной. Йешива «Эц хаим», напротив, росла и крепла, в ней учились сотни студентов из ближних и дальних мест.

В годы Первой мировой войны у р. Мельцера прибавилось хлопот, связанных как с дальнейшим существованием йешивы (он делал все для того, чтобы йешиботников не призвали в армию), так и с проблемами города, где он был раввином. В Слуцке оказалось множество беженцев из Польши и Литвы, и нужно было позаботиться об их нуждах. Кроме того, среди беженцев свирепствовали болезни, и раби Мельцер трудился не покладая рук, делая все возможное и невозможное, чтобы спасти как можно больше жизней.

После революции, когда к власти пришли большевики, раби Мельцер постарался сохранить йешиву. Из-за этого он был арестован, однако вскоре освобожден, поскольку даже работники органов испытывали к нему уважение и сочувствие, зная о его самоотверженной работе ради бедных и обе-

⁴²⁹ Сангедрин (по-гречески — Синедрион) — высший законодательно-судебный орган конца эпохи Второго храма — начала эпохи Талмуда. Согласно известному высказыванию, переезжал «из Иерусалима в Явне, из Явне в Ушу, из Уши в Шфарам, а из Шфарам в Бейт-Шеарим и из Бейт-Шеарима в Ципори, а уже из Ципори в Тверию». — *Прим. пер.*

⁴³⁰ Эту йешиву основал в 1905 г. раввин Хаим Черновиц.

⁴³¹ В программу были включены Танах, иврит с грамматикой, а также общие предметы в объеме уездного училища, к которым позже добавили основы коммерции. — *Прим. пер.*

здоленных. Тем не менее он вынужден был бежать в Клецк, отошедший к Польше, где прожил несколько лет. После того как йешиву возглавил его зять раби Арн Котлер, раби Мельцер уехал в Эрец-Исраэль.

В Стране Израиля, помимо преподавания в иерусалимской йешиве «Эц хаим» и издания своих трудов, раби Мельцер участвовал во многих предприятиях, имевших целью помощь ближним. Думаю, что не преувеличу, если скажу, что бюро нью-йоркской организации «Эзрас-Тойро»⁴³² получило от него тысячи писем с просьбой о помощи различным лицам и организациям. Почти все эти письма раби Мельцер написал собственноручно, и лишь в последние годы большую часть его корреспонденции писали за него другие, а он лишь подписывал. Некоторые из этих писем, которые он посылал до последнего дня, пришли уже после его кончины.

Вот краткий рассказ о жизни и деятельности этого выдающегося знатока Торы, светоча Израиля, человека выдающейся учености и в высшей степени достойного. Он был отцом своим ученикам и неустанно подыскивал для них место раввина, преподавателя йешивы или члена раввинского суда. В частности, я точно знаю, что он много хлопотал, чтобы подыскать мне место раввина. Когда же я получил место преподавателя в йешиве в Столбцах, он посылал ко мне учеников из Слуцка, чтобы укрепить нашу йешиву и мое положение в ней.

ЙЕШИВА «ЭЦ ХАИМ»

Раввин Ц.-Й. Мельцер

Величайшее чудо — сохранение еврейского народа в рассеянии на протяжении двух тысячелетий — связано с уникальным институтом, не имеющим аналогов у других племен и народов. Существовавший и развивавшийся согласно своим внутренним законам, этот институт практически совершенно неизвестен исследователям.

Люди, определявшие в ту или иную эпоху характер еврейской жизни, не обладали обычно политической властью, в их распоряжении не было никакой военной силы. Однако их святым указаниям неукоснительно следовали все их соплеменники, и никто не осмеливался ослушаться их.

Великий человек, определявший ход истории, вовсе не должен был быть раввином большого города. Он мог и вовсе не быть раввином, и тем не менее оставался вождем и высшим авторитетом. Многие маленькие местечки прославились, поскольку были местом жительства великого знатока Торы, наставника и духовного руководителя народа Израиля, где бы он ни жил.

К числу таких местечек принадлежит и Слуцк, небольшой городок в Белоруссии, чье имя неизменно ассоциировалось с изучением Торы и еврейской мудрости. Есть сведения о том, что первые йешивы существовали в Слуцке уже тысячу лет назад⁴³³. В книге р. Арна Котлера я своими глазами

В Стране Израиля, помимо преподавания в иерусалимской йешиве «Эц хаим» и издания своих трудов, раби Мельцер участвовал во многих предприятиях, имевших целью помощь ближним.

⁴³² «Эзрас-Тойро» (иврит в ашкеназском произношении) — «Помощь Торы» — созданная в 1915 г. благотворительная организация, поддерживавшая семьи изучающих Тору, прежде всего на Святой земле. — *Прим. пер.*

⁴³³ Учитывая, что первые упоминания о евреях в Слуцке восходят к 1583 г., это несомненное преувеличение. — *Прим. пер.*

видел семейную генеалогию с перечнем восемнадцати поколений раввинов, из которых шестнадцать жили в Слуцке. Одиннадцать поколений назад Слуцк также был административным центром — одной из «столиц» Совета четырех земель. За эту честь боролись Бриск и Слуцк. В конечном счете решение было принято в пользу Слуцка, поскольку полных Талмудов в Слуцке больше, чем в Бриске⁴³⁴.

Воспоминания времен моего детства

В человеческом сердце детские воспоминания оставляют глубокие следы, которые никогда не сотрутся. Кроме того, взрослые в принципе охотно предаются воспоминаниям о счастливом и беззаботном детстве, когда они жили с отцом и матерью, окруженные любовью и заботой. Разумеется, эти времена никогда не вернуться, однако память о них поддерживает нас на нелегком жизненном пути.

Так, я хорошо помню шамеса реб Шимена, который верой и правдой служил нескольким поколениям слуцких раввинов. Он был надежным помощником выдающегося знатока Торы р. Йосефа-Дова Соловейчика, затем р. Меера Пеймера, сына р. Йосефа Пеймера, ученика р. Хаима, основателя знаменитой Воложинской йешивы. Позже он также был служкой р. Якова Довида Виловского.

Помню также рассказы о р. Йосефе Пеймере. Весь его облик отличался царственным величием, при этом он был чрезвычайно вежливый человек. Рассказывали, что он всегда наступал на одни и те же булыжники, на протяжении многих лет ходя из дома в синагогу и обратно. Его отношения с общиной были основаны на взаимном уважении: община ценила своего раввина, а раввин — ее.

После него городским раввином стал раби Йосеф-Дов Соловейчик. Он был полной противоположностью своему предшественнику. Это был человек кипучей энергии, решительный, энергичный, импульсивный, готовый бороться за свои принципы и убеждения. Он оказался в Слуцке в нелегкую эпоху Николая I, когда на евреев была распространена рекрутская повинность. Раби Соловейчик выступил против распространенной тенденции сдавать в солдаты детей бедняков, тогда как дети богачей оставались дома, поскольку их родители всегда находили нужные средства, чтобы добиться их освобождения. Как-то раз похитили мальчика из бедной семьи. Узнав об этом, раби Соловейчик вышел из себя, сломал забор, окружавший двор, где был заперт мальчик, и спас его. Другой раз, когда к нему пришел сборщик налога на кашерное мясо и потребовал запретить в городе привозное мясо⁴³⁵, поскольку его кашерность якобы сомнительна, раби Соловейчик велел жене вывести из хлева корову, которую этот сборщик подарил семье раввина, и вернуть ее прежнему хозяину. Увидев, что жена не спешит выполнять это распоряжение, он сам привел корову и сказал сборщику:

⁴³⁴ Автор путает Совет четырех земель, руководящий орган еврейства Речи Посполитой, и Совет Литвы, высший орган евреев Великого княжества Литовского. Первоначально в состав Совета входили делегаты от трех главных общин — Бреста, Гродно и Пинска, из которых каждая имела в своем подчинении ряд других, менее значительных общин, составлявших ее округ. С 1652 г. к их числу присоединилась Вильна, а в 1691 г. появилась пятая окружная община — Слуцк, подчинявшийся прежде брестскому кагалу. — *Прим. пер.*

⁴³⁵ Ввоз кашерного мяса уменьшал «коробочный сбор». — *Прим. пер.*

– Поскольку корову я уже вернул, ты можешь изложить мне свои доводы.

Раби Соловейчик никогда не обращал внимания на положение в обществе тех, с кем имел дело, поэтому у него постоянно случались конфликты с городскими богачами.

У него был обычай покидать в субботу свое место у восточной стены синагоги, где сидели первые люди города, обладатели дорогих табакерок из золота и серебра, и брать понюшку табака из простой деревянной табакерки портного. Понятно, что подобные поступки раздражали надменных богачей, и они всячески отравляли жизнь раввина, пока наконец не вынудили его уехать из города.

Его преемником стал раби Меер Пеймер. Внешне он был копией своего покойного отца. Между евреями Слуцка и их раввином снова воцарился мир. Однако семена недовольства, посеянные р. Соловейчиком, проросли и дали плоды. Новые идеологии овладели умами некоторых лидеров общины. Судя по всему, именно это привело к тому, что раби Меер оставил город.

Прежде чем уехать, раби Пеймер предложил занять освободившееся место р. Якову-Довиду Виловскому. Достаточно быстро выяснилось, что этот раввин стал «вторым изданием» р. Йосефа-Дова. Он сочувствовал простому народу, отказываясь подчиняться своеволию и капризам глав общины. Это заставило часть ее руководства снова пригласить р. Пеймера в город, правда, не официальным раввином, а в качестве духовного наставника. Раби Меер принял это предложение. Отношения с р. Виловским у него были напряженные, поэтому в итоге он снова уехал из Слуцка, оставив своего сына раввином части местных евреев.

Идея открыть в Слуцке йешиву

Примерно в то же время у р. Виловского возникла идея создать в Слуцке филиал йешивы Слободки. Для этого он обратился к р. Носну-Цви Финкелю, «Дедушке из Слободки»⁴³⁶, попросив его одобрить этот план. Свою просьбу он обосновал тем, что Слуцк служит воротами, соединяющими Белоруссию с центральной Россией, и что в окрестностях Слуцка живет множество евреев. Раби Финкель согласился с этими доводами и послал в Слуцк группу лучших учеников, чтобы они создали там йешиву. Их было четырнадцать, в гематрии *йод-далет*, что на иврите можно прочесть как *яд* («рука»), поэтому их называли *яд хазака*⁴³⁷ («сильная рука»). Главой новой йешивы выбрали моего покойного отца и наставника, который неизменно стремился к распространению Торы. Несмотря на то что он был еще достаточно молод, отец вскоре стал известен как один из лучших глав йешив своего времени и пользовался огромной любовью учеников. Стоит отметить, что все, кто приехал с ним в Слуцк, впоследствии стали знатоками Торы, духовными лидерами и уважаемыми раввинами, известными во всех общинах народа Израиля.

⁴³⁶ Носн (Нота)-Цви Финкель (1849–1927) — раввин, основатель йешивы Слободки, видный деятель движения Мусар, педагог. Был известен как Дедушка из Слободки. — Прим. пер.

⁴³⁷ Также название классического свода еврейских законов, составленного Рамбамом. — Прим. пер.

Развитие йешивы

Первое время после создания йешивы существовали серьезные опасения относительно будущего этого предприятия. Тяжелые условия материальной и духовной интеграции на новом месте ставили под угрозу само существование йешивы. Кроме того, выбранный ею новый воспитательно-педагогический курс, основанный на учении Мусар, созданном р. Исроэлом Салантером, встретил сопротивление в Слуцке и окрестностях, где придерживались старых традиций обучения и совершенно других методов изучения Торы. Конфликт между р. Виловским и р. Пеймером также отразился на судьбе йешивы. Последователи р. Пеймера даже попытались открыть конкурирующую йешиву. Однако поскольку это учебное заведение было создано по принципу «от противного» и ее создателям недоставало энтузиазма и готовности к самопожертвованию, необходимых для такого святого дела, оно было обречено на провал, и йешива вскоре закрылась.

Тем не менее положение филиала слободкинской йешивы оставалось трудным, ибо раби Виловский, изначально пообещавший заниматься ее делами, уехал из Слуцка вскоре после приезда моего отца.

Тем не менее положение филиала слободкинской йешивы оставалось трудным, ибо раби Виловский, изначально пообещавший заниматься ее делами, уехал из Слуцка вскоре после приезда моего отца. В результате все финансовые вопросы легли на плечи главы йешивы — молодого йешиботника, который прежде занимался только Торой и совершенно не умел вести денежные дела. Положение было настолько трудным, что в какой-то момент у отца, несмотря на всю его энергию, иссякли силы, и он решил вернуться в Слободку, сказав:

– «И когда поднималось облако над шатром, отправлялись сыны Израиля продолжать свои странствия»⁴³⁸. «По указанию Господа двигались сыны Израиля и по указанию Господа останавливались...»⁴³⁹ — нам суждено вернуться в Слободку.

Однако Бог рассудил иначе. Узнав о решении моего отца, замечательный еврей реб Йекусиэль (Куси) Голдес сказал ему:

– Мне кажется, что йешива подобна ковчегу Завета, который сам нес своих носильщиков, а не наоборот.

Не ограничившись этим, он развил бурную деятельность, нашел новые источники финансирования и спас предприятие, казавшееся безнадежным. Мой отец решил остаться. Этот реб Куси был простым лавочником, посвящавшим почти все свободное время изучению Торы. Раби Йосеф-Дов Соловейчик говорил о нем:

– Ах, если бы я удостоился молиться в Грозные дни так, как реб Куси молится весь год!

Таковы были евреи Слуцка. Ради сохранения Торы они готовы были трудиться не покладая рук, не зная ни сна, ни отдыха. При этом в своих хлопотах они не искали ни выгоды, ни даже почета и уважения. Они были подобны скрытым праведникам, благодаря заслугам которых стоит мир, когда ни он, ни они сами не ведают об их истинном величии и праведности.

Йешива развивалась и укреплялась, число учеников возрастало. Первое время она скиталась «из изгнания в изгнание» — из синагоги на Заречной в синагогу на Островской на окраине города, а оттуда — в Синагогу порт-

⁴³⁸ «Шмот», 40:36.

⁴³⁹ «Бемидбар», 9:18.

ных в его центре. Лишь через несколько лет ей удалось обзавестись собственным просторным зданием.

Йешива и город

Сотни студентов йешивы стали неотъемлемой частью городского пейзажа, поскольку, по обычаю того времени, жили не в общежитии, а снимали комнаты у местных обывателей, живших по всему городу. Столовались они у своих хозяев, или же «ели дни» в разных семьях за небольшую плату, или, в редких случаях, даром. Поскольку йешиботники жили и питались в разных местах, это привело к тому, что они встречались на каждом углу и их присутствие ощущалось во всем городе.

Молодые люди приезжали учиться в йешиве со всей России. Некоторые из них прибывали из Москвы, Петербурга и даже с Кавказа. На Кавказе влияние ее ощущается и сегодня, поскольку ее выпускники, которым их наставники привили готовность к самопожертвованию и желание нести Тору широким массам, основали в этом районе йешивы. Престарелый раби Элийогу Генкин, нынешний директор американской организации «Эзрас-Тойро», был одним из первых студентов слуцкой йешивы, а также одним из первых, кто приехал на Кавказ и создал там йешиву.

Некоторое время назад делегация американских раввинов сообщила нам о богатой и разнообразной религиозной жизни евреев Дагестана. Можно с уверенностью утверждать, что в значительной степени это является результатом упорных трудов выпускников слуцкой йешивы, сумевших воспитать в этой далекой стране следующее поколение знатоков Торы, мужественно противостоявших все вызовам эпохи и оказавшихся способными выдержать давление окружающей среды и властей.

В числе выпускников слуцкой йешивы — значительное число раввинов, возглавлявших большие общины. Многие из них и сегодня работают в разных странах, в основном в Америке. В самом Слуцке йешиботники активно участвовали в организации культурной жизни и в различной общественной деятельности. Многие из них хранили в душе искру любви к Сиону и тоску по стране их предков — в полном соответствии с настроением самого главы йешивы, имевшего колоссальное влияние на студентов.

Как известно, мой покойный отец и наставник отличался безграничной и пламенной любовью и Сиону. Одно время он даже был членом подпольного кружка «Нес-Циона», созданного студентами Воложинской йешивы. Все деньги, полученные в качестве приданого, он потратил на приобретение участка земли в окрестностях Хадеры.

Участие Слуцка в поддержке йешивы

Так же, как в свое время при сооружении переносного Храма в пустыне, множество мужчин и женщин жертвовали деньги на строительство здания йешивы. День ее открытия стал большим праздником для жителей города. Кроме того, слуцкие евреи заботились о студентах этого учебного заведения, оказывая им всевозможную помощь. Хотя в городе были и другие йешивы, эта была главной, и местные евреи гордились ею.

В числе выпускников слуцкой йешивы — значительное число раввинов, возглавлявших большие общины. Многие из них и сегодня работают в разных странах, в основном в Америке.

Задачи йешивы и причины ее успеха

Успех слущкой йешивы можно объяснить несколькими причинами. Однако главная, безусловно, заключалась в том, что ее основатели отчетливо понимали свою задачу. Йешива прокладывала новые пути, необходимые для лучшего понимания Торы и ее распространения во всех слоях еврейского народа. Она возникла в том месте, где привычные методы учебы представляли угрозу сохранению мира Торы. Вместе с другими-литовскими йешивами слущкая сделала революционный шаг в долгой истории йешив — и слава Богу, что ведущие раввины того времени обладали непререкаемым авторитетом и смогли обосновать эту революцию с точки зрения еврейского религиозного закона.

Этот новый подход возник в тот момент, когда в Европе задули новые ветры, начавшие разрушать стену еврейской обособленности. Новые проблемы требовали новых решений, и, пока их не удавалось найти, древнее строение ветшало и разрушалось. Пришло время расширить горизонты, углубить понимание Торы и обрести новые точки опоры, которые позволили бы укрепить ее влияние в повседневной жизни еврейского народа.

Первым, кто сделал шаг к осуществлению этой программы, стал раби Исроэл Салантер. Позже в других йешивах также осознали необходимость готовить учеников к служению обществу и формировать духовный облик следующего поколения, чтобы закалить его против чужеродных влияний, способных уничтожить мир Торы до основания. Статичное мышление, не предполагающее никаких новых формул, в этой ситуации было обречено на неудачу. Новые йешивы, и слущкая в их числе, спасли положение, снабдив новым оружием молодежь, сражавшуюся за сохранение еврейского народа и его уникального облика. Студенты этих йешив встали, словно стена, на пути сторонников ассимиляции, будь то последователи берлинской Гаскалы или социалисты всех родов. Ибо и те и другие обрекали еврейский народ на духовное, религиозное и национальное уничтожение.

Заключение

Следует признать, что традиционное воспитание не привело к полному «отрицанию изгнания»⁴⁴⁰, и покаяться в своей вине за это. Возможно, это было связано с желанием и необходимостью бороться с опасными тенденциями. Осознавая необходимость противостоять опасности духовного вырождения, наши лидеры, возможно, не чувствовали, что у евреев, живущих в диаспоре, уходит из-под ног почва. Поэтому они так и не мобилизовались на борьбу с равнодушием к идее возвращения в Сион. Впрочем, эту трагическую историю мы не в силах понять. Пути Божественного провидения скрыты от нас. «Ибо насколько небеса выше земли, настолько Мои пути выше ваших путей и Мои мысли — ваших мыслей»⁴⁴¹.

Нам также не понять, почему пробуждение надежды на скорое Избавление, начавшееся при Беште⁴⁴² и Виленском Гаоне, было забыто их учениками и учениками их учеников. Тем не менее слущкая йешива останется

⁴⁴⁰ Один из основных постулатов сионистской идеологии, гласящий, что еврею в принципе нет и не может быть места в диаспоре. — *Прим. пер.*

⁴⁴¹ «Йешаягу», 55:9.

⁴⁴² Исроэл Баал-Шем-Тов (Бешт, 1698–1760) — основатель хасидизма.

в нашей памяти вплоть до окончательной победы духа и воли над всеми преградами. Ее вклад в духовную сокровищницу народа Израиля останется бесценным, равно как и вклад всех остальных великих йешив. Ибо, хотя они и были уничтожены, их влияние будет ощущаться во всех областях из поколения в поколение.

Кроме того, слущкая йешива удостоилась того, что ее отросток укоренился и дал побег на Земле Израиля. Как известно, когда к власти в России пришли большевики, йешиву перенесли из Слуцка в Клецк. Там она просуществовала около двадцати лет, по праву считаясь одной из ведущих йешив польской Литвы. Во главе ее стоял выдающийся знаток Торы раби Арн Котлер. В годы Катастрофы она была уничтожена. р. Котлеру удалось уехать в Америку, где он основал известную йешиву в Лейквуде. Что же касается р. Мельцера, то он осуществил давнюю мечту своей молодости: после того как йешива переехала из Слуцка в Клецк, он проработал там около двух лет и уехал в Эрец-Исраэль, чтобы преподавать Тору в старой иерусалимской йешиве «Эц хаим». Здесь он воспитал сотни учеников, многие из которых стали известными преподавателями Торы в Израиле. Это, несомненно, явилось одним из важнейших жизненных достижений р. Мельцера, неизменно стремившегося готовить будущих духовных лидеров народа Израиля.

Слущкой йешиве также была уготована вторая жизнь: в Пардес-Хане вскоре после Катастрофы была основана йешива, созданная в память о ней. Оттуда она переехала в Реховот. Там она существует и поныне под названием «Йешиват-га-даром»⁴⁴³, продолжая традиции Слуцка и Клецка. Это учебное заведение занимает достойное место среди новых израильских йешив и растет и крепнет день ото дня.

СУД НАД ЙЕШИВОЙ

Раввин О. Сандомирский

До 1920 года йешива «Эц хаим» оставалась в своем здании. После того как большевики забрали и здание, и общежитие, мы снова вернулись в Синагогу портных. Там мы учились неофициально, не зная, кто формально возглавляет нашу йешиву, поскольку последние старались оставаться неизвестными. Вместе с р. Лейзером-Ичей мы обходили жителей города, собирая пожертвования — деньги и хлеб — для студентов.

Однажды меня арестовали и посадили в камеру-одиночку. Началось следствие. Следователи интересовались: кто руководит йешивой, каким образом она функционирует? Какое отношение я имею к йешиве? Я просидел в тюрьме месяц, после чего меня освободили до суда, который проходил на идише.

Председатель суда Корт приехал из Минска. Кроме меня, перед судом предстал раби Исер-Залмен Мельцер, которого обвиняли в получении денег для йешивы: у него нашли почтовую квитанцию на его имя об их переводе. Арестовали также йешиботника Маса за призывы в синагоге протестовать против запрета изучения Торы. Поскольку синагогальные служки разреши-

Кроме того, слущкая йешива удостоилась того, что ее отросток укоренился и дал побег на Земле Израиля. Как известно, когда к власти в России пришли большевики, йешиву перенесли из Слуцка в Клецк.

⁴⁴³ «Йешиват-га-даром» (иврит) — «Йешива Юга».

Сендер Нахманович

ли развешать написанные им объявления, к суду привлекли и их. Среди них были реб Носн Фишкин-Горн, шамес синагоги «Карноим», и реб Сендер Нахманович, шамес синагоги «Мишнайс» (отец Ш. Нахмани).

На суд пришло много публики. Состав суда был следующий: Корт, М. Эфрон и некто Трахнелевич, живший в квартире р. Мельцера в комнате, конфискованной у того властями.

Первым суд допросил Маса. Молодой йешиботник беспокоился за свою судьбу и все время постукивал кулаками по столу, как делал всегда, когда учил Тору. Его разумные ответы, сопровождавшиеся жестикуляцией, превратили суд в настоящее представление.

Следующим вызвали реб Носна. Перепуганный, он совершенно запутался и заявил, что зарабатывает на жизнь сватовством. Таким образом он хотел сказать, что не является профессиональным служителем культа, но имеет другие доходы, которых, правда, ему не хватает на жизнь.

Его спросили:

– Вы читали контрреволюционный плакат, вывешенный в синагоге?

– Не до конца, большую часть не прочел, у меня не было времени.

– Так что же вы успели прочесть?

– Ничего не успел.

– Вы говорите, что вы занимаетесь сватовством, — так неужели такой деловой человек не может заработать на жизнь?

– Да, я прочел.

– Если вы прочли, то почему разрешили повесить контрреволюционное обвинение?

– Я не читал! — в отчаянии воскликнул он и без сил рухнул на стул.

Тут я вмешался и сказал, что он может умереть от сердечного приступа и нужно позвать врача.

– Вы что, общественный защитник? — раздраженно спросил судья Корт.

– Да, я общественный защитник, — ответил я. — Если человеку плохо, я хочу ему помочь.

Вызвали доктора Майзеля, который привел реб Носна в чувство.

Тем временем меня вызвали свидетельствовать. Первый вопрос, который мне задали, звучал так:

– Какая власть лучше, царская или народная?

– Я не политик. У нас считается: закон страны — закон. Мы же должны молиться за любое правительство, — ответил я.

Следующим вызвали реб Сендера, шамеса синагоги «Мишнайс». Его спросили о смысле известного стиха из книги «Берешит», но произнесли его неправильно, смешались и замолкли.

– Ну-ну, продолжайте, — сказал реб Сендер.

Зал грохнул от хохота.

Судебный процесс продолжался и в пятницу. Когда настала суббота, раби Мельцер, реб Носн и автор этих строк начали молиться. Мы молились в полный голос, чтобы привлечь внимание публики. Суд продолжался и в субботу, а также в воскресенье и понедельник.

Меня спросили:

– Прежде вы сказали, что нынешняя власть нравится вам больше. Почему?

Я ответил:

– Прежде я никогда не бывал в театре. Теперь же, благодаря советской власти, я не просто побывал в театре, но стал артистом.

В зале засмеялись.

Отчет о судебном процессе послали в ЦИК в Минск. На наше счастье, всех обвиняемых отпустили.

Примерно через полгода в моей квартире устроили ночной обыск и нашли среди бумаг письма из Америки, свидетельствующие о том, что я занимаюсь делами йешивы. Второй раз меня судил еврей по фамилии Менкин. На суде меня снова допрашивали (р. Исер-Залмен к тому времени уехал в Клецк).

Меня спросили:

– Это верно, что вы уволились из йешивы?

– Да, уволился, — ответил я.

– Кто же тогда возглавляет йешиву?

– Не знаю. Возможно, раби Исер-Залмен нашел кого-то. Сам раввин сейчас в Польше.

– На какие средства вы живете?

– Поскольку есть люди, которым не раскрылся сокровенный свет большевизма, то, когда они побывали на моем первом суде, им показалось, что этот суд напоминает дело Бейлиса. Им не кажется, что это был честный и справедливый суд. Поэтому они мне помогают.

– Что вы делали в Петрограде?

– Мне не на что жить. Я ездил с выступлениями, как это принято у евреев.

– Разве вы не получаете деньги из Америки?

– На жизнь этого не хватает.

– Чему были посвящены ваши выступления?

– Я призывал евреев молиться, соблюдать шабес и кашрус, налагать тфилин...

– Вы когда-нибудь ругали власть?

– Разве у советской власти есть недостатки, которые нужно исправить? — ответил я вопросом на вопрос.

– Вы хоть раз призывали своих прихожан вовремя платить налоги?

В ответ я решил скаламбурить:

– Я хотел сказать и об этом. Но прежде чем я написал текст этой речи (*друш*), вы получили больше, чем требовалось (*даруш*), и мне стало не о чем проповедовать (*лидрош*).

– В чем заключается ваше учение?

– Почему «ваше учение», а не «наше учение»? — снова ответил я вопросом на вопрос⁴⁴⁴.

– Какова природа вашего учения? Социалистическое оно или буржуазное?

– Наша Тора совершенна. Ваши социалистические идеи заключены в Торе, существовавшей задолго до социализма.

– Если ваше учение социалистическое, почему же в Торе сказано: «Ибо не переведутся нищие на земле...»⁴⁴⁵? Очевидно, что перед нами буржуазное учение.

– Почему вы прицепились именно к этому стиху? — ответил я. — Разве не сказано также: «Но не должно быть у тебя нищего...»⁴⁴⁶?

– Однако каково объяснение предыдущего стиха, выражающего буржуазную точку зрения? — настаивали судьи. — Ведь именно этим учением вы пичкаете маленьких детей, не так ли?

– Я побывал в Петрограде во время голода. В тот же день в город привезли хлеб и раздали его жителям пайки. Чернорабочий получил полтора фунта, мастер — фунт, обладатели свободных профессий — врачи, инженеры и так далее — три четверти фунта, а бывший буржуй — четверть фунта. Так что и при вашей власти есть разница между богатыми и бедными. Да и в нашем городе комиссар ездит в автомобиле, а зять раввина, чернорабочий, получает сорок рублей в месяц, и его семья умирает с голоду. Выходит, при вашей власти тоже есть нищета?

– Как же вы это объясняете?

– Слова Торы имеют простой смысл и тайный смысл. Простой знают все, тайный — только избранные. Что же до простого смысла, то я — человек простой. Такие вопросы следует задавать председателю раввинского суда, ибо он знает даже самые сокровенные тайны.

– В Торе сказано: «С чужеземца можешь брать проценты, но с брата своего не бери...»⁴⁴⁷ Это значит: с иноверца, простого рабочего, можно драть семь шкур, а со своего брата-еврея нельзя?

– Я нигде не видел, что, когда говорится «чужеземец», имеется в виду непременно крестьянин или рабочий. Напротив, наше учение идет плечом к плечу с вашим. Когда дело касается уплаты налогов, буржуй платит высо-

---

– Слова Торы имеют простой смысл и тайный смысл. Простой знают все, тайный — только избранные.

---

⁴⁴⁴ Учение на иврите — *тора*. Автор снова скаламбурил, напомнив судьям, что у всех евреев — одна Тора. — *Прим. пер.*

⁴⁴⁵ «Дварим», 15:11.

⁴⁴⁶ Там же, 15:4.

⁴⁴⁷ «Дварим», 23:21.

Сидят (слева направо):
р. Ошер Сандомирский,
инспектор йешивы
«Эц хаим», его тесть
р. Шахне, супруга
р. Ошера; стоят их дети

кий налог, и если он вносит его не вовремя, то платит проценты. Налоги для членов профсоюза гораздо меньше, коммунисты же вовсе почти ничего не платят. А почему? Потому что вы следуете заповеди: «Брату твоему не отдавай в рост»!

Затем меня спросили о царе Давиде и Бат-Шеве и о том, в какой йешиве я учился в юности.

В день оглашения приговора слуцкие евреи закрыли свои лавки и пошли в суд (в помещении Залевского). Меня приговорили к пятимесячному тюремному заключению и пятилетней ссылке в любое место (по выбору) не меньше, чем в ста верстах от Слуцка.

«ПРОГРЕССИВНЫЙ ХЕДЕР»

III. Нахмани

В начале 1906 года в Слуцке открылся первый «прогрессивный хедер» под руководством учителей иврита Мордехая Хазановича, Шимшона Нахмани и Дова Коѓена. Это учебное заведение приобрело популярность во всей округе, учеников с каждым месяцем становилось все больше и больше. До появления «прогрессивного хедера» еврейское образование в Слуцке оставалось убогим и отсталым, будучи полностью отдано на откуп меламедам, учившим палкой и ремнем и зная не знавшим ни об иврите, ни о национальном духе. Поэтому не удивительно, что «прогрессивный хедер» столкнулся с решительным сопротивлением меламедов, не останавливавшихся перед доносами начальству.

Стоит отметить, что Авром Эпштейн, Гилел Дубров и И.-Д. Беркович предлагали создать «прогрессивный хедер» еще в 1902–1903 годах, о чем свидетельствует письмо Берковича Эпштейну. Однако поездка Эпштейна в Екатеринослав, где он познакомился с методом «иврит на иврите» и вообще с педагогикой, закончилась разочарованием. Он пришел к выводу, что все трое решительно не готовы к такому делу, поскольку им не хватает профессиональной педагогической подготовки. Трио распалось. Беркович вскоре прославился как писатель на иврите, Дубров кочевал по Украине из школы в школу, Эпштейн работал в школе в Варшаве. В Слуцке осталось несколько частных преподавателей иврита. Поскольку многие хотели получить аттестат зрелости, спрос на учителей иврита был велик. Предыдущая деятельность Дуброва также оставила некоторые следы — например, сионистский клуб-чайную (созданный при участии Берковича), который, впрочем, закрылся после того, как сионизм был объявлен вне закона.

Учителями иврита и пропагандистами литературы на нем стали Ш. Нахманович и Дов Коѓен. Это было время кризиса общего сионизма, и оба учителя иврита принадлежали к левой партии сионистов-социалистов («Поалей-Цион»).

В 1903 году в Слуцке появился новый преподаватель, Мордхе Хазанович, приехавший из Старых Дорог, где он был домашним учителем в семье Лейба Бергера. Хазанович нашел в Слуцке жену и обосновался в городе. Вскоре он прославился как хороший учитель, обладающий педагогическим чутьем, несмотря на то что не получил никакого специального образования. На жизнь он зарабатывал частными уроками. Множество богатых семейств желали, чтобы именно он учил их детей ивриту.

Тем временем до Слуцка докатилась весть о «прогрессивных хедерах». Традиционные хедеры и талмуд-торы для детей бедняков еще правили бал. Нашелся, правда, молодой меламед, который поставил в своем хедере современные парты, однако методика преподавания осталась прежней. Хазанович, разумеется, присоединился к обществу «Доврей-иврит», влачившему жалкое существование. Он посетил «прогрессивный хедер» в Гомеле, которым руководил И. Адлер, где его познакомили с основами преподавания согласно так называемому естественному методу. После того как он некоторое время проработал в нем, у него возникла мысль открыть похожий хедер в Слуцке. Некоторые родители его в этом поддержали, основную же помощь оказал лидер местных сионистов присяжный поверенный М. Карпман (несмотря на то что сам он не собирался отдавать в «прогрессивный хедер» своих детей).

Хазанович энергично взялся за воплощение своей мечты и убедил своих товарищей Нахмановича и Коѓена присоединиться к нему. Принципы новой школы были следующие.

1. Смешанное обучение — мальчики и девочки вместе.
2. Преподавание по методу «иврит на иврите».

Друзья сняли просторную четырехкомнатную квартиру, к которой прилегал закрытый дворик, заказали мебель столяру Тевье Механику и его сыну Йосефу, пламенному сионисту. Мебель делали по образцам оснащения местной гимназии: парты, кафедры, доски, шкафы и т. д. В городе и в синагогах расклеили объявления об открытии «прогрессивного хедера». Сионисты помогли с рекламой, которая принесла свои плоды: хедер открылся осенью 1906 года и сразу же заполнился учениками, поступившими в первый, второй и третий класс.

Тем временем до Слуцка докатилась весть о «прогрессивных хедерах». Традиционные хедеры и талмуд-торы для детей бедняков еще правили бал.

Преподаватели
«прогрессивного
хедера». *Справа
налево:* Шимшон
Нахмани, Мордхе
Хазанович,
Дов Кофен, Нох Ровнич

Три учителя получили удостоверения меламедов, украсившие стены классов, и работа закипела. С первого дня преподавание велось по методу «иврит на иврите». Это казалось чудом: на улице и дома ученики говорили и пели на иврите! Отсутствие опыта компенсировали прилежанием и чтением книг по педагогике.

Иврит учили по книгам Бен-Ами, С. Бен-Циона⁴⁴⁸ и по Танаху. Для преподавания общеобразовательных предметов наняли специальных учителей, Мойше Кацнельсона и Йосефа Голдберга, обучавших детей во второй половине дня и русскому языку. Финансовые успехи школы оказались весьма впечатляющими: все расходы на мебель и учебный инвентарь постепенно удалось покрыть. В первую же зиму к педагогическому коллективу присоединился служка реб Меер-сапожник, который следил за чистотой и растопкой печей, а также работал посыльным.

Мелаеды развернули против «прогрессивного хедера» яростную агитацию. И в самом деле: мальчики и девочки учатся вместе, ученики ходят с непокрытыми головами — ужас! Однако ничто не помогло. К лету учеников стало так много, что пришлось нанять еще одного учителя. Руководители школы написали письмо Аврому Эпштейну, жившему в это время в Варшаве. Тот немедленно ответил согласием, вернулся в Слуцк и присоединился к педагогическому коллективу. К этому времени Эпштейн приобрел опыт преподавания «естественным» методом, и вообще был учителем и воспитателем от Бога. Поэтому его появление сделало «прогрессивный хедер» еще более привлекательным, и в него записалось множество новых учеников.

⁴⁴⁸ Бен-Ами, Мордхе (Марк Яковлевич Рабинович; 1854–1932) — писатель. С. Бен-Цион (псевдоним Алтера Гутмана; также известен как Симха-Алтер Гутман, 1870–1932) — писатель, журналист и педагог; писал на иврите и идише. — *Прим. пер.*

Душой предприятия был Хазанович. Он занимался всеми техническими вопросами, связанными с работой «прогрессивного хедера». Прочие учителя, холостые экстерны, стремились сделать карьеру и достичь в жизни большего, многие из них грезили об отъезде в Страну Израиля. Поэтому в этом хедере они не задерживались.

В религиозных кругах обвинения против «прогрессивного хедера» с каждым днем звучали все громче. Раввины предали его анафеме. Один старик надолго отлучился из города, а вернувшись, обнаружил, что его внук учится в «прогрессивном хедере». Дед поднял крик, стал справлять траур по мальчику как по умершему и заявил, что не прекратит, пока его внука не заберут от этих безбожников.

В один прекрасный день в «прогрессивный хедер» нагрянула полиция. Полицейские тщательно обыскали все парты, дымоходы и даже чердак. Искали оружие отрядов еврейской самообороны. Подозрения полиции были небезосновательны — один из учителей действительно состоял в таком отряде и настойчиво требовал у богатых евреев деньги на приобретение оружия. Кто-то из них, видимо, донес. Никакого оружия, разумеется, не нашли, поскольку оно было спрятано в гораздо более надежных местах.

Как уже было сказано, холостые учителя в хедере не задерживались. Первым «дезертиром» стал Ш. Н.⁴⁴⁹, который в силу причин, не связанных со школой, вынужден был уехать из Слуцка в 1908 году. Его место временно занял учитель Элийогу Гринфельд (он же Элийогу Яркони, в дальнейшем — один из старейших учителей Петах-Тиквы). Он тоже недолго проработал в школе — так же, как Авром Эпштейн и Дов Коён, которые уехали из Слуцка. На их место пришли другие учителя, и «прогрессивный хедер» процветал вплоть до Октябрьской революции. Помимо Хазановича, в нем преподавали Зеэв Гутцайт, Бергер, Нох Ровнич, Нахмен Швейдель и Н. Хинич.

Писатель Яков-Довид Абрамский⁴⁵⁰ однажды опубликовал очень теплый отзыв о Гутцайте. Вот его слова.

«Лучшим из них был Гутцайт. Старый холостяк до конца своих дней, словно родившийся старым холостяком. Кривой на один глаз учитель иврита, спокойный и вежливый. Замечательный специалист. Он был опорой иврита в Слуцке. Беркович и Лисицкий стремились ввысь, словно крылатые птицы. Гутцайт был фундаментом и корнем иврита. Уроженец Слуцка, знавший иврит, — непременно один из учеников Гутцайта. Это был «неизвестный солдат», которому иврит обязан очень и очень многим. Он должен был содержать старуху-мать и больную сестру, однако отдавал все свои силы ивриту. В своей жизни я видел многих учителей, но такого, как он, больше не встречал. Он был увлечен грамматикой, можно сказать, творил грамматику. Все его кости звучали ивритской грамматикой. У него был единственный глаз — добрый глаз иврита; прямой взгляд, видевший корни, падежи и склонения, но ни разу не уклонившийся с прямого пути. О Гутцайте говорили: “Одним глазом Гутцайт видит больше, чем многие умники двумя!” Он никогда не ошибался ни в огласовках, ни в произношении...

У Гутцайта был ученик по имени Яков, которому он привил любовь к ивриту. Яков говорил: “Если хотите припасть к источнику, откуда я по-

⁴⁴⁹ Возможно, сам автор Ш. Нахмани. — *Прим. пер.*

⁴⁵⁰ Абрамский Яков-Давид (1914–1979) — израильский переводчик, лингвист, библиограф и писатель; писал на иврите. — *Прим. пер.*

черпнул свой иврит, идите к Гутцайту. Он — ‘источник Яакова’⁴⁵¹. Когда пришло время уехать из Слуцка, я подарил ему книгу с дарственной надписью: “Человеку, в чьих устах — истинное учение”».

«Прогрессивный хедер» в Слуцке — ученики и учителя.
В центре: преподаватели Элийогу Яркони (Гринфельд), М. Хазанович, Авром Эпштейн и Дов Коген

ПИСЬМА АВРОМА ЭПШТЕЙНА

Письмо 1

«Екатеринослав, 11.02.1903.

Брат Дубров!

Заклинаю тебя смертью, брат, пришли мне последние тетради — таблицы глаголов, они мне очень нужны... Письмо нашего общества «Доврей-иврит» произвело хорошее впечатление в нашей организации. Я был на том вечере, и мне поручили написать вам ответ на ваше письмо. Однако вы и так уже знаете мой ответ, кроме того, я немного ленив, да и свободного времени почти нет. Тем не менее не отчаивайтесь. Постепенно я приближаюсь к своей главной цели. В настоящий момент я преподаю группе ремесленников, и у меня, слава Богу, хорошо получается. Я также готовлюсь к испытаниям на звание учителя — это очень важно. Сомневаюсь, что успею до мая. Сейчас я приеду в Слуцк, чтобы начать — заложить основу прогрессивного хедера в Слуцке.

⁴⁵¹ Название популярной галмудической антологии; в данном случае — игра слов. — *Прим. пер.*

Необходимо собрать материал, получить коллекцию инвентаря и различных предметов — этот материал необходим в соответствии с английским методом. Также необходимо пробудить сердца, воздействовать на общественное мнение и вообще подготовить почву. Необходимо купить всевозможные игрушки из дерева и камня. Одним словом, брать все, до чего дотянется вилка, от мала до велика. И пусть это не покажется тебе неважным. Подробности письмом.

Твой брат Авром (Эпштейн)»

Письмо 2

«6 июня 1903. Екатеринослав.

Брат Дубров!

Двум вещам удивляюсь я. Удивляюсь себе, что мог терпеть столько времени, не написав тебе ни слова, ни полслова. Но еще больше я удивляюсь тебе: как ты мог промолчать по этому поводу, как будто тебя это совершенно не трогает, как будто между нами никогда ничего не было? Не могу поверить, что тебе больше не интересен ни я, ни что со мной, ни мои надежды и ожидания. У всех нас, у меня, у тебя и у Берковича, была общая цель. Эта цель сблизила нас троих и создала между нами особую атмосферу — неповторимую внутреннюю связь и близость, превосходящую рамки обычной дружбы.

Поверь мне, брат, что я ни на секунду не переставал думать об этой цели. Главная идея, “прогрессивный хедер” в Слуцке, занимает все мои мысли, поступки и действия. Если я до сих пор тебе не писал, я готов выслушать упрек, готов признать: “Грешен!” Но ты, как ты мог совершенно забыть обо мне, не напомнить мне о моих обязанностях по отношению к моему городу, не спрашивать, что я собираюсь сделать, не написать мне, что происходит в Слуцке и как продвигается подготовительная работа, которую ты делаешь ради нашей идеи?! Это загадка, которую мне не разгадать. Однако я хочу с тобой посчитаться. Я знаю, что так же, как я не пишу тебе в силу своей органической лени, присущей мне еще с детства, так и ты не пишешь мне потому, что... потому, что писание — самое легкое дело, поэтому тебе это очень трудно. На что это похоже? На дровосека, которому нужно было поставить свою подпись, а он не смог, поскольку у него дрожали руки, и он с удивлением говорит: от моих ударов валятся деревья в лесу, а удержать в руке легкое перо почему-то выше моих сил.

Ты человек деятельный, любящий работу. Написать несколько строк — выше твоих сил, это заставляет тебя попотеть. Ну ладно, первым делом: как дела? Здоров ли ты телесно, душевно и умственно? Как влияет на тебя одиночество, в котором ты оказался, когда тебя покинул Беркович? Этот Беркович получил от меня по заслугам за то, что уехал и бросил тебя на произвол судьбы, однако из его письма я понял, какая борьба происходила в его душе, прежде чем он принял решение уехать в большой мир.

Продолжаешь ли ты заниматься общественными делами так же, как прежде? Что происходит с сионистским движением в нашем городе? Были ли у вас выборы, и кого выбрали? (Очевидно, что в очередной раз выбрали “уважаемых делегатов”, участвовавших в минской конференции⁴⁵².) Как

⁴⁵² Имеется в виду Первый съезд российских сионистов, прошедший в Минске 4–10 сентября 1902 г. — *Прим. пер.*

Поверь мне, брат, что я ни на секунду не переставал думать об этой цели. Главная идея, “прогрессивный хедер” в Слуцке, занимает все мои мысли, поступки и действия.

обстоят дела в библиотеке, нашем любимом детище, кто ею сейчас руководит? Как ты относишься к обществу и библиотеке после того, как уволился? Общество любителей иврита, оно еще существует?

Перехожу теперь к вопросу, который интересует нас в первую очередь: о “прогрессивном хедере”, который мы хотим открыть в нашем городе. Разумеется, трудно заранее назвать срок, к которому мы сможем воплотить в жизнь свою идею. Однако, поскольку дело наконец сдвинулось, в настоящий момент я доволен и спокоен. Это принципиальная вещь, иначе и быть не может.

За то время, что я работал в “прогрессивном хедере” в Екатеринославе, — ты, безусловно, об этом уже знаешь, — я изучил это дело до тонкостей, как с материальной и технической стороны, так и с точки зрения теории. Поэтому я вынужден признать, что для создания, укрепления и работы подобного учебного заведения необходимо гораздо больше сил и гораздо больше денег. Только общественная инициатива, только участие какой-нибудь общественной организации, какого-нибудь объединения или целого общества сможет поставить это дело на правильную и прочную основу. Силами нескольких частных лиц ничего сделать нельзя, поскольку “прогрессивные хедеры” находятся на особом положении, связанном с природой и характером самих хедеров.

Одно из необходимых условий существования подобных хедеров: четкое разделение учеников в соответствии с их знанием языка. В традиционных хедерах в этом вопросе нет никакого порядка. Практически во всех хедерах количество учеников равно количеству классов⁴⁵³. Сами меламеды не придерживаются какого-либо метода постепенного преподавания: Пятикнижие — Танах — Талмуд, но все происходит попеременно.

Причины, почему картина именно такова, вполне понятны: меламед, в силу принятого порядка вещей, вынужден все время принимать новых учеников. В то же время старые ученики естественным образом прогрессируют. В результате если в какой-то момент у него было примерно двадцать учеников одного уровня, со временем число учеников уменьшается, и он старается восполнить убыль, набирая новых учеников, которые не могут присоединиться к старым. Таким образом, фактически у него уже есть два класса. Время от времени процесс повторяется. В результате получается полный беспорядок, который мы наблюдаем практически во всех хедерах. В результате меламед тратит силы, а ученики тратят время, не говоря уже о безнравственном влиянии на учеников, являющимся прямым следствием этого ненормального положения».

Силами нескольких частных лиц ничего сделать нельзя, поскольку “прогрессивные хедеры” находятся на особом положении, связанном с природой и характером самих хедеров.

Письмо 3

«Екатеринослав, 2.04.1903.

Брат и друг!

Большим испытанием стало для меня ваше письмо. Вы не ошиблись, когда написали, что мне очень мил “мой угол”. С того дня, как я приехал сюда, я очень по нему скучаю. Все мои мысли и поступки были ради одной-единственной высшей цели: вернуться в свой “угол” и осуществить свою

⁴⁵³ В традиционных хедерах все ученики, и начинающие, и продвинутые, учились обычно в одном помещении, нередко за одним столом. — *Прим. пер.*

идею, ради которой я поехал в Екатеринослав. Однако именно ради этой идеи я решил не откликнуться на ваш призыв⁴⁵⁴. Я еще недостаточно готов, мне не хватает опыта, чтобы встать во главе такого серьезного предприятия, как “прогрессивный хедер”. Педагогические и технические знания, которые я приобрел, совершенно недостаточны. Знания приходят “из воздуха”, благодаря слуху и зрению. Вместе с тем я намерен начать работать и, благодаря практике, приобрести полезные знания.

Соответствующий случай, как мне кажется, представится мне через несколько дней. Один из моих знакомых, главный инспектор “прогрессивных хедеров” как здесь, так и в Николаеве, пообещал мне место в хедере в Николаеве. И хотя это весьма сомнительно, я пообещал дождаться его ответа.

Что касается кружков, которые вы хотите организовать, то я скажу вам: Бог в помощь! Если вам удастся открыть хедер и для начинающих учеников — что может быть лучше? Также прошу вас позаботиться о малолетних сиротах, детях Хаи-Зельды, которой все мы весьма обязаны. Мне кажется, что, если вы сможете принять их хотя бы вместе с девочками, это тоже будет неплохо.

“После этих речей” я хочу сказать вам, что, хотя это произойдет еще не скоро, я вернусь в Слуцк. Много зависит от того, как пойдут дела. Но это не должно помешать вам делать то, что вы начали.

Зута⁴⁵⁵ собирался ответить на ваше письмо, возможно, он вам уже написал. С Зутой я повидался — первый сейдер⁴⁵⁶ я провел в его обществе.

Ваш брат Авром»

Письмо 4

«Екатеринослав, 20 марта.

Братья Дубров и Беркович!

Простите меня, что задержался с ответом. Если бы вы знали, какие события произошли в моем маленьком мире! Это, конечно, совершенно малозначительные события, однако этого оказалось достаточно, чтобы занять меня так, что я не мог отвлечься ни на что другое. Однако теперь достаточно пришел в себя, чтобы отнестись к интересующему нас вопросу настолько серьезно и рассудительно, насколько он того заслуживает. Вы хотите создать кружки для начинающих девочек и просите у меня совета, как это устроить и как правильно пользоваться “естественным” методом. Что касается педагогического опыта и основ методики преподавания, то я уже написал Берковичу, что это такие вещи, которые невозможно понять, если только смотреть или слушать. Все учения, которые есть в этом мире, не дадут вам ничего, пока вы не приобретете достаточно практического опыта. Педагогическое искусство невозможно передать посредством лекций или писем. Оно приобретается усердным и продолжительным трудом, когда человек посвящает этому все свои силы. Вы, конечно, можете получить советы Эпштейна или Шлецеля, однако техника и педагогический такт придут только со временем.

⁴⁵⁴ Видимо, вернуться в Слуцк и приступить к работе по созданию «прогрессивного хедера». — *Прим. пер.*

⁴⁵⁵ Зута — «младший» или «малый» (арам.); в Талмуде так называют нескольких мудрецов. Здесь речь идет о ком-то из общих знакомых. — *Прим. пер.*

⁴⁵⁶ В диаспоре, где все еврейские праздники длятся два дня, в Пейсах устраивают два пасхальных сейдера. — *Прим. пер.*

Я также пытался выведать тайну преподавателей “прогрессивных хедеров”, и мне ответили примерно то же, что я сказал вам. Единственное, что мне предложили, — чтобы я пользовался материалами, собранными и опубликованными в журнале хедера. Это очень важный материал, поскольку это не просто теория, результат абстрактных рассуждений, но результат конкретной работы. Я постараюсь постепенно скопировать все эти материалы и послать их вам, они вам очень помогут.

Вместе с тем хочу дать вам несколько общих рекомендаций касательно кружков, которые вы собираетесь организовать.

Очень важно, насколько это возможно, собрать все силы в кулак, а не распылять их. Прежде всего необходимо обустроить хедер в полном смысле этого слова. Необходимо, чтобы квартира была просторной, а мебель, скамейки, столы и т. д. — самые лучшие. Это очень важно, поскольку детям, как любым другим ученикам, время от времени нужно размяться и сделать какие-нибудь физические упражнения. Соответственно, все должно быть приспособлено для этого, чтобы ученикам не было тесно и не возникло проблем с порядком и дисциплиной.

Естественный метод предполагает наглядность, поэтому вам нужно будет приготовить собрания (“коллекции”) самых разных вещей: картинки, названия игрушек, глиняные черепки, зерна, песок, сено и т. д. В общем и целом, важно приучить учеников к тому, чтобы они тащили в хедер все, что найдут, и все эти вещи очень важно пронумеровать и дать им названия. Это важно прежде всего для того, чтобы заинтересовать учеников, чтобы им нравилось учиться. Еще важно делать как можно больше вещей, которые, во-первых, заставят их двигаться, а во-вторых, займут всех детей сразу. Учитель должен говорить мало, не больше необходимого, но с помощью вопросов стимулировать воображение учеников, чтобы они сами находили ответ на вопрос. Он также должен ласково относиться к ним, участвовать в их развлечениях, а самое главное — готовиться к каждому уроку.

Для того чтобы вы могли отслеживать процесс обучения и то, как продвигаются ваши ученики, нужно завести журнал, в котором вы каждый раз будете записывать новые слова и вообще все, заслуживающее быть записанным. Посылаю вам такой журнал в качестве образца.

Где-то через месяц, когда ученики научатся свободно говорить на иврите и понимать сказанное, вы сможете начать учить их читать и писать. Чтение и письмо пойдут рука об руку. Нужно приобрести алфавит, состоящий из больших букв, напечатанных на отдельных кусках пергамента. Может быть, кто-нибудь из переписчиков священных текстов сможет сделать такой? Письму можно учить по Елину⁴⁵⁷ — по его книге “Чтение для маленьких — книга для учащегося”.

Однако прежде всего вам следует посетить городскую школу и познакомиться с процессом обучения. Я полагаю, что Елин вам подойдет и все у вас пойдет как по маслу.

Помимо этого, мне практически нечего вам сказать. Если со временем появится что-нибудь новое, что сможет вам помочь, я немедленно вам сообщу».

⁴⁵⁷ Давид Елин (1864–1941) — просветитель и общественный деятель еврейского ишува в Эрец-Исраэль. Один из основателей Союза учителей Израиля и Комитета языка иврит (впоследствии — Академия языка иврит), основатель учительской семинарии с преподаванием на иврите и первого ивритского детского сада в Иерусалиме. — *Прим. пер.*

Письмо 5

«Слуцк, 6 февраля 1908.

Я вынужден покинуть свое родное болото — Слуцк. После того как я проработал здесь целый год в “прогрессивном хедере”, у меня остались драные подштанники и множество долгов. Короче, у меня нет решительно никакой причины здесь оставаться. Если услышишь о какой-нибудь вакансии⁴⁵⁸ в окрестностях, в городе или деревне — сообщи мне. Ибо все время, пока брэнное тело пребывает в этом мире хаоса, ему нужна пища. Видимо, мне на роду написано, что всю свою жизнь я буду скитаться, не имея ни кола ни двора. Все, что осталось от Слуцка, это уныние в сердце и ряд могил в моей душе.

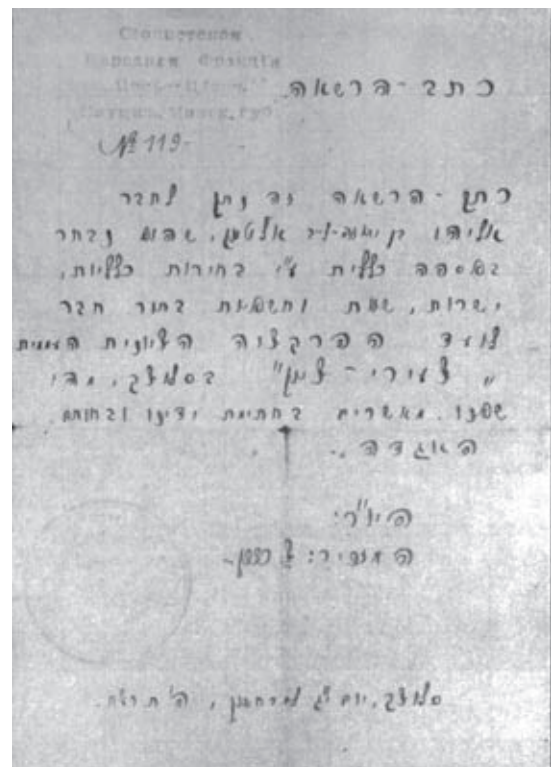
Постарайся получить для меня положительный ответ.

Авром.

P.S. Небольшой курьез. Наш Нахманович превзошел самого себя, просто настоящий герой. Посреди зимы, морозной снежной ночью он вдруг исчез, ничего не сообщив родителям и не получив разрешение от начальства. У него даже не нашлось времени, чтобы забрать свои пожитки. Говорят, что его измученная душа нашла покой в Рогачеве. Эх, Слуцк, Слуцк, сердце мое принадлежит тебе — твоим хедерам и героям...»

Письмо 6

Справка об избрании
членом фракции
«Цеирей-Цион»

⁴⁵⁸ О работе домашним учителем. — Прим. пер.

«Дружище Гилел!

Условия, которые ты мне изложил, мне подходят (хотя жалование совершенно недостаточное). Поэтому я охотно принимаю эту вакансию.

Если Всевышний решил, что мне суждено быть учителем иврита, — я хотел бы учить маленьких детей. Маленькие дети — это моя среда, в которой я чувствую себя как рыба в воде. Не знаю, возможно, это случайность, но в Слуцке я приобрел репутацию учителя, которого дети любят. И мне кажется, что у меня есть к этой работе некоторые способности.

Какие два месяца каникулярные? Разумно сделать каникулы в сиване и тамузе⁴⁵⁹.

Жду официального ответа от педагогического совета».

ЕВРЕЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Р. Беркович

Еврейское двухклассное начальное училище было единственной городской школой с обучением на русском языке, открытой для еврейских мальчиков в Слуцке. Официально оно считалось государственным учебным заведением, находилось под опекой Виленского учебного округа. Содержалось ли оно за счет правительства — этого я не помню. Учителями были выпускники Виленского учительского института, они держались, словно чиновники, и носили мундиры с пуговицами, головные уборы с кокардами. Ученики носили черные рубашки с поясами и фуражки с блестящими козырьками.

Школа состояла из четырех классов, а кроме того, был приготовительный класс. Преподавали в ней русский язык, арифметику, российскую историю, географию. Позднее (примерно в 1903 году) прибавились уроки алгебры, геометрии и в довершение всего — Закона Божьего (курс еврейской религии). Также в училище проводились уроки пения. В дни государственных праздников устраивались торжества в Холодной синагоге, где хор детей пел, а казенный раввин произносил перед учениками патриотическую речь на русском языке.

Поначалу школа помещалась в красивом деревянном доме Соловейчика на Садовой улице. Позже она перебралась в каменный дом, принадлежавший немцу по имени Герле, рядом с Островской улицей, недалеко от дома попа и монастыря.

Помещение школы состояло из пяти классных комнат со скамьями для учеников. В каждой комнате — доска на большом пространстве стены, географические карты, портреты царя и царицы. В здании также имелись учительская, библиотека и частная квартира заведующего. При школе был двор, где ученики выполняли гимнастические упражнения, — немалое диво для бывших учеников слуцких хедеров.

Ученики приходили в школу большей частью из зажиточных семей. Это

Поначалу школа помещалась в красивом деревянном доме Соловейчика на Садовой улице.

⁴⁵⁹ В июне–июле. — *Прим. пер.*

были дети без наклонностей к обучению в йешивах. Среди них попадались также те, кто хотел стать учителем русского языка либо подготовиться экстерном и сдать экзамены в слущкую гимназию.

Поскольку я поступил в училище после прохождения обычной еврейской учебы в хедерах, для меня открылся новый удивительный мир. Официальным языком общения между учениками в школе должен был быть русский, а русский, с которым я туда пришел, был несколько простонародным, по сути — языком белорусских крестьян. Его я подхватывал на слущких улицах. Первое время мне приходилось переносить насмешки от товарищей-старожилов за мою неотесанность — например, вместо «мальчик» я говорил «хлопец». Но это продолжалось недолго; я преодолел «языковые муки» и, подобно всем моим товарищам, заговорил на «высоком русском», как его называли в Слуцке.

Русская речь словно бы дисциплинировала ребят, раньше учившихся в хедерах, удерживала их в рамках порядка, обращая их внимание на учебу и внушая уважение к учителям в мундирах с пуговицами, хотя находились среди учеников и вольнодумцы, шалуны и насмешники, которые за глаза передразнивали преподавателей, давали им прозвища, причем именно на идише. Так, Розенталь звался у них «Кроликом», Елин — «Неком» (потому что он был низкорослый и круглый, как городской сумасшедший Иче Нек). Петкуна они прозвали «Горбатый Нос»; было и еще несколько подобных прозвищ, которыми тешились даже солидные ученики.

То были дни первой революции в России. Бунтарский дух охватил всю страну и блуждал даже в нашем еврейском училище, особенно в выпускном классе. Когда гимназисты из городской гимназии устроили забастовку из-за того, что за революционную деятельность исключили девятерых их товарищей, мы тоже не стояли в стороне и устроили забастовку поддержки. Участвовали в демонстрации наряду со всеми другими организованными революционными группами в марше к зданию гимназии, требуя принять назад изгнанных. Но конец был такой: у дверей стояли наготове солдаты с винтовками. Один из наших попытался прорваться — и побежал назад, избитый до крови.

Окончив училище, каждый из нас выбрал свой путь. Некоторые продолжили обучение экстерном, другие пошли по стопам отцов и взялись за торговлю, а большая часть уехала из страны на волне массовой еврейской эмиграции после октябрьских погромов 1905 года, отправившись в Америку. Здесь, в Америке, мне довелось повстречаться с несколькими товарищами по училищу.

В конце я должен вспомнить добрым словом заведующего школой Мойше Левинсона, который был и учителем выпускного класса. Дети прозвали его Стариком, наверно, потому, что он носил бороду. Был он человеком высокодуховным и приближал к себе тех своих учеников, которые демонстрировали склонность к высоким материям. Левинсон интересовался их духовным развитием и после окончания ими школы. Он давал им читать книги из своей личной библиотеки, был их проводником по классической русской литературе.

ВОСПОМИНАНИЯ

НЕБЕСНЫЙ СЛУЦК

И.-Д. Б.

Слуцк, древний еврейский город в Белоруссии, на границе Полесья, был окружен густыми лесами и болотистыми лугами и славился садами и огородами. Неширокая, но глубокая река Случь пересекала его, деля ровно пополам. Старинные дома Слуцка отличались прочностью, несмотря на то что в большинстве своем были построены из дерева. Город славился синагогами и домами учения, большими и маленькими йешивами, привлекавшими из окрестных городов и местечек мальчиков и юношей, мечтавших серьезно учить Тору. Еврейские жители города, богобоязненные и благочестивые, держались старины, но не чурались и нового. Все они были уважаемыми и честными тружениками. Практически все были людьми Книги. Встречались среди них подлинные знатоки, настоящие гении, отличавшиеся острым умом и языком, гордившиеся не богатством или заслугами предков, но познаниями в Торе. Даже балаголы с кнутами под мышкой приходили в дом учения, чтобы послушать урок Талмуда.

Этого Слуцка, считавшегося важным еврейским городом, больше не существует; в этом мире его нет. Сразу после Первой мировой войны появились признаки его скорой гибели. С началом русской революции шайки польских солдат подвергли этот край разгрому и разорению. Они напали на города и местечки, устраивали погромы, убивали, грабили и унижали беззащитных еврейских обывателей. Затем власть перешла к большевикам. Советская власть не только принесла разорение и голод евреям, лишив их средств к существованию в эпоху хаоса и потрясений, но и уничтожила все, что они полагали святым, — все, что поддерживало их дух на протяжении многих поколений. С помощью грубой силы, якобы во имя освобождения людей и социальной справедливости, большевики попытались искоренить и уничтожить еврейскую душу. И наконец, те евреи, кому чудом удалось уцелеть в этих местах, были уничтожены кровожадными хищниками, подонками рода человеческого, порождениями Сатаны. Слуцк, вместе с тысячами еврейских общин Восточной Европы, был стерт с лица земли; мало кто уцелел и выжил.

Поэтому нам, уроженцам Слуцка и соседних местечек, связанным с этим городом душой и телом, остается лишь представлять себе тот Слуцк, который сохранился в нашей памяти, — теплый и добрый дом нашего детства, проступающий из тумана прошлого; Слуцк, стертый с лица земли, но существующий на небесах и появляющийся перед нашим мысленным взором, когда нам одиноко, тоскливо и нас охватывает ностальгия по тому, что было и чего больше нет. Память о родном городе мы носим в себе, не всегда осознавая до конца, сколь глубокое влияние царившая в нем духовная атмосфера оказала на всю нашу жизнь.

«Помни, откуда ты пришел»⁴⁶⁰. Это мудрое пожелание должно служить наставлением не только всему нашему народу в целом, но и каждому из нас, независимо от того, где мы родились — в большом городе или крохотном местечке. Мы должны помнить и передать следующим поколениям знание о своих корнях, ведь мы не подкидыши, не знающие своего происхождения: мы помним своих отцов и матерей, мы выходцы из замечательной общины, славившейся своими мудрецами и праведниками, общины, принадлежность к которой можно и нужно гордиться.

* * *

Наша улица Выгода, с которой начинался город Слуцк, вероятно, получила свое название благодаря топографическому положению и характеру. Если не считать осенней грязи, в которой утопала улица, пока ее не замостили камнем, то и летом, и зимой Выгода выглядела очень свободной, просторной. С трех сторон ее окружала глубокая и чистая река Случь; на берегах Случи раскинулись широкие поля, большие зеленые сады и огороды. Летом в будние дни река притягивала к себе людей из «города» (так на Выгоде звали жителей всех остальных слуцких улиц), молодых и старых. Они приходили купаться в речке Яцевке, у которой было три пляжа: первый — для женщин, второй — для мальчишек из хедера и тех, кто не плавал, и третий, с наибольшей глубиной, — для опытных купальщиков. В субботу, во второй половине дня, горожане, особенно молодежь, гуляли в Маевке — это было что-то вроде открытого парка за выгодскими садами.

Выгода начиналась с первого городского моста и заканчивалась вторым, отделявшим ее от Заречной улицы. Это была тихая, уютная улица, редко заставленная одноэтажными деревянными домами и домишками, заселенная в основном бедными еврейскими огородниками, садоводами, торговцами зерном, шинкарями, меламедами, переписчиками святых книг. На улице жило также небольшое число ремесленников и балагол. Среди обитателей улицы было несколько неевреев: польский шляхтич Салюта, живший в своей усадьбе между выгодскими полями и державшийся очень приветливо с еврейскими соседями (позже за участие в польском восстании российское правительство конфисковало его имение и передало обрусевшему генералу-поляку). Был еще один польский аристократ, владевший пышным поместьем «Горки» за выгодским мостом. Оно было отдано в аренду Слободским, зажиточной еврейской семье с множеством сыновей. Семья приехала в Слуцк откуда-то из-за границы и владела в Выгодской синагоге

Поэтому нам, уроженцам Слуцка и соседних местечек, связанным с этим городом душой и телом, остается лишь представлять себе тот Слуцк, который сохранился в нашей памяти...

---

⁴⁶⁰ См. «Авот», 3:1.

почетным местом у ковчега. Во все субботы и праздники Слободские, как правило, были мафтирами⁴⁶¹.

Православный священник, богатый архиерей из Минска, владел на Выгоде большим садом и сдавал его в аренду евреям. Его горбатый сын, больной эпилепсией и зараженный революционными идеями и безбожием, тайно дружил с еврейскими юношами-единомышленниками.

Еще на улице жило нееврейское простонародье: Симон с сыновьями, поляки, перешедшие в православие; шабес-гой Василь, который в Йом-Кипер смотрел за свечами в синагоге и в честь священного еврейского праздника брил бороду раз в год, и шабес-гойка Станиславиха, любительница выпить. В субботу она убирала светильники в еврейских домах и при этом набожно крестилась. Она же доила коров, прежде чем гнать их на поле.

В середине улицы стояла, как обычно бывает, синагога; из окон ее в старые времена доносились голоса изучавших Тору. Но позже она пустовала целыми днями; в нее приходили молиться лишь по утрам и вечерам. Если бы не старый Мотэ Копыльский (Капульчик), который там сидел за томом Талмуда и учился с утра до позднего вечера, ее могли бы вообще держать закрытой. Но ко времени молитвы, особенно в субботу, Выгодская синагога всегда была полна, в ней тесно сидели молодые и старые. В синагоге каждый показывал свои сильные и слабые стороны. Подробно описывать всех заняло бы слишком много места, поэтому здесь я лишь поверхностно обрисую примечательных выгодских евреев.

Прежде всего, **Выгодские**. Уже благодаря своей фамилии они пользовались на Выгоде уважением. Это был довольно большой род, состоявший из братьев, их детей и внуков; все они жили в домах у моста и торговали зерном. Их звали «дети Довидовы»: Эли, сын Довида, Хаим, сын Довида, Шимен, сын Довида, Иче, сын Довида — целый клан низкорослых евреев с большими бородами. Старшим и самым влиятельным из них был Эли, некогда бывший шинкарем; затем, когда правительство установило для себя монополию на торговлю водкой, он занялся оптовой скупкой зерна. Эли разбогател, действуя медленно, не «бежал», как его загнанные братья, мелкие торговцы зерном, а только, что называется, «выходил на прогулку». Он дал своим детям образование и выпустил их в большой мир. Его старший сын основал в Минске большой литейный завод, а внучка Клара, красавица и бунтарка, затягивала слущкую молодежь в русскую революцию.

Следующий — **Мотэ Аяло**, из семьи слущких просвещенцев. Но сам Мотэ просвещенцем не был и во время призыва на военную службу выбрал другую фамилию — Розенцвейг. Это был простой выгодский еврей с густой рыжей бородой и немалым числом домочадцев. У него было более десяти сыновей и дочерей. В Йом-Кипер его малолетние дети приносили с собой из дома целый мешочек вареных яиц, и когда Мотэ, отец, начинал посреди поста чистить для своего выводка яйца⁴⁶², то постившиеся глотали слюну и отворачивали головы, чтобы подавить в себе греховный порыв.

Он жил в красивом доме с большими амбарами далеко за Выгодским мостом, напротив имения «Горки». Занимался оптовой торговлей зерном,

⁴⁶¹ *Мафтир* (иврит) — лицо, вызываемое в синагоге для чтения *зафтары* (букв. «завершение») — отрывка из книг пророков, который читают после чтения Торы. Обычно приглашают стать мафтиром самых уважаемых из молящихся.

⁴⁶² Дети, не достигшие возраста бар-мицва или бат-мицва, не должны поститься.

вывозил целые вагоны за границу. Был, по сути, спокойным человеком, молчуном, тем не менее через своего старшего сына вел жесткую борьбу с «сынами Довидовыми», особенно с Хаимом, который с ним конкурировал. Они старались перехватить селянские возы с зерном прежде, чем те попадут в иные руки. Однажды во время праздничной молитвы в синагоге дошло даже до свары и драки. Выгодские ребята из хедера, учившие Танах, иллюстрировали это словами из 2-й книги пророка Шмуэля: «И началась затяжная война между домом Шауля и домом Давида...»⁴⁶³

Йосеф-Шмуэл Найкруг был человеком неопрятным, но с добрым сердцем. Он сочетал в себе качества мудреца Торы и простака, бывал и безмерно щедрым, и жутким скрягой. Всегда помогал нуждающемуся соседу, давая ему в долг без процентов, но в то же время совершал невероятные поступки, лишь бы сэкономить грош. Одевался он очень бедно, носил вытертый халат с короткими рукавами и тяжелые, пересохшие и покоробившиеся чоботы. Выгодские жители часто обсуждали его скупость и потрепанный вид, несовместимый с его зажиточностью. В доме Найкруга обходились хлебом и луком. При этом он был юмористом:

– На кой мне покупать чай? Я выпиваю кружку холодной воды и прислоняюсь брюхом к печке — вот у меня и чай готов!

Йосеф получил в наследство два больших участка по обе стороны улицы. Меньший он продал соседям, а на большем построил кирпичный заводик. Там копали глину и лепили кирпичи, обжигали их в особой печи и на полудохлой кляче, которую погонял младший сын Йосефа, развозили по слуцким домам. Кирпичи шли на производство печей. Работа на заводике была примитивной и выполнялась каким-нибудь крестьянином или бедным евреем (часто это был даже кто-то из известных городских сумасшедших) за грошовую плату. Глину выкапывали и вымешивали, сырую закладывали в деревянные формы, выставляли полувывсохшие кирпичи на солнце, а затем помещали в печь. На легких работах Йосеф-Шмуэл использовал выгодских ребят из хедера; старшие из них получали за свои усилия по копейке, а младшие вознаграждались чем-то вместо денег: например, поездкой по улице на его тряской повозке с полудохлой лошадкой. Кончились эти поездки катастрофой: однажды повозка, набитая маленькими детьми, опрокинулась в печь для обжига кирпичей, и дети упали в огонь. Выжили они чудом. Выгода после этого ходила ходуном.

В синагоге Йосеф-Шмуэл пользовался авторитетом: был габаем⁴⁶⁴, по субботам и праздникам вел молитву (чем прихожане были не очень довольны, потому что у него был сухой, скрипучий голос). В субботу вечером, в темноте, он говорил по памяти перед прихожанами псалом «Ашрей-смимей-дорех»⁴⁶⁵, а в будние дни между полуполуденной и вечерней молитвами садился за большой стол у печки и пересказывал простым людям истории из Талмуда.

По натуре он был милосердным человеком, чужие беды принимал близко к сердцу и всегда был готов прийти на помощь. Очень часто он брал красный платок и шел с ним на улицу, чтобы собрать несколько монет для

⁴⁶³ «Шмуэль II», 3:1.

⁴⁶⁴ *Габай* (иврит) — должностное лицо в еврейской общине или синагоге, ведающее организационными и денежными делами. — *Прим. пер.*

⁴⁶⁵ «Ашрей-смимей-дорех» (иврит в ашкеназском произношении) — «Счастливы идущие прямым путем»; «Тегилим», 119:1.

нуждавшегося соседа. На Выгоде у него была репутация доброго, богобоязненного еврея.

Видное место в Выгодской синагоге занимал также **Юдл-зайднер**⁴⁶⁶. Зайднер его прозвали, вероятно, за то, что он происходил из рода людей, имевших дело с шелком, вообще же он был Айзенштот. Это был пузатый еврей, любивший земные утехи, не очень сведущий в Торе, но и не совершенный невежда. Зарабатывал он тем, что был единственным ходатаем по еврейским делам в городской думе. Среди евреев он держался как «еврейский староста», но официально был никаким не старостой, а просто писцом, готовившим бумаги. В думе он носил ермолку, с нееврейскими чинами вел себя очень приниженно, и они считали его чужаком. Он заискивал даже перед молодым парнем-писцом, которого величал «паночек». Зато высокомерно относился к бедным евреям: они должны были долго ходить за ним ради какой-нибудь услуги в думе. В Выгодской синагоге он вел себя как представитель власти, не позволяя никому сказать ни единого плохого слова о российском правительстве. И все же по сути своей Юдл был добродетельным, честным евреем, любил вести публичную молитву и был в этом отношении постоянным конкурентом Йосефа-Шмуэла.

Янкл-коѓен был огородником. Он арендовал помещичьи поля на Выгоде, собирал с них огурцы и зерно. Работу в поле под наблюдением сыновей и дочерей Янкла выполняли поденщики, крестьяне и крестьянки из соседних деревень. Сам он был хорошим хозяином и служил габаем в синагоге. Часто вел публичную молитву. В праздник Симхес-Тойре он приглашал к себе домой прихожан на леках⁴⁶⁷ с водкой и никому не уступал в выпивке и гулянках. Во время биркас-коѓаним⁴⁶⁸ его голос звучал громче всех остальных. За это он получил на Выгоде ироническое прозвище Коѓен-годл⁴⁶⁹.

Мотэ Капульчик (Копыльский) происходил из Копыля. Мальчиком он учился вместе с Шоломом-Яковом, прославившимся впоследствии среди евреев как **Менделе Мойхер-Сфорим**. В молодые годы Мотэ торговал льном, разъезжая по деревням, а к старости осел в Слуцке, на Выгоде. Его с большим почетом содержал сын, тоже торговец льном. Капульчик с утра до ночи просиживал в синагоге и учил Талмуд, а также комментарии Раши и Тосафот⁴⁷⁰. За год он прочитывал весь Талмуд и накануне Йом-Кипера отмечал окончание чтения. Благодаря ему Выгодская синагога всегда оставалась открытой, и голос Торы там никогда не умолкал.

Старая Выгодская синагога была крепким каменным зданием с толстыми стенами. В ней хранилось множество свитков Торы. В синагоге была красиво раскрашенная бима, две закоптелые кафельные печи. За ними стояли два шкафа со старыми и новыми книгами в хороших переплетах. Синагога стояла как бы отдельно, сама по себе, в уголке зеленого сада у полей, где росли рожь и пшеница, а напротив нее был довольно большой пруд, где летом квакали лягушки. Зимой же пруд замерзал и служил хорошим катком для озорной ребятни. Как пруд оказался у дома учения? Ребята из хедера рассказывали такую историю: когда давным-давно выгодские евреи заду-

---

Старая Выгодская синагога была крепким каменным зданием с толстыми стенами. В ней хранилось множество свитков Торы.

---

⁴⁶⁶ *Зайднер* (идиш) — шелковый.

⁴⁶⁷ *Леках* (иврит) — здесь: медовая коврижка.

⁴⁶⁸ *Биркас-коѓаним* (иврит в ашкеназском произношении) — благословение народа потомками Аѓарона-первосвященника — *коѓаним* — во время некоторых молитв в определенные дни.

⁴⁶⁹ *Коѓен-годл* (иврит в ашкеназском произношении) — великий коѓен, первосвященник.

⁴⁷⁰ *Тосафот* (иврит) — комментарий к Талмуду, который вместе с комментарием Раши сопровождает все его печатные издания.

мали построить синагогу, местный правитель решил им ответить, спохватился и выстроил прямо напротив церковь. Но для евреев это было плохо, и Бог совершил чудо... В одну из ночей церковь погрузилась в землю, а на ее месте появилась вода. Правитель испугался, попросил прощения у выгодских евреев и подарил им со своего кирпичного завода хорошие обожженные кирпичи для новой синагоги. Поэтому ее стены так крепки. Говорили, что однажды в жаркое лето пруд высох и показалась верхушка затопленной церкви. Но это произошло только один раз.

Что стало с Выгодской синагогой и прудом сейчас, в наши дни, когда весь Слуцк, вместе с Выгодой, исключен из еврейской жизни и захвачен современными правителями? Об этом трудно судить, но ясно одно: в наше время уже не случается чудес.

ПАМЯТНИК НАШЕМУ ГОРОДУ

Я.-Д. Абрамский

В былые времена на кладбище каждого еврейского города хранился мешок земли из Страны Израиля. Ныне же мы, сыны изгнания, стараемся привезти горстку земли с родины на могилу в Эрец-Исраэль, ибо земля превратилась в пепел.

Пожрал огонь жилища Израиля, не осталось выживших, только бедствие, трагедия и память о разрушении уцелели в пламени. Вот и от Слуцка не осталось ничего, кроме воспоминаний, кроме рассказов о том, что было.

Поэтому ладони уроженцев Слуцка, обычно крепко сжатые в кулак, ныне широко раскрыты, чтобы щедрой рукой сеять хвалы Слуцку; чтобы воздвигнуть ему памятник и поблагодарить за «счастье юности твоей»⁴⁷¹.

* * *

Это был особенный город.

Слуцк — и окрестные города и местечки, без которых он не мог существовать, — был открыт всем ветрам и отовсюду черпал новые силы: из Копыля и Тимковичей (не только родины Менделе Мойхер-Сфорима, но и места, где жили несколько известных раввинов), Узды (Двора Барон)⁴⁷², Грозова, Погоста (Гур-Гразовский⁴⁷³), Вызны (Рувен Валенрод), Старобина, Любани (Ицхок и Залмен Эпштейны, раби Асаф). Все они — дети Слуцка, ибо каждое из этих местечек фактически было частью города. Слуцк был «Домом очага»⁴⁷⁴; в нем пылал огонь Торы, от искр которого зажигались все окрестные «дома очагов».

Когда пришло время строить в Слуцке йешиву, раби Яков-Довид бен Зеэв Виловский, известный как Ридбаз, выбрал для нее место рядом с нево-

Поэтому ладони уроженцев Слуцка, обычно крепко сжатые в кулак, ныне широко раскрыты, чтобы щедрой рукой сеять хвалы Слуцку...

⁴⁷¹ См. «Кофелет» (в русской традиции — «Книга Екклесиаста»), 11:9.

⁴⁷² Двора Барон (1887–1956) — израильская писательница, переводчица, редактор, первый лауреат Премии им. Бялика (1934). — *Прим. пер.*

⁴⁷³ Гур-Гразовский (Грозовский, 1862–1950) — известный израильский лингвист, лексикограф, писатель, переводчик и педагог. — *Прим. пер.*

⁴⁷⁴ *Бейт-эа-мокед* (иврит) — Дом очага — второе по величине строение комплекса Иерусалимского храма. — *Прим. пер.*

деланным полем, на окраине города. Когда его спросили, почему он хочет, чтобы йешива находилась так далеко от жилых кварталов, он ответил: «Если упадет “пуля”, пусть она упадет подальше от людей»⁴⁷⁵. Однако пуля «упала» среди людей — Слуцк стал центром Торы, местом ее изучения и постоянного пребывания.

В Слуцке было множество синагог и домов учения. Многие ремесленные гильдии — портные, кузнецы, мясники — строили для себя отдельные синагоги. Куда бы слуцкий еврей ни шел, он оказывался рядом с синагогой; куда бы ни поворачивал, попадал на синагогальный двор. Каждый, кто захочет посчитать, сколько синагог было в Слуцке, непременно ошибется: сколько ни вспомнишь, все равно окажется, что были еще. Ибо все слуцкие молельни и синагоги напоминали звезду Давида: в каждом углу, в каждом конце — молитвенное помещение, а посередине — духовный центр, синагогальный двор, площадь дома молитвы. Слуцкие синагоги и молельни были полны народа, так что порой было не продохнуть.

Слуцк слыл городом миснагедов. Здесь жили миснагеды или вольнодумцы, но не хасиды. В мое время старики любили рассказывать историю о приезде Бешта в Слуцк. Как только он пересек городскую черту, горожане решили с ним расправиться: привязать к камню в Холодной синагоге и выпороть за «бунт». Однако Бешт сумел бежать, и городские ворота, которые были закрыты, вырвались из пазов, взлетели и по сей день, как говорят, где-то висят в воздухе. Эту легенду объясняли так: это Слуцк, детка, здесь ворота поднимаются сами и «поднимают главы» во имя Торы⁴⁷⁶. «Город, полный мудрецов и книжников», — писал о нем посланник Шабсая Цви. А Бешт говорил:

– Мошиах придет, когда в Слуцке наберется миньян хасидов.

В годы Первой мировой войны некоторое количество хасидов обосновались в Слуцке и даже организовали свой миньян в Синагоге мишнайс, однако Мошиах так и не пришел. Тогда стали говорить: Бешт имел в виду другое: что все эти хасиды будут последователями одного ребе. Эти же не являются последователями одного ребе, и вообще не одного поля ягоды.

Во времена Совета четырех земель название города Слуцк «расшифровывали» так: *Солет, Ломдим, Цадиким, Кциним* — аристократы, знатоки Торы, праведники, начальники. «Начальники» тоже были весьма учены, среди них встречались выдающиеся знатоки Торы. Когда же они приезжали на ярмарки, где проходили заседания Совета, их ответы имели вес и в доме учения, поскольку истинным домом слуцких евреев была синагога.

* * *

Слуцк был не просто «золотым городом», увенчанным золотой короной. На шее он носил ожерелье из отборных жемчужин — великих раввинов и знатоков Торы, сменявших друг друга: раби Йосеф Пеймер, раби Йосеф-Дов Соловейчик, раби Яков-Довид Виловский, раби Исер-Залмен Мельцер, раби Йехезкель Абрамский. Все они воистину были «кедрами ливанскими, богатырями Торы».

⁴⁷⁵ В оригинале «пуля», но имеется в виду «патрон» — так на идише называли студентов йешив.

⁴⁷⁶ Парафраз слов из псалма: «Поднимите, врата, главы ваши, и возвысьтесь, двери вечные, — и войдет прославленный Царь!» («Тегилим», 24:7).

Слуцк слыл городом миснагедов. Здесь жили миснагеды или вольнодумцы, но не хасиды.

Однако эти «жемчужины ожерелья» не были уроженцами Слуцка, но лишь одарили его своим сиянием. Рядом с ними жили и работали коренные, потомственные слущчане, например, д-р Лифшиц, один из первых экономистов и социологов, писавших на иврите. (Г. Крессель в своей книге «Общественные науки на иврите» отдает приоритет Лифшицу.) И.-Д. Беркович, Яков Каган, Э. Лисицкий и доктор Я.-Н. Симхони — все они родились в Слуцке и гордились местом своего рождения.

* * *

Как уже было сказано, самая большая городская синагога называлась Холодной (*ди Калте шул*), которую не следует путать с Большой синагогой (*ди Гройсе шул*). Название оказалось пророческим: в синагоге постепенно становилось прохладно — в сердцах прихожан началось охлаждение по отношению к религии и традиции. Хотя голос Торы еще звучал, параллельно зазвучали голоса «новых птишек». Еврейская «весна» сопровождалась всплеском литературной активности. Новый иврит смущал умы; древние свитки словно сгорели или оказались брошенными в дальнем углу. Молодых людей, отдалявшихся от Торы, влекли иврит и еврейская литература. Они стали первыми сионистами и наставниками желающих изучать иврит.

Хотя голос Торы еще звучал, параллельно зазвучали голоса «новых птишек». Еврейская «весна» сопровождалась всплеском литературной активности.

---

* * *

Пламя Торы, однако, не угасло. В Слуцке были и свет, и огонь, однако хватало и тени. Название города некоторые расшифровывали как *Слуцк Лейцаним ве-Цикним, ве-Камцаним* — слущкие шуты, жадины и скупердяи. Слуцк славился своими певцами, а городские шуты рассказывали о Биньомине Авине — богаче, который, однако, не отличался щедростью по отношению к соплеменникам. Его ладони всегда были крепко сжаты.

Вот еще история: жил в Минске йешиботник, страшный мот. Родственники жены умоляли его изменить свои привычки и образ жизни. Он отвечал им: что я могу поделать, если таким меня создал Бог? Как я могу измениться к лучшему? Тогда родственники уговорили его поехать в Слуцк, поучиться бережливости у Авина. Он согласился и поехал. Приехав в Слуцк, йешиботник остановился в лучшей гостинице, плотно пообедал и отправился к Авину. Богач обрадовался, что его слава бежит впереди него, нашел йешиботника достойным стать его учеником и пригласил его к себе на субботу, чтобы тот понял, что такое истинная скупость.

В субботу минский йешиботник увидел, что хозяин зажег черные свечи, и решил: тот, кто хочет стать бережливым, должен запомнить, что черные свечи дешевле белых. Затем он увидел, что Авин произносит благословение на грубый черный хлеб вместо отборного белого, и подумал: неужели все искусство бережливости заключается в этом? Право, не стоило тратить денег на дорогу. Когда же вместо хорошей рыбы йешиботник увидел селедку, то подумал: расходы не окупят потраченного времени, поскольку ничего нового не узнал.

На следующее утро он тоже был недоволен — пока не подали чолнт. И тут минчанин увидел: хозяйка дома вынимает из фаршированных кишок нитки, которыми они были зашиты, и вешает их на крюк. «Зачем это?» — спросил удивленный йешиботник. «Их можно будет использовать еще раз», — ответил Авин.

Услышав этот ответ, минчанин успокоился: действительно, такое никогда не пришло бы мне в голову, поэтому даже если я приехал только ради этого — оно того стоило!

Разумеется, скупость жителей Слуцка — легенда, красивая сказка, а не реальность. Просто людям свойственно преувеличивать.

Реальностью же было то, что в Слуцке было немало ростовщиков, настоящих кровопийц.

* * *

«Книга кагала Слуцка» похожа на все прочие «Книги кагала» своего времени. Из описаний любой общины можно делать выводы относительно Слуцка; из того, что мы узнаем о Слуцке, можно делать вывод относительно других еврейских общин. Те, кто займется историей Слуцка, несомненно, узнают многое из того, что покрыто сегодня мраком тайны. Здесь хватит работы и для ученых, и просто для людей с хорошей памятью.

В былые времена Слуцк, как и другие еврейские города, был «местом», а не «временем». Это было еврейское поселение, где время, казалось, остановилось и застыло; казалось, оно здесь не властно. Ныне же это место разрушено и уничтожено, так что осталось только «время» — воспоминания о том, что было. По словам одного пронизательного наблюдателя, «география закончилась, и вновь началась история».

* * *

Чем был Слуцк: богатым городом с большим количеством бедняков или же бедным городом, где тем не менее хватало богатства? Лично мне нравится такое определение: бедный и богатый в своей бедности; нуждающийся — и гордый. Еврейская жизнь была в Слуцке ключом. Город был богат местными силами: еврейской красотой, еврейской дружбой, еврейскими мозгами... Дети бедняков отличались силой воли, а потому не склонялись под грузом своей жизненной ноши. Подобно грузчикам, придавленные страданиями, они смотрели вверх — тянулись к образованию, сионизму, социализму. Идеалы помогали им устоять, рождали в них желание жить. Они голодали, питаясь «хлебом бедности», но при этом не ели себя поедом. Свой кусок хлеба они вкушали с радостью и надеждой; хлеба было мало, зато мечты — сколько угодно; клочок земли — и необъятный горизонт. Небеса над Слуцком намного превосходили территорию города. Под спудом бедности созревали жизнь и надежда.

Ну и, разумеется, не будем забывать об инстинкте самосохранения. Если бы не он, как бы они смогли вырваться к свету жизни из слуцкой тьмы, из бедного и непросвещенного города?

Слуцк также сравнивали с царем, у которого были бокалы из тонкого стекла. Царь сказал: «Если налью в них кипяток, они лопнут, если слишком холодную воду — тоже». Что же он сделал? Смешал кипяток с холодной водой, и бокалы остались целыми и невредимыми. Слуцк напоминал сосуд, который треснул и утратил исходную форму. Город стал подобен девушке из «Шир га-ширим»⁴⁷⁷, о которой сказано, что она черна, но красива⁴⁷⁸. Этот сосуд оказался долговечным и все это время был полон еврейством и хра-

В былые времена Слуцк, как и другие еврейские города, был «местом», а не «временем». Это было еврейское поселение, где время, казалось, остановилось и застыло; казалось, оно здесь не властно.

⁴⁷⁷ «Шир га-ширим» (иврит) — «Песнь песней».

⁴⁷⁸ См. 1:5.

нил это еврейство. Почерневший и подгнивший, Слуцк не только дымил, но сохранял свою красоту и обаяние.

У врат «Книжной республики» сидит Эфроим Лисицкий, родившийся в бедности. Менделе Мойхер-Сфорим написал «Сейфер га-кабционим»⁴⁷⁹. Бялик был «поэтом бедности» из хорошей семьи. В своей автобиографической книге «Эле толдот адам» Лисицкий писал, что происходил не просто из бедняков, но из самых униженных и обездоленных без всяких связей и положения. Его отец был водоносом. Он пил проклятую горькую воду, наполненную ядом, которая обернулась живой водой.

У других народов и на других языках трудно отыскать книгу, сравнимую с «Эле толдот адам»⁴⁸⁰. В еврейской литературе мало кто может сравниться с Лисицким чистотой или святостью. Он родился в горниле бедности и вырос в чистилище страданий. Бренер⁴⁸¹ был его братом, но Лисицкий превзошел Бренера и как человек, и как творец своей биографии. У Лисицкого есть «родословная», есть что рассказать и что скрыть. Его откровения — не просто факты и обстоятельства его собственной жизни. Это история всех слуцких бедняков, живших во тьме и стремившихся к свету.

Рассказывая о прощании со Слуцком, Акива Барский сказал: «Моя душа повзрослела». Его история — в каком-то смысле история каждого из нас.

В какой-то момент в Слуцке мне стало тесно, словно я перерос Слуцк, стал больше него, бывшего на самом деле большим местечком. Я почувствовал себя чужим в своей семье, меня словно отрезало. Я стал чужаком и в то же время ощущал страх и тьму. Я не смотрел на мир сквозь ясные прозрачные окуляры, но видел только мрак. Я видел, как брат восстает на брата — прямо на рынке! — и убивает его дубиной. Два брата, уроженца здешних мест, сыновья праотца нашего Авраама, и вот — один из них оказался Каином, а другой Авелем. Свет моих очей померк, душа страдала. Я видел и кое-что еще: арест сионистов и процесс над ними, когда они стояли перед судом, преисполненные еврейской гордости. Две эти вещи до краев наполнили мое сердце, и больше меня ничто не интересовало. Мне хотелось бежать, бежать в большой город. Большой город больше меня, ему нет конца и края, там я обрету покой. Это город, который невозможно объять, — твои руки его не охватят, зато он тебя охватит. И еще в твоём сердце теплится надежда, что ты встретишь группу халуцим и вы сможете тайно перейти границу. Я бежал, но у меня ничего не вышло. Снова бежал, и снова у меня ничего не вышло. Наконец, я оказался в большом русском городе и позабыл о Слуцке, словно он погрузился на самое дно моей памяти и остался глубоко в подсознании.

В большом городе я тоже не нашел себя. Наконец, с Божьей помощью, я оказался в Стране Израиля. И там я извлек Слуцк из глубин своей памяти и вновь обратился к нему лицом. И вдруг он засиял светом Торы, который зажег множество других огней. Тора и воодушевление, страсть к ивриту, литературе и духовному обновлению... Богат, очень богат был Слуцк. Из колодцев Слуцка, источника жизни, сердце черпает для прошлого эликсир жизни, а для будущего — настой милосердия, чистоты и надежды.

⁴⁷⁹ «Сейфер га-кабционим» (иврит в ашкеназском произношении) — «Книга нищих».

⁴⁸⁰ «Эле толдот адам» (иврит) — «Вот жизнь человека».

⁴⁸¹ Йосеф-Хаим Бренер (1881–1921) — писатель, литературный критик и переводчик, один из зачинателей современной литературы на иврите. — *Прим. пер.*

МОЙ СЛУЦК

М.-Л. Горин

Высший и низший классы Слуцка — крупного окружного центра в тогдашней Минской губернии — составляло белорусское и польское население с примесью русских.

Самые зажиточные лавочники или ремесленники за ничтожную плату нанимали рабочих, постоянно или временно. Последние составляли рабочий класс, пролетариат в марксовом значении слова. Высший и низший классы Слуцка — крупного окружного центра в тогдашней Минской губернии — составляло белорусское и польское население с примесью русских. Богачи, помещики и маленькая прослойка капиталистов, владели большей частью земель и небольшим числом фабрик. Низшим классом являлась крестьянская масса.

...Издалека, с окружающих полей и дорог, была заметна славная, красивая, выбеленная Холодная синагога. Каменная, с покатою, покрашенной в зеленый цвет жестяной крышей, она возвышалась, словно башня. Синагога, построенная в готическом стиле, была симметричной, с точными, сбалансированными архитектурными линиями, карнизами, длинными и широкими окнами с цветными стеклами (голубыми, зелеными, красными и т. д.). Внутри здания подпирали крышу округлые объемные колонны. Казалось, что толстые столбы символизируют слущкую общину, которая тоже опиралась на древнее знатное происхождение.

Одетые в шубы или в толстые теплые пальто, люди, бывало, даже в морозные зимы приходили молиться в Холодную синагогу. Зуб не попадал на зуб, однако ни простой народ, ни «сливки общества» не обращали на это внимания. Когда голос хазана причудливо поднимался, а затем срывался в крик, люди ощущали его спешку и понимали, что скоро все закончится. Но людям не стоялось, поскольку было холодно, и они приплясывали. По сути, участие в молитве представляло собой беспорядочное мельтешение по большому залу. Никто не стоял на месте, все носились как вихрь в талесах поверх длинных пальто, бормотали что-то себе под нос, разговаривали и молились.

В 1908 году как громом ударила новость, что Холодная синагога достраивается и с обеих сторон будет женская молельня. По этому поводу иронизировали: «Теперь и женщины узнают, что такое мороз». Но в летнее время прихожане оживали и радовались прохладе, чувствуя себя словно в раю. Тогда они молились совсем по-иному.

На молитвы великих хазанов в Холодной синагоге продавались билеты. Гершон Сирота, Меер Лидер, Лейба Уздер и другие знаменитости были любимцами горожан. О них высказывались со знанием дела, получали удовольствие от особо изящных пассажей из их пения. Многие евреи стояли под синагогой и восторженно прислушивались: «Ай, вот это он вывел!» Хазаны доставляли людям такую радость, что их буквально зацеловывали.

В летние месяцы к Холодной синагоге приходили слущкие пожарные на репетиции. Почти каждый четверг пожарный, одетый в мундир, в великолепном шлеме ехал на дрожках и дул в трубу, оповещая своих товарищей, что сегодня вечером будет собрание, уличная репетиция. Репетиции проходили сначала на большой пустой площади у рынка, где находились гаражи с пожарными машинами, помпы с бочками, конюшня, а также помещение для дежурных, которые несли вахту день и ночь, всегда готовые поднять тревогу.

Верхний ряд (справа налево): Яков Китаевич, Агинский, Залмен Рубинштейн. Второй ряд: Эпштейн, Липа Лейбович. Третий ряд: Проховник, Шперлинг, Виноград, Ябров

Во главе слуцких пожарных стояли Исроэл Барон, энергичный еврей, и помещик Курацевич, который жил в конце бульвара в пышной, красивой усадьбе.

Пожарные были одеты в подогнанные по фигуре мундиры и маршировали в сопровождении оркестра стройными рядами, словно отряд военных. Звуки марша привлекали мальчишек из хедера, да и просто веселые компании и отдельных прохожих, для которых это был хороший спектакль и приятное времяпровождение.

На синагогальном дворе, у бани, пожарные ставили лестницы, прислоняли их к стенам Холодной синагоги и залезали на покатуую крышу. Устраивалось соревнование между парнями, кто быстрее сумеет это сделать. Играла музыка, а из пожарных шлангов, воткнутых в бочки, вода лилась вверх и далеко вокруг. Дети помогали пожарным черпать воду из ближайших колодцев.

Затем пожарные развлекались в харчевнях, где смаковали слуцкие яства: рыбу, гусиное мясо и жир, блинцы, пироги с начинкой, торты — и все это заливали водкой.

В дни государственных праздников ученики гимназии и коммерческого училища, как вымуштрованные солдаты, заходили в Холодную синагогу строем в полной форме. Они рассаживались на скамьях вокруг бимы в центре синагоги, и казенный раввин Эшман, одетый в черный сюртук, держал перед ними патристическую речь на русском языке о важности праздника. Он приурочивал свои выступления к его теме: например, ко дню рождения царя, других титулованных особ из династии Романовых.

После церемонии прочитывалась глава из псалмов. Заканчивал казенный раввин требованием быть добрыми, богобоязненными и лояльными к царю.

В дни государственных праздников ученики гимназии и коммерческого училища, как вымуштрованные солдаты, заходили в Холодную синагогу строем в полной форме.

В Холодной синагоге приводили к присяге молодых еврейских ребят, призванных на военную службу. Взлохмаченные, растерянные, они повторяли сквозь зубы клятву, которую Эшман произносил по-русски, декларируя верность и преданность российскому царю. Его слова приобретали ироническое и даже дикое звучание в пустой синагоге в присутствии военных и гражданских служащих.

Здесь же иногда показывался исправник немец Штрикер, толстый блондин. Под его властью находились двадцать пять полицейских и рота солдат, которые размещались в бараках. Плац для тренировки был у них рядом с костелом.

В Холодной синагоге, как и в других, у исправника были среди молившихся тайные агенты. Штрикер был неплохим человеком. Его знали дети и женщины, он прогуливался по улицам в своем сером мундире с эполетами и блестящими латунными пуговицами, улыбаясь прохожим. Но к молодежи, замешанной в слишком вольном поведении, исправник был беспощаден.

В марте 1905 года его сын, пятнадцатилетний гимназист, после споров с отцом схватил его револьвер и выстрелил в него. Подросток был захвачен идеями левых и не мог выносить того, как отец с ним обращался. В Слуцке тогда поднялся большой шум, все случилось как раз за неделю до Пейсаха. Панихида прошла в лютеранской церкви на бульваре.

Вокруг синагогального двора было пять синагог: Холодная на восточной стороне, дом учения на западной, «Клойз» и Роговая синагога на северной, а на южной стороне — Синагога портных. На просторном дворе, вмещавшем сотни людей, устраивали свадьбы, тут играли клезмеры — капелла Айзла-клезмера или музыканты Шимена-Лейба. Когда они играли на улице, это был знак, что свадебная процессия движется к синагогальному двору.

У «Клойза» устраивались траурные церемонии: когда умирали важные люди, гроб водружали на стол, стоявший на возвышении. С этого же возвышения речь о покойном произносил раввин или даян реб Лейб Неймарк; они рассказывали о добродетелях умершего, о том, каким он был замечательным евреем. Присутствовавшие мужчины и женщины проходили мимо покойного, оплакивая его. Мальчики из хедера и талмуд-торы шагали за гробом и пели псалом «Цедек ле-фонов йеѓалех, ве-йосем ле-дерех пеомов»⁴⁸². Шамес реб Файвл тряс коробкой для цдоки⁴⁸³ и зывал словами мудреца: «Цдоко тацил ми-мовед»⁴⁸⁴. Так и тянулась траурная процессия: летом — по жаре, осенью — по распутице, зимой — в снегу. Люди шли, неся гроб на плечах. Евреи размеренно шагали в почтительной тишине, которую нарушал лишь звон монет в коробке для цдоки, и доходили до обнесенного каменным забором кладбища у реки, в конце Заречной улицы.

* * *

Я помню этот пожар, хотя мне тогда было всего шесть лет.

Это было в неделю после Пейсаха, прекрасной, ясной, звездной ночью.

⁴⁸² «Цедек ле-фонов йеѓалех, ве-йосем ле-дерех пеомов» (иврит в ашкеназском произношении) — «Справедливость перед Ним пойдёт, и направит Он её по пути стоп Своих» («Теѓилим», 85:14).

⁴⁸³ Цдока (иврит в ашкеназском произношении) — здесь: пожертвования.

⁴⁸⁴ «Цдоко тацил ми-мовед» (иврит в ашкеназском произношении) — «Благодеяние спасает от смерти» («Мишлей», 10:2).

В марте 1905 года его сын, пятнадцатилетний гимназист, после споров с отцом схватил его револьвер и выстрелил в него. Подросток был захвачен идеями левых и не мог выносить того, как отец с ним обращался.

Стояла теплая, сухая погода. Мама разбудила меня примерно в два часа ночи.

– Смотри — горит!

Через окно я увидел красное небо, в воздухе летали искры и головешки. Мама с братьями и сестрами действовали быстро и дружно: схватили спальные принадлежности, всякую домашнюю утварь и вынесли на улицу. Я оделся, выскочил на двор, а там царил переполох. Все соседи занимались своей поклажей: тянули большие сундуки, ящики, узлы с вещами в чистое поле. Женщины голосили, дети плакали, а мужчины были заняты спасением всего, что только можно, из своего имущества и время от времени бросали взгляд на «красного петуха», чье горячее дыхание чувствовалось уже совсем близко.

Соседние домишки быстро загорелись, вскоре огонь перекинулся и на наш дом. Нас, детей, отправили куда-то далеко по шоссе в какой-то двор. Оттуда я видел ужасную трагедию: горящий Слуцк!

К тому времени как взошло солнце, пламя уже притихло. После полудня, когда я пошел со старшей сестрой посмотреть на нашу улицу, там еще были огонь и дым. А дома уже не было, он выгорел дотла, и всем нам пришлось поселиться у одного нашего родственника и остаться там на долгие месяцы.

Теснота была большая. По три-четыре семьи жили в доме из пяти-шести комнат. Многие остались вовсе без крыши над головой и ютились в углах и сенях синагог. Холодная синагога приютила на долгое время более пятидесяти многодетных семей, живших по соседству.

С большим трудом при помощи евреев Америки, других стран и городов Слуцк частично отстроил разрушенное. Вместо убогих, покосившихся домиков появились ряды новых зданий. Выросло немало двух- и трехэтажных кирпичных домов, они добрались даже до центра слуцкой бедноты — Американской улицы.

– После пожара всегда богатеют, — шутил седовласый Арчик-шинкарь.

Он, ученый еврей с красивым лицом и длинной ухоженной бородой, отстроился быстро.

Но богатели не все. Многих усилий стоила моей матери-вдове постройка нового дома, в который мы в конце концов вселились.

* * *

Во время Первой мировой войны, когда Слуцк был полон беженцев из числа польских евреев, среди тех, кто организовал комитет помощи потерпевшим, был врач Шильдкраут, выпускник Московского университета. Всю свою энергию, а также собственные деньги он вкладывал в то, чтобы уменьшить нужду, спасти людей от смерти и эпидемий.

Кроме Шильдкраута, в Слуцке было еще несколько врачей: д-р Мельцер, д-р Файнберг, а также христиане Вечер и Янушкевич. Среди фельдшеров был очень популярен Граев. Еврейские врачи служили в единственной бесплатной больнице и в богадельне.

Трагически погиб в расцвете сил перспективный и многими любимый врач Синайский. Он был убит в своем жилище вместе с юной красавицей-дочерью. Убийцей оказался его собственный кучер, нееврей. Об этой трагедии слагались сентиментальные песни.

С большим трудом при помощи евреев Америки, других стран и городов Слуцк частично отстроил разрушенное. Вместо убогих, покосившихся домиков появились ряды новых зданий.

ЧТО Я ПОМНЮ О СЛУЦКЕ

Э. Шульман

В память о моем дедушке Йосле Бароне и обо всех Баронах, уничтоженных в Слуцке, Несвиже и Минске

Я вспоминаю Слуцк как еврейский город, хотя в городе жило также много христиан. Нееврейями были все чиновники, учителя во всех русских школах и гимназиях. В Слуцке жили также лютеране (на Широкой улице у бульвара находилась лютеранская церковь) и немало поляков. В 1918 году была открыта польская гимназия. Христиане жили в Тройчанах, возле монастыря, на Широкой улице, на Юрьевской улице около земства, на Новой улице, в районе Остров и в нескольких переулках, но основное население было все же еврейским.

Слуцкие евреи занимались торговлей и ремеслами. Припоминаю лишь две нееврейские лавочки в Слуцке: «Лавка братьев Мухиных», «Горохович», может быть, было еще несколько. Все прочие на Шоссейной и на улицах, близких к ней, были еврейские. Город был полон еврейских портных и их подмастерьев, сапожников, закройщиков, каменщиков, маляров, столяров, гребенщиков, гончаров, парикмахеров и т. д. Слуцк был посредником между городом и деревней. Каждое воскресенье в город со всех сторон съезжались крестьяне со своими продуктами. Евреи покупали рожь, пшеницу, овес, яйца, картофель, кур и рогатый скот. Сделки совершались в воскресенье до полудня, потому что затем начинались службы в церквях, но и после двенадцати все лавки были открыты и крестьяне могли купить все, что им было нужно. В деревнях вокруг города производилось много зерна, слуцкие купцы его скупали и перепродавали по всей России. В Слуцке были три паровые мельницы — Файнберга, Гутцайта и Мышалова. Мука тоже вывозилась в далекие края. Евреи скупали также свиную щетину, которую экспортировали даже за границу.

В самые трудные времена Первой мировой войны, а особенно под властью большевиков — с конца 1918 года до августа 1919 года, до того как поляки взяли Слуцк, — в городе, несмотря на голод во всей России, было достаточно хлеба не только для собственного потребления, но и для экспорта. В то время в Слуцк каждый день прибывали «мешочники» — люди с мешками для купленного хлеба. Из Слуцка ежедневно вывозились — и по железной дороге, и на возах — тысячи пудов муки.

* * *

Слуцк был настоящим культурным центром, и в город стекалось множество учеников из соседних городков и местечек. Они были постоянными покупателями в книжных магазинах Гринвальда, Рубинштейна, Томашова, Файтельсона и еще нескольких. У книготорговца Рейсера можно было купить книги на идише и иврите, а также газеты и журналы.

Городская библиотека была основана в начале XX в. сионистами. В ней имелся большой выбор книг на идише, иврите, русском. После большого пожара 1915 года она обосновалась на Заречной улице, у казначейства, но вскоре оказалась в здании бывшего Еврейского училища. Среди библиотекарей были Эли Чарный, Апельсон, Залускин, Бунин и Арн Рольник. Поразительно, как много было в таком маленьком городе, далеком от основных дорог, еврейских и общих культурных заведений!

Слуцк был посредником между городом и деревней. Каждое воскресенье в город со всех сторон съезжались крестьяне со своими продуктами.

В Слуцке часто гастролировали театральные труппы, еврейские и русские. Были в городе также любительские театральные кружки. Спектакли ставились в зале Соловейчика в Дворянском клубе (позже — Демократический зал), а также в помещениях коммерческой школы и гимназии.

* * *

Мне пришлось оставить Слуцк в октябре 1920 года, когда польская армия во второй раз заняла город. Я тогда был еще юнцом, но помню наш город накануне Первой мировой войны, во время революции, немецкой и польской оккупации, большевистского режима конца 1917 года (немцы вошли в город в январе 1918 года). Большевики во второй раз взяли Слуцк и владели им с ноября 1918 года до августа 1919 года, третий раз — с июля до октября 1920 года.

Мой отец уехал из Слуцка, когда мне было четыре года, и я много времени проводил в доме моего дедушки Йосла Барона. Дед жил на Хапашкинской улице, где у него была бакалейная лавочка. Во дворе жили еще несколько Баронов, старшим из них был Шая-Аба, дядька моего дедушки, заслуженный солдат николаевского времени. В армии он научился сапожному делу, и когда вернулся домой, занялся им. Его жена Рива ставила банки, пиявки и т. п., поэтому ее прозвали «докторшей».

Старшим сыном Шаи-Абы был Исроэл, хорошо известный в городе человек, начальник городской пожарной службы и пожарных-добровольцев. Он ладил со всеми полицейскими чинами, с предводителем дворянства, богачами и членами Дворянского клуба. Рассказывали, что в 1905 году он отправился в Минск к губернатору как посланец предводителя дворянства, но заодно привез револьверы для еврейской самообороны. Исроэл Барон сделал евреям много добра. Как приближенному к властям ему удавалось, например, освобождать арестованных евреев.

Мой дед, жестянщик, несколько раз бывал в Америке — в первый раз около 1892 года. Долгое время он жил в Одессе, Екатеринославе. Просвещенный человек, увлеченный читатель еврейской литературы, он читал и обменивал книги у меламеда Пейсаха Карона, у которого была частная библиотека. Вместе с Довидом Нисензоном и синагогальным чтецом Ичей он подписывался на газеты на идише.

В том же дворе у самой реки жил Исроэл Барон. Там же репетировал оркестр пожарной команды. Самый веселый дом на Хапашкинской принадлежал Зелику Манюку, портному. Большая вывеска на синем фоне с большими золотыми буквами извещала, что здесь находится «Военный и гражданский портной». У Зелика заказывали свои костюмы военные и богатеи. Помимо самого хозяина, там работали его сыновья Янкл, Ареле (был убит на фронте в Первую мировую войну), Элконе-Нох, помогали младшие Велвл и Хаим. К тому же у него было несколько наемных рабочих. Несколько сестер Зелика жили в Америке и присылали ему пластинки с записями песен еврейского театра. Граммофон у него играл целый день, и все подпевали.

На Хапашкинской улице были две синагоги: Старая и Новая. Старая была деревянной, в ней находились красиво вырезанный ковчег, изящная бима с полированными столбиками и тяжелыми бронзовыми подвесными светильниками. Мой прадед Ицик-Михл Барон был помощником шамеса в Старой синагоге. Новая была кирпичным выбеленным зданием, куда большим по размеру, чем Старая. В Новой синагоге молились зажиточные

Как и все синагоги, Новая на Хапашкинской улице приукрашивалась к празднику Симхес-Тойре. Вокруг бимы и над всей синагогой натягивали провода, и на них вешали разноцветные бумажные фонарики.

горожане. Все Бароны молились в Старой, кроме моего деда, у которого было свое место в Новой.

Как и все синагоги, Новая на Хапашкинской улице приукрашивалась к празднику Симхес-Тойре. Вокруг бимы и над всей синагогой натягивали провода, и на них вешали разноцветные бумажные фонарики. В подвесные светильники закладывали красные яблоки, в них втыкали свечи. Сорванцы устраивали фейерверки, постреливая из игрушечных ружей. Солидные прихожане ворчали, но, как я полагаю, тайно завидовали.

В канун Тиша б-ов ребятня собирала репы⁴⁸⁵ и во время жалобных песнопений кидала их в густые бороды солидных евреев или запускала их им за шиворот. В Йом-Кипер к чтению «Кол нидрей...» приносили большие, толстые восковые или стеариновые свечи и ставили их в ящички с песком.

На Пурим в синагоге было очень весело. Помимо традиционных грохотавших трещоток, дети приносили большие палки и стучали при упоминании Гамана⁴⁸⁶ изо всех сил. Дантист Эпштейн выдавал деньги ребятам, которые лучше всего заглушали это ненавистное имя.

* * *

Хапашкинская улица соединялась с Шоссейной несколькими улицами поуже. Одна из них начиналась у Новой синагоги и называлась Садовой. На ней стоял ряд очень красивых деревянных домов; в одном из них жила богатая семья Эвиных, в другом — семья Мигдала, агента страхового общества. Через дорогу находилась гостиница Крейнеса, где останавливались богатеи. Немного дальше были «Театр Соловейчика» и сад с Летним театром. В зале «Театра Соловейчика» выступали труппы с представлениями на русском языке и идише. Для спектаклей на идише актеры брали на детские роли мальчиков с улицы. Так и я несколько раз сыграл в еврейском театре.

Вторая улочка, связывавшая Хапашкинскую с Шоссейной, начиналась напротив аптеки Чипчина. На этой улице стояли каменный дом Виткина, большой магазин Шаи-Мендла Дречина, гостиница «Бристоль»; в самом конце ее жил дантист Эпштейн, а напротив него — аптекарь Бронштейн, сын которого служил казенным раввином.

Третья улочка начиналась у деревянной церковки. По этой улице ходили в Тройчаны — на ней жили уже в основном христиане, но стоял там и дом адвоката Чипчина. Эта же улочка тянулась через кладку — узкий мостик над речкой — «у трех банек» и была связана с Кривоселками, а также вела к еврейскому кладбищу. Хапашкинская улица тянулась до монастыря, но вторая часть ее, та, что ближе к монастырю, называлась Тройчанская.

Монастырь был обнесен толстыми каменными стенами, внутри находилось несколько церквей, также за стенами жили монахини и священники. На территории монастыря было и кладбище для знати. Дети часто играли на большом монастырском дворе, а заодно смотрели, как молятся неевреи, — по воскресеньям и в христианские праздники массы людей стекались туда по Хапашкинской улице.

Вообще дети с Хапашкинской не очень налегали на Тору. Они любили играть, купаться в реке, маршировать строем, как добровольцы-пожарные,

⁴⁸⁵ Любимое детское развлечение в пост Девятого ова. — Прим. пер.

⁴⁸⁶ Гаман — персонаж пуримской истории, злодей, вознамерившийся уничтожить еврейский народ.

возиться с голубями. На нашей улице жили также христианские семьи Петрика и Шаключты. Их дети учились в духовном училище, но хорошо говорили на идише и дружили с евреями.

Летом 1915 года случился большой пожар: сгорела вся Хапашкинская улица вместе с обеими синагогами, библиотекой, аптекой Чипчина. Наша семья поселилась на Бобруйской улице, рядом с шамесом Лейзером Виленским. Здесь уже все было иначе: узкая тесная улочка без реки, без деревьев, но мы прижились и там, привыкли к новым людям и новому окружению.

У Лейзера Виленского, он же — реб Лейзер-шамес, были две дочери: Хаша-Рейзл и Рива. Хаша-Рейзл давала частные уроки русского языка и арифметики. Она была сионисткой. Когда к ней домой приходили ее друзья, она читала разные литературные произведения, пела и декламировала стихи на идише и иврите. Среди посетителей дома были Авром-Ицхок Шпилькин, Нохем Хинич, Шмуэл-Нох Голдберг, Шмарьягу Барон, Фейгл Токер, Каминский и другие сионисты. Хаша-Рейзл также дружила с некоторыми образованными девушками, такими как Фейгл Лис-Баран, Доня Эпштейн, Райца Кацнельсон. Райца часто брала русские книги, читала также и на идише. Младшая дочь Лейзера Рива была гимназисткой. Сионисты Рива Виленская и Габай выступали с докладами на русском.

В другом доме около нас жили Месл Имерман и его семья. Жена его была пекаршей. В том же доме жила Гёня, чьим занятием было набивать табаком папиросы. Там в доме всегда было весело, люди приходили покупать выпечку и необандероленный табак. В конце улицы жила семья, которую я помню под прозвищем «Каве». Сын Каве Элийогу-Борух после 1905 года стал бундовцем. Он часто захаживал к нам, заводил дискуссии о сионизме и бундизме, и ему было с кем дискутировать. Помимо того, что в дом приходили дочери Виленского и их друзья, среди посетителей было немало тех, кто учился вязать у жены Лейзера.

Дочь столяра Яброва была бундовкой. Ее сын Нох Ябров стал одним из первых членов еврейской коммунистической партии Белоруссии, которая, однако, существовала недолго. Вскоре он стал командиром в Красной армии.

Совсем рядом с нами жил мой дядя, переписчик святых текстов Хаим-Лейб, продававший написанные им свитки Торы, мезузы⁴⁸⁷ и тфилин по всей России и даже в Америку. В его доме сидели писцы и работали, там же из сырой кожи выделялся пергамент. Я, бывало, таскал влажные шкуры туда-сюда: моей мечтой было сделаться пергаментщиком.

Реб Хаим-Лейб занимался обеспечением йешиботников. Он находил для них квартиры и «дни» кормежки. Его сыновья Элийогу и Биньомин тоже были писцами. Третий сын его был знаменитым магидом — реб Мойше Идабер, автор сборника текстов своих выступлений под тем же названием⁴⁸⁸ и еще одного, «Пней-хама»⁴⁸⁹. Реб Мойше Идабер был зятем р. Нехемьи, главы йешивы. Дочери р. Нехемьи были учеными девушками, «народницами», учительницами в первой еврейской светской школе Слуцка. Позже одна из них стала врачом.

⁴⁸⁷ Мезуза (иврит; букв. «дверной косяк») — прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента из кожи чистого животного, содержащий часть стихов молитвы «Шма...»

⁴⁸⁸ «Мойше идабер» (иврит в ашкеназском произношении) — «Мойше изрек».

⁴⁸⁹ «Пней-хама» (иврит) — «Лик солнца».

На Бобруйской улице находилась ночлежка для бедняков «Ѓахносес-орхим», где могли заночевать бедные странники. Позже организация ЕКОПО открыла там бесплатную столовую. Семья Ландесов владела красивым домом с садом в переулке, недалеко от речки Бычок. У них было галантерейное дело. Их старший сын руководил в Слуцке организацией «Цеирей-Цион», средний был активистом Бунда, а младший вступил в «СС» (социалисты-сионисты). У них были две сестры. Одна из них стала дантисткой, а вторая — учительницей в белорусской гимназии.

В конце этого переулка жила в каменном доме семья Ёосла Ѓаркави, сыровара. Дочь Ѓаркави Муся была пламенной сионисткой, она уехала в Страну Израиля, там вышла замуж, но умерла еще молодой. Сыновья Ёосла, студенты, тоже были сионистами. Во время большой сионистской демонстрации на синагогальном дворе после революции 1917 года один из них произнес зажигательную речь о том, что евреи должны уметь защищать себя.

В конце переулка стояло новое здание йешивы, а рядом с ней жил мой учитель из «прогрессивного хедера» М. Хазанович.

Когда мне исполнилось шесть лет, я пошел в «прогрессивный хедер», который сильно отличался от старых хедеров. Во-первых, в нем учились до трех часов дня, а не до восьми вечера. Во-вторых, новый был поделен на классы. «Прогрессивный хедер» был иным в куда более важных аспектах: учили в нем куда более современными методами. Дети пользовались новейшими хрестоматиями, изучали грамматику и Танах, еврейскую историю, географию Земли Израиля, за короткое время осваивали иврит. В «прогрессивном хедере» «Мория» часто устраивались вечера, на которых показывали картинки с помощью «волшебного фонаря», декламировали стихи и пели песни на иврите.

Когда я окончил «прогрессивный хедер», дедушка отправил меня в обычный — к меламеду Авремеле Затуренскому. Зачем он так поступил, я не понимаю. Я уже достаточно знал весь Танах, а тут мне вдруг пришлось сидеть в старом хедере и учить азы вроде «“Берешит” означает “в начале”». Одно время я ходил туда, затем некоторое время учился у Стифакова, приверженца Ѓаскалы. Его система была довольно старомодной, однако у него мы учили иврит и писали сочинения. В то время хедер «Мория» уже не существовал, но Гутцайт вместе с Авромом-Иццоком Шпилькиным открыл частную школу на дому у Бен-Циона Шпилькина. У них я занимался до того, как в 1917 году поступил в коммерческое училище.

После Февральской революции 1917 года начался мощный приток еврейских детей в русские школы. Была отменена процентная норма. Еврею уже не приходилось платить за обучение нескольких нееврейских детей, чтобы его дети поступили в заведение «сверх нормы». Хедеры закрывались один за другим. Чтобы приостановить вал поступления в русские школы, «Агудас-Исроэл» даже открыла модернизированную религиозную среднюю школу. Однако я решил, что лучше носить шапку с зеленым околышем и мундир с зелеными полосками на воротнике, и готовился к экзаменам. Рива Виленская помогла мне подготовиться, и вскоре я держал экзамен. В сентябре 1917 года меня приняли в слуцкое коммерческое училище. Им руководил Димитрий Иванович Иванов. В старших классах насчитывалось примерно равное число евреев и христиан, в младших подавляющее большинство учеников составляли евреи.

Дети пользовались новейшими хрестоматиями, изучали грамматику и Танах, еврейскую историю, географию Земли Израиля, за короткое время осваивали иврит.

Слуцк. Здание старого коммерческого училища

Евреи разговаривали между собой в училище на идише — не только на переменах, но и в классах. Преподавательницы большей частью были русскими. Учитель гимнастики, поляк, позже, во время польской оккупации, стал начальником слуцкой тюрьмы. Еще одним учителем был известный бундовец Лейб Мышковский.

Коммерческое училище в сравнении со старым хедером было настоящей академией. Часто в нем устраивались танцевальные вечера и спектакли. В этом училище я провел три года.

Весной 1920 года польская жандармерия выявила у нас коммунистическую ячейку, и из-за этого училище было закрыто. Вскоре поляки покинули Слуцк; уходя, они сожгли здание коммерческого училища. Позже, осенью 1920 года, когда поляки снова вошли в Слуцк, оно открылось заново в здании мужской гимназии. Но я к тому времени уже решил эмигрировать в Америку.

Три года обучения в коммерческом училище стали для молодых людей интересным и важным опытом. В то же время я продолжал изучать древнееврейский язык и литературу в новой вечерней школе ассоциации «Тарбут»; моими учителями были Хазанович, Хинич и Некрич.

* * *

Память возвращает меня назад. До моей эмиграции в США остается шесть лет. За эти годы произошло множество событий.

В августе 1914 года началась Первая мировая война, город заполнился мобилизованными. Поскольку тогда в Слуцке не было железной дороги, солдаты шли пешком на ближайшую железнодорожную станцию в Уречье. Каждый день, когда отправлялась очередная партия новобранцев, христиан и евреев, в городе то тут, то там слышались рыдания и вопли женщин. Мужчины давали женам условные разводы на случай, если не вернутся с войны. Женщины оставались без средств к существованию.

Коммерческое училище в сравнении со старым хедером было настоящей академией. Часто в нем устраивались танцевальные вечера и спектакли. В этом училище я провел три года.

Люди расхватывали газеты из Минска, Москвы и Петербурга. Печатник Томашов начал выпускать ежедневный бюллетень, и у его типографии стояли толпы в ожидании новостей.

По шоссе, которое вело в Брест-Литовск, каждый день без перерыва тянулись длинные обозы в сторону фронта. Город заполнился солдатами, шедшими на запад. Их размещали на ночлег в частных домах. Вскоре в городе появились и массы беженцев, белорусских крестьян из Гродненской и Сувалкской губерний. Они оставили свои деревни и отправились вглубь России; через город потянулись крытые повозки. Из-за тесноты и недоедания беженцев настигли болезни, и много маленьких детей умерло в пути. Земство немного помогало беженцам, а затем отправляло их дальше.

Вскоре показались и беженцы-евреи, высланные из польских городов у границы с Австро-Венгрией. Мужчины с длинными бородами и пейсами, в долгополых сюртуках, говорившие на идише с особым акцентом, вызвали у нас удивление. ЕКОПО сразу же занялся ими. Вообще говоря, эти беженцы встретили теплый прием, их определили на частные квартиры, в синагоги, для них открыли кухни. Большинство со временем выехали дальше в Россию.

В Слуцк прибывали также беженцы из Барановичей, Бреста, Ляховичей, Синявки — из городов и местечек, оказавшихся близко к фронту. Для их детей открыли специальную школу на улице Широкой. Это была еврейская светская школа с преподаванием на идише и изучением иврита. Позже, в 1917 году, эта школа вошла в общую образовательную систему, за которую отвечал Слуцкий просветительский комитет.

Фронт приближался к городу, и вскоре главный штаб 3-й армии прибыл в Слуцк. Весь город превратился в военный лагерь. Офицеров и солдат власти расквартировали в частных домах и общественных зданиях. Конфискованные синагоги и дома учения заняли солдаты. Открыли госпитали.

Изо дня в день обозы тянулись к фронту; назад они везли раненых. Тогда протянули ветку железной дороги от Уречья к Слуцку. Из-за тесноты и сутолоки в городе начались эпидемии холеры, тифа, дизентерии. Я тоже не избежал болезни.

Благодаря тому, что в Слуцке обосновался штаб армии, город разбогател. Были построены большие склады для провианта, который нувориши, новые предприниматели, поставляли армии. Они скупали пшеницу и рожь, отправляли ее вглубь России.

Жизнь в городе стала бурной, проходили театральные представления и кинопоказы, балы и военные смотры. Именно в то время в Слуцке находились несколько еврейских актеров и были устроены представления-бенефисы. В Холодной синагоге прошел большой концерт артиста Ленского.

Нельзя сказать, что еврейская молодежь демонстрировала энтузиазм по поводу войны за царя Николая. Многие пытались уклониться от службы, подкупали ответственных за призыв. Хотя в получении взяток было замешано много людей, козлом отпущения стал доктор Мараховский, еврей. Его арестовали и отравили в тюрьме.

* * *

В феврале 1917 года стало известно, что в Петрограде и Москве начались беспорядки, и за один день на слущких улицах появились студенты

Благодаря тому, что в Слуцке обосновался штаб армии, город разбогател. Были построены большие склады для провианта, который нувориши, новые предприниматели, поставляли армии.

с плакатами «Долой самодержавие!», «Долой монархию!» Они маршировали по Шоссейной, а полиция и военная комендатура не обращали на это внимания. Стало ясно, что Россия освободилась от монархического правления.

Изо дня в день в городе проходили собрания и митинги. Выбирали городскую думу, и это вызвало массу предвыборных собраний. Политические партии развили бурную деятельность. На еврейской улице активизировались «Цеирей-Цион», «Поалей-Цион», «Мизрохи», «Агудас-Исроэл», Бунд, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия («СС»), народническая партия («фолькисты»). Кроме них, в городе проявляли активность кадеты, эсеры, меньшевики и большевики. Все время велись дискуссии и агитация.

Культурная жизнь в городе не прекращалась. Был создан еврейский любительский театр, в котором ведущие роли играли сестры Цимеринг из Ляховичей. Ставили пьесы Гиршбейна, Кобрина, Шолом-Алейхема, Гордина, Андреева.

В группе «Мефицей-Гаскала»⁴⁹⁰ в то время немало дискутировали о том, какой язык должен быть приоритетным — идиш или иврит. Обе «партии» — идишисты и гебраисты — приглашали лекторов из Минска и Бобруйска. Велась бурная политическая и культурная деятельность. Наши соседи, белорусы, начали вести ее по-белорусски. Островский, один из их главных деятелей, впоследствии сотрудничавший с гитлеровцами, открыл белорусскую гимназию; многие спектакли начали ставить на белорусском языке, распространяли белорусские книги и газеты.

Война с немцами продолжалась и после неудачного наступления, начатого при Керенском. Армию поразил бич массовой деморализации. Слуцкий гарнизон постоянно сокращался: солдаты дезертировали. Большевики активизировались в Слуцке; они устраивали массовые митинги в зале «Демократического клуба», где готовили толпы к новым событиям. Газеты из Петрограда и Москвы расхватавались: люди ждали выборов в Учредительное собрание и открытия Всероссийского еврейского съезда. В город приезжали агитаторы от сионистов, «Агудас-Исроэл», Бунда и «СС». В Слуцк присылали еврейские издания из Петрограда (крупную сионистскую газету «Тогблат»⁴⁹¹), из Минска — бундовские «Векер»⁴⁹² и «Дер Ид»⁴⁹³, из далекого Киева газету «СС» «Ди Найе цайт»⁴⁹⁴.

В октябре свершился большевистский переворот. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Слуцке объявил, что власть перешла в его руки. В то же время сионисты устроили в Большой синагоге пышное торжество по случаю Декларации Бальфура.

В январе 1918-го, прежде чем большевики укрепились, Слуцк под крики его жителей «ура!» был взят немцами; они оставались в Слуцке до декабря того же года. Очень многие противники большевизма радовались оккупации. Эти одиннадцать месяцев прошли спокойно. Правда, немцы вывозили продовольствие и кое-что другое. Так, они вывезли весь металлолом, который правительство Керенского собрало в так называемый День железа. Они сгоняли людей на принудительные работы, но можно было откупиться, выставив кого-то вместо себя, поскольку в городе было много безработных.

⁴⁹⁰ «Мефицей-Гаскала» (иврит) — «Распространители просвещения».

⁴⁹¹ «Тогблат» (идиш) — «Ежедневный листок».

⁴⁹² «Векер» (идиш) — «Будильник».

⁴⁹³ «Дер Ид» (идиш) — «Еврей».

⁴⁹⁴ «Ди Найе цайт» (идиш) — «Новое время».

Прекратился контакт с Америкой, и многие женщины, чьи мужья уехали туда, сильно пострадали от этого. Им пришлось искать заработок. Зато установились связи с Варшавой, Вильной и Берлином. Немцы открыли в лавке Гирша Гецова на Шоссейной улице книжный магазин, и там можно было купить еврейские газеты из Лодзи, Варшавы и Вильны. Оккупанты почти не вмешивались в дела города. При немцах начали строить электростанцию. Каждый день у комендатуры играл военный оркестр. Евреи-военнопленные вернулись домой. Власть разрешила деятельность политических партий.

Примерно в октябре 1918 года прошел слух, что немцы собираются капитулировать. В Германии началась революция. У нас она выразилась прежде всего в том, что в военном бюро солдаты вывесили красный флаг. Вскоре после перемирия немцы приготовились оставить Слуцк.

Кому достанется город, никто не знал. Польским легионерам, большевикам?.. Слуцкая белорусская газета «Родны край» уверяла, что в город войдут польские легионеры.

За одну декабрьскую ночь немцы исчезли. Власть перешла к «управе», члены которой ходили в пожарных касках. Через несколько дней пришли большевики. Они начали с мобилизации в Красную армию, с контрибуций и конфискаций. К своей работе приступила ЧК. Город снова наполнился мешочниками. Хотя в Слуцке было много зерна, муки стало не хватать, когда ее начали вывозить в другие города. Тогда бедный люд принудил раввинов объявить херем тем, кто это делает. Церемония его была проведена в Холодной синагоге. Пришли оба раввина, зажгли черные свечи, внесли стол, на котором обмывали покойников, и прокляли всех тех, кто отважится вывозить продовольствие из города. Херем наделал много шума.

Тем временем началась война между Польшей и Россией. Поляки взяли Вильно и Барановичи, наступали на Минск и Слуцк.

В то время была основана Еврейская коммунистическая партия Белоруссии, она тоже мобилизовала своих членов. Это был единственный раз, когда большевики позволили создать независимую еврейскую коммунистическую партию (а не секцию в общей партии). ЕКП существовала примерно год.

Под Минском тогда погибли член «Поалей-Цион» Бергер (сын учителя иврита), Йоселе Крейнес и Мойше Барон. Мой дядька Алтер Барон был ранен. Шлемка Гранат спас его, протащив несколько верст на плечах.

Хотя свобода торговли была дозволена, открыли кооперативные магазины с привилегиями для рабочих. Вся система образования была перестроена в коммунистическом духе, и ученики могли решать, какие учителя останутся в училище.

Работали два театра: русский и еврейский (на идише). Проходили лекции, митинги и парады. На рынке установили трибуну, с которой выступали агитаторы. Одним из основных деятелей совета был Тивин; он считался его председателем и хозяином города, но сами горожане его не выбирали.

Еврейские партии начали склоняться к коммунизму. Бунд открыл большой клуб имени Бронислава Грасера в кирпичном здании Мардера, где прежде был банк. Партия «Поалей-Цион» открыла свой клуб в здании бывшего Еврейского училища. Тем временем шли бои между большевиками и поляками, и в августе 1919 года поляки взяли Слуцк.

Они вошли в город со стрельбой и шумом. Первые пару дней солдаты понемногу грабили имущество, но вскоре установился порядок. Во время польской оккупации возобновились связи с Америкой — можно было полу-

За одну декабрьскую ночь немцы исчезли. Власть перешла к «управе», члены которой ходили в пожарных касках. Через несколько дней пришли большевики.

чать письма и деньги. В город прибыли два делегата из Нью-Йорка — Нейбург и Цурков, которые сильно поддержали местных жителей. «Джойнт» прислал помощь, возродился ЕКОПО, открылась народная столовая, оказывалась материальная помощь нуждающимся.

Поляки правили железной рукой; они все же провели выборы в городской совет, но поскольку большинство избранных были евреями, он не созывался. Назначили городского голову, но на самом деле всем руководили военная комендатура и полиция. Антисемитизм при этой власти был открытый, хотя до погромов дело не дошло. «Цеирей-Цион», «Ге-Халуц» снова начали действовать, а Бунд имел свой кооператив «Эйникайт»⁴⁹⁵. В школах ввели изучение польского языка и истории Польши.

Большое возбуждение вызвал арест группы коммунистов в сельской местности. Их обвинили в ведении партизанской борьбы. В одно воскресенье, когда в городе было полно крестьян на рынке, по улице в направлении кладбища прогнали одиннадцать партизан, закованных в цепи. Там их расстреляли. Крестьяне переговаривались: «Эти коммунисты — жида, они расстреливали наших, а теперь вот их расстреливают».

Когда весной 1920 года польская армия взяла Киев, власти провели в Слуцке большой военный парад. Но вскоре Красная армия нанесла полякам поражение, и началось массированное наступление большевиков. Побитое польское войско тянулось по слуцкому шоссе несколько недель; солдаты терроризировали население, избивали и грабили людей. В последний день поляки подожгли город, взорвали каменные здания. Огонь был потушен, но сгорело красивое здание нашего коммерческого училища, а также несколько домов.

Первое, что сделали вернувшиеся большевики, — устроили празднество в городском саду в честь его освобождения. Держались речи от лица «политических арестантов», от «Поалей-Цион», от коммунистов. Затем ЧК возобновила свою деятельность: расстреляла более двадцати человек. Каждый день по городу проходили массы солдат и спрашивали: «Далеко ли еще до Варшавы?»

На этот раз, однако, большевики остались в городе лишь на короткое время. Красная армия потерпела серьезное поражение у Варшавы, а затем — у Брест-Литовска, и началось всеобщее отступление. Тем временем власти выкопали тела расстрелянных партизан и с большой пышностью похоронили их в братской могиле. В Клубе имени Крейнса проводились открытые заседания военного трибунала по делам дезертиров и контрреволюционеров. Их приговаривали к смертной казни.

Отряды отступавшей Красной армии прибывали организованно, в полном порядке. Сотни тысяч солдат тянулись по шоссе. Совет вывесил плакаты с предупреждением полякам, что за каждого коммуниста или рабочего большевики расстреляют польских буржуев. Нескольких евреев арестовали как заложников и вывезли из города. Среди них были Исроэл Барон, аптекарь Чипчин и другие.

После боев, которые шли в городе несколько дней, поляки взяли Слуцк. Это было в сентябре 1920 года. В те дни погибли несколько горожан, были сожжены «Театр Соловейчика» и дом Розовского, где заседал совет общины. На этот раз поляки вели себя очень тихо.

Поляки правили железной рукой; они все же провели выборы в городской совет, но поскольку большинство избранных были евреями, он не созывался.

---

⁴⁹⁵ «Эйникайт» (идиш) — «Единство».

Вскоре значительная часть жителей города, опасавшихся, что Слуцк снова перейдет в руки большевиков, покинули город. Некоторые из них перебрались в Польшу — в Слоним, Несвиж, Барановичи, Клецк. Часть уехали в Страну Израиля и в Америку. Когда я посетил Слуцк в 1936 году, он совершенно не был похож на тот, каким был в 1917-м или даже в 1920-м. Из всех синагог осталась одна, Синагога кузнецов. Еще существовало Еврейское народное училище с обучением на идише, но признаки духовного упадка были заметны повсюду. Правда, в городе оставалось немало евреев — до того, как пришли нацисты и стерли слущкую общину с лица земли.

КРУПИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

М. Стругач

50 лет — полстолетия! Когда столько лет оторван от города, пусть даже родного, когда провел там лишь детские годы и к тому же в основном жил за городом, то, естественно, многое забывается, стирается из памяти. Имена людей и названия улиц исчезают, а то немногое, что остается, тоже туманно, как бы висит в воздухе, покрыто густой завесой-вуалью.

Только считанные мелочи остаются в памяти, их-то я и попробую освежить. Может быть, они помогут получить общее представление о когда-то существовавшем, а ныне разрушенном еврейском Слуцке.

* * *

Я — случчанин, родился на Выгоде, в доме моего деда Шаи Житковичера. Вспоминается, что напротив раскинулось вольное поле, на котором позже построили деревянную городскую тюрьму для мелких правонарушителей.

Смотритель тюрьмы был заядлым врагом евреев, но относительно терпимо относился к моему деду, своему соседу. У этого смотрителя были два сына-гимназиста, рослые балбесы с честными лицами, но почти такие же злые и коварные, как их отец. Как-то дед решил попросить их научить меня русскому языку. Мы поднялись к ним, и эти двое завели нас в одну из пустых арестантских камер. Во время разговора они сидели на скамье. Только один предмет «мебели» находился в камере, кроме скамьи: параша. Беседа затянулась, и деду было тяжело стоять, но никто не предложил ему сесть. Тогда он сам уселся на стульчак.

Этот случай произвел на меня такое отталкивающее впечатление, что, выйдя, я сказал деду: «Ни при каких обстоятельствах не пойду учиться к этим антисемитам».

* * *

Хедер я начал посещать в возрасте пяти лет. Моим первым меламедом был Ѓиршл-Берл — худой, щуплый человек, который исполнял и обязанности шамеса в Выгодской синагоге. Кое-что о хедере осталось у меня в памяти: домик был построен без фундамента, и входная дверь царапала землю.

Соседний с хедером дом принадлежал родителям И.-Д. Берковича — он был значительно выше и просторнее домика ребе.

Второй хедер, где я учился, тоже был на Выгоде, ближе к кладбищу. Однажды ранним осенним утром кто-то прибежал и сказал ребе, что начальство ездит по домам, чтобы взыскать налоги. Ребе, собственно, нечего было бояться, потому что и хедер арендовался, и дом ему не принадлежал. Но так или иначе он как меламед должен был иметь свидетельство, за которое надо было заплатить три рубля, а его-то у ребе и не было. Он велел нам разбежаться по домам, и мы рассыпались по всей Выгоде.

Я и еще один мальчик побежали к речке Яцевке, которая находилась далеко за синагогой, и, голодные, просидели там весь день. Когда начало смеркаться, мы решили вернуться домой. Однако, не чувствуя себя в полной безопасности, мы крались за синагогой и выглядывали из-за ее угла: можно ли перебежать улицу и пойти домой так, чтобы не встретиться с представителем властей?

Когда я зашел в дом, то обнаружил, что мама сильно взволнована. Она уже не знала, куда идти меня искать, и отпускала в адрес ребе всевозможные проклятия...

* * *

Однажды было решено построить новый мост через реку на Заречной улице. Вбили две сваи для моста и положили на них доски, так что получились два узких прохода. Мы с мамой как-то пошли по одному из них и вдруг увидели, что с Заречной улицы в направлении рынка бегут солдаты с искаженными яростью лицами. Мы и другие переходившие реку были у них на пути, но они пробежали мимо, не тронув нас.

Позже оказалось, что их послали к рынку, чтобы устроить там погром. Они затеяли драку и избili нескольких евреев, которые не успели убежать и спрятаться. Чудо было в том, что они не зацепили никого на мосту. Пробегая мимо нас, они могли скинуть с узких досок в реку десяток людей. Но, похоже, им было велено начать погром именно на рынке, а мост был перед ним...

* * *

Мой третий хедер находился напротив Заречной синагоги. Меламеда звали Иче Нотес, по имени его тестя Ноте Тамбака, он был также дядей известного педагога и ивритского писателя Йегуды Грозовского. Этот меламед отличался от всех других, которых я знал: он был интеллигентным человеком, читал ивритские газеты и книги. Не помню, как с остальными, но со мной он изучал грамматику и не только не мешал мне приносить в хедер книжечки для чтения, но и сам объяснял мне трудные слова, которые я не понимал. Его жена Тегила прославилась впоследствии в Тель-Авиве благотворительной деятельностью.

* * *

С каждым периодом времени связывается свое воспоминание. В то время в Слуцке не было ни одной легальной библиотеки. Только одна нелегальная была в пристройке к Хапашкинской синагоге. Эта библиотека, кажется, работала два или три раза в неделю по вечерам. Мне тогда было восемь лет,

Выходя из хедера зимой, в шесть часов вечера, я шел к библиотеке. Она, как и вся пристройка, стояла закрытая, только сени были открыты. Я ждал там в темноте и холоде, пока кто-то не приходил и не открывал библиотеку.

и я увлекся чтением сборника И. Левнера «Кол агодойс Исроэл»⁴⁹⁶ в тридцати шести книжечках, которые брал в библиотеке.

Выходя из хедера зимой, в шесть часов вечера, я шел к библиотеке. Она, как и вся пристройка, стояла закрытая, только сени были открыты. Я ждал там в темноте и холоде, пока кто-то не приходил и не открывал библиотеку. А когда ее открывали, приходили молодые ребята и девушки, чтобы взять книжки или просто встретиться и провести время. Естественно, библиотекарям приятно было провести время в компании девушек, а на маленького мальчика, который тихонько стоял в стороне, никто и не смотрел. Только когда уже надо было закрывать библиотеку, замечали, что мальчик стоит и ждет книгу, и ему выдавали запрошенное.

Домой я возвращался поздно. Я шагал с книжкой по темным улицам, подтянув вверх полы моего пальтеца. Сердце мое дрожало от страха. Я боялся собачьего лая и пьяных неевреев, которые часто попадались мне на пути.

* * *

В лесу, окружавшем поместье «Горки», было уныло. Кроме нас, там был только один дачник, больной чахоткой, и моя мама избегала садиться рядом с ним. Мы обычно выходили на свежий воздух и сидели в сторонке. Но однажды к нам присоседился незваный гость — Исер-безумец... Исер был буйнопомешанным, из тех, с кем опасно встречаться один на один. Сам он был случчанином, один из его братьев жил как раз на Шоссейной улице, напротив мельницы Хаима-Михла. Братья отвезли его в «Горки», и он стал местным обитателем; его длинные, нестриженные волосы и длинная лохматая борода развевались при ходьбе, на спине висела торба, которую он, по-моему, никогда с себя не снимал. Лишь время от времени он вдруг вспоминал о своих братьях, направлялся в Слуцк и устраивал там шум, пока они не возвращали его назад.

И вот сию я с мамой в лесу — и идет Исер. Он не проходит мимо, а приближается и садится рядом с нами. У нас кровь в жилах застыла от ужаса. Что делать? Подняться и пойти? Но это может быть еще опаснее! Поэтому мы сидим, полумертвые от страха, и ждем, пока он сам не встанет и не уйдет. Но прежде мне пришлось пообещать, что утром я заштопаю его торбу (шить я умел, потому что всегда любил смотреть, как шьет мама). Наутро, вскоре после рассвета, он действительно пришел. И до сих пор стоит у меня перед глазами картина, как я сию на завалинке, а Исер — рядом со мной, и я зашиваю ему торбу. Мама сидела поблизости и глаз с нас не спускала.

* * *

У мамы был родственник в Старобине, который славился как большой «шептун» — знахарь. Его образ стоит у меня перед глазами до сих пор: высокий старец с сивой бородой, пронизывающим взглядом и лбом мудреца Торы.

⁴⁹⁶ Исроэл-Биньомин Левнер (1862–1916) — педагог и писатель, издатель детских журналов на иврите и русском языке. Писал сказки, переводил на иврит произведения Ф. Купера, В. Гюго и др. Пятитомник его пересказов агадических повествований из Талмуда был переведен на многие языки и неоднократно переиздавался. С 1906 г. был казенным раввином в Луганске. В 1907 г. выпустил апологетические брошюры на русском языке «Протест» и «Правдивое слово о евреях и их учении». «Кол агодойс Исроэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Все легенды Израиля».

Когда он приезжал в город за покупками, его приходилось подстергать, буквально охотиться за ним. В городе он бывал «на десяти ярмарках сразу»: в гостинице перекусывал, укладывал покупки и бежал дальше.

Я тогда болел, и мама надеялась на то, что он меня вылечит. Чтобы наверняка его перехватить, мы отправились в гостиницу к шести утра. Знахарь только-только встал. Он выслушал маму и послал ее раздобыть новый ножик, только из лавки, которым еще никто не пользовался, и свежее яблоко. Ладно, ножик так ножик. Мама разбудила лавочницу, и та продала ей нож. Но где было взять яблоко, если они еще не появились в продаже? И все же поиски увенчались успехом, и, заплатив пятьдесят копеек, мама добыла яблоко и побежала в гостиницу.

Родственник взял нож и осторожно вырезал на нем по окружности все буквы алфавита. Затем протянул мне яблоко и велел откусывать букву за буквой, начиная с последней («тав») и кончая первой («алеф»).

Я послушался его указания. И хотите верьте, хотите нет — за короткое время поправился...

* * *

Меламед Нохе жил и учил детей на Островской улице, но если он зарабатывал тридцать рублей за сезон, это уже считалось удачей. Обычно доход его не превышал двадцати рублей (по три рубля за ребенка), потому что он никогда не брал много учеников.

Кто же хотел знаться с таким бедняком? Но те, кто был с ним знаком, знали, что это простой и прямой человек, тихий и честный. Он глубоко верил в Бога и каждый день искал возможность исполнить столько из шестисот тринадцати заповедей, сколько вообще может обычный человек.

Возможно, из-за этого усердия один день в неделю он оказывался беспощадным по отношению к своим собственным детям, и этим днем была суббота. У меламеда были две взрослые дочери, которые всю неделю работали в мастерской портнихами; суббота была единственным днем, когда они могли приодеться, выглядеть более-менее пристойно и, может быть, найти себе парней. Но как можно было выглядеть пристойно, если в субботу запрещено расчесываться?.. Весь этот день девушки, которые хоть раз в неделю хотели выглядеть по-человечески, вынуждены были ходить с нерасчесанными волосами. Это заставляло их ужасно страдать, но им не хватало дерзости пойти против железной воли отца.

* * *

Еще один тип, заслуживающий упоминания, — Элиотке-вор. Он-то выглядел по-людски, был опрятным, носил бородку. Мы с мамой его не знали, но мама рассказывала мне о нем со слов бабушки.

Это было зимней ночью. Зима тогда была ужасной, с сильными морозами и вьюгами. Лежит моя бабушка в постели и слышит, как кто-то скребется в хлеву, а корова — единственное, что было у бабушки, — дергается и ревет. Хозяйке подумалось, что в хлев забрался волк, ведь домик стоял на краю города, вот волк и забрел на запах домашней живности. Бабушка, долго не думая, не стала никого будить, обулась, накинула старую одежду, схватила палку и побежала в хлев — гнать волка и спасти скотину.

Скотины в хлеву она уже не нашла и волка тоже не увидела. Тогда бабушка пустилась в чистое поле, надеясь напасть на след. Корова для бедняка — это сама жизнь!

Кто знает, что могло случиться с моей бабушкой в ту ночь... Счастье, что она вовремя одумалась: а ну как волк выпустит скотину и схватит ее саму? И она вернулась назад. Понятно, что остаток ночи она уже не могла спать, и как только забрезжила заря, они с дедушкой пошли в хлев. Никаких следов они нигде не обнаружили — снег уже все замел. Бабушке пришла в голову мысль, что это был вовсе не волк, поскольку в хлеву не было никаких следов крови. Что же тогда? Может, это дело рук Элиотке-вора? Она оделась и пошла к нему.

— Что это значит, реб Элиотке? — сказала она. — Уже нет больших богачей, к которым можно забраться, и вы ограбили меня?

Сперва Элиотке прикинулся дурачком, от всего отпирался:

— Кто, я? Не понимаю, о чем речь...

Но когда бабушка на него хорошенько насела, он сказал:

— Ну, Дина-малая, если дашь десятку, то получишь свою скотину назад. Другой бы не вернул и за двадцать пять рубликов... Такую скотину не купишь и за пятьдесят! Но ты честная женщина, я тебя знаю, тебе верну за десятку. Разве мое беспокойство в такую ночь того не стоит?

В общем, они торговались и торговались, пока она не выторговала возврат за пять рублей, и воришка завел животину назад в хлев⁴⁹⁷.

Пару слов о моей маме. Она происходила из бедного дома, но род ее — Рахмилевичи — был знатным. В девичестве ее звали Лея Рахмилевич. Она была совершенно безобидным человеком, который никогда не думал о себе и всегда готов был отдать последний грош беднякам.

Ее единственный брат Иче был зятем реб Зхарьи-дерюжника. Иче был сведущ в Танахе. В двадцать с чем-то лет он уже публиковался в «Га-Мелиц». Моя мама вела его хозяйство, а он обучал ее чтению и письму, знакомил с высокими материями. И действительно, мама стала самой интеллигентной в своей семье. Когда я был еще мал, она научила меня читать на идише, а также некоторым светским предметам.

Она умерла в Нью-Йорке в месяце сиван в 1951 году.

* * *

Профессия адвоката, которая, собственно, означала умение писать прошения, была в Слуцке довольно популярной. Фамилии нескольких я помню: Ратнер, Перкаль, Реп, Чипчин, Бакаляр и Салоп (этот, правда, был больше картежником, чем составителем прошений).

* * *

Редко кто в Слуцке имел только имя и фамилию. Большею частью люди были известны по прозвищам. Так, я припоминаю следующих:

Юдл-зайденер (шелковый) служил в управе и жил на Выгоде.

Шимен-трейфер (трефной, нечистый) был помощником шамеса в пристройке к Заречной синагоге.

⁴⁹⁷ Старые случчане в Израиле рассказывали, что Элиотке в пожилом возрасте раскаялся и покончил с прежним образом жизни. — Прим. автора.

Вход на Сельскохозяйственную выставку на Выгодской улице, 1908

Йоше-гон (гаон) был портным.

Гершл-цицке — извозчик, жил в районе Остров.

Были также в Слуцке люди с фамилиями древнееврейского происхождения: Элиашев (Эльяшив), Мигдал, Элия, Ялкуп, Габай, Хейфец, Шур, Эфрос, Эфрон, Ярхе (Йериха), Мас, Брехес, Менакер.

УЛОЧКА НИШКЕ-КВАСНИКА

П. Шапиро-Механик

В Слуцке было множество улиц и улочек, застроенных деревянными домами и домишками. На главных улицах стояли и каменные дома, одно- и двухэтажные. Ребенком я расхаживала по длинным улицам: Заречной, Хапашкинской, Шоссейной, Копыльской, Островской. Они были шумные, длинные, как еврейское изгнание, и, надо сказать, аккуратно вымощенные камнем. Шум всегда исходил от телег и разных повозок. Кипела жизнь, приезжали из соседних деревень крестьяне на торг со слуцкими евреями. Наша же улочка была короткой и узкой. По-русски она называлась Соборный переулочек, а у нас, евреев, — улочка Нишке-квасника.

Нишке-квасник — иначе его звали Нисн Ратнер — когда-то держал шинок. Это был просвещенный еврей, сионист. Детей он воспитал в духе любви к Земле Израиля и ивritу. После его смерти трактир содержали его сыновья, известные сионисты Мойше и Айзик, и их сестра Гёня, которая тоже изучила древнееврейский язык.

Шум всегда исходил от телег и разных повозок. Кипела жизнь, приезжали из соседних деревень крестьяне на торг со слуцкими евреями.

С одной стороны улочки находился холм с высокими деревьями, за которыми стояла большая Соборная церковь. Мама рассказывала, что когда-то на этом месте была церковь, ушедшая в землю, а затем неевреи выстроили там теперешний собор. Вообще же церковь нагоняла страх на евреев тем, что там всегда звонили в большие колокола. Толпы неевреев всегда тянулись туда, а потом люди напивались, и это заставляло дрожать от страха обитателей улочки. Наш дом был недалеко от длинного моста.

Я вспоминаю евреев, наших соседей по улочке: реб Лейб-цадик; Гринвальд-книготорговец, владелец частной библиотеки; Подлипский; Мордхе-молчун; Файвл, сын Зельды, солдат; Нехама, хозяйка скобяной лавки; Шолом-меламед; Лейб Карасик; Мойше-Арн, торговец яйцами; Зелик Клоц, шапочник; Нохем-Дан Барон, глава йешивы; Сора Кушес. Дом Нишке-квасника был единственным двухэтажным зданием, и благодаря этому наша улочка удостоилась имени Нишке, а не звалась Соборным переулком. Мой отец Тувья Механик (он же — Тевье-столяр) давал работу шестерым рабочим. Он поставлял мебель, скамьи и стулья для школ и правительственных учреждений в Слуцке. Его отношения с рабочими были отеческими, он имел привычку давать щедрые пожертвования, а также выделял беспроцентные ссуды нуждавшимся. И никогда не было такого, чтобы свои долги он выплачивал с опозданием.

Моя мама Хана-Хая была женщиной справедливой и богобоязненной. Вместе с Шейной Габай она собирала деньги на свиток Торы для йешивы.

Наш дом был большой, во дворе отец посадил деревья. Он выращивал кур и индюков, в хлеву стояли корова с телятком. У нас во дворе был даже пруд с рыбой. Короче говоря, мой отец был хорошим хозяином. Летом мы сдавали напрокат лодки для прогулок по реке.

Отец верил, что настоящее избавление наступит, когда придет Мошиах, и поэтому грустил о Земле Израиля. Когда его сестра в поселении Ка-

Справа налево:
Фейгл (дочь), Тувья
Механик, Песя, Хана-
Хая (мать), Малка
и Двося (дочери)

Йосеф Механик
(умер в 1931 г.
в Нью-Йорке)

стина⁴⁹⁸ терпела нужду, он посылал ей по десять рублей в месяц. Мама была за Эрец-Исраэль всем сердцем и душой. Коробка с пожертвованиями на «Керен кайемент ле-Исраэль» была у нее в таком же почете, как коробка раби Меера-чудотворца и все остальные для сбора денег на разные цели. С волнением сердца она клала деньги во все коробки. Она с пониманием отнеслась к тому, что мы вступили в «Цеирей-Цион», сказав: «Вы еще будете достойны жизни на Земле Израиля и сможете отстроить нашу святую страну».

Благословение мамы сбылось. Мы удостоились чести принять участие в строительстве Израиля.

ЗАНЯТИЯ И ПРОФЕССИИ ЖИТЕЛЕЙ СЛУЦКА

Н. Хинич

Окрестности Слуцка славились густыми лесами, огородами и прекрасными фруктовыми садами. Плодородные земли давали богатые урожаи. Поэтому не удивительно, что многие местные евреи торговали лесом, зерном, льном, свиной щетиной и кожами — напрямую или в качестве посредников. На окраинах города было разбито множество огородов, и евреи усердно за ними ухаживали. Выгодская улица была известна своими огородами. Огурцы с Выгодской улицы славились по всей округе. «Слуцкие огурчики» считались истинным деликатесом. Евреи арендовали землю у здешнего помещика и разбивали на ней грядки.

На Выгодской улице располагались шинки, склады братьев Выгодских, торговавших зерном, и амбары Мотэ-Эли. Слуцк славился яблоками разных сортов и другими фруктами. Местные груши сорта бере были вкусными

На окраинах города было разбито множество огородов, и евреи усердно за ними ухаживали. Выгодская улица была известна своими огородами.

⁴⁹⁸ Кастина — первоначальное название мошава Беэр-Товия на юге Израиля. — *Прим. пер.*

и сочными, ими торговали по всей России. Целые семьи арендовали фруктовые сады и ухаживали за ними, не жалея сил и времени. В этих садах, служивших им источником доходов, они и жили месяцами, до окончания сбора урожая. Хлеб и фрукты являлись основной пищей горожан, и старых, и молодых. Грушу резали на несколько частей и давали с хлебом маленьким детям, подслащая его.

Живя на природе, на свежем воздухе, евреи охраняли свое имущество. Дела устраивали так, чтобы сад приносил доход в течение всего года.

Большой рынок, раскинувшийся по обе стороны улицы, был хорошо известен всем. По воскресеньям и во время ярмарок сюда стекались крестьяне со всей округи. Лишь с огромным трудом удавалось протиснуться между телегами. Шум и гам, царившие на рынке, не поддаются описанию. Крестьяне приезжали со своим товаром, а евреи кричали и торговались. Рукопожатие или похлопывание по спине служило доказательством того, что сделка состоялась. Время от времени раздавались брань и жаркие споры, означавшие, что сделка расторгнута. Крестьяне торговали курами, яйцами, снопами льна, свиной щетиной и льняным семенем. Они привозили на продажу кадушки масла, всевозможные сыры, а также коров, телят, свиней и лошадей.

Евреи отличались несомненными деловыми способностями. После заключения сделок следовал традиционный магарыч: из кармана извлекалась большая бутылка водки, и, пропустив по стаканчику и закусив соленым огурцом, обе стороны расставались, довольные друг другом. После этого крестьяне расходились по лавкам, чтобы на вырученные деньги купить себе все необходимое.

Масло и разнообразные сыры скупали оптовые торговцы, посылавшие их в большие города. Множество евреев ездили по окрестным деревням и скупали сельскохозяйственную продукцию. Иногда они платили наличными, чаще — разными товарами.

Всевозможные лавки и магазины находились на Шоссейной улице, пересекавшей рынок. Некоторые здания были деревянными, другие — каменными. Были здесь и маленькие скромные лавочки, и большие магазины с выставленными в витринах обувью и готовым платьем.

Рядом со знаменитыми магазинами Гецова, Мендла Канторовича и Деречина располагались лавки, торговавшие мануфактурой, рабочими инструментами, скобяным товаром и кожами. Большой популярностью пользовались торговые заведения, где продавали соленую рыбу, керосин, бензин, стеклянную и глиняную посуду и другую домашнюю утварь.

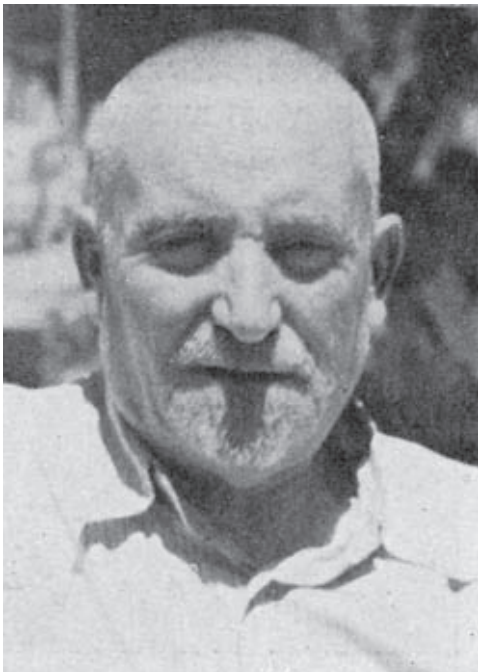
В аптеках Чипчина на Хапашкинской улице и Панчиковского на Шоссейной стоял пьянящий возбуждающий запах лекарств, и каждый входящий испытывал своего рода трепет, как будто именно здесь решалась судьба больного: суждено ему жить или, не дай Бог, умереть? Помимо аптек, лекарства (а также специи и благовония) можно было купить в магазинах Бронштейна, Виткина, Шайковича и Кармина.

Большой популярностью пользовались также магазины Зеэва Грейсуха и Малки-Элы. Они торговали плодами, бывшими в Слуцке в диковину. Цены, естественно, были запредельными. Здесь можно было купить виноград, фрукты для особого благословения над ними во второй день Рош-га-шоне, среди которых были пахучие апельсины с пожелтевшей кожурой и сморщенные от старости лимоны. Богатые евреи покупали эти плоды прежде всего для больных.

Шум и гам, царившие на рынке, не поддаются описанию. Крестьяне приезжали со своим товаром, а евреи кричали и торговались. Рукопожатие или похлопывание по спине служило доказательством того, что сделка состоялась.

Зеев Грейсух,
убежденный сионист.
Приехал в Страну
Израиля в 1929 г.,
скончался в Тель-
Авиве в возрасте
восемьдесят лет

Большинство торговых предприятий принадлежало евреям, за исключением большого магазина, владельцем которого был христианин по фамилии Мохов.

В городе были две водяные мельницы, пришедшие в упадок с появлением паровых мельниц Файнберга, Гутцайта и Найкруга-Мышалова, находившихся в трехэтажных зданиях. Рядом с мельницей Гутцайта работала лесопилка. Эти предприятия кормили еврейских посредников и торговцев мукой.

Некоторые слуцкие жители зарабатывали тем, что давали деньги в рост. Одни из них были только посредниками, к которым относились с огромным доверием. Другие ссужали деньги помещикам, владевшим обширными землями. Имена Бера Эфроса, Лейба Баславского и Йосефа Чернихова служили гарантией в сделках.

Помимо них в городе были многочисленные посредники и агенты, люди без твердой опоры, с трудом зарабатывавшие скудную копейку всевозможными гешефтами. Они носили поношенную одежду и были чудовищно бедны. Один из них, Зуша-меклер (брокер), был страшно беден, к тому же должен был содержать большую семью. Это был абсолютно порядочный человек. Впоследствии он уехал в Америку к детям, которые обеспечили ему достойную жизнь. Тем не менее он все время тосковал по прежней нищей жизни в Слуцке, поскольку тогда он был при деле.

Слуцк был известен кондитерскими. Владельцем одной из них был некто Соломяк. Славившиеся своими тортами и пирожными кондитерские манили: придите и насладитесь вкусом райского сада, отведайте наше вкуснейшее мороженое, возбуждающее аппетит и приковывающее взгляд!

Учащаяся молодежь любила проводить время в турецкой кондитерской на Заречной улице. Хотя это было совсем не первоклассное заведение, там подавали хорошие вкусные пирожные. Большинство посетителей были простые люди и учащиеся. Заведение в первую очередь являлось лавкой с пекарней в задних комнатах. Его владельцами были два турка, поселив-

Фейгл Шперлинг
(Фейгл-пирожница)

Юдл Шперлинг,
муж Фейги

шихся в Слуцке со своими семьями. Один из них ходил по улицам города в турецком платье, неся на голове корзину, полную разного мороженого. «Товар марож!» — кричал он во весь голос, и женщины, дети и просто прохожие окружали его со всех сторон и не отпускали, пока товар не распродался.

Весь Слуцк знал Фейгу-пирожницу. Ее домашние сладости — кусочки теста, запеченные в меду, своего рода сладкое печенье, которое она резала на кусочки маленьким ножиком, — буквально рвали у нее из рук. Ее «слуцкие печенья» — это было нечто особенное, и никому не удавалось их воспроизвести. Дома у Фейги работала настоящая маленькая фабрика, и она никогда не сидела сложа руки, поскольку получала сотни заказов, даже из России.

Слуцк славился также кожами, которыми кожевники снабжали сапожников в городе и за его пределами. Кроме того, кожа использовалась для изготовления предметов культа, которые делали на Подвальной и Синагогальной (Школьной) улицах.

В Слуцке было множество ремесленников самых разных профессий. Переписчики святых текстов писали свитки Торы и отрывки из нее для мезуз и тфилин. Их изделия шли на экспорт, преимущественно в Америку, а также продавались по всей России. В числе наиболее известных переписчиков были реб Гилел Нозик, знаток Торы, который вел уроки в синагоге «Карноим», зять шамеса реб Шмуэла; Бен-Цион Шпилькин, зять реб Рефозла-Йосефа; Хаим-Лейб, устраивавший юношам «дни» — постоянные дни, когда студенты йешив питались у кого-то из местных жителей.

Из рогов животных изготавливали гребни и шофары; этим делом нередко занимались целые семьи. Слуцкие гребни славилась качеством. Это производство кормило множество людей. По инициативе производителей гребней была построена синагога «Карноим», или Роговая.

Один из них, Зелик-гребнедел, отличался щедростью по отношению к бедным. В свободное время он обходил город с мешком, собирая для

Слуцк славился также кожами, которыми кожевники снабжали сапожников в городе и за его пределами.

нуждающихся хлеб и халы. Даже отец главы йешивы реб Берл Гребенщик занимался производством гребней, о чем среди прочего свидетельствует его прозвище, ставшее фамилией.

Шапочники делали шапки и шляпы разных размеров, как летние, так и зимние. Они работали на дому, а их лавки находились на рынке, на Шоссейной и Заречной улицах. У них была даже своя синагога, известная как «Киржнерше шул»⁴⁹⁹. По большей части они зарабатывали на хлеб, продавая шапки окрестным крестьянам, любившим пощеголять головными уборам.

Водоносы ходили по улицам с коромыслами с двумя ведрами и время от времени снижали цену из-за сильной конкуренции. Были еще водовозы, доставлявшие качественную воду в бочке, стоявшей на телеге, запряженной лошадью. Они считались обеспеченными людьми. У каждого водовоза был свой участок. Люди с нетерпением ждали свежую воду. Цена была разной, в зависимости от того, куда ее доставляли — на угол дома или прямо в квартиру. Водовоз вынимал пробку, и вода лилась из бочки в подставленные ведра. Дети любили смотреть на этот процесс.

Золотари появлялись по ночам и работали за постоянную плату. Они заходили во дворы и дома с особыми тележками, на которых стояли ведра. Горожане зажимали носы и сразу же закрывали все окна, поскольку специфический запах чувствовался издали. Владельцы тележек говорили: «Вы только поглядите, какие аристократы и вельможи эти евреи святой общины Слуцка!» Население, впрочем, не оставалось в долгу и называло золотарей «главами святой общины» своего города.

Одна из улиц была заполнена грохотом осей, скрипом телег и стуком сцепок. Усталые, истекавшие потом мужчины изготовляли колеса и чинили телеги. Работа этих ремесленников была жизненно необходима и городу,

Родители Арье Шапиро, слуцкий купец Мойше-Арн с супругой и их внучка

⁴⁹⁹ «Киржнерше шул» (идиш) — «Синагога шапочников».

и окрестностям. О роде их занятий красноречиво свидетельствовало название улицы: Колесницкая. Некоторые шутили, что «Песнь офаним»⁵⁰⁰ — рабочая песня здешних ремесленников, тяжким трудом зарабатывающих свой хлеб. Их мастерские находились на узкой бедной улице с маленькими деревянными домишками, крытыми камышом. По обе стороны ее валялись бесчисленные колеса и части телег, ждавших ремонта в этом мире вечно вращающегося колеса фортуны.

У кузнецов тоже была своя улица, Кузнечная (*Шмидише гас*). Это был узкий переулок с маленькими покосившимися домишками, где, впрочем, стояли и несколько новых зданий. По обе стороны его горели горны, взмывали и опускались кузнечные молоты. Искры пламени, стружки раскаленного металла, а посреди всего этого — потомственные кузнецы с худыми бледными лицами. Среди них встречались мужественные люди с чубом на макушке и мятежным огнем в сердцах. Они подковывали упрямых коней, не желавших носить железные подковы. Куда ни бросишь взгляд, по всей улице валялись куски железа. Женщины и дети терпеливо дожидались, пока их вещи будут починены. Посреди улицы у кузнецов была своя синагога, маленькая и чистая, известная как Синагога кузнецов, с собственными порядками и обычаями. Залмен Зитин открыл в этой синагоге свою маленькую йешиву, в которой ученики постоянно слышали «топот копыт скакунов и грохот колесниц»⁵⁰¹. На этой улице не только голос был голосом Яакова, но и руки — руками Яакова⁵⁰².

Были в Слуцке торговцы скотом и мясники. Мясные лавки располагались рядом с Холодной синагогой. Недалеко от них находилась Синагога мясников (*Кацевише шул*). Мясники исполняли сказанное в молитве: «Все сыны человеческие»⁵⁰³ воззовут к Имени Твоему». О них говорили, что они «зарезали праведность», а раз так, какой смысл на них жаловаться? Ското-торговцы торговали по всей России.

Сапожники и плотники с трудом сводили концы с концами. Многие из них уехали в Америку и другие страны. Страшная бедность, царившая в городе, не позволяла жителям часто приобретать новую обувь. Лучше всего шли сапоги — из-за грязи, в которой утопал Слуцк.

По городу ездили в двухколесных пролетках, в которые впрягались слуцкие рикши. Между оглоблей натягивали веревку, за которую держался возчик, за несколько копеек перевозивший пассажиров или грузы. Встречались персонажи вроде грузчика Тувьи, персонажа Иццока-Лейбуша Переца⁵⁰⁴, постоянно высматривавшие, «откуда придет спасение»⁵⁰⁵, чьи чресла были препоясаны простой веревкой. Они всегда были готовы взвалить на плечи и доставить груз по нужному адресу — лишь бы кто-нибудь подрядил.

У возчиков была почетная обязанность: привозить в Слуцк от железной дороги всевозможные товары из Бобруйска и Старых Дорог, а позже также из Уречья. Возчики из окрестных селений работали на маршрутах, ведущих

⁵⁰⁰ Часть утреннего богослужения. *Офаним* (иврит) — одна из групп ангелов; ее название происходит от слова «колесо».

⁵⁰¹ См. «Ирмеягу», 47:3.

⁵⁰² Обыгрывается известный библейский стих: «...Голос — голос Яакова, а руки — руки Эйсав» («Берешит», 27:22).

⁵⁰³ Непереводимая игра слов. «Сыны человеческие» на иврите — *бней-басар* — букв. «сыны плоти (мяса)», т. е. так можно в шутку называть мясников. — *Прим. пер.*

⁵⁰⁴ Иццок-Лейбуш Перец (1852–1915) — один из основоположников новой литературы на идише. Писал также на иврите. — *Прим. пер.*

⁵⁰⁵ См. «Тегилим», 121:1.

Иче Кацнельсон,
плотник (отец Боруха
Кацнельсона)

в их родные местечки: Копыль, Старобин, Грозово и Глуск. Их называли по месту жительства: слуцкие возчики, глусские, уречские, старобинские, любанские...

Летом ездили на телегах, зимой — на санях. Некоторые перевозили только грузы, другие брали пассажиров в окрестных местечках и на железнодорожных станциях. Когда в город провели железную дорогу, доходы возчиков резко упали, и они вынуждены были освоить новые маршруты. Одни сумели приспособиться и стали возить грузы с железнодорожной станции на короткие расстояния, другие продали свои телеги, купили пролетки и стали развозить пассажиров.

Несмотря на все удобства поезда, между Старыми Дорогами и Слуцком еще курсировали двухэтажные автобусы.

В Слуцке часто случались пожары, опустошавшие город и оставлявшие многих жителей без средств к существованию. По большей части виновниками пожара оказывались домохозяева, ремесленники, подрядчики или владельцы лесных складов, нанимавшие неизвестных, устраивавших поджоги, чтобы избавиться от товара, который иначе лежал неподвижно, как камень, и получить за него страховку. Их вина зачастую считалась столь очевидной, что по распоряжению раввинов виновных могли предать отлучению от общины. Однажды я присутствовал в синагоге во время провозглашения такого отлучения: зажгли черные свечи, внесли обитый черным гроб, и шамес реб Шахне от имени раввинов зачитал текст херема. Общая уверенность в том, что организаторы поджогов рано или поздно будут наказаны, усиливалась всякий раз, когда с подозреваемым случалось какое-нибудь несчастье. К примеру, когда владелец сгоревшего лесного склада Янкель Минес случайно вскрыл себе вену, когда резал ножом субботние халы, и умер от потери крови, все увидели в этом перст Божий.

Почти все городские здания были деревянными, и, если вспыхивал пожар, он стремительно перекидывался от дома к дому, уничтожая целые

Несмотря на все удобства поезда, между Старыми Дорогами и Слуцком еще курсировали двухэтажные автобусы.

кварталы. Пожарные были бессильны, поскольку их оборудование было весьма примитивным. С появлением целых кварталов, построенных из камня, опасность значительно уменьшилась. Тем не менее время от времени пожары все равно случались.

Лечением больных занимались четыре еврейских врача. Самыми известными из них были доктор Шильдкраут и доктор Файнберг. Были в Слуцке и врачи-христиане, занимавшиеся частной практикой и служившие в казенных больницах, например, доктор Вечер и доктор Янушкевич. Доктор Шильдкраут и несколько фельдшеров лечили больных в приюте для бедных.

Самыми известными резниками Слуцка были Неха-шойхет («резник»), Арье-шойхет и Алтер Маѓаршак. Белобородый Неха отличался добротой и был вежливым и приятным в общении человеком. Он говорил:

– Большинство слуцких мальчиков прошли через мои руки — именно я ввел их в союз Бога с праотцем Авраѓамом⁵⁰⁶.

Арье был богобоязненным евреем и опытным специалистом. Алтер Маѓаршак был предан сионистской идее всеми фибрами своей души. В его доме проходили собрания знатоков Торы и сионистов. Он был также страстным любителем иврита, время от времени публиковал статьи в газетах на иврите и даже написал несколько книг на святом языке.

По ночам городские улицы обходили сторожа, которые должны были отпугивать воров. Они были «вооружены» деревянными трещотками вроде тех, которыми гремят дети, когда в Пурим во время чтения Свитка Эстер звучит имя Ѓамана. Сторожа обходили улицу за улицей, гремя в трещотки, чтобы владельцы недвижимости были уверены, что есть «око зоркое и ухо чуткое»⁵⁰⁷. Будочникам жители Слуцка не доверяли, поскольку те не отходили от своих будок и не ловили воров, обчищавших дома и лавки. Сторожа же очень гордились тем, что их «оружие» обеспечивает покой горожан.

Трактиры и гостиницы славилась чистотой и качеством блюд. Для экипажей и телег постояльцев во дворах было специальное место.

Среди последних были арендаторы и торговцы, приезжавшие в город с женами и детьми. Первокласными гостиницами считались «Мигдал» и «Европа». Здесь останавливались чиновники и помещики, а также другие важные персоны. Попроще считались заведения Бокшицкого, Крейнеса, Яброва. Здесь были отдельные комнаты для торговцев, агентов и прочих постояльцев средней руки.

Наконец, на постоялых дворах попроще останавливались в основном простолюдины и жители соседних местечек, приезжавшие в Слуцк за покупками или по делам. В числе таких дворов были заведения Неймана, Некрича, «Тателех», «Лейвик» и «Хаим Ицкес». В таких местах останавливались возчики. Постоялые дворы служили местом сбора, встреч и ожидания для приезжих из ближних мест.

Самыми известными торговцами спиртным считались Хаим Ицкес и Ратнер, владелец пивоварни, продававшие в разлив вино для кидуша и ѓавдоле. По пятницам к ним выстраивались длинные очереди. Вино разливали в бутылки различных размеров. Недалеко от этого места был шинок

По ночам городские улицы обходили сторожа, которые должны были отпугивать воров. Они были «вооружены» деревянными трещотками вроде тех, которыми гремят дети.

⁵⁰⁶ То есть сделал им обрезание. В местечках многие резники исполняли также функции *моѓэля*: обрезали мальчиков. — *Прим. пер.*

⁵⁰⁷ См. «Авот», 2:1.

Йошки Позняка, также торговавшего вином. Посетители сидели за столами, наслаждаясь плотным обедом с бутылочкой вина или кружкой пива.

На Копыльской улице торговал вином Меер Рипс. Финкельштейн держал пивоварню на Виленской улице.

На свадьбах играли два клезмерских оркестра. Один, под руководством Айзла, славился прекрасной организацией. Его музыканты хорошо знали, как найти путь к сердцам слушателей. Когда они играли печальные мелодии, публика рыдала. Вторым клезмерским оркестром руководил Шимен-Лейб. Он был еще достаточно молод, но собрал евреев с хорошим музыкальным слухом, которые играли под его руководством. Местные помещики, время от времени дававшие приемы и устраивавшие праздники в своих имениях, приглашали эти оркестры, чтобы порадовать и повеселить себя, свои семьи, гостей и многочисленных слуг. Религиозные евреи старались не замечать, что музыканты ходят без головных уборов, а некоторые из них к тому же гладко выбриты.

Большой известностью пользовался верующий музыкант по имени Хаим-Довид-бадхен. Из кармана у него торчала книга псалмов, которую он читал каждую свободную минуту. У него была приятная внешность, улыбающееся лицо, густая борода и черные блестящие глаза. Накануне субботы он заботился о том, чтобы студентам йешивы было где поесть. Если кого-то из них никто не звал, он приглашал его к себе и кормил до отвала.

Из числа городских трубочистов один мне запомнился особо. Это был высокий худой еврей с лицом, перемазанным сажей. Он залезал на крыши, чистил печные трубы длинной метлой, и зола сыпалась вниз, в кухонные печи.

«Конюхи» возились с тушами павших лошадей. Непригодных жеребят они отводили за город, там убивали, сдирали с них шкуру и продавали ее дубильщикам.

Щипальщицами называли бедных женщин, зарабатывавших на хлеб, за несколько копеек ощипывая птицу на бойне.

Около хедеров толпились мужчины и женщины с корзинами, в которых были обмотанные тряпками горшки с вареными бобами. В горшке было три мерки: большая — по две копейки, средняя — по копейке, и маленькая — по полкопейки (такую монету называли грош). Дети слетались к этим корзинам и покупали себе еду, чтобы подкрепиться.

Мужчины и женщины откармливали гусей и торговали шкварками. Откармливать начинали в начале осени и продолжали до Хануки. Из-за неподвижности и перекармливания гуси наливались жиром. Затем их резали, тонкую кожу жарили с луком, а жир отделяли. Из него делали вкуснейшие шкварки — невероятно вкусное кушанье, которое могли позволить себе даже бедняки. Они покупали жареный лук с небольшим количеством шкварок. На Хануку на рынке можно было видеть замотанных во множество одежек женщин, отвешивавших из стоявших рядом на горящих углях горшков порции шкварок. На вырученные деньги они покупали своим детям хлеб.

В обязанности службы раввинского суда входило вызывать на заседание суда тяжущихся, а по субботам — делать в синагоге от имени раввинов объявления, касавшиеся общинных дел.

Стоит упомянуть еще одну редкую профессию — облизывателей глаз (*ойгн лекерс*). Покойный раби Голдберг из Нового Орлеана рассказал мне, что как-то в юности, когда он рубил дрова, ему в глаз попал крохотный кусочек

На свадьбах играли два клезмерских оркестра. Один, под руководством Айзла, славился прекрасной организацией. Его музыканты хорошо знали, как найти путь к сердцам слушателей.

Зхарья Финкельштейн

дерева, и мир вокруг окутался мраком. Тогда его отвели к облизвательнице глаз, которая быстрым движением кончика языка удалила крошку, и зрение было восстановлено. Эта женщина с худым морщинистым лицом была очень бедна и жила в убогом домишке. Люди были готовы платить ей за ее услуги, но она отказывалась брать деньги за исполнение заповеди помощи ближнему. Поскольку приближались Грозные дни, она попросила учителя реб Кадиша помолиться, чтобы на грядущий год ей был подписан и скреплен печатью добрый приговор⁵⁰⁸.

Первоклассным фотографом считался Юхнин с Шоссейной улицы. Его фотографии получали призы на многочисленных выставках. Жители Слуцка и окрестностей валом валили в его ателье, чтобы сфотографироваться. Второе фотоателье держала Ракова, владельцем третьего был Грозовский. У всех трех фотографов работали помощники.

В Слуцке действовали сотни частных хедеров, где преподавали сотни учителей. В городе было восемнадцать домов учения и при них разнообразное «духовенство»: хазаны, старшие служки, судебные исполнители и посыльные раввинского суда, резники, судьи, два раввина и главы йешив.

Ремесленники Слуцка выполняли заказы неевреев города и окрестностей, а также осуществляли сказанное в Талмуде: «Идите и зарабатывайте друг за счет друга»⁵⁰⁹.

По городу ходили старьевщики, скупавшие кости и тряпье и собиравшие в нем и в окрестных деревнях всевозможное старье и рухлядь.

* * *

«Знаменитые росписи в синагоге Могилева-на-Днепре были выполнены в 1740 г. Хаимом-Ицхоком-Айзиком Сегалем из Слуцка, сделавшим эту свя-

⁵⁰⁸ Согласно традиции, в Грозные дни — десять дней между Рош-га-шана и Йом-Кипуром — Бог «подписывает» и «скрепляет печатью» приговор каждому человеку: кому жить и кому умереть, кто разбогатеет, а кто обеднеет, и т. д. — *Прим. пер.*

⁵⁰⁹ «Брахот», 3б.

тую работу. Рассказывают, что Сегаль расписал еще две синагоги, в Копысе и Долгинове».

(«Римон»⁵¹⁰, 1923, № 3)

В типографии Томашова, помимо антологии «Ягдиль Тора», была издана книга магида Мойше Идабера, а также книга слуцкого даяна Арье-Лейба Неймарка «Эвен Яков». В той же типографии была напечатана книга р. Меера Соловейчика (название неизвестно), а также комментарии к Торе реб Зеэва (Велвла Приживицера), известного слуцкого учителя.

Множество книг, большей частью по-русски, меньшей — на иврите, было издано в типографии Яброва и Фридлянда.

МОЯ ЮНОСТЬ В СЛУЦКЕ

Я. Пам

Реб Яков-Довид Слуцкер, основавший йешиву «мусарников» в Слуцке, зависел, насколько я помню, от главы йешивы Слободки (тоже принадлежавшей движению Мусар) и попросил его, чтобы тот прислал ему из Слободки учеников в слуцкую йешиву для ее укрепления.

Хотя в то время я был еще совсем юнцом, я уже несколько лет учился в Слободской йешиве и был там на хорошем счету, меня даже называли илуем. Поэтому, когда пришел запрос от слуцкого раввина, меня позвал к себе машгиах реб Ноте-Гирш, главный распорядитель в йешиве, и шепнул мне по секрету, что он готовится послать в Слуцк группу своих лучших ребят-йешиботников, но думает прибавить к ним пару мальчиков, которых считает замечательными, чтобы они «оживили» там йешиву. Он хотел, чтобы я был среди них.

Меня такая перспектива вдохновила, и я согласился. В слободской группе, отправленной в Слуцк, я оказался самым младшим.

Целые сутки мы добирались до Барановичей, там сели на поезд до Ляховичей, а оттуда на дилижансе отправились в Слуцк. Три лошади тянули нашу огромную колымагу по размокшему от дождей тракту.

Поездка продолжалась часов десять, а то и больше. Пассажирами дилижанса были в основном евреи. Осенняя ночь была холодной; мы были в полущубках-«бурках» и барашковых шапках, которые в том краю назывались «кучмы». Дорога была узкой и петляла среди полей и лесов. Крестьяне и крестьянки, встречавшиеся нам, были одеты на белорусский манер: цветные платочки на женских головах, просторные сермяги у мужчин. Все ходили в лаптях, подвязанных и подшитых. Вместе с нами ехали евреи-торговцы, лавочники. Разговаривали о кожах и овсе... Мне было тогда лет тринадцать. От долгой дороги и тряски меня подташнивало, очень хотелось выйти и размяться. Балагола понимал наше состояние и время от времени останавливал коней — для того, чтобы накормить их или напоить. Пассажиры выходили на дорогу — пройтись и подышать свежим воздухом. Потом все возвращались в дилижанс и ехали дальше. В конце концов мы прибыли на место.

⁵¹⁰ «Римон» (иврит) — «Гранат» — журнал еврейского искусства, выходивший в Берлине в 1922–1924 гг.

Яков Пат

В Слуцке, как и в других йешивах «мусарников», учащиеся не «ели дни». Такая практика вообще противоречила системе Мусар. Меня вместе с еще одним парнем поселили у Рувки, торговца зерном. Моим соседом по комнате оказался совсем юный паренек по имени Лейзерка Телзер. Родители-бедняки отправляли ему пару рублей в месяц на съём комнаты и на крупник с картофелем. Глава йешивы проэкзаменовал меня, и я был принят.

Вспоминая то время, я вижу большое помещение с двумя или тремя сотнями мальчишек, тесно сидевших за столами на лавках. Каждый занимался, читая вслух что-то свое, но голоса их сливались воедино. Время летело быстро: казалось бы, только что было раннее утро, а тут уже тебя зовут на вечернюю молитву. В промежутках успевали съесть ломоть хлеба с огурцом, выпить стакан воды — и снова качались над книгой, снова вместе погружались в мир мудрецов Торы, мир Раши и Тосафот. Каждый распевал свой отрывок из Талмуда на собственный лад, задавал вслух сам себе вопросы и выкрикивал самостоятельно найденные ответы.

Входил глава йешивы, пробежал среди рядов, между скамейками, останавливался здесь и там, задерживался у того или иного ученика, смотрел, что тот учит, задавал вопрос и ждал ответа. Если ответ был хорошим — щипок за щеку, хлопанье по плечу, — и побежал дальше.

Раз в неделю реб Яков-Довид давал урок с бимы. Вокруг толпились йешиботники и слушали Учение из его уст. Трудный материал, сложные проблемы, но все постепенно становится более ясным, и в конце мы слышим: «А сейчас задавайте вопросы». Вопросы летят со всех сторон, и глава йешивы ловит их, подобно фокуснику, и как будто складывает в мешок... Затем он достает их назад по одному, вопрос за вопросом, и сразу дает ответ за ответом, и мир становится для нас понятным и гармоничным...

То было чудесное время: во всяком случае так мне видится сейчас, изда- лека, с горы лет. Расскажу о ночном бдении в слуцкой йешиве «мусарников» как человек, прошедший этот опыт и оставивший его позади...

Ночь, все йешиботники уже спят на своих квартирах, лишь немногие (полдесятка, десяток) усердно учатся во время ночного бдения. Вокруг

Вспоминая то время, я вижу большое помещение с двумя или тремя сотнями мальчишек, тесно сидевших за столами на лавках. Каждый занимался, читая вслух что-то свое, но голоса их сливались воедино.

йешивы тихо и сумрачно, только внутри, над считаными столами, горят лампы, а под лампами — Талмуд, а за ним сидят ученики. Они раскачиваются и напевают. Когда что-то становится трудно понять, они замолкают, выясняют, в чем дело, «схватывают» ответ, делая это с радостью («нашлась потеря»), и вновь раскачиваются... Я слышу свой собственный голос, произносящий цитаты из Талмуда, перемежающиеся словами на идише, в нем сливаются напев-нигун и крик души. И не только сами йешиботники были зачарованы учением, но довольно часто в йешиву заходил один влиятельный житель Слуцка. Его к нам тянуло, он хотел видеть, как ребята учатся в **его** йешиве. Стоит этот богач между скамьями, смотрит в книги, в лица учеников, гладит кого-то по голове, по плечу, улыбается и получает удовольствие. Достает из своих больших карманов яблоко, грушу и говорит с особым слуцким произношением: «Дитя, подкрепись, перекуси».

Нет больше ни того слуцкого богача, ни его больших карманов с подмороженными яблоками. Нет больше его голоса и слов: «Дитя, подкрепись...» — но припоминается их отзвук, их эхо. Это когда-то было, а больше нет...

Как уже сказано, я жил на квартире торговца зерном Рувки. Там — совсем другой мир, иные виды, иная жизнь. Вокруг амбаров Рувки — длинные и широкие конюшни. Туда заезжают крестьяне из белорусских деревень, они привозят мешки с зерном и продают их Рувке. Крестьяне и крестьянки с мешками стоят у весов. Там взвешивается зерно, проводятся измерения, подсчеты, там торгуются, ссорятся, хлопают друг друга по плечам — людей так много, как будто приехала вся Белоруссия... Времени ждать нет — руками выбиваются пробки из бутылок с «монополькой», водка выпивается. Неевреи выпивают и — какая боль для моих глаз — закусывают толстыми ломтями сала. Тогда мне казалось, что весь мир становится трефным от этого крестьянского сала.

Крестьяне оставляли свои возы на постой в просторном дворе Рувки и заходили в большие комнаты его дома, усаживались на пол, на стулья, ставили огромные самовары, ели, пили. Наполовину раздевались и мазались мазью, потому что каждый второй из них был чем-то болен, и большой «зал» Рувки превращался в подобие госпиталя. Из самоваров бил пар. Неевреи из деревень пили чай стакан за стаканом, вытирали полотенцами пот, который тек у них по лицам. Полупьяные, пели песни, кричали. В комнатах торговца зерном Рувки становилось шумно, суетливо, весело.

Еще меня нанимал у главы йешивы еврейский богач Туров, поместье которого находилось за городом. У него было много садов и полей. В старости он сидел в своем особняке, окруженном фруктовыми деревьями, и время от времени пускал к себе пожить пару йешиботников, не беря с них за это плату. Однажды среди его гостей оказался и я. Рядом был огород, деревья, ветви которых гнулись под тяжестью плодов, посреди сада текла речка — все это живо в моей памяти. Хозяин с «царской» седой раздвоенной бородой сидит на стуле, на который положена подушечка, и просит своего квартиранта-йешиботника, чтобы он с ним немного позанимался Торой.

— Пойму я или нет, — говорил он, — но так или иначе это большое удовольствие, слушать Тору.

Сионистская «чайная»

Много лет спустя я узнал, что не только на порог слуцкой йешивы они приходили — Слободка, Телз и Воложин тоже были хорошими опорными пунктами для двух движений, которые вели агитацию среди евреев.

На порог йешивы время от времени приходили «миссионеры» двух видов: от социализма и от сионизма. Они бросали взгляд на какого-нибудь йешиботника, завязывали с ним знакомство, начинали с ним беседовать — и завоевывали его душу. Много лет спустя я узнал, что не только на порог слуцкой йешивы они приходили — Слободка, Телз и Воложин тоже были хорошими опорными пунктами для двух движений, которые вели агитацию среди евреев.

С порога йешивы путь то и дело вел в сионистскую чайную. Я уже не помню названия улицы, на которой она находилась (Хапашкинская. — *Прим. ред.*), но ясно вижу перед собой тот деревянный дом. Попастъ в чайную можно было только через внутренний коридор. Войти туда в первый раз значило для меня как бы перейти границу иного мира. Мне кажется сейчас, что там было очень светло. Горели яркие лампы. Передние комнаты — одна побольше, две поменьше — наполнились людьми, преимущественно молодыми, девушками и парнями. Это, конечно, поражало йешиботника в то время: девушки с парнями вместе, и они разговаривают, кричат, смеются, забавляются... Как далеко это было от йешивы «мусарников»!

По вечерам в йешиве было тихо и грустно. Напев «мусарников», отрывки из «Ховот га-леавот»⁵¹¹, которые мы напевали и разучивали на определенный мотив, раскачиваясь в большой, широкой и длинной комнате, еще больше усиливали грусть. Но здесь, в чайной, нет Мусара, нет скуки, здесь не раскачиваются над столами. Здесь кричат, дурачатся, смеются, а ко всему — поют песни на иврите. Те песни я услышал впервые. Одну из них сразу подхватил, прорычал, подпел... Мотив и слова ввели меня в молодое сионистское движение.

Не устоял я и перед социалистической агитацией. Кто-то показал меня студенту, социалистическому агитатору, и предложил ему заняться мной, что студент и сделал. Занимался он мною всерьез — даже приходил домой, провожал меня из йешивы и в йешиву, рассказывая по дороге массу удивительных вещей. Люди собираются переделать мир, сбросить царя и отменить черту оседлости, евреи получают все права, больше не будет погромов. Не останется больше бедных и богатых — все будут равны.

Вокруг меня кружатся отзвуки имен того времени, которые мне называл студент-социалист, и одно имя было выше всех — Софья Перовская. Благодаря моей фантазии в голове выросли священные образы людей, идущих на виселицу.

И еще кое-что слышал я тогда: в моей памяти оживают упоминания о городах Бобруйске и Минске. В Бобруйске создавали большую библиотеку, застрельщиком этого дела оказался бывший йешиботник по фамилии Киржнер. Количество книг мне тогда казалось фантастическим: три тысячи, четыре тысячи, пять тысяч! И все это я должен буду прочесть. Мне приходилось изучать один трактат Талмуда целую зиму и целое лето — мало

⁵¹¹ «Ховот га-леавот» (иврит) — «Обязанности сердец» — книга р. Бахьи ибн Пакуды. Это наиболее ранняя дошедшая до нас книга, полностью посвященная вопросам этики иудаизма, веры и достижения совершенства характера. Написанная первоначально на арабском языке ок. 1080 г., она была переведена в 1161 г. на иврит р. Йеѓудой ибн Тибоном и приобрела широкую известность. Трактат оказал значительное влияние на всю последующую еврейскую религиозно-мистическую литературу и еврейскую средневековую поэзию, а также веками служил практическим руководством для евреев в вопросах поведения.

того, что днями, так еще и ночами. А тысячи книг из новой библиотеки в Бобруйске просто поразили мое воображение!

К тому же и новости из Минска звучали совершенно фантастически. Там уже устраивались забастовки рабочих, там демонстранты ходят по улицам, а революционеры со всей России собираются на подпольные собрания... И это искушает, манит, и весь мир становится таким притягательным, что хоть бери и пускайся с йешиботной лавки в Минск!

Я пишу сейчас эти слова и снова ощущаю чудесное, притягательное, чистое настроение той эпохи. Это было время, когда боролись идеологии, загорались разумы и сердца йешиботников в Слуцке вместе со всеми в великой России.

От сионистской чайной шла еще одна дорога — к берегу Случи. Там купались, плавали в реке, прогуливались на лодках — мы туда ходили целыми группами. Я научился плавать и «мерял сажени», как это называлось в Слуцке. Вечерами заплывал на глубокие места и возвращался взволнованный, взбодренный. Это было здорово — я чувствовал, что стоит жить в этом мире!

Не было богатства, роскоши, комфорта, но были и столы в йешиве, и столики в чайной, и прогулки по улицам, и плавание в слуцкой реке...

Так сложилась судьба, что российская революция вырвала меня из йешивы. Оставив слуцкую йешиву, я уехал в свой родной город Белосток — от Талмуда, Торы, движения Мусар и его напевов. «Нужно работать для революции, нужно перевернуть мир, нужно наново построить еврейскую жизнь».

Из того времени выплывает в моей памяти интересная деталь. Я уже был в Белостоке, и ко мне пришел старый шамес из дома учения. Он сказал мне, чтобы я скорее пришел туда, что это нужно мне самому. «Нужно для чего?» — спросил я. Ответа не было, это значило: не задавай вопросов и приходи.

Я пошел, не зная, кто послал за мной. Пришел. Меня провели к столу с книгами, и я увидел раввина Якова-Довида Слуцкера, но как он попал в Белосток? Что ему тут делать? И что ему нужно от меня? Вопросы сверлили мне мозг. Потом я узнал, что гаон, реб Яков-Довид, на пути куда-то в далекий край остановился на пару дней в Белостоке.

Я подошел к мудрецу и, признаюсь, у меня заколотилось сердце, задрожали все конечности.

— Мир вам, ребе, — сказал я.

Он не сразу мне ответил, не сразу протянул руку, а посмотрел на меня... Я и сейчас вижу тогдашнюю печаль в его глазах. Он не спросил меня о том, что я делаю, учусь или нет, только долго смотрел, качал головой и в конце концов сказал:

— Янкл, у тебя еще есть время вернуться.

Ему не нужно было объяснять мне, какое возвращение имелось в виду. Я догадался. Когда ты сидишь в доме учения за длинным столом с книгами, а с тобой говорит реб Яков-Довид Слуцкер и призывает тебя к возвращению, ты уже должен сам знать, о чем идет речь.

Я встал из-за стола. Никакого возвращения не состоялось — во всяком случае такого, какого ждал от меня реб Яков-Довид.

Сейчас, когда я пишу эти слова, во мне снова звучат слова раввина: «Еще есть время вернуться...»

К тому же и новости из Минска звучали совершенно фантастически. Там уже устраивались забастовки рабочих, там демонстранты ходят по улицам, а революционеры со всей России собираются на подпольные собрания...

СЛУЦК, МОЙ ВТОРОЙ ДОМ

Л.-Э. Фогельман

Слуцк я всегда вспоминаю как мой второй дом. В Несвиже я родился, и там прошли мои детские годы, а также часть юности. Но со Слуцком меня связывают совсем иные нити, более духовного характера.

В Слуцке жили моя старшая сестра Сора Кремер с мужем и детьми, а также моя тетя Геня, которая тянулась ко мне, словно к своему ребенку. Я проводил у них ежегодно по несколько месяцев подряд.

Это была важная глава в моей жизни, глава, на которой следует остановиться более подробно, потому что в ней отражается жизнь молодого еврея-учащегося в тогдашней Белоруссии (начало XX века).

В Несвиже тогда не было гимназии — она там появилась гораздо позже. Поскольку я решил получить европейское образование — а это решение я принял очень рано, к своей бар-мицве⁵¹², — то должен был ехать в Слуцк, в котором имелась казенная гимназия с внушительным числом учеников. Слуцк был более крупным городом, нежели Несвиж, и его гимназия являлась образовательным центром не только для самого города, но и для окрестных небольших местечек.

Молодежь стекалась оттуда в Слуцк двумя потоками: одни, чтобы поступить в гимназию, другие — в йешиву. Между учениками слуцкой гимназии и йешивы совершенно не было контактов, потому что речь шла о двух особых мирах.

Сказанным объясняется тот факт, что лишь в более поздние годы, когда я уже совсем вырос и встал на широкий путь самостоятельной жизни, мне выпало встретить в мире друзей, коллег и знакомых, учившихся в Слуцке

д-р Л.-Э. Фогельман

⁵¹² *Бар-мицва* (арам.; букв. «сын заповеди») — мальчик, достигший возраста 13 лет и считающийся совершеннолетним.

в те же годы, что и я. Но в начале XX века барьер разделял гимназистов и йешиботников, и у нас не было повода познакомиться и общаться.

То время моей жизни я бы обозначил как «слуцкий период», и я не могу забыть о нем, потому что он тесно связан с первыми сильными (а часто даже драматическими) переживаниями и событиями молодых лет. Тогда я впервые почувствовал, что значит быть еврейским юношей, который во времена старой царской России пытается получить светское, европейское образование. Еврею поступить в российскую гимназию было почти невозможно из-за пресловутой процентной нормы. Туда принимали тогда большей частью детей зажиточных родителей, не стесненных в средствах и неустанно хлопотавших о том, чтобы их детей приняли. Часто родители прибегали к разным трюкам, таким как взятка.

Шолом-Алейхем, как мы знаем, мастерски обрисовал в рассказе «Гимназия» трагикомедию таких еврейских родителей и детей, рассказав о трудной процедуре приема еврейского сына в гимназию в царской России. И сам я в молодые годы побывал в этой ситуации.

Я был сыном небогатых родителей, у которых денег на взятку попросту не было, и должен был пройти трудным путем — путем экстерна. Молодые евреи, не имевшие возможности поступить в российскую гимназию, брали частные уроки. Они осваивали все предметы и каждый год держали экзамены. Так и был создан странный, сугубо еврейский институт экстерната, и сам я принадлежал к несчастливой категории экстернов при слуцкой гимназии.

Почему я называю эту категорию несчастливой, нетрудно понять, если знаешь обо всех мучениях, хлопотах, нервном напряжении, да и гонениях, которые претерпевал каждый экстерн на своем долгом пути к аттестату зрелости. Русские педагоги в гимназии большей частью косо смотрели на «побочных» соискателей образования, которые крутились возле гимназии в летние месяцы (с мая–июня), чтобы держать экзамены. Некоторые учителя были открытыми антисемитами и сами изобретали для экстернов невыносимые требования.

Было общепринято, что экстерн, чтобы выдержать экзамен, должен знать намного больше, чем обычный гимназист. Предметы изучали путем зубрежки всех фактов и цифр, чтобы они хорошо вспоминались и на экзамене «отскакивали от зубов». Это было мучительно, и лишь очень способные, старательные и терпеливые молодые люди выдерживали экзамен.

Часто бывало так, что труд целого года пропадал. Это случалось из-за одного испытания по одному предмету, на котором бедняга-экстерн проваливался, очень часто из-за какой-то мелочи, лишь потому, что память ему изменяла в критический момент либо во время письменной экзаменовки, либо во время устной. Тогда он должен был выдерживать экзамен заново через год по всем предметам — даже по тем, которые он уже сдал успешно.

Итак, я тоже встал на тернистый путь экстерна при слуцкой гимназии и шел по нему в 1900–1905 годах. К 1906 году, ежегодно сдавая экзамены, я добрался до седьмого класса, а тогда наконец чудом смог поступить в седьмой класс Второй варшавской гимназии. Ее я окончил с медалью, благодаря чему был принят в 1908 году на юридический факультет Варшавского университета, диплом которого получил четыре года спустя.

После этого я вновь столкнулся с большими трудностями, когда пришел в адвокатуру, потому что в ней еврей должен был долгие годы работать лишь помощником присяжного поверенного, не имея всех прав адвоката.

Я был сыном небогатых родителей, у которых денег на взятку попросту не было, и должен был пройти трудным путем — путем экстерна.

Я всегда вспоминаю Слуцк с теплыми чувствами благодарности и грусти, ведь там я получил первую возможность подготовки к вступлению в жизнь, что вскоре открыло мне широкий путь к высшему образованию и получению профессии. Я благодарен Слуцку за его вклад в мое духовное развитие и тоскую по нему, потому что он вызывает во мне теплые воспоминания, связанные с моими молодыми годами.

По сей день я помню моих друзей тех лет, их семьи, в которых мне доводилось бывать. Близкими стали для меня семьи двух местных частных адвокатов — Ратнера и Карпмана. Я вспоминаю также Виткиных, владельцев аптеки; Канторовичей, Гецовых; экстернов Люстерника и Зунина, которые прославились как способные молодые люди (как иначе они смогли бы пройти все восемь классов гимназии, занимаясь у репетиторов!)

Но кроме этих близких мне семей и отдельных людей я вспоминаю и иных евреев, игравших важную роль в Слуцке, например, очень популярного еврейского доктора Шильдкраута, который разъезжал на дрожках по слущким улицам, оказывая медицинскую помощь. Он, между прочим, женился на миловидной молодой девушке из несвижской семьи Свержинских, хорошо мне известной благодаря ее младшим братьям, моим товарищам.

Доныне я вспоминаю крупные по масштабам того времени фирмы Зинде, Деречина, Гецова. Мне их лавки тогда казались огромными, богатыми, почти роскошными.

Полным жизни и шума был тогда слущкий рынок у Шоссейной улицы. Там всегда были толкотня и гул голосов, в толпе сновали разносчики с грошовым товаром.

Я вспоминаю и приятные свежие вечера в мае и июне, когда парни и девушки ходили гулять по улицам города, ведя душевные беседы или весело, по-юношески флиртуя. Сердца загорались, взгляды встречались, и прогулки длились до поздней ночи, хотя нужно было готовиться к утренним экзаменам. Кто тогда чувствовал усталость? Мы были молодыми, здоровыми и крепкими, и горячая кровь быстро текла в наших жилах...

Куда же вы исчезли, мои далекие, любимые слущкие годы! Они сейчас видятся, как сон, как далекие тени, пролетающие по экрану памяти, — гордые стройные молодые люди, одетые в гимназическую форму, красивые девушки, полные грации и очарования, часто пробуждавшие в нас любовные чувства, пожилые горожане, собиравшиеся вместе по вечерам после долгих дней, наполненных трудом и хлопотами о заработке...

Несколько лет спустя я распрощался со Слуцком, моим вторым домом, но позже судьба вновь занесла меня туда, уже при иных обстоятельствах. Тогда произошли моя последняя встреча с городом и горькое прощание с ним.

Это было уже через несколько лет после большевистской революции, в 1921 году. Меня, как и многих других евреев, революция на своих волнах несла в различные края, в разные города и местечки, пока не забросила назад, в Слуцк. Советский комиссариат просвещения назначил меня на должность учителя в той самой гимназии, порог которой когда-то в летние месяцы я с трепетом переступал, чтобы держать экзамены в качестве экстерна.

Для меня тогда было странным переживанием — стоять в тех же больших комнатах и учить советских учеников, поступивших в гимназию уже без ограничений и трудностей.

Во время моих уроков я невольно вспоминал о тяжелых днях, пережитых мною в этом месте много лет назад. «Что знают эти ребята, — думал я, — обо мне, стоящем сейчас перед ними? Что они знают о боли, которую мне тут когда-то причиняли?» Я видел в своей новой слуцкой роли каприз судьбы: потребовалась кровавая мировая война, а затем кровавая революция, чтобы Слуцк дал мне, несвижскому еврею, новую функцию в той же гимназии. Я почувствовал в своем преображении что-то вроде акта исторической справедливости.

О том, как была устроена образовательная система в советской России в те годы, то есть спустя пять лет после Октябрьской революции, можно судить по тому, что меня советский комиссариат просвещения назначил в Слуцк учителем математики, хотя у меня вовсе не было полноценной подготовки по предмету. Прежде я специализировался по русскому языку и литературе, слушал по этим предметам лекции в высших школах Петрограда. Но имелся такой острый недостаток в учителях, что комиссариат просвещения не считался с их подготовкой — лишь бы заполнить вакантные учительские места. Как это отличалось от прежнего времени, когда, чтобы стать учителем в гимназии по определенному предмету, нужна была специальная подготовка в течение многих лет!

Так дело обстояло и с другими подобными должностями на советской службе в разных областях. Тогда был период, когда советская власть хваталась за каждого интеллигента, за всех людей с образованием и стремилась загрузить их работой в разных правительственных учреждениях. Большинство из них в ту пору не имели большого желания впрягаться в советский воз, но были вынуждены сделать это: выбора у них не было.

В советской школе мне довелось встречаться с некоторыми учителями из тех, кто экзаменовал меня в годы экстерната. Теперь я был с ними на равных. Эти люди, между прочим, отнюдь не выказывали восхищения ни новой властью, ни новой образовательной системой.

В школе в то время не было никакой дисциплины — наблюдался полный контраст с годами царской власти. Ученики делали все, что хотели, и никто не мог призвать их к порядку. Только спустя годы советская власть установила строгую дисциплину в классах, но я уже не застал перемен, потому что вскоре покинул Слуцк, да и советскую Россию.

Вообще, жизнь в Слуцке в то время так изменилась в сравнении с прежней, что город было просто не узнать. Он приобрел совсем иной вид после трагических лет войны и революции. Я чувствовал себя в нем посторонним, с ним меня уже мало что связывало.

Моя сестра, тогда уже вдова, со своими оставшимися тремя дочерьми пережила много горя и еле сводила концы с концами. В ее доме было невесело, говорили только об очередях, продуктах и разных хлопотах да превратностях судьбы, о которых раньше и не слышали. Я уже не нашел в Слуцке прежних друзей и знакомых, остро ощущал свое одиночество и понимал, что еврейской жизни в городах и местечках России пришел конец.

Понятно, я не мог знать о предстоящих ужасах, кровавой волне нацизма, которая сметет и смоев еврейское население. Я не мог тогда и помыслить, что весь мой народ станет жертвой беспредельной жестокости, падет от рук палачей. Но уже в то время, за многие годы до того, как гитлеровская чума захватила Европу, я почувствовал в Слуцке признаки будущей бойни.

В советской школе мне довелось встречаться с некоторыми учителями из тех, кто экзаменовал меня в годы экстерната. Теперь я был с ними на равных.

Я покинул город со смешанными чувствами озабоченности, жалости и грусти. Скрепя сердце я со своей женой отбыл из города и поехал дальше, в первый мой родной город Несвиж. Ехали мы через Клецк, где жили еще две мои сестры с семьями, — он находился уже на польской территории. Там я тоже, как и в Слуцке, ощутил приметы опасности, дух приближающейся гибели. В воздухе как будто была растворена всеобщая тревога, не дававшая людям вести нормальную жизнь...

ЛЕТО 1919 ГОДА В СЛУЦКЕ

Н. Канторович

В начале лета 1919 года я получил распоряжение от властей в Минске отправиться в Слуцк в качестве помощника народного контролера. То было время, когда интеллигенция в России не хотела сотрудничать с новообразованной советской властью, считая, что та захватила руководство в стране по-узурпаторски, путем кровавого переворота, распустив всероссийское Учредительное собрание, избранное демократическим путем.

В то время советская власть мобилизовала нужных специалистов и интеллигенцию среди недружественного населения. В моем родном городе Минске власти призвали всех людей с высшим образованием, а также студентов вузов поступить на государственную службу. Я, молодой студент Рижского политехнического института, эвакуированного во время войны в Москву, был назначен на работу в «народном контроле», несмотря на то что отучился лишь один год. Назначение произошло, вероятно, не только из-за моего технического образования, но и благодаря тому, что «народный контроль» как неполитическая ветвь управления мог себе позволить набирать служащих, не вполне согласных с властью, даже заподозренных в оппозиции или голосовании против большевиков. И действительно, весь «народный контроль» в Минске, насколько я помню, состоял из служащих небольшевистского толка. Единственным большевиком там был рабочий-столяр Ходош, еврей, который, между прочим, совсем слабо читал по-русски и выполнял, кажется, роль большевистского комиссара в учреждении, за которым, с точки зрения правительства, надо было следить.

Этого Ходоша, кстати, добрым словом вспомнили в книге об истории Минска, вышедшей в издательстве Белорусской академии наук при Хрущеве. Однако в этой книге ничего не говорится об истории еврейской общины, разрушенной нацистами. Во всей книге евреи упоминаются, может быть, несколько раз: чтобы сообщить читателю, что еврейский Бунд был против большевистского переворота, и т. п. Даже не сказано, что в Минске было еврейское отделение Белорусского педагогического института, что там выходила большевистская газета на идише «Октябрь» и другие подобные издания... Даже обо всем том, что, казалось бы, шло в ногу с большевизмом, совершенно не говорится в этой книге. Похоже, согласно новой, хрущевской линии не нужно вспоминать евреев. Для Ходоша было сделано исключение, хотя он был невеждой, обычным евреем-столяром, к тому же еще и не знал толком русский язык.

В моем родном городе Минске власти призвали всех людей с высшим образованием, а также студентов вузов поступить на государственную службу.

Командировку в Слуцк я воспринял не без радости. В то время я пережил наибольшую трагедию моей жизни: потерял мать, и мне хотелось сменить обстановку.

На жалованье в минском «народном контроле» было не разгуляться. Между тем люди знали, что в маленьких городах положение с продовольствием было значительно лучше, не такая дороговизна, правительство реквизирует не так много продуктов, и вообще жить там легче. Вторым и важным для меня положительным обстоятельством оказалось то, что у меня появилась перспектива завязать прямые связи с организацией молодых сионистов «Цеирей-Цион» в Слуцке, укрепить ее социалистическое крыло и поспособствовать тому, чтобы на предстоящем съезде организации в Белоруссии была принята социалистическая программа.

В Слуцк я прибыл в конце мая или начале июня. С помощью членов «Цеирей-Цион», принявших меня очень тепло, я вселился в дом семьи Гаркави, находившийся в конце одной из центральных улиц города. Отец и братья Гаркави, беженцы, оказались где-то далеко в России, кажется, в Ростове-на-Дону. Они занимались производством сыров. В доме жила дочь Гаркави-старшего Муся со своим мужем. Позже, уже после советско-польской войны, я узнал, что они перебрались в Страну Израиля и Муся умерла в Тель-Авиве.

Приехав в Слуцк, я должен был явиться к начальству. Оказалось, что весь жалкий «народный контроль» города ютится в хибарке, а заведует им некто Соловьев, еврей из Бобруйска. Этот человек всячески расхваливал большевиков и новый режим, не проявляя при этом большого ума. К работе он не тяготел; вообще неясно было, понимает ли он, в чем состоят его обязанности. Но все же он был намного интеллигентнее минского Ходоша, хотя последний явно превосходил его в еврейской самобытности и доброжелательности. Не припоминаю даже, говорил ли Соловьев на идише, а вот для Ходоша это был единственный язык, на котором он мог высказывать свои примитивные мысли. Ходош любил и пошутить, отпустить острое словцо в своем учреждении. А кому он мог адресовать свои шуточки, если не паре евреев, которые сидели в «народном контроле»?

Надо заметить, что русские, поляки и иные неевреи массово потянулись в «народный контроль», чтобы работать в нейтральном, неполитическом учреждении, и еврей иногда чувствовал себя там неуютно, поскольку со всех сторон его сопровождали враждебные взгляды. Ко мне, к примеру, подходил бывший царский полковник и спрашивал, что я делаю в «народном контроле», когда мое место как еврея должно быть в сугубо большевистском учреждении. Было такое в те времена, вскоре забытые: «белые» противники советского режима любили повторять, что все евреи — большевики. А так как среди руководителей страны был Троцкий и с ним еще кучка евреев, юдофобы в «народном контроле» только и ждали, что режим в Минске падет и тогда они, захватив власть, рассчитаются с «жидобольшевиками».

Лето в тот год выдалось прекрасным, в садах созревали разнообразные плоды. Больше всего я любил груши-сапежанки. Кто-то из местных жителей мне объяснил, что Слуцк — вообще родина этого сорта. Так что город может гордиться не только слуцкими пирогами, но и маленькими, с медовым вкусом грушами, которые просто тают во рту. Название их восходит к польскому графу Сапеге, имевшему большие поместья у Слуцка, где и был выведен этот сорт. Из-под Слуцка груши уже распространились по всей Минской

губернии. Не припоминаю, удалось ли мне тогда попробовать второй важнейший вид еврейской продукции Слуцка — знаменитый слуцкий пирог.

Впрочем, пироги вообще вскоре вылетели у меня из головы, потому что дороговизна установилась и в Слуцке. Обычные продукты настолько подорожали, что на жалованье в «народном контроле» прожить стало очень трудно. Местные жители еще как-то сводили концы с концами, а мне, приехавшему, было намного тяжелее. Сейчас я с благодарностью вспоминаю, что мне помогали обитатели дома, где я жил, а также некоторые члены «Цеирей-Цион» и просто друзья, в том числе студент Синегубко, позже работавший врачом в Харькове.

У «Цеирей-Цион» в Слуцке был комитет, возглавляли его Ф. Мельцер, младший сын раввина, Чипчин, Альтман и еще кто-то. Дискуссии велись в основном о будущей программе «Цеирей-Цион» как организации социалистов-сионистов. Среди слуцких членов «Цеирей-Цион» различия позиций не так явно проявлялись, как, скажем, в Минске, где ожесточенные дискуссии часто вели к отдалению и даже отчуждению между социалистами и несоциалистами. Случане, в общем, склонялись к социализму. Автор этих строк в то время, кстати, был сторонником «народнического» социализма — в отличие от марксистского с его классовой борьбой, который тогда завладел российскими полейционовцами и многих увел далеко от сионизма.

Однако недолго нам было суждено вести дискуссии в «Цеирей-Цион». Собрания проводились раз в неделю, а затем, в связи с жарой, еще реже. Тем временем настроение в городе, в принципе спокойное, изменилось к худшему. Из местной большевистской прессы нельзя было понять, что происходит в большом мире и даже в соседней Польше, где правительство Пилсудского решило расширить страну «от моря до моря», то есть вернуть ей исторические, как оно утверждало, границы. Его целью стало забрать себе Белоруссию и часть Украины.

* * *

В середине лета в городе началась суета, в нем появились беженцы-«западники» из районов, к тому времени уже занятых польскими легионерами. Слуцк охватила паника. Дошло до того, что учреждения власти начали эвакуироваться. От своего Соловьева я ничего не мог добиться и понял, что надо убираться восвояси. Я поехал на вокзал, надеясь через Осиповичи добраться до Минска, но выяснилось, что поезда оттуда в Минск уже не ходят: он захвачен поляками.

На железнодорожной станции Слуцка собралась целая толпа бежавших из города — они ждали, что подадут поезд на Осиповичи. Вдруг из соседнего леса донеслась стрельба. Напуганные люди решили, что город окружили поляки. Поднялась неописуемая суматоха: все бросились по шоссе назад, в Слуцк. Общий порыв заставил меня бежать вместе с толпой. Вернувшись в город, я вместе со всем еврейским населением остался ждать появления поляков.

Вторжение легионеров в Слуцк сопровождалось погромом. Городом овладел страх. Грабили как солдаты, так и кое-кто из наших соседей, поляков и белорусов.

Когда все немного успокоилось, евреи по-прежнему боялись показываться на улицах и по ночам сидели по домам, заперев двери на засовы.

Среди слуцких членов «Цеирей-Цион» различия позиций не так явно проявлялись, как, скажем, в Минске, где ожесточенные дискуссии часто вели к отдалению и даже отчуждению между социалистами и несоциалистами.

Но банды хозяйничали в городе именно по ночам. И что могли беззащитные евреи? Кому-то пришло в голову начинать выть, как только банда нападет на дом, где живут евреи. Выли все жители. Вой переносился в соседние дома, постепенно нарастал — и вот уже выла целая улица, другая, третья... Целый квартал голосил, прямо-таки моля Небеса о помощи.

Этот страшный вой отпугивал нападавших; благодаря ему многие евреи были спасены от смерти. Рассказывали, что, когда делегация еврейской общины явилась к польским властям с петицией против нападений и грабежей, те вынуждены были признать, что беспомощны против солдатни, которая бесчинствовала в городе. Ночной вой в еврейских домах и на улицах, подвергавшихся нападениям, смог сделать то, на что оказалось неспособным польское командование.

Интересно, что год спустя, когда я очутился в подобной ситуации в Вильно, там так же слышались ночные вопли и вой из еврейских домов как способ напугать и прогнать нападавших. Ими вновь были поляки. Город тогда был взят легионерами генерала Желиговского, и в Вильно тоже начались погромы, грабежи, убийства беззащитных евреев.

Несколько недель спустя знакомые, отправлявшиеся на повозке в Городею с целью добраться до Минска, взяли меня с собой. Мы ехали целый день и были поражены отсутствием людей на всем нашем пути. В одном месте нас остановили и обыскали польские солдаты. Счастье, что перед этим я сообразил выбросить красную брошюру с отчетом о Гельсингфорском съезде социалистов-революционеров. Поскольку я был одет в студенческую тужурку, молодой офицер спросил у меня, куда я направляюсь, и посоветовал мне ехать учиться в Варшаву.

Поздно вечером мы прибыли в Тимковичи, и снова меня поразила мертвая тишина в местечке. Вскоре пришел еврей, который отвез нас к раввину. Там мы обнаружили нескольких напуганных евреев, которые немного взбодрились от нашего рассказа о том, как мы целый день ехали из Слуцка и ничего с нами не случилось.

Назавтра мы поехали в Несвиж и сели в минский поезд. В нем я встретил совсем других, не запуганных польских евреев, которые везли товары из Варшавы. Они ели белый хлеб, густо намазывая его маслом, что для меня было немалым чудом. В Минске друзья встретили меня с распростертыми объятиями.

БЕЗВЛАСТИЕ⁵¹³

После Октябрьской революции в России настали бурные, беспокойные времена. Между большевиками и их противниками шли жестокие непрекращавшиеся бои. Власти менялись, как в калейдоскопе: большевики, немцы, поляки, украинцы, гетманы, генералы, атаманы... В этой всеобщей войне еврейский народ оказался козлом отпущения.

Евреев убивали и грабили, по стране прокатилась волна погромов. Люди превратились в диких зверей, а за спиной у этих хищников в человеческом облике стояли вожди, подстрекавшие их убивать. Да будут навеки прокляты их имена: Петлюра, Деникин, Колчак, Врангель, Булак-Бала-

---

Мы ехали целый день и были поражены отсутствием людей на всем нашем пути. В одном месте нас остановили и обыскали польские солдаты.

---

⁵¹³ Автор составителями не указан.

хович⁵¹⁴, Махно, Семосенко⁵¹⁵, Григорьев, Зеленый⁵¹⁶ — вместе с именами Богдана Хмельницкого и Гонты!

Чаша сия не миновала и Слуцк. Одна власть сменялась другой, и каждая следующая беспощадно преследовала сторонников предыдущей. Кроме того, в окрестностях города бродили банды белорусов, жестоко расправлявшиеся с евреями.

Несколько слуцких евреев, выехавших из города по торговым делам, попали в руки одной из таких шаек. Бандиты издевались над несчастными, а затем убили их, а тела сожгли. Когда обезображенные трупы привезли в город, взглянуть на них собрались все местные евреи. При виде этого страшного зрелища начался всеобщий плач: «Господи, спаси нас и помилуй!» В глазах у евреев застыл ужас. Молодые же сжимали кулаки и скрежетали зубами: «Неужели нам суждено гибнуть от погромщиков, как от разбойников»⁵¹⁷?

* * *

В 1920 году Белоруссия оказалась под властью поляков. Однако вскоре они начали отступать по всему фронту. Красная армия развила стремительное наступление, изгнала поляков из российских пределов, вторглась в Польшу и под лозунгом «Даешь Варшаву!» почти дошла до польской столицы.

Уже тогда, когда поляки первый раз заняли Слуцк, они обращались с местными евреями весьма сурово. Но в это время они вели себя все же достаточно сдержанно, ограничиваясь насмешками и мелкими издевательствами над евреями: срезали им бороды и пейсы, называли обидными прозвищами и т. д. До более серьезных вещей дело не доходило. Когда же польская армия начала терпеть поражение, поляки начали отыгрываться на евреях.

По мере того как фронт приближался к Слуцку, польские солдаты становились все более жестокими. Начались грабежи: солдаты врывались в лавки и брали все, что пожелают, без всякой платы. Прежде евреи решительно защищали свое имущество. Однако в нескольких случаях им пришлось заплатить слишком высокую цену за попытку дать отпор грабителям. В одной лавке на Заречной улице солдаты забрали всю выручку. Лавочник, оставшийся нищим, валялся у них в ногах и умолял их оставить хоть что-нибудь. Когда же это не помогло, видя, что они собираются уйти со всеми его деньгами, он в отчаянии схватил солдата, державшего деньги, за руку, и дернул изо всех сил. Монеты рассыпались по полу, и оба, хозяин лавки и солдат, кинулись собирать монеты. Рассердившись, поляк выхватил пистолет и застрелил лавочника.

Этот случай напугал весь город. Жалобы властям ничего не дали. Старшие офицеры с ненавистью смотрели на евреев, являвшихся к ним с жалобами, и заявляли: «Все вы большевики, ничего страшного, если вас немного

⁵¹⁴ Станислав Булак-Балахович (1883–1940) — военный и политический деятель эпохи Гражданской войны в России, генерал российской Белой армии и войска Польского. Осенью 1920 г. отряды Булак-Балаховича вторглись в Белоруссию, где отметились серией кровавых еврейских погромов. — *Прим. пер.*

⁵¹⁵ Один из петлюровских офицеров. В феврале 1919 г. бригада под командованием Семосенко, подавив большевистское восстание, устроила погром в Проскурове, в ходе которого было убито несколько сотен евреев. — *Прим. пер.*

⁵¹⁶ Даниил Терпило, известный как атаман Зеленый.

⁵¹⁷ Парафраз слов пророка: «И оплакал царь Авнера, сказав: “[Кто бы сказал, что] такую подлую смерть примет Авнер? Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, и ты пал, как падают от руки разбойников!”» («Шмуэль II», 3:33, 34).

Чаша сия не миновала и Слуцк. Одна власть сменялась другой, и каждая следующая беспощадно преследовала сторонников предыдущей.

потреплют!» Тем временем солдаты окончательно перестали стесняться, и в воздухе стал витать запах организованного погрома. Они обходили улицу за улицей, дом за домом. В лучшем случае дело ограничивалось тем, что они забирали все, что им нравилось. Тех, кто пробовал сопротивляться, жестоко избивали. Больше всего боялись молодые девушки и женщины, поскольку имело место несколько случаев изнасилования.

Когда польские солдаты входили в дом, евреи выбегали с громкими криками: «Гвалт! Пожар!» В некоторых случаях крики помогали. Успешнее всего этим средством пользовались жители Бобруйской улицы. Стоило солдатам появиться на этой улице, как все жители собирались вокруг дома, куда они зашли, и начинали истошно кричать: «Гвалт! Пожар! Ратуйте!» Естественно, все было организовано заранее. Некоторые достигли в крике такого мастерства, что их голос звучал на всю улицу. Крик оглушал солдат и преследовал их, куда бы они ни направлялись. Не зная, что делать, солдаты пинками и кулаками разгоняли толпу, однако стоило им зайти в следующий дом, евреи снова собирались и начинали голосить, пока наконец поляки не убрались с улицы восвояси. Таким образом, эта улица пострадала меньше, чем все остальные.

Больше всего жители Слуцка боялись по ночам. Евреи ходили как тени, — никто не мог быть спокоен ни за свое имущество, ни даже за свою жизнь. Воцарилось всеобщее уныние, и только в глубине души у каждого теплилась слабая надежда, что, может быть, большевики успеют занять город раньше, чем произойдет непоправимое.

* * *

Большевики тем временем наступали. Они уже подошли к городу. Поляки готовились к отступлению, ценное имущество поспешно упаковывалось и вывозилось из города. Все, что не успевали вывезти, сжигали.

По ночам было светло как днем: горели деревни и усадьбы, горизонт был все время затянут багровым заревом. Слуцк тоже был объят пламенем. Поляки взрывали мосты, сжигали склады. Сожгли большое трехэтажное здание коммерческого училища, бывшее украшением города, и ряд других строений. Невдалеке уже гремела артиллерия, в городе разорвалось несколько снарядов, разрушивших несколько домов. Посреди всей этой неразберихи польские солдаты, зная, что скоро уйдут из города, находили время для издевательств над евреями.

Три солдата ворвались в дом на окраине города, стоявший рядом с широким полем. В руках они держали узлы и свертки с украденным из других домов добром. В этом доме жила еврейская пара с единственной дочерью Миреле. Несмотря на все предостережения соседей, хозяева ни за что не соглашались переждать лихие дни в более безопасном месте. Юная дочь не хотела оставлять родителей. Прежде солдаты почему-то обходили этот дом стороной, однако на этот раз чаша эту семью не миновала.

— Миреле, беги! — успела крикнуть испуганная мать, однако поляки уже загородили дверь. Они успели заметить, кто есть в доме.

— Жид, гони деньги! — гаркнул один из них отцу Миреле, поднося кулак к его лицу. Тем временем его товарищи разошлись по комнатам: один рылся в шкафу, другой — в столе.

Миреле стояла как вкопанная, не в силах сдвинуться с места. Ее мысли беспорядочно металась, она никак не могла сосредоточиться на чем-то одном. Девушка не до конца осознавала всю серьезность ситуации и стояла,

---

Когда польские солдаты входили в дом, евреи выбегали с громкими криками: «Гвалт! Пожар!» В некоторых случаях крики помогали.

бессильно опустив руки. Тем временем на нее обратил внимание один из солдат. Его глаза вспыхнули. Схватив Миреле за руку, он позвал товарищей. В тот же миг они оказались рядом, окружили девушку и потащили ее в соседнюю комнату. Закричав страшным голосом, мать бросилась к солдатам. Один из них ударил ее кулаком в лицо, и она со стоном рухнула на пол...

И вдруг ставни одного из окон распахнулись, и раздался громкий многоголосый крик: «Гвалт! Пожар!» Крик был страшный и пугающий. В общем хоре можно было различить самые разные голоса: низкие голоса мужчин, полные стонов и рыданий голоса женщин, тоненькие голоса детей... В этом крике слышались страх, ужас, отчаяние и безнадежность.

Напуганные солдаты отпустили Миреле. Она же почувствовала прилив сил, оттолкнула насильников, бросилась к окну, ставни которого кто-то открыл снаружи, обеими руками разбила стекло и предстала перед толпой евреев, собравшихся около дома, с растрепанными волосами, с пеной на губах, в разодранной одежде... Увидев ее, евреи стали кричать еще громче. Люди взмахивали руками, женщины принялись рвать на себе волосы... И вдруг раздался страшный грохот, треск выстрелов, цоканье копыт и громкие крики «Ура!» В город ворвались большевики.

Польские солдаты, оцепеневшие от еврейских криков, пришли в себя. Выскочив из дома, они попытались бежать в поле, однако евреи окружили их со всех сторон. «Держите их, ловите их!» — раздались крики. Страх как не бывало, всех евреев охватило одно-единственное чувство: отомстить за все унижения, за поруганную честь, за погубленные жизни, за изнасилованных женщин. Со всех сторон к солдатам тянулись руки. Поляков схватили, сорвали с них конфедератки, обрушили на них град ударов. Их били кулаками, палками, досками — всем, что подвернулось под руку. Лица погромщиков превратились в кровавое месиво, но евреи продолжали топтать и избивать их без всякой жалости.

Тем временем на улицах города звучали радостные голоса. Поляки бежали из города, а тех немногих, кто не успел бежать, жители перебили. Опьяненные победой, с винтовками наперевес появились красноармейцы. Евреи встретили их ликующими криками, обнимали, плакали от радости; их лица сияли от счастья. Неважно, что ждет их в будущем; неважно, что и при советской власти жизнь их наверняка будет нелегкой, — самое главное, что сейчас они избавились от страшной опасности.

ЛЮБАНЬ ВО ВЛАСТИ БАНДИТОВ

Б. Вольфсон

Резня

Осенью 1920 г., когда Польша и Россия прекратили боевые действия, представители этих стран собрались для разрешения споров и установления границ. Между странами оставалась нейтральная полоса, не подчиненная центральной власти. Там не было порядка и безопасности: поляки замкнулись на собственной территории, а советская власть еще не организовалась. Поэтому в округе властвовали банды Балаховича, они грабили и убивали евреев в деревнях и местечках.

Польские солдаты, оцепеневшие от еврейских криков, пришли в себя. Выскочив из дома, они попытались бежать в поле, однако евреи окружили их со всех сторон.

28 ноября 1920 г. мы узнали об убийствах в окрестных деревнях и объявили в связи с этим пост. Перед молитвами наш раввин взошел на биму и воззвал с горьким плачем:

– Братья! Плохая новость! В Кузьмичах убили резника, и нескольких евреев убили в других деревнях!

После молитвы была выбрана комиссия, чтобы обсудить положение. Мы побоялись поехать и привезти останки убитых. Только перед Ханукой, в начале декабря, мы добились от ревкома, чтобы он отдал приказ христианам доставить их. Так и было сделано, и мы тихо похоронили трупы. После Хануки привезли еще тела из округи. Подобное происходило и в других местечках. На кладбище появились свежие могилы святых мучеников.

Наша комиссия нашла лишь один способ обезопасить евреев: попросила у власти прислать в местечко солдат. И действительно, власти прислали два специальных подразделения для охоты на бандитов и дезертиров. Солдаты заняли синагогу для использования ее в качестве арестного дома. Еврейское население к тому же вынуждено было содержать солдат.

Приехал следователь, который только пил еврейскую кровь. Он приказал евреям выплатить крупные суммы, выпускал бандитов за деньги и арестовывал невиновных, что лишь распалило гнев христиан.

Перед Пуримом (т. е. в марте 1921 г.) солдаты уехали. В то время было смертельно опасным покидать местечко; если безвыходное положение иногда вынуждало еврея поехать в деревню, его там грабили или убивали. Те немногие евреи, что жили в деревнях, подвергались нападениям и уничтожались. После того как перед Пейсахом (апрель 1921 г.) в соседних деревнях убили нескольких евреев, оставшиеся перебрались в Любань, хотя в местечке тоже было неспокойно. В Пейсах во время сейдера ходили по улицам стражи-наблюдатели, на каждой улице организовали что-то вроде самообороны. Молодежь собрала кое-какое оружие. Жизнь будто остановилась. После Пейсаха более зажиточные евреи уехали из местечка, а у бедных не было денег даже на повозку.

Ближе к празднику Лаг б-оймер (май 1921 г.) распространился слух о том, что готовится нападение на Любань. Я уже нанял повозку, чтобы куда-нибудь вывезти детей, но самооборона не разрешила выехать из местечка. Они заверили, что из Минска и Бобруйска обещано прислать солдат и оружие для самообороны. Но настроение было угнетенным. Ревком оставил местечко, из Погоста прибыли семь красноармейцев. Нам сообщили, что в пути находятся сорок вооруженных солдат, и это нас успокоило.

Вдруг раздалась стрельба с другого берега речки, и солдаты ответили. Началась паника, люди попытались бежать, не зная куда, оставляя дома открытыми. Многие побежали в направлении Уречья, в двадцати верстах от Любани; самооборона выслала конный отряд, чтобы вернуть этих людей. Объяснили стрельбу со стороны семерых солдат тем, что надо было создать впечатление, будто в местечке находится много военных. Все решили вернуться и переночевать в Любани.

Вдруг послышалась пулеметная стрельба. В то время находились вместе я, моя жена, трое маленьких детей, дочь с десятимесячным ребенком, а также свояк со свояченицей, которые оставили деревню и перебрались к нам. Их дети были в Слуцке.

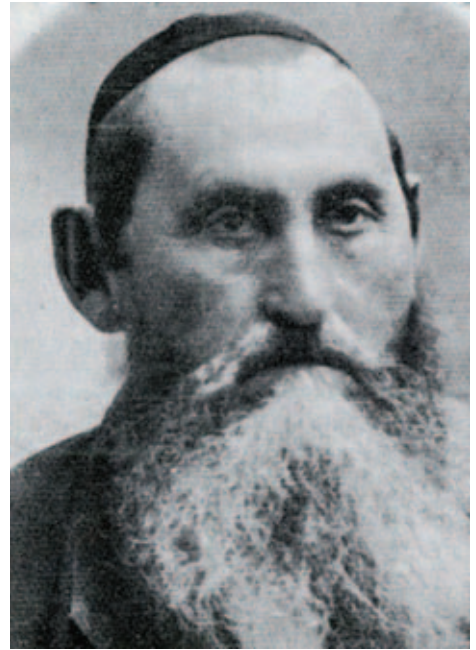
На улице была неразбериха, беготня. Все суетились и время от времени прятались кто куда. Тут раздался крик по-русски: «Стой!» И вскоре мы были

Вдруг раздалась стрельба с другого берега речки, и солдаты ответили. Началась паника, люди попытались бежать, не зная куда, оставляя дома открытыми.

р. Биньомин Вольфсон

окружены бандитами. Они у нас все забрали и загнали всех в дом. Скрепя сердце, мы сели и стали ждать смерти. Голоса, истошные вопли и плач перемешались со звуками сильной стрельбы.

Мы тихо произнесли «видуй»⁵¹⁸ и попрощались друг с другом. Вдруг ворвались два бандита, как дикие звери, разбили всю посуду, зеркало, настенные часы. Все, что им понравилось, они забрали себе, а остальное поломали. Нас же они выстроили в ряд и поднесли острия своих пик к нашим сердцам, крича:

– Давайте сюда золото, которое вы спрятали!

Мы их упрашивали, пытались объяснить, что у нас нет золота.

Они не хотели ничего слушать, били нас прикладами. Один из них вытащил веревку, подал ее другому, чтобы тот нашел место, где нас повесить, если мы не отдадим им золото. Второй бандит сказал:

– Что нам тут брать, у этих бедняков? Поищем-ка место побогаче!

Они ушли, пригрозив, что скоро вернуться. Подождав немного, мы полезли на чердак. Бедные дети тряслись от страха и холода; мы их укутали в старые зимние вещи, тогда они немного согрелись и заснули. Мы слышали, как бьют окна, ломают двери, истошные вопли несчастных и дикий рев бандитов, зверей в людском обличье. Так мы сидели на чердаке примерно до десяти часов. Услышав тихий плач, я спустился с чердака и увидел мою свояченицу, старшую сестру моей жены. Она рассказала: в синагоге избивали людей, мучили до смерти, издевались над женщинами. Бандиты хотели взорвать синагогу, но священник и местные жители упростили их не делать этого.

Вскоре к нам пришли еще несчастные. Каждый рассказал, что с ним произошло. Одна женщина оплакивала своего больного сына, которого бандиты отволокли в синагогу и замучили до смерти.

Когда мы узнали, что бандиты ушли, я вышел из дома и пошел искать нашу дочь с сыном. Проходя через один двор, я увидел убитых евреев,

⁵¹⁸ *Видуй* (иврит) — покаянная молитва, которую произносят, в частности, перед смертью.

и в одном из них узнал моего свояка. В саду лежала девушка с простреленной ногой. Из хлебов и кустов выползали напуганные люди.

Так я какое-то время бегал по местечку, затем, вымотанный, вернулся домой. Там я обнаружил мою жену, и мы вдвоем ходили вокруг до пяти часов вечера, ища нашу дочь. В доме мы боялись оставаться. Мы пошли ночевать на сеновал к добросердечному христианину. Наши дети были уже там. Вдруг мы увидели, как люди снова разбегаются из местечка, потому что, как выяснилось, и те семеро солдат-охранников имели связь с бандитами.

Тем временем мы отнесли несколько тел погибших в их дома, часть — в синагогу. Раненых распределили по разным домам. За местечком собрались еще семьи с маленькими детьми и старыми слабыми людьми. Каждый куст, каждый шорох в лесу наводили на нас ужас. Поскольку голодные дети плакали, оставалось ночевать в лесу. Случайно мы нашли в лесу заброшенный сруб, забрались туда и улеглись на траве.

Я беспокоился о том, где взять воды для нуждавшихся. Решил пройти пешком в местечко две версты лесом и полем, надеясь, что мне удастся принести воды. Девушка, чья бабушка осталась в местечке, пошла меня сопровождать. Выйдя из леса, мы увидели, что одни люди идут пешком, другие бегут. У кого были собственные кони, те ехали на них. Крестьяне, боясь бандитов, не одалживали евреям повозок.

Мы услышали, что бандиты идут следом, вернулись в лес и рассказали об этом. Все подхватились и кинулись бежать — весь лагерь несчастных людей с маленькими детьми. Повсюду лежали трупы. Когда мы проходили мимо хутора, вышла одна женщина и передала нам, что рано утром здесь была наша дочь с ребенком, они пошли в направлении Уречья. На полпути мы остановились заночевать.

У «еврейского погребения»

Издалека мы увидели солдата с винтовкой. Один из нашего лагеря опознал в нем еврея, который останавливался у этого человека в доме. Все бросились к нему. Он расплакался и утешил нас тем, что сюда идут красноармейцы. Но он не советовал нам возвращаться в местечко.

Тем временем действительно показался отряд солдат, маршировавших в направлении Любани. С ним, как мы увидели, шли многие бежавшие из местечка. Они спрашивали о своих знакомых и родственниках. Некоторые остались ночевать в деревне, а другие ушли с солдатами в Любань.

Крестьяне не пускали евреев в свои дома, но на окраине жили еврейские мельники, которые охотно принимали всех. Как только рассвело, мы оставили детей и вернулись в местечко: узнать, что там слышно. В доме учения лежали трупы, и не всех можно было опознать. Я встретил нескольких своих знакомых; у нас щемило сердце, но надо было все-таки похоронить убитых. Заниматься этим выпало мне, потому что я был старостой погребального общества.

Всего в доме учения было 23 убитых — 15 мужчин и 8 женщин. Мы забрали и трупы, лежавшие в домах. В каждом доме, где мы их забирали, происходили печальные сцены.

Вдруг начался новый переполюх из-за возвращения бандитов. Несколько солдат оставались на вахте в местечке, но все подразделение ушло на фронт. Многие жители разбежались, но некоторые остались. Тем време-

---

Каждый куст, каждый шорох в лесу наводили на нас ужас. Поскольку голодные дети плакали, оставалось ночевать в лесу.

нем мы отвезли восьмерых погибших женщин на кладбище и похоронили, после чего некоторые из нас поехали за погибшими мужчинами. Кто-то привез тела, и мы предали их земле. Так продолжалось до шести вечера, тогда мы расстались с могилами мучеников и с тяжелым сердцем поехали домой. Там я застал мою свояченицу, ставшую вдовой, с сиротами. Они сидели, разбитые горем, и плакали.

Мои руки были запачканы кровью убитых, и я, подавленный, пошел в местечко, где встретил еще несчастных. Все это происходило в канун субботы. Мы, люди, только что потерявшие близких, помолились в сумраке, произнесли кадиш. Со всех сторон неслись стоны, и всех интересовал один вопрос: рядом ли еще солдаты. Утром в субботу в синагоге стояло такое настроение, как на 9 ова.

В воскресенье утром мы несколько воспряли духом и собрали миньян с родственниками жертв. Я хотел записать в книге похоронного общества расположение могил, но залил эту книгу слезами, как и сами могилы. Тогда я вышел на улицу. Разрушения в местечке были велики, окна повсюду разбиты. Из каждой семьи оставался только один или два человека, остальные убежали.

Я пошел домой, и мы стали думать, что делать дальше, потому что дети, оставленные нами в деревне, перебрались в Уречье. Они боялись возвращаться домой. Мы решили, что их действительно не надо привозить сюда, и я стал собираться в путь: взял белье, молоко и еще кое-что для детей.

Вдруг — снова беда: поскольку солдаты ушли, люди боялись оставаться в местечке без них. Мы решили идти, куда все идут. Дети к тому времени вернулись домой из Уречья, потому что там тоже произошло нападение на одну семью, и они убежали оттуда. Дети и так были замученными почти до потери сознания, а теперь им приходилось отправляться назад в Уречье... С большими трудностями я добыл повозку у моего знакомого, посадил на нее моих детей, и еще несколько человек посадили своих. Старики и больные шли пешком.

Вечером мы прибыли в Уречье. Напуганные евреи из Любани и других местечек спрашивали: что слышно, что делается? Из слуцкого беженского комитета принесли хлеб и разные вещи. Руки у меня тряслись, когда я брал этот дарованный нам хлеб. Дети улеглись на твердом полу, а родители сидели во дворе до утра. Даже не везде было где сидеть, потому что Уречье горело, поляки подожгли его перед своим отступлением. Было решено, что мы поедem в Слуцк.

Дорога в Слуцк

Я с детьми поехал в Слуцк, а жена со старшей дочерью остались тем временем в Уречье, ожидая, не приедет ли еще кто-то из Любани. На въезде в город мы получили разрешение туда попасть. Маленьких детей мы несли на руках. Никто из комитета нас не встретил — то ли они не знали, то ли не хотели.

Мы расспросили о друге, который бежал из Любани за несколько дней до погрома. У него нас приняли тепло. На улице я встретил еще несчастных из нашего местечка. Некоторые остановились у друзей или знакомых в Слуцке, другие нашли приют в синагогах. Я искал квартиру, но у меня тре-

бовали деньги вперед, а их не было. Тогда я отправился на край города. Там стояло много повозок из Любани, и крестьяне приехали туда из деревень на своих возах. Несчастные отдавали последнее, нанимая воз до Слуцка. От приехавших я узнал, что моя дочь тоже наняла воз и что она везет вещи.

Приехав, она рассказала, что в местечке уже не видно евреев. Она схватила кое-какие постельные принадлежности и белье, закрыла дом на замок, а ключ отдала соседке-христианке, чтобы та смотрела за домом, коровой и курами.

Мы развезли немногие наши вещи нескольким знакомым, потому что у всех было тесно. Наконец мы нашли квартиру на краю города. Денег зараннее у нас не требовали, приняли по-дружески, выделили отдельную комнату. Но не было еды. Наш хозяин тоже был из бедняков, и мы вместе молча страдали.

Тем временем беженцы прибывали в Слуцк из всех окрестных местечек и деревень. Нам посоветовали выбрать беженский комитет, которому правительство оказало бы помощь. У раввина состоялось собрание местных жителей, и они собрали деньги, хлеб, вещи, белье. Выбрали комитет, в который я также вошел.

Из Минска приехал представитель, регистрировавший бездомных. Процедура тянулась много дней, но снабжение нас продуктами так и не было налажено. Пообещали выдать пять фунтов ржаной муки, а перед этим для маленьких детей уже выдали пшеничную муку, сахар, картофель, соль, которая в те времена была большой редкостью. Только два или три раза распределяли продукты, и для их получения нужно было приложить много труда, побегать, чтобы что-то достать.

Был основан приют для сирот, в который принималось ограниченное их число. Приходилось многих обегать и попросить, чтобы получить право на место в нем. Поскольку места для всех сирот не было, нужно было добиваться, чтобы еда выдавалась домой.

Я посещал госпиталь, где лежали люди, раненые в погромах. Приходя домой, я мучился мыслями, где достать пищу. Так я прожил почти месяц — то голодал, то брал что-то в долг. Настроение мое было сумрачным.

Резня в Стареве

Но пришло еще большее горе. Одна моя сестра много лет жила в Стареве (там была стекольная фабрика). Ее семья состояла из пяти душ: она с мужем и трое детей. Одна ее дочь прорвалась в Польшу и готовилась уехать в Америку. Они думали, что со временем тоже эмигрируют. Когда начался разгул бандитизма, они решили перебраться в Слуцк. Поехали за немногими своими вещами (это было в среду) и собирались вернуться в Слуцк на субботу. Но наступила пятница, затем суббота, воскресенье, а их все не было. Я сам поехал к ним, но по дороге встретил знакомую женщину, у которой имелись родственники в Стареве. Она ударилась в плач:

– Вы слышали, что произошло в Стареве? Бандиты были там прошлой ночью.

На мой вопрос, что известно о происшедшем, она ответила, что точно не знает. Я застыл, словно окаменевший. После этого она рассказала, что моего племянника привезли раненым.

Я отыскал племянника и отвез его в больницу. Ему было всего семнадцать лет, над ним издевались, выбили зубы. Сквозь слезы он рассказал, что ночевал у соседа. Ночью напали бандиты, всех мучили, дом разграбили. Когда он пришел в себя, то побежал домой и увидел, что мать и сестра мертвы, отец сидит избитый...

Пока он рассказывал, прибыли христиане из Старева и сообщили о четырнадцати погибших, среди которых были и моя сестра со своей дочерью. Немало было раненых, среди них и мой шуринок. Многие из нас хотели ехать в Старево, но мы боялись. Пошли просить, чтобы с нами послали туда солдат. Надо было привезти мертвых и раненых.

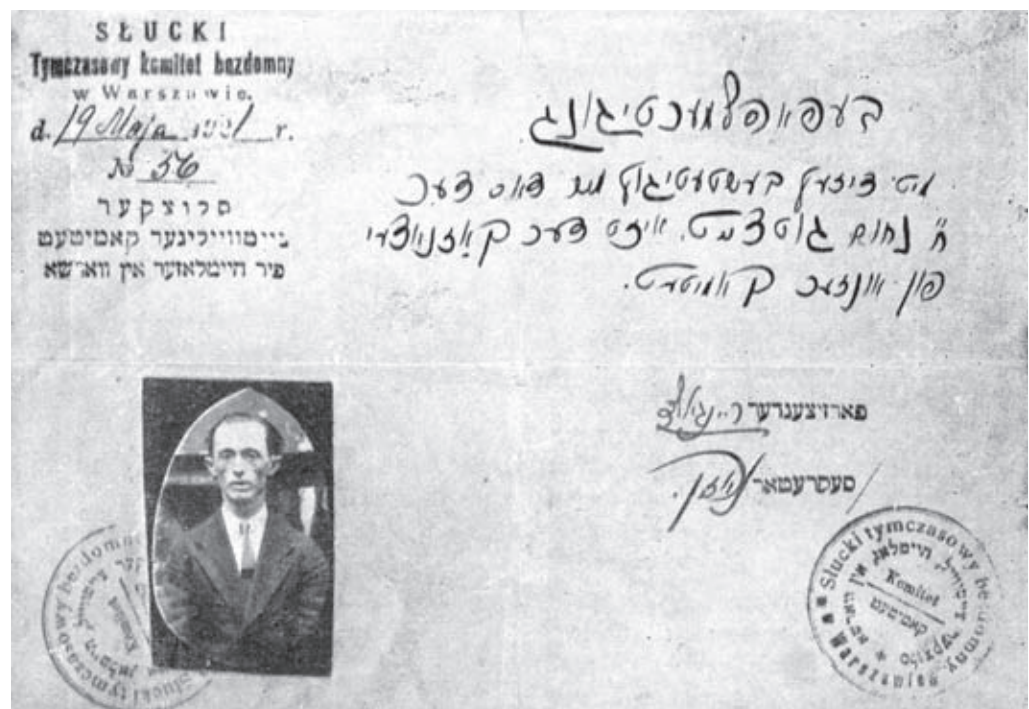
Это было 26 июня 1921 г. В сопровождении десяти солдат мы отправились в Старево. Солнце клонилось к закату, и солдаты торопили нас, чтобы мы поскорее собрали трупы. Окна домов были забиты досками, дом моей сестры был закрыт. Я отыскал ключ и наткнулся на еврея, который прятался. Вместе с ним я вошел в дом. У меня потемнело в глазах, когда я увидел сестру, лежавшую в луже крови. В другой комнате была моя двухлетняя племянница, тоже мертвая. Я стоял, словно оглушенный, даже слезы у меня не лились. Меня вывели из дома и позвали сесть на воз, на который был уложен мертвец. Это была моя сестра. Возницы отвезли трупы на двор слущкой богадельни, выпрягли лошадей и поехали по домам. Лишь я остался стоять у возов.

На рассвете сторож позвал меня в дом и уложил отдохнуть, но рыдания и вопли родственников убитых не давали мне уснуть. Раненых из Старева отвезли еще раньше другой дорогой. Несколько часов спустя двор богадельни был переполнен. Плач и вопли стояли ужасные.

Порядок похорон был установлен р. Мельцером и городскими хозяевами. Нужно было собраться на синагогальном дворе, а оттуда процессия должна была отправиться ко всем главным правительственным учреждениям в знак протеста против того, что они допустили пролитие еврейской крови. Никакого оружия для самообороны нам не выдали, а своего у нас

Окна домов были забиты досками, дом моей сестры был закрыт. Я отыскал ключ и наткнулся на еврея, который прятался.

Удостоверение члена Временного комитета слущких беженцев в Варшаве на имя Нохема Гутцайта, май 1921 г.

Реб Монес Львович

не было. Мертвецов везли на тех же возах, на которых их привезли в Слуцк. Лавки в тот день были закрыты, и мы провели демонстрацию перед всеми правительственными учреждениями. На кладбище произносили прощальные речи, кричали и плакали. Хоронили целые семьи. В одном дворе Старева бандиты растерзали восемь человек: отца, мать, дочь, зятя, трех внуков и учителя.

Так тянулось до ночи. Возвращаясь с кладбища, я зашел в больницу. Мой племянник все еще спрашивал о матери и сестренке. Я ему сказал, что они тоже ранены и находятся в другой больнице.

Шурин тем временем не приходил в себя. Две недели он не разговаривал и меня не узнавал. Каждый день после чтения кадиша я приходил в больницу навещать раненых. В конце концов прекратились страдания моего племянника, и мы его отвезли в то место, где лежали его папа и мама, дедушка, бабушка, сестра и братья (в разных могилах).

Голод в нашем доме усилился. Встречая знакомого, обычно такого же несчастного, мы выговаривались и в тишине вместе выплакивались.

В Польшу

В то время еще никто не уезжал назад в Любань. Туда ехали без огласки, что-то оттуда привозили. Те же евреи, кто рискнул и остался там, большей частью погибли. В местечке замерла вся еврейская жизнь, даже миньян не собирался. Все свитки Торы и религиозные книги были перевезены в Слуцк. Но немного погодя мы уже слышали о том, что на субботу миньян в Любани собирается.

Мне с моими маленькими детьми и слабой женой не к кому было ехать. Жена с детьми съездила в Любань и привезла немного молока, зелени из нашего огорода. Но всего этого было мало. Я искал способы, как улучшить наше положение. Комитеты к тому времени уже прекратили поддержку

В местечке замерла вся еврейская жизнь, даже миньян не собирался. Все свитки Торы и религиозные книги были перевезены в Слуцк.

беженцев. Кредиторы откладывали выдачу займов то на завтра, то на более поздний срок, так что противно стало ходить к ним. Я решил пересечь границу с Польшей и оттуда просить помощи у родственников в Америке. Пугала разлука с семьей, но надо было спасать от голода и себя, и их.

На дорогу у меня не было никаких денег. Друг одолжил мне две с половиной тысячи рублей, и я стал собираться в путь. 18 июля 1921 г. я выехал в местечко, близкое к границе, и стал искать способ пересечь ее. Я присоединился к компании, ехавшей через границу. Два дня мы прятались, потом целую ночь бежали по лесам, полям, болотам, оврагам, но это уже не было для меня тяжелым испытанием. Наконец, рано утром в пятницу мы, голодные, томимые жаждой, напуганные, попали в польское местечко. К несчастным бездомным добавилась новая порция людей, и среди них был Биньомин Вольфсон из Любани.

ЛЮБАНЬ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Э. Капчиц

От редакции: в Любани находилось около 600 еврейских семей. Погром начался 26 мая, в три часа утра, и продолжался примерно пять часов. Было убито 28 человек и ранено 19. Еврейское имущество грабилось и уничтожалось. Нижеследующие записи о погроме мы берем из отчета местного жителя, учителя Элийоу Капчица.

25 мая после полудня в Любань приехала разведка из семи кавалеристов 21-й пограничной бригады. Они направлялись в деревню Плюсна. В Любани они хотели встретиться с отрядом пехоты из 60 человек, у которых был пулемет, но и к ночи отряд не прибыл в Любань, и пограничники остались ночевать в местечке. Окрестные крестьяне уже передали по секрету своим знакомым евреям, что бандиты около Любани готовят нападение. Все же мы хотели верить и надеялись, что помощь сразу же подоспеет. Мы делегировали людей в Повстынь (под Уречьем), в батальон, стоявший там, а также в Слуцк, в 21-ю бригаду. Но никакой помощи не пришло. Паника в местечке усилилась, самооборона не спала и всю ночь была на вахте в Большой синагоге. Красноармейцы были этим довольны, они сказали нам пароль и пошли спать!

* * *

Выбежав из синагоги, я в то же мгновение застыл как вкопанный. «Бандиты!» — пролетела в моей голове мысль. Увидев, как все бегут, я подумал, как бы задержать банду, чтобы все могли убежать. Некоторые товарищи стояли рядом со мной. У одного из них была винтовка, но он не мог стрелять — затвор заклинило. Я выхватил у него винтовку и выстрелил пять раз, а больше пуль не было. На рынке слышались возгласы по-русски: «Ура, ура, сдавайся!» Я побежал к Синагоге портных через Раввинский переулок. Увидел, как целые толпы людей бегут в ржаное поле. Здесь товарищ дал мне пулю про запас, я зарядил винтовку и выстрелил еще четыре раза. Тут я услышал неподалеку: «Сдавайся!» Два бандита вбежали в переулок, но они боялись подбежать и схватить нас, звали своих товарищей: «Ребята, сюда!»

Показались еще три бандита, но мы были уже на Цыганской улице. Там снова посыпались пули. Вся улица была полна бандитов, и мы побежали через двор в поле. За нами охотился целый отряд, началась сильная стрельба. Из местечка доносились громкий плач и крики. Тем временем мы бежали через ржаное поле, лес и болото к дороге на Уречье. Там нас еще преследовали одиночные выстрелы, но опасность уже была не такой сильной.

Мы обогнали большую толпу беженцев — стариков, женщин, девушек, маленьких детей. Они бежали молча, и лишь время от времени спрашивали друг друга, не видел ли кто-то из них своих близких среди бежавших.

Вот, вытянувшись, лежит на дороге старик, никаких ран на нем не видно; похоже, он умер, когда убегал. Вот тянется через дорогу длинная красная лента. Солнце стоит уже высоко в небе, мы идем через деревню. У всех дверей стоят группы крестьянок, заламывают себе руки, не зная, что им делать. Крестьяне смотрят на нас без интереса и ни о чем не спрашивают. Вот лежит на крыльце еврейского дома раненый. Он просит о помощи. Один из наших друзей-христиан, бежавших с нами, красноармеец Бородаев, просит у председателя сельсовета коня, чтобы отвезти раненого, но ответ был таков:

– Мы подчиняемся не тем, кто впереди, а только своим, тем, кто сзади.

Мы бежим дальше, но тяжело бежать в пальто, с винтовкой в руке и с коробкой для пуль в кармане. Помня о судьбе всех несчастных, которые впереди и сзади, бежим дальше. В половине восьмого мы уже в Уречье. Я даю телеграмму о нападении на Любань в Слуцк, Бобруйск и Минск.

Здесь, в Уречье, собралась уже половина жителей Любани. Каждый бежит ко мне навстречу и спрашивает о своих отце, матери, сестре, брате. Душераздирающие вопли стоят в воздухе. Некоторые целуются, другие издают отчаянные крики, плачут. Все ходят голодные, измученные. Многие бедолаги не знают, где их родители, дети. Большая масса людей пустилась бежать в Слуцк.

Я чувствовал себя угнетенным, глубоко оскорбленным. В одном доме я свалился и сразу же заснул. В пятницу, 28 мая, на рассвете я пошел назад в Любань.

В местечке осталось очень мало людей. Бандиты загнали в синагогу всего около 200 человек — женщин, детей и мужчин. Негодяи выискивали девушек покрасивее и помоложе, тянули их в женскую часть синагоги и там насиловали. Остальных били шомполами и нагайками. Когда в синагогу вошел атаман, крики избиваемых стихли. Он встал на биму и потребовал, чтобы к десяти часам утра ему доставили миллион рублей, 20 фунтов серебра, 10 фунтов золота, 80 пар обуви и 500 пар белья. Он также выбрал трех старых евреев, которые должны были все это собрать. Но это оказалось совершенно невозможно, и людям приходилось откупаться по одному. Другие взяли займы у священника несколько тысяч рублей и откупились. Один старый еврей из числа трех сборщиков был тем временем убит.

Через некоторое время их предводитель снова явился в синагогу и сказал:

– Благодарите ваших попа и попадью! Если бы не они, мы бы тут всех вас сожгли вместе с вашей синагогой!

После этого один из бандитов забрался на биму и еще полчаса раздавал приказы.

Дикость и жестокость бандитов не поддаются описанию. Они вернулись в гимназию, где проводили время с директором Ясеновым, доктором

У всех дверей стоят группы крестьянок, заламывают себе руки, не зная, что им делать. Крестьяне смотрят на нас без интереса и ни о чем не спрашивают.

и другими неевреями. Особенно они хорошо поладили со священником. Перед уходом они сожгли дом волисполкома. В спешке атаман забыл в синагоге на столе портфель со всеми своими документами. В одиннадцать часов утра они ушли назад в деревни Шипиловичи, Юрковичи, в леса и на хутора.

Имена нескольких убитых

- 1) Довид Кустанович из Рачкевичей.
- 2) Яков-Эли Эйзензон из Обчина.
- 3) Шмарьягу Каплан.
- 4) Рефоэл Тирушкин из Закального.
- 5) Мотэ (Масисьюгу) Подлипский.
- 6) Йеґошуа из Кузьмичей.
- 7) Его сын.
- 8) Цви Кустанович.
- 9) Залмен Каплан.
- 10) Авром из Шипиловичей.
- 11) Хаим Эпштейн.
- 12) Молодой человек Авром Крик.
- 13) Мойше Гафун.
- 14) Шмуэл из Тройчан.
- 15) Файтл Факин, умер от ран на второй день в Уречье.

(«Форвертс»⁵¹⁹, 13 октября 1921 г.)

СЛУЦК В МОЕЙ ПАМЯТИ

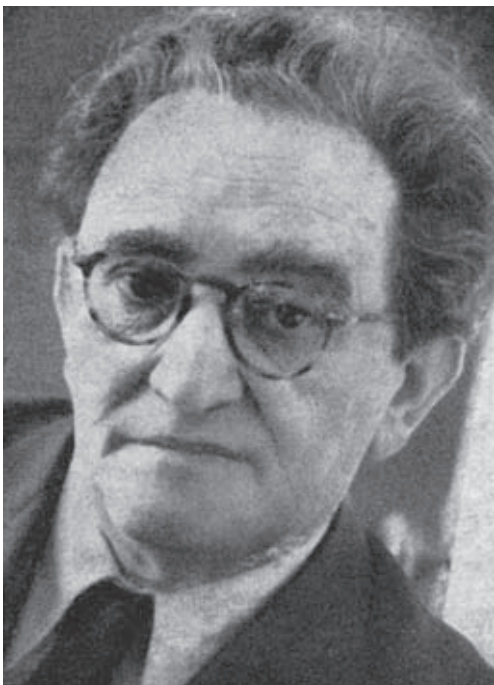
Г. Ланг

Мои первые встречи

Из местечка Шкуды в литовской Жемайтии, на границе с Курляндией и Восточной Германией, я, подросток, в один прекрасный день в самом начале века выехал в далекий белорусский Слуцк, город со знатной еврейской историей. Я был в хорошем настроении по ряду причин: во-первых, в сравнении с названием моего родного местечка слово «Слуцк» звучало намного солиднее. Во-вторых, я ехал в йешиву движения Мусар, где мне предстояло учиться вместе со взрослыми парнями из разных мест. И главное, там я встречаюсь с великим раввинским родом Пеймеров, благодаря которому Слуцк снискал себе славу. С Пеймерами мой отец имел прямые родственные отношения и всегда мне рассказывал о них удивительно красивые истории.

После долгого путешествия на поезде до Барановичей и оттуда на дилижансе, осенним вечером я сквозь туман впервые увидел Слуцк. Туман

⁵¹⁹ «Форвертс» (идиш) — «Вперед», газета (в 1897–1982 гг. — ежедневная, с 1982 г. — еженедельник), выходящая в США.

Г. Ланг

этот висел, подобно белой шали с тоненькими серебряными ниточками. В городе были разбросаны огоньки: искрились зажженные уличные фонари, в окнах мерцали светлячки домашних ламп. Удивительная панорама оставила в моей детской душе впечатление редкого зрелища, мистического сияния. Это был как бы символический свет слуцкой учености, и это первое впечатление осталось в моем сердце навсегда.

С письмом от отца в кармане я в первый же день отправился к семье Пеймеров, как спешат в царский дворец, чтобы увидеть монарха во всем его великолепии в окружении свиты. Увы, тот визит оказался моим первым разочарованием в Слуцке. Тогда для династии Пеймеров уже наступило время упадка, им на смену приходили более молодые преемники. Над Слуцком в то время возшла и сияла великолепная звезда гаона Якова-Довида Виловского, известного под акронимом Ридбаз.

Желание в первые же дни заглянуть во все дома учения города привело меня в синагогальный двор. Там я увидел импозантную фигуру Ридбаза, одетого в длинный атласный праздничный сюртук. Он был пошит как халат и украшен пурпурными нитями, золотым шитьем, а на голове у мудреца был штраймл. В руке Ридбаз держал большую открытую книгу. Он почувствовал, что кто-то смотрит на него, закрыл книгу, подозвал меня и спросил, кто я такой. Я был всего лишь подростком, но, поскольку я приехал учиться в йешиву из далекого местечка, он со мной разговаривал как со взрослым. У него было тяжело на душе, и и ему захотелось выговориться перед посторонним человеком. Ему было очень одиноко. Два года он отсутствовал в Слуцке, ездил по Америке, и вот сейчас ему больше нечего делать здесь, и он скоро снова отправится за океан.

Ридбаз дважды был в Америке. В первый раз — чтобы заручиться поддержкой для издания своих книг, прежде всего комментариев к Иерусалимскому Талмуду; во второй — с намерением остаться жить в Новом Свете. В итоге раввин отделился и от Слуцка, и от Америки.

Желание в первые же дни заглянуть во все дома учения города привело меня в синагогальный двор. Там я увидел импозантную фигуру Ридбаза, одетого в длинный атласный праздничный сюртук.

Перед этим Ридбаз был слуцким раввином около десяти лет, и титул «раввин Слуцка» прямо-таки слился с ним. Вокруг этого вырос целый фольклор, в том числе и рассказы о бурных ссорах Ридбаза с Пеймерами, жившими в городе.

Имелась в этих ссорах философская подоплека, отзвук старого спора школы Шама⁵²⁰ со школой Гилеля, спора «ригористов» и «либералов». Но присутствовали в них и личные мотивы.

Ридбаз шел путем Шама: это соответствовало его характеру: твердому, жесткому, агрессивному. А поведение Пеймера было «гилелевским»: легким, мягким, невоинственным, склонным к компромиссам, а не к наказаниям. Он считал, что лишь добрые слова вызывают добрые дела.

Для воина, считающего войну заповедью, весь мир — поле боя, и слуцкая доля Ридбаза перекочевала вместе с ним в далекую Америку. На конференции ортодоксальных общин в Филадельфии его увенчали титулом «старейшина раввинов». Попросили, чтобы слуцкий раввин приехал навести порядок в еврейском доме Нового Света. Но вскоре для него начались бурные дни: те же общины отказали ему из-за его суровых методов, а когда он попробовал занять пост раввина Чикаго, там разгорелись ссоры из-за жесткости, на которой он настаивал. От этого поста он отказался: почувствовал, что это для него уже слишком, что он принесет ему лишь множество мучений. Воображение вело его из одного города в другой — он пытался воссоздать в Америке что-то похожее на Литву, на Слуцк. Эти попытки не находили отклика. Тогда он понял, что ему нужно распрощаться со всей диаспорой и переехать в Страну Израиля: там он снова возьмется за написание своих комментарий к Иерусалимскому Талмуду.

В два трогательных момента его жизни — накануне отъезда из Слуцка и накануне прощания с Америкой — судьба свела меня с Ридбазом. Это были внезапные встречи в неожиданных местах.

1905 год. Нью-Йорк, Ист-Бродвей. День за днем сюда прибывают тысячи еврейских детей из России, в том числе множество йешиботников из Литвы. Здесь витают мечты моего слуцкого йешиботного поколения. И, как в волшебной сказке, я вдруг снова вижу Ридбаза. Он одет с той же роскошью: праздничный бархатный сюртук, вышитый пурпурными и золотыми нитями, на голове — штраймл. И вновь раввин держит в руке открытую книгу, и стоит он у парка Сьюард, между Ист-Бродвеем и Гестер-стрит, как стоял на синагогальном дворе в Слуцке. Мне показалось, что я сплю. Я подошел к нему и встал рядом. Он меня узнал и снова говорил резко и горько: мол, в Америке он, одинокий слуцкий боец, лишний, а завтра утром вернется из изгнания домой.

1905 год. Нью-Йорк, Ист-Бродвей. День за днем сюда прибывают тысячи еврейских детей из России, в том числе множество йешиботников из Литвы.

Глава йешивы

Йешива тогда размещалась в слуцком районе Остров, между садов и лугов, и стала особым миром, куда приезжала молодежь из Литвы и Белоруссии, а также из местечек Польши, вплоть до границ с Украиной. Главе йешивы р. Исеру-Залмену Мельцеру, которого Ридбаз сам привез из Слободки в Слуцк, выпало стать наставником целого поколения еврейских детей, позже рассеявшихся по всем континентам.

⁵²⁰ Шамай — один из величайших мудрецов Талмуда, славившийся ригоризмом, в отличие от своего коллеги Гилеля, который отличался гибкостью и мягкостью. — *Прим. пер.*

В теплоте великой духовности, исходившей от личности раввина, сформировался особый характер слуцкой йешивы. В нее приезжали ученики даже из тех городов, где существовали собственные, более крупные и старые йешивы. В Слуцке звучало так много названий тех мест, как будто он собрал весь молодой еврейский мир.

Тремя благословенными атрибутами обладала великая духовность р. Исера-Залмена.

Во-первых, это любовь. Просто любовь ко всему поколению еврейских детей, как если бы это были его собственные дети. Любовь с заботой о том, чтобы они ничего плохого не натворили, с молитвами об их благополучии. Кто сейчас говорит об учении ради него самого, из любви к нему как таковому? Реб Исера-Залмен говорил:

– Учитесь, и вокруг вас будет Шхинэ⁵²¹, и с традиционным напевом при чтении святых книг входит в еврейские сердца новая сила. Учение — это заслуга, и уметь пользоваться этой заслугой — путь к величайшему наслаждению!

Во-вторых, вера, редкая вера в силу духа юноши, сидящего за Талмудом. На него можно положиться, он не забросит святые традиции народа, а будет их защищать даже ценой жизни. Как только он пришел в йешиву, ему можно доверить любую книгу, и он сам разберется, что в ней верно, а что нет. Грех подозревать его в том, что он может выбрать кривую жизненную дорожку.

В-третьих, его скромность и самоотверженность были для изучавших Тору примером, своего рода прививкой от гордыни.

Три характерные особенности реб Исера-Залмена слились в единое целое с душой слуцкой йешивы, и потому процесс ее становления шел иными путями, чем у йешив «мусарников» в других городах.

В йешиве

В йешиве выделялись три категории учеников: те, кто уже имел смиху и мог быть раввином; те, кто глубоко погрузился в Галаху, Агаду и комментарии, но не ставил себе целью получение смихи; и те, кто только «доспел» для изучения Талмуда, не имея рядом с собой наставника. Не разделенные на классы, все учились по-своему. На самом деле изучали один Талмуд, но углублялись в избранную часть «своего» трактата, и каждый выводил собственный напев, в который вкладывал всю силу ума и свое сердце. Интеллектуальный мир йешиботников музыкален, без всяких указаний регента они составляют слаженный небесный хор — и философскими диалогами, и своими напевами. К тому же духовная сила одних дополняет силу других путем «беседы ради учения». Это было примером плодотворной работы мысли.

Йешива не стоит на месте. Ученики прогуливаются между столами и вокруг бимы, и всякий пытается поделиться с товарищами проблемой, которую изучает. Но не только равные с равными прогуливаются в компаниях и ведут «беседы ради учения»: старшие идут с младшими, знатоки — с начинающими. В помещении витают вопросы, висят в воздухе ответы.

Во-первых, это любовь. Просто любовь ко всему поколению еврейских детей, как если бы это были его собственные дети.

---

⁵²¹ Шхинэ (идиш; букв. «пребывание», «проживание») — Божественное присутствие в сотворенных мирах.

Корифеи стремятся отточить свой ум, отвечая на наивные вопросы новых учеников, а новички стараются получить побольше знаний у корифеев. Здесь ведется духовное соревнование в атмосфере взаимной приязни.

Всех объединяет урок р. Исера-Залмена. Тогда ведется общий бой «всех против всех». Кто-то нападает на оппонента, прибегая к пафосу, кто-то жалит иронией, а кто-то повторяет свой вопрос до тех пор, пока на него не ответят. Реб Исер-Залмен сражается со всеми, и чем больше ученики распаляются, тем больше ему это нравится, но в итоге он приводит всех к согласию.

Слуцку была дорога традиция Воложина, согласно которой голос Торы никогда не должен замолкать в стенах йешивы и учение следует поддерживать круглые сутки. На такую ступень, однако, Слуцк не поднялся. Начали с одного йешиботника, занимавшегося по ночам раз в неделю, и дошли до трех подвижников, продолжавших заниматься по ночам через день. Но таких были лишь единицы.

Нас было трое, учившихся три ночи в неделю — и летом, и зимой. Тот, кто не испытал такого ночного бдения, тот не изведал и духовного подъема. Представьте: глубокая ночь, мы сидим одни в йешиве, каждый за своим томом Талмуда. Освещения достаточно лишь для того, чтобы можно было читать. Читаем вслух, с особым напевом. Каждый выводит свою мелодию при тусклом свете, и мелодия — жалобная, полная грусти — звучит так, словно где-то плачет сама Шхинэ, таящаяся в тенях от парт, за которыми сидят ночные ученики. И вот кто-то замолкает, прислушиваясь к мелодиям двух других своих товарищей...

Зима. Йешиву, из окон которой сочится свет нескольких свечек, окружили высокие сугробы. Снег продолжает падать всю ночь, ветер стучит в окна. Помещение обогревается еле-еле. Три ученика жмутся к печи, голоса их звучат все пронзительнее, как будто преодолевая свист ветра, стремящегося заглушить напев, с которым они произносят текст. Вьюга кружит морозный снег, который укутывает мир белым саваном. Это еврейская учеба во всей красе.

А краса требует короны. А короной учебы у нас был Мусар.

Как изучают Мусар

Абсолютного требования от каждого ученика в слуцкой йешиве изучать Мусар не было. Тот, кто хотел, мог держаться в стороне от боковой пристройки к ее зданию, где в промежутках между молитвами шла учеба. Тем не менее «домик Мусара» всегда был переполнен. Когда реб Исер-Залмен выходил давать урок, он надевал свой талес, и вскоре им овладевало совершенно особое настроение. Чувствовалось, что сейчас будет достигнут высший уровень обучения. И если каждый вкладывал в мелодию во время обычной учебы все свои устремления, то во время изучения Мусара это делалось в сто раз сильнее. Когда доходили до части, призывающей к раскаянию, все вставали, и один стих повторялся снова и снова, пока не становился огнем, полыхающим в крови.

Особенно вспоминается изучение Мусара в Слуцке по вечерам перед исходом субботы. Перед этим ученики встречались у йешивы в Острове и выходили на традиционную прогулку. Одевались мы аккуратно, но не подчеркивали свою религиозность одеждой: «мусарники» не носили долго-

полые сюртуки, ни у кого из них не свешивались цицес⁵²². Когда мы отпра- влялись на свою субботнюю прогулку, прохожие на улицах останавливались и смотрели на нас с большим уважением. Гуляли мы обычно от Острова к Широкой улице, а оттуда по Шоссейной — к дому реб Исера-Залмена. Ходили и парами, и по четыре человека в ряд, и по шесть. Раввин выходил, чтобы отвести нас в особое помещение для субботних встреч «мусарников», которое было там же, в районе Остров.

Когда совсем темнело, реб Исер-Залмен проводил специальный урок. По субботам он прояснял тот или иной пункт из философии Мусара, рас- сказывая истории о ком-то из кабалистов или основателей движения Мусар. Это были поучительные жизненные истории, несшие в себе Божественную искру. Они перебрасывали мост между Кабалой и Мусаром, и реб Исер-Залмен фланировал по этому мосту с восхищавшей нас элегантностью. Слушатели ощущали душевный подъем и после этого с особым настроени- ем переходили к вечерней молитве. После нее реб Исер-Залмен совершал гавдоле, и начиналась новая неделя учения, проходившего как в дневные часы, так и в тишине ночи.

В те годы — 1902–1904 — свет братства пронизывал слуцкую йешиву. Одна из организаций йешиботников носила название «Нер шабес»⁵²³. Она занималась тем, что обеспечивала приезжим ученикам домашний очаг, к которому можно приходиться каждую субботу. Слуцкая йешива держалась обычая всех «мусарников», по которому традиция «есть дни» отменяется, но каждому йешиботнику следует выдавать из пожертвований хоть какое-то денежное пособие. Его, конечно, не хватало, но тем не менее каждый обретал опору и внутреннюю силу. Он уже не был тем бедным парнем, который день за днем идет к другой двери, чтобы получить корку хлеба. Он — представитель учености в своем народе, пусть он беден, а часто даже голоден. Большинство из нас происходило из семей, где едва сводили концы с концами. Родители жертвовали многим, чтобы их сын учился в йешиве, отправляли ему посылки в далекий город из того, что удавалось собрать: пачка чаю, мешочек с сахаром. И очень многим помогали наши любящие сестры — они сыграли историческую роль в обучении евреев Торе. Они были первыми ласточками еврейской эмиграции — уезжали из роди- тельского дома в Англию, Америку. Их братья время от времени получали от них, тяжело работавших эмигранток, иногда даже младших по возрасту, сердечные письма и немного денег. Сестры делились последним, лишь бы йешиботники могли учиться и радовать родителей.

Вообще же наши расходы и доходы исчислялись копейками. Считанные копейки тратились на съем квартиры, как и на пропитание. Обычно четыре парня ютились в одной комнатке, а хозяйками таких квартир, называемых «станции», были женщины, сами имевшие детей и жившие в горькой бед- ности. Они же готовили еду для йешиботников. Большим подспорьем в еде был густой слуцкий крупник; иной раз ели редьку с жиром, а затем целую неделю сидели на «диете» из хлеба с чаем. Но суббота должна была совер- шенно отличаться от будних дней. Суббота — это принцесса, королева, не- веста, сама красота еврейской жизни. В субботу на столе должны быть халы для кидуша, мясное блюдо. Надо было иметь компанию для песнопений.

Слушатели ощущали душевный подъем и после этого с особым настроением пере- ходили к вечерней молитве.

---

⁵²² Цицес (иврит в ашкеназском произношении) — сплетенные особым образом нити на углах талесов, необходимые для выполнения одной из заповедей Торы.

⁵²³ «Нер шабес» (иврит в ашкеназском произношении) — «Субботняя свеча».

Товарищество «Нер шабес» объединило в городе семьи, встречавшие субботу с приезжими йешиботниками. Семьи их кормили, это делалось так, чтобы йешиботник чувствовал себя в доме дорогим гостем. Над субботним столом должен витать дух святости, а парень из йешивы был ее носителем. Пара сотен учеников рассуждали в этот день о высоких материях во многих слуцких домах, в том числе и у богатых русифицированных хозяев из торгового сословия. И эта особенность Слуцка придала городу собственный характер, определила его место в еврейской истории.

В Слуцке также была восьмиклассная русская гимназия, притягивавшая в город абитуриентов из всей Минской губернии, да и из других губерний. Среди них были дети из состоятельных еврейских семей. Многие из них в гимназию так и не поступили — то ли потому, что процент гимназистов-евреев там был исчерпан, то ли из-за того, что не смогли выдержать экзамены. Но эти ребята оставались в Слуцке: учились у частных репетиторов, готовились к экзаменам в четырехклассную гимназию, которая со временем позволяла им получить профессию аптекаря. По этой причине Слуцк представлял собой город с необычно большой концентрацией еврейской молодежи, как йешиботников, так и «светских» учащихся. И лагеря эти не отгораживались друг от друга. Субботние встречи представителей обеих групп в домах слуцких хозяев расширяли горизонты еврейской духовной жизни, благодаря чему йешиботники пользовались еще большим уважением. Исчезало ложное впечатление, что каждый, кто приобретает еврейские знания, является дикарем, непригодным для современной цивилизации и всемирной культуры, бездельником, заикленным на прошлом. Оказывалось, что все как раз наоборот: из еврейских источников вышли идеи, захватившие все человечество.

По этой причине Слуцк представлял собой город с необычно большой концентрацией еврейской молодежи, как йешиботников, так и «светских» учащихся. И лагеря эти не отгораживались друг от друга.

Эпизоды и личности

Удивительные эпизоды из жизни города и йешивы остались у меня в памяти; я их вижу, словно наяву.

* * *

В слуцкой йешиве читали кадиш по замученным в кишиневском погроме. Это чтение молитвы имело характер протеста против всех мучений, которым на протяжении поколений подвергались евреи в царской России. В городе узнали, что будет день чтения кадиша в йешиве, и туда пришли также гимназисты. Известный адвокат встал на ступеньки у ковчега и подробно рассказал о погроме, отметив, что весь мир говорит о нем. Один из йешиботников произнес кадиш, а второй прочел поэму Бялика «В городе резни» из маленькой книжицы, попавшей в Слуцк с нелегальной литературой. Во время чтения кадиша публика рыдала и стонала. Слушая поэму, люди стояли, словно скованные льдом, со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами.

* * *

Доктор Теодор Герцль приехал в Россию для проведения бесед о сионизме с царским премьер-министром Плеве⁵²⁴. Когда Герцль во время этой

---

⁵²⁴ Вячеслав фон Плеве (1846–1904) был государственным секретарем (до 1902 г.), затем — министром внутренних дел. — *Прим. пер.*

исторической поездки оказался в Вильне, оттуда пришел слух, что кто-то застрелил его. Каким образом слух так скоро достиг Слуцка — загадка. Почти все городские евреи вскоре собрались у почтового отделения на Широкой улице. Вообще говоря, евреи приходили туда слушать мировые новости каждый день: на почте можно услышать обо всем. И вот евреи побежали туда посреди дня, чтобы услышать о докторе Герцле; торговцы позакрывали магазины, ремесленники оставили работу, парни из йешивы прервали учение...

* * *

Вспоминается и трогательный эпизод народного единения. В Слуцк пришла весть о том, что в соседнем Бобруйске разразился пожар и целые улицы выгорели. Слуцк сразу же начал собирать помощь: хлеб, одежду, постельные принадлежности. Ребята из йешивы рассыпались по городу, чтобы раздобыть все это. Извозчики поставили свои подводы на Широкой улице посреди города, и каждая вскоре была нагружена до краев продуктами и вещами. Затем подводы одна за другой устремились по шоссе к Бобруйску. Это был вклад извозчиков в дело помощи погорельцам. Когда повозки начали двигаться, йешиботники шли за ними и пели псалмы. Извозчики были посланцами Бога, и надо было, чтобы в дороге с ними не случилось ничего плохого. Из всех домов люди выходили поучаствовать в процессии.

* * *

Это было сразу после исторической сионистской конференции, которая состоялась в Минске в 1902 году. Она стала драматической главой в истории русского сионизма: там возобновился исторический спор между сионизмом доктора Герцля и сионизмом Ахад-га-Ама. Ахад-га-Ам и сам участвовал в конференции, где присутствовали почти все представители русско-еврейской интеллигенции, потянувшиеся к сионизму, а также молодые раввины из разных местностей России. Последние к тому времени уже оформились в движение «Мизрохи», во главе которого стал раввин Ицхок-Яков Рейнес из Лиды. Он тоже приехал на минскую конференцию.

Группы делегатов, отправляясь домой после ее завершения, по дороге заехали в Слуцк. Они прослышали о новой еврейской молодежи, которая собралась в этом городе благодаря йешиве и гимназии, и захотели с ней увидеться. На протяжении нескольких недель каждый день в йешиве оказывался новый гость, причем это были люди, уважаемые в русско-еврейской среде.

Я вспоминаю большую толпу, пришедшую послушать выступление раввина Рейнеса в слуцкой Большой синагоге. Многие ученики йешивы пошли туда. Рейнес имел репутацию современного раввина, и ортодоксы на него косо посматривали, но раввин есть раввин, и все относились к нему с почтением. Кроме того, он был удостоен короны мудреца Торы, которую ему присвоил мир российских йешив, — такое звание в Слуцке ставило его выше всех претензий.

Благодаря гостям, посетившим тогда Слуцк, у йешиботников возник интерес ко всем оттенкам сионизма. Хотя было распоряжение, чтобы никто из йешивы этим не занимался, все же йешиботники искали разъяснения в еврейской городской библиотеке, где можно было достать издания на иврите и идише, в частности, журнал «Га-Шилоах», который тогда издавал

Рейнес имел репутацию современного раввина, и ортодоксы на него косо посматривали, но раввин есть раввин, и все относились к нему с почтением.

Ахад-ѓа-Ам. После этого молодежь заводила беседы об Ахад-ѓа-Аме, докторе Йосефе Клаузнере⁵²⁵ и докторе Шимене Бернфельде⁵²⁶. В то время они были авторитетными авторами в «ѓа-Шилоах».

Библиотека создала совершенно новую среду в городе: вокруг нее образовался кружок просветителей с участием учителей иврита. Одним из этих учителей был в то время начинающий, а позже прославленный писатель, творивший на иврите и идише, новеллист, драматург и переводчик Шолом-Алейхема на иврит И.-Д. Беркович. Молодое смуглое лицо, большие глаза, светившиеся умом и иронией... Йешиботники его необычайно ценили и любили то, что выходило из-под его пера. После того как Беркович покинул Слуцк и до города дошел слух о его больших литературных успехах (его чудесный рассказ «Мошкеле-хазир»⁵²⁷ был отмечен премией на литературном конкурсе), у йешиботников был праздник, в котором все приняли участие.

В тот же период началась творческая биография уроженца Слуцка профессора литературы, историка Меера Ваксмана. Его многочисленные работы на английском языке о литературе на иврите и идише, о еврейской философии и этике были написаны очень ярко и содержали множество глубоких наблюдений.

* * *

Зимняя ночь в Слуцке. Снег, мороз, ветер. У нас — ночное бдение, в котором участвуют лишь два йешиботника: я и «кобринец», принадлежащий к хасидскому миру, сосредоточенному вокруг двора кобринских раввинов. Мы учим Талмуд с одним напевом, но звучит он по-разному. Мой товарищ читает ее на высоких тонах, и его голос напоминает мне молитву хазана.

У дверей йешивы слышатся шаги, и вот рядом с нами вырастает высокий молодой человек, одетый в серое студенческое пальто с блестящими пуговицами, с башлыком на плечах, на голове — барашковая шапка. Можно подумать, что он — молодой военный, офицер. Мы прервали учебу. Гость представился. Оказалось, что он проходил мимо, услышал голоса в такое позднее время, ночью, и захотел посмотреть, что происходит. Его зовут Арн Сингаловский.

Между нами завязалась беседа. Сингаловский был чужим в Слуцке, приехал в надежде поступить в гимназию. Он видит, чем мы, я и мой товарищ, занимаемся, но что мы учим? А что такое Мусар? А кого считать великими философами в Талмуде, кто такие геоним, кто относится к знатокам Кабалы? Мы не растерялись; посчитали нужным взять для него Талмуд и поговорить о величии и глубокой человечности его мудрецов. Рассказали об их тяжелой жизни, о том, что многие из них были ремесленниками: кто-то был кузнецом, кто-то сапожником, дровосеком, бондарем, плел корзины, а в то же время они были учеными и поэтами. Зачаровал нашего гостя образ кабалиста раби Шломо Алькабеца, автора субботней песни «Лехо, дойди...»⁵²⁸ Раби Исер-Залмен в те дни объяснил нам, что исторически Алькабец был предвестником Мусара — и своими мыслями, и своей высокоморальной

⁵²⁵ Йосеф-Гдалья Клаузнер (1874–1958) — один из инициаторов возрождения национальной культуры на иврите, литературовед, историк, лингвист; сионистский деятель. — *Прим. пер.*

⁵²⁶ Шимен Бернфельд (1860–1940) — раввин, историк. — *Прим. пер.*

⁵²⁷ «Мошкеле-хазир» (иврит) — «Мошкеле-свинья».

⁵²⁸ «Лехо, дойди...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Выйди, друг мой [навстречу невесте]...» — гимн, которым приветствуют наступление субботы. — *Прим. пер.*

Гилел Дубров
и Арн Сингаловский

трудной жизнью. Сингаловский сидел, пораженный тем, что услышал. Он оставался с нами до утра, затем пришел и во второй, и в третий раз. В Слуцке он основал организацию йешиботников и студентов «Бней-Йеѓуда»: она стала местом для самообразования и дискуссий о Мусаре, мудрецах Талмуда, а также о европейских идеях, о социализме. Мы слышали там о Бунде и Ѓирше Леккерте⁵²⁹ из Вильны, о минских бундовцах и поалейционовцах. По капле воды мы узнавали о море; в той слуцкой организации «Бней-Йеѓуда» уже заметен был весь будущий мир нашего поколения...

Слуцк тех дней мы унесли с собой за все моря. Мы захватили его во все политические и общественные движения, а кто-то поднялся с памятью о нем на видные позиции в культуре, литературе, журналистике, в университетской жизни свободного мира.

Во время своих поездок по разным странам я снова пережил встречи с людьми этого города, и Слуцк остался на моей карте мира. Я посетил его в 1933 году, в год советского террора и голода, но перед тем побывал в Стране Израиля и провел субботу в иерусалимском доме моего раввина Исера-Залмена Мельцера, тогда уже причисленного к величайшим знатокам Торы, и во мне пробудились воспоминания о его слуцком доме. Приятную компанию мне составил случчанин И.-Д. Беркович, уже входивший в группу ивритских писателей, вокруг которых создавалась литературная атмосфера будущего Государства Израиль.

Я ехал в Слуцк из Бобруйска, однако железнодорожная милиция перекрыла мне дорогу, дальше нельзя было ехать, впереди — военная зона. Но вот я уже почти в городе. Еще бы пять минут езды на автомобиле, и мы были бы в Острове, в том самом районе Остров, где стояла йешива. Но дальше не дают идти. Я узнаю дорогу, я несу в себе память о всех улицах и тро-

---

Слуцк тех дней мы унесли с собой за все моря. Мы захватили его во все политические и общественные движения...

---

⁵²⁹ Ѓирш Леккерт (1879–1902) — российский революционер, участвовал в еврейском рабочем движении, состоял в Бунде; сапожник по профессии. В 1902 г. стрелял в генерал-губернатора Вильно Виктора фон Валя из револьвера и ранил его. По приговору военного трибунала был повешен. На суде вел себя гордо и не сожалел о содеянном.

пинках, где я когда-либо был. Мой советский гид от «Интуриста» дружелюбен, он понимает мою цель и хочет мне помочь. Гид подводит меня к будке постового и спрашивает, есть ли евреи в Слуцке. Появляется какой-то человек, подходит к нам. Я слышу от него, что прежнего Слуцка уже совсем нет, тот Слуцк давно умер. «Слуцк теперь — военный лагерь, — говорит он. — Повсюду стоят конюшни».

СТАРОБИН, ПОГОСТ, СЛУЦК...

Раввин Н. Ваксман

Когда местечко Старобин, где я родился и жил, сгорело, мы поселились в деревне Метявичи, в четырех верстах от местечка Погост. На Грозные дни мы приезжали в Погост и оставались там. Мои первые воспоминания о погостском доме учения, освещенном большими мигавшими лампами, где

Раввин учил Торе перед молитвой, а реб Гиршл Эйдлес вел дополнительные службы в эти дни, оставили в моей душе глубокое впечатление. О том, чтобы ходить каждый день в хедер в Погост, не было и речи, и моему деду пришлось самому заниматься со мной первые пару лет (папа уже был в Америке).

Мой дед Берл Хашес был типичным продуктом своего времени. Надломленный нуждой и горестями жизни, он все же остался непоколебимым в духовном смысле. С виду он был человеком суровым, но его умные глаза, когда он смотрел на меня, излучали доброту и теплоту. Его можно было назвать «евреем Мишны»: он знал на память псалмы, все Пятикнижие, знал почти на память несколько книг пророков с комментариями Раши и всю Мишну с «Тосафот йом-тов», но и только. Он не был сведущ в Талмуде, но каждую субботу днем читал книгу «Зоѓар»⁵³⁰.

Берл Хашес (Ривин),
дед р. Ваксмана

⁵³⁰ «Зоѓар» (иврит) — «Сияние» — основная книга, содержащая учение Кабалы. — Прим. пер.

Дед занимался со мной до шести–семи лет, а затем возник вопрос, где мне продолжать учиться: в Старобине или Слуцке. Был выбран Слуцк, потому что там жила его старшая дочь, и это снимало проблему с жильем для меня.

В Слуцке меня послушал раввин Берл, глава йешивы, и сказал деду:

– Хороший мальчик, но он все-таки мал еще. Пусть походит год к Липе Шинявкеру.

Так я остался у тетки, Раши-мясничихи, жившей в каменном доме, где находилась и ее мясная лавка. Учился у раввина Липы. Он-то уж был знатоком всего Танаха и Талмуда, очень переборчивым в выборе учеников. У него занимались целый день, но это не мешало мне бегать из хедера в Синагогу мясников и слушать реб Ляту-шамеса, который рассказывал нам притчи, легенды и предания из книги «Эйн-Яков» между послеполуденной и вечерней молитвами. В субботу я еще слушал выступления реб Лейба Неймарка в Синагоге портных.

Когда Старобин отстроился после пожара, наша семья вернулась в родное местечко. Несколько лет я учился в Старобине, а затем снова в Слуцке. Во время войны много новых людей из Польши и Галиции прибыли в город, спокойная жизнь кончилась. Это было начало конца. С приходом «красных» Слуцк начал угасать, агония была долгой. В течение двадцати лет город умирал — грустно было видеть, как душа покидала его...

Во время войны много новых людей из Польши и Галиции прибыли в город, спокойная жизнь кончилась. Это было начало конца.

ДОСТАТОЧНО ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА...

Проф. Ц. Разран

Мне достаточно закрыть глаза, чтобы увидеть Слуцк моего времени. Разумеется, я хорошо помню два года, проведенных в слуцкой йешиве: раввина Зундла Мельцера и его блистательные уроки Талмуда и раввина Шептла Кремера и его меланхоличные беседы о еврейской этике в сумерках накануне субботы. В будние дни р. Кремер обычно являлся нам «свыше», наблюдая за нами из высокого балконного окна: пара внимательно всматривавшихся глаз и черная качающаяся борода. Впрочем, он никогда не пытался разыскивать «запрещенные» книги⁵³¹, которые я читал в то время в йешивном нужнике. Хотите верьте, хотите нет, но именно в этом нужнике началось мое серьезное светское образование, когда я впервые прочел Мапу⁵³², Смоленскина⁵³³, Бялика и т. д.

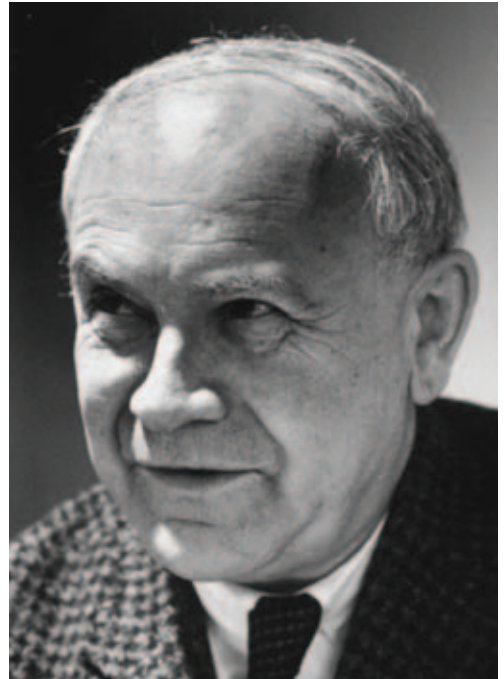
Книги произвели свое действие. Вскоре я стал искренним поборником Гаскалы, в четырнадцать лет ушел из йешивы и погрузился в мир прямо противоположных идеалов и забот. Бренер, Бердичевский и Борохов, Гесс и Герцль, Пинскер и Перец, а позже различные русские светила стали моими учителями и наставниками. Я вступил в «Цеирей-Цион», испытывал явную симпатию к «Поалей-Цион». (Поэтому много лет спустя, уже будучи в США, я был очень рад слиянию «Цеирей-Цион» и «Поалей-Цион».)

⁵³¹ В отличие от инспекторов многих тогдашних йешив. — *Прим. пер.*

⁵³² Авром Мапу (1807–1867) — писатель. Считается родоначальником современного романа на иврите. — *Прим. пер.*

⁵³³ Перец Смоленский (1842–1885) — писатель и публицист, писавший на иврите; поборник Гаскалы, один из предвестников сионизма. — *Прим. пер.*

Проф. Цви (Грегори)
Разран (1901–1973),
американский психолог
и исследователь
в области психологии
влияния

Первым образом, возникающим перед моим мысленным взором после этого, чаще всего оказывается кафе Соломяка с его сочетанием вкуснейших пирожных и изощренных общественно-политических и философских споров. Лысый ученый казенный раввин и правоверный марксист, меньшевик-интернационалист Бронштейн; циничный и насмешливый сионист-социалист Чарный; светский и приятный общественный деятель и фолькист⁵³⁴ Файнберг и говорливый младосионист Ландау; преданный делу, красноречивый, пользовавшийся популярностью у девушек Габай; педантичный, но очень способный Млынский; ученый очкарик Соломон Чипчин; и наконец, очаровательная красавица-бундовка Малка Борухович.

Второй образ — Холодная синагога и птицы, носящиеся под ее высокими сводами во время молитвы в праздник Швуес...

Третий... Хорошо, пусть это будут клубы младосионистов («Цеирей-Цион»): один — пригородный, на утопавшей в зелени Юрьевской улице, второй, тесный и многолюдный, на рыночной площади и третий, просторный и современный, освещенный двумя электрическими лампочками, на шоссе, в доме Файнберга. Впрочем, в третьем клубе меня больше интересовала романтика. Ярко, с явной ностальгией я вспоминаю скамейки на бульваре на Широкой улице, усыпанной цветами каштанов, на которых мы, молодые, любили посидеть, декламируя Надсона⁵³⁵, Шнеура⁵³⁶, Довида Эйнгорна⁵³⁷, а кое-кто и Генриха Гейне.

Упомянутый Чарный говорил, что Слуцком правят «четыре Льва»: Лев Григорьевич, Лев Михайлович, Лев Исаакович и Лев Миронович. Будучи

⁵³⁴ Член Еврейской народной партии (Фольксспартай), созданной историком Дубновым и стоявшей на позициях, близких к кадетским. — *Прим. пер.*

⁵³⁵ Семен Надсон (1862–1887) — популярный русский поэт, отец которого был евреем. — *Прим. пер.*

⁵³⁶ З. Шнеур — поэт и прозаик (настоящее имя Шнеур Залкинд; 1887–1959). Писал на идише и иврите. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Бялика (1951) и Государственной премии Израиля (1955). — *Прим. пер.*

⁵³⁷ Довид Эйнгорн (1886–1973) — поэт, драматург и публицист. Писал на идише. — *Прим. пер.*

секретарем слуцкой еврейской общины после революции и многолетним секретарем и председателем слуцкой организации «Цеирей-Цион», я знал их всех. Лев Григорьевич — не кто иной, как легендарный доктор Шильдкраут, гигант разума и сердца, уважаемый и любимый евреями и неевреями, богатыми и бедными, старыми и молодыми. По всеобщему мнению, Шильдкраут был самым умным человеком во всем уезде — несмотря на то что после революции он несколько утратил былую популярность из-за своего политического консерватизма.

Лев Михайлович — состоятельный человек, сионист Лейбуш Гутцайт. Репутация этого человека, сложившаяся благодаря его богатству и приписываемой ему деловой и коммерческой хватке, меня неизменно удивляла, поскольку не соответствовала моему впечатлению о нем как о мягком, вежливом, порой даже неловком человеке, чуть ли не подкаблучнике, занятом духовными идеалами и самосовершенствованием и сумевшим приобрести обширные, но совершенно бесполезные познания о еврейской и мировой литературе. Хорошо помню, как однажды во время обеда в доме Гутцайта хозяин предложил тост за свою дочь, учившуюся в Италии — в то время неизвестной, вызывающей трепет и далекой для меня стране, — а также, разумеется, за своего талантливого и самого демократичного из всех демократов сына Яшу.

Львом Исааковичем звали бундовца Мышковского; Львом Мироновичем — Бунина. Мышковский был женат на Кларе Мироновне, которая не просто была пламенной и деятельной сионисткой, но и придерживалась отчетливо правых взглядов. Поэтому мы никогда не спорили с Мышковским — Клара Мироновна делала это гораздо лучше нас, — но постоянно дискутировали с Лейбеле Буниным. В ходе этих споров наше несогласие с его общественно-политическими взглядами перешло в личную неприязнь. Однако сегодня, оглядываясь назад, Бунин кажется мне прекрасным представителем Бунда и еврейских рабочих масс Слуцка. Это был замечательный организатор, лидер, отличавшийся порядочностью, возвышенными идеалами и принципами.

Я не смогу закончить свою эпитафию, не выразив своего отношения к очаровательным девушкам из нашей организации «Цеирей-Цион». Фаня Крепах, хрупкая блондинка с острым умом и глубокими чувствами; Бася Баронак, капризная, обладавшая редкой интуицией, непохожая на всех остальных; Муся Пеймер и Беся Хожик, в которую я был тайно влюблен, хотя она об этом даже не догадывалась, и другие... Где они теперь, и что с ними?

* * *

Был жаркий день 30 июня 1941 года. За несколько дней до этого мы с женой и двумя друзьями выехали из Нью-Йорка, отправившись на автомобилях в Мексику. Гитлер вторгся в Россию. Согласно коммюнике, которое мы прочли в газете, купленной в Нашвилле, штат Теннесси, его войска наступали на Барановичи и Луцк. Мы ехали весь день и остановились лишь поздно вечером в городке Палестин, штат Техас. На следующий день в Сан-Антонио мы купили «Нью-Йорк таймс». Там мы прочли, что бои продолжаются «в направлении Бобруйска и Борисова». Очевидно, что Слуцк уже находился в гитлеровском аду. Позже мне сказали, что мои родственники, оставшиеся в Чаплицах (местечко недалеко от Слуцка), утонули в реке где-то в Полесье, пытаются спастись. Больше я ничего о них не слышал.

Гитлер вторгся в Россию. Согласно коммюнике, которое мы прочли в газете, купленной в Нашвилле, штат Теннесси, его войска наступали на Барановичи и Луцк.

О ВРЕМЕНАХ МОЕГО ДЕТСТВА

3. Глускин

Река Случь была жизненной артерией Слуцка. Ее воды вращали колеса двух мельниц. Летом в реке купались и евреи, и христиане — по отдельности, каждые в своем месте. Зимой нееврейские дети катались по льду на коньках. Еврейская молодежь, впрочем, тоже любила покататься, а некоторым даже удавалось выписывать на льду всевозможные фигуры.

Жители Слуцка никогда не видели моря, и только из псалма «Борхи нафши эс Ад-ной»⁵³⁸ знали, что оно огромно, что по нему ходят корабли и что в нем резвится ливйосн⁵³⁹. Некоторые горожане знали, что в Одессе тоже есть море и что оттуда плывут в Страну Израиля. В те годы в Слуцке жили около тридцати тысяч человек, в большинстве своем евреи.

Слуцкие евреи делились на несколько условных сословий: богатые люди; зажиточные домохозяева; домохозяева со средним достатком; просто домохозяева; ремесленники; те, кто зарабатывал на жизнь, как придется; люди воздуха и духовные лица.

Настоящих богачей в Слуцке было немного, меньше, чем пальцев на руке. Первым из них считался реб Исер Исерлин, происходивший из очень известной семьи (он был потомком р. Мойше Иссерлеса). В городе он слыл богатейшим человеком, и каждый считал своим долгом посчитать его богатства. Его большой просторный дом стоял в самом центре города, на главной улице. Дом окружал широкий двор, где реб Исерлин построил красивую каменную синагогу, которую назвал «Исеркес шул»⁵⁴⁰. В этой синагоге молились, естественно, все члены семьи Исерлин, а также некоторые соседи, изучавшие Тору, а еще «асоро батлоним»⁵⁴¹, которых реб Исер содержал, чтобы в ней всегда был миньян. Главой синагоги считался усердно изучавший Тору еврей по имени реб Мендл. Каждый день и каждую ночь в синагоге сидели и учились йешиботники и простые обыватели. Были среди них молодожены, жившие на содержании тестя, и молодые парни после бар-мицвы, закончившие учить Талмуд с меламедами. (Такие парни собирались группами по три-четыре человека и учили лист за листом Талмуд со всеми комментариями.) Рядом с ними сидели простые евреи, учившиеся в одиночку. Каждый вечер после молитвы в углу возле восточной стены сидел реб Менделе, прочитывавший ежедневный урок⁵⁴² и всегда готовый ответить на любой вопрос, связанный с трудным местом в книге. Каждому, кто обращался к нему с вопросом, он отвечал ласково и приветливо и все объяснял. Я тоже как-то раз задал ему вопрос относительно непонятого места и получил исчерпывающий ответ.

Еще не женатые юноши⁵⁴³ считали учебу в Синагоге Исерке великой честью: она считалась своего рода царским двором. Сам реб Исер был бого-

⁵³⁸ «Борхи нафши эс Ад-ной» (иврит в ашкеназском произношении) — «Благослови, моя душа, Господа» («Тегилим», 104).

⁵³⁹ *Ливйосн* (иврит в ашкеназском произношении; в русской традиции — Левиафан) — огромное живущее в океане существо, не поддающееся идентификации.

⁵⁴⁰ *Исеркес шул* (идиш) — Синагога Исерке.

⁵⁴¹ *Асоро батлоним* (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «десять бездельников» — шутовское прозвище десятых свободных от работы людей, постоянно присутствующих в синагоге для молитвы и учебы.

⁵⁴² Лист Талмуда, который в этот день изучали в синагоге. — *Прим. пер.*

⁵⁴³ Молодые йешиботники, которым сваты искали партию — по возможности, в семьях богатых евреев, считавших за честь выдать дочь за знатока Торы. — *Прим. пер.*

Зеэв Глускин
с супругой

боязненным евреем, однако не слишком ученым. Высокий рост, длинная борода и приятный голос — весь его облик свидетельствовал о том, что перед тобой настоящий хозяин. В самом городе у него не было никаких дел. Он торговал в Кёнигсберге, где заработал большие деньги. Однако в Слуцке у него тоже была работа — реб Исер был городским моѓэлем⁵⁴⁴. Он приходил к богачам и беднякам в синагогу, где молился отец виновника торжества, читал там утреннюю молитву, радостно спев при этом «...ве-хоройс имой ѓа-брис»⁵⁴⁵ от начала до конца. Помимо собственно заповеди, реб Исер извлекал из этого еще одну выгоду: возможность не читать таханун⁵⁴⁶. Бедным матерям он вручал конверт с деньгами.

Супруга реб Исера, Брайна-Рейзл, была добросердечной женщиной, щедро откликавшейся на любую просьбу о пожертвовании. Заболевший бедняк, нуждавшийся в тарелке супа или каши, приходил «ко двору», где его неизменно встречали ласково и говорили с ним приветливо — воистину, как при дворе доброго царя.

У реб Исерины были два сына. Одному исполнилось пятнадцать, другому двенадцать. Оба мальчика не водились с городскими детьми и учились дома. У них были преподаватели, обучавшие их религиозным дисциплинам, а также чтению, письму и другим общеобразовательным предметам.

После того как Исерины вместе с несколькими другими семьями переселились в Кёнигсберг, они забрали с собой все свое имущество, а также домашнего учителя, бывшего наполовину религиозным, наполовину вольнодумцем, чтобы он продолжал домашние занятия с сыновьями, дабы в семье не забывали еврейские традиции.

Весь город переживал, узнав об отъезде реб Исера и его семейства. Роскошный дом, возвещавший его славу⁵⁴⁷, опустел и осиротел. Всем, кто проходил мимо него, казалось, что стены плачут горячими слезами.

⁵⁴⁴ *Моѓэль* (иврит) — специалист, делающий обрезание. — *Прим. пер.*

⁵⁴⁵ «...Ве-хоройс имой ѓа-брис...» (иврит в ашкеназском произношении) — «...И заключил с ним союз...»

⁵⁴⁶ *Таханун* (иврит) — покаянная молитва, часть утренней молитвы в будни. Таханун не проносят в синагоге в ряде случаев — в частности, когда в ней присутствует отец ребенка, которому в этот день будут делать обрезание. — *Прим. пер.*

⁵⁴⁷ Парافраз слов из псалма: «Во храме Его все возвещает о Его славе» («Теѓилим», 28:9).

Весь город переживал, узнав об отъезде реб Исера и его семейства. Роскошный дом, возвещавший его славу, опустел и осиротел.

Синагога, впрочем, осталась. И каждый вечер, между послеполуденной и вечерней молитвами, когда обыватели разговаривают о мирских делах, все разговоры были только о том, кто достоин жить в таком дворце. Однако то, чего не сделает разум, сделает время. Святой, благословен Он, поразил Слуцк пожаром, и этот особняк сгорел вместе со всем кварталом. Синагога чудесным образом уцелела, и весь город увидел в этом перст Всевышнего. Говорили, что огонь пощадил здание благодаря заслугам «асоро батлоним», живших в нем.

Через несколько лет на этом месте построили новое большое и красивое здание, однако не особняк, а самый обычный дом, хотя и внушительных размеров. Все жители Слуцка вспомнили красоту прежнего дома Исерке, поэтому, видя новое здание, лишь качали головами.

Позже в этом доме жили семьи двух уважаемых людей, один из которых был мужем моей сестры. Помню, что, впервые побывав у них, я чувствовал легкий трепет: неужели я нахожусь в доме реб Исера?

Вторым среди слуцких богачей считался реб Шмуэл Симхович, отец доктора Симхони, который тоже был из семьи Исерлинов. Весьма своеобразный еврей, он полагал себя большим человеком и презирал всех прочих жителей Слуцка. Вот что написано о нем в книге «Дор рабанав ве-софрав»⁵⁴⁸ Бен-Циона Эйзенштадта.

«Реб Шмуэл Симхович из Слуцка был одним из выдающихся знатоков Торы. Это был редкостный мудрец, обладавший обширными знаниями и происходивший из очень почтенной семьи, известной на протяжении многих поколений. Он вырос в богатстве, учился Торе и премудрости у многих учителей. Знал несколько языков: немецкий, польский, французский, английский и русский. Был известен как ученый, публиковал статьи в газете на немецком языке «Petersburger Herold»⁵⁴⁹. В 5625 году был избран раввином Вены, год спустя получил приглашение из Варшавы, однако быть там раввином не захотел. В 1893 году был приглашен правительством в Петербург для участия в Раввинской комиссии⁵⁵⁰».

Симхович жил на широкую ногу, беспощадно критиковал всех и каждого, сторонился простонародья. Общество, однако, относилось к нему с уважением: как-никак сам Симхович! По субботам он молился в Синагоге Исерке.

Шмуэл Симхович скончался в Слуцке 3 адара 1896 года.

Третьим среди состоятельных горожан был реб Биньомин Авин, предприимчивый человек, о котором все знали, что он очень богат. Авин давал деньги в рост, причем не только помещикам, но и евреям (на основании «разрешения на сделку»⁵⁵¹). Каждый уличный мальчишка знал, что этот человек скуп. Молился он в синагоге на Хапашкинской улице.

Четвертым в этом списке был Гершон Островский, которого обычно называли Гера Крейнес, в честь его супруги Крейны. Это был обычный

⁵⁴⁸ «Дор рабанав ве-софрав» (иврит) — «Поколение, его раввины и писатели» — шеститомник биографий современных автору раввинов и еврейских писателей, изданный в 1895–1905 гг. в Варшаве, Вильне и Нью-Йорке.

⁵⁴⁹ «Petersburger Herold» («Петербургский вестник») — газета на немецком языке, выходившая в С.-Петербурге/Петрограде в 1875–1915 гг.

⁵⁵⁰ Раввинская комиссия — высший официально признанный орган для решения вопросов религиозного характера. Учрежден в 1848 г.

⁵⁵¹ Еврейский закон запрещает ссужать под проценты. Разрешение на сделку (*гэтер иска*) — юридический ход, позволяющий обойти этот запрет. — Прим. пер.

непримечательный еврей, чье истинное состояние никому не было известно. Он жил в двухэтажном доме, в котором помещался большой магазин, торговавший продуктами и отборными спиртными напитками. Всеми делами заправляла его жена, покупателями же были интеллигенты-неевреи, чиновники и богатые помещики; еврейских покупателей у них практически не было.

Уважаемых домохозяев из знатных семейств с высоким доходом, живших не слишком роскошно, но и не бедствовавших, в Слуцке было несколько десятков. Никто никогда не выяснял, сколько денег у каждого из них, однако все знали, кто из них преуспевает. Что же касается домохозяев средней руки и просто домохозяев, то провести между ними однозначную границу было практически невозможно. Однако в таком городе умных и проницательных людей, как Слуцк, разумеется, нашли способы проводить различие между этими тремя «сословиями».

Когда в городе вспыхнула эпидемия холеры, потребовалось организовать лечение больных и помощь семьям бедняков. Нужны были деньги, и руководство общины придумало, где их взять: с согласия раввина во всех синагогах развесили объявление, что каждый случчанин должен сделать разовое пожертвование в благотворительную кассу в соответствии со своими обычными субботними расходами. А поскольку невозможно знать и нельзя спросить человека, сколько он тратит на одну субботу, каждый должен был внести фиксированную сумму: богачи — 36 червонцев, состоятельные домохозяева — 18 червонцев, домохозяева средней руки — 9 червонцев, простые домохозяева — 5 червонцев. При этом каждый должен был сам решить, к какой категории себя отнести и соответственно какую сумму дать. Мама вручила мне 18 червонцев и велела передать их руководству общины. Из этого я сделал вывод, что наша семья считается состоятельной. Впоследствии эта раскладка служила образцом всякий раз, когда община налажала «подать» на слуцких евреев.

К семьям домохозяев всех классов предъявлялись многочисленные требования. Если богачам достаточно было молиться в синагоге по субботам и праздникам, в новолуние и в полупраздничные дни, домохозяева считали, что непременно должны молиться с общиной и в будни. От богача никто не ждал, что он будет учить Тору, — от домохозяина требовали, чтобы он прилежно учился. Богачу дозволялось быть хоть полным невеждой, однако горе домохозяину, если общественное мнение усомнится в его еврейской учености!

Зарабатывавшие на жизнь всевозможным образом, лавочники и люди воздуха — все они выглядели одинаково серо и неприметно.

Ремесленники вызывали у меня больше симпатии. Это был простой народ, добывавший хлеб своими руками; он вел простую и скромную жизнь. Вид многочисленных ремесленников, еще до рассвета спешивших в синагогу помолиться, а на закате возвращавшихся в свои «цеховые» синагоги, чтобы посидеть за книгой «Эйн-Яков» или прочесть псалмы, трогал за живое.

«Духовенство» включало раввинов, даянов и служек религиозных судов, а также служек общины, синагог и погребального братства.

Поговорим о тогдашних раввинах. Настоящий (духовный) раввин был истинным религиозным авторитетом, и Слуцк по праву им гордился. В принципе, в те времена раввины были подлинными руководителями и духовными лидерами города, которых слушались все. На улицах их виде-

---

Уважаемых домохозяев из знатных семейств с высоким доходом, живших не слишком роскошно, но и не бедствовавших, в Слуцке было несколько десятков.

мать Зеэва Глускина
Фейга Стысес

р. Лейзер,
отец Зеэва Глускина

ли редко — большую часть времени они проводили дома, восседая в своих раввинских креслах.

Казенный раввин по фамилии Шапиро, регистрировавший новорожденных и умерших, был своего рода государственным чиновником и в то же время знатоком Торы. На старости лет он уехал со всей семьей в Эрец-Исраэль. На квартире казенного раввина хранились метрические книги, куда записывали всех родившихся и умерших, брачные свидетельства и прочие подобные бумаги. Он должен был регистрировать все брисы⁵⁵², и к нему приходили, чтобы он сделал соответствующую запись в своих книгах. Если рождалась девочка, ему сообщали имя, которое он также вносил в метрические книги. Сын казенного раввина был знатоком Торы и ежедневно давал урок в синагоге. Он уехал в Эрец-Исраэль вместе с отцом.

Даянам приходилось вспоминать о своих обязанностях довольно часто — всякий раз, когда городскому раввину нужно было собрать бейс-дин⁵⁵³. Кандидатуры на должность служек религиозного суда предлагались судьями и утверждались городским раввином. Синагогальных служек выбирали сами прихожане. В мое время большинство этих служек были людьми пожилыми и учеными. С уважением вспоминаю службу синагоги, где молилась наша семья, которого звали Герцл-шамес. Это был пронизательный человек, наделенный множеством достоинств; прихожане очень его уважали. На старости лет он уехал в Страну Израиля. Я хорошо помню, как он пришел к нам домой попрощаться с моим отцом и всей нашей семьей. Пожав мне руку, он сказал:

— Ну, будь здоров, учись с удовольствием.

— Реб Герцл, возьми меня с собой в Эрец-Исраэль, — сказал я ему.

Погладив меня по голове, он ответил:

Кандидатуры на должность служек религиозного суда предлагались судьями и утверждались городским раввином. Синагогальных служек выбирали сами прихожане.

---

⁵⁵² *Брис-милло*, или просто *брис* (иврит в ашкеназском произношении) — обрезание.

⁵⁵³ *Бейс-дин* (иврит в ашкеназском произношении) — раввинский суд.

– Когда ты вырастешь, ты тоже уедешь в Страну Израиля. А когда придет Мошиах, туда уедут все.

Эти слова я и сегодня вспоминаю со священным трепетом. Ведь если исполнилась первая часть его благословения, можно надеяться, что и вторая часть тоже когда-нибудь сбудется. Мошиах придет, когда в Израиле вырастет поколение, которое будет его достойно.

Синагог и домов учения в Слуцке хватало. Я хорошо помню Холодную синагогу, где зимой молились в теплых пальто или меховых шубах. По словам стариков, этой синагоге было больше трехсот лет. Поговаривали, что после полуночи здесь собираются на молитву мертвецы, а с рассветом возвращаются обратно в свои могилы. Поэтому ходить мимо этой синагоги ночью побаивались. Рядом с Холодной синагогой лежал здоровенный камень. По слухам, на нем выпороли одного из хасидских наставников. Некоторые утверждали, что это был сам Бешт (все слуцкие евреи были убежденными миснагедами).

В мое время в Слуцке жил еврей, которого звали Ицик-хосид. В день Симхес-Тойре мы приходили к нему домой посмотреть, как он пляшет на столе. О хасидизме мы ничего не знали и думали, что весь хасидизм заключается в том, чтобы плясать на столе в этот праздник.

Вокруг Холодной синагоги полукругом стояли несколько других синагог и молелен. Все это место называлось синагогальный двор, и именно здесь слуцкие евреи вставали под хупэ⁵⁵⁴.

С культурной жизнью в Слуцке все обстояло просто: «Талмуд Тойро ке-негед кулом»⁵⁵⁵. Все были «мракобесами», все получали образование в талмуд-торе и йешиве, все учили Тору в синагогах. В талмуд-торе учили Пятикнижие с комментариями Раши, кое-что из Танаха и Талмуд со всеми комментариями. Еврейских детей в Слуцке было как зернышек в гранате. Они учились в хедерах, а те, кто постарше, — в синагогах, домах учения и молельнях; учащих насчитывались тысячи. Гаскала также понемногу затрагивала слуцких евреев. У частных учителей, которых называли «шрайберс»⁵⁵⁶, учились писать красивым почерком и основам русского языка. Три-четыре мальчика объединялись в группу и занимались вместе за скромную плату. Такое образование получали все слуцкие дети. Для серьезного изучения русского языка нанимали гимназистов пятых-шестых классов, это стоило гораздо дороже.

В какой-то момент вышел «злодейский указ», согласно которому все ученики хедеров старше десяти лет должны были изучать русский язык, арифметику и географию.

В городской гимназии никаких ограничений для евреев еще не было. Насколько я помню, в подготовительный, а может быть, и в первый класс не принимали мальчиков младше десяти лет. Правительство было заинтересовано в том, чтобы еврейские дети получали общее образование, однако их отцы в подавляющем большинстве были настроены против гимназии, видя в ней коридор, ведущий к вероотступничеству. Лишь немногие, не обращавшие внимание на общественное мнение, отдавали туда своих сыновей. Когда по субботам и праздникам гимназисты приходили в синагогу в форме с начищенными пуговицами и фуражках с блестящей эмблемой,

---

Еврейских детей в Слуцке было как зернышек в гранате. Они учились в хедерах, а те, кто постарше, — в синагогах, домах учения и молельнях; учащих насчитывались тысячи.

---

⁵⁵⁴ Хупэ (иврит в ашкеназском произношении) — здесь: свадебный балдахин.

⁵⁵⁵ «Талмуд Тойро ке-негед кулом» (иврит в ашкеназском произношении) — «Изучение Торы равнозначно всему перечисленному» (Мишна, «Пеа», 1:1).

⁵⁵⁶ Шрайберс (идиш) — букв. «писатели».

это пробуждало страшную зависть в сердцах всех мальчиков, не удостоившихся такого счастья.

Таков был город, где я появился на свет 9 элуля 5619 (1859) года. Я был пятым ребенком, первым мальчиком после четырех девочек. Родители страшно обрадовались и всегда относились ко мне так, словно я был у них единственным сыном, несмотря на то что позже они произвели на свет еще двух мальчиков.

После Пейсаха, когда мне исполнилось четыре с половиной года, отец отнес меня в хедер, завернув в талес. В хедере «ангелы» осыпали меня конфетами, а дома в мою честь устроили праздник. В тот Пейсах отец специально приехал из Кёнигсберга, где жил из-за своих торговых дел. Он привез мне маленький шелковый талес — вещь, каких в Слуцке еще не было, а также книги — молитвенник и миниатюрное Пятикнижие на немецком языке, очень красивое. Каждый раз, приезжая из Кёнигсберга в Слуцк, отец дарил мне различные книги, роскошно изданные за границей, чтобы таким образом приохотить меня к чтению и учебе. И если я по сей день люблю книги, то эта любовь выросла из семян, посеянных моим отцом, когда я был еще совсем маленьким.

Я рос в достатке, однако без роскоши и расточительства. Мама послала меня в хедер известных меламедов, бравших достаточно высокую плату за обучение. Моими товарищами по учебе стали ровесники из хороших семей. В классе нас было не больше шести-семи. Программа обучения в хедере начиналась алфавитом и заканчивалась Талмудом.

В хедер для самых маленьких, где я учился, мальчиков приводил специальный «багелфер»⁵⁵⁷, который вечером отводил нас домой. Матери вручали ему завтраки и сладости для детей, которые он раздавал в хедере в строго определенное время. Было принято охранять нас, когда мы уходили и когда возвращались: от собак, чтобы не укусили, от коров, чтобы не затоптали, от хулиганов, чтобы не бросили камень, и вообще от любой возможной опасности.

Платили помощнику родители. Однако меламед отвечал перед родителями за своего «багелфера», чтобы он добросовестно исполнял свои обязанности и в самом хедере, и по дороге туда и обратно.

В хедер, где учили Пятикнижие с комментариями Раши, дети уже ходили самостоятельно, без провожатых. Они должны были сами избегать всех опасностей, подстерегающих путников. Благодаря этому у ребенка появлялись навыки самосохранения. Однако страх перед собакой и неевреем-хулиганом оставался с ним на всю жизнь.

Зимними ночами, когда в хедерах учились до позднего вечера, дети возвращались домой не по одному, а группами, поскольку ночью им было страшно.

Вот «станции», на которых во времена моего детства останавливались мальчики, которые шли учиться: учитель самых маленьких, учитель Пятикнижия (просто Пятикнижия и Пятикнижия с комментариями Раши), для детей из богатых семей — начала Талмуда по книге «Леках тов»⁵⁵⁸ (Раши и несложные отрывки). После — лист Талмуда с Раши в неделю, затем Мишна⁵⁵⁹, затем лист Талмуда с Раши и Тосафот, затем — урок по Талмуду

В хедер, где учили Пятикнижие с комментариями Раши, дети уже ходили самостоятельно, без провожатых. Они должны были сами избегать всех опасностей, подстерегающих путников.

⁵⁵⁷ Багелфер (идиш) — помощник.

⁵⁵⁸ «Леках тов» (иврит) — «Благой удел».

⁵⁵⁹ Мишна — собрание Устного закона, древнейшая часть Талмуда.

без ограничения количества листов в неделю. Важные меламеды знакомили учеников с «гостиницей» Маѓарши⁵⁶⁰ и постепенно показывали им «дворец» Маѓарама Шифа⁵⁶¹. Изучение кодексов («Хаей-адам»⁵⁶², «Шульхан арух» и др.) и книг по еврейской этике считалось «десертом» и не рассматривалось в качестве серьезной учебы.

Светское образование, считавшееся необходимым каждому еврею, включало в себя основы русского языка и умение писать красивым почерком. Поскольку мой отец жил в Германии, я учил также немецкий. Кроме того, я занимался ивритом, читал книги Аврома Мапу и другие, чтобы иметь возможность бывать в обществе просвещенцев.

В процессе учебы я месяц за месяцем ежедневно писал отцу в Кёнигсберг, отчитываясь в том, как она продвигается. Иврит я знал хорошо, Танах тоже, «Аѓавас-Цион»⁵⁶³ — наизусть, Талмуд — «почти удовлетворительно». Кроме того, я знал трактаты Мишны «Брахот» и «Шабат» практически на память. Отец очень радовался моим письмам и неизменно меня хвалил. Как-то раз он привез мне большой Талмуд издания братьев Ромм в прекрасном переплете.

Так мы учились, я и мои товарищи, шесть дней в неделю. Час в день на «светское образование» (изучение иврита); пять раз в неделю, по часу — «гойское» образование: занятия русским языком, арифметикой и географией с гимназистом. Русским чистописанием мы занимались с учителем иврита.

О временах моего детства у меня остались приятные воспоминания. В семье меня очень баловали. Мама радовалась, когда я читал ей свои письма, написанные отцу, и его письма, написанные лично мне. Во всей округе, равно как и в синагоге, где молилась наша семья, ко мне относились с уважением как к сыну богатого человека. Мама рассказывала, что ее покойный отец дал деньги на строительство синагоги. Разумеется, его место, которое стало моим, было рядом с восточной стеной — первое кресло справа от ковчега.

По субботам во время послеполуденной молитвы я иногда читал первую часть следующей недельной главы. Кроме того, я читал с бимы свитки «Шир га-ширим», «Рут»⁵⁶⁴ и «Коѓелет»⁵⁶⁵. Прихожане нашей синагоги относились ко мне по-дружески. В их глазах я был хорошим мальчиком и счастливым.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я поступил в уездное училище⁵⁶⁶. Там я учился два часа после обеда ежедневно, кроме суббот. В учили-

⁵⁶⁰ Имеются в виду комментарии р. Шмуэла-Элизера Эйдельса (1555–1631), выдающегося законоучителя и комментатора Талмуда. — *Прим. пер.*

⁵⁶¹ Комментарий р. Меера Шифа (1605–1641), раввина немецкого города Фульды. — *Прим. пер.*

⁵⁶² «Хаей-адам» (иврит) — «Жизнь человека» — популярный свод законов р. Аврома Данцига (1748–1820). — *Прим. пер.*

⁵⁶³ «Аѓавас-Цион» (иврит в ашкеназском произношении) — «Любовь к Сиону» — роман А. Мапу.

⁵⁶⁴ «Рут» — «Книга Руфи».

⁵⁶⁵ Соответственно в праздники Пейсах, Швуес и Сукес, когда в синагогах читают эти книги Танаха.

⁵⁶⁶ Повышенная начальная школа, вторая ступень образования в России XIX в. Согласно уставу учебных заведений (1804), открывалась в губернских и уездных городах для подготовки учащегося «всякого звания» к поступлению в гимназию. В двухлетний курс входили: закон Божий, священная история, изучение книги «О должностях человека и гражданина», русская грамматика и грамматика родного языка, чистописание, всеобщая и русская география, всеобщая и русская история, арифметика, начальные сведения по геометрии, физике и естественной истории, рисование. — *Прим. пер.*

ще мы проходили русский язык, арифметику и другие предметы и сидели на уроках с непокрытыми головами. Я окончил училище к возрасту бар-мицвы. Все отметки в аттестате были — «отлично».

В день вручения аттестатов я отпраздновал свою бар-мицву. Праздник удался на славу. Моя речь продолжалась около получаса⁵⁶⁷. В последовавшей за этим обильной праздничной трапезе участвовали мои учителя, прихожане нашей синагоги и несколько моих товарищей.

После бар-мицвы я продолжил самостоятельно учить Талмуд в Синагоге Исерке, параллельно занимаясь с гимназистом четвертого класса, евреем, русским языком и другими предметами, перенимая у него все, что он знал сам. Втайне от всех я готовился к поступлению в гимназию. Мой учитель принес мне учебник церковнославянского языка, который нужно было знать для поступления в гимназию, а также сборник нееврейских молитв, в которой было несколько изображений священников⁵⁶⁸, а на первой странице красовался огромный крест. Случайно именно эта книга попала на глаза моей матери. Открыв ее и увидев крест, она пришла в ужас и закричала:

– Горе мне, твой учитель хочет, чтобы ты крестился, и для этого заманивает тебя в гимназию!

Естественно, учитель был тут же уволен, и мама стала умолять меня выбросить из головы все мысли о гимназии:

– Хватит с тебя того, что ты окончил училище. Я найму тебе гимназиста, который будет тебя учить, и ты будешь знать все лучше всех мальчиков в Слуцке!

Поскольку я очень любил свою мать, ее слезы тронули меня, и я отказался от идеи учиться в гимназии, ограничившись одним учителем-гимназистом, на сей раз неевреем.

Моя фамилия Глускин происходит от названия местечка Глуск. Мои предки были в нем раввинами на протяжении ряда поколений и написали несколько книг. В нашем доме сохранились некоторые из них, например, известный труд раби Мойше-Зеэва Маргоlesa из Белостока «Агудас-эйзов»⁵⁶⁹. Мой отец, уроженец Слуцка, был его внуком. Меня назвали Зеэвом в честь прадеда. Наречение в честь предка-мудреца считалось надежным духовным средством, чтобы новорожденный вырос знатоком Торы и праведным человеком.

Моя мама родилась в Слуцке, в семье Лифшиц, считавшейся знатной. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что потомок глусских раввинов женился на девушке из именно этого слуцкого семейства. Мой дед со стороны мамы умер в Кёнигсберге еще до моего рождения. Он был купцом и торговым агентом.

Бабушка владела в Слуцке большим магазином. После смерти мужа она ослепла и переехала жить к нам. Ее я помню хорошо. Она умерла, когда мне было пять лет. Звали ее Стыся, и в свое время она была известной женщиной — мою маму все жители Слуцка называли не иначе как Фейга Стысес. Именно это имя можно увидеть на ее надгробии.

⁵⁶⁷ По традиции, на праздновании бар-мицвы виновник торжества произносит речь, демонстрирующую его познания в Торе. — *Прим. пер.*

⁵⁶⁸ Видимо, святых. — *Прим. пер.*

⁵⁶⁹ «Агудас-эйзов» (иврит в ашкеназском произношении) — «Пучок иссопа».

Втайне от всех я готовился к поступлению в гимназию. Мой учитель принес мне учебник церковнославянского языка, который нужно было знать для поступления в гимназию...

Моего отца называли Лейзер Стысес. Многие даже не знали, что его фамилия Глускин. В 1873 году, когда мне исполнилось четырнадцать, я уехал к отцу в Кёнигсберг.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Ц.-Г. Маслянский

Я появился на свет в Слуцке в третий день третьего месяца еврейского календаря (сивана). Хасидское предание гласит, что Бешт, находясь в своем «изгнании»⁵⁷⁰, как-то раз пришел в Слуцк, где местные жители встретили его очень не приветливо. Тогда он проклял город, сказав, что здесь никогда не будет хасидов. Проклятие сбылось: до сего дня Слуцк остается одним из четырех городов, в которых нет ни одного хасида. В этих городах было неслыханно, чтобы кто-нибудь произносил «Гойду» перед «Борух ше-омар»⁵⁷¹. Одно поколение сменяло другое, однако молитвенника канона *сфарад*⁵⁷² никто в городе так и не видел.

Мой покойный отец раби Хаим считался в Слуцке одним из ведущих знатоков Торы и обучал ей до конца своих дней, преподавая детям богатых людей Талмуд и комментарии к кодексу «Шульхан арух». Те гордились своим замечательным учителем и восхищались его объяснениями и методом преподавания. «Раби Хаим Машкес» умел увидеть и оценить способности любого ученика и каждому из них давал особое прозвище: Йоська Догадливый, Исролик Запоминающий и т. д. Меня, поскольку я тоже удостоился быть в числе его учеников, он называл Понимающим. По характеру это был добросердечный, мягкий и ласковый человек, поэтому все ученики продолжали любить и уважать его и после расставания.

Ривка, моя покойная мать, красивая и умная женщина, была известна всему городу своей мудростью и природными способностями к математике. Ее называли «умной Ривкой».

Она родилась в Мире в семье р. Пинхоса Папока, который всю свою жизнь был даяном города и происходил из рода Гаркави из Новогрудка. Прежде чем я появился на свет, мать родила отцу шестерых сыновей, и все они оказались вундеркиндами и красавцами. Однако все мои старшие братья умерли в раннем возрасте, так что у родителей осталась одна-единственная дочь. Мама родила меня, когда ей было сорок. Четыре года до рождения моего младшего брата я оставался единственным мальчиком в семье и до сих пор помню, как дрожали надо мной родители. До пяти лет я надевал на талес-котн одежду из белого холста — это считалось древним испытанным средством, гарантирующим долголетие.

Я часто вспоминаю, как моя красивая и добрая мама произносила благословение над субботними свечами. Эта картина и сейчас у меня перед

⁵⁷⁰ Согласно хасидским преданиям, основоположник хасидизма некоторое время скитался, не открывая людям, кто он. Подобная практика была популярна в некоторых религиозных кругах. — *Прим. пер.*

⁵⁷¹ «Благодарите...» и «Благословен сказавший...» — два отрывка из утренней молитвы. Хасиды, в отличие от их противников, произносят «Гойду» до «Борух ше-омар». — *Прим. пер.*

⁵⁷² Разные еврейские общины следуют разным молитвенным канонам (канон — *нусах*), отличающимся незначительными деталями. Миснагеды молятся по т. н. ашкеназскому канону (*нусах ашкеназ*), тогда как хасиды — по *нусах сфарад*. — *Прим. пер.*

глазами: она берет меня, маленького, за руку и ведет вокруг стола, накрытого в честь субботы и застеленного белоснежной скатертью, на котором стоят начищенные до блеска подсвечники со вставленными свечами. Мягкими руками она прикрывает свои светлые глаза и еле слышным голосом произносит такую молитву:

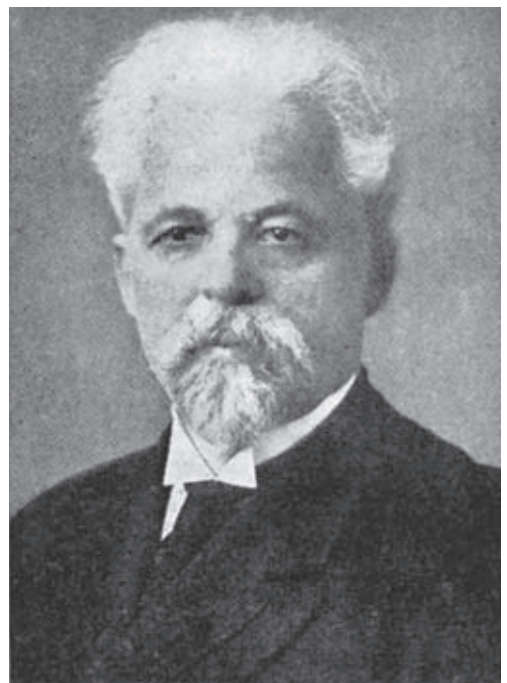
– Бог милостивый и милосердный, окажи мне милость! Так же, как светят эти свечи, зажженные в честь святой субботы, пусть глаза моего сына сверкают, когда он учит Твою Тору, которую Ты даровал Израилю, народу Своему, на горе Синай. Пошли ему долголетие, чтобы ни мне, ни моему мужу не пришлось больше оплакивать своих сыновей, срезанных с Дерева жизни во цвете лет!

Последнюю фразу она произносила со слезами в голосе. Закончив, мама целовала меня в щеку, которая становилась мокрой от ее горячих слез.

После этого к подсвечникам подходила моя двенадцатилетняя сестра. Она тоже произносила благословение над своими свечами, которые стояли в маленьком подсвечнике за большим подсвечником мамы. В своем детском воображении я всегда считал, что маленький подсвечник приходится дочерью большому. Перед зажиганием сестра также произносила личную молитву, однако слегка меняла ее текст: вместо материнского «глаза моего сына» она говорила «глаза моего брата», а вместо «ни мне, ни моему мужу» — «ни мне, ни моим дорогим родителям».

Благословив Всевышнего над субботними свечами, мама надевала на меня шерстяной талес-котн и пальто, брала меня на руки и несла через синагогальный двор в маленькую пристройку при Большой синагоге, где сидел раби Рефоэл-Йосл, которого миснагеда почитали праведником и святым. Мама носила меня к нему каждую неделю, чтобы он меня благословил. Его я хорошо помню и сегодня. Высокого роста, с черной длинной бородой, высоким морщинистым лбом и сверкающими глазами, накануне каждой субботы он возлагал руки мне на голову и произносил благословение. После этого мама возвращалась со мной домой радостной и счастливой.

Цви-Гирш Маслянский

Раби Рефоэл-Йосл был человеком не от мира сего и образцом благородства. О его жизненном пути и деяниях будут рассказывать из поколения в поколение. В народной памяти он останется как один из величайших людей нашего времени, стоящий в одном ряду с такими гигантами, как раби Нохем Шамаш из Гродно⁵⁷³, раби Шимен Каплан из Вильны и раби Мотл Вайншенкер из Шавли. Все эти люди не были раввинами, не носили «короны»⁵⁷⁴, не унаследовали свою славу от отцов и дедов. Выходцы из простого народа, они были преданы ему всей душой, а народ в свою очередь почитал их и помнил о них на протяжении многих поколений.

Раби Рефоэл-Йосл из Слуцка был портным. Обшивал он самых разных людей и тяжело трудился, чтобы обеспечить себя и свою семью. Ежедневно он уделял время изучению Торы. После утренней молитвы он давал урок по Мишне, между послеполуденной и вечерней молитвами — по книгам «Эйн-Яков» или «Менорат-га-маор»⁵⁷⁵. Его ученики из простонародья уважали своего учителя, и никто из них не знал, что он делает по ночам. Они понятия не имели, что вот уже много лет он учит Вавилонский и Иерусалимский Талмуд, мидраши «Сифра» и «Сифрей», Тосафот, «Мехильту»⁵⁷⁶, кодексы ранних и поздних законоучителей и что он обладает необыкновенными умственными способностями и феноменальной памятью. Не кичась своими достоинствами, он стал одним из величайших знатоков Торы своего поколения, но продолжал при этом давать уроки простым людям, понятия не имевшим о его подлинном величии.

Его дела и праведность превосходили даже его ученость и мудрость. Множеству семей он помогал заплатить за квартиру или приобрести необходимые продукты, ежедневно навещал многочисленных больных, поддерживал сокрушенных духом, приходивших к нему со своими бедами, помогал выйти замуж дочкам бедняков⁵⁷⁷ и веселился на их свадьбах...

Откуда он брал средства для своей деятельности? Он брал и давал, брал и давал всю свою жизнь, и все, кто давал ему или получал от него, относились к нему с огромным уважением и трепетом. Свои дневные и ночные часы он делил надвое. Часть времени он тратил на посещение местных богачей и сбор пожертвований, которые давали ему не скупясь. Некоторые приносили ему свои взносы прямо на дом, чтобы он не тратил на визит свое драгоценное время. Этому Рефоэл-Йосл ежедневно уделял несколько дневных часов. А вечером, с наступлением темноты, чтобы их никто не увидел, к нему приходили бедняки и нуждающиеся, вдовы и сироты, и он с ласковой улыбкой давал им деньги, возвращая свет и радость в жилища многих и многих людей.

Раби Рефоэл-Йосл пользовался любовью и уважением и в мире Торы, и особенно среди простого народа.

Раби Рефоэл-Йосл из Слуцка был портным. Обшивал он самых разных людей и тяжело трудился, чтобы обеспечить себя и свою семью.

---

⁵⁷³ Р. Менахем Каплан (р. Нохем Шамаш; р. Нохемке из Гродно, 1832–1880) — выдающийся праведник, посвятивший свою жизнь защите неимущих и преследуемых. — *Прим. пер.*

⁵⁷⁴ То есть не занимали никакой официальной должности. — *Прим. пер.*

⁵⁷⁵ «Менорат-га-маор» (иврит) — «Светящаяся менора» — трактат средневекового испанского раввина Ицхака Абуава (1433–1493), один из классических трудов по еврейской этике. — *Прим. пер.*

⁵⁷⁶ «Мехильта» — собрание законодательных мидрашей и толкований к второй книге Пятикнижия — «Шмот» («Исход»).

⁵⁷⁷ Помогал им собрать приданое, без которого еврейской девушке в то время было трудно выйти замуж. — *Прим. пер.*

* * *

Одним из наиболее эффективных средств, позволявших обиженному добиться справедливости, было прерывание чтения Торы. Если в городе случались кража, обман или какая-либо несправедливость, обиженный или обворованный приходил в синагогу во время утренней молитвы и в тот момент, когда начинали читать Тору, поднимался на биму и препятствовал этому, пока раввин и главы общины не выслушают его жалобы и претензии к обидчику и не пообещают восстановить справедливость. После этого обиженный спускался с бимы и чтение Торы продолжалось должным порядком.

Во времена царствования Романовых рекрутская повинность была возложена не на отдельных людей, а на целые общины.

Во времена царствования Романовых⁵⁷⁸ рекрутская повинность была возложена не на отдельных людей, а на целые общины. Главы их должны были выставить определенное число молодых рекрутов в возрасте от двадцати до тридцати лет, и правительство дало им право забирать тех, кто должен был идти служить. И каждый год с началом зимы появлялись охотники за людьми (хаперы), действовавшие от имени глав общины, которые хватали евреев, заковывали их в цепи и волокли в кагальную избу. Там те сидели под замком, пока не наступал день представить их в воинское присутствие, где рекрутов подвергали врачебному освидетельствованию, после чего отправляли в армию, где им предстояло служить двадцать пять лет.

Бывали времена, когда правительство предписывало забирать в армию маленьких детей пяти–шести лет. Хаперы хватали детей под покровом ночи, вырывая их из рук матерей, невзирая на их отчаянные крики и громкие рыдания. Хаперы были подлинными сынами дьявола, грубыми и жестокими, не ведавшими ни стыда, ни совести. Они получали плату от глав общины.

В Слуцке имел место следующий случай. Дело было в субботу, когда читают недельную главу «Мишпотим». Закончилась утренняя молитва, хазан произнес: «Ва-йеѓи би-нсоа го-орон...»⁵⁷⁹ Завеса, прикрывавшая ковчег, начала сдвигаться, как вдруг раздались громкие крики молодой женщины с тремя детьми, один из которых был годовалым младенцем, которого она держала на руках. Все они кричали, плакали, стонали — словом, не давали приступить к чтению Торы.

– Разбойники, убийцы, грабители! Сегодня ночью похитили моего мужа, заковали в цепи и отвели в кагальную избу, оставив меня с тремя детьми без кормильца! Евреи, милосердные сыны милосердных, сжальтесь надо мной, верните моего мужа!

Городской раввин раби Йосеф-Дов Соловейчик снял талес, подошел к несчастной женщине, взял у нее младенца и велел шамесу принести стакан молока. Стакан принесли, раввин напоил ребенка и успокоил женщину, сказав, что мужа скоро отпустят. Всех прихожан объял священный трепет при виде того, как выдающийся знаток Торы кормит голодного ребенка, сына нищего портного, которого ночью схватили хаперы, чтобы сдать в солдаты.

Тем временем главы общины успокоили и утихомирили женщину и ее детей. Раввин подошел к известному богачу и городскому заправиле Б.

⁵⁷⁸ Речь идет о правлении Николая I. Уже при Александре II правила призыва были изменены, а затем рекрутские наборы были заменены всеобщей воинской повинностью. — *Прим. пер.*

⁵⁷⁹ «Ва-йеѓи би-нсоа го-орон...» (иврит в ашкеназском произношении) — «И было так: когда двигался ковчег...» («Бемидбар», 10:35) — стих, который произносят перед тем, как вынуть свиток Торы из ковчега. — *Прим. пер.*

и увидел, что тот держит в руках трактат Талмуда «Шабат», поскольку каждую свободную минуту изучал Тору. Раввин вырвал у него книгу и заявил Б.:

– Ты — беглый солдат!

Все, кто был в синагоге, очень удивились словам раввина, поскольку Б. никогда не служил в армии и соответственно быть дезертиром не мог. Тогда раби Соловейчик обратился к прихожанам с такими словами:

– Сейчас я вам все объясню. В царской армии есть два вида воинов: пехотинцы и кавалеристы. Дети считают, что кавалеристом быть лучше, и завидуют им, что те ездят верхом и им не приходится ходить пешком. Однако на самом деле служба кавалериста в десять раз труднее службы пехотинца. Пехотинец, закончив службу, может спокойно поесть и отдохнуть. Кавалерист же прежде должен расседлать, почистить, накормить и отвести в стойло свою лошадь. Только после этого, усталый и измученный, он может наконец рухнуть на свою койку и уснуть. У Святого, благословен Он, тоже есть два вида солдат. Есть пехотинцы — простые евреи, бедные и убогие, у которых порой нет даже хлеба. Однако есть у Него и кавалеристы, «гарцующие» на своем богатстве. Они должны правильно распоряжаться своим имуществом, чтобы в должный час предложить помощь ближнему. Вот к нам приходит бедная женщина с тремя несчастными детьми. Она пришла не к «пехотинцам», которые ничего не могут для нее сделать, — их обязанности ограничиваются изучением Торы и исполнением заповедей. Она пришла к «гарцующим» на своем богатстве, которые в силах ей помочь. Теперь я спрашиваю: как поступают с кавалеристом, который ушел из своей части, заявив: не хочу больше служить в кавалерии, хочу служить в пехоте? Его судят так же, как солдата, бежавшего из армии, ибо каждый должен оставаться на своем посту и не покидать свое место. Теперь, надеюсь, вы все поняли, почему реб Б. — беглый солдат? Он слез со своего «коня», взял Талмуд и делает вид, что он простой пехотинец. Поэтому я велю ему вернуться на пост и спасти эту несчастную женщину!

Б. протянул раввину руку и пообещал, что уже сегодня вечером все будет сделано.

После чтения Торы раввин взошел на биму, пристально посмотрел на кагального старосту и его помощника и дрожащим голосом произнес:

– В сегодняшней недельной главе мы только что прочли о том, что похитивший человека и продавший его должен быть казнен⁵⁸⁰. Разве минувшей ночью мы не совершили этот страшный грех? Будем надеяться, что уже вечером эта ошибка будет исправлена.

В тот же вечер было устроено большое собрание с участием всех городских заправил, где было принято решение сдать в солдаты одного из «охотников», а бедного портного немедленно освободить и вернуть жене и детям.

Это был последний год, когда хаперы ловили детей. Позже правительство сделало воинскую повинность индивидуальной.

* * *

Во время поездки в Литву я выбрал в качестве первой остановки свой родной Слуцк, который не видел двадцать два года — с тех пор, как отец послал меня в Паричи учиться у его ученика раби Йехиэла-Михла Вольфсона, тогдашнего раввина Паричей.

⁵⁸⁰ См. «Шмот», 21:16.

Я приехал в город ранним утром, на рассвете. Я сразу узнал старые дома, улочки, евреев, читавших молитвы кто во что горазд. Мне вспомнились времена моего детства, я вновь почувствовал себя маленьким. Меня охватил страх ребенка, которого бросили на улице одного. Я почувствовал, что истосковался по маме, и пошел быстрее — вернее, почти побежал к ее дому.

Когда я уехал, мама была женщиной средних лет, красивой, как луна, и яркой, как солнце. Теперь же меня встретила сгорбленная старушка. Словно маленькая девочка, она рухнула в мои объятия, обняла меня и стала целовать своим маленьким ртом, в котором уже не осталось ни одного зуба. Я тоже разрыдался: как же так, Отец Небесный? Почему из красивой, стройной здоровой женщины мама превратилась в исхудавшую старушку с подслеповатыми глазами? Но тут ее глаза вспыхнули молодым огнем, а голос зазвенел, как серебряный колокольчик.

Перемена обстановки после моего приезда в Литву произвела на меня неприятное впечатление. После веселой жизни хасидов я оказался среди серьезных и печальных миснагедов, холодных как лед. После сытых и довольных лиц виленчан я увидел худые, истощенные лица слуцких евреев.

Все три поколения нашей семьи, а также многочисленные родственники пришли повидаться со мной, и я радовался им как ребенок.

Я посетил синагоги и дома учения, где прежде молился и учился. Однако где же мои учителя? Где главы йешив? Где все раввины и хазаны того поколения? Увы, все они присоединились к моему отцу и обрели вечный покой на еврейском кладбище Слуцка. Я чувствовал себя так, словно все они умерли в один день. Ведь в день, когда я уехал, все они были живы и здоровы, а сегодня, приехав, я никого из них не застал в живых. Моего замечательного учителя раби Цви-Гирша Фалика тоже не стало. Сердце разрывалось от охвативших меня горя и скорби.

В Слуцке я произнес несколько речей⁵⁸¹. Старики, помнившие выступления Цви-Гирша Дайнова, говорили: «От Цви-Гирша до Цви-Гирша не было равного Цви-Гиршу»⁵⁸², то есть со времен Дайнова им не доводилось слышать такой замечательной речи. Однако русская полиция, не оставлявшая меня в покое даже в родном городе, помешала моей работе — мне было запрещено выступать перед публикой. Поэтому мне пришлось проститься с семьей, родными и близкими и ехать дальше.

Расставание с мамой, восьмидесятилетней старушкой, получилось душераздирающим. Словно маленькая девочка, она повисла у меня на шее, дрожа всем своим исхудавшим телом. Не произнося ни слова, она смотрела на меня заплаканными глазами, и ее взгляд проникал мне глубоко в сердце. Ах, этот чистый взгляд любящей матери, боящейся, что она видит своего сына в последний раз!.. Этот теплый взгляд мне не забыть никогда. Я тоже не мог вымолвить ни слова.

Я вспомнил, как двадцать пять лет назад в последний раз обнял ее перед тем, как сесть на телегу и уехать в йешиву Мира, а она трепетала в моих

Перемена обстановки после моего приезда в Литву произвела на меня неприятное впечатление.

⁵⁸¹ В нач. 1880-х гг. раввин Цви-Гирш Маслянский примкнул к палестинофильскому движению, а в 1885 г. стал одним из создателей екатеринославского отделения движения «Ховевей-Цион». Разъезжая по южным губерниям России, он выступал в синагогах с призывом переселиться в Страну Израиля. — *Прим. пер.*

⁵⁸² Парафраз известного высказывания о великом еврейском философе Рамбаме (Моше бен Маймоне — Маймониде): «От Моше (Моше-рабейну) до Моше (Рамбама) не было равного Моше (Рамбаму)». — *Прим. пер.*

Р. Ошер Домнич,
известный меламед,
просветитель
и сионист, со своей
женой и сыном Зеевом

объятых, словно голубка. Мы крепко обнялись, несколько раз поцеловались и наконец простились:

– Счастливо оставаться, мама!

– Счастливой дороги, сынок!

Это был наш последний разговор.

ИЗ КОПЫЛЯ В СЛУЦК

Й. Моргенштерн

Дни «столовые» и «денежные»

Для еврейского мальчика, вынужденного питаться с чужих столов в собственном, родном местечке (из-за того, что жесткосердный отчим не хотел кормить сыновей своей жены), соседний город Слуцк с его йешивами обладал большой притягательной силой. И если уж «есть дни» с чужих столов, то пусть это будет не в Копыле, где все его знают, а в Слуцке, рядом с другими парнями, которые приезжают туда учиться из дальних местечек. К тому же Слуцк славился своими йешивами. Я надеялся, что выучусь там и смогу заниматься чем-то серьезным.

Сорок верст от Копыля до Слуцка я и мой друг Ноех, мальчик моего возраста, преодолели на возу балаголы, в тесноте, в компании людей, ехавших в Слуцк по делам. Прекрасная природа радовала глаз на протяжении всего пути. Но описывать ее мне нет нужды, ведь наш великий «дедушка» Менделе уже мастерски нарисовал ее в своих замечательных книгах. Я вместо этого перейду собственно к Слуцку и моей жизни в нем.

Мы с Ноехом прежде всего добрались до синагоги «Клойз», очень известной в городе: в ней не только помещалась йешива, где ребята раска-

чивались над открытыми томами Талмуда день и ночь, она еще служила своего рода запасной станцией для всех, кому нужно было где-то остановиться.

Чтобы позаботиться о «днях», нужно было прийти к реб Исроэлу, который учитывал все хозяйские дома, предоставлявшие «дни» иногородним йешиботникам. Но йешиботник не получал от реб Исроэла «дни» просто так, ни за что ни про что. За все дни, что тот предоставлял в течение учебного семестра в йешиве, учащийся должен был ему заплатить целый полтинник наличными. А чтобы получать пропитание все семь дней недели, ему приходилось выплачивать посреднику рубль и пять копеек. Если же йешиботник такой суммой не обладал, ничего хорошего для него, бедняги, из этого не следовало. Мальчики, у которых-таки было немного наличности, могли выторговать у реб Исроэла больше, чем семь дней. Но проблема заключалась в том, что не все «дни» были «столовые»; некоторые из дней мы, йешиботники, называли «денежные». Они бывали у лавочниц, которым не хватало времени взять парня домой к столу, поэтому они приглашали ребят к себе в лавку и давали им несколько копеек. За эти деньги йешиботникам самим приходилось покупать себе что-нибудь из еды.

Вот за такие «дни» реб Исроэл вел оживленный торг. Я выторговал для себя целых девять «дней» — семь «столовых» и два «денежных». Последние стоили мне тридцать копеек, но со временем принесли гораздо больше.

Иногда «денежный» день разочаровывал: это случалось, когда лавочница решала пойти домой и сварить еду для семьи, а заодно и для йешиботника. В таком случае он съедал два обеда в день и утешал себя тем, что в тот день произносил двойное благословение, за которое получал двойную долю в Грядущем Мире.

Сон в молельне был бы неплох, если бы не нашествие сумасшедших. В Слуцке было много юродивых, собиравшихся изо всей округи. Их часто встречали в закоулках, на рынке они проклинали торговцев, а ночью некоторые из них находили себе приют в «Клойзе».

Трудным было для меня то время в Слуцке. Оно тянулось, будто смола. Как только семестр в йешиве закончился, я вернулся в Копыль.

Между тем я благополучно стал совершеннолетним и вдруг ощутил стыд из-за того, что «ем дни». «Нужно ли это мне?» — не переставал я спрашивать себя. На помощь мне пришел один из моих дядьев, его звали Шимен. Он держал на рынке лавку скобяных изделий, где могла потребоваться моя помощь. Короче говоря, я начал зарабатывать хлеб насущный, работая за еду в лавке моего дяди, но тетя Брайна проявляла бережливость:

– В будние дни ты отработываешь свой хлеб, но в субботу ты не работаешь, так за что же тебя кормить?

И она рассуждала правильно, эта тетя Брайна, земля ей пухом! Субботу я справлял голодным.

В вечерние часы я учился под руководством реб Шлойме Свизичера. Станный был человек этот реб Шлойме Свизичер. Когда он изучал с нами, бедными мальчуганами, Талмуд, его голос звучал во всю силу, но как только урок заканчивался, никто не слышал от него даже звука, словно он был немой. Из него сочились не только молчание, но и прежде всего великая печаль. Высокий, сухопарый, костлявый, бродил он вокруг, словно чужак. Некоторое время я не мог понять, в чем причина, и чувствовал по отношению к нему неприязнь.

Трудным было для меня то время в Слуцке. Оно тянулось, будто смола. Как только семестр в йешиве закончился, я вернулся в Копыль.

Его звали Свизичер потому, что он приехал в Копыль из соседней деревни Свизичи (Свидичи), где жил долгие годы с женой, четырьмя сыновьями и единственной дочерью, как живут арендаторы в деревнях. Будучи сведущим в Торе, он преподавал ее детям и радовался, когда к нему заходил какой-нибудь еврей, — тогда реб Шлойме мог исполнить заповедь гостеприимства. В праздники он являлся в местечко, как и все арендаторы округа. Реб Шлойме надеялся, с Божьей помощью, устроить свадьбы для своих детей, как заповедал Бог. Но вдруг случилось большое несчастье, которое его совершенно сломило. Единственная дочь, которую он берег как зеницу ока, влюбилась в сына соседа-крестьянина, и ничто не помогло в ее спасении. Когда она обвенчалась со своим возлюбленным в церкви, у попа, реб Шлойме покинул Свизичи со своей семьей и поселился в Копыле. До сих пор я не могу его забыть.

Копыль приобретает новый облик

На копыльских улочках начали показываться парни в русских блузах и картузах. Хотя их язык и представлял собой сочный идиш, он все-таки очень отличался от нашего. Это были рабочие, завезенные издалека, большей частью из Белостока, для сильно разросшегося к тому времени кожевенного завода Файвла Рыклиса.

Лексикон жителей Копыля пополнился такими словечками, как «социализм», «стачка», «буржуй», и им подобными. Зазвучали песни «Сестры и братья», «Когда гибнут, гибнут лучшие», «Борух Шульман, храбрый герой». В общем, Копыль вдруг, незаметно для себя, получил хорошую встряску. Сам же я сильно проникся идеалами сионизма, ведь наряду с новыми словечками и песнями о революции мы слышали от новоприбывших парней речи и песни о Земле Израиля.

Главным оратором сионистского толка был копыльский еврей-аптекарь, который выписывал из Вильны ежедневную газету «Га-Зман»⁵⁸³. Я каждый день бегал к нему узнавать, заключен ли уже договор, можно ли пускаться в путь в Страну Израиля. Идея о том, что Земля Израиля предназначена для евреев, которым нужно туда вернуться из Копыля, Слуцка и других «Копылей и Слуцков», захватила мое юное сердце настолько, что я присоединился к группе молодежи, собиравшей копейки на дело сионизма.

— Пусть они знают, что мы, бедные евреи, тоже не стоим в стороне, — говаривали мы.

В то время до нас дошла новость, что в Минске состоялся съезд сионистов, и город Минск сразу вырос в моих глазах до величайших размеров. Он стал моей мечтой. Шутка ли, Минск! Этот город стал мне казаться крупнейшим центром мира, ведь там бьют ключом народные идеи — сионизм и социализм. В Минске, как говорили, еврейские юноши и девушки отказываются от богатств, которыми владеют их родители, и идут сражаться за народ, за лучший, более свободный мир. Самым великим и чистым стал для меня образ знаменитого революционера Гершуни⁵⁸⁴.

⁵⁸³ «Га-Зман» (иврит) — «Время».

⁵⁸⁴ Григорий Андреевич Гершуни (Герш-Ицхок Гершуни; 1870–1908) — деятель леворадикального революционного движения, один из создателей и руководителей партии социалистов-революционеров (эсеров), в частности, ее боевой организации.

Сам же я сильно проникся идеалами сионизма, ведь наряду с новыми словечками и песнями о революции мы слышали от новоприбывших парней речи и песни о Земле Израиля.

Меня очень тянуло в большую минскую библиотеку, где книги были доступны для всех. Я начал строить планы, как попасть в Минск.

Он не хочет, чтобы евреи, Боже упаси, говорили неправду

Когда р. Юделевич служил раввином в Копыле, не всегда между ним и городскими хозяевами был мир. За прегрешения он никого не щадил и не боялся изобличать даже лучших людей местечка. Понятно, что местечковые заправила тоже не помалкивали и высматривали у раввина недостатки, искали случая, чтобы прицепиться к нему.

Однажды перед Пейсахом взял раввин габая и пошел с ним через местечко, собирая пожертвования для бедных. Они шли от дома к дому, от лавки к лавке. Евреи давали пожертвования по своим силам, исходя из велений своей души. Давали, сколько хотели и сколько могли, до половины рубля. Габай держал красный платок в руке и складывал деньги туда.

На рынке они подошли к табачной лавочке, зашли внутрь, и раввин приказал дать ему пачку табака. Он наполнил трубку, закурил и приказал габаю заплатить из денег, завязанных в платке. Смотрит на него габай и ничего не понимает.

– Раби, из пожертвованных денег?! — говорит он раввину. — Но ведь это для бедных евреев на мацу к Пейсаху!

Раввин строго на него посмотрел и сказал:

– Приказываю взять деньги из пожертвованных и заплатить. Я знаю копыльских хозяйчиков: каждый из них желает себе, чтобы он каждую неделю зарабатывал столько, сколько раввин берет себе из пожертвований. Потому говорю тебе: возьми из этих денег и заплати за табак. Я не хочу, чтобы копыльские евреи, упаси Бог, говорили неправду: пусть у них будет свидетельство, что они были правы, и пусть они с помощью Всевышнего зарабатывают в тысячу раз больше каждую неделю.

(Записал Х. Зейдес)

ГОРОД ТОРЫ И ЃАСКАЛЫ

Д-р А. Домнич

В йешиве раввина Нехемьи

В возрасте двенадцати лет я оказался в «шатрах Торы» — в йешиве раввина Нехемьи в Слуцке, располагавшейся в Синагоге Исерке. Раби Нехемья мало разговаривал с учениками, следил за учебной дисциплиной и наводил страх на детей одним своим взглядом.

После того как я проучился в йешиве несколько недель, произошел неприятный случай, после которого я опасался, что меня выгонят из нее. Случилось же следующее: в одном из своих писем отец велел мне, чтобы я писал домой исключительно на святом языке. Для этого он прислал мне с возчиком книгу пророка Ирмеягу с комментариями Мальбима⁵⁸⁵, а так-

⁵⁸⁵ Р. Меер-Лейб бен Йехиэл-Михл (1809–1879) — раввин, автор популярного комментария к Танаху. — Прим. пер.

же известный учебник ивритской грамматики «Маслуль»⁵⁸⁶, написав мне при этом: «Изучай “Маслуль” полчаса в день перед сном, а Танах — полчаса между послеполуночной и вечерней молитвами». Так я и сделал: «Маслуль» читал, лежа в кровати, Танах с комментариями Мальбима — в синагоге между молитвами «Минха» и «Маарив».

Однажды ко мне подошел один из самых уважаемых горожан, молившихся в нашей синагоге. Увидев, какая книга у меня в руках, он начал ораторь:

– Ты учишь «Сварбэ»⁵⁸⁷ в доме учения? Это закончится крещением!

С этими словами он со всего размаху залепил мне пощечину. Позже товарищи рассказали, что мой обидчик шептался с главой йешивы. Я испугался, что меня выгонят.

На следующий день р. Нехемья провел свой урок, совершенно не упомянув о вчерашнем инциденте. После урока он подозвал меня и задал неожиданный вопрос:

– У тебя есть все «дни»?

– Одного не хватает, — ответил я.

– И как же ты выкручиваешься?

– Мама присылает мне с возчиком хлеб и сыр.

– Это неплохо, но все-таки, сам понимаешь, горячая пища это горячая пища...

На этом наш разговор окончился. В его словах и голосе я почувствовал отеческую заботу, тепло и скрытую симпатию.

В тот же день после вечерней молитвы, когда глава йешивы и все присутствовавшие, кроме йешиботников, разошлись по домам, вошел какой-то мальчик, подошел к йешиботнику, сидевшему в конце лавки, и что-то спросил. Тот указал на меня. Мальчик подошел ко мне и сказал:

– Это ты получил пощечину от моего отца?

Я кивнул головой, и тогда он, оглядевшись по сторонам, прошептал:

– Хочешь изучать святой язык? Тогда приходи в пятницу днем в дом на Заречной улице, рядом с йешивой «Баалей-Мусар»⁵⁸⁸. Только никому ни слова!

Я пообещал, что в пятницу обязательно буду по указанному адресу.

В назначенный срок я вошел в комнату, полную книжных полок, уставленных книгами. Молодой человек примерно двадцати лет, высокий, с худым лицом, задав мне несколько вопросов, чтобы проверить мои познания в Танахе, указал мне пальцем на раскрытую книгу и предложил прочесть вслух. Я взглянул и изумился — такую книгу я видел первый раз в жизни. В центре страницы — несколько строк, напечатанных квадратным шрифтом, с огласовками, но без знаков кантиляции. На полях — пустое место, никаких Раши, Тосафот и других комментариев. Короткие строки, покрывавшие страницу, были разделены на группы по четыре строки в каждой.

Я прочел один отрывок.

– Ты понял то, что прочел? — спросил он меня.

⁵⁸⁶ «Маслуль» (иврит) — «Путь».

⁵⁸⁷ *Сварбэ* (идиш) — от *эсрим ве-арбо* (иврит в ашкеназском произношении) — «двадцать четыре» [книги Танаха]. В представлениях особо ортодоксальных иудеев того времени основным источником для изучения в йешиве должен был быть только Талмуд и комментарии к нему.

⁵⁸⁸ «Баалей-Мусар» (иврит) — «Следующие Мусару».

– Не все, — ответил я. — Однако все слова по отдельности я знаю.

– Если так, приходи сюда в ночь с пятницы на субботу, я помогу тебе учить иврит.

С тех пор я бывал там каждую неделю, в ночь с пятницы на субботу. Ко мне присоединился еще один юноша, и мы учились вместе: чтению, грамматике, изложению своих мыслей в письменном виде и т. д.

Фамилия человека, наградившего меня пощечиной за страшный грех изучения Торы между послеполуночной и вечерней молитвами, была Лифшиц. Его сына, который ввел меня под сень иврита, звали Файвл. Через некоторое время Лифшиц-младший сбежал от родителей за границу, поступил в университет, стал профессором в Швейцарии и опубликовал в журнале «Га-Шилоах» серию экономических статей «Политическая экономия: методы и направления», в которой наглядно изложил основные принципы экономической науки, начиная с английских физиократов и меркантилистов и заканчивая теориями Адама Смита, Давида Рикардо и Мальтуса. Продолжить серию статей о марксизме помешала цензура.

Я часто вспоминаю Файвла Лифшица и его отца, наградившего меня пощечиной, в итоге пошедшей мне во благо.

Раввин Яков-Довид Виловский (Ридбаз)

В конце XIX в. заметную роль в жизни Слуцка играл городской раввин раби Яков-Довид Виловский, известный впоследствии как Ридбаз. Вот несколько моих воспоминаний об этом человеке.

В то время он работал над своим комментарием к Иерусалимскому Талмуду и нуждался в технической помощи: находить ему книги, необходимые для изучения того или иного вопроса, копировать из них нужные отрывки и т. д. Для этой работы он привлекал учащих близлежащих йешив, которые, с разрешения своих раввинов, по очереди приходили к нему на несколько часов в неделю.

В числе этих помощников был и я. Чаще всего он поручал мне особую работу: переписывать набело черновики. Это была интересная, но трудная задача, поскольку у раввина был очень неразборчивый почерк, буквы наползали друг на друга и часто были не похожи на себя: *зайн* выглядел как *гимель*, *тет* как *шин*... Кроме того, он, по обычаю всех раввинов, часто пользовался сокращениями и аббревиатурами. Потратив на это немало сил, мне удалось многое исправить. Кроме того, я обнаружил несколько орфографических ошибок: *алеф* вместо *айн* и наоборот, *тет* вместо *тав* и т. д. — и описок.

Первое время я боялся показывать свои исправления, чтобы не смутить выдающегося знатока Торы. Когда мне все-таки пришлось это сделать, его лицо стало очень серьезным. Но буквально через секунду он сказал мне с ласковой улыбкой:

– Отлично сделано! Ты умный мальчик. Исправляй и дальше, я уверен, что могу на тебя полагаться, — и потрепал меня за ухо.

После этого я некоторое время был его личным секретарем.

Это была интересная, но трудная задача, поскольку у раввина был очень неразборчивый почерк, буквы наползали друг на друга и часто были не похожи на себя...

Раби Виловский и доктор Шильдкраут

Как-то безоблачным утром в один из жарких летних дней раби Виловский предложил нам сходить с ним на речку искупаться. По дороге он беседовал с нами о Торе и задавал каверзные вопросы о разделе Талмуда, который мы в это время изучали в йешиве. Все это происходило непринужденно, в шутливой манере, поскольку раввин любил время от времени развлечься в нашей компании. Те, кто знал материал, удостаивались похвалы. Тот, кто не мог ответить, получал выговор и наказание: сидеть в доме учения целую неделю, пока не выучит урок.

В Слуцке река протекала прямо через город; для купальщиков строили деревянные купальни. Зайдя в одну из них, мы обнаружили там доктора Шильдкраута, который только что вышел из воды и начал одеваться. Доктор Шильдкраут говорил на идише с русским акцентом. Он считался прекрасным врачом. Раввин и доктор узнали друг друга, поздоровались, и между ними завязался уважительный разговор, как подобает между двумя солидными людьми, достигшими успеха каждый в своем деле.

Что же касается нас, мальчиков, то мы сразу бросились в реку. Раздевшись и повесив одежду, раввин тоже прыгнул в холодную воду. Посмотрев на него, доктор Шильдкраут воскликнул:

– Уважаемый ребе, как же так можно, это же вредно для здоровья! Сначала нужно смочить грудь, и только потом входить в воду!

Улыбнувшись, раби Виловский ответил:

– Уважаемый доктор, если бы каждый человек слушался нас обоих, мир бы погиб, — и рассмеялся от всего сердца.

Услышав это, доктор застыл от удивления, а затем воскликнул по-русски:

– Ребе, это замечательно! Это жизненная мудрость, которую способен изречь только великий раввин! — и они засмеялись уже вместе.

Доктор Шильдкраут говорил на идише с русским акцентом. Он считался прекрасным врачом.

СЛУЦК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Б. Домнич

Слуцк — сколько величия заключено в этом имени! Сколько сладостных воспоминаний и образов рождает во мне это слово! Перед моим внутренним взором встают его улицы и переулки, обыватели и раввины. Вспоминаются синагоги и йешивы, где с утра до вечера толпился народ: молящиеся и изучающие Тору, мечтательные студенты йешив, съезжавшиеся в Слуцк из всех окрестных местечек, чтобы слышать слова Торы из уст великих мудрецов, живших и учивших в этом городе: раби Якова-Довида Виловского, раби Меерке, раби Исера-Залмена Мельцера, раби Нехемьи Ерузелимского, раби Михла и раби Берла из синагоги «Карноим»...

В городе жили торговцы и лавочники, ремесленники и интеллигенция. Были здесь и влиятельные рабочие организации: Бунд, сионисты-социалисты и «Поалей-Цион». Действовали сионистские партии: общие сионисты во главе с Лейбушем Гутцайтом, в числе которых были Алтер Шохер, Рувен Альтман, Ратнеры, Лифшицы и другие — одним из них удалось уехать

в Страну Израиля, другим нет; и «Цеирей-Цион», в том числе Авром-Ицхок Шпилькин (писавший свое имя и фамилию в виде аббревиатуры: ИШ⁵⁸⁹), Авремеле Ратнер, Йосеф-Элийоѓу Ровнич, Шмуэл и Нох Ландау, запомнившийся мне черными умными глазами и светлой улыбкой. Также нельзя не вспомнить замечательных преподавателей иврита Хазановича, Гутцайта и Кацнельсона, а также подростков, учившихся в городской гимназии, а еще прекрасных девушек, наших подруг, работавших не жалея сил, порой даже с риском для жизни: Фаню Крепах, Ашке Лев, Соню Цимеринг, Геню Эрнбойм, Рухаму Ицкович и девушек помладше, например, Рохл Бергман, умершую в восемнадцать лет от простуды, перетекшей в воспаление легких. Рохл заболела, промокнув и замерзнув под дождем, когда, собрав деньги и необходимые вещи для наших арестованных товарищей, простояла несколько часов около тюрьмы, чтобы отдать все одному из заключенных лично. Ее голубые глаза сверкали от радости, когда она подробно описывала мне, что было в этой передаче, как она засовывала записки в пирожки и бублики...

* * *

Слуцк. Город Торы, ремесел и торговли, стоящий на берегу реки Случь, текущей сотни верст по Полесью, через леса и болота, и впадающей в Припять...

Кто не помнит сад Маевка? Наши ночные лодочные прогулки до Колонии⁵⁹⁰ и обратно, до рынка? Веселые песни, которые распевала молодежь? Страстные мечты о любви, тайные поцелуи, пожатия мягкой нежной руки, тихие беседы при луне теплыми весенними ночами?..

Недалеко от Копыльской улицы находилась сельскохозяйственная ферма «Шулка», принадлежавшая Шмуэлу Шулкуеру, которую называли «Эрец-Исроэл». Вечерами в субботу и праздники мы любили гулять вокруг этой фермы, где придерживались традиций и работали только по будням. Тамошние деревья и тропки, просторные луга, где паслись коровы, неспешные прогулки и отдых на мягкой свежей траве — все это дышало особым духом и бодрящей свежестью, которые трудно забыть. В этих местах мы мечтали о Сионе и Иерусалиме, о еврейских полях в Эмек-Изреэль⁵⁹¹ и Галилее и об Иордане, который во сто крат прекраснее, чем Случь.

Мы любили бродить по тихим переулкам, окруженным фруктовыми садами, где росли вишни, яблони и груши.

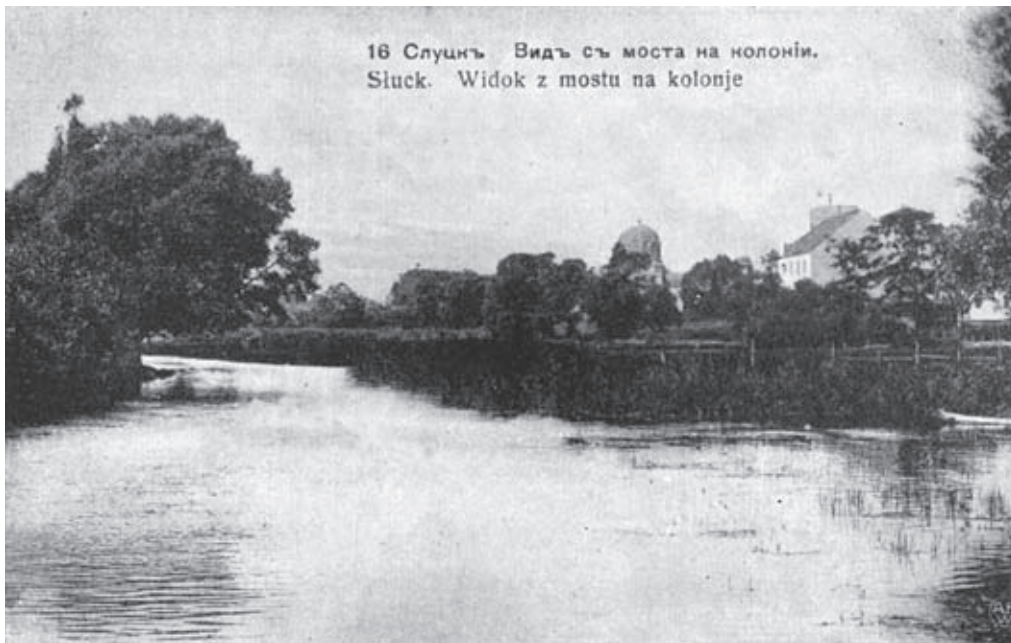
Вот Колония и Выгода с их широкими огородами, тянущимися чуть ли не до соседней деревни... А вот главная улица в центре города, Шоссейная, с двумя широкими тротуарами, служившими своего рода «биржами»: правый — для Бунда, левый — для сионистов-социалистов и поалейционовцев... В середине улицы находилось кафе толстяка Соломяка, работавшее до глубокой ночи. Здесь собирались любители мороженого, флордн⁵⁹² и холодного пива и просто веселые парни, любившие поболтать и позубоскалить о Слуцке и его обитателях, об Американской улице и тамошних проститутках, о городских сумасшедших, возчиках, грузчиках и т. д.

⁵⁸⁹ *Иш* (иврит) — мужчина, муж. Слово *иш* состоит из букв *алеф*, *йод* и *шин* — первых букв имени и фамилии Авром-Ицхок Шпилькин. — *Прим. пер.*

⁵⁹⁰ Колония — район Слуцка, в котором к середине XVII в. были построены общежития для студентов кальвинистского училища и дома для учителей.

⁵⁹¹ Эмек-Изреэль — долина, отделяющая горные массивы Галилеи от гор Шомрона (Самарии), образуя сквозной проход от реки Иордан к Хайфскому заливу.

⁵⁹² Рулетики из песочного теста с орехами и вареньем. — *Прим. пер.*

Слуцк, вид с моста
Колонии

По субботам улица заполнялась народом. Мужчины и женщины прогуливались с детьми; невесты, лузгая семечками, стреляли глазками во все стороны. Среди гуляющих сновали «босьяки», острыми булавками коловшие девушек пониже спины, к всеобщей радости и веселью. Эту шайку организовали семь сыновей портного Манюка, жившие весело и безалаберно, поскольку родители не могли уследить за ними. Их называли «десять сыновей Гамана», что очень расстраивало старика Манюка, который в конце жизни практически ослеп.

Еще одной популярной улицей была Виленская, которую называли Позорной из-за распятия и икон, установленных недалеко от старинной синагоги с толстыми стенами, построенной из белого камня. В этой синагоге молились знатоки Торы и представители религиозной интеллигенции.

Особым обликом и своеобразной жизнью отличалась Кузнечная улица — переулок, где обитала большая часть городских кузнецов и тележных дел мастеров. С самого раннего утра, когда весь город еще досматривал сладкие утренние сны, здесь уже кипела работа: были слышны цоканье копыт, конское ржание, удары тяжелым молотом по раскаленному добела железу, пылали горны и раздувались кузнечные меха. Все это создавало неповторимую бодрящую гармонию, подлинную песнь труда, рождавшую веру в человека и еврейские силы. Именно там я нашел еврейских рабочих, живших своим трудом, крепких, широкоплечих, мускулистых, простых людей, не раз и не два защищавших от громил честь города и своего народа.

Ежегодно в октябре и ноябре, когда проходил очередной набор новобранцев, в город стекались парни из окрестных деревень, которым предстояло идти служить. Они слонялись по городским улицам и базару, забирая по дороге продукты и галантерею (естественно, не платя за товар), нападали в переулках на стариков и неспособных постоять за себя. Тогда появлялись наши ребята: кузнецы и извозчики, дубильщики и плотники. Они сводили счеты с деревенскими, демонстрируя им крепость своих кулаков, и учили их вежливости и уважению к евреям, чтобы те помнили и боялись.

А теперь несколько слов о неординарных людях, живших в моем Слуцке.

Особым обликом и своеобразной жизнью отличалась Кузнечная улица — переулок, где обитала большая часть городских кузнецов и тележных дел мастеров.

Лейбуш Гутцайт

Лейбуш Гутцайт

Общественный деятель, пламенный сионист, любитель иврита. Это был серьезный еврей с широкой душой и щедрой рукой, с еврейской печалью в черных глазах, публично и тайно помогавший отдельным лицам и целым обществам не ради славы, начисто лишенный гордыни. Большевики отобрали у него все (весьма значительное) имущество, однако оставили его директором большой фермы, винокуренного завода и лесопилки, где работали только евреи, порядка ста человек и больше. Он много помогал нашим товарищам, сидевшим в тюрьме по обвинению в сионизме и преподавании иврита, и щедро помогал еврейской общине, сильно обнищавшей за время, когда власть переходила от большевиков к полякам и обратно.

Мне никогда не забыть час нашего расставания, когда я уезжал из Слуцка. Когда я сообщил ему, что уезжаю в Эрец-Исраэль, Лейбуш заплакал — от горя и радости одновременно.

— Если бы я смог, — прошептал он, — если бы мог сбежать отсюда и попасть в Страну Израиля, пусть даже нищим, я был бы счастлив! Ты счастливчик, что можешь уехать. Езжай, добейся успеха и не забывай меня.

Эти слова он произнес на иврите. Они тронули меня за душу, и я расстался с ним с болью в сердце. Когда его имущество, мельница и большая лесопилка, было национализировано, рабочие пожалели бывшего хозяина. Благодаря этому он стал директором, а кроме того, ему оставили лошадь и пролетку — для личных нужд, а также в качестве напоминания о том, что колесо судьбы все время вращается⁵⁹³.

Хаим-Йеѓошуа Фридман

Знаток Торы, прекрасно знавший несколько языков: русский, немецкий и польский. Великолепно знал Талмуд и «Зоѓар». Ежедневно после вечерней

⁵⁹³ В оригинале игра слов: *агала* (пролетка) — *гальгаль* (колесо [судьбы]). См. Талмуд, «Шабат», 151б.

молитвы он давал урок по Талмуду, отличавшийся глубиной и в то же время удивительной простотой и доступностью. Его познания в мировой литературе были воистину огромными. Он был частым гостем в доме раби Абрамского, когда последний жил в Слуцке. Фридман часто представлял общину перед начальством. Его внук Шмуэл Фридман, единственный из всей семьи, сумел уехать в Страну Израиля.

Иче Нотес

Меламед Иче Нотес был известен как блестящий знаток Торы. Большую часть времени он проводил в доме раби Исера-Залмена Мельцера. Нотес заботился об изучающих Тору, с любовью опекал йешиботников — хлопотал, чтобы по субботам и праздникам их приглашали на трапезу к кому-нибудь из случчан. Брат Иче, реб Тричанер, был главой йешивы.

Жена Иче Нотеса, Тегила, слыла в городе праведницей. Она собирала деньги и помогала всем нуждающимся, а также заведовала хозяйством синагоги «Гейхаль Талмуд»⁵⁹⁴ и йешивы «Ор зореах»⁵⁹⁵. Позже она организовала в Тель-Авиве беспроцентную ссудную кассу.

Нотес заботился об изучающих Тору, с любовью опекал йешиботников — хлопотал, чтобы по субботам и праздникам их приглашали на трапезу к кому-нибудь из случчан.

Михл Виленчук

Торговец мукой, славившийся глубокими познаниями и острым умом. Любил задавать вопросы, демонстрировавшие его ученость. Ревностный сионист. Когда я уже жил в Эрец-Исраэль, он прислал мне письмо с просьбой оформить ему сертификат⁵⁹⁶. К величайшему сожалению, я не смог это сделать.

Йосеф Кринер

Тесть Шпилькина. Скромный и прямодушный человек, сионист, знаток Торы и иврита.

Йешайоѓу-Мендл Деречин

Торговец галантереей. В юности учился в йешиве, был усерден, «ел дни» и сильно бедствовал, пока не женился на Фейгеле, женщине с лицом, изрытым оспинами, богатой торговке, происходившей из известной купеческой семьи. Деречин пользовался безукоризненной репутацией — он был надежным, честным, прямодушным, чистосердечным и щедрым человеком. Деречин регулярно учил Тору и много жертвовал на благотворительность. Втайне от всех он собирал деньги для бедняков и изучающих Тору, но живших в нужде — в соответствии со словами «Вспомни о моем горе и моем страдании...»⁵⁹⁷ По понедельникам и четвергам он посылал еду бедным йешиботникам: на завтрак — хлеб, творог, селедку и горячий чай, на обед — картошку в гусином жире (без мяса) и чечевичный суп, а вместо ужина — по пять копеек на человека.

⁵⁹⁴ «Гейхаль Талмуд» (иврит) — «Дворец Талмуда».

⁵⁹⁵ «Ор зореах» (иврит) — «Сияющий свет».

⁵⁹⁶ Документ, дающий право на эмиграцию в Палестину. — *Прим. пер.*

⁵⁹⁷ «Эйха» (в русской традиции «Плач Иеремии»), 3:19.

Позже Деречин переехал в Барановичи, где стал богатым купцом. Там он по-прежнему занимался благотворительностью: организовал беспроцентную ссудную кассу, помогал нуждающимся евреям... Так продолжалось до тех пор, пока Деречин был богат, то есть пока не пришли большевики, лишившие его всего.

Лейба Йойх

Кузнец Лейба был очень необычным человеком. Его звали Лейба Йойх, то есть Лейба Бульон. Почему ему дали такое прозвище? Потому, что каждую неделю накануне субботы он закидывал за спину огромный мешок, брал в руки крепкую палку и обходил дома зажиточных обывателей, выпрашивая у них «халэ мит йойх» для бедных детей и просто бедняков, у которых не было денег справиться субботу как должно.

Несмотря на преклонный возраст, это был крепкий широкоплечий еврей с яркими, ласковыми добрыми глазами и лицом, обрамленным широкой лохматой бородой, которую он, похоже, никогда не расчесывал, с вьющимися пейсами, одетый в черную засаленную капоту и обутый в тяжелые сапоги, начищенные до блеска и благоухающие ваксой в честь субботы.

Его сыновья, работавшие и жившие вместе с ним со своими семьями, уважали старика, а в пятницу вечером неизменно дожидались его возвращения с обхода, чтобы сесть за стол и освятить субботу над бокалом вина. Старый Лейба любил выпить, любил чолнт и кугл, любил субботние песнопения. Он наслаждался духом субботнего покоя, царившим на Колесницкой улице с вечера пятницы до утра воскресенья, когда улица просыпалась и возвращалась к будничной жизни и работе.

Довидл Квартальнер

Среди тех, кто заботился о бедных, был и Довидл, чья внешность бросалась в глаза: левое его плечо было гораздо выше правого; из-под нижней губы выпирали четыре больших зуба; он был слеп на один глаз, а другой непрерывно косил то вправо, то влево. Нос у Довидла был красным и опухшим, поскольку насморк мучил его и зимой, и летом, так что он то и дело сморкался в рукав или в полу драной капоты.

У Довидла была палка, с помощью которой он находил по ночам дорогу. Днем же он носился как угорелый, словно за ним кто-то гонится. В левой руке он сжимал красный платок с бахромой по краям: «А недове, а недове, либе идн, а недове!»⁵⁹⁸ — кричал он гнусавым голосом. Те, кто его не знал, считали его скрягой, побирушкой, собиравшим деньги для себя. Однако на самом деле он раздавал беднякам все продукты, которые ему удавалось собрать, и заботился о нуждающихся с истинной любовью.

Сирые и убогие дневали и ночевали у него дома. Из-за этого там было все время грязно и стояла страшная вонь, однако это решительно не мешало Довидлу помогать ближним. Особой заботой он окружал студентов йешив, которые «ели дни». К кому бы он ни приходил, ему неизменно удавалось выбить постоянный «день» для кого-нибудь из нуждающихся юношей.

⁵⁹⁸ «А недове, а недове, либе идн, а недове!» (идиш) — «Пожертвование, пожертвование, дорогие евреи, пожертвование!»

* * *

Что же касается праведных женщин, нельзя не вспомнить Рохл, супругу Янкла Поляка, двух сестер-молочниц, Эстер и Малку, и многих других. В деятельности благотворительных организаций участвовали десятки мужчин и женщин, не жалевших времени для работы на благо общества. Жена раввина Марголина помогала еврейским заключенным, сидевшим в городской тюрьме. В полиции ее хорошо знали и неизменно разрешали «незаметно» проскользнуть в тюремный двор и передать кашерную еду и деньги, собранные для узников.

Лейзер-шамес

Низкорослый смуглый еврей с худым лицом и пытливым взглядом на протяжении нескольких десятков лет был шамесом Большой синагоги. Этого энергичного человека слушались все.

Лейзер был старостой братства «Линас-ѓа-цедек», которое среди прочего одалживало больным вещи, необходимые для лечения: рожки для кормления младенцев, пузыри для льда и т. д. Ему говорили: «Реб Лейзер, ты настоящий спаситель от всех бед»⁵⁹⁹. Он был добрым, отзывчивым человеком. Когда его дочь, хохотушка Хая-Рейзл, увлеклась сионизмом, Лейзер сказал:

– Ты принесешь исцеление и окончательное избавление всему народу Израиля, а я — каждому отдельному человеку. Ибо то, что есть у каждого, и составляет общее.

Советская власть, установившаяся в городе, не жалела еврейское население, наложила на него строгие ограничения и обложила высокими налогами. Холодную синагогу отобрали и превратили в амбар. Изъяли хранившиеся в синагогах предметы культа: короны, серебряные буквы, украшавшие завесу ковчега, серебряные указки и даже медные умывальники. Экспроприировали кассу погребального братства, потребовав также сдавать государству деньги, получаемые синагогами в качестве пожертвований от вызванных к чтению Торы. Запретили работать меламедам, отобрали имущество еврейских школ с преподаванием на иврите. Из учителей иврита остались считанные единицы, подпольно занимавшиеся с детьми один на один. Учителя Хазановича заставили преподавать на идише.

Меня освободили от службы в Красной армии и послали в Минск, в педагогический техникум, где я проучился год, а затем вернулся в Слуцк и поступил на работу в ремесленное училище, работавшее под надзором Евсекции и готовившее столяров и закройщиков. Кроме того, мне поручили большую городскую библиотеку, которой руководил Эфрон. Я пользовался любой возможностью, чтобы выносить из библиотеки сионистскую литературу на русском, идише и иврите, которую раздавал товарищам и просто хорошим знакомым. Книги, которые мне не удалось вынести, так и остались в закрытом спецхране.

Книги на иврите можно было получить, только предъявив особое разрешение. Надзор был очень строгим, но я сумел договориться с Эфроном, который знал иврит и любил литературу на этом языке. В нем оставалась «еврейская искра», несмотря на то что он был членом Бунда, а позже вступил в Евсекцию.

Советская власть, установившаяся в городе, не жалела еврейское население, наложила на него строгие ограничения и обложила высокими налогами.

---

⁵⁹⁹ Здесь обыгрывается близкое звучание имени Лейзер и глагола *лейзн*, означающего на идише «находить решение проблемы».

Старшим школьным инспектором была Неха Шапиро (Нехачка), причинявшая нам много горя. Это была очень суровая, педантичная женщина. Учителя горько плакались о своей нелегкой доле. Ко мне, впрочем, она относилась хорошо, поскольку, во-первых, я бывал в доме ее отца, а во-вторых, отслужил несколько лет в Красной армии.

Несмотря на всю уязвимость моего положения и постоянную слежку, я вел подпольную сионистскую работу, причем именно среди молодежи.

Несмотря на всю уязвимость моего положения и постоянную слежку, я вел подпольную сионистскую работу, причем именно среди молодежи. Днем и ночью мы устраивали собрания в садах и на кладбищах, куда сходились небольшими группами по пять–шесть человек. За мной постоянно следили, однако благодаря приятельским отношениям с одним из учеников, коммунистом Авремеле Гарцманом, мне удалось ни разу не попасться в руки властей.

В городе были еще несколько коммунистов, помогавших своим знакомым. Были и те, кто лишь прикидывался коммунистом, в душе оставаясь преданным еврейству и еврейской традиции.

Одним из таких «маранов» был рыжий Вовка, сын молочницы Малки. Когда у него родился сын, Вовка стал ломать голову, как сделать ему обрезание. В результате ребенка обрезали вечером в моем доме, за плотно закрытыми ставнями, в присутствии нескольких надежных знакомых⁶⁰⁰. Малка светилась от счастья, плакала от радости и неслышно молилась за здоровье новорожденного, ставшего настоящим евреем.

Эта Малка была очень доброй женщиной, готовой отдать последнюю копейку любому нуждавшемуся и страдавшему.

В 1925 году я попросил освободить меня от всех обязанностей и уехал в Эрец-Исраэль. Все мои личные бумаги остались в ГПУ. Мне также пришлось оставить много хороших книг.

Слуцк удостоился честь поучаствовать во Второй, Третьей и Четвертой алие. Множество уроженцев Слуцка можно встретить в Тель-Авиве и Хайфе, Иерусалиме и Петах-Тикве, в различных кибуцах. Среди них есть известные учителя и литераторы.

Немало уроженцев Слуцка пали смертью храбрых, сражаясь за родину. И нет для всех нас, выживших, лучшего утешения, чем возрождение нашего молодого государства.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Раввин М.-И. Голдберг

Раввин Слуцка, блестящий знаток Торы раби Исер-Залмен Мельцер благодаря своим познаниям и достоинствам был истинным светочем как для своих прихожан, так и для множества учеников, стекавшихся к нему из ближних и дальних краев.

Большинство слуцких евреев были миснагедами. Им был чужд хасидский обычай преувеличивать и приукрашивать «чудеса и знамения», якобы совершенные тем или иным праведником или святым наставником. Тем не менее люди верили истинной и полной верой в то, что раввины и пра-

⁶⁰⁰ Видимо, приглашенных для того, чтобы был миньян. — *Прим. пер.*

ведники наделены какими-то сверхъестественными силами: «благословенный ими — благословен»⁶⁰¹; «Святой, благословен Он, исполняет волю боящихся Его»⁶⁰² и т. д.

Помню, когда я был ребенком, мама рассказала мне о случае, подтвердившем в глазах жителей города величие и праведность р. Исера-Залмена Мельцера. Как-то раз полицейский явился к нему с предписанием начальника полиции сделать то-то и то-то; неподчинение каралось арестом. Раввин, однако, не испугался и отказался исполнить распоряжение. Тогда полицейский силой заставил его проследовать с ним в участок. У этого полицейского было семеро детей. Вскоре после этого возмутительного случая его первенец внезапно заболел и умер. Еще через несколько дней заболели и умерли все остальные дети, за исключением одного, балансировавшего между жизнью и смертью. Перепуганный отец, решив, что все это случилось из-за святого раввина, побежал просить прощения. Войдя в дом раввина, он пал перед ним ниц, разрыдался и начал умолять простить его и помолиться о выздоровлении сына. Раввин простил его, и ребенок поправился.

Во время Первой мировой войны радость праздника Сукес была испорчена. Боевые потери росли день ото дня, линия фронта все ближе подходила к Слуцку. Синагоги были переполнены молящимися, однако прихожане были печальны. Из-за плохой работы транспорта слущкая община приобрела всего два эсрога, которые хранились у двух раввинов. Евреи толпами хлынули к обоим, чтобы исполнить заповедь о четырех видах растений. Покойный отец взял меня с собой, и мы были счастливы, что исполнили ее в доме р. Мельцера.

После отречения Николая II от престола все жители Слуцка, и евреи, и все остальные, поверили, что на смену прежнему прогнившему режиму пришло царство свободы и всеобщего равенства. Молодые евреи радостно высыпали на улицы города, устраивали бурные демонстрации, публично высказывая все, что было крамолой при старом порядке. В шествиях участвовали представители различных сионистских организаций и социалистического Бунда. Первые маршировали под бело-голубыми флагами и вдохновенно пели о Сионе. Бундовцы гордо шествовали под красным знаменем и пели свой гимн «Ди швуе»⁶⁰³ и «Марсельезу».

Никогда прежде евреям не было так хорошо! Руководство общины опасалось, что молодежь, увлеченная революционным потоком, окончательно порвет с традициями предков. В качестве превентивной меры решено было открыть современную религиозную гимназию. Чтобы привлечь молодежь, постановили, что учащиеся будут носить особую форму с блестящими пуговицами, украшенными еврейской эмблемой. Таким образом, они будут не хуже русских гимназистов ни с точки зрения учебы, ни с точки зрения внешнего вида и даже превзойдут их благодаря изучению еврейских дисциплин.

Эта идея быстро обрела сторонников, вызвав острую зависть у молодых людей вроде меня, росших исключительно «в шатрах Торы». Признаюсь без всякого стыда, что еще в царские времена я завидовал своим друзьям, учившимся в городской школе. Поэтому я был очень доволен идеей создать школы «Торы и науки», где я смогу и продолжать учить Тору, и получить

Во время Первой мировой войны радость праздника Сукес была испорчена. Боевые потери росли день ото дня, линия фронта все ближе подходила к Слуцку.

---

⁶⁰¹ См. «Бемидбар», 24:9.

⁶⁰² См. «Тегилим», 145:19.

⁶⁰³ «Ди швуе» (идиш) — «Клятва» — песня на стихи Семена Ан-ского.

светское образование. Кроме того, в новой школьной форме я буду неотличим от гимназистов. Однако когда я сказал отцу о своем сокровенном желании, лицо его стало серьезным и он сказал:

– Нужно посоветоваться с раввином.

Папа сообщил раввину о моих планах. Тот ласково потрепал меня по щеке и сказал:

– Такая школа нужна детям, чье еврейство ослабло из-за революции. Люди боятся, что из-за новообретенной свободы эти парни еще больше отдалятся от своих отцов. Поэтому их нужно приблизить, чтобы удержаться в рамках традиционной жизни. Однако мальчик вроде тебя, выросший в доме, полном Торы и богобоязненности, — зачем тебе мечтать о школе, где изучение Торы будет ограничено, а святое смешается с мирским? Возвращайся в йешиву, там ты найдешь себя.

Эти простые и сердечные слова, сказанные ласково, но со скрытой тревогой, глубоко меня тронули, и я перестал мечтать о гимназии, форме и медных пуговицах. Кстати, стоит отметить, что ради создания этой школы была проделана колоссальная работа. К сожалению, из этой затеи так ничего не вышло в силу последующих событий, похоронивших радужные надежды русских евреев.

Медовый месяц революции был отмечен сильнейшим брожением среди евреев. При царском режиме было практически невозможно осуществить естественное стремление к свободному самовыражению, личному и коллективному, поскольку все боялись полиции, внимательно следившей за деятельностью лидеров национальных организаций. Однако как только последний Романов отрекся от престола, на еврейской улице сразу же появились влиятельные общественно-политические силы. Я хорошо помню, как весь город волновался накануне выборов руководства еврейской общины и депутатов Учредительного собрания. «Агудас-Исроэл» выступила в качестве организованной силы. Сионисты и Бунд вели ожесточенную предвыборную кампанию. Воздух был наполнен лозунгами; все стены и столбы покрылись плакатами. В самом центре города, на Шоссейной улице, ортодоксы вывесили огромный плакат, изображавший юношей и стариков со свитками Торы в руках, шествующих в лучах нового солнца, взошедшего на еврейском небосклоне. Во время традиционной субботней прогулки сотни мужчин и женщин останавливались в изумлении, впечатленные кампанией религиозной партии, а возможно, просто самим фактом, что верующие евреи высказали свою позицию по политическим вопросам, которые прежде казались им несущественными.

Во время предвыборной кампании синагоги превратились в трибуны, где ораторы обращались к массам. Как сейчас вижу, как около ковчега стоит реб Зелик Портман из Старобина (скончавшийся впоследствии в Нью-Йорке), один из лучших учеников слуцкой йешивы. Его пылкие слова буквально завораживали слушателей. Другой оратор, реб Авром-Ицхок Шисгаль, отличался прекрасной литературной речью. Когда же на биму поднимался глава йешивы раби Арн Котлер, из его уст словно вырывалось пламя. Изредка в числе ораторов выступал и слуцкий раввин раби Исер-Залмен Мельцер, воплощение благородства и доброты.

Помню, как-то зимним вечером в Большой синагоге собралась толпа, чтобы послушать ораторов или, наоборот, помешать им говорить. Не успел раввин подняться на биму и начать свое выступление, как несколько наглых

Сионисты и Бунд вели ожесточенную предвыборную кампанию. Воздух был наполнен лозунгами; все стены и столбы покрылись плакатами.

юнцов начали его перебивать. Раввин отвечал им мягко, словно давал урок своим ученикам.

– Пусть мешают, сколько хотят, нам это не повредит, — сказал он и продолжил свое выступление.

Первая мировая война, породившая множество острых проблем и сопровождавшаяся страшными разрушениями в разных жизненных областях, нанесла тяжелый удар и по слуцкой йешиве «Эц хаим». Мобилизации, развал транспорта, опасности, связанные с чрезвычайной ситуацией, — все это привело к резкому сокращению численности учащихся.

Власти реквизировали просторное здание йешивы, и ей пришлось «отправиться в изгнание» — переселиться в Синагогу портных, а затем — в Синагогу Исерке. Я помню, как всех нас охватила радость, когда здание йешивы было очищено и мы смогли вернуться. Количество учеников возросло, но не хватало книг Талмуда, а как учиться, если нет текстов? Полки книготорговцев давно опустели, с издателями религиозных книг было не связаться. Йешиботники ходили из синагоги в синагогу, выпрашивая у старост трактат «Гитин». Некоторым счастливицам удавалось достать нужный том, одолжив на время или купив за полную стоимость у частных лиц.

С моим товарищем Иццоком Сокалицким, живущим сейчас в Израиле, мы обошли все синагоги, но безуспешно. Вдруг у нас появилась идея: книги беженцев из Ляховичей! Когда тамошние евреи бежали от приближающихся ужасов войны, они взяли с собой святыне книги: тома Талмуда, сборники законов, респонсы и т. д., погрузили на телеги и привезли в Слуцк. А поскольку в частных домах места для всех этих сокровищ не было, беженцы согласились сложить все книги на подоконниках Холодной синагоги.

Нам очень хотелось забрать из этой сокровищницы трактаты «Гитин», но у нас были две проблемы: во-первых, как вскарабкаться на немалую высоту, а во-вторых, можно ли взять книги без разрешения. За ответом на второй вопрос мы обратились к раввину. Он несколько раз прошелся по кабинету туда-сюда и после долгих размышлений принял решение: книги без разрешения взять можно, но при условии, что мы намерены их вернуть. Помнится, он предложил нам посоветоваться также с реб Мойше из Ляховичей, одним из старейших учеников йешивы. Этот реб Мойше был замечательным знатоком Торы и достойным человеком. Позже, в начале двадцатых, он стал раввином Клецка. Говорят, что его убили нацисты.

Однако пришло время вспомнить свои грехи. В тот день мы долго искали реб Мойше, но так и не нашли, и решили действовать, полагая, что постфактум он одобрит наше решение. Операцию назначили на субботу, поскольку по будним дням синагога была закрыта. Мы зашли в здание во время послеполуденной молитвы и приоткрыли боковую дверь так, чтобы шамес ничего не заметил. Когда прихожане закончили молиться и разошлись по боковым комнатам, чтобы прочесть 119-й псалом и вечернюю молитву, мы покинули синагогу и проникли туда позже через незапертую дверь. Теперь предстояло самое трудное. Мы поставили одну на другую несколько лавок и взобрались по ним, хотя они сильно раскачивались. Перед тем как окончательно стемнело, мы наконец нашли два тома виленского издания трактата «Гитин». Благополучно спустившись, мы поставили лавки на место.

Власти реквизировали просторное здание йешивы, и ей пришлось «отправиться в изгнание» — переселиться в Синагогу портных, а затем — в Синагогу Исерке.

раби Арн Котлер

На следующий день мы, смущенные, явились к раввину. К счастью, реб Мойше из Ляховичей оказался там. Мы рассказали ему, как было дело. Выслушав нас с улыбкой, реб Мойше одобрил наши действия, тем самым сняв тяжкий груз с нашей совести.

На следующий день благородная фигура раввина появилась у дверей йешивы. Неторопливо войдя внутрь, он перекинулся парой слов с несколькими учениками, словно сам был одним из них. Затем, погруженный в свои думы, он несколько раз прошелся туда-обратно. Когда он наконец сел, мы с моим товарищем подошли к нему, испытывая одновременно и страх, и радость. Начался экзамен. Раби не задавал сложных вопросов и не прибегал к запутанным казуистическим рассуждениям. В итоге он решил, что мы готовы к самостоятельной учебе.

Я хорошо помню зимний день, когда слуцкая йешива отправилась в изгнание в Клецк. Согласно мирному договору между поляками и большевиками, Слуцк отошел к Советам. Раби Арн Котлер, его домочадцы и несколько старших учеников погрузили свои пожитки в телегу, а сами шли пешком, низко склонив голову, с печалью в сердце. Слуцкая йешива «Эц хаим» отправилась в изгнание, однако не целиком: меньшая, но достаточно многочисленная часть учеников во главе с городским раввином и одним из руководителей йешивы реб Ошером Сандомирским осталась в Слуцке, чтобы продолжить свою святую работу, невзирая на предстоявшие трудности и опасности. Так йешива разделилась надвое.

Достаточно скоро оставшиеся в Слуцке йешиботники почувствовали, что советская власть наступает им на пятки, и также осознали необходимость пересечь границу и перебраться в Клецк. Благодаря опытным контрабандистам перейти границу было не слишком сложно, однако достаточно опасно. Нескольких парней задержали советские пограничники, после чего их обвинили в контрреволюционной деятельности. В йешиве ходили слухи, что некоторых йешиботников схватили польские пограничники, приговорили к тюремному заключению и подвергли порке и жестоким издевательствам.

Достаточно скоро оставшиеся в Слуцке йешиботники почувствовали, что советская власть наступает им на пятки, и также осознали необходимость пересечь границу и перебраться в Клецк.

Когда пришло время отъезда, я очень боялся, что меня схватят, и поделился своими страхами с раввином. Мое беспокойство тронуло его, и он задумался, чем сможет мне помочь. В итоге он вручил мне рекомендательное письмо, написанное по-польски, свидетельствующее о том, что он знает меня как добропорядочного молодого человека, студента йешивы. Раввин полагал, что это письмо облегчит мою участь, если, не дай Бог, я попаду в руки польской пограничной стражи. Писарь, хорошо знавший польский, написал это письмо красивым разборчивым почерком, а раввин подписал.

В тот момент я не понимал, как сильно рисковал раввин, вручая мне это письмо. Попадись я с этим письмом советским пограничникам, его обвинили бы в том, что он помогает молодым людям бежать из России в Польшу. Нет никаких сомнений, что в «День суда» ему припомнили бы и этот грех, тем более что советское начальство и так уже смотрело на него недобрый взгляд (месяц спустя он тоже вынужден был бежать за границу). Тем не менее он вручил мне это письмо и благословил меня, чтобы я благополучно достиг своей цели.

По сей день я пребываю в недоумении: неужели он не чувствовал опасность и готов был рисковать своей жизнью ради спасения одной еврейской души? Скорее всего, он все прекрасно понимал и тем не менее готов был сделать доброе дело, поскольку был твердо уверен в том, что с Божьей помощью никакое зло его не коснется.

Слуцкая йешива
«Эц хаим»
отправляется
в изгнание
(по пути в Клецк)

Меламед реб Кадиш

Мой дед Кадиш Крейнис, известный как реб Кадиш-меламед, был слабым и болезненным человеком с вьющимися пейсами, клочковатой бородой и большими добрыми глазами. Он преподавал Талмуд и Танах в четвертом классе городской талмуд-торы, и, подобно другим еврейским педагогам, наводил страх на учеников. Мой друг поэт Эфроим Лисицкий рассказывал, что учился грамматике иврита у меламеда Кадиша. Помимо службы в талмуд-торе, дед давал уроки для взрослых в одной из городских синагог.

По словам мамы, дед учил детей реб Шмуэла Лейбовича в соседней деревне Подлипцы. (Один из них, Борух-Бер, стал раввином Глуска.) Лейбович владел фермой и расплачивался с дедом натурой — например, присылал воз картофеля, которого нам хватало очень надолго. Как-то раз мама и ее братья переносили эту картошку в погреб при свете висевшей на стене керосиновой лампы. К несчастью, лампа упала и керосин пролился прямо на картошку. Тем не менее семья съела ее до последнего клубня — такие они были бедные.

До фермы реб Шмуэла и обратно дед ходил пешком. Как-то зимой, когда он переходил реку по льду, тот провалился под ним, и, если бы местные крестьяне не услышали его крики и не поспешили ему на помощь, он бы утонул.

Последние годы его жизни были очень нелегкими. Слуцк несколько раз переходил из рук в руки — от русских к полякам, от поляков к русским. Как-то при советской власти по доносу еврейского осведомителя он был арестован прямо в синагоге в тот момент, когда учил Торе двух своих внуков. Деда арестовали и судили, однако вскоре освободили из-за преклонного возраста. В городе говорили, что и доносчик, и судья оказались его бывшими учениками.

Когда наша семья уехала в Америку, мы долго убеждали деда ехать с нами. Он колебался, но в конце концов решил не ехать и провести остаток дней в родном городе рядом с другими родственниками.

В письмах к нам дед никогда не жаловался. Его младшая дочь и ее муж обеспечивали его всем необходимым. Он радовался, узнав, что даже в Америке его дети и внуки продолжают учить Тору и соблюдать заповеди.

Дед скончался в седьмой день праздника Пейсах 1926 года в возрасте семидесяти пяти лет. Слуцкие евреи похоронили его с подобающими почестями рядом с самыми уважаемыми членами общины.

Жизнь моего отца

Мой отец раби Хаим-Зеэв-Вольф Голдберг родился в Ковно в бедной семье, глава которой с трудом зарабатывал на жизнь плотницким ремеслом. В юности он учился в йешивах Ломжи и Слободки, а позже перешел в слущкую йешиву «Эц хаим». Его женой стала Годл, дочь меламеда Кадиша. Получив смиху, он откликнулся на просьбу раби Мойше-Мордехая Эпштейна и отправился в Америку собирать деньги для йешивы в Слободке. Новый Свет и его демократические институты пришлись отцу по душе, и он подумывал остаться в Америке раввином, однако в конце концов вернулся в Слуцк.

По возвращении отец решил не становиться раввином, чтобы не делать Тору источником заработка, и попробовал заняться торговлей, однако

Слуцк несколько раз переходил из рук в руки — от русских к полякам, от поляков к русским.

он ничего не понимал в коммерции и дело у него не пошло. Большую часть времени он проводил за изучением Торы и чтением книг по еврейской этике.

С началом Первой мировой войны появилось много работы, связанной с помощью нуждавшимся единоверцам. Отец взял на себя заботу о несчастных соплеменниках, пострадавших от войны. Это стало основной его деятельностью в те ужасные дни. Помимо многочисленных городских бедняков, город заполнили толпы беженцев из прифронтовых районов — целые семьи, лишённые всего необходимого. Среди них были некогда уважаемые евреи, лишившиеся всего имущества, и женщины, чьих мужей призвали в армию, оставив их близких на произвол судьбы, без средств к существованию.

В городе свирепствовали заразные болезни. Обеспечением беженцев продуктами, одеждой, крышей над головой и лекарствами занялась специальная тройка, в которую вошли доктор Шильдкраут, покровитель всех городских бедняков, Йешайоу-Мендл Деречин, энергичный общественный деятель с добрым сердцем, и мой отец.

Ежедневно они раздавали нуждающимся муку или хлеб. По пятницам каждая семья получала две халы для субботней трапезы. (Если память меня не обманывает, выдача проходила в Холодной синагоге, в конторе братства «Линас-га-цедек».) Отец припрятывал несколько хал и отдавал их бывшим домохозяевам, потерявшим все, знатокам Торы или членам уважаемых семей, чтобы избавить их от унижительной необходимости стоять в очереди.

Несмотря на то что отец был ортодоксальным евреем, он одобрял изучение иврита и не мешал мне читать современную литературу на святом языке.

После большевистской революции ситуация в городе изменилась к худшему. Война между большевиками и поляками привела к разрухе. Когда приходили большевики, городу угрожали голод и болезни; кроме того, люди беспокоились за свою религиозную жизнь. В свою очередь, польские легионеры и «познанцы» издевались над евреями, убивали их, били, отрезали бороды, выбрасывали из поездов. Многие гибли от рук бандитов из окрестных деревень, их трупы привозили в Слуцк для погребения.

В те годы отец смог уехать в Америку. Через три года ему удалось выписать к себе свою семью. Однако связь со Слуцком не прервалась: он помогал йешивам в Слуцке и Клецке. Об этом свидетельствуют хранящиеся у меня письма р. Арна Котлера и реб Ошера Сандомирского.

Вот отрывок из письма реб Ошера от 24 тамуза 5683 (1923) года, написанного вскоре после того, как р. Исер-Залмен Мельцер вынужден был уехать:

«Здесь находятся около ста знатоков Торы, воистину рискующих жизнью, подобно нашим великим мудрецам в эпохи гонений. О них можно сказать: «Одом ки йомус бе-ойгел...»⁶⁰⁴ Это учебное заведение — самое большое и важное, единственное, уцелевшее во всей стране. Боже упаси, если это святое учебное заведение погибнет из-за материальных трудностей!»

Несмотря на то что отец был ортодоксальным евреем, он одобрял изучение иврита и не мешал мне читать современную литературу на святом языке.

---

⁶⁰⁴ «Одом ки йомус бе-ойгел...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Человек, который умрет в шатре...» («Бемидбар», 19:14). Реб Сандомирский имел в виду «шатер Торы». — *Прим. пер.*

Доктор Лев Шильдкраут

Это был высокий широкоплечий человек с благородной душой, не искавший ни богатства, ни почестей. Он занимался общественной работой и помогал людям и в мирное время, и в чрезвычайных обстоятельствах. Входя в какой-нибудь дом, он словно приносил с собой уважительную атмосферу, и хозяева неизменно принимали его с любовью.

Зимой он навещал больных в хорошей меховой шубе и меховой шапке, словно польский помещик. Однако на самом деле перед тобой оказывался еврей, любивший своих бедных братьев и всегда готовый прийти им на помощь, если случилась беда. Своим обликом и воспитанием доктор Шильдкраут, разумеется, отличался от простых евреев, однако он хорошо понимал их душу, говорил на их языке и умел найти к ним подход.

Как-то раз мне довелось беседовать с земляком, поэтом Эфроимом Лисицким, поделившимся со мной воспоминаниями. В юности он как-то раз заболел лихорадкой и пришел к доктору Шильдкрауту незадолго до Девятого ова. Врач велел ему есть мясо⁶⁰⁵.

Ради городских бедняков доктор Шильдкраут поставил в своей приемной специальную кружку, куда пациенты клали плату за визит, каждый в соответствии со своими возможностями. Иногда, осмотрев на дому заболевшего бедняка, доктор незаметно клал ему под подушку монету, а прощаясь, говорил: «Рецепт под подушкой, желаю больному полного выздоровления».

Доктор часто повторял шутку, что в воскрешение мертвых верить нужно: «Если в субботу еврей способен съесть огромную порцию чолнта, ложится спать и встает совершенно здоровым, то что это, если не воскресение из мертвых?»

В синагогу доктор Шильдкраут не ходил, лишь в Йом-Кипер — на завершающую молитву «Неила».

После Октябрьской революции вспыхнула эпидемия дизентерии. Положение было катастрофическим. Больных было много, врачей мало. Большинство нужных лекарств не было, а те, что были, стоили огромных денег. Но прежде всего не хватало еды, чтобы укрепить организм, и многие умирали от голода. Доктор Шильдкраут трудился день и ночь, не щадя собственного здоровья.

Как-то утром по городу рассыпались солдаты, проводившие обыски. Официально искали контрабанду, однако забирали все, что попадалось под руку. В городе началась паника; не было никого, кто мог бы остановить грабеж. Но вдруг произошло чудо: обыски прекратились. Прошел слух, что доктор Шильдкраут послал телеграмму в Москву какому-то начальству, и оттуда пришел приказ прекратить произвол. Я хорошо запомнил этот случай, поскольку через несколько дней мы с мамой пошли на какой-то склад, подписали заявление о том, что у нас было похищено два мешка муки, и украденное нам вернули.

Из-за советско-польской войны слущкая община совершенно обнищала. Оставалось только одно: обратиться к американским евреям с просьбой помочь ограбленному, страдающему Слуцку. Три лидера общины — два раввина и доктор Шильдкраут — опубликовали «Призыв к нашим американским

Но вдруг произошло чудо: обыски прекратились. Прошел слух, что доктор Шильдкраут послал телеграмму в Москву какому-то начальству, и оттуда пришел приказ прекратить произвол.

⁶⁰⁵ На протяжении трех недель накануне поста Девятого ова соблюдают некоторые законы траура. В первые девять дней этого месяца не принято есть мясо.

братьям о помощи», появившийся 24 ноября 1920 года на страницах газеты «Га-Цфира».

«Просьба о помощи от еврейской общины Слуцка!

Услышите нас, братья! В годы войны мы жестоко страдали, множество бед выпало на нашу долю. Мы оказывались то под одной, то под другой властью, наше положение беспрерывно менялось, всевозможные бедствия обрушились на нас. Нашей жизни угрожала опасность, мы жили в смертельном страхе. За последние несколько месяцев мы совсем обнищали. На дорогах не стало путников, мы наги и ограблены. Недавно мы видели сверкание обоюдоострого меча, ибо война шла в самом городе. Над нашими головами летали дротики — смертоносные дротики, начиненные взрывчаткой. Множество домов было разрушено, множество людей убиты и ранены. В городе вспыхнул пожар. Целиком сгорели баня, несколько зданий и лавок. Благотворительные учреждения, сиротский приют, богадельня и больница находятся в плачевном состоянии, нет ни еды, ни одежды. Старики и дети протягивают руки, моля о помощи. Мы не в силах удовлетворить их нужды, даже просто хлебом и водой. Школы закрыты, поскольку нет ни денег платить жалование учителям, ни дров для отопления. Дети бродят по улице голодные, босые и раздетые и просят подаяние. Но чем мы можем им помочь? Люди, которые прежде щедро помогали тем, кто просил, сами стали теми, кто просит и побирается.

Единокровные братья, живущие в Америке! Наши глаза обращены к вам, и мы простираем к вам руки: помогите нам! Вы знаете, как поступить. Спешите, не медлите, ибо мы обессилели и ничего не можем сделать. Мы лежим перед вами, словно камень, который некому перевернуть. Ваш долг — спасти нас!

*Воскресенье, 27 хешвана 5681 г., Слуцк
Доктор Л. Шильдкраут,
р. Исер-Залмен Мельцер,
председатель раввинского суда и глава йешивы,
р. Йосеф бен Меер.*

Переводить деньги на имя общины Слуцка просим через общину Варшавы».

Внезапно прошел слух, что доктор Шильдкраут тяжело заболел. Вскоре пришло еще более печальное известие: он скончался. Множество народа стеклось со всех концов города, чтобы проводить его в последний путь. Когда вынесли гроб, воцарилась полная тишина. Тысячи людей стояли, не произнося ни слова. Наконец плотная масса сдвинулась с места, и похоронная процессия двинулась вперед. Гроб на руках отнесли в больницу, а оттуда — в старую богадельню, где лежали больные евреи, которых доктор лечил на протяжении десятков лет.

На кладбище надгробную речь произнес раби Авром-Ицхок Шисгаль, учившийся в йешивах Слуцка и Клецка. Однако не успел он произнести: «Драгоценная жемчужина была у нас, и вот мы ее потеряли» — как все собравшиеся зарыдали. Еще один оратор, раби Йосеф Пеймер, не пожалел добрых слов об усопшем, сказав, в частности, что тот пожертвовал своей

жизнью, возложив ее на алтарь ради братьев и земляков, и потому подобен жертве всежжения, целиком принадлежащей Всевышнему. Услышав это, один из отвергнувших Завет подскочил, словно ужаленный змеей, и начал оскорблять раввина. На кладбище едва не началась драка, однако раввин, несмотря на всю свою кротость и робость, не смутился из-за этой выходки и продолжил надгробную речь.

ВОСПОМИНАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА. В СЛУЦКОЙ ТЮРЬМЕ

Б. Михалевич

Бывалые уголовники вздрагивали, когда слышали слово «Слуцк», настолько строгий, «железный» режим там был установлен.

Вместе с группой из примерно пятнадцати человек я был отправлен из Копыля в слуцкую тюрьму. Эта тюрьма считалась тяжелым местом заключения. Бывалые уголовники вздрагивали, когда слышали слово «Слуцк», настолько строгий, «железный» режим там был установлен.

В Копыле мы пересеклись с бундовцами. Они предложили нам пользоваться их чайником и рассказывали нам о своих партийных делах. Вскоре всех нас отправили в Слуцк по этапу. Путь туда продолжался неделю и пролегал через широкие поля и густые леса. Молча, мелкими шагами, усталые, мы подошли к нашему новому «дому» — небезызвестной слуцкой тюрьме.

В напряженной тишине стоим мы в тюремной канцелярии. Со злым интересом рассматривают нас несколько стражников и писарь. Ждут начальника. Открывается дверь, вбегает запыхавшийся, низенький толстый человечек с глазами навывкате, небритый, с пухлыми волосатыми руками. Он бросает на нас свирепый взгляд, осматривает сверху донизу и начинает листать наши бумаги.

Тем временем где-то в углу у солдата падает винтовка. Нервное создание в мундире начальника затряслось от страха; это выглядит так комично, что одна из наших арестанток смеется во весь голос. Глаза у начальника наливаются кровью, он подбегает к нам в угол и начинает кричать, «тыкая» всем и грубо ругаясь. Он сразу же получает от нас всех решительный отпор, отчего приходит в некоторое замешательство, смотрит на нас выпученными глазами и обращается к старшему конвоиру:

– Что это за люди?

– Политические! — отвечает тот.

Начальник продолжает лихорадочно листать наши документы. «В распоряжение министерства юстиции», «по приказу министра внутренних дел», «по полицейскому департаменту»... Названия всех этих инстанций вызывают у маленького слуцкого сатрапа, который, похоже, до сих пор имел дело только с уголовниками, посаженными по приговору местного суда, немалое почтение и страх. Он уже не говорит нам ни слова и тихо отдает распоряжение старшему конвоиру о том, куда нас отвести.

Мы оказываемся в коридоре, стены которого побелены, похоже, совсем недавно, с дверьми по обеим сторонам. Каждого из нас запирают в отдельную камеру, не давая общаться между собой. Мы решили ковать железо, пока оно горячо, и устраиваем известную «музыку»: стучим в двери

и орем как резанные. Начальник прибегает в смятении и спрашивает, чего мы хотим. Он сам не знает, что с нами делать, и просит нас подождать пару часов. Вскоре к нам приходят представители правящей верхушки уездного города: исправник, молодой прокурор — видно, только с университетской скамьи, какой-то офицер и даже предводитель местного дворянства. Главный оратор среди них — юный помощник прокурора. Мы выдвигаем наши требования: хотим иметь возможность общаться между собой, хотим сами себе готовить, книги, прогулки и тому подобное. Он спрашивает еще, каковы были условия нашего содержания в Минске, и мы рассказываем без прикрас. Он заверяет нас, что здесь будет не хуже. Прокурор удовлетворяет все наши требования и добавляет, что все здесь только временно: он еще спишет по поводу наших условий с жандармерией.

После такой беседы начальник тюрьмы был ошарашен настолько, что отдал в наше распоряжение весь верхний этаж. Мы были там вполне автономны и установили свои порядки. Весь день, когда двор был свободен от уголовников, мы могли гулять, устраивать разные игры, к примеру, играли в крокет. При этом мы смеялись и шумели, словно находились где-то на воле за городом.

Бывало не раз, что начальник вызывал меня к себе домой (товарищи выбрали меня старостой) и просил, чтобы мы так не кричали.

— Я вам уступил двор, канцелярию, — молил он, — дайте же мне, по крайней мере, отдохнуть у себя дома!

Он жил по соседству с тюрьмой, а запирали нас только на ночь, причем каждый из нас мог выбрать камеру на свое усмотрение.

Еще позже, пару недель спустя, начальник вызвал меня к себе и конфиденциально сообщил, что из Минска пришла бумага с указанием кое в чем нас прижать, установив строгий режим. Но он не хотел с нами ссориться и поэтому просит, чтобы мы вели себя осторожно, не выдавали его. Его податливость в отношениях с нами объяснялась не только его трусостью, была еще одна причина. Мы располагали большой суммой денег, которая осталась в канцелярии. Ее начальник быстро растратил, и это привело к тому, что мы не могли приобрести необходимые продукты. Когда я беседовал о растрате со старшим охранником, он сказал мне по секрету, что начальник с ним не поделился, и мясники, пекари, лавочники не хотят уже ему ничего отпускать в кредит.

Мне вспоминается один эпизод. В тот день дантист вырвал мне зуб. Ночью у меня после выпитого горячего чая открылось кровотечение. Я не хотел будить сокамерников и ждал, что оно пройдет само, но кровь все текла, и я уже не знал, что делать. Проснувшиеся товарищи начали стучать в двери и требовать доктора. Тот пришел только рано утром, и после этого я на несколько дней слег. Есть я не мог, только пил. Одна из наших девушек ухаживала за мной и послала охранника за лимоном. Тот пришел и заявил, что лавочник не хочет ничего давать без денег. Тут уже мера нашего терпения переполнилась, и моя «сестра милосердия» послала за начальником. Она обрушилась на него в сильном гневе, тот стоял сконфуженный, попросил ее не кричать, а затем побежал в лавку и сам принес мне лимон...

Вообще, вся его семья была не совсем обычной. Сам начальник был азартным картежником, жена — запойной пьяницей, а сын, юный гимназистик, тайно приходил в тюрьму по утрам и продавал арестантам потрепанные колоды карт и водку.

После такой беседы начальник тюрьмы был ошарашен настолько, что отдал в наше распоряжение весь верхний этаж. Мы были там вполне автономны и установили свои порядки.

Если на нас начальник махнул рукой и полностью оставил нас в покое, то с арестантами-уголовниками он вел себя деспотично. Иначе как «скоты» он их не называл и нередко бил ногами. Большинство уголовников были маленькими, слабыми людишками: в чем-то проштрафившиеся крестьяне, конокрады и случайные правонарушители. У них не доставало отваги противостоять жестокому режиму. Иногда в тюрьму пригоняли из других городов пару «каторжников» — он их не выпускал из карцера, и они там так страдали, что были уже не в силах протестовать. Хорошо сиделось в тюрьме лишь нескольким богатым ворами и бывшим чиновникам, растратившим казенные деньги.

Через короткое время после нашего прибытия в Слуцк в политической жизни страны произошло большое, очень важное событие: Русско-японская война. Мы о ней узнали вскоре после ее начала от уголовников, которым в воскресенье после молебна зачитали манифест о нападении врага. Мы поняли, что это имеет огромное значение для развития революции в России, и начали лихорадочно интересоваться всеми подробностями войны. Мы уже не могли жить без газетных новостей, а потому обратились к местному прокурору и потребовали от него, чтобы он нам позволил, ввиду чрезвычайных обстоятельств, имеющих место в стране, получать газету. Прокурор узрел в этом обращении явное свидетельство того, что в нас прорезался патриотизм, и обещал присылать нам каждый день «Петербургские ведомости». В изданиях более левого толка нам было отказано.

Но к тому времени, когда мы добились получения этой газеты в тюрьме, стражники уже не боялись за небольшую плату приносить нам другие газеты. Каждая новость о ходе войны нас сильно возбуждала и вызывала живые дискуссии. За толстыми стенами слуцкого острога мы на самом деле слышали сильные удары, которые царизм получал из-за своих неудач на полях Маньчжурии и на море. С большим нетерпением мы каждое утро ждали чего-то нового, какого-то переворота.

В пасмурный зимний день к нам явился слуцкий прокурор со старшим чиновником юстиции из Минска и отвел нас всех в большую камеру для беседы. Они начали с разговоров о коварных японцах, поговорили о серьезных битвах, ждущих страну, и к концу встречи просто предложили нам записываться добровольцами в армию. При этом они дали понять, что не отправят нас на фронт, — изъявление согласия будет не более чем актом примирения между правительством и теми группами, которые по-своему хотят счастья России. Мы все ответили на это предложение категорическим отказом.

Как мы узнали позже, тогдашний диктатор Плеве попытался втянуть всех «политических» в патриотический поток, и предложение, полученное нами, делалось всем арестованным и сосланным по всей России. Но характерно то, что среди тысяч «политических» нашелся лишь один сосланный, который согласился поступить добровольцем в армию. Все остальные с презрением отвергли сделку со всероссийским деспотом, протянувшим им окровавленную руку.

За толстыми стенами слуцкого острога мы на самом деле слышали сильные удары, которые царизм получал из-за своих неудач на полях Маньчжурии и на море.

ИЦХОК-ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ В СЛУЦКЕ

Н. Хинич

В конце лета 1913 г. в Слуцке распространился слух, что в город приедут Ицхок-Лейбуш Перец и Яков Динезон⁶⁰⁶. Их имена были известны каждому, и все любили этих писателей. Горожане с нетерпением ждали их приезда из Старева — близлежащей деревни (35 верст от Слуцка), где писатели проводили время на даче у Б.-А. Клецкина, владельца большой местной фабрики по производству стекла. Клецкин был также известным издателем. Окрестные евреи считали его безбожником.

Попытки организовать открытую лекцию Перца не удались. Полиция узнала, что лектор «некашерный», социалистических взглядов. Но все же банкет в честь высоких гостей был устроен — в доме богатейшего случчанина Лейбуша Гутцайта. Присутствовали около пятидесяти человек из «сливок общества». Лейбуш Гутцайт, сионист и любитель иврита, лично пригласил меня на вечер.

Зал был полон до краев. Звучал в основном русский язык, я чувствовал свою отчужденность от всех, мне было одиноко. Гостей приветствовали на русском и идише. Постепенно общее настроение становилось все более праздничным. Все взгляды были обращены к бодрому, подвижному Перцу и к добродушному молчаливому Динезону. Последнее приветствие на иврите от местного учителя Рувки Альтмана несколько смутило умы и вызвало шум. Он коротко, по-деловому пересказал талмудическую легенду, по которой в грядущие дни синагоги сорвутся со своих мест и окажутся в Стране Израиля, так же, как мертвецы переместятся туда со всего света через пещеры и подземные ходы. Легенда не могла допустить, что мертвецы доберутся до Святой земли, а синагоги, духовные центры, останутся в голусе⁶⁰⁷. Оратор сказал, что верит: произведения Перца возвысятся в ивритском переводе и на земле еврейской надежды — в Эрец-Исраэль.

Присутствовавшие тем временем скучали, не понимая ни слова. Но Перец часто заморгал, он чувствовал себя уязвленным.

Бледный, дрожащим голосом он начал говорить (его речь я тогда записал):

– Я благодарю всех вас за честь и внимание, которыми вы меня одарили. Но последнему из выступавших я все же должен заметить, что я не из тех, кто ни в грош не ставит жизнь в голусе. Кроме того, я не вижу, почему мои произведения должны быть оторваны от идиша и обязательно переведены на иврит, словно бессмертные вещи, которые найдут свое настоящее место в Стране Израиля. Не хочу, чтобы вы поняли меня неправильно: я не против иврита, он мне столь же дорог, и вот доказательство: я много писал на иврите и до сих пор время от времени на нем пишу. Что же тогда? Я не шовинист и не согласен с тем, что вечность и правильное место принадлежат только ивриту и Земле Израиля... Позвольте мне сказать, что борьба и бесконечные трения между разными «-истами» надоели мне и вызывают большую печаль. Неужели идиш занимает рабское положение и об-

---

Попытки организовать открытую лекцию Перца не удались. Полиция узнала, что лектор «некашерный», социалистических взглядов.

---

⁶⁰⁶ Яков Динезон (1856–1919) — писатель, автор первых в литературе на идише сентиментальных дидактических романов. — *Прим. пер.*

⁶⁰⁷ Голус (иврит в ашкеназском произношении) — диаспора.

речен на рабство? Против такого позорного к нему отношения я протестую во весь голос! Пришло время, когда мы должны открыто заявить: хватит играть в мелкие и пустые фразы! Пусть каждый идет своим путем и ищет свою правду! Пусть множатся и спорят действенные, конструктивные силы. Я должен снова подчеркнуть, что еврейская литература создается на народном языке. При этом я вовсе не против, чтобы мои произведения переводились на иврит, но без тайных намерений, обиняков, намеков, создающих превратное впечатление о том, что важно, а что нет... Почтенные гости! Простите меня за эту речь, в которой я посчитал необходимым кое-что ясно высказать. Читайте на идише, иврите, но читайте, знакомьтесь с нашими богатствами и ценностями, и вы увидите, насколько мы богаты, только мы не знаем, как воспользоваться этим богатством, народным владением. И вот мы следуем наказу царя Шломо разрубить младенца⁶⁰⁸. И мы рубим наш живой организм — на три, четыре части...

Бледный, уставший, он уселся рядом со своим другом Динезоном. Когда попытались добиться, чтобы речь сказал Динезон, тот с улыбкой заметил:

– Мне нечего добавить, не могу сказать ничего нового. Я целиком и полностью согласен с моим другом Перецем.

ИЗ СЛУЦКА — В ЭЙН-ГАНИМ

Й. Символ

Мы покинули Слуцк много лет назад, но он не забывается. Прежде всего, помнится честность и душевная красота всех, кто был беден, а временами даже голодал.

Слуцкие праздники, слуцкие лакомства, слуцкие свадьбы, церемонии обрезания... О, как я до сих пор скучаю по пирогам моей мамы, даже если они готовились без масла и яиц! В четверг мама всю ночь пекла халы и печенья для мужа и девяти детей. Аромат разносился по всему дому. Каждой девочке полагалось по булке, мальчикам — по маленькой хале. В пятницу около полудня каждый ребенок получал булочку с тарелкой супа-крупника. Все имело праздничный вкус. Накануне Пейсаха отчищали и отмывали дом, кашеровали и окунали в кипяток посуду. Каждый ребенок имел свой бокал — кто-то зеленый, кто-то голубой, кто-то белый. Самый большой бокал предназначался Элийогу-пророку. Для всех детей готовилась новая обувь.

Теперь я хочу остановиться на нескольких известных людях.

Иче Боркер

Наши соседи Иче Боркер и его жена Цира были хлебопеками. Иче был высоким, красивым мужчиной с длинной белой бородой, Цира — низенькой женщиной. Оба спокойные, хорошие люди. У них не было детей, и они вырастили сиротку из родственниц, ее звали Рейзеле. Когда она выросла, справили ей свадьбу и приняли зятя, Носна-писца, к себе домой на доволь-

⁶⁰⁸ См. «Млахим I» (в русской традиции — «3-я Книга царств»), 3:16–28.

ствии. Выделили молодоженам лучшую комнату, а сами спали в темном закутке за печью. В кухне у них стоял стол и большая длинная скамья, где они выкладывали свежеспеченный хлеб. У них в доме жила большая белая кошка с черными пятнами, но это была не простая кошка, не из тех, что бегают без дела... Ее работа заключалась в том, чтобы прогуливаться между теплыми буханками хлеба, лизнуть, попробовать их, покрутить хвостом и время от времени укладываться рядом с теплыми буханками.

Покупатели, упаси Бог, на это никогда не жаловались — полагали, что раз кошка Иче крутится рядом с буханками хлеба, то, наверное, так и надо.

Хава, разнощица бобов

Не знаю, были ли муж и дети у разнощицы бобов Хавы, но саму ее помню очень хорошо. Она была высокой толстухой с добрым веселым лицом. Целую неделю Хава разносила желтый горох, хорошо сваренный и потолченый, — он прикрывался платком, чтобы, упаси Бог, не остыл. Вкус и аромат этого гороха был потрясающим. Свой товар она носила в большом горшке, а меркой у нее был грошовый деревянный стаканчик. Я до сих пор не понимаю, как она могла таскать такую ношу на животе. В пятницу в честь праздника она продавала горячие бобы. «Горячие бобы! Горячие бобы!» — объявляла она всем портным, сапожникам и иным ремесленникам. У нее покупали бобов на грош и отводили душу.

Эх, Хава, Хава! Вкус больших горячих темных бобов и желтого теплого гороха до сих пор остается в моей памяти.

Мой дедушка Эли Флейщик

Мой дедушка Эли Флейщик был человеком честным, добросовестным, любил делать добрые дела и выполнять заповеди. Он был клезмером, а поскольку эта работа приносила в те времена мало денег, то перед Пейсахом он еще пек мацу на продажу. Но всего этого не хватало, чтобы содержать большую семью. Бабушка Хашка по ночам пекла печенье и все утро распределяла его по харчевням и лавкам. Все эти заработки не сделали супругов богачами, что, однако, не помешало им воспитать чужих детей. Случилось так, что кто-то решил освободиться от незаконнорожденного ребенка, его подбросили в сени синагоги, и как знали — дедушка его взял, принес до-

Второй слева — клезмер Шимен-Лейб Флейщик

мой. Бабушка, добрая по природе, воспитала ребенка наравне со своими детьми. Таких приемышей было, как я помню, трое. Естественно, они подросли и пошли учиться ремеслу, но от одного дед имел головную боль: тот влюбился в его дочь, мою тетку. Он был красивым парнем, и она хотела выйти за него замуж. Дед, однако, никак не соглашался, и свадьба не состоялась. Слово моего деда было свято.

Моя тетя Сора-Рейзл

Тетя Сора-Рейзл была старшей дочерью моего деда. Она, бедняга, осталась вдовой с двумя маленькими детьми. Идя на рынок торговать, она несла две большие корзины. Жила она на Американской улице в маленьком домишке. Посреди ночи она вставала, разжигала печь и варила крупник для себя и своих детей. По натуре она была доброй, но тяжелая жизнь испортила ей нервы. Она постоянно ругалась и кричала. Помню, как тетя Сора-Рейзл выбирала перья для дочери. Она нащипала много пера и наполнила четыре подушки: большую, поменьше, еще меньше и совсем крохотную. На подушках запрещено было спать, на ночь они укладывались на табуретку, а утром — на пышно застеленную кровать. В конце концов эти подушки утащил какой-то вор. Горе тети было неопишимо.

Моя тетя Хана-Гинда

Хана-Гинда была одной из дочерей деда. К большому несчастью, и она, рано выйдя замуж, вскоре осталась вдовой с двумя маленькими детьми. Ее муж Велвл уехал в «золотую страну» Америку на заработки — так в то время делали многие слущкие евреи. Спустя короткое время он с одним своим другом погиб от удущья во сне, забыв выключить газ. Собралась семья деда и решила открыть для вдовы бакалейную лавку. Сложились — кто больше, кто меньше — и купили для нее товар. Так тетя сделалась лавочницей. И вот приходит еврейка покупать фунт крупы, а тетя ей еще подсыпает кучку, говоря: «Чтоб вы были здоровы — что вы будете делать с одним фунтом на целую семью?» Когда к ней в лавочку приходили дети, она им давала печенье и конфеты. Вечером все покупатели встречались в лавочке у Ханы-Гинды, она угощала их чем могла — таким образом, понемногу полки в лавке опустели. Снова собралась семья моего деда и купила новый товар, но история повторилась, товар снова исчерпался. Третий семейный совет постановил, что тетя должна выйти замуж, и добрые люди подыскали ей еврея из Уречья. Девочку она забрала с собой, а тетин мальчик остался у деда. Когда дед умер, сирота «перешел в наследство» моему отцу, мальчик вырос у нас, и я всем еврейским детям желаю такого воспитания, какое он получил. В ишуве он был известен как Авром Гафни из Кфар-Ганим.

Ее муж Велвл уехал в «золотую страну» Америку на заработки — так в то время делали многие слущкие евреи.

Мой отец Шимен-Лейб Флейщик

Отец почти во всем пошел в деда. Он тоже был клезмером, у него было девять детей, он любил помогать людям, совсем как дед Эли-дударь («дударем» его прозвали, потому что он играл на дудке). Что только моя мама не делала, чтобы облегчить жизнь своим детям: занималась садами, огородами, разводила гусей, вытапливала жир и продавала его купцам из боль-

Эли-дударь Флейщик

Хашка Флейщик

ших городов, держала коров и продавала молоко, взбивала масло, изготавливала сыр... Она давала пропитание йешиботникам. Когда дети подросли, она сказала, что не хочет, чтобы ее детей разбросало по всему миру, хоть в ту пору это и было обычным делом в Слуцке (дети не хотели мучиться, как старшее поколение, и бежали из Слуцка в большие города или в Америку). По мнению моей мамы, надо было ехать в Страну Израиля, купить землю, обрабатывать ее и жить всем вместе. К большому сожалению, она до этого не дожила — умерла от воспаления легких в 1910 г. В Страну Израиля мы прибыли без мамы в 1912 г. Мой папа умер в Петах-Тикве в 1940 г. в возрасте 79 лет. Но желание моей мамы, чтобы дети жили все в одном месте, осуществилось: все мы собрались в Эрец-Исраэль.

Совершаем алию

Мы прибыли в Эрец-Исраэль в 1912 г. на корабле «Кириллов», старой грязной посудине. С корабля нас забрали и перевезли на берег в лодках арабы. Жара стояла ужасная. Мы чуть не заблудились в запутанных арабских улочках Яффо. Из Яффо мы на дилижансе отправились в Эйн-Ганим, где дядя Мордхе-Нисн подготовил для нас жилье: комнату с маленькой террасой и кухонькой в деревянном домике. Пустые стены и пустые поля вокруг произвели на нас жуткое впечатление, и в домике воцарилось ужасное настроение. Мебель состояла из двух кроватей — широкой и узкой. Ящики и коробки от распакованных вещей служили нам столом и скамейками. Несколько сотен рублей, полученных папой за его дом в Слуцке, он имел при себе для покупки земли. Позже он сам сделал мебель из тех же ящиков: шкаф, чтобы вешать одежду, скамью и скамеечки. Некоторые из них и до сих пор как память стоят у моего брата во дворе под деревом. Мы все очень тяжело работали, много болели. Лихорадка в этих местах была обычным явлением. Докторов, да и медиков вообще, еще почти не было, как и больниц. Происходили постоянные нападения со стороны арабов.

Лихорадка в этих местах была обычным явлением. Докторов, да и медиков вообще, еще почти не было, как и больниц.

В центре Шимен-Лейб, клезмер, со своей семьей в Петах-Тикве. Фотография сделана по случаю празднования его 75-летия

Дом моего отца был открыт для всех. Для выходцев из Слуцка, приезжавших в Страну Израиля, он часто был первым местом проживания. Мы, дети, работали, а отец оставался «на хозяйстве». Когда приходили гости, то густой крупник немного редел. Мы с легким сердцем уступали нашу кровать гостям, а сами ложились спать на полу. Во время войны между турками и англичанами, начавшейся в 1914 г., наш дом был разрушен, но позже мы построили новый.

ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

М.-Л. Горин

Борцы и жертвы

Учитель Нохем Молодецкий, уроженец Слуцка, сын либерально настроенного торговца, был высокообразованным человеком. Анти-еврейские погромы потрясли молодого учителя, и его молодая кровь закипела. Он решил положить свою жизнь на алтарь грядущей социальной революции и совершить террористический акт против министра внутренних дел Меликова. Но министр был только ранен, а Молодецкого осудили на смерть через повешение.

Героем он взшел на эшафот и светло-синими глазами равнодушно посмотрел в лицо лютой смерти. Было ему тогда только двадцать три года.

Героический настрой Молодецкого, молодого еврейского парня, был описан в подпольном революционном журнале, который можно было увидеть в ленинградском Музее революции, что находится в бывшем Зимнем дворце.

В Октябрьской революции значительную роль сыграли следующие случане.

1

Велвл Кринский, младший сын адвоката Кринского, студент петербургского учебного заведения. Он погиб при взятии Зимнего дворца, в результате которого пало правительство Керенского. Рассказывают, что он был пылким оратором, одним из лидеров восставших, любимцем Ленина и его доверенным лицом-посланцем. Именем Кринского назвали улицу в Слуцке, а также ряд юридических учреждений.

2

Еще одним случчанином-революционером был Юдл Калманович — он служил комиссаром в московском правительстве и занимал высокие должности как эксперт по сельскохозяйственным делам (по специальности он был агрономом).

3

Третьим был Яков Голдберг — портной по профессии, из очень бедной семьи. У него была хорошая голова, и он много занимался самообразованием. Это был человек энергичный, с сильной волей и тягой к знаниям, особенно в социально-политических вопросах. Выйдя из Бунда, он перешел к коммунистам и вскоре занял у них высокие посты — вначале служил в Евсекции, затем стал председателем слуцкого горсовета. Голдберг разделил трагическую судьбу почти всех старых большевиков во время партийных чисток 1936–1937 гг. Его арестовали и как бывшего бундовца по подозрению в принадлежности к троцкистам бросили в печально известную слуцкую тюрьму.

В свое время он нажил себе много врагов, поскольку выжимал из людей налоги, чтобы обеспечить индустриализацию. Его обвинили в том, что большие суммы государственных денег он использовал на свои личные нужды.

Пару лет он томился в неволе и из-за своего слабого здоровья умер там, всеми оставленный, забытый...

Экономический и духовный упадок

Когда я впервые приехал погостить в Слуцк как американский гражданин (в 1927 г.), город уже десять лет находился под руководством большевиков, и это чувствовалось во всем. Ушла царская власть, которую представляли городской, исправник. Не было больше уважения к религии и старшим, к раввину, их авторитет больше ничего не значил. Новый правительственный аппарат состоял в основном из молодых коммунистов. Дисциплина была твердой, словно железо. Партийная линия, сформированная в Центральном комитете, в Москве, была единственным моральным и политическим ориентиром для местного населения, которому нужно было следовать, словно еврейскому Учению, не будь оно рядом помянуто.

Еврейская жизнь в Слуцке, как и во всех советских городах, находилась в прескверном состоянии. Особенно страдали коммерсанты, торговцы, большие и маленькие. По своему экономическому статусу они, согласно новым установлениям, являлись деклассированным элементом. Почти все они находились в подвешенном состоянии, так как потеряли постоянные источники заработка. Ситуация выглядела плачевной и весьма печальной,

---

Еврейская жизнь в Слуцке, как и во всех советских городах, находилась в прескверном состоянии. Особенно страдали коммерсанты, торговцы, большие и маленькие.

потому что большевизм как новая фанатичная религия был безжалостен и лют. Он накрепко связал руки прежним стабильным, консервативным классам.

Лавки в Слуцке большей частью стояли пустые, так как частная торговля находилась под дамокловым мечом ликвидации. Товар был в руках правительства, и оно учреждало кооперативные магазины — так, чтобы частная торговля не выдерживала конкуренции и сворачивалась ввиду высоких налогов, которыми ее облагали.

Хозяева предприятий, «люди воздуха», арестовывались по подозрению в том, что они торговали валютой и нелегальными товарами на черном рынке. Их судьба была горькой и мрачной. Не было средств, а рты в семье ждали пищи. Выхватить из России было невозможно, потому что занавес уже опустился — ни выхода, ни входа.

Почти все синагоги, дома учения были превращены в увеселительные заведения: театры, клубы — или в хранилища зерна, товаров. Многие синагоги стали складами для армейских арсеналов.

Были закрыты все йешивы, хедеры, как и православная религиозная семинария и многовековой монастырь.

Только несколько молитвенных домов и Николаевский монастырь еще действовали. Синагоги посещали считанные молящиеся, молодежь больше в них не ходила, и трудно было даже собрать миньян.

Упадок среднего класса

В Тимковичах я остановился у моей сестры Малки, муж которой, Хаим-Гирш Фиалко, был резником.

— Если бы не посылки, не помощь в виде нескольких долларов, которые присылали нам благословенные американские родственники, — сказала Малка, — мы бы, как и многие наши евреи, померли с голоду. Уехать отсюда мы не можем, потому что не выпускают, а в Америку не впускают. Так мир стал закрытым — ни туда ни сюда. Это показывает, что, вероятно, придут еще худшие времена, — так говорила моя богобоязненная и пронизательная сестра, и слезы текли из ее глаз и из самого сердца.

— Мы пропадаем, — жаловался шурин. — Власть просто не дает нам существовать. Нам не нужно больше, чем раньше, в хорошие времена, когда у нас был сад, своя корова... Сейчас же наша жизнь висит буквально на волоске.

— Помимо всего, у нас отнимают детей, они уже не хотят иметь со старшими никаких отношений. Служат коммунизму и партии, а мы им не нужны, — сокрушался реб Лейзер-Залмен, оставленный всеми бывший раввин Тимковичей, ставший меламедом и учивший детей младшего возраста. — Сам я каждый день жду, что меня арестуют, потому что я вожусь с детьми, немного объясняю им Пятикнижие с комментариями Раши, учу произносить благословения.

Лейбуш Гутцайт, крупнейший слуцкий богач, капиталист-промышленник, еще легко отделался. Правительство, правда, конфисковало у него все поместья, фабрики, наличные деньги, благодаря которым семья Гутцайта когда-то существовала в комфорте и роскоши. Но Лейбуш был известен как специалист в финансовых делах, и ему дали работу.

Почти все синагоги, дома учения были превращены в увеселительные заведения: театры, клубы — или в хранилища зерна, товаров. Многие синагоги стали складами для армейских арсеналов.

— Плохо, брат! — говорил он мне. — Завидую вам, что вы американец. Если бы только вы могли взять меня к себе в багаж, я бы охотно поехал... Сыну богача Хаима-Михла приходится немало мучиться, чтобы заработать себе на жизнь. Теперь я завишу от милости новых правителей.

СЛУЦК МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Я родился в Слуцке в 1914 г. и все время жил там. Учился я в пятой еврейской школе, где идиш был языком преподавания, за исключением некоторых предметов на русском. Помимо этого, нам с пятого класса преподавали немецкий язык и рисование. В школе было двадцать учителей, а учеников в возрасте от восьми до шестнадцати лет — около двухсот. Наша школа находилась рядом с бывшей женской гимназией. Фамилию одного из учителей я помню: Лабус.

В школе мы не осмеливались говорить о Земле Израиля, а лишь восхваляли великие достижения Октябрьской революции.

В 1925 г. власти наложили большие подати на жителей города. Торговцы не могли выдержать такого налогообложения и постепенно ликвидировали свои магазины и лавки. Сапожники, портные, столяры работали как кустари-единоличники, но должны были получить разрешение и объединиться в артели. Ремесленник был обязан сдать в артель свой инструмент, а балаголы — лошадей и возы. За помещение каждый должен был рассчитываться сам и ремонтировать его за собственный счет.

До 1935 г. в Слуцке были еврейские школы, где изучали идиш и русский. В 1935 г. большинство еврейских родителей перестали посылать своих детей в еврейские школы, а вместо этого посылали в русские. Они заботились о будущем своих детей, и многие начали ассимилироваться.

Пригодное в пищу мясо было нам доступно до 1927 г. Мясники покупали коров, а резник их забивал. В 1927 г. вышел запрет кашерного забоя, а мясников вынудили объединиться в артель. Не подчинившихся приказу сослали в Сибирь. Приходилось, рискуя многим, как-то обходить этот указ. Крестьяне прятали тельных коров. Телушек оставляли на откорм, а бычков продавали. Крестьянин привозил бычка к мяснику-еврею рано утром, накрыв соломой и сеном, и оба совершали сделку. В хлеву бычка резали, как положено: заднюю часть отдавали крестьянину⁶⁰⁹, а остальная часть телятины шла в пищу евреям — это был единственный способ добыть кашерное мясо. Домашнюю птицу было позволено продавать, но резать ее можно было только на бойне.

Население тогда состояло из трех категорий: кулаки, середняки и бедняки. Владельцев определенного надела земли высылали как кулаков. Средняков загоняли в колхозы. В 1928 г. средний человек был ни жив ни мертв, и с него не спускали глаз.

Трудным было экономическое положение слуцких евреев. Из-за каждой мелочи людей отправляли в Сибирь — например, если кто-то осмеливался

В 1925 г. власти наложили большие подати на жителей города. Торговцы не могли выдержать такого налогообложения и постепенно ликвидировали свои магазины и лавки.

⁶⁰⁹ В задней части туши животного находятся седалищные сухожилия, которые запрещены евреям в пищу (см. «Берешит», 32:32, 33). Из-за трудностей их извлечения и тогда, когда нет специалиста по их удалению, евреи употребляют в пищу все, кроме задних ног.

Летний семинар для учителей слуцких еврейских школ, 1924.

Первый ряд снизу (справа налево): вторая — дочь р. Нехемьи, главы йешивы, третья — Малка Борухович.

Второй ряд. Сидят: учитель Лейбович, четвертая — известная сионистка Клара Миرونвна Мышковская, пятый — Мойше Эфрон, седьмой — Мейсл Борухович.

Третий ряд: шестой — учитель Бревде (инспектор еврейских школ), девятый — Шимен Магаршак.

Четвертый ряд (верхний): вторая — дочь р. Нехемьи, главы йешивы, третий — учитель Шор, четвертая — Нехамма Шпилькина-Билер, последний в ряду — Карлин

продать платье, пару брюк, мешок муки. Эшелоны, набитые «преступниками», часто покидали Слуцк, и на них смотрели с ужасом. За фруктовый садик, за пару коров каждому приходилось платить сбор, и эта ноша была тяжела для слуцкого еврея. Кстати, среди жителей Слуцка было лишь примерно десять процентов христиан, а остальную часть составляли евреи. Антисемитизма, во всяком случае открытого, в то время не замечалось.

В 1929 г. власти ликвидировали рынок и превратили его в засаженный цветами сквер, а часть площади заасфальтировали. Все будки и магазинчики снесли, посреди сквера установили большой памятник Ленину. Вся роскошная площадь была огорожена красивой изгородью. В здании слуцкой йешивы был открыт клуб еврейских кустарей, в кондитерской Соломяка — государственный ресторан. Власти также основали государственные универсальные магазины для рабочих и госслужащих.

Хедеры уже не существовали. Меламеды тайно посещали отдельных родителей, которые еще хотели, чтобы их детей учили Танаху, ивриту. Холодная синагога была превращена в арсенал, обнесенный колючей проволокой. Вооруженная охрана стояла у здания день и ночь. Синагоги были реквизированы, как и, не рядом будь помянуты, знаменитый монастырь и многие церкви.

В 1928 г. слуцких евреев начали обвинять в распространении сионистской пропаганды. Если на кого-то падало подозрение, что он связан с сионизмом, его выслали. Евреи, оставшиеся в паре последних миньянов, быстро расходились после молитвы.

В самом Слуцке голода не было, однако, чтобы получить килограмм хлеба, приходилось выстаивать в очереди почти целый день или ночь. Часто у самого входа в магазин объявляли: «Больше хлеба нет».

Когда выдавали пару килограммов зерна, то религиозные евреи, уже имея в виду Пейсах, сберегали и отбирали зерно для мацы. Вместо хлеба они месяцами довольствовались картофелем, лишь бы была маца на Пейсах.

Поскольку все мельницы были в руках государства, люди копили выданные им килограммы зерна. Однажды несколько семей накопили за год тридцать восемь килограммов пшеницы к Пейсаху. Пришел балагола и рассказал, что едет в Уречье, где на частной мельничке можно смолоть зерно. Подготовили список имен тех, кому принадлежала пшеница. Посреди дороги зерно забрала милиция, и по списку стали вызывать людей на допросы. Убедившись, что это было зерно для мацы, шестнадцать килограммов вернули, а остальное реквизировали.

Плохие времена не прекращались для слуцких евреев. Хлеб и сахар каждый житель получал по карточкам. У торговцев не было карточек. Страх царил и дома, и на улицах. Если собирались три человека и беседовали, то не было уверенности в том, что один из них не окажется доносчиком. Дети в школе невольно, без умысла выдавали старших. Страх перед собственными детьми был очень велик, и в их присутствии не осмеливались сказать лишнее слово.

В домах думали в первую очередь о еде. Летом — еще о том, чтобы заготовить два-три кубометра дров на зиму, ведь иначе холод в доме стоял такой, что вода замерзала. За припрятывание или даже хранение десяти килограммов муки можно было получить пять лет лагерей. Со страхом в сердце добывали себе валенки или теплые штаны. Среди евреев ходила поговорка: «Тяжел день, пусть хоть ночь будет спокойной».

1934–1936 гг.

Эти годы были «золотым веком» для тех, кто имел золотые монеты. Еврейские рабочие — кузнецы, столяры — не брали за работу у крестьян других денег, только золото. Но это было и горькое время для евреев, на которых падало подозрение, что они владеют золотом.

Один еврей четыре раза сидел в тюрьме, и всякий раз у него требовали золото. Четырежды он его отдавал, а на пятый раз, не имея больше ни одной монеты, умер после тяжелых пыток. Другой еврей, которого три недели держали в тюрьме среди преступников и убийц, под пытками рассказал, что жена оставила ему двадцать пять золотых монет и написала в завещании, что это ей на могильную плиту. В сопровождении агентов спецслужб его привезли домой, и в их присутствии он разломал печь. Они забрали золото. Его выпустили только потому, что какой-то дальний его родственник, видный коммунист, замолвил за него словцо.

По списку вызывали евреев, у которых были родственники в Америке, и требовали подписать просьбы выслать доллары. Эти доллары потом забирали. Если кто-то отказывался подписать такую просьбу, его сажали в тюрьму. Но это плохо действовало, потому что американские евреи поняли смысл распоряжения и не всегда предоставляли то, на что надеялись большевики, ожидавшие «долларового дождя».

1941 г.

22 июня ко мне кто-то подошел и сказал: «Война с немцами началась». Я побежал на рынок и купил мешок картошки, принес домой, а затем явился в свой военкомат. В четыре часа дня распространились слухи, что у города поймали немецких парашютистов.

В шесть часов вечера немцы сбросили бомбы в районе вокзала. Люди всю ночь бегали как сумасшедшие, не зная, куда им податься.

23 июня показалась эскадрилья из пятнадцати самолетов, которые сбросили бомбы на Заречную улицу. Шум, толкотня и беспорядок были неописуемы. Дети терялись, царил большая паника.

24–25 июня все дороги были забиты людьми, потерявшими жилье, они шли на Бобруйск и дальше — к Минску.

26 июня снова прилетели самолеты и начали беспрестанно бомбить город. Вся Заречная улица была охвачена пламенем. Все дома опустели и были заперты, люди находились в полях, с собой у них были только подушки и еда.

27–28 июня в Слуцке уже не было советских военных. Город горел, и связь с Минском прервалась. Ходили слухи, что немецкие шпионы специально собрали в кучу все машины и автобусы, на которых уезжали люди, и затем немцы их разбомбили. В больницу у торгового училища попала бомба, и сотни больных погибли. В городе остались пожарные, врачи и охранники тюрьмы.

29 июня 1941 года немцы находились уже в пятнадцати километрах от Слуцка. В шесть вечера из города ушел последний отряд Красной армии, он направился в сторону Минска. Я был в его рядах.

В шесть часов вечера немцы сбросили бомбы в районе вокзала. Люди всю ночь бегали как сумасшедшие, не зная, куда им податься.

ПОРТРЕТЫ⁶¹⁰

ЃИЛЕЛ ДУБРОВ

Ш. Н.

Ѓилел Дубров родился в 1887 году в местечке Стрешин Могилевской губернии. Еще в детстве он лишился матери. Мальчика отослали в Слуцк, к родственнику отца.

Уже в раннем возрасте Ѓилел приобрел репутацию вундеркинда. Когда в йешиве ему стало тесно, он перебрался в Большую синагогу, где в одиночестве корпел над Талмудом, комментаторами и кодексами еврейского права ранних и поздних законоучителей. Ѓилел славился обширными и глубокими познаниями в Торе. Он любил общество наиболее ученых евреев, с которыми юноша, как равный с равными, беседовал о еврейском Законе.

Однако прошло всего несколько лет, и выдающийся талмудист проявил себя совсем на другом поприще. Ѓилел Дубров стал одним из наиболее пламенных адептов преподавания иврита в Слуцке, душой сионистских кружков и популяризатором светской культуры на этом языке. Это была эпоха зарождения политического сионизма, первых сионистских конгрессов и расцвета новой литературы на иврите. И Ѓилел Дубров, деятельный и энергичный по своей природе, ушел из дома учения, с удивительной быстротой приобрел какое-то светское образование и полностью посвятил свою жизнь сионистскому движению и возрождению святого языка.

Маленькая комната этого юноши на окраине города стала Меккой для всех, кто интересовался сионизмом и культурой на иврите. Лучшие представители городской интеллигенции, обладавшие всенародной известностью, высоко ценили и не уставали хвалить Ѓилела. Он обладал огромной силой убеждения, поэтому вокруг него сплотился кружок молодежи, состоявший из юношей и девушек, знавших иврит. Благодаря усилиям Дуброва иврит зазвучал на собраниях, вечерах, посвященных старинной и современной литературе, и даже на улицах и в частных домах. Ѓилел умел поддерживать людей с литературными способностями, и несколько молодых людей его круга заняли заслуженное место у «восточной стены» нашей литерату-

---

⁶¹⁰ Материалы, публикуемые без указания авторов, взяты составителями из разных источников.

ры. (Из наиболее известных назову исследователей и писателей профессора Симху Асафа, Аврома Эпштейна, И.-Д. Берковича, профессора Меера Ваксмана.)

В 1905 году Дубров уехал из Слуцка. Сначала он поселился в Екатеринославе, где преподавал иврит. Затем служил у Йехиэла Гальперина⁶¹¹ в Варшаве и Одессе — преподавал в училищах, готовивших воспитательниц детских садов. С началом Первой мировой войны переехал, по семейным обстоятельствам, в Бессарабию, где создал первую в регионе современную ивритскую школу, прививавшую ученикам национальное самосознание (многие из них впоследствии уехали в Эрец-Исраэль). В Бессарабии Дубров стал одним из ведущих активистов «Цеирей-Цион». Его дом в Бессарабии был еврейско-ивритским во всех смыслах этого слова: в семье говорили исключительно на иврите, детей воспитывали в сионистском халуцианском духе.

В начале 1935 года Дубров со всей семьей прибыл в Страну Израиля. Поскольку в это время он был уже немолод, то отказался от активной общественной деятельности и проработал учителем еще целых семнадцать лет. Гилел Дубров скончался 3 января 1955 года в Тель-Авиве.

Некоторое представление о том, как выглядел Дубров в годы своей деятельности в Слуцке, дает шутовое письмо И.-Д. Берковича, работавшего в это время литературным редактором в ежедневной газете «Га-Зман», выходившей в Вильне.

«Об освобождении агунес»⁶¹²

Мужа своего ищю я!

Вот уже пять месяцев, как мой любимый муж, Гилел сын Мойше по фамилии Дубров, оставил меня одну, и я не ведаю, где он находится. Перед отъездом он сказал мне, что будет в Екатеринославе, и даже прислал мне оттуда одну открытку. Однако вот уже много времени я не получаю от него никаких вестей. А ведь я — женщина слабая и бедная, с маленькими детьми на руках. Он красив и статен, и надежные свидетели сообщили мне, что все девицы того города положили на него глаз, и я не знаю, чем это закончится, ибо он нравится всем, кто его видит. Еще видели его поющим и веселящимся «с царицами и наложницами». А еще он великий циник и гуляет со всеми просвещенцами и молодежью, включая и девиц. Поэтому я молю вас, евреи, милосердные сыны милосердных: сжальтесь надо мной и спасите меня, ибо я совсем пропадаю! Ибо я слабая женщина с маленькими детьми, которая знать не знает и ведать не ведает, где он, почему не пишет и почему позабыл меня и своих детей. Благословение Всевышнего пребудет на вас, величайшая заповедь и т. д.

Приметы: роста среднего, одет он так: летом носит белый тканый тюрбан и черную рубашку с хасидским поясом, который тоже черный, а зимой он носит то, что по-иностранному называется “тужурка”. Волосы у него светлые, губы тонкие, а когда он говорит, то раздувает ноздри и причмокивает — и это явно доставляет ему удовольствие. В кармане у него всегда

⁶¹¹ Йехиэл Гальперин (1880–1943) создал систему еврейских детских садов, писал стихи и сказки для детей. — *Прим. пер.*

⁶¹² В эпоху массовой еврейской миграции количество агунес резко возросло, и еврейские газеты были полны отчаянных писем женщин, разыскивавших своих мужей. И.-Д. Беркович пародирует такое письмо. — *Прим. пер.*

есть большая перьевая ручка невероятной формы. А в кармане за пазухой он всегда держит маленькую книжечку и записывает туда всякую мелочь. А главное, мой муж очень хорош собой, и все женщины говорят, что он красавец. А все девки по нему сохнут. Это навлекло на меня и на моих детей большую беду: я осталась одна с маленькими детьми, помилуй нас Бог во веки и присно.

Ответ писать на имя раввина, выдающегося знатока Торы, судьи и праведного учителя. Спасите дочь Израиля от гибели!

От имени несчастной женщины и ее бедных детей

Ицхок-Дов Беркович.

Подтверждаю, что все, сказанное этой женщиной, истинно.

А. Сингаловский.

Отправлено из Вильны».

АВРОМ-ИЦХОК ШПИЛЬКИН

Н. Х.

Сын переписчика святых текстов Бен-Циона и Эстер-Малки, дочери известного праведника Рефоэла-Йосефа. Выучился у отца его профессии. Товарищи обычно находили его за рабочим столом склонившимся над свитком Торы. В рукописных брошюрах, выходящих на идише, Шпилькин публиковал острые фельетоны и стихи на актуальные темы. Это был настоящий человек, самоучка, который развивался и со временем приобрел положение в обществе.

Дом Шпилькина стал местом, где собирались сионисты и велась подпольная сионистская работа. Внезапно Авром-Ицхок оставил свою работу и занялся преподаванием иврита — сначала в Тимковичах, а затем в Слуцке. Параллельно он стал деятельным активистом «Цеирей-Цион».

Советская власть припомнила Шпилькину грехи его юности, сионизм и преподавание иврита, и он получил срок. К счастью, Авром-Ицхок с детских лет был мастером на все руки, поэтому, освободившись, стал зарабатывать на жизнь ремеслом сапожника. До конца своих дней он мечтал о Сионе. Его письма товарищам, уехавшим за океан и в Эрец-Исраэль, брали за душу затаенной тоской.

Справа налево:
доктор Яков-Цви
Лифшиц, Авром-Ицхок
Шпилькин, Нохем
Хинич

Когда нацисты подошли к Слуцку, Шпилькин успел эвакуироваться и оказался в Армении. По дороге погибла его жена Кейла, дочь реб Йосефа Аронзона. Авром-Ицхок умер в эвакуации.

Из учителей — в сапожники

Он сидит у станка с ботинком в руке и тихо мурлычет песенку о молоточке-кормильце. В доме нет хлеба. Вокруг — горькая бедность, жена больна, дети голодны и плохо одеты.

Кто-то заходит к нему с парой обуви для починки, и он оживает, ему хочется работать, он поет грустным голосом все о том же молоточке, приносящем семье пропитание. Забивается гвоздь за гвоздем, и перед глазами пробегают молодые годы. Он был горячим сионистом, занимался нелегальной работой, читал разные газеты и книги на иврите, основал общество любителей иврита и кружок говорящих на нем... Но Авром не хотел делать обучение языку целью своей жизни и своим будущим — он зарабатывал ремеслом переписчика святых книг.

Когда вспыхнула мировая война и спрос на такие книги упал, а большое число учителей были мобилизованы, Авром-Ицхок Шпилькин решил стать учителем иврита. Он чувствовал себя как временный распорядитель, который ведет дела, пока не вернулись настоящие хозяева.

Что он извлекал из жизни? Он себя всегда недооценивал... Когда в городе имелись более крупные специалисты, большие, чем он, Авром-Ицхок не имел храбрости и дерзости соревноваться с ними, настоящими просветителями, наставниками иврита.

В мировую войну его не мобилизовали по возрасту. И ему выпало встать у руля...

Когда свершилась российская революция, он уже был известным общественным деятелем, преподавателем иврита с хорошей репутацией. Он женился на Кейле, дочери реб Йосефа Аронзона (Рикинера), был доволен и счастлив. Рьяно взялся он за педагогическую и общественную работу.

При большевиках его выкинули из еврейских школ, хотя и признавали его профессионализм и пылкость как просветителя. Ему, сионисту, не доверили воспитывать пролетарское коммунистическое поколение. Он попробовал организовать нелегальные домашние группы для изучения иврита. Первое время большевики не обращали на это внимания, но со временем это стало трудно делать, так как частные курсы попали под запрет.

Муки, горе... Больная жена, маленькие дети, просившие кусок хлеба. Холод, пробиравший до костей...

Застав Аврома-Ицхока за обучением детей, его посадили на несколько месяцев в тюрьму. Выйдя на волю, он все время думал над тем, как ему жить дальше: пойти в Евсекцию и попросить, чтобы его взяли учителем? Отвергнуть все, что ему дорого и свято, ради куска хлеба? Вести жизнь «марана» — внешне коммуниста, а в душе сиониста? Его друзья, выступавшие против власти, умирают в Сибири от голода и холода. Но они боролись, протестовали, а он продастся за «чечевичную похлебку»?.. Нет уж, лучше он станет пролетарием, простым рабочим. И Авром-Ицхок, купив необходимые инструменты и материалы, чинит ботинки, словно всю жизнь был сапожником.

Когда вспыхнула мировая война и спрос на такие книги упал, а большое число учителей были мобилизованы, Авром-Ицхок Шпилькин решил стать учителем иврита.

Сидит он за маленьким столиком, забивает гвоздики. На улице идет снег, бушует метель, в домике темно. Грусть выдает себя тихой монотонной песней про молоточек. Бодрее работают руки человека, который рад тому, что стал пролетарием, а не продал свою душу. Он живет с чистой совестью и поет на иврите о том, что работа спасает от всех бед. В звуках песни он находит успокоение, утешение, надежду...

Так проходят два десятилетия. Эвакуированный в Армению, он теряет жену и одного из двух сыновей. Снова стучит молоточек и звучит песня, но уже тише, безнадежнее...

РУВЕН АЛЬТМАН

Э то был выпускник слуцкой йешивы, сионистский деятель, преданный ивриту и литературе на нем. Иврит был разговорным языком в доме Альтмана. Вместе с другим учителем, Кацнельсоном, Альтман открыл в Слуцке второй «прогрессивный хедер», проработавший вплоть до установления советской власти.

О своей жизни в Советской России Альтман поведал в письмах, посланных им в 1932 году в Америку Элийогу Альтману, своему брату. В годы Катастрофы Рувен разделил судьбу прочих евреев Слуцка, убитых нацистами.

Вот одно из его писем.

«3 мая 1932 г.

Дружище Элийогу!

Получил твое последнее письмо и очень за него благодарен. Каждый раз, когда приходит твое письмо, этот день становится для меня праздником. Твои письма пробуждают забытые воспоминания — воспоминания детства и юности. Вот я пишу тебе письмо, и дни, которые мы провели в родительском доме, все тогдашние образы проходят передо мной как живые. Вот, например, день твоего появления на свет. Ты знаешь, где ты родился? В какой-то развалюхе после пожара. Наш дом сгорел, мы нашли развалюху, в которой много лет никто не жил, поскольку это было очень опасно. Там-то ты и родился. Мы соорудили во дворе какой-то шалаш, и там тебе сделали обрезание.

А вот другая картина: я в Стареве, учу еврейских детей. Я выхожу на улицу и вижу вдалеке какого-то подростка в желтой одежде. Я удивился: ведь это одежда моего младшего брата, как он здесь оказался? Я подхожу ближе, и это действительно ты, приехал с музыкантами на чью-то свадьбу.

А вот меня призывают в армию на войну с германцами. Меня и еще нескольких “арестованных”⁶¹³ окружают солдаты, я оглядываюсь назад и вижу, как покойный отец провожает нас взглядом со слезами на глазах. Я воевал, вернулся домой, но его уже не застал и не удостоился быть рядом с ним, когда он умирал.

---

⁶¹³ Очевидно, это шутка. — Прим. пер.

На могиле отца.
В центре Рувка (Рувен)
Альтман, рядом с ним —
Минка и Элийогу

Тем не менее образ покойного отца глубоко врезался в мое сердце. Это был Бонче-молчальник⁶¹⁴, один из обижаемых, которые никогда никого не обижают. У меня тоже есть много отцовских качеств. Вот ты, я и Минка⁶¹⁵ стоим у могилы отца. Мы фотографируемся. Фотография вышла очень удачной, она всегда со мной, и когда я хочу ненадолго забыть настоящее и вспомнить прошлое, я беру эту карточку, и прошлое возвращается.

Моя жизнь проходит передо мной как сон. Вот я смотрю на фотографии своих детей: какие они стали большие, какие красивые! Моему Ицхоку уже двадцать два, Йешайогу тоже скоро исполнится двадцать, а ведь буквально вчера они были маленькими мальчиками, которых я носил на плечах. Я ходил с ними в синагогу и говорил с ними на иврите. Мне хотелось, чтобы их разговорным языком стал иврит.

Сегодня, когда вокруг меня люди с совсем другими понятиями, поставившие целью разрушить старый и построить новый мир, строящие новую жизнь, я понимаю, как я мелок со своей мечтой возвести дом для еврейского народа. Мои дети мечтают возвести целый мир — новый мир и новую жизнь.

Я послал тебе фотографию детей, почему ты не написал, получил ли ты ее и как она тебе понравилась? Нам сейчас очень грустно. Мой Ицхок уже два года не был дома. Мы надеялись, что он приедет этим летом, ждали его с нетерпением, и тут выяснилось, что его послали работать в город Хабаровск. Взгляни на карту, и ты поймешь, как это далеко; письмо оттуда шло целых три недели. Я уже считал Ленинград своим вторым домом, а теперь мое гнездышко разрушено. Вот так члены нашей семьи рассеялись по всем четырем концам света. Я же постарел и поседел, у меня не осталось прежней энергии. К тому же я должен заниматься физическим трудом, чтобы заработать на кусок хлеба.

Мои дети мечтают
возвести целый мир —
новый мир и новую
жизнь.

---

⁶¹⁴ Герой классического рассказа Ицхока-Лейбуша Переца. — Прим. пер.

⁶¹⁵ Сестра Альтманов. — Прим. пер.

В своем письме ты написал, что я на тебя обижен. Не знаю, с чего ты это взял. Может быть, потому, что я мало пишу, поскольку у меня не всегда есть свободное время? Ты единственный, с кем я могу поговорить по душам, поскольку все мои друзья разбрелись кто куда и вокруг теперь совсем другие люди с другими понятиями, и я не могу стать одним из них. Оказавшись в их обществе, я чувствую себя скорбящим, попавшим на свадьбу. Я думал написать тебе о твоих знакомых, но не осталось почти никого, один только Шпилькин. Он теперь сапожник, работает в артели, а о его и моих юношеских грехах нельзя даже вспоминать и говорить вслух.

Разруха в нашей духовной жизни еще страшнее, чем в жизни экономической. Не найти ни одного ребенка, который умел бы читать на иврите или понимал на иврите хоть слово. Из всех синагог и домов учения остались только молельня и “Карноим”. Ну, хватит на сегодня, прощай и будь здоров.

*Желающий тебе всего самого лучшего твой брат
Рувен».*

МОЙШЕ ЯРХО

Мойше Ярхо был порядочным и добросердечным человеком. Жители Слуцка его любили и ласково называли «Мойше-фельдшер». Он и на самом деле был фельдшером, преданным своему делу и заботившимся о больных, не жалел для них ни сил, ни времени. Он лечил людей с любовью, боролся с их хворями, терпеливо старался облегчить их страдания. Мойше не проводил разницу между богатыми и бедными, не обращал внимания на общественное положение больных, помогал всем. Посещая заболевшего бедняка, он не брал с него денег — наоборот, старался незаметно подсунуть ему несколько монет под подушку.

Мойше Ярхо был помощником доктора Шильдкраута. Они были родственниками и приятелями и проработали вместе двадцать пять лет. Женились оба в один год и умерли тоже в один год. Шильдкраут скончался за три дня до Пейсаха, а мой отец — через три дня после Швуес.

р. Мойше и его жена
Гитл

ЙОСЕФ ЧЕРНИХОВ

Йосеф Чернихов был сыном р. Йеѓуды-Лейба и Ривки, дочери известного раввина Йосефа Пеймера-первого. Он родился в Слуцке в 1862 году. Известный торговец сельскохозяйственной продукцией, он был близок к народу и много помогал людям, щедро жертвуя на благотворительность и руководствуясь при этом принципом: когда человек знает, сколько дает, деяния его не во имя Небес. Накануне Пейсаха он приобрел для пасхальной кассы целые амбары картофеля⁶¹⁶ и раздавал его всем нуждавшимся.

Каждый день он сидел до полудня в синагоге на Копыльской улице и учил Тору. Окрестные помещики хорошо знали, где его найти, и после полудня заезжали на синагогальный двор в своих каретах, запряженных четверкой лошадей, чтобы обсудить с ним разные торговые дела.

Йосеф обладал отменным коммерческим чутьем и замечательно разбирался в торговле сельхозпродукцией. До начала Первой мировой войны он продавал свой товар в Германию на огромные суммы. Он переписывался на иврите с Эфроимом Розенбергом и Лифшицем, уважаемыми комиссионерами из Кёнигсберга.

Жил он жизнью отшельника, уединившись «в шатре Торы» и довольствуясь самым малым. Как-то раз сын спросил его:

– Зачем ты мучаешь себя, почему не наслаждаешься жизнью? Разве можно жить в одиночестве, ограничиваясь тайной благотворительностью?

Ответ был кратким:

– Бог повелел боящимся его повергать свою душу в прах⁶¹⁷. Я поступаю по слову Всевышнего, и вот я прах и прах.

Тем не менее на его долю выпало немало суровых испытаний. В 1931 году его арестовали, в 1932 году перевели в Минск. Все его имущество было конфисковано, самого реб Йосефа выслали в Казахстан. Когда же он вернулся в Минск, его настигла рука нацистов, и он погиб в 1942 году в минском гетто вместе с остальными евреями города.

Р. ИЦХОК-ЦВИ БРОДОЦКИЙ

Родился в Слуцке 14 мая 1873 года в семье раввина. Учился в йешивах, работал резником, магидом и меламедом. Позже переехал в Иркутск, где был учителем, а с 1908 года стал шамесом в местной синагоге.

Печатался в газетах «Ѓа-Мелиц», «Ѓа-Цфира», «Ѓа-Зман», «Ѓа-Дерех» и «Ѓа-Модиа». В приложении к «Ѓа-Модиа» опубликовал 300 талмудических пословиц и поговорок, изложенных в стихах. Изучал историю евреев Сибири и Урала и опубликовал на эту тему несколько статей в различных газетах.

⁶¹⁶ Поскольку на Пейсах евреи не едят хлеб и крупы, картошка становится для них в это время основной пищей. — *Прим. пер.*

⁶¹⁷ Парафраз слов из молитвы «Шмонэ-эсре»: «Пусть душа моя повергнется в прах перед каждым».

ШИМШОН НАХМАНИ (НАХМАНОВИЧ)

Родился в 1885 году в Грозове. Учился в хедерах и слущкой йешиве. Один из создателей первого «прогрессивного хедера» в Слуцке, один из первых его преподавателей и сионистских активистов. Как-то раз Девятого ова, когда Нахмани продавал на слущком кладбище марки «Керен кайемент ле-Израэль», боевик-бундовец проломил ему голову.

Из Слуцка Нахмани переехал в Любар, где вместе со своими товарищами работал в детском саду и в школе, в которых говорили только на иврите.

Через несколько лет Нахмани уехал в Эрец-Израэль. Преподавал в школе «Пория», в Тверии и Цфате. Позже работал в тель-авивской школе для девочек «Неве-Цедек»⁶¹⁸. В общей сложности в израильских школах проработал сорок лет. Нахмани был одним из основоположников образования на иврите в диаспоре и в Израиле, то есть воспитателем целого поколения. Он перевел с русского языка на иврит больше двадцати книг: «Бурю» Эренбурга, «Далеко от Москвы» Ажаева, «Повесть о настоящем человеке» Полевого и несколько других.

Печатался в газетах «Кунтрес»⁶¹⁹ и «Давар». Один из создателей Объединения выходцев из Слуцка и окрестностей.

Нахмани был одним из основоположников образования на иврите в диаспоре и в Израиле, то есть воспитателем целого поколения.

ЭЛИЙОГУ ЯРКОНИ (ГРИНФЕЛЬД)

Родился в Слуцке 24 элуля 1886 года. Учился в слущкой йешиве. Затем решил получить образование, сдал экзамены в городской гимназии, получил диплом народного учителя. Около года преподавал в «прогрессивном хедере» в Слуцке. Летом 1912 года уехал в Эрец-Израэль, стал учителем в школе «Неве-Цедек», преподавал на вечерних курсах иврита. Яркони поселился в Петах-Тикве, «матери еврейских поселений», и преподавал в школе РЈСА⁶²⁰, первой светской еврейской школе в Стране Израиля.

Не успел Яркони как следует обосноваться в Эрец-Израэль, как началась Первая мировая война. В те годы многие «сошли в Египет»⁶²¹ и так и не вернулись. Яркони остался и вместе со всеми голодал и переносил все тяготы и лишения последних лет османского владычества. После того как англичане освободили часть Страны Израиля и создали Еврейский легион⁶²², Яркони променял учительскую указку на винтовку, чтобы принять участие в освобождении Эрец-Израэль от турок.

Сорок пять лет Яркони работал учителем в начальных школах и стал одним из тех, кто заложил основы израильского образования. Помимо обще-

⁶¹⁸ «Неве-Цедек» (иврит) — «Обитель справедливости».

⁶¹⁹ «Кунтрес» (иврит) — «Брошюра» — двухнедельник партии «Ахдут га-авода».

⁶²⁰ Аббревиатура слов Palestine Jewish Colonization Association — Палестинская еврейская колонизационная ассоциация, способствовавшая поселению евреев в Палестине, основанная в 1924 г. и распущенная в 1957 г. Играла важную роль в экономической поддержке ишува в подмандатной Палестине, а затем — Государства Израиль.

⁶²¹ В начале 1915 г. турецкие власти выслали в Египет значительную группу евреев, российских подданных. — *Прим. пер.*

⁶²² Еврейский легион в составе британской армии был создан летом 1917 г. и принимал участие в боях за Эрец-Израэль. — *Прим. пер.*

Элийоу Яркони
(справа) и Шимшон
Нахмани

образовательных предметов, которые преподавал Яркони, он учил детей природоведению и основам земледелия, знакомил их с землей и природой их родины — Эрец-Исраэль.

Кровавые столкновения, происшедшие в Петах-Тикве в двадцатые годы⁶²³, потрясли Яркони до глубины души, и он принял деятельное участие в защите поселения. Днем он преподавал в школе, а по ночам занимался организацией самообороны.

Яркони воспитал несколько поколений учеников, которых сегодня можно встретить в любом уголке Израиля. Среди них есть педагоги и воспитатели, чиновники разного ранга и защитники отечества. В ходе прощального вечера в связи с выходом на пенсию, устроенного петах-тиквенскими ветеранами «Гаганы»⁶²⁴, приняли участие бывшие ученики Яркони, включая нескольких высокопоставленных офицеров. Находясь на пенсии, он руководил отделением профсоюза учителей в Петах-Тикве. Элийоу Яркони скончался в 1973 году.

Яркони воспитал несколько поколений учеников, которых сегодня можно встретить в любом уголке Израиля. Среди них есть педагоги и воспитатели, чиновники разного ранга и защитники отечества.

Д-Р ШРАГА-ФАЙВЛ МЕЛЬЦЕР

Родился 25 адара 1897 года в Ковно в семье р. Исера-Залмена Мельцера, позже переехал вместе с родителями в Слуцк. Учился в йешивах в Слуцке и Слободке, в Берлинском университете. Был активистом «Цеирей-Цион» в Польше.

⁶²³ В 1921 г. в Стране Израиля произошел арабский бунт, сопровождавшийся нападениями на евреев в Яффо, Реховоте, Петах-Тикве, Хадере и Кфар-Саве. В ходе беспорядков были убиты 47 (из них четверо — в Петах-Тикве) и ранены 146 евреев. — *Прим. пер.*

⁶²⁴ «Гагана» (иврит) — «Оборона», «Защита» — сионистская военная подпольная организация в Эрец-Исраэль, существовавшая с 1920 по 1948 г. во время британского мандата. Британские власти наложили на деятельность «Гаганы» запрет, однако это не помешало ей организовать эффективную защиту еврейских поселений. С образованием еврейского государства стала основой ЦАГАЛа — Армии обороны Израиля. — *Прим. пер.*

С 1921 года жил в Эрец-Исраэль, окончил учительскую семинарию «Мизрахи» в Иерусалиме. Был активистом движения «Мизрахи», участвовал в работе различных общественных комитетов. В 1935 году стал представителем «Керен кайемент ле-Исраэль» в Восточной Европе. Читал лекции в йешиве им. р. Эльхонона Спектора в Нью-Йорке, получил степень доктора литературы в «Йешива-Юниверсити». Жил в Иерусалиме и читал лекции в Бар-Иланском университете. Преподавал в учительской семинарии «Мизрахи». Был директором школы, товарищем председателя совета еврейских общин Иерусалима. Умер в 1973 году.

Д-Р МОЙШЕ ХИГЕР

Родился в Слуцке в 1901 году. Внук р. Шахне. Учился в йешиве сначала в Слуцке, а затем в Клецке, а также в йешивах Мира и Слободки. Приехав в Израиль, учился у р. Исера-Залмена Мельцера, а также у р. Аврома-Иццока Кука в йешиве «Мерказ га-рав»⁶²⁵; ежедневно самостоятельно изучал лист Талмуда. Сдал экзамены на право быть раввином и даяном и был приглашен в этом качестве в Южную Африку, где получил и степень доктора права. Жил в Иерусалиме, работал в Министерстве религий советником по вопросам деятельности религиозных судов. Член редколлегии «Энциклопедия талмудит»⁶²⁶. Скончался в 2004 году.

МОРДХЕ ХАЗАНОВИЧ, УЧИТЕЛЬ ИВРИТА

Ц. Га-Гивати (Хазанович)

Памяти моего отца и учителя

Школа с преподаванием на иврите, так называемый прогрессивный хедер в Слуцке, стала важной вехой на пути сионистского ивритского образования. В ней работал педагогический коллектив, состоявший из талантливых, преданных своему делу учителей (в числе которых были даже писатели и литераторы), не жалевших сил, чтобы привить ученикам любовь к ивриту и стремление жить на исторической родине народа Израиля. В какой-то степени их усилия не пропали даром: многие их ученики связали свою судьбу с сионизмом, Эрец-Исраэль и халуцианским движением. Некоторые из них занимались подпольной работой, были арестованы и приговорены к ссылке или высылке в Палестину.

⁶²⁵ «Мерказ га-рав» (иврит) — «Центр рава [Кука]» — первая и ведущая национально-религиозная йешива сионистской направленности. Основана в 1924 г. в Иерусалиме главным раввином Эрец-Исраэль Авромом-Иццоком Куком в Иерусалиме.

⁶²⁶ «Энциклопедия талмудит» (иврит) — «Талмудическая энциклопедия» — фундаментальный труд коллектива виднейших талмудистов своего времени, содержащий статьи, обсуждающие главные галахические вопросы и прецедентные заключения Талмуда. Инициаторы — р. Меир Берлин (1880–1949) и р. Шломо-Йосеф Зевин (1890–1978). Первый том напечатан в 1947 г., уже вышло 44 тома. В 1969 г. начал издаваться и английский перевод — «Encyclopedia Talmudica».

С другой стороны, многие ученики пошли другим путем и отреклись от идеологии, в которой их воспитывали. В сердцах некоторых из них продолжало теплиться пламя, и они хранили верность ивриту (которую тщательно скрывали). У большинства, однако, этот огонь угас окончательно и бесповоротно. Отвернувшись от прежней идеологии, они объявили ее националистической и реакционной, несовместимой с идеалами великой русской революции и ставящей ей палки в колеса. Поэтому, утверждали они, с ней следует бороться на уничтожение.

Участь преподавателей иврита была печальной. По мере укрепления советской власти, с появлением Евсекции начались жестокие преследования всего, что связано с сионизмом и ивритом, среди еврейского населения. Школы с преподаванием иврита были закрыты, обучение этому языку запрещено. Преподаватели иврита лишились источника заработка. Некоторые из них осмеливались обучать ему тайно, однако это было очень опасно и сопряжено с множеством трудностей.

* * *

Перед моим мысленным взором встает образ моего отца, Мордехая Хазановича, на протяжении многих лет бывшего директором «прогрессивного хедера» и дававшего частные уроки ученикам общеобразовательных русских школ. Он был очень привязан к культуре на иврите и к этому языку и прививал своим детям и их товарищам идеалы сионизма.

Я помню собрания учителей иврита, проходившие в нашем доме, когда педагоги беседовали на самые разные темы. Помню также, как отец навещал учителей: Аврома Эпштейна, Зеэва Гутцайта, Бергера, Кацнельсона и Нахмановича (Нахмани).

Атмосфера этих встреч была теплой и домашней, несмотря на очевидные признаки приближавшейся катастрофы. Чувствовалось, что над преподавателями иврита висит дамоклов меч, который вот-вот упадет и обезглавит их. И это действительно произошло. Иврит был запрещен, начались гонения. Школы с преподаванием на этом языке насильственно превратили в школы с преподаванием на идише. И поскольку опытных учителей были единицы, моего отца против его воли заставили преподавать в одной из таких школ. Его сердце обливалось кровью, когда он видел, что идет планомерное уничтожение дела всей его жизни, образования на иврите. Этому чувству, буквально убивавшему отца, он давал выплеснуться в своих письмах в Эрец-Исраэль.

* * *

В 1924 году меня в третий раз арестовали и выслали в Палестину. Мы постоянно переписывались с отцом вплоть до его кончины в 1948 году. В отцовских письмах явственно чувствовался его буйный и непокорный дух, ощущалась тоска по Стране Израиля, ивриту и свободной жизни. Столь же явственно ощущалась политическая маскировка, к которой он вынужден был прибегать, чтобы его письма прошли цензуру.

Отец уточнял, комментировал, спрашивал об обновленных и новых словах⁶²⁷, исправлял те или иные выражения, указывал мне на мои ошибки,

---

Иврит был запрещен, начались гонения. Школы с преподаванием на этом языке насильственно превратили в школы с преподаванием на идише.

---

⁶²⁷ Первая половина XX в. стала для иврита эпохой активного словотворчества, когда одни слова «обновлялись», т. е. приобретали новое современное значение, а другие придумывались специально, чтобы не пользоваться заимствованиями. — *Прим. пер.*

а также, пользуясь тайным языком, передавал мне конспиративные сведения о судьбе моих товарищей, арестованных и сосланных в Сибирь.

В одном из своих первых писем он писал:

«Вот уже много лет я не видел ивритской газеты, новой ивритской книги, ивритского слова. Мне не пишут, и я тоже не пишу. Сейчас, первый раз за долгое время, я пишу на иврите. И кому? Не товарищу, не другу, но тебе, дорогой мой сын! Можешь ли ты представить мои чувства и мою радость?..

Я жадно впитываю любые сведения, любые новости из Страны. Мне интересно все. Для меня все будет новостью, поскольку, по правде говоря, я ничего не знаю о происходящем в Стране, не знаю, что такое квуца, кибуц, мошав, мошава⁶²⁸. Что такое плуга⁶²⁹? Я не знаю большей части тамошних партий и какая у них программа. Я хотел бы знать, сколько душ проживает в Тель-Авиве и во всей Стране. Сколько репатриантов приезжает каждую неделю? Каков новый урожай, хороший или нет? Сколько дунамов⁶³⁰ земли у евреев в Эрец-Исраэль? Как обстоит дело с новой литературой на иврите и писателями? Как дела у Бялика, продолжает ли он творить?

Как я могу все это знать, если так долго был от всего отрезан? Здесь нет партий, нет Пурима, нет Пейсаха, религия агонизирует. Впрочем, ты и так знаешь, что здесь происходит. С тех пор как ты уехал, порядок мироздания не изменился».

В некоторых своих письмах отец анализировал обороты, которыми я пользовался, и делал замечания:

«Теперь что касается огласовок. Огласовки не были даны на Синае. Система огласовок, если я не ошибаюсь, возникла в эпоху геоним⁶³¹, то есть достаточно поздно. Поэтому она не является для нас святыней; она подлежит исправлению и ее можно трогать. Тем более необходимо прилагать все силы, чтобы облегчить маленьким детям чтение и обучение».

«Однако решать этот вопрос должны ученые-филологи, писатели и педагоги. Именно их следует привлечь к исправлению и улучшению языка; именно им следует проследить, чтобы изменения, которые будут сделаны, соответствовали правилам фонетики и морфологии. Что же до меня — кто я такой, чтобы всерьез рассуждать о таких серьезных вещах?»

«Что касается предложения Итамара Бен-Ави⁶³² перейти на латинский алфавит, эта идея кажется мне очень странной. Разве у нас нет собственного алфавита? Подобное “заимствование” может закончиться большими потерями. Не понимаю, кто может поддерживать это предложение».

В одном из своих писем отец писал:

«В том, что я пишу на иврите, есть двойная и даже тройная польза. Моя измученная душа находит в этом утешение. Мой стиль обновляется, оттачивается и шлифуется. Множество выражений, цитат и библейских стихов,

⁶²⁸ *Кибуц* и *квуца* (иврит) — коллективные сельскохозяйственные поселения. *Мошав* и *мошава* (иврит) — кооперативные сельскохозяйственные поселения. — *Прим. пер.*

⁶²⁹ *Гдудей-га-авода* (иврит) — рабочие батальоны — делились на *плугот* (роты). Гдудей-га-авода были созданы в 1920 г. молодыми последователями Йосефа Трумпельдора, одного из наиболее известных активистов раннего сионистского движения. — *Прим. пер.*

⁶³⁰ *Дунам* (тур.) — единица измерения площади земельных участков в некоторых странах и на территориях, находившихся в прошлом под властью Османской империи. — *Прим. пер.*

⁶³¹ *Гаон* (иврит; мн. *геоним*) — здесь: официальный титул глав йешив Суры и Пумбедиты в Вавилонии. — *Прим. пер.*

⁶³² Итамар Бен-Ави (1882–1943) — сын Элизера Бен-Йеѓуды, первый ребенок, с рождения говоривший на иврите. Сионист и публицист, сторонник латинизации иврита. — *Прим. пер.*

которые я позабыл, терзают мою душу и предъявляют мне претензии: как тебе не стыдно, человек, если ты столько лет нас использовал, а теперь совершенно о нас забыл? Я ясно вижу, что с тех пор, как опять стал писать на иврите, многое вспомнил. И все же есть много слов, вызывающих у меня затруднения, особенно новые слова в твоих письмах. Однако я рад, что кое-что еще помню».

* * *

В 1928 году уехал из Эрец-Исраэль и вернулся в Слуцк Н. Н., рассказывавший ужасы о Стране Израиля. Отец был совершенно сбит с толку. Он написал мне: «Положение в стране Н. описывает исключительно черными красками, так что у меня волосы встают дыбом: дескать, в Стране голодают и нет никаких шансов, что ситуация изменится к лучшему. Работа каторжная, заработков еле-еле хватает на хлеб и воду. Случчане в кибуце не едят досыта и выглядят как скелеты».

Рассказы Н. Н. произвели сильное впечатление на тех, чьи дети жили в Эрец-Исраэль. Многие, впрочем, ему не верили. Баскин, отец Шабсая, сказал, что все равно был бы счастлив, если бы смог добыть визу для своего сына. Отец попросил написать ему правду и опровергнуть злостную клевету.

* * *

После репатриации первой группы случчан многие наши товарищи по сионистскому движению еще оставались в Слуцке. Некоторые из них сидели в тюрьме. На мои вопросы, что с ними и как у них дела, отец отвечал эзоповым языком: например, писал, как дела у наших родственников, упоминая в их числе и наших товарищей. Вот одно из таких писем:

«Что касается прочих родственников: Мойше, Файвла, Идельмана и Минского [наши товарищи, находившиеся в тот момент в заключении, а впоследствии высланные в Эрец-Исраэль], то все плохо. Это несчастное семейство. Мне кажется, оно насчитывает 15–17 душ. Они не учатся и не работают, болеют».

Или вот из другого письма:

«Шрага [Эфрон, сосланный в Нарымский край] еще до Пейсаха купил себе хорошую длинную шубу, так что он не почувствует холода даже в сорокаградусный мороз, если наденет ее. Что касается Н. [нашего товарища, ставшего провокатором]: все, что он получил за ритуальный убий, — все пропало. Мне говорили, что у него дома — ссоры и скандалы между домочадцами. Один любит такое блюдо, Н. любит курицу. Из-за этого домочадцы ссорятся, ругаются с ним, бранят его и проклинаят. В общем, скандал, гвалт и суматоха.

Я счастлив, что ты не в тюрьме, что ты живешь в Стране спокойно и счастливо».

* * *

Отец часто писал о политике и вынужден был хвалить режим Сталина, однако между строк можно было прочесть совсем другие вещи. Вот, например, что он писал мне в 1946 году:

«Мне уже исполнилось семьдесят, я постарел и поседел. Многие из 248 органов моего тела⁶³³ ослабли. Сейчас я читаю “Всемирную историю” — про древнюю и современную историю. Я нахожу аналогии, провожу параллели, делаю выводы, применяю методы “гзейро шово”⁶³⁴ и “кал во-хоймер”. И никак не могу понять, как решить еврейский вопрос в Стране Израиля. Этот вопрос можно решить с позиций марксистского учения или национальной политики, согласно методу товарищей Ленина и Сталина. Однако до тех пор, пока мы достигнем идеала и “поселится волк вместе с ягненком”⁶³⁵, волки и львы успеют сожрать овец».

* * *

В 1947 году отец писал мне из Ленинграда:

«В последний день праздника Пейсах я пошел в синагогу. Видел там много случчан. Я все время простоял у входа в синагогу и не мог сдвинуться с места, поскольку синагога была набита битком. Я отыскал старый том Талмуда и начал его читать. Я наткнулся на некое обсуждение, заинтересовавшее меня гораздо больше молитвы. Я не мог произнести вместе с общиной “...ибо навеки милость Его”⁶³⁶ после того, как Гитлер и его приспешники уничтожили шесть миллионов евреев — стариков, женщин, юношей и детей. Люди молились и взывали к Всевышнему, но я больше не верю, что одних молитв будет достаточно, чтобы отменить суровый приговор».

* * *

Моему отцу не посчастливилось дожить до возрождения еврейского государства, о чем он мечтал всю свою жизнь. За несколько месяцев до этого он скончался. Я еще успел написать ему о голосовании в ООН и о решении создать еврейское государство, о радости, царящей среди евреев Эрец-Израэль и о начале боевых действий.

Мои учителя в «прогрессивном хедере», равно как и большинство преподавателей иврита, так и не удостоились попасть в Страну Израиля, за исключением немногих счастливиц, уехавших из России еще до Первой мировой войны или сразу же после нее. Учителям не суждено было стать свидетелями чуда: возрождения еврейского государства. Однако их труд не пропал даром — многие их ученики пустили глубокие корни в Эрец-Израэль. И все они неизменно с благодарностью вспоминают свою альма-матер — «прогрессивный хедер».

Учителям не суждено было стать свидетелями чуда: возрождения еврейского государства. Однако их труд не пропал даром...

---

⁶³³ Согласно традиционным еврейским представлениям, человеческое тело состоит из 248 органов и 365 сухожилий. — *Прим. пер.*

⁶³⁴ *Гзейро шово* (иврит в ашкеназском произношении) — аналогия: метод традиционной еврейской герменевтики — заключение, основанное на тождественности выражений. — *Прим. пер.*

⁶³⁵ См. «Йешаягу», 11:6.

⁶³⁶ «Тегилим», 118:1. Строчка из *Галель* — подборки псалмов, которую произносят во время утреннего праздничного богослужения. — *Прим. пер.*

РАБИ ШАХНЕ-ШАМЕС

Д-р М. Хигер

Влицо его называли раби Шахне, за глаза — раби Шахне-шамес, однако в любом случае — непременно с титулом «раби». Это был блестящий знаток Торы, наделенный острым умом. Помимо глубоких познаний в Талмуде и кодексах еврейского права, он прекрасно знал Танах и еврейскую литературу и считался одним из немногих избранных, умевших сочетать Тору и науку, традиционное изучение святых текстов и Гаскалу.

Однако ни Тора, ни наука не приносили ему никакого дохода. Он не делал из них ни корону для самовозвеличивания, ни лопату для того, чтобы копать⁶³⁷, — они служили ему для того, чтобы радовать других.

Раби Шахне был не раввином и не преподавателем, а служкой и секретарем городского раввина. В то время, о котором я пишу (1912–1920), он был секретарем р. Исера-Залмена Мельцера.

Для евреев России это время (период перед Первой мировой войной, сама война и последующие годы) стало эпохой тревог, гонений, страданий и бедствий. То и дело приходилось обращаться с воззваниями к еврейскому населению, призывая воздерживаться от тех или иных действий. Раби Шахне был в числе тех, кто и писал, и распространял эти воззвания.

Раби Шахне был великим книжником. Благодаря богатому и разнообразному словарному запасу он всегда находил нужные правильные слова, чтобы верно и четко объяснить цели и причины, побудившие глав общины выпустить то или иное воззвание. Сами эти воззвания отличались простотой и ясностью. Несмотря на краткость, они были понятны всем, даже маленьким детям, никаких дополнительных объяснений не требовалось. Эти объявления были плодом серьезных размышлений и свидетельствовали о талантах и образовании их автора.

В Слуцке было около двадцати синагог, из них около трети в центре города, а остальные разбросаны по разным улицам и переулкам. Практически каждую субботу во время утренней молитвы можно было видеть раби Шахне, который обходил пешком улицу за улицей, спеша из одной синагоги в другую. Усталый и измученный, тяжело дыша и истекая потом, он поднимался на биму и начинал зачитывать объявление. У него был ясный и звонкий голос, так что можно было разобрать каждое слово. Голос и жестикуляция менялись в зависимости от характера объявления. В его выступлении не было ничего искусственного, никаких внешних эффектов; в голосе звучало осознание серьезности и важности вопроса. По лицам слушателей было видно, что слова раби Шахне производят на них глубокое впечатление и попадают прямо в цель.

Выступления раби Шахне славилась и тем, что он приправлял их народными шутками и прибаутками, поскольку обладал веселым характером. С его губ не сходила улыбка, глаза светились внутренним покоем и радостью. Раби Шахне никогда не упускал случая отпустить шутку, соответствовавшую обстоятельствам места и времени. Рассказывая какой-нибудь анекдот, он прибегал к красочным образам и сравнениям, благо фантазия

Практически каждую субботу во время утренней молитвы можно было видеть раби Шахне, который обходил пешком улицу за улицей, спеша из одной синагоги в другую.

---

⁶³⁷ То есть делать из своих познаний в Торе источник заработка. См. «Авот», 4:7.

у него была богатейшая. Слушатели стояли вокруг него, разинув рты, жадно впитывая каждое слово. Когда он отпускал очередную шутку, раздавался взрыв веселого искреннего смеха, к которому присоединялся смех самого рассказчика, любившего порадовать и повеселить других.

Много лет спустя раби Исер-Залмен Мельцер, пребывая в веселом настроении, любил развлекать своих слушателей шутками раби Шахне, неизменно добавляя при этом:

– Если бы вы услышали эту шутку в исполнении самого раби Шахне, то получили бы в семь раз больше удовольствия.

Поскольку раби Шахне очень любил людей, и прежде всего изучающих Тору, он взял на себя заботу о студентах йешивы, съезжавшихся в Слуцк со всей России, чтобы учиться Торе у раби Исера-Залмена Мельцера. Во время каникул в Пейсах и Сукес можно было видеть, как раби Шахне в сопровождении нескольких парней обходит дома слуцких обывателей, выясняя, нельзя ли поселить у них одного, а то и двух йешиботников. Поскольку в то время студенты йешивы «ели дни», раби Шахне находил для них гостеприимные семьи. Позже, когда йешиботники начали тяготиться таким положением вещей, было решено создать для них специальную столовую.

Поскольку эту столовую называли «комитетом», можно предположить, что для попечения о ней был создан какой-то специальный комитет из лучших людей города. Однако на практике вся работа легла на плечи раби Шахне. Он же в свою очередь трудился не покладая рук, никогда не жалуясь, но искренне радуясь, что удостоился исполнить важную заповедь. Жена его, женщина добрая и сердобольная, сшила ему белый холщовый мешок, с которым он обходил горожан, собирая для «комитета» ломти хлеба и другие продукты. Каждое утро на улицах Слуцка можно было увидеть низкую сгорбленную фигуру раби Шахне с тяжелым мешком, свисавшим чуть ли не до земли, спешившего в столовую, чтобы поскорее накормить йешиботников завтраком.

Снаружи его домик на улице Америка выглядел убого, однако внутри было тепло и чисто. Название «Америка» требует пояснений. Разумеется, эта улочка никогда не отличалась чистотой, блеском и богатством улиц Нового Света. Напротив, она славилась лужами, грязью и ветхими покосившимися домами. Здесь обитали слуцкие бедняки и представители преступного мира. Безобразие и разврат, скандалы и пьянство, скупость и нищета находили пристанище на этой улице. Местные жители предлагали два объяснения, почему их улицу так называют. Пьяницы и дебоширы утверждали, что она символизирует американскую свободу, когда каждый может поступать, как его душе угодно. Бедняки, однако, говорили, что это название содержит глубокую иронию, поскольку здешнее убогое существование не имеет ничего общего с богатством и свободой Америки, страны, куда они стремились всеми фибрами своей души.

Раби Шахне поселился именно на этой грязной улочке. Возможно, в данном случае он руководствовался любовью к ближним и желанием помочь нуждающимся. И действительно, его дом стал своего рода твердой лужайкой посреди болота, тенистым деревом посреди выжженной песчаной пустыни.

Поскольку раби Шахне пользовался репутацией тертого бывалого человека, хорошо разбирающегося в торговле, к нему часто приходили торговцы и другие деловые люди, чтобы заключить сделку или подписать договор.

Их визиты к раби Шахне несколько улучшили атмосферу этой убогой улочки. Это особенно чувствовалось по субботам и праздникам, когда раби Шахне приглашал к себе гостей. Среди них были магиды, писатели, посланцы Страны Израиля и просто знатоки Торы, собиравшиеся в его доме, чтобы насладиться содержательной беседой с ним, а также замечательными кушаньями, приготовленными его энергичной женой, ласково и приветливо встречавшей любого гостя. Чистые капоты и начищенные шляпы гостей ярко выделялись на убогом фоне улицы Америка.

Интересно отметить, что ни раби Шахне, ни его домочадцы совершенно не страдали от окружающего их безобразия. Обитатели улицы, как евреи, так и христиане, уважали раби Шахне, причем это отношение распространялось не только на службу и его семью, но и на его дом, двор и небольшой садик. Ему ни разу не били окна, не ломали забор, не обчищали сад. Казалось, что местные пьяницы и хулиганы предоставили экстерриториальный статус самому раби Шахне, его дому и всему, что ему принадлежало.

В свободное время, то есть глубокой ночью или ранним утром, раби Шахне сидел в своем «кабинете» и учил Тору. Обычно он учился нараспев, в полный голос в то время, как снаружи раздавались пьяные песни, звуки драки или разборки между очередным забулдыгой и его женой. Сладкий голос раби Шахне брал за душу и завораживал его соседей.

Раби Шахне дожил до глубокой старости. Он скончался за несколько лет до начала Второй мировой войны и был похоронен с соблюдением всех еврейских традиций. Большая часть его семьи погибла от рук нацистов. Из огромного разветвленного рода уцелели лишь несколько человек, живущих теперь в Америке и Израиле.

ХАИМ КРИВИЦКИЙ

Р. Ривин

Хаим Кривицкий родился в 1896 году в Старобине. Получил традиционное образование в хедере и йешиве. В 1916 году был призван в армию, попал на фронт. Позже пошел добровольцем в Красную армию.

Уже в юности Хаим присоединился к сионистскому движению. В начале Первой мировой войны, когда оно было запрещено, сионисты собирались в его деревенском доме, находившемся за городской чертой, куда также перенесли маленькую библиотечку, копилку для сбора пожертвований на нужды евреев Святой земли, марки Национального фонда и т. п. Демобилизовавшись из армии, Кривицкий вернулся к сионистской и общественной деятельности. Он стал членом совета местной ячейки сионистского движения, а также одним из первых членов «военного Ѓе-Халуца», который возник в России в 1919 году. Кривицкий также стал одним из организаторов еврейской самообороны в местечке, жестоко страдавшем как от частой смены власти, так и от безвластия. Он организовал первую группу, готовившуюся к переезду в Эрец-Израэль до того, как в 1920 году городок был окончательно занят Красной армией.

Однажды родственники из Америки прислали ему деньги и необходимые документы, чтобы он приехал к ним. Однако Хаим отказался и раздал

Он организовал первую группу, готовившуюся к переезду в Эрец-Израэль до того, как в 1920 году городок был окончательно занят Красной армией.

Хаим Кривицкий

деньги своим товарищам, у которых не было средств, чтобы ехать в Святую землю.

Тем не менее вскоре и он оказался в Стране Израиля. Около полугода Кривицкий работал на прокладке шоссе Неве-Шаанан — Хайфа и возглавлял там отряд самообороны. Оттуда вместе с группой товарищей он перебрался в Атлит, где служил в компании по добыче соли из морской воды. Кривицкий стал одним из первых сотрудников этой компании и проработал в ней до конца своих дней. Он входил в число организаторов местного отряда Гаганы, который возглавлял вплоть до начала Войны за независимость.

Кривицкий пользовался любовью своих товарищей и всю жизнь охотно помогал другим. Смыслом существования стало для него строительство нового общества в Эрец-Исраэль на основе труда и социальной справедливости. Хаим Кривицкий скончался 5 хешвана 5772 (1961) года.

ПЕЙСАХ КАРОН, ОН ЖЕ ПЕЙСАХ ЭЗРЕС

И.-Д. Беркович

Достигнув возраста религиозного совершеннолетия, я учился в своем родном городе в «малой йешиве»⁶³⁸, трудясь, не жалея сил, над изучением Талмуда с Тосафот и комментариями р. Шмуэла-Элиэзера Эйдельса (Магарши). Это, однако, не утоляло моей духовной жажды, и меня потянуло к светской литературе, к которой я припал, словно к источнику живительной воды. Я жадно проглатывал книгу за книгой, читая поначалу все, что находил в темном подвале какого-то убогого книготорговца. Затем я перешел к запасам более солидного магазина и наконец отыскал дорогу в еврейскую библиотеку, популярную среди городских просвещенцев.

Хозяином библиотеки был меламед, работавший с маленькими детьми. Это был замечательный человек — низкорослый еврей с длинной, всегда расчесанной бородой, носивший темные очки, блестящие из-под густых бровей. Он был богобоязненным, но одновременно просвещенцем и па-

⁶³⁸ «Малая йешива» — йешива для подростков, в отличие от «большой йешивы», где учились юноши постарше. — *Прим. пер.*

лестинофилом. С учениками он обращался ласково, однако поддерживал строгую дисциплину; вечером в пятницу за праздничным столом разучивал с ними завтрашнюю гафтару на приятный мотив, берущий за душу. Своих сыновей он послал в дальние края учиться в нееврейской сельскохозяйственной школе, чтобы, уехав в Эрец-Исраэль, они стали земледельцами в еврейских колониях. В его идеально чистой спальне, отделенной от хедера темными сенями, стоял большой шкаф, набитый книгами на иврите. В моих глазах эта комната была местом, где хранятся величайшие в мире сокровища. А сам хозяин со связкой ключей под капотой (идеально чистой, без единого пятнышка!) казался мне хранителем этих волшебных сокровищ, осторожным и строгим, который ежедневно приводил меня в свою комнату, чтобы дать насладиться лучом сокровенного света.

Книги я читал в йешиве — разумеется, украдкой. Сверху, на конторке, лежал раскрытый том Талмуда, а внизу, в темном ящичке конторки, была открыта другая книга — «Га-Тоэ бе-дархей-га-хаим»⁶³⁹ Переца Смоленскина или «Га-Дат ве-га-хаим» Браудеса⁶⁴⁰. Снизу вверх пробивались и что-то нашептывали маленькие угрожающие язычки пламени, которым со временем предстояло превратиться в гигантский костер, поглотивший и сжегший все. Видел бы это глава йешивы! Однако он ничего не замечал и ничего не видел. Я считался одним из самых лучших, самых надежных учеников — как можно было заподозрить меня в такой контрабанде? Только товарищи знали правду, однако ни один из них не выдал мою тайну, поскольку и сами были не без греха — играли в карты! Правда, это были не настоящие карты, а записочки, которые называли *ламед-алеф* — «тридцать одно»⁶⁴¹, однако играли они серьезно — на деньги.

В йешиве я читал мало. Подобно голодному, который не в силах терпеть, я лишь пробовал маленькие кусочки сокровенного знания. Основную «трапезу» я откладывал до вечера, когда возвращался домой. Я не ложился спать, не дочитав взятую в библиотеке книгу. Мама узнала об этом, поскольку у нас стало уходить гораздо больше керосина. Однако ее это не волновало — она была уверена, что ее прилежный сын учит по вечерам Тору и до глубокой ночи засиживается за святыми книгами.

Одному только старому библиотекарю это перестало нравиться. Сначала он хвалил меня за усердие, однако затем заметил, что за двадцать копеек в месяц я глотаю до тридцати книг. Во время летних каникул⁶⁴² и в праздники Пейсах и Сукес, когда йешива была закрыта и ученики сидели дома, я менял по две книги в день.

— Ты что, решил меня разорить? — спрашивал библиотекарь, делая вид, что сердится, глядя на меня сквозь темные очки и разглаживая густую бороду, в которой переплелись черные и седые пряди.

Я не мог понять, шутит он или действительно сердится и переживает, что связался со мной.

Моя усидчивость стала причиной еще одной неприятности: непрочитанных книг с каждым днем становилось все меньше и меньше. Соот-

---

Я не ложился спать, не дочитав взятую в библиотеке книгу. Мама узнала об этом, поскольку у нас стало уходить гораздо больше керосина.

---

⁶³⁹ «Га-Тоэ бе-дархей-га-хаим» (иврит) — «Блуждающий по путям жизни».

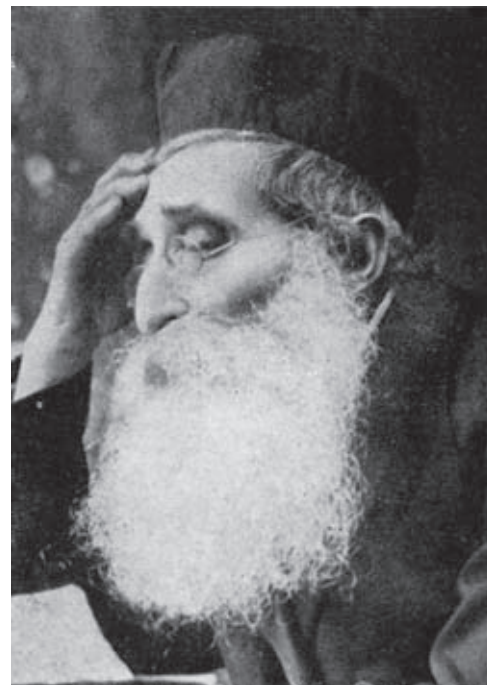
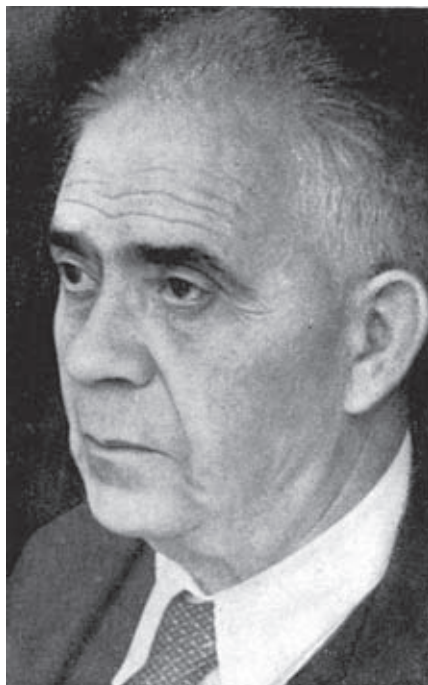
⁶⁴⁰ Рувен-Ошер Браудес (1851–1902, Вена) — писатель, редактор, публицист. Один из первых литераторов, писавших на иврите, освоивших опыт европейского социально-психологического романа. «Га-дат ве-га-хаим» (иврит) — «Религия и жизнь». — Прим. пер.

⁶⁴¹ В еврейской традиции любые буквы имеют числовое значение. *Ламед* — 30, *алеф* — 1. — Прим. пер.

⁶⁴² Между Девятым ова и первым элуля. — Прим. пер.

Ицхок-Дов Беркович

Пейсах Карон (Эзрес)

ветственно, нарастало беспокойство: что я буду делать, когда прочту их все до единой? Что еще я смогу найти в этой жизни? Будущее казалось мне пустым, скучным и одиноким.

И вот это произошло. Небольшие рассказы и романы я к тому времени прочел уже все. Я также прочел все журналы, как новые, так и старые; все книги по еврейской и всемирной истории, природоведению и географии. Когда все ресурсы были исчерпаны, мой духовный наставник извлек из тайника, устроенного им на чердаке, огромные тяжелые подшивки газеты «Га-Мелиц», которые я сложил в мешок и отволок к себе домой. (Нести их в открытую я побоялся, чтобы не привлечь любопытных взглядов прохожих.) На книги Мапу, Смоленскина, Браудеса и Брандштедтера⁶⁴³ я больше не рассчитывал, поскольку перечитал их по три-четыре раза. Что же теперь со мной будет? Откуда явится свет?

— Боюсь, сегодня ты уйдешь отсюда с пустыми руками, — сказал мне старый библиотекарь, разглядывая сквозь очки полки своего книжного шкафа и не находя там ничего, что могло бы меня утешить.

Сердце мое упало. Я подумал, что мне настал конец. Мрачная бездна разверзлась предо мной. Я стоял в полном оцепенении, не в силах сдвинуться с места.

— Подожди немного, — неожиданно сказал мне старик, который тоже был расстроен и обеспокоен. Его взгляд сквозь темные очки внушил мне надежду. — Может быть, ты хочешь почитать на жаргоне?

На жаргоне? Я знал, что это принятое название идиша: немецко-еврейского языка, языка простых евреев, на котором читают только невежды и женщины. Чтобы юноша, изучающий Талмуд, уже вдохнувший дух истинного Просвещения и опьяненный раскрывшейся перед ним мудростью, со-

⁶⁴³ Мордхе-Довид Брандштедтер (1844–1928) — писатель, писавший преимущественно на иврите. Высмеивал нравы хасидов, впоследствии примкнул к «Ховевей-Цион». Дед польского поэта и драматурга Романа Брандштедтера. — *Прим. пер.*

шел с вершины иврита в низины этого убогого языка — да где это слыхано? Поэтому, несмотря на всю тяжесть моего положения, это предложение пришлось мне не по вкусу. Однако, доверяя своему наставнику на ниве Ѓаскалы, я решил, что, возможно, в этом языке тоже есть что-то хорошее и достойное такого парня, как я.

Вместе со стариком мы вышли из сокровищницы иврита в темные сени, где в углу оказался шкаф, набитый книгами на жаргоне. Для начала я взял один из романов Шомера⁶⁴⁴ — первый, попавшийся мне под руку.

Я чувствовал, что для меня это страшное падение. Тем не менее из-за невыносимого книжного голода я набросился на романы Шомера и глотал их один за другим. Правда, в йешиву я их не приносил — мне было стыдно перед товарищами. Несмотря на то что все они увлеченно играли в тридцать одно, были среди них и те, кто в четверг, когда в йешиве устраивали экзамен, демонстрировали блестящее понимание хитроумных рассуждений Маѓарши или раби Якова Фалька в «Пней-Йеѓошуа»⁶⁴⁵. По сравнению с величием «Пней-Йеѓошуа» мои «женские молитвы»⁶⁴⁶ казались мне жалкими и презренными. Поэтому романы Шомера я читал втайне от всех, субботными ночами, когда был дома. Однако и там мне не было покоя. Дома быстро узнали, что книги, которые я читаю по ночам, не имеют ничего общего со святостью, это что-то вроде рассказов о чудесах на идише, которыми по субботам развлекаются служанки. И на такую ерунду я смею тратить керосин? Студент йешивы, на которого родители возлагали такие надежды, позволяет себе подобные глупости? Какой в этом смысл?

Мне самому тоже не слишком нравились романы Шомера. Хотя я читал их один за другим бесчисленное число раз, после прочтения у меня оставалось чувство, будто я наелся какой-то дряни, просто чтобы набить желудок. После такого грубого насыщения я впадал в глубокую тоску и ощущал упадок духа. Все эти красочные истории о нехороших, грешных, бессердечных евреях, неизменно преследовавших обладателей чистых душ, святых и безгрешных, подобных ангелам служения, не трогали меня за душу и не возбуждали мое воображение. Их голоса как будто звучали из пустоты и не вызывали никаких отзвуков во мне, юноше, который страдал от одиночества и интересовался тем, как устроен этот мир. Как далеки были эти персонажи, порожденные грубой фантазией, от чистой и возвышенной духовной атмосферы произведений Смоленскина и Браудеса, от пафоса их огненных пламенных речей, которые в моих глазах делали их равными пророкам, участникам священной войны и избавителями народа Израиля!

Тем не менее раз за разом я погружался в этот густой туман и наполнял голову вредными испарениями. Я боялся покинуть воображаемый мир, за воротами которого меня поджидала невыносимая скука да сухой, черствый хлеб Талмуда. Поэтому я читал роман за романом. От рассказов Шомера я перешел к романам из американской жизни. Наконец накануне Пейсаха мне попался роман на эту тему в двадцати четырех томах, которые

⁶⁴⁴ Шомер (иврит) — псевдоним-акроним из первых букв фамилии и имени Нохема-Меера Шайкевича (1846–1905) — писателя, театрального деятеля, издателя и драматурга, писавшего преимущественно на идише. — *Прим. пер.*

⁶⁴⁵ Р. Яков-Йеѓошуа бен Цви-Ѓирш Фальк (Пней-Йеѓошуа; 1680–1756) — выдающийся законоучитель и комментатор Талмуда. Его главный труд — комментарий к Талмуду «Пней-Йеѓошуа» — «Лик Йеѓошуа». — *Прим. пер.*

⁶⁴⁶ Не знавшие в большинстве своем иврита, женщины обычно читали на идише особые женские молитвы. — *Прим. пер.*

я менял дважды в день, как обычно во время каникул, тем самым в очередной раз вызвав гнев старого библиотекаря.

— Ты понимаешь, что тебе говорят? — спросил он меня как-то вечером, когда я второй раз пришел за новой книгой. — Мне очень не по душе, что молодой человек вроде тебя тратит время на подобную ерунду. Какой прок тебе от этой писанины? Ты просто навсегда испортишь себе желудок, вот и все.

— Но что же мне читать, — чуть не плача, спросил «молодой человек», чувствуя себя павшим на сорок девяную ступень нечистоты⁶⁴⁷, — если у тебя нет для меня книжек получше?

— Знаешь что, — сказал мне старик, — если ты никому не расскажешь, я постараюсь достать для тебя одну вещь, которая, уверен, тебе понравится.

Он снова привел меня в свою тихую таинственную сокровищницу, эту святая святых, где я не был уже очень давно. Вытащив из-под капоты связку ключей, он склонился, едва не касаясь длинной бородой пола, к самой нижней полке своего шкафа с книгами на иврите — и передо мной предстал ряд прекрасных книг в хороших твердых переплетах.

— Книги, которые ты здесь видишь, — сказал мне старик, взглянув на меня сквозь темные очки, — мое самое потаенное сокровище. Я не давал их никогда и никому. Я храню их здесь в качестве наследства, которое останется моему сыну после моей смерти. Однако для тебя я сделаю исключение, согласно принципу «не допускай страданий живых существ»⁶⁴⁸, — я ведь вижу, что твоя душа страдает. Храни их как зеницу ока, чтобы на них не было ни пылинки! Эти подшивки — ты их видишь? — переплетенные выпуски журнала «Га-Шахар»⁶⁴⁹ Переца Смоленскина. Сейчас их не найти, никто не продаст их даже за тысячу карбованцев, разве что будет умирать с голоду. И хотя это очень дорогая книга, я, так и быть, дам ее сегодня почитать, но при одном условии. Слышишь? Не глотай ее в один присест, это тебе не «Людоеды»! Пей ее маленькими глоточками, постарайся прочувствовать каждый глоток, поскольку это драгоценнейшая вещь. Правда, это тоже жаргон, но жаргон совсем другого сорта! Здесь ты найдешь все, даже птичье молоко. Пообещай же мне, что не забудешь милость, которую я оказал тебе сегодня.

Затаив дыхание, я открыл книгу, которую добрый старик вручил мне с таким восторженным предисловием. Это оказался второй выпуск альманаха «Ди юдише фолкс-библиотек»⁶⁵⁰, который издавал Шолом-Алейхем.

* * *

Какими достоинствами обладала «Еврейская народная библиотека» Шолом-Алейхема, что старый библиотекарь удостоил ее почетного места рядом с переплетенными выпусками «Га-Шахара» Смоленскина? Почему ее так высоко ценили просветители того поколения? Ответ на эти вопросы я найду еще очень нескоро — когда близко узнаю Шолом-Алейхема и познакомлюсь с его первыми шагами на литературном поприще.

⁶⁴⁷ Согласно традиции, евреи, будучи в Египте, погрузились на 49-й уровень скверны — низшую степень духовного падения. — *Прим. пер.*

⁶⁴⁸ Речь идет о религиозном запрете мучить животных, так что старик откровенно подшучивает над мальчиком. — *Прим. пер.*

⁶⁴⁹ «Га-Шахар» (иврит) — «Заря» — журнал, выходивший в Вене (1868–1886). Инициатором издания журнала, издателем и редактором, а также автором значительного числа его материалов, был П. Смоленскин.

⁶⁵⁰ «Ди юдише фолкс-библиотек» (идиш) — «Еврейская народная библиотека».

— Книги, которые ты здесь видишь, — сказал мне старик, взглянув на меня сквозь темные очки, — мое самое потаенное сокровище. Я не давал их никогда и никому.

Старый библиотекарь не зря предсказал мне, что я никогда не забуду его доброту. Ибо каждый раз, когда я вспоминаю альманах Шолом-Алейхе-ма, я вспоминаю и его. Звали его Пейсах Карон. Он был одним из тех, чье имя фигурирует в списке подписчиков, напечатанном во втором томе альманаха, — единственный подписчик из моего родного города Слуцка.

СЛУЦКИЕ ПОРТРЕТЫ

Х. Зейдес

Йешайоѓу-Мендл Деречин и Зелик-гребенщик

Перед Первой мировой войной в Слуцке жили крупные торговцы, которые в молодости учились в Воложине. Несмотря на то что они вели большую торговлю, эти люди находили время и на Тору. Каждый день они сидели в синагоге, изучая какой-то лист Талмуда. Например, оптовик Шая-Мендл ежедневно после молитвы сначала изучал с сыном лист Талмуда, а потом шел по своим торговым делам.

Йешайоѓу-Мендл Деречин был известен в Минской губернии. Его дом прославился как место для торговых сделок и центр благотворительности. У Шай-Мендла каждый вторник сидели тридцать йешиботников, и он ведал всеми благотворительными учреждениями. Сам жертвовал на них и следил, чтобы и другие поступали так же.

Известный еврей по имени Зелик, гребенщик, занимался тем, что упорно собирал деньги для вдов и сирот, а особенно для изучающих Тору. Он очень часто посещал дом Шай-Мендла и, видя, как там кормят по вторникам тридцать йешиботников, однажды сказал хозяину:

– Прекрасно с вашей стороны, что вы даете еду йешиботникам раз в неделю. Но ведь в неделе семь дней, и есть еще десятки парней в йешиве, которым хочется есть... Что вы можете сделать для них?..

Ответил ему Шая-Мендл:

– Реб Зелик, приходите ко мне вечером и скажите, как много цдоки вы собрали за день, я вам внесу свою долю...

Это обещание очень взбодрило Зелика, и он постарался собрать побольше пожертвований, потому что знал: реб Шая-Мендл внесет свою долю, исходя из суммы собранного. Он поведал о встрече своей добродетельной жене Ривке, которая сказала мужу:

– Сегодня у меня был удачный день в мясной лавке. Я дам тебе пять рублей, и ты удвоишь их у Шай-Мендла.

Поздно вечером Зелик принес деньги Шай-Мендлу и пересчитал перед ним все пожертвования. Тот сдержал слово и отдал столько же денег, сколько было собрано. Зелик-гребенщик ушел очень довольный и пожелал себе, чтобы таких Шай-Мендлов были тысячи...

Хаим-Довид-бадхен

Жил в Слуцке также еврей, которого звали Хаим-Довид-бадхен, игравший на большой бандуре на всех свадьбах. Он был бедняком и ходил «в семи

Известный еврей по имени Зелик, гребенщик, занимался тем, что упорно собирал деньги для вдов и сирот, а особенно для изучающих Тору.

Хаим Зейдес

одежках без застежек». Каждый день молился до полудня, шел на улицу и читал псалмы. Жил он на Колесницкой улице в маленьком домике, куда не доходили солнечные лучи. Там было кривое окошко, заткнутое тряпками, и в зимние дни мороз гулял внутри домика, словно на улице.

Каждую пятницу Хаим-Довид, человек уже немолодой, носился из синагоги в синагогу, упрасывая хозяев, чтобы они приютили гостей на субботу. Он поступал так и летом в жару, и зимой в холода и метели. Случалось, что из-за своих просьб приютить других он задерживался и садился за субботнюю трапезу уже посреди ночи.

Бывало — и не раз, — что кого-то хозяева не хотели к себе брать, и тогда он сам принимал у себя этих гостей.

Лея-с-Горок

Талмуд-тора находилась недалеко от рынка, там учились около сотни детей. Хаим-Берл Ольшанский, Лейба Йойх, кузнец, и вышеупомянутый Зелик-гребенщик выстроили красивое здание на площади, где стояла старая баня. Они содержали лучших учителей, обучавших детей с азов и доводивших их до чтения Талмуда.

В Слуцке было и общество «Линас-ѓа-цедек», которое предоставляло услуги доктора и лекарства, а кроме того, каждую ночь отправляло к больным двух медсестер. Общество располагало всеми видами простейших медицинских приборов и приспособлений и предоставляло их бесплатно. Не раз оно выдавало и деньги больным, чтобы те подлечились. Слуцкая больница для стариков находилась под опекой доктора Шильдкраута, а другие врачи каждый день посещали эту больницу, не требуя оплаты. Туда принимали занедуживших также из окрестностей Слуцка.

Была в городе женщина по прозвищу Лея-с-Горок — не получившая никакого образования, но с хорошим еврейским сердцем. Она ежедневно кормила у себя какого-нибудь йешиботника, часто приносила еду в йешиву. Лея жаловалась, что некоторые стесняются приходить и «есть дни». Таким

В Слуцке было и общество «Линас-ѓа-цедек», которое предоставляло услуги доктора и лекарства, а кроме того, каждую ночь отправляло к больным двух медсестер.

она приносила еду в йешиву и спрашивала, кто даст белье на стирку, — она стирает все бесплатно. Под разными предложениями она помогала неимущим так, чтобы они не стыдились. Например, я вспоминаю, что в зимнее время она принесла дрова одной бедной семье, сказав, что у нее много дров, поэтому она отдает часть, но при условии, что на следующий год ей отдадут... Много раз она приносила нуждавшимся по несколько фунтов фарфл⁶⁵¹. Она была очень энергичной, хорошей хозяйкой, и вот что она говорила:

– Знаете, мой Хаимке хочет кушать только лапшу... Возьмите у меня мешочек с фарфл, на следующий год отдадите мне лапшой.

У Леи не было машинки для вязания носков и чулок, но и с четырьмя спицами она ухитрялась вязать для бедных все виды чулок, особенно же старалась для йешиботников и бедных невест. У Леи была свекровь Песеле, о которой в городе говорили, что у нее луженая глотка, но сама Лея все делала тихо, не ожидая от людей благодарности. Она лишь просила Бога, чтобы Он наградил ее детьми, чтущими Тору и уважаемыми в обществе.

Не однажды Лея делилась с бедняками последним. Ее не беспокоило собственное здоровье — лишь здоровье других. Когда ее спрашивали:

– Лея, разве не сказано, что надо сначала самому утолить голод? — она отвечала с улыбкой:

– Я сыта и довольна оттого, что насыщаю голодных и даю одежду беднякам.

Прием погорельцев и странников

После большого пожара 1899 г. многие случчане остались голыми и босыми.

Известный в городе реб Мордхе-Йона отстроил свой дом и объявил, что занимает для себя только одну комнату, а весь дом отдает под прием погорельцев, и каждый гость имеет право дважды в нем поесть и одну ночь переночевать.

Все бедные ученики талмуд-торы питались в доме реб Мордехая-Йоны два дня в неделю, и еще два дня в неделю у него питались йешиботники.

Бейла-Гинда, жена мудреца Мельцера, каждый день созывала комитет по приему странников. Шахне, шамес в Синагоге кузнецов, был казначеем комитета, а Мендл, николаевский солдат, сторожил здание.

Хотя и прежде в Слуцке был обычай принимать странников, с этого времени каждый в синагоге брал вечером в пятницу гостя на субботу, давал ему поесть и предоставлял ночлег.

ЛЕЙБА ЙОЙХ

Раввин М.-И. Голдберг

Лейба Йойх был кузнецом. В мои детские годы я очень часто видел его — он неуклюже, но весело шагал по улицам города. И когда я издалека слышал стук железных подковок по брусчатке, то уже знал, что это идет Лейба-кузнец. В отличие от других случчан он имел склон-

⁶⁵¹ Фарфл (идиш) — мучная добавка к супу: тесто, натертое на терке и просушенное в духовке. В таком виде его можно хранить несколько месяцев.

ность ходить именно по камням, а не по тротуару. Красота его лица была не характерной для кузнецов. Его густая белая борода подошла бы скорее раввину или солидному торговцу. Но коль скоро он ее завел, она иногда приходила ему на помощь. Потому что к еврею с белой бородой должно быть совсем иное отношение, хоть он и кузнец...

О себе Лейба мало заботился, даже почти не следил за своим внешним видом. Всю зиму он носил старый, затасканный тулуп, залатанные, хоть и подкованные, ботинки и шапку, которая считалась старой десять лет назад или больше. Плащ его тоже был залатан и грязен. В такой одежде он посещал всех богачей Слуцка. Всякий был с ним знаком, и было очень трудно отказать ему в пожертвовании. Все знали, что Лейба из собранного не берет себе ни гроша, а все отдает городским беднякам.

Перед Пуримом он уже стремился обеспечить их всех — кого мацой, кого картошкой, кого другими необходимыми продуктами. И все это делалось для подготовки к великому празднику Пейсах.

Когда кто-то не хотел давать пожертвование, Лейба сам протягивал ему дар, который тот не мог ни принять, ни отвергнуть. Лейба-кузнец мог обругать влиятельных богачей самыми резкими словами — он никого не щадил.

Однажды выдался год, в который заработки у слуцких евреев были очень скудны. Целую зиму лавочники высматривали редких покупателей, а ремесленники сидели практически без работы. Из-за этого в городе накануне Пейсаха было значительно больше нуждавшихся, чем обычно.

Лейбе тогда выпало больше забот, чем в прежние годы. Но он сохранял стойкость и говорил:

– Бог — наш отец, Он поможет мне позаботиться о своих детях.

Шлепая по глубокой грязи от двора к двору, он не собрал желаемого и сильно обеспокоился. И тут случилось так, что богатый хозяин с Заречной улицы дал ему уж совсем смехотворную сумму и не захотел добавить ни копейки. Сказал ему Лейба:

– Ты — собака! — и добавил: — Собака из собак! — При этом он объяснил, что имеет в виду:

– Когда пес хватается кость, он держит ее для себя одного. И то же самое ты делаешь со своими деньгами.

С этими словами Лейба ушел со двора, и началась вражда между ним и богачом.

Когда пришел канун Рош-га-шоне, кузнец попытался попросить у обиженного им человека прощения, но тот отказался его простить. Лейба, боявшийся греха, пошел к р. Неймарку, даяну, и рассказал о своей беде. Мудрый даян успокоил кузнеца и сказал:

– Раз вы попросили прощения, а он его не принял, то вы уже искупили свою вину.

Но Лейба-кузнец все же чувствовал себя виноватым из-за того, что назвал еврея собакой. Он счел себя обязанным попросить у него прощения еще раз и ждал, когда представится такая возможность.

При всей своей бедности кузнец старался соблюдать все заповеди. С приходом Пурима он, как всегда, отправил с соседским мальчишкой двум-трем знакомым шалахмонес⁶⁵², в том числе богачу, которого назвал со-

---

Когда кто-то не хотел давать пожертвование, Лейба сам протягивал ему дар, который тот не мог ни принять, ни отвергнуть.

---

⁶⁵² Шалахмонес (идиш) — букв. «посылка яств» — одна из пуримских традиций: рассылка лакомств родным и знакомым. — Прим. пер.

бакой. Смягчился тот человек и пожалел о том, что отказался принять извинения кузнеца накануне Рош-ѓа-шоне. Он принял подарок и послал кузнецу целых пять рублей с запиской, где были такие слова: «Реб Лейба, примите пять рублей и можете с ними делать, что захотите. Я очень сожалею, что не простил вас тогда. Извините меня! Когда вам нужны будут пожертвования, приходите ко мне, я никогда вам не откажу. Веселого вам праздника!»

Бедняки смотрели на Лейбу как на родного отца, и дом его напоминал благотворительное учреждение. Каждый нуждающийся направлялся к нему. Он моментально проникался сочувствием к своим «клиентам» и с гордым видом — ни дать ни взять глава общины — отправлялся собрать для них несколько монет.

Но если в глазах бедняков Лейба являлся кормильцем, то в глазах богачей — прожорливым надоедой. Он был суровым человеком и его не пугали ссоры. Когда ему попадался упрямый богач, с которым трудно было договориться, Лейба заявлял:

– Лейбу не отправляют прочь с пустыми руками. Если хотите от меня избавиться, то дайте же мне что-нибудь в руку, а если нет — я остаюсь у вас в доме, слышите? Вам придется дать мне поесть и место для ночлега, слышите?

Бедняге-богачу в ответ на такие речи ничего не оставалось, кроме как открыть свой кошелек и дать, сколько Лейба требовал. Выкинуть Лейбу? Во-первых, как можно прогнать со двора еврея с белой бородой? И во-вторых, если б кто-то и попробовал, то не поздоровилось бы ему при встрече с кузнецами, которые своих не давали в обиду.

Однажды Лейба пришел в богатый дом и, никого не найдя в кухне, отправился в залу, где хозяйка сидела на диване и читала книгу. Посмотрев на грязные ботинки Лейбы, она завопила:

– Вон отсюда, попрошайка! Ты загадил мне все полы!

Лейба хладнокровно ей ответил:

– Тихо, спокойно, не кипятитесь, моя госпожа, мы еще будем лежать под одной периной на кладбище.

Слово за слово... Когда женщина увидела, что язык Лейбы работает быстрее и лучше, чем ее собственный, она скрепя сердце дала ему пожертвование и поблагодарила Бога, что легко отделалась. С тех пор она уже знала, что с Лейбой надо разговаривать вежливо.

Как только где-то устраивалась свадьба или обрезание, Лейба был тут как тут. Интересно, однако, что он не желал даже смочить губы спиртным. Его просили: «Реб Лейб, сделайте “ле-хаим” в честь хозяина праздника», но это не помогало. Он приходил, чтобы поучаствовать в выполнении заповеди, а не ради выпивки и закуски, и не хотел получать дополнительное удовольствие, чтобы не вышло так, что он берет награду за выполнение заповедей в этом мире.

Бедняки смотрели на Лейбу как на родного отца, и дом его напоминал благотворительное учреждение. Каждый нуждающийся направлялся к нему.

ИМИ ГОРДИТСЯ СЛУЦК

ДОКТОР НОСН КЛОЦ

Проф. М. Ваксман

В еврейском мире город Слуцк прославился не только как местопребывание великих раввинов и знатоков Торы, сумевших приобрести репутацию в мире еврейских законоучителей, но и как город, воспитавший многочисленных писателей и ученых, внесших заметный вклад в еврейскую литературу и науку в самых разных областях. Среди них были доктор историк Симхони, исследователь средневековой литературы; И.-Д. Беркович, талантливый писатель с прекрасным стилем; поэт Лисицкий, занявший место в пантеоне еврейской поэзии; Авром Эпштейн, прославившийся как беспощадный и в то же время глубокий критик.

Мне хотелось бы почтить память еще одного ученого, уроженца Слуцка, блестящего знатока иудаики, специализировавшегося в первую очередь на изучении Писания, который в силу своей скромности (или, может быть, в силу бесконечной тяги к новым знаниям) был не слишком известен. Речь идет о докторе Носне Клоце.

Этот ученый, с которым мы дружили с детства, еще тогда отличался пламенной страстью к «мудрости Израиля». Имена основоположников академической иудаики (Л. Цунца⁶⁵³, Ш.-Д. Луццатто⁶⁵⁴ и других) не сходили с его уст. Каждый раз, встречаясь с кем-либо из друзей, Носн неустанно восхвалял важнейший вклад этих ученых в науку. Он мечтал вырваться из родного города, уехать в Германию, поступить в раввинскую семинарию в Бреслау⁶⁵⁵, чтобы «валяться в прахе»⁶⁵⁶ у ног тамошних мудрецов и жадно впитывать их мудрость и знания.

⁶⁵³ Леопольд Цунц (1794–1886) — живший в Германии историк, один из основателей иудаистики. — *Прим. пер.*

⁶⁵⁴ Шмуэль-Давид Луццатто (1800–1865) — живший в Италии комментатор Торы, поэт и переводчик, один из основателей иудаистики. — *Прим. пер.*

⁶⁵⁵ Первая современная еврейская теологическая семинария была основана в городе в 1854 г. известным раввином Захариасом Франкелем. Благодаря преподавателям, среди которых был и выдающийся историк Генрих Грец, а также библиотеке, семинария стала центром еврейской научной и религиозной деятельности. — *Прим. пер.*

⁶⁵⁶ См. «Авот», 1:4.

д-р Носн Клоц

Эта мечта осуществилась после того, как он провел несколько лет в известной йешиве в Одессе, которой руководил доктор Хаим Черновиц, где преподавали историк доктор Йосеф Клаузнер и поэт Хаим-Нахман Бялик. Там Носн получил некоторое светское образование и изучал европейские языки, в первую очередь литературный немецкий. В Бреслау он специализировался в изучении Танаха и комментариев к нему и стал блестящим специалистом. Степень доктора философии он получил за написанную по-немецки монографию о раби Ш.-Д. Луццатто как библейском комментаторе.

Через несколько лет после Первой мировой войны Клоц переехал в Нью-Йорк и сразу же получил место профессора учительской семинарии при йешиве имени раби Йцхока-Эльхонона Спектора. Там он преподавал на протяжении двадцати четырех лет, вплоть до своей кончины в 1946 году.

В семинарии доктор Клоц получил возможность делиться с многочисленными учениками своими огромными знаниями. Он вырастил поколение ученых, прекрасно разбирающихся в еврейских священных текстах. Своим ученикам ему удалось привить любовь к академической иудаике, хорошо заметную в их книгах и исследованиях.

Как сообщили мне ученики и коллеги доктора Клоца по семинарии, его лекции отличались не только глубоким содержанием, но и подкупающей манерой изложения материала и производили глубокое впечатление на всех слушателей.

Ученый из Слуцка удостоился стать наставником сотен учеников, с которыми он не только поделился своими познаниями в Танахе, но и которым привил любовь к Торе и еврейской мудрости. Эти ученики, многие из которых стали раввинами или школьными учителями, поделились духом своего наставника со своими учениками и общинами, в которых им довелось работать. Это было главным подарком доктора Носна Клоца американскому еврейству.

ЯКОВ-НАФТОЛИ СИМХОНИ (СИМХОВИЧ)

Яков-Нафтоли-Герц Симхони (Симхович) родился в Слуцке 2 февраля 1884 года в семье раби Шмуэла Симховича и его жены Шани-Зисл, дочери Нафтоли-Герца Бернштейна из Львова. Мальчика назвали в честь деда со стороны матери, который пользовался уважением евреев Галиции в силу своего происхождения, богобоязненности и многочисленных достоинств. Память о нем была очень дорога его детям.

Реб Шмуэл, отец Симхони, славился способностями и прекрасным образованием. Он отлично разбирался и в религиозных, и в светских науках и был большим знатоком еврейской литературы. Еще в юности он покинул родительский дом в Минске и перебрался в Слуцк, где в течение многих лет преподавал в талмуд-горе своего первого тестя реб Шахне Сиркина. Вскоре он приобрел репутацию знатока Торы, хорошо понимающего свой предмет. Однако общественные дела никогда его не интересовали, и он неоднократно отклонял предложения стать раввином. Ему было комфортно оставаться в «четырех локтях еврейского Закона», изучая Тору ради нее самой. В течение долгого времени он посылал корреспонденции в газету «Petersburger Herold», а однажды, в 1893 году, был вызван правительством в Петербург для участия в работе Раввинской комиссии.

Первая жена родила ему четырех сыновей. Все они отличались разнообразными способностями, но лишь один из них, Шахне, унаследовал интерес к науке. Он скончался в 1882 году в возрасте двадцати двух лет, успев закончить написанную на немецком языке книгу «Der Positivismus im Mosaismus: erläutert und entwickelt auf Grund der alten und mittelalterlichen philosophischen Literatur der Hebräer»⁶⁵⁷. Шахне Симхович дни и ночи трудился в шатрах Торы. Отец долго и безутешно скорбел о нем, и когда через много лет у него родился сын от второго брака, связал с ним все свои надежды и устремления. Когда Симхони появился на свет, его отцу было уже шестьдесят. Из-за огромной разницы в возрасте он плохо понимал, как «воспитывать сына сообразно его пути»⁶⁵⁸, и предъявлял к нему завышенные трудноисполнимые требования. Несмотря на то что мальчик обладал неординарными способностями — в три с половиной года мать научила его читать на иврите и немецком, в хедере его называли вундеркиндом, — отец ни разу его не похвалил. Кроме того, он запрещал мальчику читать сказки, которые тот очень любил.

Отцовская строгость оставила в душе ребенка глубокие шрамы. В детстве он был одинок, друзей у него практически не было. Только в одном он не слушался своего строгого отца: найдя в городе книжную лавку, торговавшую книгами на иврите, он стал бывать там каждый вечер. Страсть к чтению, не оставлявшая Симхони до последнего дня, охватила его уже в детстве. В восемь лет он написал свое первое произведение: повесть «Мильхемет-элеф шана шель га-офот»⁶⁵⁹. Снабженная иллюстрациями и картами, книга повествовала о войне между разными видами птиц, продолжающейся из поколения в поколение. Над этой повестью мальчик

Только в одном он не слушался своего строгого отца: найдя в городе книжную лавку, торговавшую книгами на иврите, он стал бывать там каждый вечер.

⁶⁵⁷ «Der Positivismus im Mosaismus: erläutert und entwickelt auf Grund der alten und mittelalterlichen philosophischen Literatur der Hebräer» — «Позитивизм в религии Моисея: объяснено и изложено на основании древней и средневековой еврейской философии».

⁶⁵⁸ См. «Мишлей», 22:6.

⁶⁵⁹ «Мильхемет-элеф шана шель га-офот» (иврит) — «Тысячелетняя война птиц».

работал полтора года. Ему повезло, что как раз в это время отец находился в Петербурге и не было никого, кто помешал бы ему творить. Когда отец вернулся, Яков некоторое время продолжал писать втайне — пока в один прекрасный день отец не обнаружил и не сжег все тетрадки.

Когда Симхони исполнилось десять, отец взял его в поездку по Западной Европе. Путешествие сблизило их. Они подолгу беседовали на научные темы; критический настрой старика сильно повлиял на мальчика. В тринадцать лет Симхони лишился отца. Согласно с решением матери, он начал самостоятельно изучать гимназический курс и ежегодно сдавал экзамены при городской гимназии Слуцка. В эти же годы он начал писать стихи на иврите.

В 1898 году Симхони с матерью переехал в Минск. Там он нашел достаточно простора для развития. То, чего ему так не хватало в Слуцке, он обрел здесь, в городе, где можно было достать много книг. Юноша читал преимущественно исторические хроники. Он выучил латынь и греческий и начал учить арабский. Три часа в день он отводил на изучение Талмуда с опытным наставником. В те же годы он приступил к научной работе. Первой его работой стало составление генеалогии семейства отца и (особенно) матери, в числе предков которой был раби Яков Фальк (Пней-Йеѓошуа). Из Минска он время от времени ездил в Галицию, на родину матери, или в Германию.

В 1903 году Симхони был готов сдавать экзамены на аттестат зрелости. Однако, когда он приехал в Слуцк экзаменоваться в местной гимназии, экзамен назначили на субботу. И хотя к тому времени он не слишком ревностно соблюдал заповеди, юноша решил не идти на экзамен, чтобы не нарушать субботу публично. Из-за этого ему пришлось отложить отъезд за границу, где он собирался поступить в университет. Тем временем в России началась первая революция, в которую еврейская молодежь бросилась со всем пылом и страстью. Симхони, однако, не поддался всеобщему настроению. Он читал все партийные газеты, до тонкостей знал программы и тактику всех партий, однако все это было ему чуждо. Во время революции он работал над книгой по истории раввинов Гродно.

В 1906 году Симхони переехал в Петербург. Этот многолюдный город сделал его совершенно другим человеком. Здесь он подружился с учащейся молодежью, стал членом различных обществ и организаций и вообще научился общаться. Выдержав экзамены и получив аттестат зрелости, Симхони уехал в Лейпциг и записался в тамошний университет. Мать посылала ему достаточно денег, чтобы он мог полностью сосредоточиться на учебе и имел возможность отдыхать. Лето он проводил в Швейцарии, где познакомился с поэтом Яковом Каѓаном⁶⁶⁰, который в это время собирался выпускать большой альманах «Ѓа-Иври ѓе-хадаш»⁶⁶¹. В этом альманахе, вышедшем в свет в 1912 году, была напечатана первая статья Симхони — «Раби Йеѓуда Ѓа-Леви бе-тор мешорер леуми»⁶⁶², которая произвела на читателей большое впечатление.

Вскоре Симхони опубликовал статью на немецком языке о р. Фальке, которая была напечатана в «*Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des*

Тем временем в России началась первая революция, в которую еврейская молодежь бросилась со всем пылом и страстью. Симхони, однако, не поддавался всеобщему настроению.

⁶⁶⁰ Яков Каѓан (1881–1960) — израильский поэт, драматург, переводчик и лингвист, лауреат Государственной премии Израиля. Уроженец Слуцка. — *Прим. пер.*

⁶⁶¹ «Ѓа-Иври ѓе-хадаш» (иврит) — «Новый еврей».

⁶⁶² «Раби Йеѓуда Ѓа-Леви бе-тор мешорер леуми» (иврит) — «Раби Йеѓуда Ѓа-Леви как национальный поэт».

Judentums»⁶⁶³ в 1913 году. В том же году в журнале Ш.-И. Гурвица «Ге-Атид»⁶⁶⁴ вышла его статья о пророке Йехезкеле⁶⁶⁵.

В 1914 году Симхони получил степень доктора за диссертацию, посвященную исследованию упоминаний о хазарах у арабских авторов. Вплоть до начала войны он жил в Берлине, где собрал вокруг себя почитателей иврита. После того как в русской Польше, занятой немецкими властями, возобновилось издание газеты «Га-Цфира» (1916), Симхони опубликовал в ней два крупных исследования: о р. Йеѓуда Ге-Хасиде⁶⁶⁶ и р. Ш.-Д. Луццатто.

В 1917 году Симхони пригласили в Лодзь в ивритскую гимназию доктора М. Брауде⁶⁶⁷ на должность преподавателя еврейских дисциплин. Там он прожил несколько лет и воспитал множество учеников, не прекращая при этом научную и литературную деятельность. Помимо нескольких исследований и критических статей, опубликованных в журнале «Га-Ткума»⁶⁶⁸, в Лодзи Симхони перевел с греческого оригинала на иврит «Иудейскую войну» Йосефа Флавия, снабдив свой перевод предисловием, примечаниями и индексом. Кроме того, он написал пространное предисловие к ивритскому переводу «Эпоса о Гильгамеше», сделанному Черниховским⁶⁶⁹, а также трехтомный учебник еврейской истории.

В 1925 году Симхони получил предложение присоединиться к редакции Еврейской энциклопедии «Эшколь», выходившей в Берлине, и поработать над двумя изданиями, на иврите и немецком. Эта работа должна была стать венцом его научно-литературной деятельности, поскольку Симхони был прирожденным энциклопедистом, специалистом в самых разных областях. Сразу по приезду в Берлин он активно включился в работу, дневал и ночевал за письменным столом и через несколько месяцев стал одним из столпов проекта. Статьи, опубликованные в двух первых немецких томах, равно как и статьи, вошедшие в том энциклопедии на иврите, свидетельствуют об огромной работе и влиянии Симхони.

Неожиданно ученый тяжело заболел и скоропостижно скончался в возрасте сорока двух лет в начале сивана 1926 года, на следующий день после праздника Швуес. Ивритоязычный Берлин и Берлин иудаики проводили его в последний путь с большими почестями.

ПРОФ. МЕЕР ВАКСМАН

М. Ваксман родился в Слуцке, учился в йешивах. В восемнадцать лет получил смиху. Приехав в Америку, блестяще окончил прославленный Колумбийский университет. В 1912 году получил степень магистра искусств, в 1916 году — доктора философии.

⁶⁶³ «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums» (нем.) — «Ежемесячник по вопросам еврейской истории и науки», выходивший в Германии в 1851–1939 гг.

⁶⁶⁴ Шаул-Исроэл Гурвиц — эссеист и редактор (1861–1922). «Ге-Атид» — «Будущее». — *Прим. пер.*

⁶⁶⁵ Йехезкель — в русской традиции Иезекииль.

⁶⁶⁶ Йеѓуда Ге-Хасид (1150?–1217) — духовный лидер мистико-моралистического движения «Хасидей-Ашкеназ». — *Прим. пер.*

⁶⁶⁷ Маркус (Мордехай-Зеэв) Брауде — реформистский раввин и сионистский деятель (1869–1949).

⁶⁶⁸ «Га-Ткума» (иврит) — «Возрождение». Сведения об издании не сохранились.

⁶⁶⁹ Черниховский Шауль (1875, с. Михайловка Таврической губ. — 1943, Иерусалим) — поэт, один из основоположников новой поэзии на иврите, переводчик, врач. — *Прим. пер.*

В 1917 году Симхони пригласили в Лодзь в ивритскую гимназию доктора М. Брауде на должность преподавателя еврейских дисциплин.

Ученый, писатель и исследователь. Известен в еврейском и нееврейском мире благодаря четырехтомнику⁶⁷⁰ «A History of Jewish Literature»⁶⁷¹. Более 3300 страниц посвящено произведениям еврейской литературы: Талмуду, сборникам законов, раввинистической, кабалистической и хасидской литературе, притчам, литературе Гаскалы, современной литературе на иврите и идише.

М. Ваксман был профессором-эмеритом в «Бейс-мидраш ле-Тора» в Чикаго. С 1925 года играл видную роль в системе еврейского образования.

В «Бейс-мидраше» («Еврейском теологическом колледже») Ваксман преподавал Тору, еврейскую историю и философию.

Двадцать пять лет он работал над пятым томом «A History of Jewish Literature».

Среди других сочинений М. Ваксмана — перевод трактата Моше Гесса «Рим и Иерусалим», трехтомник «Ктавим нивхарим»⁶⁷², а также недавно вышедшая книга «Би-швилей-ѓа-сифрут ве-ѓа-махшава ѓа-иврит»⁶⁷³, изданная в Тель-Авиве.

М. Ваксман много писал на идише, опубликовал серию статей в идишских периодических изданиях.

Ваксман печатался в газетах и журналах «Ѓа-Олам»⁶⁷⁴, «Ѓа-Ткуфа»⁶⁷⁵, «Ѓа-Доар»⁶⁷⁶, а также в ряде англоязычных изданий и сотрудничал с авторитетными энциклопедиями. Скончался в 1969 году.

М. Ваксман был профессором-эмеритом в «Бейс-мидраш ле-Тора» в Чикаго. С 1925 года играл видную роль в системе еврейского образования.

РОЗА СИМХОВИЧ

Родилась в Слуцке в богатой аристократической семье в 1887 году. Ее отец Шмуэл был одним из крупнейших знатоков Торы на литовско-белорусских землях, к тому же видным просветителем, знатоком всемирной литературы. Оставил после себя несколько рукописей о Ѓалахе, написал немало статей в «Petersburger Herald». В 1894 году вошел в Раввинскую комиссию в Петербурге, его приглашали на должность раввина в Вене, Варшаве. Но он не хотел извлекать из своей учености материальную выгоду.

Брат Розы Яков-Нафтоли Симхони (1884–1926) был известным гебраистом и историком. Он получил хорошее еврейское и общее образование в родительском доме, изучал иврит и другие языки.

После смерти отца в 1896 году Роза вместе с семьей переехала в Минск, где в юном возрасте примкнула к социалистам. В возрасте шестнадцати лет она была арестована, но благодаря большим связям родственников освобождена с условием, что уедет за границу. Она училась в Женевском

⁶⁷⁰ Уже после выхода мемориального сборника вышли в свет еще два тома. — *Прим. пер.*

⁶⁷¹ «A History of Jewish Literature» (англ.) — «История еврейской литературы».

⁶⁷² «Ктавим нивхарим» (иврит) — «Избранное».

⁶⁷³ «Би-швилей-ѓа-сифрут ве-ѓа-махшава ѓа-иврит» — «По тропам еврейской литературы и мысли».

⁶⁷⁴ «Ѓа-Олам» (иврит) — «Мир» — журнал Всемирной сионистской организации, выходивший в Берлине в 1921–1924 гг.

⁶⁷⁵ «Ѓа-Ткуфа» (иврит) — «Эпоха» — литературный, научный и общественно-политический альманах на иврите, выходивший ежеквартально, затем ежегодно (с некоторыми перерывами) в 1918–1950 гг. в Москве, затем — в Берлине и Нью-Йорке.

⁶⁷⁶ «Ѓа-Доар» (иврит) — нью-йоркский еженедельник.

педагогическом институте им. Ж.-Ж. Руссо, а также посещала философский факультет университета.

В 1919 году она стала заведующей Фрёбелевских курсов⁶⁷⁷ в Вильно (при Центральном еврейском комитете просвещения, ОЗЕ⁶⁷⁸ и ЕКОПО). В 1921 году возглавила только что созданный Еврейский учительский институт. Играла видную роль в современном еврейском школьном движении, выступала с докладами на педагогические и гуманистические темы. Ее литературная деятельность связана с участием в редактировании педагогического ежемесячного журнала «Ди найе шул»⁶⁷⁹ (с 1921 г.), где она опубликовала несколько работ, например, «Ян Амос Коменский». Вела отдел, занимавшийся обзором немецких изданий по вопросам педагогики. Была также соредактором виленского журнала для родителей «Шул ун ґейм»⁶⁸⁰. Некоторое время жила в Вене, Берлине. Умерла в Варшавском гетто в 1941 году.

РАВВИН НИСН ВАКСМАН

Родился в 1905 году в Старобине. Учился в слуцкой, минской, слободкинской йешивах, а также в йешиве раби Иццока Эльхонона. В течение 12 лет был раввином в Лейквуде близ Нью-Йорка.

Сотрудничал с изданиями «Тальпиот»⁶⁸¹, «Дос идише лихт»⁶⁸² (Нью-Йорк), «Дос Ворт» (Вильно).

Выпустил целый ряд книг, самые известные из которых — «Маалот ґа-Тора»⁶⁸³, «Томер Двора»⁶⁸⁴ с комментариями и историческими исследованиями.

ИСРОЭЛ ЛЕВИН

Родился в 1876 году в деревне близ Романова. Был преподавателем иврита в Бостоне. Сотрудничал с нью-йоркским изданием «Тогблат». Переводил стихи Шауля Черниховского на идиш, также перевел «Теґилим»⁶⁸⁵ и «Шир ґа-ширим».

⁶⁷⁷ Фрёбелевские курсы — специальные курсы со сроком обучения до трех лет для подготовки воспитательниц по системе Ф. Фрёбеля (1782–1852; широко известный в Европе немецкий педагог, создатель понятия «детский сад», системы, теории и практики дошкольного воспитания), существовавшие в Российской империи в 1872–1917 гг. на платной основе.

⁶⁷⁸ ОЗЕ — Общество здравоохранения евреев, основанное в августе 1912 г. в Петербурге как Общество охранения здоровья еврейского населения. — *Прим. пер.*

⁶⁷⁹ «Ди найе шул» (идиш) — «Новая школа» — журнал, выходивший в Вильно в 1920–1930 гг.

⁶⁸⁰ «Шул ун ґейм» (идиш) — «Школа и дом».

⁶⁸¹ «Тальпиот» (иврит) — «Курганы» — ежеквартальный журнал, выходивший в Нью-Йорке в 40-х гг. XX в.

⁶⁸² «Дос идише лихт» (идиш) — «Еврейский свет».

⁶⁸³ «Маалот ґа-Тора» (иврит) — «Добродетели Торы».

⁶⁸⁴ «Томер Двора» (иврит) — «Пальма Дворы».

⁶⁸⁵ «Теґилим» — «Псалмы».

ШИМЕН МАЃАРШАК

Родился в 1904 году в Слуцке. Окончил Еврейский университет в Иерусалиме. Преподавал в тель-авивском коммерческом училище «Геула»⁶⁸⁶. Выпустил учебник «Алгебра» на иврите в трех частях.

---

⁶⁸⁶ «Геула» (иврит) — «Избавление».

ПИСАТЕЛИ, УРОЖЕНЦЫ СЛУЦКА И ОКРЕСТНОСТЕЙ⁶⁸⁷

ШОЛОМ-ЯКОВ АБРАМОВИЧ (МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМ)

Родился около 1836 года⁶⁸⁸ в Копыле. Дата рождения указана приблизительно, поскольку и сам Менделе этого не знал достоверно. Его отец Хаим-Мойше, прямодушный и богобоязненный еврей, знаток Торы и достойный человек, был любим и уважаем жителями города. Он зарабатывал на жизнь, став городским сборщиком «коробочного сбора». В свободное время отец занимался общественными делами, выступал с речами на этические темы и давал городской молодежи уроки Танаха и Талмуда.

Реб Хаим-Мойше был знатоком религиозной литературы и хорошо знал жизнь. Горожане приходили к нему со своими проблемами. Мать будущего писателя Сора-Ниса, скромная женщина, тоже была по-своему образованной: хорошо знала женские молитвы, читала сборник «Цеэна у-реэна»⁶⁸⁹, «Менорат-ѓа-маор» и «Кав ѓа-яшар»⁶⁹⁰, нередко устраивала чтения для других, менее грамотных женщин.

Шолом-Яков был необычным ребенком — умным и сообразительным. Всего за один год он научился читать и приступил к изучению Пятикнижия, мгновенно запоминая все пройденное. Кроме того, он был очень впечатлительным и умел мастерски копировать все, что видел и слышал: характерные движения и жесты, любую манеру речи и т. д. Все, кто бывал в доме его отца, хвалили развитого не по годам мальчика. Отец также считал, что его сыну уготовано большое будущее, и серьезно занимался его образованием и воспитанием. Не жалея денег, он находил для мальчика

⁶⁸⁷ Все биографические и библиографические материалы в этом разделе взяты составителями из различных источников.

⁶⁸⁸ По новому стилю. Поэтому в российских изданиях нередко указывают другую дату: 21 декабря 1835 г. — *Прим. пер.*

⁶⁸⁹ «Цеэна у-реэна» (иврит) — «Пойдите и посмотрите» — книга р. Якова Ашкенази из Янова, переложение историй Пятикнижия и пяти библейских книг («Рут», «Эстер», «Коѓелет», «Эйха» и «Шир ѓа-ширим»), а также отрывков из книг пророков, читаемых в синагоге по субботам, праздникам и в дни поста. Книга пользовалась огромной популярностью и считалась преимущественно женским чтением. — *Прим. пер.*

⁶⁹⁰ «Кав ѓа-яшар» (иврит) — «Прямая линия» — популярный этический трактат р. Цви-ѓирша Кайдановера. — *Прим. пер.*

Шолом-Яков
Абрамович
(Менделе Мойхер-
Сфорим)

лучших преподавателей, которые обучали его не только Талмуду и сводам законов, но и Танаху с комментариями раби Довида Альтшуллера⁶⁹¹, и даже, в меру своих знаний, еврейской грамматике, что в те времена было еще не распространено.

Мальчику повезло, что он попал к меламеду Йосе Га-Реувени (в автобиографической книге «Ба-йомим го-гем»⁶⁹² — Липа Га-Реувени), у которого была душа творческого человека. Он был поэтом и художником, обладателем каллиграфического почерка, мастером на все руки, пользовавшимся безграничной любовью учеников. Нет никаких сомнений, что именно он первым пробудил в мальчике и развил в нем стремление достигать совершенства в любом деле. Возможно, именно у него Шолом-Яков научился «шлифовать и шлифовать» текст до достижения идеального результата.

Учеба у Йоси Га-Реувени позволила мальчику увидеть в еврейской религиозной литературе присущую ей поэзию. Мальчик так пламенно любил Тору и так страстно желал учить ее ради нее самой, что в возрасте одиннадцати лет начал заниматься с отцом, который предпочитал лично учить своих подросших детей. В это время изучение Торы больше не было для него обязанностью, но стало служением из чистой любви. Встав еще до рассвета, идя вместе с отцом учить Тору, он чувствовал тайну ночи, поэзию ночи, и ему казалось, что он чувствует поэзию Торы. «Душа его воспаряла, сердце преисполнялось поэзией и священной тоской, и он с радостью и удовольствием предавался изучению Торы ради нее самой» («Ба-йомим го-гем»).

Наделенный поэтическим воображением, в двенадцать лет юный Шолом начал размышлять о совсем не детских вещах, упоминаемых в Мишне и обсуждаемых в Талмуде. В результате он стал меньше учиться и полюбил «бездельничать»: гулять по улицам Копыля и за городом, бывать в кузнице

⁶⁹¹ Популярный комментарий ко всем книгам пророков и к большей части Писаний. — *Прим. пер.*

⁶⁹² «Ба-йомим го-гем» (иврит в ашкеназском произношении) — «В те дни».

и столярной мастерской двух соседей, наблюдать за их работой, слушать их разговоры и выпытывать их профессиональные секреты. Простые люди нравились ему с детства.

Тем временем финансовое положение отца ухудшилось. р. Хаим-Мойше заболел и скончался в возрасте 42 или 43 лет (примерно в 1849 г.), оставив вдову с маленькими детьми без всяких средств к существованию.

Шолому-Якову в это время было тринадцать лет — возраст религиозного совершеннолетия. Родственники решили послать его учиться в йешиву в соседний город, чтобы мальчик не болтался без дела, а главное — чтобы не сидел на шее у матери. Позже в автобиографическом письме Менделе напишет: «В те беспокойные дни я остался без наставника и руководителя». Об этом периоде своей жизни он писал: «Я шел стезей Торы и влачил скудное существование изучающих Тору: “ел дни” со всеми вытекающими».

Сначала Шолом отправился в Тимковичи, маленькое местечко недалеко от Копыля, где сидел в синагоге, учил Тору и «ел дни». В Тимковичах он впервые в жизни увидел хасидов (Копыль был оплотом миснагедов), и их восторженные пламенные молитвы заворожили юношу. Однако вскоре его замучила тоска по дому, и он вернулся в Копыль.

Страшная бедность, которую юноша обнаружил дома, заставила Шолома снова уехать из Копыля. На сей раз он подался в Слуцк, где была знаменитая йешива, и начал учиться в младшем классе, предназначенном для подростков. Его наставником стал известный раввин раби Авром-Борух. Благодаря успехам в учебе Шолом быстро перешел в старший класс, где преподавал сам глава йешивы раби Михл. Из йешивы Шолом перешел в дом учения местного богача Йоны, где посещал уроки, которые давал лучшим ученикам известный знаток Торы раби Авремеле.

Как рассказывали дочери Менделе, они слышали от отца, что в Слуцке он сопровождал с фонарем повитуху Сору, когда та по ночам посещала рожениц. В качестве платы за эту помощь она предоставляла ему ночлег в своем доме.

По обычаю тогдашних йешиботников, не остававшихся подолгу в одной йешиве, Шолом уехал из Слуцка. Он скитался по разным местечкам и в каждом из них учил Тору в местной синагоге или доме учения, пока наконец богатый родственник р. Хаим-Нохем Бройда не пригласил его к себе в Вильну. В этом городе Шолом учился у реб Майлы, пользовавшегося в те годы большой популярностью, затем поселился в Житомире, работал учителем в Каменец-Подольском, жил в Бердичеве, переехал в Одессу.

Свой первый рассказ на идише Абрамович подписал «Менделе Мойхер-Сфорим» — «Менделе-книгоноша» на идише. Это имя стало его литературным псевдонимом.

Некоторые свои произведения, написанные на идише, писатель перевел на иврит. Так, например, «Дос Винчфингерл»⁶⁹³ в переводе на иврит вышло под названием «Эмек га-бохо»⁶⁹⁴ — именно там впервые появляется ставшее нарицательным местечко Кабцанск (ивритское Кабциэль), автобиографическая повесть «Ин йенэ тэг» — в ивритской версии «Ба-йомим

Страшная бедность, которую юноша обнаружил дома, заставила Шолома снова уехать из Копыля. На сей раз он подался в Слуцк.

---

⁶⁹³ «Дос Винчфингерл» (идиш) — «Заветное колечко».

⁶⁹⁴ «Эмек га-бохо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Долина плача».

ѓо-ѓэм»⁶⁹⁵; «Фишке дер Крумер»⁶⁹⁶ — «Сейфер ѓа-кабцоним»⁶⁹⁷; «Ди Кляче»⁶⁹⁸ — «Сусоси»⁶⁹⁹; «Масоэс Биньомин ѓа-шлиши» — «Масоойс Биньомин ѓа-шлиши»⁷⁰⁰.

ЙЕЃУДА ГРОЗОВСКИЙ

Филолог и писатель. Родился 18 февраля 1862 года в Погосте Слуцкого уезда. Сын торговца Йешайоѓу-Рувена. Образование: хедер, Воложинская йешива. Один из первых членов «Ховевей-Цион». С 1887 года жил в Стране Израиля. Работал в Ришон-ле-Ционе, был приказчиком в лавке. С 1889 года учительствовал в Экроне, с 1891 года — в Зихрон-Якове. Один из первых, кто начал преподавать методом «иврит на иврите», пламенный поборник школы с преподаванием всех предметов на иврите. В 1891 году организовал вместе с Д. Юделевичем первый профсоюз учителей; был одним из разработчиков учебной программы для подобных школ. В 1873 году стал секретарем учительской семинарии, переехавшей в Яффо. Один из редакторов «Михтавим ми-Эрец-Исраэль»⁷⁰¹; один из создателей первой школы с обучением на иврите для мальчиков, где был одним из основных учителей. С 1899 года работал в школе «Миквэ Исраэль», с 1905 года — член Педагогического центра.

В 1906–1911 годах он — заместитель главы отделения Англо-Палестинского банка⁷⁰² в Бейруте. С 1911 по 1929 год — член директората Англо-Палестинского банка в Яффо. В 1918 году приобрел первый участок земли на горе

Йеѓуда Грозовский

⁶⁹⁵ «Ин йенэ тэг» (идиш), «Ба-йомим ѓо-ѓэм» (иврит в ашкеназском произношении) — «В те дни».

⁶⁹⁶ «Фишке дер Крумер» (идиш) — «Фишка-хромой».

⁶⁹⁷ «Сейфер ѓа-кабцоним» (иврит в ашкеназском произношении) — «Книга нищих».

⁶⁹⁸ «Ди Кляче» (идиш) — «Кляча».

⁶⁹⁹ «Сусоси» (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «Моя лошадь».

⁷⁰⁰ «Масоэс Биньомин ѓа-шлиши» (идиш), «Масоойс Биньомин ѓа-шлиши» (иврит в ашкеназском произношении) — «Путешествия Биньямина Третьего».

⁷⁰¹ «Михтавим ми-Эрец-Исраэль» (иврит) — «Письма из Страны Израиля» — ежемесячник общества «Бней-Моше» (см. ниже), издававшийся в 1893–1895 гг.

⁷⁰² Банк, созданный в 1902 г. по инициативе Теодора Ѓерцля для работы в Стране Израиля. — *Прим. пер.*

Кармель для Англо-Палестинского банка и для подготовки молодежи к сельскохозяйственной работе.

Активно участвовал в создании учебной и агрономической литературы на иврите. Опубликовал много статей, регулярно посылал для газет и журналов диаспоры, выходявших на иврите (прежде всего для «Га-Шилоах»), корреспонденции о жизни в Стране Израиля, которые подписывал псевдонимами Мадад, Гур и др. Написал трехтомный учебник «Бейт-сефер иври»⁷⁰³ (1896), перевел на иврит многочисленные произведения мировой литературы, прежде всего предназначенной для юных читателей: Диккенса, Жюль Верна, Марка Твена, Андерсена и других. Составил несколько словарей: Карманный словарь (вместе с Й.-Г. Клаузнером, 1903), Словарь иврита (при участии д-ра Елина, 1920), Словарь языка иврит (1934–1935).

Умер в Тель-Авиве в 1937 году.

АВРОМ ЭПШТЕЙН (АБА АРИХА)

Уроженец Слуцка, родился в 1877 году⁷⁰⁴. Литературную деятельность начал с интересных по содержанию писем в варшавскую газету «Га-Цофе», написанных с большим вкусом, сочным живым языком и с отчетливыми лирическими интонациями. Писал стихи и прозу, его повесть была опубликована в нескольких номерах возобновленного «Га-Цофе»⁷⁰⁵. В других еврейских газетах, «Га-Мелиц» и «Га-Зман», оценили таланты Эпштейна как фельетониста и критика.

Литературная деятельность Эпштейна достигла пика после Первой мировой войны. В антологии «Эрец»⁷⁰⁶ (Одесса, 1917) и еженедельнике «Баркай», выходявшем в Одессе во время русской революции⁷⁰⁷, Эпштейн публиковал фельетоны и критические статьи, в которых в полной мере проявил свой талант критика. Однако свое законное место в литературе он занял после переезда в Америку. В Соединенных Штатах он прожил тридцать лет и все это время преподавал Тору в одном из учебных заведений Нью-Йорка⁷⁰⁸, воспитав сотни учеников. Укоренившись в Америке, Эпштейн стал одним из тех, кто формировал облик современной еврейской литературы, а также одним из «садовников» ивритоязычной Америки, поскольку писал критические отзывы на произведения прозаиков и поэтов, поселившихся в Новом Свете и писавших на святом языке. Впоследствии эти критические статьи и заметки были изданы отдельной книгой «Софрим иврим бе-Америка»⁷⁰⁹, вышедшей в Тель-Авиве в издательстве «Двир» в двух томах.

Авром Эпштейн скончался в Нью-Йорке в 1952 году.

⁷⁰³ «Бейт-сефер иври» (иврит) — «Еврейская школа».

⁷⁰⁴ Согласно другим источникам, 15 августа 1880 г. Сам Эпштейн называл разные даты своего появления на свет: 1879, 1880 или 1881. — *Прим. пер.*

⁷⁰⁵ Издание газеты прекратилось в ходе революции 1905 г., после того как члены Бунда взорвали здание, в котором размещалась типография газеты. — *Прим. пер.*

⁷⁰⁶ «Эрец» (иврит) — «Страна».

⁷⁰⁷ До 1920 г. — *Прим. пер.*

⁷⁰⁸ В Йешиве во Флэтбуше. Кроме того, Эпштейн преподавал литературу в семинарии «Герцлия». — *Прим. пер.*

⁷⁰⁹ «Софрим иврим бе-Америка» (иврит) — «Ивритоязычные писатели Америки».

В Соединенных Штатах он прожил тридцать лет и все это время преподавал Тору в одном из учебных заведений Нью-Йорка, воспитав сотни учеников.

р. Йосеф (Йоселе)
Пеймер-второй,
сын р. Меера Пеймера

И.-Н. Адлер

Авром Эпштейн был личностью, наделенной множеством достоинств, часть из которых были явными, а часть оставалась скрытой от посторонних глаз. Это был великий человек, который тем не менее отличался смирением перед Богом и людьми. Он был истинным аристократом, словно бы отделенным от всех остальных тончайшей переборкой. Однако в то же время его сердце прислушивалось к каждому сердцебиению ближнего. Множество страданий выпало на его долю, он скитался из города в город, однако дух его оставался несломленным, и никакие трудности не могли стереть его аристократизм.

Помню, как-то раз Эпштейн вернулся в родной город из долгих странствий (за время которых он исходил вдоль и поперек всю черту оседлости), снедаемый черной тоской и охваченный множеством разных сомнений. Это было немудрено, ему достаточно было взглянуть на себя в зеркало: не то учитель иврита, не то экстерн, влекомый бурными волнами по штормовому морю, не видя на горизонте твердого берега и надежной гавани... Переживавший тяжелый духовный кризис, Эпштейн обнаружил себя окруженным восторженными почитателями и почитательницами, неотвязно следовавшими за ним по вечерам во время коллективных прогулок вдоль шоссе и жадно впитывавшими его речи, густо приправленные оригинальным остроумием и сдобренными налетом всепрощающей мудрости. Малышня, ученики «прогрессивного хедера», после уроков тоже ходили хвостом за любимым учителем. Впрочем, что же здесь удивительного? Ведь их преподаватель был детским поэтом! Поэтом скромным и никому не известным, однако эти дети, благодаря присущей им (и поэтам!) способности к интуитивному восприятию, чувствовали песню, звучащую в душе их учителя. Услышав эту песню, они жадно внимали ей к вящему своему удовольствию — и удовольствию их наставника.

Малышня, ученики «прогрессивного хедера», после уроков тоже ходили хвостом за любимым учителем. Впрочем, что же здесь удивительного?

На первый взгляд могло показаться, что юные поклонники в конце концов исцелят измученную душу своего учителя и его душевный кризис наконец-то закончится. И действительно, лицо его просветлело. Однако кто сможет понять душу поэта, да еще детского? В один прекрасный день Эпштейн проснулся, взял свой страннический посох и ушел куда глаза глядят, чтобы никогда больше не возвращаться в свой город.

Последней станцией на жизненном пути Аврома Эпштейна стала Америка. Именно там он раскрылся и проявил себя в полной мере. Здесь же произошло еще одно чудо: именно в крикливой Америке тихий и скромный Эпштейн нашел себя в качестве писателя и критика и приобрел все права гражданства в литературе на иврите. Именно здесь, в материалистической, вечно спешащей Америке Эпштейн сплел свои лучшие венки из тончайших, нежнейших логических нитей и мудрых слов, идущих из глубины сердца, которыми он увенчал писателей и поэтов, сумевших найти путь к его душе.

Остается лишь сожалеть, что Эпштейн по неизвестной причине не считал нужным писать о проблемах американского образования на языке иврит, над которыми он немало размышлял в нелегкие времена в Нью-Йорке: сначала в йешиве в Боро-Парке, а затем в йешиве во Флэтбуше и ее филиале «Герцлия». Возможно, это еще одно чудо. Все необходимые качества были налицо: критический взгляд, чуткое сердце, трудный жизненный опыт, профессиональное перо... Так почему же его педагогическое полотно осталось практически совершенно чистым?

Впрочем, все это неважно. Ибо кто уразумел дух человека, и был советником у него, и учил его?⁷¹⁰ Как бы то ни было, глава «Авром Эпштейн» — несомненно, одна из самых интересных, хотя и не слишком многочисленных глав книги «Ивритоязычная Америка».

ЗАЛМЕН ВЕНДРОВ

Псевдоним Залмена Вендровского. Родился 17 января 1877 года в Слуцке. До тринадцати лет учился в йешиве и занимался с частными учителями русским языком и ивритом. В восемнадцать лет переехал в Лодзь, работал в школе, начал писать стихи и рассказы. Затем уехал в Глазго, работал на заводе⁷¹¹. Опубликовал в газете «Ди идише цайтунг»⁷¹² большую повесть о скитаниях еврейского юноши и его тоске по еврейской среде. Затем поселился в Лондоне, публиковал рассказы в «Арбайтер фрайнд»⁷¹³ и «Жерминале» Рудольфа Рокера⁷¹⁴. Зарабатывал на жизнь тем, что преподавал в талмуд-торе, торговал взносом в деревнях, работал наборщиком в типографии.

⁷¹⁰ См. «Йешаягу», 40:13: «Кто уразумел дух Господа, и был советником у Него, и учил Его?» — *Прим. пер.*

⁷¹¹ По другим источникам, грузчиком на овощном рынке. — *Прим. пер.*

⁷¹² «Ди идише цайтунг» (идиш) — «Еврейская газета».

⁷¹³ «Арбайтер фрайнд» (идиш) — «Друг рабочего» — анархистская газета, издававшаяся в Лондоне с 1885 года до начала 1930-х гг.

⁷¹⁴ Рудольф Рокер (1873–1958) — активный участник анархо-синдикалистского движения, публицист. Несмотря на то что родился в немецкой католической семье, был деятельным участником еврейского анархистского движения, выучил идиш и издавал газеты и журналы на этом языке. — *Прим. пер.*

Залмен Вендров

В 1905 году вернулся в Россию, поселился в Москве, зарабатывал частными уроками английского. Затем уехал в Америку, которую объездил вдоль и поперек. Печатался в идишских периодических изданиях «Морген-журнал»⁷¹⁵ и «Американер». В 1908 году был послан в Россию в качестве корреспондента «Гайнта»⁷¹⁶ и «Идишес тагеблат»⁷¹⁷. До июня 1915 года жил в Варшаве, где вел в газете «Гайнт» раздел «Еврейские города и местечки». Параллельно писал фельетоны, которые публиковал в «Морген-журнал», «Американере», «Фраие арбейтер штимме»⁷¹⁸ и выходившем в Париже еврейском еженедельнике «Идише вохеншриффт»⁷¹⁹.

В 1915 году Вендров переехал в Москву, стал уполномоченным ЕКОПО на западном и северо-западном фронтах. Участвовал в работе «Общества для распространения просвещения между евреями» (ОПЕ) и Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО). После Февральской революции стал представителем ЕКОПО в Орле и Сибири.

После Октябрьской революции служил в Еврейском комиссариате при Наркомате по делам национальностей, заведовал отделом печати в Наркомате путей сообщения, печатался в русских газетах, прежде всего в «Экономической жизни». Посылал заметки в «Тог», «Форвертс» и лондонский «Цайт».

Сборник Вендрова «Гуморескен ун дэрцейлунген»⁷²⁰ вышел в Варшаве в издательстве Шимины. Он опубликовал также сборники рассказов «Он а-гейм»⁷²¹, «Баканте паршойнен»⁷²² (1912) и другие. В 1912 году в Варшаве

⁷¹⁵ «Морген-журнал» (идиш) — «Утренний журнал».

⁷¹⁶ «Гайнт» (идиш) — «Сегодня».

⁷¹⁷ «Идишес тагеблат» (идиш) — «Еврейский ежедневник».

⁷¹⁸ «Фраие арбейтер штимме» (идиш) — «Свободный рабочий голос» — газета американских евреев-анархистов.

⁷¹⁹ «Идише вохеншриффт» (идиш) — «Еврейский еженедельник».

⁷²⁰ «Гуморескен ун дэрцейлунген» (идиш) — «Юморески и рассказы».

⁷²¹ «Он а-гейм» (идиш) — «Без дома».

⁷²² «Баканте паршойнен» (идиш) — «Знакомые лица».

Вендров издал двухтомник рассказов «Правожителство», целиком посвященный положению евреев в России. Сборник был замечен прессой и переведен на русский язык. Автор до конца дней гордился тем, что выдержки из его книги зачитывались в Государственной думе, когда там обсуждался еврейский вопрос»⁷²³.

ЯКОВ КАЃАН

Родился в 1881 году в Слуцке. В разные годы жил в Лодзи, Москве, Варшаве. Окончил Бернский университет. Доктор философии. Уехал в Страну Израила в 1934 году. Редактор периодических изданий «Ѓа-Иври ге-хадаш», «Ѓа-Оген»⁷²⁴, «Снэ»⁷²⁵ и «Ѓа-Ткуфа»⁷²⁶. Один из редакторов «Ѓа-Кнесет». Перевел на иврит несколько произведений Гете: «Ифигения в Тавриде», «Торквато Тассо» и «Фауст». Выпустил свое юбилейное двенадцатитомное собрание сочинений (изд-во «Масада»). В 1938 году удостоился премии Бялика. Дважды, в 1946 и 1957 годах, удостоивался премии Черниковского; дважды, в 1953 и 1958 годах, — Государственной премии Израила. Умер в Тель-Авиве в 1960 году в возрасте восьмидесяти лет.

Яков Каган

⁷²³ В СССР Вендров печатался в таких изданиях, как «Советише литератур» (Киев), «Форпост» (Биробиджан), в московской газете «Дер Эмес» («Правда»). В 1941 г. в изд-ве «Дер Эмес» вышла книга его рассказов. В том же году начал работать в качестве редактора, журналиста и переводчика в Еврейской редакции Московского радио. Кроме того, он продолжал писать статьи для Совинформбюро и Еврейского антифашистского комитета. Залмен Вендров был арестован в 1950 г. в возрасте 74 лет и осужден на 10 лет лагерей. В 1954 г. был освобожден. В 1967 г. издал сборник рассказов «Ундзэр гас» («Наша улица»). Скончался 1 октября 1971 г. — *Прим. пер.*

⁷²⁴ «Ѓа-Оген» (иврит) — «Якорь».

⁷²⁵ Снэ (иврит) — ежевика; из горевшего и не сгоравшего куста ежевики Всевышний говорил с Моше.

⁷²⁶ «Ѓа-Ткуфа» (иврит) — «Эпоха».

ИЦХОК-ДОВ БЕРКОВИЧ

Родился в Слуцке 15 октября 1885 года в семье Азриэла-Зелика, сына Дова, и Двosi, дочери Рувена Ривина. Отец происходил из семейства Хиничей из Старобина; в этой семье было несколько знатоков Торы. Несмотря на то что отец был человеком книги и с юности до глубокой старости занимался преподаванием, на хлеб он зарабатывал своими руками, сначала в Слуцке, а затем в Бруклине, где прожил вместе с дочерью вторую половину своей жизни. (В Нью-Йорке Беркович-старший открыл маленькую мастерскую по чистке и покраске одежды.) Мать будущего писателя родилась в деревне под Слуцком, в семье торговцев скотом и земледельцев.

Беркович в возрасте семи лет приступил к изучению Талмуда, сначала в хедерах с меламедами, а позже в Синагоге домохозяев, у известного преподавателя р. Йосла, прозванного Порушем. Там он познакомился с будущим поэтом Эфроимом-Элийоу Лисицким, и они стали друзьями. Позже оба перешли в йешиву р. Нехемьи Имермана.

Согласно желанию отца, мечтавшего сделать сына «совершенным сосудом», один из учителей занимался с маленьким Ицхоком грамматикой иврита по учебнику «Маслуль». Под влиянием дяди, просвещенца Липы Берковича, Ицхок, будучи еще студентом йешивы, заинтересовался еврейской просветительской литературой.

В пятнадцать лет Беркович начал преподавать. Это было время первых сионистских конгрессов. Беркович, мечтавший о национальном избавлении и возрождении иврита, вместе с несколькими молодыми людьми, в числе которых были Авром Эпштейн и Гилел Дубров, создали сионистскую организацию «Доврей-иврит». Став секретарем организации, Беркович зачитывал на собраниях свои первые литературные опыты. Дело кончилось тем, что вместе с Эпштейном и Меером Ваксманом, тоже будущим литератором, они начали издавать на гектографе газету «Га-Цаир». Три товарища приняли также деятельное участие в создании школ с преподаванием на иврите и в организации вечерних курсов изучения иврита и еврейской истории для учащихся городских йешив.

В семнадцать лет Берковича пригласили в Лодзь стать домашним учителем в одной семье, владевшей поместьем недалеко от города. Там он познакомился и подружился с Ицхоком Каценельсоном⁷²⁷, чьи первые стихи были замечены читателями, и поселился в доме его родителей. По совету Каценельсона осенью 1903 года Беркович напечатал в варшавской газете «Га-Цофе» свои первые рассказы. Той же осенью его небольшой рассказ «Мошкеле-хазир» победил в литературном конкурсе, устроенном газетой. Это был первый конкурс в истории литературы на иврите. В нем приняли участие Ицхок-Лейбуш Перец, Эльхонон-Лейб Левинский⁷²⁸ и Йосеф Клаузнер. Через двадцать пять лет рассказ «Мошкеле-хазир» стал сюжетом пьесы, поставленной Морицем Шварцем⁷²⁹ в Нью-Йорке и театром «Габима» в Тель-Авиве.

Дело кончилось тем, что вместе с Эпштейном и Меером Ваксманом, тоже будущим литератором, они начали издавать на гектографе газету «Га-Цаир».

---

⁷²⁷ И. Каценельсон — переводчик, поэт и драматург (1886–1944). Писал на идише. Участвовал в восстании в Варшавском гетто. Погиб в Освенциме. — *Прим. пер.*

⁷²⁸ Э.-Л. Левинский — писатель и издатель, один из основателей движения «Ховевей-Цион» (1858–1910).

⁷²⁹ М. Шварц — американский актер, режиссер, сценарист и продюсер еврейского происхождения (1880–1960). Снял несколько фильмов на еврейские темы, в том числе «Тевье» — экранизацию романа Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». — *Прим. пер.*

Ицхок-Дов Беркович

В ходе первой поездки в Варшаву Беркович познакомился с Залменом Шнеуром, опубликовавшим тогда свои первые стихотворения. Молодые литераторы стали друзьями и оставались ими до конца своих дней.

Из Лодзи Беркович по приглашению своего друга Аврома Эпштейна уехал в Екатеринослав, где занимался преподаванием. Вернувшись в Слуцк, он пригласил Ицхока Каценельсона пожить у своих родителей. Затем оба отправились в Варшаву, по дороге остановились на даче Йосефа Клаузнера, и там Беркович первый раз увидел Бялика, что стало для него одним из самых ярких юношеских впечатлений.

Зимой 1905 года Берковича пригласили в Вильну стать редактором беллетристического журнала «Га-Зман». Около полугода Беркович редактировал его, а также публиковал в одноименной ежедневной газете свои рассказы и еженедельный фельетон «Бе-арим у-ве-айарот»⁷³⁰, который подписывал псевдонимом «Барак»⁷³¹. В Вильне он познакомился с Шолом-Алейхемом, и в Хануку 1905 года, после страшных октябрьских погромов, женился в Киеве на Эстер, старшей дочери классика еврейской литературы. Вместе с семьей своего тестя Беркович поселился в Галиции, а через полгода переехал в Швейцарию и полтора года прожил в Женеве, где познакомился с Менделе Мойхер-Сфоримом и Мордехаем Бен-Ами⁷³². После того как Шолом-Алейхем вернулся из своей первой поездки в Америку, Беркович также отправился в США навестить родителей, живших там уже около года. В Америке он прожил недолго, публикуя рассказы и фельетоны в идишской прессе, а затем вернулся к семье в Женеву. Оттуда Беркович переехал в Италию, где поселился с семьей Шолом-Алейхема в Нерви, недалеко от Генуи. Позже семья переехала в Шварцвальд.

⁷³⁰ «Б-арим у-ве-айарот» (иврит) — «В городах и местечках».

⁷³¹ Барак (иврит) — молния.

⁷³² М. Бен-Ами — писатель (1854–1932; настоящее имя Марк Яковлевич Рабинович). Писал по-русски и на идише, умер в Тель-Авиве. — *Прим. пер.*

Пока Беркович жил в России, в Одессе вышел его первый сборник рассказов на иврите, а в Варшаве — сборник рассказов на идише. В 1910 году он начал переводить на иврит произведения Шолом-Алейхема и стал литературным редактором журнала «Га-Оман»⁷³³ (Вильна–Одесса). В 1913–1914 годах писатель жил в Берлине, а с началом Первой мировой войны вместе с семьей Шолом-Алейхема уехал в Америку. В 1916 году вместе со Шмарьягу Левиным⁷³⁴ он начал издавать в Нью-Йорке газету «Га-Торен»⁷³⁵, став ее редактором. В 1920–1921 годах редактировал журнал «Миклат»⁷³⁶, издававшийся издательством Штыбеля⁷³⁷. Переводил произведения Шолом-Алейхема, ставил его пьесы на иврите и идише. В 1926 году в Нью-Йорке вышла составленная им книга «Дос Шолом-Алейхем бух»⁷³⁸.

В 1928 году Беркович уехал в Эрец-Исраэль, где стал одним из редакторов еженедельника Союза еврейских писателей «Мознаим»⁷³⁹. В том же году был избран в Комиссию языка иврит, а после создания Израиля — в Академию языка иврит. Удостоился премий Бялика и Черниховского за перевод произведений Шолом-Алейхема. В 1958 году был награжден Государственной премией Израиля.

После переезда в Страну Израиля Беркович поменял тематику своего творчества, переключившись с описаний еврейского местечка и жизни еврейских эмигрантов в Америке на израильские сюжеты. Помимо небольших рассказов о жизни в Израиле написал две большие повести: «Дни Машиаха» и «Менахем-Мендл в Палестине».

В 1966 году опубликовал книгу «День вчерашний» о своей жизни в Стране Израиля в 1930-х годах. Тогда же вышли «Главы из детства» — воспоминания о детских годах в России. И.-Д. Беркович скончался в 1967 году.

После переезда в Страну Израиля Беркович поменял тематику своего творчества, переключившись с описаний еврейского местечка и жизни еврейских эмигрантов в Америке на израильские сюжеты.

ЭФРОИМ ЛИСИЦКИЙ

Родился в Минске 15 швата 1885 года. Мать мальчика умерла, когда ему исполнилось семь лет. После того как отец снова женился, семья переехала в Слуцк. Оттуда отец эмигрировал в Америку, а Эфроим с мачехой жили в Слуцке еще восемь с половиной лет.

В Слуцке мальчик учился в хедере и йешиве. Приехав в Америку в пятнадцать лет, некоторое время занимался в йешиве им. Эльхонона Спектора, а затем стал преподавать иврит. Три года прожил в Канаде, где был сельским учителем. Затем перебрался в Милуоки и записался в тамошний университет, где изучал химию и аптечное дело, однако не переставал мечтать

⁷³³ «Га-Оман» (иврит) — здесь: «Человек искусства».

⁷³⁴ Шмарьягу Левин — общественный деятель, сионист, публицист, депутат Государственной думы Российской империи I созыва от г. Вильны (1867–1935). — *Прим. пер.*

⁷³⁵ «Га-Торен» (иврит) — «Мачта».

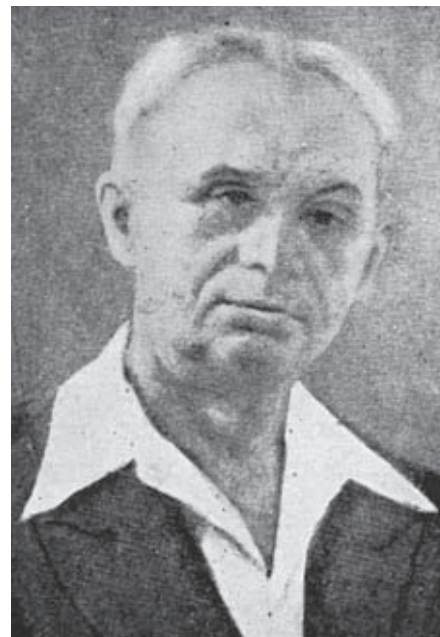
⁷³⁶ «Миклат» (иврит) — «Убежище» — ежемесячный литературный журнал, издававшийся в Нью-Йорке в 1920–1921 гг.

⁷³⁷ Штыбель Авром-Йосеф (1884–1946) — варшавский предприниматель, поставщик обуви для русской армии, открывший в Москве издательство «Штыбель», выпускавшее книги на иврите. — *Прим. пер.*

⁷³⁸ «Дос Шолом-Алейхем бух» (идиш) — «Книга Шолом-Алейхема» — издание, в которое вошли письма Шолом-Алейхема и важнейшие документы, связанные с его жизнью и деятельностью. — *Прим. пер.*

⁷³⁹ «Мознаим» (иврит) — «Весы».

Эфроим Лисицкий

о преподавании иврита. Некоторое время учительствовал в Буффало и Милуоки, а затем переехал в Новый Орлеан⁷⁴⁰.

Свое первое стихотворение Лисицкий опубликовал в журнале «Га-Меорер»⁷⁴¹ Бренера. В 1928 году в Тель-Авиве вышел сборник его стихов, а в 1934 году увидела свет драматическая поэма «Нафтулей-Элогим»⁷⁴². В 1937 году Лисицкий опубликовал «Медурот доахот»⁷⁴³ — поэму, написанную по мотивам легенд американских индейцев размером «Песни о Гайавате».

Главные темы лирической поэзии Лисицкого — чувство одиночества, оторванности от корней, крушение надежд. С этой пессимистической точки зрения поэт оценивал как свою жизнь, так и все, что происходит в мире. В творчестве Лисицкого индивид противостоит обществу, извратившему свои устои, а еврейский народ — его многочисленным врагам и гонителям. Для стихотворений Лисицкого характерны бурный ритм, эмоциональность и красочность.

Последние книги Лисицкого (на иврите): «Нафтулей Элогим», Тель-Авив, 1934; «Адам аль адмот»⁷⁴⁴, Нью-Йорк, 1947; «Бе-оґолей-Куш»⁷⁴⁵, Иерусалим, 1953; «Бе-маалот у-ве-морадот»⁷⁴⁶, Тель-Авив, 1954; «Аншей-мидот»⁷⁴⁷, Тель-Авив, 1958⁷⁴⁸.

Скончался Лисицкий в 1962 году.

⁷⁴⁰ В Новом Орлеане Лисицкий был директором еврейской школы (с преподаванием на иврите), считавшейся одной из лучших в США. — *Прим. пер.*

⁷⁴¹ «Га-Меорер» (иврит) — «Будильник» — журнал, выходивший в Лондоне.

⁷⁴² «Нафтулей-Элогим» (иврит) — «Борьба Бога».

⁷⁴³ «Медурот доахот» (иврит) — «Гаснущие костры».

⁷⁴⁴ «Адам аль адмот» (иврит) — «Человек на земле».

⁷⁴⁵ «Бе-оґолей-Куш» (иврит) — «В африканских шатрах».

⁷⁴⁶ «Бе-маалот у-ве-морадот» (иврит) — «На высотах и в низинах».

⁷⁴⁷ «Аншей-мидот» (иврит) — «Добродетельные люди».

⁷⁴⁸ Статьи Лисицкого по вопросам литературы и воспитания собраны в книге «Би-швилей хаим ве-сифрут» («На путях жизни и литературы», 1961). Литературная репутация Лисицкого основывается главным образом на его автобиографической книге «Эле толдот адам». — *Прим. пер.*

БОРУХ КАЦНЕЛЬСОН

Родился 21 декабря 1900 года в Слуцке. Учился в хедерах и йешивах, получил светское образование. В 1919–1924 годах опубликовал на идише несколько стихотворений и критических статей. После этого писал уже на иврите.

В 1922 году эмигрировал в США, занимался преподаванием. В 1934 году уехал в Эрец-Исраэль и поселился в Кфар-Саве. До начала Второй мировой войны работал на цитрусовых плантациях, затем преподавал иврит в школе в Кфар-Саве. В 1939–1943 годах был членом городского совета.

Книги (на иврите): «Ле-ор га-нер»⁷⁴⁹ (Нью-Йорк, 1930); «Бе-хур дмама»⁷⁵⁰ (Тель-Авив, 1948); «Ми-лев эль лев»⁷⁵¹ (Тель-Авив, 1954). Б. Кацнельсон скончался в 1968 году. В 1970 году вышел двухтомный сборник его писем.

РУВЕН ВАЛЕНРОД

Родился 2 февраля 1899 года в местечке Вызна. Учился в хедере и йешиве, затем в реальном училище в Слуцке. В 1920 году уехал в Эрец-Исраэль. Был дорожным рабочим в Тверии и Кфар-Йехезкеле. Затем уехал во Францию, оттуда в США. В Америке работал на заводе, параллельно учился в Нью-Йоркском и Колумбийском университетах. Защитил докторскую диссертацию в Сорбонне. Работал преподавателем литературы на языке иврит в Бруклин-колледже.

В своих рассказах описывал жизнь евреев Нью-Йорка, приспособившихся к новой американской жизни. В первую очередь он подчеркивал, как

Борух Кацнельсон

Рувен Валенрод

⁷⁴⁹ «Ле-ор га-нер» (иврит) — «При свете свечи».

⁷⁵⁰ «Бе-хур дмама» (иврит) — «В горниле безмолвия».

⁷⁵¹ «Ми-лев эль лев» (иврит) — «От сердца к сердцу».

менялась судьба иммигрантов из Восточной Европы, старавшихся пустить корни на новом месте.

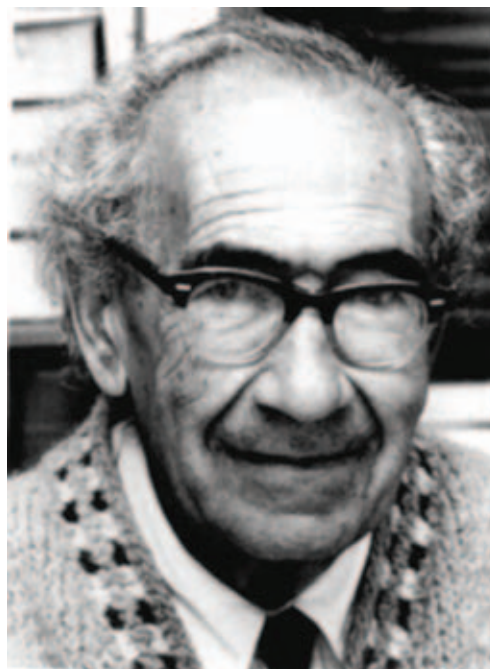
Книги (на иврите): «Бе-дийота га-шлишит»⁷⁵² (Тель-Авив, 1937); «Бе-хуг мишпах»⁷⁵³ (Нью-Йорк, 1939); «Швилим бе-сифрут Америка ге-хадаша»⁷⁵⁴ (Нью-Йорк, 1940); «Ки пана йом»⁷⁵⁵ (Тель-Авив, 1946); «Бейн хомот Нью-Йорк»⁷⁵⁶ (Иерусалим, 1952); «Бе-эйн дор»⁷⁵⁷ (Тель-Авив, 1953).

Скончался 1 декабря 1966 года.

АВРОМ РЕГЕЛЬСОН

Поэт и литературный критик, писавший на иврите. Родился в Глуске в 1896 году. В возрасте одиннадцати лет эмигрировал вместе с семьей в Америку. Первые стихи Регельсона были опубликованы в журнале «Миклат». В дальнейшем он публиковал свои произведения в еврейских газетах и журналах разных стран. В 1932 году была опубликована его поэма «Каин ве-Гевель»⁷⁵⁸. После приезда в Эрец-Исраэль (1933) стал членом редакции газеты «Давар». В 1936 году выпустил книгу «Маса га-бубот ле-Эрец-Исраэль»⁷⁵⁹.

Авром Регельсон

⁷⁵² «Бе-дийота га-шлишит» (иврит) — «На третьем этаже».

⁷⁵³ «Бе-хуг мишпах» (иврит) — «В семейном кругу».

⁷⁵⁴ «Швилим бе-сифрут Америка ге-хадаша» (иврит) — «Тропы современной американской литературы».

⁷⁵⁵ «Ки пана йом» (иврит) — «Ибо закончился день».

⁷⁵⁶ «Бейн хомот Нью-Йорк» (иврит) — «Меж стен Нью-Йорка».

⁷⁵⁷ «Бе-эйн дор» (иврит) — «Потерянное поколение».

⁷⁵⁸ «Каин ве-Гевель» (иврит) — «Каин и Авель».

⁷⁵⁹ «Маса га-бубот ле-Эрец-Исраэль» (иврит) — «Путешествие кукол в Страну Израиля».

В том же году Регельсон вернулся в Америку и жил там до 1949 года. После возвращения в Израиль работал в издательстве «Ам овед»⁷⁶⁰, а затем в газете «Аль га-мишмар»⁷⁶¹.

Регельсон был знатоком английской и американской литературы, а также прекрасно разбирался в поэзии на иврите во всем ее многообразии. К своему творчеству он относился очень строго — много работал над каждой вещью и не спешил с публикациями. Столь же строгим судьей был и Регельсон-критик, особенно когда дело касалось поэзии. Значительную часть своих публикаций он посвятил творчеству поэтов, писавших на иврите и на английском языке.

В своей поэме «Каин ве-Гевель» Регельсон изложил собственные представления о силах, противостоящих друг другу на протяжении человеческой истории. Победа Каина в его глазах олицетворяла победу сил, обретающих власть над мирозданием. Тем не менее в своих выводах Регельсон был оптимистичен и верил в нового человека, который сможет избавиться от проклятья Каина.

Регельсон выпустил несколько сборников (в Америке и Израиле), а также перевел на иврит ряд произведений англоязычной литературы, в том числе «Книгу Тэль» Уильяма Блейка, «Танатопсис» Уильяма-Каллена Брайанта⁷⁶², «Листья травы» Уолта Уитмена, «Земные блага человека» Лео Губермана⁷⁶³, «Билли Бад, фор-марсовый матрос» Германа Мелвилла, а также рассказы Киплинга.

Скончался в 1981 году.

Регельсон был знатоком английской и американской литературы, а также прекрасно разбирался в поэзии на иврите во всем ее многообразии.

АВРОМ-ЯКОВ ПАПЕРНА

Родился 2 элуля 5600 (1840) года в Копыле. Изучал Талмуд и труды еврейских мудрецов. В 1863 году поступил в раввинское училище (семинарию) в Житомире. Публиковал стихи и критические статьи в журнале «Га-Кармель» и газете «Га-Мелиц». Работал учителем в Закрочиме, а позже — в Плоцке. Автор целого ряда педагогических работ, в том числе учебников русского языка для евреев. Его «Воспоминания» относятся к лучшим произведениям мемуарной литературы на идише. На иврите вышло полное собрание произведений. Скончался в Одессе в 1915 году.

АВРОМ-ЯКОВ ЗИНГЕР

Родился в 1864 году в Копыле. В тринадцать лет поступил в копыльскую йешиву р. Бен-Циона Кацнельсона, позже учился в йешивах Слуцка и Мира. С 1885 года печатался в газетах «Га-Мелиц», «Кнесет Исраэль»

⁷⁶⁰ «Ам овед» (иврит) — «Трудящийся народ».

⁷⁶¹ «Аль га-мишмар» (иврит) — «На страже».

⁷⁶² Уильям-Каллен Брайант (1794–1878) — американский поэт, журналист и редактор газеты «Нью-Йорк пост». — *Прим. пер.*

⁷⁶³ Лео Губерман (1903–1968) — американский писатель-социалист. — *Прим. пер.*

и выходившем в Берлине журнале «Га-Асиф»⁷⁶⁴. В частности, опубликовал в «Га-Мелиц» роман с продолжением «Царат-га-бат»⁷⁶⁵. С 1888 года жил в Варшаве. Скончался в 1920 году.

МАЙКЛ (МИХЛ) ФРЕНКЕЛЬ

Еврейский американский поэт и критик Майкл (Михл) Френкель был внуком Менделе Мойхер-Сфорима. Он родился в Копыле и эмигрировал в Америку в начале XX в. Много путешествовал, в 1926 году некоторое время жил в Париже, где познакомился с Генри Миллером, делавшим первые шаги в литературе, и убедил его посвятить свою жизнь писательству. В соавторстве с Миллером Френкель написал книгу «Письма Гамлета» о философском смысле «Гамлета». Скончался в возрасте 62 лет.

МОРИС (ГЕРШОН) ГИНДУС

Родился в Слуцке (по другим сведениям — в деревне Большое Быково под Слуцком) в 1891 году. В 1905 году семья эмигрировала в США. Известный англоязычный журналист, писатель, лектор, специалист по Советскому Союзу и странам Центральной Европы.

В 1923 году по заданию журнала «Century Magazine» посетил СССР, во время Второй мировой войны провел три года в Советском Союзе в качестве военного корреспондента «Нью-Йорк геральд трибюн», побывал также в Иране, Ираке, Египте и Эрец-Исраэль.

Авром-Яков Паперна

Морис (Гершон)
Гиндус

⁷⁶⁴ *Асиф* (иврит) — букв: сбор урожая.

⁷⁶⁵ «Царат га-бат» (иврит) — «Трагедия дочери».

Со временем его первоначальное сочувствие советскому режиму уступило место критике тоталитарной природы коммунизма. В 1961 году вышла его книга на английском языке «House Without a Roof: Russia After Forty-three Years of Revolution» («Дом без крыши: Россия после сорока трех лет революции»), изд-во «Doubleday». Всего М. Гиндус написал около 20 книг.

Скончался в 1969 году.

АРН НИСЕНЗОН

Родился в 1897 году в деревеньке Чепели под Слуцком, в бедной семье. Его отец был мельником и брал в аренду землю. В 1911 году Арн отправился в Америку.

Публиковал стихи в «Дос идише фолк»⁷⁶⁶, «Фраие арбейтер штимме», «Ди цукунфт»⁷⁶⁷, «Ди федер»⁷⁶⁸, «Ди цайт»⁷⁶⁹, «Варгайт»⁷⁷⁰. Писал также эссе. Был соредактором ежемесячного журнала «Дер онгейб»⁷⁷¹. Опубликовал восемь сборников стихотворений на идише, среди них «Гундерт лидер»⁷⁷² (Нью-Йорк, Унзер журнал, 1920). Его творчество отличалось прежде всего зрелостью формы и стиля.

Скончался в 1964 году.

---

⁷⁶⁶ «Дос идише фолк» (идиш) — «Еврейский народ» — ежемесячный нью-йоркский журнал.

⁷⁶⁷ «Ди цукунфт» (идиш) — «Будущее» — ежемесячный нью-йоркский журнал.

⁷⁶⁸ «Ди Федер» (идиш) — «Перо» — ежемесячный нью-йоркский журнал.

⁷⁶⁹ «Ди Цайт» (идиш) — «Время» — ежедневная нью-йоркская газета.

⁷⁷⁰ «Варгайт» (идиш) — «Правда» — ежедневная нью-йоркская газета.

⁷⁷¹ «Дер Онгейб» (идиш) — «Начало» — ежемесячный нью-йоркский журнал.

⁷⁷² «Гундерт лидер» (идиш) — «Сто стихотворений».

СЛУЦК В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ПЕСНЯ О СЛУЦКЕ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Вспоминаю себя я в родном городке,
Где впервые я свет увидал,
Где я в хедер ходил и купался в реке,
Где из мальчика юношей стал.
Припев:
Слуцк мой родной! Ты в душе поселился навек.
Может ли детство свое позабыть человек?
Ветры твои колыбельку качали мою,
Веют они надо мною в далеком краю.
Помню, мама на рынок спешит поутру,
Чтобы нашу семью накормить,
А отец унимает нас, детвору,
И сажает нас Тору учить.
Припев.
Разгорается пламя субботних свечей.
Мы с отцом в синагогу идем,
И приводим оттуда веселых гостей,
И пируем, и песни поем.
Припев.

(Перевод с идиша)

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМ

(Из книги «Ба-йомим ёо-ём» — «В те дни»)

Детство и юность писателя Менделе Мойхер-Сфорима (Шолома-Якова Абрамовича) прошли в местечке Копыль и соседних городах, прежде всего Слуцке и Тимковичах. В автобиографической книге «Ба-йомим ёо-ём» нашлось место и для описания этих городов. Ниже приводятся отрывки, описывающие тогдашнюю жизнь йешиботников в Слуцке. Название городов Менделе обозначал первыми и последними буквами: С-к — Слуцк, Т-ц — Тимковичи (еврейское название — Тимковиц). Для удобства читателей названия этих городов приводятся полностью.

Через несколько дней после праздника, рано утром, когда солнце не приветливо выглянуло из-за облаков, подобно человеку, опасаящемуся грядущих перемен и прикрывающему лицо, Шлоймеле незаметно выбрался из города и пошел в Слуцк. В мешке у него лежали тфилн, краюха хлеба и запасная рубаша. Дорога из Копыля была ужасной: вся в колдобинах, утопавшая после дождя в грязи. Шлоймеле это было непривычно. Что же он сделал? Решил подождать, пока мимо не проедет какая-нибудь телега, куда он сможет забраться бесплатно. При этом, правда, придется сидеть, скрючившись, сжатым со всех сторон, как всякий не принятый возницей в расчет пассажир. И он стоял и ждал, не явится ли избавитель, но ему упорно не везло.

Шлоймеле размышлял, что же делать. Он мог думать только о Слуцке, его душа рвалась к этой заветной цели, чтобы вовремя приготовить там все необходимое, дабы его не опередили, — и вот, застрял в пути. Наконец, Шлоймеле решил идти пешком. Ноги его утопали в грязи, в ботинках хлюпала вода, поскольку верх порвался, подошвы прохудились, каблуки сбились; капота промокла насквозь, от воротника до подола. Силы его иссякли; он подумал, что, если пройдет еще немного, свалится прямо посреди дороги. Но в этот момент раздалось щелканье кнута, и он увидел несчастную измученную лошадь, всю покрытую грязью, и усталого человека в надвинутой на глаза теплой шапке и замотанного по самые уши. Из-под груди тряпок он услышал глухой голос, словно доносившийся из пустой бочки:

– Сын раби Хаима, что ты здесь делаешь? В такой ненастный день даже глупая собака не высунется на улицу!

– Ой, реб Михл! — закричал Шлоймеле, протягивая к нему руки. Он лишился дара речи, слова застряли в горле. Но тут тот же голос воззвал к нему снова:

– Стой, парень! Залезай в телегу!

В йешиве в Слуцке

Город Слуцк — один из городов Литвы, ставших пристанищем Торы и студентов йешив. Местная йешива была хорошо известна всем окрестным евреям — если бы не она, город был бы забыт и о нем не осталось бы никаких воспоминаний. Возможно, кто-нибудь скажет, что йешива служила для многих источником заработка, подобно университету, что она приносила

благополучие местным жителям, что йешиву в городе любили. Боже сохрани! Мало того, что йешива не приносила горожанам никаких выгод, — они терпели из-за нее немалые убытки! Преподавали там люди неимущие, учениками же были бедные юноши без гроша в кармане. Они приходили в Слуцк пешком, неся за плечами все свое богатство: латаную-перелатаную рубаху да пару нестираных носков. Заботу о себе они вверяли городу. Его жители и так терпели нужду и должны были помогать местным беднякам, так вдобавок к этому им еще приходилось опекать этих парней. Однако они делали это с радостью. Даже последний нищий охотно делился куском хлеба с изучающим Тору — естественно, во имя нее.

В йешиве было два класса, младший и старший, у каждого — свой наставник. Наставником старшего класса был сам глава йешивы, наставником младшего — его заместитель, который ему подчинялся. Каждый день после утренней молитвы он давал урок Талмуда с комментариями, придерживаясь простого смысла. Наставник сидел в центре, ученики живым венцом рассаживались вокруг его стола. Наставник экзаменовал их, задавая вопросы, относящиеся к изучаемой теме: следовало убедиться, что те не отвлекаются и учатся как должно. Когда он был недоволен учеником, он его бранил, а порой давал пощечину, чтобы тем самым напомнить, что Тора требует серьезного к себе отношения.

Большинство йешиботников были новичками, приехавшими совсем недавно, к началу очередного семестра. Днем глава йешивы давал урок старшим ученикам, оттачивая их понимание с помощью вопросов и пильпуля⁷⁷³. Знатоки Торы воодушевлялись и начинали яростно спорить, напрягая глотки, размахивая руками, наморщивая и потирая лбы. Все старались понять глубокий смысл часто встречавшегося выражения «иными словами» и того, что имел в виду тот или иной комментатор, говоря, что «на это можно возразить».

Заканчивался ежедневный урок, и старшие ученики расходились для самостоятельной учебы, чтобы приготовить урок на завтра. Каждый учился там, где ему больше нравилось. Однако младшие должны были заниматься в помещении йешивы под надзором своего наставника, который постоянно к ним заходил. Иногда он появлялся незаметно, когда мальчики, устав от учебы, откладывали Талмуд и начинали развлекаться. Тогда он обрушивался на них с упреками и доказывал с помощью нравоучительных книг, что пренебрежение Торой является страшным грехом и согрешившему полагается на том свете суровое наказание: его будут кормить раскаленными углями. К этому он прибавлял от себя, что, по логике и здравому рассуждению, сынам Израиля не следует радоваться в этом мире, ибо чего, по правде, стоят все земные радости?

Однако ни нравоучения, ни логика на подростков не действовали. Они были людьми из плоти и крови; какой бы бедной и печальной ни была молодая жизнь, душа их порой требовала веселья, чтобы хоть ненадолго забыть обо всех трудах и горестях. Поэтому мальчики шалили и развлекались: в течение учебного года — так, чтобы этого никто не видел, а на каникулах, пока не возобновятся занятия в йешиве и когда не нужно бояться наставника, — при всем честном народе.

Большинство йешиботников были новичками, приехавшими совсем недавно, к началу очередного семестра. Днем глава йешивы давал урок старшим ученикам, оттачивая их понимание с помощью вопросов и пильпуля.

⁷⁷³ Пильпуль (иврит) — метод изучения Талмуда.

Каникулы были на Сукеc — праздник, по окончании которого все сыны Израиля от мала до велика во всех общинах изгнания приступают к учебе. Слуцкая йешива наполнилась юношами — новичками и старожилками, вернувшимися из родных мест, куда они добирались пешком, завидуя своим товарищам, жившим рядом с йешивой. В это время в йешиве начиналась грандиозная ярмарка. Товаром, пользовавшимся у йешиботников огромным спросом, служили «дни». Еда была «первоосновой мудрости»⁷⁷⁴ для всех и каждого. Поэтому — поиски и суета, конкуренция и зависть, ссоры и склоки из-за «дней». Не каждому удавалось заполнить все дни недели. Счастлив юноша, чья неделя состоит из семи дней! Счастлив и тот, кому не хватает всего двух дней. И горе тому, у кого почти все дни недели остались пустыми! Что же до местных парней, то в сравнении со своими товарищами они были словно богатые купцы с набитыми кошельками рядом с мелкими торговцами, торгующими на рынке во время ярмарки. У них заняты все семь дней, родители кормят их. Более того, судьба их товарищей по йешиве тоже в их руках! Они вольны заняться чужими нуждами, оказать услугу бедным новичкам, дать им совет и вообще показать, кто в доме хозяин, хорошим тумаком поучив их жизни среди них и стезям Торы во всех деталях и подробностях.

Юноша, впервые приехавший в йешиву, подобен младенцу, которому сделали обрезание и дали имя. Ибо отныне его станут называть не именем, данным ему при рождении, но новым, в зависимости от города, откуда он родом, — Несвижский, Клецкий, Слонимский, Ляховичский и так далее. Парню нужно забыть свое прежнее имя и свое прошлое⁷⁷⁵, свой дом и свое детство.

Во время ярмарки для йешиботников также решаются все дела, касающиеся лавок и столов. Право на лавку для спанья покупается и продается. Чем ближе она к печке, тем выше ее стоимость; ближайшая же к печке заслуживает всяческих похвал!⁷⁷⁶ Счастлив тот, кто удостоится этой лавки и будет спокойно спать по ночам. Однако еще лучше — сама печка: спящий на ней словно вкушает райское наслаждение, и есть очень мало тех, кто оказывается достойным этого.

Есть еще две вещи, приносящие легкий доход, которые не являются предметом торга: миньян и кошелек. Миньян — что имеется в виду? Йешиботники, которые подрываются утром и вечером молиться в миньяне в доме скорбящего в семь дней траура⁷⁷⁷, а затем в течение одиннадцати месяцев в синагоге в память о нем, получают за это плату. Кошелек — что имеется в виду? Речь идет о кошельке, куда собирают пожертвования на содержание йешивы. С этим кошельком заместитель главы йешивы вместе с одним из учеников обходят город каждый четверг и каждую пятницу. Помимо великой чести, выпадающей ученику, обходящему дома вместе со своим наставником, он получает еще и плату — восемнадцать грошей⁷⁷⁸.

Слуцкая йешива наполнилась юношами — новичками и старожилками, вернувшимися из родных мест, куда они добирались пешком, завидуя своим товарищам, жившим рядом с йешивой.

---

⁷⁷⁴ Подразумевается известный стих «Первооснова мудрости — трепет перед Господом...» («Тегилим», 111:10). — *Прим. пер.*

⁷⁷⁵ Букв. «память». Автор обыгрывает популярное еврейское проклятье «да сотрутся имя и память» — слова «сотрется» и «забудет» на иврите звучат очень похоже. — *Прим. пер.*

⁷⁷⁶ Автор обыгрывает известный пассаж из пасхальной Агады: «На нас лежит обязанность рассказывать об исходе из Египта. И кто больше расскажет, тот заслуживает всяческих похвал». — *Прим. пер.*

⁷⁷⁷ Еврейская традиция предписывает в течение первых семи дней после смерти близкого родственника не выходить из дома. А поскольку поминальную молитву *кадиш* можно произнести только в миньяне, скорбящему важно, чтобы миньян регулярно собирался в его доме. — *Прим. пер.*

⁷⁷⁸ Число восемнадцать обладает в еврейской традиции символическим значением, поскольку является гематрией слова «жизнь».

Оба эти «подарка» предназначались исключительно старшим ученикам йешивы, прославившимся успехами в изучении Талмуда, которым помогали «заслуги предков». Что же касается новичков, приехавших в йешиву совсем недавно, то им это не полагалось.

«Новорожденный младенец» — юноша, недавно поступивший в йешиву, — словно оказывался в новом мире, подобном миру грядущему⁷⁷⁹, — со всеми вытекающими последствиями. Поступив в йешиву, он сразу же получал «хибут-га-кейвер»⁷⁸⁰ — его бьют спереди и сзади, лупят со всех сторон. Товарищи, эти демоны и ангелы-губители, встречают его подражанием трубным звукам шофара, приветствиями и шутками. Сначала разговаривают с ним ласково, затем, в ходе разговора, переходят к насмешкам, от насмешек — к толчкам, от толчков — к тумакам, наносимым будто бы случайно и по ошибке. Заканчивается же все тем, что ему запихивают в нос какую-то вонючую дрянь и плюхают на голову мокрую тряпку.

В первые дни пребывания в йешиве новичок претерпевает муки, подобные мучениям преисподней. Пищей ему служит ломоть хлеба. Спать приходится на сокрушающей кости жесткой лавке, укрывшись капотой и подложив под голову руки; все ночь он крутится с бока на бок. Многого приходится ему пережить, пока он не станет другим человеком — новой душой, неразрывно связанной с душами своих товарищей, известных под именем «патроны». Муки, которые переносят юноши в этой преисподней, ни с чем не сравнимы. Причем для надменных и гордых эти страдания длятся дольше, чем для смиренных и нищих духом, которые терпят поношения и не отвечают: гордецы ненавистны своим товарищам. Раз ты попал сюда, говорят ему, то должен следовать стезей Торы, как все, а не строить из себя знатного пана!

Эта ярмарка, ежегодно проходящая в йешиве в конце каникул, становится гораздо оживленнее к вечеру, когда и новички, и старожилы возвращаются из города, где каждый из них весь день занят своим делом. Вечером, собравшись вместе, йешиботники говорят о насущных делах, то есть о пропитании. Один надеется, что, с Божьей помощью, заполнит все «дни», и сердце его преисполняется радостью. Другой отчаялся и горько сетует на невезение, поскольку смог найти пищу только в домах бедняков, у которых на столе только хлеб и каша. Его товарищ, напротив, хвастается, как ему повезло: Святой, благословен Он, устроил его на пятницу и субботу в доме богатого человека, который кормит и поит йешиботников так, как никто в целом мире. Накануне субботы юноша помогает там на кухне: чистит рыбу, натирает хрен, а мать семейства, добрая женщина, благочестивая еврейка, дает ему каравай свежего хлеба, только что вынутого из печи, который служит ему пищей в воскресенье. В другой группе парни громко и ожесточенно спорят, подобно «щитоносцам»⁷⁸¹ Мишны и Талмуда, и голос главаря этой шайки заглушает голоса всех остальных. Они кричат, спорят и вообще делают что хотят. А в темных задних комнатах их товарищ ложится на лавку, как царь на ложе, кладет под голову одежду и пытается заснуть.

⁷⁷⁹ Загробному миру, куда, согласно еврейским представлениям, душа попадает после смерти для награды или наказания. — *Прим. пер.*

⁷⁸⁰ *Хибут-га-кейвер* (иврит в ашкеназском произношении) — «встряска в могиле» — испытание, которому всякая душа подвергается сразу после смерти для очищения от приставшей к ней духовной скверны. — *Прим. пер.*

⁷⁸¹ «Щитоносцами» Талмуд называет мудрецов, имевших репутации наиболее успешных полемистов.

Шлоймеле хранили заслуги предков. Мало того, что он благополучно прибыл в йешиву, так и с «днями» все устроилось, и еще много чего хорошего произошло с ним там.

Шлоймеле привезли в Слуцк, в тот трактир, где всегда останавливались евреи из его города, не исключая и Михла-Бера, сына Ханы-Енты. Именно там выяснилось, что заслуги предков защищают от начала и до конца. Трактирщик и его жена, люди добрые и благочестивые, очень уважавшие раби Хаима, согласились кормить его сына по субботам. Два брата-трактирщика вспомнили милости, оказанные им отцом Шлоймеле, и предложили ему «дни», а также постоянный ночлег в доме одного из своих родственников, человека почтенного и уважаемого. Таким образом, Шлоймеле получил все необходимое: кусок хлеба, чтобы не умереть с голода, и теплую печку, чтобы спать по ночам. Воистину, не всякий йешиботник удостоивается такого!

Время, проведенное Шлоймеле в йешиве — два года с перерывами, — не заслуживает того, чтобы рассказывать о нем иначе как очень кратко. Большую часть этих дней он только и делал, что рос, ел и переваривал пищу, — в общем, наслаждался сытой жизнью.

Глубокий след в сердце Шлоймеле оставили бесчисленные дождливые вечера, которые он проводил в йешиве с компанией приятелей. На улице холодно, в доме темно. Йешиботники по одному возвращаются из домов, где их кормили, дрожа от холода и потирая озябшие руки. Пылает печка, в ней трещат поленья. Два парня — один, которому не досталось «дня», и другой, принесший из дома, где «ел день», несколько луковиц на ужин, сидят на корточках возле устья печи и внимательно следят за своими котелками. Котелки кипят, в них булькает каша. Остальные ребята садятся полукругом, греясь возле огня, и начинают смеяться, шутить и зубоскалить. Внезапно одно из поленьев ярко вспыхивает, испуская длинные языки пламени; во все стороны летят искры. Печная труба гудит, издавая долгий звук «ткио гдойло»⁷⁸². Луковицы испеклись, каша сварилась. Котелки вынуты из печи, и тут раздается «Бас коль»⁷⁸³, возвещающий: «Вставайте, друзья, пришло время читать “Шма...” Священнослужители, владельцы котелков, входите и вкусите свои дары⁷⁸⁴ — луковицы с кашей».

Глубокий след в сердце Шлоймеле оставили бесчисленные дождливые вечера, которые он проводил в йешиве с компанией приятелей.

Из книги «Шлойме реб Хаимс»⁷⁸⁵

В слуцкой йешиве

...Шлоймеле, которому выпала удача быть сытым и высыпаться, со временем приобрел авторитет и благосклонность в глазах всех йешиботников. Даже старшие были им завоеваны и приняли в свой круг. Гарт, несравнен-

⁷⁸² *Ткио гдоло* (иврит в ашкеназском произношении) — долгий звук — последний, самый продолжительный звук шофара, которым заканчивается служба в Рош-ѓа-шана. — *Прим. пер.*

⁷⁸³ *Бас коль* (иврит в ашкеназском произношении) в талмудической литературе — голос, возвещающий волю Всевышнего.

⁷⁸⁴ Аллюзия на трактат Мишны «Брахот», где обсуждается время чтения утренней молитвы «Шма...»: «Когда читают “Шма...” вечером? С того часа, когда священнослужители приходят есть *труму*». *Трума* (дары) — часть урожая, которая, согласно Торе, полагалась храмовым священнослужителям. — *Прим. пер.*

⁷⁸⁵ «Шлойме реб Хаимс» (идиш) — «Шлойме, сын реб Хаима».

ный баламут, любитель бросаться мокрыми тряпками и отпускать злые шутки, завел компанию со Шлоймеле — это значит, учился с ним вместе как друг. Гарт, как оказалось, был по природе замечательным малым, с золотым характером и глубоко спрятанной способностью любить и быть милосердным. Вполне добродетельным оказался он мальчиком, но бедным, убогим, несчастным.

Вот из-за этой большой удачи, из-за еды и питья на людях Шлоймеле и не учился; удача отвела его от Торы, к которой он ранее стремился и в которой имел потребность. Да, правда, такие удачи, не про нас сказано, нашим бы врагам, но «есть дни», даже на кухне, вдали от всех, рядом со злой кухаркой, это все же лучше, чем ломать хлеба с солью. Редкий крупник лучше, чем миска воды, спать на теплой лежанке намного лучше, чем на голой земле, а иной раз страдать из-за желаний, которые испытывает сытый грешный человек, все равно лучше, чем вести горькую жизнь голодного бедолаги.

Шлоймеле в Слуцке прожил около двух лет с перерывом, и потому стоит остановиться лишь на некоторых моментах этой жизни.

Шлоймеле помнятся зимние вечера в йешиве. Солнце после короткого сумрачного пути садится, играя всеми цветами, в пышные, растянутые по небу облака. Последние солнечные лучи прорываются внутрь йешивы через толстые промерзшие окна и трепещут на противоположной стене всевозможными отблесками, отбрасывая неясные причудливые картины, нарисованные морозом на стеклах. Снаружи жжет, лютует мороз. Внутри, в помещении, просто холодно и сумрачно. Разбредшиеся было йешиботники начинают собираться вместе. Печь протапливается. Двое из тех, кто оставался раньше, один — шлимазл, не имеющий «дня», а другой — «едающий дни», принесли с собой на ужин несколько картофелин. Они сидят на коленях у открытой дверцы, напротив огня, и каждый следит за своим горшочком, где туда-сюда бегают крупа, зло ворча: «Тех-тех-тех!» Огонь трещит, освещая лица. Разгоревшееся полено выбрасывает из печи длинные языки пламени, гордо постреливая у дверцы огненными пулями, а в конце издает звук, словно дует в шофар. Становится тепло, собравшиеся наслаждаются, коротают время за байками, гогочут, сыплют присказками. Ребята у горшков принимаются за еду: «Вставайте, евреи, в добрый час!» Кофены заходят, чтобы съесть «пожертвованное» — похлебать их крупник! И все хлебают, работают со вкусом, <...> пробуждая в наблюдателях волчий аппетит. Собравшиеся почесываются, облизываются от большого желания поесть.

По средам обычно сидел здесь и Шлоймеле, он съедал «пожертвованное» — кусок хлеба, который рыночная торговка Ента выдавала ему на этот день. Ел он с большой серьезностью, остерегаясь при этом, чтобы, упаси Бог, ни одна крошка не упала.

Этот хлеб был поистине дорог, его следовало трактовать как «дар, принесенный в Храм», ценить как яичницу, жареную на масле. Он был лучше всех «дней», учитывая, с какой горячей любовью к Богу и Его Торе его дали. Пара голубей — жертва бедного человека — в глазах Господа столь же дорога, как откормленный бык из Башана⁷⁸⁶, ведь она — последнее, что бедный человек может отдать!..

⁷⁸⁶ Неоднократно упоминаемая в Танахе область к северо-востоку от оз. Кинерет, славившаяся пастбищами.

Первый раз накрыло лихо Шлоймеле, когда он отправился на «день» к зажиточному хозяину — пришел съесть свой ужин на кухню, как водится у йешиботников.

В углу кухни догорала сальная свечка. Еврейка с красным горбатым носом, толстыми губами и широким ртом без двух передних зубов работала у печи, ворчала, зло бормотала — просто так, в пространство — и не смотрела в угол на Шлоймеле, словно он был пустым местом. Шлоймеле сидел как на иголках, душа из него словно испарилась, пока он ждал. Дверь кухни открывалась каждый раз со скрипом. Вот-вот, думал он, придет избавление, ужин, но ничего не было, только слуги ходили туда-сюда! Он сидел и чуть не окочурился от ожидания. И вот уже поздновато, время ему идти отдыхать на место ночлега. Там ждут его недорассказанные истории, а также и новые, свежие... Он пускается на все свои йешиботнические уловки и гримасы: каждую минуту привстает, чешется, вздыхает, кашляет, шмыгает носом, а от нее никакой реакции! Она продолжает бормотать, как будто ссорится с кем-то невидимым, насылая на его голову казни египетские. Тогда, словно из-под земли, появляется перед глазами Шлоймеле картина его жизни в светлых красках — от прошлого до нынешних дней. И в этот самый момент слышит он внутри себя женский голос, гудящий, словно голос женщины с кухни: «Иди, паренек, помойся, паренек!» Шлоймеле умывается слезами и начинает зло махать руками, как в псалме «Съу йедейхем...»⁷⁸⁷ Конечно, он машет руками не против Бога, а против своей мрачной доли и против красноносой женщины с кухни.

Он добыл себе кусок хлеба и пару ложек крупника, наспех помолился, сказал «доброй ночи» четырем стенам и быстро ушел в рассеянности, не поцеловав мезузу, сильно возмущенный, расстроенный, недовольный собой и всеми остальными. Ибо увы и ах — думалось ему, раздраженному, — нет ему счастья, ничего хорошего не было в его жизни! Он — бездарь, обычный йешиботник, он «ест дни», чего и врагу не пожелаешь... Беда ему с его привилегией ходить вместе с раввином по домам и выпрашивать пожертвования в торбочку... И с его привилегией валяться в разных местах, спать на теплой лежанке. Вот так радость, вот так выгода...

Реб Йона

Среди всех диковинок замечательное место по праву занимал слуцкий богач реб Йона. Посмотрите на него и все, что ему принадлежит, — на его дом, его хозяйство, — подумайте о нем и нарисуйте его портрет! Дом одноэтажный, деревянный, с крылечком и несколькими высокими ступеньками на входе, с рядом окон средней величины — стеклянных глаз — по обе стороны дома. Они смотрят на большой огороженный двор. Именно под этим названием — «двор реб Йоны» — его жилище известно в городе. С одной стороны двора выстроена высокая, очень красивая синагога, называемая домом учения. Там молится множество людей — и члены семьи реб Йоны, и посторонние. Еще там сидят молодые и старые и учатся день и ночь. Так было в течение его жизни, и позже при сыне реб Йоны: миньян ученых евреев всех возрастов собирался в синагоге. Они получали определенную плату за то, что постоянно сидели и учились. Плату также получал глава йе-

⁷⁸⁷ «Съу йедейхем кодеш...» (иврит) — «Вознесите руки...» («Тегилим», 134:2).

шивы за то, что каждое утро после ранней молитвы давал урок по Талмуду и комментариям для ученых прихожан.

В пятницу к вечеру двор приобретал какой-то новый, праздничный вид. «Огненный столб» из многих горящих свечей в синагоге и в доме освещал двор, и свет от этих огней проникал в каждый уголок.

В пятницу к вечеру двор приобретал какой-то новый, праздничный вид. «Огненный столб» из многих горящих свечей в синагоге и в доме освещал двор, и свет от этих огней проникал в каждый уголок. Казалось, что добрые ангелы, слуги Всевышнего, посланные благословенным Господом с небес, витают вокруг, ожидая, что богач и его дети выйдут из синагоги, чтобы проводить их домой. Там, в большом светлом зале, для домочадцев и для десятков гостей, бедняков и зажиточных евреев, накрыты субботние столы со всевозможным добром — свечами для благословений, поставленными по три штуки в серебряные семисвечники, дорогими сервизами. Вино искрится, переливается в гладко отшлифованных пузатых бутылочках с длинными горлышками, отсвечивает всеми цветами радуги в хрустальных бокалах для кидуша. Возле каждого едока лежит на белоснежной скатерти пара свежеиспеченных булочек, словно молодые курочки. Глядя на все это, кажется, что все получают новую душу: дополнительную субботнюю. Все чувствуют, что приходит любимая невеста, и присутствующие идут к ней навстречу, встречают ее в синагоге пением «Бой бе-шолойм» из гимна «Лехо дойди»⁷⁸⁸. Высоко возносятся звуки этого вдохновенного, горячего пения!

Вот таким образом богач выполнял свой долг перед Богом, перед Торой. Но он как местный житель и еврей был сыном своего народа и выполнял долг также перед городом и перед общиной Израиля. Он участвовал во многих общественных делах и, конечно, вносил большую долю. И в своих богоугодных делах, делая пожертвования для многих, он не выделял определенные категории нуждавшихся. Все получали от него какие-то деньги: бедняки всех видов, попрошайки с торбами или без, погорельцы, брошенные жены, странники с письмами от раввинов или без писем, — никто не уходил от него с пустыми руками. Что уж говорить о своих, городских бедняках и тех, кто получал подарки анонимно! Многие у него ели и пили по закону гостеприимства праотца нашего Авраама.

Вот такая картина жизни, дорогие евреи, — прямо антикварная картина! В нынешние времена она редкость... Взгляните, пожалуйста, туда, во двор, что прямо напротив дома богача. Видите: солидная постройка, длинная, без окон, с парой больших распахнутых дверных створок. Там стоит кто-то подпоясанный; засучив рукава, он что-то берет внутри и раскладывает по мешочкам, а затем протягивает их людям, толпящимся снаружи. Эти мужчины и женщины нагружены кулками, свечками и бутылками, и это значит — слышите, дорогие евреи, — что вы видите склад с едой и другими нужными вещами, откуда человек богача, ответственный за это, каждый четверг раздает беднякам подарки на субботу. А тем обессиленным, замученным жизнью бедолагам, которые стесняются протянуть руку, подарки со всем почтением анонимно отсылают домой.

Немного в стороне большую площадь занимает флигель, из труб его тянутся столбы дыма. Слуги, женщины, девушки в белых фартуках, с белыми платками на головах роятся возле него, снуют туда-сюда с кухонной утварью в руках. Высокий молодой мужчина, здоровяк (только посмотрите на него!), широкий в кости, стоит в дверях. Он отдает команды и впускает людей, входящих один за другим. Взгляните, что может сделать старо-

⁷⁸⁸ «Бой бе-шолойм» — «Приди с миром»; «Лехо дойди» — «Приди, мой друг» (иврит в ашкеназском произношении) — субботний гимн.

светский богач, — он устроил у себя кухню, где варят и пекут разные блюда и каждый день кормят голодных, стариков из дома учения, тех, кто впал в бедность, измучен болезнями!.. Да, это кухня, которую слуцкий богач открыл для бедняков и голодных! Он не ждал, упаси Бог, что ему за это станут воздавать почести или как-то вознаграждать. И он даже не думал, что однажды нарисуют его портрет — вот этот самый портрет!

А тот, кто там распоряжается, — это муж соседки, той женщины, что живет во второй комнате молельного дома. Ее муж не может оторваться от кухни — так много работы там всегда лежит на нем; он приходит домой только на пару часов в неделю и приносит с собой множество всякого добра. Его корзина всегда полна всяких вкусных вещей, к которым душа и глаза Шлоймеле всегда тянутся, и тем больше, чем больше он пробует этих вещей. А злое начало, подстрекающее человека, сидит совсем близко в корзине среди этой вкуснятины и манит Шлоймеле к себе, отвлекая от учения.

Реб Нохем Грозовер

Когда реб Нохем из местечка Розов⁷⁸⁹ выдал замуж свою младшую дочь и остался в старости вдовцом, он собрался ехать — не давая обетов — умирать в Страну Израиля. Но прежде чем придет смерть, надо же человеку как-то жить, а еврею нужно еще и жениться. Это значит, ему нужны деньги, а что же в таком случае делать? И реб Нохем сделал то, что делают другие евреи в подобном положении: он несколько лет разъезжал по еврейским общинам из одного города в другой и прощался, то есть брал хорошие пожертвования и получал заказы — если он только отправится в дальний путь, если Всевышний захочет... Такой вид заработка, как «прощания», считается у евреев совсем неплохим, и тот, кто уезжает в Эрец-Исраэль помирать, принимается в гостях более радушно, чем всякие там талмудисты и погорельцы. От такого гостя пахнет могильной землей, землей Израиля — и он уже кандидат в иерусалимцы...

Реб Нохем разъезжал так несколько лет, и нигде, упаси Бог, не задерживался. Его приглашали — кто на ужин, кто на горячее блюдо, — и когда он прощался, совали что-то в руку. Реб Нохем со своей стороны давал очень много обещаний и заверений: одному то, другому — другое. Кому-то он обещал помолиться за него на могиле Меира-чудотворца, кому-то — прислать горсть земли Эрец-Исраэль... Реб Нохем не обидел и местечко Копыль, где у него были знакомые и дальние родственники, и в один прекрасный летний день прибыл прощаться в это местечко.

Обычно в местечке летом ужинают при свете луны, если она светит, а если нет — то при свете грошовой сальной свечи. Ужинают быстро, и — доброй ночи, спать! Или же ложатся вскоре после того как немного проветрятся на дворе. Но одним летним вечером, очень светлым, хоть жемчуг собирай, в доме реб Хаима произошла перемена: стол был накрыт весьма изысканно, свечи горели в бронзовых подсвечниках совсем по-праздничному. Да, реб Хаим пригласил реб Нохема Грозовера на ужин.

За столом завели долгую красивую беседу о Стене плача, о Пещере патриархов, о Масличной горе и могиле праматери Рахели, о других могилах и развалинах. Беседу приправляли инжиром, финиками, гранатами

⁷⁸⁹ Скорее всего, под вымышленным местечком Розов у Мойхер-Сфорима выведено Грозово.

Земля Израиля,
Иерусалим! Казалось,
что люди летят над
землей, и под ними
страна, город: дома,
земля, пыль, грязь, бо-
лото — но нет! Что-то
там по-другому.

и плодами рожкового дерева. Все при этом облизывались, глаза горели и искрились от наслаждения. Реб Нохем был очень разговорчив — говорил и говорил, как будто находился уже там и все видел своими глазами. Все смотрели ему в рот, смотрели с любовью и великим уважением, а в глубине души страшно завидовали, что ему выпало там оказаться. Как-то очень легко произносилось: Земля Израиля, Иерусалим! Казалось, что люди летят над землей, и под ними страна, город: дома, земля, пыль, грязь, болото — но нет! Что-то там по-другому. Как по-другому? Неизъяснимо. Как-то все не так грубо, одна духовность. Это надо почувствовать, а пока просто представьте себе: города, говорящие на святом языке, упомянутые в Торе!

Затем беседа перешла на другие, более приземленные темы. Реб Нохем все-таки повидал свет, попрощался перед этим со многими евреями (не сглазить бы), видел многое и слышал целую кучу новостей! Главную роль в беседе играл город Вильна — им интересовались больше, чем другими городами. Реб Нохем рассказывал удивительные вещи о замечательных раввинах, о виленских богачах и невероятных силачах, о домах молитвы, йешивах и бедных парнях... Рассказал он о «половине царства» — об улочке, где подстерегает опасность, где боятся ходить ночью, — и это уже говорилось приглушенным, тревожным голосом. Ой-ой! А в самом конце он сильно прошелся по «берлинчикам»⁷⁹⁰. «Эти евреи из тамошних школ, выкормыши Лилиенталя⁷⁹¹...» — так говорил реб Нохем, крутя носом. И он принялся рассказывать о них байки, высмеивать их — они, мол, дикие существа, сидят у себя, когда никто не видит, без головных уборов, и едят, не омывая руки! Тора для них — древнееврейский язык, разные поговорки и пышные слова. Ах-ах, ужас!..

О, половина царства! Эту часть рассказа Шлоймеле обдумывал долго. Вероятно, полцарства — это владение злых сил, таких «добрых дам», как Лилит и русалки. Он слышал немало ужасных историй о том, как они неволят людей при помощи людских страстей. Эти дамы в сто раз хуже, чем дьявол, чем сам Ашмедай⁷⁹². Немудрено, что виленцы остерегаются ночью ходить по тем пустынным улочкам. Но вот «берлинчики» — не шуты, просто евреи с головой, руками и ногами, евреи, которые не носят головной убор и едят, не омывая рук, — этого уже было не понять! Ну как же получается: еврей — и не покрывает голову! Как так: еврей — и не омывает руки перед трапезой! Они сумасшедшие или просто чего-то не хватало в мозгах? Разве они не знают, какое наказание причитается за такое: смола, сера, железные всадники!.. Да и без всех этих страстей — как выглядит еврей без шапки или ермолки?

Но реб Нохем, еврей, который прощался перед поездкой в Страну Израиля, рассказал о них мало. Приходилось верить, что есть такие евреи. В голову Шлоймеле с тех пор уложились и они, а прозвище «берлинчики» с тех пор означало для него «евреи без головного убора, которые не омывают рук».

⁷⁹⁰ «Берлинчики» (уничужит. от «берлинеры») — так называли евреев — поборников Гаскалы, т.к. первый ее, т.н. берлинский, период начался во второй пол. XVIII в. Германии.

⁷⁹¹ Лилиенталь Макс (1815–1882) — немецкий еврей-просветитель, которого в 1841 г. русское правительство пригласило на службу для осуществления проекта государственного переустройства еврейской школы. — *Прим. пер.*

⁷⁹² Ашмедай — в русской традиции: Асмодей — имя царя демонов.

Тимковичи

В чистом ровном поле, за девять–десять верст от Копыля, уже издалека различимо какое-то поселение. Въезжая туда, вы вскоре узнаете еврейское местечко, знаком чего служат рынок с его лавками, двор, где находится здание синагоги с домом учения, и баня с миквэ. Три этих признака говорят о том, что здесь собирается миньян евреев, без них евреям не прожить, как рыбе без воды.

Это местечко называют Тимковичами. В нем собираются несколько миньянов, и вот в начале лета к еврейскому населению добавился еще один паренек — чужак из тех, кто сидит целый день в синагоге и учится.

А являются ли Тимковичи центром Торы? Есть ли здесь йешива? Нет и еще раз нет! Местные жители нуждаются в заработке; как только молитвы заканчиваются, дом учения пустеет, и на дворе ни души, как будто все вымерли. Народ разошелся — кто домой, кто на рынок, а кто-то пошел на заработки. Не ради Торы приехал сюда паренек из чужих мест, а просто ради еды. Это значит, он будет «есть дни» у хозяев местечка, у каждого по очереди. Приехал он сюда не по собственной воле — привела нужда. Его мать Сора, обездоленная вдова с малыми детьми, скрепя сердце отправила своего любимого старшего сына в местечко, рассчитывая на благосклонность пары своих знакомых...

Раскачиваясь над Талмудом и грустно что-то напевая, в одиночестве проводил Шлоймеле время в опустевшем доме учения. Когда ему надоедало раскачиваться, он садился на лавку и замирал, глядя в одну точку, не делая ни единого движения. Или же он выходил во двор, где никого, кроме него, не было. Там Шлоймеле стоял, зевал, глазел по сторонам, не зная, кто он и что он.

Молитва была лучом света, который пробивался через тучи его меланхолии, освещал его сумрачную, сиротскую душу. В Тимковичах он не мог продвинуться в учении, но вошел во вкус молитвы... То была хасидская молитва, с жаром; здесь, в Тимковичах, он впервые увидел хасидов, от которых в Копыле и следа не осталось. Тем не менее о хасидах в Копыле говорили дурное. Одержимые ортодоксы рассказывали о них некрасивые истории как об отщепенцах Израиля, диких существах, близких по своей сути к скоту.

Хозяин, у которого Шлоймеле ночевал и ел в субботу, хороший друг отца (да покоится отец с миром), был хасидом — и все же евреем, да к тому же ревностным евреем и прекрасным человеком. Человеком! Шлоймеле помолился там же, где и хозяин дома, — в хасидской молельне, и ему пришлось по душе как общая обстановка, так и характер молитвы. В Тимковичах Шлоймеле получил первый толчок к размышлениям о проблеме еврейства, а позже он пошел значительно дальше... Тимковичи стали для Шлоймеле открытием, подобным тому, что совершает мореход, натываясь на новый остров в океане. Хасиды — тоже евреи! Но все же есть разница между ними и миснагедами, среди которых он рос в своем местечке. У миснагеда словно бы замерзшая душа, он орудует лишь головой, а сердце холодно, как лед. Его учение, его молитва — все идет по писаному, все потому, что так положено. Он — как честный должник, платящий точно по векселю. Миснагед считает: по закону Израиля я делаю, что надо, искупаю свою вину — и свободен. Его Бог гневлив — если что-то идет не так, то Он сердится, сильно расстраивается и карает нарушителя... Хасид же, как Шлоймеле

Молитва была лучом света, который пробивался через тучи его меланхолии, освещал его сумрачную, сиротскую душу.

здесь увидел, напротив: горяч и увлечен. Главное для него в служении Всевышнему — радость: еврей должен радоваться со своим Создателем, со своим Богом, добрым, милосердным Отцом.

Святой Аризаль⁷⁹³ сказал, что человек не должен думать во время молитвы ни о чем плохом, — и здесь, в хасидской синагоге, молятся с огоньком.

...Однако молитва, этот светлый луч, пробивавшийся к душе Шлоймеле, освещала ее лишь ненадолго. В остальное время Шлоймеле был угнетенным, выглядел глуповатым, сонным, бродил, словно Голем⁷⁹⁴...

Ему постоянно чудилась полная красная щека с закрытым слепым глазом, она витала в воздухе напротив него. Эта щека с глазом на самом деле принадлежала дочери хозяина дома, где Шлоймеле ночевал. Дочь была здоровой, плотной, сытой, широкой в кости девицей. Шлоймеле вообще не хотел иметь к ней отношения... Допустим, она слепа на один глаз — какое ему дело? Но беда была в том, что ее собирались, как он узнал, сделать его невестой, и это его уже немало беспокоило. Он представил себе ее образ, и внутри у него закипела большая обида. Мало ему всех бед, к ним еще прибавится свадьба! И с кем? Со слепой девицей!..

Иногда на Шлоймеле нападала грусть по дому, своему местечку, по всему, что он имел в лучшие времена... Однажды во время молитвы его грусть так усилилась, что у него разыгралась фантазия. Эта фантазия победила реальность и унесла его на орлиных крыльях обратно домой, туда, где находилась мама — вспотевшая, запыхавшаяся, еле дышащая. Мать и сын посмотрели друг на друга и залились слезами.

Занятия в Копыле

Одним из главных источников дохода, отличавшим в то время местечко Копыль от всех других местечек Литвы, были «астраханки», и особенно покрывала-шали. «Астраханка» — это было такое льняное полотно, окрашенное в темно-зеленый цвет и сложенное в отрез определенного размера, которое шло по большей части на подкладку, а также на кафтаны для бедноты. Почему льняной холст получил название «астраханка», в местечке до сих пор не выяснили. Покрывала же требовали особого обращения. Местечковые ткачи отбеливали кусок льняного полотна, длинного и тонкого, как полотенце. Этим подобием полотенца женщины обматывали голову поверх чепца, разглаживая его так, чтобы свисали на затылок два конца, а основная часть имела вид блина. По бокам же имелись два меньших конца, которые назывались «фахи». Покрытая голова выглядела так, словно она находится в обруче с наложенным на него платком, завязанным в узел на лбу. Концы же платка засовывались под край или зашпиливались — один конец с одной стороны головы, другой — с другой. У старых богобоязненных евреек, особенно жен зажиточных хозяев, узел свисал на самый лоб, словно тфилн. У молодых женщин, модниц узел был сдвинут чуть в сторону.

В субботы и праздники носили шелковые, кашемировые или турецкие платки, в будние дни — шерстяные, разрисованные крупными цветами, «яблочные». Эти два вида платков сваты со стороны жениха должны были

⁷⁹³ Аризаль — акроним, которым называют Ицхака бен Шломо Ашкенази Лурию (1534, Иерусалим, — 1572, Цфат), создателя одного из основных течений Кабалы. — *Прим. пер.*

⁷⁹⁴ Голем (букв. «истукан») — персонаж еврейской мифологии, существо, созданное и оживленное кабалистами с помощью тайного знания. — *Прим. пер.*

посылать в подарок невесте, а сваты со стороны невесты посылали жениху штраймл.

Вот такой вид имели наши бабушки, носившие покрывала. Покрывало же должно было быть белым как снег, накрахмаленным, подсиненным и раскатанным. Эту работу — катание и глажку белья — выполняли две женщины совместными усилиями: одна держала обеими руками покрывало за углы с одной стороны, вторая делала то же с другой. Оно вытягивалось между женщинами как длинная, узкая кишка, в которую клали большой гладкий шар из стекла или железа. Когда одна из женщин поднимала руку немного выше, шар бежал по шали от одного края к другому. Затем рука опускалась, и шар бежал назад. Так он бегал до тех пор, пока покрывало не становилось гладким, как шелк. Посмотришь на этих женщин — как они ровно стоят друг против друга, как поднимают ручки, потрясывая плечиками, надувая щеки, отводя в стороны головки, как они корчат рожицы, крутят носиками, стреляют глазками и посылают друг другу сладко-ядовитые улыбки, как подкальвают друг друга в разговоре, — и кажется, что не надо уже ничего лучшего в мире. Куда по сравнению с этим представлением нашим нынешним театрам!..

Покрывала из «астраханки» ткали в местечке нееврейские ткачи — каждый на своем станке у себя на дому. Евреи же забирали товар и платили либо звонкой монетой, либо нитками и тальком. У каждого скупщика был свой определенный ткач, с которым он торговал. Обычно этим занимались хозяева, а еще их иждивенцы, бравшие деньги из ящика, в который откладывалась сумма на приданое. Женатые дети реб Хаима тоже покупали покрывала, а затем купцы развозили их по всем литовским городам, до которых могли добраться.

Копыльские покрывала славились в мире. Местечко хорошо на них зарабатывало, и многие евреи кормились благодаря им...

И вдруг наступили гонения, причем из-за одежды. В отношении женщин не действовал больше запрет оголять головы, а мужчины должны были одеваться по-немецки! Никаких покрывал, никакого заработка! Местечко Копыль было словно прибито, каждый чувствовал на себе удар — он пришелся по ткачам, прядильщикам, мелким и крупным скупщикам. Шинкари почувствовали, что у ткачей уже не на что поесть и выпить. Всем не хватало работы — понятно, не шли дела и у лавочников, и у ремесленников, у всего престолярства.

А уж пришла беда — отворяй ворота. Вдруг в прекрасный день, летом, в самое время для пожаров в еврейских местечках, таки случился пожар. Адский огонь обрушился на местечко Копыль. Больше половины домов ушло с огнем. Повсюду виднелись руины; огонь оставил после себя голые, закопченные печные трубы, напоминавшие могильные плиты на кладбище. Голодные, оборванные, худые, бледные люди бродили по улицам, словно живые мертвецы. Часть их рылись в кучах мусора, оставшихся от их домов, — искали, как говорится, отдохлой лошади подковы, хоть что-то из своего добра. И, понятно, была немалая радость от находок под слоем сажки — от какого-нибудь гвоздя, горшка, нескольких обгорелых картофелин...

Копыльский рынок

Местечко Копыль, как каждому известно, лежит в медвежьем углу, далеко от большой дороги. Здесь не видят почту, не слышат колокольчиков, раз-

---

Покрывала из «астраханки» ткали в местечке нееврейские ткачи — каждый на своем станке у себя на дому. Евреи же забирали товар и платили либо звонкой монетой, либо нитками и тальком.

ве что иногда раздается их звон с брички асессора, въезжающей в местечко. Но, в общем, это неглупое местечко — тихое, спокойное, серьезное. Оно основано на Торе и труде! Тора — это молитвенный домик-клойз, дом учения. Там все время царит дух учения, там ведутся беседы и возможно, ведутся лучше, чем во всяких клубах, не рядом будь помянуты. А труд — это шинкари, лавочники, содержатели складов. Тут делается много всяких дел. Не шутка — далекие миры щелкают здесь кнутом: Москва, Лейпциг, Краков, Лемберг... А вот еще шинки, склады для местных хозяйчиков или богачей, вот крестьяне из окрестных деревень, которые обычно приезжают в местечко на волах с мешками, полными картошки, свеклы, капустных кочанов. Также привозят связанных петухов, уже закопченных (туда им и дорога!) Поздней осенью, ближе к Хануке, крестьяне привозят гусей, бараньи шкуры, тулупы и так далее. Они забегают выпить в шинок: выпивают одну рюмку водки, затем пьют еще несколько, закусывают лежалым бубликом и пускаются бродить, слегка навеселе, среди лавок. Один покупает там соль, кто-то — смолу, спички, табак-махорку, кто-то — большой цветастый платок для своей жены, а кто-то — алую ленточку, чтобы повязать на голову своей дочурке. Местечко невелико и благообразно — оно ведет внутреннюю торговлю само с собой, между своими, тихо, понемногу, так спокойно, что петух не крикнет... Выделяются лишь, понятное дело, несколько небольших летних ярмарок — на них и торговля пошире, и шума чуть побольше.

На ярмарках появляются кое-какие новые лица: бравые ребята в шапках и картузах набекрень, странных, диких фасонов. Можно видеть, как они бьют друг друга по рукам, хватаются за телеги. Глаза их хитры, а носы крутятся туда-сюда. Они делают вид, что ничего не делают. Еще мы видим чубы, новые меховые шапки, слышим скрип лаптей, пахучих, обильно смазанных дегтем сапог, — это приехали крестьяне со своими некрасивыми женами. Ниточки бус свисают с голых шей. Одеты эти люди в расшитые рубахи из грубого льна; большинство их сидят, не двигаясь с места.

Среди венков из лука, корзин с яйцами — новорожденный теленок со связанными ногами, еще ищущий вымя. Он очень голодный и томится на нагруженном возу, к которому привязана за рога пестрая корова. Это его мать — ее, беднягу, привели на продажу, и молоко ее будет пить другое дитя, а несчастного теленка зарежут.

Вдруг из-за холма — бег, гонка с задранными хвостами, с брыканьем задними ногами и подкидываньем задом. Это табун лошадей; он несется, а вокруг — крики, сумятица. Озорные конюхи, сопровождающие его по бокам, щелкают кнутами. Лошадей выставляют на особом конском рынке, и вокруг них сразу образуется толпа.

Перекупщики — большие знатоки; они смотрят лошадям в зубы, оценивают, торгуются, спорят, хлопают каждую по крупу. Среди них крутится сильно возбужденный Гришка-цыган со своей лошадей. Она рослая, с толстым круглым брюхом, коричневой гладкой шерстью, и глаза ее горят огнем.

Лейзер-Бер, городской водовоз, заметив такой товар, аж задрожал и чуть не упал в обморок. Но он смеется:

— Ах, лошадь, лошадь! Ай, бедняк, бедняк! Такой лошади ты, бедняк Лейзер-Бер, не должен и желать, она не по твоему карману. Но, как в каком-то месте говорит Талмуд, попробовать можно: нет — так нет, а может, все-таки да?.. Эй, Гришка, скажи-ка, братец, сколько?

Слово за слово, главное — хороший человек Гришка-цыган! Он садится на лошадь, споро проезжает на ней туда-сюда. Лошадь бежит, дрыгая ногами, становится на дыбы... Партнеры торгуются, осыпают друг друга просьбами, ругаются и хлопают ладонью о ладонь. Подходят и чуть ли не сталкиваются носами: «уступи еще рубль!», «пусть для ровного счета будет еще рубль!», «вот упертый!» Наконец ударяют по рукам: «Решено! На счастье!» Спрыснув попокупку водкой, Лейзер-Бер ведет лошадь домой, полный радости.

Тем временем летнее солнце припекает, и по разгоряченным лицам текут струи пота. Люди идут попить, но в бочках — ни капли воды! Повсюду тарарам, все бегут смотреть на какое-то диво. Под навесом балагана нарисованы всякие диковины: человек-обжора, страшные крылатые существа, ведьмы, черти. Стоит комедиант в широких штанах, переливающихся разными цветами. Он трубит в трубу, зовет внутрь на представление — кукольный театр. Он кувырывается, вертится, бросает словечки собравшимся зевакам, парням и девушкам, детям и взрослым, которые зевают, молчат и держатся в сторонке. Некоторые посмеиваются. Но вдруг с другого конца рынка слышится крик — там драка! Лупят, бьют цыгана!

Вот послушайте историю: пару часов спустя подошел Лейзер-Бер к лошади и не смог ее узнать. Где лошадь? Один какой-то призрак от нее. Ах, чтоб этот призрак вселился в негодника-цыгана!

Где брюхо? Лошадь оказывается старой, худой — кожа да кости. Вот что выделяет цыган! Он надул лошадь под шкурой, как надувают пузырь, а также подпилит ей зубы и дал специальное зелье — чемерицу в водке. Это зелье разгорячило лошадь, украсило ее, придало энергии — она стала просто огонь!

А вот люди собираются на рынке вокруг новой, только что прибывшей личности с шарманкой. Это большой человек, музыкант — он дает концерт! Он крутит шарманку, а инструмент играет, неся людям диковинные песни. Обезьянка в платьице танцует на задних лапках, маленькая девочка в панталонах прыгает через обруч, а молчаливый бледный мальчик извивается, ходит вверх ногами и вниз головой. Толпа дрожит, желая большого чуда, — ой, таких трюков еще не видели, даже не слышали о них!

А время не стоит на месте. Час идет за часом, понемногу начинает смеркаться, наползают вечерние тени. Рынок поет хвалебную песнь! Где-то на возу из мешка визжит связанный поросенок. Он голоден и устал лежать целый день без еды. Ему издалека отвечает корова, которую тоже надолго оставили стоять привязанной за рога. Связанные петухи ждут своей участи в телегах, вопя от гнева, — их так надолго разлучили с их женами! И в хор включаются телята, которые тоже лежат связанными, — они мекают на разные лады, тонко и грубо, следуя за голосом старшего.

Солнце заходит, отправляется на отдых. Народ начинает разъезжаться — ярмарка окончена. На рынке крутятся куры, шныряя туда-сюда в поисках съестного. Местечковые коровы, вечно голодные обжоры, хватают на ходу то пучок соломы, то клочок сена.

Мальчишки с палками, специально посланные из дома, шарят в мусоре — может, кто-то что-то потерял, тогда они заберут. В припечках горят огоньки, варится ужин. Мужчины — в синагогах, на слепополуденной молитве. И вот наступает ночь — ша, тихо, спокойно!

АВРОМ ЭПШТЕЙН

(Из книги «Решумот»⁷⁹⁵)

Бабушка Ривка

Так ее называли все жители города, от самых маленьких детей до седых стариков. Все приходились ей внуками, все рождались у нее на коленях, ее улыбающееся лицо встречало каждого, кто появлялся на свет.

Она была повитухой. Более восьмидесяти лет занималась она своим делом — с тринадцати лет и до самой смерти. Мягкие руки этой маленькой милой бабушки впервые коснулись и приласкали тысячи малышей.

День за днем, буквально лучась радостью, мерила она улицы города своими быстрыми шагами, как будто парила в воздухе и летела навстречу новой жизни, рождавшейся из мук рожениц. У нее было удивительное лицо: смеющееся, светящееся внутренним светом. В нем было что-то от света заката — отзвук древней исчезнувшей красоты.

Если она встречала на улице кого-нибудь из своих «внучат» — малышей, она угощала их лакомствами, которые носила в глубоком и широком кармане, всегда полном сладостей, оставшихся от угощения, устроенного в честь трапезы «шолом-зохар»⁷⁹⁶ или обрезания. Старики приветливо смотрели ей вслед, и их лица озаряла легкая улыбка, словно тень сладких воспоминаний о прошедших днях.

Женщины любили и уважали ее безгранично. Она возилась с каждой из будущих матерей все месяцы их беременности, и все дни, что она находилась рядом с ними, были для них временем радости и веселья. Она умела облегчить их страдания, смягчить родовые муки, утешить и поддержать в тяжелые минуты.

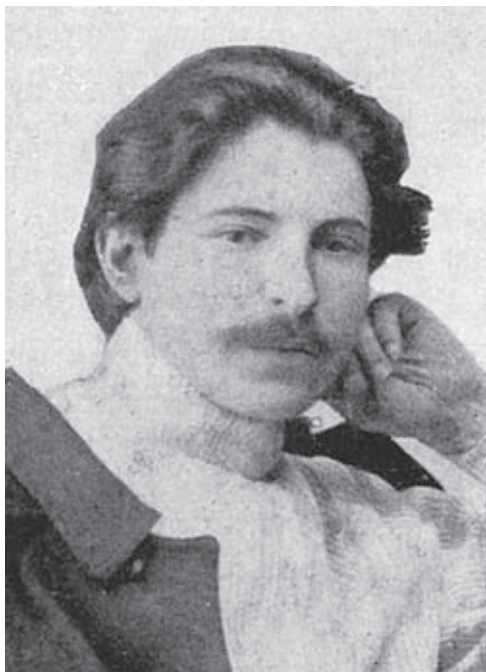
Стоило ей войти в комнату к роженице, как она сразу же делилась с ней энергией и уверенностью. Быстро и с радостью человека, исполняющего заповедь, она бралась за работу и делала все необходимые приготовления. Параллельно она беседовала с роженицей и успокаивала ее, улащая свою речь притчами и поучениями, высказываниями мудрецов и рассказами о чудесах, которыми ее голова была полна, как гранат зернышками. Несмотря на все страдания, роженица начинала улыбаться, ее искаженное болью лицо озарялось светом — светом надежды, утешения и радости в ожидании грядущего счастья, которое должно наступить всего через несколько мгновений.

Большинство женщин, к которым ее приглашали, были очень бедны, буквально без гроша за душой, и всех их она поддерживала во время беременности. Доктора всегда были готовы пойти на вызов по ее просьбе, аптеки выдавали ей лекарства от всех болезней. Жен богатых людей, у которых она принимала роды, она обложила налогом: требовала, чтобы они варили для бедных рожениц куриный бульон, кашу и другие кушанья, пекли пироги, — словом, готовили на своих кухнях все, что необходимо как для самой

⁷⁹⁵ «Решумот» (иврит) — «Записи».

⁷⁹⁶ *Шолом-зохар* (иврит в ашкеназском произношении) — «Благополучие мальчика» — трапеза, устраиваемая в предшествующую обрезанию субботу.

Стоило ей войти в комнату к роженице, как она сразу же делилась с ней энергией и уверенностью. Быстро и с радостью человека, исполняющего заповедь, она бралась за работу и делала все необходимые приготовления.

Авром Эпштейн

роженицы, так и для трапезы в честь обрезания. Не было человека, который мог бы ей отказать. Все, что она просила, ей давали охотно, от чистого сердца и с радостью. Все прекрасно знали, что когда речь заходит о помощи другим, она дает и свое. И, разумеется, не нужно объяснять, что с бедных рожениц она не брала никакой платы за свои труды, которые продолжались две недели и более. Она была расточительной женщиной, первой дававшей пожертвование на любую благотворительность. Знатоки Торы и студенты йешивы столовались у нее дома. Среди тех, кого она кормила, был и Шолом Абрамович (Менделе Мойхер-Сфорим) во время своей учебы в Слуцке.

Ее дом был открыт для всех, у кого возникли трудности и он нуждался в помощи. Многие уважаемые люди города приходили к ней посоветоваться, ибо кто лучше, чем эта женщина, понимал душу каждого человека и в радости, и в горе? Она ухаживала за всеми, поэтому ей были открыты все самые сокровенные мысли и чаяния людей.

Более восьмидесяти лет делала она свою работу — святую работу, не оставлявшую времени ни на сон, ни на отдых. Тем не менее силы ее не иссякали, она стремительно передвигалась, была легка на подъем и до последнего вздоха спешила исполнить заповедь.

В ее душе бил источник жизни. С возрастом ее разум несколько не ослаб. Напротив, глубокое знание жизни дало ей необыкновенную ясность мысли, сладостную, словно старое вино. Она обрела душевный покой, который дарует любовь к жизни и к людям. Ее сердце светилось ярким светом веры и упования на Всевышнего. Возможно, в этом и заключалась тайна ее удивительной бодрости, которую она сохраняла до последнего дня, не смотря на все многочисленные и тяжкие страдания, выпавшие на ее долю за долгую жизнь.

Она повидала много горя. Все, кого она любила, умерли еще при ее жизни. Ее муж скончался, не прожив и половины положенного срока. Единственный сын, Авремеле Шувалов, бывший раввином Свислочи, умер от гриппа в возрасте тридцати лет, оставив жену и двух детей. Старшая

Более восьмидесяти лет делала она свою работу — святую работу, не оставлявшую времени ни на сон, ни на отдых.

дочь тоже умерла. Ее младшую сестру, повитуху Сору (мать автора этих строк), она проводила в последний путь за неделю до своей кончины.

Трагической красотой были окрашены и необычные обстоятельства ее собственной кончины. Вечером того дня, когда умерла моя мать, мы вернулись с похорон, и бабушку Ривку позвали к моей сестре, у которой начались роды. Она пошла и помогла ей родить девочку. Как только новорожденная издала первый крик, бабушка упала около кровати роженицы и не смогла встать — у нее случился удар. Неделю она угасала и агонизировала, пока наконец не вернула душу Творцу. Девочку назвали Сора-Ривка, в честь моей мамы Соры и бабушки Ривки.

Огромная толпа провожала ее в последний путь. Когда процессия проходила мимо синагоги, раввин произнес надгробную речь. Количество поминальных свечей, которые люди принесли и зажгли в ее доме, перевалило за несколько тысяч. Она скончалась в возрасте девяноста пяти лет, не оставив наследникам ничего, кроме квартиры и доброго имени.

(В Слуцке бабушку Ривку называли *ди алте бобе* — старая бабушка, а дочь ее Сору, тоже повитуху, даже когда она состарилась, называли *ди юнге бобе* — молодая бабушка.)

Реб Куси (Йекусиэль-Айзик Голдес)

Этот человек предстает предо мной, сопровождаемый громом и молниями, в центре бушующей стихии, сменяющейся полным безмолвием. Я вспоминаю: ночь «Кол нидрей...», море свечей среди моря покрытыми талесами голов⁷⁹⁷, завораживающие молитвы, сокрушенные сердца, слова, произносимые горячим шепотом, утешение, скорбь и утешение, напряжение всех сил, священный трепет, когда душа покидает тело... Молитва возносится к небесам, подобно буре, голоса сливаются и гремят, подобно штормовому морю. А посреди этой бури стоит реб Куси-Айзик Голдес.

Он стоит перед своим пюпитром, застывший и неподвижный — безмолвная скала посреди бушующих волн. Молитва закончилась, запели «Шир га-ихуд»⁷⁹⁸. Вдруг он очнулся и весь вспыхнул, подобно факелу. Руки взмывают вверх, талес сползает на плечи, лицо озаряется, глаза пылают, как раскаленные угли, и он издает громоподобный рык. Подобно грому, обрушивается его голос на головы молящихся, унося их всех за собой и поглощая своим рыком. Реб Куси взывает, община повторяет за ним. Возникает симфония могучих голосов, громоподобная молитва, возносящаяся к небесам и достигающая Престола Славы. Вдруг он замолкает и стоит перед своим пюпитром, словно безмолвная статуя, словно вулкан, остывающий после извержения лавы. Так он стоял всю ночь и все следующее утро: талес сполз на плечи, на страницы махзора⁷⁹⁹ капают слезы... Наконец дошли до молитвы «Мусаф»⁸⁰⁰. Читают отрывок о порядке служения в Храме. Молящиеся пробуждаются, все взгляды устремлены на него, на реб Куси-Айзика Голдеса; сердца бешено колотятся в груди. Все замолчали в тре-

⁷⁹⁷ В Йом-Кипур мужчины молятся в талесах весь день, а не только утром, как в остальные дни года. — Прим. пер.

⁷⁹⁸ «Шир га-ихуд» — «Гимн единству [Бога]», состоящий из семи частей, соответственно дням недели. В некоторых общинах исполняется хором в конце богослужения. — Прим. пер.

⁷⁹⁹ Махзор (иврит) — «Цикл» — сборник молитв для праздничных дней. — Прим. пер.

⁸⁰⁰ «Мусаф» (иврит) — «Дополнение» — дополнительная молитва по субботам и праздникам. — Прим. пер.

р. Куси (Йекусиэль-Айзик Голдес)

петном ожидании. Вдруг он издает со своего места громоподобный рев. Громким, нечеловеческим голосом он изрекает: «Ве-ѓа-коѓаним ве-ѓо-ом ѓо-оймдим ба-азоро, кеше-ѓойу шоймим эс Ѓа-шейм ѓа-нихбод ве-ѓа-нойро мефойрош йойцей ми-пи хойѓейн годойл би-кдушо у-в-тоѓоро, ѓойу койрим у-миштахавим ве-нойфлим ал пнейѓем...»⁸⁰¹ С этими словами он падал на пол, дрожа и сотрясаясь всем телом. Все остальные следовали его примеру. После того как он вставал, вставали и все остальные. Хазан отступал на второй план, его рулады больше никто не слушал. Реб Куси выходил победителем: по его знаку все падали ниц, по его знаку вставали. Это повторялось несколько раз, пока не заканчивали читать раздел о служении.

Еще одно воспоминание. Вечер Девятого ова, после чтения кинес⁸⁰². В воздухе разлита скорбь, сердца объаты невыразимой печалью. Перед мысленным взором проходят картины разрушения Храма. Не в силах заснуть, я слоняюсь по спящей синагоге, погруженной в безмолвие. Везде темно, и только возвышение возле ковчега освещено пламенем свечи. Несколько стариков сидят на ступеньках вокруг нее, и реб Куси читает им «на злобу дня»⁸⁰³. Этот голос пробирал меня до глубины души: слабый, еле слышный голос больного, плач души скорбящего о гибели своих сыновей. Мне никогда не забыть это зрелище! На его лице читалась скорбь всех еврейских поколений; я увидел изгнание лицом к лицу.

Тем временем в городе произошел раскол, народ разделился на два лагеря. Богачи и главы общины вместе с многочисленными прислужниками

⁸⁰¹ «Ве-ѓа-коѓаним ве-ѓо-ом ѓо-оймдим ба-азоро, кеше-ѓойу шоймим эс Ѓа-шейм ѓа-нихбод ве-ѓа-нойро мефойрош йойцей ми-пи хойѓейн годойл би-кдушо у-в-тоѓоро, ѓойу койрим у-миштахавим ве-нойфлим ал пнейѓем...» (иврит в ашкеназском произношении) — «А священнослужители и народ, стоявшие во дворе, слыша славное и грозное Имя Бога, исходившее из уст первосвященника, преклоняли колени и падали ниц».

⁸⁰² *Кинес* (иврит в ашкеназском произношении) — траурные гимны-элегии, оплакивающие разрушение Храма и другие бедствия, выпавшие на долю еврейского народа. Девятого ова кинес читают в синагогах после чтения книги «Ѓйха». — *Прим. пер.*

⁸⁰³ Истории из Талмуда и мидрашей, рассказывающие о разрушении Храма. — *Прим. пер.*

и клеветами сплотились вокруг р. Меерке Пеймера, сына р. Йоселе. Йешиботники и простой народ считали своим раввином Якова-Довида Вилковского (прославившегося своим монументальным трудом об Иерусалимском Талмуде; в конце жизни он стал главой йешивы в Цфате, где и скончался). Две партии, два мира. С одной стороны — древняя традиция, аристократические манеры, знатное происхождение. С другой — острый ум, блестящие познания в сочетании с простотой в обращении. Конфликт разрастался, сплетники доставляли слухи из одного лагеря в другой и обратно, клеветники выдвигали обвинения и контробвинения. Прежние друзья становились непримиримыми врагами. И лишь один реб Куси-Айзик Голдес по-прежнему стоял посередине. Будучи знатоком Торы, он склонялся в сторону р. Вилковского, однако из уважения к покойному р. Йоселе бывал и в доме его сына. Неожиданно он изменил свое поведение и совершил поступок, который потряс весь город: вышел к биме и при всем народе стал обличать р. Меерке. При этом глаза его пылали, и он изрекал страшные, ужасные, невыносимые слова: нечестивец, губитель Израиля... Прихожане были потрясены.

На следующий день реб Куси пошел к р. Меерке и попросил у него прощения. Он бросился ему в ноги, стал целовать край одежды и рыдал, как младенец.

Таков был этот человек, такие у него были манеры. Любое его выступление неизменно потрясало, вызывало скандал, порождало надежду и страх одновременно. Он словно весь состоял из резких, острых граней: невысокого роста, крепкое тело, вытянутая голова, выпуклый упрямый лоб, тонкое лицо отшельника... В его сторбленном облике и неуверенных движениях было что-то тяжелое, сдерживающее, как будто он прилагал огромные усилия, чтобы совладать с собой. В его мятежных глазах таилась буря, его молчание казалось затишьем перед нею.

Для людей он оставался загадкой, полным противоречий человеком, в котором восторг и экстаз отшельника-одиночки сочетались с трюками и уловками общественного деятеля. Расточительный и приятный, когда это касалось его собственных дел, он становился фанатичным скрягой, едва речь заходила об общественных интересах. Однако все эти противоречия произрастали из одного источника в его душе, представлявшей собой сплошную бурю и натиск. Его душа всегда пребывала в напряжении, в сердце бушевало пламя; стоило его тронуть, как раздавался взрыв.

Времена менялись. В стенах старого еврейства появлялись все новые и новые проломы. Молодежь требовала перемен, повеяли новые ветры. Реб Куси сразу почувствовал надвигающуюся угрозу и во всеоружии вышел на войну.

Всю свою жизнь он был бойцом. Врагов и ненавистников у него хватало. Одни называли его выскочкой, другие — лицемерным дураком. Однако стоило ему появиться на людях, как все немедленно умолкало, со страхом в сердце ожидая, что он скажет.

Иногда он сидел в своей лавке, торговавшей выделанными кожами. Судя по всему, пребывание в лавке в обществе простых крестьян, покупающих его товар, давало отдых его душе. Здесь он с головой погружался в мирские, будничные дела, имел дело с грубой материальной реальностью, так что пламя, сжигавшее его сердце, ненадолго угасало.

Через десять лет я увидел его снова. Я вернулся домой из большого мира, где соскучился по своему маленькому местечку, детским сказкам

Любое его выступление неизменно потрясало, вызывало скандал, порождало надежду и страх одновременно.

и безвозвратно ушедшему прошлому. Зайдя в синагогу, я застал реб Куси-Айзика Голдеса среди живых — единственного из того поколения. Выглядел он ужасно: дряхлый старик, страдавший от множества телесных недугов... Он показался мне символом — символом агонии целой эпохи.

ИЦХОК-ДОВ БЕРКОВИЧ

«Г'а-ришоним ки-вней-адам!»⁸⁰⁴

С другом детства Менделе Мойхер-Сфорима

Тем временем я расстался с йешивой и оказался предоставлен самому себе. Никакой отцовской власти надо мной не было (отец уехал в Америку). Поэтому мне удалось уговорить маму, чтобы она нашла мне учителя русского языка, и я начал усиленно заниматься своим светским образованием. Чтобы успокоить маму, подозревавшую, что я, не дай Бог, собираюсь креститься, я пообещал ей, что половину дня буду самостоятельно учить Талмуд в синагоге на нашей улице. Она давно уже стояла пустой и безлюдной; по будним дням там учился один-единственный старый еврей, которого звали Мотэ Капульчик, поскольку он был родом из соседнего города Копыля. Поэтому для учебы я выбрал дневные часы, когда Капульчик уходил домой пообедать и немного вздремнуть. Нарезая круги вокруг бимы, я снова и снова повторял правила русской грамматики и имена героев русской истории из учебника Иловайского⁸⁰⁵. Мрачные стены синагоги, возможно, в первый раз слышали звуки чужого языка и незнакомые и непонятные имена: Святополк Окаянный, Владимир Мономах, Дмитрий Донской... Правда, меня немного смущал вид старинного ковчега, одиноко стоявшего в сумраке и словно бы смотревшего на меня с осуждением. Однако если ковчег и скорбел, то он делал это молча. А вот разговора с Капульчиком избежать не удалось.

— Слушай, ты ведь хороший мальчик, — обратился он как-то ко мне неожиданно мягко и ласково. — Неплохой мальчик, с неплохими взглядами. Но что это за гойские книги, которые я нашел у тебя в конторке? А?

— Это кашерные книги, — попытался я успокоить старика, — учебники русского языка и математики.

— Русский язык и математика? Зачем это мальчику, изучающему Тору? Ты что, задумал перенять их культуру?

— Наоборот! — я решил победить старика его же словами. — Я люблю нашу культуру, дерех эрец⁸⁰⁶. Разве не сказано в трактате «Авот»: «Хорошо занятие Торой сочетать с дерех эрец»⁸⁰⁷?

Нарезая круги вокруг бимы, я снова и снова повторял правила русской грамматики и имена героев русской истории из учебника Иловайского.

⁸⁰⁴ «Г'а-ришоним ки-вней-адам!» (иврит) — «Предки были людьми». См. Талмуд, «Шабат», 112б: «Если отцы наши были ангелами, то мы люди, если людьми, то мы скоты». — *Прим. пер.*

⁸⁰⁵ Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) — русский историк и публицист, автор гимназических учебников русской истории, по которым учились несколько поколений российских гимназистов. — *Прим. пер.*

⁸⁰⁶ *Дерех эрец* (иврит) — букв. «путь земли». Этот термин имеет несколько значений: обычаи, этика, достойное поведение...

⁸⁰⁷ «Йофе талмуд Тойроим дерех эрец...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Хорошо сочетать изучение Торы с дерех эрец...» («Авот», 2:2).

— А, — сказал старик, — я вижу, ты уже научился говорить на языке членов этого общества⁸⁰⁸, да сотрут ся их имена. В пользу своих занятий, которые кончатся крещением, ты приводишь мне доказательства из трактата «Авот»! Нужно будет рассказать о тебе твоей матери! Боюсь, ты кончишь так же, как один из моих прежних приятелей.

— Что за приятель?

Меня просто распирало от любопытства.

— Очень известный грешник. Если ты интересуешься этими мелкими книгами, то наверняка знаешь его имя. Оно такое же, как у издательства. Он писал рассказы на идише.

— Но как его звали? — не отставал я.

— Как звали? погоди немного, сейчас скажу.

Старик ненадолго задумался, потер рукой лоб...

— Благословен напоминающий забытое! Точно, его звали Шолом, Шломке. Мое сердце забилося сильнее. Ну конечно, Капульчик ведь из Копыля!

— Шолом-Яков Абрамович? — спросил я чуть ли не с трепетом.

— Абрамович? — старик презрительно махнул рукой. — В то время никто не знал никакого Абрамовича! Его звали Шолом. После того как он стал неверующим, он написал книгу, сборник рассказов на идише. Какие-то глупости, дурачество, про коня или про лошадь...⁸⁰⁹ Бабы премудрости, не о чем говорить!

— Это же Менделе Мойхер-Сфорим! — от изумления я даже вскочил со своего места.

— Какой еще Менделе? Ты что, издеваешься надо мной? — начал сердиться старик. — Я говорю тебе — Шолом, а ты говоришь — Менделе! И с чего ты взял, что он был книгоношей? Никакой он не книгоноша, просто неверующий, пустой человек, осквернитель субботы.

Я, однако, не отставал от Капульчика, надеясь узнать от него что-то новое о жизни Менделе.

— Нет, вы только посмотрите на этого малого, как он загорелся! — сказал Капульчик. — Как будто я рассказал ему о знаменитом раввине, одном из глав поколения...

По словам Капульчика, уже в детстве этот Шломка не считался «драгоценным сосудом». Оба они учились в Копыле в одной синагоге, однако по сравнению с ним Шломка был полный ноль, пустоголовый парень. В то время как он, Капульчик, убивался над Талмудом и Тосафот, Шолом интересовался не еврейскими законами, а приведенными в Талмуде историями и легендами. Это, конечно, не самая большая беда. Потом он уехал из Копыля куда-то далеко, кажется, в Вильну или Варшаву, и там обрек себя на гибель. Говорят, что он пишет в субботу. А поскольку он женат на достойной богобоязненной женщине, по субботам она силой отбирает у него карандаш и возвращает только после гавдоле.

Рассказ о детстве Менделе Мойхер-Сфорима укрепил мою решимость и вдохнул в меня новую надежду. «Не на небесах она»⁸¹⁰, Менделе тоже

⁸⁰⁸ Стронников Гаскалы. Ранние просветители старались обосновать свою позицию доводами и цитатами из религиозной еврейской литературы. — *Прим. пер.*

⁸⁰⁹ Имеется в виду повесть «Ди Кляче» (см. выше).

⁸¹⁰ Устойчивое выражение, означающее «это достижимо», восходящее к отрывку из «Дварим», 30:11–14. — *Прим. пер.*

провел свое детство в Копыле. Однако с этого дня мне стало невозможно продолжать заниматься в пустой синагоге, поскольку бывший приятель Менделе следил за мной в оба глаза, чтобы я не отрывался от святых книг. Поэтому я бежал из синагоги и стал учиться дома.

Менделе о Слуцке и своем друге детства

Случайно познакомившись с Менделе Мойхер-Сфоримом, я стал завсегдатаем его дома. Услышав от меня, что я из Слуцка, он страшно обрадовался:

– Неужели? Ты действительно уроженец Слуцка? С загнутым пальцем⁸¹¹? Если так, значит, мы с тобой немного родственники. В юности я провел в Слуцке несколько лет, учился в синагоге реб Йоны, «ел дни» у других слуцких богачей... Эх, было время... Но если так, что же ты молчишь? Чтобы слуцкий еврей сидел и молчал — да где это видано?

Менделе встрепенулся, щеки его покраснелись, и он принялся расспрашивать о Слуцке и тамошних своих друзьях и знакомых. Однако все они давно уже пребывали в лучшем из миров, и в детстве я слышал только их имена да рассказы об их поступках. Менделе тем временем чертил на ладони план Слуцка и его улиц.

– Вот тут был рынок, с рынка ты сворачиваешь на Копыльскую улицу и идешь по ней до синагоги реб Йоны и синагогального двора. Через город проходило шоссе — это царская дорога, ведущая в Остров. Там, в Острове, жили мои добрые друзья, люди с замечательной душой, из хороших семей; у них были потрясающие дети, и все они были учеными, просвещенными и прекрасными... — Менделе потер рукой свой высокий красивый лоб, покрытый густыми прямыми морщинами. — Владыка мира, как же их звали?! Постой... Нет, их имена стерлись из моей памяти. Ведь это было не вчера, а много, очень много лет назад...

И тут я вспомнил друга детства Менделе, выходца из его родного Копыля, который следил за мной в синагоге и читал мне нравоучения, чтобы я не следовал его, Менделе, примеру и не стал, как он, вольнодумцем и безбожником.

– Неужели? — спросил Менделе, словно скрывая свое любопытство. — Из Копыля? Мой товарищ? Как его звали?

– Звали его Моте, но у нас его называли Капульчик.

– Моте, — произнес Менделе. — Не слишком хорошая примета. В Копыле был целый миньян разных Моте. Что он был за человек, этот твой Моте?

– Насколько я знаю, время от времени он ездил по деревням и скупал у крестьян лен, а на старости лет засел в синагоге и учил Тору. За год он проходил весь Талмуд!

– Это тоже не лучшая примета, — сказал Менделе, потеряв лоб рукой. — Моте, Моте... Так что, говоришь, рассказывал обо мне этот Моте?

– Разное рассказывал. Например, что в детстве, когда вы вместе учились в синагоге в Копыле, вас больше интересовала Агада, чем законы.

⁸¹¹ В наших краях случчане считались жуткими гордецами. Когда еврея из Слуцка спрашивали, кто он и откуда, он сгибал палец и начинал перечислять: «Во-первых, я из Слуцка...» На этом он останавливался, полагая, что этим все сказано, и так и оставался с загнутым пальцем. — *Прим. автора.*

– А этот твой Моте, он, конечно, был знатоком законов! — насмешливо сказал Менделе, и мне показалось, что он начал припоминать, кто это. — Ну, а что еще он рассказывал?

– Обычные сплетни бездельников, которые ходили в Копыле после того, как вы уехали.

– Ну? Рассказывай же, рассказывай! Почему я должен вытягивать из тебя каждое слово?

Я уже пожалел, что начал этот разговор. Зачем я стану рассказывать ему все как есть: что бывший товарищ презирал его, что он говорил о «Ди Кляче» как о какой-то глупости и дурачестве, что он рассказывал о нем как о грешнике, нарушающем субботу, и о том, что его жена силой отбирала у него карандаш и возвращала его лишь на ее исходе... Разумеется, все это только расстроит старика. Поэтому я постарался смягчить свой рассказ, насколько это было в моих силах. Тем не менее я чувствовал, что Менделе расстроился. Некоторое время он сидел неподвижно, с хмурым и печальным лицом...

– Нет! — внезапно воскликнул он, тряхнув своей седой красивой головой. — Все это очень неприятно! Как я мог быть его приятелем? Я вообще не помню, чтобы у меня был друг по имени Моте!

Во время своего третьего визита я пригласил Менделе на загородную прогулку. Мы вышли на дорогу, ведущую к горе Салев⁸¹², и двинулись в путь под безоблачным небом, наслаждаясь ранним швейцарским летом. Стройный крепкий старик в высокой соломенной шляпе, Менделе казался помещиком, которому все должны уступать дорогу и почтительно снимать перед ним шапки. Разговаривая на ходу, он шел молодым бодрым шагом, совершенно не уставая от того, что приходится одновременно делать два дела. Только когда мы оказались за городом, недалеко от горы, среди разбросанных домиков, окруженных изумрудными лужайками, укрывшимися под тенью зеленых деревьев, Менделе остановился, оперся на палку, повертел головой, раздул ноздри и сделал глубокий вдох, наслаждаясь запахом свежего сена, сохнувшего на солнце где-то во дворах.

– Здешний воздух просто живительный. Совершенно не нужно уезжать на лето в деревню!

Внезапно он повернулся ко мне, как будто ему пришла в голову неожиданная мысль. Лицо его потемнело, и он произнес слегка недовольным голосом:

– Послушай: этот твой еврей, ну, тот, который ездил по деревням, который Моте... Действительно, был такой в копыльской синагоге. Однако это был человек с грубой душой, совсем не из тех, с кем я дружил... Ну да, я его помню. Но он был просто дурак... просто дурак...

Улетевший жареный голубь

Дедушка Менделе Мойхер-Сфорим рассказывал:

– После смерти отца мама послала меня в древний город Слуцк, недалеко от моего родного Копыля, учить Тору в йешиве. Я был бедным мальчиком, однако происходил из хорошей семьи. Кроме того, способ-

⁸¹² Гора Салев высотой 1380 м — символ Женевы. После революции 1905 г. Менделе Мойхер-Сфорим некоторое время жил в этом городе.

Стройный крепкий старик в высокой соломенной шляпе, Менделе казался помещиком, которому все должны уступать дорогу и почтительно снимать перед ним шапки.

ностями и усидчивостью я превосходил всех своих товарищей. Жители города заметили меня и выделяли среди всех моих ровесников, называя меня «илуй из Копыля». Как-то раз один человек, известный во всей округе богатством и щедростью, задал в своем доме пир для лучших людей города, обладателей значительных капиталов и знатоков Торы. В числе других приглашенных к столу неожиданно оказался и я — бедный сирота, чья нога никогда прежде не переступала порог богатого дома! Все мои товарищи не могли скрыть изумления и страшно завидовали мне, удостоившемуся столь великой чести. Зубоскалы, бывшие среди них, обрушили на меня стрелы своих насмешек. «Не иначе, — говорили они, — богач хочет поскорее женить тебя на своей дочке». Настал день пира, и сердце мое объял страх. Я надел субботнюю одежду, однако совершенно не был уверен, что смогу вести себя в таком доме в соответствии со всеми правилами этикета, принятого в высшем свете. Однако дураком я не был, поэтому решил про себя: посмотрю, как ведут себя другие приглашенные, и буду поступать так же. Явившись вечером на пир, я был потрясен увиденным, казавшимся мне сказочным сном. Я и представить себе не мог, что в мире бывает такое богатство и такая красота! Дом — не дом, а царский дворец: высокие прекрасные комнаты, залитые светом; золотые и серебряные светильники, позолоченные кресла, шелковые и бархатные гардины... В каждом углу, куда бы я ни бросил взгляд, — золото и серебро. Своими худыми ногами я ступал по дорогим, мягким, пушистым коврам... Дрожащий и стесняющийся, вместе с другими приглашенными я вошел в просторную роскошную залу. Встретили меня приветливо и усадили во главе накрытого к трапезе стола, вместе с лучшими людьми города. Все сидевшие за столом смотрели на меня с удивлением и шепотом спрашивали друг друга: «Кто этот парень?» — «Кто-нибудь знает, кто это?» — «Это же илуй из Копыля!» — «Из богатой семьи?» — «Нет, бедный сирота». — «С какой стати его позвали на праздник?» — «Говорят, он очень понравился хозяину и в ближайшие дни тот женит его на своей дочке». — «Правда? Ну и счастливчик же этот парень! Счастливы родившие его!» Я слушал все эти разговоры, ощущал на себе взгляды сидевших за столом и от стыда не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Начался пир. Лакеи сновали туда-сюда, подавая на стол всевозможные кушанья и напитки. Все приглашенные ели и пили, ни в чем себе не отказывая. Все разговаривали, смеялись, звенели ложками и вилками, радовались и веселились. Лишь я один сидел среди них, не произнося ни слова, словно пленник среди свободных, и даже не притронулся к еде. Я так разволновался, что был еле жив, у меня совершенно пропал аппетит. Тем временем на стол подали жареных голубей, две штуки каждому гостю. Посреди всеобщего шума я вдруг услышал голос хозяина, обратившегося ко мне: «Ты чего не ешь? Ты что, собираешься уйти отсюда голодным?» Гнетущая тишина воцарилась в зале. Все взгляды обратились ко мне. Смутившись, я взял в руки нож и вилку, но совершенно не знал, как с ними обращаться. До этого дня мне никогда не приходилось пользоваться такими столовыми приборами — в йешиве мы жили на хлебе и воде. Вспомнив, что я решил накануне, я украдкой огляделся, чтобы понять, как другие гости управляют с ножом и вилкой. Однако от волнения в глазах у меня помутилось, и я ничего не видел, кроме голов, двигающихся, словно в тумане, и ртов, занятых пережевыванием пищи. Поэтому я решил попробовать справиться с жареными голубями по своему разумению. Я стал тыкать в них ножом и вилкой, переворачивая их с боку на бок и измываясь над ними без всякой

В числе других приглашенных к столу неожиданно оказался и я — бедный сирота, чья нога никогда прежде не переступала порог богатого дома!

жалости. Я повторил это несколько раз, как вдруг — скандал, катастрофа! Не выдержав моих издевательств, один из двух голубей внезапно расправил крылья и взлетел с моей тарелки — прямо в лицо хозяйке дома, сидевшей напротив!.. В ту ночь я дал обет: пока я беден, никогда больше не ходить на пир к богачам. И еще один обет дал я в тот день: до конца своих дней никогда не есть жареных голубей!

Ицхок Каценельсон в Слуцке

Летом 1904 года, когда я приехал из своей деревни, чтобы провести летние месяцы в Слуцке, я пригласил в гости своего друга Ицхока Каценельсона, уже успевшего сделать себе имя первыми стихами и фельетонами на иврите. Я успел привязаться к нему всей душой, когда жил вместе с ним в доме его родителей в Лодзи. Ицхок охотно принял мое приглашение и несколько дней прожил в нашем доме.

Ицхоку Каценельсону, величайшему плакальщику недавней Катастрофы, погибшему вместе с женой, детьми и миллионами наших братьев от рук нацистских палачей, прислужников дьявола, и завещавшему нам свой знаменитый реквием⁸¹³, потрясший весь еврейский народ, тогда исполнилось девятнадцать. Это был красивый, жизнерадостный, приятный в обращении юноша.

В то время сионистская молодежь Слуцка собиралась в известной сионистской чайной, а по вечерам встречалась на квартире акушерки Авигаиль Карон, невестки Пейсаха Карона. Эта чайная была местом, где собиралась городская интеллигенция. Ицхок произвел там сильное впечатление, понравился всем присутствующим и похитил сердца всех юных слуцких девушек.

Справа налево:
Гилел Дубров,
Ицхок Каценельсон,
Авром Эпштейн,
Ицхок-Дов Беркович

⁸¹³ «Дос лид фун ойсгеґаргетн идишн фолк» (идиш) — «Песнь об убиенном еврейском народе» — поэма-реквием об уничтожении европейского еврейства.

Напоминанием об этих днях является фотография, сохранившаяся в моем архиве. Перед тем как проститься с Каценельсоном, мы решили с еще двумя друзьями посетить местечки в окрестностях Слуцка. Из них мне запомнились Тимковичи, встретившие нас страшным пожаром, в котором сгорело почти все местечко. Позже, когда Каценельсон писал книгу «В Литве», он использовал в ней некоторые впечатления, полученные в Слуцке и окрестностях.

«Угеркес»⁸¹⁴

(отрывки из одноименного рассказа)

Пришло самое время собирать огурцы. Это были дни, когда с самого утра и до позднего вечера в доме стоял гул, царило страшное возбуждение, сновали туда и сюда отчаявшиеся было люди, вдруг увидевшие свет в конце тоннеля. Больше всех была возбуждена мама. В эти дни она варила и пекла, а сама не ела и не пила, готовила, но не отдыхала и не спала, не смотрела за домом. Она знала только одно: огурцы.

Когда Ривка пробуждалась от сна на заре, с первыми лучами солнца и вставала с постели, она натыкалась на маму. Босая, с взлохмаченными волосами и обнаженной грудью, незаметная, как тень, стояла она в полутьме и думала о чем-то в одиночестве. Затем она так же тихо шла на кухню, становилась у окошка, продолжая о чем-то размышлять, и вздыхала, и казалось тогда Ривке, что мама совсем не спала, что она всю ночь стояла где-то в темном уголке и часами думала там свои думы и ждала наступления дня, первых солнечных лучей.

Мама не задерживалась у окошка: вскоре слышался плеск воды в помойном ведре. Быстро помыв руки, она возвращалась в свою комнату и будила папу, сначала тихо, а потом все громче и громче:

– Олье, вставай! Олье, хватит уже тебе спать! Олье, слышишь? Уже время вставать. Олье, у тебя будет время выспаться в субботу. Олье, не притворяйся, что не слышишь! Олье, что за спячка на тебя напала — дрыхнешь, словно пять ночей не спал?.. Ой, Владыка мира! В огороде со вчерашнего дня стоят три тележки с огурцами, а его это волнует, как прошлогодний снег... О-лье!..

– А? Что? — спохватывается папа, словно ничего не понимает. Он говорит сонным, хриплым голосом.

– «А, что!» — передразнивает его мама, уже разгневанная. — Он словно не от мира сего... Ты забыл, наверно, об огурцах?..

– Огурцы-шмогурцы!.. На дворе еще почти ночь!

– Огурцы у него уже стали «шмогурцы»! Можешь предложить что-то получше, прекрасный мой добытчик и кормилец? Видели вы, чтобы человек был таким соней?.. Он проспал целую ночь — хватит! Есть же какая-то мера!

Мама на мгновение замолкла. Затем ее голос послышался снова, но был уже немного другим, более мягким, как будто она в темноте говорила с самой собой, спокойно, вдумчиво:

– Я, слава Богу, сплю не всю ночь. Кажется, я достаточно хлопот имею, но после всего сон не идет. В голове бродят какие-то странные мысли...

⁸¹⁴ «Угеркес» (идиш) — «Огурцы».

Вот лежала я где-то час назад, а сон не шел. И привиделось мне: открылась дверь и вошел папа, мир его праху, в ермолке, в белых чулках, одетый как всегда... Олье! Ты что, опять уснул? Что мне делать с ним?.. Нет! Что будет, то будет! Я больше не пойду на огород!.. Пусть бродит там, кто хочет, пусть заходят свиньи, пусть пропадает вся работа. Да пусть они сгниют, эти огурцы... Три тележки огурцов! Я ухожу, это не мое дело!.. Олье!..

В конце концов папа показывается из каморки весь в белом — босой, высокий, обозленный. Он заходит в комнату с закрытыми ставнями, где спит Ривка, покашливает, кряхтит и что-то бурчит, возится в темноте, пока не нащупывает табак и не сворачивает самокрутку. Вытянувшись, он опирается на комод, не двигается и молчит, курит и о чем-то думает. То и дело светится в темноте огонек самокрутки, освещающий папино рассерженное, сонное лицо с длинной всклокоченной бородой.

Мама тем временем занимается своими делами в передней: одну за другой распахивает двери, без продыху таскает туда-сюда полные мешки. Сквозь открытые двери в дом с улицы врывается прохладный свежий ветерок и задувает под одеяло. Полоска света бродит и дрожит на стене в темной комнате, и Ривка ворочается в постели с боку на бок, зарывая лицо в подушку. Она хотела бы отогнать злые мысли, но не может.

Из передней доносится мамин голос:

– Олье, слышишь? Ты уже накурился? Я ухожу в огород. Докуривай скорей и приходи, не забудь, что у нас три тележки огурцов!..

– Ну а чай? Кто мне приготовит чай? — спрашивает отец хриплым голосом и затягивается. Огонек вновь освещает его сердитое измученное лицо.

– Вот еще новость: чай... Только чая ему и не хватает! Я ему говорю «огурцы», а он мне «чай»... Наверно, я его для того разбудила, господина моего, чтоб он мне уселся пить чай! Это не лезет ни в какие ворота — чай в такое время! Надень уже на себя что-нибудь и приходи. Встанут дети, они тебе сделают чай. Моим врагам такое... Ой-вей, что будет с этим человеком?!

* * *

...Когда Ривка пришла в огород с зонтиком, она увидела, что папа с мамой стоят у открытой калитки, рядом с огромной кучей огурцов. Абрамчик возвышается посреди большой телеги, красный, загорелый, а крестьянин с козлиной бородкой, в льняной рубахе поверх штанов, носит тяжелые мешки с огурцами и грузит их в телегу.

Ривка замешкалась, не зная, что ей делать. Она посмотрела на длинные грядки, покрытые зеленью, которая сохла под солнцем, на баб с мотыгами вдали, и ее прежние светлые мысли рассеялись, словно дым под небом. Вокруг — куда только можно было достать взглядом — царили жара и тишина. Порой можно было услышать, как кто-то из баб запекает песню, и ее подхватывают все остальные. Они разгибались, опирались на свои мотыги и пели, запрокинув головы. Песня взлетала над ними и летела под светло-голубым небом над полями, над длинными зелеными грядками. Но вскоре она оборвалась, раздался громкий смех, и снова вокруг стало тихо... Папа стоял рядом с грудой огурцов и о чем-то думал. По его лбу катился пот. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно папа к чему-то прислушивался.

Мама, однако, не давала ему стоять без дела.

– Олье, ты уже о чем-то задумался? А кто пойдет на рынок?

Песня взлетала над ними и летела под светло-голубым небом над полями, над длинными зелеными грядками. Но вскоре она оборвалась, раздался громкий смех, и снова вокруг стало тихо...

Ривка подошла к маме.

– Мама, я пришла чем-нибудь вам помочь.

Мама стояла озабоченная и ее не слышала.

– Пять возов огурцов уже отвезли. Это будет шестой.

* * *

Прошло огуречное время, настала холодная, мокрая осень с холодными ветрами и мелкими надоедливыми дождями. Улочка под низким небом, покрытым тучами, превратилась в болото, земля в садах была покрыта поблекшей палой листвой. На улицах показались прохожие в теплой одежде, с большими зонтами; хозяйки, сгорбленные, в забрызганных грязью платках, загоняли во дворы гоготающих гусей; их самих гнали ветер и дождь. Мужчины в клетчатых ватных кафтанах выходили с инструментом осматривать свои владения: где-то подлатать крыльцо, где-то обмазать глиной окна, — а во дворах под навесом стояли коровы и, подняв головы к сумрачному небу, затягивали свое долгое «му-у-у», оплакивая прекрасное теплое лето с сияющим солнцем, зелеными полями, которое развеялось, словно дым...

Земля напITYвалась холодным осенним дождем. В ней гнили морковь и свекла, а на потрепанных кочанах капусты от сильного ветра трепетали капли воды...

«Дер лецтер»⁸¹⁵
(отрывок из одноименного рассказа)

Рассказ «Дер лецтер» я написал в 1908 г., когда гостил у моих родителей в Браунсвилле (Нью-Йорк). Мой отец, светлая ему память, рассказал мне притчу из прежних времен о слуцких раввинах, которую он слышал мальчиком, когда учился в слуцкой или старобинской йешиве. При этом он очень настаивал, чтобы я «описал» его историю, т. е. сделал из нее рассказ. Я выполнил его волю и, прежде чем вернуться в Европу, переработал историю на свой манер, обозначив ее как «старую притчу из старой летописи». Город я назвал не его настоящим именем, а «Мурованкой» — по названию маленьких каменных синагог, примыкавших к слуцкой большой Холодной синагоге. В то время рассказ был напечатан в нью-йоркском издании «Американер» и в петербургском «Фрайнд», а также в томе моих «Гезамлте шрифтн»⁸¹⁶ (на идише). Позже, когда я переписал его на иврите под названием «Га-Ахарон» («Последний»), первый раздел выпал. Здесь я привожу этот малоизвестный фрагмент, ведь мои «Гезамлте шрифтн» сейчас подзабыты.

И.-Д. Б.

С давних времен жили-были раввины в старой, бедной, густых лесах за-прятанной еврейской общине Мурованки. С давних времен славились они в окрестных городах, ближних и дальних, куда только достигало еврейское слово, где только звонко звенел голос Торы в старых теплых домах учения.

⁸¹⁵ «Дер лецтер» (идиш) — «Последний».

⁸¹⁶ «Гезамлте шрифтн» (идиш) — «Избранные произведения».

Говорили о них повсюду, как говорят о чуде в то время, когда никаких чудес уже не происходит, как говорят об утешении в то время, когда надежда уже давно потеряна. Еще о них говорили, как говорят о правнуках тех легендарных богатырей, каких уже нет в наше время, и как говорят о больших семисвечниках, серебряных менорах, оставленных в наследство от старых добрых времен. Ибо подобно тому, как старомодная менора-семисвечник горит во тьме, эти раввины из старого мурованковского рода освещали окрестности.

Когда в семье бывало пополнение, об этом не беспокоились, лишь восхваляли Бога, брали в руку ведро, шли к колодцу и черпали воду, добавляя еще литр в горшок с крупником.

Это было давно, очень давно — в те времена Мурованка еще утопала посреди огромных темных литовских лесов. Старые приземистые поросшие мхом домишки еще прятались в широких зеленых садах; в садах еще росли бураки и лук, на заборах еще крутился кучерявый хмель. Тогда солидные еврейские хозяева расхаживали в льняных халатах и попыхивали трубками, набитыми сушеными капустными листьями. Жили они с леса, целую неделю выкуривая в нем смолу, а дома ели ржаной хлеб с крупником. Когда в семье бывало пополнение, об этом не беспокоились, лишь восхваляли Бога, брали в руку ведро, шли к колодцу и черпали воду, добавляя еще литр в горшок с крупником. Таким образом, Богом данный новорожденный вставал на постоянное довольствие. А когда у еврея вырастала дочь и не было для нее приданого, брал он посох в руку, надевал белую рубаху с широким выглаженным воротником, произносил дорожную молитву и пускался пешком на Волынь, идя в благословенную страну, где едят халу с шафраном, а то и с медом, даже по средам.

Там, на Волыни, в пятницу вечером важничал в освещенном зале своего дома богатый волынский хозяин, солидный, тучный еврей. Длинноволосый, с широкой светлой бородой, препоясанный шелковым поясом вокруг широких мощных бедер, он ходил, гордясь своим достатком, и говорил «шудем-алейхем»⁸¹⁷. Веселый и довольный, он напевал, прищелкивая пальцами. Гость из литовских земель, меламед или магид, маленький, сухощавый еврей с черными колючими глазами, сидел где-то с краю, в уголке, и лишь шевелил губами, глядя в пол. Может быть, он забился в угол потому, что пал духом в этом блестящем, роскошном зале, а может, потому, что вспоминал свой далекий дом, жену с детьми, выросшую дочь. И странно дорогим теперь делался для него заброшенный бедный город с трудягами-евреями, целыми неделями добывавшими смолу в лесах, со старыми, хорошо натопленными домами учения, со знаменитыми столпами Торы, которые со свечкой в руках склонялись над большими тяжелыми томами Талмуда.

А здесь, за столом, среди блюд с фаршированной рыбой и бульоном «с глазами», гость не сдержал раздраженного молчания и вдруг высказался:

– Зато у нас есть свои собственные великие раввины!

Он произнес это с жаром и с гордостью, резко и выразительно, с любовью и глубокой грустью. Его черные глаза загорелись во время речи и пылали, и искрились. Гость рассказывал о старых мудрецах, обладателях блестящего ума, железного терпения, которые не отрывались от учения ни днем, ни ночью. Они позволяли себе вздремнуть лишь на полчаса в сутки и опускали головы на кулаки, уподобляясь уставшим львам. Бороды мудрецов развевались

⁸¹⁷ «Шудем-алейхем» (иврит в ашкеназском произношении, принятом на Волыни): «мир вам». Волынский субдиалект юго-восточного диалекта языка идиш характеризуется, в частности, переходом гласных «у» в «и» и «о» в «у», по сравнению с северным, литовско-белорусским диалектом. Например: *гезунт* — *гезинт* (здоровье), *форн* — *фурн* (ехать).

над открытыми томами Талмуда, а в это время большая свеча тихо горела над ними и снова будила их к изучению Торы. На рассвете, когда народ приходил в синагогу, вступая на территорию мудрецов, люди боялись посмотреть в их угол, ибо взор гигантов Торы мог, казалось им, спалить дотла.

– Вот так учатся у нас, на литовских землях!..

Волынец-хозяин — толстый, волосатый, вспотевший, добродушный — слушал чудесные истории, кивая головой, и при этом медленно развязывал пояс на субботнем халате, расстегивал жилет на брюхе...

Когда этот волынский еврей однажды оказался в Литве, он пошел посмотреть на великих литвацких мудрецов — и застыл перед ними в страхе и трепете, как стоят перед высокой суровой скалой, у которой еле-еле видна вершина. Что-то напугало гостя в густых бровях, строгих пронизывающих взорах, глубоких, как на камне вырезанных морщинах на лбах. Что-то его смутило в жестком, холодном упорстве их слов, которые сверлили и пронзали, не зная никакой пощады. Ибо в этих морщинистых лбах, под этими густыми бровями светилась вечносушая Шхинэ.

Вот такими были знаменитые мурованковские раввины.

* * *

Старый род раввинов целиком происходил из Мурованки — это была долгая цепь мудрецов Торы, тянувшаяся от поколения к поколению. Все они были высокими, крепкими, широкими в кости евреями, у всех в старости были густые вьющиеся бороды. Лишь изредка седели бороды у этих старцев. Все они были сильными и молчаливыми; они все слышали и видели, но говорили мало. Если мурованковский раввин произносил слово «ну», этого было уже достаточно.

Их раввинство переходило по наследству, от отца к сыну. Вместе с раввинской должностью (они получали восемнадцать золотых в неделю) сын наследовал от отца также высокий обожженный свечами пюпитр в старом доме учения, в углу у ковчега; толстый, тяжелый, рябой, словно побитый оспой, посох; старый люстриновый халат. В те времена в таком халате ходили по субботам летом, он блестел на солнце и громко хрустел.

Этот род обосновался в Мурованке много поколений назад, когда в городе еще правили старорежимные дикие седоусые гайдамаки с большими злыми собаками.

ЭФРОИМ ЛИСИЦКИЙ

«Эле толдот адам» (фрагмент)

Евреи Слуцка

Слуцк славился бедностью — еврейской бедностью городов и местечек черты оседлости, наложившей на него свою неизгладимую печать. Евреи в большинстве своем были бедняками, с трудом зарабатывавшими на пропитание. Они ходили в обносках, жили в полуразвалившихся лачугах и питались черным хлебом и крупником — особым слуцким ку-

---

Когда этот волынский еврей однажды оказался в Литве, он пошел посмотреть на великих литвацких мудрецов — и застыл перед ними в страхе и трепете...

Слуцк был бедным городом и в то же время цитаделью Торы, которой, как известно, приличествуют бедность и нужда.

шаньем, представлявшим собой кипяток, в котором плавали редкие крупинки, и напоминавшим настоящий суп только очень отдаленно. Слуцк был бедным городом и в то же время цитаделью Торы, которой, как известно, приличествуют бедность и нужда. Слуцкие раввины — несколько поколений «кедров ливанских», — а также многочисленные знатоки Торы непрестанно пребывали в синагогах и домах учения, где постигали Тору и разъясняли ее простым людям, так что даже самые пустые сыны Израиля пропитывались запахом мирта⁸¹⁸, произраставшего у них за пазухой. Бедные юноши приезжали из дальних и ближних мест в большие и малые городские йешивы, чтобы погрузиться в изучение Торы, и слуцкие евреи, сами едва сводившие концы с концами, делились с ними хлебом и супом, а городские синагоги давали им крышу над головой и лавку для ночлега. Слуцк был увенчан короной Торы и по праву гордился ею.

Первые восемь лет жизни — детские годы, когда формируется личность, — я прожил в Слуцке. Именно этот город лепил мой духовный облик по своему образу и подобию. От изучения Пятикнижия и пророков я перешел к изучению Талмуда, и духовный мир сменился миром материальным⁸¹⁹. В нем не было ни «Деяния сотворения», ни «Деяния колесницы»⁸²⁰, характерных для библейского повествования. Вместо этого началось погружение в реалии нашего мира. Однако благодаря силе воображения, превращающего реальность в абстракции, лица мудрецов Талмуда, о чьих спорах мы читали, приобретали, наоборот, вполне реальные очертания. Воображение рисовало их по образу и подобию стариков, заседавших в слуцких синагогах и жарко споривших о смысле какой-нибудь запутанной талмудической дискуссии: с гневными лицами, нахмуренными бровями и пылающими глазами, до хрипоты спорящими друг с другом, загибая пальцы и пожимая плечами, готовыми схватить друг друга за бороды. Вместе с тем эти мудрецы относились ко мне милостиво, говорили со мной приветливо, ласковым голосом, чтобы открыть мне сокровенные тайны Торы. В их обществе мое сиротство не казалось мне столь горьким.

Я очень хотел держать экзамен по тому, что выучил, но не перед дедом и ни в коем случае не перед своим учителем — я подозревал его в том, что он относится ко мне хуже, чем к другим ученикам, — но перед кем-нибудь из знатоков Торы.

В это время я изучал в хедере талмудическую дискуссию о торговцах из Лода⁸²¹, которую выучил к экзамену наизусть. Увидев, что материал отскакивает у меня от зубов, я стал упрашивать деда, чтобы он отвел меня на экзамен к раби Ѓишке — старому ученому мужу, бывшему главе йешивы, который молился в синагоге вместе с моим дедом. Сначала дед не соглашался: в этой синагоге его место было на лавке за бимой, среди бедных и незначительных людей вроде него. Кто он такой, чтобы подойти к самому раби Ѓишке, сидевшему на почетном месте возле ковчега, погруженному в изучение сокровенных тайн Торы, перед которым все встают, когда он входит и когда выходит? Однако в конце концов он все-таки согласился, и в одну из суббот, во второй половине дня, мы отправились к раби Ѓишке.

⁸¹⁸ То есть духом Торы. — Прим. пер.

⁸¹⁹ В оригинале автор использует кабалистические термины *олам Ацилут* («Мир сияния» — высший из миров, наиболее близкий к Богу) и *олам Асия* («Мир действия» — низший, материальный мир). — Прим. пер.

⁸²⁰ Талмудические термины, обозначающие земной и горний, божественный мир. — Прим. пер.

⁸²¹ «Бава мециа», 49б, 50а.

Со страхом и трепетом я подошел к почетному месту в синагоге. Я шел на ватных ногах, а мудрец с головой погрузился в раскрытую перед ним книгу и даже не взглянул на нас. Дед несколько раз кашлянул; раби Ѓишке поднял голову и спросил его:

– Что ты хочешь, реб Йеѓуда?

– Чего я хочу? — промямлил дед. — В смысле, чего он хочет... Это мой внук, сын моей покойной дочери. Его отец в Америке... Он хочет... Он хочет... Он просит, чтобы вы, раби, его проэкзаменовали, проверили его успехи в учебе.

Раби спросил меня, какой трактат и какой раздел я учу, затем велел мне подойти к книжному шкафу и достать нужную книгу. Я принялся изустно излагать ему дискуссию из рассказа о торговцах, в смущении и страхе опустив очи долу, поскольку его лицо было суровым. Как только я закончил свое выступление, он засыпал меня каверзными вопросами, по теме и не по теме, но я ответил на все вопросы. После этого я осмелился бросить на него робкий взгляд и по его лицу увидел, что он доволен.

– Настоящее благословение! — сказал он деду. — Драгоценный сосуд.

У деда выступили на глазах слезы. Я же почувствовал тоску в сердце и комок в горле.

– Сынок, — сказал мне раби Ѓишке, — учись прилежно. Этим ты порадуешь и своего отца в Америке, и свою маму в мире истины, как сказано: «Пусть же радуются твои отец и мать...»⁸²²

Слезы брызнули из моих глаз. Вся обида и боль моего сиротства воплотились в одно-единственное слово:

– Папа! Папа!

Мой приятель Берл и наш учитель раби Нехемья

Учитель делает много, товарищ же — очень много: нередко влияние товарища превосходит влияние учителя. В те времена огромное влияние оказывали на меня мои друзья, с которыми я был очень близок, а больше всех — мой самый близкий друг по имени Берл — просто Берл, без фамилии, под которой он впоследствии прославится в еврейской литературе. Около полутора лет мы учились вместе у раби Йоселе в Синагоге домохозяев и еще около года — в йешиве раби Нехемьи. За это время я крепко полюбил Берла, и это чувство не ослабевало до тех пор, пока мы с ним не расстались.

В моей памяти его образ сохранился таким, каким я видел его на заре моей юности. Бледное, напряженное и упрямое лицо с выражением не то гнева, не то грусти, лишь иногда смягчающееся скрытым смехом. Черные мечтательные глаза, в которых застыла печаль, ярко сверкающие на бледном лице. Отчетливее всего в моей памяти сохранились его пальцы, которые меня буквально завораживали. В бледности и тонкости его пальцев было что-то аристократическое. В нем была некая тяжеловесность — не грузность или медлительность в движениях, но тяжеловесность человека, чья голова занята серьезными размышлениями. Это проявлялось прежде всего в его походке, которая была сдержанной, размеренной и неторопливой. Его характер был под стать его походке.

Как только я закончил свое выступление, он засыпал меня каверзными вопросами, по теме и не по теме, но я ответил на все вопросы.

---

⁸²² «Мишлей», 23:25.

Помимо способностей к учению, которыми он превосходил всех прочих учеников раби Йоселе, Бог наградил его талантом к артистическому подражанию — будучи в веселом расположении духа, он имитировал манеру разговора и выражение лиц самых разных людей, взрослых и детей, умудряясь передать их самые характерные особенности.

Ежедневно мы повторяли с ним вместе урок Талмуда, который задавал нам раби Йоселе. Между послеполуденной и вечерней молитвами мы забивались в угол синагоги, забывали о Торе и святых книгах и начинали откровенный разговор о делах мирских. Мы беседовали, рассказывали: я ему — о тех временах, когда мама была жива, и о ее кончине; а он мне — удивительные, необыкновенные истории, которые он читал в книжках на иврите, попадавших ему в руки, вроде «Кур ойни»⁸²³. Время от времени мы предавались фантазиям и оказывались в удивительных дальних странах, где находили спрятанные сокровища. В этих фантазиях мы пожимали друг другу руки, заключали вечный союз любви и дружбы и скрепляли этот договор клятвой.

Как-то раз во время каникул Берл предложил мне пойти к раби Нехемье, чтобы тот проэкзаменовал меня на предмет поступления в йешиву. Я не верил, что наших познаний в Талмуде будет достаточно для поступления в йешиву раби Нехемьи, успевшую к тому времени создать себе имя в Слуцке и окрестностях. Однако уверенность Берла в себе частично передалась и мне, поэтому я согласился на его предложение.

Мы пошли в дом раби Нехемьи. Берл бесстрашно шел впереди. Я плелся за ним, объятый страхом и трепетом. Когда мы вошли, Берл говорил за себя и за меня. Когда он изложил раби Нехемье нашу просьбу, тот согласился проверить наши знания и назвал каждому номер листа Талмуда: ему — из трактата «Бава мециа», а мне — из трактата «Бава кама». Раби Нехемья велел нам самостоятельно изучить заданный материал, а назавтра явиться к нему на экзамен.

Разумеется, мы немедленно пошли в синагогу, в которой учились, и погрузились в свои листы Талмуда. Мы учились каждый сам по себе, помогая друг другу в трудных местах, и не сдвинулись с места, пока не разобрались со всеми сложностями. На следующий день мы явились к раби Нехемье, и он проэкзаменовал нас обоих, а после этого сказал, что хочет поговорить с нашими отцами. Услышав, что наши отцы в Америке, он велел прислать к нему наших мам. Нам стало ясно, что это означает: мы приняты в йешиву!

Мы поспешили домой — Берл, как и я, шел очень быстро, что было ему совсем несвойственно, — и вернулись к раби Нехемье, Берл с матерью, а я с мачехой. Женщины вошли к нему, а мы остались ждать снаружи, напряженные и притихшие, понимая, что в этот час решается наша судьба. Через некоторое время нас позвали в дом, и мама Берла с моей мачехой передали нам радостную весть: мы приняты в йешиву раби Нехемьи! Более того, раввин сказал нашим мамам, что, если они не в состоянии вносить плату за учебу, он назначит нас репетиторами отстающих учеников, чтобы их родители платили за наше обучение. Этот день стал для нас настоящим праздником, истинным днем радости Торы⁸²⁴.

Раби Нехемья был живым воплощением подхода Шама. Это был человек острый и резкий как в мыслях, так и обликом: вытянутое лицо, клинообраз-

---

Мы учились каждый сам по себе, помогая друг другу в трудных местах, и не сдвинулись с места, пока не разобрались со всеми сложностями.

---

⁸²³ «Кур ойни» (иврит в ашкеназском произношении) — «Горнило страдания» — перевод-пересказ на иврит романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», сделанный Иццоком Румшем (1822–1894) по немецкому изданию книги. Впервые вышел в Вильне в 1861 г. — *Прим. пер.*

⁸²⁴ Автор обыгрывает название праздника Симхес-Тойре. — *Прим. пер.*

ная борода, но прежде всего — его глаза: навывкате, тарашившиеся, пронизывавшие взглядом насквозь. Его йешива славилась не только характером обучения, но и нравами: ученики трепетали перед своим наставником, как перед самим Всевышним. Суровый облик раввина наводил страх на всех учеников, от мала до велика. Закончив ежедневный урок в двух классах, он начинал ходить вокруг бимы, делая круг за кругом и размышляя о какой-нибудь талмудической дискуссии. При этом его цепкий взгляд беспрестанно скользил по ученикам, сидевшим вокруг за своими пюпитрами и повторявшим урок, пройденный в этот день. И горе тому из нас, кто переставал зубрить или отвлекался на посторонний разговор со своим соседом! Раби Нехемья обращал к нему свое заостренное лицо, и все его тело, казалось, в этот момент заострялось. Он охотно отвечал тем, кто спрашивал его о каком-нибудь трудном месте, и давал подробное исчерпывающее объяснение. Однако никаких посторонних разговоров, включая наставления, как вести себя в жизни, он никогда с ними не вел. К ученикам он относился как к детям, которых нужно отталкивать левой рукой, причем он слегка отталкивал их также и правой⁸²⁵. Тем не менее ученики его уважали и любили. Он отличался глубокими знаниями, ясным умом и, главное, замечательным умением объяснять. Его ежедневные уроки делали материал понятным и доступным всем нам.

Полгода мы учились вместе, я и Берл, в йешиве раби Нехемьи. Однако не успело еще закончиться первое полугодие, как я заметил происшедшую в Берле перемену: он опять замкнулся в себе, на его лице снова появилось грустное выражение, желание учиться и удовольствие от учебы пропали, ко мне же он стал относиться куда менее дружелюбно и приветливо.

В начале второго полугодия раби Нехемья выделил меня из всех учеников и перевел в старшую группу. Эта оказанная мне честь вдохновляла и окрыляла, и я с новыми силами погрузился в учебу. Когда раби Нехемья смотрел на меня, его взгляд смягчался, а мое сердце наполнялось гордостью. Что же до Берла, то он, казалось, окончательно позабыл и меня, и нашу дружбу. Кончилось тем, что он бросил йешиву, и мы отдалились друг от друга. Мы оказались с ним в двух разных, далеких друг от друга мирах: я жил и бродил в садах Торы, он же порвал с этим миром и начал обживать сад Гаскалы. Наши отношения прервались.

Через какое-то время мы случайно встретились у входа в Синагогу домохозяев. Он держал под мышкой томик стихов Йеѓуды-Лейба Гордона⁸²⁶, в моих руках был толстый том Талмуда. Мы разговорились. Я рассказал о своей учебе и о листах, которые успел пройти. Он поведал мне о новой еврейской литературе и прочитанных книгах, в числе которых были «Кцо шель йод»⁸²⁷, «Га-дат ве-ѓа-хаим»⁸²⁸ и «Хатот-ѓа-неурим»⁸²⁹ и тому подобное, — удивительные названия, которых я никогда прежде не слышал.

⁸²⁵ Имеется в виду известное талмудическое высказывание: «Учили мудрецы: пусть твоя левая рука отталкивает, а правая приближает» («Санѓедрин», 107б). — *Прим. пер.*

⁸²⁶ Йеѓуда-Лейб Гордон (1830–1892) — поэт, прозаик и публицист, последовательный и непримиримый поборник Гаскалы. — *Прим. пер.*

⁸²⁷ «Кцо шель йод» (иврит) — «Завитушка в букве “йод”» — антиклерикальная поэма Йеѓуды-Лейба Гордона. В основе сюжета — трагическая история женщины, брошенной мужем. В какой-то момент тот присылает разводное письмо, но местный раввин объявляет его недействительным из-за неправильно написанной буквы *йод*, и женщина остается агуне. — *Прим. пер.*

⁸²⁸ «Га-дат ве-ѓа-хаим» (иврит) — «Религия и жизнь» — роман Рувена-Ошера Браудеса, посвященный борьбе за религиозную реформу в среде литовского еврейства. — *Прим. пер.*

⁸²⁹ «Хатот-ѓа-неурим» (иврит) — «Грехи юности» — книга-исповедь М.-Л. Лилюенблюма. — *Прим. пер.*

Однако «один не понимал речи другого»⁸³⁰ — мы так и остались друзьями, отдалившимися друг от друга. Больше в Слуцке мы не встречались. Берл исчез с моего горизонта, и я понятия не имел, где он и что он делает.

Прошло шесть лет. Я уехал в Америку и тоже оказался в числе тех, кто променял сад Торы на сад еврейской литературы. Как-то я повстречался с товарищем, учившимся со мной в йешиве раби Нехемьи. Мы предались общим воспоминаниям, и когда разговор зашел о прежних товарищах, в том числе о Берле, мой собеседник воскликнул:

– Кто бы мог подумать, что этот Берл займет видное место в литературе на иврите и станет одним из ведущих молодых писателей?!

Я начал лихорадочно вспоминать известные мне имена молодых писателей и вдруг сообразил: ну конечно, это же И.-Д. Беркович!⁸³¹

Раввин Пейсах

В Слуцке открылась новая йешива. Ее основателем и главой стал раввин Пейсах, которого называли Пейсах из Мыши⁸³², поскольку, прежде чем переехать в Слуцк, он жил в этом месте. Эта новая йешива покорила мое сердце, и я перешел туда из йешивы р. Нехемьи, в которой к тому времени проучился год.

Если р. Нехемья казался мне воплощением Шамая, р. Пейсах, напротив, напоминал мне Гилеля. Если р. Нехемье подходило определение «человек из одних острых углов», то р. Пейсах, наоборот, был «человеком гладким»⁸³³, поскольку его облику и манерам было присуще что-то шелковое. Его лицо сияло и светилось светом Торы и «дополнительной субботней души»; рытвины, следы перенесенной оспы, покрывавшие его, казались ямочками на щеках. В глазах сверкали искорки, свидетельствовавшие о наивности и душевной чистоте их обладателя. Волосы ниспадали с головы и щек волнистыми прядями. Это был человек с тонкой и красивой душой, внимательно следивший за своим внешним видом и одеждой, которая всегда была отглаженной и вычищенной. Ходил он прямо, немного семеня. Его поведение было начисто лишено высокомерия, даже в тех ничтожных дозах, которые считаются необходимыми для истинного знатока Торы. Это был очень скромный человек, любивший простых евреев, всевозможных униженных и оскорбленных, и неизменно демонстрировавший им свою симпатию. Именно по этой причине для своей йешивы он выбрал Синагогу кузнецов. Кузнецы считались в Слуцке самыми презренными из всех ремесленников. Это были крепкие евреи; им проще было справиться с лошадьё, которая начинала беситься от одного запаха железа, когда нужно было подковать ее, чем с буквами еврейского молитвенника. Поскольку знатоки Торы презирали ремесленников, кузнецы, подобно портным, шапочникам и мясникам, ушли из синагоги, где верховодили изучающие Тору, и построили себе свою собственную.

Женская галерея Синагоги кузнецов, где разместилась йешива р. Пейсаха, также стала отдельным центром изучения Торы. Время от времени глава

Его лицо сияло и светилось светом Торы и «дополнительной субботней души»; рытвины, следы перенесенной оспы, покрывавшие его, казались ямочками на щеках.

⁸³⁰ См. «Берешит», 11:7. В этом стихе речь идет о вавилонском смешении языков. — *Прим. пер.*

⁸³¹ Второе имя Ицхока-Дова Берковича означает «медведь», на идише — *бер*. Уменьшительно-ласкательное имя от Бер — Берл, Береле. — *Прим. пер.*

⁸³² Речь идет о местечке Новая Мышь, ныне деревня в Барановичском р-не Брестской обл. — *Прим. пер.*

⁸³³ «Сказал Яаков своей матери Ривке: “Но мой брат Эйсава человек волосатый, а я — гладкий”» («Берешит», 27:11).

йешивы выступал и перед кузнецами и ежедневно между послеполуденной и вечерней молитвами давал им урок по книге «Хаей-адам». Это урок состоял из двух частей: «письменной» — чтения отрывков из книги, которые раввин переводил и объяснял кузнецам, и «устной» — нравоучительных рассказов. Сложив свои натруженные руки под бородой, кузнецы, собравшиеся вокруг стола, во главе которого сидел р. Пейсах, не сводили с него глаз, признательные ему за сладостные мгновения, которые он подарил им в своей бесконечной доброте. В эти минуты они наслаждались вкусом Мира Грядущего, который казался им желанней, чем все, что есть в этом мире.

Со своими учениками р. Пейсах вел себя точно так же, как с простыми необразованными людьми, — не как преподаватель и наставник, а как старший товарищ, который опускается до их уровня и поднимает их до своего. Однако учеба в йешиве от этого решительно не страдала. Раби Пейсах воспитывал учеников не страхом, но любовью, и они платили ему сторицей — любовью к нему и любовью к Торе.

Однажды — дело было во время вынужденных каникул — во время сильного снегопада, когда улицы и переулки Слуцка становились непроходимыми, я вместе с тремя товарищами решил навестить р. Пейсаха, который хотел о чем-то с нами посоветоваться. Стены и потолок дома были побелены в честь праздника Пейсах. От книжных полок, заставленных тяжелыми томами, исходило сияние Торы. Хозяйка дома, «жена юности» р. Пейсаха, оказалась милой приятной женщиной с добрым сердцем. Мы сели перед ее мужем, как подобает ученикам перед наставником, а он заговорил с нами как с равными. Что же касается дела, по которому он нас позвал, то мы высказались, он выслушал нас, а потом стал рассказывать нам о своей жизни, поведав о разных случаях и приключениях, выпавших на его долю прежде, чем он стал раввином, а также объяснил, почему решил сменить должность раввина на место главы йешивы. После этого он заговорил о том, как это важно — обучать Торе народ Израиля. Хозяйка время от времени прерывала его речь какой-нибудь подходящей к теме народной присказкой или коротким рассказом о забавном случае, имевшем место в ее родном местечке.

Неожиданно на улице раздались крики. Выглянув в окно, мы увидели крестьянина, стоявшего около телеги, увязшей по самые оглобли, который хлестал кнутом лошадь, осыпая ее при этом страшными проклятиями. Бедное животное старалось изо всех сил, но не могло сдвинуть телегу с места.

— Пойдемте, — сказал нам раввин, — исполним заповедь «не оставляй»⁸³⁴, которая сама идет нам в руки.

С этими словами он быстро вышел на улицу, а мы за ним. Увязая в грязи, мы подошли к телеге. Навалившись плечами и толкая руками, мы помогли лошади вытащить телегу из грязи. Сделав дело, мы взглянули на р. Пейсаха и не поверили своим глазам: наш учитель, который всегда тщательно следил за своей одеждой, был с головы до ног покрыт глиной, лицо перемазано грязью, комки земли застряли в бороде... Потрясенные, стояли мы перед ним: сквозь покрывавшую его грязь перед нами сверкнул свет благороднейшей души нашего наставника. Не меньшее потрясение испытал и крестьянин. Некоторое время он просто стоял, раскрыв рот, онемев от изумления, а затем снял шапку и перекрестился.

Раби Пейсах воспитывал учеников не страхом, но любовью, и они платили ему сторицей — любовью к нему и любовью к Торе.

---

⁸³⁴ «Если увидишь, что осел твоего врага упал под своей ношей, не оставляй его без помощи... развьючь вместе с ним» («Шмот», 23:5).

Выходцы из Слуцка и окрестностей в Тель-Авиве на Дне памяти погибших земляков

Р. Пейсах повлиял на меня гораздо больше всех остальных преподавателей и наставников. Он стал для меня учителем и отцом: учителем Торы и отцом во всем, что касается воспитания. Я любил его от всей души, и из любви к нему учил Тору еще усерднее. При этом я никак не мог успокоиться и наконец решил, что раз в неделю, в ночь с четверга на пятницу, буду «высиживать стражу»⁸³⁵. Поскольку здоровье у меня было слабое, недосып окончательно подорвал мои силы. Раби Пейсах неоднократно упрекал меня, говоря, что, «высиживая стражу», я совершаю тяжкий грех: пренебрегаю своим телесным здоровьем, ибо еврей должен заботиться о своем теле так же, как о своей душе.

Раввин упрекал, но я все равно продолжал свои бдения: пусть это вредно для тела, зато полезно для души! Мне нравилось учиться по ночам после дневных занятий, особенно же я любил делать это в тишине и полумраке синагоги. Я надеялся, что благодаря этим трудам во имя Торы стану раввином и наставником народа Израиля, и тогда мой отец прославится и удостоится богатства и почестей — компенсации за все свои прежние страдания и унижения.

Прошло несколько дней, и старшие ученики йешивы сделали меня своего рода «хойзером»⁸³⁶. Каждый день, как только р. Пейсах заканчивал ежедневный урок, они окружали меня со всех сторон, и я подробно, во всех деталях и тонкостях излагал новые идеи, прозвучавшие во время урока. Раби Пейсах сидел при этом в стороне, и улыбка, застывшая на его губах, свидетельствовала о том, что он был доволен своим хойзером.

⁸³⁵ То есть проводить ночь без сна за изучением Торы. — *Прим. пер.*

⁸³⁶ *Хойзер* (иврит в ашкеназском произношении; букв. «повторяльщик») — человек, запоминавший урок наставника, чтобы затем повторить его другим, по возможности слово в слово. «Повторяльщики» были особенно востребованы во время субботних уроков и выступлений, когда ничего нельзя было записать, — запомнив урок, на исходе субботы они повторяли его под запись или записывали его сами. — *Прим. пер.*

Через два года мы с несколькими товарищами решили перейти в другую, высшую йешиву, где готовили раввинов. Решено было уйти из йешивы р. Пейсаха после праздника в честь окончания изучения трактата Талмуда, на что ушел год. Праздник был устроен с размахом и большим числом приглашенных: позвали родителей и родственников учеников, а также прихожан Синагоги кузнецов. В синагоге в тот вечер, как в праздник Симхес-Тойре, зажгли все керосиновые лампы и люстры, и помещение было залито светом; приглашенные радовались и веселились в праздник Торы, случившийся в будний день. Однако в семь раз больше, чем все остальные, радовался и веселился р. Пейсах: на этом празднике он был «хосон Тойро»⁸³⁷, так что его лицо сияло, а глаза светились истинно свадебной радостью. Радостно звучал и его голос, когда он произносил речь, в которой еврейский Закон и Агада переплелись воедино. Тем не менее в этой речи слышались нотки грусти, и мы прекрасно знали, в чем причина: эта замечательная речь фактически была прощальной. Он говорил: «Идите с миром», своим ученикам, покидавшим его. Нас тоже коснулась эта печаль: нам было грустно расставаться с нашим любимым учителем!

После этой речи последовал своего рода десерт. Мы взялись за руки и принялись водить вокруг бимы веселые хороводы. После этого в радостном и веселом танце мы высыпали наружу и принялись плясать под открытым небом, на улице перед синагогой. Дело было накануне праздника Пейсах. Зима с ее снегами и морозами закончилась. Круглая луна, словно надраенная к празднику, плыла по небесной сини, светя белым светом, отражавшемся в уличных лужах. Подул теплый влажный бодрящий ветерок, нежно трепавший наши лица, тербивший волосы и нашептавший нам в уши слова благословения, которое несет в этот мир весна. Почки на кустах, росших около синагоги, распустились первыми листьями, словно отвечая «амен!» на радостную весть, принесенную ветром. Из соседней пекарни доносились голоса пекарей, раскатывавших круглые листы мацы, и эти голоса тоже несли радостную весть: наступает Праздник весны⁸³⁸ и солнца! Казалось, весь мир радуется вместе с нами, распевая и восклицая: радуйтесь и веселитесь в Праздник Торы! Радуйтесь и веселитесь в Праздник весны!

РУВЕН ВАЛЕНРОД

«Бе-эйн дор»⁸³⁹ (фрагмент)

Главная улица Слуцка была замощена камнем и называлась Шоссейной. Конские подковы выбивали на ней быструю дробь, громыхали по камням телеги и коляски. То и дело на Шоссейной улице появлялись новые лица, которых она прежде не видела (и, возможно, никогда больше не увидит), — лица молодых людей, приехавших из местечек. Время от времени мимо гостиницы Бокшицкого проезжал автомобиль одного

⁸³⁷ Хосон Тойро (иврит в ашкеназском произношении) — «жених Торы» — почетный титул человека, вызываемого к чтению последней главы Пятикнижия, завершающей годичный цикл чтения Торы в праздник Симхес-Тойре. — *Прим. пер.*

⁸³⁸ Праздник весны — одно из названий праздника Пейсах в Торе. — *Прим. пер.*

⁸³⁹ «Бе-эйн дор» (иврит) — «Потерянное поколение».

Автобусы,
обслуживавшие
маршрут Слуцк –
Старые Дороги

из местных толстосумов. Изумленные лавочники и домохозяйки высыпали на улицу и начинали обсуждать его внешний вид, а детвора бежала за машиной с шумом и гамом.

Айзик шел по улице с толпой гимназистов в отутюженной форме с блестящими пуговицами. Айзик не побежит за автомобилем, хотя ему очень хотелось помчаться вместе с теми мальчишками. Однако если он это сделает, над ним станут смеяться. Он скучал и в то же время не скучал по широкому рынку родного местечка, через который он проносился пулей из синагоги до низкого забора, окружавшего его дом.

Хорошо, что в здешней гимназии он встретил Илюшу Якубовича, сына владельца маленького поместья где-то в глуши. Отец Илюши был одним из тех бедных шляхтичей, которых настоящие паны, владельцы крупных поместий, считали крестьянами, однако сами они полагали себя дворянами. Такие дворяне обычно жили на краю деревни или на маленьком хуторе «четыре на четыре», и были, что называется, лысыми с двух сторон. Обычно такой шляхтич дружил с каким-нибудь зажиточным евреем, которому изливал душу и жаловался на свои беды.

Вот и папа Якубович тоже сошелся с Файвлом Гальбером. Приезжая из своей деревни в местечко, он ставил лошадь и телегу во дворе Гальбера, заходил на кухню, громко беседовал со служанкой и угощал детей лесными орехами, тыквенными семечками, яблоками и грушами.

Учеба давалась Айзику легко, оценки он получал хорошие. Он всегда с нетерпением ждал, чтобы учитель вызвал его к доске. Всегда приятно повторить то, что ты выучил. Выступление перед классом позволяло ему суммировать выученное и лучше понять материал. В классе воцарялась тишина, и он слышал только свой голос. Все было проверено и разложено по полочкам. Геометрические теоремы вытекали одна из другой, выводы нанизывались друг на друга. «Quod erat demonstrandum» — «что и требовалось доказать» — даже сами эти слова, тяжеловесные и сильные, казалось,

---

Выступление перед классом позволяло ему суммировать выученное и лучше понять материал. В классе воцарялась тишина, и он слышал только свой голос.

как нельзя лучше подходили для победы. «Quod erat demonstrandum» — звучит, как звон медных литавр. Эти слова выглядели, словно деревья большого города, которые можно было разглядеть из окна родительского дома.

Около доски стоял светловолосый паренек, говоривший по-русски с характерным произношением деревенских жителей Полесья. Учителя ласково улыбаются этому замечательному юноше. Ученики тоже намекают Айзику, что ему стоит подружиться с маленьким худым Илюшкой, хотя сами не проявляют к нему никакой симпатии. Кроме того, в классе Айзик являлся своего рода посредником между русскими и евреями. И те и другие относились к нему с симпатией, хотя он до сих пор так и не присоединился ни к той, ни к другой компании.

Годы Первой мировой войны не принесли каких-то значительных перемен в жизни юношей, учившихся в уездной гимназии. Все так и продолжалось наезженным шляхом: экзамены и оценки, катание на лодках по реке, впадающей в Припять, вечерние посиделки на террасе гостиницы... Словом, тишина и спокойствие: далеко отсюда шла война, однако до гостиницы и гимназии доносилось только глухое эхо.

Айзик ежедневно читал газеты и был в курсе происходивших событий: где-то там, в местечках Галиции, было много убитых и раненых, в Восточной Пруссии множество народа погибло в болотах... От солдата-очевидца Айзик слышал об этой ужасной гибели: болото медленно-медленно затягивает и засасывает человека, так что он видит смерть своими глазами, и пока он в ужасе пытается вытащить одну ногу, вторую засасывает еще глубже. В конце концов человек устает от безнадежных попыток спасти свою жизнь и лишь беспомощно ждет приближения смерти. От беженцев Айзик также слышал о казачьих зверствах в Галиции и Польше⁸⁴⁰. Однако все это оставалось рассказами наподобие тех, о которых пишут в книгах, вроде книги Вересаева⁸⁴¹ о японской войне или толстовских описаний в «Войне и мире».

Тем не менее тяжелое, тревожное ощущение со временем воцарилось и в уездном городе. Возле веранды Бокшицкого стало очень шумно. Цоканье подков и громы тележных колес не смолкали ни днем, ни ночью. Фронт приблизился, солдат стало гораздо больше, по шоссе тянулись вереницы изгнанников из Польши и Галиции — евреев в долгополых одеждах и маленьких шапочках, говоривших с мягким певучим акцентом. Слушая их рассказы, Айзик начинал принимать происходящее ближе к сердцу.

Подувшие в годы войны ветры проникли и в стены гимназии. Недавние гимназисты стали офицерами, гуляли, где хотели, и делали все, что душе угодно. Юноши и девушки с завистью смотрели на этих свежеспеченных офицеров; парни с нетерпением ждали дня, когда тоже смогут забросить свои учебники. С ростом цен почтенным учителям, одетым в вицмундиры, стало не хватать их жалования; в их поведении чувствовалось беспокойство. Вон один из них улыбнулся подростку, чей богатый отец оказал ему материальную помощь, а другой явно побаивается дерзкого мальчишку, ибо кто знает, что тот отмочит завтра. Настроение молодежи тоже менялось с каждым днем — и не в лучшую сторону; прежние пути, проложенные к их

Фронт приблизился, солдат стало гораздо больше, по шоссе тянулись вереницы изгнанников из Польши и Галиции...

---

⁸⁴⁰ Русское наступление в Галиции, а также последующее отступление сопровождались насилием над евреями, в котором больше всего отличались казачьи части. — *Прим. пер.*

⁸⁴¹ Викентий Викентьевич Вересаев (настоящая фамилия — Смидович; 1867–1945) — русский врач, писатель, переводчик, литературовед. Русско-японская война и 1905 г. нашли отражение в его рассказах и очерках, составивших сборник «На японской войне» (полностью опубликован в 1928 г.).

сердцам, постепенно зарастали травой. Ученик, которого вызывали к доске доказывать геометрическую теорему, отвечал с дерзким выражением лица и крайне высокомерно, а все прочие заранее улыбались в предвкушении его торжества. И действительно, было от чего забыть об установившихся порядках и улыбнуться. Когда разваливается дом, какой смысл соблюдать все эти мелочные правила, чтобы каждая вещь находилась там, где ей предписано изначально?

Айзик не чувствовал и не знал, насколько серьезно все происходящее. Неожиданно оказалось, что приобретенные знания стали помехой.

Из-за всеобщей расхлябанности, воцарившейся в школе, Айзик стал учиться гораздо менее усердно. Больше всего это проявилось в том волнении и даже напряжении, которое он чувствовал теперь всякий раз, когда нужно было писать сочинение. Мысли и фразы больше не удавалось свести воедино, чтобы они не разбегались.

ЗАЛМЕН ВЕНДРОВ

«*Ойфн швел фун лебн*»⁸⁴² (Фрагменты из автобиографической книги)

У «большого самовара»

На пожелтевшем титульном листе переплетенного в кожу трактата «Морэ невухим»⁸⁴³ папа отмечал самые важные даты семейной хроники: дни рождения на одной стороне, дни поминовения — на другой.

Мое рождение этот историограф нашей семьи записал с новой строчки на свободной странице. Легко предположить, что моего прихода на свет очень ждали. Перед моим обрезанием, как я позже много раз слышал, папа ходил гоголем, как и подобает человеку, испытывающему большую радость. Но мама никакой особой радости не выказывала. Она знала: еще один ребенок — новая забота ей на голову.

Папа — ученый человек и поборник Ѓаскалы, просвещенец — больше украшал семью, чем содержал ее материально. Главной кормилицей и деятельницей была мама. Она с большим почтением относилась к папе, делая вид, что признает его хозяином дома, но и мы, и посторонние знали, что дом держится только на ней, на маме.

Папу я очень любил, но ни капли его не боялся. Моя любовь к маме больше походила на обожание, смешанное со страхом. Это боязливое обожание как стена стояло между нами и не позволяло проявляться нежности ни с моей, ни с маминой стороны, хотя я жаждал ее ласки всеми фибрами души.

В моих детских фантазиях мать всегда рисовалась с предупреждающе поднятой рукой, словно бы предостерегала: не подходи слишком близко! Но мама никогда не повышала голос, не злилась — ни на своих, ни на чужих.

⁸⁴² «Ойфн швел фун лебн» (идиш) — «На пороге жизни». Использован перевод с идиша Ривки Рубиной.

⁸⁴³ «Морэ невухим» (иврит) — «Путеводитель колеблющихся» — книга Рамбама. — Прим. пер.

Когда ей что-то не нравилось, она хмурила густые сросшиеся брови и тихо, но веско произносила:

– Так не годится.

А в более серьезных случаях:

– Фу, противно!.. Так не делают.

И в таком случае одинаково себя вела с чужими людьми и с собственными детьми. Ее скупые слова всегда действовали куда сильнее, чем папино «громоухание».

Люди высоко ценили маму:

– Зельда — умница!

– О, у нее таки есть разум!

– Мужская голова! Мозги у нее на месте!

– Зельда — человек при деле.

Такие мнения о маме я слышал часто, но еще не мог как следует уяснить их значение.

Статная, гордая, властная, всегда спокойная и сдержанная, она уже своим обычным видом вызывала к себе уважение. В платье с бархатным воротничком и бархатной оторочкой внизу, в черном атласном бурнусе зимой и черной же шелковой пелерине летом шагала она по улице гордо и уверенно — как в будние дни, так и в субботу. Вышагивала с таким видом, словно ей принадлежал как минимум весь город.

По вежливым приветствиям («Доброй субботы!»), с которыми все, даже городские заправилы, обращались к ней, я догадывался, что моя мама — не абы кто, и сам чувствовал себя знатной персоной.

Но в совершенно божественном виде мама предстала передо мной в пятничные вечера у «большого самовара».

У нас было два самовара: один — на двадцать стаканов, который назывался просто «самоваром», а второй — на шестьдесят, и он носил звание «большой самовар».

«Большим» самовар величали не только из-за его размера, но также — и главным образом — благодаря той роли, которую он играл в доме.

Простой самовар ставят каждое утро и каждый вечер, и пить из него чай — обыденное дело, такое же, как завтракать или ужинать. Простой самовар водружается на стол пять раз в неделю на рассвете, когда просыпаются мама с папой. Он стоит там до полудня, пока средняя сестра, прозванная «Эмансипацией» (она читает ночью допоздна и поздно встает), не напьется чаю. На рассвете в простой самовар несколько раз подливают воду и подбрасывают горячие угольки. Каждый пьет из него чай, когда хочет и сколько хочет. Ранним утром забегают соседи обварить из него кусочек сухарика для ребенка, «если вы ничего не имеете против», а то, бывает, зайдет сосед — «смыть сон с души» стаканчиком теплого чая, «если он найдется у вас».

Но «большой самовар» ставят лишь по торжественным вечерам, преимущественно в субботу. Мама говорит, что субботний вечер — единственный, когда она чувствует, что еще живет на белом свете. Всю неделю она «не живет». По вечерам, лежа во второй комнате на своей кровати, я слышу, как мама жалуется папе, что выдыхается, что не знает, как выкрутиться, что ее съедают проценты, что вечерний самовар в субботу для нее — одно из средств, чтобы поддержать «открытость дома».

К субботнему «большому самовару» приходят соседи, знакомые, важные люди, знатоки Талмуда и просветители, которые любят послушать других и сами сказать меткое словцо, обговорить мировые новости и просто встретиться в приятной компании вечером.

Вот приходит наш сосед Шмуэл-Йосеф Рабинович, образованный человек, который изучает Танах с комментариями Мендельсона и даже посреди недели носит манишку с черной полоской вместо галстука. Приходит Алтер Салантер, пишущий критические обзоры в «Га-Мелиц»; Зисл-Послушайте-Ка-Меня, еврей с полной головой новостей, который встречается в любой разговор со своим «послушайте-ка меня». Постоянным гостем у «большого самовара» является и дядя Гесл — грубоватый, но веселый еврей; он всегда рассказывает какую-то историю, которая с ним «недавно случилась». Приходят вежливые молодые люди; им не так важно вести чинные беседы в благородном окружении, как повидаться с моими сестрами, прежде всего с «Эмансипацией», которая собирается ехать учиться, а к тому же весьма недурна собой.

В столовой ярко горит большая мерцающая лампа; «большой самовар» на столе важно пыхтит паром и порывается снизу, как хозяин в хорошем настроении после субботнего дневного сна. Папа высказывает свои соображения о сегодняшней главе Торы и читает наизусть отрывок из «Морэ невухим». Звучат остроумные замечания, мудрые мысли. Алтер Салантер рассказывает последние новости из «Га-Мелиц», и начинается беседа о высокой политике... Все празднично, по-домашнему и сердечно. Надо всем и над всеми царит моя мама...

В столовой ярко горит большая мерцающая лампа; «большой самовар» на столе важно пыхтит паром и порывается снизу, как хозяин в хорошем настроении после субботнего дневного сна.

Золотые руки

Мама занималась мыловаренной фабрикой с рабочей силой, состоявшей из одного-единственного рабочего. Она говорила, что у него золотые руки, но он — «как яичный белок»: его нельзя ни на минуту оставлять одного.

Конечно, мы хотели видеть человека с золотыми руками, к тому же похожего на яичный белок. Он, вероятно, не менее интересен, чем чертик, чем человек-невидимка... А фабрика, на которую ходят люди с золотыми руками, должна быть чем-то вроде заколдованного дворца, где происходят чудесные вещи.

Еле-еле упрямил я старшую сестру, чтобы она хоть раз пустила меня отнести маме на фабрику горячую еду.

Но вместо заколдованного дворца я обнаружил домик, внутри которого стояла полутьма. Он был с закопченными стенами, с мокрым и скользким полом; пахло падалью, прогорклым жиром, к тому же в воздухе висел густой пар, словно в бане.

Даже мама на этой фабрике потеряла в моих глазах многое из своего королевского величия. Это была не владетельница «большого самовара», не гордая, медлительная, сдержанная мама, которую я знал дома. Нервная, тревожная, вспотевшая, она каждую минуту подгоняла мыловара:

– Следи за котлом... Посмотри-ка, готов ли жир? Ты точно взвесил щелочь? Не сыпь так много соды... Ты кладешь слишком много сырья, так дело не пойдет. Канифоль и соль не забудь...

– Я первый раз варю мыло, вы это хотели сказать? — проворчал еврей с рыжей бородой.

Меня мама едва заметила.

– Смотри-ка, ты уже принес мне что-то горячее? А где Либа? — рассеянно проговорила она.

Взяла у меня горшочки, поставила их на окно — и сразу же забыла и обо мне, и о еде.

Выбор ремесла

– Не иначе как он рехнулся!

– Вот еще ремесленных дел мастер выискался! Для этого ему нужно было целые ночи портить глаза за книгами?

Таковыми речами встретила моя семья сообщение, что я намерен быть рабочим. Лишь мой старший брат, тот, который вдруг стал «врагом царя» и собирался уехать в Америку, как только получит шифскарту (билет) от своей невесты, заметил:

– Возможно, это не так плохо, как кажется. Рано или поздно он же уедет в Америку, так пусть изучит ремесло. Там оно ему послужит — в Америке не зазорно быть ремесленником.

Но когда брат узнал, что я намерен стать переплетчиком, то и он пожал плечами.

– Что такое переплетчик? Почему не часовщик или ювелир? Тоже благородное дело.

– А мне нравится переплетать книги.

– Что, если уж не читать Пушкиных и Гоголей, то хоть переплетать их? — съязвил мой практичный брат.

– Можно же и читать Пушкиных и Гоголей, и переплетать их.

– Глупости!..

– Он хочет себя загнать в бедность на всю жизнь, став переплетчиком.

Я слушал и улыбался: если бы они знали действительную причину моего «помешательства»!

Выбирая из всех профессий переплетное дело, а из всех переплетчиков-наставников — Ѓиршла-рыжего, я думал о Шпринцл. Дверь в дверь с рыжим Ѓиршлом жила первая моя возлюбленная. Одного этого было достаточно, чтобы переплетное дело стало для меня самым интересным занятием в мире, а Ѓиршл-рыжий — величайшим его мастером. Всегда быть рядом со Шпринцл, ежедневно видеть ее и разговаривать с ней по несколько раз в день, когда мне захочется, иметь возможность каждую минуту показывать ей мою привязанность, мою любовь — вот что привело меня к выбору профессии!..

Первая забастовка

Роста выше среднего, широкоплечий, с «русской» бородой, окаймляющей полные красные щеки, с широкой и уверенной походкой человека, довольного и собой и миром, Фоля-портной ничем не напоминал наших знакомых еврейских портняжек, голодных, чуть ли не нищих, но веселых.

Фоля-портной был не простым портачом — он шил для господ, представлял себя как «портной мужской и женский, штатский и военный».

Об этом извещали словами и рисунками большие вывески у входа в его мастерскую.

С одной вывески смотрел на мир краснощекий юноша в выходном костюме с клапанами, в полосатых брючках и с цилиндром на голове. С другой вывески улыбалась не менее элегантная дама в зеленом платье с длинным шлейфом и глубоким декольте, которое даже для дамы с вывески казалось чересчур уж глубоким. В одной руке у красавицы-блондинки был плащ-дождевик, в другой она держала хлыстик для конной езды. Картинка намекала на то, что здесь шьют все — от бального платья до дождевика. Бравый военный в «николаевской» шинели с пелериной на рукаве и с широким бобровым воротником строго, но и залихватски смотрел с третьей вывески. Казалось, что он вот-вот зарычит: «Смир-р-р-на!» или гаркнет: «Мол-чать!» Военный мундир, весь увешанный медалями, и вицмундир с серебряными пуговицами, обтягивающие крепкие мужские торсы, примостились на четвертой вывеске...

Фоля-портной не нуждался ни в какой рекламе. Каждый в городе, да и во всей округе, знал, что у него можно заказать — из своего или из портновского материала, «отечественного и заграничного» — то, что душе угодно: от костюма на выход до мундира, от полосатых брючек до армейской шинели, от свадебного платья до «амазонок», в которых выезжают верхом дочери предводителя дворянства. Вывески, занимавшие весь фасад его красивого дома на главной улице города, были всего лишь его частью, подобной резным карнизам, цветным стеклышкам застекленной террасы, как раскрашенный петушок-флюгер на коньке крыши.

Фоля-портной был большим любителем искусства и меценатом. Его дом, словно музей, был набит произведениями искусства. Там можно было видеть глиняных краснолицых немцев в колпаках, с кружками, полными пенного пива, в руках и с длинными курительными трубками в зубах; гипсовых итальянских мальчиков в заплатанных штанишках, в шапочках с козырьками, сдвинутых набок, и с папиросками во ртах; фарфоровых собачек, слоников, выточенных из камня. Были также картины и гравюры, такие как «Моше Монтефиоре⁸⁴⁴ наносит визит английской королеве Виктории», «Три поколения», «За наличные и в кредит» (картина-поучение для торговцев), и еще немало подобных произведений. Их Фоля понемногу покупал во время своих поездок за товаром в Лодзи, Белостоке и Томашове.

Объявятся в городе несколько бродячих актеров — остаток разорившегося еврейского передвижного театра, Фоля будет первым, кто пригласит их к себе домой, накормит и напоит, получит у исправника разрешение на несколько спектаклей «еврейско-немецкой» труппы, поручится за них в типографии Яброва, чтобы для них напечатали афишу, добьется, чтобы они бесплатно выступили в пожарном депо. Затем он сам стоял у дверей и следил, чтобы больше чем половина публики бесплатно «в театр» не прошла. Короче говоря, он стремился к тому, чтобы «труппа» не ушла из города так, как пришла, — пешком.

Хазаны тоже заезжали сначала к нему — как к себе домой. Весь хазанский мир, от Литвы до Волыни, знал, что едой и жильем Фоля обеспечит

Фоля-портной был большим любителем искусства и меценатом. Его дом, словно музей, был набит произведениями искусства.

---

⁸⁴⁴ Мозес (Моше-Хаим) Монтефиоре (1784–1885) — один из известнейших британских евреев XIX в., финансист, общественный деятель и филантроп, много сделавший для возрождения еврейской жизни в Эрец-Исраэль. — *Прим. пер.*

и самих хазанов, и их помощников. При этом если кто-то пытался остановиться в другом месте, он наживал себе в лице Фоли врага на всю жизнь.

Раввинчик, носивший по домам свои трактаты, бродячий магид, бедная невеста, наездница из цирка, мелкий чиновник, который после многодневного запоя хотел опохмелиться, талмуд-тора, «вольное пожарное общество», йешива, городская баня и молельня — для всех у Фоли-портного находился лишний рубль.

Фоля-портной мог себе позволить быть меценатом и благотворителем: помимо того что он обшивал все начальство города и помещиков на двадцать верст вокруг него, он еще брал подряды на обмундирование городских, тюремных надзирателей, городских пожарных, курьеров из «воинского присутствия», гимназистов и полиции.

Фоля был завален работой круглый год и содержал, можно сказать, целую фабрику с дюжиной подмастерьев и несколькими учениками. Самую простую работу он отдавал «халупникам» — бедным портным-надомникам.

Он был вхож в помещичьи усадьбы, был своим человеком у начальства, доверенным лицом у исправника. Мелкие чиновники, учителя из гимназии и обедневшие помещики, которые шили у него в кредит и со скрипом отдавали долги, даже оказывали ему честь: приходили к нему в субботу на еврейскую фаршированную рыбу и русскую водку.

Если еврейю нужно было «устроить» сына в гимназию, отбиться от ложного обвинения в поджоге, «отделаться» от протокола или как-то отвертеться от призыва, взять в городе небольшой подряд, он просил Фолю замолвить словечко, где надо, и Фоля делал, что можно.

Никаких денег Фоля за такие добрые дела не брал. Он делал это, по его словам, ради заповеди помогать ближним и потому, что по природе любил делать евреям добро.

«Но “они” не придерживаются заповедей, они любят только рублики»... И Фоля в таких случаях сразу же оценивал, сколько примерно надо заплатить.

– Я сделаю для вас все, как для себя самого; еврейская копейка мне дорога. Но лучше уж дайте несколько рублей «сверху», так дело решится скорее... Не подмажешь — не поедешь, — рассуждал он.

Хотя родовитые евреи, крупные хозяева, в глубине души брезговали выскочкой-портнягой, в глаза они его звали «реб Рефозл» и садились с ним за один стол при обсуждении всех общинных дел.

– Как хотите, но он вовсе не портной, а скорее подрядчик... Он уже десять лет не держал в руках иглы. На него люди работают, и потом — у него щедрая рука.

Но рабочие Фоли не искали у него добродетелей и не восхваляли хозяина ни в глаза, ни заочно. Фоля-портной был первым и единственным в городе, кто ввел у себя в мастерской сдельщину.

– При сдельной оплате каждый из вас сам себе хозяин, — объяснял Фоля своим работникам. — Захочешь посидеть на часок больше, заработаешь лишнюю копейку. Не захочешь — ну так отдыхай... Что касается вас, увидите, вам будет лучше...

Но вскоре рабочие обнаружили, что их сильно обижают. Заработок уменьшился: у кого-то на четверть, у кого-то на целую треть. Фоля требовал

Никаких денег Фоля за такие добрые дела не брал. Он делал это, по его словам, ради заповеди помогать ближним и потому, что по природе любил делать евреям добро.

«первый сорт». Если что-то шло не так, он проводил ножичком по шву, распарывал работу сверху донизу, отрезал лацкан и бросал в лицо рабочему:

– На, переделай! Так ты будешь шить только для деревенских женихов...

За переделку он, понятное дело, не платил. Рабочие выплескивали гнев между собой:

– И что с того, что я трижды переделывал: думаете, заплатил он мне за это?..

– На свое дневное пропитание он заработал.

– И даже на то, чтобы похвалиться своими щедрыми подачками.

– Да уж, благодетель за чужой счет...

– Живет на широкую ногу, дьявола в пузо отцу его!

* * *

Шлоимке обращался в сторону столов, за которыми еще сидели с подогнутыми ногами и с материалом на коленях рабочие, и звенящим голосом взывал:

– Товарищи рабочие, если вы себя цените, если хотите, чтобы Фолька и ему подобные эксплуататоры не жирели на вашей крови и поте... покажите, что вы сознательные рабочие, и прямо сейчас прекратите работу. Пусть Фолька увидит, кто за чей счет живет: мы за его или он за наш.

– Объявляем ему забастовку, никак не иначе — забастовку! — подхватили молодые рабочие.

Не без колебаний старшие тоже отложили работу в сторону и как бы нехотя встали из-за столов...

* * *

Бастующие выдвинули Фоле следующие требования:

1. Отменить сдельщину и заново ввести понедельную оплату.

2. Установить десятичасовой рабочий день.

3. Отменить зимой отработку по субботним вечерам тех часов, которые не были выработаны зимой в пятницу из-за приближения субботы.

4. Не бить и не оскорблять учеников, не использовать их для работы по дому. Обучать их ремеслу с самого начала их ученического срока. С третьего года платить им не меньше рубля в неделю.

5. Все бастующие должны быть приняты обратно на работу.

* * *

Фоля пустил в ход свою близость с начальством, чтобы прервать забастовку. Но бастующие сидели по домам и не двигались. Только вечером они собирались в Синагоге портных. Раввин тоже попытался примирить Фолю с его людьми...

АВРОМ-ЯКОВ ПАПЕРНА

«Копыль»⁸⁴⁵

Не знаю, видел ли кто-либо из моих читателей мой милый родной городок Копыль, слышал ли о его существовании, но те, кто его видел, вряд ли поверят, что этот маленький, бедный, невзрачный городок имел за собою великое прошлое, что он еще в XVII веке был столицей литовских князей Лелевичей из дома Ольгердов.

А между тем это несомненный исторический факт, и поныне еще вблизи самого города горделиво красуется высокая конусообразная гора, окруженная внизу рвом и валом, прозванная «Шлосс» («Замок»), на которой видны остатки средневекового рыцарского замка — немые свидетели былой славы...

Грустный факт, что ему (Копылю) пришлось снизойти с высшей ступени — княжеской резиденции — до скромного положения: местопребывания пристава третьего стана Слуцкого уезда, Минской губернии, — а соседней его замковой горе, на которой некогда кипела жизнь, бушевали страсти, сделаться местом игры в орехи для хедерных воспитанников в субботние дни...

В таком положении я нашел Копыль в 1840 году, когда имел счастье впервые увидеть в нем свет.

Я застал городок деревянным, крытым соломой или заросшими мхом старыми гонтами. Он вначале производил на меня угнетающее впечатление, но со временем я привык к нему, и не только привык, но и полюбил за его прекрасное расположение на высокой горе среди роскошной местности, изобилующей плодоносными полями, пестрыми лугами и лесистыми холмами. Что до копыльских евреев, то хотя они были слишком серьезные люди, чтобы восхищаться красотами природы, тем не менее и они любили свое местечко, приписывая богатой флоре его окрестностей целительную силу. Рассказывали они, что Копыль никогда не знал эпидемических болезней и что даже в 1836 году, когда кругом свирепствовала холера, Копыль был ею пощажен.

Копыльцы вообще были большие оптимисты. Они считали себя заговоренными от пожаров. Правда, я в детстве, около 1845 года, был свидетелем пожара, уничтожившего половину города, а уже в моем отсутствии, в 1865 году, был другой пожар, от которого весь Копыль сгорел дотла...

Чем бесспорно могли гордиться копыльцы — это мужественной защитой себя от заразы, так сказать, морального свойства, заносимых к ним то в виде хасидизма, то в виде Гаскалы и грозивших отравить их навеки застывшую, окаменевшую шульхан-арухскую жизнь.

Из борьбы с хасидизмом они вышли вполне победоносно... Стоило только адептам хасидской ереси собраться в свою молельню для молитвы по новому обряду или для собеседования о чудесах своего цадика, как копыльцы являлись с барабанами и били в них с такой яростью, что ни о молитве, ни о каких-то беседах и думать было нельзя. Так поступали копыльцы до тех пор, пока молельня не была закрыта навсегда...

Копыльцы вообще были большие оптимисты. Они считали себя заговоренными от пожаров.

---

⁸⁴⁵ Воспоминания А.-Я. Паперны публикуются по оригинальному тексту, включенному в сборник «Евреи в России. XIX век» (М.: Новое литературное обозрение, 2000).

Сближали их неизбежные соседские и экономические интересы. Не было между ними зависти, потому что не в чем было им друг другу завидовать...

В описываемое время в Копыле было около 3000 душ населения, состоявшего из трех различных по народности и вероисповеданию групп: евреев, белорусов и татар. Эти три группы были чужды одна другой по языку, обычаям, верованиям и историческим преданиям, они были представителями трех различных миров и тем не менее жили между собою мирно. Сближали их неизбежные соседские и экономические интересы. Не было между ними зависти, потому что не в чем было им друг другу завидовать: все с большим трудом снискивали себе скудное пропитание, а главное, потому, что не было между ними конкуренции, ибо каждая из этих групп, как бы по уговору, отмежевала себе особое от других поле деятельности, и, таким образом, они скорее дополняли друг друга, чем соперничали между собой.

Евреи, составлявшие большинство населения, держали лавки, занимались торговлей хлебом, шерстью, пенькой и прочими земледельческими продуктами, которые они осенью покупали на базаре у привозивших их крестьян, а зимой на санях везли в местечко Столбцы — пристань на Немане, где продавали эти товары богатым купцам, сплавлявшим их затем большими партиями в Кёнигсберг или Мемель. Как лавочники, так и торговцы зерном оперировали незначительными суммами, так как крупных капиталов в Копыле не было; зато этих торговцев было сравнительно много, и они страшно конкурировали между собой как при купле, так и при продаже. Другие занимались корчмарством, извозом, учительством и ремеслами. Ремесленников разного рода было тоже слишком много, и многие из них, не находя работы в городе, уходили в деревни.

Копыльцы для ведения своих торговых дел часто брали деньги у помещиков и ксендзов под залог ожерелий своих жен, платя значительные проценты.

Татар было в городе немного, около пятнадцати семейств. Занимались они огородничеством. Трудолюбивые, трезвые и чистоплотные, они держались ближе к евреям. Белорусы занимались хлебопашеством и ткачеством.

Город и окрестности принадлежали тогда князю Витгенштейну, наследнику князя Радзивилла, и все дома стояли на помещичьей земле. Ввиду недостаточности доходов от землепашества мещане в зимнее время занимались тканьем холста и тонких белых покрывал, употреблявшихся в то время еврейскими женщинами как часть головного убора.

Еврейские торговцы давали им сырой материал, платили еженедельно за исполненный труд и в обработанном виде продавали этот товар на ярмарке в Зельве. Копыльский холст, а в особенности копыльские покрывала, пользовались большой славой на литовском рынке.

Расселялись упомянутые группы населения отдельно одна от другой: христиане и магометане в боковых улицах по уступам горы и под горой, евреи же занимали саму лучшую часть города на вершине, где находились базарная площадь с примыкающими к ней улицами и синагогальный двор или площадь, на которой концентрировались все еврейские духовные и общественные учреждения. Ввиду такого видного места, занимаемого евреями, а также вследствие их сравнительной многочисленности и свойственной торговому люду вообще и евреям в особенности подвижности Копыль производил впечатление чисто еврейского города.

Духовные и общественные учреждения

Базар и синагогальный двор, эти два главных центра копыльцев, были вместе с тем и двумя противоположными полюсами их деятельности: там копылец исполнял трудную, но обязательную повинность, а здесь он отводил душу; там он искал *парносе*, пропитание для своей семьи, а тут — удовлетворение своим духовным потребностям. Для удовлетворения их в Копыле на школьном дворе сосредоточилось много учреждений, слишком даже много для такой бедной и малолюдной общины. В то время как у православных жителей Копыля и его окрестностей была только одна церковь, у евреев на синагогальном дворе их было четыре: синагога, дом учения, «Клойз» и молельня портных.

Синагога — древнее, высокое, в старинном стиле построенное здание, стены и своды были раскрашены фантастическими, символическими фигурами и исписаны стихами из Танаха. Рядом с синагогой находилось не менее древнее кладбище. В синагоге священнодействовал благочестивый и сладкозвучный реб Берке-хазан, человек красивой и импозантной наружности, высокого роста, с черной бородой и черными же глазами. Реб Берке отличался не только музыкальными способностями: так как жалованья ему не хватало, он исполнял также обязанности резника скота и птицы. Будучи замечательным каллиграфом и обладая знакомством со всеми тонкостями талмудической юриспруденции, он исполнял и должность «державшего перо», то есть общественного писаря, составляя предбрачные договоры, купчие крепости, долговые обязательства, завещательные акты, договоры о найме и проч. и внося их, в важных случаях, в общинную памятную книгу.

Напротив синагоги помещался дом учения, в котором молились большинство обывателей, преимущественно среднего класса. К нему примыкали: кагальная изба, или зал общественных собраний, талмуд-тора и кутузка — снабженная железными дверными запорами и такими же оконными решетками изба, в которой содержались под стражей рекруты до отправления их в губернский город для сдачи в солдаты. Недалеко от дома учения на синагогальном дворе помещался и дом раввина, который был всегда открыт для каждого. Туда то и дело приходили мужчины и женщины, одни за разрешением ритуальных вопросов, другие за советом, а третьи с жалобами. Дело в том, что в Копыле коронного суда не было. Возникавшие между обывателями споры и ссоры у местных христиан разрешались кулачным правом, и в лучшем случае мир заключался за бутылкой горилки; у евреев же все денежные, супружеские и прочие споры решались раввинским судом, к которому с полным доверием обращались часто и христиане в своих спорах с евреями. Раввин, выслушав жалобщика, посылал своего шамеса за обвиняемым, и тот немедленно являлся (случаев неявки почти не бывало); затем обе стороны клали на стол плату за судебное разбирательство — все равно сколько, только обе должны были давать поровну, и разбор начинался. Через некоторое время произносился приговор в окончательной форме, который всегда беспрекословно исполнялся без помощи судебных приставов в силу авторитета раввина.

«Клойз» был единственным каменным зданием в городе и служил молитвенным домом для копыльских обывателей, известных знатностью рода, талмудической эрудицией, богобоязненностью или благотворительностью. Это были все люди серьезные, строгих принципов, сознававшие свое достоинство и умевшие внушать к себе уважение. Носили они черную

Напротив синагоги помещался дом учения, в котором молились большинство обывателей, преимущественно среднего класса.

с бархатными воротниками верхнюю одежду и штраймлы. Для этих, как их называли, «красивых» или «шелковых» людей «Клойз» был не только молитвенным домом, но и своего рода читальней или школой для взрослых, где они, предоставляя свои будничные дела и заботы женам, занимались после утренней и вечерней молитв каждый своим любимым предметом — кто Талмудом, кто Агадой... «Клойз» заменял им отчасти и клуб: в сумерки, между послеполуденной и вечерней молитвами, любили они собираться за печью (печь была большая, и между нею и северной стеной имелся уютный теплый уголок), чтобы вести дружескую беседу о делах религиозных и светских, о политике внешней и внутренней и прочем.

Прихожане «Клойза»

Как теперь вижу их. Вот стоит реб Хаимке и рядом с ним его четыре брата — все люди зажиточные, владеющие домами на базарной площади и *меюхосим* (знатные), ибо состоят в родстве с богачами Ивье⁸⁴⁶; из них первое место занимает реб Хаимке, человек не внушительной наружности, зато очень богобоязненный и богомольный. Он молился тихо, но при этом плакал, рыдал, проливал горячие слезы, за что его прозвали «великий плакальщик». Благодаря таким его свойствам, особенно его плаксивости, он был избран в «сборщики», то есть в старосты кагала. До выборов были между копыльцами такие, которые, при всем своем уважении к ребу Хаимке, считали его неподходящим для этой должности именно вследствие его смирения и мягкости характера. Власть, утверждали они, должна быть сильна, неуступчива и, в известных случаях, даже жестока. Но страх оказался напрасным: реб Хаимке, приняв в свои руки бразды правления, показал, что он умеет в случае надобности совладать со своими нежными чувствами, и там, где дело шло об исполнении служебных обязанностей, был жесточе и бессердечнее своих предшественников.

А вот у той же восточной стены стоит высокий с тонкими чертами лица убеленный сединами старец. Это мой дядя реб Лейзерке, сын моего покойного деда, копыльского раввина реб Зискинда. Он унаследовал от своего отца его соболью шубу и богобоязненность, но уступал ему в знании Талмуда. В жизни он был неудачником. Был он и даяном, и меламедом, а при случае и шадхеном⁸⁴⁷, но все эти занятия, вместе взятые, не доставляли ему хлеба досыта. Он был худ и бледен, однако голову держал высоко, и глаза его светились благородной гордостью, сознанием вполне добросовестного исполнения им своих религиозных обязанностей. Если же он часто скорбел, сокрушался, то не из-за личных невзгод; это мучило и жгло его народное горе, которое рельефнее всего выражалось в его молитве. Он молился долго, усердно, кричал, стучал руками; это была горькая жалоба, протест. В молитве его мне всегда слышалось: «Что же это такое, в самом деле, Господи, творится на Твоем свете? Ты носил Свою Тору ко всем семидесяти народам мира, и никто из них не хотел взять на себя эту ношу; мы же ее охотно приняли и свято исполняем шестьсот тринадцать писанных Твоих законов и тысячи неписанных — и какая награда за все это? Мы отданы, как овцы, на заклятие... Где же справедливость?»

Бедный мой дядя! Он никак не мог примириться с голусом.

⁸⁴⁶ Ивье — местечко, волостной центр Минского уезда; ныне — город в Гродненской обл.

⁸⁴⁷ *Шадхен* (иврит в ашкеназском произношении) — сват; *шидух* — сватовство.

Еще более замечателен, хотя в совершенно другом роде, реб Лейбке, прозванный «Га-Койдеш»⁸⁴⁸. Это человек среднего роста с желтой бородой и желтым лицом, с высоким лбом, украшенным в самой середине шишкой. Специальностью его была Кабала, и любимой его книгой была «Зоѓар», которую он изучал постоянно, стараясь с ее помощью постичь сокровенные тайны Торы и те способы, посредством которых человек может возвыситься до уровня властелина мира, то есть чудодея или пророка.

Реб Лейбке забот не имел. Он владел домом на базарной площади, при этом жена его была замечательно деловая женщина, просто сокровище: она открыла способ производства «нектара» трудно определимого цвета и вкуса — не то пива, не то кваса, — который копыльцы окрестили именем «унтер-бир» («подпиво»). Копыльцам этот напиток очень нравился, тем более что он был весьма дешев, и по субботам, мучимые жаждою после горько-соленых закусок и необычно сытной и жирной еды, они целыми шеренгами с женами и детьми отправлялись в дом реб Лейбке, чтобы освежиться живительным напитком.

Жена реб Лейбке в субботу не торговала, а только позволяла всем и каждому черпать из кадки и пить без меры, сколько душе угодно; цена была всем известна: по грошу с лица — денег она не брала, она знала своих сограждан, знала, что им можно отпускать в кредит. И действительно, случаев банкротства или утайки никогда не бывало. При таких благоприятных обстоятельствах реб Лейбке мог всецело предаваться своим любимым кабалистическим упражнениям. Копыльцы посмеивались над ним. Прозвище «Га-Койдеш» дал ему известный копыльский остряк Ноех Хаслес. Реб Лейбке ожидал случая, когда он сумеет убедить всех в своей чудодейственной силе. И случай такой вскоре явился.

Это было в 1855 году. Время было тяжелое, ужасное: свирепствовала холера. Была война (Крымская), подати разного наименования взыскивались с неумолимой строгостью, регулярные войска и ополченцы, проходя через город, выбрасывали жителей на улицу и хозяйничали в их домах по-своему, рекрутские наборы участились, почти не прекращаясь; хаперы шныряли повсюду. Тогда реб Лейбке, болея сердцем за свой народ, со всей энергией взялся за открытие «Кец» (Кец — конец или точное определение времени пришествия Мошиаха и конца страданий Израиля в изгнании), и постом, молитвой и истязанием своего тела он-таки добился открытия его. Он нашел его в четвертом стихе 126-го псалма, в словах *ка-афиким ба-негев*. Слова эти собственно означают: «как потоки на юге», но реб Лейбке нашел в них и тайный смысл. По его мнению, одиннадцать еврейских букв, из которых составлены эти слова, суть начальные буквы следующих слов (в русском переводе): «По смерти Александра Павловича будет царствовать Константин многие дни, в дни Николая наступит Избавление».

«Кец» реб Лейбке пронесся по всей Литве, и везде с радостью увидели в нем, точно на ладони, приближение мессианского времени... Но ненадолго. В том же году пришла весть о кончине императора Николая I, разбившей в пух и прах «Кец» реб Лейбке. Потеряв веру в себя и даже в сам священный «Зоѓар», он впал в уныние и преждевременно сошел в могилу.

А вот там поодаль стоит реб Лейзер-Янкель. Высокий, с длинными руками, он был крайне обижен природой, отказавшей ему в бороде... Напрасно

Специальностью его была Кабала, и любимой его книгой была «Зоѓар», которую он изучал постоянно, стараясь с ее помощью постичь сокровенные тайны Торы...

---

⁸⁴⁸ Га-Койдеш (иврит в ашкеназском произношении) — Святой.

он сжимал и щипал свой подбородок — ничего не выжал, не выщипал. Зато он был одарен парой длинных и густых пейсов, которые клал в рот и жевал, особенно во время усиленной умственной работы. Реб Лейзер-Янкель принадлежал к разряду талмудистов, именуемых *хорифим* (остроумами), мог «горы двигать», делать белое черным, а черное — белым. Мозг его был изощренным. Он сам знал, что его парадоксальные выводы реального значения не имеют, то было искусство для искусства. Реб Лейзер-Янкель был художником, творцом, который умел из отдельных камешков, разбросанных по безбрежному пространству Талмуда, воздвигнуть воздушный замок.

Молодежь «Клойза»

Копыльский «Клойз» был также высшей школой, где местные подростки, получившие достаточную подготовку в хедерах, сами дополняли свои сведения в Талмуде и раввинской письменности. Между ними в начале пятидесятых годов обращали на себя внимание два юноши, Шодем и Шлойме, тем, что, будучи способными талмудистами, они посвящали, однако, много времени изучению Танаха с комментариями «Мецудот»... Делать Танах предметом серьезного изучения, тратить на это драгоценное время казалось всем более чем странным. Одному из этих «библиоманов», Шолему, высокому, стройному парню, суждено было впоследствии стать одним из лучших представителей новоеврейской и жаргонной литературы, известным под псевдонимом Менделе Мойхер-Сфорим.

Кроме местных юношей в «Клойзе» обучались и иногородние молодые люди: *бохрим*⁸⁴⁹ (холостые) и *прушим*⁸⁵⁰ (женатые)... При появлении такого бохера в «Клойзе», обыкновенно с посохом в руке и с котомкой на плечах, все его окружали, приветствовали и приступали к снабжению его «днями»... Этим актом положение юноши обеспечивалось: еда у него есть, книг и свечей — сколько угодно, квартира готовая — «Клойз», в кровати и подушках он не нуждается — спит на скамье... Жизнь, правда, не роскошная, зато спокойная и свободная от забот и семейных дрызг...

В «Клойзе» стоял постоянный гул десятков голосов молодых людей, громко читавших лежавшие перед ними фолианты Талмуда и соперничавших между собой в прилежании и успехах. Случалось, что между двумя из них завязывался спор в понимании какого-либо места в Талмуде или в его комментариях; спор, начавшийся тихо, мирно, принимал все более и более горячий характер, переходил в состязание, каждый из спорщиков оперировал начитанностью, остроумием, находчивостью, призывал на помощь все силы диалектики, логики, даже софистики; к спорящим присоединялись посторонние, причем одни становились на сторону одного, другие на сторону другого из диспутантов; двоеборство таким образом превращалось в ожесточенную битву между двумя лагерями; поднимался всеобщий шум, шансы на победу быстро переходили с одной стороны на другую, пока одному из диспутантов не удавалось нанести противнику окончательный удар.

Почти все иногородние бохрим рано или поздно делались добычей охотившихся за ними копыльских обывателей. Иногородние «клойзники» имели для Копыля, с одной стороны, весьма важное матримониальное зна-

⁸⁴⁹ *Бохрим* (иврит в ашкеназском произношении; ед. *бохер*) — букв. «юноши».

⁸⁵⁰ *Прушим* (иврит в ашкеназском произношении; ед. *поруш*) — букв. «отдалившиеся».

чение, а с другой — служили постоянными кадрами для пополнения рядов ученых обывателей.

Молодые ученые по окончании своего «кеста» (полное содержание новобрачным и могущим родиться у них детям) часто вынуждены бывали для пропитания своих семей искать должности раввинов, меламедов и других духовных профессий в далеких краях (в Подолии, на Волыни и в Новороссийском крае), где знание Талмуда было менее распространено.

Общественные и частные библиотеки

Для удовлетворения потребностей стольких пытливых умов и столь различных вкусов в копыльском «Клойзе» была довольно богатая библиотека. Рядом с Талмудом, кодексами и раввинскими респонсами в ней находились и книги содержания кабалистического, философского («Морэ невухим»), философско-богословского («Кузари», «Сефер га-икарим»), нравоучительного («Ховот га-леавот», «Месилат-йешарим»⁸⁵¹), исторического («Сейдер га-доройс»⁸⁵², «Иосифон»⁸⁵³, «Шальшелет га-Кабала»⁸⁵⁴) и проч. Не было в этой библиотеке только произведений новоеврейской, так называемой берлинской литературы, возникшей во второй половине XVIII века в Берлине, продолжавшейся в Галиции и в описываемое время нашедшей адептов в России. Эта литература считалась вредной, запрещенной, но сочинения и этого рода вскоре появились в Копыле, хотя и тайным, контрабандным путем.

Кроме библиотеки при «Клойзе» в Копыле было много частных библиотек меньшего масштаба. Каждый зажиточный и уважающий себя обыватель имел у себя на дому те книги, которые были ему доступны и отвечали его вкусу. Шкаф с книгами, с полным комплектом Талмуда в красном кожаном переплете был лучшим украшением для еврейского обывателя, как жемчуг и бриллиантовые серьги для жены его. В случае нужды этот капитал можно было заложить или продать; в крайнем случае можно было их дать в виде приданого за дочь.

И женщины имели свои библиотечки, соответствующие их развитию и духовным потребностям и состоявшие исключительно из книг, писанных на жаргоне⁸⁵⁵, так как женщины древнееврейского языка не знали. Это были большею частью книги религиозного содержания: молитвенники, «Цезна у-резна», «Менорат-га-маор», рассказы из древней еврейской истории вроде «Гдулас-Йосеф»⁸⁵⁶ — романтически-легендарной истории Йосефа Прекрасного.

Попадались также и светские книги, переводы или переделки с других языков, как, например, «Бове-майсе»⁸⁵⁷; «Тойзнт эйн нахт»⁸⁵⁸ и т. п. В соро-

---

Кроме библиотеки при «Клойзе» в Копыле было много частных библиотек меньшего масштаба.

---

⁸⁵¹ «Месилат-йешарим» (иврит) — «Путь праведных» — книга р. Моше-Хаима Луццатто.

⁸⁵² «Сейдер га-доройс» (иврит в ашкеназском произношении) — «Порядок поколений» — книга р. И. Гейльпринна.

⁸⁵³ «Иосифон» — анонимный исторический труд, хроника событий еврейской истории от Адама до эпохи Второго храма; книга появилась в Южной Италии в X в., базируется на текстах Иосифа Флавия. Впервые напечатана в Мантуе в 1476 г.

⁸⁵⁴ «Шальшелет га-Кабала» (иврит) — «Цепочка предания» — книга р. Гдаљи ибн Яхьи.

⁸⁵⁵ То есть на идише.

⁸⁵⁶ «Гдулас-Йосеф» (иврит в ашкеназском произношении) — «Величие Йосефа».

⁸⁵⁷ «Бове-майсе» — стихотворный перевод-адаптация на идише Элийогу Левиты французского рыцарского романа XVI в. о Бюэве из города Анстона (в русском переводе известен под названием «Бова-королевич»).

⁸⁵⁸ «Тойзнт эйн нахт» (идиш) — «Тысяча и одна ночь».

ковых годах стали появляться от времени до времени и бытовые описания, и юмористические рассказы талантливого писателя, отца новожаргонной литературы А.-М. Дика. Строгий «Index», существовавший для литературы на иврите, не касался жаргонной; она была в таком пренебрежении у талмудистов, что они не могли себе представить в ней чего-либо опасного для ортодоксии. Благодаря этому «диковская» литература беспрепятственно и в огромном количестве экземпляров распространялась среди читающей публики. Эту публику вначале составляли простолюдины и женщины. Серьезные мужчины со снисходительной улыбкой смотрели на невинные забавы своих жен и дочерей, собиравшихся в субботние дни для чтения этих «шуточных рассказов», но молодежь вскоре поняла, что автор этих рассказов более чем серьезен, и делала из них надлежащие выводы.

Копыльские патриции, то есть обыватели, отличавшиеся ученостью, состоятельностью или знатностью рода, относились пренебрежительно к своим бедным согражданам — ремесленникам, извозчикам, чернорабочим и проч. Знатный копылец ни за что не выдал бы свою дочь за ремесленника; такой союз был бы позором для всей семьи. От моей матери я часто слышал:

– Слава Богу, в нашем роду нет ни одного выкреста и ни одного ремесленника.

Патриции захватили все почетные должности и места в синагоге, оставляя плебеям задние скамейки у самых дверей. Плебеи не выдержали и удалились в особое помещение, обращенное ими в молитвенный дом, где они почувствовали себя полными хозяевами: обзавелись собственными свитками Торы, собственными старостами и даже собственным «ребем», который объяснял им установленные недельные отделы Пятикнижия и читал нравоучительные книги.

К сожалению, и в этой молельне скоро возникли несогласия: «помещичьи портные», более богатые и влиятельные среди портных, забрав в свои руки бразды правления, обижали своих менее счастливых товарищей, лишая их почетных должностей и указывая им места пониже, что повело к частым пререканиям и ссорам, переходившим иногда в драки...

Шулклепер⁸⁵⁹. Баня. Банщик Пиньке

Для созыва прихожан на молитву в Копыле был особый священнослужитель Юдл (так, кажется, его звали), прозванный «шулклепер» потому, что его обязанностью было обходить весь город с молотком перед утренней и вечерней молитвами и дважды стучать им в дверь каждого еврейского дома в знак того, что пора идти на молитву. В случае же, когда в городе кто-либо умирал, население извещалось об этом тем, что шулклепер стучал не дважды, а трижды. В субботу, когда ни носить молоток, ни постукивать им нельзя, шулклепер, обходя город, звучным голосом выкрикивал:

– Идн, ин шул арайн!⁸⁶⁰

В пятницу ровно в двенадцать часов дня он тем же напевом призывал обывателей в баню:

⁸⁵⁹ Шулклепер (варианты: шулклапер, шилклапер, шилклопер) — от слов на идише: «шул» — синагога и «клапн» — стучать.

⁸⁶⁰ «Идн, ин шул арайн!» (идиш) — «Евреи, в синагогу!»

– Идн, ин бод арайн!⁸⁶¹

В Грозные дни Юдл не ограничивался положенным числом ударов, а стучал в ставни и кричал, пока не убеждался, что обыватель встал с постели...

Юдл был сапожником и жил своим трудом, жалованья по своей должности не получал, даже молоток был его собственный, тот самый, которым он вбивал гвозди в каблуки. Вся польза для него от этой должности состояла лишь в том, что она давала ему право участвовать в пиршествах на свадьбах, помолвках и проч., и получать при этом иногда какое-либо подаяние... Выбор пал именно на Юдла благодаря его осанистой фигуре, крепким рукам и ногам и приятному голосу.

То обстоятельство, что одно и то же лицо звало копыльцев и на молитву, и в баню, уже показывает, что баня в Копыле была не только баней, а еще чем-то высшим. В бане находился ритуальный бассейн (миквэ), что придавало ей религиозный характер. Но и для мужчин париться в бане считалось священным обычаем — приготовлением к встрече невесты-субботы.

Копыльская баня была собственностью еврейской общины, получавшей от банщика арендную плату в размере десяти польских злотых (1 руб. 50 коп.), которые шли на уплату жалованья раввину. Это было старое-престарое, почерневшее и осевшее здание, которое, несмотря на множество приставленных к нему в разные времена подпор, ежеминутно грозило рухнуть; тем не менее оно, как бы сознавая важность своего назначения, продержалось в этом положении в течение всего двадцатилетнего моего пребывания в Копыле. Баня во все дни, кроме пятницы и субботы, была свечным заводом, в котором Пиньке-банщик изготавливал дешевые свечи, и при ней был приют для бездомных, а также местом ночлега для проходивших через город иногородних попрошаек-нищих. Плата за пользование баней была раз навсегда установлена: по два польских гроша с лица — плата довольно высокая, но копыльцы для святости субботы ничего не жалели, и как только раздавался глас шулкепера: «Идн, ин бод арайн!» — все бросали свои будничные занятия и массажи пускались вниз по уступу горы по направлению к бане.

Копыльские хозяйки в пятницу мужьям и сыновьям есть не давали, во-первых, чтобы у них был надлежащий аппетит к вечерней субботней трапезе, а во-вторых — и главным образом, — потому, что им некогда было: с четверга они с дочерьми уже трудились, не спали всю ночь, не покладая рук работали, опасаясь не закончить всех приготовлений до заката солнца; нервы их поэтому достигали высшей степени напряженности, так что мужской пол считал разумным держаться от них подальше и, если возможно, вовсе не попадаться им на глаза. И самым лучшим убежищем от них была баня. Копыльцы сиживали в ней до вечера, умывались, парились, хлестали себя вениками и в антрактах рассаживались по скамьям: знатные впереди, а простой люд позади, как в синагоге, — беседовали о новостях дня, о политике, шутили, острили. Мой дядя реб Лейзерке обыкновенно после мытья удалялся в отделение фельдшера, который, обрив ему голову, ставил ему банки на голову и спину. Реб Лейзерке, хотя был сух, как щепка, и бледен, как полотно, считал причиной всех своих болезней (он их насчитывал до семи) свою кровь и при каждом припадке какой-либо из этих болезней прибегал к кровопусканию. В виде предупреждения припадков он аккуратно два раза в месяц совершал над собой малое кровопускание посредством

Юдл был сапожником и жил своим трудом, жалованья по своей должности не получал, даже молоток был его собственный, тот самый, которым он вбивал гвозди в каблуки.

---

⁸⁶¹ «Идн, ин бод арайн!» (идиш) — «Еврей, в баню!»

банок. Так поступали и прочие порядочные копыльцы, и в бане ручьями лилась не только вода, но и кровь.

Банщик Пиньке был человек замечательный и разносторонний. Он соединял в своей особе, кроме должностей банщика и управляющего свечным заводом, также и две другие уже совершенно противоположные по своему характеру должности: могильщика и бадхана. Прежде чем вести новобрачных под балдахин, он им читал мораль и, указывая на важное значение предстоящего события в их жизни, увещевал их не слишком предаваться радости, ибо все в жизни преходяще; если же новобрачные были сироты, то он не забывал напомнить о покойниках в доказательство того, что человек подобен цветку полевому: сегодня он растет, цветет, а завтра — смотри — уже завял. Все это говорилось с должным чувством и благозвучными рифмами, так что не только новобрачные, но и посторонние заливались слезами. Зато по возвращении из-под хупэ, когда новобрачные и почетные гости усаживались за уставленный яствами и напитками стол, Пиньке превращался в шута и фокусника. На его обязанности лежало теперь веселить и забавлять публику, и он, выпивая одну рюмку за другой (выпивка полагалась ему и как банщику, и как могильщику, и как бадхану) и приходя от этого все больше и больше в экстаз, то распевал под аккомпанемент музыки народные песни, то рассказывал веселые сказки, анекдоты, шутки, произносил эпиграммы, иногда очень колкие и направленные против присутствовавших тут же «шелковых людей», богачей и святош; пускал в ход также и чревовещательство, глотание горящих лент и т. п. Он разделял лицо своею рукою на две половины, одною половиною смеялся, а другой плакал, олицетворяя таким образом свои две должности: могильщика и бадхана.

Администрация

Все разнородные функции управления сосредоточивались в руках станового пристава, или, как его величали, ассессора, пана Здроевского, самодержавно властвовавшего в течение нескольких десятков лет над копыльцами.

Другого начальства в Копыле не было, а при заброшенности Копыля далеко от почтового тракта, при запущенности дорог, ведущих к нему, никакому исправнику, а тем более губернатору в голову не могла прийти мысль заглянуть туда. Само собой разумеется, что характер правителя при такой полноте власти не мог быть безразличен для «вверенного ему населения» вообще, для еврейского же населения особенно. Ведь известно изречение А.-М. Дика, гласившее: «Каждого еврея можно повести в больницу, облачить в больничный халат и колпак и положить на койку — уж там врач, пощупав его, непременно найдет у него какой-нибудь недуг; точно так же каждый городской может смело взять за шиворот любого еврея и потащить его в участок: уж какой-нибудь обход закона за ним окажется». Законов в России, как известно, вообще много, а законов о евреях не оберешься. А время было нешуточное — время николаевское, гзейрейс⁸⁶² сыпались одна за другой, одна другой страшнее, невыносимее.

Здроевский был на вид страшный, высокий, широкоплечий и, хотя обыкновенно говорил по-польски, не владея хорошо русской речью, ругался

⁸⁶² *Гзейрес* (иврит в ашкеназском произношении; ед. *гзейре*) — несчастья, Божьи кары; ограничения, суровые меры, строгие постановления властей, направленные обычно против евреев.

и грозил непременно по-русски, и угрозы и ругательства произносил с совершенно правильным русским акцентом. Вскоре, однако ж, копыльцы с облегченным сердцем убедились в том, что черт не так страшен, как его малюют.

В одно прекрасное утро раздался на площади барабанный бой. Это значит: новый закон, стало быть, новая гзейре. Копыльцы в страхе спешат на площадь и внемлют «правительственному сообщению» из уст нового станowego пристава: строжайше предписывается евреям носить ту же одежду, что и окружающие, и запрещается носить бороду и пейсы; женщинам воспрещается брить головы и надевать парики. Евреи пришли к заключению, что это «гзейрас-шмад», то есть подкоп под их веру. Назначен был пост. Копыльцы по обыкновению своему в таких случаях горячо молились, и без всяких результатов. Сотский Семка приступил к приведению грозного закона в действие; некоторые евреи, и именно самые почтенные, были потащены в стан, где им бесцеремонно отрезали полы зипунов, бороды были гладко сбриты, а пейсы срезаны беспощадно до самых корней; с некоторых копыльских матрон, как раз самых видных, посреди улицы сорваны были чепцы и покрывала.

Решено было послать депутацию к грозному становому с петицией и приношением... Семка перестал усердствовать, к обрезанным зипунам были пришиты новые полы — все равно какой материи и какого цвета, не в том дело, — бороды же и пейсы со временем сами отросли, и все пошло по старому.

Как копыльцы с благодарностью говорили, многое «свелось только к деньгам»... Со временем Здроевский так ужился с копыльскими евреями, что, случалось, запросто заходил к тому или другому в субботу выпить чарку-другую, отведать и рыбу, и другие субботние яства, которые, сказать мимоходом, он очень любил.

Здроевский не стеснял обывателей по части городского благоустройства и гигиены... Дома поэтому строились где и как кому хотелось. Ско-тобойня находилась в центре базарной площади; из нее часто раздавался раздирающий душу рев связанных и сваленных для убоя животных, текла кровь, выбрасывалась всякая дрянь, распространявшая по городу нестерпимую вонь, пока небо не посылало спасительный дождь, смывавший все эти пакости с лица земли копыльской. Но особенно достопримечателен был уступ копыльской горы по дороге в Слуцк. Он был очень крут сам по себе, время и проливные дожди породили в нем рытвины и ухабы, так что въехать в город с этой стороны с тяжелыми обозами было мудрено, а чтобы спуститься по нему вниз, надо было много искусства и не меньше храбрости, и мужички, съезжая по нему в базарные дни, порядочно подвыпивши, не раз оказывались внизу с разлетевшимися вдребезги возами, с искалеченными лошадьми.

Такие случаи считались как бы обычным явлением природы, подобно грому, молнии или землетрясению, против которых человеческие силы ничтожны.

За время моего двадцатилетнего пребывания в Копыле мне пришлось быть свидетелем одной ревизии. Копыльцы страшно взволновались. О том, что «к нам едет ревизор», узнали мы от самого Здроевского. Один смельчак, из лавочников, отозвался было:

– Чего вы боитесь? Велика важность — ревизор! Фальшивых монет не делаем, контрабандой не торгуем; пускай себе приедет!

Копыльцы в страхе спешат на площадь и внемлют «правительственному сообщению» из уст нового станowego пристава...

На смельчака накинулся реб Хаимке и, ухватив его за бороду, крикнул:
– Нашелся храбрец! А пейсы, а наша одежда — не контрабанда? Мы сами, брат, контрабанда, мы, и жены наши, и дети наши!

Между тем Здроевский стал успокаивать народ: ревизор — его добрый знакомый, даже дальний родственник; уж он, Здроевский, постарается уладить дело так, чтобы дорого не обошлось. На всякий случай он советовал не бросаться в глаза. В день пребывания в городе ревизора в лавках и на улице могли из женского пола находиться только девицы; из мужского пола мальчишки не должны быть выпускаемы из хедеров, старшим людям рекомендовалось сидеть дома. Что касается товаров, то предписано было часть их из лавок убрать.

Ревизор действительно приехал в указанный день и остановился у станового. В сопровождении станового и сотского посетил лавки, отправился на торжественный обед к становому, на который была приглашена вся знать города, состоявшая из попа и ксендза. Из еврейских обывателей имел честь представиться ревизору один только реб Хаимке. На другой день высокий гость ранним утром благополучно отбыл. Недаром сказано: «Лой йонум ве-лой йишон шоймер Исроэл!»⁸⁶³

Кагал. Подати. Монополии. Херем

В Копыле в мое время дела первого рода велись как бы сами собой, без помощи кагала, в силу твердо установленных законов и обычаев.

На кагале с давних времен лежали обязанности: 1) наблюдение за внутренним религиозно-нравственным порядком и 2) посредничество между общиной и правительством. В Копыле в мое время дела первого рода велись как бы сами собой, без помощи кагала, в силу твердо установленных законов и обычаев. Все внимание и все силы кагала были направлены к удовлетворению обязанностей общины по отношению к правительству, которые были далеко не из легких. Важнейшие из них были: ведение книг народонаселения (ревизская сказка), взимание и внесение в казну податей и набор и сдача рекрутов.

Копыльское еврейское население в большинстве своем было крайне бедно. Как ремесленники, так и мелкие торговцы, оперировавшие капиталами в 50–100 рублей, еле-еле снискивали себе скудное пропитание; многие жители пускались по белу свету для приискания заработков на чужбине, оставляя свои семейства на произвол судьбы и милосердие добрых людей; а четыре–пять десятков достаточных людей (такowymi считались в Копыле домовладельцы и лавочники, имущество которых имело ценность 500–1000 руб.) должны были не только нести тяжесть всех расходов по содержанию общинных учреждений, но и приходить на помощь совершенно неимущим жителям, которые составляли в каждой литовской еврейской общине около 20%, и за этих неимущих, а также за всех синагогальных и общественных служителей вносить подати, так как правительство в деле отбывания евреями государственных повинностей не знало отдельных евреев, а знало еврейскую общину с круговой ответственностью. А податей этих было много: кроме общих государственных, земских и городских были специально еврейские сборы, такие как коробочный и свечной сбор в пользу переселенцев и проч. Немало денег поглощали и ежегодные рекрутские наборы: нужно

⁸⁶³ «Лой йонум ве-лой йишон шоймер Исроэл!» (иврит в ашкеназском произношении) — «Не дремлет и не спит Страж Израиля!» («Тегилим», 121:4).

было содержать целую ораву сыщиков и стражников да кормить рекрутов до сдачи их в солдаты. Кагал постоянно нуждался в деньгах.

На уплату недоимок, а также на покрытие расходов по духовным и общественным потребностям шли расходы с коробочного сбора, с кашерного мяса, но их далеко не хватало, и кагал часто прибегал к установлению монополий на торговлю различными предметами: свечами, дрожжами и проч., — которые отдавались в откуп за соответственную ежегодную плату. Для обеспечения же монополистов от ввоза в город из других мест монопольных товаров у кагала было верное средство: херем.

Текст херема, страшный сам по себе (ослушники предавались проклятию в этом мире и в будущем, отлучались от синагоги и общины; строго, под страхом того же херема, запрещалось всякое с ними общение, оказание им какой-либо помощи и проч., и проч.), оглашался в синагоге с необыкновенной торжественностью: раввин в молитвенном облачении, окруженный своими помощниками и почетнейшими обывателями, произносил его с бимы при святых свитках Торы и горящих черных восковых свечах, причем чтение сопровождалось трубными звуками шофара...

Копыльские раввины

Копыльский «раввинский престол» пользовался в старину на Литве большим уважением благодаря главным образом восседавшему на нем в последнюю четверть XVIII века выдающемуся раввину р. Йом-Тову-Липману Гальперину, правнуку знаменитого раввина Геллера, носившего то же имя, автора комментария к Мишне под названием «Тосфос-Йом-тов».

Комментарии к Талмуду р. Гальперина, недавно изданные его внуком под названием «Тосейфес кдушо»⁸⁶⁴, пользуются в раввинском мире большой славой. При жизни же р. Йом-Тов-Липман, чуждый жадности славы и сребролюбия, ничего не печатал из своих сочинений и, несмотря на то что по своей громкой известности легко мог бы получить любое из первых раввинских мест на Литве, всю жизнь провел в бедной копыльской общине.

Преданный всею душой науке и далекий от мирских дел, он в своем доме бывал только в субботные и праздничные дни; все же остальное время проводил в уголке за печью, в «Клойзе», ставшем с того времени «историческим», — там он ел и спал, там занимался наукой, решал религиозные и общественные дела, там же и писал свои сочинения.

Характерен для личности этого раввина следующий факт, сообщенный внуком его и более подробно описанный в копыльском «пинкасе».

По смерти виленского раввина р. Шмуэла виленская община решила пригласить на эту должность р. Гальперина. С этой целью к нему была послана депутация из знаменитых виленских обывателей с «ктав рабанут»⁸⁶⁵, подписанным представителями общины, для вручения его новоизбранному раввину. Прибыв в Копыль, депутаты отправились в дом раввина, но не застали его там; жена не соглашалась призвать его из «Клойза», чтобы не помешать ему в занятии Торой. Депутатам пришлось поэтому ждать до субботы, когда р. Йом-Тов-Липман гостил дома. Узнав о цели прибытия виленцев, р. Гальперин на исходе субботы созвал копыльских обывателей

⁸⁶⁴ «Тосейфес кдушо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Добавление святости».

⁸⁶⁵ *Ксав рабанус* (иврит в ашкеназском произношении) — акт назначения раввином. — *Прим. пер.*

и, уведомив их о своем новом назначении, заявил, что так как получаемое им в Копыле жалование в тридцать пять грошей в неделю недостаточно для прокормления его семьи, то, если общество не согласится на маленькую прибавку, он вынужден будет переехать в Вильну. Заявление это очень опечалило копыльцев: с одной стороны, больно было расставаться со святым мужем, а с другой — откуда взять средства на прибавку? Но так как обе стороны одинаково дорожили друг другом, то выход нашелся: копыльцы прибавили р. Йом-Тову-Липману полтора гроша, и тот остался в Копыле.

Недолгое время спустя после смерти р. Гальперина, — рассказывает далее «пинкас», — был приглашен в Слуцк на должность раввина реб Йосеф Пеймер (точнее, Бёмер из Богемии), известный под именем реб Йоселе Слуцкер.

По дороге в Слуцк реб Йоселе пришлось провести субботний день в Копыле. Когда он услышал от посетивших его копыльских талмудистов некоторые хидушим⁸⁶⁶ реб Йом-Това-Липмана, он, изумленный эрудицией последнего, заявил, что если в Копыле, который можно назвать предметом Слуцка, находится ученый такого масштаба, то он, Йоселе, не может отважиться на принятие должности в Слуцке. Когда же ему сказали, что р. Гальперин уже скончался, р. Йоселе заметил:

– Ну, в таком случае поеду в Слуцк; мертвых я не боюсь.

Спустя несколько десятков лет после смерти р. Йом-Това-Липмана должность копыльского раввина занял р. Бер. Копыльцы высокого его почитали за обширные знания и еще более за бескорыстие и святость жизни, хотя смущались тем, что настольной книгой его был кодекс Рамбама, которым он исключительно и руководствовался при решении галахических вопросов, игнорируя позднейшие раввинские авторитеты. Недоумение их еще более усилилось, когда после смерти р. Бера в его библиотеке оказались сочинения Мендельсона; р. Бер оставался загадкой для копыльцев.

Раввин Бер в молодости был домашним учителем сыновей богача Шмуэла Элиасберга, ярого поклонника знаменитого р. Менаше Бен-Пейроса, известного под именем Менаше Илиер, сочинение которого «Алфей-Менаше»⁸⁶⁷ было сожжено на виленском синагогальном дворе. В доме Элиасберга р. Бер проникся учением этого праведника-реформатора; сделавшись копыльским раввином, он придерживался в своей личной жизни строгой морали р. Менаше и подобно ему старался облегчить «иго закона», но свои взгляды на многие стороны религиозной жизни скрывал от паствы, считая их преждевременными, а открывал только своим молодым ученикам.

Ученики р. Бера, рассеявшись по Литве в качестве раввинов, меламедов и прушим, тайком распространяли его учение. Копыльцы на них смотрели подозрительно, дав им кличку «реб Берс хевре»⁸⁶⁸.

После смерти р. Бера обязанности копыльского раввина исполнял мой дед реб Зискинд. Живо запечатлелась в моей детской душе и сохранилась в памяти благородная фигура этого старца-мудреца. Благочестивый и ученый, он отклонял неоднократно предлагавшуюся ему раввинскую должность и вел скромную жизнь копыльского обывателя — домохозяина средней руки.

⁸⁶⁶ *Хидушим* (иврит) — новые толкования. — *Прим. пер.*

⁸⁶⁷ «Алфей-Менаше» (иврит) — «Тысячи [из колена] Менаше».

⁸⁶⁸ *Реб Берс хевре* (иврит) — компания реб Бера. — *Прим. пер.*

Ученики р. Бера, рассеявшись по Литве в качестве раввинов, меламедов и прушим, тайком распространяли его учение. Копыльцы на них смотрели подозрительно, дав им кличку «реб Берс хевре».

В молодости он занимался торговлей, причем большую часть дня посвящал Торе, и пользовался глубоким уважением общины. Когда, по кончине р. Бера, он, уступив просьбе копыльцев, принял на себя раввинские обязанности, он не переменил свой образ жизни, держался скромно, был приветлив со всеми, никогда не отзывался дурно о людях, ища в каждом хорошие стороны. В делах веры он был очень толерантным.

Старший зять р. Зискинда реб Элия Голдберг (впоследствии раввин паричский и бобруйский), отличавшийся благочестием и знаниями, прожил несколько лет порушем в Вильне, где входил в сношения с учениками Виленского Гаона. Он вернулся оттуда в Копыль с большим запасом знаний и рукоположенный в раввины, но копыльские прушим заметили в нем некоторую перемену: во-первых, он уделял много времени Мусару, и во-вторых, привез из Вильны географический атлас на немецком языке, в который любил заглядывать. Все это, конечно, казалось странным, но правочность р. Элии была выше всяких подозрений. Однако ж вскоре с ним вышел скандал.

В Йом-Кипер, который копыльцы проводили в посте и молитве, р. Элия вышел из «Клойза» и не возвращался. Бохрим и прушим встревожились и стали искать его. Долго искали и наконец нашли в приюте для неизлечимых больных и калек — там стоял р. Элиньке, рубил дрова и клал их в печь, в которой варил суп для больных. Легко себе представить изумление и ярость молодых людей. Они, обозвав его еретиком, поспешили в «Клойз» и рассказали об этом ужасном деле обывателям, а те, возмущенные до глубины души, передали это известие р. Зискинду. Последний, выслушав жалобщиков, сказал:

– Да, стыдно, что этот молодой человек лучше знал, как провести святой день, чем мы, старики!

Авторитет р. Зискинда подействовал успокоительно; но этот казус еще долго служил предметом разговоров и споров.

ИХ ЗНАЛИ ВСЕ

РЕБ РЕФОЭЛ-ЙОСЛ

Н. Хинич

Удивительная история приключилась в Слуцке: портной Рефоэл-Йосл, молодой человек, однажды забросил портняжное дело. Когда Хава, торговка бобами, принесла ему для починки сюртук своего мужа, портного дома не оказалось. И, как ей передали, он уже пару дней не заглядывал домой.

Куда он пропал? Этот вопрос интересовал всех. Город бурлил, выдвигались разные предположения. Некоторые говорили, что он уехал, чтобы купить что-то для дома; другие рассказывали, что портной поехал по деревням, ища работы у неевреев. Бедняк ведь всегда пытается заработать, чтобы обеспечить свою жену и детей. Молодой человек не был большим знатоком Торы, но слыл честным, имел доброе сердце, любил свое ремесло. И вот однажды он исчез, не сообщив ничего: ни как долго будет отсутствовать, ни куда отправляется.

Шамес застал его в синагоге сидящим за книгой «Эйн-Яков»⁸⁶⁹ и глубоко погруженным в текст; он рассказал об этом жене портного. Домой ее муж ни за что не желал возвращаться: он хотел сидеть в одиночестве, изучать Тору, служа Творцу с любовью и достигая с Ним единства.

Сошлись уважаемые люди города, поговорили, упрекнули Рефоэла-Йосла, дали ему понять, что он должен идти домой, ибо не принято, чтобы человек бросал жену с детьми и садился за учебу. Он никак не соглашался, противился: здесь он проведет свой короткий век, вдали от суеты, забот и светских соблазнов. Так он обретет свое счастье.

– Ничего, пусть посидит здесь пару дней, а потом его прищучит голод, и он еще загрустит о доме. Пусть бы столько времени продлилось еврейское изгнание, сколько он проведет в синагоге! — говорили горожане.

Но не таков был реб Рефоэл-Йосл: он погрузился всем сердцем и душой в изучение Торы, прошел Мишну и мучился над трудными вопросами

⁸⁶⁹ «Эйн-Яков» (иврит) — «Родник Яакова» — собрание поучительных притч, легенд и преданий Вавилонского и отчасти Иерусалимского Талмудов. — *Прим. пер.*

в Талмуде, а ел он или нет, какая разница? Если жена что-то приносила, то хорошо, а нет — тоже неплохо. Он учился до позднего вечера; уставая, дремал на жесткой скамье, но домой не шел, жалел времени! Пойти домой значило бы проявить неуважение к Торе: лучше было изучить еще пару страниц Талмуда.

Днем он задавал сведущим людям вопросы, не стыдился своего незнания и старательно учился, а ночью, когда вокруг все затихало, сидел у маленькой лампы за толстой книгой и что-то напевал себе под нос, погружаясь в трудную проблему. Евреи удивлялись, узнав, какого уровня достиг простой портной. Даже ученые мужи отмечали его глубокие знания и понимание; он поражал всех своим острым умом. Никто его больше не называл «Рефоэл-Йосл-портной», а с почтением величали «реб Рефоэл-Йосл».

Городские евреи считали своим долгом позаботиться о его семье и приносили поесть ему самому.

Реб Рефоэл-Йосл часто держал пост, очень редко показывался где-то, кроме синагоги, более чем на пару минут, не тратил время на пустые разговоры. В изучении Галахи прошли годы. Его лицо побледнело, щеки ввалились, с обеих сторон свисали длинные, мягкие, словно шелк, пейсы. Черные глаза выражали глубокую грусть и любовь ко всему миру. Все это захватывало окружающих его, и его имя стало известно во всей округе. Рефоэла-Йосла даже почитали как цадика.

Если у кого-то случалось несчастье, он приходил к Рефоэлу-Йослу. Тот стоял, сгорбившись, и горько вздыхал:

– Чем же я могу помочь, дитя мое! Я простой человек, портной. Иди домой, и Живущий на Небесах поможет тебе. Главное, верить в Небесного Отца, Он всемогущ.

Когда кто-то приходил к нему поговорить о Торе, он отвечал, спорил с этим человеком, но в других случаях хранил молчание.

Если приходила к нему еврейка задать вопрос, он говорил:

– Дочь моя, иди к раввину.

– Но, раби, вы же больше, чем раввин! Даян сказал, что вы — учитель!

– Иди, дочь! Я — Рефоэл-Йосл-портной!

Посреди ночи он вставал, посыпал голову пеплом и взывал голосом, полным слез и мольбы:

– Доколе Ты не будешь милостив к Сиону, Отец наш? Ой, велика бедность и нужда твоего народа, Израиля! Велики хлопоты евреев, нет уже терпения. И удивительно ли это, Отец любимый? Это не их вина. Горек хлеб изгнания, полного бед и мучений. Будь же милостив, великий Отец, и помоги, ибо «...объяли меня воды, дойдя до самой души»⁸⁷⁰.

Когда в старости он заболел и ему предложили переселиться в теплый дом, он не согласился, сказав, что ничем этого не заслужил.

Однажды к нему пришел портной и заявил, что ему надоело портновское дело.

– Сын мой! — сказал Рефоэл-Йосл. — Займись другим ремеслом, ибо Всевышний благословляет дело наших рук, и ты будешь счастлив.

– Не то я имел в виду, учитель! Я хочу засесть за учебу.

Евреи удивлялись, узнав, какого уровня достиг простой портной. Даже ученые мужи отмечали его глубокие знания и понимание; он поражал всех своим острым умом.

---

⁸⁷⁰ «Тегилим», 69:2.

– Работай портным, служи Создателю с любовью, и это тебе зачтется как изучение Торы.

– Простите меня, ребе, но вы тоже были портным, а сегодня вы — цадик и наш наставник...

– Во-первых, я теперь вряд ли цадик и далеко не наставник. Во-вторых, мне было нечего терять, ибо разве я был хорошим портным? Простым заплатачником! Но ты, мой сын, хороший портной, иди домой и работай, произноси несколько псалмов в день, ходи в синагогу, учи «Эйн-Яков». Не теряй работу и не оставляй жену с детьми. Тогда ты будешь счастлив, и все у тебя будет хорошо.

Целыми днями и ночами реб Рефоэл-Йосл учился и утешал своих посетителей. Он мало следил за собой, а затем силы понемногу оставили его, и он скончался в ореоле всеобщего почитания. В синагоге показывали: «Вот здесь сидел цадик». И никто не осмеливался сесть на это место.

Велик человек, удостоившийся такого высокого уровня!

Раввин Х. Зейдес

1

Реб Рефоэл-Йосл сначала был «портачом», портным низкой квалификации. Однажды он принес кому-то заказ, выполненный неудачно, заказчик прогневался и вlepил ему затрещину. Тогда его друг реб Йоше-гаон, который к тому времени был уже мастером портняжного дела, сказал ему:

– Из тебя уже не выйдет портного, садись и учись.

– Разве это возможно? Я — невежда, умею только молиться, и к тому же у меня жена и дети...

– Начни с Пятикнижия с комментариями на идише, пока не станешь знатоком. О семье не беспокойся, я предложу твоей жене месить тесто для богатых хозяек, и этого заработка ей с детьми хватит на жизнь.

Сел Рефоэл-Йосл учиться в синагоге и только в пятницу вечером приходил домой. Керосин, однако, стоил слишком дорого, и он жег смоляные свечи, держа их между пальцев. Учился до тех пор, пока огонь не обжигал их. Слуцкий раввин реб Йосеф-Дов Соловейчик приблизил его к себе, подбадривал и поддерживал. Со всей округи обращались к Рефоэлу-Йослу. Его посещали женщины, он им толковал сны. Ни у кого не брал денег, брал только свечку с посетителя, чтобы можно было учиться.

2

Однажды Ридбаз, подвыпив на пуримской трапезе, крикнул сидящим за столом:

– Портняга сидит в синагоге, женщины ходят к нему разгадывать сны, а скоро будут искать у него ответы на вопросы Галахи! Пойдемте-ка к нему и докажем, что он невежда.

Зайдя в синагогу, увидел Ридбаз, что Рефоэл-Йосл изучает талмудический трактат «Шабат». Стал задавать ему Ридбаз сложные вопросы, да еще и с подковыркой, но Рефоэл-Йосл отвечал с радостью и ссылался на источ-

ники. Ридбаз спрашивал еще и еще, а его оппонент отсылал его к соответствующим тосафот. Пораженный Ридбаз сказал:

– До сих пор я думал, что являюсь единственным ученым человеком в Слуцке, а сейчас вижу, что здесь, в синагоге, сидит еще один.

3

Как-то на одной свадьбе поссорились сваты и сватья. Жених не хотел идти под хупэ, пока ему не покажут ротонду, которая бы подходила к свадебному платью невесты. Послали за реб Рефоэлом-Йослом и попросили его примирить переругавшихся.

Реб Рефоэл-Йосл пришел и первым делом спросил, что такое ротонда. Ему объяснили, что это женская одежда, накидка без рукавов.

Реб Рефоэл-Йосл уселся рядом с женихом и сказал ему:

– Сын мой, неужели из-за пары рукавов надо воевать аж до того, чтобы отказываться идти под хупэ? Из-за пары рукавов становиться посмешищем?

Услышав его слова, жених широко улыбнулся, а вслед за ним — и его родители.

Но оказалось, что реб Рефоэл-Йосл еще не все сказал, что хотел.

– Если Всевышний захочет, — продолжил он, — то после свадьбы Он поможет тебе, и ты за свой счет пришьешь рукава к одежде своей молодой жены. И, может быть, в заслугу за то, что ты сегодня смиришься с нехваткой рукавов, у тебя будет хороший заработок всю твою жизнь.

В лагере жениха перестали улыбаться. Он, его родители и все остальные поблагодарили реб Рефоэла-Йосла за его благословение, и свадьба была сыграна.

Эстер-Малка
Шпилькин, дочь
р. Рефоэла-Йосла

ЦВИ-ГІРШ ДАЙНОВ (Слуцкий Магид)

М.-Л. Горин

Э тот известный магид родился в Слуцке в 1832 году, скончался 21 адара 1877 года. Его отец Зеэв-Вольф был медником. Дайнов стал одним из первых магидов, выступавших на идише не так, как их предшественники. Он не пел и не корчил рожи, не рассказывал притч и не загадывал загадок, не пугал народ муками преисподней, он говорил простым языком, рисуя перед слушателями картины еврейской жизни, описывая его нынешнее положение и объясняя народу, каково его предназначение и чего ждет от него Всевышний. В частности, он много говорил о бесчисленных бедствиях, связанных с презрением к физической работе и ремеслу, из-за чего умножается число бездельников и нуждающихся. Кроме того, он доказывал, что Тора и Гаскала — родные сестры. От родителей он требовал отдавать детей в казенные школы.

Цви-Гірш говорил, невзирая на лица, поэтому приобрел множество врагов, которые затворяли перед ним двери синагог, не позволяли подниматься на биму и выступать.

Об этом много писали «Га-Магид» и «Га-Мелиц», описывавшие непрекращавшиеся преследования магиды. Только в Одессе Цви-Гірш удостоился в 1869 году права произнести речь в Йом-Кипер в главной синагоге вместо раввина Швабахера⁸⁷¹.

По рекомендации поэта Йеѓуды-Лейба Гордона в 1874 году Цви-Гірш получил место магиды в лондонской общине выходцев из России и Польши «Эйн-Яаков». Однако злопыхатели настигли его и там. Главный раввин Англии раби Носн Адлер решительно выступил против этого назначения и лишь со временем, убедившись в честности Цви-Гірша и полезности его деятельности, снял свои возражения. Дайнов создал в Лондоне еврейскую школу и деятельно заботился о своих учениках.

Цви-Гірш прослужил в Лондоне около трех лет. Его кончина была оплакана многими.

Дайнов написал проповедь «Квод-ѓа-мелех» («Слава царя»; Одесса, 1869), посвященную императору Александру II, которую перевели на русский язык.

Цви-Гірш оставил рукописи нескольких неопубликованных книг.

Письма Йеѓуды-Лейба Гордона Цви-Гіршу Дайнову

Письма Йеѓуды-Лейба Гордона свидетельствуют о душевных муках, преследованиях и страданиях, которые претерпевал магид Дайнов, поборник Гаскалы и убежденный палестинифил. По совету Гордона Дайнов поселился в Лондоне, где ему стало полегче.

⁸⁷¹ Шимен-Арье Швабахер (1820–1888), уроженец Германии, с 1860 г. был казенным раввином Одессы. Швабахера поддерживали главным образом «интеллигентные круги, тяготевшие к обрядовой реформе» (в современной терминологии — реформисты). Простые евреи негативно относились к его деятельности из-за нововведений, которые он вносил в религиозную практику. Негодование вызвало, например, его решение совершать церемонию бракосочетания внутри синагоги, а не во дворе. — *Прим. пер.*

«Телз, канун Рош-га-шоне, 1868 г.

Уважаемый раввин, Слуцкий Магид, знаменитый оратор и проч., Цви-Гирш Дайнов!

Твое письмо, написанное на двадцати четырех страницах, исписанных с одной стороны, длинное, как еврейское изгнание, я получил через четырнадцать дней после его отправки.

Из твоего второго письма я с радостью узнал, что Всевышний помог тебе в этом городе [Ковно], местопребывании многочисленных состоятельных и щедрых, мудрых и образованных людей. Я был заранее уверен, что ты преуспеешь там и без моего рекомендательного письма, поскольку твое имя уже очень широко известно. Я еще не читал тексты основных твоих последних речей, поэтому возьму на себя смелость предложить, о чем, на мой взгляд, следует говорить и к чему призывать еврейские массы в ближайшие годы.

А) Чтобы они постепенно покидали нынешние места своего пребывания, где сынов Израиля слишком много, так что они живут в тесноте и скученности, едят друг друга заживо и с каждым поколением опускаются из-за этой скученности все ниже и ниже, перенеся свои шатры в среднерусские губернии в Великороссии. Поскольку ремесленники недавно получили разрешение⁸⁷², это будет хорошо и полезно для всего народа. Следует призвать состоятельных людей создать в каждом городе соответствующие общества, которые займутся сбором пожертвований для помощи этим переселенцам.

Б) Нужно изгнать из сердец наших братьев, сынов Израиля, ужас и страх перед армейской службой, доходящий до того, что в каждом городе главы общин прилагают огромные силы, чтобы заплатить выкуп вместо призываемых в армию. Из-за этого их кошельки истощаются, а бедность усиливается. Почему бы беднякам, хорошо знающим нужду и пухнувшим с голоду, не пойти на царскую службу, где у них будет и пища, и одежда?

Поищи и найди какую-нибудь красивую притчу, чтобы поизящнее изложить эти вещи. Быть может, тебе поможет известное высказывание наших мудрецов: «Пусть человек всегда стремится увидеть царя из царей народов мира — и т. д.»⁸⁷³ Ибо если еврей научится военным приемам народов мира, это поможет в наших будущих войнах. Ведь если мы ежедневно ждем прихода Мошиаха, почему бы заранее не подготовить воинов, умеющих сражаться⁸⁷⁴?

Таким образом, ты сможешь спасти Израиль от гнета народов, от которого они так жестоко страдают. Сам Царь царей поможет тебе в этом.

⁸⁷² Закон, предоставивший право повсеместного жительства некоторым категориям евреев-ремесленников, был принят в 1865 г. В дальнейшем Сенат принял ряд постановлений, объяснявших, что они и члены их семей имеют право жительства по всей империи только до тех пор, пока занимаются своим ремеслом. Разъяснения Сената определили круг лиц, на который распространялось действие закона. Право жительства получали только те ремесленники, которые занимались «обработкой вещей, требующей известной степени знания или искусства». — *Прим. пер.*

⁸⁷³ Талмуд, «Брахот», 9б. Целиком это высказывание звучит так: «Пусть человек всегда стремится увидеть [царя из] царей Израиля, и не только царей Израиля, но также и [царя из] царей народов мира, потому что, если удостоится он [дожить до Освобождения], сумеет почувствовать разницу между царями Израиля и царями народов мира». — *Прим. пер.*

⁸⁷⁴ Согласно традиционным представлениям, Машиаху предстоит воевать с врагами Израиля: «Но если придет царь из рода Давида, посвятивший себя, как и Давид, его предок, постижению Торы и исполнению заповедей согласно Письменной и Устной Торе, и заставит весь Израиль следовать ей, и будет вести войны, заповеданные Всевышним, то он — вероятный Машиах. И если он преуспел во всем этом, и победил все окрестные народы, и построил Храм на прежнем месте, и собрал народ Израиля из изгнания, этот человек — наверняка Машиах» (Рамбам. «Мишнэ Тора», «Законы о царях и войнах», 9:4). — *Прим. пер.*

Из твоего второго письма я с радостью узнал, что Всевышний помог тебе в этом городе [Ковно], местопребывании многочисленных состоятельных и щедрых, мудрых и образованных людей.

Не страшись и не пугайся лицемеров и ханжей, набрасывающихся, как собаки на прохожих. Делай свое дело с умом и знай, что они не смогут причинить тебе зла, а все мудрые сердцем похвалят тебя и с благодарностью вспомнят твои поступки.

*Любящий и уважающий тебя
Йеѓуда-Лейб Гордон»*

«Телз, 3 февраля 1869 г.

Привет тебе, муж мудрый, могучий и рассудительный!

Исправление материального состояния неразрывно связано с религиозным исправлением. Это не вызывает у меня никаких сомнений. Ты тоже, мой друг, — если, конечно, ты честный человек и не говоришь устами одно, а сердцем иное, — не можешь не помнить, как живут наши братья в нашей стране, как они торгуют и как зарабатывают. Ты, конечно, знаешь, что четыре пятых сынов Израиля — люди воздуха, не имеющие постоянного источника заработка; что в каждом городе есть ужасные хедеры, где под началом безграмотных меламедов, дураков и законченных невежд растет новое “поколение пустыни”, в то время как раввины и главы поколения лгут и несут околесицу. Протяни же руку к Богу Всевышнему, Богу доброму и оживляющему, не желающему гибели вселенной, и скажи Ему: материальное, нравственное и религиозное состояние народа Израиля взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Помоги же нам! Почему Ты ослабляешь руки тех немногих, кто не щадит себя “на высотах среди полей сраженья”⁸⁷⁵, и не даешь им воевать с жестоким войным народом, отдавшим себя в рабство мракобесию?

Пусть Всевышний даст тебе силы просвещать народ Израиля, и да удостоит тебя Господь узреть Избавление нашего народа и утешение Сиона и Иерусалима.

*Твой друг, желающий тебе всего наилучшего,
Йеѓуда-Лейб Гордон»*

«Дружище Дайнов!

Послать телеграмму барон Гинцбург⁸⁷⁶ не согласился, однако написал письмо раввину вашей святой общины. Это то самое письмо, которое я прочел тебе, когда ты был здесь, у нас, подписанное бароном Евзелем Гинцбургом. Надеюсь, что сказанное в этом письме дойдет до сердца читающего и ты не останешься с пустыми руками.

Ты же не бегай и не гоняйся за окружающей тебя толпой, но облекай в разумные и рассудительные речи все, что Всевышний внушит тебе на благо нашим братьям, которые больны, но даже не подозревают о своей болезни. Не вздумай гневаться и обращаться с суровыми обличительными речами к высокопоставленным князьям, чтобы не говорили люди с необрезымым сердцем: “Дайнов стал камнем преткновения и доносчиком”. Сохраняй спокойствие. Сколько бы они ни танцевали перед луной, они не смогут

⁸⁷⁵ См. «Шофтим» (в русской традиции «Судьи»), 5:18.

⁸⁷⁶ Барон Евзель Гавриилович (Йосеф-Евзель бен Габриэль) Гинцбург; 1812–1878) — откупщик, финансист, филантроп, действовавший в Российской империи. Основатель предпринимательской династии Гинцбургов. — *Прим. пер.*

ее коснуться — точно так враги твои не смогут коснуться тебя и причинить тебе вред⁸⁷⁷. Если же тебя убьют, то после смерти тебя прославят и канонизируют, причислив к святым, жившим на этой земле и погибшим ради освящения Имени Всевышнего. Ужели этого мало?

*Твой друг Йеэуда-Лейб Гордон,
5 июня 1873 г., Санкт-Петербург»*

«Дорогому другу Дайнову.

Ты ждешь моего совета, но какой же из меня советчик? Кто я такой и что я знаю, чтобы указывать другому, каким путем ему следовать по жизни? Разве у меня есть “урим и тумим”⁸⁷⁸, чтобы сказать тебе: этого держись, а того избегай? Поэтому лучше я спрошу тебя: если в Слуцке тебе плохо, если ты живешь там, словно среди скорпионов, почему бы тебе не переменить место, чтобы переменить судьбу⁸⁷⁹? Разве ты связан пуповиной с городом, готовым тебя извергнуть? Как мне кажется, с твоей стороны будет правильно перевезти жену и детей в какой-нибудь большой город вроде Вильны, Ковно и т. д., ибо там, конечно, тоже много невежд, но и больше людей просвещенных, которые защитят тебя в день битвы. Если у тебя осталось немного из тех денег, которые ты получил в феврале, твоя жена сможет открыть там какую-нибудь лавочку или другое дело, приносящее прибыль, которым будут заниматься дети, чтобы ты стал человеком с постоянным доходом, для которого произнесение речей — только прихоть. Тогда ты перестанешь думать только о том, сколько тебе заплатят за твои выступления. Твоя жена будет заниматься торговлей, а ты станешь усердно заниматься своим делом; перестанешь бояться раввинской клеветы и брани их не утратишься; прогонишь их посланцев и расскажешь об их преступлениях всему народу Израиля. И тогда весь народ последует за тобой и достойно вознаградит тебя за все твои труды ради их же блага.

Вот тот совет, который я могу тебе дать, подобно “слепому в окне”⁸⁸⁰, поскольку я ничего не знаю ни о том, как ты живешь, ни о твоих домочадцах.

Я написал сегодня директору Фурсову⁸⁸¹ и попросил у него милости и для тебя. Если тебе это поможет, буду рад.

*Любящий и уважающий тебя твой друг
Йеэуда-Лейб Гордон,
26 июля 1873 г., Санкт-Петербург»*

⁸⁷⁷ Парафраз слов из молитвы при освящении нового месяца: «Подобно тому, как я танцую перед Тобой, но не могу коснуться Тебя, пусть и все враги мои не смогут коснуться меня и причинить мне вред». — *Прим. пер.*

⁸⁷⁸ *Урим и тумим* — упоминаемые в Торе загадочные предметы, при помощи которых первосвященник от имени народа или царя вопрошал Бога (см. «Бемидбар», 27:21). Находились внутри *хошена* — нагрудника, который носил первосвященник. — *Прим. пер.*

⁸⁷⁹ Парафраз известного талмудического высказывания: «Меняющий место меняет свою судьбу». — *Прим. пер.*

⁸⁸⁰ Человек, неожиданно сказавший что-то умное. — *Прим. пер.*

⁸⁸¹ Матвей Васильевич Фурсов (1825–1901) — педагог, историк, археолог, член-корреспондент Московского археологического общества (1883), с 1872 г. — директор слуцкой гимназии, с 1876 по 1886 г. — директор могилевской гимназии. Фурсов был личным знакомым Гордона. 15 ноября 1865 г., вскоре после назначения директором народных училищ в Шавельском уезде, Фурсов обратился к попечителю Виленского учебного округа И.П. Корнилову с рекомендацией определить Гордона на должность смотрителя Тельшайского казенного еврейского училища. — *Прим. пер.*

«Дружище Цви, величайший из магидов!

Я говорил тебе, что беседовал с Фурсовым о еврейской молодежи и сказал ему, что по закону Израиля можно писать в субботу в соответствии с принципом “Дино де-малхусо — дино”⁸⁸², а отрицающие это просто лжесвидетельствуют⁸⁸³, и в будущем им предстоит ответить за это [перед Всевышним]. И словно бы ничего не было! Фурсов делает, что считает нужным, а также согласно указаниям каких-то раввинов. <...>

Тем не менее я готов выполнить просьбу жителей Слуцка и через несколько дней напишу Фурсову, хотя почти наверняка знаю, что это не поможет, ведь ты тоже знаешь характер этого человека. В любом случае покажи письмо, которое я приложил к этому письму, всем тем, кто мне писал, поскольку я не знаю их адресов и не могу написать им лично.

Будь здоров и ничего не бойся.

Любящий и уважающий тебя

Йеэуда-Лейб Гордон,

20 кислева 5634 (1873) г., Санкт-Петербург»

«Общине сынов Израиля в Слуцке.

Достопочтенные братья!

Я получил ваше письмо. Ваша справедливая жалоба на директора была мною услышана и запала мне в душу. Я готов написать директору Фурсову и убрать камень, лежащий на пути просвещения ваших сыновей, хотя сильно сомневаюсь, что это принесет какие-либо плоды, поскольку я знаю этого человека и его характер. Кроме того, мне уже доводилось беседовать с ним об этом, когда он был в Шавли, и мне не удалось его убедить. Кроме того, я не писал ему уже много времени, и, если я неожиданно напишу ему об этом деле, которое нам кажется очень важным, однако в его глазах является совершенно ничтожным, пользы от моего письма не будет. Поэтому я подожду еще несколько дней, пока у меня не будет другого повода написать ему, и среди прочего упомяну и о вашей просьбе. Я постараюсь написать в соответствии с его образом мыслей, чтобы мои слова проникли ему в сердце и не получилось так, словно я разговариваю с деревом или камнем.

С наилучшими пожеланиями, уважающий вас брат и друг

Йеэуда-Лейб Гордон,

20 кислева 5634 (1873) г., Санкт-Петербург»

«Моему дорогому другу Цви Дайнову.

Из-за тебя мне все время приходится плакать. Где бы ты ни оказался, в Слуцке или в Лондоне, ненавидящие тебя и твои враги непременно восстают на тебя. Я же, в силу своего маловерия, не верю, что “они поступают

⁸⁸² «Дино де-малхусо — дино» (арам. в ашкеназском произношении — «Закон государства — закон» (Талмуд, «Недарим», 28а).

⁸⁸³ Речь идет о правиле, согласно которому еврей-гимназисты были освобождены от письменных работ по субботам. — *Прим. пер.*

так, как утверждают вопящие [в своих жалобах]⁸⁸⁴ и что гонения действительно сокрушают твои кости и твою плоть. Но если из-за твоей деликатности не можешь ты терпеть уколы “терна, который на Ливане”⁸⁸⁵, то чем помочь тебе, чем пособить тебе в беде? Если я попытаюсь передать твои слова членам совета — я заранее знаю, что они не станут вмешиваться в этот конфликт и не станут шептать в уши «владыки Ливана». Если я ему напишу, кто я такой, чтобы он прислушался к моим словам? Неужели такой человек закроет свои уста? Если он кого и послушает, то лишь равного себе, ибо разве не сказано, что не просто так скворец ходит к ворону⁸⁸⁶? Поэтому я решил поговорить о тебе с доктором Нойманом и написать доктору Адлеру⁸⁸⁷, чтобы они не слушали клеветующих на тебя и взяли тебя под свое крыло. Если доктор Нойман и доктор Адлер прислушаются к моим словам, тебе это поможет. А пока суд да дело, посылаю тебе это короткое письмо в ответ на твое послание от 15 кислева, чтобы ты понимал: если мне не удастся тебе помочь, то не потому, что не хотел, а потому, что не смог.

Привет и наилучшие пожелания от твоего друга, сочувствующего твоему горю и желающего тебе всего наилучшего,

Йеэуды-Лейба Гордона

Санкт-Петербург, 21 кислева 1874 г.

«Дорогой друг!

Я очень рад, словно во время получения Десяти заповедей на горе Синай, узнав, что твой корабль достиг надежной гавани, — что ты променял Слуцк на Лондон, а службу странствующего магида — на службу оседлого магида. Там ты сможешь отдохнуть от всех напастей и всех досаждавших тебе, от всех мучений, выпавших на твою долю; будешь жить в кругу семьи. В своей общине ты найдешь сердечных людей, знающих, как наградить человека за его труды, и в новой стране у тебя будут заработок и достойный удел. Всевышний воздвигнет над тобой свой мирный шатер, и ты будешь наслаждаться в нем покоем и почетом, не зная больше ссор и огорчений.

Очень хорошо, что лондонская община вспомнила о наших братьях, живущих в Эрец-Исраэль. Об этом мы узнали из газет на иврите и на немецком языке, ибо российские периодические издания не обмолвились об этом ни словом.

Я очень обрадовался этому великому делу, его результатам и могучему полету фантазии. Ибо вижу в этом не только монумент Моше Монтефиоре, но и краеугольный камень восстановления падающего шатра. Это будет могила, вокруг которой соберутся наши кости, разбросанные по всей преисподней, в течение семи дней, и снова покроются плотью и кожей, и мертвые встанут на ноги, когда Всевышний снова вдохнет в них дух жизни⁸⁸⁸. Быть может, моя просьба исполнится прежде, чем настанет мой смертный час.

В своей общине ты найдешь сердечных людей, знающих, как наградить человека за его труды, и в новой стране у тебя будут заработок и достойный удел.

⁸⁸⁴ «Берешит», 18:21. В этом стихе Бог говорит о жителях Сдома (Содома), т. е. заведомых злодеях. — *Прим. пер.*

⁸⁸⁵ См. «Млахим II» (в русской традиции «4-я Книга царств»), 14:9.

⁸⁸⁶ Известная талмудическая поговорка, которая в переводе звучит целиком так: «Не просто так скворец ходит к ворону, но потому, что они одного поля ягоды». — *Прим. пер.*

⁸⁸⁷ Р. Носн-Маркус Адлер (1803–1890), главный раввин Великобритании с 1845 г. — *Прим. пер.*

⁸⁸⁸ Намек на пророчество Йехезкеля о сухих костях (гл. 37) о национальном возрождении Израиля. — *Прим. пер.*

Я восходил на горы Израиля и спускался с них, ибо скоро протрубит шофар, чтобы пророчествовать и звать громогласным голосом, голосом, пробуждающим древние развалины и разгоняющим безмолвие шестидесяти семи поколений. Но чтобы достичь этого, нужно начать в другом месте: нужно очистить Святую землю и изгнать оттуда всех евреев, живущих там ныне, чтобы не осталось ни подковы; вымести поганой метлой всю эту паутину, которую они сплели там в силу привычки, и наполнить страну свежим воздухом, дабы очистить воздух Страны Израиля, который живущие там отравили своей мерзостью и глупостью. Если этого не сделать, все наши труды окажутся напрасными, все наши усилия — тщетными⁸⁸⁹.

*Йеэуда-Лейб Гордон,
пост Эстер 1875 г., Санкт-Петербург»*

ЭЛИЙОГУ (ЭЛИ) ЧАРНЫЙ

М.-Л. Горин

Элийогу Чарный был хорошо известен в Слуцке как человек остроумный и любящий литературу. Он был редактором издания «Дер слуцкер шейгец»⁸⁹⁰, которое появилось в 1911 г.

Этот худой, с аскетичным продолговатым бледным лицом и пронизательными серыми глазами человек остался сиротой очень рано, и мать растила двух сыновей, Эли и Пиню, одна. У них был собственный дом с двумя магазинчиками на рынке, которые их и кормили. Оба брата выросли слабыми, болезненными. Пиня получил чахотку «в наследство» от рано умершего отца.

Пиня стал дантистом и открыл кабинет в Старых Дорогах. Эли же учился у меламедов, которые приходили к нему домой; он полюбил чтение и увлекся еврейской и русской литературой. Эли обладал чувством юмора и цепкой памятью, был мастером устного рассказа. Мать Пая его оберегала, следила за его слабым здоровьем. Это избаловало его настолько, что он и не помышлял о женитьбе и никогда не искал работу. Большую часть дня он лежал в кровати — от завтрака до обеда, от обеда до ужина, — а вечером допоздна гулял в одиночестве или с друзьями из городской интеллигенции. Несколько часов в неделю он посвящал сионистской библиотеке, где я и встречал его. Мне было тогда одиннадцать лет.

Элийогу всегда мечтал выпускать юмористический журнал, посвященный слуцким будням, а также ярким личностям Слуцка. Его мечта осуществилась с появлением «Дер слуцкер шейгец».

В 1928 году я приехал в Слуцк из Америки как турист и встретился с ним. Еврейская жизнь в городе как экономическая, так и духовная в то время затухала. Чарный постарел, поседел и совсем отоцал, но глаза его были по-прежнему умными и насмешливыми.

⁸⁸⁹ В то время подавляющее большинство еврейского населения Эрец-Исраэль составляли ультраортодоксы, посвятившие свою жизнь изучению Торы. Воинствующий антиклерикал Гордон считал их, а особенно их духовных наставников, злейшими врагами подлинных интересов еврейского народа и полагал, что они сделают национальное возрождение невозможным. — *Прим. пер.*

⁸⁹⁰ «Дер слуцкер шейгец» (идиш) — «Слуцкий хулиган».

– Мы тут пережили ужасные бедствия от любимой революции! От наших мечтаний молодых лет ничего не осталось, — пожаловался он мне.

– А как ваше здоровье? Чем вы живы? — спросил я.

– Не живем, а мучаемся. Каждый должен сейчас работать, и мне пришлось. Чиню старые рваные калоши. Что-то получаю из Америки, от друзей, бывших случчан — Альтмана, Майзеля и еще нескольких, а также из Эрец-Исраэль от Нахмановича и других, но этого хватает на воду к каше...

В январе 1935 года я снова посетил Слуцк и провел там две недели. Мы с Чарным гуляли по пустому рынку, по Шоссейной и по школьному двору с реквизированными синагогами, посещали ремесленные мастерские, большие артели и маленькие будки. Все выглядело печально, бедно, неуютно. Единственной еврейской культурной площадкой был клуб, где не было ничего, кроме марксистской литературы и журналов. Он помещался в бывшем здании йешивы.

– Друзе Горин, — прошептал мне в ухо Чарный, — вот такая новая жизнь пошла: Кремль заседает, все делают вид, что работают, а в животах — пусто. Нас, евреев, не любят, и не вчера это началось. И куда же теперь деваться?

Вот подстрочный перевод его стихотворения, отправленного им в 1934 году другу Нахмани.

Ветер

Чего хочет ветер? Он ревет слишком дико,
 Он мешает мне спать.
 Мне снится красивый сон,
 Но ветер будит меня, и я просыпаюсь.
 Я не хочу идти туда, куда он дует,
 Туда, куда тянутся тяжелые тучи.
 Спать, мечтать — не дает он,
 Не дает смотреть, как цветут цветы.

Шимшон Нахмани
 (Нахманович)
 и Эли Чарный

Титульный лист
 «Дер слуцкер шейгец»,
 1911

Хочется спать, долго мечтать,
 Видеть только красивые сны,
 Но мешает злой напев,
 Скверный, дикий ветер.

Элю Чарного с его нежной душой, с его любовью к литературе, оведали злые ветры, над ним неслись черные тучи. Он погиб вместе со всеми евреями, оставшимися в Слуцке...

ХАИМ-МИХЛ ГУТЦАЙТ

М.-Л. Горин

Самым влиятельным человеком в городских делах был богатый и общественный деятель Хаим-Михл Гутцайт. О нем говорили, что он имеет власть, но лишь потому, что имеет сотню⁸⁹¹. Его состояние оценивали в Слуцке более чем в сто тысяч рублей, что в те времена было неслыханным капиталом. Был он коротышкой, толстым, краснолицым, с темно-каштановыми волосами, считался хорошим, очень решительным дельцом.

Доверие к нему было невероятно высоким. К нему приходили родители для помещения приданого своих дочерей. Община доверяла ему наследство сирот, вдов, разведенных жен, деньги по брачным договорам и т. п.

Главы многих семей работали на лесопильной фабрике, на большой мельнице и на других предприятиях, которыми он владел, а также в его поместьях в округе.

ФАЙВЛ ХОРЕХ, ГОРОДСКОЙ ШАМЕС

Раввин Н. Ваксман

Отец Файвла Хорега, реб Арн, шамес при религиозном суде, умер совсем молодым и оставил жену вдовой с четырьмя маленькими детьми. Кагал настоял на том, чтобы должность шамеса перешла к Файвлу, а ему тогда было только четырнадцать лет. Умный и готовый учиться подросток меньше всего хотел становиться шамесом, но это было единственной возможностью прокормить семью. Так Файвл стал шамесом при раввинском суде, а также помощником шамеса в Холодной синагоге. Несколько лет спустя, когда реб Ѓиршл, старший шамес Холодной синагоги, уехал в Америку, Файвл занял освободившееся место. Несмотря на то что юноша был весь день занят городскими делами, он никогда не расставался с книгами и прославился как знаток Танаха и книги «Эйн-Яков».

Как шамесу при суде ему приходилось проводить большую часть своего времени рядом с раввином. И надо сказать, что раввин, реб Исер-Залмен

⁸⁹¹ В оригинале — каламбур: слова «власть» и «сотня» рифмуются. — *Прим. пер.*

Реб Лята, шамес
Синагоги мясников
и Холодной синагоги

Мельцер, обращался к нему с вопросами: где находится то или иное изречение, тот или иной талмудический афоризм. Когда умер Лята, шамес из Синагоги мясников, Файвл вызвался читать там «Эйн-Яков» всякий раз между полуденной и вечерней молитвами, не за деньги, конечно.

Файвл был умным человеком и всегда жизнерадостным, добросердечным. Его уважал весь город. В двадцатые годы, когда большевики уже реквизируют почти все синагоги и запретили общественные молитвы, Файвл купил лошадь с повозкой и подрабатывал извозом внутри города, а также иногда отвозил пассажиров к вокзалу. Но основной доход ему приносила работа водовозом: он доставлял бочки с водой в ресторан.

В 1930 году, после падения Троцкого, когда ЧК заводила дела для вычищения всех, на кого могло пасть малейшее подозрение в троцкизме, в Слуцке арестовали известного коммуниста-еврея. Его молодая жена с несколькими маленькими детьми осталась без средств к существованию. Настроение в городе было ужасным. Люди дрожали от страха даже тогда, когда просто разговаривали с этой семьей.

Однажды в морозный зимний вечер Файвл отправился за город. Через пару часов он привез жене «троцкиста» несколько вязанок дров и не взял с нее ни копейки. Когда Файвл, полузамерзший, пришел ночью домой, жена спросила его:

– Что ты сегодня заработал?

– Слава Богу, Хава, я сегодня имел большой заработок, — ответил он.

В 1941 году в возрасте 60 лет реб Файвл погиб в Слуцке от рук нацистов.

В 1930 году, после падения Троцкого, когда ЧК заводила дела для вычищения всех, на кого могло пасть малейшее подозрение в троцкизме, в Слуцке арестовали известного коммуниста-еврея.

ШМУЭЛ ВЕНДРОВ, ШАМЕС ИЗ «КЛОЙЗА»

Раввин Н. Ваксман

«Клойз» был старейшей синагогой в Слуцке, и здание его куда больше походило на крепость, нежели на дом молитвы. Но какими бы крепкими ни были стены «Клойза», еще крепче был еврейский дух, который царил внутри этих стен.

В «Клойзе» обычно молились раввин и самые важные люди города. Всякий раз после вечерней молитвы двадцать–тридцать евреев сидели там вокруг стола и читали ежедневный лист из Талмуда. В «Клойзе» было много книг, старых и совсем древних, но также и новых виленских изданий Талмуда и трудов Рамбама. Реб Йехезкель Абрамский, последний раввин Слуцка⁸⁹², говорил, что слово «клойз» происходит от древнееврейского *колойз*, то есть «голос силы»⁸⁹³ (имелась в виду сила Торы), как сказано: «Ад-ной ойз ле-амой йитен...»⁸⁹⁴ И действительно, еврейский дух сильнее всего ощущался именно в «Клойзе».

Реб Шмуэл Вендров олицетворял собой еврейский Слуцк. Он никогда не уезжал из города, он видел Слуцк во всем его великолепии и блеске, когда город считался вторым после Вильны местом по значимости для литовского еврейства.

Реб Шмуэл был шамесом еще в то время, когда раввином в Слуцке служил реб Йосеф-Дов Соловейчик (примерно в 1864–1870 гг.). Был он шамесом и при раввинах Ридбазе и Исере-Залмене Мельцере. Он исполнял свои обязанности и при Йехезкеле Абрамском. Реб Шмуэл был знатоком Талмуда и мидрашей, он все свободное время учился. Это, однако, отнюдь не мешало ему выполнять все свои обязанности синагогального шамеса. Прежде всего он отвечал за книги в «Клойзе» и берег их как зеницу ока. Было очень трудно добыть у него книгу; как только он видел, что том Талмуда лежит без дела на подставке, он ставил его в шкаф и запирали. Раввин Абрамский острил:

– Реб Шмуэл уже посадил наших мудрецов под замок, теперь надо устроить «пидьон швуим»⁸⁹⁵.

Ввиду своего почтенного возраста и прежней близости к великим раввинам Слуцка реб Шмуэл с пренебрежением посматривал на молодых раввинов и их новых помощников, которые всегда крутились в «Клойзе».

– Эх, «машинные раввины», что они знают, эти современные молокососы, — говаривал он, — куда им до проницательности раби Йоше-Бера или знаний раби Якова-Довида!

⁸⁹² В главе «Слуцкие раввины» последним раввином города, преемником р. Абрамского, назван И. Гохмарк. — *Прим. пер.*

⁸⁹³ Это пример т.н. народной этимологии. Термин «клойз» на идише, по-видимому, происходит от латинского слова *claustrum* или *clausum*, которое относится к зданию или замкнутому комплексу сооружений, связанных с монастырем. Этот термин впервые появился в ашкеназской культуре в XVI в. и относился к дому, где собирались ученые раввины — месту учебы, предназначенному для взрослых образованных мужчин. Ко второй половине XVII в. клойзы были во многих еврейских центрах как Западной, так и Восточной Европы. К тому времени этот термин постепенно стал обозначать частный учебный дом, существующий отдельно от общественных институтов и финансируемый покровителем или богатой семьей.

⁸⁹⁴ «Ад-ной ойз ле-амой йитен...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Господь дарует силу Своему народу...» («Тегилим», 29:11).

⁸⁹⁵ *Пидьон швуим* (иврит) — выкуп пленных, заповедь Торы.

Реб Шмуэл был знатоком Талмуда и мидрашей, он все свободное время учился. Это, однако, отнюдь не мешало ему выполнять все свои обязанности синагогального шамеса.

Но к р. Абрамскому он относился с большим трепетом, даже когда что-то говорил против него.

Раввин имел обыкновение оставаться в синагоге после молитвы, не снимая талес и тфилн. Однажды реб Шмуэл заметил, что коробочка тфилн на голове раввина немного съехала набок, и хотел ему сказать об этом, но почувствовал, что это дерзко — поправлять раввина. Он не растерялся и подошел к раввину с такими словами:

– Знаете, раби, я вспоминаю, как раввин Йоше-Бер приглаживал волосы, надевая тфилн на голову, чтобы они не мешали.

Абрамский посмотрел на него и спросил:

– А что, разве я так не делаю?

Тем временем он автоматически поднял правую руку и поправил тфилн. Улыбнулся реб Шмуэл, радуясь, что не посрамил, упаси Бог, достоинство раввина.

В 1925 году советская власть в городе под влиянием Евсекции издала распоряжение о том, что синагоги могут быть доступны лишь для молитв, но не для учения, и поэтому они должны быть закрыты с девяти утра до пяти вечера. Несколько оставшихся йешиботников открыли «Клойз» через задние двери и там учились. Габаи, обнаружив это, устроили шамесу головомойку, мол, неужели он не знает, что творится у него под носом? Тот испугался и отругал ребят за то, что они ставили под угрозу существование синагоги. Через короткое время, однако, он извинился перед ними: ведь они подвергали себя куда большей опасности ради того, чтобы несколько часов поучиться.

В свои последние годы реб Шмуэл передал должность шамеса зятю, Ѓилелу-писцу, а сам занимался только книгами, следил, чтобы они всегда находились на своих местах, чтобы их читали по очереди и ни одна из них не простаивала на полке невостребованной. Это дело было для него настолько священным, что он не мог его кому-то передоверить.

Однажды реб Шмуэл подготовил один свиток Торы и подставку под него, положил его на край стола и хотел просмотреть другой, а затем поставить оба в ковчег. Но первый свиток соскользнул со стола и упал на пол. Реб Шмуэл, дрожа, прямо застыл на месте — за всю его долгую карьеру шамеса в «Клойзе» такого никогда не случалось. Он сразу сказал, что это, должно быть, конец, что ему уже недолго осталось протянуть в этом нелепом мире. Так и вышло... Вскоре реб Шмуэл скончался, а почти сразу после этого ушло и его «ремесло». «Клойз», как и другие слуцкие синагоги, был закрыт советской властью.

В 1925 году советская власть в городе под влиянием Евсекции издала распоряжение о том, что синагоги могут быть доступны лишь для молитв, но не для учения.

НОСН ФИШКИН-ЃОРН, ШАМЕС ИЗ РОГОВОЙ СИНАГОГИ

Раввин Н. Ваксман

Роговая синагога, как Мясницкая и Портновская, была напоминанием о прежних временах, когда вся еврейская жизнь крутилась вокруг синагоги, где молились и встречались с коллегами. Община гребенщиков (их в Слуцке было предостаточно) имела по этой причине Роговую

синагогу — она называлась так потому, что ее прихожане обрабатывали рога. В последние годы ее посещало уже мало гребенщиков-косторезов, но название осталось как память о прекрасной эпохе, расцвете еврейской жизни.

Последним шамесом Роговой синагоги был реб Носн Фишкин-Горн. Похоже на то, что дополнение к фамилии⁸⁹⁶ он взял себе сам, гордясь названием синагоги. Реб Носн был человеком среднего роста, щуплым, болезненным, всегда соблюдал диету и боялся съесть лишний кусок. Глядя на него, вы не могли понять, как этот человек держится на ногах; казалось, что он вот-вот упадет. Но как только он выходил к биме читать Тору, он становился совершенно другим. Когда реб Носн молился перед общиной, все ощущали, что перед ними стоит богатырь. В своем обращении к Творцу он полностью раскрывал себя; душа его, казалось, в это время покидала тело — настолько сильными были владевшие им чувства. Даже обычный кидуш во время субботней трапезы у него звучал, как набат, и был слышен на многих улицах.

Но особенно любили прихожане слушать реб Носна на исходе субботы, когда в синагоге стоял сумрак и на столе горела только одна лампа. Он выходил к биме и заводил мягкий, грустный, меланхоличный, проникающий в душу напев-нигун: «Ашрей-смимей-дорех га-гойлхим бе-тойрас-Ад-ной»⁸⁹⁷. Лишь немногие протискивались к лампе, чтобы прочесть псалмы по книге; большинство повторяли следом за реб Носном стих за стихом на память, и каждый из них вызывал у молившихся душевный подъем. Снаружи явственно слышался тихий стон; казалось, что это стонет сама синагога. Даже ватага молодежи, которая резвилась вовсю, возвращаясь с третьей трапезы, стояла вечером в субботу, пораженная тем, как реб Носн читает псалмы, и уходила лишь после вечерней молитвы.

Реб Носн был беден, но стремился показать, что богат. Его расходы превосходили скромные доходы шамеса, и он искал небольшие подработки, например, оказывая помощь шадхену в совершении шидуха или маклеру в продаже дома. Он создал себе репутацию как эксперт по сделкам с недвижимостью, но прежде всего — как надежный человек, которому можно было доверить ценности под честное слово. Поэтому многие записывали свои дома на его имя. Один пожилой отец семейства при смерти боялся, что его дети поссорятся из-за наследства, и отписал свой дом на реб Носна. После этого он уже мог спокойно умереть, потому что знал, что тот проследит за тем, чтобы все были довольны.

Реб Носн очень любил детей, но первая его жена много лет не могла родить. После ее смерти он женился вторично, и вторая родила ему ребенка, в котором он души не чаял. Дети отвечали ему взаимностью; он часто беседовал с ними об их занятиях в хедере, помогал в учении.

Реб Носн устраивал свадьбы для сирот и вообще много помогал бедноте. Каждый знал, что в ситуации, представлявшейся безвыходной, можно пойти в Роговую синагогу: реб Носн найдет выход, не оставит еврея с пустыми руками. Вдовам он помогал писать письма их родственникам в Америку, бедным супругам — устроить торжественную церемонию брис-мило. Когда он беседовал с человеком, у которого было тяжело на душе, тот чувствовал облегчение. А еще он умел, когда надо, прикидываться простачком, не умевшим считать до двух.

⁸⁹⁶ Горн (идиш) — рог.

⁸⁹⁷ «Ашрей-смимей-дорех га-гойлхим бе-тойрас-Ад-ной» (иврит в ашкеназском произношении) — «Счастливы те, чей путь совершенен, следующие Торе Господа» («Тегилим», 119:1).

Он создал себе репутацию как эксперт по сделкам с недвижимостью, но прежде всего — как надежный человек, которому можно было доверить ценности под честное слово.

В 1923 году, когда власти уже закрыли все хедеры в городе и запретили изучать Тору с еврейскими детьми, несколько евреев собрались вместе, переговорили и вывесили во всех синагогах воззвание. В нем говорилось, что евреи должны учить своих детей, несмотря ни на что. Евсекция узнала об этом и отправила под суд нескольких шамесов за то, что они допустили такое «преступление». Состоялся процесс, сильно взволновавший всех религиозных жителей города. На вопрос прокурора, почему, мол, они позволили вывешивать такие воззвания в синагоге, реб Носн ответил, что он не читал их, — мало ли какие бумажки вешают в синагоге. Его слова возмутили евсековских судей, ибо все они хорошо знали: этот шамес — не такой безразличный человек, каким хотел казаться.

Прокурор вскипел:

– Хватит рассказывать сказки! Когда вы торгуетесь насчет дома, вы тоже столь наивны?

Но реб Носн посмотрел ему прямо в глаза и, погладив рыжую бороду, промолчал, как будто происходившее его не касалось.

После закрытия всех синагог ему много раз приходилось собирать мишьяны и как-то поддерживать общинную еврейскую жизнь. Увы, с каждым днем положение становилось все тяжелее. Глаза евсеков проникали во все укрытия, они пытались искоренить всякую память о еврействе.

Реб Носн погиб от рук нацистов вместе со всеми евреями Слуцка.

«КЛОЙЗ» ИСЕРКЕ И ЕГО ПОСЛЕДНИЙ ШАМЕС ИСРОЭЛ ФЕЛЕР

Раввин Н. Ваксман

Синагога Исерке была единственной в Слуцке, называвшейся по имени человека. Имя это само по себе олицетворяло часть слуцкой истории — той истории, что тянулась сотни лет.

Род Исерлинов или Исерсонов, давший еврейскому народу целую плеяду мудрецов и цадиков, происходил от гаона р. Мойше Иссерлеса. Представители этого рода жили в Слуцке на протяжении многих поколений, а на слуцком кладбище им принадлежал особый участок.

В начале XIX века в Слуцке жил реб Авром, сын Исерке Исерлина. Он был великим знатоком Торы и очень зажиточным человеком. Его жена Ривка построила синагогу, названную «Клойз Ривки из рода Исерке». Их сын Йона женился на Двойре, дочери известного и уважаемого Йоэла Сиркина из Мира, и этот брак увеличил его и без того немалое состояние, которое оценивали в Слуцке примерно в шестьсот тысяч рублей, что в те времена было для города баснословной суммой. При этом реб Йона был щедрым благотворителем: он охотно жертвовал каждому, кто просил у него на халу или мясо к субботе. Одна из его дочерей была невестой молодого гаона р. Цви-Гирша Орнштейна, который позже стал раввином в Бриске и Лемберге. Старые случчане рассказывают, что сватовство вызвало большой резонанс в еврейском мире, поскольку жених не только был большим знатоком Торы, но и происходил из рода великих мудрецов, еврейских

аристократов Лемберга, а тут появляется какой-то литовский нувориш и забирает его.

Довольный таким удачным сватовством реб Йона даже согласился на то, что свадьба пройдет не так, как принято у евреев, — не в доме невесты, а в городе у жениха. Он пожелал, чтобы его раввин, старый мудрец раввин Йоселе Пеймер, приехал на свадьбу в Лемберг.

Имя р. Йоселе было известно во всем еврейском мире, и мудрецы из Лемберга нетерпеливо ждали его визита, чтобы воздать ему почести и услышать нечто потрясающее из его уст.

Р. Йоселе приехал на свадьбу, но только провел церемонию под хупэ, а больше ни слова не сказал. Другие раввины, как водится, во многом не согласные с р. Йоселе, искали способы вызвать его на спор и втянуть в разговоры о Торе. Иные начали даже сомневаться в его величии: «Мало ли что в Литве о нем раззвонили!»

Они решили выложить на большое блюдо разные виды плодов и выставить его перед р. Йоселе, чтобы увидеть, как он будет обращаться с едой, какой плод благословит раньше. Тот выдержал экзамен, и раввины переглянулись: «Кажется, этот литвак что-то понимает в Торе, так почему же он молчит?!» Они без конца подходили к нему и пытались вызвать на разговор, но р. Йоселе хладнокровно ответил, что никогда ничего не говорит о своем понимании Торы, а лишь передает то, что слышал от своего учителя, р. Хаима Воложинера.

Этот брак оказался неудачным. Пропасть между двумя мирами оказалась слишком глубокой для супругов, и примерно через год они развелись. Дочь реб Йоны вернулась домой, в Слуцк. Чуть позже она стала невестой Шмуэла Симховича из Минска. Это был еврей, обладавший множеством достоинств, большой знаток Торы, человек редкого ума и великой доброты. Он был известен как мудрец и общинный деятель далеко за пределами Слуцка и даже Минской губернии. Когда царь учредил Раввинскую комиссию, чтобы время от времени советоваться с ними по еврейскому вопросу, в нее вошли величайшие авторитеты, такие как р. Ицхок-Эльхонон Спектор и р. Йосеф-Дов Соловейчик, а наряду с ними и р. Шмуэл Симхович.

Реб Йона Исерлин был очень богатым человеком и поддерживал тех, кто серьезно изучал Тору. Он создал огромную библиотеку, содержащую большую коллекцию разнообразных еврейских книг. В «Клойзе Ривки», носившем имя его матери, десять молодых людей ежедневно изучали Тору; они содержались за его счет и не знали никаких житейских забот. Их называли «асоро батлоним».

В 1868 году синагога сгорела вместе с большей частью города, а с ней — и библиотека. Но реб Йона Исерлин отстроил ее и снова усадил свой миньян учиться в ней. С того времени она уже была известна как семейное место, Синагога Исерке, где всегда учились. Годы спустя она стала также домом для йешивы раввина Нехемьи.

Последним шамесом в Синагоге Исерке был реб Исроэл Фелер. Он родился в местечке Орля и учился у реб Боруха-Бера в Слободке. Во время Первой мировой войны он со своими родителями приехал в Слуцк как беженец, остался в городе и женился на одной из дочерей Ицхока-Якова Шейнбойма. Это был «человек-огонь»; когда он выступал, то походил на вулкан. Шутники прозвали его «адским кочегаром».

Он создал огромную библиотеку, содержащую большую коллекцию разнообразных еврейских книг.

Последний резник и шамес в Слуцке реб Исроэл Фелер со своей семьей (погибли в гетто)

После женитьбы реб Исроэл Фелер занялся забоем птицы. При этом он обучал Мишне прихожан из Роговой синагоги и учил Талмуд в Синагоге Исерке, где проводил молитвы его тестя. В 1924 году городские власти забрали основные помещения этой синагоги, оставив для молитв только женскую ее часть. Тогда реб Исроэл взял на себя должность шамеса — больше ради выполнения заповеди, чем для заработка. Эта синагога оказалась практически единственной, которая действовала все годы до Катастрофы. Оба занятия Фелера, резник и шамес, были скорее актом самопожертвования, нежели чем-то иным.

В конце 1920-х годов, когда людей сажали в тюрьмы, чтобы заставить их сдать валюту (это называлось «долларовой инквизицией»), реб Исроэл также оказался за решеткой. Чекисты долго мучили его как деятеля общины, который знал в городе всех. Он должен был сказать, из кого можно «выжать» доллары. Однако реб Исроэл выдержал все пытки и никого не выдал. Более того, в тюрьме он вел себя настолько безупречно, что его поведение вызвало уважение у всех сокамерников и даже у их палачей. Все убедились в том, что его слову можно доверять, и ему верили. Во многом благодаря ему арестованных признали невиновными и освободили, а подготовка к репрессиям против других людей была прекращена.

Как сказано выше, реб Исроэл оставался шамесом до самого конца, а также резал птицу вместе с Симхой Рысиным, зятем реб Хаима-Бера, очень уважаемого в Слуцке человека, который был также старостой в Роговой синагоге. Оба были последними резниками в Слуцке. После того как Йехезкель Абрамский уехал за границу, в городе остался раввин Ицхок Гохмарк, женатый на дочери Ридбаза. Эти двое были «последними из могикан» в длинной и славной цепи слуцких раввинов.

ГОРОДСКИЕ СУМАСШЕДШИЕ

Биньомин

Каждый день он ходил по улицам города — рослый, стройный, с белыми всклокоченными волосами, в растрепанной изодранной одежде. Шею он обматывал кучей грязного тряпья, подпоясывался толстой веревкой. Он шествовал посередине улицы, пряча глаза под густыми бровями. По сторонам не смотрел. Если навстречу ему кто-то шел, он никогда не уступал дорогу; если телега — стоял столбом, не давая ей проехать.

В одной руке он держал длинную трубку, какие обычно курят крестьяне, другой размахивал в воздухе, как будто сражаясь с невидимым противником. Рот у него никогда не закрывался. Тысячи непонятных, изуродованных слов извергались из его уст вперемешку с каплями слюны и пены. На слушателя обрушивался водопад звуков, однако ухо не могло разобрать ни единой фразы.

В те редкие минуты, когда Биньомин затихал, он совал в рот мундштук своей трубки и начинал быстро-быстро затягиваться, извергая изо рта и ноздрей густые клубы дыма. Его окружала тайна; о его долгой нелегкой жизни ходили легенды.

Вот что рассказывали жители нашего города.

Много лет назад этот самый Биньомин был раввином одного местечка. Его имя было известно во всей округе, где он славился как один из величайших знатоков Торы, хорошо разбиравшийся в ней на всех ее уровнях. Все главы поколения обращались к нему с вопросами. Однако, как велик он ни был в Торе, его педантичность была не меньше величия. Кроме того, это был тяжелый, упрямый человек, который всегда настаивал на своем, так что немало знатоков Торы обожглись о его характер.

Как-то раз его навестил раввин, живший в соседнем местечке. Хозяин и гость поспорили о еврейском законе и не сошлись во мнениях. Один говорил одно, другой другое, и никто не хотел уступать — нашла коса на камень. Спорщики перешли на личности, и в какой-то момент хозяин грубо оскорбил гостя. Тот вскочил и воскликнул:

– Упрямый у тебя ум, раби Биньомин. Не удивлюсь, если ум у тебя зайдет за разум!

Услышав это, хозяин пал духом, однако взглянул гостью прямо в глаза и сказал:

– Если таков приговор Небес, я его приму, но ты этого не увидишь!

Так и случилось: раби Биньомин сошел с ума, а раввин, бывший у него в гостях, умер в расцвете лет.

В городе ходило множество шуток, которые приписывали сумасшедшему Биньомину. Как-то раз городские мясники решили построить себе отдельную синагогу. Наняли строителей, те приступили к работе. Проходивший мимо стройки Биньомин воскликнул:

– Все сыны человеческие (*бней-босор*, букв. «сыны мяса») будут звать к Имени Твоему⁸⁹⁸.

Все главы поколения обращались к нему с вопросами. Однако, как велик он ни был в Торе, его педантичность была не меньше величия.

⁸⁹⁸ Фраза из ежедневной молитвы.

Как-то раз на кладбище он подошел к могиле человека, который был известен всему городу своей скупостью. Постояв около надгробного камня, он указал на вырезанные на нем ивритские буквы *пей* и *нун*⁸⁹⁹, и тут же обыграл эту аббревиатуру, сказав по-русски:

– Пойдешь назад? Не пойду. Почему? Не пускают.

Удивительное сочетание: такие шутки — и такая трагическая судьба!

(Авром Эпштейн)

* * *

Одна владелица молочной лавки как-то раз закрыла свой магазин посреди дня и ушла, а вернувшись, обнаружила, что лавка открыта и туда забрался какой-то гой. Лавочница начала вопить:

– Караул! Вор в моей лавке!

– Я шел мимо, смотрю, лавка открыта, ну я и вошел, — оправдывался гой.

Женщина, однако, не унималась и с криком: «Вор! Вор! Евреи, на помощь!», принялась лупить гою палкой, которую держала в руках.

На ее крики сбежалось множество народа, в том числе сумасшедший Биньомин, большой знаток Торы. На вопрос, что случилось, он ответил:

– Все очень просто, это известная тема из Талмуда. Он утверждает, что «открыл открытое», а она заявляет, что «проткнула себя палкой»⁹⁰⁰.

* * *

Р. Виловский как-то раз сказал Биньомину:

– Почему бы тебе не зайти в синагогу и не почитать книгу вместо того, чтобы слоняться по улицам?

Тот ответил:

– Хорошо, раби, но только благословите меня, чтобы меня покинул дух глупости.

Раввин благословил его, а затем спросил:

– Ну а ты — какое благословение есть у тебя для меня?

– Пусть тех, кто ходит на ваши уроки Талмуда, станет столько же, сколько тех, кто гоняется за мной по улицам города.

* * *

Однажды Биньомина встретили, когда он гулял за городом, по Слуцкому шоссе, с погасшей трубкой во рту. У него спросили:

– Биньомин, куда это ты?

– В Грозово, — ответил он.

– Что тебе там надо?

– Зажечь трубку.

– А разве в Слуцке уже нет огня?

– Слуцкий огонь для меня слишком холодный!

⁸⁹⁹ Первые буквы слов *пой никбор* (иврит в ашкеназском произношении) — «здесь погребен».

⁹⁰⁰ Тема трактата «Ктубот», 11б: муж возмущается тем, что молодая жена оказалась не девственницей, а женщина объясняет, как это произошло. — *Прим. пер.*

Юдл

Еврей из хорошей семьи, он любил прилюдно есть свинину. Его спрашивали: что это значит? Есть свинину, да еще прилюдно?! Юдл отвечал на это:

– У меня есть на это разрешение. При даровании Торы на горе Синай присутствовали все души, в том числе и моя. Я соглашался со всем, что там говорили. Но когда провозгласили, что запрещено есть свинину, я подошел к учителю нашему Мойше и шепнул ему на ухо: «Есть свинину для меня — вопрос жизни и смерти, без этого мне просто не выжить». И тогда наш учитель Мойше сказал: «Тебе, Юдл, можно».

(Борух Домнич)

Довид

Довид был знатоком Торы. Когда безумие отступало, он давал уроки по Талмуду. Зимой и летом ходил босиком, в драных штанах, сквозь дырки можно было видеть голое тело. Он бегал по городу и разговаривал сам с собой в полный голос, как будто с кем-то споря.

На Виленской улице недалеко от синагоги стояли распятие и иконы. Какой-то крестьянин, приехавший как-то в город, увидел, что Довид стоит перед распятием на коленях, крестится и громко молится по-русски.

– Что ты делаешь, дурак? Разве ты не еврей? — закричал крестьянин.

– Понимаешь, — ответил Довид, — я подумал: «А вдруг старик оглох? Помолюсь-ка я молодому, вдруг он меня услышит». Однако с молодым у меня совсем ничего не вышло, он еще хуже старика!

С этими словами Довид встал и плюнул на распятие.

– К черту! — крикнул он и пошел прочь.

Перепуганный крестьянин только перекрестился и пробормотал:

– Прости его, Отец Небесный, он же совсем безумен, что с него взять?

* * *

Однажды зимой Довид, как всегда босой, с большим мешком за спиной ушел из города.

– Ты куда? — спросили его.

– В Копыль, — ответил Довид, — там умер городской сумасшедший, и я спешу занять его место, ведь городу без сумасшедшего никак нельзя.

* * *

Как-то раз Довид разошелся и стал таскать пироги со всех прилавков.

– Разве можно красть, Довид, ты что, совсем с ума сошел? — спросили его.

– Подумаешь! — ответил юридивый. — В Танахе сказано, что сам царь Довид однажды притворился безумным⁹⁰¹. Если ему можно было сойти с ума, то мне — тем более!

(Борух Домнич)

Какой-то крестьянин, приехавший как-то в город, увидел, что Довид стоит перед распятием на коленях, крестится и громко молится по-русски.

⁹⁰¹ См. «Теѓилим», 34:1.

Вева

У этого сумасшедшего было два достоинства: во-первых, он очень любил чистоту, а во-вторых, знал наизусть все гафтарот и их мелодию. Слоняясь по городу, он то и тело заходил во дворы и дома и громким голосом просил: «Дайте Вева чистые кальсоны». Утром в субботу, с восходом солнца, Вева выходил, как жених из-под хупэ, и ходил по улицам, распевая мелодию субботних гафтарот и нарушая тем самым сладкий сон горожан, надевавшихся поспать в субботу чуть-чуть подольше. Однако кто посмел бы тронуть человека, чей рассудок помутился?

(Борух Домнич)

Янкель Маша

Янкель Маша был резким человеком, придумывавшим всевозможные способы, как разозлить и унижить другого. Своим местопребыванием он избрал синагогу на Заречной улице, оттуда он метал свои стрелы.

От одного очевидца я слышал такую историю: в субботу, в новомесячье нисана, Янкель Маша поднялся на биму и заявил:

– Хорошая примета — умереть в нисане. Кому же причитается такое счастье? Разумеется, нашим богачам. Поэтому я объявляю сегодня «шабес меворхим»⁹⁰² и говорю: богачам пришло время заболеть!

(Борух Домнич)

Авром Скубич

Безумие Аврома Скубича заключалось в том, что он вообразил себя миллионером. Громким голосом он все время пересчитывал свои миллионы. Когда ему говорили, что самый богатый человек в Слуцке — реб Лейбуш Гутцайт, но и у него нет миллиона, Авром отвечал:

– Ну и что это доказывает? Он богач, а я — миллионер!

Он был низкорослым и неуклюжим, серебристые волосы и борода придавали его лицу благородный облик. Ходил он мало, поскольку в своем безумии считал себя обладателем несметных богатств. Губы его все время шевелились, бормоча: «Миллион, миллиард, триллион...» — и так снова и снова. Если Авром сбивался со счета, то тому, кто ему помешал, приходилось плохо.

Скубич бывал на всех свадьбах и брисах, полагая, что, поскольку обладает «миллионами», имеет полное право находиться среди приглашенных гостей. Он любил поговорить о таких же толстосумах, как он: сахарном короле Бродском, Полякове и других еврейских богачах из Петербурга и Москвы. О парижских миллионах Ротшильда он говорил так, словно они лежат у него в кармане.

⁹⁰² *Шабес меворхим* (иврит в ашкеназском произношении) — Суббота благословений — суббота, во время которой благословляют наступающий месяц.

МЕСТЕЧКИ ВОКРУГ СЛУЦКА

УРЕЧЬЕ

Н. Хинич

В двадцати пяти верстах от Слуцка находилось местечко Уречье, раскинувшееся по обе стороны шоссе, ведущего из Слуцка в Бобруйск. Дома в нем были деревянными, нередко крытыми соломой. Там жили около двухсот семейств. В большинстве своем это были лавочники, рабочие и коробейники, обходившие окрестные деревни и торговавшие всем подряд. Основными товарами были мука, кожи, лен, соленая рыба, керосин и т. д.

Транспортное сообщение со Слуцком и Бобруйском обеспечивали местные возчики, привозившие в местечко все необходимое, включая письма, газеты, книги и «ташмишей-кдушо»⁹⁰³. Местным раввином был старый скромный всеми уважаемый раби Авром-Арн Песин. Помимо большой синагоги, в местечке было еще несколько миньянов⁹⁰⁴, а также хедеры, где преподавали мелаеды старой закваски. Было в нем и несколько просвещенных евреев и сионистов, например, Авром-Борух Эпштейн и учитель Лейбович, который переехал в Бобруйск, но время от времени приезжал в родное Уречье, появляясь там, словно луч света в темном царстве.

После того как Уречье соединили железной дорогой с местечком Верхутино, а позже, в годы Первой мировой войны, и со Слуцком, местечко расцвело и обрело новую жизнь. В городке появилось почтовое отделение, вместо старой сгоревшей синагоги построили новую, гораздо более вместительную. Рядом с железнодорожной станцией под сенью раскидистых деревьев выстроили два ряда красивых, радовавших глаз домов — целую новую улицу, благодаря которой протяженность местечка увеличилась на целый километр. Неподалеку от нее появился филиал компании, торговавшей бакинским керосином, а при нем большой склад, и бочки с керосином были хорошо видны издали. Двор всегда был полон покупателей со всей округи

⁹⁰³ *Ташмишей-кдушо* (иврит в ашкеназском произношении) — принадлежности, используемые при совершении ритуальных церемоний в синагоге и в домашнем обиходе. — *Прим. пер.*

⁹⁰⁴ Здесь: место, где евреи постоянно собирались для молитвы. — *Прим. пер.*

р. Авром-Арн Песин

и был заставлен их телегами. Директором филиала стал Шмуэл Резник, горячий сторонник сионизма.

Вместе со звуками паровозных гудков и стуком вагонных колес в Уречье пришла новая, гораздо более интенсивная и энергичная жизнь. Время от времени на улицах местечка можно было увидеть новые лица. Расцвела торговля, продавались газеты на иврите, идише и русском, открылась книжная лавка. После смерти старого раввина в Уречье начались ожесточенные споры, связанные с выбором его преемника. Местечко разделилось надвое. Простые люди (ремесленники) поддерживали молодого раввина Аппельмана, который славился понятными каждому выступлениями, а интеллигенция и домохозяйства — раввина из Греска Бен-Циона Цвика, обладателя густой бороды. Страсти накалились настолько, что однажды возчики облили керосином мешки с мукой, принадлежавшие торговцу Эпштейну, одному из сторонников р. Цвика. Дело кончилось тем, что в местечке оказалось сразу два раввина, которые в результате, естественно, жили впроголодь.

Между тем в городке повеяли новые ветры и даже открылся новый, более современный хедер, ставший форпостом борцов за чистоту иврита. Приехавший из Эрец-Исраэль учитель Глиник, педагог с большим опытом, покорила сердца родителей, которые начали отдавать своих детей в новый хедер, где были два класса. Еще одной учительницей иврита стала Алта (Сора) Асаф, сестра покойного профессора Асафа. Местный богач Дубровский также открыл в Уречье частный хедер с преподаванием на иврите для своих детей и сыновей местной «аристократии». Для работы в нем он нанял молодого учителя по фамилии Гурвич.

По инициативе и при активном участии Михла Резника, убежденного «ивритчика» и пламенного сиониста, время от времени в Уречье устраивались лекции на разные темы, а с бимы местной синагоги звучали слова, посвященные Стране Израиля. Правда, на эти мероприятия являлись местные бундовцы и просто хулиганы, мешавшие оратору, однако их выкрики не встречали понимания и сочувствия. В синагоге и других местах, где молились евреи, накануне Йом-Кипера ставили блюда для сбора денег для

Вместе со звуками паровозных гудков и стуком вагонных колес в Уречье пришла новая, гораздо более интенсивная и энергичная жизнь.

Одесского комитета⁹⁰⁵. Продавали сионистские шекели и марки⁹⁰⁶, время от времени проводились сионистские собрания — например, 20 тамуза⁹⁰⁷ или в годовщину публикации Декларации Бальфура⁹⁰⁸. Также действовал литературный кружок, где читались лекции на литературные темы.

Отступавшая польская армия подожгла местечко, которое сгорело почти дотла. После того как в Уречье окончательно установилась советская власть, с сионизмом было покончено и вся ивритская деятельность прекратилась. С началом нацистской оккупации чаша не миновала и евреев Уречья, и лишь считаным счастливицам удалось бежать и спастись.

ГЛУСК

Из разных источников

Глуск — местечко Бобруйского уезда Минской губернии. По ревизии 1847 г. “Глуское еврейское общество” составляли 3148 душ; по переписи 1897 г., жителей 5328, из коих евреев 3801. В 1909 г. одно народное еврейское училище с женской сменой.

В местечке 2 православных церкви, костел, синагога и 5 еврейских молитвенных домов, народное училище, 3 кожевенных завода, 22 лавки. Упоминается в актах XV в. В 1508 г. тут вел переговоры с послами Василия Иоанновича Михаил Глинский».

(Из Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона)

Раввины Глуска, о которых сведений не сохранилось

Р. Йосеф, сын р. Менахема-Мендла, р. Шмуэл Ланда, р. Шмуэл Циммерман, р. Шмуэл Паричер, раввин глуской хасидской общины.

Реб Нох-свечник

Шмуэл Лиф

Евреи составляли в Глуске примерно три четверти населения. Остальные разговаривали с ними на идише с вкраплениями иврита и в целом жили в хороших соседских отношениях, за исключением воскресений и христианских праздников, когда православные напивались и били окна своим

⁹⁰⁵ Одесский комитет (Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине; называлось также Одесским палестинским обществом) — легальная организация палестинофильского движения в России. Первое собрание общества состоялось в Одессе в апреле 1890 г. — *Прим. пер.*

⁹⁰⁶ Марки «Керен кайемет ле-Израэль». — *Прим. пер.*

⁹⁰⁷ Дата смерти Теодора Герцля по еврейскому календарю. — *Прим. пер.*

⁹⁰⁸ Официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 г., от министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура к лорду Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании. Письмо гласило, что «правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели». — *Прим. пер.*

еврейским соседям. Нередко бывало и так, что избивали самих евреев, но, упаси Бог, не из-за антисемитизма, а просто так.

Глуск практически не отличался от остальных окрестных местечек. Большинство жителей погрязало в бедности, за исключением пары семей. Кривые домишки, грязные, незамощенные улицы. Большая часть пропитания добывалась благодаря местному рынку, на который окрестные мужики съезжались два-три раза в неделю. На рынке в четыре ряда стояли сто двадцать лавочек, одна напротив другой, а еще были десятки магазинчиков в боковых улицах у рынка. Евреи, не занятые в торговле, ремесленничали: были сапожниками, портными. Было также много балагол, которые возили «типов» (так они называли пассажиров) на железнодорожную станцию и обратно. Ближайшая станция была в Бобруйске, за пятьдесят верст.

Во всех видах заработка была большая конкуренция. Лавочники просто тянули крестьян за полы в свои магазинчики. Даже меламеды из хедеров конкурировали между собой в цене занятий и в лести, которую они расточали хозяевам. Только один человек в местечке был выше конкуренции: реб Ноех-Иче Клунес. Он был единственным производителем свечей в местечке и округе, и поэтому его также звали реб Ноех-свечник.

Реб Ноех был одним из самых богобоязненных и уважаемых хозяев в Глуске. Правда, он отнюдь не был богачом. Зимой, когда резали много скота, ему доставалось достаточно жира для изготовления свечей, а лишний он отправлял в Бобруйск на мыловаренный завод, это тоже приносило доход. Но когда приходило лето, дела шли неважно, потому что скот почти не резали, и реб Ноех вместе с резниками и мясниками не имел заработка. В летнее время реб Ноех становился «садовником», т. е. арендовал у помещика фруктовый сад. Если Бог помогал и деревья не портились гусеницами, а плоды не осыпались под ливнем и градом, то реб Ноеху удавалось сводить концы с концами до зимы.

В Глуске была йешива, где учились десятки парней. Главой ее был известный мудрец и цадик реб Борух-Бер Лейбович.

Благодаря йешиве в Глуске было много потенциальных зятьев, которых брали богатые хозяева для своих дочерей. Многие из глусских йешиботников стали выдающимися раввинами в Америке.

Реб Ноех был одним из самых богобоязненных и уважаемых хозяев в Глуске. Правда, он отнюдь не был богачом.

ГРОЗОВО (ГРОЗОВ)

Грозов — местечко Минской губернии, Слуцкого уезда; жителей 211. Местечко получило привилегию в 1693 г. Тут были монастыри Никольский и Иоанно-Богословский. Теперь 2 православных церкви, костел, 2 еврейских молитвенных дома, школа, 11 лавок и винокуренный завод».

(Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона)

Грозов. В субботу 5 ияра в местечке вспыхнул пожар, уничтоживший множество домов и имущества. В огне погибли синагоги, где хранились дорогие книги. Практически все жители местечка остались голыми и босыми, без всяких средств к существованию. Пусть же наши братья, сыны Израиля, проявят свою щедрость по отношению к сгоревшему местечку.

Пишущий с сокрушенным сердцем Элийо́у-Йона Китаевич. Адрес: Грозов, Минской губернии, дом раби Эпштейна».

«Га-Цофе», 1881, № 18

Грозов

III. Александрони

Колыбель, где я провел свое детство; маленькое местечко размером с ладонь, которое, казалось, можно обнять руками, лежащее между холмов и гиблых болот. Неподалеку текла река, впадавшая в один из притоков Немана.

Происхождение местечка окутано мраком тайны. Согласно одному мнению, в XV веке некий польский магнат счел необходимым создать своего рода административный центр для окрестных деревень, населенных его крепостными. Этот магнат выделил часть своего поместья Грозовок, разделил ее на строительные участки, разбил сады, построил дома на четырех маленьких улицах и отдал их евреям, владевшим шинками и винокуренными заводиками в соседних деревнях. Евреи поселили в этих домах молодые пары, быстро превратившиеся в большие семейства. Местечко назвали Грозов⁹⁰⁹.

Даже в моем детстве евреев, живших в местечке, называли по деревням, откуда они были родом: балавицкие (то есть из деревни Балавичи) и славичские. Последним польским владельцем этих мест был некто Легойда. Насколько я помню, он умер где-то далеко и был похоронен на вершине горы. После этого местечко стало собственностью высокопоставленного русского офицера по фамилии Кряков.

Лишь несколько христианских семей жили непосредственно в самом местечке. На центральной площади была возведена церковь, сверкавшая позолоченными крестами, венчавшими купола и колокольню. Церковь окружала высокая и широкая каменная ограда.

Рядом с церковью стояли большим квадратом еврейские лавки, а на одной из соседних улиц построили дом учения и летнюю Холодную синагогу. (Во времена моего детства ее уже не было — она сгорела во время одного из пожаров и так и не была отстроена заново.) На протяжении всего года дом учения мог с лихвой вместить всех местных еврейских жителей. Только на Грозные дни, когда в местечко съезжались евреи из окрестных деревень, синагога набивалась битком. Из числа деревенских гостей, приезжавших на Рош-га-шоне и Йом-Кипер, мне лучше всего запомнился знаменитый деревенский еврей Гиршл Воробьевер, отличавшийся очень высоким ростом и красивой внешностью.

Евреи торговали различными товарами. Все дни недели считались рыночными, раз в год устраивали ярмарку. Прошло немного времени, и в местечке появились ремесленники, обладатели самых разных профессий, которые неплохо зарабатывали. Почти все они были евреями, но среди них было и несколько христиан. Большинство неевреев разводили фруктовые сады, которыми издревле славились эти места. Позже некоторые евреи арендовали у них эти сады.

⁹⁰⁹ Впервые Грозов упоминается в первой половине XVI в. как деревня Слуцкого княжества, владение Олельковичей. В 1582 г. существовали одноименные село и фольварк. — *Прим. пер.*

Местечко лежало вдалеке от больших дорог. Что же касается железной дороги, то большинство жителей Грозова так и не увидели ее до конца своих дней. Каждое воскресенье, ближе к вечеру, появлялись большие фургоны, запряженные парами лошадей, следовавшие из Слуцка в Минск по грунтовой дороге, проходившей через множество селений, по которой доставляли сельскохозяйственную продукцию в уездный город (поскольку железной дороги в те времена не было и в Слуцке). За ними отправлялись такие же фургоны из Грозова, доставлявшие в Минск товары и пассажиров. В пятницу эти фургоны возвращались из Минска, привозя пассажиров и товары для местных лавок.

Семьи, жившие в местечках, обычно носили фамильные прозвища в честь бабушек: Ривины-Ривесы (потомки Ривы), Хаютины-Хаютесы, Рошины-Рошесы и т. д. Роша, чьим потомком является автор этих строк, была, судя по всему, очень решительной и смелой женщиной. У всех ее сыновей не хватало одного пальца правой руки. Роша отрубала их собственноручно, когда те были еще маленькими, чтобы никого из них не забрали в царскую армию, — судьба, ожидавшая в те годы многих бедняков, — в отличие от Ривиных и Гитиных, богатых и уважаемых, вместо которых в солдаты сдавали других. Для этого они пользовались двумя средствами: во-первых, давали взятки, а во-вторых, делили свою семью на несколько маленьких семейств так, чтобы каждый сын считался единственным.

Кстати, все, кто носит сегодня фамилию Грозовский, наверняка являются родственниками и происходят из семьи родом из Грозова. Некоторые также считают, что Розовские просто избавились, для благозвучия, от буквы «г» в начале фамилии (так полагал, в частности, Менделе Мойхер-Сфорим, уроженец соседнего Копыля).

Главой семейства Грозовских был большой знаток Торы, которого звали Файвл Розовер⁹¹⁰. Его потомками являются все Грозовские и Розовские, живущие в диаспоре и Израиле. В моей памяти эта фамилия связана с началом светского еврейского образования. Бывая в доме Фрумы Гурвич, сестры известного филолога и литератора Грозовского (Тура), я однажды неожиданно для себя обнаружил подборку просвещенческой литературы: подшивку «Га-Шахара» Смоленскина, стихи Йеѓуды-Лейба Гордона, какие-то дешевые издания и т. д.

К тому времени, когда мне исполнилось десять, я успел закончить составленную для меня программу изучения Танаха и Талмуда, занимаясь с лучшим из меламедов местечка, р. Берлом-Хаимом Грозовским. Поэтому на зиму меня посылали учиться в разные йешивы в Слуцке, где я «ел дни». Домой к родителям я возвращался только на каникулы.

После того как товарищ рассказал мне о библиотеке, скрытой от посторонних глаз, в моей душе произошел перелом. После «Кур ойни» и «Аѓавас-Цион» я не выпускал из рук номера газеты «Га-Шахар» и романы Смоленскина. За этими книгами я просиживал дни и ночи, читая их и дома, и в синагоге, пряча их между страницами Талмуда.

Как зарабатывали на жизнь в Грозове

Практический каждый дом в местечке был небольшим хозяйством. Во дворе паслись несколько кур, которых зимой забирали в жилые комнаты, где

⁹¹⁰ В еврейской ономастике Розовер и Розовский — два варианта одной фамилии. — *Прим. пер.*

они забивались под печку. Летом куры неслись в ящике, стоявшем под кроватью, где, к радости детей, из яиц иногда вылуплялись цыплята. Большую часть яиц и цыплят продавали, и это было важным подспорьем для семейного бюджета. Однако гораздо важнее была корова, дававшая молоко, из которого делали сыр и масло — тоже на продажу. Детям бедняков приходилось довольствоваться кислым молоком и простоквашей. Только на праздник Швуес им доводилось полакомиться и другими молочными блюдами⁹¹¹.

За коровником начинался большой огород, снабжавший семью картошкой и другими овощами, прежде всего огурцами, часть которых также шла на продажу. На рынке их сваливали большими кучами и летом, в базарные дни, продавали неевреям. У многих евреев местечка были также лошади и телега, и в течение недели они объезжали окрестных крестьян, продавали им всякие нужные в хозяйстве вещи и получали взамен всевозможную сельхозпродукцию: кур, яйца, зерно, семена льна, льняное волокно и свиную щетину. Все это продавали оптовым торговцам и торговым агентам, еженедельно ездившим в Минск.

В Грозове было много пекарей, выпекавших из пшеничной муки крендели и продававших их крестьянам, съезжавшимся по воскресеньям в церковь, — у себя дома те питались черным хлебом, так что белый был для них лакомством. Больше всего кренделей пекли накануне христианской Пасхи. Что же касается еврейских семей, то все без исключения сами пекли по будням хлеб, а накануне суббот и праздников — плетеные халы.

Среди ремесленников были те, кто работал на окрестных крестьян, те, кто обслуживал горожан и крестьян побогаче, и даже те, у кого заказывали их продукцию помещики. Кстати, если уж речь зашла о ремесленниках, стоит упомянуть сапожника Нохема, уважаемого человека, сидевшего в синагоге у восточной стены. В субботу во время послеполуденной молитвы, а также по понедельникам и четвергам его неизменно вызывали к Торе⁹¹². Это считалось его правом, и он ни разу не уступил его никому другому. Своих детей, как только они кончали обязательное обучение в хедере, он тоже учил сапожному мастерству.

Реб Шмуэл-портной вел утреннюю молитву по субботам, праздникам и в Грозные дни. Во времена моего детства он больше не занимался своим ремеслом, но владел фруктовым садом, славившимся невиданными фруктами. Прозвище «портной», видимо, осталось у него с прежних времен. Были в местечке и другие портные, как «аристократы», так и простолюдины.

«Арьевичи»⁹¹³ были строителями, мясниками и торговцами скотом. Это были настоящие богатыри, державшие в страхе мужиков, чтобы те, напившись в базарный день, не начинали куролесить и безобразничать.

Местными богачами считались трактирщики, у которых останавливались помещики, приезжавшие в Грозов по делам: ради торговых переговоров о лесах, предназначенных к вырубке, и т. д. Оптовые торговцы зерном, льном, кожами тоже выделялись среди прочих горожан жильем и обстановкой, а также огромными складами, высившимися рядом с их домами.

Реб Шмуэл-портной вел утреннюю молитву по субботам, праздникам и в Грозные дни. Во времена моего детства он больше не занимался своим ремеслом, но владел фруктовым садом, славившимся невиданными фруктами.

---

⁹¹¹ В ашкеназских общинах в Швуес принято есть молочные блюда.

⁹¹² Вызов к Торе (когда вызванный произносит предписанные благословения и стоит рядом с чтецом) считается почетной привилегией. — Прим. пер.

⁹¹³ В данном случае это отчество, а не фамилия. — Прим. пер.

Состоятельными людьми считались преимущественно Ривины и Хаютины. Самый большой трактир принадлежал Авремеле Ривкису⁹¹⁴ (он же реб Авром Выгодский). Был в городке еще один трактир, второго класса, которым владел Ара Криновер, прозванный Арой Наливальщиком. В подвале этого трактира стояло множество бочек с вином всевозможных сортов. Было там и изюмное вино, и медовуха — спиртной напиток, который делают из пчелиного меда с добавлением разных приправ.

Оптовым торговцем в местечке был реб Михл Эпштейн, которого называли Михл Хаютис, по имени его тещи. Его состояние оценивали в сотни тысяч рублей, но где он хранил свои деньги, не знали даже его сыновья. У упомянутой Хаюты была дочь, настоящая бой-баба, торговавшая мануфактурой. Ее муж, реб Пейсах Гринвальд, был большим знатоком Торы. Родом из Литвы, он отличался необыкновенной красотой. Он скоропостижно скончался в расцвете лет. Его портрет, висевший в трактире Михла Эпштейна, написал друг детства реб Пейсаха Файтл Шварцбурд. Еще будучи десятилетним мальчиком, Файтл начал мастерски писать пейзажи и портреты, а также лепить и вырезать. Говорили, что его мать приходилась сестрой знаменитому скульптору Антокольскому⁹¹⁵.

Если говорить о крупных торговцах нашего местечка, необходимо упомянуть Лейбла Шмониса (Лейба Сегаловича из семейства Ривиных), который конкурировал в торговых делах с упомянутым Михлом Эпштейном.

Местечко со всех сторон окружали дремучие леса, простиравшиеся на сотни верст. Поэтому из ближних и дальних мест сюда съезжались известные лесоторговцы. Мне запомнилась семья Поляк — просвещенные евреи, совершенно не похожие на старожилы местечка.

В окрестных деревнях также селились лесоторговцы и спекулянты, которые водились с польскими аристократами, владельцами поместий и лесных дач. Живя в столицах или за границей, те постоянно нуждались в деньгах и охотно продавали леса под вырубку.

В один прекрасный день между семейством Поляк и евреем из соседней деревни вспыхнул ожесточенный спор из-за денег. Уже не припомню, кто из них был истцом, а кто ответчиком. Однако дело было очень запутанным, а речь шла о десятках тысяч рублей. Дело разбирал третейский суд, состоявший из уважаемых раввинов, потребовавших самых страшных клятв. Никто из третейских судей не был жителем Грозова. Их пригласили из окрестных местечек, Копыля и Ляховичей. Однако председателем суда избрали раввина Грозова раби Шимена-Цви Скакальского. В синагоге упомянутые третейские судьи выделялись солидностью, а также талесами, украшенными серебром. Дети смотрели на них со страхом и уважением — не каждый день можно было увидеть в нашем местечке таких известных людей! Из-за того, что, когда пришло время принимать решение, среди судей произошел конфликт, раби Шимен-Цви вынужден был отказаться от должности грозовского раввина.

Староста синагоги, судья раввинского суда реб Шмарья был блестящим знатоком Торы, праведным и скромным человеком. При этом он зарабатывал на жизнь трудом своих рук — был пекарем, трудился и днем и ночью.

⁹¹⁴ В еврейской ономастике Ривин и Ривкис — два варианта одной фамилии. — *Прим. пер.*

⁹¹⁵ Марк (Мордух) Антокольский (1843–1902) — русский скульптор-реалист, уроженец Вильны, с 1871 г. — академик Петербургской академии наук, с 1880 г. — профессор скульптуры. — *Прим. пер.*

Только в то время, когда прежний раввин уезжал, а нового еще не нашли, жители местечка обращались к нему с различными религиозными вопросами, а также по поводу денежных и торговых дел. После смерти ему оказали величайшие почести: гроб с телом внесли в синагогу и поставили около ковчега, после чего произнесли все положенные надгробные речи. Все жители местечка собрались на его похороны.

Реб Шмуэл Эпштейн был женат на женщине из семьи Аркович. Глубокий старец, праведный и простодушный, он сажал меня к себе на колени, когда мой дед, ходивший к нему по своим делам, брал меня с собой. Мне тогда было около пяти лет.

Его зять, Шимен-Цви Скакальский, бывший знатоком Торы и выучившийся на раввина, занимался крупными торговыми делами, а также сдавал рыбакам в аренду озера в Полесье. Однако в какой-то момент он заключил неудачную сделку и лишился всего, что нажил.

Между тем его тесть, престарелый раввин, давно хотел оставить свою должность и уехать в Страну Израиля. После того как его зять разорился, старик предложил руководству общины, чтобы тот стал его преемником. Простые люди, жившие в местечке, восприняли эту идею с восторгом, поскольку зять раввина был обходительным и проницательным человеком, пользовался всеобщим уважением и людям нравились его выступления в синагоге. «Люди Торы», прежде всего даян реб Шмарья и реб Пейсах Гринвальд, выступили резко против. Если старый раввин решил ехать в Эрец-Израиль, говорили они, не нужно его удерживать, а следует объявить, что место раввина вакантно, как это принято в общинах Израиля.

Однако их оппоненты в конечном счете победили. Старик действительно поехал на Святую землю, однако по какой-то неизвестной мне причине вернулся с полдороги и до конца своих дней был раввином в какой-то небольшой общине, а его зять был раввином Грозова на протяжении почти десяти лет.

Раби Шимен-Цви полюбился всей общине еще и потому, что жил именно так, как пристало настоящему раввину. Каждый день после утренней молитвы он давал урок Талмуда для местных йешиботников, которые ели за его столом, а дважды в год, в Великую субботу и Субботу раскаяния⁹¹⁶, произносил речи в синагоге — к всеобщей радости как мужчин, так и женщин, заполнявших в эти дни синагогу.

В результате вышеупомянутого конфликта раввин вынужден был уехать из Грозова. Его преемником стал раби Хаим-Фишл Эпштейн, пользовавшийся любовью простых евреев, поскольку его выступления покоряли сердца слушателей. Лучшие люди городка во главе со старостой синагоги реб Шмарьей Шульманом, напротив, невзлюбили молодого раввина, найдя у него два непростительных недостатка: во-первых, один раз он принял участие в сионистской конференции, а во-вторых, публиковал в юности сионистские стихи в журнале «Га-Писга»⁹¹⁷. Впрочем, со временем молодой раввин решил, что ему нужно сблизиться с лучшими, то есть наиболее состоятельными людьми местечка, — несмотря на симпатию, которую он испытывал к простому народу.

⁹¹⁶ Субботы накануне Пейсаха и Йом-Кипура. Согласно традиции, в эти субботы раввины произносили речи, обычно посвященные законам наступающих праздников. — *Прим. пер.*

⁹¹⁷ «Га-Писга» (иврит) — «Вершина» — протосионистский журнал, издававшийся в конце XIX в. в США.

Старик действительно поехал на Святую землю, однако по какой-то неизвестной мне причине вернулся с полдороги и до конца своих дней был раввином в какой-то небольшой общине...

Вспомнился мне один случай. У одного агента, получившего от местечковых торговцев значительную сумму, чтобы привезти из Минска заказанные товары, эти деньги украли из дома. В краже заподозрили одного бедного еврея. Что же сделал раввин, чтобы найти вора? Собрал всю общину в синагоге, велел зажечь черные свечи, и под звуки шофара провозгласил отлучение в соответствии с общепринятым текстом. Этот случай возмутил народ. Женщины тоже заволновались, поскольку после отлучения в местечке возросла младенческая смертность.

Вот еще один случай. В Грозове существовал обычай продавать в ночь праздника Симхес-Тойре право возглавлять танцующих во время гакофойс со свитком Торы в руках. Назвавший большую цену получал право произнести при этом необходимый текст. Естественно, основная часть этих почестей доставалась местным богачам во главе с раввином. Однажды простые евреи, обычно молившиеся в коридоре синагоги, однако в ночь праздника заполнившие главный молитвенный зал, решили осчастливить кого-то из бедняков. Однако Лейбл Сегалович, упрямый зажиточный еврей, набивал цену до тех пор, пока остальным не пришлось сойти с дистанции. Народ толпился и ждал, кого Сегалович удостоит этой чести, поскольку все полагали, что он примет во внимание их желание. Как же поступил наш упрямец? Предоставил честь произнести первый текст раввину, а затем отдал ему и все остальные. В синагоге начался страшный скандал. Молитва и кружения со свитками Торы были сорваны, дети лишились законной радости. В результате в местечке произошел раскол, доходы раввина резко сократились, и он вынужден был искать другое место.

Получив раввинский договор из литовского местечка Сейны, раввин оставил Грозов. В годы Первой мировой войны, когда литовские евреи были изгнаны из мест своего проживания, раввин, оказавшийся в числе беженцев, приехал в Слуцк, где ему помог реб Алтер Маѓаршак. Затем он уехал в Америку, возглавлял общины в Сент-Луисе и Чикаго, где и скончался.

Молодежь Грозова

Если говорить о молодежи нашего местечка, то она делилась на две группы: способных молодых людей и обычных заурядных парней. Последние, окончив свое обучение в хедере, выбирали ту же профессию, что и их отцы: торговали в лавке, становились ремесленниками или возчиками... Более способные отправлялись куда-нибудь учить Тору. Самые талантливые уезжали в большие известные йешивы в Мире, Телзе, Радине и т. д. По большей части местом изучения Торы являлся Слуцк, где было несколько малых йешив. Те, кому надоедало жить в нужде, «есть дни» и спать на жестких скамьях дома учения, возвращались в Грозов и вливались в жизнь местечка, становясь обычно подмастерьями.

Дети из зажиточных семей выбирали себе легкую и чистую профессию, весьма востребованную в тогдашнем Грозове: становились переписчиками святых текстов. В самом деле, где найти еврея, которому не нужны мезуза или тфилн? В местечке жил йешиботник, занимавшийся этим делом, и эти ребята шли к нему учиться. Однако через некоторое время другой йешиботник, из Слуцка, женился на девушке из Грозова; он тоже оказался переписчиком святых текстов. (Слуцк, как известно, славился тем, что там учили на переписчиков. Этим занимались реб Хаим-Лейб Софер, реб Ѓилел Нозик,

---

Что же сделал раввин, чтобы найти вора? Собрал всю общину в синагоге, велел зажечь черные свечи, и под звуки шофара провозгласил отлучение в соответствии с общепринятым текстом.

реб Мордхе-Яков, реб Бен-Цион Шпилькин и многие другие.) Этот йешиботник нанял просторную квартиру и расставил в ней столы, за которыми сидели юноши, переписывавшие предназначенные на продажу свитки Торы, пока эта утомительная работа им не надоедала: во-первых, поскольку с ней было связано множество законов и устрожений, во-вторых, поскольку она требовала большой точности, а в-третьих, поскольку такое дело становилось не по душе молодежи, познавшей вкус Ѓаскалы.

Наконец, эпоха эмиграции в Америку наступила и в Грозове — после того как население местечка возросло, а находить работу и заработок становилось все труднее. Множество молодых людей уехали в США, где некоторые из них разбогатели.

Грозовские девочки не учились в хедерах, однако в местечке были женщины, учившие их читать молитвенник и писать на идише. Дочери бедняков в большинстве своем становились прислугой в Слуцке и других, более отдаленных местах.

Во времена моего детства в Грозове не было ни дипломированного врача, ни аптеки. Санитарное состояние местечка было ужасным. Единственным, кто оказывал медицинскую помощь, был Авром Фикус по прозвищу Ѓа-Ройфе («Лекарь») — представительный еврей с белоснежной бородой. В этом деле ему помогала жена. В базарный день его дом был окружен телегами мужиков, съезжавшихся из окрестных деревень. Авром лечил их от всех существующих болезней и недугов, а также ставил банки.

Смертность в местечке была очень высокой. Особенно свирепствовал туберкулез, не обходивший и зажиточные дома и не пощадивший даже семью самого Лекаря.

Государственная власть в местечке

Единственным начальством в местечке был урядник, от которого зависела судьба всех лавочников. Если он был обходительным человеком и принимал подношения, то заранее предупреждал о скором приезде «ревизии», и лавочники проворно убрали с прилавков запрещенные товары, которыми не имели права торговать⁹¹⁸. Если же урядник оказывался принципиальным, ревизор появлялся в местечке как гром среди ясного неба, и плохо тогда приходилось лавочникам из-за наложенных на них наказаний и штрафов. Мне рассказывали, что во время революции 1905 года урядником был садист по фамилии Кулак, который пал от руки неизвестного убийцы.

Местечковые евреи также пользовались некоторым самоуправлением в лице Мещанской управы⁹¹⁹. Жители городка тайным голосованием выбирали мещанского старосту — реб Хаима-Зусла Кригштейна.

⁹¹⁸ До революции евреи черты оседлости активно занимались контрабандой. Соответственно в лавках было много заграничных товаров. Кроме того, некоторые лавочники нарушали государственную винную монополию. — *Прим. пер.*

⁹¹⁹ С разрешения губернатора мещанские общества городов, где было введено городское положение, могли учредить для заведования делами общества мещанские управы; состав последних законом не определялся. Обязанности мещанских управ заключались в попечении о всех сословных делах, ведении списка мещан, выдаче видов на жительство, раскладке, с общественного согласия, и сборе всех платежей, лежащих на сословии. — *Прим. пер.*

Грозовские девочки не учились в хедерах, однако в местечке были женщины, учившие их читать молитвенник и писать на идише.

Авремеле-хосид

Как известно, хасидизм был не слишком распространен в окрестностях Слуцка. Поэтому среди евреев Грозова нашелся только один хасид, преданный своему наставнику (их называли рабеим или цадикиим). Каждый год перед Рош-ѓа-шоне он оставлял дом и семью, брал посох и мешок и пешком отправлялся ко двору наставника, чтобы провести праздник и Грозные дни в обществе других хасидов.

Этот человек был учителем маленьких детей и пользовался любовью и симпатией всех, кто его знал. Он был весельчаком и знал, как развеселить народ в праздник Симхес-Тойре. В этот день он надевал свою капоту наизнанку, брал в руки метлу и отправлялся, сопровождаемый толпой детей, плясать по улицам местечка, распевая хасидские напевы.

Старый раввин раби Шмуэлке

Этот человек скончался в Грозове в 1893 году. В том же году умер реб Нафтоли Рабинович, местечковый резник и хазан.

Об этих людях мне довелось слышать такую шутку: как-то раз раввин и резник ехали в санях из Слуцка в Грозов. В дороге сани перевернулись, и реб Нафтоли вывалился лицом вниз. Прочие пассажиры начали смеяться и насмехаться над ними. Однако раби Шмуэлке, известный своей ученостью, заставил их замолчать, правда, не удержался и тоже пошутил: «Тише, тише! Разве вы не знаете, что запрещено разговаривать во время хазорас-ѓа-шац?»⁹²⁰

Реб Исроэл Перельман

Помимо Берла-Хаима Грозовского, упомянутого выше, в местечке было еще несколько меламедов. Одним из них был учитель Талмуда реб Исроэл Перельман из семьи Бороховых. По субботам и праздникам он читал в синагоге Тору, а кроме того, был одним из тех, с чьим мнением считались во всех общественных делах, начиная с выбора раввина или резника. Стоило в местечке вспыхнуть какому-либо спору, его голос гремел в синагоге так, что было слышно во всех углах.

Таким был Грозов во времена моего детства, примерно шестьдесят лет назад. Страшный удар, поразивший всю территорию бывшей черты оседлости, не миновал и это местечко. Достоверные сведения о том, что происходит там сегодня, до нас не доходят. По словам одного из вернувшихся в город, в 1946 году Грозов посетил демобилизованный советский солдат, который искал там евреев и нашел одну-единственную еврейку по фамилии Вендров. Как мне кажется, эта женщина — из потомков портного реб Шмуэла, который вел в синагоге утреннюю молитву.

Пусть эти воспоминания послужат увековечению местечка, ставшего моей колыбелью; местечка, которое было и которого не стало.

⁹²⁰ Игра слов. *Хазорас-ѓа-шац* (иврит в ашкеназском произношении) — повторение молитвы хазаном (согласно обычаю, некоторые молитвы молящиеся сначала читают про себя, а затем хазан повторяет их вслух). Однако у корня «х-з-р» два основных значения: «повторять» и «возвращать(ся)». Слова р. Шмуэлке можно перевести как «возвращение хазана», т. е. запрещено говорить, пока хазан не вернется (в сани). — *Прим. пер.*

Менделе Мойхер-Сфорим

Отрывок из книги «Ба-йомим го-гем»

«Однажды летом в город приехал старый, низенький и пузатый, однако с приятной внешностью человек. Все говорили: почтенный гость прибыл в наш город, раби Нохем из Розова — тот самый, который “пришел, чтобы проститься с вами с миром”.

Все знали эту фразу: “пришел, чтобы проститься с вами с миром”. Что же она означала? Когда раби Нохем из Розова выдал замуж свою младшую дочь и остался на старости лет одиноким вдовцом, он решил уехать в Эрец-Исраэль, чтобы там умереть. Однако вплоть до своего смертного часа человек нуждается в заработке. Кроме того, ему нужно жениться и содержать жену. Но если для этого у него нет денег, то что же делать?

Раби Нохем поступил так же, как поступают в таких случаях другие евреи. На протяжении нескольких лет он ездил из города в город, посещая общину за общиной, и, расставаясь с ними, произносил прощальное благословение и собирал пожертвования, а если удавалось, то находил тех, кто соглашался жертвовать ему ежегодно. Подобный способ зарабатывать на «прощаниях» считался у евреев достойным и чистым заработком. При этом статус того, кто собирался ехать умирать в Страну Израиля, был выше, чем у всевозможных нищих и бездельников и даже погорельцев и агунес. На такого человека смотрели, словно он — Иерусалим во плоти, пахнущий прахом кладбищ Святой земли. Хотя он ест и пьет, плодится и размножается, как живой, он все равно считается умершим.

Несколько лет разъезжал раби Нохем по городам Израиля⁹²¹, и его труды не оказались, не дай Бог, напрасными. Его обильно кормили и поили, приглашали в гости кто к завтраку, кто к ужину, когда же он собирался уезжать и начинал прощаться, давали ему деньги и провизию в дорогу. За это раби Нохем обещал помолиться за них на могиле раби Меира-чудотворца и послать им немного земли Израиля⁹²².

Раби Нохем не разочаровал и Копыль, в один из летних дней решив попрощаться и с копыльскими евреями. А надо вам сказать, что летом тамошние евреи обычно ужинали при свете луны, а когда луны не было видно, при свете сделанной из жира свечи ценой в один грош. За ужином не засиживались, но быстро произносили благословение после трапезы и “Шма...”, которое читают перед сном⁹²³, — или, немного подождав, выходили немного прогуляться на свежем воздухе. И вот как-то летней ночью, когда полная луна светила мягким приятным светом, ужин у реб Хаима проходил совсем не так, как обычно. Стол был прекрасно сервирован, а свечи в медных подсвечниках горели, словно в субботу. Все эти перемены произошли в честь раби Нохема из Розова. Реб Хаим пригласил его к себе на ужин. За столом шла долгая беседа о Стене плача и пещере Махпела, Масличной горе и могиле праматери Рахели, и о всех прочих развалинах и могилах. И без того сладостную беседу подслащали фигами, финиками и гранатами, виноградом и “плодом лозы”⁹²⁴ и даже плодами стручкового

Когда раби Нохем из Розова выдал замуж свою младшую дочь и остался на старости лет одиноким вдовцом, он решил уехать в Эрец-Исраэль, чтобы там умереть.

⁹²¹ То есть по городам и местечкам, где были еврейские общины. — Прим. пер.

⁹²² Существует обычай класть в гроб немного земли из Эрец-Исраэль. — Прим. пер.

⁹²³ То есть сразу ложились спать. — Прим. пер.

⁹²⁴ То есть вином. — Прим. пер.

дерева. Собравшиеся вокруг стола ели с величайшим аппетитом, но слушали гостя в оба уха.

Раби Нохем любил поговорить. Он рассказывал и рассказывал, как будто недавно приехал оттуда и видел все это своими глазами. Он рассказывал, а все прочие внимали ему с любовью, трепетом и уважением и в глубине души завидовали, что он удостоится взойти в Эрец-Исраэль. Ведь что такое Страна Израиля и Иерусалим? На первый взгляд, страна как страна, город как город: земля и пыль, мусор и грязь — решительно как в любом другом месте. Так это выглядит, но на самом деле это совсем не так! Но что это на самом деле, объяснить невозможно, поскольку хранится глубоко в сердце. Нееврейям этого не понять, однако евреи чувствуют и понимают.

От разговоров о священных предметах сотрапезники перешли к беседе о делах мирских. Раби Нохем много поездил и побывал во многих еврейских домах, чтобы попрощаться и получить пожертвования; много повидал и много услышал в тех краях, где ему довелось побывать...»

ВЫЗНА

Вызна — местечко Минской губернии, Слуцкого уезда⁹²⁵; принадлежало наследнице князя Витгенштейна княгине Гогенлоэ. В имени около 5 тыс. десятин. Жителей 958 человек, 2 синагоги, больница, 5 лавок».

(Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона)

Вызна — маленькое местечко, в котором жили сто пятьдесят еврейских семей. В нем были две синагоги, раввин и резник. Жители местечка в подавляющем большинстве были глубоко религиозными людьми и знатоками Торы. Даже местные вольнодумцы соблюдали заповеди и придерживались традиции. При синагоге действовали братство изучающих Талмуд и братство изучающих Мишну, а также ссудная касса, выдававшая нуждающимся беспроцентные ссуды. Сколь приятно было видеть евреев, отложивших свои заботы и раскачивающихся над страницей Талмуда или главой из Мишны!

Жители Вызны зарабатывали на жизнь так же, как и во всех окрестных местечках, были лавочниками, коробейниками, агентами и приказчиками лесоторговцев... Своих сыновей они посылали в йешивы Слуцка, Мира и Воложина, а некоторые — в гимназию. Несколько раввинов-уроженцев Вызны стали раввинами различных городов — например, раби Менахем-Мендл и раби Мойше-Яков Менделович.

Первого раввина Вызны звали раби Шабсай-Ойзер из Вильны. Его преемник, раби Йехиэл-Михл Айзгур, был известен во всей округе. Последним раввином местечка стал раби Мойше-Мейшл Вайнер.

Евреев-сионистов родом из Вызны можно было встретить и в Израиле, и в США. Один из них — писатель д-р Рувен Валенрод. Евреи Вызны жестоко пострадали в 1921 году во время вторжения отрядов генерала Булак-Балаховича; многие молодые девушки были обещаны.

При синагоге действовали братство изучающих Талмуд и братство изучающих Мишну, а также ссудная касса, выдававшая нуждающимся беспроцентные ссуды.

⁹²⁵ После 1923 г. — поселок Красная Слобода Солигорского р-на Минской обл.

р. Мойше-Яков
Менделович
(скончался
в Нью-Йорке)

В 1941 году местечко было практически полностью уничтожено, а все местные евреи убиты нацистами⁹²⁶.

Мое местечко Вызна

И. Кантор

Солнце еще не взошло, но уже чувствуется мягкое тепло. Коровы выплывают из хлевов и выстраиваются на рыночной площади. Их мычание сопровождается щелканьем пастушьего кнута. Пастух — юный озорник со светлым чубом, который трепещется на ветру. Его маленькие серые глазки смотрят вдаль, на мир. Моя мама гонит нашу корову палкой. Та идет в стадо с другими коровами, которые направляются в поле.

Я смотрю через окно на лавки, что на рыночной площади. Слышится звон молота, бьющего по железу, — это работает мой сосед Копл. Крестьянин с распущенными волосами, в лаптях, белых льняных штанах и белой подпоясанной рубахе осматривает кусок железа, платит, недоверчиво крутя головой, как будто цена слишком высока, и исчезает.

Евреи спешат домой из синагоги, они в длинных плащах, выпачканных грязью. Мошке-резник, еврей с радостным лицом, длинной бородой и черными живыми глазами, несет под мышкой талес и тфилн. В другой руке у него легкие и печень теленка, которого он только что зарезал.

Мина, дочь Касриэля, стоит с раннего утра до вечера на рынке с кадкой, полной белых булок, которые она называет «пироги». Случается, что крестьяне из окрестных деревень покупают белый хлеб, — тогда они ломают грязными руками эти «пироги», запихивают их в рот и жуют с наслаждением.

⁹²⁶ Красная Слобода была захвачена немецкими войсками 27 июня 1941 г. Евреев согнали в гетто, которое просуществовало до весны 1942 г. Осенью 1941 г. немцы провели первый массовый расстрел евреев поселка, убив около 900 человек. — *Прим. пер.*

ем. А Мина снова кричит: «Пирог!» — таким пронзительным голосом, что уши закладывает.

На рынке появляется телега — люди что-то привезли на продажу: пару кур, решето с яйцами, живого теленка, который лежит со связанными ногами и мычит так жалостливо, что хочется оплакать его горькую судьбу. Вскоре подъезжают новые телеги. Возницы распрягают лошадей, привязывают им на головы мешки с овсом. Появляются торговцы, конюхи, мясники с красными лицами, в высоких сапогах. Они шагают медленно, останавливаются у возов, трогают теленка и спрашивают у крестьянина по-русски: «Сколько?» Крестьянин чешет затылок и выдавливает из себя пару слов, потому что он уверен: его хотят одурачить. Приходят конюхи и проверяют лошадь. Ее удерживают на веревке, а конюх бежит впереди. Лошадь спешит за ним с такой скоростью, что лучше не стоять у нее на пути.

Понемногу рынок заполняется, представляя собой мешанину из людей, коней и возов с задранными оглоблями. Солнце поднимается высоко в небо. Несмотря на жару, торговцы заняты своими делами. Окна открыты, из них выглядывают молодые черноволосые девушки, они болтают между собой.

Мне ясно помнится пожар в местечке. На скошенной верхушке церкви жутко звонит колокол. Помню испуганные глаза моей мамы, ее заламывание рук, тревожные вскрики: «Где горит?» Массивный столб огня вперемежку с дымом висел над крышами местечка и наводил на всех ужас. Вылетела пожарная команда, кони с отчаянным ржанием тащили бочки с водой, и насосы заработали во всю прыть. Когда пламя успокоилось и настала ночь, разнесся плач погорельцев, женщин и детей, который перемешался с тихим ветром и ночными снами.

Так проходили будние дни в моем местечке Вызна, а затем наступал канун субботы.

Мама разжигает печку; вместо черного хлеба мы едим «праздничную булку», беловатую на вид, и картошку. После завтрака мы идем на полдня в хедер. Он представляет собой большую комнату с двумя длинными столами, сдвинутыми вместе. Мы сидим на скамьях, перед нами открыты книги Торы, и мы повторяем фразу за фразой вслух за нашим наставником, меламедом реб Арном. В углу у печи сидит хозяйка, Рейзеле Завлс, и смотрит в горшок с картошкой, который держит на коленях. Она ест, поглядывая на ребе и на нас. Со стен глядят фотографии их сына, дочерей, внуков — все они похожи на нее. Они живут в Америке.

В двенадцать часов мы идем домой. Дома царит спешка. Мама и наша соседка топчутся у печи. Я убегаю на реку. На берегу я раздеваюсь и прыгаю в довольно грязную воду. Я не умею плавать и просто купаюсь рядом с лошадью, которую Арчик-балагола привел сюда, желая сделать ей приятное. Лошадь мутит воду, брызгает на меня и ржет. Ватага мальчишек плывет на другой берег, в Савичево, там они ложатся на траву и смотрят на купающихся девушек.

Я прихожу домой. Мама еще занята уборкой и боится опоздать с зажиганием субботних свечей. Солнце садится на западе, пропадая в красно-красном пламени. Темные тени врываются в дом, и чувствуется, что приближается святая суббота.

Мама злится на меня: «Займись чем-нибудь и не крутись у меня под ногами». Я смываю нагар со стекла лампы и сам вымазываюсь, как черт.

Массивный столб огня вперемежку с дымом висел над крышами местечка и наводил на всех ужас.

Мойше Неймарк

Моюсь холодной водой и иду с братьями в синагогу. Старое здание набито евреями, одетыми в субботние сюртуки; молящиеся с наслаждением раскачиваются у своих пюпитров. Горят яркие лампы, и в синагоге светло. Я сижу и разглядываю людей. Сначала мне в глаза бросается ребе: длинная черная борода, длинный атласный сюртук с красивым поясом. Велв-шамес, старый еврей с искривленной спиной и маленькими глазками под выпуклым лбом, облаченный в талес, поет с бимы «Леху неранено...»⁹²⁷ Весь народ повторяет эти слова.

Мы приходим из синагоги домой и застаем дом совсем иным, вычищенным и светлым. Свечи горят, и свет их сливается с сиянием лампы. Мы все желаем друг другу доброй субботы.

Поздно вечером после плотного ужина с бульоном и компотом я укладываюсь в кровать. Мой самый младший брат спит со мной вместе. Он уже видит сны. Пусть ему приснится хороший сон! В окно заглядывают луна и искрящиеся звезды. Я слышу, как в комнате родителей мама читает молитву «Шма...»⁹²⁸

В субботу утром, когда я прихожу в синагогу, мне в лицо бросается поток теплого воздуха. Бородатые евреи рассматривают меня неодобрительно: почему я пришел так поздно? Я сажусь и вплетаю свой голос в общую молитву. После обеда мы идем к реке, чтобы окунуться. Искупавшись, я залезаю на дерево, трогаю листок — и ощущаю, как он передает силу в мое тело.

Днем после молитвы я уже не иду домой, а сажусь у входа в синагогу и встречаю сумерки. Через полчаса зал заполняется вновь. На биму поднимается мясник Элийоѓу-Лейб и начинает вести общественную молитву.

Мне кажется, что крыша распахнулась и наши слова в спустившейся на местечко темноте поднимаются ввысь, как искры костра, и там, в небе-

⁹²⁷ *Леху неранено...* (иврит в ашкеназском произношении) — «Давайте воспоем...» — начало субботней молитвы. — *Прим. пер.*

⁹²⁸ «Шма...» (иврит) — молитва, произносимая несколько раз в день, в том числе перед сном. — *Прим. пер.*

сах, присоединяются к звездам. Небо раскалывается, ангелы с огненными крыльями затягивают молитвы в честь Всевышнего, а Элийогу-Лейб смиренно стоит перед Его троном.

Потерянное поколение (фрагмент)

Р. Валенрод

«Приехав в Вызну на праздники, он почувствовал, что там многое изменилось. Местечко казалось гораздо более безлюдным и гораздо более печальным. Исчезли голоса йешиботников, звучавшие во время чтения Торы; торги за вызовы к Торе проходили куда ленивее, чем прежде. Среди его ровесников тоже многое изменилось. Большинство из них забросили изучение Талмуда. Некоторые из них жили с родителями и тайно почитывали романы. Другие занялись торговлей, обходили окрестные деревни и ходили по улицам местечка быстрым уверенным шагом, подобно людям, выбравшим свой жизненный путь.

Никто не обращал внимания на его гимназическую форму, а взрослые больше не разговаривали с ним с особой, полунасмешливо-полууважительной интонацией. Ему рассказали о людях, с которыми он вырос, погибших во время войны. Среди них был Длинный Ѓиршл, или, как его стали называть после того как он вернулся из Америки, Ѓиршл Ата-бой, который обычно сидел на пороге своей лавки на рынке, у низкого зеленого забора вокруг участка, и рассказывал байки крестьянам или играл в мячик с маленькими детьми. Американцев Айзик представлял по образу и подобию Ѓиршла Ата-боя: высокими и добродушными, в высоких желтых ботинках и модных пиджаках, широкоплечими, перебрасывающимися разноцветными мячами. По обе стороны улицы стоят высокие дома с распахнутыми настежь окнами, а из окон выглядывают отцы и матери, женщины и дети, которые подбадривают игроков и кричат им: «Ата-бой!»

Когда началась война, Длинный Ѓиршл оказался одним из немногих жителей местечка, кто во всех спорах неизменно защищал Россию.

– Ты не понимаешь, что такое патриотизм! — гневно кричал он на своего оппонента. — Когда родина зовет, все сыны отчизны должны встать на ее защиту, все счета нужно отложить до конца войны!

И действительно, когда подошла его очередь, Ѓиршл оставил молодую жену, худенькую и стройную, смотревшую на него с обожанием, и двух маленьких детей. Практически сразу после отправки на фронт Ѓиршл пропал без вести. Никто не знал, где он и что с ним. Друзья полагали, что он погиб где-то в Восточной Галиции.

Погиб и Пейсах, сын мясника Шмуэла, совавшего руки в каждую телегу, приезжавшую на рынок. Пейсаху Шмулису⁹²⁹ было около двадцати, однако у него было лицо подростка, и он нередко играл с маленькими детьми, выходящими из синагоги в то время, когда там поминали усопших⁹³⁰. Еще он кидал репьи в лохматую бороду портного Йоши-Элии, и тот начинал кричать и гоняться за шалуном, в то время как собравшиеся в синагоге коло-

Практически сразу после отправки на фронт Ѓиршл пропал без вести. Никто не знал, где он и что с ним. Друзья полагали, что он погиб где-то в Восточной Галиции.

⁹²⁹ То есть сыну Шмуэла. — *Прим. пер.*

⁹³⁰ Согласно обычаю, в то время, когда в синагоге читают поминальные молитвы по родителям (*Изкор*), те, чьи родители живы, выходят из синагоги. — *Прим. пер.*

Визнанский резник
Мойше-Ицхок Кантор
(1860–1915). Знаток
Торы, пламенный
сионист, родственник
профессора Меера
Ваксмана

тили ладонями по пюпитрам. В Йом-Кипер Пейсах был одним из тех, кто предлагал пузырек с каплями, которые бодрили, если их понюхать.

Зато Мишеле, сын раввина, всегда нарядный и красивый, организовавший в местечке «кружок интеллигенции», гулял с девушками, держа под мышкой газету или книгу, прихрамывая во время беседы: по совету родственников Мишеле сам нанес себе увечье — «секрет Полишинеля», известный всем и каждому.

Одна картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Кузнец Меер, высокий и тощий, стоит над трупом польского солдата, держа в руках оглоблю. Позже Айзик узнал, как было дело. Когда в местечке появилась польская кавалерия, все жители попрятались в своих домах, чтобы переждать, пока минует опасность. Однако Липа, синагогальный служка, вышел из дома набрать воды из колодца. Внезапно к нему подскочил польский солдат:

– Напои мою лошадь!

Стоило Липе поставить ведро перед конем, как солдат хлестнул его нагайкой по лицу. Он отпрянул, однако улан пригрозил ему нагайкой, и Липа опять протянул лошади ведро. Тогда солдат вскочил на коня и наехал на бедного служку так, что тот рухнул на землю. Тяжелое ведро опрокинулось, и вся вода вылилась на Липу. Пьяный улан расхохотался, видя, как служка корчится на земле, с ужасом глядя на своего мучителя.

– А ну, вставай, грязный жид, пся крев! — крикнул пьяный, хлестнул Липу нагайкой, а затем выхватил саблю и схватил служку за бороду.

Евреи, милосердные сыны милосердных, смотрели на это из щелей, а затем бросились кто куда, пока не нашли Айзика. Когда Айзик с товарищами⁹³¹ подошли, они увидели, что солдат лежит, истекая кровью, рядом с ним, сжимая в руке оглоблю, стоит кузнец Меер, а Лейбл стоит рядом с отцом и смотрит на него с любовью и восхищением.

⁹³¹ По отряду самообороны. — Прим. пер.

Когда евреи начали по одному выходить из своих домов, Лейбл недовольно сказал им:

– Чего вы тут стоите без дела? Отнесите труп в сад и закопайте. Или вы хотите дожидаться, пока явятся его товарищи или об этом узнают христиане?

В местечке началась эпидемия тифа, унесшая множество жизней. Трупы садами и огородами относили на кладбище, находившееся рядом с большой сосновой рощей. Не проходило ни дня без похорон. Если в один день умирали несколько человек, их хоронили вместе: двое-трое носилок несли друг за другом. Скорбящие шли за гробом, утопая в снегу. Поскольку все боялись ям по краям дороги, трудно было сосредоточиться на трагедии и заплакать. Больше всего все беспокоились о детях, которых оставили дома, поскольку в отсутствие взрослых с ними могло случиться что-нибудь ужасное. Ибо нельзя было предугадать, кто войдет в местечко по царской дороге, в то время как они медленно бредут по заваленным снегом окраинам.

Так и тащились евреи за черными носилками, проваливаясь в глубокий снег, то и дело оглядываясь, и быстро возвращались назад, а впереди и позади них шли парни из отряда самообороны.

В тот день умерли двое, отец Лейбла и мать Айзика. Для них устроили общие похороны. На этот раз оба парня шли за черными носилками, а остальные ребята с пистолетами в карманах шествовали впереди и по бокам.

Согласно обычаю, покойников предали земле еще до захода солнца. Голос отца Айзика донесся, словно издали:

– Айзик, ты скажешь кадиш⁹³²?

Сын не знал, что ответить отцу. Само собой у него вырвалось:

– Нет.

Отец не смотрел на него и лишь повторял:

– Айзик... Айзик мой...

– Ты же знаешь, что я не верю в Бога. Кадиш — зачем это нужно?

Произнеся эти слова, он словно бы услышал их со стороны. Прозвучав, они приобрели дополнительный вес, стали тяжелыми и грозными. Их можно было упрямо повторять снова и снова. Ему было неудобно перед людьми, но тут он словно обрел силу. Между тем отец с отчаянием спрашивал снова и снова:

– Айзик, неужели ты не прочтешь кадиш?..»

В местечке началась эпидемия тифа, унесшая множество жизней.

ВЕРХУТИНО

Хен

«**П**осреди бескрайних густых лесов, где воздух чист и радует душу, в 1906 году возникло еврейское селение. В укромном уголке, окруженном зелеными лугами и вековыми деревьями, стоял особняк княгини Гогенлоэ, построенный на широком холме. Время от времени княгиня приезжала в свое имение, чтобы отдохнуть на лоне природы. В поместье распоряжались управляющий и работники, жившие неподалеку.

⁹³² Здесь имеется в виду *кадиш ятом* (иврит) — кадиш сироты — поминальная молитва. — *Прим. пер.*

Неожиданно все изменилось. Лес продали фирме Фрица Шульца из Лейпцига. Фирма построила лесопилку и фабрику по производству фанеры. Из Старых Дорог в Верхутино протянули железнодорожную ветку.

Вместе со свистками паровозов и заводским гудком в эти места пришла новая жизнь. Для рабочих, трудившихся в две смены, построили дома. Началась вырубка высоких раскидистых деревьев, которые отправляли на лесопилку. Появились и новые лица: евреи из Минска, Вильны, Варшавы и даже Кёнигсберга и Берлина, приезжавшие по торговым делам. По соседству от удобных жилищ для рабочих появились частные дома, выстроенные десятками еврейских семейств, решивших поселиться в Верхутине, а также неевреями, зарабатывавшими на жизнь торговлей. Среди новоселов были лавочники, комиссионеры, приказчики, владельцы номеров и т. д.

В результате возникла небольшая община, в которой было два миньяна, хасидский и миснагедский. Появился в поселке и “прогрессивный хедер” с преподаванием на иврите, и даже немногочисленная интеллигенция. Летом в Верхутино приезжали дачники, чтобы насладиться тенью деревьев, сосновыми рощами и сухим климатом. Дни были солнечными, ночью в домах и на улицах горело электричество — благодаря лесопилке, работавшей днем и ночью и обеспечивавшей поселок дешевой электроэнергией.

Открылось почтовое отделение, благодаря чему почти в каждом доме получали газеты на русском, иврите и идише. Родители посылали сыновей учиться в йешиву в Лиду или в слуцкую йешиву “Эц хаим”, а некоторые — в гимназию или коммерческое училище.

Частая смена власти также сопровождалась переменами и изменениями, оставлявшими след в жизни евреев этого маленького поселка. В 1942 году еврейское население Верхутино было уничтожено.

Где же вы, дорогие мои евреи, служившие примером для подражания благодаря своему образованию и доброте? Я хорошо помню многих из вас.

Реб Азриэл-Зелик, резник, ставший комиссионером, — знаток Торы, бывший ученик Воложинской йешивы, любознательный, образованный

В результате возникла небольшая община, в которой было два миньяна, хасидский и миснагедский. Появился в поселке и “прогрессивный хедер” с преподаванием на иврите...

Азриэл-Зелик Хинич

Гинда-Рохл Хинич

сионист и любитель иврита. Его дом служил местом собрания ученых, очагом Торы и Гаскалы.

Реб Лейви-Ицхок Гальперин, регулярно учивший Тору, местный хазан, отличавшийся красноречием.

Мясник Мордхе, любивший людей и пользовавшийся их любовью.

Реб Довид Каценельсон, поборник иврита и Гаскалы, пламенный сионист и человек культуры.

Братья Фиш — интеллигенты и верные поборники Гаскалы.

Голдман, тучный еврей, настоящий богатырь, работавший приказчиком, давший своим дочерям хорошее образование.

Реб Нох Вайнштейн, глубоко религиозный еврей, работавший бухгалтером и гордившийся своими познаниями в Торе.

Братья Дубровские. Старший из них разбогател и нажил большое состояние. Младший, Довид, так и остался простым евреем, добрым и всеми любимым.

Портной Лейба. Кто не знал портного Лейбу, обладателя роскошной бороды, обремененного многочисленным семейством? “Благословен Господь за каждый день и за все, что Он нам посылает”, — говорил он, постоянно занятый заботами о своих многочисленных детях и сыпавший различными изречениями. Вера и упование на Бога служили ему путеводными звездами. По субботам и праздникам сыновья приходили вместе с ним на молитву, приговаривая: “Нас одних хватит на целый миньян”.

Элийоу Буднич, пекарь и владелец гостиницы. Его дочери были красавицами, их смех был слышен далеко вокруг. Их дом стоял напротив железнодорожной станции, рядом с почтой, и был открыт для всех.

Реб Биньомин Шнейдерман, приехавший в Верхутино с Волыни, — честный, прямодушный еврей, владелец продуктовой лавки. Члены его семьи очаровали жителей поселка своей простотой и открытостью.

Семья Радунских, приятные и честные люди.

Семья Глиник. Глава семейства стал учителем иврита в США, человек весьма образованный. Его дом был центром Торы и просвещения.

Где же вы все, чистые и непорочные? Безжалостная рука дьявола положила конец вашей жизни.

Пусть же этот список станет памятником и тем, чьи имена не были упомянуты, чтобы память о них сохранилась до конца времен!»

ТИМКОВИЧИ

Мое местечко

Раввин М.-А. Палеев

«**П**еред моим мысленным взором встает, как живое, местечко Тимковичи — место, где я провел свои детские годы в родительском доме, хедерах и доме учения. Я хорошо помню моего отца и наставника реб Исроэла и мою маму Хаву, мечтавших вырастить своих сыновей для Торы, — подготовить их так, чтобы они оказались достойными быть принятыми в йешиву и даже, Бог даст, со временем смогут стать раввинами. Так рассуждали не только они, но и большинство жителей местечка.

р. Мойше-Арно Палеев

Стоит отметить, что, не считая нашего местечка, во всем Слуцком уезде не было ни одной синагоги и даже просто миньяна, где бы молились по сефардскому обряду.

В местечке были три синагоги: Большая, где молились раввин и большинство жителей, Холодная, которой пользовались летом, и Малая, которую называли хасидской молельней, там молились по сефардскому канону. В субботу, как это принято у хасидов, там устраивали третью трапезу и распевали субботние гимны. Стоит отметить, что, не считая нашего местечка, во всем Слуцком уезде не было ни одной синагоги и даже просто миньяна, где бы молились по сефардскому обряду. В Малой синагоге собирались люди из обеспеченных семей и представители местной интеллигенции, выписывавшие “Га-Мелиц” и русские газеты. Раввин молился там только раз в год, в ночь праздника Симхес-Тойре, когда хасиды, согласно своему обычаю, устраивали шумные веселые танцы со свитками Торы и приглашали раввина произнести речь, посвященную празднику.

Евреи Тимковичей, как и все евреи маленьких белорусских местечек, в большинстве своем были небогаты. Среди них было много ремесленников, обслуживавших преимущественно окрестных крестьян. Всю неделю они объезжали близлежащие деревни и торговали с мужиками: покупали у них сельхозпродукцию, а продавали бруски мыла, соленую рыбу и всяческую галантерею. В канун субботы они возвращались домой и оставались в местечке до воскресенья. Самые зажиточные держали лавки на рыночной площади, где продавали крестьянам все, что нужно для дома и поля. За исключением немногих избранных, евреи Тимковичей были бедняками, едва сводившими концы с концами.

Два дня в неделю, воскресенье и вторник, считались рыночными. Мужики из окрестных деревень привозили на продажу различные продукты и покупали все, что им было нужно.

Таковы были источники заработков. Однако, несмотря на бедность и нужду, духовная жизнь была ключом: все евреи были богобоязненными и соблюдающими заповеди. Каждое утро в синагоге собирался миньян, чтобы прочесть утреннюю молитву с восходом солнца. Старики, которым не нужно было куда спешить, рассаживались после молитвы вокруг

р. Элийогу
Говизнянский

стола и слушали слова Торы: главу из Мишны или отрывок из “Эйн-Яков”. Между послеполуденной и вечерней молитвами все столы дома учения были окружены ремесленниками, отложившими работу. Лавочники, оставив за прилавками жен, тоже спешили в синагогу, чтобы послушать законы из “Хаей-адам” или “Кицур Шульхан арух”. При этом по выражению их лиц легко было догадаться, что духовное наслаждение от изучения Торы намного превосходит удовольствие от дохода, приносимого торговлей или ремеслом.

Так обстояло дело на протяжении всего года. По субботам присутствие Всевышнего было заметно в каждом доме. За субботним столом собирались все домочадцы, а также бедняки и приезжие. Каждый глава семьи старался позвать к себе на субботу какого-нибудь гостя, чтобы даже последние бедняки могли насладиться трапезой и субботними песнопениями.

Как уже было сказано, большинство евреев Тимковичей были людьми Торы. Кто-то знал меньше, кто-то больше. Были среди них и настоящие знатоки Закона, имевшие право выносить религиозные постановления, которые, однако, не сделали Тору своей профессией⁹³³. Помню реб Аврома-Мойше Перлина, который в то время был уже глубоким стариком. В детстве он учился в Воложинской йешиве и был напарником величайшего знатока Торы раби Эли Файнштейна из Пружан. Несколько раз ему предлагали стать раввином Тимковичей, однако он неизменно отказывался и так и остался лавочником. Его познания в Торе были столь велики, что, когда один раввин уезжал из Тимковичей, реб Авром-Мойше исполнял его обязанности и отвечал на все религиозные вопросы вплоть до приезда нового раввина. Всю свою жизнь он непрестанно учил Тору.

Реб Арн Рачкевич тоже был знатоком Торы и тоже до конца своих дней так и остался лавочником. У него было еще одно важное качество: он приглашал йешиботников, когда те возвращались домой на каникулы: приглашал

Лавочники, оставив за прилавками жен, тоже спешили в синагогу, чтобы послушать законы из “Хаей-адам” или “Кицур Шульхан арух”.

---

⁹³³ То есть не захотели стать раввинами, хотя имели смиху. — Прим. пер.

их к себе домой, чтобы поговорить с ними и поддержать в них решимость продолжать учить Тору.

Реб Пейсах Комсичер прожил всю свою жизнь в деревне Комсичи недалеко от Тимковичей, однако на старости лет перебрался в местечко. Знаток Торы, знавший наизусть несколько трактатов Талмуда, он был постоянным напарником и оппонентом реб Аврома-Мойше Перлина. Реб Ицхок Шапиро, он же Иче-резник, настолько хорошо знал все законы ритуального убоя и проверки кашерности мяса, что раввины полностью ему доверяли.

Реб Йосл-Юдл, реб Лейзер, реб Нохем Брукс и реб Шлойме Перлес были местечковыми меламедами. Последний также считался замечательным магидом. Когда он произносил надгробное слово над кем-либо из знатных умерших, все слушатели начинали рыдать.

Местечковые меламеды были знатоками Торы, умевшими объяснить своим ученикам лист Талмуда. Многие из них хорошо знали Танах и в совершенстве владели святым языком. Одним из них был и мой покойный отец и наставник.

В Тимковичах было много “людей дела” — евреев, забросивших свою работу, жен и детей и занимавшихся общественными делами. Одним из таких людей был мой тесть Эли Есилс. Он занимался общественными делами, и ему было дело решительно до всего, что происходило в местечке. Реб Эли следил, чтобы хватало дров топить зимой синагогу, занимался устройством бани, заботился о сиротах и нуждающихся роженицах, собирал приданое для бедных невест и т. д. Другой общественный деятель, мясник реб Довид-Рувен, всю неделю обходил дом за домом, собирая хлеб для бедняков.

Многие жители местечка посылали своих сыновей учиться в йешивы. Некоторые из этих ребят впоследствии стали раввинами и духовными наставниками.

Раввины Тимковичей

1. Раби Эфроим (забыл его фамилию) был раввином с 1856 года и до конца 60-х годов. Рассказывали, что он никогда не отлучался из «шатра Торы» и пользовался симпатиями жителей местечка, которые любовно называли его раби Фройке. Судя по всему, он скончался в Тимковичах в очень преклонном возрасте. В местечке я знал многих людей, названных Эфроимами в честь этого раввина.

2. Раби Нох Рабинович, или, как его называли, раби Нейшке, был раввином местечка примерно до 1880 года. Большой знаток Торы, он написал две книги: “Мей-Ноах” и “Толдойс Ноах”⁹³⁴, в которых изложил свои оригинальные галахические идеи и толкования. Раби Рабинович стал тестем раби Боруха-Бера Лейбовича, возглавлявшего йешивы сначала в Каменце, а затем в Слободке. Покинув Тимковичи, раби Нох стал раввином литовского местечка Шадов⁹³⁵.

3. Раби Арн-Михл Дворецкий, сын раби Мойше-Цви, или, как его называли, раби Арье, был раввином Тимковичей примерно до 1895 года. Он

⁹³⁴ «Мей-Ноах» (иврит) — «Воды Ноаха (Ноя)»; «Толдойс Ноах» (иврит в ашкеназском произношении) — «История Ноаха».

⁹³⁵ Современная Шедува (Республика Литва).

В Тимковичах было много “людей дела” — евреев, забросивших свою работу, жен и детей и занимавшихся общественными делами.

был прекрасным магидом и знал русский язык. Уехав из Тимковичей, стал раввином местечка Ивенец⁹³⁶.

В 1904 году в Тимковичах случился страшный пожар, в котором сгорело множество домов, включая синагогу. Когда в местечке построили новую синагогу, на ее освящение специально пригласили из Ивенца раби Арье. (В Тимковичах в это время раввина не было.) Торжественная процессия с духовым оркестром во главе пронесла по улицам Тимковичей свитки Торы под балдахин; помимо раби Арье, в ней приняли участие много уважаемых людей, включая польского помещика, владевшего землей в местечке, который пожертвовал на строительство синагоги бревна и доски. В знак признательности помещику оказали честь открыть двери синагоги. Раби Арье произнес блистательную речь на безукоризненном русском языке.

Позже, в йешиве в Слуцке, я познакомился с Йеѓошуа, сыном раби Арье.

4. Раби Менахем Краковский был раввином Тимковичей до 1906 года. Блестящий знаток Торы, он давал в синагоге урок по листу Талмуда, сопровождая его прекрасными объяснениями. Раби Краковский был также хорошим оратором современного типа, последовательным в мыслях и высказываниях. Благодаря его ходатайству перед губернатором и уездным исправником в Тимковичах появились «рыночные дни» — каждое воскресенье и каждый вторник. Все жители Тимковичей высоко оценили это важное дело и неизменно отзывались о своем раввине с благодарностью. Раби Краковский тоже пользовался уважением пристава и мирового судьи и много хлопотал об арестованных по политическим обвинениям. Прекрасно зная русский язык, он не нуждался в переводчике.

От одного старика я слышал интересный рассказ о назначении раби Краковского. Раби Менахем приходился зятем раби Эли Файнштейну из Пружан. Когда раби Арье покинул Тимковичи, раби Файнштейн приехал в местечко, зашел к своему давнему другу реб Авром-Мойше Перлину и сказал ему буквально следующее:

– Если хочешь стать раввином Тимковичей — становись, а я возвращаюсь домой в Пружаны. Если же нет, то прошу тебя — похлопочи, чтобы раввином выбрали моего зятя раби Менахема.

– Я никогда не соглашусь быть раввином где бы то ни было! — ответил ему реб Авром-Мойше.

Тогда раби Эли сказал ему, что едет домой и к следующей субботе вернется вместе с зятем⁹³⁷.

Так и произошло. Раби Менахем произнес речь в синагоге и произвел на всех самое благоприятное впечатление. Собравшись на исходе субботы, жители местечка единогласно постановили, что он будет их раввином. Когда начали обсуждать детали, кто-то заметил, что реб Авром-Мойше не пришел на собрание. Раби Эли поспешил к нему домой узнать, в чем причина. Тот начал приводить различные отговорки. Наконец, раби Эли вскочил на ноги и воскликнул:

– Разве я не спросил тебя, не хочешь ли ты сам занять место раввина? Ты сказал, что не хочешь. Поэтому сейчас я приказываю тебе, чтобы ты пошел со мной на собрание и первым подписал раввинский контракт⁹³⁸.

Когда в местечке построили новую синагогу, на ее освящение специально пригласили из Ивенца раби Арье.

---

⁹³⁶ Ивенец — местечко, волостной центр Минского уезда; ныне — поселок в Воложинском р-не Минской обл.

⁹³⁷ Согласно обычаю некоторых общин, желающий занять место раввина должен был в качестве одного из испытаний произнести в субботу речь. — *Прим. пер.*

⁹³⁸ Документ, в котором оговаривались права и обязанности раввина. — *Прим. пер.*

Тот согласился.

После того как раби Краковский уехал из Тимковичей, он был выбран раввином Хиславичей. Я слышал, что после его смерти сын раби Менахема издал его книгу «Авойдас-га-мейлех»⁹³⁹, посвященную Рамбаму.

5. Раби Гершон-Мойше Гелбард был раввином Тимковичей до 1922 года. До этого он был раввином Старобина. Большой знаток Торы, он славился оригинальными прочтениями и толкованиями святых текстов. Слушать его было истинным наслаждением. Как-то раз, приехав к отцу, я зашел к раввину и изложил ему несколько своих оригинальных толкований. Он выслушал меня очень внимательно и вообще отнесся ко мне как к родному сыну. Раби Гелбард тоже был прекрасным оратором и, хотя не отличался здоровьем, записывал свои толкования, а я помогал ему в этом деле. Когда в 1920 году я собрался уехать в Америку и пришел к нему проститься, раввин расплакался и сказал мне:

– Ах, если бы я и моя семья тоже могли уехать в Америку!

Дело было уже при советской власти. Когда я уехал, раби Гелбард все еще оставался раввином Тимковичей. Позже он стал раввином Ошмян. До сего дня я не могу забыть этого человека.

6. Раби Яков Канторович стал раввином местечка в 1923 году. Я переписывался с ним через моего тестя Эли Есилса. Я посылал ему свои толкования Торы, а он отвечал мне. Когда в России окончательно установилась советская власть, он решил уехать в Америку. Я помогал ему в этом через своих родственников. Приехав в Америку, раби Канторович стал раввином в городе Трентоне, штат Нью-Джерси. Это был один из величайших раввинов своего времени. Талмуд и средневековые комментарии к нему он знал практически наизусть, все четыре раздела кодекса «Шульхан арух» — как свои пять пальцев. При этом раби оставался очень скромным и кротким человеком. Некоторое время он возглавлял йешиву «Тора ве-даас»⁹⁴⁰ в Бруклине. Он написал книгу «Цилута де-шматата»⁹⁴¹. После его кончины сыновья выпустили еще одну книгу с оригинальными толкованиями к различным трактатам Талмуда.

7. Раби Шмуэл-Ицхок Майзус, последний раввин Тимковичей. Стал раввином в 1923 году. Мы переписывались с ним по разным религиозным вопросам. Это был молчаливый человек, учивший Тору днем и ночью. При этом он сам и его семья практически голодали.

Однажды, когда я получил очередное его письмо с оригинальными толкованиями, у меня сидел раби Иссохар Голдберг из Нового Орлеана. Я рассказал ему о проблеме, о которой рассуждал раби Майзус, и он попросил меня дать ему это письмо. Через некоторое время раби Голдберг написал об этом большую статью и отдал ее в журнал «Пардес»⁹⁴², указав в качестве автора раби Майзуса.

После того как прервалась наша переписка, я больше ничего о нем не слышал.

⁹³⁹ «Авойдас га-мейлех» (иврит в ашкеназском произношении) — букв. «Труд царя».

⁹⁴⁰ «Тора ве-даас» (иврит в ашкеназском произношении) — «Тора и знание».

⁹⁴¹ «Цилута де-шматата» (арам.) — «Ясность традиции».

⁹⁴² *Пардес* (иврит) — плантация цитрусовых. Возможно, имеется в виду ежемесячный журнал «HaPardes», основанный в Варшаве в 1913 г. и с 1925 г. выпускавшийся в США.

Уроженцы Тимковичей, ставшие раввинами

Раби Юдл Горфинкель был зятем раввина Вендзяголы⁹⁴³ и после смерти тестя стал его преемником. Я помню, что однажды, когда он приехал в Тимковичи навестить свою мать, покойный отец отвел меня к нему, чтобы он проверил мои успехи в учебе. Мне было тогда около десяти лет. Я слышал, что впоследствии он уехал в Эрец-Исраэль. В Америке я встречал раввинов, которые его знали. По их словам, он глубоко и всесторонне изучал встававшие перед ним вопросы и написал много оригинальных толкований к первоисточникам.

Раби Исроэл-Довид Рачкевич, сын раввина Арна Рачкевича, стал зятем раввина Ляховичей Слуцкого уезда и после смерти тестя занял его пост.

Раби Ицхок-Ари Койфман был раввином одного из литовских местечек. Он был знатоком Торы и блестящим оратором. Скончался незадолго до Второй мировой войны.

Раби Эли Староста был после Первой мировой войны раввином местечка Синявка недалеко от Слуцка.

Раби Авнер Нанкин-Оклянский, сын раби Якова-Цви, был зятем раби Йосефа-Лейба Блоха⁹⁴⁴, главы религиозного суда и йешивы в Телзе.

Раби Авром Рейхлин, сын раби Арна, был раввином различных общин Нью-Йорка и Нью-Джерси. Его брат раби Яков Рейхлин (Рич) был раввином в Чикаго.

Раби Мойше-Йеѓошуа Шрагевич, сын Мордехая-Йеѓуды га-лейви. Учился в йешивах Слуцка и Клецка у раби Арна Котлера. Приехав в Америку, стал раввином в Дорчестере⁹⁴⁵.

Раби Цви-Дов Конотопский родился в Америке в семье Меера Конотопского, уроженца Тимковичей. Преподавал в йешиве в Бруклине.

Братья-раввины раби Борух Коѓен и раби Пинхос Коѓен, сыновья Ицхока Коѓена, прибыли в Америку вместе с преподавателями и студентами Мирской йешивы⁹⁴⁶ и стали известными раввинами в Бронксе.

Раби Мойше-Ари Палеев родился в местечке Тимковичи в 1889 году. Шесть лет проучился в слуцкой йешиве раби Исера-Залмена. Занимался торговлей. В 1921 году приехал в Америку, где был избран главой йешивы им. раби Эльхонона в Нью-Йорке. Автор книг «Маханэ Исроэл»⁹⁴⁷, «Беэр Авраѓам»⁹⁴⁸. Публиковался в журналах «Нер га-Маарави»⁹⁴⁹ и «Пардес».

Раби Йеѓуда-Лейб Перельман родился в Тимковичах в пост Гдальи⁹⁵⁰ в 1844 году. Учился в йешивах в Бобруйске, Слуцке и Вильне. В 5652 (1892)

⁹⁴³ Вендзягола (сегодня — Ванджэґала, Литва).

⁹⁴⁴ Раби Йосеф-Йеѓуда-Лейб Блох (1860–1930) — известный раввин и преподаватель, один из лидеров движения Мусар в начале XX в. Считался одним из духовных лидеров своего времени и входил в число руководителей «Агудас-Исроэл». — *Прим. пер.*

⁹⁴⁵ Округ на Восточном берегу штата Мэриленд.

⁹⁴⁶ В начале Второй мировой войны все студенты Мирской йешивы сумели покинуть Европу и провели военные годы беженцами в Кобэ (Япония) и Шанхае (Китай). По окончании войны йешива разделилась на две: одна действует в Бруклине (Нью-Йорк), вторая — в Иерусалиме. — *Прим. пер.*

⁹⁴⁷ «Маханэ Исроэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Стан Израиля».

⁹⁴⁸ «Беэр Авраѓам» (иврит) — «Колодец Авраѓама».

⁹⁴⁹ «Нер га-маарави» (иврит) — «Западная свеча».

⁹⁵⁰ Пост Гдальи — день траура и поста, отмечаемый на следующий день после Рош-га-шана в память об убийстве Гдальи, последнего наместника Иудеи, назначенного вавилонянами (см. «Зхарья», 7:5).

году выпустил молитвенник «Минхас-Йеѓудо»⁹⁵¹ с комментариями и примечаниями. Раби Рейнес писал: «Очень правильное решение — перевести молитвы на разговорный язык, чтобы их понимали и те, кто не знает иврит»».

С. Каждан-Нахмани

Мое родное местечко Тимковичи находится в десяти верстах от Копыля. Большинство жителей Тимковичей были христиане, еврейских же семей насчитывалось примерно четыреста. Среди крупных торговцев назову братьев Дворецких, которые вели оптовую торговлю: продавали яйца по всей России и за границу. Были еще братья Фиалко, крупные торговцы лесом; сведущий в Торе подобно раввину реб Авром-Мойше Перлин, крупный торговец бакалейными товарами. Тем же занимался Арье-Гершон Рацкевич. Оба они днями и ночами изучали Тору, а дела вели их жены — Юдис и Сора-Рохл.

Мордхе Мацкевич управлял тимковичским имением. Были крупные торговцы мануфактурой — Грунем и его жена Эстер Рабинович, Фаля Садовский, Меер Голдберг и другие, торговцы зерном — Велвл и Нахмен Киевицкие, Лейбл Михоэлс.

Тимковичские евреи занимались и торговлей скотом, доставляли его на вокзал в Городею, а оттуда везли за границу. На рынке было много лавок с разными товарами, прежде всего для сельского населения. Крестьяне дважды в неделю (в воскресенье и четверг) привозили свои продукты местечковым мелким торговцам и тут же покупали необходимое: сельскохозяйственный инвентарь, керосин, деготь, селедку, тарань, сахар, ткани фабричной работы. Дважды в год проходили крупные ярмарки, на которых было много суеты и шума. Заключались крупные сделки по продаже и покупке коров, лошадей, льна, разного рода семян, свиной щетины. На ярмарки приезжало множество торговцев из дальних округов, а также цыгане со своими быстрыми и крепкими (иногда краденными) конями.

Через Тимковичи четыре раза в неделю проезжал обоз — в Городею на вокзал и назад. Это были большие возы, покрытые брезентом и набитые товарами из благословенной Случчины. Назад же обоз вез продукты из далеких краев. Возчиками были преимущественно слуцкие евреи, но также и тимковичские, такие как знаменитый балагола Фолька. Он ежедневно ездил в Слуцк с пассажирами и товарами.

В Тимковичах жили еврейские земледельцы, которые пахали, сеяли, бороновали — короче говоря, жили от труда на земле. Известным среди них был Вольф Елин, арендовавший конюшню. В местечке были постоянные дворы для проезжавших и харчевни для крестьян, которые бывали в Тимковичах по торговым делам или приезжали подлечиться у фельдшеров, у местечкового доктора. Среди хозяев постоянных дворов назову Арье Черногубовского, Шифрина, Фрейду-Хаю Либес, Фруму Толес-Кулаковскую, Садовского.

В Тимковичах действовала земская больница, врачи в которой время от времени сменялись. Вот фамилии некоторых: Гершонович, Левинсон, Рогинский. На консилиум из Несвижа привозили докторов Слепяна или Каценеленбогена.

В Тимковичах жили еврейские земледельцы, которые пахали, сеяли, бороновали — короче говоря, жили от труда на земле.

⁹⁵¹ «Минхас-Йеѓудо» (иврит в ашкеназском произношении) — «Приношение Йеѓуды».

Ицхок и Тайбл Каждан
после их свадьбы
примерно в 1890 г.

В земской больнице был фельдшер по фамилии Гринюк, но чаще окрестные крестьяне и помещики лечились у моего отца Иче Каждана. Его отец Лейзер был фельдшером в Тимковичах. Отца с почетом принимали у помещика Доманского и при дворе тимковичского помещика, происшедшего из Радзивиллов.

В рыночные дни и дни больших ярмарок наш двор был местом, где останавливались крестьянские возы. Отец не знал отдыха: он разъезжал днем и ночью, даже в субботы и праздники. Тем, кто нуждался, он давал лекарства бесплатно и даже, бывало, оставлял бутылку вина, чтобы подкрепить силы бедного больного крестьянина. При советской власти отец работал в земской больнице. Умер он 6 января 1935 года. В том же году в мае скончалась и моя мать Тайба.

Примечательна история с тимковичской аптекой. Фамилия аптекаря была Черномордик. В известном рассказе Чехова «Аптекарьша» фамилия главного героя тоже была Черномордик. В местечке ходил слух, что Чехов, проезжая через Тимковичи, посетил аптеку, и это стало для него главной темой рассказа.

В тимковичском имении были пивоварня, водяная и ветряная мельницы. В том же имении жил арендатор-еврей, который производил голландский сыр. В местечке были различные еврейские ремесленники: прославленные жестянщики, кузнецы, столяры, портные, сапожники, кожевники. Все они работали для окрестных помещиков, для крестьян и для местных евреев.

Особо интересным типом был реб Эли Есильс (Говизнянский), предприимчивый человек, общинный деятель. Он всегда заботился о том, чтобы зимой было достаточно дров для обогрева дома учения, чтобы в порядке содержалась баня. Эли помогал сиротам, беднякам, нуждавшимся матерям с новорожденными, собирал деньги на приданое невестам из небогатых семей. Когда реб Есильс уехал в Америку на год, в местечке говорили, что

В местечке ходил слух, что Чехов, проезжая через Тимковичи, посетил аптеку, и это стало для него главной темой рассказа.

в этот год не будет ни похорон, ни свадеб, просто некому будет провожать мертвых и увеселять жениха с невестой.

Из местечковых меламедов я помню Йосефа-Юдла, Лейзера, Нохема Брукса и Шлойме Перлеса. Реб Шлойме был выдающимся магидом, и когда он произносил поминальную речь по усопшему, все местечко заходило в слезах.

При зарождении сионистского движения известность получили Зелик Зеликовский, сторонник просвещения и талмудист, Яков-Мойше Казак, Велвл Садовский (у него в доме на стене висел портрет Герцля), в более позднее время активностью на ниве сионизма выделялись Соня Каган и Цемах, помощник аптекаря. Нисл Кантор основал в местечке библиотеку ивритских, идишских и русских книг.

Учитель Мандель открыл хедер, где изучали древнееврейский (но не «иврит на иврите»). После этого известный Гринберг из Копыля и его жена, дочь несвижского раввина Шерешевского, открыли школу, где преподавались русский язык и другие предметы, а также «иврит на иврите».

В местечке было много бундовцев, социал-демократов. Среди них следует назвать бундовца Йеґошуа, Елену Рабинович, Мойше Рабиновича (его брат сидел в слущкой тюрьме). Тимковичские девушки учились в слущкой гимназии, на фельдшерских курсах в Витебске, готовились стать дантистками и т. д.

Известным лицом в Тимковичах был еврейский староста Файтл Казак, а до него — его отец Хаим-Лейб. Один из братьев Сони Каган, Мошке, получил известность как участник экспедиции капитана Смита на Северный полюс.

В Тимковичах были синагога миснагедов, хасидская молельня и Холодная синагога, а также православная церковь и католический костел.

Хасидская молельня в местечке посещалась редко, потому что во всей округе не было достаточно хасидов для миньяна. Во главе группки хасидов в Тимковичах стояли торговец Фаля Садовский и мой отец.

Летом 1914 г. перед Первой мировой войной я и мой муж Шимшон Нахмани оставили Случчину и уехали в Страну Израиля.

Группа молодежи
в Тимковичах.
Сидят (справа налево):
Долгин, Роза Каждан
(умерла в Цфате),
Сора Елин, Мойше
Елин. Стоят: Меер
Каждан, Ида Елин,
д-р Лазарь Каждан
(погиб в Шклове),
жена Мойше Елина,
неизвестный

Из газет

«Когда одна христианка вышла из церкви, какой-то мужчина неожиданно сорвал с нее одежду и убежал. Женщина подняла крик, что это был еврей и что он хотел лишить ее жизни. Сразу же собралась толпа христиан, грозящих разгромить весь город. И тут мимо них прошел мальчик, ученик талмуд-торы. Христианка, увидев его, заявила, что он украл ее одежду. И тогда ангелы-губители набросились на него и стали бить смертным боем. Через несколько дней стало известно, что это сделал крестьянин из соседней деревни, у которого нашли украденные вещи.

Шлойме Мацкович»
«Га-Мелиц», 1882, № 4

«Губернатор, решивший посетить подведомственные ему города, побывал и у нас, и лучшие люди нашей общины встретили его хлебом-солью. Губернатор принял их благосклонно и долго беседовал с ними о том, что у нас происходит. В христианском храме губернатор обратился к народу, велел не причинять евреям никакого вреда.

Шмуэл-Грунем Рабинович»
«Га-Мелиц», 1882, № 31

В христианском храме губернатор обратился к народу, велел не причинять евреям никакого вреда.

«В наших краях были замечены признаки подготовки к погрому. Узнав об этом, пристав собрал представителей власти из всех окрестных деревень, а также стариков, и велел им принять меры по сохранению порядка и благочиния».

«Восход», 1882, № 23

«Из Тимковичей корреспондент газеты “Новости” сообщает: 23 апреля около полудня в местечке вспыхнул пожар (причина неизвестна). Огонь охватил деревянный хлев, покрытый к тому же соломой. К нашему несчастью, сильный ветер разнес горящую солому на соседние дома. За короткое время огонь распространился на третью часть местечка.

Маленькие домики горели как свечи, и вскоре от них ничего не осталось. Во многих жило по две-три семьи, которые остались голыми и голодными.

Никаких пожарных в местечке нет, поэтому, когда вспыхивает пожар, жители крайних домов спешат перенести свои вещи в поле, подальше от местечка.

К счастью жителей местечка, хлынул дождь, погасивший пламя. Но сгорело 52 дома, в которых жили 40 бедных еврейских семей и 24 христианские семьи. Они полностью лишились своего имущества. Сгорели коровы и много лошадей. Также сгорела аптека, которая не была застрахована.

Несчастные погорельцы нуждаются в помощи. Пожертвования можно высылать на имя местечковой управы».

«Га-Мелиц», 12 мая 1897 г., № 97

«Приехавший магид, решивший говорить о сионизме, поднялся на биму без разрешения руководства общины. В синагоге начался шум, и из

уст присутствовавших вырвался крик: “Слезай!” Магид испугался и сошел. Сионизм не пользуется в Тимковичах популярностью, так что молодые проливают слезы и жалуются на “сильную руку”».

«Га-Цофе», 1903, № 137

В годы Второй мировой войны

*Отрывок из книги М. Кагановича
«Партизанская война евреев в Восточной Европе»*

«Командир бригады генерал-майор Капуста⁹⁵² потребовал у Гильчика⁹⁵³ тридцать человек для выполнения задания: нападения на полицию в Тимковичах.

Тридцати евреям и сорока русским было поручено убить полицейских, находившихся в Тимковичах. Пока полицейские спали, партизаны подкрались к зданию полиции. Двадцать два полицейских нашли здесь свой конец, еще одного не стали добивать, чтобы он рассказал немцам, как партизаны мстят предателям и шпионам. После этого из Минска прибыли крупные немецкие силы и убили многих жителей местечка, обвинив их в сочувствии и пособничестве партизанам.

* * *

Группа Цыганова успешно выполнила поставленную задачу, пустив под откос шесть эшелонов противника на перегоне Барановичи — Минск. По дороге обратно на базу они сожгли около двухсот тонн зерна, а также винокурню в районе местечка Тимковичи».

ЛЮБАНЬ

«**Н**аш небольшой городок принадлежал князю Витгенштейну. В прежние времена мы ежегодно платили ему фиксированный налог, каждый в соответствии со своим имуществом. Однако двадцать лет назад к нам явился управляющий имением князя и решительно потребовал, чтобы каждый из нас платил вдвое больше. Лишь немногие жители местечка не захотели подчиниться. Большинство же из страха расписались в книге, что они согласны платить двойной налог, который от них потребовали. Позже, впрочем, они раскаялись в этом. Некто Н., “эксперт”, послал запросы мелким и высокопоставленным чиновникам. Он также отправился

⁹⁵² Филипп Филиппович Капуста (1907–1973) — один из основных организаторов партизанского и подпольного движения в Белоруссии в годы Второй мировой войны, «партизанский генерал». — *Прим. пер.*

⁹⁵³ Лейба Гильчик — командир еврейского партизанского отряда, основу которого составила молодежь из Копыльского, Клецкого, Несвижского, Старобинского и Слуцкого гетто. За 1943 г. партизаны Гильчика совершили 23 диверсии на железной дороге Барановичи — Минск и 9 — на участке Барановичи — Лунинец. Успех этих операций во многом был обязан разведчикам Мише Неймарку, Мише Файнбергу, подрывнику Хаиму Шлеймовичу. — *Прим. пер.*

в Минск и побеседовал там с адвокатами. Чиновники не приняли его доводов и настаивают на уплате двойного налога.

Шли годы, миновало уже двадцать лет. И вот несколько дней назад приехал пристав из Глуска и сообщил нам, что принято окончательное решение и нам предстоит заплатить все недоимки за все двадцать лет, две тысячи рублей серебром. Нам было сказано, что, если деньги не будут уплачены, наши дома будут проданы с торгов. Каждый из нас должен заплатить сорок-пятьдесят рублей и больше. Где нам взять такие деньги? На уплату нам дано тридцать дней. Положение отчаянное.

*Местный житель»
«Га-Мелиц», 1884, № 54*

Моего городка больше нет

Рахель Фейгенберг-Имри

В 1890-х годах Любань была медвежьим углом на краю пинских болот. Городок окружали леса и болота. До ближайшей железнодорожной станции нужно было ехать десять верст по плохим дорогам. Однако даже в те времена это маленькое местечко, будучи трудовым и производительным еврейским поселением, отличалось исключительной жизненной энергией и поставляло продукцию в близлежащие крупные города. Любань славилась качественными изделиями своих столяров, прежде всего стульями. Уездный город Бобруйск и его окрестности служили надежным рынком сбыта.

В Любани откармливали гусей, которых продавали на рынке в Бобруйске. На Пейсах любанцы готовили гусиный шмалец, который славился на всю округу. В городке также работала примитивная фабрика, где делали субботние свечи, продававшиеся в Любани и окрестностях.

Разумеется, нельзя не упомянуть о различных товарах, изготовлявшихся на дому, например, о плетеных свечах для гавдоле двух ярких цветов, которые делал у себя дома учитель реб Йедидья. Это были подлинные произведения искусства. Свечи реб Йедидьи пользовались спросом в соседних местечках в качестве подарков родственникам и друзьям.

Два брата делали курительные трубки, которые отличались изящной формой и хорошо расходились.

Изделия любанских ремесленников имели надежный рынок сбыта у крестьян окрестных деревень. Посредниками и распространителями служили торговцы из Бобруйска.

Консервативная и изолированная Любань тех времен также поставляла служанок, хорошо разбирающихся в домашнем хозяйстве. Состоятельные бобруйские евреи ценили их работу, платили им достойное жалованье и делали ценные подарки. Девушки из Любани служили в еврейских семьях верой и правдой. Когда через несколько лет они возвращались в родительский дом с деньгами (приданым) и большим чемоданом с одеждой и бельем, все относились к ним с большим уважением.

Во время жатвы Любань поставляла работников в окрестные поместья.

Отрезанные от мира лесами, болотами и плохими дорогами, любанцы 1890-х годов были домоседами. В рыночные дни они посещали исключительно окрестные города и местечки. Там они работали и торговали,

а на субботу возвращались домой к семье. Все местечко было охвачено густой сетью родственных связей.

В те времена в Любани нашелся только один еврей, осмелившийся вырваться в большой мир. Это был избалованный юноша Нохем Эпштейн — мой дед со стороны матери, — который был единственным ребенком в семье. В юности он сделал машинку для помола перца. С этого дня он стал считать себя механиком-изобретателем такого рода приспособлений и, оставив дом и родителей, отправился странствовать по городам и весям Украины, где находились главные российские мельницы, надеясь продать свое изобретение. Ради этого он заключал фантастические сделки, погряз в долгах и вынужден был стать учителем и тяжело работать, чтобы расплатиться с кредиторами.

Он пробовал снова и снова, пока не оказался в Одессе. Только там он наконец окончательно оставил свои изобретения и занялся преподаванием религиозных предметов, которым богатые евреи считали нужным учить своих детей в дополнение к общему образованию.

Его семье тоже пришло время уехать из Любани. Они покинули местечко в 1876 году, чтобы никогда больше не возвращаться. В Любани осталась только старшая дочь, которая вышла замуж за сына раввина. Это была моя мама.

Остальные тогдашние любанские евреи, как и прежде, оставались запертыми в своем местечке. Никто не уезжал оттуда, но практически никто и не приезжал. Изредка появлялся какой-нибудь странствующий магид, чтобы прочесть в субботу речь. Или на синагогальном дворе останавливалась разваливавшаяся телега странствующих нищих, и группа побирušек — мужчин, женщин и детей — рассыпалась по городку для сбора подаваний.

Время от времени местечко просыпалось от спячки в связи с приездом доктора Шильдкраута, которого специально приглашали из Слуцка для лечения особо тяжелых случаев. Все жители Любани выходили на улицу, ожидая приезда молодого доктора, который любил сыпать шутками и прибаутками, когда евреи спрашивали у него о лекарствах от своих бесчисленных болячек.

Порой в Любани раздавался радостный звон колокольчиков, когда через местечко проезжала блистательная кавалькада местного богатого помещика, владевшего среди прочего и Любанью, где он обладал судебной властью. При проезде помещика евреи стояли у дверей своих домов, демонстрируя покорность и уважение. Они любовались роскошной каретой, запряженной тремя парами лошадей в восхитительных пополах. Кучер в пурпурных одеждах правил стоя. Для жителей местечка появление *порица* (пана) было подобно театральному представлению. Поэтому они не двигались с места, пока перезвон колокольчиков не стихал вдалеке. И даже на следующий день местечковые дети рассказывали истории о блистательном облике помещика и его гойских удовольствиях.

После этого городок вновь впадал в спячку и застывал.

Время от времени в Любани играли свадьбы. Тогдашние любанские свадьбы служили источником радости и развлечения для всех местных жителей, и особенно для женщин, поскольку обязанность веселить невесту танцами полностью лежала на них, ибо мужчинам запрещалось танцевать с женщинами.

Дети, являвшиеся без приглашения, тоже радовались свадьбе. Они неизменно устраивали страшный шум и громко вопили, когда свадебная

Остальные тогдашние любанские евреи, как и прежде, оставались запертыми в своем местечке. Никто не уезжал оттуда, но практически никто и не приезжал.

процессия шествовала по улицам местечка. Кроме того, им принадлежало почетное право держать шесты хупэ во дворе синагоги. Радость и веселье многократно возрастали, если родители жениха и невесты ссорились из-за приданого.

В такие дни дети бодрствовали до глубокой ночи вместе со взрослыми. Порой споры между родителями молодых затягивались на несколько часов. Иногда страсти накалялись до того, что близилась полночь, а жених и невеста еще постились⁹⁵⁴. Тогда приглашали жену местного богача, очень дорожившую заповедью «гахносат-кало»⁹⁵⁵. Звали ее Шейне-Лея, мужем ее был Мойше Нехес. Это была маленькая худая женщина с морщинистым лицом, однако ее голубые глаза неизменно сверкали.

Шейне-Лея являлась в будничной одежде, набросив на плечи большую вязаную шаль. Это был знак того, что она явилась на свадьбу не гостьей, а в качестве посредницы, третейского судьи, примирительницы сторон. Прежде чем выйти из дома, она никогда не забывала надеть серьги с драгоценными камнями, свидетельствовавшие о ее высоком положении среди местной элиты и о статусе ее мужа, которого не интересовали скромные свадьбы в убогой, забытой Богом Любани, ибо его мысли были заняты лесоторговлей, увеличением прибылей и восхождением по общественной лестнице.

Хрупкая Шейне-Лея с ее сверкающими серьгами приводила спорящих в чувство одним своим появлением. Страсти сразу же остывали, тем более что обе стороны были измучены бесполезным спором. После недолгого совещания, устроенного Шейне-Леей, самой состоятельной женщиной местечка, они приходили к соглашению. По ее приказу приносили перо, чернильницу и бумагу, и Шейне-Лея собственноручно писала расписку, свидетельствуя, что те, кто ее подпишет, исполнят свои обязательства.

Как только расписка была подписана, шум и веселье возобновлялись. Свадебная процессия шествовала на синагогальный двор. К всеобщему изумлению, маленькие дети бодрствовали всю ночь. С радостью и весельем они сопровождали молодых, держа в руках зажженные бумажные фонарики — как они делали каждый вечер, возвращаясь домой из хедера, когда улицы местечка утопали во тьме.

После столь важного общественного события Любань возвращалась к своей повседневной обыденной жизни с ее всепоглощающей скукой. На центральной площади местечка каждый день лежала чья-нибудь корова, которую хозяева не успели сдать пастуху, выгонявшему стадо на пастбище. Рядом с ней валялась тощая собака, обессиленная от голода. Неподалеку рылась грязная свинья, сбегавшая с нееврейской улицы. Яким, пьяница с гойской окраины, мирно спал посреди лужи, и никто его не трогал. Он никому не мешал, поскольку все постоянно думали только о зарботке.

Городок был беден, но люди не голодали. В те времена почти все евреи Любани кормились с больших огородов, разбитых около дома. Коровы, которых держали в ветхих покосившихся сараях, давали молоко, курицы-несушки целыми днями копались в мусорных кучах на улицах и дворах в поисках пищи. Хозяева скармливали им остатки еды, которую готовили в будни. Мясо и рыбу ели только по субботам.

⁹⁵⁴ Согласно ашкеназской традиции, жених и невеста в день свадьбы постятся. — *Прим. пер.*

⁹⁵⁵ *Гахносат-кало* (иврит в ашкеназском произношении) — сбор приданого для невесты, помощь в организации свадьбы.

Правда, были в городке и семьи, лишенные возможности прокормить себя. Обычно это были больные и слабосильные, в том числе одинокие старики. О таких людях заботилась община. Не считая двух благочестивых старух, каждый четверг ходивших от двери к двери с мешками за плечами и бутылками в руках, собиравших продукты для субботних трапез, в местечке существовало общество «Масн бе-сейсер»⁹⁵⁶, помогавшее беднякам, которым было стыдно открыто просить милостыню.

Что такое нужда, тогдашние любанцы чувствовали, когда им нужны были деньги, чтобы купить одежду, обувь или рабочие инструменты, отремонтировать жилище, и прежде всего — когда надо было откупить сыновей от службы в армии и дать приданое за дочерью.

Трудовая Любань привыкла работать не покладая рук, однако источников заработка было мало.

В те времена у евреев Любани не было даже своего кладбища. Тяжелая крестьянская телега, запряженная лошадьми с замотанными мордами, по грязной дороге отвозила любанских покойников в Слуцк, где их хоронили на местном кладбище.

Еще не были построены торговые ряды, обезобразившие красивую площадь. По ночам в Холодной синагоге пели и плясали демоны, а жена кузнеца Мотэ лечила от всех болезней своими чудесными заклинаниями.

Это была невинная Любань, верившая и в Бога, и в Сатану.

* * *

И тем не менее на пороге двадцатого века все изменилось буквально в одночасье. В Любани узнали, что неподалеку пройдет железная дорога.

И тем не менее на пороге двадцатого века все изменилось буквально в одночасье. В Любани узнали, что неподалеку пройдет железная дорога. Еврейские купцы и промышленники из Минска уже начали строить линию, которая должна была соединить Бобруйск с магистральной дорогой, пролежавшей через западные и восточные губернии. Они уже решили, что новая станция будет построена рядом с шоссе, известным как Старая дорога.

В городке появились новые люди: богатые евреи в меховых шубах и дорогих каракулевых шапках. Они поселились в нем на правах постоянных жителей и занялись торговлей с окрестными местечками. Новоселы отличались щедростью. Они отремонтировали синагогальную крышу, на праздники вручали раввину местечка неслыханные прежде суммы, щедро помогали местным беднякам.

Тем не менее новые обстоятельства, изменившие жизнь любанских евреев к лучшему, их вовсе не радовали.

* * *

В конце 1890-х годов евреи Любани утратили ощущение стабильности. Местечко пришло в движение, жители покидали насиженные места и, как и в других окрестных городах и селениях, устремились к благословенным берегам Америки. В Любани практически не осталось молодежи; только люди старших поколений не трогались с места. У них просто не было сил для поездки за границу.

Матери с детьми тоже готовились эмигрировать вслед за своими мужьями. Они не скрывали радости. Большинство женщин уже называли

⁹⁵⁶ «Масн бе-сейсер» (иврит в ашкеназском произношении) — «Анонимный дар». — Прим. пер.

«американками» — весьма почетное звание. Когда же возчики возвращались из больших городов, эти женщины выбегали им навстречу, чтобы получить толстые пачки писем и банковские чеки на солидные суммы.

Благодаря женам новых американцев в местечко потекли деньги.

Впрочем, наряду с шумными будущими эмигрантами в Любани можно было встретить нескольких «возвращенцев», пребывавших в унынии и замешательстве. Их легко было узнать по наглаженным костюмам. Эти «репатрианты» привозили с собой по несколько сотен долларов. Поменяв их на рубли по курсу один к двум, они открывали в городке лавку, год или два кормившую их самих и их семьи. После этого они снова начинали собираться в дорогу.

Некоторые пытались счастье дважды или трижды. Американские деньги, заработанные потом и кровью, должны были избавить их от необходимости эмигрировать всей семьей. Однако все их усилия были тщетны.

Любанские девушки перестали работать прислугой в богатых бобруйских домах и наниматься в окрестные поместья во время жатвы. Все взоры были устремлены за океан. Каждый местный рабочий или ремесленник был потенциальным эмигрантом. Благословенная американская земля буквально съела местечко.

* * *

Тем не менее евреи оставались в Любани, где подрастало новое поколение. Это было поколение революции, однако об их жизни мы, уехавшие, практически ничего не знаем. Известно лишь, что в страшные бурные революционные годы евреи Любани испили чашу страданий, уготованную всем белорусским евреям. Разбойничьи шайки Булак-Балаховича, отметившиеся в Белоруссии серией кровавых погромов, убили в Любани около тридцати человек, взрослых и детей.

Лишь нескольким молодым любанцам удалось в 1920 году достичь берегов Страны Израиля.

В 1942 году все оставшиеся евреи Любани, мужчины, женщины и дети, были убиты. Община была полностью уничтожена нацистскими мясниками при содействии пособников из числа местных жителей. Любанских евреев убивали жестоко и методично — точно так же, как миллионы их соплеменников.

Вспоминая Любань

М.-Г. Финкельштейн⁹⁵⁷

Моя бабушка со стороны мамы жила в деревне Кузьмичи, недалеко от Любани. Звали ее Фрума-Бася. У нее было три брата: реб Цви-Ноех, реб Эфроим-Ицхок и реб Гдалья. Все они были честными людьми, известными своими обширными познаниями в Талмуде и добрыми делами. Цви-Ноех жил в Кузьмичах, Эфроим-Ицхок и Гдалья — недалеко от Любани. Гдалья занимался торговлей, а когда не был занят делами, учил Тору. Про него говорили, что он помнит наизусть все шесть разделов Мишны. На старости

Впрочем, наряду с шумными будущими эмигрантами в Любани можно было встретить нескольких «возвращенцев», пребывавших в унынии и замешательстве.

---

⁹⁵⁷ Первый учитель р. Симхи Асафа. На момент написания мемуаров ему было 85 лет. — *Прим. пер.*

лет Гдалья передал свое дело детям и посвятил свою жизнь Торе. Все соседи и знакомые считали его святым. Когда с кем-либо из них случалось какое-нибудь несчастье, они спешили к реб Гдалье, чтобы попросить у него совета и благословения. Будучи добрым человеком, он старался исполнить их просьбы и вскоре заслужил репутацию чудотворца. Люди съезжались к нему из ближних и дальних мест, не давая ему покоя. Реб Гдалья говорил им:

– Что вы во мне нашли? Я такой же, как и вы. Если у меня случается беда, я молюсь Богу.

Однако его никто не слушал. Люди умоляли его, заливаясь горячими слезами, а некоторые даже пытались «почтить» его деньгами, которые он категорически отказывался брать. Если ему предлагали пожертвовать эти деньги на благотворительность, реб Гдалья предлагал сделать это самим, поскольку заповедь лучше исполнить лично, а не через посланника. Увидев, что толпа просителей все возрастает и ему от них не избавиться, Гдалья ушел из дома и переехал к брату Цви-Ноеху, чтобы укрыться от своих почитателей.

Когда он рассказал брату, что случилось, Цви-Ноех ответил:

– Живи у меня сколько захочешь, мне будет приятно общество брата.

На это Гдалья сказал ему:

– Ты же знаешь, брат, что я никогда не буду есть твой хлеб даром, поэтому поручи мне рубить дрова, топить печь или пасти твоих коров. Тогда я соглашусь жить в твоём доме.

– Пусть будет по-твоему, — сказал брату Цви-Ноех. — Только не обижай моего слугу. Пусть он тоже рубит дрова и следит за коровами.

Где-то через полгода люди узнали, где живет реб Гдалья, и стали приезжать к нему в еще большем количестве, чем прежде. После этого он примирился со своей судьбой и больше не пытался спрятаться. Даже окрестные крестьяне досаждали ему своими просьбами. Один из них попросил его:

– Помоги мне, добрый человек. Сядь в мою телегу и прокатись по моему полю вдоль и поперек, чтобы земля дала богатый урожай.

Моя бабушка Фрума-Бася осталась молодой вдовой с пятью детьми. Она кормила себя и детей мелкой торговлей, однако когда пришло время учить сыновей Торе, стало ясно, что ее доходов на оплату частного преподавателя — а она оказалась единственной жительницей деревни, кому он понадобился, — не хватит. Тогда она купила бычков на откорм. Каждые полгода она продавала одного подросшего бычка, и вырученные деньги шли на оплату учителя из Любани. Как-то летом бычка Фрумы-Баси задрал на пастбище какой-то хищный зверь. Когда пришел срок платить учителю, она взяла две подушки и четыре субботних подсвечника, пошла к соседу по имени Прокоп и сказала ему:

– Ты ведь знаешь, что моего бычка загрызли. Пожалуйста, одолжи мне двадцать рублей и возьми эти вещи в качестве залога.

– Положи на стол, — сказал сосед и дал ей двадцать рублей.

Где-то через полчаса Прокоп вернул ей подушки и подсвечники.

– Почему сначала ты взял залог, а теперь возвращаешь? — спросила бабушка.

– Я ничего не брал. Я сказал положить на стол, чтобы тебе не пришлось тащить их обратно, — ответил Прокоп.

Мойше-Гершон
Финкельштейн и его
жена Сора

* * *

Вот как появилось любанское еврейское кладбище. В местечке жили около двухсот еврейских семей, однако еврейского кладбища там не было. Покойников возили хоронить в Слуцк — целый день пути. Один из евреев Любани переселился в Бобруйск. В доме известного бобруйского богача Боаза Рабиновича жил его «личный» раввин, который учил Торе хозяина и его сыновей. Раввин очень боялся греха и всячески избегал злоязычия, поэтому почти ничего не говорил, размыкая уста только для произнесения слов Торы и молитвы.

Когда он хотел о чем-нибудь попросить, то писал свою просьбу на листке бумаги. Любанец, переселившийся в Бобруйск, сказал раввину, что у евреев Любани нет своего кладбища. И вот в один прекрасный день, когда любанские евреи собрались в синагоге на утреннюю молитву, упомянутый раввин Боаза Рабиновича встал напротив синагоги, держа в руках лист бумаги, на котором написал большими буквами: «Необходимо устроить кладбище недалеко от Любани, чтобы им не приходилось так далеко возить своих покойников». После утренней молитвы он написал еще одну записку: «Требую, чтобы главы общины остались в синагоге для обсуждения упомянутого вопроса». Один из старейшин, мой тесть реб Яков Хосид, пообещал раввину, что они сделают так, как он хочет. Он также сказал ему, что владелец земли, на которой стояло местечко, уже выделил в своем поместье участок под еврейское кладбище, однако не хватает каких-то двухсот рублей, чтобы построить ограду. Тогда раввин написал еще одну записку: «Не сдвинусь с места, пока требуемая сумма не будет собрана». Деньги были собраны в тот же день, и раввин вернулся домой.

* * *

После женитьбы я вступил в любанское братство изучающих Талмуд. Члены братства распределяли между собой трактаты: один учил «Брахот», другой — «Шабат» и т. д. Учителя маленьких детей всегда выбирали тот трактат, который собирались изучать со своими учениками, остальные члены братства — то, что им нравилось. Большинство не решались изучать

трактаты из разделов «Нашим»⁹⁵⁸ и «Таѓарот»⁹⁵⁹. У этих трактатов нашлись только три «избавителя»: раби Нехемья Ерузелимский, мой тесть реб Яков Хосид и их друг по прозвищу реб Халуленчик. Для всех троих изучение Торы было основным занятием. Каждый год на Хануку члены братства собирались на общее собрание, заново распределяли трактаты и обмывали это событие.

На одном из собраний я был избран старостой братства. В обязанности старосты входило заниматься всеми его делами: приглашать членов на собрание, устраивать пирушки. Каждый, кто хотел вступить в братство, должен был обратиться к старосте, а тот предлагал членам имена кандидатов. Несколько молодых людей потребовали, чтобы их приняли, и среди них — парень, который брил бороду. Их кандидатуры я решил обсудить с тестем.

– Бритый недостоин быть членом братства изучающих Талмуд! — гневно сказал он.

Приближалась Ханука. Нужно было заняться вопросами, касающимися собрания и банкета. Я пошел к пекарше Фейге и заказал булочки из белой муки, каждому — по одной, а также приготовил рыбу. На ночное собрание пришли все, кроме реб Биньомина Халуленчика, решившего, что изучение Торы важнее пирушки. Раби Нехемья сказал мне:

– Я думал, что в этот раз реб Биньомин придет на пирушку, ведь он твой приятель, а ты как-никак староста.

Трое парней помогли мне привести реб Биньомина. Все собравшиеся встретили его овацией и усадили рядом с раввином. Я пошел принести его булочку, но она исчезла, а другой не было. Засмеявшись, раввин сказал:

– Ну вот, мы удостоились того, что реб Биньомин примет участие в нашей пирушке. Но ничего не получится, если кто-нибудь не уступит ему свою порцию.

Новая синагога,
построенная
после пожара,
уничтожившего три
синагоги

⁹⁵⁸ «Нашим» (иврит) — «Женщины».

⁹⁵⁹ «Таѓарот» (иврит; от *таѓор* — чистый) — раздел Талмуда, в котором рассматриваются законы ритуальной чистоты. — *Прим. пер.*

Реб Дов-Бер Кацнельсон

Шлойме Кацнельсон

Евреи нашего городка очень любили и уважали реб Дова-Бера Кацнельсона, а он старательно делал любое дело, которое ему поручали. Он не был уроженцем Любани, а родился в одной из полесских деревень. Дов-Бер учился в соседних Копаткевичах у лучших учителей Талмуда. В семнадцать лет он женился на уроженке Любани, однако и после свадьбы остался жить в своей деревне. Поскольку Дов-Бер не хотел сидеть на шее у своего тестя, ему пришлось искать заработок в дальних краях. Он устроился учителем в богатой кременчугской семье, а затем провел несколько лет в Полтаве.

По прошествии нескольких лет Дов-Бер вернулся в Любань и начал искать работу. Когда деньги закончились, он вынужден был снова заняться учительством, поскольку других заработков не было. Дов-Бер стал одним из лучших учителей Талмуда. Его ученики мечтали о престижных йешивах Слуцка и Мира.

Дова-Бера назначили старостой любанской талмуд-торы. Он нашел преподавателя, научившего детей писать на идише, а также русскому языку. Захр'я бен Гиршл, сын шапочника, преподавал Талмуд. В талмуд-торе учились преимущественно сироты и дети малоимущих, поэтому Дову-Беру нужно было заботиться о том, чтобы обеспечить их одеждой и обувью. Городок был очень беден, и моему отцу приходилось самому искать и находить деньги.

Существенную поддержку талмуд-торе оказали лесоторговцы из Любани и окрестностей. Пожертвования поступали из разных мест, даже из Старой Дороги. Некую сумму пожертвовал управляющий лесопилки Поляка и Висбрама.

Когда раби Яков-Довид Виловский открыл в Слуцке йешиву, он лично объехал местечки вокруг Слуцка для сбора средств. Приехал он и в Любань.

Моему отцу довелось присутствовать при разговоре между р. Виловским и любанским раввином р. Ерузелимским. Обратившись к отцу, гость сказал ему:

– Реб Бер, ваши ученики завтра станут студентами слуцкой йешивы. Поэтому вы просто обязаны стать сборщиком пожертвований для нее.

Отец задумал открыть в Любани такую же йешиву, как в Слуцке, но из этого ничего не вышло.

Вспоминаю один случай, когда мы с братом поучаствовали в исполнении важной заповеди. В городке случился пожар (обычное явление того времени). Среди прочих сгорел и дом вдовы П. Корова и часть пожитков — вот все, что ей удалось спасти. Мой отец и реб Исроэл-Лейб обязались построить ей дом и начали собирать пожертвования у жителей Любани и окрестностей. Они занимались этим около года, однако собранных денег еле-еле хватило на то, чтобы купить дом у христианина из соседней деревни, который обязался привести его в местечко и собрать на новом месте. Продавец выполнил свое обязательство, однако ему нужны были помощники. Я и мой брат трудились вместе с ним до тех пор, пока работа не была выполнена.

Этой женщине зачастую нечего было есть, и она выпрашивала еду у соседей. Однажды, когда они ничего не смогли ей дать, она пришла к нам. Отец сразу же подошел к буфету, достал последний кусок хлеба и отдал ей.

Существенную поддержку талмуд-торе оказали лесоторговцы из Любани и окрестностей. Пожертвования поступали из разных мест, даже из Старой Дороги.

Вечером, когда пришло время готовить ужин для детей, мама обнаружила, что в доме нет хлеба. Брат объяснил ей, что случилось. Мама заявила отцу, что не подобает отдавать последний кусок. Отец ответил, что в Танахе ясно и недвусмысленно предписано разделить свой хлеб с голодным⁹⁶⁰, и прежде всего с вдовой, растящей голодных сирот.

Даже когда отец смертельно заболел, он не выпускал из рук Талмуд. Родственники умоляли его прервать учебу и немного отдохнуть, но он ссылаясь на слова мудрецов, считавших лучшим средством от головной боли занятия Торой⁹⁶¹.

Почти сорок лет мой отец вел молитву в синагоге. В праздники ему поручали вести молитву «Мусаф».

Почти тридцать лет он регулярно давал в доме учения уроки: по будням — по книге «Эйн-Яков», а по субботам — по недельной главе Торы. Тридцать лет он занимался нуждами талмуд-торы и был одним из руководителей похоронного братства. Он скончался в возрасте 64 лет.

Биньомин (Бени) Кацнельсон

Биньомин Кацнельсон родился в 1888 году в Любани. Его отцом был р. Дов-Бер. Биньомин учился в известных йешивах и был одним из самых образованных жителей местечка. Вместе с женой Мусей, в девичестве Ѓаркави, он стал одним из первых сионистов-первопроходцев, уехавших в Страну Израиля в 1921 году. В первые годы он строил дома и дороги, а затем стал чиновником тель-авивского горсовета. Скончался в Тель-Авиве 13 адара 5721 (1961) года.

Реб Биньомин Вольфсон

Ц. Островская

В 1922 году мой отец в одиночку перешел российско-польскую границу и прибыл в Барановичи. Там он получил место преподавателя йешивы. Вести, полученные от него по нелегальным каналам, очень нас обрадовали. Тем временем он искал способ переправить в Польшу всю семью.

Наша семья состояла в то время из пяти человек: мама, три дочери и сын. Замужняя дочь Тайбл вместе с мужем и двухлетним сыном еще прежде благополучно пересекла границу и временно поселилась в Барановичах, надеясь эмигрировать оттуда в большой мир. Присланное отцом сообщение, что он нашел верного человека, который переправит нас через границу, было встречено с радостью. Мама предложила мне ехать первой, но я не согласилась под предлогом того, что ей будет гораздо легче, если я возьму с собой брата, а она временно останется с двумя девочками. К несчастью, нас с братом задержала польская пограничная стража, и мы провели в тюрьме три недели. Отцу удалось добиться освобождения брата, меня же должны были вернуть обратно в Россию.

Как-то ночью я решила попробовать бежать из полицейского участка. В одном из маленьких пограничных городков я кое-кого знала и надеялась,

⁹⁶⁰ См. «Йешаяѓу», 58:7.

⁹⁶¹ См. Талмуд, «Эрувин», 54а.

что они мне помогут. Побег удался, и через две недели меня доставили в Барановичи. Встречаться с отцом было опасно, поскольку он заявил под присягой, что порвал со мной все отношения. С помощью хороших людей я раздобыла бумаги о том, что являюсь уроженкой местечка недалеко от Барановичей.

Через три месяца из Америки пришли приглашение и деньги. В это время польское правительство объявило о депортации иностранных подданных, за исключением тех, кто собирается эмигрировать. Последним было позволено временно остаться на территории страны. Отец получил предписание покинуть Барановичи, однако руководство школы получило разрешение, чтобы он остался на своем месте.

Моя сестра с мужем и ребенком уехали из Барановичей, но после скитаний, продолжавшихся месяц, вернулись в Любань. Первое полученное от них письмо нас очень расстроило: мы узнали, что мама тяжело больна. Через три недели она скончалась. Я решила отказаться от поездки в Америку, чтобы не оставлять скорбящего отца одного, и предложила ему уехать в Страну Израиля. Он согласился, вопреки своему намерению, вернуться в Россию ради воссоединения семьи. Папа послал в Иерусалим р. Ерузелимскому письмо с просьбой помочь ему приехать. Через некоторое время мы получили предложение от йешивы «Торат-хаим», где ему предлагали место преподавателя, а также предоставляли право привезти с собой сына и служанку (упоминать его дочь было категорически запрещено).

В конце лета 1924 года мы начали готовиться к отъезду в Эрец-Исраэль. Мы хорошо знали об ожидающих нас трудностях, к тому же у нас не было денег. Хорошие друзья одолжили нам нужную сумму, и в пятницу наш пароход причалил в Яффо. Нас отвезли в гостиницу на улице Нахалат-Биньямин, и отец радостно отпраздновал свою первую субботу в Стране Израиля.

В ту субботу я нашла в Тель-Авиве нескольких земляков. Они не ожидали нас увидеть и встретили с распростертыми объятиями. На первых порах они опекали нас как родные братья. Мы поселились в Петах-Тикве и зарегистрировались на бирже труда. На несколько дней нас направили на работу

р. Биньомин Вольфсон
(в центре) с учителями
талмуд-торы в Кфар-
Ганим

на табачную фабрику. Даже отец занялся физическим трудом и был очень счастлив. После Пейсаха папа получил место учителя в еврейской школе «Шеарит Исраэль»⁹⁶². Его жалование составляло четыре лиры в месяц, но он подписал бумагу, что получает двенадцать, чтобы иметь возможность послать приглашение двум своим дочерям, оставшимся в Любани.

Несколько месяцев спустя он получил для них разрешение на въезд. И через десять месяцев после приезда мы отправились в порт, чтобы встретить девушек, приехавших с другой семьей. Отец поселился в Кфар-Ганим, приобрел небольшой участок земли, посадил фруктовые деревья и построил небольшой домик, в котором мы жили.

В еврейской школе он пользовался уважением, приобрел много друзей и был счастлив до конца своих дней. В поселке отец занимался общественной деятельностью и религиозными вопросами, в первую очередь строительством синагоги.

Он удостоился дожить до создания еврейского государства и возложил на алтарь отечества своего внука, моего сына Авнера, погибшего в ходе одной из операций «Пальмаха»⁹⁶³.

Отец дожил до 77 лет. В Рош-ѓа-шана он молился в синагоге, а шесть дней спустя, 6 тишрея, скончался. Жители Кфар-Ганим любили и уважали отца. В память о нем синагога была названа «Тиферет Биньямин»⁹⁶⁴.

Он удостоился дожить до создания еврейского государства и возложил на алтарь отечества своего внука, моего сына Авнера, погибшего в ходе одной из операций «Пальмаха»

РАВВИНЫ — УРОЖЕНЦЫ ЛЮБАНИ

Р. Йерухем ѓа-лейви Лейбович

(5633 / 1873 — 18 сивана 5696 (1936) г.

Родился в Любани в семье Аврома и Хаши Лейбович. Учился в йешивах Слободки и Кельме. Был духовным наставником в йешивах в Радоме (йешива Хофец-Хаима), Слободке, Поневеже, а затем, вплоть до конца своих дней, в йешиве Мира.

р. Йерухем ѓа-лейви Лейбович

⁹⁶² «Шеарит Исраэль» (иврит) — «Остаток Израиля».

⁹⁶³ «Пальмах» (иврит; акроним словосочетания *плугот махац* — ударные роты) — особые отряды «ѓаганы», позднее — часть Армии обороны Израиля. — *Прим. пер.*

⁹⁶⁴ «Тиферет Биньямин» (иврит) — «Великолепие Биньямина».

После Первой мировой войны влияние р. Лейбовича в йешиве Мира заметно возросло. Она считалась одним из крупнейших центров изучения Торы. В ней обучалось более пятисот студентов, включая сто учеников из Америки, Англии и Германии. Большинство глав польских йешив были учениками р. Йерухема. Время от времени они навещали своего наставника и советовались с ним по разным вопросам.

Р. Лейбович скончался в возрасте 63 лет.

Р. Шимен Стерлиц

Величайший знаток Торы р. Шимен Стерлиц скончался в Иерусалиме. Он был одним из ближайших учеников р. Аврома-Иццока Кука и был известен как один из ведущих иерусалимских знатоков Торы, а также как один из инициаторов издания «Энциклопедия талмудит» и членом ее редколлекции.

Р. Стерлиц родился в Любани и учился в йешивах Клецка и Слуцка. Позже он учился в израильской йешиве «Мерказ га-рав», где стал любимцем р. Кука. Раби Стерлиц навсегда остался его преданным учеником. Он опубликовал несколько статей о мировоззрении и творчестве р. Кука. Помимо своих познаний в Торе, р. Стерлиц отличался явными литературными способностями.

Усидчивый и трудолюбивый, он занимался Торой и днем и ночью. Обладатель многих достоинств, р. Стерлиц любил Сион всей душой. Он был блестящим знатоком Торы и буквально фонтанировал новыми идеями.

Р. Стерлиц успел записать значительную часть своих оригинальных толкований, изданных Гарри Фишелем. Кроме того, он прокомментировал комментарий Меири⁹⁶⁵ к трактатам Мишны «Авот» и «Моэд катан».

Р. Стерлиц пользовался любовью всех, кто его знал. Он умер от болезни сердца в возрасте 49 лет.

Р. Хаим Кабалкин

Хаим Кабалкин родился в новомесячье адара 5658 (1898) года в семье р. Йефуды-Лейба и Нехамы-Леи, дочери р. Биньомина Эпштейна. Он учился в Любани, а затем перешел в йешиву «Эц хаим» в Слуцке. Отличался успехами в изучении Торы, талантом и многочисленными достоинствами.

В начале 1921 года йешива «Кнесес Исраэль» вернулась в Слободку из украинского Кременчуга. Хаим Кабалкин оказался в числе трехсот вернувшихся учеников. Ему удалось ускользнуть из Слуцка, оставшегося под властью большевиков, и приехать в Слободку.

Хаим начал активно участвовать в жизни йешивы и вскоре стал известен, несмотря на свою скромность. Благодаря помощи из Америки йешива процветала.

В середине лета 1921 года Кабалкин вместе с несколькими другими йешиботниками попытался создать благотворительную организацию.

Много книг погребло и пришло в ветхость за время скитаний. Были куплены новые, однако не было кассы, которая предоставляли бы ссуды

После Первой мировой войны влияние р. Лейбовича в йешиве Мира заметно возросло. Она считалась одним из крупнейших центров изучения Торы.

---

⁹⁶⁵ Менахем Меири (1249, Перпиньян, Франция — 1315, там же) — известный средневековый раввин, комментатор Талмуда. — *Прим. пер.*

р. Хаим Кабалкин

р. Йегуда-Лейб
Кабалкин

нуждающимся студентам. И вот как-то в пятницу появился скромное объявление: тот, кому нужна кратковременная ссуда, может обратиться к NN или к Хаиму Кабалкину — каждую пятницу, в доме такого-то напротив йешивы.

В 1922 году в йешиве начался кризис. Все поняли, что Хаим Кабалкин «приготовил лекарство до начала болезни»⁹⁶⁶ — в его благотворительной кассе было больше тысячи литов.

Деятельность Хаима не ограничивалась стенами йешивы. В 1923 году, когда в Советской России начался голод, он организовал группу йешиботников, собиравших пожертвования и посылавших продуктовые посылки для спасения советских евреев.

Хаим Кабалкин оказался в числе тех, кто в 1925 году уехал в Эрец-Исраэль, когда йешива Слободки при поддержке американских евреев переехала из Литвы в святой город Хеврон.

Кабалкин убедил студентов йешивы создать организацию «Томхей-Тора ле-низкаким»⁹⁶⁷. Руководство йешивы ежемесячно отчисляло в кассу организации определенную сумму.

В адаре 5689 (1929) года после женитьбы на Хае, дочери р. Ицхока-Зелика Сливкина, Хаим переехал в Тель-Авив. Его шурин Нох был убит во время погромов 1929 года. Хаим вернулся в Иерусалим, чтобы взять на себя воспитание племянников.

Хаим Кабалкин не жалел сил, чтобы создать религиозное поселение в Иудейских горах (в том месте, где позже будет создан Кфар-Эцион). Он также создал организацию «Нега эмуним»⁹⁶⁸, названную в честь Носна-Цви Финкеля — Дедушки из Слободки, скончавшегося в 1927 году.

⁹⁶⁶ То есть заранее принял меры для решения ожидаемой трудности. Источник данного выражения — высказывание в талмудическом трактате «Мегила», 13б.

⁹⁶⁷ «Томхей-Тора ле-низкаким» (иврит) — «Поддерживающие Тору среди нуждающихся».

⁹⁶⁸ «Нега эмуним» (иврит) — «Росток верных». Нега — уменьшительный вариант имени Носн (Натан).

В 1923 году, когда в Советской России начался голод, он организовал группу йешиботников, собиравших пожертвования и посылавших продуктовые посылки для спасения советских евреев.

В том же году Хаим создал дом учения «Оѓалей-Тора»⁹⁶⁹, предназначенный для молодых людей, не нуждавшихся в финансовой поддержке, и призванный хранить и развивать традиции изучения Торы и религиозной этики, заложенные в йешиве Слободки. Вскоре этот дом учения стал престижным. Его главой был р. Гильман, зять р. Ицхака Ѓерцога⁹⁷⁰. За время своего существования дом учения воспитал несколько выдающихся знатоков Торы и религиозной этики, ставших судьями религиозных судов, раввинами и главами израильских йешив.

В 1942 году, в разгар Второй мировой войны, Хаим создал благотворительный фонд для студентов йешив, который назвал «Керен ПАЛМАН»⁹⁷¹, а также кассу помощи нуждающимся.

В 1944 году по рекомендации р. Мойше Эпштейна и р. Исера-Залмена Мельцера он стал ближайшим помощником р. Ѓерцога, пытавшегося осуществить свою давнюю мечту: создать антологию практической Ѓалахи. В результате возник знаменитый институт «Оцар ѓа-поским»⁹⁷², выпустивший серию трудов, посвященных разделу кодекса «Шульхан арух» «Эвен ѓа-эзер»⁹⁷³.

Хаим Кабалкин скончался от тяжелой болезни 20 адара-алеф 5711 (1951) года.

Любань, какой я ее помню

С. Асаф

Любань была типичным еврейским местечком, погруженным в себя и зарабатывавшим на хлеб в окрестных деревнях и лесах. Бревна связывали в плоты и сплавляли по реке Орессе. Любань находилась далеко от железной дороги. В ближайшие города вроде Слуцка или Бобруйска можно было доехать только на телеге.

Несмотря на удаленность от больших транспортных артерий, торговцы приезжали в местечко даже издалека, чтобы приобрести продукцию окрестных деревень: масло, мед, сушеные грибы, сало, воск, различные семена, рожь, пшеницу и крупный рогатый скот.

Богачей в Любани не было, большинство жителей с трудом зарабатывали на жизнь. Однако, как мне кажется, никто в Любани не голодал.

По роду занятий большинство любанцев были торговцами, лавочниками, плотниками, сапожниками или портными. Многие разъезжались в воскресенье по окрестным деревням и возвращались домой только в пятницу. Еще в городке были учителя, переписчики святых текстов и йешиботники, а также раввин, резник и служки. Был в Любани и свой сумасшедший. Звали его Шломке. Это был испорченный молодой человек, чье сумасшествие заключалось в том, что он не желал работать. Содержала его община. Один

Богачей в Любани не было, большинство жителей с трудом зарабатывали на жизнь. Однако, как мне кажется, никто в Любани не голодал.

⁹⁶⁹ «Оѓалей-Тора» (иврит) — «Шатры Торы».

⁹⁷⁰ Ицхак-Айзик Ѓерцог (1888, Ломжа, Российская империя — 1959, Иерусалим) — главный раввин Израиля (1937–1959). До этого был главным раввином Ирландии (1919–1937). — *Прим. пер.*

⁹⁷¹ ПАЛМАН — аббревиатура слов *Пеилут ле-маан мишпахот ницрахот* — «Деятельность в поддержку нуждающихся семей». — *Прим. пер.*

⁹⁷² «Оцар ѓа-поским» (иврит) — «Сокровища законоучителей».

⁹⁷³ Раздел, посвященный семейному и бракоразводному праву. — *Прим. пер.*

«Прогрессивный хедер» в Любани. Среди учителей: Йосеф Фейгес, Тамара Кацнельсон

из его выкрутасов состоял в том, что он внезапно подскакивал к представительницам прекрасного пола и целовал их. Женщины, впрочем, не жаловались — в конце концов, он был сумасшедшим.

В Любани жили около двухсот еврейских семей. Общественная работа вращалась вокруг различных благотворительных организаций: «Линас-га-цедек», занимавшейся среди прочего размещением гостей городка; погребального братства; пожарной команды; групп по изучению Мишны, кодекса «Шульхан арух» или книги «Эйн-Яков». Звуки Торы доносились из многочисленных хедеров и синагог, где учились не только йешиботники, но и так называемые прушим — взрослые мужчины, покинувшие семьи и посвятившие жизнь изучению Торы. Кроме того, существовал так называемый прогрессивный хедер, который был в то время новшеством и в котором учились дети местной интеллигенции.

В Любани действовали отделения различных светских партий. Заметнее других были ячейки «Цеирей-Цион» и Бунда. Стоит отметить, что Иче, сын раввина, вынужден был уехать в Америку, опасаясь преследований со стороны царских властей за свою социалистическую деятельность.

Центром общинной жизни служила синагога. Каждый, кто чувствовал, что с ним поступили несправедливо, шел в синагогу и не давал начать субботнее чтение Торы, пока с помощью собравшихся не находил решения своей проблемы.

Я помню, что как-то раз был предан отлучению еврей, подозреваемый в доносительстве. Вечером буднего дня зажгли черные свечи и трубили в шофар. Церемония произвела на меня неизгладимое впечатление. Прошло лишь несколько дней, и виновник раскаялся, после чего отлучение было снято.

В Любани не было ни одной семьи, где хотя бы один из сыновей не посвятил свою жизнь изучению Торы в йешивах Слуцка, Глуска, Мира или Шклова. Некоторые даже оказывались в Телзе и других центрах изучения

Торы, чтобы выучиться там на раввина. Несколько юношей учились в слуцкой гимназии. На каникулах они щеголяли в гимназической форме, украшенной блестящими пуговицами.

Йешиботники «ели дни» у слуцких домохозяев, в большинстве своем относившихся к ним уважительно. Кроме того, они получали из дома посылки с едой и одеждой, которые доставляли им возчики, не бравшие за это никакой платы, считая эту услугу своего рода взносом в пользу йешиботников. При этом, однако, они не утруждали себя напоминанием, кто их послал. Поэтому частенько можно было стать свидетелем того, как йешиботники копаются в тонком слое соломы, которой была выстелена большая телега, разыскивая свои посылки, и их глубокого разочарования, если они ничего не находили. Несмотря на близкое расстояние, домой они ездили лишь на осенние праздники и Пейсах, чтобы не пренебрегать изучением Торы.

Уровнем еврейского образования Любань превосходила все окрестные местечки. К примеру, между послеполуденной и вечерней молитвами местный сапожник Авром-Нох регулярно давал урок по кодексу «Шульхан арух» или по книге «Эйн-Яков».

* * *

Не было в Любани большей радости, чем в праздник Симхес-Тойре во время гакофойс. После службы учитель Хаим-Йосеф собирал всех детей, и они ходили по улицам городка с песнями и танцами, пускаясь в пляс перед домами самых уважаемых горожан.

Так же безудержно радовались и веселились на Пурим. Под грохот трещоток в синагогах читали Свиток Эстер, беднякам посылали разные кушанья. Кроме того, в местечке торжественно выбирали пуримского раввина: брали одного из йешиботников, приводили в дом к настоящему раввину, облачали в шелковую капоту и подпоясывали поясом. Белая накладная борода струилась по его одежде. «Раввина» усаживали в большое кресло и задавали ему различные вопросы. Несмотря на шутовской характер, эти вопросы свидетельствовали об учености и глубоких познаниях и позволяли ненадолго забыть о повседневной рутине.

После службы учитель Хаим-Йосеф собирал всех детей, и они ходили по улицам городка с песнями и танцами, пускаясь в пляс перед домами самых уважаемых горожан.

---

* * *

В Любани было три синагоги. В Большой синагоге молились главы и важные члены общины, а также раввин местечка. Синагога портных предназначалась для представителей этой профессии. (Разумеется, некоторые ремесленники молились в Большой синагоге, а некоторые особо уважаемые люди — в портновской, однако по большей части прихожане у этих синагог были разные.) Третью синагогу, так называемую Холодную, построил местный помещик — владелец земли, на которой стоял городок. Поэтому она не считалась собственностью общины. Она была очень красивой, и молились в ней только летом. Множество легенд было связано с этой синагогой, в которой не было ни свитков Торы, ни мезуз. Каждый был готов рассказать о покойниках, собиравшихся в ней на молитву, и другие подобные истории. Поэтому, когда детям доводилось проходить мимо нее ночью, их сердца сжимались от страха.

Все синагоги сгорели во время большого пожара, вспыхнувшего в Любани накануне Первой мировой войны. Вместо них построили один скромный дом учения.

доктор Иче

Берл Файтл с женой
Нехамой и детьми

Любань славилась своим врачом, доктором Спиридоновым. Это был православный человек с добрым сердцем, друг евреев. Он считался специалистом по лечению трахомы, и все, кто собирался ехать в Америку и боялся, что его не впустят из-за болезни глаз, обращались к нему для проверки и лечения.

Был в Любани и еврей, известный как «Доктор Иче». Он был одним из тех, кого забрали в армию при императоре Николае I. Свою «ученую степень» он получил во время двадцатипятилетней службы, после которой вернулся домой. Иче лечил людей до глубокой старости, когда уже совершенно оглох.

Его зять Берл Файтл стал местным аптекарем и одним из лидеров любанских просвещенцев.

* * *

Резник и могэль реб Яков был особенным человеком. Его лицо, казалось, светилось, а с губ никогда не сходила улыбка. Когда какой-нибудь мясник возмущался, что своими ногтями он удаляет некоторые дефекты легких животного и теперь мясо стало некашерным, он неизменно отвечал: «Ты дурак, ты просто дурак». На самом деле он заботился о еврейских деньгах и переживал из-за каждой туши, объявленной некашерной. Реб Яков носил длинную капоту, покрытую жирными пятнами. Основным его «заработком» были кишки и желудки, которые он получал в качестве платы за работу. Его дети тоже выучились на резников. Один из них, Нехемья, стал раввином в американском городе Толидо. Две его дочери вышли замуж, одна — за реб Рувена Лейбовича, а другая — за р. Мойше Файнштейна, последнего раввина Любани⁹⁷⁴, и жили в Нью-Йорке.

Мое перо не в силах нарисовать полную картину жизни в местечке. Поэтому ограничусь одним случаем, наделавшим шуму в Любани.

⁹⁷⁴ Впоследствии раби Мойше Файнштейн стал ведущим религиозным авторитетом американского еврейства. — *Прим. пер.*

Последний резник
Любани Яков-Мойше
Кустанович. Был убит
на исходе поста
9 ова 1941 г.

Мясник Иче-Яков слыл богатым и уважаемым человеком. Он был одним из оптовых торговцев крупным рогатым скотом и ездил на ярмарки в дальние края. Иче-Яков очень гордился своей бородой и старательно за ней ухаживал.

При каждом случае друзья убеждали его продать бороду, но он, разумеется, отказывался. Однако как-то раз, когда сердце его развеселилось от вина в связи с удачной сделкой на ярмарке, он согласился продать ее за сто рублей — большие деньги по тем временам. Иче-Яков обязался расстаться с ней, вернувшись домой.

Протрезвев, мясник понял, что станет в местечке всеобщим посмешищем, если сдержит слово. Друзья, однако, не уступали и настаивали на своем. Кончилось тем, что стороны отправились судиться к р. Ерузелимскому. Раввин решил, что сделка изначально недействительна, ибо еврею запрещено продавать бороду, свой «божественный образ». Иче-Якова он приговорил к нескольким дням поста, а также велел ему пожертвовать синагоге фунт свечей.

Его соседом был мой дядя, Мордхе Кикоин, который учил Тору, в то время как его жена Бася-Малка зарабатывала на жизнь и кормила семью. Она овдовела достаточной молодой и в одиночестве растила многочисленных детей. Бася-Малка зарабатывала на жизнь благодаря своей лавке. У окрестных крестьян она скупала фрукты до сбора урожая, когда они были еще незрелыми. Лучше всего ей удавались моченые яблоки. Кроме того, она следила за выпечкой мацы, как обычной, так и «шмуры»⁹⁷⁵.

Бася-Малка была доброй и энергичной женщиной, полной сил и всегда готовой для добрых дел. Она удостоилась поселиться на Святой земле, где прожила до глубокой старости.

⁹⁷⁵ Маца *шмура* изготавливается из зерна, которое с момента жатвы тщательно охраняется от любого контакта с влагой, чтобы избежать малейшего риска брожения. — Прим. пер.

Иче-Яков Малин
(справа) с семьей

Сидят (справа налево):
р. Ицхок-Айзик Семель,
р. Йехиэл-Михл
Файнштейн, ребенок —
сын родственников,
р. Рувен Львович.
Стоят (справа
налево): р. Нехемья
Кац, р. Зелик Портман,
р. Нисн Ваксман,
р. Мойше Файнштейн,
его зять Эли-Мойше
Шисгаль и его отец
р. Авром-Ицхок
Шисгаль

Мой отец реб Йеѓуда-Зеэв (Лейб-Вольф) Осовский

Субботние гимны, которые распевал за трапезой мой брат Хаим-Довид, собирали многочисленных слушателей, прежде всего из числа местной молодежи.

В заключение я хочу написать о своем отце, реб Лейбе-Вольфе. Он был одним из самых именитых любанцев. Отец отличался богобоязненностью и уважал знатоков Торы. По субботам он не уходил из синагоги, не пригласив одного-двух гостей поесть за своим столом. Субботние гимны, которые распевал за трапезой мой брат Хаим-Довид, собирали многочисленных слушателей, прежде всего из числа местной молодежи. Студенты йешивы в нашем доме «ели дни», как это было принято в те времена. Дом всегда был полон гостей, включая посланцев и магидов, приезжавших из Страны Израиля и много-словно рассказывавших о возрождении еврейских поселений.

Отец очень любил вести службу в синагоге. Поскольку он был замечательным хазаном, не затягивавшим службу посторонними напевами, молодежь часто уговаривала его вести молитву.

р. Йегуда-Зеев
Осовский

Мы жили в просторном доме, одном из самых больших в местечке. Во дворе находились коровник и амбар, который в сезон урожая наполнялся овсом, пшеницей и рожью.

Мой отец занимался самыми разными предприятиями: торговал лесом, сдавал в аренду рыбные пруды и участки для выращивания картофеля... Жителям городка он сдавал эти участки за полцены и считал заповедью привезти какой-нибудь бедной вдове мешок-другой картошки или подводу дров. Отец творил добро щедрой рукой.

У него были хорошие отношения с местными властями. Какие бы трудности и проблемы ни возникали, он выступал в роли заступника и ходатая. Отец умел найти подход к губернским чиновникам, не отличавшимся любовью к евреям.

Моя мама Фейга, которая вела хозяйство реб Якова Хосида, умерла достаточно молодой, оставив нескольких маленьких детей. После ее смерти отец женился на Славе, дочери резника Хаима-Зелика Каплана.

Отец мечтал уехать в Эрец-Исраэль и воссоединиться со своими детьми. К несчастью, он так и не успел это сделать.

Мой брат профессор Симха Асаф в письме собранию любанского землячества, состоявшемуся в 1948 году в доме Йосефа и Блюмы Кикоиных, предложил следующую резолюцию: «Стоит подумать о создании мемориала славному городу Любань, который известен любовью к Торе и добрыми делами». Он также высказал желание принять участие в создании памятной книги, где будут перечислены имена всех прославившихся познаниями в Торе и мудростью, кто вырос в этом местечке. Работа в других областях не позволила ему осуществить этот проект. Он утешал себя тем, что возьмется за это, когда выйдет на пенсию, однако смерть похитила его прежде. Вместе с ним был погребен огромный кусок Любани.

У него были хорошие отношения с местными властями. Какие бы трудности и проблемы ни возникали, он выступал в роли заступника и ходатая.

Любанская библиотека

Й. Кикоин

Библиотека покорила мое сердце, когда я был еще ребенком. Сначала я был ее постоянным читателем, а позже стал библиотекарем и посвятил свою жизнь пополнению ее фондов.

К счастью, моим советником и наставником стал мой любимый учитель реб Ѓешл Трушкин, один из лучших передовых учителей местечка. Своим ученикам он прививал любовь к поэзии на иврите. Так, когда в нашем городке появилось стихотворение Бялика «Эль ѓа-ципор»⁹⁷⁶, он с выражением прочел его своим ученикам и велел выучить наизусть.

Любанская библиотека играла важную роль в жизни учеников хедеров и йешив, давая им возможность расширить свои познания в еврейской и общей литературе. Наибольшее впечатление производили на них романы Аврома Мапу «Аѓавас-Цион» и «Ашмас-Шомрон»⁹⁷⁷. В этих книгах действовали герои Танаха. Первой книгой, которая произвела сильное впечатление на меня, стала повесть о погроме в Умани «Бейн ѓа-патиш ла-садан»⁹⁷⁸.

Библиотека росла под руководством моего родственника Хаима Асафа и со временем стала насчитывать две тысячи томов — внушительное число для маленького местечка вроде Любани. После того как Хаим уехал в Америку, директором библиотеки стал я. Пытаясь организовать сбор пожертвований, я обратился к ремесленникам и лошаднякам.

Как-то раз я оказался в доме известного лошадняка Шолома-Боруха и попросил сделать пожертвование на библиотеку. Взглянув на меня, он заявил:

Халуцим из Любани по пути в Эрец-Исраэль.

Сидят (справа налево):
Лейзер Шенкман,
Сора Кустанович-Шенкман, Белка Кикоин, Ямима Кацнельсон-Бар-Натан, Исроэл Якоби, Йосеф Кикоин.

Стоят (справа налево):
Шлойме Каплан,
Наама Воскобойник-Рабинович, Хаим Островский, Лейзер Тепер, Рувен Кустанович

⁹⁷⁶ «Эль ѓа-ципор» (иврит) — «К птице» — стихотворение, опубликованное в 1892 г.

⁹⁷⁷ «Ашмас-Шомрон» (иврит в ашкеназском произношении) — «Вина Самарии».

⁹⁷⁸ «Бейн ѓа-патиш ве-ѓа-садан» — «Между молотом и наковальней» — опубликованный в 1898 г. в Житомире перевод на иврит повести русского писателя Д.Л. Мордовцева, первоначально напечатанной в 1891 г. в журнале «Восход» и через год вышедшей в урезанном цензорами виде отдельной книгой под названием «Между Сциллой и Харибдой».

– Чтобы я сделал подарок библиотеке? Я совершенно далек от этого!

– Это все знают, — ответил я, — но я надеялся, что вы не хотите, чтобы ваши дети выросли такими же невеждами, как вы.

Я со страхом ждал его реакции, однако, к моему удивлению, мои слова достигли цели, и он сделал щедрое пожертвование.

Многие йешиботники были членами движения «Цеирей-Цион». Я тоже был активистом этой организации и до сих пор храню свой членский билет. Даже местные ортодоксы относились к сионизму благожелательно. Особенно активно нас поддерживал раби Нехемья Ерузелимский. Позже он сам уехал в Страну Израиля.

Незадолго до моего отъезда в Эрец-Исраэль моя мама заболела и пошла к р. Нехемье посоветоваться на то, что я покидаю ее в таком состоянии. Раввин ответил:

– Бася-Малка, вы же умная женщина. Если он не поедет, если я не поеду, то кто поедет?

С началом Второй алии евреи нашего городка начали уезжать в Эрец-Исраэль. В их числе были братья Залмен и Ицхок Эпштейны, а также Эфрим Эпштейн из Кузьмичей, который стал одним из первых стражей Шароны⁹⁷⁹ и кибуца Мерхавия и одним из основателей поселка Кфар-Йехезкель. Хонон-Яков Фейгес уехал учиться в гимназию «Герцлия». Вернувшись из-за тяжелой болезни, он рассказывал чудесные истории о Стране и ее благословенных плодах. В качестве примера он показывал почему-то кокосовый орех — плод, который в Израиле не растет. Содержимое ореха было съедено нашей семьей, скорлупу же мы, дети, передавали из рук в руки, мечтая о Стране Израиля и тех временах, когда мы удостоимся вкушать ее плоды.

Многие уроженцы Любани приехали в Эрец-Исраэль в годы Третьей алии. В это время приехали и некоторые их родители, в том числе моя мать, мой тесть реб Хаим Кацнельсон с женой, Довид Ичес и другие.

Бася-Малка Кикоин

Членский билет
любанской
организации
«Цеирей-Цион»

Хонон-Яков Фейгес уехал учиться в гимназию «Герцлия». Вернувшись из-за тяжелой болезни, он рассказывал чудесные истории о Стране и ее благословенных плодах.

⁹⁷⁹ Шарона — мошава в 4 км севернее г. Яффо, ныне — район Тель-Авива.

Любанцы из семьи моей матери

Р. Фейгенберг-Имри

*Поминальная свеча моему брату Ицику,
умершему в Любани в расцвете лет*

Я потеряла отца, когда мне было четыре года. В семье было трое детей: я и два младших брата — Ицик и младенец Нохемке. Вскоре нас осталось двое, Ицик и я, поскольку Нохемке скоропостижно скончался в возрасте двух с половиной лет, выпив уксуса вместо воды. Местечковый врач не знал, что ребенку нужно промыть желудок. Нохемке промучился всю ночь и умер на руках у мамы в тот момент, когда она приехала в Слуцк, к нашему родственнику доктору Шильдкрауту, к которому понеслась, надеясь спасти ребенка.

Взглянув на маму с мертвым ребенком на руках, доктор Шильдкраут говорил с ней очень резко. Он был потрясен невежеством нашего врача.

Этот трагический случай оставил мрачный след в жизни нашей маленькой осиротевшей семьи. Прошло много времени, прежде чем мы понемногу пришли в себя.

Своего отца, Бера Фейгенберга, я совсем не помню. Из моего детства в памяти остались лишь многочисленные книги его библиотеки. Они были большие и тяжелые, в качественных коричневых переплетах, с разными украшениями. Мама овдовела достаточно молодой. Вскоре она продала книги покойного мужа богатому еврею из Слуцка, чтобы на вырученные деньги открыть в нашем доме лавку. Благодаря этой торговле она могла прокормить своих детей.

Тем не менее казалось, что отцовские книги остались в нашем доме и после того, как мама с плачем упаковала их в мешки и отослала в Слуцк. Она все время рассказывала нам, мне и младшему брату Ицику, историю отцовских книг. Частично они принадлежали и ей, поскольку их купили на ее приданое. Отказывая себе в самом необходимом, она заплатила переплетчику за хорошие переплеты. С этими книгами у нее были связаны определенные планы: купивший их богатый еврей обещал, что, когда ее дети подрастут и смогут выкупить отцовские книги, он им в этом поможет.

Мой отец не был уроженцем Любани. Он все время преподавал в других местах.

Дед со стороны отца раби Яков Фейгенберг казался мне в детстве непонятным и чужим. Более тридцати лет он был раввином местечка, однако до конца своих дней так и не стал в нем своим. Внешне он выглядел не как раввин, а как обычный крестьянин. Дед любил поплавать по реке на лодке, чтобы поймать карпа для субботней трапезы. Он часто ездил в Слуцк, поскольку происходил из состоятельной и уважаемой слуцкой семьи. Некоторые его родственники были богатыми купцами, свободно говорившими на местных языках и ездившими по торговым делам в Гомель и даже в Киев.

Возможно, он бежал от нищеты, царившей в его доме. Две его жены тоже не смогли укорениться в городке из-за страшной бедности, в которой жил раввин. Первая жена, дочь богатых деревенских евреев, умерла тихо и безмолвно, точно так же, как безмолвно страдала всю свою жизнь. Ее деревенские родственники, арендаторы окрестных поместий и рыбных прудов,

Вскоре она продала книги покойного мужа богатому еврею из Слуцка, чтобы на вырученные деньги открыть в нашем доме лавку. Благодаря этой торговле она могла прокормить своих детей.

помогали ей прокормить вечно голодных детей. Вторая супруга, родом из Любани, была горожанкой, любившей наряжаться и читать любовные романы. Она ненавидела бедность, царившую в доме мужа, и месяцами жила в семье богатой дочери от первого брака Ханы-Пеши-Зинды, пока не являлся муж, требовавший, чтобы она вернулась домой. После ее возвращения проходило немного времени, неделя или две, и она снова уезжала в Слуцк, чтобы наслаждаться хорошей жизнью в доме дочери.

Дядя Йеѓошуа, брат моего отца, произвел на меня сильное впечатление. Хотя он был местным уроженцем, казалось, что он попал в Любань случайно или даже против своей воли. Он все время интересовался новостями извне. Каждый день и час дядя рыскал в поисках новых людей, чтобы поговорить с ними о политике. Он постоянно искал газеты на русском языке, чтобы быть в курсе происходящего в столичном Петербурге. Временами мне казалось, что дядя — узник своей жены Нехамы, дочери реб Хаима-Зелика, настоящего любанца. Нехама гордилась ученостью и мудростью своего покойного мужа. За высокомерие их с сестрой прозвали в местечке «читательницами». В Любани не любили «аристократов», превозносившихся над общиной; жители городка не знали сословного расслоения, тем более что уровень жизни обеспеченных семейств был ненамного выше, чем у бедняков. Поведение тетки Нехамы, пытавшейся отстаивать свой высокий статус, якобы положенный ей в силу происхождения, не соответствовал местным нравам.

Были у нас и родственники, порвавшие с семьей. Первым из них стал дед со стороны мамы Нохем Эпштейн, покинувший местечко еще в юности ради несбывшихся планов построить мельницу. После многих трудностей он оказался в Одессе и перевез туда всю свою семью.

Однако моя мама Сора Фейгенберг, в девичестве Эпштейн, отказалась от одесских богатств. После смерти отца братья советовали ей перебраться туда вместе с детьми, поскольку в Одессе ей помогут их вырастить и дать им образование. Тем не менее она решила остаться в Любани, чтобы получать пропитание не от братьев, а из рук Всевышнего.

Бабушка была настоящей патриоткой Любани. Поэтому, когда она уехала в Одессу, нам казалось, что это очень близко, как будто Любань была одним из одесских пригородов.

Бабушка Фейга-Бейла Эпштейн, в девичестве Шапиро, не была уроженкой Любани. В наше забытое Богом, утопающее в грязи местечко она приехала из Бобруйска. Не удивительно, что младшие братья дразнили ее накануне свадьбы, говоря, что в Любани евреи носят деревянные башмаки, как неевреи, что во всем местечке есть только одна пара нормальных башмаков, которые стоят у дверей синагоги, чтобы их мог надеть тот, кто подходит к ковчегу. Из-за этого бабушка много плакала.

Тем не менее, приехав после свадьбы в Любань, бабушка быстро прировнялась к местным обычаям и начала торговать с соседями, как это делали местные предприимчивые еврейки. Трех своих дочерей она учила читать молитвенник и писать письма на идише, а также начаткам русского языка, чтобы они смогли написать свой адрес на конверте.

В Любани бабушка познала бедность и нужду. Ей приходилось много и тяжело работать, поскольку она должна была сама содержать семью: муж все время был в отъезде, и его преследовали бесконечные неудачи. В местечке бабушка прижилась. Даже в Одессе она чувствовала себя временной жительницей, ее домом оставалась Любань.

Каждый день и час дядя рыскал в поисках новых людей, чтобы поговорить с ними о политике. Он постоянно искал газеты на русском языке, чтобы быть в курсе происходящего в столичном Петербурге.

Свою вторую дочь она выдала замуж в Любани уже после того, как младшая четыре года жила в Одессе. Поскольку портовый город притягивал бесчисленные толпы приезжих самого разного происхождения, она решила, что выдать там замуж дочь невозможно, не снизив еврейский духовный уровень семьи.

Свою дочь она отдала за Залмена, родственника из села Яминск. Несмотря на то что он родился далеко от центров цивилизации, это был начитанный юноша. Молодые поселились в Труханах, уединенной деревне в окрестностях Любани. Кроме них, других евреев там не было.

Благодаря дочерям бабушкино сердце осталось в Любани, и она с удовольствием навещала родное местечко.

* * *

В доме был праздник. Мне исполнилось семь лет. Мама испекла яблочный пирог и пирожки на масле, чей аромат заполнил весь дом. Любопытные соседи толпились у дверей с младенцами на руках. Мальчики, вернувшиеся из хедера, заглядывали в окна. Нас с Ициком прямо с утра нарядили в субботнюю одежду. Мы были счастливы.

Бабушка приехала! Бабушка приехала из Одессы! Ее огромный тяжеленный чемодан стоял в углу. Запертый, он притягивал наши взгляды, и мы, дети, поглаживали его с любовью, осторожно пытаясь сдвинуть с места. Мы уже знали, что он набит подарками, присланными из Одессы нашей тетей. Бабушка рассказывала нам новости далекого большого города, в который переселилась. Был канун субботы, и люди все приходили и приходили. Стоило одному уйти, как появлялся кто-нибудь еще. Эти мужчины, женщины и дети производили страшный шум.

С наступлением субботы дом наконец закрылся для любопытных визитеров. Мама и бабушка произнесли благословение над субботними свечами, пропели на традиционный мотив гимн «Лехо, дойди», и мы сели за стол и приступили к вечерней трапезе. Однако не успели мы завершить ее, как многочисленные родственники явились к нам с визитом. Пришли дедушка и бабушка, а также тети и дяди мамы вместе с детьми и внуками. Бабушка продолжила свой рассказ, подробно рассказывая об удивительном городе Одессе.

...Свечи в стоявших на столе четырех медных подсвечниках давно догорели. Гости разошлись. Комната погрузилась в сумрак, керосиновая лампа мигала. Младший брат заснул, сидя на диване, положив голову на диванные подушки. Он отказывался идти спать, ему хотелось дослушать бабушкины рассказы до конца. Я же сидела на пуфике около кровати и слушала, слушала, слушала... Мама с бабушкой продолжали беседовать, и я старалась не упустить ни одного сказанного слова. Однако и меня начало клонить в сон. Глаза слипались. Я ненадолго задремала — и через секунду уже спала как убитая.

Проснувшись, я обнаружила, что лежу в своей постели. Дом был залит светом, за окном ярко сияло солнце. Под окнами играли дети, и среди их голосов я различила голос брата. Мама с бабушкой сидели за столом, пили кофе с молоком и продолжали беседовать о семейных делах. Старший сын бабушки Залмен Эпштейн стал писателем. Он печатался в газете, выходившей на иврите. Его младший брат Ицхок — земледелец в Стране Израиля. Это совсем не то, на что бабушка надеялась. Оба брата отличались острым

умом и прилежно учились, удивляя своих учителей. Она надеялась, что они станут раввинами, но Бог рассудил иначе. Несмотря ни на что, оба брата — люди почтенные.

Мама вздохнула:

– Почтенные люди, как же! Все местечко надо мной смеется. Все знают, что они едят с непокрытыми головами. Каждая сплетница говорит гадости о братьях прямо в лицо. Люди утверждают, что они давно перестали молиться.

Бабушка вытерла глаза. Ее морщинистая рука была влажной от слез, однако голос оставался таким же ясным, как обычно:

– Мы сделали для них все. Все, что у меня было, я отдала своим детям. Ты, разумеется, знаешь, что папа послал Залмена в Воложин⁹⁸⁰. Позже оба занимались три года в одесском доме учения. Я берегла Иццока как зеницу ока, хотя он уже учился в гимназии. Папа похлопотал, чтобы его взяли в хор Большой синагоги, и по субботам он был освобожден от уроков. Я пекла ему булочки на масле, чтобы в гимназии ему не нужно было совершать омовение рук⁹⁸¹. И все равно они выпрыгнули из своей шкуры. Такова моя доля, Бог не удостоил меня иного.

Бабушка разрыдалась, однако быстро взяла себя в руки и сказала:

– Не будем нарушать субботний покой. Пора идти в синагогу.

Мама расчувствовалась:

– Мамочка, прости меня, что я тебя расстроила.

– Прощаю, доченька.

Прошло около пяти лет. Мы с Ициком выросли. Он уже изучал в хедере Талмуд, а я занималась русским, идишем и немного арифметикой с учителем. Он был родом из деревни, однако получил образование в каком-то городе и теперь обучал девочек в местечках нашего уезда. По вечерам я учила Танах с соседом, учителем реб Йедидьей.

Как-то раз в доме снова наступил праздник. Мама получила посылку от своих родственников, живших в дальних краях. Дело было накануне Пейсаха. Возчик привез из Бобруйска запечатанный, тщательно упакованный ящик. Он пришел на почту на мамино имя и был отправлен из Страны Израиля ее братом Иццоком Эпштейном.

После этого личный и общественный статус Иццока возрос в глазах любанцев настолько, что они позабыли обо всех его прегрешениях: о том, что, подобно своему брату, писателю Залмену Эпштейну, он ест с непокрытой головой и не молится. В это время в забытой Богом Любани повеяли новые ветры любви к Сиону и зазвучали чудесные истории о билуйцах⁹⁸², уехавших в Эрец-Исраэль, чтобы обрабатывать там землю. Ицхок из Любани последовал их примеру.

Во всех окрестных местечках евреи с восторгом читали его письма сестрам из Страны Израиля, написанные на идише. Подробнее всего об-

---

В это время в забытой Богом Любани повеяли новые ветры любви к Сиону и зазвучали чудесные истории о билуйцах, уехавших в Эрец-Исраэль, чтобы обрабатывать там землю.

---

⁹⁸⁰ Воложинская йешива в то время была одной из самых известных.

⁹⁸¹ Перед тем как есть между трапезами хлебобулочные изделия, тесто для которых замешано не на воде, а на масле, соке, маргарине, сахарном сиропе и т. д., согласно Галахе, не требуется совершать ритуальное омовение рук (в отличие от хлеба).

⁹⁸² БИЛУ — возникшее в конце XIX в. движение, целью которого было сельскохозяйственное заселение Страны Израиля. Название является акронимом слов «Бейс-Яаков, леху ве-нелхо...» (иврит в ашкеназском произношении) — «Дом Яакова! Придите, и пойдём...» («Йешаягу», 2:5). — *Прим. пер.*

суждали письмо, в котором он описал свою женитьбу на дочери еврейского крестьянина из Рош-Пины. Больше всего удивлялись, что Ицхок не получил за ней никакого приданого, как это было принято испокон веков. Чтобы выдать замуж своих дочерей, люди тяжело трудились. Разумеется, Ицхок был счастлив, что родители невесты не потребовали от него работать до седьмого пота, чтобы выдать за него свою дочь.

Письма переходили из рук в руки, обошли всю Любань и окрестные местечки, так что буквы совершенно стерлись. Тем не менее невозможно было сделать так, чтобы местные евреи не читали наших писем. Теперь же они узнали, что родственник прислал нам из Эрец-Исраэль подарок на праздник Пейсах.

Разумеется, по такому важному случаю собрался народ. Сгоравшие от любопытства соседи позабыли о предпраздничной уборке и столпились у дверей нашего дома. Дети с воплями носились вокруг. Посылку открыли на глазах у всех. Внутри оказался еще один ящик, обитый блестящей жемчужной бумагой. Когда его вскрыли, он оказался полон бутылок пасхального вина «Кармель» — вина из Страны Израиля! Толпа была потрясена. Люди рассматривали запечатанные бутылки и читали этикетки. Они были на иврите, с эмблемой винодельни «Кармель» — виноградной гроздью, которую несли двое мужчин. Все сразу поняли, о чем идет речь: о лазутчиках, срэзавших в долине Эшколь ветвь с огромной гроздью винограда и доставивших ее, привязав к шесту, на своих плечах Моше-рабейну⁹⁸³.

Собравшиеся пришли в неописуемый восторг. Еще бы — ведь это та самая гроздь, которую принесли лазутчики, посланные осмотреть Страну обетованную! Вот настоящие бутылки вина! Практически все были уверены, что это вино с виноградников, принадлежащих лично Ицхоку Эпштейну. Сначала он был простым земледельцем, а теперь стал землевладельцем или деловым партнером хозяина виноградника и винодельни и посылает сестре подарок из плодов своей земли. Замечательно, просто замечательно!

Дети были впечатлены сильнее других. Они были очарованы, потрясены и полны восторга. Побежав домой, они принесли свои Пятикнижия, пролистали их и нашли отрывок, где говорилось о шесте, на котором несли виноградную гроздь. Все вместе они радостно прочли его, словно найдя в Пятикнижии бесценное сокровище. Водя пальчиками по строкам, они разглядывали винные бутылки с волшебными этикетками, сошедшими прямо со страниц Торы.

Тем временем растроганная мама пересчитала бутылки. Их оказалось ровно двенадцать. На глазах у всех она прикинула, как разделит это вино: сколько бутылок нужно послать сестре в деревню, сколько — на пасхальный сейдер, сколько она раздаст местным родственникам... Разумеется, одну бутылку она пошлет тестю, раввину местечка, а еще одну подарит реб Йеди-дье, учителю своих детей, который тоже находился в этот момент в нашем доме. Согласно ее расчетам, на все это уйдет восемь бутылок вина, а еще четыре она оставит на следующий Пейсах.

Однако предложенный ею вариант распределения немедленно вызвал шумные протесты. Хазан Довид, затесавшийся в толпу любопытствовавших, явившихся к нам посмотреть на вино, сказал резко, в своей обычной манере:

⁹⁸³ См. «Бемидбар», 13:23.

– Сореле, несправедливо хранить вино Страны Израиля в подвале до следующего Пейсаха, не дав здешним евреям его попробовать. Если уж нам прислали вино из Эрец-Израэль, мы должны попробовать хотя бы капельку, хотя бы на сейдере. Так что продай лишние бутылки, каждый из нас с радостью даст хорошую цену.

Мама засмеялась:

– Неужели четырех оставшихся бутылок хватит на сейдер всем евреям города? Да и не хочу я продавать подарок своего брата.

– Чтобы исполнить заповедь, можно будет долить кидушный бокал обычным изюмным вином. Зато мы сможем произнести кидуш над вином из Страны Израиля.

Мама согласилась и продала оставшееся вино стаканами — с условием, что плату покупатели раздадут беднякам, причем каждый даст, сколько пожелает.

Все были очень довольны этим решением.

Накануне Пейсаха люди пришли к маме со стаканами, и она наполнила их из четырех бутылок, пожертвованных общине. Каждый получил свою долю. Мы с младшим братом Ицхаком сидели рядом с мамой, держа в руках тарелку, куда клали монеты для бедных, и радовались тому, что удостоились поучаствовать в добром деле.

Предпасхальная раздача вина из Страны Израиля имела важное значение для нашей общины. Мама всегда искала любую возможность выполнить заповедь, однако была слишком стеснительной, чтобы сделать что-то новое и необычное. Теперь же ей удалось организовать раздачу вина в пользу любанских бедняков. Это придало ей смелости, и она открыла собственную благотворительную кассу, куда вложила свои деньги. Этой кассой она распоряжалась мудро и взвешенно.

Мама приобретала товар в Слуцке. Каждую неделю городские возчики привозили ей в лавку самые разные товары в соответствии с тем, что она заказывала в городе. Дважды в год, накануне Пейсаха и Рош-га-шоне, мама ездила в Слуцк, чтобы сделать большие оптовые закупки и рассчитаться с поставщиками.

Деньги, вырученные в лавке, она ссужала каждые полгода любанской общине для помощи нуждающимся — с условием, что за неделю до ее очередной поездки в Слуцк ссуда будет погашена. Это условие неукоснительно соблюдалось на протяжении многих лет.

Благотворительная касса моей мамы действовала в Любани до того дня, пока в возрасте тридцати восьми лет она не скончалась от болезни.

* * *

После смерти мамы одесская бабушка сумела пристроить нас на год. Я должна была по-прежнему торговать в нашей лавочке, как и во время маминой болезни. Судя по всему, бабушке хотелось сделать меня настоящей лавочницей. В свои двенадцать лет я уже знала все правила арифметики. Кроме того, я научилась торговаться с покупателями. Также мне было велено стать учительницей своего брата Ицика.

Что касается лавки, бабушка засыпала меня бесчисленными указаниями. В первую очередь она предостерегала меня относительно неправильных мер и весов, особенно когда я имею дело с нееврейскими покупателями.

Мама всегда искала любую возможность выполнить заповедь, однако была слишком стеснительной, чтобы сделать что-то новое и необычное.

— Если я обмерю или обвешу еврейского покупателя, — говорила она, — он скажет, что я плохой человек. Нееврей же скажет: так же, как меры и гири у них неправильные, и вера у них неправильная. Поэтому обман нееврея — осквернение имени Всевышнего! Так что будь осторожной, внученька.

Я внимательно слушала мудрые речи своей бабушки, стараясь хорошенько все запомнить, чтобы исполнить.

Где-то через год бабушка снова приехала из Одессы и была разочарована, не узнав нашу когда-то замечательную лавку.

Где-то через год бабушка снова приехала из Одессы и была разочарована, не узнав нашу когда-то замечательную лавку. Торговое предприятие, много лет позволявшее нашей семье вести достойную жизнь, под моим руководством захирело. Весь городок над этим смеялся. Люди говорили, что я раздала всю лавку местным беднякам.

Разумеется, это было неправдой. Я бы никогда не осмелилась «раздать» лавку, порученную мне моей семьей, чтобы я могла содержать младшего брата. Все дело было в страхе, порожденным бабушкиными наставлениями касательно неправильных мер и весов, — из-за этого я всегда отпускала больше товара, чем следовало. Если же приходил бедняк, он получал двойную прибавку. Самую большую выгоду извлекали из моих мер и весов покупатели-неевреи — чтобы никто из них не сказал, что у евреев неправильные меры и гири и что вера у них такая же.

Поняв, что хорошей лавочницей мне не стать, бабушка ликвидировала предприятие и решила забрать меня в Одессу. Ицика же она забрать не могла: мама перед смертью взяла с нее слово, что сначала он получит еврейское образование в одной из престижных литовских йешив.

Бабушка, насколько смогла, исполнила последнюю волю дочери. Ее выбор остановился на йешиве Мира. Поехав туда вместе с внуком, она позаботилась о жилье, питании и одежде, а также о карманных деньгах для него, чтобы он мог сосредоточиться на учебе. Все, что ему понадобится, он будет получать из Одессы, сказала бабушка.

Тем не менее где-то через полгода брат вернулся из Мира в Любань совершенно больным. Врачи не могли понять, что это за хворь, а он слабел на глазах. Ицик всегда был болезненным ребенком, недостаточно сильным, чтобы выдержать все нелегкие испытания, выпавшие на его долю за недолгую жизнь.

Одесситы действовали решительно. Тетю Хаю из деревни Труханы семья попросила забрать мальчика к себе и заботиться о нем, пока он не поправится на свежем деревенском воздухе. Брат, однако, не захотел жить у тети среди неевреев. Он скучал по Любани, где жили все его школьные приятели. Сильнее всего он скучал по своему учителю Берлу, который часто беседовал с ним на религиозные темы, интересовавшие мальчика.

В пятнадцать лет мой брат, мой маленький Ичке, умер в Любани. Память о нем всегда живет в моем сердце. Он умер не от болезни, просто слабел и слабел — и угас...

К жизни в Одессе я принооровилась далеко не сразу. Я так сильно скучала по Любани, что в шестнадцать лет написала о ней книгу. Это была моя первая книга, которую я назвала «Детские годы».

Семья Нохема Эпштейна

Глава семейства родился в Любани и умер в Одессе. Он стал первым евреем, уехавшим из Любани в большой мир.

Фейга-Бейла Эпштейн, в девичестве Либерман, родилась в Бобруйске, прожила большую часть своей жизни в Любани; умерла в Рош-Пине.

Залмен Эпштейн

Публицист, сионистский деятель, эссеист. Один из отцов «еврейской романтики», которая заняла видное место в еврейской беллетристике 80-х годов XIX в. Брат Ицхака Эпштейна. Родился накануне Рош-га-шоне 5621 (т. е. осенью 1860-го) года в Любани. Сын купца Нохема, владельца мельницы и меламеда. Учился в хедере, а с 1875 году — в Воложинской йешиве. С 1878 по 1904 год служил в Одессе бухгалтером. Один из основателей кружка «Бней-Моше»⁹⁸⁴. В 1890–1900 годы — бухгалтер и секретарь Одесского палестинского комитета. В 1904–1914 годы жил в Петербурге; в 1916–1919 годы работал в сфере образования на языке иврит, был членом кружка любителей иврита. Член совета общины с 1918 года, представлял ее на XI Сионистском конгрессе. В годы революции в России единственный сын Эпштейна Ицхок был расстрелян по обвинению в причастности к контрреволюционной организации.

С 1925 года Залмен Эпштейн жил в Эрец-Исраэль. Работал в местных газетах, прежде всего в «Га-Арец». Начиная с 1879 года, публиковал статьи, художественные тексты, рисунки и воспоминания в газетах «Га-Коль»⁹⁸⁵, «Га-Мелиц», «Га-Цфира», журнале «Га-Шилоах» и т. д. Автор статей на иври-

Фейга-Бейла Эпштейн,
мать семейства

Сора Файнберг,
в девичестве Эпштейн

⁹⁸⁴ «Бней-Моше» (иврит) — «Сыновья Моше» — палестинофильский кружок масонского типа, основанный «Ховевей-Цион» в России в 1889 г., чтобы способствовать духовному возрождению еврейского народа и его возвращению в Эрец-Исраэль. Просуществовал 8 лет.

⁹⁸⁵ «Га-Коль» (иврит) — «Голос». Сведения об издании не сохранились.

Залмен Эпштейн

Ицхок Эпштейн

те о Л. Н. Толстом и И. С. Тургеневе. Изредка писал на идише. В 1905 году выпустил сборник своих статей, в 1927 году — книгу, посвященную покойному сыну, «Азкарат-Ицхак»⁹⁸⁶, а в 1934-м — монографию о М.-Л. Лилиенблюме. Скончался в 1936 году в Тель-Авиве.

Ицхок Эпштейн

Родился в кислеве 5623 (1863) года в Любани. Сын Нохема и брат Залмена Эпштейнов. Учился в хедере и реальном училище в Одессе. С 1886 года жил в Эрец-Исраэль, будучи одним из шести членов «Ховевей-Цион», командированных туда для изучения сельского хозяйства. С 1891 года был стражником и землемером, жил в поселении Рош-Пина.

В 1902–1915 годах жил в Швейцарии, с 1902 по 1905-й учился в Лозаннском университете. Защитил докторскую диссертацию по литературе в 1905 году. В 1915–1919 годы — директор школы в Салониках, затем вернулся в Страну Израиля.

Был одним из первых, кто серьезно занялся проблемой взаимоотношений евреев с арабами и приобрел среди последних много друзей. Один из основателей «Брит шалом»⁹⁸⁷.

Писатель, лингвист, педагог и психолог; один из первых учителей нового ишува. Преподавал в учительской семинарии; нередко читал лекции по ивриту на израильском радио. В 1919–1923 годах — директор педагогической семинарии им. Э. Левинского в Тель-Авиве, готовившей школьных учителей и воспитателей детских садов. Затем преподавал в Иерусалиме и Тель-Авиве. Много занимался правильным ивритским произношением

Был одним из первых, кто серьезно занялся проблемой взаимоотношений евреев с арабами и приобрел среди последних много друзей.

⁹⁸⁶ «Азкарат-Ицхак» (иврит) — «Памяти Ицхака».

⁹⁸⁷ «Брит шалом» (иврит) — «Союз мира» — общество, созданное еврейскими интеллектуалами в 1925 г. в Иерусалиме с целью установления дружественных отношений между арабами и евреями. — *Прим. пер.*

(в качестве лектора, а также консультанта различных театральных студий Палестины), а также языковыми тонкостями и нюансами. Придумал несколько новых слов, прежде всего педагогических и психологических терминов. Один из создателей учебной методики «иврит на иврите». Автор исследований по педагогике, языкознанию и психологии, а также многочисленных газетных статей, посвященных ивриту. Написал на этом языке книги «Иврит бе-иврит»⁹⁸⁸ и «Гегьоней-лашон»⁹⁸⁹; в 1915 году опубликовал по-французски монографию на основе своей докторской диссертации «Га-махшава ве-рибуй га-лешонот»⁹⁹⁰. Перевел на иврит «Psychologie der frühen Kindheit, bis zum sechsten Lebensjahre» Уильяма Штерна⁹⁹¹.

Скончался в Иерусалиме в 1943 году.

Рахель Фейгенберг-Имри

Писательница Рахель Фейгенберг-Имри — третье поколение семьи Эпштейн по материнской линии. Дочь Сары; родилась в Любани в 1905 году, покинула местечко в возрасте четырнадцати лет. В 1924 году приехала в Страну Израила вместе с мужем Г. Шапиро и сыном Исроэлом. Жила в Тель-Авиве.

Популярная писательница, писавшая на идише и иврите. Автор рассказов о жизни евреев в Польше и России, о погромах на Украине. Перевела с идиша на иврит свои книги «А пинкес фун а тойтер штот (хурбн Дубове)»⁹⁹² (об уничтожении в 1919 г. евреев украинского местечка Дубовое), «Бай ди брегн фун Днестр»⁹⁹³ и др. Перу Рахель Фейгенберг-Имри принад-

Рахель Фейгенберг-Имри (урожденная Эпштейн)

⁹⁸⁸ «Иврит бе-иврит» (иврит) — «Иврит на иврите».

⁹⁸⁹ «Гегьоней-лашон» (иврит) — «Размышления о иврите».

⁹⁹⁰ «Га-махшава ве-рибуй га-лешонот» (иврит) — «Размышления о богатстве языков».

⁹⁹¹ Уильям Штерн (1871–1938) — немецкий ученый, считающийся одним из основателей прикладной психологии, детской психологии и психологии развития. «Psychologie der frühen Kindheit, bis zum sechsten Lebensjahre» — «Психология ребенка до шестилетнего возраста».

⁹⁹² «А пинкес фун а тойтер штот (хурбн Дубове)» (идиш) — «Летопись мертвого города (гибель Дубового)».

⁹⁹³ «Бай ди брегн фун Днестр» (идиш) — «На берегах Днестра».

Придумал несколько новых слов, прежде всего педагогических и психологических терминов. Один из создателей учебной методики «иврит на иврите».

Груня Искольская
(фотография из
архива семьи Эпштейн-
Фейгенберг)

лежат книги «Ли-шнатаим. Роман бли аґава»⁹⁹⁴ (о жизни в Эрец-Исраэль), «ґа-шлав ґа-ахарон»⁹⁹⁵ (о жизни евреев Польши), а также многочисленные статьи о Катастрофе, молодежи и возрождении страны. Была редактором журнала «ґа-ам бе-вейто»⁹⁹⁶ (1948–1949). Переводила на идиш сочинения Семена Юшкевича⁹⁹⁷.

Груня Искольская

Груня Искольская, в девичестве Михайкин, была женой реб Якова Искольского, жившего в Нью-Йорке. Родилась в Любани, умерла в Нью-Йорке.

СТАРОБИН

«Старобин — местечко Минской губернии, Слуцкого уезда, на реке Случь. Жителей 3123; церковь, училище, почтовое отделение. Старобин окружен большими болотами. Жители, кроме торговли, занимаются производством разных деревянных изделий, арендуют сенокосы по болоту и сено сбывают на сторону».

(Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона)

⁹⁹⁴ «Ли-шнатаим. Роман бли аґава» (иврит) — «На два года. Роман без любви».

⁹⁹⁵ «ґа-шлав ґа-ахарон» (иврит) — «Последний этап».

⁹⁹⁶ «ґа-ам бе-вейто» (иврит) — «Народ в своем доме».

⁹⁹⁷ Юшкевич Семен Соломонович (1868, Одесса — 1927, Париж), русско-еврейский прозаик и драматург, многие из произведений которого были переведены на идиш, иврит и немецкий язык.

Старобин

А. Хинич

Старобин, маленькое местечко с немногочисленным населением, находится на северной границе Полесья — территории, покрытой лесами и болотами. Местечко оставалось тихим и традиционным. Железной дороги в нем не было, поэтому гудки паровозов и стук вагонных колес не нарушали покой местных жителей. Больших шоссежных дорог тоже не было, а гладь реки Случь, протекавшей через весь городок, не нарушали ни грузовые, ни пассажирские пароходы. Местечко находилось вдалеке от торговых, промышленных и административных центров. Только грунтовые дороги, разбитые ногами пешеходов, колесами телег и копытами коней, связывали Старобин с окрестными деревнями и местечками. Большую часть года эти дороги утопали в грязи или были завалены огромными снежными сугробами. Транспортное сообщение со Слуцком было сложным и непостоянным. Для того чтобы проехать каких-то тридцать пять верст, приходилось тратить восемь, а то и десять часов. Для таких поездок пользовались тележными обозами, покидавшими Старобин дважды в неделю.

Однако, несмотря на все трудности сообщения с большим миром, Старобин не был защищен от внешних влияний. Уже в XIX веке местечко считалось прогрессивным, знакомым с новым образом жизни, вкусами и нравами. Гаскала, завоевавшая сначала большие города, проникла и сюда и пленила сердца молодых йешиботников и некоторых взрослых. «Га-Мелиц» и «Га-Цофе» обрели здесь нескольких преданных сторонников. Сочинения просветителей Аврома Мапу, Адама Га-Кофена⁹⁹⁸, Калмена Шульмана⁹⁹⁹, Иццока-Бера Левинзона (Ривала)¹⁰⁰⁰ и других также нашли в Старобине благодарных читателей.

Трубадурами Гаскалы, познакомившими старобинцев с новыми веяниями, стали двое: Нахмен Швейдель и Нисн Мармор, известный как меламед Нисн. Последний интересовался грамматикой и был страстным любителем иврита. Его хедер напоминал «прогрессивные хедеры», которые появятся в недалеком будущем. Там учили не только Танаху и Талмуду, но и грамматике иврита. Ученикам предписывалось тщательно следить за правильным произношением во время молитвы. Если во время синагогального чтения Торы кого-либо из учеников Нисна вызывали прочесть мафтир, он читал нараспев, на красивый традиционный мотив, так что ему завидовали и пытались подражать даже взрослые. Однако поскольку эти взрослые не знали

Уже в XIX веке местечко считалось прогрессивным, знакомым с новым образом жизни, вкусами и нравами.

⁹⁹⁸ Адам Га-Кофен (псевдоним; Адам — аббревиатура: Авром-Дойв Михалишкер) — Аврагам Дов-Бер Лебенсон (1794–1878) — поэт, писавший на иврите; в 1847–1864-х преподавал иврит и арамейский язык, Танах в Виленском раввинском училище.

⁹⁹⁹ Шульман Калмен (1819–1899) — ивритский писатель, публицист, переводчик научной и художественной литературы на иврит. Учился в Воложинской йешиве, примкнул к движению Гаскалы. В 1849–1861 гг. преподавал ивритскую литературу в Виленском раввинском училище. Перевел на иврит 10-томный приключенческий роман французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны» (1857–1860; это был первый перевод современной литературы на иврит), «Иудейскую войну» Иосифа Флавия (1861; первое издание Иосифа Флавия на иврите в новейшее время). Прадед Зиновия Шульмана (1904–1977) — советского певца, исполнителя популярных песен на идише.

¹⁰⁰⁰ Левинзон Ицхок-Бер (акроним Ривал; 1788–1860) — писатель, публицист, общественный деятель; поборник просвещения русского еврейства. Первый на территории Российской империи деятель Гаскалы. Был прозван «Мендельсоном русского еврейства» и «отцом Гаскалы в России». Жил в г. Кременце Волынской губ.; писал главным образом на иврите.

правил, их чтение оказывалось никуда не годным и лишь вызывало всеобщий смех.

Нисн придерживался такого метода обучения: он по памяти произносил фразу на идише, а мы должны были перевести ее на иврит. Если перевод не соответствовал духу языка, учитель поправлял, после чего мы записывали правильную фразу в своих тетрадах. Нисн смог привить своим ученикам любовь к ивриту и литературе на этом языке. Уже тогда он позволял себе критиковать традиционный образ жизни и высмеивать различные бессмысленные обычаи и суеверия.

Как рассказывал учитель Ш. Н., когда он преподавал в женской школе в Неве-Цедеке, у него была одна очень молчаливая ученица. Однако даже ее редкие фразы свидетельствовали о глубоких и обширных познаниях в иврите, особенно когда дело касалось написания сочинений. Девочка рассказала, что ее дед преподавал в России в «прогрессивном хедере». Ш. Н. попросил пригласить дедушку в школу, и когда тот пришел, учитель с удивлением узнал в своем собеседнике преподавателя «прогрессивного хедера» в Слуцке, в котором он в свое время учился.

В Тель-Авиве упомянутый выше Швейдель в будние дни торговал с лотка овощами, а по субботам произносил речи в синагоге выходцев из Америки. Он был блестящим знатоком Торы и отличался легким характером и многими достоинствами.

Нахмен Швейдель был образованным и начитанным молодым человеком, прекрасно разбиравшимся в литературе на иврите, а также в научно-исследовательской литературе разных эпох. Среди книг, написанных еврейскими просветителями, практически не было таких, которые Нахмен не прочел. Книги он привозил из Слуцка, из книжной лавки Шмуэла Рейсера.

Эти двое, меламед Нисн и Нахмен Швейдель, воспитали множество знатоков иврита. Некоторые из них позже оказались в йешивах Слуцка и Минска, где также посеяли семена Гаскалы. Как мне кажется, эти двое достойны того, чтобы увековечить их память на страницах книги, посвященной уничтоженному местечку.

Зеэв Милковицер
с женой и дочерью

* * *

Наше местечко славилось тем, что почти все местные евреи были огородниками. Разумеется, это не было их основным занятием. Однако на заднем дворе у каждого был сад или огород, где выращивали всевозможные овощи: картошку, морковь, репу, бобы, свеклу и т. д. Тыквы выращивали все, и не только для семейного стола и прокорма скота, но и на продажу семян. Для этого плоды оставляли на грядках до конца лета, чтобы они хорошенько созрели, а затем собирали и выкладывали рядами на крышах, чтобы они дозрели под солнцем еще немного. После этого овощи заносили в дом, резали на две части, вынимали мякоть вместе с семенами, клали ее в решето и промывали. Мякоть уходила сквозь дырки, семена же оставались в решете. Их выкладывали на простыни и еще раз сушили на солнце, а после просушки ссыпали в мешки в ожидании торговцев из Минска, покупавших их для посева.

С семенами возились все члены семьи: отец и мать, сыновья и дочери. Это была трудная работа, однако семья не жалела на нее сил. Тыквы выращивали высшего сорта, так называемые монастырские, пользовавшиеся очень большим спросом. Поэтому даже евреи, у которых не было своего огорода, арендовали землю у христиан и сажали семена тыквы. Впрочем, как уже было сказано, это был побочный заработок. В целом же среди жителей Старобина было много ремесленников: портных, сапожников, плотников, кузнецов, строителей, пекарей, мясников и возчиков. Представители среднего класса держали лавки, торговавшие мануфактурой, продуктами, мукой, железным и скобяным товаром и т. д. Бедняки торговали вразнос. Коробейники разъезжали по окрестным деревням на телегах, нагруженных кадками с дегтем, галантереей и другим товаром, нужным крестьянам. За свои товары торговцы получали свиную щетину, лен, шерсть и т. д.

Были в нашем местечке и торговцы лесом. Они приобретали у хозяев небольшой участок, вырубали растущие там деревья и пускали их на доски для строительства или шпалы для железных дорог. Один из наших лесоторговцев имел дело с отцом Хаима Вейцмана, первого президента Израиля. По своим торговым делам он надолго уезжал в Пинск или Мотоль и в Мотоле останавливался в доме реб Эзера Вейцмана, чьи сыновья, включая Хаима, уже были студентами и играли видную роль в сионистском движении. Этот лесоторговец был хасидом и неучем. Когда при нем заговаривали о сионизме, он презрительно говорил: плохи дела у сионистов, если их вожди — сыновья Вейцмана.

Большинство евреев местечка были бедняками, однако нужда их не портила: они оставались простыми, наивными и честными людьми, в большинстве своем изучавшими Тору. Тора служила им жизненным эликсиром, их идеалом и образованием. Поэтому по субботам и праздникам из всех синагог и домов учения звучали слова Торы, наполнявшие все местечко.

Как и в любом другом месте, где обитали сыны Израиля, среди жителей местечка было немало людей, честно и ревностно занимавшихся общественными делами, любивших опекать своих ближних и помогать им в беде; людей, умевших поговорить с начальством и замолвить словечко за еврея, попавшего в скверную историю, или добиться отмены какой-нибудь строгой меры, направленной против общины. И первым среди них был мой отец, реб Борух Хинич, пользовавшийся всеобщей любовью

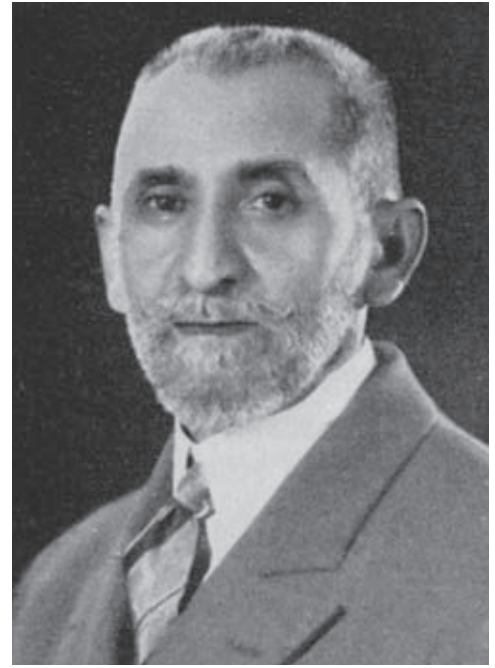

Представители среднего класса держали лавки, торговавшие мануфактурой, продуктами, мукой, железным и скобяным товаром и т. д.

Тама Хинич, мать
автора этих строк

Арн-Борух Хинич
из Старобина, отец
автора этих строк

и уважением и активно участвовавший во всех общественных начинаниях. В качестве ходатая по делам общины он постоянно общался с властями в Минске и Слуцке.

Однако далеко не всегда жизнь шла своим чередом, без всяких потрясений. Время от времени на головы жителей местечка сваливалось какое-нибудь бедствие. Врагом номер один был пожар, или, как называли его старобинцы, красный петух. Дома в местечке строили из дерева и крыли соломой, поэтому в летнюю жару они высухали и вспыхивали как спички. Достаточно было искры или неосторожного обращения с огнем, чтобы вспыхнул сноп, стог сена или соломенная крыша, и через минуту пылал уже весь городок. Люди оставались голыми и босыми, и «весь Израиль» оплакивал пожар, случившийся по вине такого-то. Беда была страшной, однако проходило совсем немного времени, год или два, и местечко обрело новый облик. На месте пепелищ появлялись новые дома, те, кто оплакивал свое сгоревшее жилище, праздновали новоселье, и новый дом казался им лучше прежнего. Видя эти новые дома, соседи-христиане полагали, что евреи обладают несметными богатствами. Однако они заблуждались. Евреи питались черным хлебом и селедкой и экономили каждую копейку, пока наконец не набиралась сумма, необходимая для строительства. Поэтому тогдашние острословы говорили, что настоящий старобинец — «домохозяин снаружи и бедняк внутри».

Я помню, как в синагоге предавали отлучению виновников пожара. Это было страшное зрелище, оставившее глубокий след в моей душе. Биму покрыли черным, зажгли черные свечи, с ковчега сняли завесу и протрубили в шофар: ткио, шворим, труо¹⁰⁰¹. Шамес зачитал текст отлучения: «С соизволения Всевышнего и соизволения общины, по приговору Небесного и земного суда, мы предаем отлучению всех поджигателей. Да падут на них все проклятия, прозвучавшие на горе Эйваль и перечисленные в главе Торы

¹⁰⁰¹ Иврит в ашкеназском произношении: *ткио* — простой протяжный звук; *шворим* — звуки средней продолжительности; *труо* — прерывистый звук. — Прим. пер.

«Ки таво»¹⁰⁰². Они отлучаются от общины, запрещено приближаться к ним ближе чем на четыре локтя...» — и т. д., и т. п.

Городок состоял из двух частей: южной, которую называли Палестинской улицей, и северной, носившей название Слуцкой улицы. На Палестинской улице селилась беднота: коробейники и простые ремесленники. Это были малограмотные люди, с грехом пополам дошедшие до Мишны и «Хаей-адам», зато обладавшие крепкими кулаками. На Слуцкой улице жили лавочники и ремесленники — обладатели «чистых» профессий, умевшие прочесть лист Талмуда с комментариями. Между двумя улицами не было большой любви и дружбы. «Слуцкие» свысока смотрели на «палестинских», а в любых общественных делах между ними постоянно возникали конфликты и трения. К примеру, когда приходило время выбирать нового раввина, жители этих улиц неизменно голосовали за разных кандидатов. Конфликты «во имя Небес» бывали и в синагоге. Победа, естественно, обычно оставалась за обладателями крепких кулаков. А в базарные дни, когда между евреями и крестьянами нередко случались ссоры и евреи часто оказывались в опасности, эти обладатели крепких кулаков нередко демонстрировали христианам крепость своих мышц и отстаивали честь Израиля.

В числе обладателей крепких кулаков были два лошаdnика-компаньона, одного звали Мойше, другого — Яков. Лошадей они покупали у цыган, живших в шатрах за местечком. С цыганами разговаривал Мойше. Он оценивал лошадь взглядом, тщательно проверял ее зубы, похлопывал по спине и начинал торговаться с цыганом. Один хотел столько-то, другой давал столько-то. Сначала разговаривали вежливо, потом грубо, потом ударяли по рукам. Казалось, дело сладилось, но тут кто-то из них брал свое слово обратно. Сыпались оскорбления, страсти накалялись, в разговор вмешивались другие цыгане, начиналась свалка, и в этот момент в игру вступал второй компаньон, Яков, который вскакивал на лошадь и скакал на Палестинскую улицу: раз — и лошадь исчезала из виду. Местный острослов, как-то удостоившийся наблюдать эту сцену, поспешил в дом учения и заявил: господа, только что я видел нечто, что заставило меня вспомнить чудесный мидраш — про то, как Мойше убил египтянина¹⁰⁰³, вскочил на коня и ускакал в Страну Израиля.

Так жили в Старобине на протяжении десятков и сотен лет: появлялись на свет, вырастали и сами рожали детей, работали и торговали, учили Тору, стремились к знаниям, радовались во времена мира и процветания, страдали в години бедствий, ссорились друг с другом, жертвовали на благотворительность и творили добро, избирали знатоков Торы своими раввинами, развлекались и веселились... И вот что с ними случилось: величайший злодей и преступник Адольф Гитлер, да сотрется его имя, отправил их на бойню.

Да отомстит Всевышний за их невинную кровь.

Городок состоял из двух частей: южной, которую называли Палестинской улицей, и северной, носившей название Слуцкой улицы.

---

¹⁰⁰² См.: «Дварим», 27:15–26.

¹⁰⁰³ См. «Шмот», 2:11, 12.

Мой город

Раввин Н. Ваксман

Я уроженец Старобина. Мои предки, чистые и благочестивые люди, появились на свет в этом городке и были похоронены на местном кладбище.

Я родился в XX веке, полном бедствий и скитаний. Свое детство я провел в Старобине, оставив в его пыли отпечатки своих первых шагов.

Прошло много лет с тех пор, как я попрощался с тобой, моя родина. За это время я многое испытал, странствовал по суше и по морю, пережил множество испытаний. Я повидал немало городов, которые гораздо больше и красивее тебя. Тем не менее ты по-прежнему живешь в моем сердце и стоишь перед моими глазами — со всей твоей грязью и болотами, с твоими избранниками и богатырями. Эти светлые и благочестивые люди никогда не сотрутся из моей памяти.

Мое местечко Старобин находилось в Минской губернии. До Минска было 140 верст. Однако торговля шла преимущественно с уездным городом Слуцком, расположенным в 35 верстах от нас. В Старобине жили 350 еврейских семей, зарабатывавших на жизнь традиционными занятиями и ремеслами белорусских евреев. Среди них были сапожники, портные, лавочники...

В дополнение к обычным еврейским профессиям, таким как сапожное дело, портняжное дело, содержание лавок, в Старобине была особая «индустрия», кормившая большую часть евреев местечка. В Старобине евреи имели большие огороды, в которых выращивали огурцы на семена. Целое лето они берегли их как зеницу ока, а в конце лета собирали с грядок и вручную резали пополам вдоль, затем выбирали зернышки, мыли и сушили на солнце. Приезжие купцы из российской глубинки покупали эти зернышки для посадки, чтобы разводить огурцы у себя, и платили по 20 и 30 рублей за пуд — вполне приличную цену. Но невозможно себе вообразить, сколько труда нужно было вложить в то, чтобы добыть пуд (40 фунтов) сушеных «семечек». И можете себе представить, какое «богатство» на них зарабатывалось...

Нисн Ваксман, будущий
раввин, со своей
матерью Шейне-Леей
(фото Юхнина, Слуцк,
1908)

Городок состоял из трех частей: Слуцкой улицы, рынка и Палестинской улицы. Я никогда не понимал происхождения этого названия и никогда не сталкивался с подобным в других местечках. Несмотря на чудовищную бедность, городок был богат замечательными людьми. Вот имена некоторых из них.

Меламед Пейсах

В каждой части местечка был свой дом учения с особым, неповторимым характером. В доме учения на окраине не было выдающихся знатоков, однако голос Торы звучал и в нем. Там молился меламед Пейсах, преподаватель Талмуда с комментариями Раши. В свой хедер он принимал не больше десяти-пятнадцати учеников и работал с ними, не жалея сил, днями и ночами. Пейсах учил Торе еврейских подростков почти двадцать пять лет. В результате его горло огрубело, и он говорил, как будто кричал.

Прокормить семью учительством, разумеется, было невозможно. Поэтому его жена завела огород и выращивала тыквы. В сумерках Пейсах непременно бежал в дом учения, чтобы завершить свою дневную работу, изучая с пришедшими на молитву отрывки из Мишны, — разумеется, не за плату, Боже сохрани! По субботам, накануне послеполуденной молитвы, он давал урок по недельной главе.

Почтмейстер

В доме учения около рынка молились образованные евреи и преподаватели, обучавшие, по их словам, «современных» детей. Они настаивали на том, что каждый еврей должен хорошо знать Танах, а также грамматику святого языка. По субботам группа из двадцати-тридцати евреев, представителей «высшего общества», слушала урок Талмуда, который давал их раввин, замечательный знаток Танаха раби Шлойме Ланда, один из лучших учеников выдающегося знатока Торы раввина Слуцка р. Боруха-Бера Лейбовича.

Помимо огорода, где он выращивал огурцы, раби Шлойме зарабатывал на жизнь тем, что был смотрителем станции конной почты — приданое, полученное им за женой от своего тестя реб Янкеля, сына Иццока-Хаима, который арендовал это предприятие у правительства. Реб Янкель обязался содержать зятя до конца своих дней. Поэтому раби Шлойме мог полностью предаться изучению Торы и общественной работе, в то время как его тесть заботился о лошадях, сбруе и почтовых каретах.

Ѓиршке-сапожник

В том же доме учения молился еврей, которого все называли Ѓиршке-сапожник, поскольку этим ремеслом он занимался с юных лет. Он обладал сильным и красивым голосом и всегда молился перед ковчегом¹⁰⁰⁴ в Рош-ѓа-шоне и Ѓом-Кипер. Старобинские просвещенцы были недовольны тем, что хазан в их синагоге — простой неученый еврей, с юных лет работавший сапожником. Однако никто не осмеливался возражать открыто, поскольку никто не мог вести эти молитвы так, как Ѓиршке.

¹⁰⁰⁴ То есть вел молитву. — Прим. пер.

Его жена Мерка заслуживает отдельного рассказа. Эта была настоящая праведница высшей пробы. Никто из ее подруг не мог сравниться с ней в стремлении творить добро. Всякий раз, когда нужно было сделать хорошее дело: помочь нуждающейся семье, собрать приданое бедной невесте, побыть с одинокой больной и т. п. — она всегда оказывалась первой.

В 1915 году, в разгар Первой мировой войны, казачья часть прибыла в Старобин в Йом-Кипер. Увидев идущих по улице евреев, казаки принялись их оскорблять и бить. Евреи бросились бежать и ворвались в дом учения с громким криком: «Казаки! Казаки!» В синагоге началась паника, многие молящиеся бросились домой. Старосты синагоги обратились к Ѓиршке, стоявшему перед ковчегом, и стали умолять его прекратить службу, поскольку всем грозит опасность. Однако тот не обращал внимания ни на старост, ни на опасность. Отмахнувшись от них рукой, он произнес одно слово: «Служение!» Его решительность произвела впечатление на прихожан, и они тоже остались на своих местах, чтобы услышать, как их хазан будет повторять молитву «Мусаф».

Только улеглись страсти, как в синагогу ворвались несколько казаков с шашками в руках. Евреев охватил страх. Однако когда казаки увидели Ѓиршке, облаченного во все белое, который, пав ниц, пел на берущий за душу мотив: «Ве-ѓа-коѓаним ве-ѓо-ом...»¹⁰⁰⁵, а все собравшиеся также опустились на колени, их тоже охватили священный трепет и благоговение. Несколько секунд они стояли как вкопанные, а затем молча вышли один за другим.

Реб Ѓиндес (Рувнич)

В Большой синагоге, в уголке, изучал комментарии Альшеха¹⁰⁰⁶ реб Авром-Рувен Ѓиндес (Рувнич). Он был старше своих братьев — Пейсаха-меламеда и Эли Ѓиндеса. В местечке их звали «детьми Рувчика», вероятно, по деду, от которого они получили фамилию Рувнич. Наряду с Хиничами они представляли один из крупнейших родов Старобина. Насколько я помню, Аврому-Рувену уже было далеко за восемьдесят, и к тому времени он давно оставил свои коммерческие дела. Прежде он торговал пряностями и свиной щетиной, в которых считал себя большим экспертом. Но все эти «глупости» были только побочным увлечением, его главный интерес в жизни заключался в чем-то другом. Более шестидесяти лет подряд он изучал Альшеха — это значит, каждый день с группой евреев от послеполуденной до вечерней молитвы в течение получаса читал недельную главу Торы с его комментариями. Среди его слушателей были и те, кто ходил к нему с самого начала, например, балагола Моте-Янкл и стекольщик Мойше-Берл, которые сами уже были стариками. Для всех его учеников, принадлежавших к беднейшим элементам местечка, Авром-Рувен был символом Торы и разума. Его слово становилось для них порцией мудрости, хотя сам Авром-Рувен считал себя простаком и в своих рассуждениях частенько отклонялся от темы.

¹⁰⁰⁵ «Ве-ѓа-коѓаним ве-ѓо-ом...» (иврит в ашкеназском произношении) — «А священнослужители и народ...» — одна из молитв Йом-Кипура, в которой описывается богослужение в иерусалимском Храме. — *Прим. пер.*

¹⁰⁰⁶ Моше Альшех (1508–1593) — мудрец-кабалист из Цфата, ученик р. Йосефа Каро, один из наиболее почитаемых комментаторов Танаха. Жил во время знаменитого кабалиста Ариэля. — *Прим. пер.*

Реб Зелик Хинич,
сын Велвла.
Старобинский учитель
Талмуда с конца
города и шамес
расположенной
там синагоги. Дед
р. Аврома Хинича
и писателя Хаима
Лифа, а также их
братьев, живших
в Нью-Йорке

По местечку ходило одно его высказывание: он, мол, не верит, что в этом мире есть такие города, как Москва и Петербург.

– Вот Вильна и Варшава точно есть, — говорил он, — это невозможно опровергнуть, потому что их названия напечатаны черным по белому на изданиях Талмуда.

Из Минска и Смоленска он тоже знал людей, торговцев, которые покупали у него пряности и щетину, но другие города были, по его мнению, надувательством и обманом, выдумкой, которой бездельники забивали себе головы, лишь бы не слушать его уроки по Альшеху. Этим людям хотелось лишь болтать о всякой ерунде!

Кто ему сейчас может возразить? Возможно, он-таки был прав!..

Большой дом учения и шамес Мойше, сын Номи

В Большом доме учения, главной синагоге местечка, молились раввин и все самые уважаемые старобинцы. Здание стояло в конце синагогального двора, служившего как для частной, так и для общественной жизни. На другом конце двора была квартира раввина.

Посреди двора стояла развалюха, которую называли «Дом талмуд-торы», хотя никто из горожан не мог припомнить, когда в ней учились дети. Она служила складом старых инструментов и имущества погребального братства. Полуразрушенный дом вселял в детей страх, и множество ужасных легенд ходило о нем по городку.

В синагогальном дворе также ставили хупэ после того, как новобрачных торжественно проводили по улицам. Обрезание новорожденным делали в Большом доме учения, и после того как мальчик вступал в завет праотца нашего Авраама, гости отправлялись на праздничную трапезу в дом отца виновника торжества. Носилки с покойником тоже приносили на синагогальный двор. В похоронах участвовали многие горожане, а когда процессия двигалась к кладбищу, все лавки на ее пути закрывались.

Мойше-Хаим бен
Йеѓуда-Лейб Капчиц,
известный в Старобине
как Мойше Номис

Сора-Ривка Капчиц,
жена Мойше Номиса

Таким образом, жизнь всех старобинцев с первого до последнего дня была тесно связана с Большим домом учения и его двором. Здесь они ее начинали, здесь и заканчивали.

Большой дом учения стал домом для Мойше, сына Номиса, известного также как Мойше Номис. Это был необычный человек. На первый взгляд, он был просто служкой Большого дома учения и погребального братства. Но кроме того, его называли служкой бейс-дина. Это была его официальная должность, и, по правде сказать, он был высшим местным авторитетом во всем, что касалось религиозных вопросов. Мойше был знатоком Талмуда, религиозных законов и даже Кабалы, которую он изучал, когда в доме учения никого больше не было.

Его преданность Торе была воистину безграничной. Каждый день утром и вечером он сидел и учился. Старики утверждали, что за все пятьдесят лет ни разу не случилось, чтобы кто-то пришел в синагогу до Мойше или ушел после него. Обязанности служки он исполнял ревностно и никогда не полагался на других. Каждый четверг он обходил дома местных евреев, собирая пожертвования для «Лехем аниим»¹⁰⁰⁷ — одного из здешних благотворительных фондов. Все горожане, и стар, и млад, относились к Мойше с огромным уважением. Многие боялись его взгляда, хотя он никогда в жизни никого не критиковал.

Ежедневно между послеполуденной и вечерней молитвами Мойше давал урок по кодексу «Шульхан арух» для всех, кто в это время оказывался рядом. После вечерней молитвы он давал урок по листу Талмуда для самых ученых жителей местечка. Даже раввин нередко оказывался в числе его слушателей.

Как и большинство евреев Случчины, евреи Старобина не приняли хасидизм и не признавали ничего, связанного с хасидскими «рабеим», их

Мойше был знатоком Талмуда, религиозных законов и даже Кабалы, которую он изучал, когда в доме учения никого больше не было.

---

¹⁰⁰⁷ «Лехем аниим» (иврит) — «Хлеб бедняков».

особой святостью, с обычаем «пидьонес»¹⁰⁰⁸. Тем не менее люди приезжали даже издалека, чтобы получить личное благословение служки Мойше Номиса, и не только евреи приходили к нему со своими просьбами. С сынов Израиля он никогда не брал денег, с неевреев в качестве платы брал свечи и полотенца для дома учения.

Несколько лет в городке действовала йешива для юношей с высоким уровнем знаний, которую создал и возглавлял раби Шимен Портман (о нем мы расскажем позже). Йешива приобрела хорошую репутацию, и в нее стекались ученики со всего Слуцкого уезда. Одним из студентов этой йешивы был и автор этих строк. Многие ее выпускники стали известными знатоками Торы нашего поколения¹⁰⁰⁹.

Как-то раз раби Портман должен был уехать из местечка и попросил служку реб Мойше подменить его в йешиве. Тот согласился. И вот во время одного урока в синагогу ввалился крестьянин с мешком. Извинившись перед нами, реб Мойше вышел поговорить с ним. Вернувшись и поняв, что случившееся вызвало у нас недоумение, он улыбнулся и сказал:

– Однажды у этого крестьянина сбежали и потерялись две коровы. Неделю назад он приезжал и попросил меня «поколдовать». Я согласился — в конце концов, какая мне разница, если нееврей в это верит. И вот коровы нашлись, и этот мужик привез полотенца, которых нашей синагоге хватит на целый год. Если нееврей верит, это очень хорошо, — добавил реб Мойше. — Поэтому нельзя насмехаться над этим. Вот если они перестанут верить, это будет для нас опасно.

Жена реб Мойше была настоящей праведницей. Помимо кабачков, которые она выращивала на своем огороде, она плела для местных евреев цицес. Весь городок знал, что Соре-Ривке, жене служки реб Мойше Номиса, причитается часть заслуг за исполнение заповеди о цицес. Кроме того, она помогала людям так, что они не догадывались, кто является их благодетелем.

* * *

Письмо реб Мойше из Старобина одному из его сыновей в Америку

Год 5686 (1926).

Великое благословение, счастье и мир дорогим детям моим, почтенным господам, полному сил благословенному раввину, славно его имя, учителю нашему Йосефу-Лейбу со всеми его домочадцами, да будут они все благословенны, и да увидит он много утешения от них!

Прежде всего да будет вам известно, что на прошлой неделе я получил ваше теплое письмо и замечательную записку от моего внука. Премного благодарен всем.

Что я хочу вам сказать, сыновья, — ваши письма оживляют мою душу. Не смогу вам описать радость, которую я получил, читая ваши письма. Ибо очень тоскует душа моя по встрече с вами, хочется ей услышать о том, что вы в порядке. И да вознаградит вас Воздающий по заслугам за вашу доброту!

¹⁰⁰⁸ Пидьонес (идиш) — искупительные деньги — деньги, которые у некоторых хасидов принято вручать ребе вместе с просьбой о благословении или молитве. — Прим. пер.

¹⁰⁰⁹ Написано в 1959 г. — Прим. пер.

Йешива приобрела хорошую репутацию, и в нее стекались ученики со всего Слуцкого уезда. Одним из студентов этой йешивы был и автор этих строк.

Не будет для вас большой неожиданностью узнать, какой страх я пережил. Расскажу вам свою историю и задам перед вами вопрос: что останется от всех моих трудов, проделанных за дни моей жизни?

Сын Б. — сколько же лет я не получал от него вестей, хотя слышал от других, что есть у него и деньги, и имущество! Скажу вам правду, что нет у меня никакого дохода от его богатства. Благодаря Всевышнему я не имею нужды в его поддержке и его подарках. От сына Д. я имел слишком много печали, ибо он был изгнан в чужую землю и не хочет возвращаться домой, а там он голый и босый, в полной нужде. И от моего сына Э. я до сих пор знал только горе. Его жена сильно заболела три года назад, не о нас будь сказано, и он залез в большой долг, вплоть до того, что должен был продать свою корову и хорошую одежду, а в конце концов попал в тюрьму. Он отпирал свою лавку, все свои станки и инструменты и остался без работы, сидел впроголодь, пока я не собрал 100 рублей и не отдал ему. Он купил станок, и тем не менее за ним остался большой долг, и кто знает, когда он от него освободится, ибо вложения велики, а отдача минимальна. Хозяева в нашем городе все стали беднеть. Э. не один в городе, есть еще трое закройщиков.

После всех счетов не остается у меня ничего от плодов, которые я собирал в мире. Только когда я получаю от вас письмо, у меня улучшается настроение, и поэтому я попрошу вас и моих любимых внуков, да живут они долго, не оставляя меня без своего дара, продолжать писать письма, сообщать мне о своих успехах в учении, о том, что хорошего происходит в обычной жизни. И пусть Всевышний даст вам силу учиться и поступать по Его воле от всего сердца!

Знай, мой дорогой сын, что сейчас я каждый день обдумываю, смогу ли выехать на Святую землю или, по крайней мере, в Америку, как сказано: "...и Йосеф закроет твои глаза"¹⁰¹⁰. Но сейчас я вижу, что надеялся напрасно и должен оставаться в нечистой стране без всякой опоры. Чтобы добыть паспорт, надо заплатить 300 рублей. Силы мои уменьшаются с каждым днем, и глаза слепнут. После Пейсаха я ездил в Слуцк к главному врачу, он сделал несколько проверок и сказал, что мне не нужны очки, но дал глазные капли. И вот четыре недели я ими пользуюсь, но не замечаю никакого толку. И речь моя делается менее отчетливой, и голос падает. Лишь с большим трудом я читаю Тору перед общиной, но нет никого, кто бы меня заменил. Не знаем мы своих дней... Если пройдет больше месяца с того момента, как ты получишь это письмо, то уже истекнут Дни суда, и никто не заступится за меня перед Всевышним. Поэтому я излагаю свою мольбу перед тобой, чтобы с сегодняшнего дня ты изучал каждый день отрывок из Устной Торы и по крайней мере раз в день молился перед общиной.

Твой отец, благословляющий тебя.

Мойше-Хаим Капчиц».

От редакции. *Ровно четыре года спустя после написания этого письма реб Мойше ушел в иной мир и был похоронен на городском кладбище. На могильном камне его были выбиты слова, посланные его сыном, раввином, реб Йосефом-Лейбом Капланом, который жил в Питтсбурге (США):*

«Здесь лежит реб Мойше-Хаим, сын Йеэуды-Лейба. Скончался 15 сивана 5690 года (11 июня 1930 г.). Он был усерден в Торе и много трудился. Прилежно

¹⁰¹⁰ «Берешит», 46:4.

работал и всего добивался. Пример в общине для стариков и молодых. Праведник в своей покорности и наставник праведников. Да пройдет он через ворота к Всевышнему! Будем скорбеть о нем, как и его рассеянные по миру сыновья. Был он отрадой для наших глаз и короной для нашей головы. Он, старец, — наш учитель и наш мудрец».

Рядом находилась плита с надписью:

«Здесь лежит супруга его, госпожа Сора-Ривка. Умерла через четыре года после него. Женщина добродетельная, славная и соблюдавшая заповеди. Жизнь ее была полна чистоты. Много добрых и праведных дел она совершила, держалась в святости, богобоязненности и любви к Торе. Были прекрасны все дни ее жизни, и лет ее было 83. Сора-Ривка, дочь Мойше-Дова, скончалась в день 9 тевета 5694 года (27 декабря 1933 г.). Да пребудет душа ее в связке жизни».

Раввины Старобина

В XX веке раввинами Старобина были раби Арн Файнштейн и его потомки. Самым известным из них стал раби Элийогу, прославившийся мудростью и глубокими познаниями. Им восхищались все друзья и знакомые, его имя стало известно во всех еврейских общинах. Он умер в 1929 году.

Элийогу, сын раби Арна, родился в месяце тевет 5602 (1841) года в Слуцке. Его выдающиеся способности были замечены, когда он был еще ребенком. Хотя физически был он слабым, его усидчивость и прилежание не знали границ. В семь лет он уже хорошо знал весь раздел Талмуда «Незикин». Глава раввинского суда в Слуцке, выдающийся знаток Торы раби Йосеф Пеймер привязался к мальчику и полюбил его как сына. Когда Элийогу исполнилось десять, престарелый раввин начал лично с ним заниматься и рассказывал ему о выдающихся знатоках Торы того поколения. В тринадцать лет Элийогу обручился с дочерью знатока Торы р. Иццока га-лейви Давидовича, раввина Кореличей. В качестве свадебного подарка будущий тесть подарил ему книгу «Яд Малахи»¹⁰¹¹, поля которой юный жених заполнил своими комментариями. После помолвки Элийогу отправился в Воложинскую йешиву.

В это время в Воложинской йешиве начался печально известный конфликт между ее главой р. Цви-Гиршем Берлином и р. Йосефом-Довом Соловейчиком. Стороны решили вынести свои разногласия на суд величайших раввинов того времени: Довида Тейвела из Минска, Йоселе Пеймера из Слуцка, Зеэва-Вольфа, главного раввина Вильны, и Эльхонона-Иццока Спектора, который был тогда раввином Новогрудка.

Когда в хешване 5618 (1857) года раввины прибыли в Воложин, главы йешивы вышли им навстречу. Раби Йоселе спросил у них:

– Как тут мой раби Элинька?

Услышав вопрос и зная, что раби Йоселе не бросается титулом «рав», главы йешивы, однако, ничего не ответили, сказав им, что такого не знают. Раби Йоселе стал упрекать их, заявив: если они не знают сына старобинского раввина, это говорит не в их пользу.

После этого разговора руководители йешивы стали присматриваться к Элийогу Файнштейну и заметили его достоинства, которые засвидетель-

---

Когда Элийогу исполнилось десять, престарелый раввин начал лично с ним заниматься и рассказывал ему о выдающихся знатоках Торы того поколения.

---

¹⁰¹¹ «Вклад Малахи» — сочинение известного талмудиста Малахи бен Якова Коѓена (1695/1700?–1772). — Прим. пер.

р. Элийоу Файнштейн
(Элинька Пружанер)

р. Ицхок-Нох
Вечеребин,
раввин местечка
Домановичи (недалеко
от Старобина)

ствовал сам раби Берлин, поскольку юноша успел к тому времени изучить труды рабейну Нисима и комментариев к Мишне раби Шломо Адрета¹⁰¹².

Свадьбу сыграли, когда Элийоу почти исполнилось восемнадцать, в новомесячье тамуза 5620 (1860) года. Юноша поселился в доме своего тестя в Кореличах. Старики вспоминают, что, живя у тестя, он сорок раз прошел каждый раздел кодекса «Шульхан арух» и знал все параграфы наизусть.

Когда на Пейсах 1863 года скончался его отец, еврей Старобина единодушно решили, что его место должен занять раби Элийоу. Однако тот отказался, поскольку, во-первых, страстно желал посвятить свою жизнь Торе, а во-вторых, боялся возложить на себя груз раввинских обязанностей, когда ему едва исполнилось двадцать. Тесть также поддержал своего зятя. Тем не менее юноша прислушался к словам р. Йоселе, который сказал: «Я хочу, чтобы мой Элинька стал раввином, пока я еще жив». Элийоу исполнил его просьбу, однако настоял, чтобы в раввинском контракте было сказано, что до полудня он не будет обязан никого принимать или заниматься любыми другими делами и что горожане не будут беспокоить его по любому поводу, кроме вопросов, как в том или ином случае следует поступать согласно Торе, или чтобы он рассудил их по еврейскому закону.

Тем не менее, став раввином, раби Элийоу замечательно справлялся со своими раввинскими обязанностями, не лебезя перед богачами, которые в те годы распоряжались, как им угодно, землями, арендованными у польских помещиков, без зазрения совести нарушая при этом права других евреев. Кроме того, они освобождали своих сыновей от рекрутской повинности за счет сирот и детей бедняков, которым насильно забривали лоб. Молодой раввин воевал против них словом и делом, прославившись этим на всю страну.

¹⁰¹² Рабейну Нисим (1310–1376) и р. Шломо Адрет (1235–1310) — выдающиеся раввины Испании, крупнейшие комментаторы Талмуда.

В 1867 году, когда раби Йеѓошуа Рабинович из Калиша, раввин Клецка, оставил свой пост ради Несвижа, община Клецка предложила раби Элийоѓу раввинский контракт на значительно большую сумму, чем он получал. Как только об этом узнали в Старобине, в местечке начался переполох. Его жители прибегали к любым уловкам, чтобы удержать раби у себя, однако евреи Клецка не уступали. Кончилось тем, что стороны предложили рассудить дело раби Арье из Игумена (Червения) и раби Гершону Танхуму из Минска. Суд принял решение в пользу Клецка, и в 1870 году раби Элийоѓу переехал туда.

Судебное решение очень расстроило евреев Старобина, и они не могли забыть о раби Элийоѓу даже спустя несколько десятилетий. Из поколения в поколение в местечке рассказывали легенды об их раввине, который вырос в Старобине, но был похищен.

Вскоре, однако, старобинские евреи смогли отомстить Клецку. Раби Элийоѓу пробыл там совсем недолго, и уже в 1874 году уехал в Кореличи, чтобы занять место своего тестя. Затем он переехал в Хиславичи, а затем в Пружаны, где занял место уважаемого раввина раби Йерухема-Лейба Перельмана. В результате он остался в памяти как раби Элийоѓу Пружанер.

После того как раби Элийоѓу уехал в Клецк, жители Старобина избрали раввином его родственника, раби Йехезкеля-Зусмана Каплана, который оставался раввином городка вплоть до своей кончины 8 ияра 5660 (1890) года. После его смерти в Старобине начался спор, какой раввин нужен городку. Многие евреи, и прежде всего мясники, устали от молчаливых раввинов и требовали выбрать своим наставником того, кто согласится выступать перед ними в синагоге хотя бы в Субботу раскаяния и Великую субботу.

Многие раввины, в том числе известные, предложили свои кандидатуры. Раби Яков-Довид Виловский усердно хлопотал за своего зятя, раби Йосефа Кановича, который произвел благоприятное впечатление своими речами. Раби Виловский даже пообещал, что время от времени будет лично приезжать в Старобин с выступлениями. Однако в итоге местные общинные лидеры и знатоки Торы не согласились нанять никого из тех, кто прославился речами, и заключили контракт с раби Гершоном-Мойше Гелбардом, известным как «илуй из Тракая». Раби Гершон провел в Старобине семь лет, пока в 1907 году не получил место раввина Тимковичей. Оттуда он перебрался в Ошмяны, недалеко от Вильны.

Из любви к раби Элиньке старобинцы наняли следующим раввином его молодого родственника раби Довида Файнштейна, раввина Узды. Хотя он был застенчивым человеком и избегал публичных выступлений, все жители городка его любили и уважали. Он славился обширными познаниями и способностью глубоко вникать в тонкости еврейского закона. Выдающийся знаток Торы раби Исер-Залмен Мельцер из Слуцка нередко приглашал раби Довида помочь ему решить какое-нибудь имущественное дело, разбиравшееся в его раввинском суде.

Раби Довид отличался благородством и постоянной готовностью прийти на помощь людям. Свои обязанности он отправлял мудро, рассудительно и щепетильно. Внешний облик его также вызывал всеобщее уважение: это был высокий, статный мужчина. Двери его дома всегда были открыты для всех нуждающихся.

Согласно старобинской традиции, никто не имел права торговать свечами и дрожжами — это была привилегия семьи раввина и один из ис-

---

Раби Довид отличался благородством и постоянной готовностью прийти на помощь людям. Свои обязанности он отправлял мудро, рассудительно и щепетильно.

р. Шлойме-Дов Ланда,
уроженец Романова,
раввин Старобина

точников его доходов. Разумеется, сам он этим не занимался, это было дело его жены и детей. В четверг вечером все евреи городка стекались к дому раввина, чтобы купить субботние свечи и дрожжи для выпечки субботних хал, которые почти все пекли сами.

В Йом-Кипер среди прихожан Большого дома учения было принято проводить всю ночь без сна и на ногах. Разумеется, в их числе были и раби Довид и его сыновья, которые читали псалмы. За ночь раби вместе с одним из сыновей прочитывали весь трактат «Йома»¹⁰¹³.

После смерти раби Довида Файнштейна 27 тишрея 5688 (1927) года раввина в Старобине больше не было. Раби Шлойме Ланда, упомянутый выше, делал все возможное, чтобы заполнить возникшую пустоту и защитить традиционные еврейские идеалы. Однако дело кончилось тем, что советская власть конфисковала лошадей и экипаж раби и арестовала его как «буржуя» и «реакционера». Он был сослан в Сибирь, где следы его затерялись. Сын раби Шлойме стал зятем выдающегося знатока Торы раби Пейсаха Франка и был одним из руководителей израильской йешивы «Йешиват-га-даром» в Реховоте.

Вот имена умерших и погибших родственников раби Довида Файнштейна.

Младший сын Ицхок умер в расцвете сил. Его сын раби Мордхе, знаток Торы и достойный человек, был раввином Грозова и Шклова. Он был сослан в Сибирь и там скончался. Его сын Дов-Бер, резник в Старобине и Шклове, также умер в Сибири. Его сын раби Яков и вся его семья погибли в Риге. Его зять раби Исроэл-Шаул Япин, раввин Хиславичей, Смолевичей и Речицы, жил в Латвии и погиб там. Да отомстит Всевышний за их пролитую кровь!

Вот те, кто жив и сегодня: внук раби Йехиэл-Михл Файнштейн, сын упомянутого выше Ицхока, живет в Тель-Авиве. Его дочь Хана замужем за раби

¹⁰¹³ «Йома» (арам.) — букв. «День» — трактат Талмуда, посвященный Йом-Кипуру.

Члены Комитета раввинов, Литва. В первом ряду, третий слева р. Исроэл-Танхум Портман (*стоит*)

Ицхоком га-лейви Смоллом из Чикаго. Самый известный из его сыновей, величайший знаток Торы раби Мойше Файнштейн, бывший раввином Любани, живет в Америке и возглавляет йешиву «Тиферес Йерушолоим» в Нью-Йорке. Это выдающийся человек, чей авторитет признан всеми религиозными евреями в мире. Его супруга Сима, дочь резника раби Якова из Любани, славится добрыми делами и благотворительностью.

Знатоки Торы и йешиботники

В Старобине было немало знатоков Торы, включая обладателей смихи, имевших право определять, что говорит в том или ином случае закон. Горожане шутили: «Почему наше местечко называют Старобин? Потому, что по-русски это значит “сто раввинов”». Практически каждый старобинский мальчик, окончивший хедер, где учили Талмуд, отправлялся для продолжения образования в Слуцк, в «приготовительный класс» раби Нехемьи, а затем поступал в знаменитую слуцкую йешиву «Эц хаим», основанную раби Довидом Виловским. Оттуда юноши переходили в йешивы Слободки, Мира и Телза, а также в йешиву Хофец-Хаима в Радуни.

В начале века наибольшей славой пользовались два раввина, известных как «братья из Старобина»: Исроэл-Танхум га-коген Портман и его младший брат Шимшон-Зелик. Уже в юные годы оба демонстрировали несомненный ораторский дар. Они были сыновьями учителя Шимена, одного из старобинских преподавателей Талмуда, славившегося ясностью своих объяснений.

Их мать, Гёня-Рошка, родившая шестерых мальчиков, торговала овощами и фруктами. После смерти мужа она оказалась единственной кормилицей своей семьи. Исроэл-Танхум и Шимшон-Зелик учились в это время в разных йешивах далеко от Старобина. Время от времени они возвращались домой и произносили речи в синагогах и йешивах окрестных

Практически каждый старобинский мальчик, окончивший хедер, где учили Талмуд, отправлялся для продолжения образования в Слуцк...

местечек, за что им платили. Эти копейки служили подспорьем их матери. Они продолжили учебу в йешивах Мира и Радуни и стали знатоками Торы и выдающимися магидами. Когда они приезжали домой на праздники, материнской радости не было границ.

Как-то в базарный день, когда женщина была в лавке одна, туда ввалилась толпа крестьян, которые начали в сутолоке таскать с полок фрукты и засовывать их в свои мешки. В этот момент в лавку зашел родственник, заметивший, что происходит. Рассказав ей о том, что случилось, родственник спросил:

– Почему ты тут одна? Твои сыновья сейчас здесь, если ты их позовешь, они тебе помогут.

Женщина рассердилась и резко ответила:

– Это мои фрукты, и если крестьяне приходят их воровать, то пусть воруют. Однако мои сыновья поручены мне моим мужем Шименом, и он доверил мне их вовсе не для того, чтобы они торговали в лавке вместо меня!

Раби Исроэл-Танхум Портман впоследствии стал одним из ведущих раввинов Литвы. Он был раввином Швекшны и Жежмаря. В Жежмаряе он и погиб вместе со всей семьей. Его брат раби Шимшон-Зелик Портман славился как выдающийся магид. Он был раввином Копаткевичей, Осиповичей, а позже жил в Нью-Йорке, где преподавал в бруклинской йешиве «Тора ве-даас». Он скончался 27 швата 5711 (1951) года.

В годы Первой мировой войны большинство йешив эвакуировались на Украину. Летом 1918 года, когда мировая война подходила к концу, а гражданская на Украине еще не началась, некоторые старобинские йешиботники, учившиеся в йешиве Мира, эвакуированной в Полтаву, решили ненадолго вернуться домой. Городской раввин встретился с ними и сообщил, что в Старобине есть несколько ребят, учившихся у раби Портмана, и нужно как можно быстрее доставить их в какую-нибудь большую йешиву, чтобы они не застряли в дороге. Самостоятельная поездка из Старобина в Полтаву мальчикам была не по силам, особенно в такое опасное и беспо-

р. Зелик Портман

койное время. Однако они превозмогли все трудности и в сопровождении раби Хаима Вечеребина сумели добраться до йешивы Мира.

Через несколько лет после войны йешива переехала из Полтавы в местечко, имя которого носила, оказавшееся на территории независимой Польши. Как рассказывал мне выдающийся знаток Торы раби Лейзер-Йеѓуда Финкель, группа мальчиков из Старобина заслуживает всяческих похвал, поскольку, если бы не они, йешива бы не выжила. Вспомним же имена этих мальчиков.

1. Зусман Терушкин. Умер молодым во время учебы в йешиве в 1925 г.
2. Ѓерцл Домнич. Погиб вместе со всей семьей в местечке Столбцы, недалеко от Мира.
3. Авром Пасманик, сын Ѓиршке-сапожника и его праведной жены, о которых мы рассказали выше. Был раввином волынского местечка Рафаловка, погиб там вместе со всей семьей и общиной. Его младший брат Мордхе, также очень талантливый человек, ученик выдающегося знатока Торы раби Шимена Шкопа, погиб в ходе уничтожения гетто в Клецке.
4. Цви-Ѓирш, сын раби Мойше-Арна и Ѓинды Цирин-Теѓилим. Славился познаниями в Торе, мудростью и многими достоинствами. Был раввином в одном из полесских местечек, где и погиб.
5. Раби Ицхок-Хаим Краснич. Живет в Иерусалиме.
6. Самый младший из них, автор этих строк.

Были еще три мальчика, пожалуй, даже превосходившие упомянутых выше, которые учились в Старобине, а оттуда уехали в Полтаву:

1. Йосеф Грозовский (Розовский), известный как «илуй из Узды». Впоследствии стал раввином, учителем и приближенным раби Хаима-Ойзера Гродзенского из Вильны. Когда немцы заняли Вильнюс, бежал в Россию, и там следы его затерялись.

Статья, подписанная р. Й. б. М. (Розовский Йосеф бен Мордхе) вошла в Книгу памяти раби Шимена Шкопа.

2. Раби Шимен Бернштейн-Шапиро, раввин Липовки. Погиб во время войны. Был знатоком Торы и автором многих оригинальных комментариев, которые писал с юных лет. Его статья о религиозном законодательстве вошла в сборник «Оѓель Тойро»¹⁰¹⁴ раби Йехиэла-Михла Рабиновича. Статья «Тамэ ше-нихнас ле-микдош»¹⁰¹⁵ была опубликована (тремя частями) в альманахе «Кнесет Исроэл», тт. 12–14, изданном в Вильно в 1932 году. Грозовский и Бернштейн были лучшими учениками упомянутого выше раби Мойше Файнштейна, который привез их из Узды в Старобин.
3. Йеѓошуа-Довид Поварский (Кустанович) из Любани, автор книги «Йешуас-Довид»¹⁰¹⁶, посвященной законам, приведенным в разделе «Хошен мишпат» кодекса «Шульхан арух», изданной в Билгорае в 1933 г. В настоящее время глава йешивы «Поневеж» в Бней-Браке.

Еще одним крупным знатоком Торы был Йеѓуда-Лейб Рахмилович. Он учился в йешивах Слуцка, Шклова и Мстиславля и был родственником

Через несколько лет после войны йешива переехала из Полтавы в местечко, имя которого носила, оказавшееся на территории независимой Польши.

---

¹⁰¹⁴ «Оѓель Тойро» (иврит в ашкеназском произношении) — «Шатер Торы».

¹⁰¹⁵ «Тамэ ше-нихнас ле-микдаш» (иврит в ашкеназском произношении) — «Осквернившийся, вошедший в Храм».

¹⁰¹⁶ «Йешуас-Довид» (иврит в ашкеназском произношении) — «Спасение Давида». В названии обыгрывается имя автора. — *Прим. пер.*

Группа уроженцев Старобина в йешиве Мира (17 адара-бет 1928 г.).

Сидят (справа налево): Цви-Гирш Цирин, Ицхок-Хаим Краснич, р. Хаим Вечеребин, Довид Кустанович-Поварский, Хинич.

Стоят (справа налево): Хаим Лифшиц, Хаим Грунис (Ланда), р. Нисн Ваксман, Йехиэл-Михл Файнштейн, Йерахмиэл Лифшиц

доктора Нахмена Рахмиловича из Ковно, уроженца Старобина и раввина местечка Ивацевичи, где и погиб во время войны.

Советская власть тем временем укреплялась. Религиозные учебные заведения были закрыты, общинные институты уничтожены. Слава Старобина померкла навсегда.

В Соединенных Штатах живет много семей выходцев из Старобина. Наиболее известным из них является семейство Хиничей: раби Авром Хинич и его сыновья, тоже ставшие раввинами. Его брат раби Довид Хинич (Хазанович), возглавлявший йешиву в Остроге (Волынь), погиб там во время войны. Раби Меер Хинич был популярным хазаном в Литве, Латвии, Белоруссии и Польше; служил хазаном в Ковеле, Лиде, Несвиже и Слуцке. В последние годы был хазаном в Чернигове.

Вот имена еще нескольких выходцев из Старобина.

Раби Шахне Хинич был раввином Общества по изучению Талмуда в Брансвилле (Бруклин, Нью-Йорк). Он скончался 29 ияра 5690 (1930) г.

Переписчик религиозных текстов Хаим Лифшиц и его братья, резник раби Яков Лифшиц и Биньомин Лифшиц, внуки Зелика Лифшица, одного из самых известных прихожан дома учения на окраине городка.

Раби Ицхак-Яков Мендельсон и его брат Симха (Феликс), известные реформистские раввины.

Еврейский писатель Арн Домнич из Балтимора, сын раби Ошера Меламеда.

Учитель Дов-Бер Бродецкий из Чикаго.

Накануне Второй мировой войны мы получили из Старобина сведения, что советская власть осушила окрестные болота и провела в городок электрическое освещение. Однако мы не забываем и о том, что она уничтожила некогда славную общину, погасив в Старобине последние искры Торы.

Трое

Р. Ривин

Памяти погибших товарищей, так и не попавших в Израиль

Я и три моих товарища составляли небольшую, но сплоченную группу, возникшую в результате общественного пробуждения 1914–1915 годов. Любовь к Сиону и народу Израиля требовала от нас действий. Мы продавали «шекели», марки «Керен кайемент ле-Израэль», организовывали сбор пожертвований в этот фонд накануне Йом-Кипера и перед чтением Свитка Эстер, занимались распространением иврита и т. д.

Первым среди нас был Лейзер Портман, или, как его называли, Лейзер-бедняк. Лишившийся отца еще до рождения, он уже в юном возрасте бросил хедер и стал учеником портного в мастерской братьев Грунис, известных в местечке мастеров. Однако в учениках он пробыл лишь несколько лет. Два его старших брата учились в йешивах и были там среди лучших. Один из них, Исроэл, стал в Литве известным раввином. Он выступал в Большой синагоге, когда ему было всего четырнадцать лет, и очаровывал красноречием и ясностью объяснений всех слушателей, специально приходивших послушать его. Другой брат, Зелик, впоследствии ставший раввином в Америке, был моложе Исроэла. Оба они повлияли на своего младшего брата Лейзерке, убедив его присоединиться к ним и возложить на себя «ярмо Торы». Так ученик портного стал учеником йешивы. Лейзер был талантливым парнем с хорошо подвешенным языком и приятным голосом, смысленным и с развитым чувством юмора. Своими рассказами, беседами, шутками и песнями он неизменно радовал своих товарищей. Мы были очень дружны — во-первых, потому, что вместе учились, а во-вторых, поскольку в детстве я пережил такой же удар судьбы, как и он.

Среди тех, кто работал во имя еврейской колонизации Страны Израиля, мы были в первых рядах. В моем доме, месте сбора нашей группы, мы просиживали до глубокой ночи: просто болтали, устраивали собрания, изучали Танах, читали...

Когда началась Первая мировая война, мы вернулись из йешивы домой и остались в местечке. Вскоре мы начали выпускать местную газету на идише «Дер Векер»¹⁰¹⁷. В начале 1915 года Лейзерку призвали в армию. Я помню его письма, в которых он призывал меня избежать службы любой ценой, даже причинив себе какое-нибудь увечье. Видимо, он жестоко страдал от плохого отношения к солдатам-евреям в царской армии. Однако осуществить этот план мне не удалось, и меня тоже мобилизовали. С тех пор я о нем ничего не слышал. Скорее всего, он погиб в бою или попал в плен.

Другой член нашей группы, Берл-Мойше Герцл, был молод и талантлив. Ребенком и подростком он отличался неуступчивостью. Неожиданно для всех он бросил йешиву при слуцкой синагоге и перешел в светскую школу для еврейских детей. Мы очень ему завидовали, особенно форменной фуражке и кожаному ремню с блестящей пряжкой. Однако проучился он там недолго. Где-то через год Берл вместе еще с несколькими учениками из нашего городка поступил в йешиву в Мстиславле, городе в Могилевской губернии. Он был членом местного комитета «Цеирей-Цион», а также одним

Среди тех, кто работал во имя еврейской колонизации Страны Израиля, мы были в первых рядах.

---

¹⁰¹⁷ «Дер Векер» (идиш) — «Будильник».

Верхний ряд (справа налево): Р. Ривин, И. Марголин, Хана Файнштейн, Хаим Цирин; второй ряд: Хаим Кривицкий; нижний ряд (справа налево): М. Барнач, Малка Резник, Фрума Рутьгин, Мордхе Ровнич

Лейзер Портман

из первых зрителей и почитателей созданного нами театрального кружка.

Внезапно Берл снова сделал кульбит и занялся торговлей, посвятив этому все время и силы. Его жизнь оборвалась трагически. Когда в ходе польско-советской войны поляки ушли из нашего местечка, отступая перед Красной армией, он бежал вместе с двумя приятелями, был схвачен шайкой балаховцев и расстрелян.

Третий, Янкель, самый младший в нашей группе, был сыном местного резника и хазана реб Мордехая Марголина. Он был сообразительным и расторопным парнем. Присоединившись к нашей группе в последние годы, он стал первым из нас, кто в 1921 году прибыл в Страну Израиля с Третьей алией. Как и все первопроходцы, он проработал год на строительстве дорог, однако не выдержал, вернулся в Польшу и поселился в Барановичах. Во время Катастрофы он, судя по всему, погиб вместе с другими евреями.

С любовью и благодарностью

И.-Н. Адлер

Я был учеником большой йешивы («кибуца») в Слуцке. Я был младшим в нашей группе и стал одним из тех, кто заразился сомнениями. Вопрос «куда дальше?» постоянно возникал в моих мыслях. Как-то вечером, терзаемый душевными муками, я вышел из своей каморки и пошел в сторону дороги, места прогулок местной молодежи. Вскоре я оказался возле постоянного двора возчиков, приехавших из окрестных местечек.

С тех пор как я начал учиться в йешиве в Слуцке, каждый понедельник я приходил на постоянный двор повидаться с возчиком Иче, который в свое время привез меня в Слуцк. Это был рослый широкоплечий еврей в высоких сапогах и с кожаным мешком за плечами. Иче был агентом слуцких торговцев, имевших дело с оптовиками и государственным банком в Слуцке.

Иче был для меня живым воплощением тоски по родной деревне. Время от времени он передавал мне весточки. На мой вопрос: «Реб Иче, может

Старобинцы в йешиве Мира, 1928.

Стоят (справа налево): Цви-Гирш Цирин, Гирш Хинич.

Сидят (справа налево): Ицхок-Хаим Краснич, Нисн Ваксман, Авром Пасманик

быть, у тебя есть для меня письмо, а?» — он открывал свой кожаный мешок, копался в нем, вынимал маленький клочок бумаги и протягивал мне со словами: «Вот тебе записка от твоего отца». Иногда Иче вынимал из кармана серебряный гривенник и говорил: «Это тоже от отца».

В тот день я его не встретил. Там был молодой возчик, готовый вот-вот выехать в Старобин. Спросив, есть ли у него свободное место, я мигом взобрался в телегу, обитую драной холстиной, совсем не похожей на роскошную обивку повозки реб Иче.

Проведя в пути всю ночь, на рассвете мы были в Старобине. Возчик задержался на маленькой рыночной площади. Я вылез из телеги весь продрогший, поскольку ночью было холодно. Бросил взгляд на низкие убогие домишки, окружавшие рынок. Терзаемый муками одиночества и сиротства, я направился в дом учения. Неожиданно я встретил там родственника, реб Залмена из Игумена¹⁰¹⁸, йешиботника старше меня, который также оказался в Старобине. Он представил меня шамесу и устроил мне «дни» и субботы в домах местных домовладельцев, а также нашел квартиру для ночлега.

В один прекрасный день тот же Залмен подошел ко мне и рассказал о реб Зерахе, местном фельдшере, в чьем доме собираются умные люди. Прошло всего несколько дней, и Залмен привел меня в дом реб Зераха и представил хозяину и двум его дочерям, Блюме и Рейзл, которые вели хозяйство отца, к тому времени овдовевшего и ослепшего на один глаз.

Я был глубоко впечатлен его обликом, голосом и красивыми речами. Он казался живым воплощением отцовства и мудрости и вызывал к себе уважение. Что касается дочерей, то обе были миловидными, славными и жизнерадостными. Младшая, Рейзл, работала в аптеке реб Зераха, единственной в Старобине.

Как-то вечером, сидя за столом у реб Зераха, я увидел, что перед хозяином лежит книга «Кузари». Он сказал мне:

Я был глубоко впечатлен его обликом, голосом и красивыми речами. Он казался живым воплощением отцовства и мудрости и вызывал к себе уважение.

---

¹⁰¹⁸ Ныне — г. Червень, райцентр в Минской обл.

– Ты, конечно, слышал о раби Йеѓуде Ѓа-Леви, авторе этой книги. В ней ты найдешь ответы на все свои вопросы.

Реб Зерах кратко пересказал мне содержание «Кузари», рассказав о хазарском царе Булане, принявшем иудаизм, обратившем его мудреца и о великом Хасдае ибн Шапруте¹⁰¹⁹. Педагог от Бога, он протянул мне книгу и попросил меня прочитать вслух письмо раби Хасдая царю Хазарии¹⁰²⁰.

Рассказ о мудреце проник мне в сердце и исцелил мою душу. Закончив читать переписку хазарского царя и еврейского вельможи, мы приступили к самой книге. Должен признаться, что далеко не всегда я понимал реплики мудреца, несмотря на все объяснения моего наставника реб Зераха. Однако на каждом этапе диспута я видел себя на стороне мудреца, ибо он все говорил правильно и убедительно и истина была на его стороне.

Прошло всего несколько дней, и все мучившие меня сомнения рассеялись, как дым, хотя к тому времени мы прочли только треть книги.

Поэтому я с любовью и благодарностью вспоминаю реб Зераха, фельдшера из Старобина, который с любовью и верой, словно родной отец, исцелил мои душевные раны.

Столица Полесья

Р. Ривин

Мне хотелось бы увековечить память мучеников, уничтоженных врагом, вторгшимся на территорию Белоруссии.

С печалью и грустью я воскрешаю в памяти евреев Старобина — столицы Полесья, территории, покрытой лесами, озерами и болотами. Мне хотелось бы увековечить память мучеников, уничтоженных врагом, вторгшимся на территорию Белоруссии. Из многочисленных мест массовых расстрелов и сожжений их чистые души вознеслись к Богу, словно они были принесены на жертвеннике. Необходимо также увековечить и тех, кто умер до Катастрофы, и тех выходцев из этих мест, кто оказался в числе строителей и защитников Израиля.

В памяти всплывают любимые образы людей, которых так ценили за их непосредственность, честность и порядочность. Вот, например, раввин местечка раби Довид Файнштейн, богобоязненный и человеколюбивый, скромный и приветливый по отношению ко всей своей пастве. Его сменил раби Шлойме Ланда, знаток Торы, обладатель приятного голоса, человек искренний и всегда готовый дать совет.

Выдающейся личностью, истинным львом среди людей был реб Мордхе Марголин или, как его называли, «Мотл дер шойхет» — резник Мотл, который был не только резником, но и хазаном. Вместе со своим хором он радовал слух прихожан синагоги, особенно в праздничные дни. Он был выдающимся общественным деятелем и одним из глав общины. Реб Мордхе

¹⁰¹⁹ Хасдай ибн Шапрут (ок. 915 — ок. 975) — крупный средневековый еврейский ученый и государственный деятель, занимавший высокое положение при дворе арабских халифов в мусульманской Испании X в. Узнав, что правители Хазарии приняли иудаизм, Хасдай ибн Шапрут отправил к хазарскому кагану (царю) Йосефу делегацию с посланием, в котором выражал радость по поводу существования независимого царства, где исповедуется иудаизм. В ответном послании, являющемся ценным источником по истории хазар, каган Йосеф рассказывает об обращении хазар в иудаизм.

¹⁰²⁰ Речь идет о т.н. еврейско-хазарской переписке середины X в. между Хасдаем ибн Шапрутом и царем Хазарии. Впервые вышедшие в конце XVI в., эти письма часто печатались вместе с текстом книги «Кузари» как дополнение.

р. Авром-Нахмен
Кравчик из Старобина

прекрасно понимал молодежь и в любом вопросе оказывался верным нашим соратником.

Еще одним человеком, которого любило и уважало все местечко от мала до велика, был Мойше Номис, шамес Большой синагоги. О нем шептались, что он один из скрытых праведников-чудотворцев, но стал простым служкой, чтобы не делать этот дар своей профессией.

Реб Авром-Нахмен Кравчик — учитель, лучший в своем деле, строгий педант, не пропускавший ни одной ошибки. Нас буквально зачаровывали его четкие объяснения библейских текстов, произносившиеся нараспев. Старик среди молодых, он участвовал во всех праздничных мероприятиях: пирушках в честь Хануки и Пурима и т. д. Он радовался и гордился, что именно его ученики встали во главе общественной жизни в местечке и были самыми активными.

Мой дядя Иче — известная личность: торговец, сын раби Аврома Старого, раввина евреев, живших на Палестинской улице. В его доме собирались местные коробейники, получавшие здесь товар в кредит. Дядя Иче всегда помогал нуждавшимся. Рука убийцы настигла его, когда он находился далеко от дома и от своей жены, тетушки Ѓени.

За местечком, в старом доме, крытом соломой, жил Авремл Лейбкес с женой Бейлой. Они очень гордились сыном, погруженным в изучение Торы.

Не могу забыть визиты меламеда Калмена, сын которого уехал в Страну Израиля. Он приходил ко мне с окраины местечка, чтобы показать его письма. Когда он читал их, казалось, что он вдыхает аромат Эрец-Исраэль.

Тайная любовь и тоска просыпаются во мне всякий раз, когда я вспоминаю дом, в котором наша семья прожила много лет, а также семью Мойше-Арна, прозванного из-за его профессии мясником. Как-то накануне Пейсаха река Случь, вышедшая из берегов из-за таяния снегов, дошла до стен его коровника. Это был скромный, порядочный человек. Его жена Ѓинда отличалась умом и проницательностью, а ее речь была щедро сдобрена народным юмором.

Еще одним человеком, которого любило и уважало все местечко от мала до велика, был Мойше Номис, шамес Большой синагоги.

Хаим-Лейб и его жена Алта все время были заняты торговлей с крестьянами. По субботам и праздникам Хаиму поручали вести общественную молитву — таким замечательным хазаном он был.

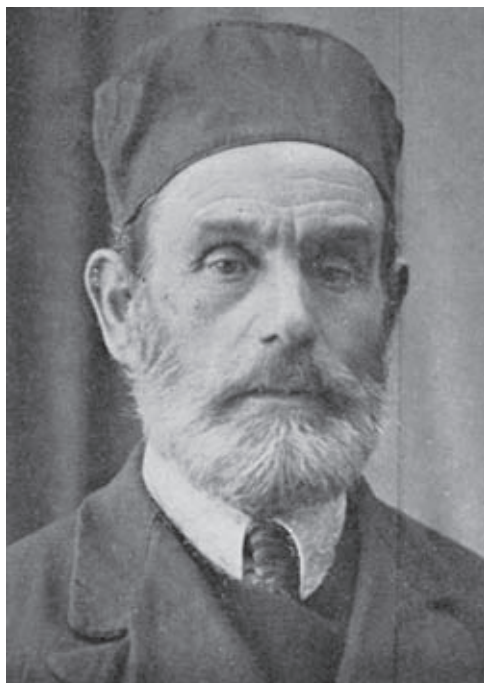
Как я могу не вспомнить своего отца Эфроима, сына Зелика, переписчика священных текстов? Дед был известен в местечке и окрестностях как один из лучших знатоков Торы. Для своих тфилин каждый непременно хотел купить пергамент, написанный рукой моего деда Зелика. Он старался избегать пустых разговоров, поэтому, когда нужно было обсуждать цену, неизменно посылал на переговоры свою жену Бейлу. Мой отец был общественным деятелем. Он создал общество взаимопомощи, помогал посланцам, приезжавшим для сбора пожертвований для йешивы диаспоры и Страны Израиля. Тору и святой язык отец любил всем сердцем.

Уже в юности я начал читать книги на иврите. Хотя в глазах многих правоверных евреев это считалось недопустимым, мой отец не возражал. При этом он был ревностным поборником традиционного еврейского образования и мечтал о том, чтобы я учился в йешиве.

Авром Островский или, как его звали в местечке, Авремл Элинкес стал одним из взрослых сионистов, присоединившихся к нам, молодым, в 1917 году после Февральской революции. Несмотря на то что он был очень занят торговлей и обременен многочисленной семьей, Островский всей душой отдался сионистской работе. Его любовь к Сиону не знала границ. Среди прочего он стал казначеем отделения сионистской организации. В местечке Авром пользовался всеобщей любовью и уважением.

В Старобине регулярно случались пожары. Едва ли не каждый год что-нибудь где-нибудь загоралось. Летоисчисление здесь велось так: в год, когда случился пожар в доме такого-то; год, когда загорелось на такой-то улице, и т. д. Один пожар вспыхнул в Великую субботу, вскоре после утренней молитвы, всего через восемь месяцев после предыдущего пожара. Огонь распространялся стремительно и, казалось, вот-вот дойдет до Большой синагоги. Мойше Номис бросил свой дом, поручив жене вынести на улицу все

Йосеф Шлимович,
первый староста
Большой синагоги
Старобина

Мойше-Ари Цирин
(1868–1923)

ценное, схватил длинный шест, к концу которого был привязан красный платок, и обошел синагогу, шепча заклинание, которое должно было остановить пламя. Однако это не помогло, и синагога тоже сгорела.

Нельзя не помянуть добрым словом «сионистскую фабрику». Мы, молодые, добровольно вызвались бесплатно печь мацу для бедняков. Вся подготовка и работа в пекарне были сделаны безвозмездно. А поскольку без муки мацы не бывает, мы позаботились и о пасхальной кассе¹⁰²¹.

Вплоть до революции в местечке все оставалось тихо и спокойно — гораздо тише и спокойней, чем течение реки Случь, протекавшей возле Старобина. Практически вся общественная жизнь проходила в стенах дома учения — в любое время дня, за исключением часов, отведенных на изучение Талмуда, «Эйн-Яков», «Хаей-адам» и других святых книг. Если возник конфликт между двумя людьми, семьями или группами, практически всегда это происходило в синагоге, чаще всего по субботам и праздникам. Помешать начать читать Тору было единственным способом найти решение или компромисс.

Призывники, уходящие в армию, требовали компенсацию у тех, кто получил освобождение от призыва. Если не удавалось получить ее миром, они неожиданно появлялись в синагоге перед выносом свитка Торы, и громким голосом объявляли о своем недовольстве. После долгих препирательств вопрос наконец решался благодаря вмешательству лучших людей городка.

Тишина и спокойствие, царившие на еврейской улице, были нарушены молодежью в 1904–1905 годах, когда в России началась революция. По большей части собирались в тайных местах, укрытых от посторонних взоров, чтобы о сходах, не дай Бог, не узнало начальство. К счастью, таких тайных мест было предостаточно, поскольку Старобин со всех сторон окружали густые леса.

Нельзя не помянуть добрым словом «сионистскую фабрику». Мы, молодые, добровольно вызвались бесплатно печь мацу для бедняков.

Мордхе Марголин,
старобинский хазан
и резник

¹⁰²¹ Традиционная благотворительная касса, где нуждающиеся могли получить деньги или продукты для проведения пасхального седера. — *Прим. пер.*

Сионистская народная фракция «Цеирей-Цион» в Старобине.

Первый ряд сверху (справа налево): Яков Мармор, Зося Каплан, Брайна-Рохл Пасманик, Яков Разгон, Хая-Лея Ровнич, Лея Шверин, Фейга-Лея Ровнич, Рувен Ровнич, Ицхок Рапопорт, Арн Хинич.

Второй ряд (справа налево): Кейла Долгин, Рохл Мармор, Хая Долгин, Хана-Рохл Домнич, Сора Садовская, Сора Хинич, Кейла Хинич, Яков Федер, Шимшон Хинич, Герцл Долгин, Авром Марголин.

Третий ряд (справа налево): Носн Шлимович, Шабсай Садовский, Сима-Рохл Кривицкая, Рохл-Лея Рапопорт, Хана Файнштейн, Мордхе Барнач, Лея Ровнич, Арн Дохович, Мордхе Старобинский, Л. Хинич, Йерахмиэл Дохович.

Четвертый ряд сверху (справа налево): Гёня Шустерман, Фейга Хинич, Шимке Шверин, Гинда Хинич, Хая-Гита Хинич, Шейна Чернин, Остерман, Рапопорт.

Пятый ряд (справа налево): Авром Домнич, Берл Бродоцкий, Хая Домнич, Яков Домнич, Мордхе Ровнич, Рефозл Ривин

Революцию 1917 года в местечке встретили с недоверием. Многие спрашивали шепотом: неужели действительно свергли государя императора? Говорить об этом в полный голос побаивались. Первый публичный митинг хотели закончить новым гимном, «Марсельезой»¹⁰²², однако не знали ни слов, ни мелодии, пока наконец не нашелся спаситель — возчик Рува, еврей богатырского сложения, в прошлом один из лидеров революционеров местечка. В годы первой революции он посмел выступить против властей и, естественно, не избежал наказания: его арестовали и на несколько лет выслали в далекие края. Живя среди политических ссыльных, он выучил у них слова «Марсельезы» — и вот теперь спас положение.

В это время по городам и местечкам возникали бесчисленные ячейки сионистов, Бунда, социалистов-сионистов, левых полейционовцев и т. д. Не стало исключением и наше местечко. На еврейской улице господствовала сионистская организация. Старобин, долгие годы не знавший серьезных конфликтов, если не считать споров, кого выбрать следующим раввином, совершенно преобразился. Возникли политические клубы, начались диспуты, каждый старался переубедить других. Как мне кажется, связано это было с искренним внутренним убеждением каждого в том, что именно его идеология является единственно верной. После большевистской революции небольшому числу старобинских сионистов удалось уехать в Эрец-Исраэль. Значительно больше евреев уехали в Америку. Многие разъехались по городам и весям Советского Союза, и лишь считанные единицы вернулись в разрушенное местечко.

О прошлом остались одни лишь воспоминания, которые становятся все более смутными и расплывчатыми. Боюсь, что скоро не останется даже того, кто пожалеет о тех, кто ушел и не вернется¹⁰²³. Пусть же мои скромные воспоминания станут неугасимой поминальной свечой моему любимому местечку и дорогим мне людям, которых я никогда не забуду.

¹⁰²² «Марсельеза» была утверждена Временным правительством в качестве государственного гимна 2 марта 1917 г. по старому стилю. — *Прим. пер.*

¹⁰²³ См. Талмуд, «Санѓедрин», 111а.

Из книги М. Кагановича «Партизанская война евреев в Восточной Европе»

«В феврале 1943 года немцы окружили район, в котором базировались партизанские отряды, находившийся недалеко от местечек Старобин, Житковичи и Глуск. Сотни окрестных деревень, обитатели которых давали кров партизанам, были сожжены дотла. Несколько деревень сожгли вместе с их жителями, заперев их в сараях.

Пережив немало страданий и опасностей, уцелевшие евреи пробрались в окрестности Глуска, Старобина, Житковичей и Бобруйска и присоединились к партизанским отрядам, действовавшим в этих местах.

Начавший воевать простым бойцом, Мойше Шульман из местечка Ленин за проявленные воинские качества и мужество был назначен командиром взвода подрывников, а затем стал командиром роты в отряде Шваякова¹⁰²⁴, воевавшим в районе Старобина — Глуска.

Почти все партизаны-евреи, сражавшиеся в многочисленных отрядах, базировавшихся в районе Старобина — Глуска, были выходцами из местечек Ленин и Погост-Загородский».

Пережив немало страданий и опасностей, уцелевшие евреи пробрались в окрестности Глуска, Старобина, Житковичей и Бобруйска и присоединились к партизанским отрядам, действовавшим в этих местах.

СТАРЫЕ ДОРОГИ

Хен

Посреди девственных лесов и первозданных пейзажей, в забытом Богом медвежьем углу находилось местечко Новые Дороги. Когда в этих местах проложили железную дорогу из Дараганова, железнодорожную станцию назвали Старые Дороги. Имелось в виду, что новый населенный пункт возник на перекрестке старых, пустынных, забытых дорог.

Минские евреи Поляк и Вайсбрам построили здесь лесопилку для производства досок и фанеры. И в Старых Дорогах закипела жизнь. По обе стороны железной дороги возник цветущий поселок, в котором жили около двухсот семей. Были построены дома, открылись лавки и кабаки, возникли небольшие общины миснагедов и хасидов, построившие две синагоги. В Йом-Кипер раби Герцл из Горок молился «Кол нидрей...» и вечернюю молитву с миснагедами, а «Мусаф» — в хасидской синагоге.

В местечке имелись раввин и резник. Стоит отметить, что раввин параллельно торговал углем и лесом. О нем говорили, что, хотя он и не живет за счет Торы, но, в соответствии со словами наших мудрецов о том, что хорошо сочетать занятия Торой с ремеслом или торговлей, хорошо зарабатывает на сделках. Позже он стал известен в Минске и Стране Израиля

¹⁰²⁴ Шваяков Устин Никитич (1914–1985) — советский хозяйственный и партийный работник, участник партизанского движения на территории Глусского района Белоруссии. Командовал партизанским отрядом им. Н. А. Щорса. — *Прим. пер.*

как «Красный раввин» Пейсахович¹⁰²⁵, поддерживающий советскую власть. Резник реб Цадок был интеллигентным человеком с хорошими манерами.

По тракту Старые Дороги — Слуцк ездили возчики, доставлявшие с железнодорожной станции всевозможные товары и возвращавшиеся обратно с продукцией Слуцкого уезда. Из Старых Дорог в Слуцк и обратно также ходили дилижансы и двухэтажные автобусы, поскольку железнодорожную ветку в Слуцк еще не проложили.

Городок процветал благодаря торговцам со всей России, продававшим товар местным лавочникам. Местные евреи хорошо знали Тору и иврит. Раби Ишя-Хаим Хинич, а также семейства Бер, Фрид, Вайншток и другие были убежденными и пламенными сионистами, трудившимися на благо Сиона и возрождения иврита.

Фрид, Рабкин и Герцл Горячиков были известны в городке как лесоторговцы. В Старых Дорогах были три гостиницы: Рабиновича, Рабкина и «Березина». Среди рабочих лесопилки Поляка-Вайсбрама выделялись Хаников, Бергер и Шайкевич.

Большими магазинами владели муж Сары Казакевич, Липа Васербин и Ланкрич. Последний торговал фуражом оптом и в розницу. Важное положение занимали в местечке Сендер Резник, Копл Симхович и Дворовский.

Местные евреи выписывали идишские и русские газеты. Учитель М. Хазанович начал как учитель иврита в семье предпринимателя из Старых Дорог Лейба Бергера, а затем переехал в Слуцк и стал там одним из создателей «прогрессивного хедера». Одним из первых учителей иврита был Хургин, одновременно служивший бухгалтером местной кассы взаимопомощи.

В городке удалось открыть школу с преподаванием на иврите — благодаря одному из лучших учителей того времени Хаиму Рабиновичу, опубликовавшему множество рассказов в журнале «Га-Прахим»¹⁰²⁶ и других изданиях. Рабинович создал школу, в которой было два отделения. Все жители любили учителя и были благодарны ему за то, что в Старых Дорогах зазвучал иврит. В 1925 году Рабинович уехал в Эрец-Исраэль, где и скончался около 1931 года. После его отъезда его дело продолжил учитель Йосеф Марон.

От всех окрестных местечек Старые Дороги отличались биением жизни, щедростью местных жителей, уровнем образования и реакцией на происходящие события. Случайный гость искренне удивлялся и восхищался этим маленьким благодатным уединенным островком.

Многие евреи, ходившие «старыми путями», находили в Старых Дорогах новый смысл и новую веселую жизнь. Однако настали иные времена, дороги опустели, бурная старая-новая жизнь закончилась. Сионизм был запрещен, образцовый хедер с преподаванием на иврите закрыт. С приходом советской власти еврейская жизнь зачахла, дороги заросли бурьяном, поскольку не стало путников.

То, что осталось, уничтожили нацисты.

¹⁰²⁵ Хаим Пейсахович (1877–1956) — раввин, религиозное образование получил в йешивах Слободки, Лиды и Бреста. С 1900 г. — раввин в местечке Старые Дороги Минской губ. В 1920-е гг. — раввин т.н. красной общины в Минске. С 1931 г. — в Эрец-Исраэль; построил в Иерусалиме синагогу «Тора ве-дат» («Тора и религия»), создал банк «Га-Тхия» («Возрождение»). За свои просоветские выступления получил прозвище «Красный раввин».

¹⁰²⁶ «Га-Прахим» (иврит) — «Цветы» — еженедельное издание для детей, выходившее в г. Луганске в 1907–1913 гг.

Мое местечко

III. Бернштейн

Характер местечка Старые Дороги, затерявшегося среди лесов, во многом определяла лесоторговля. Ради нее сюда провели ветку железной дороги, соединявшей Осиповичи и Уречье.

Местечко находилось рядом с трактом Москва — Варшава, соединявшим среди прочего Бобруйск и Слуцк. Старые Дороги находились в 60 верстах от Бобруйска и в 40 верстах от Слуцка. Железнодорожного сообщения между Старыми Дорогами и этими городами не было, поэтому в Слуцк ездили на дилижансе, а позже — на автобусе.

Представители фирмы «Поляк и Вайсбрам» купили леса вокруг деревни Старые Дороги и построили там дома, мельницу, а также небольшую лесопилку и фанерную фабрику, сгоревшую в 1909 году. Много лет после пожара дети собирали куски фанеры и делали из них линейки.

Два отца-основателя городка выстроили для себя большие дома и разбили фруктовый сад, чтобы их семьи отдыхали там летом. Поблизости соорудили спортивную площадку со всевозможными снарядами, куда летом пускали детей; особенно много народа собиралось там по субботам.

Рядом с лесопилкой построили дома для постоянных рабочих (преимущественно русских), а также для управленцев, в большинстве своем евреев. О директоре Каце поговаривали, что он не любил нанимать еврейских рабочих, и из-за этого евреи не занимались физическим трудом.

К принадлежащим фирме складам была проложена железнодорожная ветка. Штабеля бревен и досок самой разной формы высились по обе ее стороны. Главная контора находилась рядом с лесопилкой. За счет фирмы была построена синагога.

Все это вызвало приток новых людей из окрестных деревень и местечек. В результате к западу от железной дороги вырос квартал со всей инфраструктурой, выстроенный по современному плану, — с широкими улицами и деревянными тротуарами. Дома строили из дерева, поскольку в этих местах оно было самым дешевым и доступным материалом.

Торговля крепла и расширялась. Приезжали лесоторговцы, скупавшие окрестные леса. Вслед за ними явились всевозможные коммивояжеры, лесные комиссионеры, лавочники, мясники и разнообразные ремесленники: сапожники, пекари, портные, грузчики, кузнецы... Были в местечке и представители свободных профессий: доктора, фельдшеры и т. д. В Старых Дорогах построили маленькую больничку на пятнадцать коек.

Если в шинке Зельды Певзнер христиане напивались и начинали ссору, немедленно появлялись ее братья, два крепких еврея, и скандал сразу прекращался.

Среди возчиков, доставлявших грузы из Бобруйска в Слуцк и обратно, самым известным был некто Изя, живший в Бобруйске. Однако лучшими возчиками считались слуцкие. О них рассказывали следующее: под Бобруйском находилась стекольная фабрика «Глуша», рабочие которой выходили ночью на большую дорогу и грабили проезжающих. Пассажиры начали бояться там ездить, однако слуцкие возчики не смирились с ситуацией.

В результате к западу от железной дороги вырос квартал со всей инфраструктурой, выстроенный по современному плану, — с широкими улицами и деревянными тротуарами.

Заседание комитета
организации
«Кадимо».
Первый справа —
Ш. Бернштейн.
Выступает
Ш. Маѓаршак

Среди них было восемь братьев, известных как «погодки». Как-то ночью они устроили засаду и жестоко избили разбойников. С тех пор те не осмеливались приближаться к возчикам.

В местечке действовала добровольная пожарная команда, у которой была особая форма. Команда была создана на средства местных зажиточных евреев. И горе тому, кто не проявлял достаточной щедрости: после того как на крыше его дома устраивали учения по тушению пожара, он сразу же делал обильное пожертвование.

В Старых Дорогах открылась сберегательная касса, которой руководил учитель Хургин. Узкоколейка протяженностью семь верст соединяла лесопилку с Избицей. Она была построена для доставки леса на лесопилку и перевозки пассажиров, для которых имелся вагон с сидячими местами. Молодежь активно пользовалась этой узкоколейкой, особенно по воскресеньям и вечерам.

В девяти с половиной верстах от местечка находилась фабрика по производству скипидара из сосновых корней. На этой фабрике случилось несколько пожаров подряд.

Стоит отметить, что летом 1910 года писатель Шолом Аш навестил своего коллегу Клецкина и именно здесь написал свой роман «Мотке-ганев»¹⁰²⁷.

В 1908 году в нашем местечке работал (правда, недолго) учителем Берл Кацнельсон¹⁰²⁸, у которого здесь были родственники.

¹⁰²⁷ Шолом Аш (1880—1957) — писатель и драматург. Писал на идише. «Мотке-ганев» (идиш) — «Мотке-вор». — *Прим. пер.*

¹⁰²⁸ Берл Кацнельсон (1887—1944) — политик и журналист, деятель рабочего сионизма, один из лидеров движения МАПАЙ. — *Прим. пер.*

В Старых Дорогах были две синагоги, миснагедская и хасидская. Действовали два театральные кружка, на русском и на идише. Несколько человек участвовали в обоих. Большая публичная библиотека работала на общественных началах.

Пожарный сарай, где хранилось имущество, использовался также для театральных представлений и балов. В здании рядом с лесопилкой помещался хедер, где преподавали Симхович, Хургин, Йосеф Марон и Рабинович (последний смог уехать в Израиль и работал учителем в Рамат-Гане). Некоторые уроки велись на иврите.

Около местечка был построен квартал Слободка, где было несколько десятков маленьких домиков, принадлежавших русским рабочим.

Старые Дороги строились стремительно, и все вышеперечисленное появилось буквально в считанные годы. Это было особенное местечко, не похожее на те, которые описали Менделе Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем. В частности, стоит отметить, что бедняков в Старых Дорогах не было, хотя уровень доходов у его жителей был, естественно, очень разным.

Отношения между евреями и неевреями складывались нормально. Молодежь росла, не ведая страха перед «шейгецами», и ходила с высоко поднятой головой.

* * *

К сожалению, эта идиллия закончилась с началом Первой мировой войны. Десятки мужчин были призваны в армию, оставив множество семей без кормильцев. Многим пришлось растратить накопленное ранее. Положение ремесленников было несколько лучше, поскольку они обслуживали также жителей окрестных деревень.

Здесьняя лесопилка была единственной в округе и давала заработок многим местным жителям. По инициативе Якова Лифшица была создана женская бригада, грузившая бревна в вагон. Мужчины работали лесорубами.

В феврале 1917 года в России произошла революция. Еврейское население встретило эту новость со смешанными чувствами: радовались свободе, тому, что раздвинулись горизонты, новым возможностям, и в то же время боялись, не зная, хорошо ли это для евреев. Среди молодежи царил воодушевление, устраивались митинги и партийные собрания. Евреи шествовали по улицам с флагами сионистов и Бунда. В сионистских собраниях участвовали и приглашенные ораторы: Рытов из Осиповичей, Добкин и Бергер из Минска.

В начале 1918 года район был занят немцами, которые, впрочем, не причиняли вреда евреям. В это время в Бобруйске стоял польский корпус Довбор-Мусницкого. Немцы в наших краях не задержались. В том же 1918 году они ушли из местечка, которое сразу же заняли польские legionеры из Бобруйска.

Несмотря на тяжелое экономическое положение, в 1918 году в Старых Дорогах открылась земская гимназия с тремя классами, причем предполагалось, что каждый год будет добавляться еще один класс. Уровень преподавания был достаточно высоким. Шимен Магаршак, в 1923 году исключенный из школы в Слуцке за сионистскую деятельность, поступил в нашу школу и окончил ее с отличием.

В начале 1919 года польские legionеры ушли, и местечко заняла Красная армия. Еврейское население округи чувствовало себя между молотом

Старые Дороги строились стремительно, и все вышеперечисленное появилось буквально в считанные годы.

и наковальной, поскольку оказывалось жертвой при каждой смене власти. После того как Красная армия прочно обосновалась в Старых Дорогах, несколько евреев были арестованы по обвинению в помощи полякам.

Случилось, что какой-то крестьянин убил польского помещика по фамилии Боляк. В том же году поляки после ожесточенных боев снова заняли Старые Дороги. Убийцу Боляка они сразу повесили, а кроме того, схватили двух евреев, которых тоже хотели вздернуть. На них уже накинули петли, но в последний момент отпустили.

Местечко жестоко страдало, как, впрочем, и все окрестные деревни. Поляки обижали евреев, срезали им бороды и всячески их унижали. Тех, кто носил светлую одежду, посылали грузить уголь, тех, кто носил темную, — муку.

Летом 1920 года Красная армия начала наступление на всех фронтах. Отступая, поляки сожгли все мосты, в том числе железнодорожный мост на линии, ведущей в Слуцк. Остатки отступающей польской армии грабили все, до чего могли дотянуться. Опасались, что они сожгут местечко дотла, поэтому при появлении передовых отрядов Красной армии жители вздохнули с облегчением.

Я помню, как сотни людей, связавшись веревками, помогали тащить бронеавтомобили по временным переправам. Сотни крестьян добровольно явились, чтобы отремонтировать разрушенные мосты. Они трудились днем и ночью, и вскоре работа была закончена.

Красноармейцы, одетые в рваную заношенную форму, стремительно продвигались вперед под лозунгом «Вперед, на Варшаву!» Но дойдя до пригородов польской столицы, Красная армия обнаружила, что поляки у них в тылу. Польские войска оказались в пятнадцати верстах от нашего местечка и уже заняли Слуцк. Днем и ночью мы слышали грохот артиллерийской канонады. Каждый день в Старых Дорогах останавливался бронепоезд. Отсюда он отправлялся в Верхутино, обрушивал град снарядов на головы врагов и возвращался обратно. Горожане голодали. Несмотря на незатихающие бои, они отправлялись в лес за земляникой, грибами и орехами и этим кормились.

Тем временем красноармейцы изымали в деревнях все съестные припасы. Крестьяне пробовали сопротивляться. Со временем сопротивление усиливалось. Солдаты, уроженцы здешних деревень, дезертировали из Красной армии. Отряды вооруженных крестьян скрывались в лесах. Кому же досталось больше других? Естественно, евреям. Даже после подписания мирного договора с поляками местечко еще несколько месяцев находилось в осаде, и каждый, рискнувший его покинуть, платил за это жизнью. То же происходило и в других окрестных местечках. В Горках были убиты несколько десятков евреев. Ходили слухи, что евреев Старых Дорог тоже ждет расправа, и жители были напуганы и взволнованы.

Дом моего отца, Лейзера Бернштейна, не раз и не два становился убежищем для наших соседей. У нас были шестизарядный пистолет системы «Смит-Вессон» и несколько топоров. В доме царил боевой дух. Когда с безопасностью стало совсем плохо, мы обратились к местным советским властям с просьбой разрешить создать самооборону и обеспечить ее оружием. После многочисленных просьб мы получили сорок ружей и создали отряд из опытных бойцов, тренировавшихся ежедневно. Оружие подняло настроение горожан, тем более что у нас было немало и нелегальных стволов.

Польские войска оказались в пятнадцати верстах от нашего местечка и уже заняли Слуцк. Днем и ночью мы слышали грохот артиллерийской канонады.

Оркестр пожарной дружины в Старых Дорогах

Ночные патрули устраивали засады, по четыре–пять человек на позиции. Помню, что ночной патруль как-то раз разоружил полувзвод (пятнадцать человек) красноармейцев, поскольку те отказались себя назвать. Когда их вели в комендатуру, они страшно злились и скрипели зубами, поняв, что разоружены какими-то пятью евреями.

Власти постепенно очищали район от банд. Многих бандитов арестовали и расстреляли. В округе постепенно стало тихо.

Будущее русских евреев, особенно молодежи, оставалось туманным, поскольку многие евреи, торговцы и лавочники, были объявлены «нетрудовым элементом». Среди лучшей части молодежи началось брожение. Возникла подпольная сионистская организация с целью трудовой подготовки, чтобы, когда придет время, уехать в Страну Израиля.

В 1922 году в Старых Дорогах и окрестностях возникла молодежная сионистская организация «Кадимо». Центр ее находился в Минске; она выпускала подпольную газету «Кадимо». Власти, однако, начали нас преследовать, и в 1923 году в наших местах прошли первые аресты. Семерых наших товарищей схватили и этапировали в Бобруйск, а оттуда в Минск. Несколько месяцев нас продержали в подвале ГПУ. Однако после освобождения мы продолжили свою работу с новым пылом.

В 1925 году аресты возобновились, я и несколько других товарищей пять месяцев просидели в слуцкой тюрьме. После допросов нас сослали в Сибирь и на Урал, где мы провели в ссылке пять лет. Мы были там не одни. Тысячи замечательных молодых евреев тоже были сосланы в Сибирь. Некоторым из них в конце концов удалось попасть в Израиль, другие сгинули, третьи примирились с властью и стали добропорядочными советскими гражданами.

Вот имена высланных из Старых Дорог, кому удалось попасть в Израиль: Шаул Бернштейн (автор этих строк), Сора Кац, Сора Росомаха, Нехемья Львович.

* * *

Какова была судьба Старых Дорог после того, как в 1941 году городок заняли немцы? Ходили слухи, что нацисты убили почти всех жителей и лишь немногие смогли бежать в Россию. Другие говорили, что местечко было сожжено дотла и заново отстроено после восстановления советской власти.

ПОГОСТ

«Местечко Минской губернии, Слуцкого уезда, в 21 версте от уездного города, при реке Случь. Упоминается в истории XV в.; жителей 500. Православная церковь, еврейская школа, 2 ярмарки».

(Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона)

В Погосте жили около двухсот еврейских и около шестидесяти христианских семей. Большинство жителей местечка были ремесленниками и земледельцами. Были среди них также мелкие торговцы, лавочники и коробейники. Из Погоста в Слуцк и другие окрестные местечки регулярно отправлялись целые обозы с грузами и пассажирами.

Почти у каждого жителя были свой огород, корова и куры. В местечке ежегодно устраивали две ярмарки; базарным днем считалось воскресенье. В Погосте были две синагоги: дом учения и Холодная синагога. Духовные потребности общины обеспечивали раввин, резник (позже появился и второй) и служка, одновременно исполнявший обязанности могильщика. В местечке были две аптеки и фельдшер-христианин. До 1920 года продолжали работать хедеры. Кроме них, были и две государственные школы: одна — четырехклассная, другая — восьмиклассная.

В Израиле живут всего несколько выходцев из Погоста. Вот их имена: семья Гур (Грозовские); Шимен Бен-Цви (Ратгун), мэр Гиватаима; Бася (в девичестве Гинзбург) и Азриэл Шило; семья Хаима Кунцера.

Шимен Бен-Цви (Ратгун)

Родился в Погосте в 1890 году. Получил традиционное образование сначала в хедере, а затем в йешиве в Слуцке. Был одним из основателей кружка студентов йешивы, потребовавшего от руководства преподавания светских предметов. Всю компанию исключили из йешивы, после чего Шимен остался в Слуцке, учился экстерном и зарабатывал уроками.

В 1914 году Шимен прибыл в Эрец-Исраэль. Непродолжительное время работал в Тель-Адашим, в составе отряда «Га-Шомер»¹⁰²⁹. Был сельскохозяйственным рабочим в Эй-н-Хае, Бен-Шемене и Петах-Тикве. Стал одним из основателей поселения Кфар-Малаль (Эйн-Хай). Был избран секретарем

¹⁰²⁹ «Га-Шомер» (иврит) — организация еврейской самообороны.

профсоюза сельскохозяйственных рабочих Иудеи, руководил первой рабочей столовой в Петах-Тикве. Стал секретарем профсоюза сельскохозяйственных рабочих в Иерусалиме, а когда центральные профсоюзные учреждения перевели в Тель-Авив, тоже переехал туда.

Работал главным бухгалтером компании «Нир». С момента основания района Борохов (первого рабочего квартала) поселился там и активно занимался муниципальными делами. Был избран председателем совета (позже — мэром Гиватаима), руководил кварталом на протяжении почти двадцати лет. Вместе с несколькими товарищами продвигал идею объединения нескольких близлежащих кварталов в единое муниципальное образование, город Гиватаим.

Был членом «Гаганы». Стал одним из создателей потребительского кооператива в квартале Борохов — первого потребительского кооператива в Израиле. Работал в различных учреждениях, был членом ОРТа, вел колонку в газете «Га-Поэль га-цаир»¹⁰³⁰, автор статьи, вошедшей в книгу «Вторая алия».

* * *

«Погост (Слуцкий уезд), 23 июня 1888 года.

Недавно в нашем местечке побывал р. Нох Г-а-Парси, известный читателям «Га-Мелиц» благодаря посвященным ему письмам, опубликованным на страницах газеты в прошлом году. При знакомстве он открыл свою записную книжку и показал мне рекомендательное письмо раввинов Минской губернии, где он побывал прошлым летом, а также вырезку из 208-го номера «Га-Мелиц» с письмом, подтверждающим, что он человек надежный и честно представляет интересы тех, кто его послал. В то же время всем известно, что раввин Прилук писал о нем в «Га-Мелиц» (вып. 107), что он обманщик и жулик.

Поэтому я решил предать это дело гласности. Он разговаривает на святом языке, хотя, поскольку живет в России уже семь лет, несомненно, выучил еврейский разговорный язык. Его записная книжка не прошнурована. В ней не указаны 21 крупное пожертвование (самое незначительное из них было сделано в местечке Старобин — пять рублей серебром), мелкие же пожертвования не упомянуты вовсе. Поэтому у меня сложилось мнение, что он кладет деньги себе в карман. В его записной книжке ни разу не упоминаются местечки Минской губернии и те, где он собирал деньги на протяжении многих лет. Поэтому мне кажется правильным предложить раввинам тщательно проверить этого человека, чтобы общество знало, честный он человек или обманщик.

Авром Левин»

Был членом «Гаганы». Стал одним из создателей потребительского кооператива в квартале Борохов — первого потребительского кооператива в Израиле.

---

¹⁰³⁰ «Га-Поэль га-цаир» (иврит) — «Молодой рабочий» — сионистское рабочее движение, позже — партия, действовавшие в Эрец-Исраэль с 1905 по 1929 г. на принципах социалистического сионизма. Создавало «штурмовые группы» в рамках концепции «завоевания труда», предусматривавшей отказ от наемного арабского труда в уже созданных еврейских поселениях в Стране Израиля (*мошавот*) и создание новых сельскохозяйственных поселений, базирующихся на еврейском труде. То же название носила и газета, о которой идет речь. — *Прим. пер.*

р. Мордхе
Финкельштейн
и его жена Бася

Х. Кунцер

Я из Погоста, родился в 1916 г. Учился в хедере и в советской школе. Мой отец Цви был сапожником, тяжело работал.

В нашем местечке было около 200 еврейских семей и примерно 50–60 христианских. Большинство населения местечка состояло из ремесленников и земледельцев.

Балаголы ездили из Погоста в Слуцк, Старобин, Вызну, Тимковичи, Уречье, возили пассажиров и разные товары. Были также мелкие торговцы, лавочники и коробейники.

Два раза в год в Погосте бывали ярмарки, а по воскресным дням устраивалась большая торговля на рынке. По реке Случь, протекавшей через местечко, время от времени сплавлялись плоты.

Две синагоги были в местечке: дом учения и Холодная синагога. Сначала имелся один резник, потом их стало два, реб Яков-Лейзер и реб Алтер Маѓаршак. Был один раввин и шамес Арка Аронович, который, помимо обязанностей шамеса, отвечал также за кладбище. В местечке имелся фельдшер-христианин по фамилии Ракович, два аптекаря (фамилию одного из них помню: Чипчин).

До 1920 г. в Погосте еще существовали хедеры. Были и две казенные русские школы, одна четырехклассная, вторая — семилетка.

В еврейской школе (четырёхлетке) учились на идише и русском, белорусский изучался как предмет. В 1928 г. закрыли хедеры, арестовали меламедов, но затем двух освободили: Иче Баал-Турима и Гилела-меламеда. На еврейские лавки, как, впрочем, и на все остальные, наложили большие налоги, чтобы они закрылись. У богачей забрали их имущество и землю, поделили ее между бедными крестьянами (батраками).

В 1932 г. закрыли синагоги и, не рядом будь помянуты, церкви. Синагоги были отобраны и переделаны — одна в театр, другая в пожарное депо. Из церкви же сделали зернохранилище.

В городах и местечках организовали колхозы, кооперативные предприятия, чтобы разорить лавочников и частную торговлю. Многие из частных торговцев были сосланы в разные места. Появились артели — сапожная, портновская, кузнечная, извозчичья. Молодежь, как евреи, так и все остальные, стремилась покинуть местечки и жить в городе. Образованные устраивались по своей профессии, а не имеющие специальности искали простую работу. Еврейская молодежь выучивалась на техников, инженеров, докторов, а кто-то изучал в минских учебных заведениях иностранные языки: английский, французский, немецкий.

Я тоже работал в Минске. В 1941 г. я ненадолго приехал в Погост. Через пару недель разразилась война. Немцы двинулись на Белоруссию и бомбили все аэродромы, в том числе в Минске, Слуцке. Я пошел пешком в Слуцк, там был мобилизован и отправлен в Минск. 50 самолетов бомбили горевший город. Очень много я пережил в различных местах, прошел через ряд боев как красноармеец, и все же остался жив. В июне 1946 г. меня послали в командировку из Гомеля в Минск. Город лежал в руинах. На поезде я прибыл в Слуцк рано утром. На Заречной улице все было сожжено, лишь баня осталась целой. Улицы были разрушены, на них лежали кучи кирпичей, горы золы, и рынок было не узнать. Я хотел продать некоторые свои вещи и наткнулся на пару евреев. Они мне рассказали, что вернулись из российской глубинки, и еще несколько человек из города выжили, уйдя в партизаны. Со слезами на глазах они говорили: «Беда, катастрофа, все потеряно, где наши близкие?»

Я заметил столики, будочки, пару еврейских магазинчиков с полупустыми полками, а также что-то вроде ресторана. Меня спросили: «Вы нашли хоть кого-то живого из вашей родни? Кто-то прятался или бежал?» Город действительно напоминал большое еврейское кладбище. Я нашел в городе Кейлу, дочь красильщика Нохема-Копла (это был наш сосед в Погосте). Она мне рассказала, что вся ее семья была замучена, а она, благодаря «арийской» внешности и «арийским» документам, сумела выжить. Ей тогда было двенадцать лет. А после отступления немцев она попала в слуцкий городской приют для сирот.

Я ходил в ошеломлении по разрушенным улицам. И это Слуцк? Смерть и запустение на каждом шагу. На грузовике я поехал в Погост. Шофер посмотрел на меня как на сумасшедшего: зачем это я еду в Погост? Ведь там все убиты. У меня защемило сердце, и больше я у него ничего не спрашивал. Мои глаза смотрели вперед — где Погост? На въезде в местечко все нееврейские дома уцелели, а центр местечка был стерт с лица земли и напоминал пустыню. Сердце мое застучало, и тьма наплыла на глаза. Я видел только камни шоссе. Зашел к нашему соседу Роману, другу евреев, старому добросердечному человеку. Он перекрестился и сказал:

– Злые люди ворвались сюда, убийцы, они терзали и грабили людей, жгли и резали, не боясь Бога. Эти собаки охотились на евреев. Абрамчик Рейнголд из Файвичей со своими двумя сыновьями остались живы, потому что ушли в партизаны, но его жена с дочерьми погибли. Их младшему сыну убийцы прострелили глаз, и он остался одноглазым.

В местечке я нашел дочь моей тети Соры Шапиро, и она мне рассказала, что ее муж и девятилетняя дочь погибли, а она сама не знает, как выжила. Когда отвезли толпу евреев на бойню, на какую-то долю минуты автомобиль остановился. Откуда только у нее взялись силы и воля! — она

Я ходил в ошеломлении по разрушенным улицам. И это Слуцк?

Первый ряд снизу, сидят (справа налево): отец Цви-Довид Кунцер, сын Хаим, мать Рива. Во втором ряду стоят дети: Лейбл, Этл, Михл и Сора

выпрыгнула из машины и спряталась в канаве. Немцы стреляли по ней, но не попали. Автомобиль поехал дальше, и когда она поняла, что потеряла мужа и дочь, выскочила из канавы и пустилась вслед, желая разделить их участь. Но уже не было и следов людей, отвезенных на бойню. Она ушла к партизанам, работала у них: варила, пекла и т. д. Вернувшись в местечко, она вышла замуж за Алтера Эпштейна.

Нашел я и Янкла Городницкого. Он выжил в партизанах, его сын служил капитаном в Красной армии.

Также выжили два брата Домнича, Йосеф и Мойше. Первый убежал от немцев со своей женой, они бросились в реку и переплыли ее. Немцы стреляли по ним и не попали. На другом берегу они ушли в лес и искали партизан. Их обнаружили немецкие полицейские в деревне Слива, закрыли в хлеву и приставили к ним сторожа. Ночью им удалось поднять пару досок, выбраться, и то, что они имели, отдали сторожу — подкупив его, они бежали.

Некоторые евреи из местечка пали в боях, будучи партизанами. Одним из них был Йосеф, сын Залмена.

Как рассказывают, был в местечке нееврей, шорник по имени Рыгор Б. Он разговаривал на хорошем, сочном идише. Когда немцы вошли в местечко, ему предложили быть переводчиком, и немцы назначили его солтысом (старостой). По его предложению евреев забирали в специальное гетто, устроенное в поповских домах у церкви, в Поповском переулке. Там их запирали, а территорию обнесли колючей проволокой. Среди этих узников почти не было молодежи, потому что та ушла в партизаны.

Староста предложил уничтожить евреев, чтобы не разгорелась эпидемия. Восемьдесят евреев погибли возле Неволожского леса, а также пять христиан, в том числе одна женщина, ее звали Санчиха. Христиан убили из мести. Дело было так: три партизана, переодетых в форму нацистских офицеров, подъехали к церкви, и случайно там стояла Санчиха. Они приказали ей позвать священника, и как только он появился, его посадили в закрытую повозку и увезли. Священника нашли примерно через неделю повешенным на дереве в лесу за деревней Зажевичи. Партизаны вынесли ему смертный приговор, потому что он был заодно с немцами и выдавал им

евреев и партизан. Немцы заподозрили, что Санчиха и еще четыре нееврея виноваты в его смерти, и в результате убили их вместе с евреями.

Примерно через неделю были загублены женщины и дети, еще оставшиеся в гетто: их расстреляли.

Три дня я провел в Погосте, и то, что я слышал и видел, потрясло меня. Не было больше евреев, а их имущество разграбили соседи. У одного нееврея я обнаружил корову, принадлежавшую моему папе, другой забрал себе наш хлев. Поскольку я еще был солдатом и в моем распоряжении был пистолет, я достал его и потребовал у этого человека заплатить мне за хлев. Мы пришли к тому, что часть он заплатит сразу же, а часть — после моей демобилизации и возвращения из армии. Корову же я забрал, и никто не осмелился мне перечить. Я оставил ее у знакомого с условием, что он мне ее вернет.

Примерно два месяца спустя я вернулся в Погост как демобилизованный из армии. Отвел корову в Любань, продал ее еврейке. Также я встретил Янкла Кавалерчика (шурина моего брата) и Боруха. Любань была не так разрушена, как Погост. Я еще помог деньгами одной любанской женщине, которая занималась оформлением документов, чтобы выехать к своему брату за границу.

Евреи Погоста, оставшиеся в живых, уехали на запад Белоруссии, в Пинск и Лунинец, и поселились там. Я же отплакал свое и решил идти куда глаза глядят. Приехал в Барановичи... Это долгая история — оттуда я перебрался в Лодзь, затем в Чехию, Австрию, Германию, Францию. Затем я многое пережил на корабле «Эксокус». Вернулся во Францию и оттуда — в Германию. Провел там год в лагерях, а накануне образования нашего государства, 1 мая, я наконец прибыл в Израиль. Участвовал в Войне за независимость и семь с половиной месяцев служил нашему государству как солдат.

Мне кажется, что все это сон: маленькое местечко Погост, Красная армия, разрушение и превратности галута... А теперь я вижу строительство, создание новой жизни в собственном независимом государстве.

КОПЫЛЬ

«Копыль — местечко Минской губернии, Слуцкого уезда, при р. Каменке. Эта местность была заселена давно; тут найдены каменные и костяные орудия. В XIV в. Копыль называется городом. Вместе со Слуцком Копыль во время литовского владычества составлял особое княжество. В начале XVII в. перешел к князю Радзивиллу. Жителей 338, дворов 41. Православная церковь, костел, реформатская церковь, 2 еврейских молитвенных дома, школа начальная и две еврейские школы. Пивоваренный завод, 2 водяные мельницы, 6 лавок».

(Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона)

Копыль — поселок городского типа, центр Копыльского района Минской области БССР, в 9 км от железнодорожной станции Тимковичи (на линии Барановичи-Центральные — Осиповичи). Маслосыродельный завод, промкомбинат. Поселок городского типа, представляющий собой центр Копыльского района. В 12 км от железнодорожной станции Тимковичи (линия Осиповичи — Барановичи), в 186 км от Бобруйска».

(Большая советская энциклопедия)

Из газет

В течение каких-то двух часов сгорело около трехсот домов, четыре дома учения и Большая синагога, простоявшая триста лет и недавно отремонтированная.

«11 апреля в одном из амбаров вспыхнул пожар, охвативший весь город. В течение каких-то двух часов сгорело около трехсот домов, четыре дома учения и Большая синагога, простоявшая триста лет и недавно отремонтированная. Горожанам не удалось спасти ни свое имущество, ни ценности, хранившиеся в домах учения и синагогах. Только в Большой синагоге сгорело тридцать семь свитков Торы; множество книг и предметов культа погибло в домах учения. Уцелело только двадцать домов в самой высокой части города.

13 апреля пожар вспыхнул снова и уничтожил то, что осталось. Сгорело пятнадцать уцелевших домов, включая один еврейский. Поэтому мы делаем постигшее нас бедствие достоянием гласности и просим помощи и милосердия у жителей окрестных городов: сжальтесь над несчастными копыльцами и помогите им, чтобы они смогли отстроиться и еврейский город не погиб.

Честный человек, житель Копыля
«Га-Кармель», 2 тамуза 5626 (1866) г., № 8

«В воскресенье 28 ияра в доме одного местного жителя вспыхнул пожар, быстро перекинувшийся на соседние жилища. Сгорело около ста зданий, включая большой склад, полный муки и других продуктов, а также несколько дровяных сараев. Кроме того, погибло все имущество, бывшее в сгоревших домах. Убытки огромные.

Бен-Цион-Калмен Рубинок
«Га-Мелиц», 20 мая 1887 г., № 110

«Ицхока Бергера, директора частного еврейского училища в нашем городе, убил поленом неизвестный убийца».

«Дер Ид», выпуск 33, 1902 г.

Раввины Копыля

Р. Йом-Тов-Липман Гальперин, автор книги «Кдушас-йом-тов», был другом Виленского Гаона, р. Хаима из Воложина и р. Ицхока Давидовича. Умер в Кореличах.

Р. Авром Юделевич умер в Нью-Йорке. Автор сборников текстов выступлений и книг по еврейскому закону.

Р. Яков-Меер Кравчинский. Отец р. Зеэва Голда, одного из лидеров «Мизрахи»¹⁰³¹, и д-ра Рефозла Голда; его зятем был р. Дов Кац, автор книги «Тнуат-Мусар»¹⁰³², генеральный директор Главного раввината Израиля.

¹⁰³¹ Р. Зеэв (Вольф) Голд был одним из подписавших Декларацию независимости Израиля. — *Прим. пер.*

¹⁰³² «Тнуат-Мусар» (иврит) — «Движение Мусар».

В 1924–1925 гг. в местечке было сразу два раввина: р. Шимен Розовский и р. Исроэл-Яков Лидер, сын р. Хаима-Йосефа Лидера.

Р. Ицхок-Йехиэл, зять раби Элийогу Файнштейна из Пружан. Сын р. Иссохара Давидсона, главы раввинского суда Копыля. Раввин Копыля в четвертом поколении. Прапрадед известного врача Йеуды Давидсона и поэта Ицхока Каценельсона, который был назван в честь прадеда. Отца поэта звали Яков-Биньомин Каценельсон. Он был одним из лучших выпускников Воложинской йешивы.

Главой общины Копыля был некто Исер. Это был очень богатый, упрямый, резкий на язык еврей. В ходе одного из конфликтов между раввином и общиной Исер сказал о раввине:

– Судя по всему, в нашей общине его не ценят, иначе мы бы плюнули ему в лицо.

Р. Элийогу-Мойше Каран

Человек Торы, состоятельный еврей из восточного Нью-Йорка. Уроженец Копыля, который щедрой рукой поддерживал центры изучения Торы. Скончался 12 сивана 5688 (1928) г. в возрасте 80 лет.

«Ба-йомим го-гем»

Менделе Мойхер-Сфорим

«Злодейский указ о школах».

Город Копыль охватило смятение, евреи пребывали в глубокой печали. Они были опечалены просвещенцем по имени Лилиенталь, который вместе со своими товарищами стал виновником случившегося зла. По приказу царя и министров этот человек должен был объехать все города, где жили евреи, собирать тамошних жителей и рассказывать им о пользе школ. Евреи Копыля проклинали Лилиенталья, так же, как их братья в других местах. Они совещались, обсуждая, что предпринять. Решено было объявить общественный пост, читать псалмы и молиться на могилах умерших, чтобы те заступились за нас на Небесах. Лица меламедов почернели, как дно горшка, ибо они были обеспокоены до глубины души. Новые школы лишат их заработка, и, если Святой, благословен Он, не пошлет им спасения и избавления, им придется пухнуть с голода и раньше времени сойти в могилу. Понятно, что они были взволнованы и громко жаловались на указ. Горожане молились, постились и читали в синагоге псалмы. Женщины простирались на могилах и проливали реки слез в синагогах. Постились даже младшие школьники. Шлоймеле делал это первый раз в своей жизни.

Все лето прошло в трауре и стенаниях, и даже немногочисленные неевреи, жившие в городе, выглядели как скорбящие. Христиане и евреи местечка вместе зарабатывали на хлеб и жили в мире. Все участвовали в радостях и горестях друг друга. Если евреи играли свадьбу, соседи присылали подарки: одни — жирную курицу, другие — несколько яиц, третьи — каравай хлеба, четвертые — мед, овощи или фрукты, каждый по мере своего достатка. Евреи поступали точно так же. Поэтому еврейский плач брал за душу и их нееврейских соседей.

Впрочем, хотя евреи постились и возносили к небесам молитвы и стенания, они не полагались на чудо. До тех пор, пока заслуги предков возы-

меют силу и Бог явит им свою милость, они делали, что могли: женили своих малолетних детей. Это было время величайшей неразберихи! Сваты, посланцы Всевышнего, трудились не покладая рук на благо сынов Израиля, чтобы поставить малолетних мальчиков и девочек под хупэ. Зачем? Затем, что, если, Боже сохрани, указ о школах будет принят, в пределах Израиля не найдут ни одного ребенка, ибо все евреи, все «маленькие еврейчики», будут женаты! А чтобы отцы не требовали за своих дочерей слишком много денег, пустили слух, что всех девочек увезут из города на работу в дальние земледельческие колонии».

Партизаны в районе Копыля

Из книги М. Кагановича «Партизанская война евреев в Восточной Европе»

«Среди партизан Копыльского района больше других прославился Лев Гильчик, командир еврейского отряда имени Жукова (бригада имени Чапаева генерал-майора Филиппа Капусты).

После бойни в Копыле, Несвиже, Клецке, Ляховичах и Столбцах многие евреи укрылись в окрестных лесах. Часть из них не могли воевать. Капуста приказал Гильчику собрать всех этих евреев и организовать еврейский отряд. Главной проблемой оставалась нехватка оружия. Божанка (настоящая фамилия Капусты¹⁰³³) не давал евреям оружия, но требовал добыть его самостоятельно. У отряда, насчитывавшего шестьдесят человек, было всего две винтовки, четыре патрона и одна боевая граната. Вскоре отряд увеличился до двухсот бойцов — 130 евреев и 70 неевреев.

Гильчик не жалел сил, чтобы добыть оружие. Это делалось всевозможными способами, и к январю 1943 года отряд располагал 11 пулеметами, 23 автоматами и 136 винтовками. Отряд имени Жукова жестоко страдал, поскольку немцы блокировали район и устраивали прочесывания и облавы. Однако Гильчик, уроженец Копыля, сумел благополучно вывести отряд из окружения с минимальными потерями.

В ходе прочесывания Старицких лесов Копыльского района, устроенного немцами 7 ноября 1942 года, отряд Гильчика проявил мужество и воинское искусство.

Для нападения на эшелон на линии Хоминка — Ганцевичи, перевозивший шпалы и строительные материалы, Гильчик отобрал сорок вооруженных бойцов под командованием Винера, приказав им забрать и доставить оружие убитых немцев. Партизаны устроили засаду и стали поджидать поезд, и, как только он приблизился, открыли ураганный огонь.

До войны Лев Гильчик работал в Копыле директором Заготскота (государственной конторы по заготовке мяса). В начале войны он ушел в лес и присоединился к небольшой группе партизан. Затем стал командиром еврейского партизанского отряда им. Жукова, входившего в бригаду им. Чапаева Филиппа Капусты. В командование входили, помимо командира Гильчика, комиссар, русский Мартынов; начальник особого отдела Вайнер (из Копыля), начальник штаба — еврейский учитель из Копыля; командир

После бойни в Копыле, Несвиже, Клецке, Ляховичах и Столбцах многие евреи укрылись в окрестных лесах. Часть из них не могли воевать.

¹⁰³³ На самом деле псевдоним. Капуста Филипп Филиппович — настоящее имя. — Прим. пер.

Лейвик Пекарь
и его жена Роза

первой роты Мойше Фиш, бывший унтер-офицер польской армии, организатор восстания в Клецком гетто; заведующий хозяйством Ойзер Мазе.

Еврейский отряд им. Жукова организовал побег 170 человек из рабочего лагеря в Свержени — в лес, к партизанам...

Довольно много евреев, отказавшихся с началом немецкой оккупации переселяться в гетто, бежали в лес или прятались у знакомых крестьян. По большей части это были деревенские евреи, не подчинившиеся немецкому распоряжению сосредоточить всех евреев в городах: они словно предчувствовали грядущую трагедию. Среди них были также советские и партийные работники, хорошо понимавшие, что их ждет, попади они в руки жестоких захватчиков.

Во время операции по выходу из района Копыля в район Гродно и Белостока бригада генерал-майора Капусты располагала несколькими легкими пушками и батальонными минометами.

Отряд им. Жукова, которым командовал Гильчик, был расформирован в 1943 году. Еврейские партизаны влились небольшими группами в русские отряды, действовавшие в районе Копыля.

Командир Гильчик, отлично знавший район, в котором прожил несколько десятков лет, получил сведения, что немцы, заняв Копыль, расстреляли многих советских военнопленных и закопали вместе с личным оружием недалеко от Старицы. Вместе с несколькими другими партизанами Лев Гильчик извлек это оружие из братской могилы, добыв в результате 4 пулемета, 33 винтовки и тысячи патронов. После этого отряд начал нападать на семьи местных полицаяв. Партизаны забирали все их имущество и оружие.

Восемь евреев из упомянутого отряда, до побега в лес работавшие на оружейном складе в Столбцах и запомнившие план здания и все подходы к нему, пробрались туда под покровом ночи и вынесли 12 винтовок и 200 патронов. Благодаря добытому оружию в отряд удалось принять несколько новых парней, имевших военную подготовку».

Довольно много евреев, отказавшихся с началом немецкой оккупации переселяться в гетто, бежали в лес или прятались у знакомых крестьян.

РОМАНОВО

Земледелие в Романове

Евреи нашего маленького местечка в поте лица обрабатывали землю, которую почти двадцать лет подряд арендовали у местного помещика князя Витгенштейна. Помещик сдавал землю в аренду только на шесть лет, и каждый раз, когда нужно было обновлять договор, евреи заявляли, что готовы отказаться подписывать его, если князь поднимет плату настолько, что они не смогут платить.

Тем не менее пока евреи были в силах платить, они не бросали свою работу. Двадцать семейств из маленького местечка, арендовавших до десяти десятин плодородной земли каждое, трудились с утра до вечера. Точно так же, как крестьяне-христиане, владевшие своими наделами, евреи, работавшие на земле, удобряли и очищали свои участки — словом, относились к ней так, словно это была их личная собственность.

Если бы жители нашего местечка могли приобрести землю, они были бы счастливы. Вместо того чтобы ежегодно вносить плату за аренду, они смогли бы потратить эти деньги на собственные нужды.

Множество евреев в других местечках готовы были бросить торговлю (которая у многих шла очень плохо) и начать обрабатывать землю. Им казалось, что только так они смогут заработать на жизнь. Доказательством этого стремления является деятельность тогдашних еврейских благотворителей, готовых тратить на это большие деньги. Однако еще более убедительным свидетельством служат небольшие пожертвования, поступавшие со всех концов страны. Поэтому следует призвать раввинов небольших местечек, коих в нашей стране немало, чтобы они обратились к главам общин с призывом прийти на помощь десяткам тысяч несчастных и помочь им найти решение, которое даст им надежду мирно и благополучно жить на своей земле.

Еврей Сафра

«Га-Цфира», 10 эуля 5640 (1880) г., № 11

* * *

«В отношении евреев-земледельцев 26 декабря 1844 года было принято дополнение к закону от 13 апреля 1835 года, дающее евреям, желающим заняться земледелием, соответствующие права, а также материальные средства для поддержки соответствующей деятельности. Это был первый случай, когда правительство дало евреям следующие права.

1. Евреям, достигшим призывного возраста, дано право заняться вместо военной службы земледелием.
2. Те, кто поселится на казенных землях в западных губерниях, получат надел в двадцать десятин, а также освобождение от налога на [кашерное] мясо в сумме до ста рублей серебром на семью. Кроме того, правительство построит им дома и купит все необходимые орудия труда, а также предоставит различные права.

Согласно полученным сведениям, в Минской губернии проживает 144465 евреев. 2727 из них считаются земледельцами.

Множество евреев в других местечках готовы были бросить торговлю (которая у многих шла очень плохо) и начать обрабатывать землю.

Несмотря на все привилегии и субсидии, предоставляемые правительством еврейским земледельцам, лишь немногие согласились покинуть свои города, переселиться в деревню и стать полноценными крестьянами.

Согласно имеющимся отчетам, можно предположить, что около пятнадцати из каждой тысячи евреев этой губернии занимаются земледелием. Однако лишь каждый третий из них самостоятельно обрабатывает свои поля, остальные же обрабатывают участки около дома, оставшуюся же землю сдают крестьянам. Они говорят, что, согласно еврейской религии, нельзя заниматься земледелием в диаспоре, а потому не следует призывать евреев становиться крестьянами, поскольку это противоречит их религиозным убеждениям».

(Памятная книжка Минской губернии 1878 г. Издание Минского губернского статистического комитета. Ч. 1, отд. III. — Минск: Типография губернского правления, 1878. — с. 69.)

Борух Домнич и его дочь Гада в Израиле

Шмуэл Домнич, доктор Арн Домнич и их отец Ошер (в центре) в США

Мое местечко Романово

Д-р А. Домнич

Местечко Романово находилось недалеко от Слуцка, на расстоянии около двадцати верст. Большинство жителей Романова (около двухсот семей) составляли русские крестьяне; там же жили несколько еврейских семей. Наш дом стоял в крестьянском дворе, плата за квартиру составляла восемь рублей в год. Еще два рубля мы платили за коровник.

Все дома и дворы были однотипные, как в деревне: длинный ряд домов с соломенными крышами, и в каждом две комнаты: одна жилая, а другая для хранения припасов. За домом располагались коровник, конюшня и амбар для зерна. Позади строений находились огород и пшеничное поле, а также фруктовый сад с разными плодовыми деревьями, принадлежавший хозяину. Имелась одна вишня, на которую жена хозяина разрешала мне забираться с мешком, чтобы я мог нарвать для мамы столько ягод, сколько захочу, лишь бы не узнал хозяин.

Собрав урожай, крестьяне задешево продавали нам часть плодов своих полей и огородов. Зимой мы подкупали у них овощи. Отношения с сосе-

дями по двору, крестьянской семьей и еврейским учителем, были самыми добросердечными.

После Пейсаха отец договорился, что я начну учиться в хедере. К тому времени я уже умел читать по молитвеннику. Во втором классе, помимо обучения чтению и молитвам, мы изучали Пятикнижие на самом начальном уровне. На уроке мы проходили несколько стихов. По четвергам каждый ученик должен был прочесть свой стих вслух, но лишь некоторые из нас умели сделать это без ошибок и перевести на идиш. Я переходил из класса в класс, и к семи годам уже начал учить Талмуд. Одно время я был в классе своего отца, который преподавал Танах с комментариями Мальбима, а также лист Талмуда в неделю. Отец поговорил со своим другом реб Иче Гитисом, большим знатоком Торы, оставившим к тому времени преподавание, и они решили открыть учебное заведение для подростков постарше. В школу поступили несколько ребят моложе меня, реб Иче Гитис стал главой йешивы. Так прошло три года, и детство в родном местечке Романове на этом закончилось.

Раввин Романова раби Пинхос Голдберг был известен как «чудотворец из Романова». Он родился в местечке Селец, недалеко от Пружан, и оттуда переехал в Романово, где был раввином вплоть до своей кончины. К нему стекались со всей округи, кто с религиозными вопросами, кто за советом, кто получить благословение. Раввин пользовался уважением и неевреев местечка и окрестных деревень. Встречая его на улице, крестьяне снимали перед ним шапки и желали ему всего наилучшего. Всю жизнь раввин довольствовался самым малым, а часть небольших доходов, которые приносили ему торговля солью и дрожжами, отдавал бедным. Он скончался в 1925 году, когда ему было за девяносто. Его зять, раби Йосеф-Дов Га-Кофен, стал раввином Хадеры.

* * *

Раби Мойше-Мордхе Прас был большим знатоком Торы и известным варшавским общественным деятелем. Он родился в Романове 7 адара 5620 года. Этот человек отличался несомненными талантами, приобрел обширные познания в Талмуде и комментариях, интересовался еврейской философией. С шестнадцати лет (с 1876 г.) публиковался в газете «Га-Коль». Позже переехал в Варшаву, где стал известным общественным деятелем и писал статьи и фельетоны для «Га-Цфира» и других периодических изданий.

Х. Зейдес

Обычно, когда еврей из Романова строил свой шалаш на праздник Сукес, его голова была уже полна тревог о том, как пережить зиму. Правда, у каждого имелись закрома с картошкой, бочонок с квашеной капустой, бадья с солеными огурцами и несколько связок луковиц. Зажиточный хозяин имел ко всему этому еще и пару мешков белой муки для изготовления хал и несколько полениц дров на зиму. Будним хлебом располагали все хозяева, бедные и богатые, — его пекли сами. Обычные семьи ели мясо, и то лишь курятину, только в субботу, а в будние дни довольствовались извест-

ным блюдом «фиш-картофл», означавшим рыбный бульон с картофелем, но без рыбы.

Романово находилось вдали от железнодорожной станции. Берл-балагола отвозил пассажиров и грузы в Слуцк и назад. Он рассказывал чудеса: мол, когда он был солдатом, то видел поезд — вагоны ехали без лошади...

И вот в один день прибыл урядник и от имени царя приказал, чтобы Берл нацепил колокольчик на упряжь. От этого местечко получило удовольствие: слыша колокольчик, люди знали, что Берл прибывает из Слуцка с разными товарами.

На въезде в Романово жил Хаим-сапожник. Он был бедный человек и ходил в обносках, потому что зажиточные романовские евреи заказывали новую обувь в соседних местечках. Неевреи ходили в лаптях, и только в воскресенье, идя в церковь, обували башмаки: так этой обуви им хватало на годы. У Хаима было совсем мало работы и недостаточно хлеба, чтобы утолить голод. Однако жена Ѓинда каждый год одаривала его ребенком. Шамес из синагоги говорил:

– Реб Хаим, знаете, живите много лет, но скоро у вас будет дома собственный миньян.

Отвечал Хаим на иврите:

– Но пока что все они хотят есть...

Всю неделю семья Хаима ела больше картошки, чем хлеба. Ѓинда тяжело работала на огородах и ходила по деревням, покупая кур, яйца, но всех ее усилий не хватало, чтобы как следует справиться с субботой.

В одно прекрасное утро Хаим получил билет на пароход от своего двоюродного брата. Ѓинда заложила белье и подсвечники, чтобы муж мог поскорее отправиться.

Вскорости она смогла уже выкупить свой залог, зажигать свечи в собственных подсвечниках и покупать белую муку на субботу. Она уже не работала в огородах и не ходила по деревням. Меламедам она выдавала плату за преподавание в начале месяца. Она надеялась, что ее Хаим приедет домой и привезет целое состояние. Вдруг она получила письмо, в нем говорилось, чтобы она все продала и приехала с детьми к нему. К такому повороту она не была готова: что же получается, она должна ехать в Америку, страну без еврейского духа? Пусть лучше Хаим вернется в Романово. Но муж написал, что она должна ехать, тогда она ответила, что не может расстаться с семьей и с могилами на святом месте. И тут она получила письмо от Хаима о том, что вскоре он переедет из Нью-Йорка в Вильямсбург и что, по слухам, не все письма туда доходят. Это сильно напугало Ѓинду — как бы ей не остаться агуне. Она пошла к романовскому раввину Аврому-Пинхосу Голдбергу. Раввин сидел день и ночь и учился, и все вопросы ему передавали через жену, чтобы он не отрывался от занятий.

Ѓинда пришла с опухшими глазами и взмолилась: она должна видеть лично раввина, излить ему те беды, которые у нее на сердце. Ее Хаим пишет, что он переезжает из Нью-Йорка непонятно куда, а она не хочет остаться агуне! Но не хочет она и ехать в страну, где работают в субботу и едят трэфное.

Выслушав ее, раввин сказал:

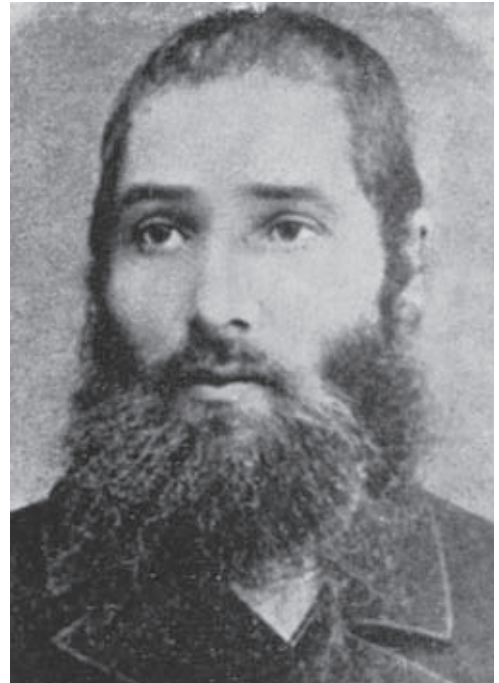
– Романово действительно очень далеко от Нью-Йорка, но если твой муж желает ехать еще дальше, то это значит, что он совсем отдалится

Неевреи ходили в лаптях, и только в воскресенье, идя в церковь, обували башмаки: так этой обуви им хватало на годы.

р. Иче Гитес, меламед,
преподаватель
Талмуда в Романове.
Фотография сделана
по указу Николая I,
в соответствии
с которым мелаеды
должны сняться без
головного убора для
своего учительского
удостоверения

от тебя. Во-первых, по закону жена должна слушаться мужа. Во-вторых, чтобы не остаться, не дай Бог, агуне, тебе лучше поехать с детьми к нему, и да благословит Бог твой путь.

Тогда она простилась с родными, знакомыми, друзьями, пошла на родительские могилы и хорошо выплакалась.

Прибыв в Америку, она обнаружила, что поездка из Нью-Йорка в Вильямсбург стоит всего два цента. Гинда часто говорила:

– Кабы не совет романовского раввина, я б не поехала в Америку.

Раввин Романова

Б. Домнич

Мне хотелось бы добавить несколько штрихов к общей картине. Все считали нашего раввина чудотворцем и очень его опасались, ибо все, что он изрекал, благословение или проклятие, непременно сбывалось.

Вот несколько историй.

Хаим-Симха Мизель поспорил с раввином из-за пшеницы для Пейсаха и публично оскорбил его, назвав сумасшедшим. Раввин ответил:

– Коли так, ты сам станешь сумасшедшим.

Ссора произошла в синагоге в субботу. В ночь с субботы на воскресенье Хаим поехал в Слуцк купить еще пшеницы без согласия раввина. В дороге, когда он остановился напоить лошадей, его укусила бешеная собака. Через неделю Хаим-Симха скончался в страшных мучениях.

В деревне между Романовым и Копылем жил еврей с большой семьей, арендовавший мельницу у местного помещика. Как-то раз некий христианин перехитрил еврея и отобрал у него мельницу. Еврей пошел к раввину излить душу. Раби Прас позвал христианина к себе и потребовал вернуть

мельницу, чтобы избежать наказания Свыше, но тот не хотел и слушать. Вскоре после этого новый мельник попал в мельничное колесо и скончался от ран. Помещик вернул мельницу еврею, и тот вновь получил возможность содержать семью.

Два еврейских парня ехали из Тимковичей в Романово. На место они приехали в пятницу на закате, накануне зажигания свечей. Раввин стоял у дверей и собирал миньян (дело было уже при большевиках). Когда парни проходили мимо, раввин, поняв, что они евреи, пригласил их к себе на субботу, но те отказались.

– Все равно вы проведете субботу со мной, — сказал им раввин, но они лишь рассмеялись и пошли дальше.

Не прошло и двадцати минут, как их, израненных, принесли в дом раввина, где они провели всю субботу, после чего их отвезли в больницу в Слуцк. Оказалось, что, когда их телега ехала по мосту, лошадь внезапно пала, и они свалились в реку. Парней спасли крестьяне, которые и принесли их в дом раввина. Оба долго просили у него прощения, пообещав никогда больше не ездить по субботам.

У соседки раввина, набожной доброй нееврейки, часто дарившей жене раввина лучшие плоды своего сада и огорода, были очень тяжелые роды. Раби сказал жене:

– Рейзл, пойди и помоги ей, жалко эту добрую женщину.

Роды прошли удачно.

Во время большого пожара, случившегося около шестидесяти лет назад, местные христиане прибежали спасать синагогу и дом раввина, стоявший рядом. Раввин сказал им:

– Бегите, спасайте свою церковь, а я послежу за тем, что здесь.

Вся деревня сгорела дотла — кроме синагоги, дома раввина и церкви.

Одному мальчику учитель дал затрещину, и после этого тот стал плохо слышать. Раввин благословил его, сказав:

Ицхок-Лейб Домнич
(сын меламеда
Ошера из Романова).
Пламенный сионист,
боец Еврейской
бригады. Умер в 1960 г.
в Сан-Диего, штат
Калифорния

Не прошло и двадцати минут, как их, израненных, принесли в дом раввина, где они провели всю субботу, после чего их отвезли в больницу в Слуцк.

– Это не так страшно и спасет тебя от чего-то гораздо худшего.

Когда пришло время призыва, юноша был освобожден из-за проблем со слухом, а вскоре после этого слух к нему вернулся.

Раввин женился в возрасте двадцати пяти лет, но еще три года учил Тору вдали от дома, не видясь с женой. Он был товарищем и учеником раби Йерухема-Йегуды-Лейба Перельмана из Минска. Накануне кончины раби Перельмана раввин проснулся в полночь, омыл руки, зажег свечу, сел и целый час просидел без обуви на низкой скамейке¹⁰³⁴, не произнося ни слова и ничего не объясняя. На следующее утро из Минска прибыл возчик Моте, сообщивший новость о кончине раби Перельмана.

– Ну вот, — сказал раввин.

До последнего дня он читал без очков даже самый мелкий шрифт, а также мог, словно юноша, разгрызть зубами орехи.

У нашего раввина были пронизательные зеленые глаза, густые брови и глубокий убедительный голос. Я помню его так хорошо, как будто видел совсем недавно. Наш склад был напротив его дома. По вечерам он любил гулять с моим отцом у реки, которая лениво текла за местечком.

ГРЕСК

М.-Л. Г.

Греск находится в двадцати верстах от Слуцка. Его еврейское население состояло из шестидесяти семей (большинство же было христианское). Вокруг местечка жили евреи, арендовавшие молочные фермы и имения у помещиков. Например, в деревне Гольчицы известный просветитель и большой талмудист реб Лейзер Зельдович арендовал имение и пивоварню. Молочную ферму держал Борух Левин со своими детьми. Кабак и корчма также были в еврейских руках. В Гольчицах было достаточно евреев, чтобы собрать собственный миньян на субботу и праздники.

Если считать окрестных арендаторов, то к Греску относились сто двадцать еврейских семей. Имение же в самом Греске арендовала у Радзивиллов известная семья Фульманов, которая впоследствии разорилась. Стоит отметить, что дочь слуцкого раввина Меерки Пеймера бежала из дома и вышла замуж за одного из Фульманов против воли отца.

В местечке был дом учения, два резника. Раввины же там часто менялись. Одним из них был реб Мордхе-Меер Зильберман, но он не все время оставался в местечке, а больше разъезжал в качестве магида по близким и дальним городам. После него раввинами были реб Йоше и реб Хаим. Еще позже, в 1910–1913 годы, глава Воложинской йешивы реб Рефозл Шапиро послал в Греск раввином молодого знатока Торы р. Бен-Циона Цвика, которого гресчане полюбили. Он очень переживал из-за убогого экономического положения местечка.

Евреи были большей частью ремесленниками и мелкими торговцами, бродившими по окрестным деревням и помещичьим дворам. Были и считающиеся владельцы лавок, например, Михл-рыжий и Михл-черный.

¹⁰³⁴ Как во время траура по близкому родственнику. — *Прим. пер.*

Ицхок Беркович сначала был учителем при дворе Фульманов, но когда те обеднели, стал мясником в местечке.

Раввинское жалованье состояло, как говорили народные острословы, из керосина, соли, свечей и дрожжей. Реб Йосеф Шульман был единственным из греских торговцев, кто имел право продавать дрожжи, и от его выручки определенный процент отчислялся раввину. У Шульмана была привычка, когда приходили забирать у него раввинскую долю, засовывать правую руку в ящик стола, брать пригоршню серебряных монет и, не считая, протягивать ее по доброй воле.

Причиной гресской бедности было то, что местечко не устраивало ярмарок и не имело рынка. Крестьяне из Греска и окрестных деревень ездили на ярмарки в Грозово и Копыль. Раввин решил и поехал в Минск к губернатору Гирсу — ходатайствовать, чтобы в местечке были заведены рынок и ярмарки у церкви по христианским праздникам. Поскольку он умел хорошо говорить по-русски, то был отмечен губернатором, который пообещал выполнить его просьбу, что и осуществилось. После этого экономическое положение в местечке улучшилось.

Примерно в восьми верстах от Греска, вдали от шоссе и железной дороги, среди густых лесов находилась большая деревня Воробьево. В ней жил смолокур — знаменитый Ѓиршл Воробьевер (Цви Винер). Он делал обрезание бесплатно, исключительно ради исполнения заповеди, и был готов приехать на любое приглашение. Своей простотой, ясным умом и богобоязненностью он производил сильное впечатление. Агунес, больные люди, разбитые как физически, так и духовно, приходили к нему просить совета или исцеления. Он всех дружески выслушивал. Многие утверждали, что благодаря ему вылечились. Он помогал всем при помощи лекарств, различных трав, а иногда произносил заговоры и давал амулеты. Народная вера в него была настолько велика, что даже крестьяне из дальних деревень приходили в Воробьево.

Вот так Ѓиршл Воробьевер — простодушный деревенский еврей, знахарь, целитель страждущих — стал легендарной фигурой. Его высокий рост, крепкое телосложение, красивое лицо и белоснежная борода производили на всех, кто приходил к нему, гипнотическое впечатление. Всех подкупала и его сердечность. Его имя было известно далеко за пределами округи, и дни его были долгими. Ѓиршл прожил более ста лет. В эпоху советской власти, когда в Воробьево уже провели ветку железной дороги, на него донесли, что он выдает себя за врача, но все же к нему приходили лечиться тайно, в том числе и государственные служащие.

Раввин решил и поехал в Минск к губернатору Гирсу — ходатайствовать, чтобы в местечке были заведены рынок и ярмарки у церкви по христианским праздникам.

ГОРКИ

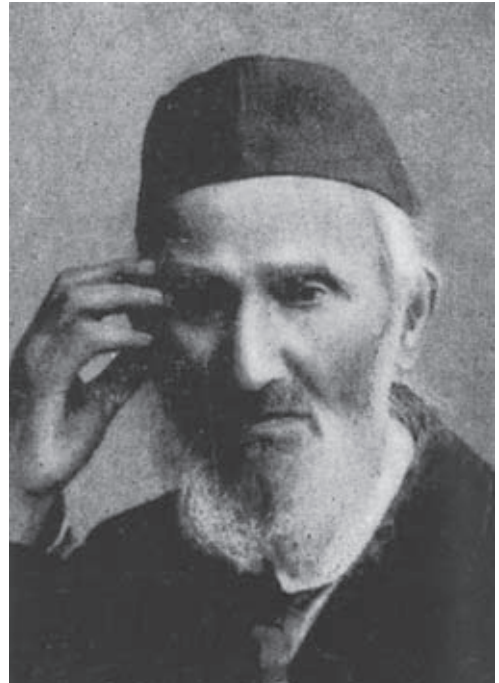
Й. Нозик

Имелось два поселения под названием Горки: местечко и деревня. Местечко расположилось у шоссе, где два раза в неделю проезжал дилижанс — из Слуцка в Старые Дороги, Бобруйск и назад, запряженный четырьмя лошадьми. Он привозил людей и немного товара. Я помню, что, когда в 1910 г. мимо нашего местечка проехал автобус, все жители, стар и млад, вышли из домов, чтобы поглазеть на эту диковину.

р. Мордхе-Йосеф,
отец Сендера
Томашова

р. Герцл Резник

В местечке Горки жили около тридцати еврейских семей: портные, сапожники, кузнецы, столяры, несколько балагол, а также пара лавочников.

Деревня Горки состояла из пары сотен христианских домов и пятнадцати еврейских. В дождливую погоду, осенью и весной, там стояла грязь по колено.

Во время войны волостное правление со старшиной переехало в местечко Горки, где постоянно находились урядник и пара стражников.

В местечке жили также несколько интеллигентных и богатых евреев, пара ученых-талмудистов. Раввина у нас, однако, не было. Реб Лейб Фрейнкман (Новосельский), еврей-талмудист, который мог бы служить раввином, владел паровой мельницей и ветряком, рядом с которым можно было видеть бревна, сваленные на доски. Их возили к железнодорожной станции Старые Дороги. У этого «почти раввина» Лейба было пять сыновей-йешиботников. Новосёлки образовывали с Горками одно «субботнее поселение» (т. е. в этих пределах можно было перемещаться в субботу), и реб Лейб со своими сыновьями на субботу приходил в синагогу. Его встречали с большим почтением.

Помню случай из своего детства накануне одного из праздников: Иче-мясник зарезал корову, а реб Нох-Элийогу, резник, обнаружил дефект и объявил мясо трефным. Иче-мясник, бедняк, был очень расстроен тем, что понесет большой урон, а к тому же евреи останутся без мяса на праздник. Он обратился к ребу Лейбу Новосельскому и со слезами на глазах рассказал ему эту историю. Реб Лейб зарылся в книги, а затем велел мяснику идти домой и продавать мясо. Он постановил так по двум причинам: во-первых, мясник был беден. Во-вторых, наступал праздник, а евреям нельзя было оставаться без мяса в праздничный день.

Еще одним уважаемым евреем в Горках был реб Шмуэл-Шаул Резник, женатый на Рохл, служащий дилижансно-автомобильной компании. Он предоставлял лошадей и возы для перевозки почты из Слуцка, Старых

Дорог и Горок. Велвл Томашов был главным лавочником в местечке — это был еврей, сведущий в Талмуде, староста и чтец Торы в синагоге, он также отвечал за синагогальную библиотеку. Накануне Йом-Кипера каждый платил за вызов к Торе и давал деньги на добрые дела. Велвл и его жена Хася делали анонимные пожертвования. Владельцами второй лавочки были Исроэл и его жена Хая-Двойра.

Реб Ёрцл Резник из деревни Горки, честный, интеллигентный человек, знаток Талмуда, делавший обрезания по всей округе, был еще и хорошим хазаном. Круглый год собирался миньян дома у реб Ёрцла, но на Рош-ѓа-шоне и Йом-Кипер все деревенские евреи шли в местечко. Реб Ёрцл в Рош-ѓа-шоне вел «Мусаф», а в Йом-Кипер — «Кол нидрей...», вечернюю молитву и на следующий день — «Мусаф» и заключительную молитву «Неила». Шимен-балагола имел право открывать ковчег к «Неиле». Сколько бы ни предлагали денег за эту привилегию, он давал больше.

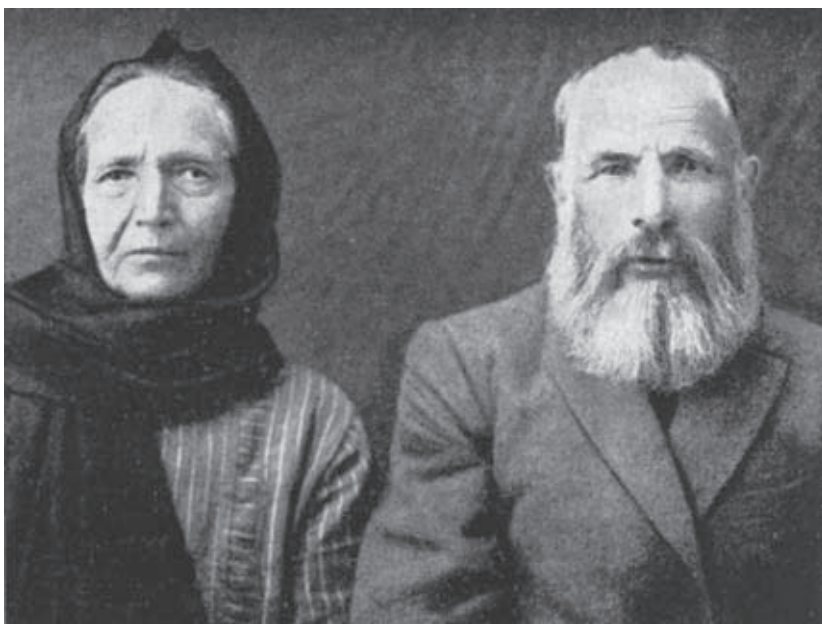
Были еще несколько уважаемых евреев, например, реб Шлойме-коѓен, человек богобоязненный и добрый. Он был беден и зарабатывал трудом на земле. Его жену Эту называли «бабушкой» во всей округе. Также заслуживают упоминания реб Довид-Лейб Островер и его сын Нохем-Идл Сегалович, Берл-мельник, реб Михл. Реб Файвл-балагола побывал в Америке и вернулся назад. Большим знатоком Талмуда он не был, но хорошо вел молитвы в синагоге и еще лучше читал Тору. Его правом было вести утреннюю молитву в Рош-ѓа-шоне и читать часть молитвы в Йом-Кипер. 9 ова, когда произносились кинес, слезы текли из его глаз. Казалось, что стены синагоги плачут вместе с ним. Дети со всех сторон кидали репьи ему в бороду.

За шесть-семь верст от Горок жил реб Мойше-Гецл Рыжицер, интеллигентный человек, проворачивавший крупные сделки и пользовавшийся уважением. Он не очень часто приезжал в Горки. На субботу и праздники у него дома собирался миньян из окрестных деревенских евреев. Например, там бывали Моте-Лейзер и его сын Берл из Кучина, Иче-Лейб из Кошарки со своим сыном. Приходили к нему и евреи из соседней деревни Старева.

Реб Довид Марголин из Рыжицы прославился во всей округе как богатый и гостеприимный хозяин — скатерть никогда не снималась с его стола,

р. Зеэв и Гитл Нозик,
родители Йосефа
Нозика

Гитл Каплан
(дочь Довида
Рыжицера)

каждый мог сесть за этот стол и есть сколько душа пожелает. Он много давал на благотворительность, и его любили даже окрестные крестьяне. Зятя реб Довида изучали Талмуд, чем он очень гордился. Он помогал и другим учащимся, например, Зелику Хиничу и Мендлу Каплану из Бобруйска. На миньян в субботу собирались в корчму реб Довида, помимо его сыновей, реб Мойше-Гецл и реб Шмерл со своими внучатами, а также жители окрестных деревень и многие гости из числа проезжих. Во время угощения они шутили, что «чувствуется рука царя Давида».

Реб Ноех-Эли, горкинский резник, человек с красивой бородой, был фанатично религиозным. Когда он готовил к работе нож, никому не было позволено находиться с ним в одной комнате, чтобы не мешать.

Евреи из обоих поселений под названием Горки были бедными, и каждый с большим трудом зарабатывал на кусок хлеба. Но когда к ним приходил бедняк или гость, особенно на субботу, его принимали со всем почтением.

К Пейсаху начинали готовиться сразу после Пурима. В доме у моих родителей почти каждый год по договору пеклась маца, и каждый приносил собственную муку для выпечки. Мои отец и мать две или три недели своего подряда работали очень тяжело, почти без перерывов, днем и ночью, только бы заработать несколько рублей и устроить прекрасный праздник. Накануне Пейсаха днем у нас пеклась маца шмура. Все евреи из местечка и деревни приходили исполнить заповедь. Кто-то месил тесто, кто-то приносил и подливал воду, еще кто-то раскатывал тесто. Четвертый сажал мацу в печь... В общем, каждый занимался выполнением заповеди, а тем временем произносил праздничные псалмы.

В Пейсах на сейдер настроение в доме моих родителей было очень возвышенным, чувствовался дух святости.

У одного конца стола, припоминаю, стояли шесть подсвечников. Лампа на четырнадцать свечей освещала дом. Папа не был большим знатоком Торы, но это был вполне ортодоксальный еврей. Он сидел во главе стола, опершись на две подушки. На столе были маца, хрен и т. д. Папа вел сейдер с радостью, напевая. Мама не была такой богобоязненной, как папа, но получала удовольствие, когда мы все собирались вокруг нее. Однако бывали времена, когда ее лицо затягивалось черной дымкой грусти из-за большой бедности и нужды, из-за беспокойства о нас всех. Папа как глубоко верующий человек всякий раз говорил: «Бог поможет».

Монес-балагола считался в местечке богачом, он владел четырьмя лошадьми с телегами. У них с женой Ривкой-Леей были три сына и дочь. Два старших сына, Нохем-Берл и Малкиэль, когда подросли, работали вместе с ним и наняли одного нееврея. Говорили, что они скопили добрые пару сотен рублей; это действительно было заметно, потому что они жили и одевались лучше других. Когда Шмуэл-Шаул Резник переехал в Старые Дороги, Монес выкупил его дом. Его привилегией было в Рош-га-шоне и Йом-Кипер вести часть утренней молитвы. Его сын Малкиэль перебрался в Америку и жил в Кливленде, штат Огайо.

В местечке жили три кузнеца: Бенче, Мендл и Шаул-немой. А вот его жена Малка точно не была немой, она за словом в карман не лезла, ее язычка боялись. В 1923 г. ее сын Айзик женился на моей сестре. Я помню также Иче-портного, Элконе-сапожника и его брата Шолома, а также портного Хаче из деревни.

Евреи из обоих поселений под названием Горки были бедными, и каждый с большим трудом зарабатывал на кусок хлеба.

Монес Гелфант и его
жена Рива-Лея

р. Ицхок Томашов
со своей женой,
жители Горок

В 1920 г., когда не было пшеничной муки, папа в пятницу вечером совершал кидуш над буханкой черного хлеба (или даже над стаканом холодного чая, читая благословение «...ше-га-коль»). В те времена соль, сахар и пшеничная мука стоили очень дорого и были среди тех продуктов, которые труднее всего было достать, даже в малых количествах.

Все балаголы зарабатывали главным образом благодаря Борису Клецкину. Житель Вильно, владелец издательства, он имел и стекольную фабрику в Стареве, за десять верст от Горок. Балаголы ездили в Стареве, нагружали свои особые, удлиненные возы ящиками со стеклом и отвозили их в Старые Дороги на железнодорожную станцию. Иногда они также возили грузы из Старых Дорог в Слуцк.

Большинство рабочих на стекольной фабрике были поляками, немногие — немцами. Но служащие были евреями.

После вторжения Гитлера все в этом краю было стерто с лица земли.

Х. Зейдес

Реб Шмуэл-Шаул Резник со своей хозяйкой дома Рохл были известны не только в Горках, но и по всей Случчине. Упомянув их добродетели (щедрые пожертвования на общинные дела, беспроцентные займы, гостеприимство), следует сказать, что реб Шмуэл-Шаул был всесторонне образованным человеком, знавшим разные языки.

Всем посредникам из Слуцка и Бобруйска было известно, что Шмуэл-Шаул ищет лучшего меламеда для своих четырех сыновей и цена обучения для него не является предметом торга.

Когда у еврея из Горок случалось горе, Шмуэл-Шаул его утешал. Когда еврей должен был отправить своего сына или зятя в Америку и нужно было собрать несколько десятков рублей, касса Шмуэла-Шаула была открыта для нуждавшихся. Когда в местечке сгорела баня, Шмуэл-Шаул был среди первых, кто вложил в восстановление большую сумму. Многие мелаеды гордились тем, что удостоились быть учителями в семье реб Шмуэла-Шаула.

Реб Шмуэл-Шаул играл большую роль везде, пользовался большим авторитетом у всех, потому что был богачом, всегда открытым для помощи людям. На каждый праздник он отводил к шойхету Ноеху-Эле несколько телят, а иногда корову, и распределял мясо среди бедных семей. Его жена Рохл помогала мужу вручать пожертвования. Он имел большой вес в глазах местного помещика и правительственных служащих. В те времена, когда царил Николай, евреям не было разрешено владеть участками земли. Но поскольку Шмуэл-Шаул выполнял правительственные контракты, он обрабатывал большие площади. Он поставлял овес для почтовых лошадей и в то время уже имел молотилку для обработки этого овса.

Шмуэл-Шаул очень хорошо обходился со всеми своими батраками и слугами, все к нему привязывались душой и сердцем, называли его «хозяин», а его жену — «хозяйка». Ни один крестьянин не хотел уходить от него.

После Первой мировой войны все перешло к большевикам. Зажиточный Шмуэл-Шаул со своей женой Рохл были изгнаны из своего прекрасного жилища, все было у них отобрано.

В те времена, когда царил Николай, евреям не было разрешено владеть участками земли.

р. Шмуэл Томашов
с женой Либой и сыном

Гордый, богатый Шмуэл-Шаул Резник от нанесенной ему душевной травмы умер. Все дети разъехались. Жена его, прежде богатая Рохл Резник, осталась жить в Старых Дорогах в одиночестве и бедности.

Как только землячество в Америке узнало о ее трудном положении, многие предложили ей свою помощь.

СЕМЕЖЕВО

Местечко Семежево (ныне — агрогородок) находилось в 22 км к юго-западу от местечка Копыль. Через село протекает р. Морочь, в которую на северной окраине села впадает Мажа. Ближайшая железнодорожная станция находится в Тимковичах (линия Барановичи — Слуцк).

Впервые Семежево упоминается во второй половине XV в. как деревня в Слуцком княжестве, владение Олельковичей. В 1578 г. поселение получило статус местечка. По состоянию на 1622 г. здесь было 195 домов.

В результате второго раздела Речи Посполитой (1793) Семежево оказалось в составе Российской империи, в Слуцком уезде Минской губернии. В 1886 г. здесь было 269 дворов, действовали две церкви, еврейский молитвенный дом, часовня, школа, 3 магазина. Городок с соседними деревнями образовывал центр традиционного народного художественного ткачества. В 1908 г. в Семежеве работали портновский и кожевенный цеха. К 1914 г. в городке было 518 дворов.

С июня 1941 г. по июль 1944 г. деревня находилась под немецкой оккупацией. Освобождена в ходе ожесточенных боев.

С. Каждан-Айзенсон

Население моего местечка Семежево составляло 2000 человек, все — земледельцы. Евреев было очень мало. Я оставила родное местечко, когда мне еще не было семнадцати лет, и все же помню около двадцати пяти еврейских семей, маленькую синагогу на рынке, напротив церкви с позолоченным куполом. Наша синагога заполнялась в праздничные дни и оставила глубоко в моем сердце тоску по тем дням и годам.

Мой отец Йехиэл Каждан, фельдшер, разделял со всеми бедность, радости и невзгоды. Как и во всех местечках, образ жизни в Семежеве был во многих отношениях примитивным. Время от времени приезжали коробейники, и это вызывало в местечке праздничное настроение. Но и в зимние, морозные, серые дни, которые тянулись нудно, мое местечко не сдавалось. Дети ходили в хедеры, изучали и русский язык.

Среди евреев не было невежд. Большинство умели написать письмецо на идише. Партий у нас не существовало. Так тянулись годы — когда лучшие, когда худшие.

Празднествам — свадьбе или обряду брис-мило — радовалось все местечко, и все принимали в нем участие. Провозили невесту и жениха по улице с музыкой до рынка, и возле синагоги ставилась хупэ. Играли клезмеры, все плясали, и в местечке воцарялась Шхинэ. После радостного праздника возвращались серые, тихие, тяготные дни, особенно это

Лейзер Каждан

Понемногу мысли об эмиграции достигли даже нашего заброшенного уголка. Люди уезжали.

ощущалось летом. Правда, природа показывала себя во всей красе: зеленые заливные луга, красивые цветы, но это не развеивало скуку молодежи, которая представляла себе, что где-то есть другой, более интересный мир.

Понемногу мысли об эмиграции достигли даже нашего заброшенного уголка. Люди уезжали. Не так уж много событий происходило у нас; я вспоминаю один эпизод, который мы пережили однажды с пятницы на субботу. Как во всех маленьких местечках, куда не доходили газеты, мы узнавали новости друг от друга, а к ним добавлялась толика слухов, сплетен. Иногда выдумывались вещи, которых и в помине не было. И вот распространился слух, что после третьей трапезы в местечке разразится погром, что гои из местечка решили его устроить. В это не хотелось верить, потому что мы жили с ними мирно. Тем не менее всеми овладела паника. Я это никогда не забуду. То был жаркий день, а к ночи наплыли плотные, черные облака, словно подкрепляя фальшивые слухи, и это усилило наш страх. И вот я вижу Песю, дочь Берла, как она заламывала себе руки. Она собрала всех своих детей и побежала по Копыльской улице.

Ой, как она кричала на черные облака: «Боже, смилуйся над нами!» И вот так мы, поверив, быстро провели три трапезы, положенные в субботу. Неевреи в местечке, бедняги, ничего не знали. Все закончилось хорошо, но этот страх я никогда не забуду.

Не так уж много земляков из Семежева собрались в Америке. Мой брат Лейзер погиб во время Первой мировой войны. Свекор, реб Эли Айзенсон из Обчина, был убит в Любани во время погрома. Я была женой его сына Арна, который был американским солдатом в Первую мировую войну и через многое прошел во Франции.

СЛУЦКИЕ БАЙКИ

От Х. Зейдеса

В Слуцке был хозяин лавки, который часто давал беспроцентные займы, его звали реб Исерл. Каждый, кто нуждался в беспроцентном займе, шел к нему. Можно было взять деньги на целые месяцы, а он не напоминал и, упаси Бог, не брал никаких процентов.

В то время в городе жил старый мясник реб Айзик Туманик. Он вовсе не был богачом, и у него бывали времена, особенно в старости, когда ему приходилось брать займы, чтобы купить корову к шабесу или празднику. Если Всевышний помогал и корова была кашерная, то мясник имел достаточно денег на субботние свечи, возвращал заем, и в доме у него было весело, вместе с домашними он справлял субботу как положено. Но если корова, упаси Бог, оказывалась трэфной, ему было туго.

Бывало, что реб Айзик отводил корову на бойню, а ее признавали трэфной. Тогда мясник бродил в смятении — он не мог расплатиться с долгами и получить новый заем.

Бежал тогда реб Айзик в продовольственную лавку сказать ее хозяйну, что тому придется подождать с возвращением долга, пока Всевышний не поможет.

Когда реб Исерл со своего порога видел, что идет мясник, он прятался за бочонок с керосином. Он думал, что мясник несет часть денег и боялся нарушить заповедь Торы, по которой, давая в долг, нельзя вести себя с ближним как процентщик.

Однажды в такой ситуации в лавку зашла еврейка и попросила дать ей квартиру керосина. Лавочница подошла к бочонку и видит, что ее муж сидит за ним. Она испугалась, подумав, не стряслось ли с ним чего-нибудь дурного.

— Нет, — сказал он, — но я видел, что сюда идет мясник, а он, бедняга, не может мне отдать заем, корова у него снова оказалась трэфной. А я не хочу нарушать заповедь Торы и стать для него процентщиком.

Тем временем на пороге появился мясник, услышал слова реб Исерла и воскликнул:

— Упаси Бог, реб Исерл, я пришел просить у вас отсрочки. Подождите еще неделю.

– Конечно! — ответил реб Исерл. — Когда я дал вам беспроцентный заем, я на то и рассчитывал, реб Айзик, что даю деньги на несколько недель. Не переживайте, Всевышний поможет, а когда у вас будут свободные средства, тогда и вернете мне долг.

* * *

Реб Меер Розовский говаривал:

– Вода и огонь ведут войну между собой, а горшок их примиряет. Но при этом он, бедняга, здорово чернеет.

* * *

Плакальщица Долгуниха утомляла посетителей кладбища своим многословием и постоянными просьбами к мертвым заступиться за живых.

Первый ее вопрос посетителям кладбища был такой:

– Со слезами или без?

* * *

Слуцкий могильщик говорил своей дочери:

– Бог даст мне покойничков, тогда я устрою тебе свадьбу.

* * *

Слуцкие женщины ругались в мясной лавке, покупая мясо. Одна говорит:

– Восемнадцать болей моим врагам в желудок!

Другая отозвалась:

– Почему именно восемнадцать?

– Потому что «восемнадцать» — это гематрия слова «жизнь»!

* * *

К слуцкому раввину и даяну р. Лейбу Неймарку однажды пришел торговец и попросил у него совета: что если он купит участок леса? Он добавил, что при определенной коммерческой хитрости, которая не является прямым жульничеством, мог бы выручить за него большие деньги.

Раввин Неймарк, который был большим мудрецом, ответил ему:

– Известно, что Всевышний написал своим перстом текст скрижалей таким образом, что он одинаково читался с обеих их сторон.

– Но какое это имеет отношение к моей проблеме? — спросил коммерсант.

– Прямое, — ответил р. Неймарк. — «Не укради» можно прочесть с обеих сторон скрижалей. Грех остается грехом, виден он или скрыт при помощи ухищрений...

* * *

Решили расширить городскую талмуд-тору. Раввин Лейб Неймарк подогрел народ своей речью, но как только дошел до денежного вопроса, народ начал расходиться. Тогда р. Неймарк сказал:

– В сегодняшней главе Торы «Ваяк'гель» сначала написано, что вышла вся община сынов Израиля, а потом — что приходил каждый, кого влекло сердце¹⁰³⁵. А у нас здесь все наоборот: послушать приходят все, но когда речь идет о пожертвованиях на добрые дела, то народ уже спешит к выходу...

* * *

В Слуцке был магид, его звали реб Мойше Шустерман, но сам он себя называл «Мойше Идабер», по образцу знаменитого магида Маслянского («Маслянский Идабер»).

Случчане любили слушать речи Мойше Идабера. Когда в синагогах узнавали, что он будет произносить речь, собирались все. Народ на выступлениях Мойше плакал и смеялся. Особенно же он брал за живое слушателей своими трогательными историями и притчами.

Все любили его, но счастья в его жизни не было. Его жена рано покинула этот мир и оставила ему двух маленьких детей. Кроме того, когда большевики захватили власть, реб Мойше Идабер остался без заработка: красные не позволяли, чтобы он произносил речи и наставлял народ. А тут он во второй раз женился, и еще пара детей прибавилась. У семьи не было хлеба, они голодали.

И вот некоторое время спустя реб Мойше Идабер вырвался из Слуцка. Он поехал в Польшу и снова начал разъезжать по городам и местечкам. Чтобы народ давал больше денег, он во все свои выступления вставлял историю о бедной вдове, у которой шесть сирот. Ради них он, мол, ездит и собирает деньги. При этом он красочно расписывал, как сиротки подходят к матери, просят хлеба, но ей, несчастной, нечего им дать. Сыновьям нужны ботинки, дочкам — платья, как у их подружек, но у вдовы на все их просьбы один ответ: слезы. Что ей, бедняжке, делать? У других детей есть отцы, они и покупают, а откуда ей взять деньги? Его речи так волновали народ, что евреи и еврейки несли деньги. Люди давали, сколько могли, и даже больше.

Все шло хорошо, но однажды в одном местечке подошел к Мойше после его выступления габай и спросил:

– Реб магид, а кто эта вдова? Может быть, вы нам скажете, где она живет?

Мойше Идабер на мгновение замер, но быстро пришел в себя и ответил:

– Вы хотите знать? Хорошо, скажу: это моя жена!

– Ваша жена?! — посмотрел на него габай. — Что это значит? Вы же еще живы, так как же она может быть вашей вдовой?

– Вас не устраивает, что я живу? — спросил реб Мойше. — Если бы я умер, это было бы лучше?

* * *

Приехал однажды Мойше Идабер в местечко с выступлениями. А был он, надо сказать, человеком весьма тучным. Подошел к нему известный на смешник и сказал:

– Ребе, я с трудом верю, что вы выполняете завет постижения Торы с помощью преодоления трудностей: есть хлеб с солью, даже воду пить в меру и спать на голой земле¹⁰³⁶. По вашему лицу этого не скажешь...

¹⁰³⁵ См. «Шмот», 35:20, 21.

¹⁰³⁶ «Авот», 6:4.

И вот некоторое время спустя реб Мойше Идабер вырвался из Слуцка. Он поехал в Польшу и снова начал разъезжать по городам и местечкам.

Реб Мойше, который был человеком остроумным, оценил шутку и парировал выпад насмешника:

– Хочешь сказать, что я должен есть хлеб с солью и так далее? Но ведь в этой цитате обращение к тебе: ты ешь, ты пей... Так что все это адресовано тебе, а не мне.

* * *

В Копыле был богатый еврей реб Исер. Его уважали, он пользовался большим влиянием. Однажды городская община поссорилась с раввином. Реб Исер сказал раввину:

– Ваше счастье, ребе, что вы в наших глазах не имеете лица, иначе бы я по нему ударил...

От р. Н. Ваксмана

Реб Шлойме Демберг был ученым евреем, прекрасным магидом. Его доброта была в Слуцке притчей во языцех. Во время Первой мировой войны Шлойме был солдатом. Лежали солдаты в окопах и стреляли — все, кроме Шлойме: как это стрелять, ведь кто-то может, не дай Бог, попасть под пулю! Вместо стрельбы он лежал и читал псалмы. Об этом рассказали командиру отделения, тот прибежал и закричал:

– Демберг, почему не стреляешь?

Понял Шлойме, что выхода у него нет, скрепя сердце поднял винтовку дулом вверх и стал стрелять. Когда офицер убежал, Шлойме отложил винтовку и продолжил читать псалмы.

От Р. Ривина

У каждого местечка было что-то свое, отличительная черта, например: копыльские глупцы, грозовские горшки, ляховичские шкурки, клецкие воришки, несвижские обжоры, старобинские дегтярники и т. д.

Рассказывали такую историю: копыльские евреи, которым гора заслоняла внешний мир, задумали передвинуть ее. Толкали-толкали, но не знали, сдвинулась ли гора с места. Что делать? Пошли и взяли ляховичские шкурки, положили их перед горой и снова взялись за работу — толкание горы.

Послали человека, он возвращается с радостью: шкурки пропали, значит, гора передвинулась и накрыла их. А что было на самом деле? Шкурки забрали клецкие воришки. Тем временем копыляне замучились от толкания и принесли слуцкий крупник, налитый в грозовские горшки, предвкушая, как они его съедят. Но пока копыляне мыли руки и произносили соответствующее благословение, пришли несвижские обжоры и выхлебали весь крупник. Так копыляне остались с горой и с пустыми горшками, но зато вполне оправдали свое прозвище.

Рассказывали такую историю: копыльские евреи, которым гора заслоняла внешний мир, задумали передвинуть ее. Толкали-толкали, но не знали, сдвинулась ли гора с места.

* * *

Многие старобинские евреи занимались перевозками. Извозчики доставляли срубленные деревья из окрестного леса в определенные места. А многие ездили по деревням и продавали собственную продукцию.

Балаголы были связаны с округой, и поскольку смазывание дегтем являлось хорошим средством сберечь всю утварь — колеса, хомуты, супонь и вожжи, — деготь легко продавался во всей округе.

Большим количеством дегтя пользовались старобинские евреи, когда смазывали обувь и калоши, которые начинали блестеть. Сильный запах дегтя исходил от них на большое расстояние. Поэтому старобинцы и получили прозвище «дегтярники».

Местечковая мораль

Это выступление р. Исроэла-Танхума га-когена Портмана, швекшненского, а затем жежмаряйского раввина, было известно во всех литовских йешивах и увековечено как фольклор.

– Здесь — местечко Свержень, а здесь — местечко Несвиж. Местечко Крынки и Новые Крынки, а здесь снова местечко, Старобин, и еще два местечка: одно — Высокое, второе — Глубокое. Возникает трудный вопрос: почему местечки называются именно так? А вот и ответ. Владыка мира сотворил весь мир ради евреев, и говорится в Танахе: «В начале сотворил Бог...» Уточняет Раши: для Израиля, поскольку написано «в начале» — для Израиля прежде всего сотворил. И собственно евреев Он создал, чтобы они могли идти намеченными Им путями, быть добрыми и верными Ему. Поэтому каждый еврей должен знать, что весь хоровод мироздания кружится только ради него, и он должен кружиться для Владыки мира и всегда быть бодрым, готовым к исполнению заповедей Торы. Вот смысл названия «Свержень»: свежий, бодрый, живой! Но бывало так, что Владыка мира видел: еврей «не-свиж», не такой свежий. Он немного ленится, не выполняет заповеди, стремглав летит к греху, как стрела из лука. Говорит Владыка: «Дорогой еврейчик, у Меня есть для тебя местечко Крынки. Я тебя сделаю больным («кранк»), чтобы ты задумался, где ты на этом свете». Еврей возвращается к добру, а если нет, говорит Владыка: «Вот Новые Крынки — напущу на тебя новую хворь, более сильную, которая пробудит тебя от сна». Еврей спохватывается, а если нет, то говорит Владыка: «Ничем тебя не пронять! Ну так есть у Меня для тебя местечко Старобин, придется тебе умирать — *старбн* (в Слуцком округе произносят “ш” в слове *штарбн* как “с”). И тогда Я уже посмотрю, что можно с тобой сделать». И если еврей даже на грани смерти не пробуждается и не обращается к своему Отцу Небесному, говорит Владыка мира: «Хорошо! Возьму я тебя и отправлю в Высокое. Твое тело сгорит и поджарится, но твоя душа отмоется и очистится, пока не станет хрустально чистой, и тогда мы ее отправим в светлый рай». Но если человек упорствует и наотрез отказывается: «Нет, я не хочу раскаиваться!», — то говорит Владыка: «Есть у меня местечко Глубокое, сначала ты испытаешь смерть от рук врагов, а затем отправишься глубоко-глубоко в землю и останешься на глубине десяти сажень!»

ХАСИДИЗМ В СЛУЦКЕ

БЕШТ В СЛУЦКЕ В 1739 г.

Раби Й.-И. Шнеерсон

«**У**ри-Носна-Ноте из Бриска в юности называли “илуй из Крынки”. Один из брисских богачей взял Ури в зятя и содержал его на протяжении многих лет, дав ему возможность посвятить жизнь изучению Торы. Когда Ури овдовел, тесть женил его на другой своей дочери. Когда же он овдовел вторично, один из слуцких знатоков Торы, хорошо знавший его, предложил ему жениться на своей дочери-вдове и переехать в Слуцк.

Кроме умерших дочерей, у бывшего тестя Ури не было других детей. Поскольку он любил своего зятя, он подарил ему большой участок земли с садом, дававший хороший доход. Когда Ури переехал из Бриска в Слуцк, бывший тесть не позволил ему продать его. К счастью, Всевышний послал ему арендатора, который пользовался этим участком на протяжении многих лет.

Сын Ури Шлойме воспитывался в доме своего отца. В четырнадцать лет он уехал в йешиву учить Тору, оттуда перебрался в Гродно, а затем — в Краков. Там он познакомился с выдающимся знатоком Торы р. Менахемом-Ари, который был одним из скрытых праведников, прилепился к нему и стал учиться у него хасидизму, о чем никто не знал. В возрасте двадцати четырех лет Шлойме вернулся домой в Слуцк.

Отец восхитился его познаниями и начал искать сыну невесту. В итоге он остановил свой выбор на дочери весьма состоятельного еврея, жившего недалеко от Слуцка. Однако через полгода после свадьбы жена сошла с ума, и следующие шесть лет Шлойме прожил соломенным вдовцом¹⁰³⁷.

Примерно в это время в Слуцк приехал Бешт. Слуцкие знатоки Торы встретили святого человека с трепетом и надлежащими почестями. В их числе был и старый реб Ури-Носн-Ноте, пожаловавшийся Бешту на горькую участь своего сына, который вот уже столько лет жил соломенным вдовцом. Отец больной женщины также попросил у Бешта совета и исцеления для своей безумной дочери.

¹⁰³⁷ По еврейскому закону развод с сумасшедшей — дело весьма непростое.

Бешт пригласил к себе реб Ури и его свата реб Эли-Мойше, а также Шлойме, и спросил, нет ли у них обиды друг на друга. Реб Ури похвалил своего родственника за то, что тот регулярно учит Тору, славится гостеприимством, готов помочь любому еврею и щедро поддерживает изучающих Тору. После того как они породнились, сват относился к зятю как к родному сыну, окружил его заботой и обеспечивал всем необходимым.

Реб Эли-Мойше также не пожалел комплиментов для своего зятя, отметив его достоинства, усердие в деле изучения Торы и богобоязненность. Кроме того, зять, по словам тестя, старается приблизить к Торе простых людей и каждый день учит с ними фрагмент из Пятикнижия с комментарием Раши, а по субботам рассказывает им мидраши, читает отрывок из трактата “Авот” и учит их любить и уважать друг друга. До того как Шлойме поселился в этой деревне, местные евреи часто ссорились: кто-то завидовал другому, кто-то считал, что другой перебил ему заработок...

— Однако с тех пор, как там поселился мой зять, — сказал реб Эли-Мойше, — евреи не просто перестали ссориться, но стали любить и уважать друг друга. Все местные жители полюбили Шлойме, сочувствуют его горю и молятся о том, чтобы моя дочь выздоровела, а он снова поселился в моем доме и продолжил учить и наставлять их, как прежде.

Бешт внимательно выслушал обоих сватов и сказал:

— С Божьей помощью я смогу вылечить заболевшую женщину, чтобы она вновь, как прежде, обрела здравый ум. Однако лишь при одном условии: когда она поправится, они не должны жить вместе. Через несколько дней после того как она выздоровеет и по закону Торы сможет получить разводное письмо, они должны развестись — с радостью и с легким сердцем.

Сваты очень удивились. Реб Ури привел несколько религиозных доводов, почему развод невозможен. Реб Лейзер-Мойше заявил, что это очень расстроит его дочь, поскольку она любит мужа, да и зять не будет рад, что ему придется расстаться с женой. На это Бешт сказал, что, если они не согласны с его условием, он ничем не сможет им помочь.

Через несколько дней сваты и Шлойме пришли к Бешту и сообщили, что принимают его условие. Однако они не могут поручиться, что женщина согласится развестись с мужем¹⁰³⁸. Бешт велел Эли-Мойше ехать домой и сказать своей больной дочери, что Бешт, знаменитый чудотворец, приехал в Слуцк и требует ее к себе по очень важному делу.

Сваты недоуменно смотрели друг на друга. Наконец Эли-Мойше собрался с силами и сказал, что вот уже три года как его дочь не произнесла ни слова, сидит в углу между печкой и стеной и даже покормить ее и позаботиться об удовлетворении ее других естественных потребностей удастся только ценой огромных усилий, поскольку она совершенно безумна. Однако Шлойме, едва увидев Бешта и услышав его учение, привязался к нему всем сердцем. Поэтому он сказал сватам, что, по его мнению, следует исполнить все, что велел Бешт, ибо он — великий чудотворец. Ури также заметил, что, поскольку они приняли условие Бешта, они, безусловно, должны поступить по его слову.

Вернувшись домой, Эли-Мойше нашел дочь сидящей в своем углу за печкой. Он сказал жене, что Бешт пообещал вылечить больную, а также поведал ей о том, что Бешта считают великим чудотворцем. Пока он рас-

---

Наконец Эли-Мойше собрался с силами и сказал, что вот уже три года как его дочь не произнесла ни слова...

---

¹⁰³⁸ Согласно еврейскому праву, развод против воли женщины невозможен. — Прим. пер.

Родители были потрясены тем, что их безумная дочь вдруг снова стала разумным человеком.

сказывал о чудесах, а жена слушала его, раскрыв рот, их дочь неожиданно вышла из-за печки и спросила, о ком это они говорят. Родители изумились, поскольку не слышали ее голос уже несколько лет. К тому же они заметили, что ее лицо изменилось, а глаза заблестели, как прежде.

Как только больная услышала, что чудотворец, о котором только что говорили, находится в Слуцке, она сказала, что хочет помыться, и пошла приводить себя в порядок. Родители были потрясены тем, что их безумная дочь вдруг снова стала разумным человеком. Они не могли поверить в то, что видели своими глазами и слышали своими ушами, ведь все это время они жили с уверенностью: дочь кто-то сглазил, позавидовав, когда она похвасталась, что удостоилась выйти замуж за знатока Торы, обладателя многих достоинств, любящего евреев, не чурающегося даже простых людей, обучающего их Торе и ее законам. Поэтому, увидев, что разум вернулся к ней, родители поспешили запретить дверь, чтобы об исцелении никто не узнал.

В тот вечер их дочь поела как здоровый человек и легла спать в своей кровати, однако была очень слаба. Утром она снова разговаривала нормально, однако чувствовала себя хуже, чем вчера. На третий день женщина вновь заболела — правда, на этот раз ее поразило не безумие, а лихорадка. Она металась в жару и непрерывно говорила: то бредила, то пересказывала истории о чудесах Бешта, которые слышала от отца... Вдруг она сказала, что очень хочет увидеть праведника-чудотворца.

Когда Эли-Мойше и его жена обнаружили, что их безумная дочь внезапно выздоровела, они отправили специального посыльного к Шлойме и его отцу, подробно написав им обо всем, что произошло. Когда этот человек прибыл к Ури, тот был поражен до глубины души. Сын же его обрадовался не только новости о выздоровлении своей жены, но и тому, какое впечатление это произвело на его отца, который очень скептически относился к учению Бешта. Шлойме решил, что сейчас самое благоприятное время постараться убедить отца в том, что это учение передано Бешту самим Всевышним.

После их разговора престарелый реб Ури размышлял о нем день и ночь, а затем пошел к Бешту, рассказал ему все, что слышал от сына о его учении, и заявил, что хочет стать его последователем. Он также сообщил Бешту добрую весть, полученную от свата: его сноха больше не безумна. Бешт ответил на это, что ему это известно, но сегодня она опять заболела.

Между тем реб Эли-Мойше спохватился, что из-за шока, вызванного происшедшими переменами, забыл сказать дочери, что Бешт пригласил ее к себе, и, взяв ее и жену, отправился в Слуцк. Прибыв в город, они вместе с ее мужем и свекром поспешили к Бешту.

Когда Шлойме с женой вошли к нему, тот сказал им, что они должны развестись. Женщина разрыдалась и сказала сквозь слезы, что раз праведник велит ей развестись, значит, она недостойна быть женой такого хорошего человека, как ее муж, и должна подчиниться. Муж тоже всячески расхваливал жену, но тоже сказал, что раз праведник так решил, то они должны подчиниться, и плакал вместе с ней.

Бешт объявил, что дает им три дня, а на четвертый они должны прийти к нему, и тогда он велит им оформлять развод.

Женщина, ее муж и их родители были убиты горем. Все три дня они постились, молились и читали псалмы. На четвертый день с разбитым сердцем все пошли к чудотворцу; муж и жена рыдали в голос.

Когда они вошли к Бешту, там уже ждали раввин, писарь и свидетели. Бешт спросил, разводятся ли они добровольно. Супруги ответили утвердительно и добавили: они оба верят праведнику, что это необходимо для их же блага. Тогда Бешт вышел в соседнюю комнату и задержался там на некоторое время. Вернувшись, он сказал:

– Шесть лет назад против вас выдвинули серьезное обвинение. На Небесах был вынесен приговор: жена будет наказана шестилетним безумием, а муж станет соломенным вдовцом. После того как вы согласились развестись, безоговорочно доверившись воле Всевышнего, вам удалось выиграть дело в Небесном суде, и обвинитель был посрамлен.

После этого Бешт благословил супругов и заверил их, что они удостоятся родить детей и жить долго и счастливо.

Реб Шлойме прожил в Слуцке еще три года. После этого он переехал в Минск. Как и предсказал Бешт, Всевышний благословил его сыновьями и дочерьми. В 1806 году они всей семьей уехали на Святую землю, где прожили еще пятнадцать лет».

(Из записок р. Йосефа-Иццока Шнеерсона, шестого Любавичского Ребе)

БЕШТ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ

С. Дубнов (из книги «История хасидизма»)

«**О**дин случай предсказания прославил имя Бешта по всей Польше и Литве, ибо дело касалось лиц, пользовавшихся громкою известностью. В Литве, в Слуцке, жили “державцы”¹⁰³⁹ имений князя Радзивилла¹⁰⁴⁰. То были два брата, прибывшие из Галиции и в качестве генеральных арендаторов получившие в свое распоряжение все имения князя¹⁰⁴¹. Кипучей деятельностью и разумной экономией они не только привели прежде запущенные хозяйства в порядок, сделав их доходными, но и сами обогатились в самое короткое время. Они регулярно платили хозяину деньги за аренду и взыскивали плату с мелких арендаторов с неумолимою строгостью, не обращая внимания на жалобы некоторых своих собратьев. Если они видели, что кто-то из этих людей вместо того, чтобы честно трудиться, бездельничал или работал спустя рукава, то приказывали воспитывать его поркой. За это местные евреи называли братьев тиранами.

¹⁰³⁹ «Державцы» — здесь: наместники магната, главные откупщики поместий. — *Прим. пер.*

¹⁰⁴⁰ Слуцк был самым крупным городом во владениях князя Иеронима Флориана Радзивилла (1715–1760). — *Прим. пер.*

¹⁰⁴¹ Имя одного из них р. Шмуэль, а другого — р. Гдаля. Братья Шмуэль (ум. в 1747 г.) и Йосеф-Гдаля Ицковичи были арендаторами обширных белорусских поместий семейства Радзивиллов (Анны и ее сына Иеронима Флориана) в 20–40-е годы XVIII в. Влияние братьев на еврейские общины региона было огромным: они зачастую вмешивались в деятельность общинных институтов и добивались назначения своих родственников и приближенных на ответственные должности в системе еврейского самоуправления. Экономический спад, последовавший за подавлением восстания и войнами в Европе, подточил устои экономической империи, созданной братьями Ицковичами. В результате разразившегося вслед за крестьянским восстанием под предводительством Васко Вошилы 1740–1744 гг. кризиса Иероним Радзивилл распорядился летом 1745 г. об аресте Шмуэля и его ближайших сподвижников и конфискации всей их собственности. Гдаля, находившийся в это время в Кёнигсберге, остался под защитой прусского короля. Шмуэль умер в заточении в конце 1746 г. — *Прим. пер.*

Вот эти-то всемогущие литовские “державцы” прослышали о славе подольского чудотворца Бешта и о его чудесных предсказаниях.

Вот эти-то всемогущие литовские “державцы” прослышали о славе подольского чудотворца Бешта и о его чудесных предсказаниях. Случилось так, что в это время один из них выстроил себе каменный дом в Слуцке, а жена его, склонная к суеверию, боялась поселиться в нем, не испросив предварительно благословения Бешта, о котором была наслышана. И вот послали в Подолию за Бештом и привезли его в хоромы богатея. Приняли его очень приветливо, но он заметил, что в то время, как жена безусловно верит ему, муж относится к гостю с подозрением и всячески его испытывает.

Вел себя Бешт, однако, с большим достоинством, как подобает знаменитости, и в продолжение трех недель, проведенных им в доме “державца”, видел в своей приемной чуть ли не всех жителей Слуцка, желавших взглянуть на святого мужа. Когда настало время его отъезда, жена хозяина дома спросила Бешта:

– Долго ли суждено нам жить так счастливо, как теперь?

Бешт сначала наотрез отказался отвечать на ее вопрос и сказал, что о таких вещах не спрашивают, но женщина приставала к нему и умоляла дать прямой ответ. Тогда гость на минуту закрыл глаза и потом произнес:

– Еще двадцать два года¹⁰⁴².

Предание прибавляет, что предсказание сбылось, и подробно рассказывает о том, как братья впоследствии впали в немилость у Радзивилла, как бежали за границу, но по дороге были схвачены и заточены в тюрьму, к величайшей радости подчиненных им арендаторов, столь долго терпевших их тиранию. Это произошло спустя ровно двадцать два года после посещения Бешта. В своем несчастье “державцы” вспомнили о давнишнем предсказании Бешта и послали ему письмо с просьбой помочь им молитвой, но люди, враждебно настроенные по отношению к ним, попросили Бешта не делать этого, и тот, встав на сторону большинства, отказал братьям в просьбе».

ПРОПАГАНДА ПРОТИВ ХАСИДИЗМА

(Из антологии «Сефер га-хасидус»¹⁰⁴³)

В конце XVIII — начале XIX в. огромной популярностью пользовался миснагедский магид Исроэл-Лейб, выступавший преимущественно в Литве и Белоруссии, но также бывавший в центральной Польше, Галиции и Германии и всячески разжигавший страсти своими речами и книгами. Он объявил войну вождям «секты» и пытался предать их государственному суду.

Исроэл бен Йеѓуда-Лейб был, судя по всему, уроженцем литовского города Слуцка. (Единомышленник по миснагедскому лагерю, автор книги «Змир-арицим»¹⁰⁴⁴, неизменно называл его в ней «раби Исроэл из Слуцка».)

¹⁰⁴² В завещании р. Давида, проповедника из Макова (ум. в 1814 г.), речь идет о 12 годах, что в точности соответствует другим деталям этого рассказа: переселение семьи Шмуэля Ицковича в Слуцк произошло в 1733 г., а его арест — в 1745 г. См. Vilensky M., Hasidim u-Mitnagdim. Jerusalem, Mossad Bialik, 1970, vol. 2. p. 242. *Прим. пер.*

¹⁰⁴³ «Сефер га-хасидус» (иврит в ашкеназском произношении) — «Книга хасидизма».

¹⁰⁴⁴ «Змир-арицим» (иврит) — «Выкашивание злодеев», анонимное сочинение.

До 1787 года он занимал должность магида в Могилеве, затем переехал в Новогрудок, где получил место магида и даяна.

Непримиримым противником хасидизма Исроэл стал еще в Могилеве, когда увидел, какое огромное влияние оказывает раби Шнеур-Залмен¹⁰⁴⁵ на молодых людей, во множестве стекавшихся к нему в Лиозно. Даже родной брат Исроэла попал в сети хасидов. Все попытки магида отвратить его от этого опасного пути оказались тщетными: брат стал пламенным хасидом, и исправить это не было решительно никакой возможности. Тогда магид послал лиозненскому праведнику письмо, полное упреков, и пригрозил, что публично выступит против всех хасидов, если ему не вернут брата. Когда и это не помогло, Исроэл лично поехал к р. Залмену, чтобы вступить с ним в спор.

По словам магида, цадик принял его крайне неприветливо и упрекнул за желание публично осудить всю хасидскую «секту» и тем самым сделать этот внутренний конфликт известным неевреям, ненавистникам Израиля. Магид ответил на это, что обнаружил в хасидском учении принцип, угрожающий еврейской религии и ее этическим основам, и полагает, что вожди народов мира скажут спасибо раввинам, предавшим гласности порчу, поразившую меньшую часть нации, ради спасения всей нации.

Когда Исроэл начал излагать, в чем заключается эта порча, и доказывать, что хасиды гонятся за наслаждениями, корыстолюбивы, придерживаются суеверий, раби Залмен рассердился и прогнал гостя. Тогда Исроэл написал «Сефер га-викуах»¹⁰⁴⁶, направленный против хасидов, и отправился в Варшаву, чтобы его издать. Это произошло в 1797 году после того, как Виленский Гаон опубликовал свое воззвание против хасидизма, которое разослал главам общин «во всех губерниях». Специальный посланник Гаона раби Овадья, назначенный предводителем «миснагедского воинства», передал нашему магиду разрешение избличать хасидизм повсюду, а также написал письмо, одобряющее издание его книги.

Летом, в месяце ав, Исроэл-Лейб проехал через Слуцк, где заручился поддержкой глав местной общины.

«Сефер га-викуах» вышел в свет в декабре 1797 года. На следующий год Исроэл издал еще одно полемическое сочинение: «Таавас-цадиким»¹⁰⁴⁷. Члены хасидской общины принялись скупать эти книги и сжигать, так что уцелела лишь малая часть напечатанных тиражей. Фанатики подстерегали Исроэла-Лейба и избивали его на улицах Варшавы и других городов, где он бывал.

Соратник Исроэла по «священной войне», автор трактата «Змир арицим» свидетельствует: «В дело вступил великий раввин реб Исроэл из Слуцка, написавший свой “Сефер га-викуах”, встав на защиту Господа и отдав себя на растерзание проклятым хасидам, которые проливали его кровь, как воду, забрасывали его камнями, сжигали его книги, словно дрова, и называли его “магидом-дураком”».

Все попытки магида отвратить его от этого опасного пути оказались тщетными: брат стал пламенным хасидом, и исправить это не было решительно никакой возможности.

---

¹⁰⁴⁵ Р. Шнеур-Залмен — основоположник любавичского хасидизма, автор книги «Танья».

В 1782 г. он поселился в Лиозно. За десятилетие число его последователей достигло десятков тысяч человек. — *Прим. пер.*

¹⁰⁴⁶ «Сефер га-викуах» (иврит) — «Полемический трактат».

¹⁰⁴⁷ «Таавас-цадиким» (иврит в ашкеназском произношении) — «Вожделение праведников».

Русские власти вмешиваются в конфликт (1800–1801)

«Из письменных ответов раввина Залмена на обвинения Авигдора Хаймовича¹⁰⁴⁸ в российских государственных архивах сохранились только два: на обвинения № 18 и № 19. Вот они.

“18. Жители Слуцка нас не любят, и они сильно преследовали ляховичских хасидов¹⁰⁴⁹, как это видно из решения минского правления.

19. Не могу сносить его [Авигдора] ругань и ложь. Он наводит на нас такие обвинения, каких никогда не слыхали, разве во времена Польши и ее ксендзов, которые возводили лживые обвинения в употреблении человеческой крови... Он сам ничего не слышал и не видел, но что ему мешает болтать языком?... Помощь может прийти только от государя... Он поймет, что я невиновен, и освободит меня из темницы¹⁰⁵⁰».

СЛУЦКИЕ ХАСИДЫ

Ноех

В то время в Слуцке было лишь несколько хасидов во главе с реб Пинхосом (Пиней) Канторовичем. Однако они не могли найти место, чтобы устроить общественную молитву. Только после того, как построили синагогу «Мишнайс», хасидам передали одну молельню, где они собирали свой миньян. Если им не хватало одного или двух хасидов, они дополняли миньян миснагедами, посулив им по рюмке водки по завершении молитвы.

Больше всего народа собиралось в хасидской молельне с наступлением праздника Симхес-Тойре, поскольку хасиды устраивали гакофойс со свитками Торы не так, как миснагеды, но с обильным возлиянием.

Несколько раз, когда я проходил мимо хасидской молельни при синагоге «Мишнайс», хасиды просили меня зайти и дополнить миньян. Когда я спросил, чего они ждут, если со мной миньян уже есть, один из них ответил: «Вместо десятого хасида нужен не один, а целых два миснагеда».

* * *

Два любавичских хасида из Речицы как-то приехали в Слуцк и остановились в гостинице Некрича. Дело было 19 кислева¹⁰⁵¹, и хасидам пришлось

¹⁰⁴⁸ В начале 1800 г. руководители виленских миснагедов направили бывшего раввина Пинска р. Авигдора бен Йосефа-Хаима (в русских документах Авигдор Хаймович), смещенного хасидами с должности, в Петербург, где он подал на имя императора Павла I жалобу на «вредную и опасную» секту, которая может «подать повод к величайшим дерзостям и злодеяниям». Лично р. Шнеур-Залмен обвинялся в отправке ежегодно больших сумм денег в Турцию, т. е. «помощи турецкому султану» (так доносчик пытался представить властям денежную помощь, которая посылалась хасидам, поселившимся в Эрец-Исраэль). В ноябре 1800 г. р. Шнеур-Залмен был вновь арестован и привезен в Петербург. Чиновники Тайной канцелярии устроили ему очную ставку с доносителем. Письменные ответы Ребе понравились императору, и тот приказал освободить его из-под ареста, но без права выезда из столицы до рассмотрения дела в Сенате. — *Прим. пер.*

¹⁰⁴⁹ Намек на гонения, которым подверглась в Слуцке группа хасидов во главе с цадиком Мордехаем из Ляховичей. — *Прим. пер.*

¹⁰⁵⁰ Цит. По: Ю. Гессен. «Еврей в России». — *Прим. пер.*

¹⁰⁵¹ 19 кислева считается у любавичских хасидов праздничной датой (Новый год хасидизма), поскольку в этот день в 1798 г. был освобожден из Петропавловской крепости р. Шнеур-Залмен. — *Прим. пер.*

в голову устроить общественную молитву с возлиянием в честь освобождения автора «Таньи».

Поскольку собрать в Слуцке хасидский миньян было непросто, хабадники поставили на стол графин водки и закуски и угощали каждого, кто заходил в гостиницу. Но одного все равно не хватало. В полночь в гостиницу ворвался перепуганный еврей с криком:

– Есть здесь доктор?

– Выпей сначала рюмочку, а доктора сейчас найдем, — сказали ему.

Еврей согласился и выпил — к всеобщей радости, поскольку наконец-то собрался миньян.

Тем временем его жена ждала доктора. Видя, что муж все не возвращается, она отправилась на поиски и услышала звуки веселого празднества, доносившиеся из гостиницы. Заглянув в окно, она узнала среди пляшущих своего мужа.

В гневе ворвавшись в комнату, женщина с криком обрушилась на своего супруга:

– Я умираю от страха и беспокойства, что будет с нашим ребенком, а ты тут отплясываешь?!

Однако наш любитель выпивки тоже не полез за словом в карман:

– Что ты орешь, дура? Сегодня нитл¹⁰⁵², и нам заповедано веселиться и плясать!

¹⁰⁵² *Нитлом* евреи называли христианское рождество, когда, согласно обычаю, существующему в некоторых общинах, не учат Тору, «чтобы не помогать силам тьмы».

КАТАСТРОФА

СЛУЦК: СЛАВА И ГИБЕЛЬ

Раввин Н. Ваксман

Город Слуцк в Белоруссии был одним из ведущих еврейских центров Восточной Европы. Не отличавшийся ни размерами, ни многочисленностью населения, он сыграл заметную роль во многих судьбоносных моментах в истории русского еврейства и был известен гораздо лучше, чем столичный Минск. Слуцкие евреи так гордились своим городом, что их нередко подвергали за это насмешкам. Ретроспективно оценивая историю и заслуги этой общины, нельзя не признать, что такая гордость была совершенно оправданной: даже беглое прочтение этой книги, которую вы держите в руках, пробудит схожие чувства в сердце каждого еврея.

Уже четыреста лет назад в Слуцке существовала полноценная организованная еврейская община, славившаяся своими достоинствами. Слухи о ее любви к Торе и активной благотворительной деятельности достигали дальних стран и побуждали многие уважаемые семейства к переезду в этот город.

Несмотря на всеобщую бедность, царившую как во всей Белоруссии, обделенной природными ресурсами, так и в самом Слуцке, находившемся до 1914 года вдали от железных дорог, еврейское население было достаточно зажиточным и довольным жизнью. Недостаток материальных ресурсов компенсировался духовным изобилием; слуцкая община оказывала значительное влияние на своих единомыслителей по всей России. Раввины Слуцка неизменно славились ученостью и были общепризнанными духовными лидерами своих поколений. В мире Торы их мнение пользовалось большим весом, к их услугам нередко прибегали ведущие еврейские общины. На протяжении многих лет Слуцк имел репутацию центра Торы и истинной еврейской премудрости, остававшуюся предметом зависти для многих гораздо более крупных еврейских общин.

Слуцкие евреи неизменно находились в авангарде еврейской жизни и деятельности в России. Все общины обращались к ним за советом и руководством. Когда на еврейском горизонте возникли современные идеологии и политические движения, их пропагандисты и агитаторы стремились

закрепиться в Слуцке, откуда их доктрины могли получить самое широкое распространение. Однако евреи Слуцка сохраняли приверженность традиционной культуре и, так как были скептиками, проявляли крайнюю осторожность по отношению к новым непроверенным учениям, относясь к новым партиям и движениям с большим подозрением. Они принимали их с большой неохотой и нередко оказывались в числе их решительных и непримиримых противников.

В XVII веке, когда культ лжемессии Шабса Цви распространялся в еврейском мире, подобно пожару, и многие известные лидеры стали жертвой обмана, слуцкое еврейство оставалось непоколебимым, несмотря на специальных эмиссаров, которых посылали саббатанцы, чтобы повлиять на местное население.

В XVIII веке, когда возникло хасидское движение и его лидеры попытались завоевать позиции в Слуцке, местные евреи остались верны традиции, и все усилия их переубедить не принесли хасидам никаких результатов.

Благодаря своему упорному сопротивлению Слуцк стал символом неприятия хасидизма и в этом качестве вошел в еврейские предания. «Холодные слуцкие миснагеды» — широко распространенное еврейское выражение, превратившееся впоследствии в «холодных миснагедов» — противоположность «горячих хасидов». Во дворе главной слуцкой синагоги лежал огромный камень, с которого, по преданию, силой стащили Бешта, основоположника хасидизма, когда тот вздумал излагать свои идеи. Рассказывают, что, взбешенный этим оскорблением, Бешт в гневе предрек, что в Слуцке никогда не будет хасидской общины. Это предсказание сбылось, и случане были весьма довольны и гордились этим фактом.

К концу XIX века восточноевропейское еврейство охватили идеи Гаскалы. Впервые за много поколений Слуцк не остался в стороне от новых веяний, но проявил к ним неподдельный интерес и подвергся их влиянию. Эти веяния усилились настолько, что поколебали само основание древней цитадели и породили целую группу лидеров, ярко проявивших себя в самых разных областях современной еврейской жизни. Вместе с тем город сохранил древнюю традицию и остался центром Торы — благодаря йешиве, которую возглавил выдающийся знаток Торы раввин Исер-Залмен Мельцер. Ученики стекались в нее отовсюду. Несмотря на то что общая атмосфера в городе изменилась, йешива смогла сохранить прежнюю репутацию и славу общины.

Помимо собственно Слуцка, в Слуцком уезде было еще пятнадцать небольших еврейских местечек: Глуск, Греск, Грозово, Копыль, Любань, Погост, Романово, Старобин, Тимковичи, Уречь, Верхутино, Вызна и другие. В каждом из них существовала полноценная еврейская община со всеми традиционными еврейскими институтами, вносящими свой вклад в духовный облик уезда.

Все это закончилось после Октябрьской революции 1917 года. Большевицкая власть боролась с религией и беспощадно подавляла любые проявления национальной и духовной жизни. Исторические красивые синагоги Слуцка были конфискованы; еврейские лидеры вынуждены были бежать из города, чтобы избежать высылки в Сибирь; те, кому это не удалось, погибли от голода и издевательств в трудовых лагерях. Раввин Мельцер, попытавшийся остаться в Слуцке со своей йешивой, претерпел много трудностей, нужды и гонений со стороны советского и партийного начальства.

Благодаря своему упорному сопротивлению Слуцк стал символом неприятия хасидизма и в этом качестве вошел в еврейские предания.

В 1923 году ему удалось вырваться из России. Для еврейской общины Слуцка, духовно обнищавшей и лишенной былой славы, наступили последние двадцать лет существования.

Физическое уничтожение слуцкого еврейства нацистами в 1941 году красноречиво описывается следующем отчете немецкого окружного комиссара, отправленном в Минск. Этот секретный документ был оглашен в ходе Нюрнбергского процесса и включен в официальный отчет правительства США «Нацистский заговор и агрессия» (т. III).

Документ 1104-PS

Копия

Комендант Слуцкого района

Слуцк, 30 октября 1941 г.

Генеральному комиссару, в Минск.

Относительно донесения, сделанного по телефону 27 октября 1941 года, считаю своим долгом донести в письменном виде следующее.

Утром 27 октября около восьми часов утра обер-лейтенант 11-го полицейского батальона из Ковно, Литва, явился и представился адъютанту командира батальона полевой полиции. Обер-лейтенант пояснил, что полицейский батальон получил задание провести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течение двух дней. Командир батальона с подчиненным ему батальоном, насчитывающим четыре роты, две из которых состоят из литовских добровольцев, должен выступить туда, и акция должна начаться незамедлительно. Я ответил обер-лейтенанту, что в любом случае сначала я должен обсудить это со своим командиром. Примерно через полчаса батальон прибыл в Слуцк. Сразу по прибытии по моему требованию состоялось совещание с командиром батальона. Прежде всего я объяснил комбату, что будет неразумно приступить к акции без предварительной подготовки, поскольку все отправлены на работы, и что это приведет

Публичное унижение религиозного еврея в Слуцке, облаченного в тфилин. Трофейное фото, лето 1941 г. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos 1933–1945. Vol. 2. Part A, p. 1277

к чудовищной путанице. По крайней мере, он должен был сообщить мне об этом хотя бы за день. Поэтому я попросил его отложить это мероприятие на один день. Однако он отказался, заметив, что должен провести это всюду и во всех городах и что на Слуцк отведено только два дня. В течение этих двух дней город Слуцк должен быть очищен от евреев любыми средствами.

Я немедленно выразил решительный протест, заметив, что ликвидация евреев не может носить произвольный характер. Я объяснил, что значительная часть евреев, еще проживающих в городах, являются фабричными рабочими или членами семей рабочих. Заменить этих еврейских рабочих нелегко, поскольку они играют ключевую роль в хозяйственной жизни. Кроме того, я заметил, что фабричных рабочих-белорусов практически не существует, поэтому, если все евреи будут ликвидированы одновременно, закроются все жизненно важные предприятия. В конце совещания я сказал, что все рабочие и специалисты, являющиеся незаменимыми, имеют документы, удостоверяющие их личность, и их нельзя изъять с фабрик. Кроме того, было согласовано, что все евреи, все еще проживающие в городе, сначала должны быть помещены в гетто, чтобы отделить их — прежде всего семьи фабричных рабочих, чьей ликвидации я в принципе не хотел. Отделить их следует поручить двум моим подчиненным.

Командир не возражал против моих предложений, поэтому я пребывал в твердой уверенности, что акция будет проведена в соответствии с ними. Однако через несколько часов после начала акции возникли серьезные затруднения. Я отметил, что командир не соблюдает достигнутые договоренности. Вопреки нашим договоренностям, все евреи без исключения были изъятые с фабрик и из мастерских и вывезены. Правда, часть евреев были вывезены в гетто, где они были мной изолированы и подвергались соответствующему обращению, но большая часть были просто погружены на грузовики и ликвидированы без промедления за пределами города. Вскоре после полудня со всех сторон зазвучали жалобы, что фабрики не могут работать и что все еврейские рабочие были удалены. Поскольку командир отбыл в Барановичи, я обратился к заместителю командира, капитану, которого нашел после долгих поисков, и потребовал немедленно прекратить акцию, поскольку мои указания были нарушены и ущерб, нанесенный хозяйственной жизни, является невосполнимым. Капитан был очень удивлен и заявил, что получил от командира приказ очистить от евреев весь город, без исключений, так, как это происходило в других городах. Эта зачистка осуществляется из политических соображений, поэтому хозяйственные соображения никогда не имели никакого значения. Однако в результате моего решительного вмешательства к вечеру он остановил акцию.

Что касается самого проведения этого мероприятия, я должен с глубоким сожалением заметить, что оно граничило уже с садизмом. Во время акции город являл собою ужасную картину. С неопишуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и — особенно! — литовских добровольцев, евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы и на улицах груды валялись трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Помимо того что с евреями, среди которых были также и рабочие, обращались с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних тоже избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже не только действия против евреев. Это больше напоминало стихийное бедствие. Вместе со своими подчиненными я трудился весь день,

---

Вопреки нашим договоренностям, все евреи без исключения были изъятые с фабрик и из мастерских и вывезены.

чтобы спасти то, что можно было спасти. Несколько раз мне в буквальном смысле приходилось с помощью револьвера выгонять немецких офицеров и литовских добровольцев. Мои собственные полицейские также были задействованы для решения этой задачи, однако нередко им приходилось уходить с улиц из-за дикой стрельбы, чтобы их самих не застрелили. Общая картина была ужасной. В полдень на улицах стояло множество брошенных повозок, запряженных лошадьми, и я приказал городской администрации немедленно позаботиться об этих транспортных средствах. Позже выяснилось, что это еврейские повозки, мобилизованные вермахтом для доставки боеприпасов. Возчиков забрали прямо с повозок и увели, и никто не позаботился об их транспортных средствах.

При расстрелах за городом я не присутствовал. Поэтому ничего не могу сказать об их жестокости. Однако достаточно будет, если я укажу, что некоторым расстрелянным удалось выбраться из могил через некоторое время после того, как они были засыпаны. Что же касается хозяйственного ущерба, хочу заявить, что больше всего пострадало кожевенное производство. Там работали двадцать шесть опытных рабочих. Из них были расстреляны пятнадцать лучших специалистов. Остальные выпрыгнули из грузовика во время транспортировки и бежали. Семерых из них поймать так и не удалось. Сегодня фабрика едва работает. В колесной мастерской трудились пять колесников. Четверых из них расстреляли, и в мастерской остался только один. Не хватает и других ремесленников: столяров, кузнецов и т. д. Я до сих пор не смог получить точных сведений.

Выше я уже упоминал, что следовало пощадить семьи ремесленников. Однако сейчас, судя по всему, нет ни одной семьи, где бы кто-нибудь не погиб. Сообщения, поступающие отовсюду, ясно свидетельствуют, что в одной семье погиб сам ремесленник, в другой — его жена, в третьей — кто-то из детей. В результате практически все семьи разрушены. Представляется весьма сомнительным, что в сложившихся обстоятельствах уцелевшие рабочие станут проявлять какой-либо интерес к работе и сохранят необходимую производительность труда, тем более что и сегодня из-за проявленной жестокости они ходят избитые и окровавленные. Белорусы, которые полностью нам доверяли, совершенно сбиты с толку. Хотя они напуганы и не смеют высказать свое мнение, они, как стало известно, считают, что этот день не прибавил Германии славы и не будет забыт. Я полагаю, что во время этой акции было разрушено многое из того, что было достигнуто в течение последних месяцев, и уйдет много времени, прежде чем мы сможем восстановить утраченное доверие населения.

В заключение считаю своим долгом указать, что в ходе акции полицейский батальон предался чудовищному грабежу, причем не только в еврейских домах, но и в домах некоторых белорусов. Забирали все полезное: обувь, кожу, одежду, золото и другие ценности. По свидетельству бойцов вермахта, прямо на улице, на глазах у всех, у евреев снимали с рук часы и жесточайшим образом срывали с пальцев кольца. Майор финансового отдела сообщил, что у одной еврейской девушки потребовали немедленно принести пять тысяч рублей, чтобы ее отца отпустили. Говорят, что девушка обошла всех, чтобы собрать деньги.

В самом гетто несколько казарм, заключенных гражданской администрацией и мебелированных еврейской мебелью, были взломаны и разграблены. Даже в казармах, где расквартирована воинская часть, выломали

В заключение считаю своим долгом указать, что в ходе акции полицейский батальон предался чудовищному грабежу, причем не только в еврейских домах, но и в домах некоторых белорусов.

окна и двери, которые использовали для лагерных костров. Хотя во вторник я имел разговор о грабежах с адъютантом командира и в ходе него он пообещал мне, что ни один полицейский больше не войдет в город, несколько часов спустя я был вынужден арестовать двух вооруженных литовских добровольцев, поскольку те пытались грабить. В ночь со вторника на среду батальон покинул город и направился в сторону Барановичей. Судя по всему, жители были только рады, когда об этом узнали в городе.

Вот мой отчет. В ближайшем будущем я прибуду в Минск, чтобы еще раз лично обсудить положение. В настоящий момент я не намерен продолжать акцию против евреев. Во-первых, необходимо восстановить порядок. Надеюсь, что смогу сделать это как можно скорее, а также оживить хозяйственную жизнь, невзирая на все трудности. Прошу только об одном: в будущем любыми средствами держите этот полицейский батальон подальше от меня.

Карл»

Получив этот подробный отчет о жестокой и кровопролитной акции в Слуцке, генеральный комиссар, убежденный твердокаменный нацист, незамедлительно послал его своему вышестоящему начальству в Ригу, снабдив следующим примечанием:

«Секретно

Рейхскомиссару восточных территорий гауляйтеру Генриху Лозе¹⁰⁵³, Рига.

Пересылаю отчет коменданта Слуцка, члена партии Карла, с просьбой не оставить дело без внимания.

Где-то три недели назад я обсуждал слуцкую акцию против евреев с бригаденфюрером СС Ценнером, депутатом рейхстага, и потребовал покарать всех офицеров 11-го полицейского батальона.

Этот отчет я подаю в двух экземплярах, чтобы одна копия была отправлена рейхсминистру. Мир и спокойствие в Белоруссии невозможно поддерживать такими методами. Хоронить заживо тяжелораненых людей, которые затем выбираются из могил — настолько чудовищная жестокость, что об этом случае необходимо доложить фюреру и рейхсмаршалу¹⁰⁵⁴.

*Генеральный комиссар Белоруссии
Вильгельм Кубе»*

Из Риги отчет был отправлен министру в Берлин со следующей припиской:

«Берлин, рейхсминистру оккупированных восточных территорий.

Оригинал с двумя вложениями, с просьбой рассмотреть. Представляет собой необходимым, чтобы высшие инстанции приняли срочные меры.

По приказу рейхскомиссара восточных территорий

Вихман»

¹⁰⁵³ Генрих Лозе (1896–1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего рейха, один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд. В 1948 г. приговорен к десяти годам тюрьмы, в 1951 г. освобожден по состоянию здоровья. — *Прим. пер.*

¹⁰⁵⁴ Герингу. — *Прим. пер.*

Разумеется, с его стороны это была наивность: фюрер приказал, чтобы эти люди были убиты, и не беспокоился, как это будет сделано.

Известный британский историк, комментатор «London Observer» Эдвард Кранкшоу, процитировавший выдержки из этих документов в своей книге «Гестапо», отмечает: «Такое впечатление эта акция произвела на немецкого начальника, который в силу своей службы повидал к тому времени немало страшных вещей и был готов видеть евреев Слуцка уничтоженными до последнего человека, при условии, что его предупредят за день до акции, чтобы все было сделано организованно. Тем не менее он был так потрясен и возмущен происходившим, что после трехдневных размышлений не мог сдержать возмущения и осмелился обратиться через Геринга к самому фюреру. Разумеется, с его стороны это была наивность: фюрер приказал, чтобы эти люди были убиты, и не беспокоился, как это будет сделано».

УНИЧТОЖЕНИЕ СЛУЦКИХ ЕВРЕЕВ

Д. Млодинов

Накануне войны в Слуцке было около тринадцати тысяч евреев, в том числе беженцы из Польши, поселившиеся здесь после 1939 года.

Немцы вошли в Слуцк 27 июня 1941 года. Бывали случаи, когда немецкие солдаты убивали евреев, сказавших им что-то, что было им не по нраву. Прошел слух, что они хотят уничтожить всех евреев.

В течение первых семи месяцев евреи оставались жить в своих домах. Немцы гоняли их на тяжелые принудительные работы: прокладку дорог, строительство казарм и т. д. Во время работ их жестоко избивали плетью и резиновыми палками. С еврейского кладбища вывезли надгробия, которые пошли на строительство четырех казарм для немецких солдат.

Как-то в воскресенье в ноябре 1941 года¹⁰⁵⁵ в Слуцк прибыл литовский батальон, вызванный для уничтожения евреев. Часть из них окружила город, остальные ходили по домам и искали евреев. Всех найденных дома или на улице расстреливали на месте, имущество расхищалось.

В течение нескольких часов были убиты около пятисот человек. Большинству удалось спрятаться и спастись. После акции литовский батальон покинул город.

В январе 1942 года слуцких евреев перевели в два гетто. В одно согнали детей, стариков и нетрудоспособных, всего около тысячи человек. Это гетто находилось за городом. Второе, где было около пяти тысяч человек, находилось в центре города, в нем было около сорока домов. Оба гетто окружили колючей проволокой, по которой пустили ток.

Первое было ликвидировано в мае 1942 года. По словам местных жителей, всех евреев погрузили в грузовики, вывезли за город и расстреляли.

8 февраля 1943 года было ликвидировано второе гетто. 7 февраля его окружил отряд литовской полиции. 8 февраля литовцы вошли в гетто и принялись вывозить людей на грузовиках из города. Это сопровождалось

¹⁰⁵⁵ Русскоязычные источники называют другую дату. Например, согласно Еврейской энциклопедии, первая акция в Слуцке произошла 27 октября 1941 г. Вошедший в Слуцк батальон военной полиции, наполовину состоявший из литовцев, устроил избиение евреев, в ходе которого погибли около 500 человек. (<https://eleven.co.il/diaspora/communities/13850/>). — Прим. пер.

Башка Каждан,
погибшая в Минском
гетто вместе с мужем
Довидом Липицем
и детьми

издевательствами. Маленьких детей вырывали из материнских рук и убивали. Большинство евреев заставили лечь на землю и застрелили.

Однако около десяти евреев, сумевших припрятать оружие, открыли огонь по немцам и их приспешникам. Чтобы не допустить восстания, немцы решили поджечь гетто и сжечь его обитателей заживо. Они облили дома бензином и подожгли. В ходе пожара погибли почти все слуцкие евреи. Около двадцати пяти человек смогли прорваться сквозь колючую проволоку и присоединились к партизанам. Среди уцелевших были восемнадцатилетний Галансон и его мать тридцати пяти лет.

(Сообщение семнадцатилетнего Даниэля Млодинова, сына сапожника Биньомина. Даниэль бежал из города во время уничтожения слуцких евреев. Некоторое время он прятался в окрестностях Слуцка, выдавая себя за христианина, а затем перебрался в Белосток. Из архива «Яд ва-шем», № 11/317т.)

Из газет

«Кассель, Западная Германия, 10 августа 1960 г. Двое бывших немецких полицейских, арестованных несколькими месяцами ранее, сегодня признались, что принимали участие в убийстве около 700 евреев в городе Слуцке.

“В слуцкой кровавой бане евреев убивали, словно скот”, и это было 27 октября 1941 г. — так передают сообщение прокурора Роберта Хопке.

На скамье подсудимых — Франц Лехтролер, 69 лет, и Вилли Папенкорт, 51 год. Оба пояснили, что действовали по принуждению, по приказам. В убийствах участвовали два немецких полицейских отряда и один литовский.

Прокурор передал, что литовцы расстреливали мужчин, женщин и детей, а в это время немецкие полицейские отряды препятствовали побегу евреев. Обвиняемый Папенкорт заявил, что остановил бойню, потому что не мог больше на нее смотреть».

Чтобы не допустить восстания, немцы решили поджечь гетто и сжечь его обитателей заживо. Они облили дома бензином и подожгли.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ЕВРЕЕВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (отрывки из книги)

М. Каганович

«10 апреля группа под руководством Исроэла Лapidуса, насчитывавшая более двадцати человек, отправилась из минского гетто в Слуцк.

В апреле 1942 года боевая организация минского гетто послала две группы в Слуцк.

* * *

Миша Оцер, командир взвода в партизанском отряде им. Жукова¹⁰⁵⁶, взял в плен несколько немцев на шоссе Минск — Слуцк и расстрелял их.

* * *

Вайнберг, молодая активистка из Лодзи, в январе 1943 года совершила побег из трудового лагеря в Свержени и присоединилась к отряду им. Жукова, действовавшему в районе Копыля. Переодевшись крестьянкой, девушка несколько раз ходила в Слуцк в разведку, чтобы найти способ взорвать крупную лесопилку, поставлявшую на фронт строительные материалы. Блестяще выполнив задание, разведчица вернулась в отряд с подробным планом территории лесопилки.

В мае 1943 года Вайнберг получила задание взорвать электрическую подстанцию слуцкой лесопилки. Переодевшись крестьянкой, разведчица взяла с собой корзину с овощами, куда положила буханку хлеба, в которой спрятала взрывчатку. В пяти километрах от Слуцка девушку опознал крестьянин, сдавший ее немцам. После мучительных пыток и истязаний партизанку публично повесили в Слуцке».

В мае 1943 года Вайнберг получила задание взорвать электрическую подстанцию слуцкой лесопилки.

Письма из Слуцкого гетто

1

Дорогой брат Азриэл!

Ты хочешь знать подробности о смерти нашей матери. Я тогда не был в Слуцке, примерно два месяца спустя я вернулся в город. Мне рассказывают, что она находилась у родителей девушки, на которой я собирался жениться, но война поломала наши планы. Кроме родителей, у этой девушки было три брата. Несмотря на свое плохое состояние, они очень уважительно относились к нашей матери. Люди рассказали, что зачастую приходилось утолять голод только очистками от картошки. Большая часть людей умерла от голода.

Это было в понедельник, 27 октября 1941 г. Когда слуцкий еврей слышит слово «понедельник», его сотрясает дрожь, ведь слуцким евреям выпало пережить несколько понедельников, полных ужаса, пока их всех не унич-

¹⁰⁵⁶ Отряд, сформированный в декабре 1942 г. из взвода Новозыбковского партизанского отряда им. Щорса под командованием И. Ковалева. — *Прим. пер.*

тожили. Но было много наивных людей, которые верили, что им сохранят жизнь.

Множество евреев в Слуцке истребили по ничтожным поводам: один не выполнил какое-то распоряжение, на другого донесли и т. д. А разных распоряжений было много: 1) евреям запрещено было появляться на рынке и торговать друг с другом; 2) запрещено было ходить по тротуару; 3) евреи должны были ходить везде с остриженными волосами; 4) должны были снимать шапку перед каждым немцем; 5) должны были пришить желтые куски материи в форме звезды Давида на одежду спереди и сзади; 6) еврею не позволялось вести беседы с неевреем. Кто может сосчитать все эти абсурдные распоряжения? Но невыполнение их каралось смертной казнью.

До «того понедельника» еще не было гетто в Слуцке. Евреи и неевреи жили в городе там, где им хотелось.

За Выгодской улицей находились большие бараки, где до войны размещались наши военные. Вот в эти бараки нацисты загнали многих евреев, и Хана с детьми (две девочки и мальчик) были там. Мама с семьей оказалась на улице Монахова (где тюрма).

Здоровье у мамы никогда не было блестящим — как же она могла себя чувствовать в такие горькие дни? В пятницу перед «тем понедельником» прибежала рыдавшая Хана. Ее старшая девочка Хая купила на рынке яблоко, и ее схватили за этим «преступлением»... Утром следующего дня, в субботу, маме сказали, что всех евреев (т. е. и Хану с детьми) из бараков куда-то вывезли. Ни для кого не было секретом, что это означало смерть. После такой «хорошей новости» мама уже совсем слегла.

В понедельник, 27 октября 1941 г., когда евреев на рассвете начали хватать, они узнали, что весь город оцеплен немцами, вооруженными пулеметами и автоматами. На рассвете приехали большие грузовики — евреев хватили и бросали в них. Была неопишуемая паника. Люди разбежались, как мыши, и началась охота на евреев: стреляли в каждого, кто пытался убежать.

В понедельник, 27 октября 1941 г., когда евреев на рассвете начали хватать, они узнали, что весь город оцеплен немцами, вооруженными пулеметами и автоматами.

Памятник на могиле последних жертв гетто в Слуцке по ул. Монахова без упоминания евреев установлен в 1958 г. на добровольные пожертвования родственников. Фото 1999 г. из архива Раисы Тычины

Памятник в урочище Горовахе у д. Селищи Слуцкого района, установленный в 1951 г. и обновленный в 1998 г. за счет пожертвований евреев Слуцка и их земляков в Израиле и США. Фото 1998 г. из архива Раисы Тычины

Кровь залила улицы. Грузовики, заполненные евреями, отправились за город, в направлении Барановичей. Там уже были подготовлены могилы. Привезенных евреев расстреливали из пулеметов, забрасывали гранатами. Расстрелянных закапывали в землю, несмотря на то что немало было не убитых, а только раненых. Так все длилось до полудня. Днем приехал так называемый гебитскомиссар и распорядился, чтобы евреев больше не везли за город, а собирали в бараках на Выгодской улице.

Семья, у которой укрывалась наша мать, разбежалась и рассеялась. Одна девушка спряталась на печи, набросив на себя всякие тряпки, а мама лежала, мучаясь, в кровати. Ворвался нацистский солдат, вцепился в маму и приказал ей идти, но, увидев, что она не может сдвинуться с места, привел еврея и приказал ему, чтобы тот доставил ее на машине. (Это рассказала девушка, которая укрывалась на печи.)

Так евреев согнали в бараки. Мама лежала на полу целую ночь, кашляла и прощалась с жизнью. Не было даже капли воды, чтобы смочить ей пересохшие губы. Это мне рассказала родственница Лея, которая тогда осталась жить, а позже погибла со своими дочерьми и племянниками.

Наутро, 28 октября, пришла комиссия, которая начала сортировать людей на две группы, отправляя их направо и налево. Первым предстояло жить, вторым — умереть.

Нашей маме приказали идти налево. Осужденных на смерть отвезли за город.

2

Дорогой брат!

Я надеюсь описать, что нам пришлось пережить во время наших несчастий. Описать это невозможно, и все же я пытаюсь, как могу, выложить рассказ на бумаге.

22 июня началась война, и в 9 вечера враг уже бомбил Слуцк. Граница проходила всего примерно в 30 километрах от города, и 23–25 июня 1941 г. немцы бомбили Слуцк день и ночь. Город горел со всех концов, Заречная улица была вся в пламени. До нашего дома пожар еще не добрался. Наша мама сказала, что наша улочка не сгорит, потому что большой цадик однажды поклялся: до этой улочки не дойдет огонь. Мама и еще многие случчане в это верили.

Радио, телефон, железная дорога и электрическая связь не работали.

Первые дни мы не знали, что делается в мире, а лишь искали место, где бы спрятаться от бомб. Люди бежали в поля, в близлежащие окрестные деревни. Совсем оставлять Слуцк они еще не думали, т.к. не ждали, что немцы так близко у города. В последний день, когда увидели, что делается в мире, принялись бежать — кто в бобруйском направлении, кто в Минск.

Немцы, однако, их уже опередили, и большая часть тех, кто бежал, вернулись назад. Мы с мамой оказались в поле в первый день. Поскольку мама была больна, ей трудно было лежать на земле, и она попросила, чтобы ей хоть дали умереть в собственной кровати, в своем доме.

Когда мы вернулись домой, то дом уже не был домом. Из-за бомбежек стекла и рамы вылетели, куски стены висели «на честном слове». Мама сказала: «В конце концов, мы у себя дома, а не на голой земле». Я дал ей стакан теплого чая, и она стала меньше кашлять.

26 июня, выйдя из дома около 5 часов утра, я услышал сильную стрельбу, которая доносилась от железнодорожной станции. Мертвая тишина воцарилась в городе. Я сказал маме, что немцы уже в Слуцке и что я должен бежать, потому что иначе меня убьют. Мама спросила: «А что будет со мной?» Я ответил ей, что женщинам и детям немцы ничего плохого не сделают; я тогда действительно верил в это.

Уйти с мамой я не мог. Она страдала от одышки и каждые три шага должна была останавливаться, отдыхать. Горечь и тяжесть омрачали мне душу, но у меня не было выбора, и я оставил ее с пожилой еврейкой, соседкой, жившей на нашей улице, тоже больной. Я нашел еще соседей и знакомую девушку, попросил их уделять внимание маме, не оставлять ее.

С болью в сердце я решил уйти. Шел в направлении Мозыря через поля и леса, а не по шоссе, которое враг бомбил день и ночь. Его танки перерезали все пути сообщения с Минском и Бобруйском. В три часа ночи я пришел в Любань и даже оттуда видел, как горели Слуцк, Уречье, Старые Дороги и еще многие местечки и деревни. За следующие сутки я дошел до Копаткевичей, там еще все было в порядке, ходили поезда, мирное население могло эвакуироваться. Я отправился в мобилизационный пункт, оттуда меня послали в артиллерийское подразделение.

Два месяца мы оборонялись у Пинска, несмотря на то что Минск, Слуцк, Бобруйск, Смоленск и Гомель были уже захвачены врагом. Поскольку нам угрожало окружение, мы получили приказ отступить. Немцы нас бомбили, следуя по пятам. Люди гибли как мухи, и наши отряды были окружены.

В украинской деревне я обменял свою военную форму на старую рваную гражданскую одежду и решил пробиваться к своим. Десять недель я бродил по Украине — прошел пешком черниговские, полтавские, днепропетровские земли. Я преодолевал по 30–50 километров в день голодный, замерзший и завшивленный. В этих краях царил хаос: люди блуждали туда-сюда,

---

Первые дни мы не знали, что делается в мире, а лишь искали место, где бы спрятаться от бомб. Люди бежали в поля, в близлежащие окрестные деревни.

кто-то хотел прорваться за линию фронта, кто-то шел домой. Я проходил через поля и местечки, где немцы уже осели.

Везде я выдавал себя за христианина, потому что укрывательство еврея грозило смертной казнью. В деревнях немцы организовали полицию из русских предателей, и все же я вынужден был проходить через деревни, т.к. живому человеку необходимо что-то есть.

Однажды за мной увязались полицаи. Что мне было делать? Передо мной оказалась большая река. В ней плавали льдины, и я запрыгнул на одну, перескочил на другую... Не раз падал на колени, но достиг другого берега. Преследователи не могли так рисковать своей жизнью.

В другой раз полиция меня задержала и отвела к немецкому коменданту. Я откупился своими часами и небольшой суммой денег, которую имел при себе. Так я избежал верной смерти.

Я снова попытался искать способ, как пробиться назад домой. Где я ночевал, там не дневал, каждый день рисковал жизнью, не говоря о голоде и холоде. Меня снова схватили после трех недель блужданий и отвезли в лагерь для пленных в Конотопе. Это было открытое поле, огороженное колючей проволокой, а вокруг стояли немцы с автоматами. Тысячи людей лежали там без еды, без воды. Каждый день из лагеря вывозились десятки трупов, и во многих случаях у мертвецов были вырваны мягкие части тела. Вероятно, заключенные питались человеческой плотью. В сумрачную дождливую ночь я как-то ухитрился прорвать проволоку и снова бежал.

Десять дней спустя меня снова схватили и доставили в лагерь для пленных в Рогачеве.

И снова мне удалось вырваться из ада. Это было посреди декабря, я был почти голый, на ногах — пара рваных калош. Рваными были завшивленные штаны и куртка. Жизнь уже опротивела мне, я только надеялся, что, может быть, удастся прорваться в белорусские леса и присоединиться к партизанскому отряду. Моим ориентиром был Слуцк.

Каким-то образом, после больших страданий и без большой радости, я добрался до Слуцка.

Маму я уже не застал. В городе было много евреев, много хороших друзей, которые мне помогли. Кто-то дал мне пару башмаков, кто-то белье, кто-то пальто, штаны и т. д. Голодные люди делились последними кусками.

Большая часть евреев тогда еще не была замкнута в гетто, но когда я прибыл в город, гетто уже начали готовить. Собрали множество евреев города и окрестностей в квартале, где были синагоги. Этот район огородили высоким забором из досок и колючей проволоки. У ворот стояли вооруженные полицейские. Каждый еврей должен был иметь при себе паспорт, полученный у немецкой власти. Поскольку я такого паспорта еще не имел, меня боялись оставлять на ночлег. Мне пришлось спать на улице примерно десять ночей.

Было уже начало января 1942 г. Я получил чужой паспорт, ранее принадлежавший убитому еврею, и с этим документом жил все время.

В то время в Слуцке было уже два гетто, одно — для квалифицированных рабочих, второе — для остальных. Считалось, что в первом люди останутся жить, а во втором обречены на смерть. Я же полагал, что в конце всех евреев уничтожат.

Жизнь уже опротивела мне, я только надеялся, что, может быть, удастся прорваться в белорусские леса и присоединиться к партизанскому отряду. Моим ориентиром был Слуцк.

Я пытался немного отдохнуть после долгих странствий по России, набраться сил. Искал такую работу, чтобы, во всяком случае, не голодать. Тут мне действительно повезло, и я устроился в немецкий ресторан. Находиться в гетто, например, спать там, я боялся, потому что знал: это смертельно опасное место.

Повсюду был расклеен приказ, согласно которому еврей, обнаруженный вне гетто, подлежит повешению. И все же я не шел в гетто. В ресторане, где я работал, был разбитый подвал, полный воды, и вот я выбрал там более-менее сухое местечко, обложил его досками и соломой. Люди вечером шли домой, т. е. в гетто, а я улучал момент, залезал в подвал и проводил там ночь. Наутро опять выбирал время, когда никто не замечал меня, и выходил. Немцам, работавшим со мной, не приходило в голову, что я сплю не в гетто.

Так я проспал в подвале целую зиму. Когда потеплело, я спал на чердаке в конюшне у ресторана. Я был единственным евреем, работавшим в нем. Во дворе мужчины рубили и пилили дрова, а в ресторане женщины чистили картофель, варили, пекли разные блюда, мыли пол. Рестораном ведали немцы из Красного Креста. Моя работа заключалась в том, чтобы топить печи и согревать котлы, смотреть, чтобы дрова и вода подавались вовремя. Доверие ко мне было очень велико — я не только сам ходил сытый, но и еще помогал с едой многим друзьям, особенно семье, которая в свое время приютила маму. В этой семье было шесть человек. Немцы выдавали рабочим по 200 граммов хлеба на день, и если бы я не помогал этой семье, они бы умерли с голоду.

В ресторане имелось два радиоприемника, и в пять утра я тихонько слушал последние новости из Москвы, затем передавал их в гетто. Опасность была немалая, но это необходимо было делать. Немцы распускали слухи, что Москва и Ленинград уже взяты, а большевикам — «капут».

В 1942 г. партизаны уже давали о себе знать, и я искал связи с ними, чтобы уйти в лес. Однако мне это не удалось.

Ресторан находился на Пролетарской улице (Шоссейной). Когда-то там был клуб Крейнеса, и в распоряжении ресторана имелся ледник, находившийся на Хапашкинской улице. Ледник был покрыт крышей — так получился чердачок в три четверти метра высоты. Ни у кого не было доступа на этот чердак. Ключи от него были у меня, я поднял доску в потолке и так получил к нему доступ, начал складировать там харчи. Уложил около 4 кг сахара, 4 кг маргарина, 4 кг варенья, 4 фляжки рома (50 градусов), 4 кило риса. Хлеба я не имел возможности заготовить. Стояло летнее время. Я пытался установить связь с партизанами, но не преуспел, и лето миновало.

В ресторане я работал ровно год — с февраля 1942 г. до февраля 1943 г.

8 февраля, как обычно, я вылез из своего укрытия и взялся растапливать печи с котлами. Пришли русские женщины, работавшие рядом со мной, и рассказали, что немецкие отряды окружили гетто. Мне стало ясно, что они пришли уничтожать последних слущких евреев.

Гетто для неквалифицированных евреев немцы уничтожили, убив его жителей, зимой 1942 г. Долго не думая, я схватил из кладовки ресторана 10 буханок хлеба (по полкило в каждой) и побежал к своему схрону. Гетто злодеи подожгли со всех сторон, и те узники, которые не сгорели в нем, были расстреляны из автоматов. Десять дней после этого стояли вооруженные немцы и стерегли, не покажется ли еврей из укрытия. Кто показался, тот не ушел живым.

В 1942 г. партизаны уже давали о себе знать, и я искал связи с ними, чтобы уйти в лес. Однако мне это не удалось.

Единственным выходом было подождать, пока не потеплеет. Я просидел в своем схроне на чердаке до 15 апреля — почти три месяца.

Несмотря на то что я родился в Слуцке, я не был знаком даже с близлежащими деревнями и не знал пути к окрестным лесам. Идти по шоссе было очень рискованно. Единственным выходом было подождать, пока не потеплеет. Я просидел в своем схроне на чердаке до 15 апреля — почти три месяца. Ни одной живой души я не встретил, пока находился там. Хлеб я разрезал на тонкие ломтики. Первое время я ел больше, а потом дошел до 50 граммов в день, добавлял ложечку сахара, ложечку варенья, немного маргарина.

В большие морозы я выпивал немного рома. Обычно же для питья я брал из ледника кусок льда, рубил его на маленькие кусочки, брал их в рот и сосал. В сильные морозы мои ноги так замерзли, что с них слезала кожа. К счастью, я заблаговременно занес на чердак солому и ватное пальто, это меня немного грело, но когда я пытался ходить, то еле переставлял ноги. На чердачке можно было только сидеть или лежать.

Первый месяц я только лежал или сидел, затем мне пришло в голову, что так я вскоре не смогу ходить. Ночью я спустился в ледник и походил туда-сюда в течение получаса. Ситуация была опасная, потому что ледник находился в самом центре города. Вылезь я наружу, меня бы наверняка схватили. Я боялся, как бы не сойти с ума от одиночества. Чтобы убить время, я делал из дощечек шахматы (ножичек-то у меня был) и играл сам с собой по 5–6 часов в день. К счастью, у меня была также книга Толстого «Война и мир», и я установил себе норму, сколько страниц я должен прочитывать ежедневно. Читал слово за словом медленно, вдумчиво. Когда я прочел книгу, то начал ее заново. Карандашей у меня не было, и я делал пометки ножиком, чтобы знать день и дату месяца.

15 апреля я выполз из своей норы. Я решил выйти именно днем, потому что ночью был комендантский час и меня бы сразу же застрелили. Я подумал, что меня не узнают, ведь я ужасно зарос, у меня выросла огромная борода, и выглядел я лет на 60. Тем не менее многие меня узнали. Одна женщина побежала в жандармерию доносить, что в городе появился еврей. Во все концы города пустились искать меня, а я три часа просидел в городском парке и ломал голову, куда пойти. Это меня спасло.

В итоге я пошел куда глаза глядели, и шел четыре дня, пока не достиг леса. Я ел рис, запасенный на чердаке, готовил в консервной банке кашу. У меня было целых три спички, а когда они кончились, я по дороге нашел камешек и сделал фитилек из ваты, взятой из пальто. Стальным ножиком я высек искру из камня, разгорелся огонь.

Пять дней я блуждал по лесу, пока случайно не наткнулся на группу из семи партизан. Радостно было на сердце: свои, свободные люди. Вместе мы шли, ели, спали, добивались до партизанского отряда. В то время мне уже хотелось жить и мстить убийцам.

Так много пережито! Возможно ли это? Действительно ли все это — горькая правда? Стерта с лица земли слущкая община. Где они, слущкие евреи?

Сопrotивление

«В гетто содержались примерно 2500 евреев, в том числе пара сотен из окрестных местечек — Песочного, Бобовни и некоторых других. Режим был совершенно невыносимый, и ни одного дня не проходило без жертв,

без кровопролития и жутких криков-плачей. Мы тайно начали договариваться о сборе оружия, готовясь к вооруженному восстанию. Легко сказать “сбор оружия”, когда нам запрещена была связь с внешним миром! Но благодаря большой самоотверженности людей все-таки удалось кое-что собрать. У Эли Пекера был пулемет. Мы добыли винтовки, револьверы, ручные гранаты, во многих домах были выкопаны подземные тайники. Между тем делались и двойные стены, где можно было спрятаться в минуту опасности...

Гетто бурлило как котел. Посланники из местечка уже начали поглядывать в лес, и немцы явно что-то заподозрили... В марте 1942 г. вдруг приехали штурмовики, которые собрали 1200 человек и загнали их в Холодную синагогу. Там, во дворе, произошла первая ужасная резня: три дня длилась она, и почти все 1200 человек были расстреляны, только 11 из более молодых сумели убежать. Беглецы прорвались в лес и организовали маленький партизанский отряд. Они нашли оружие и взялись устанавливать связи с евреями, остававшимися в гетто. Было решено, что, как только в гетто начнется вооруженное восстание (о его точном дне и часе тогда еще не говорили), партизаны придут на помощь.

Еврейский партизанский отряд тем временем вырос численно и усилился. Кто были те первые 11 копыльских партизан? Студент Сосин, преподаватель минского университета Годл Журавицкий, железнодорожник Гозберг, сапожник Меер Вайнер, электротехник Хаим Менакер, заведующий районной заготконторы Лева Гильчик и другие.

Итак, лес ожил. Из гетто партизаны начали выводить все больше людей.

Очень скоро отряд под командованием Гильчика (начальником штаба был копыльский учитель Иче Беркович) насчитывал уже сотни вооруженных людей. Многие происходили из окрестных местечек и деревень. В Жалковском, Лавском и Старицком лесах появлялись все новые партизанские отряды. Объединяясь, они начали наносить сильные удары по немецким захватчикам: подрывать поезда, мосты, оружейные и продовольственные склады. Было уничтожено много полицейских и прочих предателей. Немецкие каратели взбесились и бросались из одного леса в другой, ища партизан, которые не на шутку напугали немецкое командование.

В гетто немецкие вандалы устроили жуткий террор. Не позволяли людям выходить из домов, каждый день брали заложников и расстреливали их. За одного партизана, Мнаше, которого немцы усиленно искали и не могли найти (как позже оказалось, он был из Польши), они расстреляли 40 евреев из гетто.

В один из дней прибыла в местечко специальная немецкая военная часть, вооруженная пулеметами и автоматами, и с неслыханной жестокостью начала ликвидировать гетто, как это уже делалось в других местах. Но немцы натолкнулись на то, что стало для них совершенно неожиданным. С чердаков, из подвалов, ям на них посыпался град пуль. Ко многим еврейским домам они долго не могли подобраться.

Смертью героя пал отважный и энергичный Эли Пекер. Он забаррикадировался в доме со своей женой и тещей. Установил пулемет на чердаке и оттуда без перерыва вел огонь по немецким мерзавцам и полицейским. В дикой ярости немцы облили дом Эли Пекера бензином и подожгли. К тому времени как дом, где героически погибла семья Эли Пекера, был охвачен пламенем, вокруг дома лежали убитыми 48 немцев.

Объединяясь, они начали наносить сильные удары по немецким захватчикам: подрывать поезда, мосты, оружейные и продовольственные склады. Было уничтожено много полицейских и прочих предателей.

Дом портного Зхарьи Кагана встретил немцев стрельбой из винтовок, то же их ждало возле дома Голдера Монуса, Мойше Кагана и других. Немцы привезли бочки с бензином, облили дома, и многие герои гетто сгорели вместе со своими женами и детьми. Из более чем 700 домов в Копыле тогда сгорело 500.

Свыше 70 евреев сумели прорваться в лес и соединиться там с партизанами».

(Рассказ партизана Аврома-Бера Шлеймовича, записан Айзиком Каганом, газ. «Эйникайт», Нью-Йорк, февраль 1947 г.)

* * *

«В Копыле евреи стреляли по немцам из домов. Копыльский резник Меер Вайнер спрятался в здании скотобойни и позже, уйдя в партизаны, сражался с винтовкой в руках. Он пал в одном из боев».

(По сообщению Ф. Новика, газ. «Моргн фрайгайт»¹⁰⁵⁷, 2 марта 1947 г.)

СЛУЦК ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

М. Гиндус

Морис-Гершон Гиндус — писатель и журналист, уроженец Слуцка. Первый американец, получивший в 1944 г. разрешение поехать в Белоруссию в качестве журналиста. Вошел в Слуцк вместе с наступающей Красной армией сразу после ухода немцев из города. Серию своих статей и заметок Гиндус опубликовал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн». Нижеприведенную статью Гиндус написал специально для этого мемориального сборника.

В середине ноября 1944 года я отправился на своем стареньком потрепанном «Форде» из Минска в Слуцк. Несколько минских чиновников, знавших Слуцк, вызвались сопровождать меня в поездке. Мы ехали по стране, опустошенной войной. То с одной, то с другой стороны шоссе виднелись почерневшие закопченные печные трубы — все, что осталось от цветущих деревень и городов. При отступлении немцы сжигали и взрывали все, что попадалось им под руку.

Мы ехали уже несколько часов, а Слуцк все не показывался. Мои спутники уверяли меня, что мы скоро приедем, что промахнуться будет невозможно. Слуцк — большой город, и, хотя дорожные указатели еще не восстановили, они были уверены, что мы непременно заметим его с шоссе. И тем не менее мы его не заметили. Мы проехали мимо и даже не обратили на него внимания. Только когда мы спросили старую крестьянку, согнувшуюся под тяжестью вязанки дров, далеко ли еще до Слуцка, выяснилось, что мы проехали лишних десять километров.

Проезжая по шоссе, мы не могли узнать город. Почему? Потому что Слуцк оказался самыми черными и страшными развалинами из всех раз-

¹⁰⁵⁷ «Моргн фрайгайт» (идиш) — «Утро свободы».

валин, которые я видел в разоренной войной России, а я, между прочим, видел Сталинград.

Мы въехали в Слуцк со стороны старой мельницы Гутцайта. По пути к базару мы заметили всего несколько зданий. Базар, где осенью была самая торговля, был практически пуст. Было странно, что на ноябрьском слуцком базаре не слышно гогочущих гусей, кудахчущих кур и хрюкающих свиней и не видно ни одного крестьянина с мешками и корзинами поздних осенних яблок и груш, которыми славились Слуцк и его окрестности.

Мне никогда не забыть тот шок, который я испытал, идя по Широкой улице. Я не узнавал самую красивую улицу города. Бульвар исчез — немцы срубили все деревья, и я не видел ничего, кроме пней, заросших бурьяном и травой. Практически все дома были разрушены. Лютеранская церковь¹⁰⁵⁸ с ее готической башней и часами, архитектурный ориентир Слуцка, покрылась трещинами, накренилась и, казалось, вот-вот рухнет. Когда-то прекраснейшее место в Слуцке превратилось в дикую тоскливую пустошь.

Копыльскую улицу следовало бы переименовать в улицу Бойни. Фактически, впрочем, никакой улицы больше не было, все здания были сровнены с землей. Однако на ней, окруженной колючей проволокой, евреи жили, а затем были убиты. Никто не мог мне сказать, сколько людей было расстреляно из пулеметов. Говорили, что избежать бойни удалось лишь немногим. Запутанная ржавая колючая проволока, которую еще не успели убрать, осталась единственной безмолвной свидетельницей Большого Погрома.

Слуцк был занят немцами через три дня после начала войны. Некоторые евреи бежали уже в первый день ее, как только услышали немецкие самолеты. Немногочисленные поезда, грузовики и другие транспортные средства были мобилизованы армией, поэтому спастись можно было только пешком. Три моих племянника, Рефоэл, Гершон и Шлойме Генделевичи, собрали свои семьи и отправились пешком вглубь России. Гершон в итоге дошел до волжской деревни, где и остался. Рефоэл и Шлойме, жившие и работавшие в пригородном колхозе, сумели добраться до деревни в Костромской области, где тоже вступили в колхоз. Бежав из Слуцка до прихода немцев, они спаслись от неминуемой гибели.

Согласно сведениям, полученным от партийных и советских официальных лиц, не больше ста еврейских семей успели уйти из города и рассеялись по всей стране. Никто не мог сказать мне, кто эти люди и где они в конце концов поселились.

Прочие евреи остались в Слуцке. Они не верили, что немцы такие злодеи, какими их рисовали. Они считали, что как-нибудь смогут с ними договориться и нормально жить и работать при них. Они не могли и представить себе, что немцы хладнокровно убивают мужчин и женщин, не говоря уже о детях. Это была величайшая ошибка наших братьев не только в Слуцке, но и во всей Европе.

Заняв город, немцы на первых порах не проявили особой жестокости по отношению к евреям. Им было предписано выбрать представителя, который будет говорить от имени общины с немецким комендантом. На эту роль был выбран адвокат Чипчин. Первые несколько недель казалось, что он смог договориться с новыми хозяевами Слуцка. Когда начались репрес-

---

Никто не мог мне сказать, сколько людей было расстреляно из пулеметов. Говорили, что избежать бойни удалось лишь немногим.

---

¹⁰⁵⁸ Видимо, имеется в виду кальвинистский собор на ул. Широкой. Лютеранская церковь находилась на Саксонской. — *Прим. пер.*

Евреи чувствовали, что оказались в западне. Тем не менее лишь очень немногие попытались бежать.

сии, он снова и снова заявлял протест. Настал день, когда немцы созвали общее собрание евреев, якобы для того, чтобы дать им возможность открыто высказать свое недовольство. Первым вызвался говорить Чипчин, однако не успел он сказать и двух слов, как немецкий офицер выхватил револьвер и застрелил его. Это был первый случай убийства еврея в Слуцке.

Еврейская община была напугана. Они поняли, что черт даже еще страшнее, чем его малюют. Евреи чувствовали, что оказались в западне. Тем не менее лишь очень немногие попытались бежать. Некая женщина по фамилии Мишалова не испугалась нацистов и ушла из города с двумя своими детьми. Ей удалось достать фальшивый паспорт, а светлые волосы и голубые глаза оградили ее от излишнего внимания нацистских патрулей. Еще три еврея, братья Неймарк, сумели уйти в русский тыл. Так спаслись еще несколько счастливицев, хотя никто не смог назвать мне их имена.

Слуцк был окружен сильной партизанской армией, и немцы так боялись партизан, что очень редко пользовались даже главными дорогами. Я побывал в нескольких деревнях в глухих местах, где уцелели куры и гуси, хотя их мясо немцы, как известно, обожают. Несколько молодых слуцких евреев присоединились к партизанам и спаслись. К тому времени, когда я приехал в Слуцк, все они были мобилизованы в Красную армию и находились на фронте, так что я никого из них не видел.

Однако почему не сбежали к партизанам другие евреи, прежде всего молодые? Оказавшись у партизан, они были бы в безопасности, если бы, конечно, не погибли в бою или не стали жертвой партизанского антисемитизма. То, что среди партизан было много антисемитов, никто в Слуцке не отрицал. Однако мэр города, бывший командир партизанского отряда, уверял меня, что евреи, служившие под его началом, очень редко страдали от антисемитизма и что он строго наказывал бойцов, обижавших своих еврейских товарищей по оружию. Кроме того, в отряде евреи были вооружены не хуже неевреев и могли постоять за себя. Тем не менее не только в Слуцке, но и во всей Белоруссии относительно немного евреев присоединились к партизанам. Меер Хандлер, работавший в Москве корреспондентом «Нью-Йорк юнайтед пресс», ездил в Пинск примерно в то же время, когда я был в Слуцке. Вернувшись в Москву, мы сравнили наши записи. Из Пинска он привез такую же печальную историю, как я из Слуцка, Минска, Погоста и нескольких других белорусских городов, — очень мало евреев связали свою судьбу с партизанами. Почему же они этого не сделали?

В Слуцке я познакомился с плотником по фамилии Попов. Он рассказал мне, что как-то вечером во время оккупации жена еврейского парикмахера Мельника ворвалась к ним в дом, умоляя спасти ее детей. Попов пошел к ней домой, забрал трех ее детей и привел их к себе. Он прятал их около недели. Поскольку держать евреев у себя дольше было опасно, мать забрала детей домой. Попов умолял ее бежать вместе с ними к партизанам. Будучи одним из слуцких подпольщиков, он предложил помочь семье попасть на партизанскую территорию. Но мать отказалась, сказав: «Будь я одна, я бы попыталась. Но с детьми у меня ничего не выйдет, а без них я не уйду». Несмотря на все уговоры и убеждения Попова, она так и не последовала его совету. Вскоре после этого женщина и ее дети погибли.

Было много случаев, когда кто-то один из членов семьи мог бы спастись, бежав к партизанам. Однако эти люди не хотели бросать остальных. Поэтому отцы и матери оставались с детьми, а сыновья и дочери — со сво-

ими родителями. Немецкий террор сплотил еврейские семьи. Они предпочитали погибнуть вместе. В результате все они так и остались на Копыльской улице, за колючей проволокой.

Послесловие к очерку М. Гиндуса

Раввин Н. Ваксман

Во время разговора с господином Гиндусом, состоявшимся после получения приведенной выше статьи, я попросил его вспомнить, не видел ли он какие-либо следы многочисленных слуцких синагог, и прежде всего Большой синагоги, стоявшей посреди синагогального двора и считавшейся древней белорусской достопримечательностью, о которой ходило множество легенд. Я также спросил о еврейском кладбище на Заречной улице, где обрели покой несколько всемирно известных еврейских праведников и знатоков Торы. Господин Гиндус ответил, что видел кладбище и что его ограда находилась в очень запущенном состоянии, но не была полностью разрушена. Что же касается синагог, он не помнил, чтобы видел или слышал что-либо, связанное с ними, в тот день, когда был в Слуцке. Разумеется, эта тема интересовала и самого господина Гиндуса, когда он писал свою статью.

Позже, в ходе беседы с Рохл Пигольц, уроженкой Слуцка, во время нацистской оккупации жившей в городе с июня 1941 года до июля 1942 года, когда ей удалось присоединиться к партизанам, я наконец узнал, что случилось с синагогами. По словам Рохл, все слуцкие синагоги давно были заняты советскими учреждениями. В Холодной синагоге с середины двадцатых годов была пекарня, так что молодежь совершенно забыла, что прежде это был дом молитвы. Кроме того, в июне 1941 года, когда нацистские самолеты бомбили Слуцк, синагога оказалась в числе первых разрушенных

Морис Гиндус выступает в Нью-Йорке перед собранием, посвященном памяти слуцких жертв (февраль 1952 г.). Сидят (справа налево): раввин Цви-Йегуда Мельцер, Биньомин Сейман, Молли Эпштейн, профессор Файвл Мельцер и д-р Авром Бунин

Рисунок мальчика Хаима Русака, пережившего Катастрофу и поселившегося в Израиле. Его отец, советский офицер Авром-Ицхок, пал в боях с нацистами около Бобруйска

зданий. Поэтому, когда господин Гиндус побывал в Слуцке после того, как город снова заняли русские, он не мог ни увидеть каких-либо следов синагоги, ни узнать о ее судьбе.

РАЗРУШЕНИЕ СТАРОБИНА

Х.-С. Ровнич

Примерно через семь дней после того, как немцы напали на Россию, гитлеровские банды вошли в Старобин. Первой жертвой их вторжения стал Йосл, сын Исера, второй — Янкл, внук Довида, который защищался от них и избил их солдата.

Сперва собрали они все евреев из района рынка в определенном месте, где была бойня, и там убили. Затем они собрали большое число местечковых евреев на Слуцком шоссе, завели их в Козьегорский лес и там замучили. Часть евреев оставалась в местечке, и ночью, когда было темно, многие бежали в Слуцк, Погост и окрестные местечки. Среди оставшихся немцы отобрали 20 ремесленников: это были Гройнем-портной, Герцл-мясник и еще некоторые. Их задачей было научить своему ремеслу местное население. Активными помощниками немцев оказались бывший староста Володя, а также Аксентий Карпович. Они стали большими начальниками и гонителями еврейского населения. Пожилой староста, считавшийся одним из самых авторитетных людей среди местных неевреев, и сын фельдшера Карповича, который вообще зарабатывал только благодаря евреям, оказались нашими худшими врагами и убийцами. Они помогли уничтожить всех евреев, за исключением 20 ремесленников, которых немцы оставили. Этим ремесленникам сохранили жизнь на год, а затем их тоже уничтожили.

Из тех, кто сбежал в леса, остались живы: Шмулик Писаревич, внук Боруха-Калмена Садовского, Ѓиршл Шверциновский, сын Янкла-Эли и моей сестры Сорки, Сендер Менке, внук Шай-Авремла, Ареле Хинич, сын Исроэла Мехнивичера, Авремл Привишиер со своими двумя детьми, Исролик Каплан, сын Арче-балаголы.

Мы организовались в партизанский отряд вместе с неевреями, база наша была в лесу возле деревни Доминовичи на Полесье. Первое время у нас было недостаточно оружия — на сотню человек считанные винтовки. Еду и одежду мы добывали во время ночных набегов на деревни. Позже, когда число партизан выросло, нам стало легче. Наше первое организованное нападение на немцев произошло на пути к Погосту, мы атаковали близлежащее имение, уничтожив там коменданта с его штабом. Затем мы подожгли двор. В операции отличился старобинский партизан Шмулик Писаревич. Также во время нападения первой жертвой среди партизан стал Йедиद्या Раппопорт, сын Йерахмиэла-столяра, который прежде жил в деревне под Старобином. После операции мы раздобыли больше оружия и увеличили наш отряд. Захват оружия позволил нам уменьшить число еврейских жертв. Наши товарищи гибли от рук местных жителей.

Помимо Шмулика, из старобинских партизан отличился Ареле Хинич. Благодаря его удачным советам, которые он дал партизанскому командиру, наш отряд был увеличен и укреплен. Один из его самых мудрых советов был следующий: после наших нападений на деревни нам следует забирать с собой местных жителей, чтобы их семьи соединялись с партизанами. Так мы продержались до конца 1942 г., а когда партизанские отряды были укрупнены, начали рассчитывать с немцами. Мы вели партизанские бои до 1944 г., когда наш район был освобожден от немцев. Тогда я вернулся в Старобин, но евреев там не обнаружил. Слуцкая улица, рынок, Поварчицкая, Крапилянка были разрушены. От большой, длинной Слуцкой улицы осталось два дома — Сендера Хинича и Зямы-сапожника. От кладбищ вообще ничего не осталось. Со старого кладбища большевики забрали памятники, а на новом их уничтожили немцы. Лишь кое-где стояли разбитые могильные камни.

Подобным было разрушение во всех окрестных местечках, и то же самое можно было видеть в Слуцке. Главным образом немцы уничтожили там центр. От большого школьного двора ничего не осталось, а прежде там было гетто. От Слуцка остались Выгодская улица и боковые переулки вокруг Колонии. Частично дома в Слуцке и окрестных местечках растащили неевреи из деревень. Дом моего папы я обнаружил в деревне Поварчицы. Старобинские партизаны вернулись в местечко, а затем вернулись те считанные евреи, которые выжили в Белоруссии. Также и в Слуцке собралось до 300 евреев. В одну из моих встреч в Слуцке с Исроэлом, сыном Арчика, как обычно подвыпившим (он заливал свое горе), мы гуляли по Хапашкинской улице. Вдруг Исролик встретил свою дочь, еще совсем юную. Она бросилась к нему с истеричными возгласами: «Папа, папа!» Но как она уцелела и попала на эту улицу?.. Она рассказала следующее. Когда немцы взяли Слуцк, в городе были беженцы из всех местечек. Из Слуцка немцы гнали толпы евреев и по дороге их убивали. Однажды, когда немцы собрали группу из пятисот детей и погнали их по Старобинскому шоссе, чтобы замучить по дороге, крестьянская семья из близкой деревни тайком вытащила ее из этой толпы и взяла к себе домой. Семья содержала ее как свою дочь. Так и длилось до того случая, когда она встретила со своим отцом. Но рас-

---

Первое время у нас было недостаточно оружия — на сотню человек считанные винтовки. Еду и одежду мы добывали во время ночных набегов на деревни.

ставаться со своими спасителями она не хотела. У этих крестьян не было детей, они воспринимали ее как своего ребенка, да и она к ним привязалась как к своим родителям. В конце концов Исролик тоже переселился к ним, чтобы быть вместе со своей дочкой и ее спасителями.

Так я скитался в одиночестве и печали, потеряв всю свою семью — жену, детей. Затем я оставил Старобин; как бывший гражданин Польши (перед войной) я пустился в путь и прибыл в Израиль.

(Записано Р. Ривиньм)

ПИСЬМА ИЗ СЛУЦКА И ЛЮБАНИ

Из Слуцка

Примечание от редакции. *Первое письмо рассказывает о бойне в Слуцке. Дядя Леи Флейшер опубликовал другое ее письмо в нью-йоркской еврейской газете. По этой причине Авром Майзель написал женщине и задал ей вопросы о своих родственниках в Слуцке. Это письмо — ответ на его запрос.*

«Слуцк, 19 февраля 1946 г.

Уважаемый незнакомый друг!

Ваше майское письмо получено в феврале... То, о чем Вы просите, мы сделали. Я и мой муж Ваших родственников не знали, но, имея Ваше письмо, спросили у людей, тех евреев, которые знали Вашу семью.

Ваш брат со своей семьей уехал из Слуцка — и они живы. Они попросили знакомых, чтобы те выслали им разрешение вернуться в Слуцк. Но поскольку сейчас зимнее время, а в Слуцке недостаток жилья, им не разрешили вернуться в город до мая...

Ваша сестра с ее мужем и детьми, к сожалению, погибли. Они еще были живы до 8 февраля 1943 г. Тогда погибли все оставшиеся слуцкие евреи.

Муж Вашей сестры был портным-специалистом, а такие евреи использовались вплоть до последнего погрома.

Кривавой бойни избежал один еврей, Берл Колбасник, тоже портной. Он рассказывает, что работал с Вашим деверем до последнего момента. Я живу в одиночестве, из большой семьи здесь осталась я одна. Но недавно отыскался еще мой несчастный брат, он потерял свою жену с пятью детьми, невестку и двух маленьких внуков.

Он живет за сорок километров отсюда, мы часто встречаемся и вместе горюем.

Прошу Вас, чтобы Вы поговорили с моими родственниками и сказали им, чтобы они не забывали нас и время от времени писали. Это наше единственное утешение и надежда, получать добрую весточку издалека.

Заранее благодарна, Лея Флейшер».

Из Любани

«Вам не представить, что мы, несчастные еврейские дети, пережили от немцев. Когда началась война, мы, я и Хава, были в Минске. Пять дней спустя восемьдесят самолетов бомбили город. Никогда бы я не поверила, что мы можем такое пережить. В Любани нас уже оплакивали... Когда немцы взяли Минск, начались такие бедствия, что трудно и вообразить. Пару дней я не выходила из дома, так я боялась видеть их бандитские рожи, но желудок вынудил идти искать еду — был ли у меня выбор? И мы пошли...

Мы спокойно прибыли в Любань и сообщили о себе всем: дорогому папе и любимой маме, Хаиму, Ципоре, Хаве с двумя детьми и остальным нашим родным и знакомым, о которых теперь можно сказать “да покоятся с миром”. Радость наших родителей от встречи с нами была непередаваемой, но она продолжалась недолго, потому что в Любани вскоре началась реализация кровавой программы немецких убийц, которую они осуществляли руками полицаев. Последние сыграли большую роль в судьбе любанских евреев.

В начале августа 1941 г. карательный отряд немцев схватил больше 200 мужчин-евреев и уничтожил их возле деревни Костюки в ямах. Никто из оставшихся в живых не поверил, что людей убили, и даже через пару дней, когда раскопали трупы, никого из убитых не опознали. Между собой решили говорить, что их просто увезли на работу. Понятно, что тела никому не были выданы.

Оставшиеся в местечке, в том числе и мой дорогой папа Берл, прятались, потому что боялись показываться бандитам на глаза. Целыми днями лежали в ямах, глубоко в земле, фактически похоронили себя заживо, потому что ни один луч солнца туда не доходил. Перед наступлением ночи вылезали, чтобы немного воздухом подышать, и снова забирались в норы, словно кроты. Однако надежда и воля к жизни оставались сильными...

Среди первых в августе погибли Яков-резник, Ѓешл-меламед, резник из Польши и многие другие. Вообще жители местечка сильно тряслись от страха, потому что немцы вместе со своими цепными псами-полицаями могли каждую минуту прийти с обыском, забрать последние вещи, еду, избить нас. Короче говоря, с каждым днем становилось хуже в этой короткой и несчастной жизни...

Так тянулись дни, пока мы не дожили до высшей ступени их кровавой расправы. Они распорядились, чтобы все евреи были собраны в гетто, которое находилось на самых красивых улицах местечка, за рынком. Мы с Хаимом тогда решили переселиться в дом Ѓерцла, сына Идла (он сам к тому времени был уже мертв...) Нас огородили колючей проволокой, и ни один еврей не имел права выходить за ворота... Ой, какие же темные тучи висели над нами! Казалось, что солнце ушло навеки... И мы не сильно ошибались — для нас, несчастных, солнце уже не взошло. Тяжесть положения увеличивалась с каждой минутой, и еще потребовали, чтобы евреи ходили на работу. Они должны были идти, потому что был еврейский староста Борух Малин (вы помните его?), и он распределял работу. Тогда уже трудно было прятаться. Долго такое положение не могло продолжаться.

Восьмого ноября погиб мой горячо любимый отец, дядя Исроэл и еще пятьдесят евреев с детками. У меня и сейчас перед глазами папа, как он за-

---

Оставшиеся в местечке, в том числе и мой дорогой папа Берл, прятались, потому что боялись показываться бандитам на глаза.

Берл и Эстер-Рохл
Львовичи (родители
Фани)

канчивает молиться и подносит ко рту кусок хлеба... Навсегда сохранилось в моей памяти его лицо, каким я его видела в последний раз.

8 ноября, суббота... Крики евреев «Шма, Исроэл»¹⁰⁵⁹ и по сей день отзываются у меня в ушах. Я не знаю, как вы не слышали, как Небо промолчало, стерпело такие безжалостные акции насилия... Мне тяжело писать подобные вещи, может быть, вообще еще рано рассказывать, потому что я не знаю, кто сможет прочесть этот жуткий рассказ. Мне хочется верить, что моя дорогая бабушка, дядя Йосеф и Липа с женами и их дети, а также Мотл, сын Хаима, со своей женой и детьми, живы и ждут от нас несколько слов... Мне не хочется допускать никаких плохих мыслей — мы уже достаточно пострадали... Поэтому позвольте мне продолжить.

Мои дорогие! После ужасной трагедии местечко погрузилось в отчаяние. День за днем люди ждали смерти. Уже невозможно было терпеть беды, так что ждали скорейшего от них освобождения, на которое мы тоже не имели права. Каждый прожитый нами день ощущался как приближение к смерти. Жизнь настолько опротивела, что смерть казалась уже более привлекательной и необходимой. Мы думали о смерти как о средстве, благодаря которому можно избавиться от больших несчастий. Таким было настроение большинства, поэтому евреи каждое наказание, контрибуцию и другие действия убийц переживали спокойно, без всяких протестов... Бежать из местечка было невозможно. Во-первых, бежать было некуда — еврею нигде не было места; во-вторых, за одного еврея, который ушел бы из местечка, растерзали бы сотню других... Короче говоря, приходилось принимать «плату», как положено... Я должна сократить свое письмо, а еще много о чем надо написать.

Мои дорогие! Я представляла себе, что всех этих бед не было. Так нам, в страхе и голоде (не позволялось держать запасы еды больше чем на пару дней), удалось выживать после жуткой смерти моего отца почти месяц. Хаим тогда еще был жив. В четверг, 4 декабря 1941 г., в 11 часов утра снова приехал карательный отряд бандитов, и после этого не осталось ни одного еврея. Евреи гибли сотнями при ужасных обстоятельствах: больных рас-

¹⁰⁵⁹ «Шма, Исроэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Слушай, Израиль» — слова одной из основных молитв, которые желательно успеть произнести перед смертью.

стреливали в кроватях, кого-то хоронили живьем, кого-то укладывали в яму вверх лицом, и с застывшим сердцем они смотрели на убийц, которые вскоре лишали их воздуха, наполненного еврейской и нееврейской кровью.

Сейчас, когда я снова вернулась в местечко и мне рассказали обо всем еще подробнее, я пошла туда, где лежат более тысячи человек. Место заросло травой, и лишь кое-где валяется полусгнившее тряпье. Это за местечком, там, где дорога на Таль, возле здания машинно-тракторной станции.

После жуткого погрома спаслась лишь горстка евреев, но они тоже погибли за два с половиной года блужданий. Я, Хава и мама забрались далеко в болота (Загальские) в том же районе. Там редко бывали немцы, и на болотах поселились партизаны, которые выживали с большим трудом. Среди партизан оставалось несколько евреев. Ужасное время тянулось и тянулось, пропала уже последняя надежда. Все же, когда летом 1943 г. русские перешли в контрнаступление, надежда стала большей, а настроение — более бодрым. Фронт в январе 1944 г. стоял возле Мозыря, то есть недалеко от Любани, однако, несмотря на это, наше положение еще ухудшилось. Фронт приблизился, а немцев с полицией было полно в каждой деревне и в лесу. Нам пришлось покинуть деревню и жить на болоте. Можете себе представить, что с февраля 1944 г. и до прихода Красной армии, то есть до 30 июня, мы не видели никакого дома, жили в снегу и под дождем... Но это было бы еще ничего, если бы немцы не совались в болото. Представьте себе, что 2300 собак окружили Загальские болота со всех сторон и контролировали каждую деревню, каждый куст. Тут-то и произошло самое страшное... Мы навсегда простились с нашей дорогой матерью. С немецкого поста нас заметили и открыли огонь. Мама, как мы узнали позже, не успела выдернуть ногу из запутавшихся веток... Столько бед мы пережили, и все же не уберегли ее. В апреле, 12-го числа, в среду, мамы уже не стало. Сколько мы потом ни искали ее, все было напрасно. Так мы остались сиротами.

Мама оттуда, то есть из деревни, написала вам письмо. К нам прилетали аэропланы, но никакого ответа не привезли. Много раз она говорила, что если бы вы знали о нас, то захотели бы послать специальный самолет... Я знаю, что насчет вас она не ошибалась.

О дяде Хаиме и его семье до возвращения в Любань у нас не было никаких известий, потому что Хаим тогда решил идти в деревню Шипиловичи, к знакомому крестьянину. А для нас идти с ним значило бы вешать на него слишком большой груз. Поэтому вышло так, что субботней ночью 6 декабря мы с ним расстались навечно. Позже я слышала, что Хаим умер в Шипиловичах, задохнувшись в подвале от угара, а Ципора с Хавой погибли позже. Никаких точных сведений — как, где, у меня нет. Все то время, когда мы жили в Любани, они жили у нас в доме, потому что местность вокруг их дома всегда кишела немцами.

На сегодня хватит. Я могу вам еще написать, что от наших Леи, Хаи-Фейгл и Симхи было письмо. О нашем Мотле с 1942 г. Лея не имеет никаких известий. Пока ничего неизвестно и о Гиршле. Фейгл с Симхой ничего о нем не помнят. А вообще я не знаю, как это все можно было перенести! Как это все пережить и не разорвать себе сердце?

Я нашла себе работу, пока что бухгалтером в строительной бригаде в Любани. Домá, наш и Хаима, были снесены. Одни мы остались — разбитые, убогие. Никто из любанских евреев больше сюда не вернулся. Кроме нескольких семей в эвакуации, осталось 14 человек. Кроме меня и Хавы,

---

Ужасное время тянулось и тянулось, пропала уже последняя надежда. Все же, когда летом 1943 г. русские перешли в контрнаступление, надежда стала большей, а настроение — более бодрым.

осталась дочь старого Янкла-слепца, Хава-Двойра, племянница Нехи-сумасшедшей, и еще несколько, которых вы не знаете: Двойра и Хаим Рухавер, Алтер Монес, Янкл Беркович и еще пара семей. Мы сейчас, понятно, голые и босые, и нет надежды, что прилично оденемся. Уже три дня идет дождь без перерыва. Почта еще работает плохо. Я должна заканчивать, простите, что так много написала. Может, вам покажется, что тут кое-что преувеличено, но я вам клянусь, что чистая правда еще более горькая.

Никак не могу с вами попрощаться, потому что сейчас вы единственные друзья, на которых мы надеемся, и только расстояние нас разделяет. Сердечный привет от Хавы и всех оставшихся евреев. Жду подробного письма.

Фаня».

СЛУЧЧАНЕ И ЧЛЕНЫ ИХ СЕМЕЙ, ПОХОРОНЕННЫЕ В СТРАНЕ ИЗРАИЛЯ

ПОГИБШИЕ ЗА СВОБОДУ ИЗРАИЛЯ

Нох Имерман

Сын пекарши Темы. Кто в Слуцке не знал Тему и не слышал ее имя? Это была энергичная женщина, помогавшая беднякам и щедро жертвовавшая на благотворительность (как явно, так и тайно, чтобы никто не узнал). Ее сын Нох учился в йешивах Слуцка и Слободки, затем поступил в хевронскую йешиву¹⁰⁶⁰, где считался одним из лучших учеников, отличавшимся глубокими познаниями в Торе.

Был убит во время хевронского погрома 1929 года в возрасте тридцати двух лет, у него остались жена и трое детей, переехавшие в Иерусалим.

Семья Боруха Домнича

В 1925 году Борух Домнич уехал из Слуцка в Эрец-Исраэль вместе со всей семьей. Один из первых членов «Ге-Халуца» и группы «Зифзиф»¹⁰⁶¹ в Акко. Затем семья переехала в Реховот, а в 1932 году поселилась в поселке Гиватон.

9 адара 1939 года на поселок напали арабы из соседней деревни. Дом Боруха Домнича, стоявший на краю поселка, показался им легкой добычей. Погромщики зверски убили его сорокадвухлетнюю жену Мину, дочь р. Якова Поляка из Слуцка, семнадцатилетнего сына Йерахмиэля, служившего в «Гагане», десятилетнего Хаима и восьмилетнего Имануэля.

Из всей семьи уцелели только дочь Боруха Гадаса, находившаяся в тот день в кибуце Гиват-Бренер, а также сам Борух, лечившийся в это время в больнице после тяжелой дорожной аварии.

¹⁰⁶⁰ Йешива, созданная в 1924 г. в Хевроне, куда переселились главы и сто пятьдесят учеников йешивы «Слободка». После погрома 1929 г. она переехала в Иерусалим. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶¹ *Зифзиф* (иврит) — грубый морской песок с примесью ракушек, используемый в строительстве. Так называлась одна из двух групп халуцим, прибывших из Одессы (вторая называлась «Даягим» — «Рыболовы»), поселившаяся в Акко. Рабочие группы «Зифзиф» добывали морской песок на берегу моря и нагужали на ослы, доставлявших его до железной дороги, по которой он поставлялся в Эмек-Изреэль. — *Прим. пер.*

Семья Боруха Домнича

Авром Воскобойник

Сын Иццока и Иды Воскобойник (в девичестве Плисецкой) из Слуцка, уехавших в Эрец-Исраэль в 1925 году. Авром был красивым и очень старательным юношей. В семнадцать лет он окончил гимназию им. Ахад-га-Ама в Петах-Тикве. Во время беспорядков 1936 года добровольно вызвался охранять одну из апельсиновых плантаций и пал от рук арабских убийц во время дежурства.

Носн Зельдес

Родился в Слуцке в 1897 году. Родители — Файвл и Хая Зельдес, состоятельные люди, владевшие скобяной лавкой. Они воспитывали своих детей в духе еврейской традиции и Гаскалы.

Носн с детства мечтал уехать в Страну Израила и учиться в гимназии «Герцлия» — первой гимназии с преподаванием на иврите в Эрец-Исраэль. Его мечта сбылась — в 1911 году его приняли в эту гимназию.

После того как Носн пал в бою, защищая Иерусалим, его товарищ Гилел Ландесман писал:

«Мы познакомились с Носном в Одессе, по дороге в Эрец-Исраэль, в 1913 году. Родители послали его из Слуцка в Страну Израила учиться в йешиве р. Хайма Черновица, известного как Рав Цаир¹⁰⁶².

Носн прекрасно знал улицы и пляжи Одессы, он стал нашим проводником: водил нас по городу, привел в клуб палестинофилов, познакомил с поэтом Хаимом-Нахманом Бяликом. Был Носн неизменно бодрым и энергичным крепышом с умными наблюдательными глазами. За двадцать дней плавания на пароходе мы подружились и вместе строили планы нашей дальнейшей жизни после поступления в гимназию «Герцлия».

В еврейском квартале Неве-Шалом по соседству с Яффо нам сняли комнату, и мы начали готовиться к экзаменам. Чем больше времени я проводил

¹⁰⁶² Рав Цаир (иврит) — молодой раввин.

Авром Воскобойник

Носн Зельдес

рядом с ним, тем больше проникался к нему уважением. Он был преисполнен житейской мудрости, хорошо разбирался в жизни и был самостоятельным и ответственным. Поэтому он казался мне гораздо взрослее своих лет, хотя был старше меня всего на два года.

С началом Первой мировой войны, после вступления в нее Турции, еврейские обитатели Эрец-Исраэль страдали от нужды, вызванной блокадой.

С началом Первой мировой войны, после вступления в нее Турции, еврейские обитатели Эрец-Исраэль страдали от нужды, вызванной блокадой. Кроме того, многие учителя подлежали призыву в турецкую армию. Существовала реальная опасность, что гимназию закроют. Часть учеников старших классов мобилизовали и послали в офицерскую школу в Константинополе. В их числе оказался и Носн¹⁰⁶³. После десяти месяцев тяжелой жизни в военном лагере, в чужой стране, языка которой они не знали, вдали от Страны Израиля, свежее испеченные офицеры попали на разные фронты, где воевала турецкая армия; распределяли их по жребию. Носну выпал четвертый фронт (Сирия — Палестина), которым командовал знаменитый Джемаль-паша¹⁰⁶⁴. Других наших товарищей послали в Македонию или на черноморское побережье. Как же они завидовали тем, кто получил назначение в Эрец-Исраэль!

Следующий раз мы встретились после завоевания Страны Израиля англичанами, вернувшись в гимназию. Затем Носн уехал за границу, где окончил высшую школу — выучился на дорожного инженера. С тех пор наши пути разошлись. Каждый занимался своим делом. Во время наших случайных встреч Носн проявлял признаки недовольства: говорил, что тоскует по деревне и сельскому хозяйству.

Он рассказывал обо всех трудностях и колебаниях, связанных с борьбой за существование в городе в периоды отсутствия работы, и т. д. Начиная с нашей первой встречи в Одессе и в ходе дальнейших встреч я неизменно отмечал в Носне хорошее знание жизни и реалистичный подход ко всем жизненным проблемам. Он был бодр, полон энергии и желаний творить и строить.

¹⁰⁶³ Он принял турецкое гражданство, как это было принято в некоторых тогдашних сионистских кругах. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶⁴ Ахмед Джемаль-паша (1872–1922) — османский военный и политический деятель, полномочный военный и гражданский администратор Сирии (1915–1917). Известный деятель движения младотурок. — *Прим. пер.*

Мне очень жаль, что наши встречи были редкими и нерегулярными. В начале 1948 года Носн пал на поле боя, защищая Иерусалим».

Эзра Шперлинг

Погиб во время взрыва иерусалимской гостиницы «Царь Давид» 22 июля 1946 года¹⁰⁶⁵. Родился в Слуцке в 1889 году. В пятнадцать лет уехал в Америку. В годы Первой мировой войны добровольно пошел служить в Еврейский легион¹⁰⁶⁶. После демобилизации из армии стал государственным чиновником. Был журналистом, печатался как в Америке, так и в местных изданиях, выходивших на Святой земле, в основном в «Palestine Illustrated News».

У Шперлинга были два сына и две дочери. Одна из дочерей служила в британской армии в годы Второй мировой войны. Один из сыновей служил в американской армии и был ранен.

Шперлинг был дружелюбным человеком с тонким чувством юмора и преданным своему народу евреем. Он уже должен был выйти на пенсию по выслуге лет, однако погиб страшной смертью прежде, чем это случилось.

Эйтан Майзель

Эйтан Майзель, сын Йеѓуды и Ханы Майзель, родился в Иерусалиме в 1931 году в семье рабочих, представителей Третьей алии¹⁰⁶⁷. В шесть лет начал учиться в начальной школе «Тахкемони»¹⁰⁶⁸. Учение давалось ему легко, кроме того, он смог завоевать симпатии своих товарищей благо-

Эзра Шперлинг

Эйтан Майзель

¹⁰⁶⁵ Теракт, совершенный еврейской подпольной Национальной военной организацией (Эцель). Взрыв был направлен против британской администрации в Палестине, чья штаб-квартира находилась в иерусалимском отеле «Царь Давид». В результате его погиб 91 человек (в том числе 41 араб, 28 британцев, 17 евреев и 5 представителей других национальностей). 46 человек получили ранения. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶⁶ Еврейский легион — воинское подразделение в британской армии во время Первой мировой войны, состоявшее из еврейских добровольцев. Подразделения легиона участвовали в боевых действиях в Эрец-Исраэль. — *Прим. пер.*

¹⁰⁶⁷ Третья алия — период 1919–1923 гг., за который в Стране Израиля поселились около 40 тысяч евреев, в основном из Восточной Европы. В этот период были основаны федерация профсоюзов Гистадрут и еврейская организация самообороны «Гагана». — *Прим. пер.*

¹⁰⁶⁸ Тахкемони (иврит) — букв. «ты умудряешь меня».

даря остроумию и склонности к иронии. Закончив учебу, Эйтан вступил в молодежное движение «Га-Шомер га-цаир»¹⁰⁶⁹ и переехал в кибуц Шаар га-амаким для прохождения сельскохозяйственной подготовки. В кибуце он прожил около двух лет, организовал там кружок любителей и исполнителей музыки. Эйтан отличался острым искрометным юмором, поэтому на всех вечеринках с его участием царил радость и веселье.

Сельскохозяйственную подготовку Майзель закончил в кибуце в тот момент, когда Война за независимость была уже в самом разгаре. Вместе с другими товарищами его послали на помощь кибуцу Леѓавот га-Башан в Верхней Галилее, на границе с Сирией. Там он был ранен в руку.

Через полгода он и несколько его товарищей по сельхозподготовке, создавшие поселенческое ядро, заняли командную высоту Гар-Эль в недавно захваченной арабской деревне в Иерусалимском коридоре¹⁰⁷⁰.

Во время учений Майзель показал себя талантливым командиром и организатором. Окончив курс командиров отделений, занимал различные армейские должности в Негеве. Занимался учебно-воспитательной работой, пользовался любовью и уважением своих учеников, новых репатриантов. Всегда веселый и целеустремленный, Эйтан неизменно покорял сердца.

14 элуля 5710 (1949) года во время патрулирования в районе Бейт-Гуврина командирская машина подорвалась на mine, установленной арабскими террористами. Эйтан и трое его товарищей погибли.

Илан Бейлер

Сын Птахьи и Нехамы. Родился 12 мая 1930 года в Тель-Авиве. Учился в начальной школе, а затем в реальном училище «Монтефиоре». Считался одним из лучших спортсменов общества «Брит макабим атид»¹⁰⁷¹. Был одним из лучших пловцов страны, чемпионом по плаванию на спине среди юношей, одним из лучших ватерполистов страны; представлял еврейскую Палестину на международных соревнованиях по плаванию, на одних из них завоевал кубок. Сразу же после голосования в Лейк-Сассексе и начала Войны за независимость пошел воевать и стал бойцом одного из подразделений «Пальмаха» (бригада «Ифтах») ¹⁰⁷². Пользуясь популярностью среди своих товарищей, убедил многих стать регулярными бойцами бригады. После недолгого обучения начал участвовать в патрулировании, разведке и минировании. Сопровождал конвои между Тверией и северной Галилеей, участвовал в боях в Верхней Галилее и зачистке арабских деревень, захвате Эйн-Зейтуна¹⁰⁷³. Стал одним из двух еврейских солдат, которые первыми проникли в арабскую часть Цфата в ходе боев за освобождение города. В бою за Неве-Йеѓошуа был контужен: в его каску попала пуля. Затем вместе со всей бригадой Илан был переброшен на Центральный фронт для участия в операции «Дани»¹⁰⁷⁴. Принимал участие в захвате Рамлы, Лода и окрестных арабских деревень.

¹⁰⁶⁹ «Га-Шомер га-цаир» (иврит) — «Молодой страж».

¹⁰⁷⁰ Географический регион между Иерусалимом и Шфелой.

¹⁰⁷¹ «Брит макабим атид» (иврит) — «Союз будущих Макавеев».

¹⁰⁷² К началу Войны за независимость «Пальмах» состоял из трех бригад: «Ифтах», «Гарэль» и «Негев». — *Прим. пер.*

¹⁰⁷³ Арабская деревня в Верхней Галилее, в 3 км к северо-востоку от Цфата.

¹⁰⁷⁴ Операция по захвату Лода, Рамле и других населенных пунктов восточнее Тель-Авива (9 июля 1948 г.). Одна из самых крупных военных операций периода Войны за независимость. — *Прим. пер.*

Сразу же после голосования в Лейк-Сассексе и начала Войны за независимость пошел воевать и стал бойцом одного из подразделений «Пальмаха» (бригада «Ифтах»).

Илан Бейлер

В конце второго этапа боевых действий¹⁰⁷⁵ находился вместе со своей ротой в деревне Эль-Бураг на дороге Латрун — Рамалла. Участвовал в попытке блокировать Латрун с целью последующего захвата¹⁰⁷⁶. В этот момент арабы предприняли контратаку превосходящими силами при поддержке бронетехники. Будучи вторым номером пулеметного расчета, Илан занимал скрытую позицию за кактусами. Заметив маневр противника, грозивший окружением, он открыл огонь по арабским броневикам. Когда товарищи предостерегли Илана, что таким образом он может выдать их местоположение и вызвать ответный огонь, от которого у них нет никакого укрытия, он ответил: «Неважно, главное — остановить броневики!» Эту задачу он выполнил, однако ответным огнем противника был ранен в позвоночник. Когда его несли на перевязочный пункт, он старался не кричать от боли, чтобы не подорвать боевой дух своих товарищей. Только один раз он позволил себе спросить, почему его не забирают с перевязочного пункта в госпиталь, и когда ему объяснили, что машина скорой помощи не может проехать из-за вражеского огня, больше не сказал об этом ни слова и подшучивал над своим ранением: дескать, теперь наконец я получу увольнительную.

Илан умер от внутреннего кровотечения 16 июля 1948 года и был похоронен на кладбище Нахалат-Ицхак 18 июля 1948 года.

Цви Бейт-Цви (Бескин)

Сын Шабса и Крейны. Родился 8 ноября 1930 года в Сталинграде, куда его отец был сослан за сионистскую деятельность. Через полтора года после рождения Цви семья поселилась в Никополе (Украина), где отец Цви нашел работу на фабрике. Родители Цви мечтали уехать в Страну Израиля, однако должны были скрывать эту мечту даже от собственных детей и лишь гораздо позже поведали о ней Цви, своему единственному сыну.

В 1941 году семья Бескиных бежала от наступающей немецкой армии на Северный Кавказ. Там Цви продолжил учиться в школе. 20 февраля 1942 года мальчик неожиданно исчез. Выяснилось, что, наслушавшись рассказов о подвигах пионеров-героев, двенадцатилетний Бескин решил

Заметив маневр противника, грозивший окружением, он открыл огонь по арабским броневикам.

---

¹⁰⁷⁵ С 14 мая до конца июля 1948 г. — Прим. пер.

¹⁰⁷⁶ Израильская армия безуспешно атаковала Латрун с мая по июль 1948 г. — Прим. пер.

Цви Бейт-Цви (Бескин)

сбежать на фронт, чтобы сражаться с гитлеровцами. Через несколько дней его обнаружили на одной из прифронтовых железнодорожных станций и вернули домой.

По мере продвижения немецкой армии семья бросила свое временное пристанище на Северном Кавказе и переехала в Армению. Там ее ждали голод и тяжелые болезни. В Ереване Цви в 1945 году окончил школу и поступил в техникум, однако в октябре того же года его родители решили ехать в Эрец-Исраэль. После долгих скитаний семья оказалась в Ландсберге (Германия), в лагере для перемещенных лиц-евреев. В лагере Цви учился на электрика и присоединился к Объединенной организации халуцианской молодежи НАХАМ¹⁰⁷⁷. В июле 1947 года Цви с семьей прибыл в Страну Израиля и несколько месяцев жил с родителями и сестрами в кибуце Эйн га-Шофет. Еще находясь в Германии, он выразил желание учиться на моряка, и родители обещали помочь ему в этом. Но Бог рассудил иначе.

Началась Война за независимость. Некоторое время Цви работал простым рабочим в компании «Солель бонэ»¹⁰⁷⁸, а затем вызвался сопровождать конвой в Галилее. После того как в Израиль приехали его товарищи по НАХАМУ, поселился вместе с ними в кибуце Дорот в Негеве. В мае 1948 года был призван в транспортные войска Армии обороны Израиля и направлен в водительское подразделение в Тель-Авиве. Оттуда он добровольно перешел в бронетанковые войска, участвовал в боях за Бейт-Набалу, Лод и Ирак аль-Маншию. Несколько раз был ранен, однако оставался в строю.

Цви Бейт-Цви погиб в бою за Беэр-Шеву 20 октября 1948 года и был похоронен в кибуце Мишмар га-Негев. 21 октября 1949 года его тело было перезахоронено на кладбище Нахалат-Ицхак.

Яков (Янкеле) Мадоцкий

Сын Исроэла и Двойры. Родился 11 февраля 1930 года в Тель-Авиве. С двенадцати лет жил в Пардес-Хане. По окончании сельскохозяйственной

¹⁰⁷⁷ НАХАМ — аббревиатура слов *Ноар га-халуци га-меухад* — Объединение халуцианской молодежи. — Прим. пер.

¹⁰⁷⁸ Израильская строительная компания, исторически связанная с Гистадрутом. Занималась в первую очередь прокладкой дорог и другими дорожными работами. — Прим. пер.

школы в Пардес-Хане переехал в Эйн-Шемер, где работал в слесарной мастерской. По возвращении оттуда вместе с отцом прокладывал водопровод. В свободное время готовился к вступительным экзаменам в Технион. Был талантливым спортсменом: прекрасным пловцом (тренером и спасателем; Яков даже получил диплом, дающий право обучать плаванию в бассейне Пардес-Ханы, однако в соответствии с действующими правилами вручение диплома было отложено, пока соискателю не исполнится восемнадцать, поэтому документ был выслан по почте уже после начала войны); футболистом (был капитаном команды) и прыгуном в высоту. В четырнадцать лет был отправлен на курсы командиров отделений «Гадны»¹⁰⁷⁹, затем был вожаком «Гадны» в Эйн-Шемере, а также в отряде «Алият-ѓа-ноар»¹⁰⁸⁰ в родной Пардес-Хане.

25 ноября 1947 года, еще до принятия решения о разделе Палестины, получил разрешение призваться в «Пальмах». Нес караульную службу в Бейт-Араве, Калии и Сдоме. Окончил курс командиров отделений. Участвовал в операциях бригады, прорвавшей блокаду Иерусалима. Принимал участие в боях за район Катамон, был одним из первых еврейских бойцов, прорвавшихся в Старый город.

Погиб 1 июня 1948 года. Похоронен в Иерусалиме на горе Герцля 17 ноября 1948 года.

Йосеф Символ

Сын Шлойме и Йеѓудис. Родился 21 швата 1921 года в Тель-Авиве. Сразу после этого семья переселилась в Эйн-Ганим, поселение неподалеку от Петах-Тиквы. Йосеф учился в школе «Пика» и гимназии «Ахад-ѓа-Ам» в Петах-Тикве, а затем в окружной школе в поселении Гиват-ѓа-Шлоша. С юных лет Йосеф помогал своим родителям в работе. В пятнадцать лет вступил в орга-

Яков (Янкеле)
Мадоцкий

Йосеф Символ

¹⁰⁷⁹ «Гадна» (иврит) — акроним словосочетания «Гдудей-ноар» — «Молодежные бригады» — добровольческая молодежная организация допризывной подготовки. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁰ «Алият-ѓа-ноар» (иврит) — «Молодежная алия» — организация, занимавшаяся спасением еврейских детей и молодежи от нацистов во времена Третьего рейха. Всего было спасено около 22 000 человек. В рамках этой алии еврейскую молодежь вывозили в Эрец-Исраэль и селили в кибуцах и молодежных деревнях. — *Прим. пер.*

низацию «Ѓа-Ноар Ѓа-овед»¹⁰⁸¹, где вскоре стал вожатым. Был членом спортивного общества «Ѓа-Поэль»: проявил себя в единоборствах, спортивных играх, тяжелой и легкой атлетике; был тренером по игровым видам спорта и боксу. Пользовался любовью товарищей, с юных лет участвовал в борьбе за еврейский труд¹⁰⁸². Одним из первых вступил в бригады «Ѓа-Поэля»¹⁰⁸³, где был инструктором по прикладным видам спорта. В то же время вступил в «Ѓагану» и во время арабских беспорядков¹⁰⁸⁴ был послан на север для строительства проволочных заграждений на границе.

В 1942 году вступил в «Пальмах». В его глазах эта служба была гораздо важнее службы в британской армии, поскольку он заранее предвидел, что ему предстоит сражаться за освобождение родины.

В 1942 году вступил в «Пальмах». В его глазах эта служба была гораздо важнее службы в британской армии, поскольку он заранее предвидел, что ему предстоит сражаться за освобождение родины. Принимал участие в доставке нелегальных иммигрантов, а также в подпольных операциях против англичан, считая это главным национальным фронтом. Во время английской осады Ришпона¹⁰⁸⁵ набросился на пятерых солдат и полицейских, стоявших в оцеплении, и прорвался на помощь осажденным. В 1945 году демобилизовался из «Пальмаха» и устроился на работу в Электрическую компанию в Петах-Тикве. Параллельно продолжал работать с молодежью. В свой двадцать пятый день рождения сочетался традиционным еврейским браком со своей подругой Малкой.

Когда после голосования в Лейк-Сассексе возобновились арабские нападения, Йосеф вернулся в ряды «Пальмаха», проигнорировав как бронь, которую родители получили для него как для единственного сына, так и то, что его жена ждала ребенка. Участвовал в патрулях и операциях против баз погромщиков; пулемет, который ему доверили, сразил множество врагов.

Позже ему поручили разведку. Точно так же, как его товарищи по «Пальмаху» не жалели сил, чтобы добыть вооружение и снаряжение, которых не хватало, Йосеф отчаянно добывал оборудование, необходимое ему для выполнения своих профессиональных задач, и преуспел в этом нелегком деле. Он получил должность заместителя начальника разведки бригады. Учитывая его семейное положение, командиры и сослуживцы старались не допускать его к участию в наиболее опасных боевых операциях. Однако Йосеф решительно не соглашался служить в тылу и не успокоился, пока не получил разрешение участвовать в прорыве блокады Иерусалима.

Товарищи рассказывали невероятные истории о его хладнокровии, преданности делу и расторопности в обращении с пулеметом. Он дожидался, пока противник приблизится настолько, чтобы стрелять наверняка (то есть подходил достаточно близко к нему), а затем добивался максимального результата, потратив минимальное количество патронов. Он старательно избегал командных должностей, однако само его присутствие вселяло уве-

¹⁰⁸¹ «Ѓа-Ноар Ѓа-овед» (иврит) — «Рабочая молодежь» — молодежное движение, действующее под эгидой Ѓистадрута и воспитывающее молодежь в духе социалистического сионизма. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸² Начавшаяся в конце XIX в. кампания за то, чтобы на работу в еврейских поселениях и на еврейских предприятиях нанимали только евреев, а не арабов. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸³ Милиция Ѓистадрута, действовавшая под прикрытием спортивного общества «Ѓа-Поэль». Использовалась преимущественно против идеологических противников: коммунистов, «Бейтара» и т. д. Содействовала работе «Ѓаганы». — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁴ 1936–1939 гг. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁵ Ришпон — мошав, основанный в 1936 г. В 1944 г. вокруг поселений Шфаим и Ришпон были возведены ограды с целью пассивного сопротивления повальным обыскам английской армии. Помимо местных жителей в этом участвовали сотни юношей и девушек. — *Прим. пер.*

ренность в других бойцов. От Хульды до Шаар га-Гая¹⁰⁸⁶ Йосеф и его пулемет творили чудеса. В частности, когда в узком ущелье противник отрезал часть конвоя, Йосеф остановил врагов пулеметным огнем. Это дало возможность подобрать убитых и раненых и не позволило арабам организовать преследование основной части конвоя, успевшей проскочить небольшой мост прежде, чем его взорвали. К сожалению, сам Йосеф из боя не вернулся. Это произошло 20 апреля 1948 года; 22 апреля его похоронили в Кирьят-Анавим. Его дочь родилась после гибели отца.

Арье Коцер

Сын Довида и Рут. Родился в 1924 году в Слуцке. В 1932 году приехал в Эрец-Исраэль вместе с семьей, поселившейся в Тель-Авиве. Окончил среднюю школу. Изучил токарное дело и начал работать токарем. С юных лет был предан «Гагане». Будучи членом молодежной организации, вступил в «Гадну». Начал служить связистом, затем окончил командирские курсы и сначала стал командиром отделения, а затем взводным. Оказался прирожденным командиром — энергичным, целеустремленным, способным простыми лаконичными словами объяснить своим подчиненным задачу. Затем перешел в Полевой корпус¹⁰⁸⁷, где столь же самоотверженно занимался обучением бойцов и выполнял командирские обязанности.

Сразу после голосования в Лейк-Сассексе вступил в ряды защитников Тель-Авива. В начале марта принял командование ротой одного из батальонов бригады «Гивати»¹⁰⁸⁸, находившейся в это время в осажденном поселке Бен-Шемен. В том же месяце роту перебросили в армейский лагерь «Йона» в Тель-Авиве, где Арье занялся ее боевой подготовкой. В то же время вместе с одним из взводов роты он участвовал в операциях по минированию и проведению подрывных работ в окрестностях базы. В апреле Коцер вместе со своей ротой был придан штабу операции «Нахшон»¹⁰⁸⁹ и назначен командиром охраны большого конвоя из 250 грузовиков с припасами для осажденного Иерусалима. Арье удалось благополучно достичь цели, несмотря на арабские атаки и позицию англичан, «поддерживавших порядок».

После того как четверо его товарищей погибли около холма Тель-Ариш¹⁰⁹⁰, Коцер вместе с несколькими подчиненными пробрался на вражескую территорию и вынес тела погибших. В ходе операции «Барак»¹⁰⁹¹ рота

Будучи членом молодежной организации, вступил в «Гадну». Начал служить связистом, затем окончил командирские курсы и сначала стал командиром отделения, а затем взводным.

¹⁰⁸⁶ Хульда — кибуц к югу от Рамлы. Шаар га-Гай — место, где дорога начинает подниматься к Иерусалиму в ущелье между скалами (т.н. Иерусалимский коридор). Во время Войны за независимость этот район стал местом ожесточенных боев между евреями и арабами, блокировавшими Иерусалим. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁷ Подразделение «Гаганы», созданное в 1939 г. Корпус состоял из семи бригад. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁸ Пехотная бригада Армии обороны Израиля, относящаяся к Южному военному округу.

Была сформирована в декабре 1947 г. в подмандатной Палестине. Первым командиром стал Шимон Авидан. Арье Коцер командовал 1-й ротой 54-го батальона. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸⁹ Масштабная военная операция по прорыву блокады Иерусалима и зачистке «Иерусалимского коридора». Продолжалась с 3 по 15 апреля 1948 г. В операции принимала основное участие сводная бригада из трех батальонов бригад «Александрони», «Голани» и «Гивати» общей численностью 1440 человек. — *Прим. пер.*

¹⁰⁹⁰ Укрепленная арабская позиция, отрезавшая Холон от Тель-Авива. Современное название — Тель-Гиборим (Холм героев). — *Прим. пер.*

¹⁰⁹¹ Операция с целью захвата арабских деревень, находившихся к северу от Азы, для опережения прихода в них египетской армии. Проведена силами бригады «Гивати» под командованием Шимона Авидана. Операция началась 4 мая 1948 г. В результате были захвачены 16 арабских деревень и изгнаны более 20 тысяч арабов. — *Прим. пер.*

Арье Коцер

В значительной степени именно героизм Арье и его бойцов позволил остановить продвижение египетской армии к Реховоту и Тель-Авиву.

под командованием Коцера всего за несколько дней захватила деревни Аль-Батани Аль-Шарки и Барка. При этом командир категорически не допускал грабежей. Затем, продвигаясь вдоль дороги Рамла — Латрун, рота заняла деревни Абу-Шуша и Аль-Кубаб. Когда началось массированное египетское вторжение, ее бросили против египтян.

Во время боев под Ашдодом Коцер со своими людьми, измученные до полусмерти, падая и вставая, переступая через тела павших товарищей, под ураганным огнем противника мужественно держались против танков и многочисленных сил врага. В значительной степени именно героизм Арье и его бойцов позволил остановить продвижение египетской армии к Реховоту и Тель-Авиву. Эта задержка имела судьбоносное значение, позволив подготовить контрудар.

Поредевшей роте пришлось еще раз принять удар египтян, которые рвались к Ницаним. В самом начале боев Коцер был переведен в штаб бригады, где участвовал в разработке плана операции «Ан-Фар» («Антифарук»¹⁰⁹²). Затем он вернулся на передовую и 16 июля 1948 года погиб недалеко от Бейт-Афы, когда спешил на помощь мобильному разведывательно-диверсионному батальону «Шуалей-Шимшон»¹⁰⁹³.

29 декабря 1948 года Арье Коцер был похоронен на кладбище Кфар-Варбурга. Приказом генерального штаба от 29 сентября 1949 года Арье Коцеру посмертно присвоено звание капитана.

Яков Карасик

Уроженец Нахалала. Третий сын Михла Карасика и его жены Нехамы (в девичестве Флейщик) из Слуцка. С детства был самостоятельным ребенком. В то время как его мать весь день, с самого раннего утра трудилась в курятнике и коровнике, мальчик вставал, отрезал себе два толстых ломтя хлеба, намазывал их вареньем и уходил из дома в поле, да так, что никто не мог его найти. Домой он возвращался только под вечер. Со временем все при-

¹⁰⁹² Военная операция Армии обороны Израиля для прорыва блокады Негева. Названа по имени тогдашнего короля Египта. — Прим. пер.

¹⁰⁹³ «Шуалей-Шимшон» (иврит) — «Лисы Самсона».

выкли, что он — «человек поля»¹⁰⁹⁴, и перестали реагировать на его «побеги». Мальчик бродил по полям и знал все травы, так что, проголодавшись, находил съедобные и ел.

В восемь лет Яков лишился матери, которая умерла, рожая двойню. Отец, оставшийся с пятью детьми на руках, женился на другой женщине, что сделало Якова очень несчастным. Он жестоко страдал и почти не бывал дома, однако на его развитии это практически не отразилось.

С раннего детства Яков был активистом «Гаганы». В восемнадцать лет он женился. После смерти отца занялся бизнесом и преуспел. Но тут началась Синайская кампания¹⁰⁹⁵. Оставив дома жену и двух маленьких дочерей, Яков Карасик пошел в армию разведчиком и погиб одним из первых, когда ему было только двадцать пять лет.

Йехиэл Ривин

Йехиэл родился 12 сентября 1925 года в Тель-Авиве. Когда ему был всего месяц, семья переехала в населенный тогда арабами город Акко. Их конечной целью было поселиться в долине Звулун¹⁰⁹⁶. Однако пока новое поселение не было создано, несколько кандидатов объединились ради укрепления своей экономической базы в группу «Зифзиф», положившую начало постоянному еврейскому присутствию в Акко.

Завоевание трудовых позиций и многолетняя конкуренция с арабами, переезд в Герцлию и постоянная борьба с безработицей, кровавые события 1929 и 1936 годов, неизменная мечта жить в сельскохозяйственном поселении на своей земле, обрабатывая ее и не прибегая к эксплуатации других людей, — вот те внешние условия и атмосфера, в которых рос и мужал Йехиэл. С юных лет он впитал любовь к физическому труду, прежде всего сельскохозяйственному. Как счастлив был этот одиннадцатилетний мальчик,

Яков Карасик

Йехиэл Ривин

¹⁰⁹⁴ «Человеком поля» в Торе назван Эйсава, старший брат и полная противоположность праотца Якова: «И выросли дети, и стал Эйсава человеком, сведущим в охоте, человеком поля; а Яков — человеком смиренным, жителем шатров» («Берешит», 25:27). — *Прим. пер.*

¹⁰⁹⁵ Синайская кампания — операция израильской армии против вооруженных сил Египта в Синае и в секторе Аза, проведенная 29 октября — 5 ноября 1956 г.; вторая арабо-израильская война.

¹⁰⁹⁶ Долина на севере Израиля, расположенная вдоль Хайфского залива и являющаяся продолжением Эмек-Изреэль. Другое ее название — «долина Акко».

когда ему довелось принять участие в подготовительных работах по созданию мошава Ришпон! С какими любовью и упорством он заботился там о растениях и животных! Как-то раз автобус, отвозивший его после окончания школьного дня в Герцлии, опоздал, а ему срочно нужно было доставить саженцы, которые он вырастил в теплице, на место будущего поселения. Йехиэлу стало жаль нежных саженцев. Не имея другой возможности добраться, недолго думая, он сложил их в корзину, взвалил ее на плечи и прошел пешком больше десяти километров по плохой и опасной дороге, где его легко могли убить (дело было в начале арабских беспорядков 1936 года).

Когда начались кровавые столкновения, молодое поселение и его малочисленные жители подвергались нападению чуть ли не каждую ночь. Поселенцы забыли, что такое спокойный сон. Дети по мере сил помогали взрослым: охранникам — нести караульную службу, своим родителям — по хозяйству.

В Герцлии Йехиэл учился в начальной школе и более старших классах, а затем продолжил обучение в окружной сельскохозяйственной школе в Гиват-ѓа-Шлоша. В это время он вступил в «ѓа-Ноар ѓа-овед», поскольку это молодежное движение было беспартийным, а он не переносил никакой партийности и не хотел вступать ни в какую партию, пока не повзрослеет.

В 1942 году, когда нацисты подошли к египетской границе, Йехиэл вступил в британскую армию, хотя ему было только шестнадцать с половиной лет. Когда ему предложили отложить призыв на следующий год, юноша ответил:

– Как можно сидеть и учиться, когда европейское еврейство гибнет, а враг стоит у порога? И если мой отец не может встать в строй в силу своего возраста и семейного положения, эта обязанность ложится на меня. Я буду сражаться не за англичан, а за евреев Европы, истекающих кровью.

Йехиэл попал в роту, занимавшуюся доставкой воды, в которой и прослужил все время, пока продолжалась война в пустыне. Йехиэл честно нес службу, пользовался любовью и уважением своих боевых друзей.

Йехиэл мечтал после демобилизации из армии заняться продуктивным трудом. Он стал компаньоном владельца мастерской по производству бордюрного камня, однако вскоре вышел из дела, чтобы даже косвенно не запятнать себя эксплуатацией других людей.

Когда началась Война за независимость, Йехиэл снова встал в строй, чтобы исполнить свой долг и принять участие в судьбоносной борьбе за свободу и независимость. Во время армейской службы он стал одним из первых бойцов, пошедших служить в артиллерию практически с момента создания отдельных артиллерийских частей, и оказался в числе первых командиров. День и ночь его автомобиль колесил по всем фронтам, по дорогам и бездорожью, пока 1 июня 1948 года Йехиэл не получил смертельную рану в бою за Дженин недалеко от деревни Кфар-Зарин, когда его машина подорвалась на mine. Йехиэла доставили в больницу, где он скончался. Ему было только двадцать три года.

Когда началась Война за независимость, Йехиэл снова встал в строй, чтобы исполнить свой долг и принять участие в судьбоносной борьбе за свободу и независимость.

УРОЖЕНЦЫ СЛУЦКА, СКОНЧАВШИЕСЯ В ИЗРАИЛЕ

Муся Кацнельсон-Гаркави

Муся Кацнельсон-Гаркави

Дочь Йосефа Гаркави. Родилась в 1902 году в Слуцке. Отец, принадлежавший к известной в России семье, торговал сырами и маслом и был не только предпринимателем, но и человеком Торы.

С юных лет Муся воспитывалась в национальном духе, состояла в движениях «Ге-Халуц» и «Цеирей-Цион», была членом руководства сионистской организации Слуцка.

Во время польской оккупации Белоруссии Мусю приговорили к смертной казни, поскольку у нее нашли спрятанный пистолет, принадлежавший местной самообороне. Благодаря вмешательству р. Исера-Залмена Мельцера девушке удалось избежать смерти.

В 1921 году Муся уехала в Эрец-Исраэль. Работала на прокладке дорог, стала одним из инициаторов создания кооперативных молочных ферм. Умерла в Тель-Авиве 24 тевета 1928 года.

Йохевед Хинич-Агранова

Йохевед Хинич родилась в Старобине в 1902 году. В юности вступила в сионистскую организацию «Ге-Халуц», в 1923 году переехала с двумя верными товарищами в крымский Тель-Хай¹⁰⁹⁷, став одной из первых жительниц этой колонии, готовившей молодежь к трудовой жизни в Стране Израиля. Йохевед была предана работе и товарищам и пользовалась у всех любовью и уважением.

Йохевед оказалась в числе противников резолюции, принятой большинством членов «Ге-Халуца»: превратить хозяйства «Ге-Халуца» в центры прививания коллективистской идеологии. После раскола российского «Ге-

¹⁰⁹⁷ Первая сионистская земледельческая колония в Крыму, созданная членами движения «Ге-Халуц». Названа в честь поселения Тель-Хай в Эрец-Исраэль, где в 1920 г. погиб Йосеф Трумпельдор. — *Прим. пер.*

Целью Йохевед и ее товарищей родом из России было создание постоянного еврейского присутствия в Акко.

Халуца»¹⁰⁹⁸ перешла в Мишмар¹⁰⁹⁹, став одной из основательниц этой сельскохозяйственной коммуны. Оттуда в 1926 году уехала в Эрец-Исраэль.

Недолгое время Хинич прожила в Акко, где были сконцентрированы «штурмовые группы» «Га-Поэль га-цаир». Целью Йохевед и ее товарищей родом из России было создание постоянного еврейского присутствия в Акко. Из этого города девушка переехала в Реховот, где занималась сельскохозяйственными работами, пока не встретила своего спутника жизни, Гершона Агранова, также переселенца из России и одного из основателей Мишмара. Супруги поселились в Гиватоне, однако продолжали мечтать о настоящей жизни на земле. Эта мечта осуществилась после переезда в Кфар-Варбург в первые годы после основания поселения¹¹⁰⁰. Несмотря на проблемы со здоровьем, ценой огромных трудов им удалось обосноваться и пустить там глубокие корни, создав процветающее хозяйство.

Двух своих сыновей супруги воспитали в том же духе. Старший из них был тяжело ранен во время Войны за независимость. Оба сына живут в мошаве: у старшего свое собственное хозяйство, младший помогает родителям.

К сожалению, времени насладиться плодами своих трудов у Йохевед оказалось немного. Да будет благословенна ее память — вместе с памятью других защитников и строителей отечества!

Миша Эфрос

Миша родился в Слуцке в богатой уважаемой семье и был воспитан в сионистском духе. Сионизм стал для него маяком, указывающим юноше жизненный путь. Здесь он пустил корни, здесь искал и находил ответы на вопросы, мучившие его мятежную душу.

В детстве Миша получил ивритское воспитание. Первой школой стал для него «прогрессивный хедер». Там он познакомился с основами сионистского мировоззрения, учил иврит и получал информацию о Стране Израиля.

Время после русской революции стало для сионистского движения эпохой расцвета. В те годы были созданы группы, объединившиеся в детскую сионистскую организацию «Пирхей-Цион». Во главе ее встал Миша. Он стал душой организации и ее бессменным председателем. Миша был деятелен и энергичен: созывал собрания, устраивал различные мероприятия и строил детскую организацию по шаблонам взрослой. Он учился в коммерческом училище и параллельно продолжал изучать иврит.

Когда начались гонения на сионистов, движению пришлось уйти в подполье. Возникла молодежная организация «Кадимо», и Миша был в числе ее организаторов и создателей. Среди еврейской молодежи возникновение организации произвело эффект разорвавшейся бомбы, и она начала расти как снежный ком.

¹⁰⁹⁸ В 1923 г. движение «Ге-Халуц» было расколото на две фракции: легальную «Ге-Халуц в СССР» и нелегальную «Национально-трудовую организацию Ге-Халуц». Первая фракция определяла себя как органическую часть еврейского и международного пролетариата, разделяла идеологию классово-борьбы и коммунистического коллективизма (коммуна, квуца, кибуц). Вторая фракция видела в «Ге-Халуце» еврейское национальное рабочее движение и ориентировалась на кооперативы, сочетавшие элементы коллективного и частного хозяйства, — мошавы. — *Прим. пер.*

¹⁰⁹⁹ Земледельческая коммуна, основанная в 1924 г. членами «Ге-Халуца» в 3 верстах от станции Таганаш в имении Кучук-Алкалы в Крыму. В 1926 г. в Мишмаре жили 34 человека. — *Прим. пер.*

¹¹⁰⁰ Мошав Кфар-Варбург был основан в 1939 г. — *Прим. пер.*

Миша Эфрос

Тем временем Миша переехал в Москву. В столице его ожидала шумная интенсивная жизнь. Там он присоединился к молодежной группе «Идише социалистише югнт фарэйн». При этом он сохранил связь с товарищами из слуцкой «Кадимо», прилагал усилия к слиянию двух организаций и в итоге в этом преуспел.

Прибыв в Эрец-Исраэль, Миша сразу же нашел себе кибуц и партию («Ахдут га-авода», до ее объединения с «Га-Шомер га-цаир»). При этом он не прекращал хлопотать о своих товарищах, оставшихся в России и брошенных в тюрьму или сосланных на Крайний Север. Он потребовал организовать помощь русским сионистам и создал в кибуце Эйн-Харод группу, получившую разрешение работать в городе, чтобы заработать денег и послать их российским товарищам. Сам Миша вступил в нее одним из первых.

После того как в кибуце произошел раскол¹¹⁰¹, Миша пошел своим путем — перебрался в Ягур. В новом кибуце он был активен, принимал деятельное участие в общественной жизни, был нетерпим ко всякой несправедливости и решительно выступал против любых ее проявлений. Он интересовался заботами и проблемами каждого, справедливо относился к людям и отличался хорошей интуицией и реалистичным взглядом на жизнь.

Миша любил кибуцное хозяйство, был привязан к нему и неизменно обличал любые недостатки, которые замечал. Он был деликатным, вежливым и сердечным человеком.

Жизнь его была нелегкой, и смерть тоже оказалась мучительной.

Довид Каценельсон

Довид Каценельсон сочетал в себе качества знатока Торы, который учится днем и ночью, и общественного деятеля. Он родился накануне Пейсаха 1887 года в Любани. Начальное образование получил в любанских хедерах, позже — следуя наставлению «Отправляйся туда, где изучают Тору»¹¹⁰² —

¹¹⁰¹ В 1923 г. Эйн-Харод был основан членами рабочего батальона. Ветераны Эйн-Харода во главе с Ш. Лави и И. Табенкином потребовали автономии от остального кибуца. Они были меньшинством, и большинство покинуло их, основав кибуц Тель-Йосеф. — *Прим. пер.*

¹¹⁰² «Авот», 4:14.

Довид Каценельсон почувствовал, что он не может довольствоваться одним Талмудом. Он стал агитировать за сионизм своих друзей.

перебрался в Мир, где учился в знаменитой йешиве. Там он прославился сообразительностью и необыкновенной памятью. Глава йешивы предрекал ему большое будущее, но поскольку наступило время д-ра Герцля и первых сионистских конгрессов, осветивших еврейские города и местечки, словно метеоры, Довид Каценельсон почувствовал, что он не может довольствоваться одним Талмудом. Он стал агитировать за сионизм своих друзей. По своей внимательности и любви к парню, руководители йешивы (яростные противники нового движения) делали вид, что не замечают его деятельности. Но когда новость о смерти д-ра Герцля достигла йешивы, а ее глава процитировал по этому поводу слова из Танаха: «...При гибели нечестивых — радостная песнь»¹¹⁰³, — Довид Каценельсон оставил йешиву Мира. Он начал учиться в лидской йешиве — у р. Рейнеса, известного мудреца, сиониста и основателя движения «Мизрохи». В Лиде он учился старательно и с большим успехом несколько лет. Получив известие, что в Одессе раввин Хаим Черновиц (Рав Цаир) учреждает «прогрессивную» йешиву, а среди ее преподавателей будут д-р Йосеф Клаузнер, Хаим-Нахман Бялик, Довид поехал туда и учился там еще несколько лет, выделяясь среди учеников.

С окончанием Одесской йешивы закончилось и «официальное» образование Довида Каценельсона. Его планы на дальнейшую учебу временно были нарушены из-за его женитьбы и поездки на год в Страну Израиля (1911). После начала Первой мировой войны виды на учебу рассеялись окончательно, однако его самообразование продолжалось беспрестанно. Чтение было для него каждодневным занятием, на которое он находил время в любом месте. Его личная библиотека насчитывала более 10 тысяч томов, закрывавших все стены его квартиры.

После войны Довид Каценельсон поселился в Барановичах (город между мировыми войнами принадлежал Польше). Там он в течение 20 лет был преподавателем гуманитарных дисциплин в еврейской гимназии, воспитал тысячи учеников, и многие из них с большим почтением и теплотой вспоминают своего чудесного самоотверженного учителя. В своих требованиях к знанию древнееврейского языка Довид Каценельсон не знал компромиссов. Двое его детей в детские годы не слышали в доме никакого другого языка, помимо иврита, и были единственными детьми во всей губернии (а то и шире), чьим родным языком оказался иврит. Даже белорусская служанка в присутствии детей должна была «ломать язык», произнося пару десятков выученных ивритских слов.

Сионизму Довид Каценельсон отдался всей душой. В течение многих лет он был председателем городской организации Общих сионистов, а также членом фракции «Эйс ливнойс»¹¹⁰⁴, главным представителем фонда «Керен кайемент ле-Израэль», членом общинного совета, председателем общества «Ойнег шабес»¹¹⁰⁵. В сионистский дом учения сотни людей заходили каждую субботу, да и посреди недели; Довид Каценельсон пересказывал им отрывки из Торы, переходя на злободневные темы или повествуя о еврейской истории. Он был главным оратором почти на всех массовых собраниях евреев города, искусно вставляя в свои речи подходящее словечко из Талмуда или что-нибудь из другого классического источника. Он умел создать

¹¹⁰³ «...У-ва-авойд решоим — рино» — «...При гибели нечестивых — радостная песнь» («Мишлей», 11:10).

¹¹⁰⁴ «Эйс ливнойс» (иврит в ашкеназском произношении) — «Время строить».

¹¹⁰⁵ «Ойнег шабес» (иврит в ашкеназском произношении) — «Субботнее наслаждение».

тесную, интимную связь со слушателями. До сих пор барановичские евреи рассказывают, как очаровывал их Довид Каценельсон своими речами.

Вторая мировая война застала Довида Каценельсона в Израиле, где он гостил у сына. Домой ему вернуться уже не удалось. Немолодому человеку устроиться на новом месте было очень непросто. После больших трудов и переживаний Каценельсон в конце концов добился частичной занятости в тель-авивской гимназии. Жил он в бедности, но не жаловался на судьбу.

Довид Каценельсон оказался среди первых, кто получил письмо из Любани еще во время войны. Одна его сестра из Любани бежала к партизанам, она сообщила ему о смерти его матери, а также другой сестры с ее семьей. После этого недолгими были дни его жизни. После сердечного приступа он еще пять дней боролся со смертью и умер 7 февраля 1948 г. (25 швата 5748 г.)¹¹⁰⁶

(Ф. К.)

Зеэв Глускин

Родился в сентябре 1859 года в Слуцке. Сын Лейзера, жившего и торговавшего в Кёнигсберге, происходившего из раввинской семьи. Образование: хедер, школа. В 1882–1896 годах был директором фабрики в Варшаве.

В 1882 году стал одним из первых членов и активистов «Ховевей-Цион» в Варшаве. В 1890 году стал одним из учредителей варшавской ложи ордена «Бней-Моше». Был одним из учредителей компании «Менуха ве-нахала»¹¹⁰⁷, создавшей поселение Реховот. В 1883 году стал одним из создателей и директоров издательства «Ахиасаф»¹¹⁰⁸, в 1889 году — одним из соучредителей фирмы «Кармель»¹¹⁰⁹ в России (в 1899-м в США, с 1902 года в Стране Израиля, где фирма называлась «Кармель га-мизрахи»). В 1903 году принял участие

Довид Каценельсон

Сидят (справа налево): неизвестный, Исроэл Львович (старший из сыновей р. Йерухема, машгиах в Мирской йешиве), Исроэл Гальперин, Довид Кустанович (Любань), Йосеф Розовский (Узда).

Стоят: Меер Финкель, Нисн Ваксман, Шимен Кац, Айзл Костюковский (Вильно), Арн Шапиро, сын Йегошуа (Пинск), Ицхок-Хаим Краснич

¹¹⁰⁶ Племянник Д. Каценельсона Зиновий Кнелль в автобиографической книге описал судьбу брата своей матери, но приводит иной год его смерти: 1952-й. (См.: Кнелль З. «Судьба “Дубосека”. Из гетто до Берлина». Ашкелон — Тель-Авив, 2010. — <https://www.lost-childhood.com/books/Knell.pdf>).

¹¹⁰⁷ «Менуха ве-нахала» (иврит) — «Покой и удел»; см. «Дварим», 12:9: «Ибо вы еще не пришли к месту покоя и в удел, который твой Господь Бог дает тебе». — *Прим. пер.*

¹¹⁰⁸ Издательство, целью которого был выпуск книг на иврите. Соучредителями были Ахад-га-Ам, Э. Каплан и Масисьюгу Коген. — *Прим. пер.*

¹¹⁰⁹ Фирма, занимавшаяся распространением еврейских вин из Эрец-Исраэль по всему миру. Была создана на деньги барона Ротшильда. — *Прим. пер.*

в создании ежедневной варшавской газеты «Гӱа-Цофе»; в 1904-м — один из соучредителей общества «Геула»¹¹¹⁰.

С 1906 года Глускин жил в Эрец-Исраэль, где прежде побывал дважды: в 1900 году — по делам поселения Реховот; в 1903-м — по личному поручению Герцля, вместе с Усышкиным, Эттингером и Друяновым¹¹¹¹, для открытия «Кармель га-мизрахи». В 1906–1922 годах — директор виноделен в Ришон ле-Ционе и Зихрон-Яакове. Участвовал в нескольких поселенческих и культурных проектах. В годы Первой мировой войны жил в Египте; был товарищем председателя и одним из самых деятельных работников Комитета помощи изгнанникам из Страны Израиля.

С 1924 года был директором общества «Геула». Создал городскую библиотеку в Тель-Авиве, которую назвал в честь своей жены. Подарил свой дом тель-авивской городской библиотеке «Шаарей-Цион». Умер в 1949 году.

Михаэль Поляк

Родился в 1864 году в Слуцке. С юных лет жил в Нижнем Новгороде. Был одним из пионеров российской нефтедобывающей промышленности в Баку. С 1898 года вместе с домом Ротшильда создал нефтепромышленное и торговое общество «Мазут».

Бывал в Эрец-Исраэль в 1908, 1914 и 1920 годах. С 1922 года жил там постоянно. Окончил математический факультет Петербургского университета, после чего занялся предпринимательством.

Уехав из России после революции, Поляк узнал, что на его имя зарегистрированы акции компании «Шелл» общей стоимостью два миллиона фунтов стерлингов, полученных от дома Ротшильда, которому он еще до революции продал свои бакинские нефтяные активы. После этого Поляк построил большой цементный завод «Нешер» в Ягуре, кибуце недалеко от Хайфы. (В 1946 году он продал завод компании «Солель бонэ».) Жертвовал крупные суммы учебным, благотворительным и образовательным учреждениям Израиля. Умер в Хайфе в 1954 году.

Ицхок Эльяшив

Родился в 1871 году в Слуцке. Его мать, лавочница, была известна в городе как Тиле Эльяшив. В юности он переехал в Варшаву, где стал членом местной организации «Ховевей-Цион». Был директором издательства «Ахиасаф» (1901–1903), выпускающим редактором газеты «Гӱа-Цофе» (1903–1905). Стал создателем и председателем Общества любителей древнееврейского языка в Лодзи. Был одним из руководителей общества «Гӱа-Замир»¹¹¹².

Был корреспондентом газеты «Лодзер тагеблат»¹¹¹³ на сионистских конгрессах в Гамбурге и Вене.

¹¹¹⁰ Компания, созданная для продажи в частное владение земель в Эрец-Исраэль. — *Прим. пер.*

¹¹¹¹ Менахем Усышкин (1863–1941, Иерусалим) — сионистский деятель. Идеолог еврейского заселения Страны Израиля, один из лидеров движения «Ховевей-Цион», член (с 1935 г. — председатель) Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. Акива-Яков Эттингер (1872–1945) — агроном, деятель еврейского поселенческого движения. Алтер Друянов (1870–1938) — сионистский деятель, литератор и фольклорист. — *Прим. пер.*

¹¹¹² Действовавшее в Лодзи литературно-музыкальное общество, пропагандировавшее культуру на святом языке. *Замир* (иврит) — соловей. — *Прим. пер.*

¹¹¹³ «Лодзер тагеблат» (идиш) — «Лодзинский дневник».

В Москве был членом сионистского бюро, членом бюро общества «Тарбут»¹¹¹⁴, членом Центрального комитета российской сионистской организации. Участвовал в сионистских конгрессах в Базеле, Гааге, Гамбурге и Вене. В 1930 году принял решение уехать из России. Умер в Тель-Авиве в 1954 году.

Элиэзер Зельдес

Родился в Слуцке в 1874 году. Один из первых в городе преподавателей иврита. Приехал в Страну Израиля в 1908 году. Первым его местопребыванием стал город Аза, где в те годы существовала малочисленная (двенадцать–тринадцать семейств) еврейская община. Прожив два года в Азе, Зельдес переехал в Хартув, на ферму некоего Голдберга, где он стал преподавать в школе для детей болгарских евреев и задержался там на два года. Из Хартува Зельдес перебрался в Кастину, где жил на протяжении всей Первой мировой войны.

В 1921 году Зельдес переехал в Беэр-Яаков, где проработал до выхода на пенсию. Затем жил в Тель-Авиве и Рамат-Гане. Время от времени занимался литературой. Вот список изданных им в 1920–1930-х годах брошюр: «Га-Аравим га-кадмоним», «Году», «Мицраим га-атика», «Ашур у-Вавель», «Парас у-Мадай», «Ме-га-сифрут га-мицрит га-атика», «Кнаан», «Йамей-Зрубавель ве-Нехемья», «Ме-га-сифрут га-бавли», «Га-Тарбут бе-Эрец-Израэль аль-пи професор Макалистер», «История маасит» в 3 томах¹¹¹⁵.

Писал для газеты «Га-Арец» статьи на разные темы и критические отзывы на исторические книги, которые иногда подписывал псевдонимом «Элиэзер».

Умер в 1954 году.

Из Хартува Зельдес перебрался в Кастину, где жил на протяжении всей Первой мировой войны.

Элиэзер Зельдес

¹¹¹⁴ «Тарбут» (иврит) — «Культура» — еврейская просветительно-культурная организация, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами была создана сеть образовательных учреждений на иврите. — *Прим. пер.*

¹¹¹⁵ В пер. с иврита: «Древние арабы», «Индия», «Древний Египет», «Ассирия и Вавилон», «Персия и Мидия», «Древнеегипетская литература», «Кнаан», «Эпоха Зрубавеля и Нехемьи», «Из вавилонской литературы», «Культура Страны Израиля согласно профессору Макалистеру» (Роберт-Александр-Стьюарт Макалистер — 1870–1950 — ирландский археолог), «Практическая история» в 3 томах.

Арн Ратнер

Родился в 1878 году в деревне Дубы под Слуцком. Женился на дочери р. Шмуэла Коцера, торговца соленой рыбой. Вскоре после этого Арн Ратнер прославился как оптовый торговец, торговавший маслом и всевозможными сырами, которые расходились по всей России и даже за границей.

Ратнер был предан сионистской мечте всей душой. Своего старшего сына Исроэла он воспитал в сионистском духе и традициях. (В 1924 году Исроэл был арестован за сионистскую деятельность и выслан в Эрец-Исраэль.)

После того как советская власть отобрала все его имущество, Ратнер решил наконец ехать в Эрец-Исраэль. Прибыв туда в 1925 году, он поселился в Тель-Авиве и открыл небольшую лавочку.

С юности Ратнер мечтал о жизни в деревне и наконец осуществил свою мечту: переехал в долину Хефер и поселился в Хавацелет га-Шарон, где завел небольшое хозяйство и маленький садик. Там он прожил двадцать лет. Умер в 1955 году.

Хаим Ратнер

Отец Арна Ратнера. Умер в возрасте восьмидесяти лет.

Арн Ратнер

Хаим Ратнер

Р. Шимен Коцер.
Скончался в Тель-Авиве в 1936 г.
в возрасте 84 лет.

Р. Довид Коцер.
Скончался в Тель-Авиве в 1955 г.
в возрасте 70 лет.

Сора-Злата Коцер.
Скончалась в Тель-Авиве в 1936 г.
в возрасте 83 лет

Йеѓуда-Лейб Грозовский

Йеѓуда-Лейб
Грозовский

Йеѓуда-Лейб Грозовский родился в Слуцке 1 нисана 1896 года в семье Ицхока-Ѓилела Грозовского — меламеда, преподавателя иврита, просвещенца и палестинофила, дяди филолога и писателя Йеѓуды Гура (Грозовского) и его жены Теѓилы. Учился в хедерах, а затем в йешивах Слуцка и Слободки.

В 1910 году Грозовский переехал в Варшаву, чтобы получить светское образование и выучиться на оптометриста.

С юных лет Грозовский был пламенным палестинофилом и членом партии «Цеирей-Цион». В 1925 году уехал в Эрец-Исраэль и поселился в Тель-Авиве, где стал первым профессиональным оптометристом. Принимал деятельное участие в работе различных обществ. Был членом «Бней-брит». Умер в Тель-Авиве 21 июня 1958 года.

Бейла-Ѓинда Мельцер

Бейла-Ѓинда Мельцер была дочерью Файвля Франка — знатока Торы и купца, одного из самых уважаемых евреев Ковно. Она родилась в 1873 году.

Уже в юности Бейла-Ѓинда славилась глубокими и обширными познаниями в Торе. В Ковно она содержала лавку, торговавшую кожами. Переехав в Слуцк, Бейла-Ѓинда взяла на себя заботу о материальных потребностях йешивы¹¹¹⁶.

Она говорила:

– В Танахе есть один стих, в котором я заменяю *айн* на *алеф*. Там сказано: «Кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него». А я говорю: «Кожу за свет»¹¹¹⁷.

Она имела в виду, что променяла торговлю кожами на свет Торы и ради этого готова была пожертвовать всем, что имела.

Бейла-Ѓинда также славилась тем, что постоянно переписывала рукописи своего мужа ясным разборчивым почерком, готовя их к печати. Все семь томов «Эвен ѓа-эзель», вышедшие при жизни р. Мельцера, были переписаны

¹¹¹⁶ Эту йешиву возглавлял ее муж р. Исер-Залмен Мельцер. — Прим. пер.

¹¹¹⁷ «Йов», 2:4. Слово *ор* — кожа — пишется через *айн*, а *ор* — свет — через *алеф*.

Арн-Борух Бакар
(1883–1934, Тель-Авив).
Представитель Второй
алии

Рувен Гросс.
Скончался в Тель-
Авиве в возрасте
60 лет

ее рукой. Бейла-Гинда исправляла у своего мужа грамматические ошибки и описки. Умерла в Иерусалиме в 1959 году.

Малка-Эла, сестра Зеэва Глускина. Приехала в Эрец-Исраэль в 1925 г. Скончалась в возрасте 88 лет.

Авром-Ицхок Нозик

Родился в 1899 году в Слуцке, в богобоязненной семье. Его отец был переписчиком святых текстов, а также выделывал пергамент для свитков Торы. Однако это не мешало ему быть просвещенным евреем и поборником Гаскалы. Своих детей он воспитывал в духе Торы и Гаскалы. Авром также проучился некоторое время в хедере, а затем в йешиве. Однако параллельно он получил светское образование и поступил в коммерческое училище.

С полного согласия родителей дом Нозиков служил местом обсуждения всех общественных мероприятий в городе, в которых семейство, включая Аврома, принимало самое активное участие. По окончании Первой мировой войны, когда в городе заметно активизировалась сионистская деятельность, Авром стал функционером «Цеирей-Цион». В любое мероприятие, в котором ему доводилось принимать участие, он приносил атмосферу жизнелюбия, веселья и шутливости — такой уж был у него характер.

Нозик уехал из Слуцка с третьей волной алии. Некоторое время он скитался по свету, оставаясь деятельным и активным в любом месте, куда бы его ни забрасывала судьба. Наконец в 1921 году он прибыл в Страну Израиля вместе с группой товарищей и вступил в рабочий батальон, в роту, базировавшуюся в Рош-га-Айне. Когда рабочие бригады организовали автомобильную роту, он стал одним из первых записавшихся в нее добровольцев, а потом поселился в кибуце Бейт-Йосеф¹¹¹⁸.

Первое время Нозик работал на осушении болот, затем пахал землю. Позже он перешел в столярную мастерскую, где и трудился до последнего дня.

Когда у Нозика обнаружилось страшное заболевание — опухоль головного мозга, он был вынужден поехать на операцию в Вену. После лечения

По окончании Первой мировой войны, когда в городе заметно активизировалась сионистская деятельность, Авром стал функционером «Цеирей-Цион».

¹¹¹⁸ Кибуц, основанный в 1921 г. группой бойцов рабочего батальона. — Прим. пер.

его состояние заметно улучшилось, и он вернулся в Эрец-Исраэль. Жизнь продолжалась, однако время от времени болезнь возвращалась. В какой-то момент наступило резкое ухудшение. Нозика отвезли в Иерусалим на лечение. Вскоре Авром скончался.

Йеѓуда Мас

Йеѓуда Мас был замечательным мужем и отцом. Это был приятный человек, который никогда ни на кого не сердился, очень образованный и простой в обращении. Свое дело он делал тихо, никак себя не выпячивая.

Йеѓуда родился в Слуцке в августе 1906 года в семье известного магида р. Цви-Гирша Маслянского, одного из лидеров «Ховевей-Цион». В 1926 году Йеѓуда приехал в Страну Израила и стал одним из основателей кибуца Афиким. Пережив все «родовые муки» первых дней существования кибуца, Мас участвовал в его развитии.

Во время арабских беспорядков 1936–1939 годов Йеѓуда оказался в числе защитников Ханиты¹¹¹⁹. Работал он в кибуцной бухгалтерии. Помимо основной работы исполнял множество разных поручений, главным из которых была отправка посылок членам Афиким, находившимся в армии.

О семье, оставшейся в России, приходили очень печальные сведения. Родителям пришлось закрыть дело, которое их кормило, и уехать из родного города на Урал. Братья и родственники Йеѓуды сгинули во время сталинских чисток. Согласно официальному приговору, они получили по десять лет без права переписки, однако по окончании срока никто из них так и не вернулся¹¹²⁰.

Эти вести плохо отразились на здоровье Йеѓуды. Будучи и так не слишком здоровым, он чувствовал себя все хуже и хуже, пока не заболел тяжелой болезнью.

Даже в последние дни своей жизни Йеѓуда продолжал говорить о том, что его ждет много работы. Однако жестокая судьба не позволила ему осуществить свои планы, и он умер в возрасте пятидесяти четырех лет.

О семье, оставшейся в России, приходили очень печальные сведения. Родителям пришлось закрыть дело, которое их кормило, и уехать из родного города на Урал.

Авром-Ицхок Нозик

Йеѓуда Мас

¹¹¹⁹ Ханита — кибуц в Верхней Галилее, у границы с Ливаном, в 7 км к востоку от Рош-ѓа-Никра.

¹¹²⁰ Фактически такой приговор означал расстрел. — *Прим. пер.*

Элизер Ривин

Родился 21 июля 1939 года. Первым ударом судьбы стала для него гибель старшего брата Йехиэля, которого Элизер считал своим идеалом. После этого мальчик стал гораздо более серьезным и замкнутым.

По окончании начальной школы наступил период раздумий. Элизер долго колебался, что делать дальше: получить специальность или продолжить учебу в старших классах, и наконец избрал второй путь. Он поступил в школу в Герцлии, где стал отличником практически по всем предметам. Лучше всего ему давались точные и естественные науки. Элизер отличался самостоятельностью мышления и, получив от учителя ответ, который его не удовлетворял, всегда сообщал об этом учителю и высказывал свое мнение.

Прочувшись два года, Йеѓуда решил круто изменить свою жизнь и уехать в кибуц. Чтобы подготовиться к жизни земледельца, он перешел в школу «Ѓа-Кфар ѓа-Ярок»¹¹²¹. Там он устроился вожатым в ячейку «Ѓа-Ноар ѓа-овед» в Рамат-ѓа-Шароне и всей душой отдался работе. Вкладывая в нее все свои силы и отдавая ей все свое время, он сумел сколотить большой дружный отряд, которым поселок по праву мог гордиться. Подопечные любили и уважали Йеѓуду, считая его идеальным вожатым. Однако работа плохо сказалась на его учебе. Учителя не соглашались, чтобы он делил время между учебой и работой. В результате Ривин решил пожертвовать учебой, но не работой, и остался вожатым до конца своих дней. Созданное им поселенческое ядро переехало в Йотвату¹¹²², самый молодой кибуц на тот момент.

Йеѓуда был красивым парнем с голубыми глазами и кудрявыми волосами, вежливым, пользовавшимся популярностью и преданным своим друзьям. Когда один из его товарищей был ранен во время армейской службы и позже скончался от ран, он помогал его семье.

Элизер Ривин

¹¹²¹ Ѓа-Кфар ѓа-Ярок — комплекс образовательных учреждений между Тель-Авивом и Рамат-ѓа-Шароном.

¹¹²² Поселение Йотвата было создано в 1951 г. как военизированное поселение бригады «Нахаль». В 1957 г. на его месте был основан первый кибуц в районе пустыни Арава. — *Прим. пер.*

Мирьям Маѓаршак

Ш. Б.

Мирьям Маѓаршак

На восемьдесят четвертом году жизни скончалась жена резника, замечательная супруга и мать, сионистская деятельница Мирьям Маѓаршак.

Мирьям родилась в Слуцке в семье торговца реб Зхарьи, который славился в городе своей ученостью: он знал наизусть весь Талмуд.

Вместе со своим мужем реб Шмуэлом Маѓаршаком, автором книги «Гегьоней-Шмуэл»¹¹²³, одним из лидеров городских сионистов, Мирьям превратила свой дом в штаб-квартиру сионистского подполья, действовавшего в Слуцке в 1920–1923 годах.

Зимней ночью 1923 года Мирьям с мужем уехала в США, оставив дома шестерых взрослых детей. В Америке она принимала деятельное участие в жизни общины Рочестера и в работе движения «Нешей-“Мизрахи”¹¹²⁴». Как и в советской России, ее дом был открыт для всех. После того как ее муж скончался, а большинство детей уехали в Страну Израиля, Мирьям тоже покинула свой уютный дом в диаспоре и переехала жить в Израиль.

В тель-авивском квартале Бицрон Мирьям прожила последние десять лет своей жизни, активно работая на благо общины: содействовала строительству синагоги, вела религиозно-просветительскую работу среди местных жителей.

В Америке она принимала деятельное участие в жизни общины Рочестера и в работе движения «Нешей-“Мизрахи”». Как и в советской России, ее дом был открыт для всех.

Борух Лифшиц

Борух всегда отличался ясностью мысли и ораторскими способностями. Он был членом организации «Кадимо», занимал в ней ответственные должности. Однажды Борух был задержан агентами ГПУ, когда вместе с четырьмя товарищами печатал очередной номер газеты движения. Все пятеро предстали перед судом, однако Лифшиц вместе с тремя другими ровесниками был освобожден в силу юного возраста.

¹¹²³ «Гегьоней-Шмуэл» (иврит в ашкеназском произношении) — «Логика Шмуэля».

¹¹²⁴ «Нешей-“Мизрахи”» (иврит) — «Женщины “Мизрахи”».

В 1924 году по всей России прошли аресты сионистов. Многие из них были задержаны в Слуцке, и Борух оказался в их числе. Несколько месяцев арестованные провели в минской тюрьме, после чего им был объявлен приговор: три года ссылки или высылка за границу.

2 сентября 1924 года высланные из Минска и Слуцка прибыли в Эрец-Исраэль на итальянском пароходе «Милано». Они разделились на две группы. Одна была связана с партией «Ахдут га-авода»¹¹²⁵. Ее члены поселились в кибуце Эйн-Харод и вошли в состав рабочего батальона в Кфар-Йехезкель¹¹²⁶. Из случчан в этот батальон вступили Борух, Ратнер, Хазанович и Магаршак.

Вскоре их распределили по кибуцным батальонам. Боруха послали в кибуц Ягур. Он быстро акклиматизировался в Стране Израиля и, решив выбрать себе имя из Торы, стал называться Амноном.

Первое время товарищи-случчане, поселившиеся в разных местах страны, были привязаны друг к другу и постоянно обменивались письмами. Кроме того, все очень интересовались судьбой друзей, оставшихся в России. Возникла срочная необходимость переслать туда деньги, чтобы поддержать тех, кто находился в тюрьмах и в ссылке. В связи с этим была организована группа, состоявшая из бойцов различных рабочих батальонов кибуца Эйн-Харод, которая должна была переехать в Тель-Авив и брать подряды на строительные работы. Заработанные деньги предполагалось посылать в Россию. Руководство кибуца согласилось с этим планом, и идея начала «обрастать мясом». Группу решили назвать «Эзра ле-Русия»¹¹²⁷.

Борух загорелся этой идеей, энергично занялся организацией группы и стал ее мозгом. К сожалению, она оказалась недолговечной. В Эрец-Исраэль разразился экономический кризис, работы остро не хватало, и в результате группа распалась, задолжав банкам. Борух остался работать в Тель-Авиве, чтобы расплатиться с долгами.

Борух Лифшиц

¹¹²⁵ «Ахдут га-авода» (иврит) — «Единство труда» — сионистская социалистическая рабочая партия в Эрец-Исраэль, основанная в 1919 г. Впоследствии стала частью Рабочей партии Страны Израиля (МАПАЙ). В 1944 г. была создана сионистская социалистическая партия с тем же названием на основе оппозиционной фракции, сложившейся с конца 1930-х — начала 1940-х гг. в партии МАПАЙ. Впоследствии вошла в Объединенную рабочую партию — МАПАМ. — *Прим. пер.*

¹¹²⁶ Кфар-Йехезкель — мошав в Эмек-Изреэль.

¹¹²⁷ «Эзра ле-Русия» (иврит) — «Помощь России».

Уже в первый год после приезда в Страну Израиля Лифшиц послал вызов своей семье в Слуцк и выкраивал из своих и без того невысоких доходов средства на помощь ей. Его родным удалось вырваться из России и присоединиться к нему.

В 1925 году, после объединения правой фракции партии «Поалей-Цион»¹¹²⁸ и Сионистской социалистической партии, возникла партия «Ахдут га-авода», в которой существовала фракция «Авука»¹¹²⁹, куда вошли преимущественно бывшие правые поалейционовцы. Борух и еще несколько случчан присоединились к ней. Лифшиц принимал участие в издании газеты «Авука», выпускавшейся фракцией.

В 1926 году Лифшиц поехал во Францию, где изучал в университете химию и получил диплом инженера-химика. Вернувшись в Эрец-Исраэль, он работал по своей новой специальности. В 1940 году Борух стал секретарем объединения студентов-членов Гистадрута в «Бейт-Бренере»¹¹³⁰.

В 1936 году Лифшиц женился. У него родились две дочери.

В 1950 году Борух перешел на работу в «Машбир»¹¹³¹, где занял одну из руководящих должностей. Там он трудился до конца своих дней. Помимо работы Лифшиц активно занимался общественной деятельностью: работал в студенческом объединении, был секретарем спортивного общества «Га-Поэль».

2 сентября 1944 года в связи с двадцатилетием приезда первой группы евреев из Минска и Слуцка состоялась встреча бывших активистов. Ровно через десять лет прошла вторая встреча, посвященная тридцатилетию этого события. Борух был главным инициатором этих мероприятий, ездил с места на место и брал на себя всю организационную работу.

4 мая 1961 г., вскоре после празднования своей серебряной свадьбы, Борух Лифшиц, еще не старый и полный энергии человек, ушел из жизни.

Борух и еще несколько случчан присоединились к ней. Лифшиц принимал участие в издании газеты «Авука», выпускавшейся фракцией.

---

¹¹²⁸ В 1919 г. партия «Поалей-Цион» раскололась на правую и левую фракции. Последняя в августе 1919 г. была преобразована в Еврейскую коммунистическую партию «Поалей-Цион», которая в 1920 г. создала вместе с родственными ей партиями Австрии, Италии, Латвии, Литвы, Польши и других стран Всемирный еврейский коммунистический союз «Поалей-Цион». — *Прим. пер.*

¹¹²⁹ «Авука» (иврит) — «Факел».

¹¹³⁰ «Бейт-Бренер» (иврит) — «Дом Бренера» — традиционное название здания на улице Бренер, 5, где находился Рабочий совет (центральный комитет Гистадрута) Тель-Авива. — *Прим. пер.*

¹¹³¹ «Га-Машбир ле-цархан» — первая сеть еврейских универмагов в Израиле. — *Прим. пер.*

СЛУЧЧАНЕ В АМЕРИКЕ¹¹³²

И. Швейдельсон

Автор этого обзора родился в Грозове в 1889 г., учился в Слуцке с 1901 г. и прибыл в Нью-Йорк в 1904 г. Он вступил в слуцкое землячество в 1907 г. и был избран секретарем-протоколистом в 1909 г. С того времени он всегда проявлял активность во всех проектах землячества на разных должностях. Он также был одним из главных инициаторов взаимопомощи случчан. При его поддержке в Израиле был построен «Бейт-Слуцк» («Дом Слуцка») у мошава Магдиэль.

Редакция

Объединенный комитет помощи выходцев из Слуцка

Начало деятельности

Общественный комитет случчан Америки для помощи евреям в родном городе начал свою работу в 1905 г., после Русско-японской войны, когда начались погромы в России. Страх, что в Слуцке, как в других местах, они тоже будут иметь место, взбудоражил случчан Нью-Йорка — города, где сосредоточивались земляки. Была сделана попытка собрать средства для создания самообороны. Большого результата в тот раз достигнуто не было, потому что состояние выходцев из Слуцка в Америке было не на высоте. Большинство из них являлись новоприбывшими; каждому приходилось бороться за существование и посылать деньги домой, семье. В то время среди случчан — за исключением единиц — еще не было людей, твердо стоявших на ногах в Америке.

Организации выходцев из Слуцка, тогда уже существовавшие, были еще совсем юными: «Слуцкой синагоге» было около пяти лет, «Независимым случчанам» — три года, а «Прогрессивным случчанам» вообще около года.

Удалось собрать пару сотен долларов, но неизвестно даже, были ли они отправлены в Россию. К счастью, в Слуцке уже тогда была деятельная молодежь, работали партии: сионисты, Бунд, «Поалей-Цион», территориалисты

¹¹³² В оригинале названия организаций бывших случчан в США переданы по-английски с помощью еврейского алфавита. Мы приводим их здесь в переводе на русский язык.

и еще некоторые. Хотя партийные деятели спорили, сражались между собой (и довольно часто доходило до кровопролития), они проявляли единство при встрече с общим врагом. Именно благодаря ребятам и девушкам из самообороны Слуцк удалось уберечь от погромов.

Полиция жестко преследовала революционную деятельность пролетарских партий. Она призвала на помощь урядника Кулака из Грозова, известного как кровавый убийца и закоренелый антисемит. Но еврейская компания не заставила себя долго ждать и на второй день «помогла» ему убраться.

Несколько больше было сделано после Первой мировой войны, когда в Америке появилось больше случчан (после неудавшейся русской революции и погромов в страну прибыл поток иммигрантов из числа лучшей молодежи). Иммигранты прежних лет привезли свои семьи и стали постоянными жителями страны. Состояние их улучшилось после 1910 г., когда были основаны еврейские рабочие союзы.

Когда разразилась Первая мировая война, в Нью-Йорке уже существовали три «случских» организации, которые немало помогали своим членам и одновременно поддерживали общие благотворительные еврейские учреждения. «Слуцкая синагога» уже имела собственное здание; в этом доме молитвы старшие члены землячества оказывались в домашней атмосфере.

«Прогрессивная случкая молодежь», организация, объединившая более молодых выходцев из Слуцка и его окрестностей, в течение десяти лет сильно разрослась. Комнаты ее клуба с 1906 г. стали местом сбора для всех, кто хотел в свободное время встретиться с земляками в дружеской обстановке.

«Независимые случчане», организация, состоявшая из земляков среднего возраста, также существенно развилась; она большей частью занималась оказанием помощи своим членам и членам семей из числа новых иммигрантов.

Со временем появилась еще одна «случкая» организация. В 1913 г. сформировалось ответвление большого союза «Дер арбетер ринг»¹¹³³, известное под названием «Слуцкая ветвь-500», вокруг которого объединились в основном те молодые люди, что были в России членами Бунда.

Когда летом 1914 г. разразилась война, еврейские массы в Америке были словно громом поражены. У многих случчан остались на родине жены и дети, родители и другие близкие люди, которым они регулярно посылали деньги. Вдруг всякая связь прекратилась. Более, чем по другим, это ударило по выходцам из Слуцка, потому что известный банк «Макс Кабре», с которым они были финансово связаны, обанкротился. Этот банк был для случчан не только финансовым заведением, где они держали вклады, через который посылали деньги и покупали шифскарты для родственников. Для многих это был еще и адрес, по которому они получали письма из дома. Банк также был местом, куда они приходили посоветоваться, как перевезти в Америку своих близких, и по различным другим вопросам.

Наше случкое землячество чувствовало себя там очень по-домашнему, ведь в банке у нас имелась группа сторонников. Известный случчанин, активист землячества Айзик Найбург много лет назад был одним из высших руководителей банка. Земляки ему очень доверяли и уважали его. Банк был также и местом для встреч, где каждую субботу по вечерам собиралось

Иммигранты прежних лет привезли свои семьи и стали постоянными жителями страны. Состояние их улучшилось после 1910 г., когда были основаны еврейские рабочие союзы.

---

¹¹³³ «Дер арбетер ринг» (идиш) — «Рабочий круг», по-английски — «The workmen's circle» — еврейская организация социалистического направления в США, основанная в 1900 г.

«Комитет помощи» посылает собранную одежду в Слуцк (лето 1946 г.). Исроэл Швейдельсон протягивает мешок с одеждой Соре Лефрак. Рядом стоит ее муж Гарри

землячество. Люди обменивались новостями из дома, встречали новоприбывших, получали приветы от родных.

После закрытия банка «Макс Кабре» и нескольких других многие земляки потеряли свои нажитые тяжелым трудом сбережения, а также оплаченные шифскарты и отправленные деньги. Многие утратили связь с родственниками. Это была катастрофа, но у людей осталась привычка приходить к банку. Они смотрели на закрытые двери, словно дети, которые приходят на кладбище и смотрят на могилы родителей.

В конце войны из представителей четырех организаций образовался Комитет помощи пострадавшим от войны в Слуцке. Председателем был Морис Осовский, казначеем — Мойше Кулак, секретарем — Гарри Маркус.

Несколько заседаний этого комитета состоялось в «Слуцкой синагоге». В них принимали участие тогдашний раввин синагоги р. Яков Искольский, а также знаменитый случчанин, магид р. Цви-Гирш Маслянский. Была собрана значительная сумма денег. Когда же речь пошла о том, чтобы ее отправить, оказалось, что это фактически невозможно ввиду беспорядков в России. Сначала из-за свержения царского правительства, а затем из-за установления большевистской власти помощь из Америки терялась.

Так тянулось пару лет. Посланцы, которые ездили по городам и местечкам с деньгами, не знали, как поступить, так как курс валюты каждый раз менялся и от американских долларов не было почти никакой пользы.

Примерно в 1918 г. земляки-случчане Макс Цуркофф и Айзик Найбург решили поехать в Слуцк для встречи со своими семьями. Многие земляки передали им деньги для родственников. Комитет помощи также передал им собранные средства и назначил их уполномоченными. Им было поручено создать в Слуцке комитет по наиболее достойному распределению денег.

Сначала из-за свержения царского правительства, а затем из-за установления большевистской власти помощь из Америки терялась.

Прибыв в Слуцк, Цуркофф и Найбург обнаружили, что комитет, председателем которого являлся доктор Шильдкраут, уже существовал. Но всего через два дня после их прибытия снова произошла смена власти, и им пришлось бежать из города в большой спешке, оставив деньги и список имен тех, кому они предназначались, у д-ра Шильдкраута. Таким образом, местный комитет должен был распорядиться средствами по своему разумению.

После этого, когда большевики взяли Слуцк и остались у власти, уже совсем невозможно было установить связи с комитетом в Слуцке из-за преследования его членов — как со стороны правительства, так и со стороны своих «евсеков». Короткое время спустя комитет в Америке распался.

Возобновление помощи

Нынешний комитет, известный под названием Объединенный комитет помощи выходцев из Слуцка, образовался в ноябре 1944 г., еще до капитуляции нацистских войск. Председатель «Прогрессивных случчан» поработал с лидерами других случцких организаций в деле создания комитета для помощи евреям, выжившим после бойни в Слуцке и окрестностях.

В четверг, 20 ноября, состоялось первое заседание под председательством Исроэла Швейдельсона, руководителя «Прогрессивных случчан». Участвовали следующие организации: «Слуцкая синагога», «Независимые случчане», «Прогрессивные случчане», «Слуцкая ветвь-500» и «Женский клуб прогрессивных случчан» (основанный в 1930 г.). Все были готовы делать то, что необходимо, для помощи выжившим евреям. Тогда еще не знали, насколько ужасной была Катастрофа.

Второе заседание состоялось 16 декабря 1944 г. Предполагалось, что на нем будут выбраны ответственные за те или иные задачи. Но на этом собрании царил тишина, словно 9 ова. В тот же день в «Нью-Йорк геральд трибюн» была напечатана статья известного земляка-случчанина Мориса Гиндуса, написанная после его визита в Слуцк. Стало ясно, что Катастрофа намного ужаснее, чем можно было вообразить. Слуцк, по сути, был просто уничтожен. Из тысяч евреев Гиндус обнаружил в городе только 29 человек.

Тогда выбрали ответственных лиц: председателем — уважаемого земляка, раввина, доктора Цодика Кафнера (да покоится он с миром), казначеем — известного бизнесмена Гарри Лефрака, финансовым секретарем — Лейви Темчина, секретарем-протоколистом — Сильвию Берг, заместителями председателя — Мориса Осовского из «Слуцкой синагоги», Лейви Басина из «Независимых», Сэма Кагана из «Слуцкой ветви-500», Сору Лефрак из женского клуба. Исроэл Швейдельсон из «Прогрессивных случчан» стал исполнительным вице-президентом.

Тем временем Морис Гиндус вернулся в Нью-Йорк. То, что он рассказал, было еще страшнее, чем то, что написал. Он пообещал выступить с докладом на собрании.

В воскресенье, 11 февраля 1945 г., председателем был Морис Осовский, главные докладчики — раввин, доктор Цодик Кафнер и профессор Носн Клоц. Призыв к сбору средств дал результат: около пяти тысяч долларов. К сожалению, Морис Гиндус не смог приехать, но и его послание по телеграфу заставило всех содрогнуться.

В личной беседе Морис Гиндус передал, что в Слуцке он разговаривал с одним из руководителей городской администрации, который ему объяс-

---

Председатель «Прогрессивных случчан» поработал с лидерами других случцких организаций в деле создания комитета для помощи евреям, выжившим после бойни в Слуцке и окрестностях.

Во время подписания контракта между комитетом и Гистадрутом о строительстве «Бейт-Слуцк» в Магдиэле (Израиль).

Сидят (справа налево): Морис Осовский, Исроэл Швейдельсон, Айзик Хемлин, Гарри Лефрак, д-р Авром Бунин и Гершон Левинсон из Израиля.

Стоят: Каган, Сильвия Берг, Сэм Травин, Сора Лефрак, Сэм Чеснин и др.

нил, что более всего город нуждается в медикаментах и хирургических инструментах, так как нацисты разграбили все больницы. Многие возвращаются из своих укрытий больными, разбитыми, ранеными, а медицинских средств не хватает. По мнению Гиндуса, нужно было отправить средства первой помощи для всех без исключения, евреев и неевреев.

На втором большом собрании (2 апреля 1945 г.) в качестве докладчиков выступили профессор Носн Клоц, раввин Цодик Кафнер, Морис Осовский, Исроэл Швейдельсон и Морис Гиндус. Сбор средств дал более восьми тысяч долларов.

Комитет под председательством д-ра Аврома Бунина приступил к закупке необходимых медикаментов. Было потрачено свыше двух тысяч долларов. В середине лета купленное было послано в Слуцк, по адресу отделения «Общества помощи России в войне».

В начале 1946 г. из письма, отправленного из Слуцка, стало известно, что последнее массовое убийство евреев в Слуцке и окрестностях произошло 8 февраля 1943 г., или 3 адара 5703 г. В этот день немецкие убийцы согнали в синагогальный двор последних евреев — около восьми тысяч человек, мужчин, женщин и детей, — и сожгли их живьем. Комитет оперативно созвал траурное собрание, чтобы отметить йорцайт. Люди плакали и скорбели по погибшим, выкрикивали свою боль. Так этот день стал отмечаться, к нему приурочивались ежегодные памятные собрания.

Когда раввин д-р Цодик Кафнер ушел в отставку с поста председателя, его место занял Исроэл Швейдельсон, так как фактически он и раньше занимался всеми делами вместе с вице-президентом д-ром Буниным.

От российской организации, ведавшей распределением помощи, была получена просьба выслать бывшую в употреблении одежду и обувь для слущкого населения. Комитет в течение нескольких месяцев собрал самые

Г-н и г-жа Лефрак передают первый чек председателю слуцкого комитета г-ну Исроэлу Швейдельсону (февраль 1945 г.)

разные предметы одежды и обуви общим весом пять тысяч фунтов и передал их «Обществу помощи России в войне» для пересылки в Слуцк.

Прошел год, но мы не получили никакого подтверждения, что отправленное было доставлено. Тем временем приходили письма из Слуцка, которые евреи, вернувшиеся в город из дальних краев, писали родственникам в Америку. Они даже понятия не имели о том, что для них было послано.

Председатель комитета списался с родственником в Слуцке и предложил, чтобы в городе был создан комитет, который будет состоять в связи с американским комитетом. Тот ему ответил, что это невозможно; он тоже даже не упомянул о посланных вещах. На последующие письма вообще не было ответа.

По совету Мориса Гиндуса был сделан телеграфный запрос в адрес одного из высших слуцких чиновников, с которым Гиндус разговаривал, о посланных вещах. Также был задан ему вопрос: в чем еще нуждаются горожане. Опять-таки не поступило никакого ответа. Комитет принял решение: пока нет ответа, никаких вещей больше не посылать.

В то же время приходили письма от земляков-случчан из лагерей беженцев. Земляки просили помощи и поддержки в поиске своих родственников в Америке. Комитет сразу отправил им деньги и продуктовые посылки, разыскал родственников.

В те дни пришло более ста писем из-за границы: Дания, Швеция, Италия, Австрия, Франция, Германия... На все мы ответили — письмами, продуктовыми посылками, одеждой, деньгами.

Некоторым землякам мы помогли приехать в Америку, а кому-то — переехать в Страну Израиля. Среди писем, полученных председателем, было и одно от его земляка, тоже уроженца Грозова, Шимшона Нахмани, о поиске родственника.

В то же время приходили письма от земляков-случчан из лагерей беженцев. Земляки просили помощи и поддержки в поиске своих родственников в Америке.

Слущкий комитет помощи ассигновал пять тысяч долларов для «United Appeal» (американская компания по сбору средств), ХИАСа¹¹³⁴, Гистадрута¹¹³⁵. Зимой 1947 г., когда ООН приняла решение о создании Государства Израиль, «Прогрессивные случчане» провели специальный сбор средств. Высказывались разные мнения: некоторые считали, что теперь надо собранные деньги отправить в кассу для общих целей и распустить комитет. Но большинство в комитете выступили за то, чтобы продолжать деятельность и помогать евреям в Израиле в их борьбе против арабов. Когда в конце 1948 г. д-р Авром Бунин поехал в Израиль, его уполномочили встретиться с вышеупомянутым Ш. Нахмани и другими земляками-случчанами, чтобы решить, как объединить усилия и увековечить память жертв из Слущка и окрестностей.

На собрании земляков-слущчан в Тель-Авиве, проведенном вместе с гостем, д-ром Буниным, обсуждался вопрос о возведении в Израиле детского дома или пристройки к больнице в качестве памятника Слущку. Был выбран комитет для поддержания связи с комитетом в Нью-Йорке. После возвращения д-ра Бунина в Америку было решено утвердить план, разработанный в Израиле.

В мае 1949 г. комитет отметил 60-летие автора этих строк. В знак признания успешности общей работы была объявлена новая кампания для реализации проекта.

При закладке краеугольного камня здания «Бейт-Слущк» в Израиле.

Сидят (справа налево): Бен-Элийогу, ..., Песа Шапиро, Бухбиндер (Бунин), р. Цви-Йефуда Мельцер, Шимшон Нахмани, д-р И. Кот, Шолом Шпилькин, Элийогу Дгани.

Стоят (справа налево): Соня Нахмани, Нехама Билер, г-жа Эпштейн и Лейбл Эпштейн, Йефуда Майзель, Шмуэл Токер, Мутя Меламед, Авром Черников, И.-Л. Грозовский, Нохем Хинич, Арье Шапиро

¹¹³⁴ ХИАС — HIAS, аббревиатура Hebrew Immigrant Aid Society — «Общество помощи еврейским иммигрантам» (полное название — «Объединенная служба ХИАС») — всемирная еврейская благотворительная организация, оказывающая помощь иммигрантам и беженцам, основанная в США в 1909 г.

¹¹³⁵ Гистадрут (иврит) — Федерация — сокращенное название основной профсоюзной организации в Эрец-Исраэль, созданной в 1920 г.

Два месяца спустя в Израиль отправились казначей комитета Гарри Лефрак и его жена Сора — крупнейшие спонсоры комитета. Вместе с израильянами они тщательно ознакомились с разными проектами и остановились на предложении больничной кассы: построить при туберкулезной больнице «Бейт-Левинштейн» здание, которое будет называться «Бейт-Слуцк». По возвращении супругов Лефрак этот план был принят. Заключили контракт с представителем больничной кассы и перевели первые десять тысяч долларов. 21 марта 1950 г. был заложен краеугольный камень для постройки «Бейт-Слуцк». При этом присутствовали как многие случчане, постоянные жители Израиля, так и некоторые земляки из Америки, которые в то время оказались в Израиле.

Израильский проект вызвал немалый энтузиазм у земляков в Америке. Слуцкий комитет помощи был первым землячеством, которое занялось таким масштабным увековечением памяти своих земляков — жертв нацизма.

Гарри Лефрак и его жена Сора поддерживали проект от всего сердца, д-р Бунин и его жена Марьяша проявили большую активность для его реализации. В течение полутора лет была собрана необходимая сумма денег.

Комитет в Израиле предложил, чтобы председатель слуцкого комитета помощи, под чьим крылом проект был успешно завершен, приехал в Страну Израиля и поучаствовал в торжественном открытии здания. После долгих обсуждений на открытие было решено послать Исроэла Швейдельсона.

Гарри и Сора совершили второй визит в Израиль, приняв участие и в торжественном открытии здания «Бейт-Слуцк», и в переговорах по поводу собственного проекта — постройки здания в память об их трагически погибшем зяте.

В 1954 г. комитет начал предпринимать шаги к осуществлению второго израильского проекта. Довид Левин, личный друг и многолетний соратник председателя, деятельный член комитета, со своей женой приехал в Израиль в Пейсах 1955 г. Он был уполномочен обсудить предложенные проекты, посоветоваться с комитетом в Израиле и высказать свое мнение по возвращении в Америку.

В апреле 1956 г. комитет заключил соглашение с Гистадрутом о строительстве детского дома в Гиват-Хаиме. Это была идея Довида Левина, который высказал ее в письме из Израиля председателю в Америку. Опять-таки, благодаря двум деятельным группам в комитете помощи («Прогрессивные случчане» и прежде всего «Женский клуб прогрессивных случчан»), которые с максимальной энергией приложили свои силы для сбора нужных денежных средств, цель была достигнута.

Добровольческая ассоциация «Прогрессивные молодые случчане» была основана в январе 1904 г. — ее создали около десяти молодых парней из Слуцка, которые не чувствовали себя по-домашнему в Слуцкой синагоге и среди «Независимых случчан». Мировоззрение этой молодежи складывалось под влиянием социалистических идей.

В первый же год существования ассоциация насчитывала уже более ста членов, а к концу 1905 г. они открыли клуб, действующий до сего времени.

Члены ассоциации хотели сохранить молодежный ее характер, поэтому решили, что возраст новых членов не должен превышать 30 лет (и при этом они не должны быть в браке). Со временем «Прогрессивные случчане» стали настолько популярными, что к ним присоединились немало выходцев из других городов и краев, например, из Галиции, Румынии.

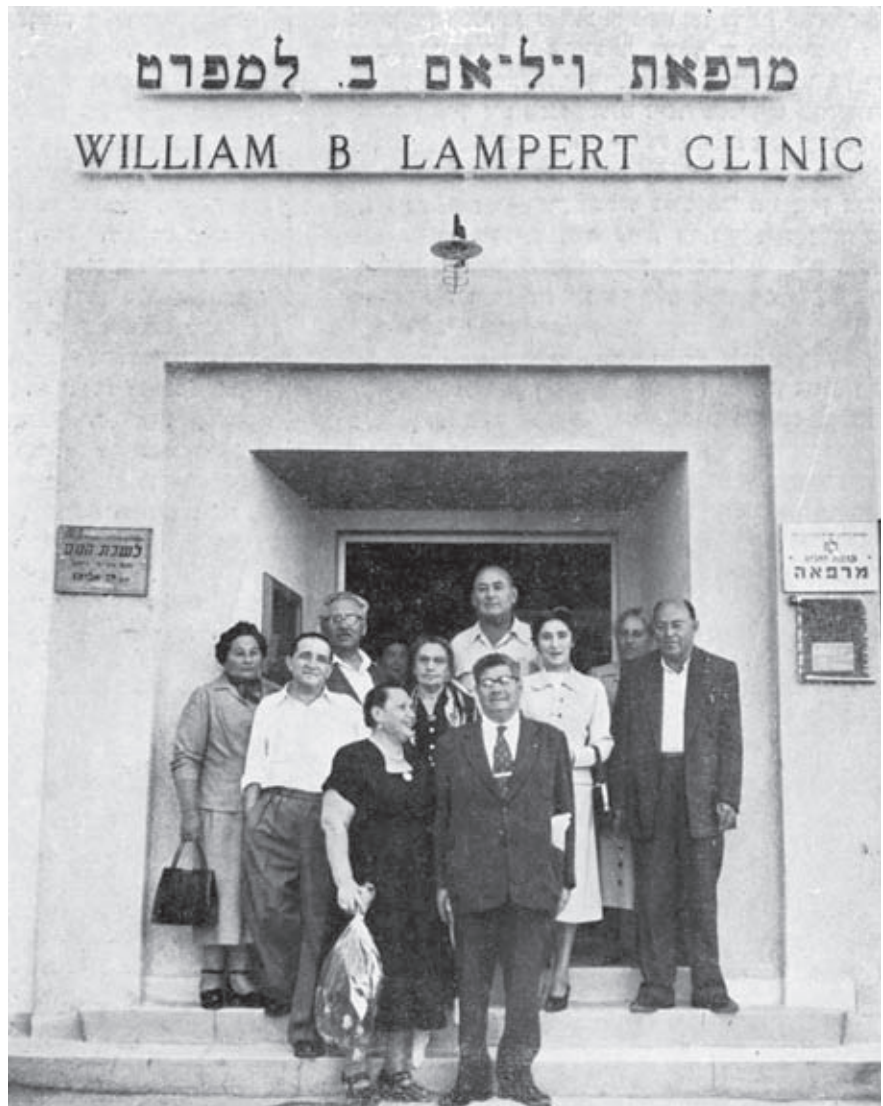
Добровольческая ассоциация «Прогрессивные молодые случчане» была основана в январе 1904 г. — ее создали около десяти молодых парней из Слуцка...

Клиника имени
В.-Б. Ламперта
в Израиле.

Стоят (справа
налево): Нохем Хинич,
Эстер Хинич, Мерет
Токер и Шмуэл Токер,
Соня Нахмани, Шимшон
Нахмани, Арье Шапиро,
Песя Шапиро.

Во втором ряду
посередине: Гарри
и Сора Лефрак

В организации еврейских рабочих союзов выходцы из Слуцка были в первых рядах. В клубных комнатах всегда кипела деятельность: различные собрания, лекции, концерты. В читальном зале проходили занятия по изучению английского языка. Слуцкие балы, которые проводились четыре раза в год, были весьма популярны.

Когда началась Первая мировая война и Америка в нее вступила, более сотни членов ассоциации были призваны в армию. Но деятельность «Прогрессивных случчан» не прекратилась. После войны они были среди первых, кто помогал создавать Слуцкий комитет помощи.

Большевистский переворот в России, который внес раскол в ряды еврейских рабочих и в организацию «прогрессивистов» вообще, не поколебал, однако, ассоциацию «Прогрессивных случчан». Правда, в ее рядах было несколько коммунистов, но далеко это не пошло, единство организации сохранилось.

Со временем количество членов у «Прогрессивных случчан» достигло пяти сотен, организация приобрела финансовую силу. Она не порвала с социалистической традицией, но в ней больше, чем прежде, стал ощущаться еврейский дух.

Случчане-посетители
«Бейт-Слуцк»
в Израиле.

Справа налево: Мутя
Меламед, Рувен Гросс,
Элийогу Дгани, Арье
Шапиро, Исроэл
Швейдельсон, Сора
Лефрак, Гарри Лефрак,
Шимшон Нахмани,
Н. Хинич, Ш. Токер

Со вступлением США во Вторую мировую войну «Прогрессивные случчане» проявили большую активность в распространении среди своих членов «военных облигаций» (U. S. War Bonds). Они приобрели их более чем на миллион долларов. Правительство воздало им различные почести, а один самолет был назван «Spirit of Slutzk» — «Дух Слуцка». В Объединенном комитете помощи «Прогрессивные случчане» были движущей силой, и главный офис комитета находился в их клубных комнатах. Их руководящие работники заняли аналогичные должности в комитете.

С появлением Государства Израиль «Прогрессивные случчане» в комитете провели акцию для совместного увековечения памяти погибших в Катастрофе возведением памятника в Израиле. Не прекращали они свою деятельность ни в общих благотворительных ведомствах, ни в еврейских добровольных ассоциациях Америки.

Сейчас, когда организации «Прогрессивные случчане» уже больше 55 лет, она насчитывает еще около 400 членов, но снизила свою активность. И все-таки она является крупнейшим, самым деятельным случцким землячеством в Америке.

Женский клуб прогрессивных случчан

Прогрессивный женский клуб был создан в январе 1930 г. с целью укрепить дружеские отношения между женщинами. Спустя некоторое время члены клуба активно включились в общий поток американской еврейской жизни.

Поначалу женщины помогали во всех начинаниях «прогрессивных случчан», а также в иных общинных делах. Особенно это проявилось во время кризиса 1930-х годов, когда требовалась чрезвычайная помощь членов общины и благотворительных организаций.

В Объединенном случцком комитете женщины были очень активны в сборе помощи для тех немногих евреев, которые выжили в Катастрофе. После создания Государства Израиль они многое сделали для увековечения в Израиле памяти о Слуцке. Женский клуб «прогрессивных случчан» — гордость случцких землячеств в Америке.

С появлением Государства Израиль «Прогрессивные случчане» в комитете провели акцию для совместного увековечения памяти погибших в Катастрофе возведением памятника в Израиле.

Случчане в Америке в начале XX века

Семья И.-Д. Берковича в Браунсвилле (Нью-Йорк), 1908

Отец Азриэл-Зелик (ок. 1860–1934). Был известен в Слуцке, особенно на Выгоде, как Зелик Чепельский, поскольку происходил из деревни Чепели под Старобином. Оттуда его дед, Лейзер-Липа, арендовавший маслобойню у чепельского помещика, был выслан во время гонений Николая I на деревенских евреев. Его также звали Зелик-высокий, потому что он был высокого роста, и Зелик-сироты (не «сирота», а именно «сироты»), потому что в юном возрасте после смерти своего еще молодого отца Берла Чепелейера (Чепельского) он остался единственным кормильцем маленьких сирот. Его старший брат Авром-Иче, меламед в соседнем местечке Любань, не годился для этого.

Молодым человеком Зелик уехал в Америку, изучил ремесло, вернулся, а позже снова эмигрировал в Америку уже со всеми домашними (кроме старшего сына Ицхока-Довида, который оставался в Европе). Поселился он в Браунсвилле, где открыл небольшое дело: занимался стиркой, окраской и гладкой одежды. В старости купил дом в районе Бенсонхерст (Бруклин), где содержал хедер, изучая с американскими еврейскими детьми Пятикнижие с комментариями Раши и готовя их к бар-мицве. Он ревностно молился, вел молитву «Мусаф» в Выгодской синагоге в субботы и праздничные дни и утреннюю молитву в Йом-Кипер. В Браунсвилле он с земляками из Слуцка и Погоста основал общество «Адас-Исроэл»¹¹³⁶, построившее синагогу, и организовал группу талмудистов, в которой уроки вел слуцкий раввин Томашов.

Мать Двоя (1859–1939) была известна на Выгоде как редкая хозяйка, чисто плотная и умная женщина. Она помогала мужу во всех делах, пыталась

Сидят (справа налево):
Исер, отец Азриэл-
Зелик, Борух, мать
Двоя, Эльхонон.
Стоят (справа
налево): Бася, Ицхок-
Дов, Рувен-Лейб, Фейгл

¹¹³⁶ «Адас-Исроэл» — «Община Израиля».

обеспечить своим детям хорошее образование. Разводила сады как на Выгоде в Слуцке, так и в своей родной деревне Быково.

Бася (1883–1938) писала рассказы и стихи, в том числе и о Слуцке. Публиковала их под псевдонимом «Бася Львович» в нью-йоркском еженедельнике «Фрайе арбейтер штимме» и в ежедневном издании «Цайт», которое редактировал Довид Пинский.

Ицхок-Дов (И.-Д. Беркович). В те дни приехал из Швейцарии в гости к родителям в Америку.

Фейгл (живет сейчас с мужем и семьей под фамилией Доринсон в Чикаго). В девичестве занималась в Слуцке сионистской деятельностью вместе с другими молодыми людьми.

Рувен-Лейб. Прибыл с родителями в Америку после того, как в Слуцке отучился не только в хедере (получив еврейское образование), но и в русской казенной школе. В Америке вполне овладел ивритом и английским. Все время работал учителем иврита. Сейчас в Филадельфии.

Эльхонон (1894–1945). В Слуцке до 14 лет учился в хедерах и йешивах, рос на ивритской литературе. Прилежный ученик с острым умом, в Америке он потянулся к высшему образованию. Окончил Корнельский университет, где был помощником профессора. В 1924 г. был приглашен на должность профессора испанской литературы в Висконсинский университет (Мадисон), где преподавал более 20 лет и был одним из лучших, любимых педагогов. Получил премии Пулитцера и Гугенхайма за литературные работы. Дважды посещал Испанию (в период республики), где его приглашали читать лекции в Мадридском университете. Среди прочего выпустил исследование об ивритском переводе «Дон Кихота», сделанном Х.-Н. Бяликом, сличив перевод с испанским оригиналом, — см. письмо Бялика к нему в «Игрот Х.-Н. Бялик» (Т.-А.: Двир, 1937, с. 204). После его смерти Висконсинский университет в 1948 г. опубликовал научную книгу Эльхонона Берковича, посвященную классику испанской литературы Пересу Гальдосу.

Исроэл-Исер. Окончил колледж в Нью-Йорке. Короткое время работал учителем в школе, перешел в бизнес. Живет в Нью-Йорке.

Борух. Его привезли в Америку еще ребенком. Учился в Нью-Йоркском университете, занимался бизнесом. Живет в Нью-Йорке.

Случчане в Нью-Йорке

Х. Зейдес

Слуцкие евреи начали эмигрировать в Америку в середине 1880-х годов. В те времена уезжали самые бедные, и не было никаких еврейских организаций или союзов. Те, кто знал ремесло, что-то зарабатывали в потогонных мастерских, где рабочий день в ту пору продолжался по 14–15 часов; те, кто не знал ремесла, подолгу мучились, прежде чем находили средства к существованию. Хотя эмигрантам приходилось очень трудно, каждый должен был посылать какие-то деньги жене и детям, расплатиться с людьми, которые ему помогли добраться до «золотой страны», оплатив билет.

Но каждый еврей, как бы плохо и горько у него ни было на сердце, благословен мерой упорства. И вот группа случких евреев собралась и основа-

ла синагогу под названіем «Аншей-Слуцк»¹¹³⁷. Каждый эмигрант из Слуцка и окрестностей приходил в землячество, хоть у всех были свои беды. Каждый жаловался, что его доход ненадежен. И все же, хотя у них самих не хватало денег, они старались помочь новоприбывшим. Приехавшие раньше заботились о том, чтобы у каждого была работа в «шопе» (магазине или мастерской), или давали новоприбывшим советы, куда обратиться за помощью. Вскоре была основана еще одна слуцкая синагога с большим числом молившихся. За пару лет до Русско-японской войны слуцкий даян р. Лейб Неймарк посетил своих детей в Нью-Йорке. Земляки устроили ему прекрасную встречу.

Раввин Неймарк был великим знатоком Торы, мудрецом из мудрецов и великолепным оратором. Благодаря его речи объединились две слуцкие общины в Нью-Йорке; возникла одна большая синагога, которая существовала примерно полстолетия на Пайк-стрит (Манхеттен). Если кто-то хотел узнать, где найти случчанина-земляка, то получал точную информацию в синагоге.

Синагога со временем купила земельный участок под кладбище. Многие добрые дела были сделаны благодаря Морису Осовскому и его родителям. Бывший раввин Слуцка Ридбаз (раби Яков-Довид), в свое время очень известный, скончался в Стране Израиля в 1913 г. Траурная церемония тогда была устроена с участием выдающихся раввинов в синагоге на Пайк-стрит.

По совету раввина Йеѓуды-Лейба Лазерова было предложено основать в Нью-Йорке талмуд-тору и назвать ее именем Ридбаз. Предложение было принято, и появилась талмуд-тора «Ридбаз» в память о любимом слуцком раввине.

Талмуд-тора «Ридбаз» — «дитя» Слуцкой синагоги, а в последние годы случчане дожили и до появления «внука». Была основана йешива имени раввина Йосефа Кановича, зятя Ридбазы.

р. Лейб Неймарк,
слуцкий даян
и знаменитый магид

¹¹³⁷ «Аншей-Слуцк» (иврит) — «Люди Слуцка».

р. Мордхе Дайно

р. Довид-Йеѓуда,
слуцкий даян
(известный как
Салантер)

Р. Дов-Йеѓуда Дайно

Раввин Дайно родился в Слуцке, где даяном служил его дед, реб Зундл Салант. Реб Зундл Салант был двоюродным братом иерусалимского ребе Йосефа-Зундла Саланта, учителя раввина Исроэла Салантера. Когда дед скончался, реб Дов-Йеѓуда занял его место даяна и духовного руководителя. До двенадцатилетнего возраста он воспитывался в Слуцке и начал выступать в слуцкой йешиве с речами уже в юном возрасте.

В 1917 г. р. Дайно переехал из Слуцка в Харбин (Маньчжурия), где находился до 1925 г. Прибыв в Америку, он жил в Канарси (Бруклин, Нью-Йорк) до своей кончины в 1945 г. Его младший сын Мордхе, который хорошо выучил русский язык в харбинской гимназии, поступил учиться в йешиву имени раби Иццока-Эльхонона Спектора.

Затем молодой Дайно получил пост раввина в Сиракьюсе (штат Нью-Йорк), позже был раввином в Бруклине, а в 1944 г. стал армейским раввином.

Благодаря своему знанию русского языка р. Мордхе был отправлен в Шанхай. Он был среди первых американских евреев, которые встретились с теми немногими европейскими их собратьями, кто выжил в Катастрофе.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

*(Те, кто помог выпустить «Памятную книгу Слуцка»;
перечисляются по алфавиту)*

Н. В.

Выходцы из Слуцка и окрестностей занимают очень важное место во всех сферах деятельности в Америке. Если написать о каждом из них отдельно и подробно, это займет не одну книгу, что, конечно, было бы интересно. Но здесь мы ограничимся некоторыми штрихами к биографиям отдельных личностей, которые добились значительного положения в американской еврейской жизни и помогли осуществить выпуск этой памятной книги. Их щедрая помощь вдохновила всех членов нью-йоркского комитета на ведение трудной работы со множеством препятствий и разочарований. Нижеперечисленные люди, будучи пионерами по своей природе, действовали, не считаясь с обстоятельствами, и это помогло развить их личные проекты. При этом они также позволили себе поддержать важную работу по подготовке Книги памяти, хотя было немало таких, кто эту работу проигнорировал или высмеял. Своей самоотверженностью наши помощники заслужили, чтобы о них было рассказано здесь.

Альтман Элийоѓу и Сора

Элийоѓу Альтман, сын Йеѓуды-Лейба и Ривки, родился в Слуцке. Его дом находился в синагогальном дворе. Их старший сын Рувка был в городе знаменитостью, «притчей во языцех». После учебы в слуцкой и старобинской йешивах он вернулся в Слуцк и стал просвещенцем. Затем Рувка увлекся сионистским движением и вместе с учителем Ицхоком Каценельсоном основал «прогрессивный хедер». Там они, наряду с другими, распространяли ивритскую культуру среди слуцкой молодежи.

Младший брат Рувки Элийоѓу учился в слуцкой «мехине» (подготовительная программа) у р. Нехемьи и в Большой йешиве. Позже он уехал учиться в «полусовременную» лидскую йешиву. Вернувшись в Слуцк, он прошел курс обучения в реальном училище. Как и его брат, был очень активен во всех делах, связанных с еврейским сознанием и образованием. На-

Сора и Элийоу
Альтман

пример, Элийоу принял деятельное участие в основании слуцких отделений партии «Цеирей-Цион» и движения «Ге-Халуц». Многие из активистов того времени репатриировались в Эрец-Исраэль.

В 1920 г. Элийоу вместе с группой халуцим пустился в путь к Земле Израила. На короткое время он задержался в Польше, где энергично работал для «Цеирей-Цион» и «Ге-Халуца», объезжал города и местечки, агитируя евреев за переезд в Эрец-Исраэль.

На Земле Израила Элийоу Альтман активно проявил себя в «Га-Поэль га-цаир» и в Гистадруте, вступил в юридический комитет «Совета рабочих» в Тель-Авиве-Яффо.

В 1923 г., когда Элийоу прибыл в Нью-Йорк, он и там много времени посвящал национальным и культурным делам. Первые годы он отдавал преподаванию, одновременно продолжая свои активные занятия юриспруденцией. В итоге амбициозный молодой человек в 1931 г. получил диплом факультета права Нью-Йоркского университета. С тех пор он практиковал как адвокат с большим успехом. Тем временем Элийоу женился на Соре Клейнман, дочери Хаима и Ципы.

Отец Соры происходил из маленького местечка Погребище (недалеко от Киева, сейчас — в Винницкой обл.). Он был проникнут национальным духом и, будучи уже уважаемым торговцем, в начале XX века оставил все свои дела и уехал жить в Страну Израила. Ему даже удалось купить землю близ Хадеры, но он не сумел устроиться и поехал попытать счастья в Турцию. Там он связался с группой «Ховевей-Цион» из России; они основали колонию под названием «Месила хадаша»¹¹³⁸, где надеялись подготовиться к жизни в Эрец-Исраэль. В колонии поселился также отец Соры Клейнман. Через пару лет их план провалился, и Клейнманам пришлось эмигрировать в Америку, но там они снова ждали момента, чтобы переехать в Страну Израила.

Элийоу Альтман был среди первых, кто тепло отозвался на известие о подготовке Книги памяти, и все время, пока велась работа над ней, исполнял обязанности секретаря нью-йоркского комитета. Жена Сора помогала ему в работе.

В итоге амбициозный молодой человек в 1931 г. получил диплом факультета права Нью-Йоркского университета. С тех пор он практиковал как адвокат с большим успехом.

---

¹¹³⁸ «Месила хадаша» (иврит) — «Новый путь».

Безбородко Довид и Сора

Довид Безбородко — случчанин во многих поколениях. Несмотря на то что его дедушка, реб Ѓиршл-Ѓилел, уже в 1866 г. переехал из Слуцка в Петербург, судьба всегда возвращала семью в Слуцк, и род Безбородко не отдалялся от этого города.

Дедушка Довида был добросердечным человеком, сведущим в Торе. Он стал одним из первых евреев России, организовавших крупномасштабное производство стекла. Его имя упоминается среди богачей Слуцка, состоявших в комитете по борьбе с последствиями большого пожара 1868 г.

Как было сказано, он перевел свое дело в 1866 г. в Петербург (точнее, в Сестрорецк), а через несколько лет переехал в Москву. Все-таки он не хотел совсем порывать с родным краем, а потому открыл вторую стекольную фабрику в Ганцевичах, которые посещал пару раз в год.

Крупные проекты и предприятия реб Ѓиршл-Ѓилела не привели его к отчуждению от еврейства. Он укоренял еврейский дух и в детях; прямо из Москвы он отправил своего сына Йосефа, окончившего курс гимназии, поучиться несколько лет в Мирской йешиве.

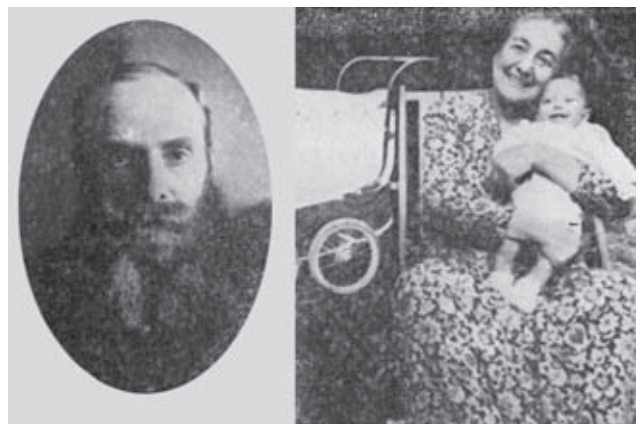
В 1890 г., когда Ѓиршл-Ѓилел состарился, но проявлял еще немалую активность в делах, случилось так, что еврей-солдат, случчанин, наведался к нему в Москве и рассказал, что стал жертвой доноса и ему грозит суровое наказание. Жена солдата с несколькими детьми оставалась без попечения в Слуцке. Сердце Ѓиршл-Ѓилела от этой новости сжалось настолько, что он оставил свои дела и стремглав бросился в Слуцк, чтобы защитить солдата-земляка от опасности. И ему действительно удалось его освободить, но вся история так повлияла на старика, что он опасно заболел. Тогдaшнй слущкий раввин реб Яков-Довид посещал больного и пообещал ему, что в силу его заслуг и его дети не попадут в руки царской власти.

Пару лет спустя жена реб Ѓиршл-Ѓилела приехала в Слуцк посетить могилу мужа, похороненного рядом с его родителями, и тоже внезапно умерла в этом городе.

В 1891 г. сын реб Ѓиршл-Ѓилела Йосеф Безбородко, который к тому времени уже занялся родительским бизнесом, оставил все и в возрасте 24 лет перебрался в Оршу, в черту оседлости. Там он открыл новую фабрику по производству стеклянных изделий и зеркал, но потерпел неудачу.

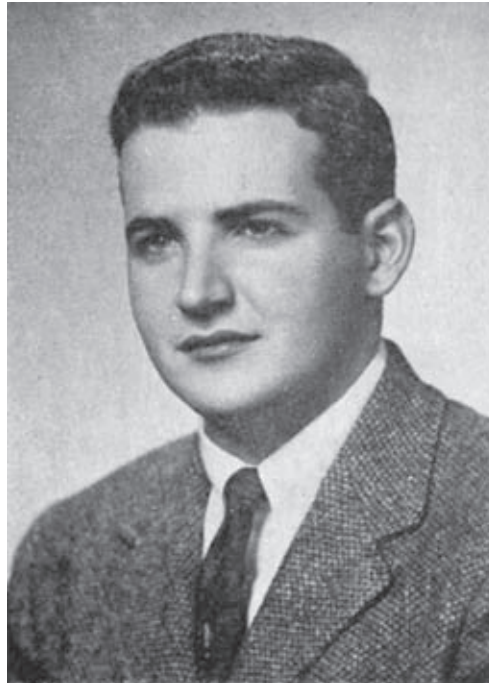
р. Ѓиршл-Ѓилел,
известный в Слуцке
общинный деятель
(начало XIX в.)
со своей женой Перл
Безбородко

р. Йосеф и его жена
Маша-Лея Безбородко
(2-е поколение)

Довид Безбородко
(3-е поколение)

Йосеф-Арн Безбородко
(4-е поколение)

В 1901 г. реб Йосеф с женой посетил свою фабрику в Ганцевичах, и заодно заехали навестить родительские могилы в Слуцк. Находясь там, жена реб Йосефа родила сына Довида (26 июля 1901 г.).

В 1907 г. Йосеф перебрался со своей фабрикой в Ченстохов. Он был литваком и миснагедом во многих поколениях, но в новом мире, где попал в хасидские круги с особыми обычаями, пользовался большим уважением у всех слоев населения. Своим детям он прививал любовь к Торе и к Земле Израиля. Когда в 1919 г. в Ченстохове разразился погром, его польские рабочие защитили его и его семью, не позволив сделать с ними ничего плохого.

В 1922 г. Йосеф умер в возрасте 55 лет, и ченстоховская еврейская община почтила его память, похоронив его рядом с могилой их любимого раби Фильцера.

Со временем Довид вырос, выучился и усовершенствовал фабрику по производству стекла и зеркал. Бизнес вынуждал его часто ездить по разным странам. Путешествуя так, он поселился в Париже и открыл во Франции две подобные фабрики: одну в Саверне, а вторую — в Париже.

В Париже он познакомился с Сорой Цукер, происходившей из очень почтенной семьи польских евреев. Довид женился на Соре в 1930 г. Дело их во Франции процветало.

Когда нацисты оккупировали Францию, Довид Безбородко едва успел бежать со своими домашними, оставив все свое имущество. С помощью Французской лиги прав человека, в работе которой он принимал активное участие, он достиг Нью-Йорка.

Будучи верным роду, представителям которого суждено было блуждать по миру, всегда что-то строить и с еще большей энергией начинать заново, Довид в Нью-Йорке со специфическим семейным рвением бросился закладывать зеркальную фабрику. Это ему удалось значительно труднее, чем его отцу в Орше и Ченстохове. Исходя из нью-йоркских правил производства

Но тут Довиду пригодился его прирожденный слуцкий ум: он прямо-таки брал людей в плен своим энтузиазмом и завоевывал их доверие.

и из того, что требовался большой начальный капитал, казалось, что задача невыполнима для того, кто привез с собой только свое имя. Но тут Довиду пригодился его прирожденный слуцкий ум: он прямо-таки брал людей в плен своим энтузиазмом и завоевывал их доверие. До сих пор «Mechanical Mirror Company» является выдающейся компанией, на которой работают десятки евреев. Как горячий националист и самоотверженный сторонник «Га-Поэль га-мизрахи», Довид, однако, имеет совершенно другие виды на будущее для своей семьи. Его отец, стекольный фабрикант-случчанин, однажды сказал ему, что лучшее сырье для стекольной промышленности следует искать в Стране Израиля, потому что в стихе из Торы («Дварим»¹³⁹, 33:19) говорится о сокровищах, скрытых в песке. Раши комментирует: «Тунец, и моллюск хилазон, и белая порода выходят из моря и из песка». Он продолжает объяснять: «тунец — вид рыбы; хилазон — особый вид моллюска, из которого добывается краска; белая порода — песок для белого стекла».

С комментарием Раши Довид Безбородко пускался в далекие путешествия, а ныне претворяет его в жизнь, строя фабрику в Акко. Он надеется нанять сотни еврейских рабочих для производства стекла и зеркал.

Гимельштейн Мойше и Эйдл

Мойше Гимельштейн родился в Слуцке. Его родители — Пейсах, сын Мойше-когена, и Рохл, дочь реб Якова Гершовича.

Пейсах был человеком, соблюдавшим заповеди Торы, но также и борником просвещения. Письма на иврите отец Мойше подписывал так: «Пейсах Эвен-Шамаим» (ивритский вариант «Гимл-штейн» — «Небесный камень» на идише).

Зарабатывал Пейсах производством сыра в подвале на Шоссейной улице. Наверху была лавочка по продаже молочной продукции. Он торговал голландским сыром, который продавал даже в Сибирь.

Когда польские легионы потянулись назад из Белоруссии в 1920 г., молодой Мойше, сын Пейсаха, решил уйти вместе с ними в Польшу, но не оставаться в красном Слуцке. В Польше он прожил три года, а в 1923 г. уехал на Кубу. Как и все новые иммигранты, первое время он там мучился, но постепенно счастье начало ему улыбаться. Он купил несколько участков земли и построил там много зданий, что приносило вполне приличный годовой доход. Мойше подумал: если его папа смог вести молочный бизнес в Слуцке, почему бы ему не руководить фабрикой в Гаване? В Польше он короткое время работал на парфюмерном производстве и приобрел некоторые знания об этом деле. И он попытал счастья, открыв на Кубе фабрику по производству косметики.

Тем временем он сыграл свадьбу с Эйдл Школьник, тоже случчанкой, дочерью Зелика-меламеда. Она стала не только его супругой, но и главной продавщицей его косметических продуктов. Так супруги-случчане начали получать очень неплохую прибыль в Гаване. Их богатство росло год от года. Но в одно прекрасное утро пришел Фидель Кастро и национализировал предприятия на острове, в том числе имущество Гимельштейнов. Вместе со многими другими евреями и неевреями они бежали во Флориду, и, лежа на берегу Атлантического океана под лучами палящего солнца, воспомина-

¹³⁹ «Дварим» (в русской традиции — «Второзаконие») — 5-я книга Пятикнижия.

ли о своих путешествиях: от слуцких болот до пышных морских берегов Майами.

Несмотря на все переживания, Мойше Гимельштейн свеж и бодр, он еще надеется построить что-то новое, лучшее, чем то, что было в его родном городе Слуцке и «приемном» городе Гаване. Чем больше отдаляются сладкие сны прошлого, тем сильнее становится у Мойше ностальгия по Слуцку, городу его юности. Когда началась подготовка Книги памяти, он сразу включился в работу, протянул руку помощи и помог расширить воспоминания.

Лефрак Гарри и Сора

Гарри Лефрак — один из самых популярных случчан в Нью-Йорке как благодаря своему активному участию во всех благотворительных инициативах, так и благодаря феноменальному успеху в деловом мире, ставшему притчей во языцех.

Его еврейское имя — Гиршл-Мейлех, и родился он у Арна, сына стекольщика Мойше-Берла, и Двойры-Гени из Козловичей (деревни рядом с Уречьем). Родители во время его рождения жили в Бобруйске, а появился он на свет к первому пасхальному сейдеру 30 марта 1885 г. Сразу после этого они вернулись в Слуцк, ставший родным для семьи на много лет.

Похоже, что уже тогда у Мойше-Берла были родственники в Стране Израиля, с которыми он был тесно связан и искал средства, чтобы туда поехать.

В 1892 г. Мойше-Берл отправил своего сына Хону в Эрец-Исраэль, и когда тот написал оттуда вдохновенное письмо, семья Арна тоже решила туда отправиться.

Пробыв там пару лет, Арн Лефрак узнал о смерти своего отца и о ссорах наследников. Тогда он со своей семьей вернулся в Слуцк.

реб Пейсах
Гимельштейн с женой
Рохл и дочерью

Берл Школьник (брат
Эйдл Гимельштейн)

В 1897 г. он снова захотел испытать счастье и поехал с семьей в Страну Израиля. Там они оставались до бар-мицвы Ѓиршла-Мейлеха, состоявшейся в Иерусалиме в 1898 г.

Увы, им снова пришлось отправляться в Слуцк через Черное море. Они остановились в Одессе. Вместо того чтобы ехать со всей семьей, Ѓиршл-Мейлех убедил своего отца позволить ему остаться в Одессе. Тот ему уступил, хотя Ѓиршл-Мейлех был еще совсем юным. Но он происходил из семьи стекольщика и знал ремесло, поэтому сразу получил работу по специальности и показал к ней большие способности. Спустя короткое время он начал зарабатывать около четырех рублей в неделю, что было в те годы немалой суммой.

В Одессе Ѓиршл-Мейлех прожил около двух лет и, сэкономив приличную сумму денег, в 1901 г. вернулся в Слуцк.

Уже повидав мир и вкусив самостоятельности, он с трудом приспособился к провинциальным обычаям в доме отца, поэтому между ними начались конфликты. Ѓиршл-Мейлех едва выдержал три года и утром после Пейсаха 1904 г. бежал из дома, чтобы нелегально перейти немецкую границу у Ломжи. Российская полиция задержала его и отправила по этапу в Слуцк. В конце концов он убедил отца ехать в Америку, и 5 января 1905 г. Ареле-стекольщик прибыл в Нью-Йорк вместе с Ѓиршлом-Мейлехом и со своим младшим сыном. Арн оставил в Слуцке жену и дочерей. Когда иммиграционный чиновник спросил у Ареле, как он думает зарабатывать себе на жизнь, тот достал из кармана 150 рублей и, показав на двух своих сыновей, ответил: «С деньгами в руках и с двумя сыновьями рядом я надеюсь, что Владыка мира меня не оставит».

Первое время они, как и другие иммигранты того времени, тяжело трудились, брались за любую работу, даже сгребали снег на нью-йоркских улицах. Но главным их занятием было стекольное дело — их призвание на протяжении многих поколений.

В 1906 г. в Нью-Йорке начали строить большие блочные дома на 28-й улице, между 1-й и 2-й авеню. Молодой Ѓиршл-Мейлех договорился со строительным подрядчиком и показал ему, как сэкономить деньги на стеклах. За это он сразу получил должность и за один год сберег более 3000 долларов. В то время он познакомился с Сорой Шварц, девушкой из Слуцка, которая стала его невестой. Но именно тогда, в 1907 г., в Америке царил кризис; Ѓиршл потерял свои накопления и вынужден был все начать заново.

Российская полиция задержала его и отправила по этапу в Слуцк. В конце концов он убедил отца ехать в Америку.

Гарри и Сора Лефрак

Авром и Хая Майзель на семейном собрании в Лос-Анджелесе, созванном ради подготовки Книги памяти. *Сидят (справа налево): Шмуэл Каган, Акива Айзенштат, Авром Майзель. Стоят: Равич и его сестры Зельда Кофен, Фейгл Айзенштат, Хая Майзель, а также его племянница Лили с мужем Элийогу Эпштейном*

В конце концов они сыграли свадьбу 7 июня 1907 г., и муж научил жену работе со стеклом. Они трудились вместе. В 1910 г. на электростанции железнодорожного вокзала произошел взрыв. Во время ее отстройки Гиршл отвечал за остекление и продемонстрировал большое знание своего дела. Он приобрел широкие знакомства и начал работать на семь страховых компаний.

В 1914 г. отрасль стекольного дела сильно пострадала, и Лефрак потерял весь свой капитал — 35 тыс. долларов. Но год спустя стекло снова подорожало, и в 1920 г. он уже владел капиталом в 300 тыс. долларов. Тогда он активно занялся строительными делами, поднимаясь все выше и выше. В 1930 г., во время Великой депрессии в Америке, Гарри Лефрак потерял около 650 тыс. долларов — у него осталось едва ли 100 тыс. Позже, через несколько лет, он снова поднялся в строительной отрасли, и на момент выхода этой книги его послужной список насчитывал более 130 многоэтажных зданий в разных частях Нью-Йорка. Они оцениваются в сотню миллионов долларов и приносят 15 миллионов арендной платы в год.

Гарри Лефрак очень активен во всех общинных начинаниях, особенно же в Объединенном слуцком комитете помощи, где он много лет был казначеем и очень способствовал его работе. Также он щедрой рукой оказывал ежегодную поддержку йешивам и всем национально-культурным организациям.

В 1950 г. в его семье случилась трагедия: его зять Вильям (Зеэв) Ламперт погиб в авиакатастрофе. Гарри Лефрак решил увековечить его имя в Израиле. В больнице Рамат-Гана есть палата, носящая его имя, а также в Яд Элиягу открыта клиника больничной кассы, построенная Лефраками в память о зяте.

Сын Гарри Шмуэл Лефрак идет путями своего отца. Он участвует во всех важных общинных мероприятиях, щедро их финансирует.

Когда сформировался комитет по подготовке Книги памяти, Гарри Лефрак стал одним из первых спонсоров, что позволило напечатать эту книгу и поощрило других к участию в этом проекте.

Гарри Лефрак очень активен во всех общинных начинаниях, особенно же в Объединенном слуцком комитете помощи, где он много лет был казначеем и очень способствовал его работе.

Майзель Авром и Хая

Если бы пришлось учредить медали за хорошую работу в нью-йоркском комитете над Книгой памяти, то Авром и Хая Майзель, безусловно, их бы получили.

Они были среди самых первых, кого захватила идея выпустить такую книгу. Сразу после созыва предварительного собрания для ее подготовки в Объединенном слуцком комитете помощи, состоявшегося 27 февраля 1955 г., когда я выступил с речью о будущей книге, Авром и Хая подошли ко мне и тепло поблагодарили за выступление. Они активно помогали с самого начала работы и до ее завершения. У них дома было созвано первое собрание, на котором удалось собрать первые 500 долларов с целью заложить фундамент для дальнейшей работы.

Авром Майзель родился в Слуцке в субботу, когда читалась недельная глава Торы «Ваеце», 13 кислева (30 ноября 1895 г.), у Мойше-Лейба и Хавы Майзель. Его отец на Островской улице был известен как Мойше-кузнец. До 12 лет Авром учился в хедере у меламеда Авремла-рыжего, а затем — в Еврейском училище. К шестнадцати годам он начал работать у своего отца в кузнице. Но душа тянула его в большой мир.

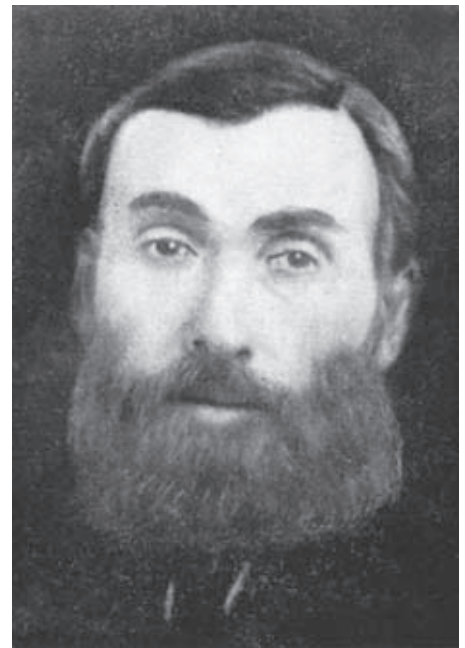
В 1916 г. он уехал в Екатеринослав и работал там на металлургическом заводе.

В 1918 г., в разгар Гражданской войны, он вернулся в Слуцк и стал одним из руководителей городского отделения партии «Поалей-Цион».

Его жена Хая также родилась в Слуцке — у Меера-Велвла и Алты Равич. Ее отец был человеком с золотыми руками. Столяр по профессии, он был в своей работе настоящим художником. Он делал такие ковчег для Торы, что люди специально приходили на них посмотреть, и его имя гремело везде.

Но от искусного ковчега до богатства длинная дистанция, поэтому ему пришла в голову мысль «трубить в шофар для неевреев»¹¹⁴⁰. Так он стал под-

Мойше Майзель
(отец Аврома Майзеля)

¹¹⁴⁰ Идиома в языке идиш, выражающая иронию по отношению к тем, кто занимается не тем, чем следует.

рядчиком в строительстве, не рядом будь помянуты, церквей, в котором также отличился. Его мастерство в этой сфере имело широкий резонанс, и многие церкви Слуцкого округа прославились благодаря работе Велвля Равича.

Семья жила в отдаленном районе (Выгода), и поскольку вся она отличалась свободным национальным духом, многие сионистские собрания устраивались у них в доме — подпольно, когда такая деятельность была запрещена в Слуцке.

Авром и Хая поженились в Слуцке в 1918 г., а тремя годами позже прибыли в Нью-Йорк, где уже обосновались к тому времени некоторые их родственники. В Нью-Йорке Майзелю также неизменно принадлежали к интеллигентным рабочим кругам и у себя дома всегда принимали людей, собиравшихся с культурными и благотворительными целями.

У Майзелей есть сын Мойше-Лейб и дочь Этл. Оба в браке, оба создали интеллигентные еврейские семьи, идя по стопам своих родителей.

Мышалов Ицхок и Рохл

Ицхок Мышалов родился в Вызне. Еще когда он был мальчиком, его отец Нисн, двоюродный брат знаменитого владельца мельницы Мышалова, уехал в Слуцк. Позже Ицхок учился у известного меламеда Липы Шинявкера.

У реб Липы Ицхок получил неплохое знание иврита, а также перенял любовь к Земле Израиля. Когда меламед зубрил с учениками трудные места Торы, он доставал из сумки расписку от Земельного фонда Израиля и тербил ее перед глазами детей, сопровождая этот показ теплыми словами об Эрец-Исраэль.

От Липы Ицхок перешел учиться к главе йешивы р. Берлу.

В 1921 г. Ицхок прибыл в Нью-Йорк. После нескольких лет тяжелой работы с одновременным получением светского образования он поехал в Иерусалим и там женился на Рохл Сигель, которая тоже была из Вызны. Вскоре молодые вернулись в Бруклин и быстро там устроились.

Ицхок Мышалов специализировался в строительном деле, а когда представилась возможность, бросился в этот бизнес с большой энергией и преу-

---

Семья жила в отдаленном районе (Выгода), и поскольку вся она отличалась свободным национальным духом, многие сионистские собрания устраивались у них в доме...

Мышалов Ицхок
и Рохл

спел. Сейчас он связан со строительными проектами, занимающими важное место в районе Бруклина. Все это время Ицхок и Рохл держались близко к национально-культурным кругам. Обе их дочери, старшая Элка, жена Сэма Гордина, и младшая Гитл, получили светское и еврейское образование.

Будучи активистами «Поалей-Цион», Ицхок и Рохл приобрели летний домик в колонии союза «Раанана» под Нью-Йорком, куда они приезжают вместе с друзьями, близкими им в интеллектуальном и культурном плане. Там же планировались и проводились различные мероприятия благотворительного характера.

Писецкие (Позес-Перри) Мойше-Рувен и Шимка

Мойше-Рувен появился на свет в Слуцке у Герсона и Шифры Писецких. Как и другие еврейские мальчики того времени, он получил начальное и среднее образование в сугубо религиозных учебных заведениях, где изучали в основном Танах с комментариями и Талмуд.

Юный Мойше-Рувен был весьма успешен в учении и получил известность в качестве молодого знатока Торы. Следует помнить, что еврейская община Слуцка столетиями славилась как весьма сведущая в изучении Торы, исполненная литвацкой мудрости. Действительно, в Слуцке не было евреев-невежд. Каждая из групп ремесленников имела свой дом учения, где они собирались ежедневно и от рассвета до полуночи сосредоточенно изучали Мишну, а также толстые тома Вавилонского Талмуда.

Благодаря своей славе и выдающемуся положению среди местных знатоков юноша завоевал любовь красивой и энергичной Шимки Ривинной из знатной ученой старобинской семьи. Чтобы обеспечить себя материально, новобрачные Писецкие стали партнерами Иццока Файнберга во владении ветряной мельницей с подвалом, которая обслуживала всю округу. Как было принято в те дни, жена, помимо воспитания детей и ведения домашнего хозяйства, была главной добытчицей в семье. Поэтому Шимка управляла предприятием, а ее муж проводил там ежедневно лишь по паре часов, остаток дня посвящая углубленному изучению Талмуда.

Хотя Мойше никогда официально не получал смихи, в общине его признавали одним из ведущих знатоков Торы. Реб Меер Пеймер, знаменитый мудрец, бывший городским раввином, почти ежедневно заходил к Мойше, и они вместе целыми часами упражнялись в толковании Талмуда. Если раввин отлучался из города, он советовал прихожанам обращаться с вопросами к реб Мойше-Рувену. Его слово и мнение высоко ценились как евреями, так и неевреями. Даже местные крестьяне-белорусы, которым приходилось молоть муку на мельнице Файнберга, всегда старались приходиться в то время, когда на мельнице бывал Мойше. Они говаривали: «Слова пана Писецкого так же святы, как слова Библии».

На рубеже веков, когда Хаим-Михл Гутцайт открыл первую паровую мельницу, предприятие Файнбергов совершенно разорилось. Это поставило Писецких, представлявших собой обширную семью, в очень трудную ситуацию. Они получили контроль над гостиницей «Европа», крупнейшей в городе. Но их работа в гостинице продлилась недолго из-за кончины Мойше-Рувена.

К тому времени старшие дети уехали в США. Из-за нестабильности политической атмосферы в России и растущих ограничений, касавшихся

Писецкие (Позес-Перри) Мойше-Рувен и Шимка

еврейского населения, Шимка вместе с семьей тоже эмигрировала в Америку. Несмотря на многие трудности при обустройстве в стране, дети Мойше-Рувена унаследовали от него любовь к учению и незаурядный интеллект. Тепло и любовь, мудрые наставления, полученные ими от матери, позволили им продолжить обучение и занять в американском обществе прекрасное положение.

Шимка Позес дожила до весьма почтенного возраста и почиталась всеми членами ее семьи. В августе 1945 г. она скончалась, испытывая радость от того, что ее потомки завоевали в Нью-Йорке немалый авторитет и широко представлены во многих образовательных и благотворительных организациях американского еврейства.

Рахлин Шмуэл и Соня

О великом мудреце раби Йеѓошуа бен Хананье его учитель раби Йоханан бен Закай говорил: «Ашрей йоладто»¹⁴¹. Объясняет Раши: по словам одного жителя Иерусалима, мать раби Йеѓошуа все время держала его колыбель в доме учения, чтобы его детские уши сразу же, с самого начала, слышали только разговоры о Торе и мудрости, и это должно было повлиять на всю его жизнь.

В некотором смысле можно сказать то же самое и о Шмуэле Рахлине. Мать погружала его с ранних лет в атмосферу дома учения, прививая ему любовь к Торе и нашим мудрецам. Эта любовь сопровождала его всю жизнь, несмотря на его многочисленные блуждания и духовные колебания, бросавшие его в разные течения, относившие Шмуэла то в один лагерь, то в другой. Тот, кто узнавал его ближе, сразу чувствовал теплоту, которая исходила от его бурлящей души, а душа его искала исправления при всех блужданиях.

¹⁴¹ «Ашрей йоладто» (иврит) — «Счастлива родившая его» («Авот», 2:9).

Шмуэл Рахлин родился в 1897 г. в Слуцке. Его отец Гиршл-меховщик умер в возрасте 38 лет, оставив жену с шестью маленькими детьми; Шмуэлу тогда было три года, а его сестренке — три месяца. Женщине оставалось одно: закатать рукава и искать заработок ради своих детей.

Хая Рахлин начала печь хлеб, и народ с большой симпатией отнесся к ней, поэтому «Хая-пекарша» со временем прославилась, ее в Слуцке все знали и уважали. Поскольку она жила и вела дела в синагогальном дворе, ее пекарня стала словно бы частью общинной жизни, которая и вращалась вокруг этого двора. В Первую мировую войну, когда в Слуцк нахлынули беженцы (еврейские семьи из районов Польши и Галиции, охваченных войной), пекарня Хаи всегда была переполнена людьми. Они там получали ежедневный хлебный паек независимо от того, могли за него заплатить или нет. Хая также была официальной поставщицей хлеба для йешивы, и поэтому все йешиботники чувствовали себя у нее как дома.

Особая близость была между семьей Хаи и домом раввина Исера-Залмена: во-первых, потому, что они были соседями, а во-вторых, по причине постоянных сделок, касавшихся продажи хлеба йешиве. Дети Хаи часто бывали в доме у раввина, особенно когда Шмуэл и его брат Довид подросли, пошли учиться и проявили свои таланты. Тогда дом раввина стал их духовным очагом, и рав, зная, как тяжело было матери поднимать их, уделял им особое внимание, приближал по-отечески.

Когда разгорелась Первая мировая война, Шмуэл Рахлин послушался раввина Мельцера и в связи с призывом уехал в Радунь, в йешиву Хофец-Хаима. Но фронт приближался так быстро, что йешиве пришлось сняться с места и перебраться вглубь России. Шмуэл же поехал в Вильну, а затем в Ковно, которое уже было оккупировано немцами. Там он три года учился в йешиве «Слободка». В то же время он давал ежедневные уроки по «Эйн-Яков» в Большом доме учения «Слободки», где молились городские «верхи».

В Ковно Шмуэл познакомился также с иными течениями мысли, узнал о конфликтах в общеевропейской и еврейской жизни.

После ряда перипетий Шмуэл вернулся в Россию. Его двоюродная сестра Соня Сеферович позже стала его супругой. Она также происходила из уважаемой в Слуцке семьи. Ее отец был знатоком Танаха, занимался тем, что писал свитки Торы и тексты для мезуз и тфилн. Все в Слуцке знали его как Хаима-писца. Его жена Итл была знаменита по-своему; поскольку они жили на Шоссейной улице у тюрьмы, Итл помогала евреям-арестантам и их семьям в их нуждах.

Соня получила приличное еврейское образование, а также окончила слуцкую гимназию и два года училась на медицинском факультете университета в далеком Воронеже. Но из-за Гражданской войны в России со всеми ее последствиями Соне пришлось оставить учебу и прибыть в Вильно. В этом городе знаменитый раввин Ицхок Рубинштейн, большой друг ее родителей, провел брачную церемонию, и вскоре, в 1923 г., новобрачные Шмуэл и Соня Рахлин уехали в Америку.

В Нью-Йорке Шмуэл с самого начала попытался продолжить изучение Торы и остаться преподавателем, но обучение, полученное в Слуцке и Радунь, а также в йешиве Слободки, не позволило ему влиться в поток американского иудаизма, основанного на компромиссах. Он стал заниматься бизнесом. Его способности проявились и в этой сфере, Шмуэл достиг материального успеха. В то же время он много помогал нью-йоркским еврей-

В Первую мировую войну, когда в Слуцк нахлынули беженцы (еврейские семьи из районов Польши и Галиции, охваченных войной), пекарня Хаи всегда была переполнена людьми.

На собрании комитета по подготовке Книги памяти в Нью-Йорке.
Справа налево: Элийогу Альтман, раввин Нисн Ваксман, Довид Юздан (стоит) и Авром Майзель

ским школьным учреждениям, и в этой области занял очень важное место, как и в иных культурных кругах. К тому же он был наделен здравомыслием и выдающимися аналитическими способностями.

Соня Рахлин тоже активна в своих кругах; по природе своей она очень утонченный и чувствительный человек. Ее отца, писца Хаима, в 1932 г. отправили в Сибирь, и он там умер. Мать Итл погибла в Слуцке от рук нацистов.

У Шмуэла и Сони — сын Гиршл и дочь Лея. Оба получили образование, вступили в брак и ведут еврейский образ жизни.

Рейхман Эликс и Эни

Элийогу (Эликс) родился в Слуцке у Файтла и Мотли Рейхман. Его отец после свадьбы взялся за продажу грибов и шкур, и ему сопутствовала удача. Дело развивалось, он имел связи даже с Германией, куда сбывал свои товары. Жена ему помогала.

Мальчиком Элийогу учился у таких слуцких мелаamedов, как реб Иче Нотес, и других, но когда его отец умер в возрасте 41 года, сыну пришлось помогать матери содержать семью.

Несмотря на то что Мотля Рейхман (Осовская) осталась молодой вдовой с маленькими детьми, она сохраняла домашние обычаи в первозданном виде. На каждую субботу, помимо постоянных гостей, она приглашала к себе нескольких йешиботников.

В 1915 г., в самый разгар Первой мировой войны, Элийогу оставил Слуцк и после больших трудностей и долгих странствий через Сибирь, Харбин и Японию достиг Чикаго (уже в 1916 г.). Позже он перебрался в Нью-Йорк и женился на Хане Перель (Эни Орман), уроженке Белостока.

Рейхман Эликс и Эни
Хаим Рейхман

В последующие годы Эликс Рейхман перевез своего брата Хаима из Тель-Авива в Америку. Хаим умер в Нью-Йорке 6 апреля 1942 г.

Эликс и Хана Перель очень энергично проявляют себя во многих благотворительных учреждениях и помогают им финансово. В последнее время они активно распространяли израильские облигации, а Хана руководит женским движением в рамках профсоюзной кампании.

Когда Эликс и Хана несколько лет назад вернулись из поездки в Израиль, они первыми вступили в комитет по подготовке Книги памяти и помогли осуществить проект.

Рольник Арн и Ентл

Арн Рольник, сын Липмана и Славы, родился в Слуцке, учился в хедерах у Липы Шинявкера и у знатока Торы Ш.-А. Рабиновича, позже — у Берла Гребенщика. Несколько лет учился в йешиве.

С раннего возраста он активно участвовал в движении «Цеирей-Цион», а также заведовал слуцкой библиотекой.

В 1921 г. Арн вместе с группой случчан уехал в Страну Израиля. Там он работал наравне с другими халуцим, строил дома, обтесывал камни, сажал сады — и так семь лет. По ряду причин он вынужден был покинуть Страну и уехать в Америку.

И в США он сохранил верность идеалам. Его женой стала Ентл Эпштейн, подруга слуцкой юности. Их дети — Авром-Цви и Эстер. Арн был среди первых, кто вступил в слуцкий комитет по подготовке Книги памяти, и неизменно служил в нем секретарем-протоколистом.

Смелкинсон, братья (Балтимор, штат Мэриленд)

Братья Смелкинсон, хорошо известные благодаря своей общинной деятельности в Балтиморе, происходят из рода, в начале XIX в. жившего в Старобини и Слуцке. Случчанин Арн Смелкинсон, позже известный как «Аре-десятник», в юном возрасте был призван в российскую армию при царе Николае I,

Арно Смелкинсон

и, как было принято в то время, прослужил 25 лет (1840–1865). Но за весь этот долгий период службы он не утратил свою еврейскую идентичность и не оставил свои религиозные принципы.

После увольнения с военной службы правительство предоставило ему участок земли для постройки дома, пожизненную пенсию и должность в местном полицейском учреждении. Тогда Арно женился на девушке по имени Хинка. Они вырастили десять детей, вот их имена: Мордхе-Лейб, Ошер-Йоэл, Хананья, Ицхок-Йешайогу, Гитл, Хашка, Нисл, Михл, Перец и Эстер. Из них пятеро эмигрировали в США на пороге XX века. Хананья вернулся в Слуцк и в скором времени умер; Хашка и Эстер поселились в Филадельфии, Перец — в Нью-Йорке, а Михл — в Балтиморе, где выросли его дети.

Расскажем о тех, кто остался в Слуцке. Ицхок-Йешайогу женился на Ривке Эпштейн, и у них родились девять детей. Шестеро из них — Морис, Геня, Тайбл, Шифра, Йосеф и Биньомин — приехали в США вскоре после Русско-японской войны 1904 г. и присоединились к своим родственникам в Балтиморе. Причалив к американским берегам с очень скромными материальными средствами, они привезли с собой очень богатое духовное наследие, от которого не собирались отказываться.

Портрет их предка Арно с красивой белой бородой и в традиционной ермолке, с наградами царской армии на груди — свидетельство его упорства и приверженности еврейским традициям, несмотря на большие трудности, с которыми он сталкивался в жизни. Этот портрет всегда перед глазами его потомков, и память о предке стала для них словно бы путеводной звездой, которая вела их через годы. Братья Смелкинсон, особенно Биньомин, добились больших успехов в бизнесе и активны в еврейских культурных кругах Балтимора. Им также удалось передать дух еврейства своим детям, родившимся и выросшим в США.

После кончины Мориса в 1948 г. все потомки сплотились вокруг его сына Мориса Ральфа. При помощи периодических собраний члены семьи

Причалив к американским берегам с очень скромными материальными средствами, они привезли с собой очень богатое духовное наследие, от которого не собирались отказываться.

стараятся сохранить традицию и дух, вынесенные ими из Слуцка и ценимые ими всеми.

Фарган Залмен и Фаня

Залмен Фарган родился в Романове в воскресенье, 9 января 1887 г. Его отец, Иче Гитес, преподаватель Талмуда, был евреем, сведущим в Торе и большим любителем иврита. Он прививал своим ученикам любовь к Танаху и к древнееврейскому языку, что было поистине редкостью в то время.

Первые годы Залмен учился у своего отца, а затем — в слущкой йешиве, короткое время и в Койданове. В 1900 г. Залмен поехал в Минск, якобы для того, чтобы продолжать изучение Торы. На самом деле его целью было уже светское образование — изучение иврита, русского языка и прежде всего математики, к которой он имел особую склонность. Но он не оставил и дом учения. В то время его считали большим знатоком трех трактатов: «Гитин», «Кдушин» и «Бава кама». Он знал их «на кончиках пальцев» (изучающие Талмуд поймут это выражение).

Поскольку его старший брат Льюис (Лейбл) и двоюродный брат Липа Запольский к тому времени уже жили в Америке, они послали ему шифскарту, и в июле 1902 г. Залмен прибыл в Нью-Йорк. Родственники попытались сделать из него «педдлера» — бродячего торговца; этой работой занимались большинство иммигрантов того времени. Но сердце Залмена тянулось к образованию. Днем он работал, а затем допоздна сидел над англоязычным переводом Танаха и изучал его при помощи словаря. Залмену посчастливилось попасть в народную школу Белфаста (штат Мэн), где он учился с 1 января 1904 г. Его усердие очень понравилось директору школы г-ну Герберту Э. Элейсу. Благодаря своему прилежанию Залмен окончил школу за шесть месяцев, а спустя три года стал выпускником высшей школы с почетной оценкой как лучший оратор среди выпускников 1908 г.

Залмен хотел продолжить обучение на адвоката, поскольку был наделен глубоким умом и ораторским даром, но именно тогда приехал в Америку из родного дома его младший брат, и Залмену пришлось заботиться о нем. Поэтому он оставил планы учебы на юриста и записался в коммерческое училище, которое окончил за три месяца. Тогда он сразу получил работу с жалованьем 10 долларов в неделю.

Фарган Залмен
и Фаня

В конце 1910 г. Залмен получил новую должность на фабрике по производству обоев в городе Лоуэлле, недалеко от Бостона. Дело ему понравилось, и в следующие девять лет, работая на фабрике, он изучил его во всех тонкостях. В 1919 г. он открыл собственную фабрику аналогичного типа.

Бизнес пошел очень успешно и разросся; открылись отделения фабрики в других городах. Со временем Залмен начал производить множество других изделий. В настоящее время «Middlesex Paper Tube Company» в Лоуэлле (штат Массачусетс) со всеми ее филиалами — одна из крупнейших в стране, а Залмен, сын Иче, — ее президент.

В 1912 г. Залмен женился на Фане Рич, дочери Якова Рича из Портленда, который также был родом из Романова. Отец Якова, Лейбка-резник, был в местечке хорошо известен. Он служил не только резником, но и хазаном, и раввин, уезжая из города, говорил прихожанам, чтобы с трудными вопросами шли к Лейбке, несмотря на то что резник с ним конкурировал и «спорил в учении».

У Лейбке был громовой голос, который сотрясал стены дома учения, когда он читал там молитвы. И в Йом-Кипер его «Неила» вызывала у молящихся такие рыдания, что романовские евреи помнили ее целый год.

У Залмена, сына Иче, и Фани, внучки Лейбки-резника, родились сын и две дочери, создавшие семьи, очень уважаемые в своих кругах.

С 1920 г. Залмен Фартан весьма активен во всех еврейских городских и общенациональных делах. С 1941 г. он — ежегодный казначей филиала организации «Объединенный еврейский призыв» в Лоуэлле, и его любят стар и млад. Несмотря на то что еврейская община Лоуэлла насчитывает лишь около 400 семей, благодаря энергичной деятельности Залмена Фартана в ней было собрано более миллиона долларов на цели, связанные со Страной Израиля.

Любовь к учению, унаследованная Залменом от своего отца, преподавателя Талмуда в Романове, у него не исчезла. Зайдя в «Еврейский центр» Лоуэлла, строительству которого очень помог Залмен (центр открылся в 1955 г., его строительство обошлось в 600 000 долларов), можно видеть имена Залмена и Фани Фартан, сияющие над библиотекой. Она названа в их честь.

Но романовское честолюбие не оставляет его даже в старости, и его привилегией является чтение «Книги Йоны» в Йом-Кипер. Все в Лоуэлле знают, что этот отрывок «принадлежит» Залмену Фартану и что для него это чтение столь же важно, как обойная фабрика, а возможно, и важнее.

Хинич Лейб и Лея

Льюис Хинич (Арье-Лейб) родился у Довида и Хаи-Рохл в Старобине 15 июня 1899 г.

Как было заведено, маленький Лейбеле учился в старобинских хедерах. В 1912 г. Довид перевез свою семью в Америку, и они поселились в Бруклине. Лейбл учился в англоязычных школах, а затем окончил известную среднюю школу «Dewitt Clinton».

В 1923 г. Лейб (Льюис) женился на Лее Финкель, которая была родом из Глуска. Ее отец Авром Финкель происходил из очень уважаемого рода с корнями в деревне Рудобелка (недалеко от Глуска) и в молодости много времени уделял Торе и молитвам. Прибыв в начале века в Америку, он за-

нялся строительным бизнесом. Несмотря на финансовые трудности, он всегда строго соблюдал субботу и хранил в семье еврейский дух.

В 1926 г. Льюис Хинич открыл на Бродвее производство одежды вместе с Льюисом Литтом. Бизнес пошел очень успешно и разросся. На сегодняшний день фирма «Litt-Chinitz» — одна из самых уважаемых в Нью-Йорке среди производителей одежды. У них также отличная репутация среди их многочисленных наемных работников. Кроме того, Льюис Хинич хорошо известен в сфере недвижимости.

Все крупные дела, которыми занимается Льюис Хинич, не вскружили ему голову. Он до сих пор сохранил свою старобинскую простоту и естественность. Теплоота его еврейского сердца, открытость всем общественным интересам хорошо известны в нью-йоркских еврейских кругах.

У Льюиса и Леи Хинич три дочери (Сиделла, Розалин и Флоренс), которые вышли замуж за прекрасных еврейских парней, многого достигших в своих профессиях: Сиделла — за Бенджамина Принса, активного участника фирмы «Litt-Chinitz», Розалин — за отличного хирурга д-ра Артура Тесслера из нью-йоркского района Грейт-Нек, а Флоренс — за Моргтона Бланка, занимающегося финансами в Балтиморе (штат Мэриленд). Все эти три семьи идут по стопам своих родителей, участвуя во всех религиозных и общинных делах и пользуясь большим уважением как в своих общинах, так и в профессиональных кругах.

Юздан Довид и Мирьям

Довид Юздан родился у Несанэля-Цви и Двойры-Баши Юзданов 9 июня 1893 г. в Грозове.

Его отец, которого звали Саня Додес (т. е. Носн, сын Довида, на идише), был заметным в Грозове торговцем. Его сына звали Додя Санес (т. е. Довид, сын Сани). Его первым наставником в Грозове был известный меламед Бурштейн, двоюродный брат Йефуды-Лейба Грозовского из Погоста.

Когда Довид вырос, родители отправили его в Слуцк, где он два года учился у реб Йоши Тричанера.

В 1910 г. Довид уехал в Америку и приступил к работе в фирме, занимавшейся оптовой продажей бумаги. Фирмой владел еврей из Германии по фамилии Геллер.

Хотя Довиду тогда едва исполнилось 18 лет, он показал себя очень способным к бизнесу, и вскоре Геллер взял его к себе в совладельцы фирмы.

В 1917 г., когда США вступили в Первую мировую войну, Довид пошел добровольцем в американский флот, служил матросом. За время войны он участвовал во многих боях с врагом.

Однажды, когда его корабль находился в открытом море и экипажу угрожала большая опасность, Довид дал обет, что, если Бог поможет ему пережить войну и целым вернуться домой, он поедет в Грозово и перевезет всех своих родственников в Америку. После войны Довид исполнил свой обет: в 1920 г. он привез 17 человек из Грозова в Нью-Йорк и помог им всем устроиться.

В 1923 г. Довид женился на Мирьям Яффе, представительнице очень родовитого литвацкого семейства.

Со временем его фирма весьма разрослась и до сегодняшних дней занимает важное место в бумажной промышленности Нью-Йорка.

Все крупные дела, которыми занимается Льюис Хинич, не вскружили ему голову. Он до сих пор сохранил свою старобинскую простоту и естественность.

Юздан Довид

Довид Юздан неизменно проявлял активность во всех еврейских благотворительных организациях и учреждениях — как местных, так и американского масштаба. Много лет он был попечителем одной из крупнейших и красивейших традиционных средних школ в Нью-Йорке и округе (находилась в Фар-Рокавей). Он был также много лет президентом крупнейшей синагоги «Бейс-шолем» в Лоуренсе (район Лонг-Айленд). Она была самой богатой и интеллектуально привлекательной в округе. Долгое время Довид Юздан был первым командиром организации еврейских ветеранов войны, состоявшей из бывших солдат американской армии.

Помимо деятельности на местном уровне, г-н Юздан много сил отдал работе для Страны Израиля — в «United Jewish Appeal», в «Israel Bonds». Помогал он и обычным еврейским культурным учреждениям, таким как йешивы и т. п. И все это он делает без всякой помпы, тихо и достойно.

Г-н и г-жа Юздан удостоились того, что воспитали прекрасных потомков. Их дети, вошедшие в бизнес родителей, переняли все еврейские традиции и, подобно им, интересуются общинными делами.

Когда задумывалась слущкая Книга памяти, Юздан сразу же предоставил всю необходимую бумагу для издания. Его большая помощь сильно вдохновила всех членов комитета и землячество, помогла осуществить проект сохранения памяти.

В общем, можно сказать, что грозовский меламед Бурштейн и реб Йоше Тричанер могут гордиться тем, как и чему они научили Додю Санеса из Грозова.

Протокол первого заседания слущкого комитета по подготовке Книги памяти в Нью-Йорке, 14 октября 1956 г.

В воскресенье, 14 октября 1956 г., в доме Аврома и Хаи Майзель в Бронксе (Нью-Йорк) прошло собрание группы земляков из Слуцка и окрестностей.

Долгое время Довид Юздан был первым командиром организации еврейских ветеранов войны, состоявшей из бывших солдат американской армии.

Речь шла об издании книги для увековечения памяти и сохранения имен святых жертв, павших от рук нацистов (да сотрется имя последних).

Участвовали следующие лица: Авром и Хая Майзель, раввин Нисн Ваксман, Элийогу и Сора Альтман, Шмуэл и Соня Рахлин, Александр Рейхман и его жена, Сэм Голдберг и его жена, Довид Фост и его жена, Арн Рольник и его жена, Меер Бадхен и его жена, Меер Гринвальд и его жена, Мина Клоц, Льюис Горин.

Собрание открыл Элийогу Альтман, рассказавший о целях и задачах работы.

Председатель Авром Майзель рассказал, что, недавно посетив Израиль, он встретился с Нохемом Хиничем и другими земляками, которые высказались о необходимости выпустить Книгу памяти. Они передали ему многие имевшиеся у них материалы и ждут спонсора. Земляки просили протянуть руку помощи и помочь создать для них фонд.

Раввин Нисн Ваксман произнес прочувствованную речь о том, какую роль Слуцк и окрестные местечки сыграли в еврейской жизни и истории последних столетий и как важно для будущего увековечить их память в форме книги. «Помощь в осуществлении этой задачи зачтется нам», — сказал он. По его требованию сразу же была собрана сумма в 350 долларов из взносов всех присутствовавших, и они пообещали помогать изданию в будущем.

Последовала дискуссия с участием Э. Альтмана, Л. Горина, г-жи Фост, Хаи Майзель, А. Рольника и Шмуэла Рахлина. Все присутствовавшие увлеклись проектом и выразили уверенность в том, что работа будет успешной.

Шмуэл Рахлин объяснил в короткой содержательной речи, насколько грандиозен этот проект, как много людей в еврейском мире будут за него благодарны инициаторам.

По предложению р. Ваксмана вопрос выборов ответственных лиц комитета отложен на более поздний срок. Он предложил, чтобы все собравшиеся, принадлежащие к разным земляческим организациям, рассказали об этом деле на своих собраниях и попросили выбрать делегатов в нашу ор-

На заседании нью-йоркского комитета по подготовке книги у Элийогу Альтмана (февраль 1958 г.).

Сидят (справа налево): Шмуэл Рахлин, Сора и Нисн Ваксман, Авром Майзель.

Стоят (справа налево): Мышалов, Хая Майзель, чета Рейхман, чета Альтман, чета Рольник

Сидят (справа налево):
 р. Нисн Ваксман,
 педагог И.-Н. Адлер,
 д-р Меер Ваксман
 и пишущий на иврите
 поэт д-р Арн Домнич

ганизацию для помощи в работе. Только тогда следует избрать ответственных лиц — с участием всех организаций.

Тем не менее был сформирован временный исполнительный орган из шести человек: Авром Майзель, р. Ваксман, Элийогу Альтман, Шмуэл Рахлин, Александр Рейхман и г-жа Мина Клоц. Их задача — вести текущую работу. Решено, что комитет соберется у Альтмана в офисе для дальнейших обсуждений, а следующее большое собрание пройдет в гостинице «Мартиник».

На этом деловая часть собрания была закончена.

Г-жа Хая Майзель пригласила присутствующих во вторую комнату к прекрасно накрытому столу. Все отлично провели время и делились воспоминаниями о детских годах, проведенных в Слуцке и соседних местечках.

В конце встречи Элийогу Альтман от имени собравшихся выразил сердечную благодарность Аврому и Хае Майзель за чудесный прием.

(Записано Арном Рольником)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВНУКА О СЛУЦКЕ

Раввин И. Ракман¹¹⁴²

Слуцка я никогда не видел. Однако он стал частью моего жизненного опыта, как будто я лично бродил по его улицам, дышал его воздухом и сидел у ног тамошних мудрецов. Несмотря на то что я появился на свет в Олбани, штат Нью-Йорк, и моя мама родилась там же, с самого раннего детства меня воспитывали на замечательных историях и легендах Слуцка. Мой отец был родом из Слуцка, мой первый учитель в «Йешива-Юниверсити» — слущанин. Один из лидеров американского еврейства, выдающийся философ и талмудист раби Йосеф-Дов Соловейчик был назван в честь своего прадеда, который был раввином Слуцка. Он также придерживался метода изучения еврейских текстов, созданного его дедом под руководством выдающегося слущкого раввина. Поэтому в духовном плане я чувствую себя уроженцем Слуцка.

Довольно трудно, если вообще возможно, доказать утверждение, что существуют расовые или национальные особенности. Тем более кто же осмелится сделать еще один шаг и утверждать, что есть качества, присущие жителям определенного города? Это возражение является вполне обоснованным. Слуцк был очень похож на множество других городов: здесь были свои богачи и бедняки, свои святые и грешники, ученые и невежды — словом, все, как в любом другом городе. Однако у города тоже бывают стремления, и Слуцк стремился достичь величия в одной, весьма специфической области. Это стремление позволяло людям гордиться собой, и я в свою очередь всегда мечтал приобщиться к этой гордости. Когда в 1956 году я удостоился чести попасть в группу раввинов, впервые посетивших Советский Союз¹¹⁴³, я попытался получить разрешение побывать в Слуцке. Я хотел

¹¹⁴² Имануэль (Менахем) Ракман (1910–2008) — известный американский ортодоксальный раввин и мыслитель, много помогавший советским евреям, в частности, отказникам. Был проректором «Йешива-Юниверсити» (США) и президентом Бар-Иланского университета в Израиле. — *Прим. пер.*

¹¹⁴³ В 1956 г. раввин Довид Холландер, тогдашний президент Совета раввинов Америки, привез в Москву группу американских раввинов. Это был первый официальный визит еврейских «служителей культа» за «железный занавес». Холландер встретился с Хрущевым, а также с представителями еврейской общины СССР. Делегация содействовала тому, что в СССР разрешили издать еврейский молитвенник. — *Прим. пер.*

увидеть, что осталось от этого крупнейшего центра еврейской учености. Я также знал многих слуцких изгнанников — знатоков Торы, с которыми познакомился в Америке и Израиле, а также йешиву, изгнанную когда-то из Слуцка (сегодня это «Йешиват-га-даром» в Реховоте), которую я, будучи сотрудником Совета раввинов Америки, помогал создать. Однако увидеть сам Слуцк мне не довелось. Для своих внуков, рассеянных по всему миру и родившихся у его детей в чужих землях, он так и остался мечтой.

Судя по всему, в Слуцке думали, что жить означает иметь возможность учить Тору. Те, кто учит Тору, живы и свободны; те, кто не учит, словно закованы в кандалы. Местные раввины так яростно спорили о еврейском Законе, что порой община раскалывалась на два непримиримых лагеря, придерживавшихся противоположных мнений, ставших предметом спора. Кроме того, как известно, в Слуцке воевали с хасидами и с преподаванием Мусара в йешивах; ожесточенные споры велись также из-за социализма и сионизма.

Вместе с тем тамошние ученые мужи осознавали свою ограниченность. Поэтому наряду с высочайшими стандартами еврейской учености они культивировали чувство юмора по поводу своих недостатков, скептицизм относительно своей способности постичь истину и острый взор, способный ехидно и зло разоблачить лицемера, прикидывающегося святошей или претендующего на звание знатока Торы, не являясь таковым. Слуцк был настолько предан высшим стандартам интеллектуального совершенства, что его лидеры с большим подозрением относились к любым новым течениям и веяниям, подозревая, что они являются всего лишь маскировкой посредственности.

Поэтому, увы, я не могу считать Слуцк ни оплотом мира, ни бастионом терпимости. Напротив, это был нетерпимый город — нетерпимый к притворству, лицемерию и претензиям как «прогрессистов», чьи мечты являются иллюзиями, так и консерваторов, чья косность попахивает всезнайством.

Разумеется, это не означает, что слуцкие жители не знали радости. Они могли пребывать в интеллектуальных высях, однако никогда не замерзали в разреженной атмосфере холодного интеллектуализма. Напротив, их способность радоваться была гораздо выше именно в силу их возвышенных стандартов. Их радость была глубокой. Это был не хасидский напев или танец с их магическими чарами, создающими ощущение единства с Богом. Это была радость, накатывавшая на них из самых сокровенных тайников души, когда они осознавали, что исполнили свое жизненное предназначение, познавая Бога и Его слово.

На протяжении многих поколений Слуцк славился как центр Торы. Когда в городе ненадолго не стало серьезной йешивы, выдающийся знаток Торы раби Виловский отправился в йешиву в Слободке и привез оттуда самого уважаемого и любимого преподавателя Талмуда раби Исера-Залмена Мельцера вместе с группой его молодых учеников. Благодаря этому ядру в Слуцке появилась йешива, и он снова стал центром высшего еврейского образования. Город преобразился. Студенты йешивы, внешне выглядевшие вполне современно, но вместе с тем буквально пропитанные Торой и подлинной еврейской этикой, заслужили уважение всех горожан. Отец рассказывал мне о радости раби Виловского, когда он заходил в дом учения к своим ученикам. Он оставался стоять у входа, практически невидимый,

---

Судя по всему, в Слуцке думали, что жить означает иметь возможность учить Тору. Те, кто учит Тору, живы и свободны; те, кто не учит, словно закованы в кандалы.

и просто слушал. По его щекам катились слезы. Он сумел заново освятить город, просто переселив туда пятнадцать человек!

Впрочем, это было достигнуто не без конфликтов. Второй городской раввин раби Меер Пеймер обрушился на новую йешиву прежде всего из-за того, что там учили Мусар. Этому выступлению предшествовала широко-масштабная дискуссия, охватившая всю страну: следует ли преподавать Мусар как отдельный предмет? Никто не отрицал, что нужно учить нравственности, поскольку раввины делали это испокон веков. Спор шел о том, должно ли нравственное воспитание быть опосредованным результатом изучения Торы или же этому следует уделять специальные учебные часы.

Трудно поверить, что столь яростные споры и личные оскорбления были вызваны, казалось бы, простым и безобидным вопросом, касающимся учебной программы. Однако в Слуцке изучение Торы было жизнью. Поэтому любой вопрос, касающийся этого, воспринимался очень серьезно и любой новый подход к учебной программе подвергался суровой критике. В свое время Слуцк стал историческим полем боя между миснагедами и хасидами, поскольку считалось, что хасидизм несет угрозу первенству, которым в иерархии еврейских ценностей пользовалось изучение Торы. Аналогичным образом движение Мусар было воспринято как не прямое оскорбление, поскольку оно как бы ставило под сомнение, что изучения Торы самого по себе достаточно, чтобы воспитать людей величайшей нравственности и глубокой религиозной веры.

Войны волнуют сердца людей, особенно сугубо словесные и идеологические. Мой дед, слуцкий меламед, был сторонником раби Виловского. Как-то раз ему представилась возможность побывать в доме одного из сторонников раби Меера Пеймера и продемонстрировать там колоссальную ученость раби Виловского. Дело было в Сукес, в шалаше одного из самых влиятельных руководителей общины, чей сын оказался учеником моего отца. Сторонник раби Пеймера неверно решил некий вопрос, касающийся еврейского религиозного закона. Это решение противоречило мнению раби Виловского. Хозяин пожаловался на раби Виловского, однако мой отец сумел доказать, что тот был совершенно прав и убедил в этом хозяина, который, как уже было сказано, был противником этого выдающегося знатока Торы. То, что мой отец сумел защитить честь раби Виловского, доставило ему такое удовольствие, что он с гордостью рассказывал об этом своим детям. Воистину, сколь непохожи были трофеи, за которые люди боролись в те времена, на наши нынешние цели и мечтания!

Заключительные слова моей эпитафии были написаны одним из величайших раввинов Слуцка, который много лет жил на содержании своего богатого тестя, что позволило ему написать несколько выдающихся исследований. Когда колесо фортуны совершило оборот и его тесть потерял все, что имел, зять был вынужден стать раввином, чтобы заработать себе на хлеб. В его первой книге, изданной после этого, сразу после имени автора шли такие слова: «Ныне раб, но прежде свободный человек».

Слуцк закован сегодня в кандалы. Однако его дух свободен. Где бы ни жили его дети, дух Слуцка жив и вдохновляет людей.

Фар-Рокавей, Нью-Йорк

НАСЛЕДИЕ СЛУЦКА

Проф. М. Ваксман

О земном Слуцке я почти ничего не знаю. Перед моим мысленным взором стоят покосившиеся дома, утопающие в грязи улицы, площадь, окруженная синагогами и домами учения, и, наконец, Холодная синагога — просторный и часто пустующий в зимние месяцы дом молитвы, слишком большой, чтобы его как следует протопить. Я знаю, что в Слуцке были свои знатоки Торы и свои рабочие, святые и грешники, почтенные дамы и греховодницы, братства, благотворительные общества и учебные заведения. Я знаю, что большинство людей, ходивших по улицам города, были евреями, что идиш был тем языком, на котором там ругались, объяснялись в любви и спорили... Словом, я знал то, о чем мне рассказывали. Тем не менее я не знал ничего. Никогда не бывавший в Слуцке, никогда не видевший других восточноевропейских местечек, я чувствовал, что мое воображение не в силах заполнить пустоту и создать зримый образ места, которое вспоминают и так любят все выходцы оттуда.

Тот Слуцк мертв вместе с подавляющим большинством своих последних жителей. Я никогда не надеялся его увидеть. Однако существует другой Слуцк, который я знаю. Это — духовный Слуцк. Я встречал людей, сумевших увезти его за границу, когда им пришлось покинуть родной город и искать счастья в других краях. Я знаю его, поскольку встречался с ними в Нью-Йорке и Чикаго, знаю благодаря случайному разговору в тель-авивском автобусе. И видел, как он сияет со страниц книг, и слышал его отзвуки в сказанном слове. Однако лучше всего я знаю духовный Слуцк благодаря тому, что он неизменно пребывал в родительском доме. Насколько я себя знаю, он является неотъемлемой частью меня, представителя второго поколения выходцев из Слуцка.

Поэтому, когда я пишу о Слуцке, я обращаюсь к своему самому сокровенному знанию, хранящемуся во внутренних покоях моей души. И я говорю о вещах, характеризующих Слуцк гораздо лучше, чем здания и улицы, — более характерных и гораздо более долговечных. Ибо я говорю о духе, который он послал в чужие края, который смог обосноваться в других землях и дать новые плоды.

Однако где же находится этот духовный Слуцк? Каковы его идеалы, которых я придерживаюсь, которые унаследовал, ценю и передам своим детям?

Слуцк, который я встречал, был еврейским миром, находившимся в согласии с самим собой. Продукт многих поколений еврейской мысли и опыта, он достиг зрелости во всем, что касалось еврейских ценностей. Выходцам из Слуцка, которых мне доводилось встречать за границей, были чужды отрицание непривычного и бросание в крайности, узость как в утверждении, так и в отрицании, столь свойственные многим из нас. Этот мир был пропитан религией — к ней относились серьезно, ее предписания соблюдались ревностно. Вместе с тем там не было фанатизма, столь безудержного во многих других местах. Там рождались люди, которые говорили, писали и читали на идише, однако не считали его всей еврейской жизнью и культурой. Сион затрагивал чувствительные струны в душе случчан, однако они не были готовы отказаться от всей совокупности еврейского опыта и заявить, что все, кроме сионизма, является несущественным. Иврит был дорог их сердцам, из Слуцка вышло несколько человек, говоривших на иврите и обогативших литературу на иврите. Однако они никогда не впадали в ошибку, объявив язык целью, а не средством. Они всегда помнили, что иврит — не просто язык, но в первую очередь святой язык, *лашон га-койдеш*.

Одним словом, дух Слуцка в чужих землях был духом цельности и уравновешенности. Ничто еврейское не было ему чуждо. Он искал гармонии, золотого сечения, признания и культивации различных идеалов, каждый из которых должным образом уравновешивал все остальные.

Эта зрелая духовная гармония являлась не чем иным, как естественным следствием нескольких общепризнанных и тщательно культивируемых ценностей.

Первой из них, безусловно, являлась безграничная любовь к еврейству. Слуцк не считал еврейство тяжелой ношей, которую нужно тащить, или неприятностью, о которой приходится сожалеть. Он лишь засмеялся бы, услышав знаменитый афоризм Генриха Гейне: «Еврейство — не религия, а несчастье». Как известно, нечто подобное ощущали многие евреи, живущие в современном мире. Слуцк, возможно, оценил бы хлесткую фразу, однако никогда не согласился бы с самим утверждением, поскольку с молоком матери впитал глубокое убеждение, что быть евреем — величайшая привилегия. Это была основная идея молитвенника, с которым он не расставался; основополагающий принцип традиционной еврейской литературы, в которой случчанин чувствовал себя как дома; главная тема суббот и праздников, служивших источником радости и трепета.

Рука об руку с любовью к еврейству шла служившая ей основой любовь к Торе и изучению Торы. Разумеется, не каждый слуцкий еврей был ученым, однако каждый, по меньшей мере, глубоко почитал ученость. Одна из популярных женских молитв, которые случчанки произносили, зажигая субботние свечи, звучала так: «Так же, как сияют эти свечи, пусть глаза моих сыновей сияют светом Торы». Для Слуцка это была самая естественная молитва.

В Слуцке изучение Торы было и работой, и досугом. Среди слуцких евреев были рабочие и предприниматели, соревновавшиеся друг с другом в том, кто лучше знает и понимает трудные для понимания тексты. Были те, кто прилежно учился на протяжении всей жизни и мог служить живой

Выходцам из Слуцка, которых мне доводилось встречать за границей, были чужды отрицание непривычного и бросание в крайности, узость как в утверждении, так и в отрицании, столь свойственные многим из нас.

иллюстрацией к поэме Хаима-Нахмана Бялика «Га-Матмид»¹⁴⁴. Слуцк был домом Талмуда, мидрашей и комментариев к ним. Он воспринимал их очень серьезно. Но в то же самое время он мог оценить ученую шутку. Слуцк наслаждался остротой ума и серьезностью намерений и в то же время мог оценить циничное использование тех же самых качеств.

В первую очередь Слуцк стремился к ясности и прозрачности. Хотя здесь ценили обширные познания, Слуцк требовал, чтобы знание сочеталось со здравым смыслом, а точнее, с таким более трудно определяемым и широким качеством, как *sexehel* («ум», «сообразительность»). Здесь искали, как применить полученное знание в жизни, настаивая при этом, что цель учебы — не только абстрактная победа разума и текста, но и практическое прояснение каких-либо жизненных обстоятельств. Искренне веря в важность приобретения знаний, Слуцк требовал, чтобы знанию сопутствовал здравый смысл. Пильпуть мог быть популярной забавой, однако Слуцк в первую очередь стремился жить жизнью, полной смысла.

Важнейшим достижением Слуцка стало то, что он умел сочетать упомянутые качества с готовностью соответствовать требованиям, предъявляемыми к евреям духом эпохи, воцарившимся к тому времени во многих частях земного шара. Многие еврейские общины отправляли людей на Запад совершенно не знающими, что делать с интеллектуальными и социологическими вызовами XX века. Слуцк, напротив, оказался общиной, державшей руку на его пульсе и реагировавшей на происходящее в большом мире. Поэтому выходцы оттуда, оказавшись в новых обстоятельствах, обладали характером и душевным складом, соответствовавшими трудностям, с которыми им предстояло справиться.

Гаскала, ставшая реакцией части еврейского общества на изменения, происходившие в окружающем мире, нашла в Слуцке гостеприимный дом. Менделе Мойхер-Сфорим некоторое время учился в Слуцке. Позже писатель увековечил место своего временного пребывания в мемуарах. В Слуцке было много евреев, любивших современный иврит и говоривших на нем, следивших за прессой, издававшейся на этом языке, и отзывавшихся на новые идеологические веяния. Сионизм, как и Талмуд, в Слуцке чувствовал себя как дома. Средневековые еврейские философы, мертвые и позабытые во многих других местах, оставались неотъемлемой частью интеллектуальной жизни многих случчан. Словом, Слуцк был местом, где современный дух новой эпохи жил полной жизнью бок о бок с древними идеалами и обычаями. Этот всеобъемлющий дух сохранили и те, кто уехал из Слуцка в другие страны.

Возможно, важнейшей особенностью слуцкого характера было право свободно мыслить и не соглашаться с любыми мнениями, сочетавшееся с всеобъемлющей и безоговорочной любовью к иудаизму. Способность не соглашаться и в то же время оставаться в рамках общего интеллектуально-культурного пространства — качество, безусловно, заслуживающее восхищения. Оно стало своего рода квинтэссенцией гармонии и зрелости, достигнутой Слуцком. Это была толерантность без преуменьшения разногласий, означавшая, что, несмотря на все споры, существуют ценности, настолько глубоко укоренившиеся и настолько общепринятые, что никакие противоречия их не поколеблют. Этот настрой я наблюдал у многих выходцев из Слуцка, оказавшихся в других странах. И это качество, которое я ценю выше всех остальных.

Словом, Слуцк был местом, где современный дух новой эпохи жил полной жизнью бок о бок с древними идеалами и обычаями.

---

¹⁴⁴ «Га-Матмид» (иврит) — «Подвижник» — одна из ранних поэм Бялика. — Прим. пер.

Цви Асаф, Нохем Хинич, Шимшон Нахмани, Цви Га-Гивати (Хазанович)

Все эти столь любимые мною характерные особенности Слуцка: любовь к Торе и учению, поощрение практических, прикладных знаний, интеллектуальную прозрачность и ясность, слущкие коды еврейской жизни и поведения, свободу духа и признание права на несогласие — отразились в одной истории из жизни слущкого раввина раби Исера-Залмена Мельцера. Как-то в субботу в одной из слущких синагог возник спор, нужно ли читать молитву «Ав га-рахамим»¹¹⁴⁵ в субботу, предшествующую новомесячью сивана. Обычно в субботы, предшествующие началу нового еврейского месяца, эту молитву не читают. Однако суббота накануне новомесячья сивана выпадает на время счета омера, считающееся полутраурным, поэтому хазан пропел и эту молитву. Многие прихожане не согласились с ним и в знак протеста принялись колотить по лавкам. Когда же некоторые евреи пошли к раввину с вопросом, кто в данном случае прав, раби Мельцер, как говорят, сказал им: «Именно таков наш обычай: хазан произносит “Отец милосердный”, а некоторые прихожане начинают в знак протеста стучать по лавкам».

Это решение было достойно раввина Слуцка, высказавшегося в духе своей общины, которая была весьма начитана, состояла из людей, придерживавшихся разных мнений и убеждений и тем не менее молившихся вместе по одному молитвеннику.

Современной еврейской жизни этот слущкий дух принес много пользы. Он просветил и возвысил многих уроженцев города, которые устно и письменно излагали эту доктрину на разных языках и жили в соответствии с ней в различных странах и на разных континентах. Этот дух необходимо ценить и передать еврейским общинам, которые придут нам на смену.

¹¹⁴⁵ «Ав га-рахамим» (иврит) — «Отец милосердный» — молитва, составленная в память о евреях, погибших во время погромов в Средневековье, которую читают по субботам после чтения недельной главы Торы.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раввин Н. Ваксман

В конце декабря 1954 г. я получил письмо от нашего уважаемого земляка и друга Нохема Хинича. Он попросил меня принять участие в издании книги о нашем крае, и это оживило во мне мысль, с которой я к тому времени носился уже несколько лет.

Еще в начале 1940-х годов, в разгар Второй мировой войны, когда к нам в Америку начали поступать первые печальные вести о Катастрофе, я задумался о том, чтобы напечатать что-то в память о моем родном крае. Ведь человечество еще не придумало лучшего средства для сохранения прошлого, чем письменное слово.

Для начала я опубликовал тогда в нью-йоркском издании «Моргн журнал» короткий очерк о моем родном городе. За этот очерк я даже получил литературную премию, но не для того я его писал. Я не искал выгоды от чужих бед, но чувствовал откуда-то голос, или, лучше сказать, он мной овладел, следовал за мной... Голос часто звучал в моих ушах: «Брат, протяни руку и помоги, чтобы почти пятьсот лет активной еврейской жизни и творчества не забылись. Хотя бы установи для наших предков надмогильную плиту, но помоги, брат!»

Семья Менделевич (потомки р. Рефозла-Йосла). Сидят справа налево: мать Дина-Ципа, отец р. Лейб. Стоят справа налево: Ривка, Гершон, Эйдл. Погибли в гетто

Вторая слева – Хася Зейдес, сожжена заживо в Слущке. Ее дочь Муся – умерла от голода. Справа: сын Ицхок, погиб в войну. Слева: Исроэл, партизан, остался инвалидом

Вот это чувство сливалось со словами из примерно шестидесяти (!) писем, которые я получил за последние шесть лет от того же Нохема Хинича. Всякий раз, когда я читал их, мне казалось, что они — с того света. Через него со мной разговаривали все «счастливчики» из разных поколений, удостоенные могил на кладбище в нашем городе и в других местечках, но их могилы и плиты на них «всего лишь» были стерты с лица земли, и никакой памяти не осталось. Также звучали голоса десятков тысяч последних жертв, которые желали хотя бы похорон по еврейскому обычаю, но и этой привилегии, увы, не удостоились.

В моей памяти ожили крики и рыдания с десятков похорон, на которых я бывал в дни своей юности, когда человеческая жизнь еще обладала большой ценностью, и эти похороны вызывали печаль. Но немые голоса самих покойников перекрикивали те рыдания, угнетали меня все сильнее и грызли все больше. О, как ужасно звучат те неслышные голоса!

Вот эти звуки меня разбудили и подтолкнули к работе над книгой. Слыша их эхо, я держал множество речей о важности такой книги перед различными земляческими собраниями, несмотря на то что временами слушатели очень холодно принимали эти речи, а однажды даже напали на оратора, отвергая сам его замысел.

Лейбл Рыклин со своей женой **Вирой-Диной**. Они были среди самых деятельных членов слуцкого Бунда. Погибли в гетто

Раввин Ѓиршл Малинский (сын р. Берла, главы йешивы) со своей супругой. Погибли в гетто

Мать Хая-Ривка Майзель, ее дочери **Галка** (*стоит*) и **Неска** (*сидит*). Слева – **Мордхе**, отец семейства

Эстер Козберг

р. Яков-Меер Поляк

Вот эти звуки вдохновили меня на то, чтобы разговаривать с очень многими людьми, писать им. Я просил и о получении финансовой поддержки, которая достигла нескольких тысяч долларов (благодаря этому книга была напечатана), и о необходимых для книги материалах от компетентных лиц. Получить материалы, как оказалось, было ничуть не легче, нежели деньги. С большинством авторов пришлось разговаривать лично, а затем не раз звонить им в течение месяцев (кое-кому — и в течение лет). Немало такта и терпения потребовалось, чтобы они согласились поделиться воспоминаниями и чувствами, которые таились и дремали в них много лет, ожидая пробуждения и выхода наружу. Подобные трудности возникли и с иллюстрациями, включенными в книгу. Все годы я, словно пчела, летал от одного человека к другому в поисках того, что могло бы послужить изданию, дополнить и украсить книгу. Чтобы исполнилась заповедь памяти о тех, кто был уничтожен или лишен права на память.

Пусть, однако, здесь будет отмечено, что даже при самых добрых намерениях и напряжении сил замысел никогда не был бы осуществлен, если бы не верные помощники, люди из когорты тех богатырей, которые не считаются с апатией официальных говорунов, но слышат голоса погибших и пропавших. Помощники прислушивались также к упованиям тех людей из народа, что действовали «через голову» своих вождей и тепло откликнулись на проект.

В Израиле свои силы посвятили проекту считанные «фанатики», которых не задело пренебрежение со стороны «больших шишек». Они испытали на своем пути немалые трудности. И в Нью-Йорке считанные люди из комитета самоотверженно работали для достижения цели, не считаясь с препятствиями, и посвятили работе над книгой несколько лет.

В конце нашей работы и в завершение книги я считаю уместным высказать сердечную благодарность тем немногим, редким землякам и друзьям, которые по сути и осуществили проект. Во-первых, друзьям из Израиля: Нохему Хиничу, Шимшону Нахмани, моему родственнику Цви Асафу, Арье Шапиро, Цви Га-Гивати (Хазановичу), которые, помимо огромного личного вклада, подтолкнули других, вдохновили их на работу. Также благодарю за помощь уроженца нашего города известного писателя И.-Д. Берковича.

Большого уважения заслужили члены нью-йоркского комитета: председатель Авром Майзель со своей замечательной супругой Хаей, секретарь Элийогу Альтман с супругой, казначей Шмуэл Рахлин с супругой, вице-председатель Эликс Рейхман с супругой, секретарь-протоколист Арн Рольник с супругой.

Из тех, кто оказал наибольшую финансовую поддержку, важно назвать многоуважаемого г-на Довида Юздана, который выделил бумагу для печати книги. Пусть здесь будет упомянута и щедрая, сердечная помощь от моего шурина, д-ра Йеѓошуа-Йосефа Шварца, известного руководителя в «Джойнте», Объединенном еврейском призыве и Организации по сбору займов для Израиля в Нью-Йорке. Помог выходу книги также министр финансов Израиля г-н Леви Эшколь. Не будет забыта и щедрая финансовая помощь, полученная от земляка-филантропа г-на Гарри Лефрака, а также его жены и сына Шмуэла. Да будут все благословенны, и пусть их всегда вспоминают добром за их участие и поддержку в увековечении святой памяти Слуцка и его окрестностей!

р. Пейсах Рубнич
(преподаватель
Талмуда в Старобине)
с семьей.

Сидят справа налево:
его сын р. Арн-Яков
с женой, р. Пейсах
с женой, его зять
и дочь Итка.

Стоят: Мойше-Борух
с женой, Йосеф-
Элийогу с женой, Ноех
с женой. Все сыновья
с их семьями погибли
в России, кроме семьи
его старшего сына
Арна-Якова, который
жил в Чикаго, а его
дети – в Нью-Йорке

Раввин Нисн Вакман,
Бруклин, Нью-Йорк

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Фамилия	Дата смерти	Имя, имя отца
Альтман	12 швата 5677 / 4 февраля 1917	Йегуда-Лейб, сын Рувена
Альтман	29 кислева 5696 / 25 декабря 1935	Ривка, дочь Йешайогу
Бадхен		Симха-Лейб
Бадхен		Элка-Двойра
Бунин		Липман, сын Хаима
Бунина		Хая, дочь Аврома
Бунина	19 тевета 5718 / 11 января 1958	Сора, дочь Липмана
Бусел	25 ияра 5681 / 2 июня 1921	Ицхок, сын Липмана
Бусел	18 тевета 5694 / 5 января 1934	Рохл, дочь Биньомина
Вайншток		Цви-Гирш и Гитл
Ваксман	15 швата 5720 / 13 февраля 1960	Рувен, сын Цви-Гирша
Галинсон		Яков и Сора
Гвоздов	10 ова 5720 / 3 августа 1960	Шмуэл-Йосеф, сын Арье-Зеева
Гвоздов	12 ияра 5688 / 2 мая 1928	Риша-Геня, дочь Цви-Гирша
Голдблюм	1 швата 5719 / 10 января 1959	Файвл, сын Элькона
Горин	15 адара 5657 / 17 февраля 1897	раввин реб Меер, сын Пейсаха
Горин	18 хешвана 5671 / 20 ноября 1910	Цеша, дочь Зеева-Вольфа
Гринвальд	26 адара 5705 / 11 марта 1945	Йосеф, сын Лейзера-Мордехая
Гринвальд	23 элуля	Светла, дочь Мойше-Залмена
Домниц	26 тишрея 5712 / 26 октября 1951	Ошер, сын Хаима
Домниц	23 хешвана 5696 / 19 ноября 1935	Хая, дочь Ирмеягу
Голанд	7 сивана 5696 / 28 мая 1936	Борух, сын Ицхока-когена
Голанд	7 элуля 5719 / 10 сентября 1959	Фаля, дочь Рувена
Зейдес	9 тишрея 5704 / 8 октября 1943	Шимен-Лейб, сын Хаима
Зейдес	25 швата 5663 / 22 февраля 1903	Лея, дочь Шлойме

Фамилия	Дата смерти	Имя, имя отца
Козберг	21 тамуза 5694 / 4 июля 1934	Алга-Лея, дочь Шлойме-Йосефа
Козберг	28 адара 5720 / 27 марта 1960	Цви-Йона, сын Якова-Дова
Каминский		Хаим, сын Якова
Каминская		Хана, дочь Мнаше
Каминский	10 нисана 5672 / 28 марта 1912	Яков
Кантор	12 хешвана 5676 / 20 октября 1915	Мойше-Ицхок, сын Йегуды-Лейба
Кантор	5691 / 1930 или 1931	Малка, дочь Мордехая
Кантор	3 нисана 5696 / 26 марта 1936	Шлойме, сын Шмуэла-Шимена
Кантор	7 нисана 5677 / 30 марта 1917	Ривка-Лея, дочь Йешайогу
Кантор	27 тамуза 5721 / 11 июля 1961	Йосеф, сын Мойше-Ицхока
Канторович	20 тамуза 5720 / 15 июля 1960	Липа, сын Мендла
Каченовский	27 швата 5683 / 13 февраля 1923	Липа, сын Гершона
Каченовский	27 тевета 5684 / 4 января 1924	Бат-Шева, дочь Менахема-Мендла
Капчиц	15 сивана 5690 / 11 июня 1930	Раввин реб Мойше-Хаим, сын Йегуды-Лейба
Капчиц	9 тевета 5694 / 27 декабря 1933	Сора-Ривка, дочь Мойше-Довида
Каплан	1 элуля 5712 / 22 августа 1952	Раввин реб Йосеф-Лейб, сын р. Мойше-Хаима
Каплан	21 нисана 5685 / 15 апреля 1925	Хая-Мирьям, дочь Хаима
Краниц	8 тишрея 5691 / 30 сентября 1930	Гешл, сын Цви-Гирша
Крани	5 швата 5677 / 28 января 1917	Хая, дочь Йегуды
Кустанович	10 ава 5701 / 3 августа 1941	Яков-Мойше, сын Пейсаха, когена
Кустанович	8 тамуза 5696 / 28 июня 1936	Ривка, дочь Арна
Кустанович		Мордхе, сын Якова
Кушман		Йегуда и его жена Сора-Лея
Кривицкий	5 хешвана 5722 / 15 октября 1961	Хаим, сын Аврома
Майзес	6 нисана 5672 / 24 марта 1912	Хаим-Дов, сын Мордехая-Элиэра
Майзес	25 элуля 5695 / 23 сентября 1935	Ривка-Рохл, дочь Якова
Механик	15 нисана 5720 / 12 апреля 1960	Блюма, дочь Хаима
Механик	Канун Сукес 5692 / ок. 25 сентября 1931	Йосеф, сын Тувьи
Милкович	29 адара 5688 / 21 марта 1928	Зелик, сын Исая
Милкович	15 хешвана 5691 / 6 ноября 1930	Голда, дочь Мендла
Постов		Борух, сын Элийогу
Постов	21 кислева	Голда, дочь Элийогу
Нозик	7 адара 5717 / 8 февраля 1957	Двойра, дочь Мойше-Гецла

Фамилия	Дата смерти	Имя, имя отца
Равич	12 хешвана 5705 / 29 октября 1944	Меер-Зеэв, сын Зелика
Равич	27 ияра 5701 / 24 мая 1941	Алта, дочь Мордехая
Равич	Канун Сукес 5680 / ок. 8 октября 1919	Этка, дочь Меера-Зеэва
Равич	17 тишрея 5680 / 11 октября 1919	Симха, сын Меера-Зеэва
Равич	Пурим 5681 / 24 марта 1921	Нисн, сын Меера-Зеэва
Равич	Йом-Кипер 5718 / 5 октября 1957	Элийогу, сын Меера-Зеэва
Равич	9 элуля 5717 / 5 сентября 1957	Йехиэл, сын Меера-Зеэва
Резник	12 тевета	Авром-Арн, сын Якова
Резник	10 ияра	Геня, дочь Йешайогу
Рольник	3 адара	Йом-Тов-Липман, сын Мордехая
Рольник	23 элуля	Эстер-Слава, дочь Мойше
Рубинштейн	8 ова 5686 / 19 июля 1926	Мойше
Рубниц	27 тишрея 5699 / 22 октября 1938	Геня, дочь Цви
Рубниц	8 хешвана 5702 / 29 октября 1941	Ицхок, сын Аврома-Рувена
Ривин	2 тамуза 5715 / 22 июня 1955	Авром-Арн, сын Дова-Бера
Ривин	3 ова 5714 / 2 августа 1954	Галя, дочь Арье-Лейба
Сегал	12 швата	Йерухем и Ривка
Сегалович	27 тевета	Хая-Брайна, дочь Мендла
Сегалович	1 нисана	Лейзер, сын Ицхока
Сиротович	1 кислева 5708 / 14 ноября 1947	Арн, сын Йоны
Сиротович	9 тишрея 5718 / 4 октября 1957	Шлойме, сын Арна
Узденская	15 тамуза 5707 / 3 июля 1947	Двойра-Баша, дочь Хаима
Узденский	26 ияра 5686 / 10 мая 1926	Насаниэл, сын Довида
Файвишович	2 адара 5668 / 4 февраля 1908	Мойше, сын Йом-Това-Лейба, левита
Файвишович	2 хешвана 5693 / 1 ноября 1932	Элка, дочь Биньомина
Файс		Борис
Файс		Гинда
Фиалко		
Фиалко		
Фортман	27 швата 5711 / 3 февраля 1951	Раввин реб Шимшон-Зелик, сын Шимена
Фортман	2 тамуза 5721 / 16 июня 1961	Хволя, дочь Мойше-Гецла
Хиниц	7 нисана 5684 / 11 апреля 1924	Файвл, сын Исера
Чипчин		Довид-Бер, сын Менахема-Мендла, когена
Циркель	19 адара I 5719 / 27 февраля 1959	Рохл
Шварц		Вира
Шварц	1 тамуза 5710 / 16 июня 1950	Рефозл, сын Цви, левита

Фамилия	Дата смерти	Имя, имя отца
Шварц	26 ияра 5708 / 4 июня 1948	Рохл, дочь Мойше, левита
Шведок	29 адара 5677 / 23 марта 1917	Хаим, сын Якова
Шведок	26 нисана 5688 / 16 апреля 1928	Шейна-Двойра, дочь Йосефа-Мендла
Шведок	22 хешвана	Ицхок, сын Хаима
Швейдельсон	14 тевета 5693 / 12 января 1933	Элка, дочь Исроэла
Швейдельсон	3 адара 5703 / 8 февраля 1943	Сора, дочь Цодика
Шифман (из Вызны)	28 хешвана 5664 / 18 ноября 1903	Яков-Шлойме, сын Мойше-Арна
Шифман (из Вызны)	10 кислева 5664 / 29 ноября 1903	Шула, дочь Аврома
Школьник	12 швата	Зелик, сын Ноты
Школьник	Шушан-Пурим	Злата, дочь Дова

Носн-Нотэ, сын Цви-Йоэла

15 ияра 5671 — 21 кислева 5704

Норман Эпштейн

13 мая 1911 — 22 декабря 1943

Окончил школу медицины Университета Луисвилля (штат Кентукки) в 1938 г. Был интерном в еврейской больнице Сент-Луиса и постоянным работником в еврейской больнице Бруклина (Нью-Йорк). Служил лейтенантом медицинской службы армии США с 9 июня 1942 г., позже получил повышение, став капитаном. Погиб в бою в районе Новой Британии (юго-западная часть Тихого океана) 22 декабря 1943 г.

На вечную память

Круг усопших родственников семьи Майзель

Имя	Фамилия	Число и месяц смерти	Год
Борух	Дорошинский	4 августа	1931
Лея	Дорошинская	4 июля	1927
Бени	Дорис	4 февраля	1958
Рувен	Табачник	4 января	1941
Рохл	Табачник	19 июля	1954
Силя	Табачник	7 апреля	1958
Мордхе	Финкельштейн	23 ова	
Зелик	Финкельштейн	1 адара	
Итка	Гивентер	7 тевета	
Цира	Нешин		
Ѓилел	Ньюман	7 апреля	1947
Бейла	Ньюман	10 августа	1936
Дов	Ньюман	7 мая	1956
Сейди	Грауэр	9 мая	1947
Шмуэл	Шкляр	31 мая	1948
Йосеф	Тиктинский	26 декабря	1920
Фейгл	Файнберг	8 сентября	1959
Шолом	Майзель		1936
Сора-Ривка	Майзель		1901
Мойше-Лейб	Майзель	21 февраля	1920
Хава	Майзель	24 нисана	
Михл	Майзель	5 ноября	1953
Шмуэл-Хаим	Майзель	Январь	1937
Шмуэл и Эйдл	Майзель	8 тевета	
Фридман	Майзель	Умер в России	1941
Шолом	Майзель	Убит во Вторую мировую войну	
Шмуэл	Майзель	20 июля	1954
Софья	Майзель	5 мая	1952
Ѓерцл	Майзель	13 сентября	1932
Хаим	Майзель	4 ноября	1955
Лева и Гриша (близнецы)	Млоток	Убит во Вторую мировую войну	
Дов	Гранов	9 апреля	1952
Иццок	Раппапорт	22 июня	1933
Юдис	Раппапорт		1940
Рувен	Раппапорт	Апрель	1942
Бейла	Раппапорт	Июнь	1932
Элийоѓу	Вайнберг	28 июня	1959

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Андрей Порфирьев

Интерес к еврейской истории Слуцка появился у меня в контексте увлечения генеалогией. Понимание роли этого города в истории евреев России и Польши пришло не сразу. В рассказах моей бабушки Клары Моисеевны Порфирьевой (Голубицкой), родившейся в Петрикове и жившей некоторое время в Мозыре, Слуцк упоминался как место, откуда происходил ее дед Мордух Темкин, меламед, получивший место в Лахве и проработавший там всю жизнь. Мама бабушки Бася Темкина родилась уже в Лахве, но старшие братья и сестры появились на свет в Слуцке. Их мама Эсфирь (Эстер-Рахель) Исааковна Бокшицкая была дочерью хозяина небольшой гостиницы в этом городе. Сестра Баси Итке-Малке, родившаяся в Слуцке в 1876 г., вышла замуж за Шмерла (Самуила) Блезовского и уехала с мужем и детьми в Канаду (Виндзор, Онтарио) в 1921 г. на судне «Scandinavian», а позднее перебралась в Детройт (США).

Брат Баси Арн-Гирш родился в Слуцке в 1881 г. и в девятилетнем возрасте был отправлен в Варшаву, где стал учеником кондитера. Позднее он переехал в Минск. Отвоевав в Первую мировую и в советско-польскую войнах, Арн-Гирш стал во времена НЭПа состоятельным кондитером-предпринимателем, а в 1924 г. переселился в Ленинград, где добился еще большего успеха. Семья, в которой было шестеро детей, жила вполне благополучно до конца НЭПа, когда предприятие ее главы закрыли, самого его арестовали и заставили пытками и угрозами расправы с женой отдать весь заработанный капитал.

Знакомясь с биографиями представителей предыдущих поколений моей семьи, уроженцев Слуцка, я преисполнился уважения к этим предприимчивым людям, которые благодаря деловой хватке смогли пережить со своими многочисленными домочадцами самые сложные периоды в истории России.

Еще один сын Мордуха Темкина, Самуил, своей биографией показывает путь части еврейской молодежи, посвятившей себя защите угнетаемых в царской России и впоследствии попавшей под каток сталинских репрессий. Самуил родился в 1886 г. в Слуцке, его детство прошло в Лахве. Получив домашнее образование, в 1903 г. на волне еврейских погромов он вступил

в Бунд. Под кличкой «Митрофан» работал в районе Пинска и Ровно. В 1905 г. за принадлежность к Бунду и проведение забастовки был заключен на три месяца в тюрьму, а затем выслан под надзор полиции в Слуцк. В 1906 г. под кличкой «Залман» работал в Слуцке и Бобруйске. Во время военной службы в Верхнеудинске Самуил вступил в военную организацию РСДРП, после чего был арестован и в феврале 1908 г. приговорен к четырем годам каторги, которую отбывал в Нерчинске, в печально известной каторжной тюрьме в местности Горный Зерентуй. После революции Самуил достиг высот советской карьерной лестницы уже в Москве, в 20-е годы занял пост генерального секретаря Исполкома ЦК МОПРа — влиятельной Международной организации помощи борцам революции. В 1937 г. был вместе со своей женой репрессирован и умер в январе 1938 г. во Владимирской тюрьме.

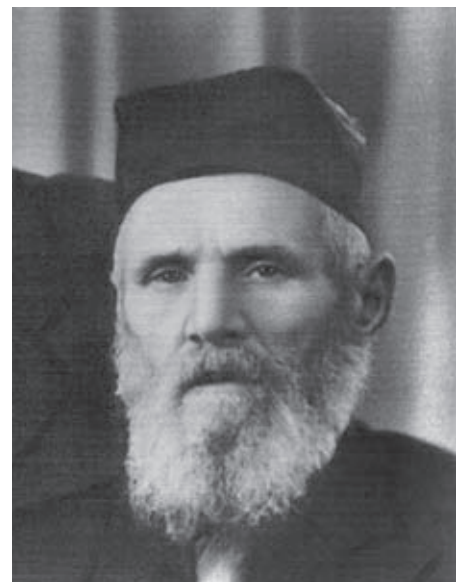
Как и любой другой город в Беларуси, Слуцк стал местом нацистских злодеяний. Братя моего прадеда Мейше-Евеля Голубицкого, Эли и Шая, жили в этом городе. Шая с семьей и жена Эли Лея были убиты там во время Катастрофы. Дочь Мейше-Евеля от первого брака Маня вышла в Петрикове замуж за Илью Рошалья, они переехали в Слуцк и тоже были расстреляны нацистами (по разным версиям — в Слуцке или Лунинце). Эли умер своей смертью в 1939 г.

Меня всегда интересовала генеалогия не как свод архивных записей, длинные свитки родословных по типу «Авраам родил Иакова», а как подлинная история семей в рассказах, легендах, описаниях живых характеров. Далеко не у всех были среди предков яркие и широко известные личности, информацию о которых можно почерпнуть в публичных источниках, но и о людях незначительных можно что-то узнать из рассказов бабушек и дедушек, хранивших сведения о жизни предшествующих поколений. И это при том, что миграционные процессы, войны, эпидемии приводили к многочисленным разрывам в памяти поколений: кто-то из носителей драгоценной информации навсегда уезжал из родного города, и следы его терялись, кто-то в детстве осиротел и забыл рассказы родителей, а кто-то, пережив чудовищные лишения, пытался вычеркнуть из памяти прошлое и наотрез отказывался рассказывать даже собственным детям то, что видел своими глазами или слышал своими ушами.

Итке-Малке Тёмкина

Самуил Тёмкин

Арн-Гирш Тёмкин

Илья и Маня Рошаль

Шая Голубицкий

Когда становится известным что-то о твоём предке, его судьба предстает перед тобой в конкретном историческом контексте. Тогда человек этот как бы обретает вторую жизнь, и все, что происходило с ним, воспринимается так, как будто смотришь кинофильм, в котором он — главный герой. Здесь неизбежны домыслы и фантазии, но удержаться от этого трудно. Читая рассказы Шолом-Алейхема или воспоминания в таких интернет-проектах, как «Голоса еврейских местечек», ты как бы перемещаешься в описанные времена и места, и твои смутные представления о них становятся четче, а общую атмосферу тех лет дорисовывает воображение.

И вот в таком стремлении «оживить» историю своей семьи я наткнулся на серию книг под общим названием «Книга памяти». Книги эти написаны главным образом на идише и иврите, реже на английском, и ничего подобного не встречалось мне в русскоязычной исторической литературе. Мне повезло: я по чистой случайности увидел в Интернете ссылку на «Памятную книгу Слуцка и его окрестностей» и ее фрагменты в переводах на английский язык, сделанных энтузиастами. После завершения ее перевода на русский язык стало окончательно ясно, что эта книга, созданная в докомпьютерную эпоху в странах, где рассказчики не были ограничены цензурой, и содержащая свидетельства десятков связанных со Слуцком людей, у каждого из которых было глубоко личное отношение к описываемым персонажам и событиям, предлагает нам полную картину жизни еврейской общины города.

Я надеюсь, что наличие русской версии книги на общедоступных ресурсах позволит максимально широкому кругу людей, интересующихся еврейской историей и генеалогией, найти что-то интересное и для общего понимания еврейской жизни в России, и для знакомства с историей собственных семей, ведь иногда одна строчка, прочитанная о далеком предке, может помочь в дальнейшем поиске информации такого рода.

В процессе подготовки макета книги ушел из жизни один из ее редакторов, видный историк, журналист и популяризатор еврейской культуры и идиша в Украине Анатолий Кержнер (1979–2021). Да благословенна будет память о нем.

*Андрей Порфирьев (г. Москва),
инициатор создания русской версии
Книги памяти Слуцка*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- America (also United States) 28, 30
Argentina 30
Australia 30
- Baranovichy 30
Be'er Sheva 31
Belarus 30–32
Bobruisk 30
Braslav 31
Brest 30
Bulgaria 30
Bychok River 31
- Canada 30
Czech Republic 30
- Disna 30
Dokshitsy 31
Druya 31
Dyatlovo 30
- Ein Ganim 13
Eretz Yisrael 29
- Givatayim 31
Glubokoe 30
- Great Britain 30
Greece 30
Grodno 30
- Haifa 31
Hlusk 13, 15, 31
Horki 15, 31
Holon 31
- Hresk 15, 31
Hrozovo (Hrozov) 15, 28, 31
Hungary 30
- Ilya 30
Indura 31
Ivye 30
- Kamenets-Litovskiy 31
Kapulie (also Kopyl) 13, 15
Kiryat Shaul 31
Kobrin 30
Koidanovo 30
Kopyl: *see* Kapulie 31
Kosovo 30
- Latvia 30
Liakhovichy 30
Lida 31
Lithuania 30
Luban 13, 15, 16, 31
Luninets 30
- Magdiel 27
Minsk 31
Mir 30, 761
Moldova 30
Mosty 31
- Nahalat Yitzchak 31
Naliboky 31
Nesvizh 31
New York 23, 27, 28, 30, 31
Novogrudok 30
Novy Dvor 30
- Oshmyany 31
- Pesky 31
Petach Tikva 27, 31
Pinsk 31
Pohost 13, 15, 31
Poland 30
Pruzhany 30, 31
- Romania 30
Romanovo 15, 31
Rubezhevichy 30
Russia 11, 29–32, 456
Ruzhany 30
- Selky 27
Semezhevo 15, 31
Shchuchin 30
Slonim 31
Slovakia 30
Slutsk 2, 11–16, 27–32
Sopotskin 30
South Africa 30
Starobin 13, 15, 16, 28, 31
Starye Dorohi 15, 31
Stolbtsy 30
Stolin 30
Sverzhen 30
Svir 30
Svisloch 30
- Telekhany 30
Timkovichy 15, 31
- United States: *see* America
Ukraine 30

- Urechye 15, 31
- Vasilishky 31
- Verkhutino 15, 31
- Vidzy 31
- Vileyka 31
- Vitebsk 30
- Volkovysk 30
- Volozhin 31
- Voronovo 31
- Vyzna 15, 31
- Yanov 31
- Yad Eliyahu, kibbutz 29
- Абу-Шуша 725
- Австралия 22, 23
- Австрия 652, 742, 748
- Австро-Венгрия 289
- Аза (Газа) 724, 726, 734
- Акко 715, 726, 729, 761
- Аль-Батани Аль-Шарки 725
- Аль-Кубаб 725
- Америка 20, 22, 23, 53–55, 62, 83, 97, 121, 126, 127, 135, 139, 141, 142, 148, 150–152, 157, 163, 164, 186, 190, 223–225, 241–243, 250, 252, 254, 267, 282, 284, 286, 288, 291, 293, 302, 303, 305, 330, 333, 336, 337, 340, 345, 371, 383–384, 386, 393–394, 397, 400, 407, 419, 420, 435, 443, 445, 446, 449, 450, 452–456, 478, 486, 490, 491, 493, 502, 531–533, 537, 548, 554, 555, 560, 562, 571, 572, 574, 581, 582, 588, 590, 593, 595, 599, 613, 622, 623, 628, 632, 639, 660, 661, 666, 667, 669–671, 718, 740, 743–746, 748–754, 756–758, 763, 764, 768, 769, 771, 773–775, 779, 780, 787
- Англия 140, 191, 340, 525, 590
- Аргентина 22
- Армения 406, 407, 721
- Атлит 421
- Афиким, кибуц 738
- Ашдод 725
- Базель 58, 171, 734
- Баку 733
- Балавичи (Белавичи) 549
- Балтимор 631, 771, 772, 775
- Барановичи 23, 35, 44, 97, 120, 121, 125, 126, 148, 178, 179, 289, 291, 293, 310, 335, 348, 375, 493, 577, 587, 588, 633, 652, 670, 690, 692, 697, 731
- Барка 725
- Башан 463
- Бейрут 442
- Бейт-Арава 722
- Бейт-Афа 725
- Бейт-Гуврин 719
- Бейт-Йосеф, кибуц 737
- Бейт-Набала 721
- Билгорай 630
- Белоруссия 22, 23, 36, 44, 61, 63, 71, 148, 191, 193, 200, 206, 219, 233, 243, 246, 248, 269, 286, 291, 312, 315, 320, 321, 323, 337, 577, 582, 631, 635, 640, 650, 652, 683, 687, 692, 703, 705, 708, 728, 761
- Белосток 148, 162, 182, 211, 314, 357, 366, 503, 656, 694, 770
- Белфаст 773
- Бен-Шемен 647, 724
- Бердичев 228, 346, 441
- Березино 49, 115
- Беэр-Шева 23, 721
- Беэр-Яков 734
- Биробиджан 219, 447
- Бней-Брак 630
- Бобовня 701
- Бобруйск 23, 37, 38, 76, 84, 103, 126, 129, 130, 156, 158, 184, 195, 222, 224, 286, 287, 290, 305, 313, 314, 320, 324, 326, 334, 342, 344, 348, 401, 545, 547, 548, 572, 578, 581, 584, 592, 602, 604, 608, 640, 642, 644, 646, 652, 664, 667, 669, 698, 707, 762, 792
- Богемия 102, 233, 519
- Болгария 22, 190
- Большое Быково 455
- Борисов 348
- Боро-Парк 97, 445
- Бостон 437, 774
- Бранденбург 90
- Браслав 23
- Браунсвилль 486, 631, 753
- Бреслау 91, 431, 432
- Брест (Бриск) 23, 36, 37, 42–47, 63, 89, 93–95, 114, 129, 133, 147–149, 178, 179, 215, 236, 238, 247, 289, 292, 493, 538, 641, 679
- Бронкс 572, 776
- Бруклин 97, 151, 448, 452, 571, 572, 631, 753, 756, 766, 767, 774, 790, 798
- Буффало 451
- Быково 455, 754
- Бычок, река 24, 287
- Ванелевичи 81
- Варшава 56, 58, 62, 93, 97, 105, 114, 120, 121, 177, 181, 191, 257, 258, 291, 292, 316, 322, 323, 351, 386, 404, 436, 437, 446–450, 455, 479, 565, 571, 620, 642, 645, 659, 684, 732, 733, 736, 791
- Василишки 23
- Великобритания 22, 191, 530, 547
- Великое княжество Литовское 35
- Великороссия 526
- Вена 65, 91, 104, 351, 422, 425, 436, 437, 535, 733, 734, 737
- Венгрия 22, 289
- Вендзягола 572
- Верхняя Галилея 719, 738
- Верхутино 9, 24, 545, 565, 566, 645, 688
- Видзы 23, 189
- Вилейка 23
- Вилькомир (Вилкомир, Укмерге) 126, 130
- Вильна 33, 38, 39, 42, 46, 47, 51, 60, 81, 99, 101, 104–106, 126, 130, 134, 142, 147, 149, 164, 188,

- 229, 233, 240, 247, 291,
322, 342, 344, 351, 360,
366, 404, 405, 437, 441,
449, 450, 467, 479, 491,
519, 520, 528, 535, 552,
558, 565, 572, 620, 624,
626, 630, 668, 732, 769
- Вильямсбург 660, 661
Виндзор 791
Витебск 23, 38, 575
Волковыск 23, 137, 138
Воложин 23, 93, 95–97,
99, 100, 102, 106, 107,
137, 138, 146, 161, 178,
228, 234, 236, 243, 247,
250, 313, 339, 426, 442,
539, 558, 565, 568, 604,
608, 612, 624, 653, 654,
663
Вольнь 36, 487, 488, 503,
512, 566, 612, 631
Вормс 90
Воробьево 549, 664
Воронеж 769
Вороново 23, 80, 243
Восточная Германия 335
Восточная Пруссия 498
Вызна 9, 24, 34, 76,
196, 197, 274, 452,
558–560, 562, 563, 649,
688, 766
Высокое 677
- Гаага 134, 177, 734
Гавана 761, 762
Галилея 59, 371, 719, 721,
738
Галиция 105, 180, 346,
433, 434, 449, 498, 512,
562, 682, 683, 750, 769
Гамбург 137, 733, 734
Ганцевичи 655, 759, 760
Генуя 449
Герцлия 443, 445, 600,
716, 726, 727, 739
Гиватаим 23, 647, 648
Гиват-га-Шлоша 722, 727
Гиватон 715, 729
Гиват-Хаим 750
Глазго 445
Глубокое 23, 677
Глуск 7, 9, 24, 47, 92, 146,
147, 156, 180, 237, 238,
306, 349, 350, 353, 357,
358, 383, 453, 547, 548,
578, 593, 640, 688, 732,
733, 737, 774
- Гольчицы 663
Гомель 257, 601, 650, 698
Горки 9, 24, 270, 271, 295,
427, 640, 664–669
Горный Зерентуй 792
Городея 52, 139, 163, 322,
573
Граево 77, 137, 138, 282
Греск 9, 24, 34, 546, 663,
664, 688
Греция 22
Гродненская губерния
61, 76, 243, 289, 509
Гродно (Городня) 23, 36,
42, 47, 61, 63, 76, 91,
233, 243, 247, 289, 360,
434, 509, 656, 679
Грозово (Грозоз) 9, 20,
24, 34, 76, 161, 162, 196,
274, 306, 411, 466, 542,
548–556, 627, 664, 688,
743, 744, 748, 775, 776
- Дагестан 250
Дания 105, 189, 214, 323,
694, 719, 748
Дараганово 640
Двинск (Динабург) 76,
113, 236
Детройт 791
Дженин 727
Дисна 23
Докторовичи 39
Докшицы 23
Долгинов (Долгиново)
310
Доминовичи (Домано-
вичи) 708
Дорот, кибуц 721
Дорчестер 572
Друя 23, 92
Дубовое 610
Дубы 735
Дятлово 23, 178, 179
- Египет 47, 130, 213, 411,
425, 455, 460, 725, 726,
733, 734
Екатеринослав (Днепр)
58, 62, 169, 172, 174,
177, 257, 260–263, 284,
404, 449, 765
- Енисейск 224
Ереван 721
- Жаулковский лес 702
Жежмаряй (Жижморы)
629
Жемайтия 335
Женева 189, 436, 449, 481
Житковичи 293, 640
Жолква 43, 91
- Загальские болота 712
Зажевичи 651
Закальное 335
Закрочим 454
Западная Германия 694
Звулун, долина 726
Зельва 46
Зихрон-Яаков 442, 733
- Ивацевичи 631
Ивенец 570
Ивьё 23, 509
Игумен (Червень) 626,
634
Иерусалим 23, 54, 57,
66, 68, 76, 96, 114, 126–
128, 138, 140, 152, 154,
155, 157–159, 245, 264,
274, 344, 371, 377, 413,
435, 436, 438, 451, 453,
467, 469, 527, 557, 558,
572, 588, 590–592, 609,
610, 630, 641, 648, 715,
716, 718, 719, 722–724,
733, 737, 738, 763, 766,
768
- Изабелин 126, 137, 138
Избица 643
Илья 23
Индура 23
Иордан, река 371
Йотвата 739
Ирак аль-Маншия 721
Ирак 455, 721
Иран 455
Иркутск 410
Испания 36, 625, 635, 754
Италия 348, 431, 449, 512,
742, 748
Иудея 435, 572, 591, 612,
648

- Кавказ 250, 720, 721
 Казахстан 193, 410
 Казимирово 240
 Кайданов (Койданово, Дзержинск) 23, 102, 135, 141, 439, 773
 Калифорния, штат 662
 Калиш 626
 Каляя 722
 Каменец-Литовский 23, 178
 Каменец-Подольский 441
 Каменка, река 652
 Канада 22, 450, 791
 Карлин 61, 102, 399
 Кармель, гора 443
 Кассель 694
 Кастина 299, 300, 734
 Катамон 722
 Кейданы (Кедайняй) 39
 Кельме 143, 238, 589
 Кёнигсберг 39, 237, 350, 355-358, 410, 507, 565, 682, 732
 Кирьят-Анавим 724
 Кирьят-Шауль 23
 Китай 224, 280, 549, 572
 Клецк 34, 35, 46, 81, 236, 244, 246, 252, 254, 293, 319, 380-382, 384, 386, 390, 413, 460, 572, 577, 590, 626, 630, 643, 655, 656, 668
 Кливленд 667
 Клуж 89
 Кобрин 23, 37, 178, 179, 343
 Ковель 91, 631
 Ковно 93, 97, 114, 122, 138, 244, 383, 412, 526, 528, 631, 689, 736, 769
 Козловичи 762
 Козьегорский лес 707
 Комсичи 569
 Конотоп 572, 699
 Константинополь 717
 Копаткевичи 586, 629, 698
 Копыль 7, 9, 24, 34, 35, 37, 44-46, 81, 87, 101, 106, 125, 137, 138, 150, 163, 196, 197, 271, 273, 274, 298, 306, 308, 364-367, 371, 387, 410, 439-441, 454, 455, 458, 466, 468-470, 478-482, 506-508, 510-520, 543, 550, 552, 557, 573, 575, 577, 652-656, 661, 664, 670, 671, 676, 688, 695, 703, 704, 706
 Копысь 310
 Кореличи 49, 61, 115, 624-626, 653
 Коссово 23
 Костромская область 704
 Костюки 710, 732
 Кошарка, урочище 666
 Краков 40, 65, 68, 89, 120, 139, 471, 570, 571, 679
 Кременчуг 146, 147, 237, 590
 Крым 218, 219, 510, 728, 729
 Крынки 677, 679
 Куба 761
 Кузьмичи 326, 335, 582, 600
 Курляндия 335
 Кучино 666
 Кфар-Варбург 725, 729
 Кфар-Ганим 393, 588, 589
 Кфар-Зарин 727
 Кфар-Йехезкель 452, 600, 741
 Кфар-Сава 412, 452
 Кфар-Эцион 591
 Лавский лес 702
 Ландсберг 90, 721
 Латвия 22, 63, 627, 631, 742
 Латрун 720, 725
 Лахва 791
 Лейквуд 252, 437
 Лейк-Сассекс 152, 719, 723-724
 Лейпциг 434, 471, 565
 Лемберг (Львов) 35, 36, 62, 76, 92, 105, 332, 433, 471, 538, 539, 597, 647, 711, 732, 754
 Ленин 640
 Лещанка 41
 Либава 163
 Лида 23, 148, 245, 279, 342, 565, 631, 641, 654, 731
 Лиозно 684
 Липовка 630
 Литва 22, 33, 34, 36, 39, 42, 60, 63, 68, 78, 89, 91, 102, 124, 157, 162, 177-179, 190, 222, 233, 234, 245, 247, 252, 337, 362, 363, 458, 469, 484, 488, 503, 510, 518, 519, 539, 552, 569, 572, 591, 628, 629, 631, 632, 682, 683, 689, 742
 Лод 489, 719
 Лодзь 52, 84, 174, 175, 177, 181, 291, 435, 445, 447-449, 483, 503, 652, 695, 733
 Ломжа 114, 383, 592, 763
 Лонг-Айленд 776
 Лондон 85, 140, 151, 164, 165, 445, 451, 525, 529, 530
 Лоуренс 776
 Лоуэлль 774
 Луизиана, штат 153
 Лунинец 23, 577, 652, 792
 Луцк 76, 160, 348
 Львов: см. Лемберг
 Любань 7, 9, 10, 24, 154, 156-158, 178, 179, 196, 274, 326, 328-330, 332-334, 578-584, 586-590, 592-596, 598-611, 628, 630, 652, 671, 688, 698, 710, 712, 730, 732, 753
 Любар 411
 Люблин 36, 38
 Ляховичи 23, 34, 35, 49, 76, 84, 102, 115, 289, 290, 310, 380, 381, 460, 552, 572, 655, 685
 Магдиэль 19, 743, 747
 Магриб 152
 Майами 762
 Македония 717
 Манхеттен 755
 Маньчжурия 389, 756
 Мариамполь 139
 Марокко 152
 Массачусетс, штат
 Медведичи 34
 Мексика 348
 Мемель 68, 76, 78, 507
 Мерхавия, кибуц 600

- Метявичи 345
 Милуоки 450, 451
 Минск 23, 24, 34, 35, 51,
   52, 61, 63, 66, 72, 76,
   93, 99–101, 103, 107,
   110, 112, 115, 119, 133,
   135, 139, 150, 160, 162,
   163, 166–168, 171, 181,
   185, 189, 191, 198, 199,
   201, 202, 204–206, 219,
   222–224, 230, 232, 240,
   252, 254, 262, 271, 276,
   279, 283, 284, 289–291,
   313, 314, 319–322, 326,
   330, 334, 341, 342, 366,
   367, 376, 388, 389, 401,
   410, 416, 426, 433, 434,
   436, 450, 506, 509, 539,
   547–551, 554, 558, 565,
   570, 577, 578, 581, 611,
   613–615, 617, 620, 624,
   626, 634, 640, 641, 644,
   646–648, 650, 652, 657,
   658, 663, 664, 670, 682,
   687, 689, 692, 694, 695,
   698, 703, 705, 710, 741,
   742, 773, 791
 Минская губерния 34,
   35, 52, 72, 93, 162, 171,
   240, 279, 320, 341, 426,
   506, 539, 547–549, 558,
   611, 617, 647, 648, 652,
   657, 658, 670
 Мир 23, 61, 66, 95, 96,
   136, 149, 150, 178, 358,
   363, 399, 413, 454, 538,
   554, 558, 572, 586, 589,
   590, 593, 607, 628–631,
   634, 731, 732, 759
 Мишмар ға-Негев 721
 Мишмар (в Крыму) 729
 Могилев 37, 51, 76, 134,
   138, 309, 403, 632, 684
 Мозырь 184, 698, 712, 791
 Молдавия 22
 Морочь, река 670
 Москва 3, 52, 69, 78, 82,
   200, 201, 218, 219, 221,
   250, 289, 290, 319, 385,
   396, 411, 436, 446, 447,
   450, 471, 544, 620, 642,
   700, 705, 730, 734, 759,
   779, 792, 793
 Мосты 23
 Мотоль 614
 Мстиславль 38, 630,
   632
 Мстиславское воеводство 758, 760, 762–773, 775,
   41 776, 779, 781, 783, 789,
   790, 794, 798
 Мэн, штат 773
 Мэриленд, штат 771, 775
 Налибоки 23
 Нахалаль 725
 Нашвилл 348
 Небраска, штат 157
 Неве-Йеґошуа 719
 Неве-Цедек 411, 613
 Неве-Шаанан 421
 Неве-Шалом 716
 Невлад 47
 Неволож 34, 651
 Негев 719, 721, 725
 Неман, река 507, 549
 Нерви 449
 Нерчинск 792
 Несвиж 23, 34, 35, 44, 47,
   76, 93, 104, 283, 293,
   315, 319, 322, 460, 573,
   577, 626, 631, 655, 677
 Нижний Новгород 733
 Никополь 720
 Ницаним, кибуц 725
 Новогрудок 23, 39, 99,
   107, 154, 358, 624
 Новогрудское воеводство 33
 Новозыбков 243
 Новороссийский край 512
 Новосёлки 665
 Новые Дороги 640
 Новые Жагоры (Жагаре) 105
 Новые Крынки 677
 Новый Двор 23
 Новый Орлеан 153, 308,
   451, 571
 Нью-Джерси, штат 571
 Нью-Йорк 17, 19, 20,
   23, 24, 61, 97, 126, 140,
   143, 148, 150, 151, 153,
   160, 164, 189, 229, 239,
   241–243, 292, 297, 300,
   337, 348, 351, 379, 413,
   432, 436, 437, 443, 445,
   448, 450–456, 486, 559,
   572, 595, 611, 620, 628,
   629, 631, 653, 654, 660,
   661, 703, 705, 706, 743,
   744, 746, 749, 753–756,
   758, 760, 762–773, 775,
   776, 779, 781, 783, 789,
   790, 794, 798
 Нью-Йорк, штат 150,
   756, 779
 Обчин 335, 671
 Огайо, штат 667
 Одесса 51, 62, 157, 158,
   245, 284, 349, 404, 432,
   441, 443, 450, 454,
   525, 547, 579, 602, 603,
   607–609, 611, 715–717,
   731, 763
 Олбани 779
 Омаха 157
 Онтарио 791
 Орел 153, 229, 232, 308,
   446, 451, 571
 Оресса, река 592
 Орша 38, 759, 760
 Осиповичи 35, 198, 199,
   321, 629, 642, 644, 652
 Острог 91, 631
 Отвоцк 126
 Ошмяны 23, 571, 626
 Падуя 89, 133
 Палестина 54, 60, 61, 152,
   158, 162, 191, 204, 348,
   374, 411, 413, 414, 442,
   443, 450, 547, 610, 616,
   618, 636, 717–719, 722,
   724
 Пардес-Хана 153, 252,
   721–722
 Паричи 146, 362, 547
 Пагуза 41
 Пески 23
 Песочное 701
 Петах-Тиква 19, 23, 229,
   259, 377, 394, 395, 411,
   412, 588, 647, 648, 716,
   722, 723
 Петриков 37, 791–792
 Петроков 127
 Пинск 23, 36, 42, 43, 47,
   62, 63, 74, 89, 91, 162,
   233, 247, 346, 614, 652,
   685, 698, 705, 732, 754,
   792
 Питтсбург 623
 Плоцк 126, 130, 454
 Плюсна 333
 Поварчицы 708

- Повстынь 333
 Погост 7, 9, 24, 34, 47,
 141, 142, 196, 274, 326,
 345, 442, 647-652, 688,
 705, 707, 708, 753, 775
 Погост-Загородский 640
 Погребнице 758
 Подлипцы 146, 237, 383
 Подолия 512, 683
 Позен (Познань) 236
 Полесье 269, 348, 371,
 498, 553, 612, 635, 708
 Полтава 100, 586, 629, 630
 Польша 22, 36, 39, 42,
 60, 89, 91, 100, 114, 119,
 121, 124-126, 177-179,
 190, 233, 234, 245, 246,
 254, 291-293, 321, 323,
 325, 330, 332, 333, 337,
 346, 382, 412, 435, 498,
 525, 587, 610, 611, 630,
 631, 633, 675, 682-683,
 685, 693, 702, 709, 710,
 731, 742, 758, 761, 769,
 791
 Поневеж 589
 Портленд 774
 Прага 44, 90, 92, 105
 Припять, река 371, 498
 Пружаны 23, 568, 570,
 625, 626, 654, 659
 Радин (Радунь) 187, 243,
 554, 566, 628, 629, 769
 Радом 91, 589
 Рамалла 720
 Рамат-Ган 644, 734, 764
 Рамле 719, 724, 725
 Рамсгит 152
 Рафаловка 630
 Рачкевичи 335
 Реховот 153, 252, 412,
 627, 715, 725, 729, 732,
 733, 780
 Речица 627, 685
 Речь Посполитая 33, 36,
 41, 104, 247, 670
 Рига 190, 627, 692
 Ришон-ле-Цион 442
 Ришпон 723, 727
 Ровно 623, 742, 792
 Рогачев 113, 236, 265, 699
 Романов (Романово) 9,
 24, 34, 48, 185, 186, 437,
 627, 657-662, 688, 773,
 774
 Россиены 71
 Россия 22, 35, 37, 38, 53,
 58, 60-62, 65, 68, 83,
 96, 100, 121, 123, 125,
 134, 138, 139, 150, 162,
 164, 169, 171, 177, 178,
 181, 182, 184, 186, 189,
 191-193, 197, 200, 204,
 207, 213-215, 218, 219,
 223-225, 231, 239, 243,
 248, 250, 252, 267, 283,
 286, 289-291, 301, 303,
 305, 314, 316, 318-320,
 322, 323, 325, 337, 341,
 342, 348, 356, 363, 382,
 389, 397, 407, 417-420,
 434, 446, 447, 450, 456,
 506, 512, 515, 525, 547,
 562, 571, 573, 587, 588,
 591, 608, 610, 612, 613,
 630, 638, 641, 644, 647,
 648, 685, 687, 689,
 700, 704, 707, 728-730,
 732-735, 738, 740-745,
 747, 748, 751, 758, 759,
 767, 769, 790, 791, 793
 Ростов-на-Дону 320
 Рочестер 141, 142, 740
 Рош-га-Айн 737
 Рош-Пина 605, 608, 609
 Рубежовичи 23
 Рудобелка 774
 Ружаны 23
 Румыния 22, 190, 750
 Русиновичи 34
 Русь 34, 36, 39, 233, 741
 Рыжица 666
 Саверн 760
 Салев, гора 481
 Салоники 609
 Сан-Антонио 348
 Сан-Диего 662
 Санкт-Петербург (Пе-
 троград, Ленинград)
 184, 195, 254, 255, 289,
 290, 318, 351, 408, 417,
 528-531, 700, 791
 Сан-Франциско 150-151
 Свержень 23, 656, 677,
 695
 Свизичи (Свидичи) 366
 Свирь 23
 Свислочь 23, 134, 198, 474
 Сдом 530, 722
 Сейны 162, 163, 554
 Селец 659
 Селищи 697
 Селки 19, 188
 Семежево 9, 24, 156, 158,
 670, 671
 Сент-Луис 163, 554, 798
 Сестрорецк 759
 Сибирь 117, 124, 193, 203,
 224, 398, 406, 410, 415,
 446, 627, 646, 688, 761,
 770
 Синявка 34, 213, 289, 572
 Сиракьюс 756
 Сирия 547, 717, 719
 Слива 651
 Слободка 53, 67, 68, 96,
 122, 137, 147, 178, 238,
 241, 244, 248, 249, 310,
 313, 337, 383, 412, 413,
 539, 569, 589-592, 628,
 641, 644, 715, 736, 769,
 780
 Словакия 22
 Слоним 23, 57, 106, 293,
 460
 Случь, река 35, 269, 270,
 349, 371, 611, 612, 636,
 638, 647, 649
 Смолевичи 91, 97, 627
 Смоленск 346, 422-425,
 550, 620, 698
 Советский Союз 22, 455,
 639, 779
 Сопоцкин 23
 Сталинград 704, 720
 Сталович (Столовичи) 44
 Старев 330-332, 390, 407,
 666, 668
 Старицкий лес 655, 656,
 702
 Старобин 7, 9, 10, 20, 24,
 35, 76, 133, 143, 178,
 179, 196, 236, 274, 295,
 306, 345, 346, 379, 420,
 437, 448, 571, 577, 611,
 612, 614-622, 624-631,
 634-640, 648, 649, 677,
 688, 707-709, 728, 753,
 771, 774, 790
 Старые Дороги 9, 24, 198,
 224, 257, 305, 497, 531,
 565, 640-647, 664, 665,
 667, 668, 670, 698

- Столбцы 23, 245, 246, 507, 630, 655, 656
 Столин 23
 Стрешин 403
 Сувалкская губерния 163, 289

 Таль 712
 Таурге 161
 Тверия 92, 245, 411, 452, 719
 Телеханы 23
 Телз (Тельшяй) 157, 158, 313, 526, 527, 554, 572, 593, 628
 Тель-Авив 23, 25, 139, 151, 155, 158, 162, 167, 189, 197, 294, 302, 320, 374, 377, 404, 415, 436, 443, 447–449, 451–453, 495, 587, 588, 591, 600, 609, 610, 613, 627, 648, 719, 721, 722, 724–726, 728, 732–737, 739, 741, 742, 749, 758, 771
 Тель-Адашим 647
 Тель-Ариш 724
 Тель-Хай (в Крыму) 728
 Теннесси, штат 348
 Техас, штат 348
 Тимковичи 9, 24, 34, 196, 239, 274, 322, 397, 405, 441, 458, 468, 484, 566–577, 626, 649, 652, 662, 670, 688
 Толидо 595
 Томашов 233, 310, 503
 Тракай 626
 Трентон 571
 Тройчаны 41, 125, 283, 335
 Труханы 603, 607
 Тунис 152
 Турийск 128
 Турция 685, 717, 758

 Узда 76, 274, 279, 626, 630, 732
 Украина 22, 62, 193, 200, 218, 233, 257, 321, 337, 579, 610, 629, 698, 720, 793
 Умань 599
 Урал 193, 204, 410, 646, 738
 Уречье 9, 24, 76, 163, 164, 198, 288, 289, 305, 326, 328, 329, 333–335, 393, 400, 545–547, 642, 649, 688, 698, 762
 Ушаки 41

 Фар-Рокавей 776, 781
 Филадельфия 337, 754, 772
 Флорида 761
 Флэтбуш 443, 445
 Франкфурт 233
 Франция 121, 131, 150, 151, 452, 590, 652, 671, 742, 748, 760

 Хабаровск 408
 Хавацелет га-Шарон 735
 Хадера 250, 412, 659, 758
 Хайфа 23, 51, 371, 377, 421, 726, 733
 Ханита, кибуц 738
 Хартув 734
 Харьков 321
 Хеврон 233, 591, 715
 Хефер, долина 735
 Холон 23, 724
 Хоминка 655
 Хомск 47, 178, 179
 Хульда, кибуц 724

 Цфат 95, 127, 411, 469, 477, 575, 619, 719
 Чаплицы 189, 348
 Ченстохов 760
 Чепели 456, 753
 Чериков 134
 Чернигов 631
 Черное море 763
 Чехия 22, 652
 Чечерск 38
 Чикаго 126, 127, 138, 337, 436, 554, 572, 628, 631, 754, 770, 783, 790

 Шаар га-Гай 724
 Шавли (Шауляй) 360, 529
 Шанхай 756
 Шарона, мошава 600
 Шварцвальд 449
 Швейцария 369, 434, 449, 609, 754

 Швекшна 629
 Швеция 748
 Шипиловичи 335, 712
 Шиловичи 138
 Шклов 6, 79, 114, 127, 133, 245, 575, 593, 627, 630
 Шкуды 335

 Щучин 23, 138, 143, 150

 Эйваль, гора 615
 Эйн-Ганим 7, 394, 722
 Эйн-Зейтун 719
 Эйн-Хай 647
 Эйн-Харод, кибуц 730, 741
 Эйн-Шемер, кибуц 722
 Эйшишки 138
 Экрон 442
 Эль-Бураг 720
 Эмек-Изреэль, долина 371, 715, 726, 741
 Эрец-Исраэль 21, 22, 47, 51, 54, 58, 60, 96, 104, 127, 128, 134, 151, 158, 165, 174, 175, 177, 190–195, 197, 204, 205, 219–222, 236, 246, 252, 264, 274, 300, 353, 373, 374, 377, 390, 394, 404, 405, 411–417, 420–422, 442, 450, 452, 453, 455, 466, 503, 530–532, 546, 553, 557, 558, 572, 588, 591, 598–600, 604–606, 608, 609, 611, 636, 639, 641, 647, 648, 685, 715–718, 721, 722, 724, 728–730, 732–738, 741, 742, 749, 758, 762, 766

 Южная Америка 97
 Южная Африка 22, 23, 413
 Юрковичи 335
 Ютика 150

 Ягур 730, 733, 741
 Яд Элиягу 21, 57, 764
 Яминск 603
 Янов 23, 439
 Ярослав 36, 43
 Яффо 394, 412, 442, 588, 600, 716, 758
 Яцевка, река 270, 294

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович, Биньомин 54
Абрамович, Хаим-Мойше 439, 441
Абрамович, Шолом-Яков: см. Менделе Мойхер-Сфорим
Абрамский Йехезкель, р. 97, 243, 275, 535, 536, 540
Абрамский, Яков-Довид 7, 259, 274
Авин, Ошер 54
Авин, Биньомин 276, 351
Авриль, Мойше-Йехиэль 72
Авром Старый, р. 636
Авром, сын р. Гирша Каца 47
Агинский, слуцкий пожарный 280
Агранов, Гершон 729
Адамович М.-Ю., хозяйка пансиона 231
Адлер, И. 257
Адлер, И.-Н. 8, 9, 444, 633, 778
Адлер Носн, р. 525, 530
Адрет Шломо, р. 625
Айзгур Йехиэл-Михл, р. 558
Айзенсон, Эли 671
Айзенштат, Акива 764
Айзенштат, Фейгл 764
Айзл-клемер 281, 308
Акко, Нахмен 72
Александр (Оленько) 34
Александр II, царь 51, 61, 76, 80, 361, 525
Александрони, Ш. 9, 549
Альбо, Йосеф 103
Алькабец Шломо, р. 343
Альтман, Иегуда-Лейб 757, 791
Альтман, Ривка 757, 791
Альтман, Рувен 7, 370, 390, 407, 408, 532, 757
Альтман, Сора 757, 758, 777, 790
Альтман, Элийогу 17, 20, 177, 190, 407, 757, 758, 770, 777, 778, 790
Альтшуллер Довид, р. 440
Альших, Моше 619, 620
Анастасия, княгиня 34
Антокольский, Марк (Мордух) 552
Апельсон, Хаим-Мойше 189, 190, 197
Аппельман, р. 546
Аронзон, Йосеф 406
Аронович, Авром 38
Аронович, Арка (шамес) 649
Аронович Арье-Лейб, р. 5, 133
Аронсон, Менахем-Мендл 164
Арчик-балагола 560
Арчик-шинкарь из Слуцка 282
Арье, раби из Игумена 626
Арье-Лейб, сын Носна-Ноты, р. 91
Арье-шойхет, слуцкий резник 307
Асаф, Алта (Сора) 6, 154, 229, 546, 592
Асаф (Осовский) Симха, р. 6, 19, 154, 157–160, 229, 274, 404, 546, 582, 598
Асаф, Хаим 599
Асаф, Хана 6, 156–158
Асаф, Цви 17, 786, 789, 810
Астахов, Артемий Андреевич 75
Ахад-га-Ам 62, 342, 343, 732
Аш, Шолом 643
Аяло, Мотэ 271
Баал-Турим, Иче 649
Бадхен, Меер 777
Бакаляр, слуцкий адвокат 297
Бакар, Арн-Борух 737
Бакачич, Иоанн 38
Балашов, комбриг 124
Бальфур, Артур 151, 191, 290, 547
Барнач, Мордхе 633, 639
Барон, Алтер 291
Барон, Двойра 274
Барон, Йосл 283, 284
Барон, Исроэл 183, 280, 284, 292
Барон, Ицик-Михл 284
Барон, Мойше 187, 291
Барон, Нохем-Дан 299
Барон, Шая-Аба 284

- Барон, Шмарьягу 187, 190, 231, 286
- Баронак, Бася 348
- Барский, Акива 278
- Басин, Лейви 746
- Баскин, Шабсай 194–197
- Баскин (отец Шабсая) 416
- Баславский, Лейб 302
- Батенштайн, герцогиня 43
- Безбородкин (Безбородко), Гирш-Цви-Гилел 77, 759
- Безбородко, Довид 759–761
- Безбородко, Йосеф 759
- Безбородко, Йосеф-Ари 760
- Безбородко, Маша-Лея 759
- Безбородко, Перл 759
- Безбородко, Сора 759
- Бейлер, Илан 719
- Бейлин Ш., слуцкий сионист 56
- Бейт-Цви (Бескин), Цви 720
- Белкинд, учитель в Екатеринославе 174
- Бельзер, Шлойме 243
- Бёмер Йосеф, р. 70, 519
- Бёмер, Исроэл 68, 102, 105, 106
- Бен-Ави, Итамар 415
- Бен-Ами, Мордехай 258, 449
- Бен-Пейрос (Илиер) Менаше, р. 104, 519
- Бен-Цви (Ратгун), Шимен 647
- Бен-Цион С. (Алтер Гутман) 258
- Бер, р. (копыльский раввин) 519, 520
- Берг, Сильвия 746, 747
- Бергер, Ицхок 167, 653
- Бергер, Лейб 257, 641
- Бергер, преподаватель иврита 230, 259, 414
- Бергер-Штерн, Загава (Голда) 177
- Бергман, Рохл 371
- Бердичевский, Миха-Йосеф 228, 346
- Берке-хазан из Копыля 508
- Беркович, Азриэль-Зелик 448, 753
- Беркович (Львович), Бася 754
- Беркович, Двоя 448, 753
- Беркович, Ицхок-Дов 8, 9, 20, 165–168, 173, 174, 181, 182, 229, 257, 259, 261, 263, 276, 294, 343, 344, 404, 405, 421, 423, 431, 448–450, 478, 483, 493, 753, 754, 789
- Беркович Ицхок, учитель и мясник 664
- Беркович Иче, учитель из Копыля 702
- Беркович, Липа 448
- Беркович, Р. 7, 266
- Беркович (Доринсон), Фейгл 754
- Беркович, Х. 188
- Беркович, Эльхонон 754
- Беркович, Янкл 713
- Берл-балагола 660
- Берлес, Хаим 177
- Берл, р. (глава иешивы в Слуцке) 346, 766, 788
- Берлин Меер, р. 150, 242, 413
- Берлин Нафтоли-Цви-Йеѓуда, р. 95, 137, 138
- Берлин Цви-Гирш, р. 624, 625
- Берлин, Шмарья 167
- Берл-Файтл, аптекарь в Любани 595
- Бернфельд Шимен, д-р 343
- Берштейн, Исроэл 103
- Бернштейн, Лейзер 645
- Бернштейн, Нафтоли-Герц 433
- Бернштейн, Шаул 9, 630, 640, 642, 643, 647
- Бернштейн-Шапиро Шимен, р. 630
- Бецалел (сын р. Шлойме), р. 44, 90
- Бешт 10, 251, 275, 354, 358, 679–683, 688
- Билер, Нехама: см. Шпилькина-Билер
- Биньомин-Вольф (Вольф бар Липман), р. 89
- Бланк, Мортон 775
- Блезовский, Шмерл (Самуил) 797
- Блох Йосеф-Лейб, р. 572
- Блумштейн, Алта 166, 182
- Бокшицкая, Эсфирь (Эстер-Рахель) Исааковна 797
- Бокшицкий Ицхок, хозяин гостиницы в Слуцке 307, 496, 498, 797
- Боляк, стародорожский помещик 645
- Боркер, Иче 391
- Бородаев, красноармеец 334
- Борохов, Бер 168, 346
- Борухович, Малка 347, 399
- Борухович, Мейсл 399
- Брагин, Абрам 218
- Брандштедтер, Мордхе-Довид 423
- Брауде, Маркус 422, 435
- Браудес, Рувен-Ошер 422–424, 492
- Бревде, учитель, инспектор еврейских школ 399
- Бренер, Йосеф-Хаим 278, 346, 451
- Брискер Хаим, р. 149
- Бродецкий, Дов-Бер 631
- Бродоцкий, Берл 639
- Бродоцкий, Ицхок-Цви 8, 410
- Бродский И.-М., предприниматель 138, 544
- Бройда Хаим-Нохем, р. 441
- Бронштейн, слуцкий меньшевик 347
- Бронштейн Х., слуцкий общественный деятель 52
- Бронштейн, хозяин магазина в Слуцке 301
- Брукс, Нохем 569, 575
- Буднич, Элийоѓу 566

- Булак-Балахович,
Станислав 322, 323,
558, 582
- Булан, царь 635
- Булгак, слуцкий помещик
119, 120
- Бунин Авром, д-р 19,
706, 747, 749, 750
- Бунин, Ляга 224
- Бунин, Лев (Лейбеле) 348
- Бунин, Марьяша 750
- Бурштейн, грозовский
меламед 775, 776
- Быстрицкий (Носн
Агмон) 189
- Бялик, Хаим Нахман
157, 175, 220, 278, 341,
346, 347, 415, 432, 449,
450, 599, 716, 731, 754,
785
- Вайнберг, партизанка
695
- Вайнер, Меер 655, 702,
703
- Вайнер Мойше-
Мейшл, р. 558
- Вайншенкер Мотл, р.
360
- Вайнштейн, Ноех 566
- Вайсбрам, хозяин
лесопилки в Старых
Дорогах 640–642
- Ваксман Меер, проф. 6,
8, 10, 166, 173, 177, 229,
343, 404, 435, 436, 448,
563, 778, 783
- Ваксман Нохем, р. 6, 7,
9, 10, 20, 114, 146, 233,
345, 533, 535, 536, 538,
617, 634, 676, 687, 706,
787
- Валенрод, Рувен 8, 9,
274, 452, 496, 558, 562
- Валь Шаул, р. 234
- Ванновский, учитель
в слуцкой гимназии
232
- Васербин, Липа 641
- Василевич Феодосий,
архимандрит 39, 40
- Василь, слуцкий шабес-
гой 271
- Вахштейн, Дов-Бер 128
- Вейцман, Эзер 614
- Вейцман, Хаим 614
- Велвл, р. (виленский
магид) 107
- Велвл, възненский шамес
561
- Вендров (Вендровский)
Залмен 8, 9, 221,
445–447, 499
- Вендров, Шмуэл 9, 535,
556
- Вечеребин Ицхок-Ноех, р.
625
- Вечеребин Хаим, р. 630,
631
- Виленская, Рива 286,
287
- Виленская, Хаша-Рейзл
286, 376
- Виленский Гаон (Элиягу
бен Шлойме Залмен, р.)
99, 102, 127, 143, 251,
520, 653, 684
- Виленский, Лейзер 286,
376
- Виленчук, Михл 374
- Виловский Яков-Довид
(Ридбаз), р. 5, 55, 95,
96, 126–130, 137, 244,
247–249, 274, 275, 369,
370, 477, 542, 586, 626,
628, 759, 780, 781
- Винер, партизан 655
- Винер, Цви 664
- Виноград, Арье 197
- Витгенштейн, князь 35,
81, 507, 558, 577, 657
- Виткин, слуцкий
предприниматель
285, 301, 317
- Волобкер Яков-Меер, р.
234
- Воложинер Ицхок, р.
102
- Воложинер Хаим, р. 97,
99, 102, 178, 234, 247,
653
- Вольф Ицхок-Биньомин, р.
234, 235
- Вольфсон, Б. 7, 73, 325
- Вольфсон Биньомин, р.
72, 73, 327, 333, 587, 588
- Вольфсон, Йехиэл-Михл
362
- Воробьевер, Ѓиршл 549,
664
- Вороновский Николай,
генерал 80
- Воскобойник, Авром
716, 717
- Воскобойник, Ида 716
- Воскобойник, Ицхок 716
- Воскобойник-Рабинович,
Наама 599
- Выгодская, Клара 271
- Выгодские, род слуцких
евреев 271, 272, 300
- Выгодский (Ривкис),
Авром 552
- Высокер, Хаим 178
- Габай, Липа-Йом-Тов
189, 190, 286, 347
- Габай, Шейна 299
- Ѓа-Гивати (Хазанович),
Цви 6, 8, 17, 191, 194,
203, 205, 413, 741, 786,
789
- Ѓа-Коѓен, Адам 612
- Ѓа-Коѓен Борух, р. 49
- Ѓа-Коѓен Йосеф-Дов, р. 659
- Ѓа-Коѓен Шабсай, р. 233
- Галансон, узник слуцкого
гетто 694
- Ѓа-Леви, Йеѓуда 103, 220,
434, 635
- Ѓа-Лейви Йосеф-Дов-Бер, р.
134
- Галлер, польский генерал
119
- Гальбер, Файвл 497
- Ѓальперин, Исроэл 732
- Ѓальперин, Йехиэл 404
- Ѓальперин Йом-Тов-
Липман, р. 138, 518,
519, 653
- Ѓальперин, Лейви-Ицхок
566
- Ѓальперин-Шнеерсон,
Эстер 177
- Ѓанновер, Натан (Носн-
Нота) 234
- «Ѓа-Койдеш», Лейбке
(копыльский
каббалист) 510
- Ѓа-Парси Ноех, р. 648
- Ѓа-Реувени, Йося 440
- Ѓаринсон Шимен, р. 244
- Ѓаркави, Йосеф 57, 287,
728

- Гаркави (Кацнельсон),
Муся 177, 187, 189,
190, 220, 320, 358, 587,
728
- Гаркави, Мойше 190,
220, 287, 320
- Гарцман, Авремеле 377
- Гафун, Мойше 335
- Гдалья, «чудотворец» из-
под Любани 582, 583
- Гейне, Генрих 347, 784
- Гелбард Гершон-
Мойше, р. 571, 626
- Геллер, хозяин фирмы
в США 775
- Геллер Йом-Тов-
Липман, р. 518
- Гельфанд, Хаим-Янкл
(А. Литвак) 222
- Гелфант, Монес 668
- Гелфант, Рива-Лея 668
- Генделевич, Гершон 704
- Генделевич, Рефоэл 704
- Генделевич, Шлойме 704
- Генкин Йосеф-Элийогу, р.
7, 243, 250
- Герцл, Берл-Мойше 632
- Герцл-мясник
(из Старобина) 707
- Герцл из Горок, р. 640
- Герцль, Теодор 60, 165,
175, 182, 188, 341, 342,
346, 442, 547, 731, 733
- Герцог Ицхок-Айзик, р.
592
- Гершович, Яков 761
- Гершон Мойше, р. 101
- Гершон Танхум, р. 626
- Гершонович, врач
в Тимковичах 573
- Гершуни, Григорий
(Герш-Ицхок) 366
- Гесс, Моше (Мозес) 346,
436
- Гецов, Цви-Гирш 72, 136,
291, 301, 317
- Гибянский, Йосеф 100
- Гилел, меламед
из Погоста 649
- Гилел-писец, слуцкий
шамес 536
- Гилель, древний мудрец
99, 337, 493
- Гильман, р. 592
- Гильчик, Лев (Лейба)
577, 655, 656, 702
- Гимельштейн, Мойше
761, 762
- Гимельштейн, Пейсах
762
- Гимельштейн, Эйдл 761,
762
- Гиндес, Авром-Рувен
(Рувнич) 619, 620
- Гиндес, Эли 619
- Гиндус, Морис (Гершон)
8, 10, 455, 456, 703, 706,
707, 746–748
- Гинзбург, Саул (Шауль)
232
- Гинцбург, Евзель (барон)
527
- Гинцбург, Йосеф 49
- Гинцбург Нафтоли-
Герц, р. 89, 90, 234
- Гирс, минский
губернатор 664
- Гиршбейн, Ицхок-Яков
72
- Гиршбейн, Перец 290
- Гирш-Лейб, глава
Воложинской иешивы
106
- Гиршке-сапожник, хазан
в Старобине 618, 619,
630
- Гитис, Иче 659
- Гишке, знаток Торы
в Слуцке 489, 490
- Глиник, учитель в Уречье
546, 566
- Глускин, Зеэв 7, 180,
349, 350, 353, 357, 732,
733, 737
- Глускин, Лейзер 353, 732
- Говизнянский, Элийогу:
см. Есилс, Эли
- Гогенлоэ, княгиня 558,
564
- Гозберг, партизан 702
- Голд Зеэв, р. 6, 137, 138,
140, 150–153, 653
- Голд Рефоэл-Цви, р. 140,
653
- Голдберг Авром-Пинхос, р.
660
- Голдберг, Йосеф 167,
258
- Голдберг, Меер 573
- Голдберг Мойше-
Иссохар, р. 6, 7, 8, 153,
227, 308, 377, 428, 571
- Голдберг Пинхос, р. 659
- Голдберг, Стася-Эла 166,
181, 182
- Голдберг, Сэм 777
- Голдберг, Хаим-Зеэв-
Вольф 383, 384
- Голдберг, Шмерл-Ноех
189
- Голдберг Элия, р. 520
- Голдберг, Яков 396
- Голдвасер, Йеґошуа-
Менахем 138
- Голдес, Йекусиэль-Айзик
(Куси) 249, 475–478
- Голдман, приказчик
из Верхутино 566
- Голдштейн Александр,
д-р 189
- Голубицкий, Мейше-
Евель 798
- Голубицкий, Шая 799
- Гордин, Сэм 767
- Гордин, Яков 290
- Гордон, Йеґуда-Лейб 9,
492, 525, 527–531, 550
- Гордон Лейзер, р. 158
- Горин, Льюис 777
- Горин, Мордехай-Липа
7, 9, 58, 279, 395, 525,
531–533
- Горобин, Ицхок-Яков 77
- Городницкий, Янкл 651
- Горфинкель Юдл, р. 572
- Горячиков, Герцл 641
- Готлобер, Авром-Бер 62
- Гохмарк Ицхок, р. 97,
535, 540
- Гохмарк Рефоэл-Йосеф, р.
56
- Граев, слуцкий фельдшер
282
- Граевский, Масисьюгу
77
- Гранат, Шлемка 291
- Гребенщик, Берл 228,
304, 771
- Грейсух, Зеэв 301–302
- Гринберг, Йеґошуа 79
- Гринберг, учитель
из Копыля 575
- Гринблат, Носн 189

- Гринвальд, Меер 777
 Гринвальд, Пейсах 552
 Гринюк, фельдшер
     в Тимковичах 574
 Гродзенский Хаим-Озер, р.
     240, 630
 Грозовер, Нохем 466
 Грозовская, Тегила 736
 Грозовский Берл-Хаим, р.
     550, 556
 Грозовский (Гур), Йеѓуда
     8, 294, 442, 736
 Грозовский, Ицхок-Гилел
     736
 Грозовский, Йеѓуда-Лейб
     736, 749, 775
 Грозовский (Розовский)
     Йосеф, р. 630
 Гросс, Рувен 737, 752
 Грунис (Ланда), Хаим
     631
 Гурвиц Йеѓуда-Юдл га-
     лейви, р. 42, 92
 Гурвиц, Шаул-Исроэл
     435
 Гурвич, учитель в Уречье
     546
 Гурвич, Фрума 550
 Гутцайт, гимназист 64
 Гутцайт, Зеэв 187, 230,
     259, 260, 287, 371, 414
 Гутцайт, Лейбуш 61, 117,
     142, 187, 283, 302, 348,
     373, 390, 397, 544
 Гутцайт, Хаим-Михл 9,
     295, 302, 533, 544, 704,
     767
 Гутцайт, Яша 189, 348,
     370

 Давидович Ицхок га-
     лейви, р. 624
 Давидович, Яков 39
 Давидсон, Йеѓуда 654
 Давидсон Иссохар, р. 654
 Дайно Дов-Йеѓуда, р. 756
 Дайно Мордхе, р. 756
 Дайнов, Цви-Гирш
     (слуцкий магид) 69,
     70, 76, 363, 525–529
 Даниэлька-милиционер
     (в Слуцке) 214
 Дворецкий Арн-Михл, р.
     569, 570
 Дворецкий Мойше-Цви, р.
     569
 Дгани, Элийоѓу 749, 752
 Демберг, Шлойме 676
 Деникин, Антон 322
 Деречин, Йешайоѓу-
     Мендл 301, 317, 374,
     375, 384, 426
 Деречин, Ривка 426
 Джемаль-паша 717
 Дик, Айзик-Меер 513,
     515
 Динезон, Яков 390, 391
 Дискин Йеѓошуа-Лейб, р.
     114
 Довбор-Мусницкий,
     Иосиф 644
 Довид из Романова, р. 48
 Довид из Новогрудка, р.
     99
 Довид-Рувен, мясник
     из Тимковичей 569
 Довид, слуцкий
     сумасшедший 543
 Довид-Тейвл из Минска, р.
     100, 107, 624
 Додес Саня: см. Юздан,
     Несанэль-Цви
 Долгин, Герцл 639
 Долгин, Кейла 639
 Долгин, Хая 639
 Долгуниха, слуцкая
     плакальщица 674
 Долицкий, Менахем-
     Мендл 220
 Доманский, помещик
     232, 574
 Домнич Арн, д-р 6, 7, 9,
     184, 367, 631, 639, 658,
     778
 Домнич, Авром 639
 Домнич, Борух 7, 9, 87,
     370, 661, 715, 716
 Домнич, Герцл 178, 630
 Домнич, Зеэв 364
 Домнич, Ицхок-Лейб 662
 Домнич, Ошер 364, 658
 Домнич, Хана-Рохл 639
 Домнич, Хая 639
 Домнич, Шмуэл 658
 Домнич, Яков 639
 Дохович, Арн 639
 Дохович, Йерахмиэл 639
 Дречин, Шая-Мендл 285
 Друянов, Алтер 733
 Дубнов, Семен 10, 42,
     347, 682
 Дубров, Гилел 6, 7,
     166–169, 172, 174, 181,
     182, 257, 260, 261, 263,
     344, 403, 404, 448, 483
 Дубров Йерухем, р. 6,
     135
 Дубровские из Верхутино
     546, 566

 Елин, Вольф 573
 Елин, Давид 264, 443
 Елин, Ида 575
 Елин, Мойше 575
 Елин, Сора 575
 Елин, учитель в Слуцке
     166, 173, 267
 Ерузелимский Нехемья, р.
     6, 154, 155, 158, 370,
     585, 586, 588, 596, 600
 Есилс, Эли 568, 569, 571

 Жаботинский, Зеэв
     (Владимир) 175, 207,
     209
 Желиговский, генерал
     322
 Житковичер, Шая 293
 Журавицкий, Годл 702

 Завлс, Рейзеле 560
 Зак, Симха 52
 Закс, М. 105
 Закс, Шнеур 105
 Залкинд (Шнеур Залмен)
     347, 449
 Залмен, старобинский
     йешиботник 634
 Залускин, слуцкий
     библиотекарь 283
 Запольский, Липа 773
 Затуренский, Авремеле
     287
 Здравецкий, пристав 81
 Здроевский, становой
     пристав в Копыле
     515–517

 Зевин Шлойме-Йосеф, р.
     240, 243
 Зейдес Хаим, р. 8–10,
     367, 426, 427, 523, 659,
     669, 673, 754

- Зекл из Вормса, р. 90
 Зелик, сын р. Йосефа Пеймера 101
 Зелик, сын р. Липмана 47
 Зелик-гребенщик (гребнедел) из Слуцка 303, 426, 427
 Зеликовский, Зелик 575
 Зельдес, Носн 716
 Зельдес, Файвл 716
 Зельдес Хаим, р. 92
 Зельдес, Хая 716
 Зельдес, Элизер 734
 Зельдович Б., предприниматель из Минска 66
 Зельдович, Лейзер 663
 Зельцер Йеѓуда-Лейб, р. 135
 Зерах, старобинский фельдшер 634
 Зеэв-Вольф из Вильны, р. 624
 Зильберман, Мордхе-Меер 57, 663
 Зингер, Авром-Яков 8, 454
 Зискинд, р. 509, 519, 520
 Зитин, Залмен 228, 305
 Зунин, слуцкий экстерн 317
 Зута Эли, р. 6, 134
 Зхарья, слуцкий торговец 740
- Иванов, Димитрий Иванович 214, 232, 287
 Идабер (Шустерман), Мойше 286, 310, 675
 Идель, знатный еврей из Копыля 137
 Имерман, Месл 286
 Имерман Нехемья, р. 367, 368, 448, 490–493
 Имерман, Нох 715
 Имерман, Тема 715
 Исерлин, Йеѓошуа-Исер 80, 82, 136, 349–351
 Исерлин, Йона 48, 70, 76, 538, 539
 Исерлин, Ривка 538
 Исерлин, Шахне (Шолом-Шахне) 48, 70
- Искольская, Груня 611
 Искольский Яков, р. 611, 745
 Израэли Ицхак, р. 134
 Исроэл бен Йеѓуда-Лейб, магид («раби Исроэл из Слуцка») 683, 684
 Исроэл из Шклова, р. 127
 Исроэл, лавочник в Горках 666
 Исроэл, сын слуцкого раввина Йосефа 48
 Исроэл, сын раби Хаима из Романова 48
 Иссерлес Мойше, р. 139, 143, 349, 538
 Иссохар-Бер, р. 42, 92
 Ицик-хосид (слуцкий хасид) 354
 Ицкес, Хаим 307
 Ицкович, Йосеф-Гдаля 682
 Ицкович, Рухама 371
 Ицкович, Шмуэла (Шмуэль) 41, 682, 683
 Ицшок из Воложина, р. 100, 102
 Ицшок-Айзик из Слуцка, сын Авигдора 42, 309, 597
 Ицшок-Йехиэл, р. 654
 Ицшок-Меер, сын Йоны 42
 Ицшок-Яков, сын Пейсаха 69
 «Иче-доктор» из Любани 595
 Иче-Лейб из Кошарки 666
 Иче-портной из Горок 667
 Ичес, Довид 600
- Йеѓошуа бен Хананья, р. 768
 Йеѓошуа, бундовец из Тимковичей 575
 Йеѓошуа из Кузьмичей, убитый с сыном в 1921 г. 335
 Йеѓуда-Юдл из Ковеля, р. 91
 Йедиद्या, учитель из Любани 578, 604, 605
- Илиер Менаше: см. Бен-Пейрос
 Йойх, Лейба 8, 375, 427, 428
 Йоселе из Слонима, р. 57
 Йосеф, р., сын р. Менахем-Мендла из Глуска 92, 547
 Йосеф-Зундл, р. 115
 Йосеф-Элийоѓу, житель Копыля 81
 Йосеф-Юдл, меламед из Тимковичей 575
 Йосл («Поруш»), р. 448
 Йоханан бен Закай, р. 768
 Йоше-гаон, портной 298, 523
- Кабалкин Йеѓуда-Лейб, р. 591
 Кабалкин Хаим, р. 590–592
 Кавалерчик, Янкл 652
 Каве, Элийоѓу-Борух 286
 Кавелин, флигель-адъютант 77
 Каган, Айзик 703
 Каган, Зхарья 703
 Каган, Мойше 703
 Каган, Соня 575
 Каган, Сэм 746
 Каган, Хаим 231
 Каган, Шмуэл 764
 Каган, Яков 8, 276, 434, 447
 Каганович, Мойше 10, 577, 640, 655, 695
 Кадиш, слуцкий меламед 153, 229, 230, 309, 383
 Каждан, Башка 694
 Каждан, Ицшок 574
 Каждан, Йехиэл 670
 Каждан Лазарь, д-р 575
 Каждан, Лейзер 671
 Каждан, Меер 575
 Каждан, Роза 575
 Каждан, Тайбл 574
 Каждан-Айзенсон, С. 9, 670
 Каждан-Нахмани, Соня 9, 573, 749, 751
 Казак, Файтл 575

- Казак, Хаим-Лейб 575
 Казак, Яков-Мойше 575
 Казакевич, Сара 641
 Кайдановер Шмуэл, р. 141
 Калинин, Михаил 218, 221
 Калманович, Юдл 396
 Калонимус из Друи, р. 92
 Каминский, слуцкий сионист 286
 Канович Йосеф, р. 127, 626, 755
 Кантор, И. 9, 559
 Канторович, Мендл 301, 317
 Кантор, Мойше-Ицхок 563
 Кантор, Нисл 575
 Канторович, Н. 7, 319
 Канторович, Пинхос (Пиня) 685
 Канторович Яков, р. 571
 Каплан, Гитл 666
 Каплан, Залмен 335
 Каплан, Зося 639
 Каплан Йекусиэль гакоген, р. 5, 133
 Каплан Йехезкель-Зусман, р. 626
 Каплан Йосеф-Лейб, р. 623
 Каплан, Исролик 708
 Каплан-Копелев, Дина 177
 Каплан, Меер 232
 Каплан, Мендл 667
 Каплан, Хаим-Зелик 598
 Каплан Шимен, р. 360
 Каплан, Шмарьягу 335
 Каплан, Элка (Элишева Эшколь) 213
 Каплан, Яков 232
 Капульчик (Копыльский), Мотэ 271, 273, 478-480
 Капуста (Божанка), Филипп 577, 655, 656
 Капчиц, Мойше-Хаим бен Йеѓуда-Лейб (Мойше Номис) 621-623
 Капчиц, Сора-Ривка 621
 Капчиц, Элийоѓу 7, 333
 Каран, Элийоѓу-Мойше 654
 Карасик, Лейб 299
 Карасик, Михл 725
 Карасик (Флейщик), Нехама 725
 Карасик, Яков 725-727
 Кармин, предприниматель 187, 301
 Карон, Авигаиль 483
 Карон (Эзрес), Пейсах 8, 70, 165, 227, 284, 421, 423, 426, 483
 Карпеншпруг (Кобрин), Мордхе 178
 Карпман, М. 166, 168, 257, 317
 Карпович, Аксентий 707
 Касинов, Егор 76
 Катанян, Рубен 221
 Кафнер Цодик, р. 746, 747
 Кац-Ашкенази Меер, р. 233
 Кац, директор лесопилки в Старых Дорогах 642
 Кац Гирш, р. 47
 Кац Д., р. 6, 138, 150
 Кац Дов, р. 653
 Кац, Йона-Нохем 233
 Кац Нехемья, р. 597
 Кац, Рувен 243
 Кац, Сора 647
 Кац, Шимен 732
 Каценеленбоген Авром, р. 92, 133
 Каценеленбоген Меер, р. 89
 Каценеленбоген Нохем, р. 89, 234
 Каценеленбоген, врач из Несвижа 573
 Кацнельсон, Довид 566, 730-732
 Кацнельсон, Ицхок 195, 448, 449, 483, 484, 654, 757
 Кацнельсон, Яков-Биньомин 654
 Кацнельсон Бен-Цион, р. 454
 Кацнельсон, Берл 643
 Кацнельсон, Борух 8, 306, 452
 Кацнельсон, Дов-Бер 586
 Кацнельсон, Ицхок 230
 Кацнельсон, Иче 306
 Кацнельсон, Мойше 167, 182, 258, 371, 407, 414
 Кацнельсон, Муся: см. Ѓаркави (Кацнельсон) Муся
 Кацнельсон, Райца 286
 Кацнельсон, Тамара 593
 Кацнельсон, Хаим 600
 Квартальнер, Довидл 375
 Кержнер, Анатолий 799
 Киевицкий, Велвл 573
 Киевицкий, Нахмен 573
 Кикоин, Бася-Малка 596, 600
 Кикоин, Белка 599
 Кикоин, Блюма 598
 Кикоин, Йосеф 9, 598, 599
 Кикоин, Липа 17
 Кикоин, Мордхе 596
 Киржнер, библиотекарь в Бобруйске 313
 Китаевич, Элийоѓу-Йона 549
 Китаевич, Яков 280
 Клаузнер, Йосеф 343, 432, 448-449, 731
 Клейнман, Сора 758
 Клецкин, Борис 390, 643, 668
 Клоц, Зелик 299
 Клоц, Мина 777, 778
 Клоц Носн, д-р 431, 432, 746, 747
 Клунес, Ноех-Иче (Ноех-свечник) 547, 548
 Ключ, д-р 229
 Коѓен Боаз, проф. 160
 Коѓен Борух, р. 572
 Коѓен, Дов 182, 256-260
 Коѓен, Зельда 764
 Коѓен Ицхок, р. 572
 Коѓен Пинхос, р. 572
 Козачинский, Михаил 41
 Койфман Ицхок-Арн, р. 572
 Комсичер, Пейсах 569
 Конки Авраѓам бар Лейви, р. 233

- Конопотский, Меер 572
 Конопотский Цви-Дов, р. 572
 Копл, кузнец из Вызны 559
 Корт, судья из Минска 252, 253
 Косовский, Довид 77, 100
 Костюковский, Айзл 732
 Кот И., д-р 749
 Котлер Арн, р. 246, 252, 379, 381, 384, 572
 Котлер Шнеур, р. 229
 Коцер, Арье 724, 725
 Коцер Довид, р. 735
 Коцер, Сора-Злата 735
 Коцер Шимен, р. 735
 Коцер, Шмуэл 735
 Кравчик, Авром-Нахмен 636
 Кравчинский Яков-Меер, р. 6, 137-139, 150, 653
 Кравчинская, Фрида-Двойра 139
 Краковский Менахем, р. 570, 571
 Краковский, кардинал 120
 Кранкшоу, Эдвард 693
 Краснич Ицхок-Хаим, р. 630, 631, 732
 Крейнес, Гера: см. Островский, Гершон
 Крейнес, Йоселе 291
 Крейнин, сионист из Вильны 188
 Крейнис Довид, р. 164
 Крейнис, Кадиш: см. Кадиш, слуцкий меламед
 Кремер, Сора 315
 Кремер, Шептл 229, 346
 Крепах, Фаня 190, 348, 371
 Кривицкая, Сима-Рохл 639
 Кривицкий, Хаим 8, 420, 421, 633
 Кригштейн, Хаим-Зусл 555
 Крик, Авром 335
 Кринер, Йосеф 374
 Криновер, Ара 552
 Кринский, Велвл 396
 Кряков, русский офицер 549
 Кубе, Вильгельм 692
 Кук Авром-Ицхок, р. 138, 151, 413, 590
 Кулак, Мойше 745
 Кулак, урядник в Грозове 555, 744
 Кулкес, Менахем-Цви 80-82
 Кунцер, Рива 651
 Кунцер, Хаим 9, 647, 649, 651
 Кунцер, Цви-Довид 651
 Курацевич, слуцкий помещик 280
 Куси: см. Голдес, Йекусиэль-Айзик
 Кустанович, Довид 335
 Кустанович, Цви 335
 Кустанович, Яков-Мойше 596
 Кустанович-Поварский, Довид 630, 631, 732
 Кушес, Сора 299
 Лабузнав, слуцкий исправник 77
 Лабус, слуцкий учитель 398
 Лазеров Йеѓуда-Лейб, р. 755
 Ламперт, Вильям (Зеэв) 751, 764
 Ланг, Г. 7, 335, 336
 Ланда, Йеѓуда 72
 Ланда, Бецалел 72, 77, 80
 Ланда, слуцкий сионист 189
 Ланда Шлойме-Дов, р. 618, 627, 635
 Ланда Шмуэл, раввин Глуска 547
 Ландау, Ноех 347, 371
 Ланда Шмуэл, слуцкий сионист 371
 Ландесман, Ѓилел 716
 Ландесы, случчане 287
 Ланкрич, торговец в Старых Дорогах 641
 Лapidус, Исроэл 695
 Лахман Овадьа, р. 244
 Лев, Ашке 190, 371
 Левин Арье, р. 6, 135
 Левин, Борух 663
 Левин, Довид 750
 Левин, Исроэл 8, 437
 Левин, Шмарьяѓу 450
 Левинзон, Ицхок-Бер (Ривал) 612
 Левинский, Эльхонон-Лейб 448, 609
 Левинсон, врач в Тимковичах 573
 Левинсон, Гершон 747
 Левинсон, Мойше 230, 267
 Левитан Эльйокум-Гецл, р. 238
 Левнер, Исроэл-Биньомин 295
 Легойда, грозовский землевладелец 549
 Лейбкес, Авремл 636
 Лейбович, Авром 589
 Лейбович Борух-Бер, р. 6, 146-148, 178, 237, 238, 383, 548, 569, 618
 Лейбович Йерухем ѓа-лейви, р. 589
 Лейбович, Липа 280
 Лейбович, Рувен 595
 Лейбович, учитель из Уречья 399, 545
 Лейбович, Шмуэл 383
 Лейбович, Хаша 589
 Лейзер-Залмен, р. 397
 Лейзерке, сын копыльского раввина 509, 514
 Лейзер-Липа, арендатор в Чепелях 753
 Лейзер, меламед в Тимковичах 569, 575
 Лейзер-Янкель, копыльский талмудист 510, 511
 Леккерт, Ѓирш 344
 Ленский, артист 289
 Лесвич, судья 77
 Лефрак, Арн 762
 Лефрак, Гарри (Ѓиршл-Мейлех) 19, 745-748, 750-752, 762-764, 796

- Лефрак (Шварц), Сора 745–748, 750–752, 763
 Лефрак, Шмуэл 764
 Лехтролер, Франц 694
 Лея-с-Горок, случчанка 427, 428
 Либес, Фрейда-Хая 573
 Лидер Исроэл-Яков, р. 654
 Лидер, Меер 279
 Лидер Хаим-Йосеф, р. 654
 Лиленблум, Мойше-Лейб 62, 492, 609
 Лириенталь, Макс 467, 654
 Липиц, Довид 694
 Липман М., казенный раввин 77, 80
 Липман, раввин 47, 95
 Лис-Баран, Фейгл 286
 Лисбрун, Йосеф 181
 Лисицкий, Эфроим-Элийогу 8, 9, 229, 259, 276, 278, 383, 385, 431, 448, 450, 451, 488
 Литвак, А. 222
 Литвак, Пейсах 177
 Литт, Льюис 775
 Лиф, Хаим 620
 Лиф, Шмуэл 547
 Лифшиц, Биньомин 631
 Лифшиц, Борух 197, 199, 200, 203, 205, 209, 740–742
 Лифшиц, Дов-Бер 73, 100
 Лифшиц, Зелик 631
 Лифшиц, Файвл 53, 84, 180, 369
 Лифшиц, Хаим 631
 Лифшиц Шлойме-Залмен, р. 92
 Лифшиц, Яков 631, 644
 Лифшиц Яков-Цви, д-р 405
 Лифшиц, учитель в слущкой школе «Тарбут» 231
 Лозе, Генрих 692
 Лунский, Хаим 6, 95, 106, 128
 Лурия Йехиэл, р. 89
 Лурия Шлойме (Магаршал), р. 89
 Луццатто, Шмуэль-Давид 431, 432, 435
 Львович, Берл 711
 Львович, Исроэл 732
 Львович Монес, р. 332
 Львович, Нехемья 647
 Львович Рувен, р. 597
 Львович, Фаня 713
 Львович, Эстер-Рохл 711
 Люстерник, слущкий экстерн 317
 Лята, слущкий шамес 346, 534
 Магаршак, Алтер 187, 194–196, 307, 554, 649
 Магаршак, Крейна 199, 200, 209
 Магаршак, Мирьям 6, 141, 740
 Магаршак, Рувен 82
 Магаршак, Шимен 17, 197, 205, 399, 438, 643, 644, 741
 Магаршак, Шмуэл-Дов 5, 6, 141, 142, 740
 Магаршак, Шмуэл-Довид 99, 100
 Магдиэл, Шмуэл 77
 Магид (Штейншнейдер), Г.-Н. 5, 6, 133, 143, 164
 Мадоцкий, Яков (Янкеле) 721, 722
 Мазе, Ойзер 656
 Мазья, Шаул 42
 Майзель, Авром 17, 20, 709, 764, 765, 770, 776–778, 790
 Майзель, Йеѓуда 718, 749
 Майзель, Мойше-Лейб 765
 Майзель, Хава 765
 Майзель, Хана 220, 718
 Майзель, Хая 17, 20, 224, 764, 765, 776–778
 Майзель, Эйтан 718, 719
 Майзус Шмуэл-Иццок, р. 571
 Маймон, Соломон 104
 Макаби, Зундл 74
 Малин, Иче-Яков 596, 597
 Малин, Борух 710
 Мальбим, р. 367, 368, 659
 Мамош, Пейсах 229
 Мандель, учитель в Тимковичах 575
 Манэ-Кац 121
 Манюк, Зелик 284, 372
 Мапу, Авром 346, 356, 423, 599, 612
 Мараховский, доктор в Слуцке 289
 Марголес Мойше-Зеев, р. 357
 Марголин, Авром 639
 Марголин, Довид 666
 Марголин, Мордехай (Мордхе) 633, 635, 638
 Марголин, Янкель 633
 Маркус, Гарри 745
 Мармор, Нисн 612
 Мармор, Рохл 639
 Мармор, Яков 639
 Марон, Йосеф 641, 644
 Мартынов, партизанский комиссар 655
 Мас, Йеѓуда 738
 Маслянская, Ривка 358
 Маслянский, Авром-Иццок 164
 Маслянский Цви-Ѓирш, р. 7, 61, 62, 358, 359, 675, 738, 745
 Маслянский (Машкес) Хаим, р. 358
 Мацкевич, Мордхе 573
 Мацкович, Шлойме 576
 Маша, Янкель 544
 Машевский, врач в Слуцке 72
 Меер-сапожник, работник «прогрессивного хедера» в Слуцке 258
 Меер-чудотворец, р. 300
 Мейерс, Авром 97
 Меламед, Мутя 749
 Меламед, Ошер 631
 Мельник, парикмахер в Слуцке 705
 Мельцер А., врач в Слуцке 55, 56, 165, 167, 282
 Мельцер, Бейла-Ѓинда 736, 737
 Мельцер Йеѓуда-Цви, р. 6, 7, 153, 246, 706, 749

- Мельцер Исер-Залмен, р. 95, 96, 119, 137, 138, 142, 143, 153, 158, 178, 229, 236–239, 243–246, 252–254, 275, 331, 337, 344, 346, 370, 374, 377–379, 384, 386, 412, 413, 418, 419, 533–535, 592, 626, 688, 728, 736, 769, 780, 786
- Мельцер Шрага-Файвл, проф. 8, 321, 412, 706
- Мельцин Шмуэл (Слуцкий магид), р. 6, 143
- Менакер, Хаим 702
- Менахем, Ш. 6, 165, 183
- Менахем-Ари, р. 679
- Менахем-Мендл, р. 72, 92, 547, 558
- Менахем-Мониш, р. 92
- Менделе Мойхер-Сфорим 8, 180, 273, 278, 439–441, 449, 455, 458, 474, 479, 511, 550, 557, 644, 654, 785
- Менделе, р. 6, 113, 136, 137, 236, 237, 349
- Менделевичи, слуцкий род 787
- Менделович Мойше-Яков, р. 558, 559
- Мендельсон, Ицхак-Яков 631
- Мендельсон, Симха (Феликс) 631
- Мендельсон, Мозес 501, 519
- Мендл, староста слуцкой синагоги Исерке 349
- Менке, Сендер 708
- Менкин, судья 254
- Механик, Йосеф 166, 257, 300
- Механик, Тевье (Тувья) 257, 299
- Механик, Хана-Хая 299
- Мехнивичер, Исроэл 708
- Мигдал, страховой агент в Слуцке 285
- Мигдал Ш., слуцкий филантроп 52
- Мизель, Хаим-Симха 661
- Миллер, Генри 455
- Минес, Янкель 306
- Минц, Хаим 72
- Мирский, Авром 166, 171, 172, 174
- Михалевич, Бейнуш 7, 387
- Михоэлс, Лейбл 573
- Мишалова, случчанка 705
- Млодинов, Даниэль 10, 693, 694
- Млынский, слуцкий сионист 189, 347
- Могилевер Шмуэл, р. 138
- Мозессон, Йозел-Довид 243
- Мойше из Ляховичей, р. 380, 381
- Мойше из Радома, р. 91
- Мойше, лошадиник из Старобина 616
- Мойше-Берл, стекольщик из Старобина 619, 762
- Мойше, сын раби Пейсаха, р. 89
- Мойше-Арн, торговец яйцами из Слуцка 299
- Мойше-Арн, мясник из Старобина 635
- Молодецкий, Нохем 395
- Монес, Алтер 713
- Мономах, Владимир 34, 478
- Монус, Голдер 703
- Моргенштерн, Й. 7, 364
- Мошалов, Мойше 77
- Мышалов, Ицхок 766, 777
- Мышалов, Рохл 766
- Мышалов, хозяин мельницы 283, 302
- Мышковская, Клара 230, 348, 399
- Мышковский, Лейб (Лев) 230, 288, 348, 399
- Надсон, Семен 347
- Найбург, Айзик 745, 746
- Найкруг, Йосеф-Шмуэл 272, 273
- Найкруг (Ной), Шлойме 194
- Нанкин-Оклянский Авнер, р. 572
- Наталевич, Хаим-Бен-Цион 243
- Нафтоли-Цви, р. 6, 69, 143
- Нахмани Соня: см. Каждан-Нахмани
- Нахмани (Нахманович), Шимшон 7, 8, 17, 20, 168, 230, 253, 256–259, 411, 412, 414, 532, 748, 749, 751, 752
- Нахманович, Сендер 253
- Нейбург, делегат из Нью-Йорка 292
- Нейман, хозяин постоянного двора в Слуцке 307
- Неймарк Арье-Лейб, р. 6, 140, 141, 281, 310, 346, 429, 647, 674, 755
- Неймарк, Довид 190
- Неймарк, Мойше 561
- Нек Иче, слуцкий сумасшедший 267
- Некрич, Азриэл 6, 194, 196, 199, 200, 203–205, 208, 231, 288
- Некрич, хозяин постоянного двора в Слуцке 307, 685
- Нехама-Лея, мать р. Хаима Кабалкина 590
- Неха-шойхет, слуцкий резник 307
- Нехемья, сын любанского резника Якова, р. 595
- Нехес, Мойше 580
- Нехес, Шейне-Лея 580
- Николай I, царь 128, 247, 361, 510, 595, 771
- Николай Николаевич, великий князь 212
- Николай II, царь 123, 214, 289, 378
- Нисензон, Арн 8, 456
- Нисензон, Довид 284
- Ноех 6, 10, 187, 685
- Ноех, сын р. Довида из Романова, 48
- Ноех-Элийогу, резник в Горках 665, 667, 669
- Нозик, Авром-Ицхок 190, 197, 737, 738
- Нозик, Гилел 303, 554
- Нозик, Гитл 666

- Нозик, Зеэв 666
 Нозик, Йосеф 9, 664, 669
 Нойман, д-р 530
 Носн-Нотэ, р. 91
 Ноте-Гирш, машгиах
     в йешиве Слободки
     310
 Нотес, Иче 294, 374, 770
 Нотес, Тегила 294, 374

 Оборский, кейдановский
     староста 39
 Овадья, раби 684
 Олельковичи, род слуцких
     князей 34, 37, 549, 670
 Ольшанский, Хаим-Берл
     427
 Оппенгейм Цви-Яков, р.
     143, 238
 Орнштейн Цви-Гирш, р.
     538
 Осовский, Йеѓуда-Зеэв
     (Лейб-Вольф) 597, 598
 Осовский, Морис 745–
     747, 755
 Островер, Довид-Лейб
     666
 Островская, Ц. 587
 Островский, Авром 637
 Островский Биньомин,
     д-р 182
 Островский, Гершон 351
 Островский, Радослав
     290
 Островский, Хаим 599
 Оцер, Миша 695
 Очаповский, сын
     слуцкого судьи 221
 Ошер, р. 91
 Ошмянер Мордхеле
     (Слонимер), р. 106

 Пайчик Арн, р. 51
 Палеев Мойше-Арн, р. 9,
     566, 567, 572
 Панчиковский, хозяин
     аптеки в Слуцке 301
 Папенкорт, Вилли 694
 Паперна, Авром-Яков 5,
     8, 9, 99, 102, 454, 455,
     506
 Папок Пинхос, р. 358
 Паричер Шмуэл, р. 146,
     547
 Пасманик, Авром 630,
     634
 Пасманик, Брайна-Рохл
     639
 Пасманик Даниил, д-р
     189
 Пат, Яков 7, 310, 311
 Певзнер, Зельда 642
 Пеймер, Алта-Элка 122,
     123
 Пеймер, Исроэль 102,
     103
 Пеймер Йосеф (второй),
     внук р. Пеймера-
     первого, р. 5, 96, 97,
     114–122, 125, 231, 234,
     244, 386, 444
 Пеймер Йосеф (первый),
     отец р. Меера, р. 5,
     80, 93, 97, 99, 100, 102,
     103, 106, 130, 137, 178,
     247, 275, 410, 477, 519,
     539, 624
 Пеймер Меер, р. 5, 66,
     68, 78, 93, 95–97, 99,
     100, 114, 115, 130, 234,
     247–249, 337, 444, 477,
     663, 767, 781
 Пеймер, Муся 348
 Пеймер, Ривка 101, 410
 Пеймер, Хаим-Авром 5,
     116, 125
 Пейсах-Арн, р. 69
 Пейсах из Мыши, р.
     493–496, 790
 Пейсах, меламед
     из Старобина 618, 619
 Пейсахович Хаим, р.
     640, 641
 Пекарь, Лейвик 656
 Пекарь, Роза 656
 Пекер, Зуша 194
 Пекер, Эли 702
 Перельман Йерухам
     Йеѓуда-Лейб, р. 572,
     626, 663
 Перельман, Исроэл 556
 Перель, Хана: см.
     Рейхман, Эни
 Перец, Ицхок-Лейбуш 7,
     305, 346, 390, 391, 408,
     448
 Перец, р. 95
 Перкаль, слуцкий адвокат
     297
 Перлес, Шлойме 569, 575
 Перлин, Авром-Мойше
     568–570, 573
 Перлов Мойше-Арн, р.
     239
 Песин Авром-Арн, р. 6,
     163, 164, 546
 Петкевич, адвокат 206
 Петкун, преподаватель
     в слуцком училище
     267
 Петлюра, Симон 207,
     209, 322, 323
 Пиѓольц, Рохл 706
 Пикульский, священник
     43
 Пинес, Г.-Д. 66
 Пинес-Котлер Арн, р.
     239
 Пинскер, Леон 62, 346
 Пинский, Довид 754
 Пиньке-банщик
     из Копыля 513–515
 Писаревич, Шмулик 708
 Писецкая, Шимка 767,
     768
 Писецкая, Шифра 767
 Писецкий (Позес-Перри),
     Мойше-Рувен 767, 768
 Писецкий, Гершон 767
 Плеве, Вячеслав фон 341,
     389
 Поварский, Йеѓошуа-
     Довид: см. Кустанович-
     Поварский
 Подлипский, Мотэ
     (Масисьйоѓу) 335
 Позняк, Йошка 308
 Поляк, Михл (Михаэль)
     19, 20, 733
 Поляк, Нохем 20
 Поляк, Рохл 376
 Поляк, Шевах 20
 Поляк Яков, р. 715, 789
 Поляк, Янкл 376
 Поляк, хозяин лесопилки
     в Старых Дорогах
     586, 640–642
 Полячек Шлойме, р. 148
 Попов, плотник в Слуцке
     705
 Портман Зелик
     (Шимшон), р. 379,
     597, 628, 629, 632

- Портман Исроэл-Танхум
ѓа-коѓен, р. 628, 629,
632, 677
- Портман, Лейзер 632,
633
- Портман, Мойше-Мордхе
79
- Портман Шимен, р. 622
- Порфирьев Андрей, д-р
10, 797, 799
- Порфирьева (Голубицкая),
Клара Моисеевна 797
- Потапов, Александр 76
- Прас, Мойше-Мордхе
659, 661–663
- Привишиер, Авремл 708
- Приживицер, Велвл (Зеэв)
227, 330
- Прилуцкий, Ноех 121
- Принс, Бенджамин 775
- Прокоп, житель деревни
Кузьмичи 583
- Проховник, слуцкий
пожарный 280
- Прускин Пейсах, р. 245
- Раавад, Арье-Лейб 48
- Рабинович Авром, р. 141
- Рабинович, Берл 221
- Рабинович, Боаз 130, 584
- Рабинович, Грунем 573
- Рабинович, Елена 575
- Рабинович Йеѓошуа, р.
626
- Рабинович Йехиэл-
Михл, р. 6, 143, 630
- Рабинович, Ицхок-Лейб
229
- Рабинович Лейзер, р.
150, 160
- Рабинович, Мойше 575
- Рабинович, Нафтоли 556
- Рабинович Ноех
(Нейхке), р. 569
- Рабинович, Хаим 641
- Рабинович, Шмуэл-
Грунем 576
- Рабинович Элийоѓу-
Довид, р. 66
- Рабинович, Эстер 573
- Рабкин, лесоторговец
в Старых Дорогах 641
- Равич, А. 222
- Равич, Йехиэл 224
- Равич, Алта 765
- Равич, Меер-Велвл 765,
766
- Радзивилл, Богуслав 33,
38–40
- Радзивилл Иероним,
князь 41, 682, 683
- Радзивилл, Ян 34
- Радунский З., слуцкий
сионист 187
- Разгон, Яков 639
- Разран Цви (Грегори),
проф. 7, 189, 346, 347
- Ракман Имануэль, р. 10,
779
- Ракова, хозяйка
фотоателье в Слуцке
309
- Ракович, фельдшер
в Погосте 649
- Ральф, Морис 772
- Рамбам 96, 103, 106, 113,
114, 134, 248, 363, 499,
519, 526, 535, 571
- Рапопорт, А. 66
- Рапопорт, Ицхок 639
- Рапопорт, Рохл-Лея 639
- Рапопорт Хаим ѓа-коѓен, р.
92
- Рапопорт Шломо-Йегуда-
Лейб, р. 104, 105
- Рапп, адвокат 207
- Раппопорт, Йедидья
708
- Ратнер, Авремеле 371
- Ратнер, Айзик 167, 298
- Ратнер, Арн 735
- Ратнер, Геня 298
- Ратнер, Мерка 221
- Ратнер, Мойше 167, 298
- Ратнер, Нисн 298
- Ратнер, слуцкий адвокат
167, 297, 317
- Ратнер, Хаим 735
- Ратнер, Хана 166, 182
- Ратнер, Юдис 181
- Рахлин, Соня 768, 769
- Рахлин, Хая 769
- Рахлин, Шмуэл 768, 769,
777, 778
- Рахмилевич, Иче 297
- Рахмилевич, Лея 297
- Рахмилович, Йеѓуда-Лейб
630
- Рахмилович, Нахмен 631
- Рацкевич, Арье-Гершон
573
- Рачкевич Арн, р. 568, 572
- Рачкевич Исроэл-Довид, р.
572
- Регельсон, Авром 8, 453,
454
- Регельсон, Шмуэль-Йосеф
227
- Резник, Ѓерцл 665, 666
- Резник, Малка 633
- Резник, Михл 546
- Резник, Рохл 665, 669,
670
- Резник, Сендер 641
- Резник, Шмуэл (из Уречья)
546
- Резник, Шмуэл-Шаул (из
Горок) 665, 667, 669,
670
- Рейнголд, Абрамчик 650
- Рейнес Ицхок-Яков, р.
56, 58, 71, 245, 342, 731
- Рейсер, Меер 72
- Рейсер, Шмуэл 169, 283,
613
- Рейхлин (Рич) Яков, р.
572
- Рейхлин Авром, р. 572
- Рейхман (Осовская),
Мотля 770
- Рейхман Элийоѓу (Эликс,
Александр) 17, 20,
770, 771, 777, 778,
790
- Рейхман, Файтл 770
- Рейхман, Хаим 771
- Рейхман, Эни 770, 771
- Реп, адвокат в Слуцке
297
- Рефоэл-Йосл, слуцкий
портной, знаток
Талмуда 9, 188, 303,
359, 360, 405, 521–524,
787
- Рива-«докторша»
из Слуцка 284
- Ривин, Йехиэл 726, 739
- Ривин, Элизер 739
- Ривин, Рефоэл 8–10, 420,
632, 633, 635, 676, 709
- Ривин, Рувен 448
- Ривина, Шимка 767

- Ривка, слущкая повитуха 473, 475
- Ривкис, Авремеле 552
- Рипс, Меер 308
- Рич, Фаня 774
- Рич, Яков 774
- Ровнич, Йосеф-Элийоѓу 371
- Ровнич, Лея 639
- Ровнич, Мордхе 633, 639
- Ровнич, Нох 258, 259
- Ровнич, Рувен 639
- Ровнич, Фейга-Лея 639
- Ровнич, Х.-С. 10, 707
- Ровнич, Хая-Лея 639
- Ровнич, хозяин книжной лавки в Слуцке 169
- Рогинский, врач в Тимковичах 573
- Розенбаум, Шимшон (Семен Яковлевич) 162, 168
- Розенберг, Йехиэл-Яков 243
- Розенберг, Эфроим 410
- Розенталь, преподаватель в слущком училище 267
- Розин Йосеф, р. 113, 236
- Розовер, Файвл 550
- Розовский Йосеф бен Мордхе, р. 630, 732
- Розовский, Меер 674
- Розовский Шимен, р. 654
- Рокер, Рудольф 445
- Рольник, Арн 17, 220, 283, 771, 777, 778, 790
- Рольник (Эпштейн), Ентл 771, 777
- Росомаха, Сора 647
- Рошаль, Илья 798
- Рубинштейн, Арье-Лейб 73
- Рубинштейн, Залмен 280
- Рубинштейн из Вильны, р. 229
- Рубинштейн Ицхок, р. 769
- Рубинштейн, хозяин книжной лавки в Слуцке 283
- Рубинштейн, Элийоѓу 82
- Рувка, торговец зерном в Слуцке 311, 312
- Рульгин, Фрума 633
- Русак, Хаим 707
- Рухавер, Двойра 713
- Рухавер, Хаим 713
- Рыдз-Смиглый, Эдвард 120
- Рыжицер, Довид 666
- Рыжицер, Мойше-Гецл 666
- Рыклин, Вира-Дина 788
- Рыклин, Лейбл 788
- Рыклис, Файвл 366
- Рысин, Симха 540
- Рюльф Ицхок, р. 78
- Савич, копыльский ксендз 137
- Садовская, Сора 639
- Садовский, Борух-Калмен 708
- Садовский, Велвл 575
- Садовский, Йеѓуда-Лейб 166, 167, 174
- Садовский, Фаля 573, 575
- Садовский, Шабсай 639
- Салант, Зундл 756
- Салант Йосеф-Зундл, р. 756
- Салантер, Алтер 501
- Салантер Довид-Йеѓуда, р. 756
- Салантер Исроэл, р. 104, 237, 240, 244, 249, 251, 756
- Салоп, слущкий адвокат 297
- Сандомирский Ошер, р. 6, 7, 143, 229, 252, 256, 381, 384
- Санес, Додя: см. Юздан, Довид
- Сапега, граф 320
- Свизичер, Шлойме 365, 366
- Свирновский, Исроэл-Арн 230
- Сегалович, Нохем-Идл 666
- Сегаль, Хаим-Ицхок-Айзик 309, 310
- Сейман, Биньомин 706
- Селицкий, слущкий врач 216
- Семель Ицхок-Айзик, р. 597
- Сигель, Рохл 766
- Сигизмунд, король 37
- Символ, Йеѓудис 7, 391
- Символ, Йосеф 722, 723
- Символ, Шлойме 57, 722
- Симха-Буним, р. 92
- Симхович, Копл 641
- Симхович, преподаватель в Старых Дорогах 644
- Симхович, Роза 8, 436
- Симхович Цви, р. 49
- Симхович, Шахне 433
- Симхович, Шмуэл 49, 80, 113, 131, 351, 433, 436, 539
- Симхони (Симхович), Яков-Нафтоли 8, 180, 276, 431, 433–436
- Синайский, слущкий врач 282
- Сингаловский, Арн (Аѓарон) 166, 168, 182, 343, 344, 405
- Синегубко, Берл 321
- Синицкий, Хаим 201
- Сирафинович, Ян 43
- Сиркин, Йоэл 538
- Сиркин, Шахне 433
- Сирота, Гершон 279
- Скакальский Шимен-Цви, р. 552, 553
- Скакальский, Йеѓуда 198–200, 203, 209
- Скубич, Авром 544
- Слепян, врач из Несвижа 573
- Сливкин Ицхок-Зелик, р. 591
- Слободские, семья арендаторов в Слуцке 270–271
- Слущкер Яков-Довид, р. 310, 314
- Смелкинсон, Арн 771, 772
- Смелкинсон, Биньомин 772
- Смидович, Петр 218, 221

- Смоленский, Перец 346, 422-425, 550
- Смолл Ицхок га-лейви, р. 628
- Сокалицкий, Ицхок 380
- Соловейчик Ицхок-Зеэв, р. 93, 106
- Соловейчик Йосеф-Дов (Йоше-Бер), р. 93, 94, 106-114, 130, 137, 178, 220, 236, 241, 243, 247, 248, 275, 361, 362, 523, 535, 539, 629, 779
- Соловейчик Йосеф-Дов, внук Йоше-Бера, р. 779
- Соловейчик-Коген, Хана 177
- Соловейчик, Меер 310
- Соловейчик Мойше, р. 93
- Соловейчик Хаим, р. 95, 146, 236
- Соловьев, служащий в Слуцке 320, 321
- Соломяк, хозяин кондитерской в Слуцке 302, 347, 371, 399
- Сора-Рейзл, торговка в Слуцке 393
- Сосин, партизан 702
- Софер, Хаим-Лейб 554
- Спектор Ицхок-Эльхонон, р. 107, 137, 138, 148, 153, 154, 239, 432, 539, 624, 756
- Спиридонов, врач в Любани 595
- Стамбульчик, Фаня 177
- Станиславиха, случчанка 271
- Старобинский, Мордхе 639
- Староста Эли, р. 572
- Стерлиц Шимен, р. 590
- Стругач, Мойше 7, 293
- Тамбак, Нота 294
- Танхум из Кракова, р. 89
- Телзер, Лейзерка 311
- Телушкин, Нисн 243
- Темкин, Мордух 797
- Темкин, Самуил 797, 798
- Темкина, Бася 797
- Темчин, Лейви 746
- Теомим Йона, р. 43
- Теомим Ицхок-Меер, р. 91
- Теомим-Френкель Йона, р. 91
- Терушкин, Зусман 630
- Тесслер Артур, д-р 775
- Тирушкин, Рефоэл 335
- Токер, Мерет 751
- Токер, Фейгл 286
- Токер, Шмуэл 749, 751, 752
- Толес-Кулаковская, Фрума 573
- Томашов, Александр-Йеѓошуа 237
- Томашов, Велвл 666
- Томашов Ицхок, р. 668
- Томашов Мойше-Биньомин, р. 6, 96, 143, 237-243, 753
- Томашов, Сендер 665
- Томашов Шмуэл, р. 669
- Томашов, печатник в Слуцке 283, 289, 310
- Травин, Сэм 747
- Травин, Цви-ѓирш-Довид 72
- Тричанер, Йоше 228, 374, 775
- Трушкин, Ѓешл 599
- Тульман, Мойше 6, 166, 221-222
- Туманик, Айзик 673, 674
- Турберг, зять магида Маслянского 62
- Туров, филантроп из-под Слуцка 312
- Тычина, Раиса 696, 697
- Уздер, Лейба 279
- Ури-Носн-Ноте, слуцкий знаток Торы 679-681
- Усышкин, Менахем 733
- Файнберг, Г. 55
- Файнберг, Ицхок 56, 117, 167, 187, 283, 302, 347, 767
- Файнберг, Миша 577
- Файнберг, слуцкий врач 282, 307
- Файнштейн Арн га-лейви, р. 236, 624
- Файнштейн, Дов-Бер 627
- Файнштейн Довид, р. 626, 627, 635
- Файнштейн Йехиэл-Михл, р. 597, 627, 631
- Файнштейн, Ицхок 627
- Файнштейн Мойше, р. 595, 597, 628, 630
- Файнштейн Мордхе, р. 627
- Файнштейн, Хана 633, 639
- Файнштейн Элийоѓу (Элинька Пружанер), р. 236, 625, 568, 570, 624, 625, 654
- Файтельсон, хозяин книжной лавки в Слуцке 283
- Факин, Файтл 335
- Фальк Яков, р. 424, 434
- Фартан, Залмен 773, 774
- Фартан, Фаня 773, 774
- Федер, Яков 639
- Фейгенберг, Бер 601
- Фейгенберг, Сора 602
- Фейгенберг Яков, р. 601
- Фейгенберг-Имри, Рахель 9, 578, 601, 610
- Фейгенберг, Йеѓошуа 602
- Фейгес, Йосеф 593
- Фейгес, Хонон-Яков 600
- Фелер, Исроэл 9, 538-540
- Ферапонтов, Юрий Сергеевич 216
- Фиалко, лесоторговцы из Тимковичей 573
- Фиалко, Хаим-ѓирш 397
- Фикус, Авром 555
- Фильцер, р. 760
- Финкель, Авром 774
- Финкель Лейзер, р. 149
- Финкель Лейзер-Йеѓуда, р. 630
- Финкель, Лея 774
- Финкель, Меер 732
- Финкель Носн-Цви, р. 248, 591
- Финкельштейн, Бася 649
- Финкельштейн, Зхарья 309
- Финкельштейн, Мойше-Гершон 9, 582, 584

- Финкельштейн, Мордхе 649
- Финкельштейн, слуцкий пивовар 308
- Финкельштейн, Сора 584
- Фиш, братья из Верхутино 566
- Фиш, Мойше 656
- Фишель, Гарри 140, 590
- Фишкин-Горн, Носн 9, 253, 536, 537
- Флейшер, Лея 10, 709
- Флейщик, Мойше 59
- Флейщик, Хашка 394
- Флейщик, Шимен-Лейб 59, 392–394
- Флейщик, Эли (Эли-дударь) 392–394
- Фогель, Мойше 177
- Фогельман Л.-Э., д-р 7, 315
- Фолька-балагола из Тимковичей 573
- Фост, Довид 777
- Франк, Цви-Пейсах 243, 627
- Франк Файвл, р. 244, 736
- Фрейнкман (Новосельский), Лейб 665
- Френкель, Майкл (Михл) 8, 455
- Френкель, Ошер-Зелик 42
- Фридлянд, хозяин типографии 310
- Фридман, Хаим-Йеѓошуа 373, 374
- Фридман, Шмуэль 374
- Фульман, Йосеф 76
- Фульманы, арендаторы в Греске 663, 664
- Фурсов, Матвей 528, 529
- Хазанович, Мордхе (Мордехай) 8, 169, 187, 256–260, 287, 288, 371, 376, 413, 414
- Хазанович Цви: см. Ѓа-Гивати
- Хаим-Довид-бадхен, слуцкий музыкант 308, 426, 427
- Хаим из Романова, р. 48, 49
- Хаим-Йосеф, учитель в Любани 594
- Хаимке, староста в Копыле 509, 517
- Хаим-Лейб, писец из Слуцка 286, 303
- Хаим-писец из Слуцка 769, 770
- Хаим-сапожник из Романова 660
- Хаймен Арн, р. 6, 140
- Хаймович, Авигдор 685
- Хандлер, Меер 705
- Хасдай ибн Шапрут 635
- Хаслес, Ноех 510
- Хашес (Ривин), Берл 345
- Хая-Рохл, слуцкая сионистка 189
- Хвольсон, Даниэль 105
- Хемлин, Айзик 747
- Хен 9, 564, 640
- Хефец Йеозл, р. 164
- Хефец, Цви 101
- Хигер Мойше, д-р 8, 413, 418
- Хинич (Арье-Лейб), Льюис 774, 775
- Хинич (Хазанович) Довид, р. 631
- Хинич А. из Старобина 9, 612
- Хинич Авром, р. 631
- Хинич, Азриэл-Зелик 565
- Хинич, Ареле 708
- Хинич, Арн 639
- Хинич, Арн-Борух 614, 615
- Хинич, Борух 614
- Хинич, Ѓинда 639
- Хинич, Ѓинда-Рохл 565
- Хинич, Ѓирш 634
- Хинич, Зелик 667
- Хинич Ишая-Хаим, р. 641
- Хинич, Кейла 639
- Хинич, Лейб (Льюис) 774, 775
- Хинич, Лея 774, 775
- Хинич, Нохем 6, 7, 9, 20, 163, 187, 189, 227, 230, 231, 259, 286, 288, 300, 390, 405, 521, 545, 631, 749, 751, 752, 777, 786, 787, 789
- Хинич, Сендер 708
- Хинич, Сора 639
- Хинич, Тама 615
- Хинич, Фейга 639
- Хинич, Хая-Гита 639
- Хинич Шахне, р. 631
- Хинич, Шимшон 639
- Хинич, Эстер 751
- Хинич-Агранов, Йохевед 728, 729
- Хмельницкий, Богдан 233, 323
- Хогбен, Абрам Яковлевич 200
- Ходош, Александр (Шепшель) 319, 320
- Хожик, Беся 348
- Хопке, Роберт 694
- Хорех, Файвл 9, 281, 533, 534
- Хориф Шлойме («Остроум»), р. 91
- Хосид, Яков 585, 598
- Хофец-Хаим (Исроэл-Меер Пупко, р.) 121, 589, 628, 769
- Хургин, Йешайоѓу 51, 65
- Хургин, учитель 641, 643, 644
- Цви-Ѓирш, писарь из Слуцка 42
- Цвик Бен-Цион, р. 546, 663
- Цейтлин, Йеѓошуа 78, 82, 134
- Цемах из Новых Жагор, р. 105
- Цимеринг, сестры-актрисы 290
- Цимеринг, Соня 371
- Циммерман Авром-Ицхок ѓа-лейви, р. 146, 237
- Циммерман Шмуэл, р. 547
- Цирин Мойше-Арн, р. 630, 637
- Цирин, Хаим 633
- Цирин, Цви-Ѓирш 178, 630, 631, 634
- Цирин-Теѓилим, Ѓинда 630
- Циркель, сионист из Слуцка 172

- Цукер, Сора 760
 Цуркофф (Цурков), Макс
 292, 745, 746
 Цыганов, партизан 577
- Чарная, Ривка 184
 Чарный, Элийогу (Эли)
 9, 184, 283, 347,
 531-533
 Чепелейер (Чепельский),
 Берл 753
 Чепельский, Зелик 753
 Чернин, Шейна 639
 Черников, Авром (Абрам)
 189, 190, 749
 Черников Йеѓуда-Лейб,
 р. 49
 Черников, Йосеф 7, 117,
 302, 410
 Черниковский, Шауль
 435, 437, 447, 450
 Черновиц Хаим, р. 158,
 245, 432, 716, 731
 Черногубовский, Арье
 573
 Черномордик, аптекарь
 из Тимковичей 574
 Чеснин, Сэм 747
 Чипчин, Мойше 181
 Чипчин, слуцкий сионист
 187, 190, 321
 Чипчин, Соломон 347
 Чипчин, адвокат 285,
 297, 704, 705
 Чипчин, аптекарь 285,
 286, 292, 301, 649
- Шабсай-Ойзер
 из Вильны, р. 558
 Шабсай Цви 43, 688
 Шайкович, хозяин
 магазина в Слуцке
 167, 301
 Шаклюта, христианская
 семья в Слуцке 286
 Шамай, древний мудрец
 99, 337, 491, 493
 Шамаш Нохем, р. 360
 Шапиро Авром-Дов, р.
 138
 Шапиро, Арн 732
 Шапиро, Арье 17, 177,
 197, 220, 304, 749, 751,
 752, 789
- Шапиро Арье-Лейб, р. 97
 Шапиро, Ицхок (Иче-
 резник) 569
 Шапиро, казенный
 раввин 166, 353
 Шапиро-Механик, Песя
 7, 298, 749, 751
 Шапиро. Неха 377
 Шапиро, Рефозл 663
 Шапиро, Сора 650, 651
 Шапиро, Шлойме-Залман
 82
 Шаул-немой, кузнец
 из Горок 667
 Шахарович, Рувен 122
 Шахне-шамес из Слуцка
 8, 143, 418-420, 428
 Шашкес, Мойше 178
 Швабахер Шимен-Арье, р.
 525
 Шварц, Йеѓошуа-Йосеф
 790
 Шварц, Йекусиэль, д-р
 69
 Шварц, Мориц 448
 Шварц Сора: см. Лефрак
 Сора
 Шварцбурд, Файтл 552
 Шваяков, Устин 640
 Швейдель, Нахмен 187,
 230, 259, 612, 613
 Швейдельсон, Исроэл
 10, 19, 743, 745-748,
 750, 752
 Шверин, Лея 639
 Шверин, Шимке 639
 Шверциновский, Ѓиршл
 708
 Шевелев Авром-Мойше
 га-лейви, р. 6, 134
 Шейкович, предприни-
 матель в Слуцке 187
 Шейнбойм, Ицхок-Яков
 539
 Шелхович, обвинитель
 200
 Шерешевский, р. 575
 Шик, Яков (р. Борух
 из Шклова) 6, 133
 Шило, Азриэл 647
 Шильдкраут, Лев (Лейб)
 117, 120, 142, 166, 216,
 282, 307, 317, 348, 370,
 384-386, 409, 427, 579,
 601, 746
- Шимен-балагола
 (из Горок) 666
 Шимен-Йеѓуда, шамес
 в Слуцке 48
 Шимен-трейфер,
 помощник шамеса
 в Слуцке 297
 Шинявкер, Липа 346,
 766, 771
 Шисгаль Авром-Ицхок, р.
 379, 386, 597
 Шисгаль, Эли-Мойше
 597
 Шиф Маѓарам (Меер), р.
 356
 Шифрин, хозяин
 постоянного двора
 в Тимковичах 573
 Школьник, Берл 762
 Школьник Эйдл: см.
 Ѓимельштейн Эйдл
 Шкоп Шимен, р. 630
 Шлеймович, Авром-Бер
 703
 Шлимович, Йосеф
 637
 Шлимович, Носн 639
 Шлойме из Воложина,
 йешиботник 178
 Шлойме-коѓен,
 земледелец из Горок
 666
 Шлойме, знаток Торы
 из Слуцка 679-682
 Шлойме-магид, р. 44
 Шмонис (Сегалович),
 Лейбл 552, 554
 Шмуэл из Тройчан 335
 Шмуэлке, р. 556
 Шмуэл-портной
 из Грозова 551
 Шнеерсон Йосеф-Ицхок, р.
 679, 682
 Шнейдерман, Биньомин
 566
 Шнеур-Залмен, р. 684,
 685
 Шолом-Алейхем 60, 217,
 290, 316, 343, 425, 426,
 448-450, 644, 799
 Шомер (Нохем-Меер
 Шайкевич) 424
 Шор, Бася 182
 Шор, учитель 399
 Шохер, Алтер 370

- Шперлинг, слуцкий
пожарный 280
- Шперлинг, Фейгл (Фейгл-
пирожница) 303
- Шперлинг, Эзра 718
- Шперлинг, Юдл 303
- Шпилькин, Авром-Ицхок
7, 190, 286, 287, 371,
405, 406, 409
- Шпилькин, Бен-Цион
187, 188, 287, 303, 555
- Шпилькина-Билер,
Нехама 399, 749
- Шпилькин, Шолом 177,
190, 197, 220, 749
- Шрагевич Мойше-
Йеѓошуа, р. 572
- Шрагевич, Мордехай-
Йеѓуда га-лейви 572
- Штейнберг, д-р 79
- Штрикер, слуцкий
исправник 281
- Шувалов Авремеле, р.
474
- Шулкер, Шмуэл 371
- Шульман, Йосеф 664
- Шульман, Калмен 612
- Шульман, Мойше 640
- Шульман, Шмарья 553
- Шульман, Элийоѓу 7, 283
- Шульц, Фриц 565
- Шустерман, Ѓеня 639
- Шустерман, Мойше: см.
Идабер
- Эвины, случчане 285
- Эйгер Акива, р. 148
- Эйдельс Шмуэл-Элиэзер
(Маѓарши), р. 356,
421
- Эйдлес, Ѓиршл 345
- Эйзенцон, Яков-Эли 335
- Эйзенштадт Бен-Цион, р.
164, 351
- Эйзенштейн, Й.-Д. 127
- Эйнѓорн, Довид 347
- Элейс, Герберт Э. 773
- Элиасберг, слуцкий
гимназист 64
- Элиасберг, Шмуэл 519
- Эльяшив, Ицхок 733
- Эльяшив, Тиле 733
- Энзил Йеѓуда-Лейб, р.
91
- Эпштейн, Авром (Аба
Ариха) 7–9, 166, 167,
172–174, 177, 182, 230,
257–261, 404, 414, 431,
443–445, 448, 449, 473,
474, 483, 542
- Эпштейн Авром, р. 42
- Эпштейн, Авром-Борух
546, 546
- Эпштейн, Алтер 651
- Эпштейн Арье-Лейб, р.
91
- Эпштейн, Б. 6, 161
- Эпштейн Биньомин, р.
590
- Эпштейн, Двойра 187
- Эпштейн, Доня 286
- Эпштейн, Залмен 6, 144,
274, 600, 603, 604, 608,
609
- Эпштейн, Ицхок 600,
603–605, 608, 609
- Эпштейн, Кадиш-Дов
(Бер) 167
- Эпштейн, Лейбл 749
- Эпштейн Менахем-
Мендл, р. 236
- Эпштейн, Михл 552
- Эпштейн, Мойше-Йехиэл
167
- Эпштейн Мойше-
Мордехай, р. 244, 383,
592
- Эпштейн, Молли 706
- Эпштейн, Норман 794
- Эпштейн, Нохем 579,
602, 608
- Эпштейн, Ривка 772
- Эпштейн, Саша 187, 189
- Эпштейн (Файнберг),
Сора 608
- Эпштейн (Шапиро),
Фейга-Бейла 602,
608
- Эпштейн, Хаим 335
- Эпштейн Хаим-Фишл, р.
6, 161, 553
- Эпштейн, Цви-Яков 158
- Эпштейн, Шмуэл 553
- Эпштейн, Шолом 64, 73
- Эпштейн, Элийоѓу 764
- Эпштейн, Эфроим 600
- Эпштейн, Яков га-лейви
42
- Эпштейн-второй, Авром
166
- Эрнбойм, Ѓеня 371
- Эттингер, Акива-Яков
733
- Эфроим (Фройке)
из Тимковичей, р. 569
- Эфрон, Бер 125, 219
- Эфрон, библиотекарь
в Слуцке 376
- Эфрон, Итка 210, 219
- Эфрон, Йосеф-Дов-Бер
210, 219
- Эфрон М., судья 253
- Эфрон, Мойше 399
- Эфрон, Файвл 6, 194, 200,
210
- Эфрос, Бер 184, 302
- Эфрос М., корреспон-
дент журнала «Восход»
65
- Эфрос, Миша 200, 729,
730
- Эфрос, Ривка 183, 184
- Эфрос, Рохл 183, 184
- Эфрос, Цви-Ѓирш 78
- Эшколь, Леви 790
- Эшколь, Элишева: см.
Каплан, Элка
- Эшман, казённый раввин
в Слуцке 232, 280, 281
- Юделевич Авром, р. 367,
653
- Юделевич, Д. 442
- Юдл-зайденер
(Айзенштот), ходатай
из Слуцка 273
- Юздан, Двойра-Баша 775
- Юздан, Довид (Додя
Санес) 20, 770, 775,
776, 790
- Юздан, Несанэль-Цви
(Саня Додес) 775
- Юздан (Яффе), Мирьям
775
- Юхнин, фотограф
из Слуцка 309, 617
- Юшкевич, Семен 611
- Ябров, Нохем 286
- Ябров, пожарный
в Слуцке 280
- Ябров, столяр из Слуцка
286

- Ябров, Хаим 78
Ябров, хозяин гостиницы
в Слуцке 307
Ябров, хозяин
типографии 310, 503
Яков, сын р. Ури-Файвиша
из Томашова, р. 233
Яков-Зусман, р. 133
Яков-Лейзер, резник
из Погоста 649
Яков-Элия, р. 6, 144
Якубович, Илюша 497
- Янкелевич, Яков 178
Янкель, смотритель
почты в Копыле 618
Янкл из Старобина, внук
Довида 707
Янкл-коген, огородник
в Слуцке 273
Янкл-слепец из Любани
713
Янушкевич, слуцкий врач
282, 307
Япин Исроэл-Шаул, р. 627
- Яркони (Гринфельд),
Элийогу 8, 230, 259,
260, 411, 412
Ярхо, Мойше 7, 409

NAME INDEX

- Abramowitz Sholom-Yakov,
aka Mendele Moycher
Sforim 14, 148, 180,
273, 278, 439–441, 449,
455, 458, 474, 479, 511,
550, 557, 644, 654, 785
- Abramowitz, Binyomin 54
- Abramowitz, Haim-Moishe
439, 441
- Abramsky Yehezkel, rabbi
97, 243, 275, 535, 536,
540
- Abramsky, Yakov-Dovid 7,
13, 259, 274
- Adamowitz M.-Y., landlady
231
- Adler Nosn, rabbi 525, 530
- Adler, I. 257
- Adler, I.-N. 8, 9, 14, 15,
444, 633, 778
- Adret Shlomo, rabbi 625
- Agranov, Gershon 729
- Ahad ha-Am 62, 342, 343,
732
- Ahinski, fireman in Slutsk
280
- Aizenshtat, Akiva 764
- Aizenshtat, Feigl 764
- Aizenson, Elie 671
- Aizgur Yehiel-Michl, rabbi
558
- Aizl, klezmer 281, 308
- Akko, Nachmen 72
- Albo, Yossef 103
- Alexander II, tsar 51, 61,
76, 80, 361, 525
- Alexandroni, Sh. 9, 15,
549
- Alkabetz Shlomo, rabbi
343
- Alshech, Moshe 619, 620
- Altman, Eliyohu 17, 20,
28, 177, 190, 407, 757,
758, 770, 777, 778, 790
- Altman, Rivka 757, 791
- Altman, Ruven 7, 13,
370, 390, 407, 408, 532,
757
- Altman, Sora 757, 758,
777, 790
- Altman, Yehuda-Leib 757,
791
- Altshuller Dovid, rabbi 440
- Anastasia, princess 34
- Antokolsky, Mark
(Morduch) 552
- Apelson, Haim-Moishe
189–190, 197
- Appelman, rabbi 546
- Archik, coachman 560
- Archik, tavern keeper from
Slutsk 282
- Aronowitz Arka, shammes
649
- Aronowitz Aryeh-Leib,
rabbi 5, 11, 133
- Aronowitz, Avrom 38
- Aronson, Menachem-Mendl
164
- Aronzon, Yossef 406
- Aryeh the shochet from
Slutsk 307
- Aryeh, rabbi from Igumen
626
- Aryeh-Leib, son of Nosn-
Nota, rabbi 91
- Asaf (Osowsky) Simha,
rabbi 6, 12, 19, 154,
157–160, 229, 274, 404,
546, 582, 598
- Asaf, Haim 599
- Asaf, Hana 6, 12, 156–158
- Asaf, Sora 6, 12, 154, 229,
546, 592
- Asaf, Tzvi 17, 786, 789,
810
- Ash, Sholom 643
- Astakhov, Artemy 75
- Avin, Binyomin 276, 351
- Avin, Osher 54
- Avril, Moishe-Yehiel 72
- Avrom the Oldman, rabbi
636
- Avrom, son of rabbi Hirsh
Katz 47
- Ayalo, Mote 271
- Baal-Turim, Yitshe 649
- Badchen, Meer 777
- Bakachitz, Ioann 38
- Bakaliar, lawyer in Slutsk
297
- Bakar, Arn-Boruch 737
- Balashov, Red Army
commander 124
- Balfour, Arthur 151, 191,
290, 547
- Barhon, Alter 291
- Barhon, Dvoira 274
- Barhon, Nohem-Dan 299
- Barhon, Shaya-Aba 284
- Barhon, Shmaryahu 187,
190, 231, 286

- Barhon, Yisroel 183, 280,
284, 292
- Barhon, Yitzik-Michl 284
- Barhon, Yosl 283, 284
- Barhon, Moishe 187, 291
- Barhonak, Basia 348
- Barnatz, Mordche 633,
639
- Barsky, Akiva 278
- Baskin, father of Shabsai
416
- Baskin, Shabsai 194–197
- Baslavsky, Leib 302
- Bassin, Levy 746
- Batenstein, duchess 43
- Beiler, Elan 719
- Beilin Sh., zionist in Slutsk
56
- Beit-Tzvi (Beskin), Tzvi
720
- Belkind, teacher in Ekateri-
noslav 174
- Belzer, Shloime 243
- Ben-Ami, Mordechai 258,
449
- Ben-Avi, Itamar 415
- Ben-Porath (Ilier) Menashe,
rabbi 104, 519
- Ben-Tzvi (Rathun), Shimen
647
- Ben-Zion, S. (Alter Gutman)
258
- Ber, Rabbi of Kopyl 519,
520
- Berdichevsky, Micha-Yossef
228, 346
- Berg, Sylvia 746, 747
- Berger, Leib 257, 641
- Berger, teacher of Hebrew
230, 259, 414
- Berger, Yitzchok 167, 653
- Berger-Stern, Zahava
(Golda) 177
- Bergman, Rochl 371
- Berke, hazan from Kopyl
508
- Berkowitz (Dorinson), Feigl
754
- Berkowitz (Lvowitz) Basia
754
- Berkowitz Yitshe, teacher in
Kopyl 702
- Berkowitz Yitzchok, teacher
and butcher 664
- Berkowitz, Azriel-Zelik
448, 753
- Berkowitz, Dvosia 448, 753
- Berkowitz, Elchonon 754
- Berkowitz, H. 188
- Berkowitz, Lipa 448
- Berkowitz, R. 7, 13, 266
- Berkowitz, Yankl 713
- Berkowitz, Yitzchok-Dov
8, 9, 14, 15, 20, 28,
165–168, 173, 174, 181,
182, 229, 257, 259, 261,
263, 276, 294, 343, 344,
404, 405, 421, 423, 431,
448–450, 478, 483, 493,
753, 754, 789
- Berl, coachman 660
- Berl, head of Slutsk yeshiva,
rabbi 346, 766, 788
- Berles, Haim 177
- Berl-Feitl, druggist in Luban
595
- Berlin Naftoli-Tzvi-Yehuda,
rabbi 95, 137–138
- Berlin Tzvi-Hirsh, rabbi
624, 625
- Berlin Meer, rabbi 150,
242, 413
- Berlin, Shmaryahu 167
- Bernfeld Shimen, Dr.
343
- Bernfeld-Shapiro Shimen,
rabbi 630
- Bernstein, Leizer 645
- Bernstein, Naftoli-Hertz
433
- Bernstein, Shaul 9, 15,
630, 640, 642, 643, 647
- Berstein, Yisroel 103
- Besht 10, 16, 251, 275,
354, 358, 679–683, 688
- Betzalel, son of rabbi Shlo-
ime, rabbi 44, 90
- Bezborodkin (Bezborodko),
Hirsh-Tzvi-Hillel 77,
759
- Bezborodko, Dovid 759–
761
- Bezborodko, Perl 759
- Bezborodko, Sora 759
- Bezborodko, Yossef 759
- Bezborodko, Yossef-Arn
760
- Bezborodko, Masha-Lea
759
- Bialik, Haim-Nachman
157, 175, 220, 278, 341,
346, 347, 415, 432, 449,
450, 599, 716, 731, 754,
785
- Binyomin-Wolf (Wolf bar
Lipman), rabbi 89
- Blank, Morton 775
- Blezovsky, Shmerl (Shmuel)
797
- Bloch Yossef-Leib, rabbi
572
- Blumstein, Alta 166, 182
- Bohmer Yossef, rabbi 70,
519
- Bohmer, Yisroel 68,
102–106
- Bokshytsky Yitzchok, hotel-
ier in Slutsk 307, 496,
498, 797
- Bokshytsky, Esfir (Esther-
Rochl) 797
- Boliak, landlord in Starye
Dorohi 645
- Borker, Yitshe 391
- Borochoy, Ber 168, 346
- Borodaev, Red Army soldier
334
- Boruchowitz, Malka 347,
399
- Boruchowitz, Meisl 399
- Bragin, Abram 218
- Brandstedter, Mordche-
Dovid 423
- Braude, Marcus 422, 435
- Braudes, Ruven-Osher
422–424, 492
- Brener, Yossef-Haim 278,
346, 451
- Brevde, teacher and inspec-
tor of Jewish schools
399
- Brisker Haim, rabbi 149
- Brodetsky, Dov-Ber 631
- Brodotsky, Berl 639
- Brodotsky, Yitzchok-Tzvi
8, 14, 410
- Brodsky Y.-M., businessman
138, 544
- Broida Haim-Nohem, rabbi
441
- Bronstein H., public figure
in Slutsk 52
- Bronstein, menshevik in
Slutsk 347

- Bronstein, shop owner in Slutsk 301
- Brooks, Nohem 569, 575
- Budnitz, Eliyohu 566
- Bulak-Balachowitz, Stanislav 322, 323, 558, 582
- Bulan, tsar 635
- Bulhak, landlord in Slutsk 119, 120
- Bunin Avrom, Dr. 19, 27, 706, 747, 749, 750
- Bunin, Leo (Leibele) 348
- Bunin, Liata 224
- Bunin, Mariasha 750
- Burstein, melamed in Hrozovo 775, 776
- Bystritsky (Nosn Agmon) 189
- Charny, Eliyohu 9, 15, 184, 283, 347, 531–533
- Charny, Rivka 184
- Chepeleyer (Chepelsky), Berl 753
- Chepelsky, Zelik 753
- Chernin, Sheina 639
- Chernogubovsky, Aryeh 573
- Chernomordik, druggist from Timkovichy 574
- Chernowitz Haim, rabbi 158, 245, 432, 716, 731
- Chernyakhov Yehuda-Leib, rabbi 49
- Chernyakhov, Avrom 189, 190, 749
- Chernyakhov, Yossef 7, 13, 117, 302, 410
- Chernykhovsky, Shaul 435, 437, 447, 450
- Chesnin, Sam 747
- Chinitz (Hazanowitz) Dovid, rabbi 631
- Chinitz A. from Starobin 9, 612
- Chinitz Avrom, rabbi 15, 631
- Chinitz Shahneh, rabbi 631
- Chinitz Yishaya-Haim, rabbi 641
- Chinitz, Arele 708
- Chinitz, Arn 639
- Chinitz, Arn-Boruch 614–615
- Chinitz, Azriel-Zelik 565
- Chinitz, Boruch 614
- Chinitz, Esther 751
- Chinitz, Feiga 639
- Chinitz, Haya-Gita 639
- Chinitz, Hinda 639
- Chinitz, Hinda-Rochl 565
- Chinitz, Hirsh 634
- Chinitz, Keila 639
- Chinitz, Lea 774, 775
- Chinitz, Lewis (Aryeh-Leib) 774, 775
- Chinitz, Nohem 6, 7, 9, 12, 13, 15, 20, 28, 163, 187, 189, 227, 230, 231, 259, 286, 288, 300, 390, 405, 521, 545, 631, 749, 751, 752, 777, 786, 787, 789
- Chinitz, Sender 708
- Chinitz, Shimshon 639
- Chinitz, Sora 639
- Chinitz, Tama 615
- Chinitz, Zelik 667
- Chinitz-Agranov, Yoheved 728, 729
- Chipchich, druggist 285, 286, 292, 301, 649
- Chipchich, lawyer 285, 297, 704, 705
- Chipchich, Solomon 347
- Chipchich, zionist from Slutsk 187, 190, 321
- Chipchich, Moishe 181
- Crankshaw, Edward 693
- Daino Dov-Yehuda, rabbi 756
- Daino Mordche, rabbi 756
- Dainov, Tzvi-Hirsh, aka Magid of Slutsk 15, 69, 70, 76, 363, 525–529
- Danielka, militiaman in Slutsk 214
- Davidowitz Yitzchok halvi, rabbi 624
- Davidowitz, Yakov 39
- Davidson Issokhar, rabbi 654
- Davidson, Yehuda 654
- Demberg, Shloime 676
- Denikin, Anton 322
- Derechin, Rivka 426
- Derechin, Yeshayohu-Mendl 301, 317, 374, 375, 384, 426
- Dgani, Eliyohu 749, 752
- Dik, Isaac-Meer 513, 515
- Dinezon, Yakov 390, 391
- Diskin Yehoshua-Leib, rabbi 114
- Dochowitz, Arn 639
- Dochowitz, Yerakhmiel 639
- Dolgin, Haya 639
- Dolgin, Hertzl 639
- Dolgin, Keila 639
- Dolgunikha, wailer in Slutsk 674
- Dolitsky, Menachem-Mendl 220
- Domansky, landlord 232, 574
- Domnitz Arn, Dr. 6, 7, 9, 12, 13, 15, 184, 367, 631, 639, 658, 778
- Domnitz, Avrom 639
- Domnitz, Boruch 7, 9, 13, 15, 87, 370, 661, 715, 716
- Domnitz, Hana-Rochl 639
- Domnitz, Haya 639
- Domnitz, Hertzl 178, 630
- Domnitz, Shmuel 658
- Domnitz, Yakov 639
- Domnitz, Yitzchok-Leib 662
- Domnitz, Zeev 364
- Domnitz, Osher 364, 658
- Dovid from Novogradok, rabbi 99
- Dovid from Romanovo, rabbi 48
- Dovid, madman in Slutsk 543
- Dovid-Ruven, butcher from Timkovichy 569
- Dovid-Teivl from Minsk, rabbi 100, 107, 624
- Dowbor-Muśnicki, Józef 644
- Drechin, Shaya-Mendl 285
- Druyanov, Alter 733
- Dubnov, Shimen 10, 16, 42, 347, 682
- Dubrov Yeruham, rabbi 6, 12, 135

- Dubrov, Hillel 6, 7, 12, 13, 166-169, 172, 174, 181, 182, 257, 260, 261, 263, 344, 403, 404, 448, 483
- Dubrovsky, family in Verkhutino 546, 566
- Dvoretzky Arn-Michl, rabbi 569, 570
- Dvoretzky Moische-Tzvi, rabbi 569
- Djermal Pasha, Ahmed 717
- Efros M., contributor to *Voskhod* magazine 65
- Efros, Ber 184, 302
- Efros, Rivka 183, 184
- Efros, Rochl 183, 184
- Efros, Tzvi-Hirsh 78
- Efros, Misha 200, 729, 730
- Eidels Shmuel-Eliezer (Maharshi), rabbi 356, 421
- Eidles, Hirshl 345
- Eiger Akiva, rabbi 148
- Einhorn, Dovid 347
- Eizenstadt Ben-Zion, rabbi 164, 351
- Eizenstein, Y.-D. 127
- Eizentson, Yakov-Elie 335
- Eliasberg, gymnasium pupil in Slutsk 64
- Eliasberg, Shmuel 519
- Eliashiv, Tehila 733
- Eliashiv, Yitzchok 733
- Eliyohu ben Shloime Zalmen, aka Wilna Gaon, rabbi 99, 102, 127, 143, 251, 520, 653, 684
- Elleys, Herbert E. 773
- Enzil Yehuda-Leib, rabbi 91
- Ephroim (Froike) from Timkovichy, rabbi 569
- Ephron M., judge 253
- Ephron, Ber 125, 219
- Ephron, Feivl 6, 12, 194, 200, 210
- Ephron, Itka 210, 219
- Ephron, librarian in Slutsk 376
- Ephron, Yossef-Dov-Ber 210, 219
- Ephron, Moische 399
- Epstein (Feinberg), Sora 608
- Epstein (Shapiro), Feiga-Beila 602, 608
- Epstein Aryeh-Leib, rabbi 91
- Epstein Avrom, rabbi 42
- Epstein Avrom, aka Aba Ariha 7-9, 13-15, 166, 167, 172-174, 177, 182, 230, 257-261, 404, 414, 431, 443-445, 448, 449, 473, 474, 483, 542
- Epstein Binyomin, rabbi 590
- Epstein Haim-Fischl, rabbi 6, 12, 161, 553
- Epstein II, Avrom 166
- Epstein Menachem-Mendl, rabbi 236
- Epstein Moische-Mordechai, rabbi 244, 383, 592
- Epstein, Alter 651
- Epstein, Avrom-Boruch 545, 546
- Epstein, Boruch 6, 12, 161
- Epstein, Donia 286
- Epstein, Dvoira 187
- Epstein, Eliyohu 764
- Epstein, Ephroim 600
- Epstein, Haim 335
- Epstein, Kadish-Dov (Ber) 167
- Epstein, Leibl 749
- Epstein, Nohem 579, 602, 608
- Epstein, Norman 794
- Epstein, Rivka 772
- Epstein, Sasha 187, 189
- Epstein, Shmuel 553
- Epstein, Sholom 64, 73
- Epstein, Tzvi-Yakov 158
- Epstein, Yakov ha-levi 42
- Epstein, Yitzchok 600, 603-605, 608, 609
- Epstein, Zalmen 6, 144, 274, 600, 603, 604, 608, 609
- Epstein, Michl 552
- Epstein, Moische-Yehiel 167
- Epstein, Molly 706
- Ernboim, Henia 371
- Eshkol, Levi 790
- Eshman, crown rabbi in Slutsk 232, 280-281
- Ettinger, Akiva-Yakov 733
- the Evins, residents of Slutsk 285
- Fakin, Feitl 335
- Falk Yakov, rabbi 424, 434
- Fartan, Fania 773, 774
- Fartan, Zalmen 773, 774
- Feder, Yakov 639
- Feigenberg Yakov, rabbi 601
- Feigenberg, Ber 601
- Feigenberg, Sora 602
- Feigenberg, Yehoshua 602
- Feigenberg-Imri, Rachel 9, 15, 578, 601, 610
- Feiges, Chonon-Yakov 600
- Feiges, Yossef 593
- Feinberg, G. 55
- Feinberg, medical doctor in Slutsk 282, 307
- Feinberg, Yitzchok 56, 117, 167, 187, 283, 302, 347, 767
- Feinberg, Misha 577
- Feinstein Arn ha-levi, rabbi 236, 624
- Feinstein Dovid, rabbi 626, 627, 635
- Feinstein Eliyohu (Elinka Pruzhaner), rabbi 236, 625, 568, 570, 624, 625, 654
- Feinstein Yehiel-Michl, rabbi 597, 627, 631
- Feinstein Moische, rabbi 595, 597, 628, 630
- Feinstein Mordche, rabbi 627
- Feinstein, Dov-Ber 627
- Feinstein, Hana 633, 639
- Feinstein, Yitzchok 627
- Feitelson, owner of a bookshop in Slutsk 283
- Felaer, Yisroel 9, 15, 538-540
- Ferapontov, Yury 216
- Fialko, Haim-Hirsh 397
- the Fialkos, lumber merchants from Timkovichy 573
- Fikus, Avrom 555

- Filtser, rabbi 760
 Finkel Leizer-Yehuda, rabbi 149, 630
 Finkel Nosn-Tzvi, rabbi 248, 591
 Finkel, Avrom 774
 Finkel, Lea 774
 Finkel, Zecharya 309
 Finkel, Meer 732
 Finkelstein, Basia 649
 Finkelstein, brewer in Slutsk 308
 Finkelstein, Moishe-Gershon 9, 15, 582, 584
 Finkelstein, Mordche 649
 Finkelstein, Sora 584
 Fish, brothers from Verkhotino 566
 Fish, Moishe 656
 Fishel, Garry 140, 590
 Fishkin-Horn, Nosn 9, 15, 253, 536, 537
 Fleishchik, Elie (Elia the piper) 392–394
 Fleishchik, Hashka 394
 Fleishchik, Moishe 59
 Fleishchik, Shimen-Leib 59, 392–394
 Fleisher, Lea 10, 709
 Fogel, Moishe 177
 Fogelman L.-E., Dr. 7, 13, 315
 Folka, coachman from Timkovichy 573
 Fost, Dovid 777
 Frank Feivl, rabbi 244, 736
 Frank, Tzvi-Peissakh 243, 627
 Freinkman (Novoselsky), Leib 665
 Frenkel, Michael (Michl) 8, 14, 455
 Frenkel, Osher-Zelik 42
 Friedland, owner of a printing house 310
 Friedman, Haim-Yehoshua 373, 374
 Friedman, Shmuel 374
 Fulman, Yossef 76
 the Fulmans, renters in Hresk 663, 664
 Fursov, Matvey 528, 529
 Gabai, Lipa-Yom-Tov 189–190, 286, 347
 Gabai, Sheina 299
 Gafun, Moishe 335
 Galanson, prisoner of Slutsk ghetto 694
 Gdalya, ‘wonder-worker’ from the vicinity of Luban 582, 583
 Gelbard Gershon-Moishe, rabbi 571, 626
 Gelfand Haim-Yankl, aka A. Litvak 222
 Gelfand, Mones 668
 Gelfant, Riva-Lea 668
 Gendelewitz, Gershon 704
 Gendelewitz, Refoel 704
 Gendelewitz, Shloime 704
 Gershon Tanchum, rabbi 626
 Gershon Moishe, rabbi 101
 Gershonowitz, medical doctor in Timkovichy 573
 Gershuni, Grigory (Hersh-Yitzchok) 366
 Getzov, Tzvi-Hirsh 72, 136, 291, 301, 317
 Gibyanski, Yossef 100
 Gilchik, Lev (Leib) 577, 655, 656, 702
 Gilman, rabbi 592
 Gintzburg Evzel, baron 527
 Gintzburg Naftoli-Hertz, rabbi 89, 90, 234
 Gintzburg, Yossef 49
 Ginzburg, Shaul 232
 Girs, Minsk governor 664
 Gitis, Yitshe 659
 Glinik, teacher in Urechye 546, 566
 Gluskin, Leizer 353, 732
 Gluskin, Zeev 7, 13, 180, 349, 350, 353, 357, 732, 733, 737
 Gold Refoel-Tzvi, rabbi 140, 653, 814
 Gold Zeev, rabbi 6, 12, 137, 138, 140, 150–153, 653
 Goldberg Avrom-Pinchos, rabbi 659, 660
 Goldberg Elia, rabbi 520
 Goldberg Moishe-Issokhar, rabbi 6, 7, 8, 12–14, 153, 227, 308, 377, 428, 571
 Goldberg, Haim-Zeev-Wolf 383, 384
 Goldberg, Sam 777
 Goldberg, Shmerl-Noeh 189
 Goldberg, Stasia-Ela 166, 181, 182
 Goldberg, Yakov 396
 Goldberg, Yossef 167, 258
 Goldberg, Meer 573
 Golder, Monus 703
 Goldes, Yekusiel-Isaac (Kusi) 249, 475–478
 Goldman, counterman from Verkhotino 566
 Goldstein Alexander, Dr. 189
 Goldwasser, Yehoshua-Menachem 138
 Golubitsky, Shaya 799
 Golubitsky, Moishe-Yevel 798
 Gordin, Sam 767
 Gordin, Yakov 290
 Gordon Leizer, rabbi 158
 Gordon, Yehuda-Leib 9, 15, 492, 525, 527–531, 550
 Gorfinkel Yudl, rabbi 572
 Goriachikov, Hertzl 641
 Gorin, Lewis 777
 Gorin, Mordechai-Lipa 7, 9, 13, 15, 58, 279, 395, 525, 531–533
 Gorobin, Yitzchok-Yakov 77
 Gorodnitsky, Yankl 651
 Gotlober, Avrom-Ber 62
 Gozberg, guerilla warrior 702
 Graev, feldsher in Slutsk 282
 Graevsky, Matisyohu 77
 Granat, Shliomka 291
 Grebenschik, Berl 228, 304, 771
 Greenwald, Peissakh 552
 Greenwald, Meer 777
 Greissukh, Zeev 301, 302
 Grinberg, teacher in Kopyl 575

- Grinberg, Yehoshua 79
 Grinblat, Nosn 189
 Grinuk, feldsher in Timkovichy 574
 Grodzensky Haim-Ozer, rabbi 240, 630
 Gross, Ruven 737, 752
 Grozover, Nohem 466
 Grozovsky (Gur), Yehuda 8, 294, 442, 736
 Grozovsky (Rozovsky) Yossef, rabbi 630
 Grozovsky Berl-Haim, rabbi 550, 556
 Grozovsky, Tehila 736
 Grozovsky, Yehuda-Leib 14, 736, 749, 775
 Grozovsky, Yitzchok-Hillel 736
 Grunis (Landa), Haim 631
 Gurvitz, Fruma 550
 Gurvitz, teacher in Urechye 546
 Gutzeit, gymnasium pupil 64
 Gutzeit, Haim-Michl 9, 15, 295, 302, 533, 544, 704, 767
 Gutzeit, Leibush 61, 117, 142, 187, 283, 302, 348, 373, 390, 397, 544
 Gutzeit, Yasha 189, 348, 370
 Gutzeit, Zeev 187, 230, 259, 260, 287, 371, 414
 Ha-Givat (Hazanowitz), Tzvi 6, 8, 12, 14, 17, 191, 194, 203, 205, 413, 741, 786, 789
 Haim from Romanovo, rabbi 48, 49
 Haim, scribe from Slutsk 769, 770
 Haim, shoemaker from Romanovo 660
 Haim-Dovid the badchen, musician from Slutsk 308, 426, 427
 Haimke, elder in Kopyl 509, 517
 Haim-Leib, scribe from Slutsk 286, 303
 Haimowitz, Avigdor 685
 Haim-Yossef, teacher in Luban 594
 Ha-Kohen Boruch, rabbi 49
 Ha-Kohen Shabsai, rabbi 233
 Ha-Kohen Yossef-Dov, rabbi 659
 Ha-Kohen, Adam 612
 Ha-Koidesh Leibke, kabbalist in Kopyl 510
 Halber, Feivl 497
 Halevy Yossef-Dov-Ber, rabbi 134
 Halevy, Yehuda 103, 220, 434, 635
 Haller, Polish general 119
 Halperin Yom-Tov-Lipman, rabbi 138, 518, 519, 653
 Halperin, Levi-Yitzchok 566
 Halperin, Yehiel 404
 Halperin, Yisroel 732
 Halperin-Schneerson, Esther 177
 Handler, Meer 705
 Hannover, Nathan (Nosn-Nota) 234
 Ha-Parsi Noeh, rabbi 648
 Ha-Reuveni, Yossia 440
 Harinson Shimen, rabbi 244
 Harkavy (Katsnelson), Musia 177, 187, 189, 190, 220, 320, 358, 587, 728
 Harkavy, Yossef 57, 287, 728
 Harkavy, Moishe 190, 220, 287, 320
 Hartsman, Avremele 377
 Hasdai ibn Shaprut 635
 Hashes (Rivin), Berl 345
 Hasles, Noeh 510
 Haya-Rochl, Zionist in Slutsk 189
 Hazanowitz, Mordechai 8, 14, 169, 187, 256-260, 287, 288, 371, 376, 413, 414
 Hefetz Yoel, rabbi 164
 Hefetz, Tzvi 101
 Heine, Heinrich 347, 784
 Heller Yom-Tov-Lipman, rabbi 518
 Heller, owner of a firm in the USA 775
 Hemlin, Isaac 747
 Hen 9, 12, 13, 15, 564, 640
 Henkin Yossef-Eliyohu, rabbi 7, 13, 243, 250
 Hershowitz, Yakov 761
 Hertzl from Horki, rabbi 640
 Hertzl, Berl-Moishe 632
 Hertzl, butcher from Starobin 707
 Hertzl, Theodor 60, 165, 175, 182, 188, 341, 342, 346, 442, 547, 731, 733
 Hertzog Yitzchok-Isaac, rabbi 592
 Hess, Moishe (Moses) 346, 436
 Higer Moishe, Dr. 8, 14, 413, 418
 Hillel the scribe, shammes in Slutsk 536
 Hillel, melamed from Pohost 649
 Hillel, old sage 99, 337, 493
 Himlstein, Eidl 761, 762
 Himlstein, Peissakh 762
 Himlstein, Moishe 761, 762
 Hindes, Avrom-Ruven (Ruvnitz) 619, 620
 Hindes, Elie 619
 Hindus, Maurice (Gershon) 8, 10, 14, 16, 455, 456, 703, 706, 707, 746-748
 Hirshbein, Peretz 290
 Hirshbein, Yitzchok-Yakov 72
 Hirshke the cobbler, hazan in Starobin 618, 619, 630
 Hirsh-Leib, head of Volozhin yeshiva 106
 Hishke, Torah scholar in Slutsk 489, 490
 Hochmark Refoel-Yossef, rabbi 56
 Hochmark Yitzchok, rabbi 97, 535, 540
 Hodosh, Alexander (Shepshl) 319, 320

- Hofetz-Haim, aka Yisroel-Meer Pupko, rabbi 121, 589, 628, 769
- Hogben, Abram 200
- Hohenlohe, princess 558, 564
- Hopke, Robert 694
- Horeh, Feivl 9, 15, 281, 533, 534
- Horif Shloime ('Witty'), rabbi 91
- Hossid, Yakov 585, 598
- Hozhik, Besia 348
- Hurgin, teacher 641, 643, 644
- Hurgin, Yeshayohu 51, 65
- Hurvitz Shaul-Yisroel 435
- Hurvitz Yehuda-Yudl ha-levi, rabbi 42, 92
- Hyman Arn, rabbi 6, 12, 140
- Iskolsky Yakov, rabbi 611, 745
- Iskolsky, Grunia 611
- Isserlein Moishe, rabbi 139, 143, 349, 538
- Isserlein, Rivka 538
- Isserlein, Shahneh (Sholom-Shahneh) 48, 70
- Isserlein, Yehoshua-Isser 80, 82, 136, 349–351
- Isserlein, Yona 48, 70, 76, 538, 539
- Issokhar-Ber, rabbi 42, 92
- Ivanov, Dimitry 214, 232, 287
- Janushkewicz, medical doctor in Slutsk 282, 307
- Joach, Leiba 8, 14, 375, 427, 428
- Kabalkin Haim, rabbi 590–592
- Kabalkin Yehuda-Leib, rabbi 591
- Kadish, melamed in Slutsk 153, 229, 230, 309, 383
- Kafner Tsodik, rabbi 746, 747
- Kaganowitz, Moishe 10, 16, 577, 640, 655, 695
- Kahan, Haim 231
- Kahan, Isaac 703
- Kahan, Sam 746
- Kahan, Shmuel 764
- Kahan, Sonia 575
- Kahan, Yakov 8, 14, 276, 434, 447
- Kahan, Zecharya 703
- Kahan, Moishe 703
- Kaidanover Shmuel, rabbi 141
- Kalinin, Mikhail 218, 221
- Kalmanowitz, Yudl 396
- Kalonimus from Druya, rabbi 92
- Kaminsky, zionist in Slutsk 286
- Kanowitz Yossef, rabbi 127, 626, 755
- Kantor, Nisl 575
- Kantor, Y. 9, 15, 559
- Kantor, Moishe-Yitzchok 563
- Kantorowitz Yakov, rabbi 571
- Kantorowitz, N. 7, 13, 319
- Kantorowitz, Pinchos (Pinia) 685
- Kantorowitz, Mendl 301, 317
- Kapchitz, Eliyohu 7, 13, 333
- Kapchitz, Sora-Rivka 621
- Kapchitz, Moishe-Haim ben Yehuda-Leib, aka Moishe Nomis 621–623
- Kaplan Elka, aka Elisheva Eshkol 213
- Kaplan Shimen, rabbi 360
- Kaplan Yehezkel-Zusman, rabbi 626
- Kaplan Yekusiel ha-kohen, rabbi 5, 11, 133
- Kaplan Yossef-Leib, rabbi 623
- Kaplan, Gitl 666
- Kaplan, Haim-Zelik 598
- Kaplan, Shmaryahu 335
- Kaplan, Yakov 232
- Kaplan, Yisrolik 708
- Kaplan, Zalmen 335
- Kaplan, Zosia 639
- Kaplan, Meer 232
- Kaplan, Mendl 667
- Kaplan-Kopelev, Dina 177
- Kapulchik (Kopylsky), Mote 271, 273, 478–480
- Kapusta (Bozhanka), Philipp 577, 655, 656
- Karasik (Fleischik), Nechama 725
- Karasik, Leib 299
- Karasik, Yakov 725–727
- Karasik, Michl 725
- Karhan, Eliyohu-Moishe 654
- Karmin, businessman), 187, 301
- Karon Paysakh, aka Paysakh Ezres 8, 14, 70, 165, 227, 284, 421, 423, 426, 483
- Karon, Avigail 483
- Karpenshprug (Kobrin), Mordche 178
- Karpman, M. 166, 168, 257, 317
- Karpowitz, Aksentyi 707
- Kasinov, Egor 76
- Katanian, Ruben 221
- Katsenelenbogen Avrom, rabbi 92, 133
- Katsenelenbogen Nohem, rabbi 89, 234
- Katsenelenbogen Meer, rabbi 89
- Katsenelenbogen, medical doctor from Nesvizh 573
- Katsenelson Ben-Zion, rabbi 454
- Katsenelson, Dovid 566, 730–732
- Katsenelson, Yakov-Binyomin 654
- Katsenelson, Yitzchok 195, 448, 449, 483, 484, 654, 757
- Katsnelson, Berl 643
- Katsnelson, Boruch 8, 14, 306, 452
- Katsnelson, Dov-Ber 586
- Katsnelson, Haim 600
- Katsnelson, Raitsa 286
- Katsnelson, Tamara 593
- Katsnelson, Yitshe 306
- Katsnelson, Yitzchok 230
- Katsnelson, Moishe 167, 182, 258, 371, 407, 414

- Katz D., rabbi 6, 138, 150
 Katz Dov, rabbi 12, 653
 Katz Hirsh, rabbi 47
 Katz Nehemya, rabbi 597
 Katz, director of a sawmill
 in Starye Dorohi 642
 Katz, Ruven 243
 Katz, Shimen 732
 Katz, Sora 647
 Katz, Yona-Nohem 233
 Katz-Ashkenazi Meer, rabbi
 233
 Kavalerchik, Yankl 652
 Kaveh, Eliyohu-Boruch
 286
 Kavelin, aide-de-camp 77
 Kazak, Feitl 575
 Kazak, Haim-Leib 575
 Kazak, Yakov-Moishe 575
 Kazakewitz, Sara 641
 Kazhdan Lazar, Dr. 575
 Kazhdan, Bashka 694
 Kazhdan, Leizer 671
 Kazhdan, Roza 575
 Kazhdan, Teibl 574
 Kazhdan, Yehiel 670
 Kazhdan, Yitzchok 574
 Kazhdan, Meer 575
 Kazhdan-Aizenson, C. 9,
 15, 670
 Kazhdan-Nachmani, Sonia
 9, 15, 573, 749, 751
 Kerzhner, Anatoly 799
 Khmelnytsky, Bohdan 233,
 323
 Khvolson, Daniel 105
 Kievitsky, Nachman 573
 Kievitsky, Velvl 573
 Kikoin, Basia-Malka 596,
 600
 Kikoin, Belka 599
 Kikoin, Bluma 598
 Kikoin, Lipa 17
 Kikoin, Yossef 9, 15, 598,
 599
 Kikoin, Mordche 596
 Kirzhner, librarian in Bo-
 bruisk 313
 Kitaewitz, Eliyohu-Yona
 549
 Kitaewitz, Yakov 280
 Klauzner, Yossef 343, 432,
 448, 449, 731
 Kleinman, Sora 758
 Kletzkin, Boris 390, 643,
 668
 Klotz Nosn, Dr. 14, 431,
 432, 746, 747
 Klotz, Zelik 299
 Klotz, Mina 777, 778
 Klunes Noeh-Yitshe, aka
 Noeh the candlemaker
 547-548
 Klutz, Dr. 229
 Kohen Boaz, Prof. 160
 Kohen Boruch, rabbi 572
 Kohen Pinchos, rabbi 572
 Kohen Yitzchok, rabbi 572
 Kohen, Dov 182, 256-260
 Kohen, Zelda 764
 Koifman Yitzchok-Arn,
 rabbi 572
 Komsicher, Peissakh 569
 Konki Avraham bar Levi,
 rabbi 233
 Konotopsky Tzvi-Dov, rabbi
 572
 Konotopsky, Meer 572
 Kopl, blacksmith from
 Vyzna 559
 Kort, judge from Minsk
 252, 253
 Kosowsky, Dovid 77, 100
 Kostukowsky, Eizl 732
 Kot I., Dr. 749
 Kotler Arn, rabbi 246, 252,
 379, 381, 384, 572
 Kotler Shneur, rabbi 229
 Kotser Dovid, rabbi 735
 Kotser Shimen, rabbi 735
 Kotser, Aryeh 724, 725
 Kotser, Shmuel 735
 Kotser, Sora-Zlata 735
 Kozachinsky, Mikhail 41
 Krakowski, cardinal 120
 Krakowsky Menachem,
 rabbi 570, 571
 Krasnitz Yitzchok-Haim,
 rabbi 630, 631, 732
 Krawczyk, Avrom-Nachmen
 636
 Krawczynski Yakov-Meer,
 rabbi 6, 12, 137-139,
 150, 653
 Krawczynski, Frida-Dvoira
 139
 Kreines, Yossele 291
 Kreinin, Zionist from Wilna
 188
 Kreinis Dovid, rabbi 164
 Kremer, Sheptl 229, 346
 Kremer, Sora 315
 Krepakh, Fania 190, 348,
 371
 Kriakov, Russian officer
 549
 Krigstein, Haim-Zusl 555
 Krik, Avrom 335
 Kriner, Yossef 374
 Krinover, Ara 552
 Krinsky, Velvl 396
 Krivitsky, Haim 8, 14, 420,
 421, 633
 Krivitsky, Sima-Rochl 639
 Kube, Wilhelm 692
 Kuk Avrom-Yitzchok, rabbi
 138, 151, 413, 590
 Kulak, constable in Hro-
 zovo 555, 744
 Kulak, Moishe 745
 Kulkes, Menachem-Tzvi
 80-82
 Kuntzer, Haim 9, 15, 647,
 649, 651
 Kuntzer, Riva 651
 Kuntzer, Tzvi-Dovid 651
 Kuratsewitz, landlord in
 Slutsk 280
 Kushes, Sora 299
 Kustanowitz, Dovid 335
 Kustanowitz, Tzvi 335
 Kustanowitz, Yakov-Moishe
 596
 Kustanowitz-Povarsky,
 Dovid 630, 631, 732
 Kvartalner, Dovidl 375
 Labus, teacher in Slutsk
 398
 Labuznov, police officer in
 Slutsk 77
 Lachman Ovadya, rabbi
 244
 Lampert, William (Zeev)
 751, 764
 Landa Shloime-Dov, rabbi
 618, 627, 635
 Landa Shmuel, Rabbi of
 Hlusk 547
 Landa Shmuel, Zionist in
 Slutsk 371

- Landa, Betzalel 72, 77, 80
 Landa, Yehuda 72
 Landa, zionist in Slutsk 189
 Landau, Noah 347, 371
 Landes, residents of Slutsk 287
 Landesman, Hillel 716
 Lang, H. 7, 13, 335, 336
 Lankritz, tradesman in Starye Dorohi 641
 Lapidus, Yisroel 695
 Lazerov Yehuda-Leib, rabbi 755
 Lea from Horki, resident of Slutsk 427, 428
 Lechtroler, Franz 694
 Lefrak (Shwartz), Sora 745–748, 750–752, 763
 Lefrak, Arn 762
 Lefrak, Harry (Hirsh-Meylekh) 19, 27, 745–748, 750–752, 762–764, 796
 Lefrak, Shmuel 764
 Lehojda, landlord in Hrozovo 549
 Leibkes, Avreml 636
 Leibowitz Boruch-Ber, rabbi 6, 12, 146–148, 178, 237, 238, 383, 548, 569, 618
 Leibowitz Yeruhem ha-levi, rabbi 589
 Leibowitz, Avrom 589
 Leibowitz, Hasha 589
 Leibowitz, Lipa 280
 Leibowitz, Ruven 595
 Leibowitz, Shmuel 383
 Leibowitz, teacher from Urechye 399, 545
 Leizer, melamed in Timkovichy 569, 575
 Leizerke, son of Rabbi of Kopyl 509, 514
 Leizer-Lipa, renter in Chepely 753
 Leizer-Yankl, talmudist in Kopyl 510, 511
 Leizer-Zalmen, rabbi 397
 Lekkert, Hirsh 344
 Lensky, actor 289
 Leswitz, judge 77
 Lev, Ashke 190, 371
 Levin Aryeh, rabbi 6, 12, 135
 Levin, Boruch 663
 Levin, Dovid 750
 Levin, Shmaryahu 450
 Levin, Yisroel 8, 14, 437
 Levinsky, Elchonon-Leib 448, 609
 Levinson, Gershon 747
 Levinson, medical doctor in Timkovichy 573
 Levinson, Moishe 230, 267
 Levinzon Yitzchok-Ber, aka Rival 612
 Levitan Eliyokum-Hetzl, rabbi 238
 Levner, Yisroel-Binyomin 295
 Liata, shammes in Slutsk 346, 534
 Libes, Freida-Haya 573
 Lider Haim-Yossef, rabbi 654
 Lider Yisroel-Yakov, rabbi 654
 Lider, Meer 279
 Lif, Haim 620
 Lif, Shmuel 547
 Lifshitz Shloime-Zalmen, rabbi 92
 Lifshitz Yakov-Tzvi, Dr. 405
 Lifshitz, Binyomin 631
 Lifshitz, Boruch 197, 199, 200, 203, 205, 209, 740–742
 Lifshitz, Dov-Ber 73, 100
 Lifshitz, Feivl 53, 84, 180, 369
 Lifshitz, Haim 631
 Lifshitz, teacher at Tarbut school in Slutsk 231
 Lifshitz, Yakov 631, 644
 Lifshitz, Zelik 631
 Lilienblum, Moishe-Leib 62, 492, 609
 Liliental, Max 467, 654
 Lipitz, Dovid 694
 Lipman M., crown rabbi 77, 80
 Lipman, rabbi 47, 95
 Lis-Barhan, Feigl 286
 Lisbrun, Yossef 181
 Lisitsky, Ephroim-Eliyohu 8, 9, 14, 15, 229, 259, 276, 278, 383, 385, 431, 448, 450, 451, 488
 Litt, Lewis 775
 Litvak, Peissakh 177
 Lohse, Hinrich 692
 Lunski, Haim 6, 95, 106, 128
 Luria Shloime (Maharshal), rabbi 89
 Luria Yehiel, rabbi 89
 Lusternik, external student in Slutsk 317
 Luzzato, Shmuel-David 431, 432, 435
 Lvowitz Ruven, rabbi 597
 Lvowitz Mones, rabbi 332
 Lvowitz, Berl 711
 Lvowitz, Esther-Rochl 711
 Lvowitz, Fania 713
 Lvowitz, Nehemya 647
 Lvowitz, Yisroel 732
 Madotsky, Yakov (Yankele) 721, 722
 Magdiel, Shmuel 77
 Magid (Steinschneider), G.-N. 5, 6, 11, 133, 143, 164
 Maharshak, Alter 187, 194–196, 307, 554, 649
 Maharshak, Kreina 199, 200, 209
 Maharshak, Miriam 6, 12, 141, 740
 Maharshak, Ruven 82
 Maharshak, Shimen 14, 17, 197, 205, 399, 438, 643, 644, 741
 Maharshak, Shmuel-Dov 5, 6, 12, 141, 142, 740
 Maharshak, Shmuel-Dovid 99, 100
 Maimon, Solomon 104
 Maisel, Avrom 17, 20, 28, 709, 764, 765, 770, 776–778, 790
 Maisel, Eitan 718, 719
 Maisel, Hana 220, 718
 Maisel, Hava 765
 Maisel, Haya (née Ravitch) 17, 20, 28, 224, 764, 765, 776–778
 Maisel, Moishe-Leib 765
 Maisel, Yehuda 718, 749
 Maizus Shmuel-Yitzchok, rabbi 571

- Makkabi, Zundl 74
 Malbim, rabbi 367, 368, 659
 Malin, Boruch 710
 Malin, Yitshe-Yakov 596, 597
 Mamosh, Peissakh 229
 Mandel, teacher in Timkovichy 575
 Mane-Katz, artist 121
 Maniuk, Zelik 284, 372
 Mapu, Avrom 346, 356, 423, 599, 612
 Marakhovsky, medical doctor in Slutsk 289
 Margoles Moishe-Zeev, rabbi 357
 Margolin, Avrom 639
 Margolin, Dovid 666
 Margolin, Yankel 633
 Margolin, Mordche 633, 635, 638
 Marhon, Yossef 641, 644
 Markus, Garry 745
 Marmor, Nisn 612
 Marmor, Rochl 639
 Marmor, Yakov 639
 Martynov, guerilla commissar 655
 Mas, Yakov 738
 Masha, Yankl 544
 Mashevsky, medical doctor in Slutsk 72
 Maslyansky (Mashkes) Haim, rabbi 358
 Maslyansky, Avrom-Yitzchok 164
 Maslyansky, Rivka 358
 Maslyansky, Tzvi-Hirsh 7, 13, 61, 62, 358, 359, 675, 738, 745
 Matskewitz, Mordche 573
 Matskowitz, Shloime 576
 Maze, Oyzer 656
 Mazya, Shaul 42
 Mechanik, Hana-Haya 299
 Mechanik, Tevye (Tuvia) 257, 299
 Mechanik, Yossef 166, 257, 300
 Meer dubbed Wonderworker, rabbi 300
 Meer the shoemaker, employee of progressive heder in Slutsk 258
 Mekhnivicher, Yisroel 708
 Melamed, Osher 631
 Melamed, Mutia 749
 Melnik, barber in Slutsk 705
 Meltser A., medical doctor in Slutsk 55, 56, 165, 167, 282
 Meltser Isser-Zalmen, rabbi 95, 96, 119, 137, 138, 142, 143, 153, 158, 178, 229, 236-239, 243-246, 252-254, 275, 331, 337, 344, 346, 370, 374, 377-379, 384, 386, 412, 413, 418, 419, 533-535, 592, 626, 688, 728, 736, 769, 780, 786
 Meltser Shraga-Feivl, Dr. 8, 14, 321, 412, 706
 Meltser Yehuda-Tzvi, rabbi 6, 7, 12-13, 153, 246, 706, 749
 Meltser, Beila-Hinda 736, 737
 Meltsin Shmuel, rabbi 6, 12, 143
 Menachem, Sh. 6, 12, 165, 183
 Menachem-Ari, rabbi 679
 Menachem-Mendl, rabbi 72, 92, 547, 558
 Menachem-Monish, rabbi 92
 Menaker, Haim 702
 Mendele, rabbi 6, 12, 113, 136, 137, 236, 237, 349
 Mendelewitz, clan in Slutsk 787
 Mendelowitz Moishe-Yakov, rabbi 558, 559
 Mendelson, Simha (Felix) 631
 Mendelson, Yitzchak-Yakov 631
 Mendelson, Moses 501, 519
 Mendl, elder at Isserke synagogue in Slutsk 349
 Menke, Sender 708
 Menkin, judge 254
 Meyers, Avrom 97
 Migdal Sh., philanthropist in Slutsk 52
 Migdal, insurance agent in Slutsk 285
 Mikhalevitz, Beinush 7, 13, 387
 Mikhoels, Leibl 573
 Miller, Henry 455
 Mines, Yankel 306
 Minz, Haim 72
 Mirsky, Avrom 166, 171, 172, 174
 Mishalov, woman from Slutsk 705
 Mizel, Haim-Simha 661
 Mlodinov, Daniel 10, 16, 693, 694
 Mlynski, zionist from Slutsk 189, 347
 Mohilever Shmuel, rabbi 138
 Moishe from Liakhovichy, rabbi 380, 381
 Moishe from Radom, rabbi 91
 Moishe, glazier from Starobin 619, 762
 Moishe, horse-dealer from Starobin 616
 Moishe, son of rabbi Peissakh, rabbi 89
 Moishe-Arn, butcher from Starobin 635
 Moishe-Arn, egg-dealer from Slutsk 299
 Molodetsky, Nohem 395
 Mones, Alter 713
 Monomakh, Vladimir 34, 478
 Morgenstern, Yossef 7, 13, 364
 Moshalov, Moishe 77
 Mozesson, Yoel-Dovid 243
 Myshalov, mill owner 283, 302
 Myshalov, Rochl 766
 Myshalov, Yitzchok 766, 777
 Myshkovsky, Klara 230, 348, 399
 Myshkovsky, Leib (Leo) 230, 288, 348, 399

- Nachman (Nachmanovitz), Shimshon 7, 8, 13, 14, 17, 20, 168, 230, 253, 256–259, 411, 412, 414, 532, 748, 749, 751, 752
- Nachmanovitz, Sender 253
- Nadson, Semyon 347
- Naftoli-Tzvi, rabbi 6, 69, 143
- Nankin-Oklyansky Avner, rabbi 572
- Natalewitz, Haim-Ben-Zion 243
- Nechama-Lea, mother of rabbi Haim Kabalkin 590
- Neha the shochet, butcher in Slutsk 307
- Nehemiah of Yeruzelim, rabbi 6, 12, 154, 155, 158, 370, 585, 586, 588, 596, 600
- Nehemya, son of shochet Yakov from Luban, rabbi 595
- Nehes, Sheine-Lea 580
- Nehes, Moishe 580
- Neiburg, Isaac 745, 746
- Neikrug (Noeh), Shloime 194
- Neikrug, Yossef-Shmuel 272, 273
- Nek Yitshe, madman in Slutsk 267
- Nekritz, Azriel 6, 12, 194, 196, 199, 200, 203–205, 208, 231, 288
- Nekritz, innkeeper in Slutsk 307, 685
- Neuman, Dr. 530
- Neyburg, envoy from New York 292
- Neyman, innkeeper in Slutsk 307
- Neymark Aryeh-Leib, rabbi 6, 12, 140, 141, 281, 310, 346, 429, 647, 674, 755
- Neymark, Dovid 190
- Neymark, Moishe 561
- Nikolai I, tsar 128, 247, 361, 510, 595, 771
- Nikolai II, tsar 123, 214, 289, 378
- Nikolai Nikolaevich, grand prince 212
- Nisenzon, Arn 8, 14, 456
- Nisenzon, Dovid 284
- Noeh 6, 10, 12, 16, 187, 685
- Noeh, son of rabbi Dovid from Romanovo 48
- Noeh-Eliyohu, shochet in Horki 665, 667, 669
- Nosn-Note, rabbi 91
- Note-Hirsh, mashgiach at the yeshiva of Slobodka 310
- Notes, Tehila 294, 374
- Notes, Yitshe 294, 374, 770
- Nozik, Avrom-Yitzchok 190, 197, 737, 738
- Nozik, Gitl 666
- Nozik, Hillel 303, 554
- Nozik, Yossef 9, 15, 664, 669
- Nozik, Zeev 666
- Oborsky, headman of Keidany 39
- Olelko, Alexander 34
- Olelkovich, princes in Slutsk 34, 37, 549, 670
- Olshansky, Haim-Berl 427
- Oppenheim Tzvi-Yakov, rabbi 143, 238
- Ornstein Tzvi-Hirsh, rabbi 538
- Osher, rabbi 91
- Oshmianer (Slonimer) Mordchele, rabbi 106
- Osovsky, Yehuda-Zeev (Leib-Wolf) 597, 598
- Osovsky, Maurice 745–747, 755
- Ostrover, Dovid-Leib 666
- Ostrovskiy, Radoslav 290
- Ostrovsky Binyomin, Dr. 182
- Ostrovsky, Avrom 637
- Ostrovsky, Gershon 351
- Ostrovsky, Haim 599
- Ostrovsky, Tz. 587
- Otser, Misha 695
- Otshapovsky, son of judge in Slutsk 221
- Ovadya, rabbi 684
- Paichik Arn, rabbi 51
- Paleyev Moishe-Arn, rabbi 9, 15, 566, 567, 572
- Panchikovsky, owner of a drugstore in Slutsk 301
- Paperna, Avrom-Yakov 5, 8, 9, 11, 14, 15, 99, 102, 454, 455, 506
- Papok Pinchos, rabbi 358
- Pappenkort, Willie 694
- Paricher Shmuel, rabbi 146, 547
- Pasmanik Daniel, Dr. 189
- Pasmanik, Avrom 630, 634
- Pasmanik, Breina-Rochl 639
- Patt, Yakov 7, 13, 310, 311
- Peimer Meer, rabbi 5, 11, 66, 68, 78, 93, 95–97, 99, 100, 114, 115, 130, 234, 247–249, 337, 444, 477, 663, 767, 781
- Peimer Yossef (I), father of rabbi Meer, rabbi 5, 80, 93, 97, 99, 100, 102, 103, 106, 130, 137, 178, 247, 275, 410, 477, 519, 539, 624
- Peimer Yossef (II), grandson of rabbi Yossef Peimer I, rabbi 5, 11, 96, 97, 114–122, 125, 231, 234, 244, 386, 444
- Peimer, Alta-Elka 122, 123
- Peimer, Haim-Avrom 5, 11, 116, 125
- Peimer, Rivka 101, 410
- Peimer, Yisroel 102, 103
- Peimer, Musia 348
- Peissakh from Mysh, rabbi 493–496, 790
- Peissakh, melamed from Starobin 618, 619
- Peissakh-Arn, rabbi 69
- Peissakhowitz Haim, rabbi 640, 641
- Pekar, Leivik 656
- Pekar, Roza 656
- Peker, Elie 702
- Peker, Zusha 194
- Perelman Yeruham Yehuda-Leib, rabbi 572, 626, 663
- Perelman, Yisroel 556
- Peretz, rabbi 95
- Peretz, Yitzchok-Leibush 7, 13, 305, 346, 390, 391, 408, 448

- Perkal, lawyer in Slutsk 297
- Perles, Shloime 569, 575
- Perlin, Avrom-Moishe 568-570, 573
- Perlov, Moishe-Arn 239
- Pesin Avrom-Arn, rabbi 6, 12, 163, 164, 546
- Petkewitz, lawyer 206
- Petkun, teacher at the college of Slutsk 267
- Petliura, Symon 207, 209, 322, 323
- Pevzner, Zelda 642
- Piholtz, Rochl 706
- Pikulsky, priest 43
- Pines, G.-D. 66
- Pines-Kotler Arn, rabbi 239
- Pinke, bath attendant from Kopyl 513-515
- Pinsker, Leon 62, 346
- Pinski, Dovid 754
- Pisarewitz, Shmulik 708
- Pisetsky (Pozes-Perry), Moishe-Ruven 767, 768
- Pisetsky, Gershon 767
- Pisetsky, Shifra 767
- Pisetsky, Shimka 767, 768
- Plehve, Vyacheslav von 341, 389
- Podlipsky, Mote (Matisyohu) 335
- Polyachek Shloime, rabbi 148
- Polyak Yakov, rabbi 715, 789
- Polyak, coowner of a saw-mill in Starye Dorohi 586, 640-642
- Polyak, Michl 19, 20, 27, 733
- Polyak, Michl 376
- Polyak, Nohem 20
- Polyak, Shevach 20
- Polyak, Yankl 376
- Popov, carpenter in Slutsk 705
- Porfiriev (Golubitsky), Klara 797
- Porfiriev Andrei, Dr. 10, 16, 797, 799
- Portman Shimen, rabbi 622
- Portman Yisroel-Tanchum ha-kohen, rabbi 628, 629, 632, 677
- Portman Zelik (Shimshon), rabbi 379, 597, 628-629, 632
- Portman, Leizer 632, 633
- Portman, Moishe-Mordche 79
- Potapov, Alexander 76
- Pozniak, Yoshka 308
- Pras, Moishe-Mordche 659, 661-663
- Prilutsky, Noeh 121
- Prince, Benjamin 775
- Privishier, Avreml 708
- Prizhivitser, Velvl (Zeev) 227, 330
- Prokhovnik, fireman in Slutsk 280
- Prokop, resident of Kuzmichy 583
- Pruskin Peissakh, rabbi 245
- Raavad, Aryeh-Leib 48
- Rabinowitz Avrom, rabbi 141
- Rabinowitz Eliyohu-Dovid, rabbi 66
- Rabinowitz Leizer, rabbi 150, 160
- Rabinowitz Noeh (Neichke), rabbi 569
- Rabinowitz Yechiel-Michl, rabbi 6, 12, 143, 630
- Rabinowitz Yehoshua, rabbi 626
- Rabinowitz, Berl 221
- Rabinowitz, Boaz 130, 584
- Rabinowitz, Esther 573
- Rabinowitz, Grunem 573
- Rabinowitz, Haim 641
- Rabinowitz, Moishe 575
- Rabinowitz, Naftoli 556
- Rabinowitz, Shmuel-Grunem 576
- Rabinowitz, Yelena 575
- Rabinowitz, Yitzchok-Leib 229
- Rabkin, lumber merchant in Starye Dorohi 641
- Rachkewitz Arn, rabbi 568, 572
- Rachkewitz Yisroel-Dovid, rabbi 572
- Radunsky Z., Zionist in Slutsk 187
- Radziwill, Boguslav 33, 38-40
- Radziwill, Hieronim 41, 682, 683
- Radziwill, Jan 34
- Rakhlin, Haya 769
- Rakhlin, Shmuel 768, 769, 777, 778
- Rakhlin, Sonya 768, 769
- Rakhmilewitz, Lea 297
- Rakhmilewitz, Yehuda-Leib 630
- Rakhmilewitz, Yitshe 297
- Rakhmilowitz, Nachmen 631
- Rakman Imanuel, rabbi 10, 16, 779
- Rakova, owner of a photo studio in Slutsk 309
- Rakowitz, feldsher in Pohost 649
- Ralf, Maurice 772
- Rambam 96, 103, 106, 113, 114, 134, 248, 363, 499, 519, 526, 535, 571
- Rapoport Haim ha-kohen, rabbi 92
- Rapoport Shlomo-Yehuda-Leib, rabbi 104, 105
- Rapoport, A. 66
- Rapoport, Rochl-Lea 639
- Rapoport, Yitzchok 639
- Rapp, lawyer 207
- Rappoport, Yedidya 708
- Ratner, Arn 735
- Ratner, Avremele 371
- Ratner, Haim 735
- Ratner, Hana 166, 182
- Ratner, Henia 298
- Ratner, Isaac 167, 298
- Ratner, lawyer in Slutsk 167, 297, 317
- Ratner, Nisn 298
- Ratner, Yehudith 181
- Ratner, Merka 221
- Ratner, Moishe 167, 298
- Ratskewitz, Arye-Gershon 573
- Rawitz, A. 222
- Rawitz, Alta 765

- Rawitz, Yehiel 224
 Rawitz, Meer-Velvl 765, 766
 Razgon, Yakov 639
 Razran, Tzvi (Gregory), Prof. 7, 13, 189, 346, 347
 Refoel-Yosl, tailor and Talmudist in Slutsk 9, 15, 188, 303, 359, 360, 405, 521–524, 787
 Regelson, Avrom 8, 14, 453, 454
 Regelson, Shmuel-Yossef 227
 Reichman (Osovsky), Motlia 770
 Reichman, Any 770, 771
 Reichman, Eliyohu (Alex, Alexander) 17, 20, 28, 770, 771, 777, 778, 790
 Reichman, Feitl 770
 Reichman, Haim 771
 Reikhlín (Rich) Yakov, rabbi 572
 Reikhlín Avrom, rabbi 572
 Reines Yitzchok-Yakov, rabbi 56, 58, 71, 245, 342, 731
 Reinhold, Abramchik 650
 Reisser, Shmuel 169, 283, 613
 Reisser, Meer 72
 Rep, lawyer in Slutsk 297
 Reznik, Hertzl 665, 666
 Reznik, Rochl 665, 669–670
 Reznik, Sender 641
 Reznik, Shmuel (from Urechye) 546
 Reznik, Shmuel-Shaul (from Horki) 665, 667, 669, 670
 Reznik, Malka 633
 Reznik, Michl 546
 Rich, Fania 774
 Rich, Yakov 774
 Rips, Meer 308
 Riva, healer from Slutsk 284
 Rivin, Eliezer 739
 Rivin, Refoel 8–10, 14, 15, 420, 632, 633, 635, 676, 709
 Rivin, Ruven 448
 Rivin, Shimka 767
 Rivin, Yehiel 726, 739
 Rivka, midwife in Slutsk 473, 475
 Rivkis, Avremele 552
 Roginsky, medical doctor in Timkovichy 573
 Roker, Rudolf 445
 Rolnik (Epstein), Yentl 771, 777
 Rolnik, Arn 17, 220, 283, 771, 777, 778, 790
 Rosenberg, Ephroim 410
 Rosenberg, teacher at the college of Slutsk 267
 Rosenberg, Yehiel-Yakov 243
 Roshal, Ilya 798
 Rosomakha, Sora 647
 Rovnitz, Feiga-Lea 639
 Rovnitz, Haim-Simha 10, 16, 707
 Rovnitz, Haya-Lea 639
 Rovnitz, Lea 639
 Rovnitz, Noeh 258, 259
 Rovnitz, owner of a bookshop in Slutsk 169
 Rovnitz, Ruven 639
 Rovnitz, Yossef-Eliyohu 371
 Rovnitz, Mordche 633, 639
 Rozenbaum, Shimshon (Semyon) 162, 168
 Rozin Yossef, rabbi 113, 236
 Rozover, Feivl 550
 Rozovsky Shimen, rabbi 654
 Rozovsky, Yossef ben Mordche, rabbi 630, 732
 Rozovsky, Meer 674
 Rubinstein from Wilna, rabbi 229
 Rubinstein Yitzchok, rabbi 769
 Rubinstein, Aryeh-Leib 73
 Rubinstein, Eliyohu 82
 Rubinstein, owner of a bookshop in Slutsk 283
 Rubinstein, Zalmen 280
 Rukhaver, Dvoira 713
 Rukhaver, Haim 713
 Rulf Yitzchok, rabbi 78
 Rulgin, Fruma 633
 Rusak, Haim 707
 Ruvka, grain merchant in Slutsk 311, 312
 Rydz-Smigly, Edward 120
 Ryklin, Leibl 788
 Ryklin, Vira-Dina 788
 Ryklis, Feivl 366
 Rysin, Simha 540
 Ryzhitser, Dovid 666
 Ryzhitser, Moishe-Hetzl 666
 Sadovsky, Boruch-Kalmen 708
 Sadovsky, Falia 573, 575
 Sadovsky, Shabsai 639
 Sadovsky, Sora 639
 Sadovsky, Velvl 575
 Sadovsky, Yehuda-Leib 166, 167, 174
 Salant Yossef-Zundl, rabbi 756
 Salant, Zundl 756
 Salanter Dovid-Yehuda, rabbi 756
 Salanter Yisroel, rabbi 104, 237, 240, 244, 249, 251, 756
 Salanter, Alter 501
 Salop, lawyer in Slutsk 297
 Sandomirsky Osher, rabbi 6, 7, 12, 13, 143, 229, 252, 256, 381, 384
 Sapega, count 320
 Sawicz, catholic priest in Slutsk 137
 Schik Yakov, aka Boruch, son of rabbi Yaakov (Schklover), rabbi 6, 12, 133
 Schildkraut, Lev (Leib) 117, 120, 142, 166, 216, 282, 307, 317, 348, 370, 384–386, 409, 427, 579, 601, 746
 Schneerson Yossef-Yitzchok, rabbi 16, 679, 682
 Schulman, Eliyohu 7, 13, 283
 Schulman, Kalmen 612
 Schulman, Shmaryahu 553
 Schulman, Yossef 664

- Schulman, Moishe 640
 Schultz, Fritz 565
 Schweidel, Nachman 187, 230, 259, 612, 613
 Schweidelson, Yisroel 10, 16, 19, 27, 743, 745-748, 750, 752
 Segal, Haim-Yitzchok-Isaac 309, 310
 Segalowitz, Nohem-Yidl 666
 Seiman, Binyomin 706
 Selitsky, medical doctor in Slutsk 216
 Semel Yitzchok-Isaac, rabbi 597
 Shabsai Tzvi 43, 688
 Shabsai-Oyzer from Wilna, rabbi 558
 Shahneh the shammes from Slutsk 8, 14, 143, 418-420, 428
 Shaikowitz, businessman in Slutsk 167, 187, 301
 Shakharowitz, Ruven 122
 Shakluta, christian family in Slutsk 286
 Shamash Nohem, rabbi 360
 Shammai, old sage 99, 337, 491, 493
 Shapiro Aryeh-Leib, rabbi 97
 Shapiro Avrom-Dov, rabbi 138
 Shapiro, Arn 732
 Shapiro, Aryeh 17, 177, 197, 220, 304, 749, 751, 752, 789
 Shapiro, crown rabbi 166, 353
 Shapiro, Necha 377
 Shapiro, Refoel 663
 Shapiro, Shloime-Zalmen 82
 Shapiro, Sora 650, 651
 Shapiro, Yitzchok (Yitshe the shochet) 569
 Shapiro-Mechanik, Pesia 7, 13, 298, 749, 751
 Shashkes, Moishe 178
 Shaul the Silent, blacksmith from Horki 667
 Sheinboim Yitzchok-Yakov, rabbi 539
 Shelkhowitz, prosecutor 200
 Shereshevsky, rabbi 575
 Shevelev Avrom-Moishe ha-levi, rabbi 6, 12, 134
 Shifeer (Maharam), rabbi 356
 Shifrin, innkeeper in Timkovichy 573
 Shilo, Azriel 647
 Shimen dubbed Treifer, assistant of shammes in Slutsk 297
 Shimen, coachman from Horki 666
 Shimen-Yehuda, shammes in Slutsk 48
 Shiniavker, Lipa 346, 766, 771
 Shisgal Avrom-Yitzchok, rabbi 379, 386, 597
 Shisgal, Elie-Moishe 597
 Shkolnik, Berl 762
 Shkop Shimen, rabbi 630
 Shleimowitz, Avrom-Ber 703
 Shlimowitz, Nosn 639
 Shlimowitz, Yossef 637
 Shloime dubbed Kohen, farmer from Horki 666
 Shloime from Volozhin, yeshiva student 178
 Shloime the magid, rabbi 44
 Shloime, Torah scholar from Slutsk 679-682
 Shmonis (Segalowitz), Leibl 552, 554
 Shmuel from Troichany 335
 Shmuel, tailor from Hrozovo 551
 Shmuelke, rabbi 556
 Shneiderman, Binyomin 566
 Shneur-Zalmen, rabbi 684, 685
 Shokher, Alter 370
 Sholom-Aleichem 60, 217, 290, 316, 343, 425, 426, 448-450, 644, 799
 Shomer (Nohem-Meer Shai-kewitz) 424
 Shor, Basia 182
 Shor, teacher 399
 Shperling Feigl, aka Feigl the pastry-cook 303
 Shperling, Ezra 718
 Shperling, fireman in Slutsk 280
 Shperling, Yudl 303
 Shpilkin, Avrom-Yitzchok 7, 13, 190, 286, 287, 371, 405, 406, 409
 Shpilkin, Ben-Zion 187, 188, 287, 303, 555
 Shpilkin, Sholom 177, 190, 197, 220, 749
 Shpilkin-Biler, Nechama 399, 749
 Shragewitz Moishe-Yehoshua, rabbi 572
 Shragewitz, Mordechai-Yehuda ha-levi 572
 Shulker, Shmuel 371
 Shusterman, Henia 639
 Shuvalov Avremele, rabbi 474
 Shvabakher Shimen-Aryeh, rabbi 525
 Shvayakov, Ustin 640
 Shverin, Lea 639
 Shverin, Shimke 639
 Shvertsinovsky, Hirshl 708
 Schwartz Yekusiel, Dr. 69
 Schwartz, Yehoshua-Yossef 790
 Schwartz, Moritz 448
 Schwartzburd, Feitl 552
 Siegel, Rochl 766
 Sigismund, king 37
 Simha-Bunim, rabbi 92
 Simhon (Simhowitz), Yakov-Naftoli 8, 14, 180, 276, 431, 433-436
 Simhowitz Tzvi, rabbi 49
 Simhowitz, Kopl 641
 Simhowitz, Roza 8, 14, 436
 Simhowitz, Shahneh 433
 Simhowitz, Shmuel 49, 80, 113, 131, 351, 433, 436, 539
 Simhowitz, teacher in Starye Dorohi 644
 Sinaisky, medical doctor in Slutsk 282
 Sinegubko, Berl 321

- Singalovsky, Arn (Aharon)
166, 168, 182, 343, 344,
405
- Sinitsky, Haim 201
- Sirafinowitz, Jan 43
- Sirkin, Shahneh 433
- Sirkin, Yoel 538
- Sirota, Gershon 279
- Skakalsky Shimen-Tzvi,
rabbi 552, 553
- Skakalsky, Yehuda 198–
200, 203, 209
- Skubitz, Avrom 544
- Slepian, medical doctor in
Nesvich 573
- Slivkin Yitzchok-Zelik, rabbi
591
- Slobodsky, family of renters
in Slutsk 270, 271
- Slutsker Yakov-Dovid, rabbi
310, 314
- Small Yitzhok ha-levi, rabbi
628
- Smelkinson, Arn 771, 772
- Smelkinson, Binyomin 772
- Smidowitz, Piotr 218, 221
- Smolenskin, Peretz 346,
422–425, 550
- Sofer, Haim-Leib 554
- Sokalitsky, Yitzhok 380
- Solomiak, owner of a sweet-
shop in Slutsk 302,
347, 371, 399
- Soloveichik Haim, rabbi
95, 146, 236
- Soloveichik Yitzchok-Zeev,
rabbi 93, 106
- Soloveichik Yossef-Dov
(grandson of Yoshe-Ber),
rabbi 779
- Soloveichik Yossef-Dov
(Yoshe-Ber), rabbi 93,
94, 106–114, 130, 137,
178, 220, 236, 241, 243,
247, 248, 275, 361, 362,
523, 535, 539, 629, 779
- Soloveichik Moishe, rabbi
93
- Soloveichik, Meer 310
- Soloveichik-Kohen, Hana
177
- Solovyov, clerk in Slutsk
320, 321
- Sora-Reizl, market woman
in Slutsk 393
- Sosin, guerilla warrior 702
- Spektor Yitzchok-Elchonon,
rabbi 107, 137, 138,
148, 153, 154, 239, 432,
539, 624, 756
- Spiridonov, medical doctor
in Luban 595
- Stambulchik, Fania 177
- Stanislavikha, resident of
Slutsk 271
- Starobinsky, Mordche 639
- Starosta Elie, rabbi 572
- Steinberg, Dr. 79
- Sterlitz Shimen, rabbi 590
- Stricker, sheriff in Slutsk
281
- Strugach, Moishe 7, 13,
293
- Svirnovsky, Yisroel-Arn 230
- Svzicher, Shloime 365,
366
- Symvol, Shloime 57, 722
- Symvol, Yehudith 7, 13,
391
- Symvol, Yossef 722, 723
- Tambak, Nota 294
- Tanchum from Krakow,
rabbi 89
- Telushkin, Nisn 243
- Telzer, Leizerka 311
- Temchin, Leyvi 746
- Temkin, Basia 797
- Temkin, Shmuel 797, 798
- Temkin, Morduch 797
- Teomim Yitzchok-Meer,
rabbi 91
- Teomim Yona, rabbi 43
- Teomim-Frenkel Yona,
rabbi 91
- Terushkin, Zusman 630
- Tessler Arthur, Dr. 775
- Tirushkin, Refoel 335
- Toker, Feigl 286
- Toker, Shmuel 749, 751,
752
- Toker, Meret 751
- Toles-Kulakovsky, Fruma
573
- Tomashov Moishe-
Binyomin, rabbi 6, 12,
96, 143, 237–243, 753
- Tomashov Shmuel, rabbi
669
- Tomashov Yitzchok, rabbi
668
- Tomashov, Alexander-
Yehoshua 237
- Tomashov, Sender 665
- Tomashov, typographer in
Slutsk 283, 289, 310
- Tomashov, Velvl 666
- Travin, Sam 747
- Travin, Tzvi-Hirsh-Dovid
72
- Trichaner, Yoshe 228, 374,
775
- Trushkin, Heshl 599
- Tsirin Moishe-Arn, rabbi
630, 637
- Tsirin, Haim 633
- Tsirin, Tzvi-Hirsh 178,
630, 631, 634
- Tsirin-Tehilim, Hinda 630
- Tsirkel, Zionist from Slutsk
172
- Tsuker, Sora 760
- Tsurkoff, Max 292, 745,
746
- Tsyganov, guerilla warrior
577
- Tulman, Moishe 6, 12,
166, 221, 222
- Tumanik, Isaac 673, 674
- Turberg, son-in-law of
magid Maslyansky 62
- Turov, philanthropist from
the vicinity of Slutsk
312
- Tychina, Raisa 696–697
- Tzvi-Hirsh, clerk from
Slutsk 42
- Tzvik Ben-Zion, rabbi 546,
663
- Uri-Nosn-Note, Torah
scholar in Slutsk
679–681
- Usyshkin, Menachem 733
- Uzder, Leiba 279
- Vannovsky, teacher at the
Slutsk gymnasium 232
- Vasserbin, Lipa 641
- Vassil, shabbes-goy in
Slutsk 271
- Vassilewitz Feodosy, archi-
mandrite 39, 40

- Vecherebin Haim, rabbi 630, 631
- Vecherebin Yitzchok-Noeh, rabbi 625
- Velvl, rabbi, aka Magid of Wilna 107
- Velvl, shammes in Vyzna 561
- Vendrov (Vendrovsky), Zalmen 8, 9, 14, 15, 221, 445-447, 499
- Vendrov, Shmuel 9, 15, 535, 556
- Viner, guerilla warrior 655
- Vinograd, Aryeh 197
- Vitkin, businessman in Slutsk 285, 301, 317
- Volobker Yakov-Meer, rabbi 234
- Volozhiner Haim, rabbi 97, 99, 102, 178, 234, 247, 653
- Volozhiner Yitzchok, rabbi 102
- Vorobiover Hirshl, aka Tzvi Viner 549, 664
- Voronovsky Nikolai, general 80
- Voskoboinik, Avrom 716, 717
- Voskoboinik, Ida 716
- Voskoboinik, Yitzchok 716
- Voskoboinik-Rabinowitz, Naama 599
- Vygodsky (Rivkis), Avrom 552
- Vygodsky, clan of Slutsk Jews 271, 272, 300
- Vygodsky, Klara 271
- Vyssoker, Haim 178
- Wachstein, Dov-Ber 128
- Wahl Shaul, rabbi 234
- Walenrod, Ruven 8, 9, 14, 15, 274, 452, 496, 558, 562
- Waxman Meer, Prof. 6, 8, 10, 12, 14, 16, 166, 173, 177, 229, 343, 404, 435, 436, 448, 563, 778, 783
- Waxman Nisn, rabbi 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 20, 114, 146, 233, 345, 533, 535, 536, 538, 617, 634, 676, 687, 706, 787
- Weinberg, guerilla warrior 695
- Weiner Moishe-Meishl, rabbi 558
- Weiner, Meer 655, 702, 703
- Weinshenker Motl, rabbi 360
- Weinstein, Noeh 566
- Weisbram, coowner of a sawmill in Starye Dorohi 640-642
- Weizman, Ezer 614
- Weizman, Haim 614
- Wilenchuk, Michl 374
- Wilensky, Hasha-Reizl 286, 376
- Wilensky, Leizer 286, 376
- Wilensky, Riva 286, 287
- Wilovsky Dovid Yaakov (Ridbaz), rabbi 5, 11, 55, 95, 96, 126-130, 137, 244, 247-249, 274, 275, 369, 370, 477, 542, 586, 626, 628, 759, 780, 781
- Wittgenstein, prince 35, 81, 507, 558, 577, 657
- Wolf Yitzchok-Binyomin, rabbi 234, 235
- Wolfson Binyomin, rabbi 72, 73, 327, 333, 587, 588
- Wolfson, B. 7, 13, 73, 325
- Wolfson, Yehiel-Michl 362
- Yabrov, fireman in Slutsk 280
- Yabrov, Haim 78
- Yabrov, hotelier in Slutsk 307
- Yabrov, Noeh 286
- Yabrov, printing house owner from Slutsk 310, 503
- Yabrov, woodworker in Slutsk 286
- Yakov, son of rabbi Uri-Feivish from Tomashov, rabbi 233
- Yakov-Elia, rabbi 6, 144
- Yakov-Leizer, shochet from Pohost 649
- Yakov-Zusman, rabbi 133
- Yakubowitz, Ilusha 497
- Yankel, postmaster in Kopyl 618
- Yankelewitz, Yakov 178
- Yankl from Starobin, grandson of Dovid 707
- Yankl ha-cohen, gardener in Slutsk 273
- Yankl the blindman from Luban 713
- Yapin Yisroel-Shaul, rabbi 627
- Yarkho, Moishe 7, 13, 409
- Yarkon (Greenfeld), Eliyohu 8, 14, 230, 259, 260, 411, 412
- Yedidya, teacher from Luban 578, 604, 605
- Yehoshua ben Hananya, rabbi 768
- Yehoshua from Kuzmichy, killed with his son in 1921 335
- Yehoshua, bundist from Timkovichy 575
- Yehuda-Yudl from Kovel, rabbi 91
- Yelin, David 264, 443
- Yelin, Ida 575
- Yelin, Sora 575
- Yelin, teacher in Slutsk 166, 173, 267
- Yelin, Wolf 573
- Yelin, Moishe 575
- Yidaber (Shusterman), Moishe 286, 310, 675
- Yidl, honorable Jew from Kopyl 137
- Yimerman Nehemia, rabbi 367, 368, 448, 490-493
- Yimerman, Noeh 715
- Yimerman, Tema 715
- Yimerman, Mesl 286
- Yisraeli Yitzchak, rabbi 134
- Yisroel ben Yehuda-Leib, magid, aka rabbi Yisroel from Slutsk 683, 684
- Yisroel from Shklov, rabbi 127
- Yisroel, shopkeeper in Horki 666
- Yisroel, son of rabbi Haim from Romanovo 48
- Yisroel, son of rabbi Yossef from Slutsk 48
- Yitshe the healer from Luban 595

- Yitshe, tailor from Horki 667
- Yitshe-Leib from Kosharka 666
- Yitshes, Dovid 600
- Yitsik the Hossid from Slutsk 354
- Yitskes, Haim 307
- Yitskowitz, Ruhama 371
- Yitskowitz, Shmuel 41, 682, 683
- Yitskowitz, Yossef-Gdalya 682
- Yitzchok from Volozhin, rabbi 100, 102
- Yitzchok-Isaac from Slutsk, son of Avigdor 42, 309, 597
- Yitzchok-Yakov, son of Peissakh 69
- Yitzchok-Yehiel, rabbi 654
- Yitzchok-Meer, son of Yona 42
- Yohanan ben Zakkai, rabbi 768
- Yoshe dubbed Gaon, tailor 298, 523
- Yosils, Elie 568, 569, 571
- Yosl, aka Porush, rabbi 448
- Yossef-Eliyohu, resident of Kopyl 81
- Yossef-Yudl, melamed from Timkovichy 575
- Yossef-Zundl, rabbi 115
- Yossele from Slonim, rabbi 57
- Yossele, son of rabbi Menachem-Mendl from Hlusk, rabbi 92, 547
- Yuchnin, photographer from Slutsk 309, 617
- Yudelewitz Avrom, rabbi 367, 653
- Yudelewitz, D. 442
- Yudl-zaidener (Aizenshtot), intercessor in Slutsk 273
- Yushkewitz, Semyon 611
- Yuzdan (Jaffe), Miriam 775
- Yuzdan Dovid, aka Dodia Sanies 20, 28, 770, 775, 776, 790
- Yuzdan Nesanel-Tzvi, aka Sania Dodies 775
- Yuzdan, Dvoira-Basha 775
- Zak, Simha 52
- Zaks, Shneur 105
- Zaks, M. 105
- Zalkind (Shneur Zalmen) 347, 449
- Zalmen, yeshiva student in Starobin 634
- Zaluskin, librarian in Slutsk 283
- Zapolsky, Lipa 773
- Zaturenski, Avremele 287
- Zavls, Reizele 560
- Zdravitsky, police officer 81
- Zdroewsky, police officer in Kopyl 515-517
- Zecharya, tradesman in Slutsk 740
- Zeev-Wolf from Wilna, rabbi 624
- Zeides Haim, rabbi 8-10, 14-16, 367, 426, 427, 523, 659, 669, 673, 754
- Zeitlin, Yehoshua 78, 82, 134
- Zekl from Worms, rabbi 90
- Zeldes Haim, rabbi 92
- Zeldes, Eliezer 734
- Zeldes, Feivl 716
- Zeldes, Haya 716
- Zeldes, Nosn 716
- Zeldowitz B., businessman from Minsk 66
- Zeldowitz, Leizer 663
- Zelik, combmaker from Slutsk 303, 426, 427
- Zelik, son of rabbi Lipman 47
- Zelik, son of rabbi Yossef Peimer 101
- Zelikovsky, Zelik 575
- Zeltser Yehuda-Leib, rabbi 135
- Zemach from Novye Zhagory, rabbi 105
- Zerach, feldsher from Starobin 634
- Zevin Shloime-Yossef, rabbi 240, 243
- Zhabotinsky, Zeev (Vladimir) 175, 207, 209
- Zheligovsky, general 322
- Zhitkovicher, Shaya 293
- Zhuravitsky, Godl 702
- Zilberman, Mordche-Meer 57, 663
- Zimering (sisters), actresses 290
- Zimering, Sonia 371
- Zimmerman Avrom-Yitzchok ha-levi, rabbi 146, 237
- Zimmerman Shmuel, rabbi 547
- Zinger, Avrom-Yakov 8, 14, 454
- Ziskind, rabbi 509, 519, 520
- Zitin, Zalmen 228, 305
- Zunin, external student in Slutsk 317
- Zuta Eli, rabbi 6, 12, 134

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЦК – ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ

Памятная книга Слуцка и его окрестностей

Издатель: Комитет по подготовке памятной книги (Нью-Йорк – Тель-Авив)

Редакторы: Нохем Хинич, Шимшон Нахмани

Члены редколлегии: Цви Га-Гивати (Хазанович), р. Нисн Ваксман, Цви Асаф

Перевод с иврита и английского: Евгений Левин

Перевод с идиша: Вольф Рубинчик

КНИГА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Научные редакторы: Зеэв Вагнер, Анатолий Кержнер

Литературный редактор: Барух Авни (Камянов)

Не для продажи

**Издание частных книжных проектов
с «Первой Образцовой типографией»**

www.primepublish.ru

order@primepublish.ru

Тел.: +7 (495) 641-51-70, доб. 162

115054, Москва, ул. Валовая, д. 28

Отпечатано

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

Подписано в печать 20.04.2022. Заказ №

Формат 60×90/8. Печать цифровая

Усл. печ. л. 110,5. Тираж 50

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1